ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV·ANG· SIGILLVM
VE RI TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ LXXI. — ТОМЪ CDXII. — 1/14 МАРТА 1906.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ТРИДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ ТОМЪ

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: Васильевскій Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1906

3519

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 3.
МАРТЪ, 1906.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 3-я. — МАРТЪ, 1906.

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1906-го года.
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

ВЕШНІЙ ПОТОКЪ

РОМАНЪ.

XVIII *).

Въ послѣднее время въ петербургскихъ салонахъ стали много говорить, и разговоры совершенно измѣнили свой прежній характеръ.

Уже меньше говорили о театрахъ и свѣтскихъ балахъ, о назначеніяхъ и перемѣщеніяхъ, о сплетняхъ, ходящихъ по Петербургу, а больше—о дѣлахъ общественныхъ.

Уже начали развязываться языки и мысли. Но и то и другое было еще до очевидности неорганизовано, робко, шаталось, щурилось и хваталось за попадавшіяся на пути подпорки, какъ долго томимый въ комнатѣ безъ воздуха и свѣта больной, внезапно выпущенный на весенній воздухъ. И потому всѣ эти разговоры и мысли носили странный характеръ. Хотѣлось говорить и по старой привычкѣ думалось: „не стоитъ“. Хотѣлось высказать яркую мысль, и тотчасъ задержка: какъ бы не показаться смѣшнымъ, когда узда на слово и мысль вновь будетъ наложена.

До очевидности, общество, которому было объявлено о довѣріи правительства, не вѣрило этому правительству. Старая ...да этихъ двухъ группъ была еще крѣпка. И общество, и ...ительство воспитывались изъ поколѣнія въ поколѣніе во ...номъ недовѣріи, насмѣшкахъ, сыскахъ, подсиживаніяхъ.

... оттого шелъ сумбуръ. Онъ отражался и въ рѣчахъ „салона“.

---

*) См. выше: февраль, стр. 560.

— То, чтò происходитъ теперь,—сказалъ молодой человѣкъ, обращаясь къ Кардановой,—меня не изумляетъ, а возмущаетъ.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Во всѣхъ.

— Поясните вашу мысль.

— Извольте. По моему, всѣ эти свободолюбивые разговоры—бредни. Нужно вернуться къ старому. Я за старый порядокъ, а не за эти поэтическія весеннія грезы. Нашъ народъ, о которомъ, кстати сказать, сегодня за все это время никто у насъ въ салонѣ не сказалъ ни одного слова, ни добраго, ни злого, до того игнорируютъ у насъ эту quantité négligeable,—усмѣхнулся онъ,—рѣшительно не нуждается въ какихъ-то реформахъ.

Вешняковъ услыхалъ эти слова и всплеснулъ руками.

— Ни въ какихъ,—твердо повторилъ молодой человѣкъ.—Онъ вѣритъ въ прежній правопорядокъ. Ему нужна земля, вѣра въ царя и въ православіе. Больше ему ничего не нужно. Я вѣдь тоже когда-то былъ краснымъ на студенческой скамейкѣ, но теперь...

— Когда сдѣлался чиновникомъ министерства,—продолжалъ за него Калитинъ, нагнувшись къ Вешнякову,—сдѣлался ренегатомъ.

— Чтò вы сказали? — вдругъ покраснѣвъ, спросилъ его молодой человѣкъ.

— Ничего, это такъ, а parte.

— Впрочемъ, мнѣ все равно, чтò бы вы ни сказали, Калитинъ. Я твердо всюду и вездѣ высказываю свои впечатлѣнія и мнѣнія. Намъ не нужны реформы, нашъ народъ къ нимъ неподготовленъ.

— Это вѣдь говорили и при освобожденіи, — вставилъ Калитинъ. Онъ неподготовленъ, это вѣрно. Но вѣдь и тогда онъ былъ неподготовленъ къ свободѣ. А какъ его подготовить при этомъ режимѣ? Если сознательно устранить отъ него просвѣщеніе и спаивать водкой, хотя бы и казенной, если его держать во тьмѣ церковнаго православія, то онъ будетъ во вѣки вѣковъ неподготовленъ! А при этомъ режимѣ будетъ всегда такъ. Слѣдовательно, надо рѣшиться на поколебаніе самого режима. Иначе это будетъ cercle vicieux.

Небрежно выслушавъ его, оппонентъ продолжалъ, не обративъ вниманія на его слова:

— А общество? Вотъ наша интеллигенція, — обвелъ онъ глазами комнату съ присутствующими. — Вотъ наше будущее представительное собраніе.—Онъ фыркнулъ.—Всѣ говорятъ не

по существу, а „по поводу". Никто говорить не умѣетъ. Сколько человѣкъ—столько мнѣній. И никого не убѣдить, потому что никто не уважаетъ другъ друга, всякій считаетъ себя умнѣе другого, и никто не умѣетъ спорить. Извѣстно: споръ русскій—безсмысленный и безтолковый, или что-то въ этомъ родѣ. Отчего *это* происходитъ?

— Да все отъ того же, г. Боль,—отвѣтилъ Калитинъ.—Если вамъ съ дѣтства зажимаютъ ротъ, то какъ вы научитесь говорить? Если вамъ съ дѣтства, при малѣйшей вашей попыткѣ выразить самостоятельную мысль, кричатъ: „молчи! слушай, что̀ говорятъ старшіе!"—то какъ вы научитесь спорить?

— По моему,—вступилъ въ разговоръ Кучиновъ,—вы говорите вовсе не о томъ. Я, какъ и Боль, противъ всякихъ реформъ. Но расхожусь съ нимъ въ смыслѣ объясненія причинъ такого отрицанія. По моему, важнѣе всего—не крупныя реформы, а малыя дѣла. Изъ чего состоитъ океанъ?—Изъ капель воды. Если бы не было капли—не было бы океана. Вѣрно? По моему, капля важнѣе океана, какъ копѣйка важнѣе рубля, ибо изъ нея составляются милліоны. Вотъ какъ по моему. Дѣлайте каждый малыя *дѣла*. Изъ этого выйдетъ само собой огромное дѣло. Но огромное дѣло, по моему, не сдѣлать вдругъ, и сразу, и самостоятельно, да это и ненужно. Нужны малыя дѣла. Вы меня понимаете? Это не „толстовство", которое предлагаетъ личное самоусовершенствованіе. Это недурно и не лишнее, но суть не въ этомъ. Я говорю не о духовномъ самоусовершенствованіи, я говорю о малыхъ *дѣлахъ*. Изъ двухъ маленькихъ дѣлъ сложится третье маленькое дѣло, но уже побольше. А изъ трехъ побольше—одно крупное. Человѣку свойственны, по моему, малыя дѣла. Мы не титаны. Вы меня понимаете?

Но его никто не понималъ.

Онъ говорилъ скучно, вяло, путаннымъ языкомъ, и всѣмъ сдѣлалось скучно.

Зеленая скука точно вползла въ комнату, когда Кучиновъ начиналъ говорить о своихъ излюбленныхъ „малыхъ дѣлахъ" и своихъ мѣщанскихъ узенькихъ идеалахъ.

Онъ всегда говорилъ въ концѣ, когда утомленное сознаніе слушателей обезпечивало ему иллюзію вниманія. Онъ довольствовался этимъ молчаливымъ и скучающимъ слушаньемъ и тянулъ свою нудную рѣчь, наслаждаясь ею.

Но удивительно, что когда онъ начиналъ говорить, то, нѣсколько мгновеній спустя, начинался разъѣздъ.

И теперь гости вставали и уходили, прощаясь съ Кардановой.

Одинъ за однимъ уходили они, и залъ пустѣлъ.

Анна давно уже куда-то исчезла съ Лубянскимъ. Скоро въ гостиной остались только Ольга съ Забѣлинымъ, все еще сидѣвшіе за трельяжемъ. Провожая гостей, Карданова нѣсколько разъ съ тревогой и недоумѣніемъ взглянула въ ихъ сторону, но они не замѣчали или не хотѣли замѣчать ея взглядовъ.

Политическіе разговоры въ этомъ салонѣ совершенно ихъ не интересовали.

Они сидѣли какъ будто связанные тайной, имъ одной извѣстной, имъ одной милой. Лица ихъ были блѣдны и серьезны, голоса взволнованы, глаза горѣли.

Карданова, расточая банальныя фразы уѣзжавшимъ, подумала:

„Очевидно, у Ольги и Забѣлина романъ въ разгарѣ... въ томъ періодѣ, когда нельзя уже дуть на пламя, потому что его больше не потушить: оно только разгорится въ пожаръ. Но что̀ же дѣлать?! Вѣдь это ужасно! И какъ это я не усмотрѣла?"—Въ слѣдующій разъ?—отвѣчая на обращенный къ ней вопросъ, сказала она.—Конечно, конечно. А вы, тетя...—она называла такъ Таису Александровну,—вы пріѣдете обѣдать?

— Не знаю. У меня дѣла. Да мнѣ и пора домой, въ деревню. Не такое, милая, время, чтобы у васъ здѣсь по салонамъ околачиваться.

— Но вы заѣдете проститься?

— И того, милая, не знаю.

„Надо бы поговорить съ Ольгой. Или дѣлать видъ, что ничего не замѣчаю? — раздумывала Карданова. — Или сказать? Вѣдь это ужасъ, ужасъ".

Но она такъ и не пришла ни къ какому опредѣленному рѣшенію, а вдругъ вспомнила объ Аннѣ.

„А эта что̀? Куда она исчезла со своимъ Лубянскимъ? Не знаю, что̀ и дѣлать съ своими дѣвчонками! Ахъ, если бы былъ живъ Петръ Александровичъ! Онъ бы научилъ..."

Ея глаза затуманились слезами.

— Условимся! — вдругъ раздался голосъ Лубянскаго. — Это аксіома: ежели я въ васъ влюбленъ... замѣтьте: „влюбленъ", а не люблю, то, слѣдовательно, имѣю право говорить такъ, какъ говорю, независимо отъ того, какія вы чувства питаете ко мнѣ.

— Никакихъ.

— Вздоръ-съ, молодой человѣкъ, какъ выражаются у насъ въ институтѣ. Никакихъ чувствъ можно не питать къ катушкѣ, а я—человѣкъ-съ. Но и это все равно. Я питаю, я и говорю.

— Это нужно еще доказать.

— Что именно?

— Да вотъ что: если вы что-то питаете, то имѣете право... и такъ далѣе...

— Это—аксіома; она не требуетъ доказательствъ по своей очевидности.

— Это теорема.

— Плохой вы математикъ, молодой человѣкъ...

Лицо Лубянскаго было красно.

Анна уводила его въ столовую и поила мадерой, въ которую онъ былъ тоже влюбленъ, можетъ быть даже больше, чѣмъ въ Анну.

Въ передней появились Ольга и Забѣлинъ.

Забѣлинъ, вытянувъ руку, незамѣтно ловилъ руку Ольги и, поймавъ, крѣпко сжалъ ее.

— Гдѣ же завтра?—спросилъ онъ шопотомъ.

— Нигдѣ. Невозможно,—быстро отвѣтила она.

— Умоляю!—стономъ вырвалось у него.

Она взглянула на него, и радостный, счастливый огонекъ зажегся въ ея взорѣ.

Поколебавшись съ минутку, она вдругъ рѣшительно прошептала:

— Завтра—нѣтъ. Будемъ обѣдать у Контана во вторникъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ, но еще больнѣе сжалъ ея руку и благодарнымъ, счастливымъ, блуждающимъ взоромъ посмотрѣлъ на нее.

XIX.

Была отвратительная погода: шелъ мокрый, крупный снѣгъ, падая на грязныя улицы съ грязнаго неба.

Желтый туманъ, густой пеленой облегавшій городъ, расходился и, вмѣсто него, надъ улицами разстилался теперь сѣрый пологъ непроницаемаго, безнадежнаго въ своей унылости неба.

Намокшія улицы, и дома, и прохожіе имѣли жалкій, унылый видъ. Тускло, мрачнымъ опаловымъ пламенемъ горѣли фонари—печальные огни жизни среди этого мертваго загадочнаго города! Загадочный городъ! Городъ на болотѣ, столица обширной имперіи, какой-то незавершившійся въ своемъ образованіи міръ, населенный загадочными людьми, наполняющими театры и рестораны, швыряющими подъ звуки веселой музыки золотомъ въ то время, когда родина переживаетъ грозную войну и тяжелый внутренній кризисъ.

А здѣсь, въ уютномъ залѣ ресторана, горитъ электричество, среди цвѣтовъ льется золотымъ ручьемъ шампанское, льются страстными волнами звуки мелодіи, мѣшаясь съ рѣчами мужчинъ, говорящихъ комплименты разряженнымъ дамамъ.

— Близкое паденіе Портъ-Артура! — выкрикиваютъ мальчишки на троттуарахъ.—Послѣдніе дни Портъ-Артура!.. Телеграммы!

Но публика, расходясь изъ конторъ и департаментовъ, спѣшитъ по домамъ.

Сколько разъ уже выкрикивается этотъ заголовокъ! Сколько разъ предсказано было паденіе этой твердыни!

Никто не хотѣлъ вѣрить ему, потому что Портъ-Артуръ, все это печальное время, былъ единственной свѣтлой грезой этого грознаго, тяжелаго сна.

Но теперь получились телеграммы объ очевидно послѣднихъ дняхъ крѣпости. „Люди стали тѣнями". Портъ-Артуръ палъ. Палъ послѣ славной, геройски-эпической защиты, палъ, какъ подкошенный злой рукой Рока великанъ, какъ все падаетъ теперь въ многострадальной Россіи, какъ упалъ осужденный режимъ, какъ упали символы, еще недавно казавшіеся священными, какъ упалъ престижъ государства, какъ упали развѣнчанныя имена, недавно еще столь громкія. Рука суровой Немезиды опустилась на Россію.

Въ этотъ вечеръ Забѣлинъ подъѣзжалъ въ каретѣ къ Контану, вмѣстѣ съ Ольгой.

Это уже не въ первый разъ.

Любовь ихъ зашла далеко въ смыслѣ чувства, а въ смыслѣ практическаго осуществленія его—все еще топталась на мѣстѣ.

Въ послѣднее время имъ негдѣ было видѣться. Лица ихъ пріобрѣли особое выраженіе, и на нихъ можно было прочесть всю исторію ихъ любви, больной любви больного вѣка.

И какъ на лицѣ Каина, проклятаго Богомъ, наложившимъ на него печать зла, на ихъ лицахъ лежала эта печать, и имъ стало необходимо скрываться отъ людей.

И они походили на преслѣдуемыхъ охотникомъ страусовъ. Они прятали свои головы въ рестораны, но это не спасало ихъ отъ чужихъ взоровъ.

И всѣ знали ихъ исторію, и всѣ дивились ей.

Имъ самимъ ихъ любовь казалась необычной, невѣроятной, сказочной.

Налетѣла она вихремъ изъ невѣдомой страны, явилась среди мелодіи и цвѣтовъ, и продолжалась среди потоковъ шампанскаго и потѣшныхъ огней театровъ.

Какъ, и гдѣ, и когда она началась—они не знали. Но стали необходимыми другъ другу, какъ воздухъ, и одинъ безъ другого задыхались.

— Кабинетъ! — взволнованнымъ голосомъ сказалъ Забѣлинъ встрѣтившему его въ вестибюлѣ лакею.

Ему самому показался его голосъ страннымъ, неестественнымъ, чужимъ.

— Есть, пожалуйте! — отвѣтилъ спокойно и просто лакей.

И провелъ ихъ въ кабинетъ.

И тотчасъ же, сквозь спущенныя сторы открытаго въ общій залъ окна, донеслись до нихъ рыдающіе звуки аріи умиравшей Травіаты.

Въ этой банальной аріи, къ которой такъ давно и всѣ уже привыкли, имъ показалось столько муки трагически-погибающей грѣшной любви, такъ много печали и страсти, и столько слезъ въ этой замирающей въ предсмертномъ вожделѣніи скрипки, что имъ сдѣлалось сладко и жутко.

Дрожащими руками Забѣлинъ снялъ съ Ольги ея пуховый платокъ, которымъ она закрыла лицо и отъ мокраго снѣга, и отъ любопытныхъ взоровъ. Потомъ снялъ ея пальто, галоши, шляпку.

Она на этотъ разъ была одѣта просто, такъ просто, какъ только умѣютъ одѣваться элегантныя женщины.

Забѣлинъ распорядился относительно обѣда и шампанскаго.

Еще съ утра онъ заказалъ цвѣты, и столъ былъ украшенъ блѣдно-желтыми розами, бѣлыми камеліями и орхидеями.

Пахло цвѣтами, крѣпкими духами Ольги, тонкимъ сигарнымъ дымомъ, доносившимся сюда, сквозь сторы, изъ зала.

Имъ не хотѣлось ѣсть.

Обѣдъ для нихъ — вѣдь это ритуалъ, предлогъ, чтобы гдѣ-нибудь сойтись, не на глазахъ у людей, въ подходящей обстановкѣ. И, конечно, ресторанная обстановка была не очень подходящей для ихъ пряной, красивой любви двухъ эстетовъ, но это было все-таки лучше, чѣмъ сидѣть на вытяжку въ гостиной „салона Рекамье“.

Забѣлинъ хотѣлъ бы сидѣть съ Ольгой подъ кущами лавровъ и кипарисовъ, въ лунную лѣтнюю ночь, на берегу залитаго серебромъ моря, среди сладко благоухающихъ олеандровъ.

Онъ хотѣлъ бы слушать рокотъ моря, пѣніе цикады и мягкій, грудной, милый голосъ Ольги. Онъ хотѣлъ бы любоваться ея тонкимъ, обаятельнымъ профилемъ, ея чудными мечтательными глазами и молодымъ, свѣжимъ ртомъ; ея очаровательной

улыбкой, ея ровными жемчужными зубами, ея тонкой, какъ тростинка, фигурой.

Или сидѣть въ какомъ-нибудь старинномъ павильонѣ стильной постройки, среди вѣковыхъ деревьевъ стараго парка, на берегу поросшаго зеленью пруда.

Онъ даже представлялъ себѣ этотъ павильонъ, весь заросшій плющомъ. Ахъ, плющъ, съ его эмблемой: je meurs où je m'attache! Вѣчно зеленый плющъ, умирающій около того ствола, который онъ цѣпко и любовно обвилъ своими вѣтвями. Вѣрный, преданный до гроба, знающій только одну привязанность, одну любовь въ своей жизни!

И еще представлялся Забѣлину роскошный зимній садъ подъ стекляннымъ куполомъ, сквозь который мечтательно и одиноко блистали бы звѣзды на безмолвномъ небѣ, а внизу, среди темной зелени, бѣлѣли бы розовато-мраморныя статуи миѳологическихъ богинь, античныхъ красавицъ. И онъ смотрѣлъ бы на эти статуи и на нее, и сравнивалъ бы ихъ красоту. И, конечно, живая красота Ольги казалась бы ему тоньше, изящнѣе, деликатнѣе холодной красоты мрамора.

Но нѣтъ ни моря, ни стараго парка, ни зимняго сада. Все это поэзія, которою онъ съ такой любовью и успѣхомъ занимается въ часы досуговъ отъ своихъ обязательныхъ адвокатскихъ обязанностей. Да, все это — поэзія.

„Увы,— подумалъ онъ,— весь трагизмъ человѣческой жизни заключается въ томъ, что существуетъ гдѣ-то Поэзія, что она живетъ около людей, неуловимая какъ мечта, невидимая, какъ Грёза, свѣтлая, радостная и неосязаемая“.

И приходится замѣнять ее ужасными суррогатами. Паркъ— вотъ этими срѣзанными цвѣтами; бесѣдку съ плющомъ—этимъ рестораннымъ кабинетомъ, а лунный свѣтъ — этимъ электричествомъ. И красивая любовь блѣднѣетъ отъ этой замѣны, и красивыя рѣчи теряютъ въ своей красотѣ.

Но что̀ дѣлать! Волшебную сказку своей мечты не водворишь въ ресторанномъ кабинетѣ пасмурнаго унылаго города.

XX.

Они остались вдвоемъ.

Оба взглянули другъ другу въ глаза, безъ улыбки, безъ словъ. Въ этихъ обмѣненныхъ взглядахъ было столько печали, что обоимъ сдѣлалось жутко.

Они заключили другъ друга въ объятія и крѣпко сжали одинъ другого.

Лакей вошелъ и сталъ подавать обѣдъ.

Забѣлинъ нѣсколько дней уже не видѣлъ Ольги. Такъ сложились у нихъ обстоятельства.

Накопившееся въ немъ и въ ней чувство любви властно требовало исхода. И оно разрѣшалось теперь въ ихъ взглядахъ—безотчетно веселыхъ, въ ихъ безмолвныхъ улыбкахъ, въ ихъ рукопожатіяхъ.

Они искали другъ друга глазами, мыслью, всѣмъ существомъ своимъ. Такъ ищутъ, вѣроятно, другъ друга двѣ половины одной раздѣленной души, брошенной въ міръ, по миѳу Платона.

Души ихъ были родственны, несомнѣнно. Оба были красивы, мечтательны, испорчены жизнью.

У обоихъ было болѣзненно развито воображеніе. Что-то нездоровое въ ихъ смутныхъ рѣчахъ, какая-то жажда дерзкаго протеста противъ всего условнаго, общепринятаго, банальнаго. И смѣлость желанія, доведенная до культа.

— Я страдалъ,—заговорилъ Забѣлинъ.—Я страшно страдалъ эти дни, что тебя не видѣлъ.

Голосъ его былъ хриплымъ, взволнованнымъ, скачущимъ. Въ немъ были странныя нотки, то вдругъ поднимавшіяся чуть не до крика, то падавшія до шопота.

— Я не зналъ, что̀ съ тобою. Я, главное, не зналъ, какъ ты ко мнѣ относишься. Можетъ быть, мечта прошла, наступило пробужденіе? Я страдалъ, я страдалъ ужасно, — повторялъ онъ, какъ-будто эти слова доставляли ему несказанное удовольствіе.

— Ты меня любишь?—сказала она, какъ будто отвѣчая на свои мысли, а не на его рѣчи.—Но какъ? Я не признаю банальной любви, эпилогъ которой — обладаніе. Пока идутъ къ этому обладанію, подымаются все выше и выше, и путь усѣянъ цвѣтами и залитъ золотыми лучами. А потомъ нисхожденіе: темно, холодно и вмѣсто цвѣтовъ — терніи.

— Я не знаю, какъ... Но знаю, что когда не вижу тебя—страдаю. Всѣ мысли, всѣ чувства, все существо мое проникнуто одною тобою. Вотъ все, что̀ я знаю. Больше я ничего не знаю и не желаю знать. Видѣть тебя, мою красавицу, слышать твой очаровательный голосъ, дышать съ тобой однимъ воздухомъ... Ты сама мой воздухъ, ты мнѣ необходима, какъ воздухъ. И безъ этого воздуха я задыхаюсь.

Онъ смотрѣлъ на нее горящимъ взоромъ, въ которомъ была

страсть, перемѣшанная съ печалью. Что-то скорбное звучало въ его голосѣ, постоянно прерывавшемся отъ недостатка дыханія.

Иногда, вглядываясь въ нее, онъ вдругъ закрывалъ глаза, какъ бы ослѣпленный яркимъ блескомъ ея красоты.

И она вся сжималась подъ этимъ болѣзненнымъ обожаніемъ, и ей дѣлалось холодно не то отъ страха, не то отъ какого-то новаго чувства, до сихъ поръ ею неизвѣданнаго.

Потомъ ей дѣлалось теплѣе, радостнѣе, и она начинала говорить.

— Нельзя такъ любить... Не нужно, милый. Я не люблю тебя *такъ*...

— А какъ?—съ горькой ноткой въ голосѣ вскрикнулъ онъ.

— Я не знаю. Иначе. Ты не поймешь. Мнѣ не нужно твоего чувства... Ты дѣйствуешь на меня иначе. Вотъ какъ это шампанское. — Она отпила полстакана. — Оно кружитъ голову, пьянитъ. Пока его пьешь, хочется чего-то необыкновеннаго. Потомъ забываешь о немъ до новаго случая, а иногда тянетъ къ нему неудержимо. Но я не могла бы его пить дома, такъ просто. Нужно, чтобы была музыка, свѣтъ, цвѣты, духи и красивыя слова. Нѣтъ, я не знаю, что̀ говорю.—Она провела рукой по своему красивому лбу. — У тебя глаза любовника... и губы, созданныя для поцѣлуевъ. Ты красивъ, ты очень красивъ, Юрій, и имя у тебя красивое.—Она выпила еще шампанскаго. — Это капризъ. Ты—мой капризъ. Я думаю...

— Что̀?—съ тревогой спросилъ онъ.

— Нѣтъ, ничего.

— Что этотъ капризъ пройдетъ? И скоро?

Онъ сжалъ свои пальцы и поблѣднѣлъ.

— Не знаю. Я долго думала, какъ, когда и гдѣ это началось? Я не могла найти начала. А гдѣ нѣтъ начала, тамъ не должно быть и конца. Я не говорю, что это будетъ вѣчно— тогда это было бы пошло и, конечно, некрасиво. А мнѣ дорого все, что̀ красиво.

— Такъ что̀ же ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что конецъ затеряется, какъ и начало. Понимаешь? Такъ вотъ я и не буду знать, когда это кончится; но это кончится, должно кончиться.

Онъ грустно опустилъ голову и сталъ еще блѣднѣе.

Глаза у него приняли измученное, усталое выраженіе, и тогда онъ казался очень ужъ постарѣвшимъ.

— Да, это кончится, я самъ знаю и чувствую это. О, не съ моей стороны!—поспѣшилъ онъ прибавить, замѣтивъ ея уди-

вленный и строгій взоръ. — Это кончится съ войной. Вернется съ войны Леонидъ Егоровичъ и вступитъ „въ свои права".— Онъ произнесъ это жестко.—Я долженъ буду удалиться. Ménage à trois не по мнѣ. Я буду страдать, страдать ужасно, но уйду, Уйду такъ же внезапно изъ твоей жизни, какъ пришелъ въ нее, Ольга. Вѣдь ты не хочешь, не можешь бросить его?

— Не могу. Ты это знаешь. Это убило бы его. Да и многое другое. Родные, положеніе въ обществѣ, младшая сестра и многое, многое другое. И потомъ—онъ герой. Онъ любитъ меня...

Забѣлинъ прервалъ ее, взявъ крѣпко за руку.

— А ты его?—страстнымъ шопотомъ вырвалось у него.

Она отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ, я не люблю его. Я не знаю. Онъ тоже красивъ, онъ моложе тебя, онъ... Но онъ добродѣтеленъ, онъ — герой! Онъ не умѣетъ любить. Въ его любви есть что-то домашнее, буржуазное, элементъ постоянства, вѣчности, добродѣтели. Я не люблю ни крупныхъ, ни мелкихъ героевъ.

— Добродѣтель красива въ обстановкѣ пустыни, римскаго цирка, геройскаго подвига... а не въ обыденной жизни.

— Именно,—согласилась она.—А такъ, въ нашихъ каменныхъ домахъ, въ нашемъ хмуромъ городѣ безъ зелени, подвига и цвѣтовъ, въ нашихъ хмурыхъ квартирахъ, она — невыносимо-мѣщанская. Въ тебѣ есть что-то порочное. Въ порокѣ всегда есть дерзость, смѣлость, порывъ. А всякій порывъ—красивъ.

— Ты права, Ольга. Дерзко то, что̀ мы дѣлаемъ. Дерзко и порочно. Я думалъ объ этомъ. И остатки совѣсти мучатъ меня иногда.

Она внимательно посмотрѣла на него, и въ глазахъ ея появилось чуть презрительное выраженіе.

— То-есть?—протянула она.

— Я хочу сказать: я — другъ Леонида, его единственный другъ. Уѣзжая, онъ поручилъ мнѣ заботиться о тебѣ. Онъ испытываетъ тамъ на войнѣ всевозможныя лишенія, ужасныя лишенія: иногда голодъ, холодъ, всякій ужасъ. А мы...— Забѣлинъ сдѣлалъ жестъ рукою — а мы пьемъ шампанское, ѣдимъ устрицы. Онъ лишенъ твоего общества, всѣ его думы около тебя, онъ страдаетъ въ разлукѣ съ тобою. А мы... а мы наслаждаемся. Вдали отъ насъ идетъ кровавый бой не на жизнь, а на смерть съ страшнымъ врагомъ. Внутри, около насъ, закипаетъ буря, общество волнуется, всѣ мелкіе интересы отошли на задній планъ. А мы укрылись въ этотъ цвѣточный оазисъ,— онъ выхватилъ изъ вазы вѣтку желтой хризантемы и размахи-

валъ ею въ тактъ своимъ словамъ. — Мы опьянены этими звуками вальса, этимъ виномъ, нашей любовью. И весь пьяный, съ помутившимися мыслями и чувствами, я краду у Леонида то, что̀, можетъ быть, ему дороже жизни.

— Постой, постой,—начала она, но онъ продолжалъ:

— Дай договорить. Я говорю объ этомъ въ первый и, конечно, въ послѣдній разъ. Дай договорить. Ну, такъ вотъ, это подло. Съ какой хочешь точки зрѣнія — подло. И я подлецъ. Сознательный подлецъ — и мнѣ нѣтъ оправданія. Но изъ этого ты видишь, какъ велика моя любовь. Я принесъ тебѣ въ даръ, я сложилъ у твоихъ ногъ самое дорогое, что̀ есть у каждаго мужчины—чувство чести...

— Еще не поздно,— съ насмѣшкой сказала она.

— Поздно! — хриплымъ голосомъ крикнулъ Забѣлинъ и отшвырнулъ отъ себя кризантему. Потомъ залпомъ выпилъ стаканъ шампанскаго.— Поздно! По крайней мѣрѣ, у меня нѣтъ больше силъ, нѣтъ воли, чтобы вернуться. Я взошелъ слишкомъ высоко по ступенямъ, какъ ты говоришь. Я боюсь оглянуться назадъ, чтобы не упасть въ пропасть небытія.

— Но если такъ...

— Еще два слова. Недавно со мной говорилъ въ вашей гостиной отецъ Виѳанскій. Онъ вѣдь не изъ тѣхъ, которые чуждаются вопросовъ жизни. Онъ говорилъ о Мамаевѣ и Стаховской. Онъ упрекалъ Мамаева. Какъ можно заниматься любовью въ такое время? Мамаевъ — человѣкъ серьезный, по его мнѣнію. А онъ поглощенъ своимъ романомъ. Батюшка говорилъ, что любовные романы теперь ему кажутся чрезвычайно мелкими. Что фонъ, на которомъ они происходятъ, слишкомъ грандіозенъ и грозенъ, и что любовныя исторіи на этомъ фонѣ ему кажутся пошлыми. Люди могли бы отложить всѣ эти личныя чувства. Даже романъ Ромео и Джульетты ему показался бы блѣднымъ и мелкимъ, если бы происходилъ у насъ, въ наше время.

Она нерѣшительнымъ движеніемъ передернула плечами.

— Я возражалъ ему. Я сказалъ, что война — явленіе временное. Что переустройство общественнаго строя—явленіе временное. Что любовь — явленіе вѣчное. А то, что̀ вѣчно — не можетъ быть пошло и мелко, какъ бы пошло и мелко оно ни казалось въ своихъ проявленіяхъ. Въ любви есть элементы вѣчности. И во время страшныхъ дней Террора, когда головы валились, какъ колосья отъ косы, когда не было увѣренности въ завтрашнемъ днѣ и сегодняшнемъ часѣ, и тогда въ Парижѣ любили, и тогда занимались романами. Для чего я это говорю?—

Онъ потеръ себѣ лобъ.—Я не знаю. Да, вотъ! Моя любовь мнѣ кажется огромной. И фонъ событій ничуть не умаляетъ ее. Наконецъ, человѣкъ не властенъ вѣчно горѣть гражданскими чувствами. И чувства сердца властно владѣютъ имъ. Но чѣмъ огромнѣе мнѣ кажется моя любовь, тѣмъ огромнѣе мое преступленіе. И что я подлецъ, крадущій счастье другого, лишеннаго активной возможности защищать его, это я теперь знаю. Я подлецъ, я подлецъ, — повторялъ онъ, и снова эти слова точно доставляли ему наслажденіе.

XXI.

Онъ опустилъ голову на руки, и сухія, безслезныя рыданія потрясли его. Онъ былъ жалокъ.

Оркестръ игралъ „Золотой вальсъ" изъ „Лебединаго озера". Цвѣты подъ электричествомъ благоухали. Ольга — прекрасная, изящная и порочная отъ любви и шампанскаго — смотрѣла на него, не зная, на что рѣшиться: на презрѣніе или состраданіе.

И вдругъ ей сдѣлалось его жаль.

Она нѣжно взяла его за руку.

— Юрій,—проговорила она своимъ чуднымъ голосомъ, въ которомъ слышались глубокія металлическія нотки. — Юрій! Ты сталъ поздно думать объ этомъ. Поздно для тебя: душа твоя уже отравлена любовью или страстью—это все равно. Но не поздно еще для меня. Я могу прекратить этотъ романъ такъ же легко, какъ начала его.

— О, ты меня не любишь! — вскрикнулъ онъ, отнявъ отъ лица руки.

— Нѣтъ, не люблю,—спокойно проговорила она.—Развѣ я тебѣ не сказала этого съ самаго начала? Нѣтъ, нѣтъ, я не люблю тебя, то-есть, не люблю такъ, какъ ты любишь. Но развѣ я не могу тебѣ дать счастье, какъ мы его понимаемъ? Ты недоволенъ? Ты чувствуешь себя несчастнымъ?—Она не дала ему времени отвѣтить.—Скажи, чтобы подали ликеры.

Весь взволнованный, дрожащій, онъ сдѣлалъ неимовѣрное усиліе, овладѣлъ собою, позвонилъ, отдалъ приказаніе лакею, выждалъ его прихода съ ликерами, и тогда только, когда лакей заперъ дверь, сказалъ съ тяжелымъ вздохомъ:

— Я счастливъ, когда съ тобою. Тогда я не думаю ни о чемъ. Мнѣ кажется, что я не на землѣ и не на небѣ. Мнѣ кажется, что я сплю, грежу, вижу невѣроятный сонъ, и тогда мнѣ хочется только любить, только молиться тебѣ и плакать. И

я какъ-то странно сознаю, что это сонъ, только сонъ, послѣ котораго наступитъ страшное пробужденіе. И тогда мнѣ дѣлается больно, такъ больно, что кажется мнѣ, будто я погибаю. Но... я счастливъ, счастливъ, когда тебя вижу.

— Ну, вотъ, видишь. А больше ничего вѣдь и не нужно.

— Ахъ, что̀ ты говоришь, Ольга! Я счастливъ, потому что пьянъ. Пьянымъ счастьемъ я счастливъ. Пойми, съ утра я уже пьянъ...

Она посмотрѣла на него широко открытыми глазами.

— Что̀ за вздоръ! Вы пьете?

Онъ пожалъ плечами.

— Да нѣтъ же, нѣтъ. Я пьянъ отъ любви къ тебѣ. День, въ который мнѣ предстоитъ свиданіе съ тобою, проходитъ въ угарѣ. Я теряю способность сознавать дѣйствительность. Я ничего не могу дѣлать, не въ состояніи прочитать газету. Строки мелькаютъ, фразы проходятъ мимо моихъ глазъ, но мысли уходятъ, плывутъ, и мозгъ мой гвоздитъ одна мысль, одно слово, одно имя, въ которомъ для меня осуществляется весь міръ: Ольга, Ольга, Ольга! Тотъ день, въ который я знаю, что не увижу тебя, для меня ужасенъ. Мнѣ тогда кажется, что я умеръ; что небо и земля закрылись для меня, что вся жизнь прекратилась. И тогда я дѣлаюсь глубоко-глубоко несчастенъ. Ахъ, Ольга, мнѣ кажется, я боленъ. Я боленъ душой. Но вотъ теперь я счастливъ... счастливъ безъ думъ, безъ размышленій, какимъ-то глупымъ, смѣющимся и вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелымъ, трагическимъ счастьемъ. Но вѣдь всему бываетъ конецъ. И это страшно. И этому обѣду будетъ скоро конецъ, а потомъ надо ждать, когда это снова удастся.

— Выпей ликеру,—сказала она.—И не нервничай. Ты—поэтъ. У тебя на глазахъ повязка. Ты не смотришь, а мечтаешь. Надо быть спокойнѣе. Надо быть философомъ. Ты меня любишь. Прекрасно. Люби и не думай ни о чемъ другомъ. Это наша русская манера—любить съ горечью, вливать въ прекрасный напитокъ каплю яда и двѣ капли рефлексіи. Ты счастливъ—и прекрасно. Что̀ же нужно еще?

Онъ отпилъ ликеру изъ высокой, узкой рюмки, поставилъ ее на столъ, и подъ мелодію романса заговорилъ, точно мелодекламировалъ:

— Нужна полнота ощущенія, Ольга. Нужна взаимность чувства. Безъ этой полноты и взаимности нѣтъ счастья на землѣ. Безъ тебя я страдаю. Ты не принадлежишь мнѣ. Ты принадлежишь Леониду, моему другу... — онъ горько усмѣхнулся, — быв-

шему другу. Я безчестно ворую его счастье, потому что знаю, онъ любитъ тебя. Совѣсть ужасно мучитъ меня. И когда мнѣ звучитъ твое имя—Ольга, рядомъ съ нимъ раздается другое имя—Леонидъ. И я спрашиваю себя: „что ты дѣлаешь? а Леонидъ?"

Она звонко засмѣялась.

— „А наказанье, муки ада?.. Такъ что-жъ! Ты будешь тамъ со мной!" Милый, — вдругъ серьезно заговорила она, — тебѣ остается одно: выбирай между Леонидомъ и мною. Между дружбой и любовью. На твоемъ мѣстѣ я выбрала бы второе. Жизнь коротка, милый, очень коротка. Весна короче лѣта и лѣто непродолжительно. Длиннѣе всего осень и зима. Нужно пользоваться солнечными днями. Нельзя всю жизнь думать о другихъ и лишать себя счастья. Нельзя все время думать о счастьи другихъ—тогда вѣчно будешь несчастенъ и уйдешь изъ жизни, не испытавъ ничего хорошаго.

Она еще налила себѣ рюмку ликера и выпила его.

Глаза ея загорѣлись.

Она продолжала говорить, качая головой въ тактъ подъ музыку.

— Ты знаешь, какъ я страдала, когда уѣзжалъ Леонидъ; ты знаешь, какъ я его любила. Когда онъ уѣхалъ, мнѣ казалось, жизнь кончилась. Я заперлась въ домѣ maman, никого не хотѣла видѣть, ни съ кѣмъ ни о чемъ говорить. И такъ я прожила много, много мѣсяцевъ. Но жизнь вдругъ воскресла. Юрій, повѣрь мнѣ, не мы управляемъ жизнью, а она—нами. Тщетно бороться съ нею. Почему я знаю, какъ, когда и гдѣ я встрѣтила тебя и полюбила?

— Но ты только-что сказала, что не любишь меня...

Она заморгала глазами и засмѣялась.

— Ну, да. Не люблю такъ, какъ ты понимаешь. Но другого слова нѣтъ, и я беру то, что есть. L'amour, c'est l'échange de deux fantaisies ou le contact de deux épidermes. Вотъ какъ я тебя люблю. Въ этомъ смыслѣ. Ты дѣйствуешь на мое воображеніе. Мнѣ нужно видѣть тебя, говорить съ тобой, касаться тебя. Это—чувственно-фантастическій романъ. Мнѣ не нужно эпилога, ты понимаешь? Эпилогъ—это конецъ. Я не хочу допустить до этого. Это было бы банально и по-мѣщански. Съ эпилогомъ—я дѣлаюсь твоей любовницей. Слово-то какое! Брр... Безъ него—я твоя недосягаемая греза.

— Но это не можетъ же продолжаться вѣчно!

— Вѣчнаго ничего нѣтъ. И это хорошо. Когда говорятъ о

вѣчной жизни, я не могу себѣ этого представить, и мнѣ дѣлается скучно. Но можно длить это долго, очень долго. Накоплять, увеличивать, видоизмѣнять впечатлѣнія. Это зависитъ отъ твоего такта и умѣнья. Нечаянныя встрѣчи, сознательныя встрѣчи въ ресторанахъ, въ темныхъ углахъ ложъ или гостиныхъ, торопливыя, опасныя, съ постоянной тревогой, чтобы кто-нибудь не увидѣлъ и не заговорилъ объ этомъ романѣ... Каждый разъ— новое и неожиданное. Всегда озираться, всего и всѣхъ бояться... И наконецъ, когда удастся быть однимъ, забывать весь міръ, любить страстно, но не доводить этой страсти до конца. Вотъ моя программа. Нравится она тебѣ или не нравится—не знаю. И я не навязываю тебѣ ея. Не хочешь—не надо. Кончимъ все и разойдемся.

— Ахъ, развѣ я могу уйти?—въ полномъ отчаяніи проговорилъ онъ, заломя руки и глядя на нее воспаленнымъ взглядомъ.—Я не могу, не могу. Это уже поздно.

— Лучше поздно, чѣмъ никогда. Подумай. Я требую отъ тебя всего. Преданности безъ возраженій, послушанія рабскаго, безволія, безсилія, безчестія. Я заставила тебя дѣлать невѣроятныя вещи, и потомъ, когда мнѣ это надоѣстъ, я, можетъ быть, тебя выброшу за бортъ—и все будетъ кончено. И мнѣ будетъ все равно—погибнешь ли ты или останешься жить, будутъ ли тебя считать негодяемъ или честнымъ человѣкомъ. Мнѣ будетъ все равно. Я удовлетворила свой капризъ,—это все, что мнѣ было нужно.

— Ольга!—простоналъ онъ.

— Да, да. Ты видишь, я говорю тебѣ объ этомъ честно, прямо. Теперь ты знаешь, какъ я люблю тебя. Это любовь?

Онъ грустнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на нее и покачалъ головой.

— Нѣтъ, это не любовь,—упавшимъ голосомъ проговорилъ онъ.—Это не любовь. Это—безуміе и преступленіе.

— Это все равно. Называй, какъ хочешь. Дѣло не въ словахъ. Я другой любви не знала и не знаю. Я такъ не любила Леонида. Онъ не дѣйствовалъ на меня, какъ ты. Il n'a été jamais un homme à femme. И потому я скучала съ нимъ.

— Но ты только-что говорила, что любила его.

— Развѣ? Ну, я не такъ выразилась. Онъ трогалъ меня своей любовью, своей заботливостью, и я долго-долго плакала, когда разсталась съ нимъ. Привычка, что-ли, я не знаю. Но онъ всегда былъ противъ всякихъ вольностей жизни, и все, что не было установлено мѣщанскимъ ритуаломъ обыденности, счи-

талъ недопустимымъ... Любовь безъ порока — c'est fade. Ты не такой! Говори, что хочешь,—ты не такой. У тебя есть воображеніе и смѣлость. Игра воображенія—вотъ какъ игра этого шампанскаго. Надо влить туда ликеру. Влей мнѣ. Довольно. Отъ этого оно становится крѣпче и ароматнѣе. Мы съ тобой—декаденты. Я думаю, декадентство—это упадокъ, красивый упадокъ... и оно въ томъ, чтобы выходить изъ предѣловъ дозволеннаго.

— Кѣмъ дозволеннаго?

— Установившейся рутиной. Выходить изъ нормы, не идти по ровной дорогѣ—въ этомъ красота. Ты не согласенъ?

Она, видимо, пьянѣла.

Онъ залпомъ выпилъ рюмку ликеру, чтобы затуманить сознаніе, которое упорно не поддавалось опьяненію.

Ольга близко нагнула къ нему свою голову. Ея взоръ заблисталъ передъ нимъ, какъ вспыхнувшій огонь. Онъ протянулъ къ ней руки, уронилъ голову ей на грудь, и губы ихъ встрѣтились въ долгомъ, судорожномъ, нездоровомъ поцѣлуѣ.

— Любишь, любишь? — шептала она, отрываясь отъ его губъ.

— Люблю.

— Но какъ?

— Безумно, страстно, преступно, подло... не все ли равно?..

— Вотъ такимъ и я тебя люблю, — закрывая глаза, прошептала она. — Я тебя встрѣтила—и сразу что-то сказало во мнѣ, что ты тотъ, который мнѣ нуженъ. Ты мой. И когда я въ первый разъ пожала тебѣ руку, что-то вскрикнуло во мнѣ, что ты мой. И когда я обмѣнялась съ тобой взглядомъ, что-то сказало мнѣ, что ты уже мой. Ты мой! Я думала, что любила Леонида. Я и любила его. Добродѣтельно, какъ жена. И онъ меня—какъ мужъ. Въ наше время мало быть мужемъ и женой, надо быть любовниками.

— Въ какое наше время?—спросилъ онъ, чувствуя, какъ у него бьется сердце и стучитъ въ виски и отъ выпитаго вина, и отъ ея поцѣлуевъ, и отъ ея словъ.

— Взвинченное, съ внезапностями, больное... Когда уѣхалъ Леонидъ, я горько плакала; мнѣ казалось, что все кончено для меня, что я больше его не увижу. Я тосковала, скучала, почти годъ провела въ одиночествѣ. И вдругъ вспомнила о тебѣ. Какъ, когда, почему—не знаю. И какъ все это началось—не знаю. Хочу тебя видѣть, чувствовать, любить. Maman говоритъ, что теперь война и еще что-то... Что Россія наканунѣ кризиса, что теперь все „остальное“ должно отойти на послѣдній планъ и

что все личное кажется такимъ ничтожнымъ... Это она, конечно, повторяла слова батюшки.

— Какъ! Ты говорила съ ней о нашей... о нашемъ... романѣ?

Она засмѣялась.

— Ты даже поблѣднѣлъ,—какой ты трусъ! А представь себѣ, что пріѣхалъ бы сюда Леонидъ и имѣлъ бы съ тобой объясненіе. Онъ бы спросилъ тебя:—„ты любишь Ольгу?"—Что̀ бы ты отвѣтилъ ему?

— Ну, ты будь Леонидомъ, а я—я. Спрашивай.

— „Скажи, пожалуйста, Юрій, любишь ли ты Ольгу?"

— О, да. Люблю. Кто же можетъ не любить ее?

— „Такъ, пожалуйста, возьми ее".

— Я не могу ее „взять". Она не вещь, которую можно отдать или принять.

— Это тонкій отказъ?—спросила она съ насмѣшкой, взглянувъ на него.

— Нѣтъ, это защита твоего достоинства, какъ женщины и человѣка.

Она съ благодарностью взглянула на него.

— Вотъ это мнѣ въ тебѣ и дорого, Юрій... Твоя заботливость, твоя нѣжность, все то мелочное вниманіе, которымъ ты меня окружаешь. Цвѣты, которые ты мнѣ даришь, благоговѣніе и поклоненіе. Леонидъ—прекрасный мужъ, но какъ homme à femme онъ никуда не годится. Онъ не тонокъ, не заботливъ, не чутокъ. Онъ не умѣетъ угадывать, предупреждать желанія. Онъ любитъ удобства семейной жизни. Онъ не поэтъ... Ты что̀ меня спрашивалъ? Да! Говорила ли я maman? Нѣтъ, конечно. Это такъ, былъ разговоръ à propos.

— Напрасно ты думаешь, что я испугался,—сказалъ Забѣлинъ.—Я меньше всего думаю о себѣ, когда думаю о тебѣ. Я только боюсь непріятностей для тебя. Конечно, и наша исторія показалась бы Вѣрѣ Алексѣевнѣ мелкой и преступной par le temps qui court.

— И даже во всякое другое время...

— Несомнѣнно. Она была всегда прекрасной женой и добродѣтельной матерью.

— О, да! У нея не было романовъ. Она не знала увлеченій. И въ ея политическомъ салонѣ такая романическая исторія, какъ наша, произвела бы ужасный диссонансъ. Но, скажи, ты вѣдь такой серьезный, умный человѣкъ...

— Merci!

— Ну да. Скажи, отчего это у добродѣтельныхъ матерей выходятъ такія недобродѣтельныя дѣти? Анна имѣетъ очень утомленный видъ въ послѣднее время, а въ глазахъ чертики.

— Въ особенности когда передъ ней Мамаевъ.

— Ты замѣтилъ?

— Конечно.

— Отчего это?

— Чтò именно? Разница между дѣтьми и родителями или чертики у Анны?

— И то, и другое.

Онъ развелъ руками.

— Потому что между дѣтьми и родителями всегда пропасть. Это какой-то органическій законъ эволюціи поколѣній, нерѣшенный даже Тургеневымъ въ „Отцахъ и дѣтяхъ". А чертики— потому что она влюблена въ Мамаева.

— Какъ? Вотъ какъ я въ тебя?

— Можетъ быть.

— Наша любовь—преступна. Il parait, que c'est défendu d'aimer en temps de guerre,—съ насмѣшкой сказала она.—Но это вздоръ. Все проходитъ, кромѣ любви. Ты правъ: она—вѣчная. Даже такая, какъ наша. Не между нами вѣчная, а вообще, въ природѣ. Зачѣмъ было создавать человѣка изъ тѣла и души!.. Но я вижу, ты все думаешь о Леонидѣ.

— Да, ты угадала. Я поступаю подло. И если наши отношенія обнаружатся, всякій порядочный человѣкъ вправѣ назвать меня подлецомъ.

Она приложила къ его губамъ руку, ладонью.

— Молчи, молчи! Развѣ это такая дорогая цѣна—лишиться добраго имени? Развѣ ты не счастливъ этими моментами, украденными у добродѣтели?

— О, да, счастливъ!—вскрикнулъ онъ, цѣлуя ея руку.

— Ну, такъ и не думай больше ни о чемъ. Пока этотъ капризъ существуетъ—прекрасно. Уйдетъ—что-жъ дѣлать! Мы живемъ теперь на вулканѣ. Никто ничего не знаетъ о завтрашнемъ днѣ. Ни въ чемъ нѣтъ увѣренности и будущее темно.

Онъ засмѣялся.

— Изъ политическихъ разговоровъ салона Рекамье?

Она нѣсколько разъ весело кивнула головой.

— Да, да! Ну, такъ и будемъ жить минутой. Калитинъ какъ-то говорилъ, что насъ скоро начнутъ вѣшать на фонаряхъ. Всѣ смѣялись. Но онъ серьезно утверждалъ, что какъ только падетъ Портъ-Артуръ, разразится нѣчто ужасное, вродѣ французской

революціи. И онъ тоже говорилъ, что во время ужасовъ французской революціи любовные романы въ Парижѣ продолжались съ прежней силой и никогда не былъ такъ развитъ романтизмъ любви, какъ тогда. Мнѣ это понятно.

— Почему?

— По многому. Любить среди ужасовъ и крови террора. Слезы, стоны, гильотина на улицахъ, а въ домахъ—улыбки, вздохи и поцѣлуи. Красивый контрастъ. Театры, балетъ, концерты, все это было переполнено публикой, и всѣ веселились до упаду, потому, можетъ быть, что чувствовали послѣднюю минуту жизни. Вотъ я представляла себѣ: я здѣсь съ тобою, цѣлую, обнимаю тебя, а завтра меня везутъ въ повозкѣ на гильотину—красиво!

Забѣлинъ весело засмѣялся.

— Фантазія у тебя, Ольга! Откуда ты взяла, что у насъ можетъ быть что-нибудь подобное?! Бредъ Калитина. Онъ—сумасшедшій.

Но она не слушала его. Ей нравились эти аналогіи и параллели, и, взволнованная виномъ и обстановкой, фантазія ея работала.

— Да, это красиво! Красиво жить, когда каждую минуту ждешь смерти. Не обыкновенной смерти въ кровати отъ болѣзней или старости, а смерти внезапной, неожиданной, изъ-за угла. Вотъ такъ идти по улицѣ и думать: а за мной идетъ по пятамъ смерть. Хорошо! Ты хмуришься? Отчего? Ты ея боишься? Я—ничуть. Я не боюсь ея. Я боюсь старости и некрасивой, естественной смерти. Потому что все естественное слишкомъ извѣстно и потому банально. Но смерть трагическая—о, это красиво, красиво! Я думаю—пріятно жить съ порокомъ сердца, если только знать о немъ. Это все равно, что ходить по краю пропасти и рисковать каждую минуту свалиться въ нее.

— Чтò ты говоришь, чтò говоришь!

— Чтò особеннаго? Жизнь и хороша тѣмъ, что кратка. И ужасно было бы сознавать, что мы живемъ вѣчно. Вспомни ужасъ Вѣчнаго Жида. Это даже представить себѣ невозможно, какъ невозможно представить себѣ, что мы сидѣли бы здѣсь до безконечности.

Она сдѣлала движеніе, чтобы встать.

— Какъ, уже?

— Пора.

— Когда же мы увидимся?

— Не знаю. Я скажу по телефону.

— Ольга! А завтра?

— Не знаю. Мнѣ кажется, за нами уже начинаютъ слѣдить.

— Кто?

— Опять испугался?

— Да нѣтъ же, нѣтъ...

— Миша. Это нашъ Катонъ. Или кто это былъ такой строгій, добродѣтельный и суровый? Ну, все равно. И вообще, я чувствую, что и maman уже что-то подозрѣваетъ. Начнутся увѣщанія, причитанія и прочее.

Она позвонила. Вошелъ лакей.

Забѣлинъ потребовалъ счетъ и сталъ помогать одѣваться Ольгѣ.

Они выѣхали изъ ресторана, и онъ довезъ ее до дому.

У самаго подъѣзда встрѣтили они Мишу, который оглядѣлъ ихъ съ головы до ногъ довольно наглымъ и вызывающимъ взглядомъ.

Онъ даже не простился съ Забѣлинымъ, а открылъ сестрѣ дверь и небрежнымъ жестомъ головы кивнулъ въ сторону Забѣлина, садившагося обратно въ экипажъ.

Забѣлинъ нахмурился.

XXII.

Страсть къ Ольгѣ налетѣла на Забѣлина шкваломъ.

Онъ былъ давно знакомъ съ семьей Кардановыхъ, и былъ пріятелемъ, даже другомъ, мужа Ольги. Но въ то время, когда Ольга жила еще вмѣстѣ съ мужемъ въ Петербургѣ до войны, Забѣлинъ уклонялся упорно-систематически отъ свиданій съ нею.

На всѣ приглашенія Леонида бывать у нихъ, поѣхать съ ними въ театръ или ужинать, онъ всегда рѣшительно отказывался подъ всевозможными предлогами, иногда удачными, чаще неудачными, потому что, охваченный радостнымъ чувствомъ возможнаго свиданія, терялся и не находилъ, что̀ бы выдумать для отказа.

Онъ встрѣчалъ на себѣ тогда удивленный и печальный взоръ Ольги. И отказавшись отъ такого вечера, онъ ѣхалъ домой проводить скучные, длинные часы въ своихъ комнатахъ и иногда доходилъ до нервныхъ слезъ.

Но потомъ, когда Леонидъ уѣхалъ на войну, а Ольга перебралась на жительство къ матери, Забѣлинъ вдругъ сразу ослабѣлъ. Казалось, весь запасъ его энергіи, вся сила его воли вдругъ израсходовалась, и онъ уже не могъ сдерживать своихъ чувствъ.

Онъ сталъ часто бывать у Кардановыхъ.

Свиданія съ Ольгой въ домѣ Вѣры Алексѣевны были неудобны: постоянные посѣтители салона, члены семьи, сама Вѣра Алексѣевна постоянно мѣшали ихъ разговорамъ, которые часто должны были прекращаться на самомъ важномъ мѣстѣ; это рождало въ собесѣдникахъ неудовлетворенность, чувство обиды и досады.

И они стали искать уединенія, сначала по угламъ салона и будуара, потомъ въ передней и на лѣстницахъ, быстро договаривая послѣднія слова, и, наконецъ, внѣ дома, въ ресторанахъ, театрахъ и на вечерахъ.

Много разъ Забѣлинъ давалъ себѣ слово, вернувшись домой, послѣ свиданія съ Ольгой, заняться серьезнымъ изслѣдованіемъ, анализомъ своихъ чувствъ къ ней.

Онъ сознавалъ, что это было необходимо. Въ качествѣ адвоката, онъ пріобрѣлъ себѣ привычку логически анализировать каждое дѣло, доводя результатъ анализа до конечныхъ выводовъ.

Только тогда дѣло становилось для него яснымъ и онъ могъ не только оріентироваться въ немъ, но и направлять его.

Но этотъ методъ рѣшительно никуда не годился, какъ только онъ, въ уединеніи своей квартиры, принимался за „дѣло Ольги“. Изъ анализа ничего не выходило, выводовъ не получалось, перспективы оказывались окутанными густыми туманами и не было видимаго выхода изъ-за глухой стѣны, встававшей передъ нимъ.

Онъ начиналъ этотъ анализъ систематически, спокойно, дѣловито, но фантазія поэта, каковымъ онъ былъ въ дѣйствительности, вдругъ вырисовывала ему изъ сухихъ схемъ и разсужденій какой-нибудь особый взглядъ Ольги; слухъ его повторялъ въ воспоминаніи какую-нибудь интонацію ея голоса, и тогда онъ принимался возстановлять во всѣхъ подробностяхъ прошлое свиданіе и далеко уходилъ отъ анализа и разсужденій.

И всегда адвокатъ мѣшалъ ему въ его поэтической дѣятельности, и всегда поэтъ мѣшалъ ему быть адвокатомъ.

Эта раздвоенность была драмой его жизни, какъ увлеченіе Ольгой—ея трагедіей.

И теперь, послѣ этого обѣда въ ресторанѣ, когда между ними было сказано такъ много неяснаго, туманнаго и страннаго, онъ сидѣлъ у себя и, припоминая всѣ подробности разговора, никакъ не могъ придти ни къ какому выводу.

— Но дальше-то что? Что дальше? — задалъ онъ себѣ вопросъ. — Пріѣдетъ Леонидъ... пріѣдетъ Леонидъ... и что же? Прежде я могъ владѣть собою. А теперь? Теперь не въ силахъ.

Она сказала что никогда не пойдетъ на это. Ей нравится именно романтичность, незаконность этой любви. И именно, кажется, тотъ порочный оттѣнокъ, что мужъ на войнѣ, герой, ежедневно въ опасности, а она въ это время имѣетъ романъ... Странная женщина! И какъ все это случилось? Она говоритъ — этому нѣтъ начала. И я не нахожу начала, то-есть, того момента, съ котораго началось нѣчто опредѣленное. Откуда рождается страсть? Можетъ быть, изъ комбинаціи аромата цвѣтовъ съ мелодіей звука, случайно услышанныхъ? Можетъ быть, отъ взора, украдкой брошеннаго и какъ-нибудь проникшаго въ тайники души, неизслѣдованные еще психологами? Я не знаю. Во всемъ этомъ есть что-то таинственное. Но красота Ольги — уже нѣчто реальное, совершенное.

И онъ сталъ рисовать себѣ ея образъ поэтическими красками. Она любила орхидеи съ ихъ сладкимъ одуряющимъ запахомъ и хризантемы, любила крѣпкіе духи, шампанское, музыку. Въ ней было что-то безконечно поэтичное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нездоровое, пряное, какъ запахъ черныхъ ирисовъ, этихъ настоящихъ „цвѣтовъ Зла“, исключительныхъ и гордыхъ въ своей уродливой красотѣ...

— Но если Леонида убьютъ? — возвращался онъ опять къ дѣловому анализу, поймавъ себя на отклоненіи въ міръ грезъ. — Что̀ тогда? — Казалось бы, вопросъ рѣшается и тогда просто. Время траура пройдетъ, и они женятся.

Но это было просто только по недоразумѣнію. Какъ промѣнять эти поэтичныя свиданія, эти отрывочные разговоры, эти грезы подъ музыку, эти короткія благоухающія поэмы на нѣчто окончательно фиксированное, общепризнанное и опредѣленное?

Вѣдь тогда все очарованіе рухнетъ, все обаяніе запрещеннаго плода упадетъ. Какъ! Ольга — эта таинственная, полная для него мистики женщина — будетъ вотъ здѣсь, въ его квартирѣ, его женой? Какой вздоръ!.. И для чего? Чтобы потомъ она начала ѣздить по театрамъ и ресторанамъ съ другимъ, вмѣстѣ съ другимъ создавая новый романъ... И потомъ, какъ безчестно думать, вообще, объ этомъ выходѣ! Вѣдь Леонидъ живъ, и какъ же можно строить будущее на предполагаемой его смерти? Это гнусно, это подло. — „А то, что̀ мы сейчасъ дѣлаемъ — не подло?“

И Забѣлинъ разводилъ въ отчаяніи руками, въ сотый разъ становясь передъ безвыходностью, какъ передъ глухой стѣной.

Странное состояніе духа переживалъ онъ въ послѣднее время.

Шла ужасная война; тысячами гибли люди — много его прія-

телей, знакомыхъ, друзей. Роковыя неудачи преслѣдовали Россію на войнѣ; трагическія событія шли одно за другимъ. Люди притихли, изнервничались; въ домахъ—трауръ, въ семьяхъ—глухое горе; всякая неудача отзывалась острой болью въ душѣ каждаго. И въ его душѣ.

Онъ былъ очень чутокъ къ этой войнѣ.

Онъ горѣлъ душою, читая газеты; онъ жадно набрасывался на телеграммы съ войны; онъ не стыдился слезъ, читая о гибели „Петропавловска", всего портъ-артурскаго флота, ляоянскомъ отступленіи; онъ даже гордился этими слезами, никогда раньше не подозрѣвая въ себѣ такого чувства патріотизма.

Но, вотъ, давно ли все это было? И вотъ эта страсть, какъ грозный шквалъ, налетѣвшая на него, вихремъ вырвала изъ его души все то, что̀ ей еще до сихъ поръ было дорого.

Высокіе порывы любви къ родинѣ, горькая скорбь о неудачахъ ея, жажда обновленія Россіи, всѣ эти драгоцѣнные цвѣты души были смяты, вырваны съ корнемъ налетѣвшей бурей страсти.

Портъ-Артуръ былъ приговоренъ.

Всѣмъ вдругъ ясно стало, что крѣпость черезъ нѣсколько дней падетъ. Всѣ волновались вокругъ Забѣлина, не могли спокойно относиться къ своимъ дѣламъ, только и говорили, что о Портъ-Артурѣ.

Геройская, эпическая поэма обороны крѣпости занимала сердца и умы. Но онъ оставался холоденъ и равнодушенъ къ этой новой обидѣ Россіи.

Въ его ушахъ, вокругъ него, на улицахъ, въ театрахъ, домахъ и ресторанахъ раздавалось одно слово, безконечно повторявшееся на всѣ лады:

— Портъ-Артуръ, Портъ-Артуръ...

А въ его душѣ звучало другое имя, въ которомъ для него заключался весь смыслъ жизни:

— Ольга, Ольга, Ольга...

XXIII.

И онъ презиралъ себя за это.

И онъ не могъ отдѣлаться отъ этого сладкаго, опьяняющаго его кошмара. Онъ запустилъ свои дѣла и сталъ испытывать денежныя затрудненія. Члены его корпораціи волновались, устраивали засѣданія, подписки, сборы.

Онъ оставался ко всему равнодушенъ и глухъ.

— Вы поразительно измѣнились, — сказалъ ему одинъ изъ товарищей, зашедшихъ какъ-то къ нему, Никодимовъ.

— Какъ?—вздрогнувъ отъ неожиданной откровенности этихъ словъ, спросилъ его Забѣлинъ.

— Такъ. Во всемъ! Вы стали худы и блѣдны. И разстроены. Впрочемъ, кто-же теперь не разстроенъ? И вы какъ-то ко всему равнодушны. Между тѣмъ, чувствуется, наступаетъ время „чреватое событіями". Россія просыпается. Надо быть бодрыми и сильными. Довольно дремать, предстоитъ дѣлать дѣло.

Забѣлинъ усмѣхнулся.

— Дѣло? Какое дѣло?

— Громадное дѣло обновленія.

— Вы въ него вѣрите?

— Отчего вы говорите объ этомъ съ такой нехорошей усмѣшечкой? Да, я въ него вѣрю. Надо быть слѣпымъ кротомъ и вовсе не надо быть пророкомъ, чтобы сказать, что время близко.

— Надо зажечь свѣтильники и ждать Жениха?—все тѣмъ же тономъ, сказалъ Забѣлинъ. — И благо дѣвамъ мудрымъ и горе дѣвамъ глупымъ, не позаботившимся о маслѣ и ушедшимъ за нимъ, когда уже пришелъ женихъ?

— Въ поэтической метафорѣ это такъ, конечно.

— Милый! Вы всѣ теперь политиканствуете... я не осуждаю васъ. Я самъ еще недавно горѣлъ душой, думая о судьбахъ Россіи. Но теперь я остылъ.

— Почему? — съ искреннимъ удивленіемъ воскликнулъ Никодимовъ.

— Я не знаю. Соль потеряла свою силу, ей ничѣмъ не осолиться, и ее выбрасываютъ въ землю, если продолжать евангельскія метафоры и аллегоріи. Насъ слишкомъ долго отстраняли отъ общихъ интересовъ, слишкомъ долго держали не у дѣлъ и говорили намъ, что все это не наше дѣло. Насъ слишкомъ долго заставляли заниматься собственными дѣлишками, копаться и разбираться въ собственныхъ чувствахъ и чувствицахъ. Отъ долгаго неупотребленія, отъ отсутствія упражненія наша воля ослабѣла; утратился интересъ къ общему государственному дѣлу, которое считалось запретнымъ. Мы ослабѣли духовно, повторяю вамъ, мы обнищали; мы сдѣлались эгоистами, кастратами въ этомъ смыслѣ. Глубокая червоточина изъѣла нашу гражданственность. Это — большое преступленіе, тяжкій грѣхъ режима. И теперь вы думаете, что мы способны на новое, грандіозное дѣло?

— Думаю и даже увѣренъ.

— Что дѣлать! А я нѣтъ. Новое дѣло надо дѣлать новыми людьми, новыми свѣжими, сильными руками. Наши руки устали отъ бездѣйствія, онѣ ослабѣли. Наше поколѣніе отпѣтое. Нами владѣетъ тупое равнодушіе ко всему, рѣшительно ко всему...

— Говорите за себя, — улыбнувшись, прервалъ его Никодимовъ.

— И за себя, и за васъ, и за всѣхъ.

— Мы всѣ кипимъ...

— Именно. Большое дѣло требуетъ большой, систематичной, неустанной работы. А у насъ все порывы. Чѣмъ сильнѣе порывъ, тѣмъ длительность его короче. Чѣмъ онъ интенсивнѣе, тѣмъ глубже реакція. Это нашъ порокъ, порокъ нашего несчастнаго поколѣнія, въ которомъ систематически долго и нарочито-тщательно вытравливали самосознаніе, общественность, гражданственную жажду и потребность къ труду. Если *мы* возьмемся за это дѣло — оно погибнетъ. Нужно воспитывать новое поколѣніе въ новомъ духѣ, и тогда оно сдѣлаетъ новое дѣло и настоящую работу. А мы умѣемъ только говорить... даже говорить не умѣемъ, а только мечтать по маниловски.

— Но позвольте же...

— Нѣтъ, позвольте вы. Я въ послѣднее время сталъ „постыдно-равнодушенъ" ко всему этому и не люблю говорить. Но разъ вы меня заставили высказаться, дайте же кончить.

Онъ схватился за лобъ, словно желая этимъ движеніемъ удержать мысль, только-что явившуюся ему:

— Вотъ!—вскрикнулъ онъ.—Я хотѣлъ сказать: на что похожа въ данную минуту Россія?

— Не знаю. На волнующееся море? Это банальщина.

— А что въ жизни не банально? Вотъ Мамаевъ, напримѣръ, находитъ, что не баналенъ только балетъ во главѣ со Стаховской. Но я не то хотѣлъ сказать. Россія похожа на огромный корабль, снасти котораго напряжены и скоро лопнутъ. Машина не дѣйствуетъ—въ топкахъ нѣтъ угля, котлы испорчены.

— Почему?

— Потому что никто не заботился объ ихъ ремонтѣ и никто не позаботился объ углѣ. И носитъ этотъ корабль по грознымъ волнамъ разбушевавшейся бури. Капитанъ и офицеры спрятались въ каютахъ. Берега не видно, корабль потерялъ курсъ. Матросы ничего не могутъ сдѣлать: они привыкли только исполнять приказанія. А приказаній нѣтъ. У нихъ нѣтъ иниціативы, находчивости, мужества. Порой выскочитъ наверхъ какой-нибудь офицеръ, дернетъ одну снасть, повернетъ руль въ другую сторону,

—нѣтъ, не то! И снова исчезнетъ въ каютѣ. Теперь что же дальше? Все зависитъ отъ вѣтра. Стихнетъ вѣтеръ, повернетъ въ сторону—корабль можетъ оправиться. Повернетъ въ другую—наскочитъ корабль на скалы, и тутъ ему конецъ...

— И опять это только поэтическая аллегорія—не больше. Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ! И не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ.

— И еще можно подобрать десятка два поговорокъ и образцовъ народной мудрости. А вотъ когда падетъ Портъ-Артуръ, вы увидите, что будетъ.

— А что?

— Я не знаю. Но нѣчто ужасное. Это чувствуется, носится въ воздухѣ. Я не пойду тогда за вами. Не пойду, потому что не вѣрю въ порывъ и его длительность. Порывъ хорошъ въ любви, да и то тогда, когда вѣришь, что это не порывъ, а вѣчность. Когда любишь—вѣришь въ вѣчность, какъ это ни глупо; а если кто скажетъ вамъ, что это скоропреходящій порывъ, то это кажется оскорбительнымъ. Безъ вѣры нельзя дѣлать дѣло. И вотъ почему я не хожу въ нашъ союзъ, не принимаю участія въ составленіи адресовъ и резолюцій. Я знаю, на меня косятся. Но это мнѣ все равно. Я поступаю честно, когда отказываюсь отъ дѣла, которое меня больше не интересуетъ. Оставьте мнѣ эту честность. Не приставайте ко мнѣ. Во всемъ остальномъ я достаточно безчестенъ.

Онъ тяжело вздохнулъ, вспомнивъ о своихъ отношеніяхъ къ Ольгѣ и Леониду.

XXIV.

Вѣра Алексѣевна сохранила до сихъ поръ давно усвоенную привычку самолично разливать утромъ чай. Это повелось съ тѣхъ поръ, когда, напоивъ мужа передъ его уходомъ на службу, она оставалась за столомъ, дожидаясь дѣтей. Вадимъ не жилъ въ ея домѣ, а имѣлъ отдѣльную квартиру. И Ольга жила съ мужемъ тоже на отдѣльной квартирѣ. Къ чаю являлись поэтому только Михаилъ, никогда особенно не спѣшившій въ университетъ, и Анна, которую всегда съ трудомъ угоняли въ пансіонъ. Но теперь, со смертью Петра Александровича и уходомъ на войну Натарова, Ольга жила у матери.

И каждое утро Вѣра Алексѣевна сидѣла въ обширной столовой и ждала дѣтей къ чаю.

Миша приходилъ раньше всѣхъ, чаепитіе совершалъ быстро

и такъ же быстро исчезалъ. Въ послѣднее время онъ вообще рѣдко бывалъ дома. Въ университетѣ было неспокойно, совершались сходки, совѣщанія, дебаты, и во всемъ этомъ Миша принималъ дѣятельное участіе.

Мать не мѣшала ему въ этомъ, давно заявивъ, что въ дѣла мальчиковъ она не вмѣшивается,—довольно съ нея разбираться во внутренней жизни дочерей, даже одной дочери Анны, которая еще не замужемъ.

Но она и вообще рѣдко вмѣшивалась въ дѣла дѣтей, исходя изъ воспитательнаго принципа—все предоставлять работѣ „нравственнаго организма и самой жизни".

Только иногда она считала возможнымъ вмѣшаться, но не въ смыслѣ того, чтобы наложить материнское veto, а просто отъ неудержимой потребности высказать свое credo—„взглядъ и нѣчто".

Вѣра Алексѣевна, несмотря на заведенный ею „салонъ", чувствовала скуку, выбитость изъ колеи.

Со смертью мужа ей стало казаться, что ея роль хозяйки дома какъ-то странно поблѣднѣла, выцвѣла, стушевалась. Дружеская связь съ мужемъ, спаянная долголѣтней совмѣстной жизнью, вдругъ порвалась. Дѣти—всѣ взрослыя, и каждое изъ нихъ—это особый міръ, нѣсколько ей чуждый, въ который ей нѣтъ широкаго и прямого доступа.

Какъ-то такъ всегда случается въ русскихъ семьяхъ, что дѣти, къ извѣстнымъ годамъ, теряютъ связь съ родителями, какую бы систему воспитанія къ нимъ ни примѣняли въ молодости: деспотическую или „освободительную".

Вслѣдъ за Мишей являлась къ столу Анна, но въ послѣдніе дни она часто совершенно отказывалась отъ появленія въ столовой, и присылала горничную за чашкой чая, которую та несла въ ея комнату.

Еще позже приходила Ольга.

Во время этихъ антрактовъ между появленіемъ дѣтей Вѣра Алексѣевна читала газеты.

На этотъ разъ Миша пришелъ ранѣе обыкновеннаго, угрюмый, сосредоточенный и молчаливый. Онъ поцѣловалъ мать въ щеку, налилъ себѣ чашку чаю, намазалъ булку толстымъ слоемъ масла и, ничего не говоря, сталъ ѣсть.

— Ольга не выходила еще?—отрывисто спросилъ онъ, не глядя на мать.

— Нѣтъ, а что̀?—отвѣтила она, нѣсколько удивленная этимъ вопросомъ.

— Ничего.

Они помолчали.

— А ты все газеты читаешь?

Она опять съ удивленіемъ взглянула на сына.

— Ну, да. А что?

— Ничего.

И опять молчаніе.

Онъ налилъ себѣ еще чашку, и когда выпилъ, всталъ, собираясь уходить.

— Ну, прощай. Не мѣшало бы тебѣ, мама, кромѣ газетъ прочитать и Ольгу.

— Что ты хочешь сказать?—съ недоумѣніемъ спросила она.

— Да такъ, ничего особеннаго. Въ каждомъ человѣкѣ можно найти много интереснаго матеріала. Публицистическаго, критическаго, романическаго и тому подобнаго. Въ женщинѣ, конечно, больше послѣдняго. А въ Ольгѣ—особенно. Не мѣшало бы перевернуть заглавный листъ, который ты, кажется, только и успѣла прочесть, и заглянуть въ прологъ.

— Ничего не понимаю. Ты всегда говоришь какими-то загадками.

— Нынче подписчики иллюстрированныхъ журналовъ ихъ очень просто разгадываютъ. А ты претендуешь еще на предсѣдательство въ политическомъ салонѣ. Прощай, мнѣ пора. У насъ, кажется, будетъ обструкція.

— А ты какъ же?

— Что же я? Я никогда не отстаю отъ товарищей. Въ особенности въ такомъ дѣлѣ.

— Въ какомъ?

— Въ дѣлѣ справедливаго протеста. Ты противъ!

— Откуда ты взялъ? Наоборотъ. Ты отлично знаешь мой взглядъ. Протестъ есть дѣло совѣсти. Я не вмѣшиваюсь въ дѣла совѣсти даже своихъ дѣтей.

— И отлично дѣлаешь. И вообще, нейтралитетъ—вещь удобная и спасительная!—съ полунасмѣшкой сказалъ онъ.

— Я тебя опять не понимаю. Смѣешься ты или одобряешь мою точку зрѣнія?

— Да отчего же нѣтъ? Не одобрить не умно. Потому что у всякаго взрослаго субъекта своя точка, съ которой онъ не сойдетъ, если выработалъ ее убѣжденіями. Ну, а ты что: забраковать нельзя, надо всегда одобрить. Это умнѣе. Но твое невмѣшательство въ дѣла совѣсти дѣтей—одобряю безъ всякихъ оговорокъ. А все-таки иногда родительскій абсентеизмъ въ дѣлахъ

дочерей, даже замужнихъ, не можетъ быть оправданъ. Даже невмѣшательство, а дружескій индифферентизмъ что-ли. Вотъ что̀ требуется. Sapienti sat.

Онъ быстро подошелъ къ матери, поцѣловалъ ей руку и исчезъ.

Она проводила его недоумѣвающимъ взоромъ.

Удивительныя времена! Дѣти выучились говорить на какомъ-то особомъ языкѣ, котораго она рѣшительно не въ состояніи понять. Слова все весьма понятныя въ отдѣльности, а въ общемъ—что-то туманное.

Странно сложилась ея жизнь. Она все время шла шагъ въ шагъ съ дѣтьми, интересовалась всѣмъ, чѣмъ интересовались дѣти, и, въ глубинѣ души, очень гордилась этой, какъ она думала, душевной молодостью.

„Старъ человѣкъ не годами, а мыслями; когда мысли молоды, лѣта лишь физическое неудобство“,—говорила она не разъ окружающимъ.

И, дѣйствительно, она чувствовала себя стѣсненной въ обществѣ настоящихъ стариковъ, а въ обществѣ молодежи чувствовала удивительную легкость и свободу.

И тѣмъ не менѣе, какъ только дѣти окончательно вышли изъ-подъ ея опеки, такъ сейчасъ же и оказалось, что между ними и ею хотя и неглубокая, но все-таки пропасть.

И это ее ужасно огорчало.

Вошла Ольга.

У нея былъ утомленный, замученный видъ.

Она поцѣловалась съ матерью, усталымъ движеніемъ опустилась на стулъ и молча стала пить чай.

Видимо, ей было противно пить и ѣсть, и дѣлала она все это изъ-за неотмѣненнаго до сихъ поръ обязательнаго ритуала.

Она походила въ это хмурое, сѣрое утро на увядшій цвѣтокъ, прелестный въ своей послѣдней красотѣ.

Мать зорко посмотрѣла на нее.

— Сейчасъ говорила о тебѣ,—сказала Вѣра Алексѣевна.

— Съ кѣмъ? — вяло спросила Ольга, которой не хотѣлось разговаривать.

— Съ Мишей.

— Ахъ, съ нимъ!

Она не выразила интереса къ продолженію разговора.

Но Вѣра Алексѣевна продолжала:

— Онъ мнѣ дѣлалъ какіе-то намеки. Я ничего не поняла.

Ольга нехотя улыбнулась.

— Я тебѣ объясню,—спокойно и твердо сказала она.—Это очень просто. Миша видѣлъ меня вчера, когда я возвращалась съ Забѣлинымъ. И, со свойственной ему неделикатностью, обошелся довольно глупо съ Забѣлинымъ.

Мать насторожилась.

— Ты возвращалась съ Забѣлинымъ? Откуда?

Ольга подняла на нее изумленный взоръ.

— Мама, это на тебя непохоже.

— Что̀, милая?

— Этотъ допросъ. Ты никогда себѣ раньше не позволяла этого. Это Миша тебя настроилъ? Я вѣдь не вмѣшиваюсь въ его обструкціи и другія дѣла,—зачѣмъ онъ вмѣшивается въ мои? Онъ, кажется, именно золъ на меня за мое равнодушіе къ этимъ общественнымъ и государственнымъ дѣламъ, — засмѣялась она нехорошимъ смѣхомъ.—Ахъ, еслибы ты знала, до чего мнѣ все это надоѣло... Но допроса отъ тебя я не ожидала.

— Это не допросъ, Ольга. Ты сама заговорила о Забѣлинѣ, и я думала, что ты даешь мнѣ право спросить тебя. Мнѣ кажется, мы съ тобой всегда были больше подругами и товарищами, чѣмъ матерью и дочерью...

— Мама, ты прекрасная и умная женщина. Но ты—извини меня—нѣсколько отстала. И отстала оттого, что ты никогда не любила.

— Я?!

— Да, ты! Не удивляйся. Я не говорю о твоей преданной и законной любви къ покойному отцу. Я говорю о любви незаконной, о романѣ, о какомъ-нибудь нездоровомъ романѣ. Только онъ способенъ возродить женщину, обновить ее, заставить волноваться, страдать, горѣть. Понимаешь меня? Нѣтъ, ты не понимаешь, да и я плохо выражаюсь. Я неважно спала. Ты хочешь все-таки знать, откуда я вернулась? Мы обѣдали у Контана, въ отдѣльномъ кабинетѣ, и поздно засидѣлись.

— Ольга!

— Ну, да. Что̀ ты хочешь еще знать? Я его люблю. Ну, вотъ. О, не той любовью, какъ ты думаешь! Не любовью прежняго добраго стараго времени. А новой.

— Я тебя не понимаю, — испуганнымъ голосомъ проговорила Вѣра Алексѣевна.

— Изволь, я тебѣ объясню... какъ сумѣю. И, можетъ быть, мнѣ это сегодня не удастся. Но любовь болтлива, въ противоположность печали, которая молчалива. И мнѣ хочется болтать. Я люблю его... какъ? Не знаю. Въ немъ есть что-то порочное, что̀

меня влечетъ къ нему. И во мнѣ—тоже. Любовь среди запретнаго сада. Вѣчно прятаться, озираться, сознавать, что дѣлаешь нехорошее дѣло съ точки зрѣнія общепринятой морали, даже скверное дѣло по отношенію къ близкому человѣку... къ мужу... который теперь на войнѣ и ничего не знаетъ... Ну, вотъ, я вижу, ты не понимаешь, не можешь понять. И на глазахъ у тебя слезы. Вы всѣ сентиментальны.

— Нѣтъ, говори, говори, — взмолилась мать. — Я тебя слушаю, жадно слушаю, моя бѣдная Ольга. И если я заплакала, то потому, что мнѣ больно стало, до какой степени я тебя не знаю. А сколько любви, сколько страданій положила я, чтобы воспитать тебя, чтобы сдѣлаться тебѣ близкой, и вдругъ передо мной Ольга—Ольга новая, чужая, непонятная. Говори же, я слушаю.

— Что же сказать? Ты не поймешь, не поймешь! Но все равно. Любовь законная, тихая, семейная, уравновѣшенная—нелѣпость. Она предполагаетъ мужа, квартиру, мѣщански-благоустроенную, дѣтей, вѣчность. Это—нелѣпость. И все, что длится, то—скучно, надоѣдливо-скучно... и блѣдно... Краски выцвѣтаютъ, мотивъ надоѣдаетъ. Любовь—мечта мимолетная, эфемерная, но жгучая, прекрасная и преступная—вотъ настоящая любовь. Ежеминутно чувствовать за спиной несчастье, разрывъ, крушеніе, смерть—вотъ жизнь. Я жить хочу! Жить, жить, а не прозябать... Чтобы сдѣлать преступленіе, мама, нужно нѣкоторое освобожденіе. Освободить себя нужно отъ традицій мѣщанской морали. Это прежде всего. Свобода! Людей слишкомъ долго держали въ тискахъ, въ схимѣ, въ цѣпяхъ и оковахъ христіанской нравственности. Хочется сбросить съ себя эти оковы. Неужели непонятно это желаніе? Всю Россію держали въ схимѣ, а теперь, вотъ, всѣмъ хочется воли и разнуздаться. Миша же понимаетъ свою обструкцію? Почему же онъ не понимаетъ меня? Это—реакція. Мы всѣ расшатались, все ползетъ по швамъ. Все надо перестраивать; а чтобы перестраивать, нужно ломать старое. Въ этихъ обломкахъ пыль, грязь, крушеніе...

Она засмѣялась.

— Ну, вотъ, я заговорила политическимъ языкомъ твоего салона, мама. Ты говоришь: „бѣдная Ольга!“ Почему—бѣдная? Бѣдная оттого, что порочная? Но, мама! Въ порокѣ есть красота. Я жажду красоты. Понимаешь, до болѣзни, до потери сознанія... Но ты не понимаешь, не понимаешь! Это время странное, смутное и тяжелое насъ всѣхъ такъ перевернуло! Всѣ вдругъ освободились. Оно дѣйствуетъ на все, на чувства, на взгляды, на мысли, на нравственность. Это—глубокая реакція...

— Но что же будетъ дальше? Какъ же ты рисуешь себѣ дальнѣйшія отношенія къ Забѣлину? Ты разведешься съ мужемъ и выйдешь за него замужъ?

Ольга всплеснула руками.

— Я говорю—ты не понимаешь меня! Я вовсе не люблю его, чтобы выйти за него замужъ. Ты не понимаешь! Онъ дѣйствуетъ на меня, ну... какъ дѣйствуетъ иногда фермата на высокой нотѣ чуднаго тенора. По спинѣ бѣгутъ мурашки и въ вискахъ стучитъ, а сердце замираетъ. Онъ мнѣ необходимъ, но именно въ обстановкѣ внѣсемейной жизни. Какъ протестъ, что-ли, противъ обязательной супружеской любви. Вотъ меня злитъ, что мужъ мой, Леонидъ, герой, а я *должна*, понимаешь, *должна* преклоняться передъ его геройствомъ и *должна* здѣсь вести схимническую жизнь, молиться за него, скучать и изображать плачущую иву. Мнѣ противна именно эта обязанность. Человѣкъ—міръ, живущій по своимъ законамъ, которыхъ никто не можетъ ему предписывать.

— Ты просто разлюбила Леонида.

— Ну, вотъ, я говорю, тебѣ никогда, никогда не понять меня.

— А какъ ты горевала, какъ тосковала, съ какимъ безумнымъ ужасомъ ты провожала его. Я думала—ты съ ума сойдешь. И вдругъ...

— Да, вотъ именно: „и вдругъ“. Нé къ чему было принимать схиму, и затворяться въ четырехъ стѣнахъ, и ограждаться отъ людей. Мама! Не я виновата, что человѣкъ такъ созданъ, что не можетъ жить вѣчнымъ горемъ. Это—какой-то законъ. Чѣмъ сильнѣе печаль, тѣмъ рѣзче реакція. Развѣ я виновата, что день смѣняется ночью, лѣто—зимой и печаль—радостью? Это—ритмъ. И мое горе, которое я сама считала такимъ огромнымъ и цѣннымъ, и вѣчнымъ—еслибы не вернулся Леонидъ—вдругъ исчезло, какъ будто его смыло волной. Набѣжала волна—не знаю откуда—сломала, смяла, унесла все, чѣмъ я страдала и болѣла. И я точно проснулась отъ тяжелаго кошмара, точно впервые увидѣла солнце и небо, и землю. И мнѣ захотѣлось жить. Жить хочется, мама! Но жить... Нѣтъ, все равно, ты не поймешь меня.

— Да что ты заладила, Ольга, „не поймешь, да не поймешь“! А я понимаю. Ты права. Это—реакція горя. Но чѣмъ же, чѣмъ все это кончится? Объ этомъ подумала ли ты?

— Ахъ, мама! Ты опять за свое. Да пойми же, наконецъ, я не хочу объ этомъ думать. Пока я люблю Забѣлина, у меня

будетъ съ нимъ продолжаться романъ. Пріѣдетъ Леонидъ... ну, я не знаю, что тогда. Если Забѣлинъ будетъ еще интересовать меня, какъ вотъ теперь, то... ну, что же? Видѣться, конечно, будетъ труднѣе. Но можно взять, какъ въ Парижѣ, pied à terre...

— Ольга!

— Не пугайся! — засмѣялась она. — Это вѣдь тоже грезы. Можетъ быть, ничего этого и не нужно будетъ. Но, Боже, до чего все скучно устроено въ жизни! Такъ скучно, такъ скучно! Почему жена должна любить одного мужа? Любовь—чувство глубокое, безпредѣльное. Въ немъ много самыхъ разнообразныхъ сторонъ. Отчего не распредѣлить разныя стороны на разныхъ людей?

Она взяла свой лобъ руками и поникла головой, замолчавъ сразу.

XXV.

Вѣра Алексѣевна чуть замѣтно барабанила пальцами по столу, когда вдругъ вошла Анна.

Анна оглядѣла мать и сестру, сказала имъ „здравствуйте" и сѣла за столъ.

— Особое совѣщаніе?—спросила она ироническимъ тономъ.— Я мѣшаю?

— Ничуть,—отвѣтила Вѣра Алексѣевна.—Ты очень поздно встаешь, Анна.

— Оставь, пожалуйста! Встаю, когда хочется. Вы съ Ольгой ужасно любите читать нотаціи. Но онѣ мнѣ и въ пансіонѣ надоѣли.

— Я?—вскрикнула Ольга.

— Да, ты.

— Да что съ тобой!

— Да ничего со мной! У насъ это въ семьѣ. Ты, мама, Мишка, всѣ мораль разводите, точно цвѣтную капусту на огородѣ. Ты мнѣ тогда въ театрѣ прочитала нотацію, что мнѣ нельзя продавать цвѣты или шампанское—я не помню—рядомъ со Стаховской! И вотъ изъ-за этого Мамаевъ мнѣ ничего и не устраиваетъ. Я въ твои дѣла не вмѣшиваюсь,—съ особеннымъ удареніемъ произнесла она,—а зачѣмъ же ты...

Она была раздражена, и дѣтская обида звучала въ ея миломъ голосѣ.

Ольга нагнулась къ ней и обняла ее.

— Прости, Аня. Я не знаю, почему тогда я это сказала тебѣ. Я была зла. Дѣлай что̀ хочешь. Въ этомъ счастье жизни, чтобы дѣлать что̀ хочешь, а не то, что̀ велятъ.

Анна широко раскрыла глаза, похлопала своими длинными, загнутыми рѣсницами и полуоткрыла свѣжій, молодой ротъ.

— А-а!—протянула она.

И, немного подумавъ, сообразила:

— Ты влюблена, Оляша?

— А ты?—улыбнувшись, спросила Ольга.

— И я, и я!—радостно закивавъ головой, отвѣтила Анна.

И вдругъ облако грусти заволокло ея глаза.

— Но я—безнадежно!—проговорила она.—Совершенно безнадежно. Мама! Отчего ты на насъ такъ смотришь, точно мы сумасшедшія?

— Да вы и есть сумасшедшія. Что̀ это съ вами обѣими, Господи!

— Ничего! То, что̀ всегда и со всѣми бываетъ. Вотъ ты на насъ глядѣла, глядѣла, да ничего не разглядѣла.

— И знаешь почему?—вдругъ спросила Ольга.

— Почему?

— Да потому, что глядѣла очень близко. Матери должны смотрѣть издали. Тогда будетъ перспектива.

Вѣра Алексѣевна пожала плечами и, грустно поникнувъ головой, ничего не отвѣтила.

— Мама,—заговорила Анна,—зачѣмъ ты не отдала меня въ балетное училище?

— Богъ знаетъ что̀ ты говоришь, Анна!

— Ничего не Богъ знаетъ! Вотъ я кончила пансіонъ и знаю всю эту алгебру, геометрію, ну, тамъ и другіе пустяки! Для чего мнѣ все это? И ненужно, и все равно забуду. А тамъ я бы танцовала въ балетѣ. Всѣ бы могли видѣть, какъ я сложена и какія у меня ноги. А теперь всѣ восхищаются Стаховской, а не мною. А замужъ я все равно не выйду, ни за эту ходячую аксіому Лубянскаго, ни за...

— За?—переспросила Вѣра Алексѣевна.

— За Мамаева.

Ольга засмѣялась.

— Конечно, за Мамаева не выйдешь.

— Почему, почему?—вдругъ вскипѣла Анна.—Потому что онъ... онъ... съ Стаховской? Что же, ты думаешь, я не могу отбить его, если я захочу?

Она по-дѣтски надула губы.

— Только я не хочу. Я бы могла женить его на себѣ. У него дѣла съ этой войной и неурядицами пошатнулись, и Стаховская недолго будетъ держать его. И, конечно, онъ бы женился на мнѣ, потому что у меня есть приданое. Но я не хочу.

— Почему?

— Потому что онъ женится на моихъ деньгахъ, а потомъ разведется и, взявъ мои деньги, опять сойдется съ Стаховской. Они будутъ счастливы, а я несчастлива.

Она заморгала глазами.

Вѣра Алексѣевна смотрѣла на нее съ искреннимъ удивленіемъ.

Ольга пересѣла ближе къ сестрѣ, нагнулась къ ней, обняла ее и, повидимому, неожиданно для самой себя заговорила какимъ-то тихимъ, проникновеннымъ голосомъ:

— Милая дѣвочка! Безъ страданій нѣтъ любви. Люби какъ умѣешь и какъ хочешь и кого хочешь. Не мнѣ читать тебѣ мораль. Я сама страдаю. Можетъ быть, мои страданія мелки въ глазахъ матери и другихъ, но я не умѣю страдать мелко. И каждое мое страданіе—злая боль. Но ты не бойся этого. Въ страданіи—жгучая сладость, и хорошо жить, когда чувствуешь за спиною смерть: она учитъ шутить съ жизнью, съ этимъ даромъ, который тебѣ даютъ, когда ты его не просишь, и отнимаютъ, когда ты привыкла къ нему и уже трудно съ нимъ разстаться.

Она замолчала. Анна смотрѣла на нее съ жгучимъ любопытствомъ и на глазахъ ея стояли слезы.

Ольга продолжала:

— Не бойся жизни, Аня, не бойся смерти, Аня, не бойся страданій и меньше всего бойся любви. Въ самыхъ страданіяхъ любви есть жгучая радость. Когда много страдаешь, солнечный свѣтъ кажется жестокимъ и ужаснымъ. У любви есть злой соперникъ—муки совѣсти. Если ты сильно любишь—побѣди его. Люби кого хочешь, и не думай о томъ, что ты приносишь горе другимъ. Свѣтъ такъ созданъ, что счастье одного мѣшаетъ счастью другого. Не считайся съ этимъ. Всѣхъ не осчастливишь, а сама будешь несчастна. Жизнь коротка, и если ты все только будешь думать о счастьи другихъ, то оно пройдетъ мимо тебя неслышными шагами, и ты никогда не узнаешь его. Это я и ему говорила. Потомъ ты погонишься за счастьемъ, но оно уже будетъ далеко. Оно скажетъ тебѣ: „Я было возлѣ тебя—отчего ты не остановила меня? Но теперь поздно, меня ждутъ другіе, очередные". Главное въ жизни очередь, Анна. Дошла очередь—

пользуйся. Пропустишь—потомъ уже ты выйдешь изъ ряда очередныхъ.

Ольга заплакала. Плакала и Анна, но Вѣра Алексѣевна слушала ея рѣчь, точно волшебную сказку, которой не вѣрила, не хотѣла вѣрить. И въ глубинѣ души она возмущалась этими анархическими рѣчами дочерей и не узнавала ихъ возбужденныхъ лицъ, ихъ страстныхъ рѣчей, ихъ горящихъ взглядовъ.

— Ольга,—проговорила она удрученнымъ голосомъ,—подумай, что ты говоришь дѣвочкѣ.

И Ольга точно ждала этого.

Она накинулась съ страстнымъ порывомъ на мать.

— Ахъ, мама, оставь! Тебѣ никогда не столковаться со мной! Для тебя жизнь—нѣчто драгоцѣнное, за что нужно цѣпляться. Для меня—это бездѣлушка, иногда драгоцѣнная, иногда уродливая. Дорожить той и другой безсмысленно. Для тебя нравственныя добродѣтели—все, для меня—ничто. Ты весь вѣкъ прожила безъ страсти и увлеченія, исполняя свой долгъ. Ты и насъ такъ вела, насколько умѣла и могла. Ну вотъ, а вышло совсѣмъ другое. Если жизнь—величайшая изъ безсмыслицъ, то какъ можно жить со смысломъ? Нужно жить, какъ живутъ цвѣты: ярко, красиво, ароматно и кратко. Пережить лѣто и исчезнуть. Нужно жить, какъ живутъ эфемериды—одно мгновенье. Нужно жить какъ бабочки: летать вокругъ огня съ рискомъ обжечь себѣ крылья... Но ты не постигаешь этого. Кто хочетъ свободы, тотъ не долженъ быть трусомъ. Вы всѣ говорите и строите планы и съ опаской оглядываетесь назадъ. Не нужно этого, милая! Свободнымъ не можетъ быть тотъ, кто боится свободы. Россія—большая страна съ большой, но испуганной и утомленной душой. И пока не пройдетъ этотъ испугъ и это утомленіе, ей не видать свободы. И я была испугана и утомлена. Теперь я ожила. Я громко говорю: жить хочу! И я ничего не боюсь. И пусть Анна ничего не боится, мама. Ты сама говорила о стеклянномъ колпакѣ, о здоровомъ организмѣ и о многомъ другомъ. А вотъ, когда деревцо выросло и окрѣпло, ты вдругъ хочешь надѣть на него стеклянный колпакъ и думаешь спасти его отъ непогоды! Какой вздоръ!..

Она нѣжно погладила Анну по головѣ. Анна теперь успокоилась и смотрѣла на нее благодарнымъ взоромъ.

— Боже мой, Боже мой!—качая головой говорила теперь, уже ни къ кому не обращаясь, а какъ бы отвѣчая на свои мысли, Вѣра Алексѣевна.—До чего дошло! Наступили новыя времена и въ лицѣ дѣтей нашихъ народились новые люди. И

я, дѣйствительно, ничего больше не понимаю. Но откуда вы? Вѣдь я васъ родила, я воспитывала васъ и никогда не говорила вамъ того, что̀ говорите теперь вы...

Ольга вдругъ засмѣялась.

— Ахъ, мама! Новаго ничего нѣтъ на землѣ. Все старо. Новымъ кажется то, что̀ хорошо забыто, и новое рождается изъ стараго. Всегда была любовь и свобода. Всегда было то, что ни тѣмъ, ни другимъ люди не умѣли пользоваться въ полной мѣрѣ. И всегда думали, что любовь можетъ длиться вѣчно, и потому придавали ей какое-то серьезное значеніе. А у древнихъ грековъ она длилась отъ „календъ“ до „идъ“, выражаясь о̀бразно, и потому она выигрывала въ силѣ, свободѣ и красотѣ... И потомъ...

Она еще хотѣла что-то прибавить, но вошелъ въ комнату Михаилъ.

Онъ даже не вошелъ, но влетѣлъ какъ ураганъ. Онъ не дошелъ до университета, а вернулся домой съ полпути на извозчикѣ, и въ рукахъ держалъ листокъ съ телеграммой.

Услыхавъ послѣднія слова сестры, онъ съ презрѣніемъ поглядѣлъ на нее, фыркнулъ и сказалъ:

— Вы говорите о любви и красотѣ, а Портъ-Артуръ палъ.

Это извѣстіе поразило всѣхъ какъ громомъ. Вѣра Алексѣевна смяла судорожнымъ жестомъ газеты и отбросила ихъ отъ себя.

Ольга такъ и осталась съ неоконченной фразой. Анна воззрилась на брата, съ жгучимъ любопытствомъ ожидая подробностей.

Михаилъ грузно опустился на стулъ и сказалъ:

— Портъ-Артуръ палъ безславно въ послѣднюю минуту. Крѣпость сдалась на милость побѣдителя. Смотрите: весь гарнизонъ дѣлается военно-плѣннымъ... „Суди насъ, Государь, но суди милостиво“... „Люди стали тѣнями“.

Онъ вдругъ не могъ дочитать; что-то схватило его за горло. Глухое, беззвучное, судорожное рыданіе вырвалось изъ его груди.

— Подло, подло это! — заговорилъ онъ. — Не герои-мученики, не герои-сверхчеловѣки виноваты, виноватъ режимъ... Этотъ глубокій сонъ, въ который погрузили Россію эти гражданскіе и военные бюрократы, которые ни о чемъ не позаботились, кромѣ своихъ выгодъ, ничего не предвидѣли, ничего не сумѣли предупредить... Все разлетѣлось по швамъ, все ползетъ при первомъ прикосновеніи. Все. И вотъ такія, какъ

Ольга,—онъ съ ненавистью взглянулъ на сестру,—такія, какъ Ольга, въ такую страшную минуту говорятъ о какой-то любви и какой-то красотѣ. О какой любви? О ресторанной любви къ красивому и пустому краснобаю? И всѣ говорятъ о своихъ дѣлахъ и дѣлишкахъ, о своихъ чувствахъ и чувствишкахъ, и потому погибаетъ Россія. Погибнетъ она!—воскликнулъ Михаилъ какимъ-то истерическимъ крикомъ.—Вмѣсто живого общественнаго дѣла въ ней царятъ салоны съ пустопорожними рѣчами, отдѣльные кабинеты съ любовными вздохами и соломенныя вдовы съ незаконными амурами.

Взоръ Ольги загорѣлся темнымъ пламенемъ.

— Какъ ты смѣешь!—вскрикнула она, хлопнувъ кулакомъ по столу такъ, что чашки зазвенѣли:—какъ ты смѣешь, мальчишка! Кто далъ тебѣ право вмѣшиваться въ мои дѣла? Самъ-то ты хорошъ! Говоришь о свободѣ, участвуешь на сходкахъ, выкрикиваешь разныя глупости, а самъ, а самъ... стѣсняешь свободу другихъ...

— Свобода, свобода! Да ты выучись прежде понимать это слово! Свобода, милая, вѣдь не то же самое, что̀ распущенность. Распущенность—рабство. Но ты права! Довольно говорить! Надо дѣйствовать!

— Ты, ты будешь дѣйствовать?!—съ оскорбительной насмѣшкой спросила Ольга.

— Да, я!—рѣзко крикнулъ Михаилъ.—Да, я. Надо не говорить, а надо выйти на улицу и громко требовать того, что̀ нужно. И надо, чтобы всѣ вышли какъ одинъ человѣкъ и всѣ требовали.

— И васъ всѣхъ заберутъ въ участокъ,—сказала Ольга съ тѣмъ дѣланнымъ спокойствіемъ, которое такъ выводило изъ себя брата.

— Дура!—вдругъ крикнулъ онъ съ загорѣвшимся взоромъ.

— Да какъ ты смѣешь!

Вѣра Алексѣевна вступилась.

— Дѣти, дѣти, ради Бога, что̀ вы дѣлаете!

И опять ей показалось, что передъ ней не дѣйствительность, а сказка. Мрачная, невѣроятная сказка.

Не у нея ли былъ строго выдержанный домъ, любящія другъ друга и ее дѣти? Не у нея ли царилъ образцовый миръ въ семьѣ? Не ея ли семья славилась милыми, дружескими отношеніями? И вдругъ все это, какъ по волшебству, исчезло. Точно ядовитый газъ разлился въ воздухѣ и отравилъ его. И вотъ люди, надышавшіеся этимъ газомъ, опьянѣли, перестали узнавать другъ

друга... У всѣхъ загорѣлись взоры, у всѣхъ вырываются изъ устъ крикливыя, гнѣвныя рѣчи, у всѣхъ закипаетъ въ душѣ ожесточеніе, ненависть, злоба... Да что же это, Боже мой, Боже мой!

XXVI.

Вся Россія и Петербургъ были глубоко взволнованы, глубоко потрясены извѣстіемъ о паденіи Портъ-Артура. Мальчишки весь день бѣгали по улицамъ и выкрикивали съ какимъ-то сладострастнымъ самоотверженіемъ:

— Паденіе Портъ-Артура! Паденіе Портъ-Артура!..

Прохожіе жадно ловили ихъ и выхватывали листки, совали имъ пятаки и двугривенные, забывая о сдачѣ. Всѣ шли по улицамъ, читая телеграммы, натываясь другъ на друга и даже не извиняясь.

На темномъ фонѣ горестно-неудачной, неслыхано-позорной для народнаго самолюбія войны, Портъ-Артуръ былъ единственнымъ свѣтлымъ пятномъ, единственнымъ символомъ того, что еще не все погибло для Россіи.

Героическая эпопея его защиты наполняла гордостью и счастьемъ скорбное, измученное, изболѣвшее сердце націи.

Портъ-Артуръ долженъ былъ пасть.

Объ этомъ говорила военная исторія своимъ богатымъ опытомъ, объ этомъ говорила логика, разумъ, ходъ событій, все, все!

Но душа не желала справляться ни съ однимъ изъ этихъ данныхъ. Казалось, хотѣлось вѣрить, что паденіе это совершится когда-нибудь въ далекомъ будущемъ, а можетъ быть и никогда не будетъ, если во-время подоспѣетъ ожидаемая помощь. Коллективная душа народа не вѣрила, не хотѣла вѣрить въ это паденіе.

Наконецъ, иначе представляли себѣ утрату Портъ-Артура. Думали, что онъ *падетъ* въ буквальномъ смыслѣ слова, то-есть, что его *возьмутъ* японцы, а не сдадутъ его русскіе. Что будетъ рѣзня на улицахъ! Что будетъ новая героически-трагическая картина паденія Новой Трои! Что „люди-тѣни“, буквально, будутъ биться до послѣдняго человѣка, до послѣдней капли крови, какъ это обѣщано было торжественно.

И вдругъ—сдача, на волю побѣдителя, съ орудіями, снарядами, припасами, людьми,—десятками тысячъ людей!

— Grande fut la déception! — узнавъ о паденіи крѣпости,

сказалъ—у „Медвѣдя"—Jules Ferrand Мамаеву.—Et maintenant la révolution est proche.

— Вы все свое! — отвѣтилъ Мамаевъ и пошелъ ужинать.

И Михаилъ Кардановъ горько оплакивалъ это паденіе. Тяжело видѣть крушеніе своего идеала. Тяжело видѣть развѣнчиванье героя. Тяжело присутствовать при фактѣ превращенія волшебной, поэтической сказки въ скучную, некрасивую прозу жизни.

Такъ много прозы на свѣтѣ, и такъ мало волшебныхъ сказокъ!..

Паденіе волшебной крѣпости было послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія народа.

Вся Россія заволновалась. Подымалось глухое броженіе. Что-то еще невѣдомое, еще неслыханное подымалось изнутри Россіи, какая-то грозная, таинственная волна, чреватая событіями. Такъ въ океанѣ начинаетъ качать корабль внутренняя сила, подымающаяся со дна его, въ то время, когда волны на поверхности его еще спокойны и гладки какъ зеркало.

Въ ближайшую къ событію пятницу, въ салонѣ Кардановой собрались ея многочисленные гости и обсуждали положеніе.

Михаилъ не присутствовалъ на этомъ собраніи. Эти праздные, какъ онъ ихъ называлъ, академическіе разговоры, претили ему. Да и къ тому же онъ проводилъ все свое время въ университетѣ и на какихъ-то частныхъ собраніяхъ въ квартирахъ. Ему было некогда слушать „слюнотеченіе маменькиной политической говорильни", потому что онъ былъ убѣжденъ, что „настоящее дѣло", настоящій „выходъ на улицу" подготовляется ими, молодежью, рабочими и отдѣльными передовыми вождями, тѣсно сплотившимися и объединившимися, какъ никогда еще дотолѣ на Руси.

Ольга имѣла еще одинъ разговоръ съ матерью, но этотъ разговоръ не привелъ ни къ чему, или, вѣрнѣе, привелъ къ тому, что Забѣлинъ получилъ въ ея жизни окончательное право гражданства.

Теперь они уже не считали нужнымъ скрываться такъ тщательно отъ людскихъ взоровъ и толковъ.

„Обнаглѣли", какъ однажды замѣтилъ вскользь Михаилъ.

И дѣйствительно, ихъ романъ росъ съ поразительной быстротой и интенсивностью. Они уже не владѣли собой. Въ ихъ взорахъ можно было читать какъ въ книгѣ.

Теперь уже не стѣснялись говорить съ Забѣлинымъ о его увлеченіи.

— Итакъ, вы влюблены, — сказала ему въ театрѣ Иларія Семеновна.

Отъ неожиданности онъ не нашелся, что̀ отвѣтить.

— Я? — чтобы выиграть время, вскрикнулъ онъ.—Господь съ вами! Въ кого?

Но мускулы лица его дрожали отъ счастья, губы невольно: растягивались въ улыбку, глаза блестѣли.

— Вы прекрасный адвокатъ,—отвѣтила она ему,—но плохой актеръ. Вы не владѣете мимикой, она владѣетъ вами.

— Но позвольте...

— И позволить нечего. Въ одномъ глазѣ у васъ написано: Оль... а въ другомъ—га. Это ясно какъ божій день.

Тогда онъ вздумалъ взять наглостью.

— Et puis après?—вызывающимъ тономъ спросилъ онъ.

— Mais... rien. Par le temps qui court, страсти становятся африканскими и полонятъ людей. Но по силѣ ли ломите дерево? Она испорчена, молода, капризна, какъ волна... Et elle doit couter cher. Смотрите, Мамаевъ уже изнываетъ подъ бременемъ Стаховской.

— Позвольте,—вспыхнувъ до корня волосъ, отвѣтилъ Забѣлинъ.—Ольга Петровна... если вы ее имѣете въ виду,—поправился онъ,—не Стаховская.

— О, тоже самое, увѣряю васъ. Только безъ званія балерины. Да и не все ли равно въ наше время: балерина, пѣвица, свѣтская женщина? Одно правило: чѣмъ женщина порядочнѣе, тѣмъ она дороже стоитъ.

Этотъ афоризмъ поразилъ его мѣткостью. Онъ вспомнилъ нѣсколько свѣтскихъ примѣровъ и свой собственный, и не могъ не улыбнуться.

Это дало мирное направленіе разговору. „Une détente", подумалъ онъ, потому что предполагалъ по первымъ словамъ, что разговоръ этотъ окончится рѣзкостями съ его стороны.

Но счастье его было болтливо, какъ всякое счастье, и ему хотѣлось поговорить объ Ольгѣ.

— Вы съ этимъ согласны? — спросила Иларія Семеновна, замѣтивъ его улыбку.

Онъ пожалъ плечами.

— Пожалуй. Вы правы, какъ всегда.

— Не то,—перебила она его.—Soyez franc! Où donc voulez-vous en venir? Вѣдь она замужемъ.

— „Онъ далеко, онъ не узнаетъ",—игривымъ тономъ проговорилъ Забѣлинъ, и самъ себѣ удивился.

— Разводъ?

— Почему я знаю! Какъ вы любите все взвѣсить, опредѣлить, предвидѣть!

— Не то! Но нуженъ же исходъ. Выходъ? Enfin, quoi? Эпилогъ неизбѣженъ. Вы похудѣли, но вамъ идетъ. Тутъ два выхода: „pas de trois", или разводъ. Пари, что вы уже думали такъ и этакъ. N'est-ce pas, Сергѣй Николаевичъ?—обратилась она къ мужу, который врядъ-ли слушалъ ее, потому что ея вѣчная болтовня давно надоѣла ему.

— Да, конечно, мы вамъ пришлемъ билеты, а вы ихъ раздайте знакомымъ,—совершенно неожиданно отвѣтилъ тотъ.

Иларія Семеновна и Забѣлинъ расхохотались; Сергѣй Николаевичъ, понявъ ошибку, сконфузился.

— Ахъ, ты развѣ не объ этомъ спектаклѣ говоришь!

Иларія Семеновна махнула рукой и ничего не отвѣтила.

— А propos!—обратилась она къ Забѣлину.—Любовь предполагаетъ добрые душевные порывы. Я теперь организую портъ-артурскій вечеръ. Мнѣ нужно будетъ ваше содѣйствіе. Я еще не рѣшила, въ какой формѣ. Мнѣ это неясно. Не то, впрочемъ! Мнѣ ясно, что содѣйствіе ваше нужно, такъ какъ, благодаря вашему сенсаціонному роману съ Ольгой, vous êtes devenu un monsieur à la mode въ нѣкоторыхъ кругахъ общества. Такой романъ всегда интересуетъ, интригуетъ. Въ немъ что-то „мопассановское". Ну, я подумаю. Вы что-нибудь прочитаете.

Теперь Сергѣй Николаевичъ сдѣлался осторожнѣе и, вслушавшись внимательно, какъ эхо проговорилъ:

— Да, прочитаете что-нибудь. Вѣдь вы поэтъ. Я очень люблю ваши стихи. Въ нихъ есть что-то...—онъ подумалъ, потеръ лобъ, но ничего придумать не могъ и сказалъ: — enfin, что-то „мопассановское".

Иларія Семеновна криво усмѣхнулась.

— Allons, c'est bon.

И она начала излагать Забѣлину свои предположенія о портъ-артурскомъ вечерѣ.

Иларія Семеновна тоже была посѣтительницей салона Вѣры Алексѣевны, но никогда никакого участія въ политическихъ дебатахъ не принимала. Она являлась въ качествѣ quêteuse на свои вечера или же въ качествѣ любопытной наблюдательницы за романами Анны съ Лубянскимъ или Мамаевымъ и Ольги съ Забѣлинымъ. Чужіе романы, за отсутствіемъ собственнаго, всегда были ея страстью, какъ и благотворительность, въ которую она ударилась отъ безпросвѣтно-скучной прозы своей брачной жизни.

Ужъ очень Сергѣй Николаевичъ не былъ похожъ на героя даже самаго незначительнаго, самаго плохонькаго романа.

И она часто даже въ этомъ упрекала его.

— Ну, зачѣмъ ты женился на мнѣ? Вѣдь безъ тебя я бы, можетъ быть, вышла замужъ за человѣка болѣе интереснаго. Хотя бы ты влюбился въ кого! Нѣтъ, не то. Влюбись—все равно ревновать не буду. Кому ты нуженъ? Ты умѣешь только подписывать бумаги, бюрократъ!

Это стало у нея въ послѣднее время, въ подражаніе модѣ, самымъ браннымъ словомъ.

— У каждаго мужчины есть всегда, au moins, двѣ стороны: вотъ Мамаевъ — служитъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, если спросятъ, „кто такой Мамаевъ", скажутъ:—балетоманъ. Вотъ Забѣлинъ—адвокатъ, но онъ же и поэтъ. Et ainsi de suite. А ты? Бюрократъ. C'est tout.

Онъ ничего не отвѣтилъ, но, по обыкновенію, не то виновато, не то таинственно улыбался, какъ улыбаются иногда бутадѣ ребенка, говорящаго милыя глупости.

XXVII.

Въ эту пятницу Иларія Семеновна озабоченно носилась по городу съ портъ-артурскимъ вечеромъ и не была у Вѣры Алексѣевны, чѣмъ рѣшительно всѣ были очень довольны.

Ольга сидѣла съ Забѣлинымъ въ самой отдаленной комнатѣ въ то время, какъ въ салонѣ шли дебаты. Анна очень поблѣднѣла въ послѣдніе дни.

Она чувствовала себя несчастной. Романъ съ Мамаевымъ рѣшительно не устраивался. Она запомнила твердо послѣдніе совѣты Ольги, и они глубоко запали ей въ душу. У Мамаева, по слухамъ и по ея наблюденіямъ, романъ съ Стаховской шелъ быстро къ развязкѣ.

Въ балетномъ муравейникѣ всѣ были заинтересованы этимъ разрывомъ, близкимъ къ осуществленію. Стаховскую въ балетѣ не любили, за то, что она была красивѣе всѣхъ и талантливѣе всѣхъ и, можетъ быть, нравственнѣе многихъ, несмотря на то, что Мамаевъ числился уже не первымъ ея поклонникомъ.

Прекрасные задатки ея сердца и характера были испорчены съ юныхъ лѣтъ.

Она попала въ кружокъ танцовщицъ, въ домахъ которыхъ

собиралась молодежь высшаго административнаго и аристократическаго круга.

Блескъ роскоши и повадокъ богатыхъ людей ослѣпилъ ее, развилъ въ ней страсть и любовь къ комфорту, дорогимъ платьямъ, парюрамъ, лошадямъ. И все это стало ей нужнѣе всего.

Но на ряду съ этими стремленіями къ богатой жизни въ ней билось простое, доброе сердце, поэтическіе порывы, романическія грезы, и ей чудилось въ жизни что-то прекрасное, красивое и горячее, какая-то любовь-мечта, которая должна существовать гдѣ-то, и, вотъ, она гналась за нею, искала ее, ошибалась, не находила, разочаровывалась, страдала и возвращалась снова къ единственно реально существующимъ и несомнѣннымъ мыслямъ о богатствѣ, блескѣ и роскоши...

Въ послѣднее время Мамаевъ пересталъ удовлетворять ея прихоти. Съ возникновеніемъ войны дѣлà его шли все хуже и хуже; люди стали жаться въ расходахъ, не хватало средствъ вести широкую жизнь, а стремленіе къ этой жизни, напротивъ, возросло у всѣхъ въ виду какой-то нервной неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, въ виду какого-то особо нервно-возбужденнаго настроенія.

Политическія событія незамѣтно, но вѣрно проникаютъ во внутреннюю психологію людей и мѣняютъ ихъ психическое самочувствіе.

Не удовлетворившись въ своей любви и въ своихъ потребностяхъ, Стаховская, видимо, искала теперь разрыва съ Мамаевымъ, завязавъ какой-то черезчуръ кричащій романъ съ извѣстнымъ опернымъ пѣвцомъ. И объ этомъ всѣ въ балетѣ говорили съ особенной язвительностью, потому что ее не любили. И Мамаевъ очень страдалъ отъ этого романа и отъ этихъ разговоровъ, страдалъ больше, какъ снобъ въ его снобическомъ самолюбіи, которое было уязвлено.

И тѣмъ не менѣе, всѣ авансы Анны, которая была au courant этой исторіи, не имѣли успѣха. Мамаевъ всячески уклонялся отъ предлагаемаго ему романа.

Чтò такое эта Анна для него? Хорошенькая дѣвочка съ большими капиталами. Но на ней надо жениться. Это очень просто и очень буржуазно. И, наконецъ, онъ еще слишкомъ молодъ, чтобы жениться и окончательно сдѣлаться мужемъ и отцомъ.

Поэтому онъ, какъ новый Евгеній, прочитывалъ Аннѣ сдержанныя нотаціи и удалялся отъ нея. Прежде, когда его отношенія къ Стаховской, казались ему прочными, онъ еще допускалъ нѣкій дополнительный флиртъ съ „дѣвочкой общества“;

это было даже изящно, нѣсколько позировало его, было красиво съ извѣстной точки зрѣнія.

Но теперь, когда почва заколебалась подъ его ногами, Анна потеряла для него всякій интересъ.

И Анна блѣднѣла и таяла...

Въ салонѣ шли разговоры.

— Еслибы этотъ указъ 12-го декабря, — говорилъ Бояриновъ, — появился нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, всѣ сочли бы его актомъ первостепенной важности. А теперь? Вмѣсто того, чтобы благодарить, дерзко стали требовать государственнаго переворота. „Интеллигенція“, — онъ придалъ этому слову особенно презрительное выраженіе, — видите ли, усмотрѣла въ указѣ новую уступку, новый признакъ слабости правительства. Новая слабость растерявшагося правительства — это новая побѣда смутьяновъ.

— Позвольте, — съ горячностью вступился Калитинъ, чуть не выронивъ чашки съ горячимъ чаемъ изъ рукъ. — У васъ странныя мысли и странныя выраженія.

— Извольте... въ чемъ же?

— Во всемъ. Чтò значитъ: „дерзко требовать государственнаго переворота“?

— Развѣ реформа государственнаго строя — не переворотъ? — съ ироніей въ тонѣ спросилъ Бояриновъ.

— Согласенъ. Но требовать реформы, то-есть обновленія обветшавшаго строя, не значитъ еще быть дерзкимъ. Если вы замѣняете мостовую передъ вашимъ домомъ, мостовую, пришедшую въ совершенную негодность отъ несовершеннаго устройства и долгаго употребленія, новою — это не значитъ, что вы дерзки, а только — что вы мудры. Это азбука-съ. А чтобы выстроить новую, нужно снести старую до основанія. Да-съ.

— Пусть такъ! Но для этого надо подготовить рабочихъ.

— Старая пѣсня-съ! „Народъ не готовъ — его нельзя освободить отъ крѣпостной зависимости“, говорили въ оныя времена. Ежели бы мы ждали, народъ до сихъ поръ сидѣлъ бы въ оковахъ рабства на непринадлежащей ему землѣ.

— И, можетъ быть, было бы лучше, — сказалъ Бояриновъ.

Калитинъ съ глубокимъ презрѣніемъ и ненавистью посмотрѣлъ на него.

— Конечно, было бы лучше, — сказалъ онъ. — Лучше всего было бы выстроить вокругъ Россіи китайскую стѣну, не пускать никого ни за нее, ни изъ-за нея. Но вѣдь ничего нѣтъ вѣчнаго на свѣтѣ: и китайская стѣна, въ концѣ концовъ, обветшала бы

я рухнула. — Позвольте! — взвизгнулъ онъ,—я еще не кончилъ. Я хочу сказать, что я такъ же, какъ и вы, недоволенъ указомъ.

— Да?—протянулъ Бояриновъ.—Очень пріятно слышать.— Но въ какомъ смыслѣ?

— Конечно, не въ вашемъ. Это—полумѣры, нащупыванье. Этого-то и не нужно.

— А что̀ нужно?

— Нужна одна коренная, ясная, откровенная, громко-провозглашенная реформа. Остальное приложится.

— Конституція?

— Да! — рѣзко сказалъ Калитинъ. — Но не западно-европейская, буржуазная, а настоящая, демократическая.

— Можетъ быть, просто анархія?

Калитинъ вскипѣлъ.

Онъ хотѣлъ наговорить дерзостей своему оппоненту, когда, взявъ его за руку, началъ говорить Вешняковъ.

Вѣра Алексѣевна поблагодарила его взглядомъ за то, что онъ предотвратилъ почти неизбѣжный скандалъ.

Вешняковъ — въ синихъ очкахъ, съ длинной бородой, самъ худой и длинный, походилъ на старообрядческаго начетчика.

И голосъ его былъ елейный, спокойный, вразумительный. Когда онъ говорилъ, казалось, все внимало его кадансированной рѣчи, но это вниманіе было ложное: въ сущности, всѣмъ дѣлалось скучно, скучно до зѣвоты, до гипнотическаго сна, и отъ его умѣренныхъ взглядовъ, и отъ его умѣреннаго голоса.

— Вы говорите, господа, о парламентѣ, — началъ онъ, — а сами не умѣете, извините, спорить. Есть цѣлая наука о методахъ спора. Отчего не дать высказаться каждой сторонѣ? Отчего не выслушать каждую сторону? Изъ столкновенія мнѣній рождаются первоначальные элементы истины.

— Ой, какъ все это удивительно свѣжо, ново и интересно!— проговорилъ вполголоса Игнатьевъ, обращаясь къ Кучинову.

Но Кучиновъ ему ничего не отвѣтилъ. Онъ одинаково презиралъ и этого полоумнаго нео-ницшеанца, и этого снотворнаго „умѣреннаго“. Для него существовала одна истина: „истина малыхъ дѣлъ“.

— Это не свѣжо и неинтересно,—наконецъ, послѣ глубокомысленнаго размышленія, проговорилъ онъ.—И не важно, чтобы все было непремѣнно интересно. Важно одно: если ты шьешь хорошо хотя бы сапоги, то это уже важно. Пусть каждый сапожникъ дѣлаетъ сапоги образцово, и пусть каждый чиновникъ образцово пишетъ бумаги, а каждый земецъ образцово чинитъ

дороги. Представьте, что каждый будетъ дѣлать въ полной мѣрѣ свое маленькое дѣло—изъ этого выйдетъ нѣчто грандіозное. Вы съ этимъ несогласны? Но вѣдь каждый каменьщикъ несетъ по кирпичу, только по кирпичу, а выростаетъ огромный домина. Но когда каждый каменьщикъ начнетъ презирать свою маленькую работу и отшвырнетъ отъ себя съ презрѣніемъ кирпичъ, возомнивъ, что онъ призванъ на высшее дѣло, то какъ же, скажите, выростетъ домъ? У насъ вся ошибка и все нестроеніе—въ томъ, что каждый хочетъ править, а не работать.

Игнатьевъ давно махалъ руками, пытаясь прекратить его словоизверженіе и возразить ему.

Но Кучиновъ былъ неумолимъ.

Вешняковъ продолжалъ:

— Я хочу сказать, что реформы нужны, даже, вѣроятно, очень нужны. Но какія? Самыя умѣренныя на первыхъ порахъ. Чтобы дойти до представительства, нужно пройти стажъ. Да-съ, нужно пройти стажъ; нужно подготовить людей, нужно подготовить общество, нужно подготовить народъ. Вы говорите: конституція, земскій соборъ, дума—это все равно. Это форма. Но за формой содержаніе. Важно, что̀ будетъ за этой формой. Ребенка восьми — двѣнадцати лѣтъ вы не опредѣлите прямо въ седьмой классъ. И народа отъ бюрократическаго режима вы не поведете прямо къ конституціи. Это—nonsens. Вотъ что̀ нужно: расширеніе земскаго и городского самоуправленія...

— Чинить безъ спросу и на собственный счетъ дороги и больничные умывальники? — съ ехидствомъ вставилъ Калитинъ, которому надоѣло слушать это „слюнотеченіе“, какъ онъ называлъ манеру Вешнякова говорить.

Вешняковъ не удостоилъ его взглядомъ изъ-подъ синихъ очковъ, но слышалъ его слова и принялъ ихъ къ свѣдѣнію.

— Дѣла много и помимо умывальниковъ. Итакъ, я говорю...

Вѣра Алексѣевна начала судорожно зѣвать.

Ей показалось, что это не рѣчь Вешнякова звучитъ въ ея ушахъ, а сыплется мелкій, противный осенній дождь, какъ-то прорвавшійся черезъ потолокъ въ ея салонъ, хотя на дворѣ стоялъ морозъ.

Но когда Вешняковъ говорилъ, ей всегда казалось, что идетъ дождь. И всѣ имѣли вялый и сонный видъ.

А Вешняковъ продолжалъ говорить. И всѣ ждали, чтобы его кто-нибудь перебилъ.

Но онъ говорилъ, такѣ тѣсно нанизывая слово на слово, что не оставалось ни единаго мгновенія, ни единаго просвѣта,

чтобы прервать брешь этой мелкой сѣти „словеснаго загражденія".

Вдругъ Калитинъ, который давно уже выражалъ самые явные признаки нетерпѣнія, вдругъ вскипѣлъ негодованіемъ, и обрушился всей тяжестью и силой своей энергичной рѣчи на „точившаго" Вешнякова.

— Да что вы тамъ словеса какія-то точите! — закричалъ онъ.—Все ясно: Портъ-Артуръ палъ; весь тихоокеанскій флотъ погибъ; на сушѣ всюду и вездѣ терпимъ пораженія. Это послѣдняя капля въ чашѣ нашего долготерпѣнія. Это толчокъ этой чашѣ. Она переполнена и должна—понимаете вы?—должна пролиться. И она прольется. Это толчокъ къ соціальной революціи. Я жду.

— Чего? — тѣмъ же ровнымъ голосомъ проговорилъ Вешняковъ.

— Событій.

— Какихъ?

— Всякихъ. Самыхъ худшихъ.

— „Народъ безмолвствуетъ"...

— Неправда. Что вы знаете о народѣ? Вы и народъ-то называете не народомъ, даже не крестьянами, а „мужикомъ" и даже не мужикомъ, а мужичкомъ. „Нашъ мужичокъ" и прочее. И вы всѣ пляшете вокругъ этого мужичка, какъ дикари вокругъ невѣдомаго фетиша. Бросить все это надо! Народъ часто подымался и ходилъ съ топорами. Пугачовщина живетъ въ немъ. Только троньте его шкурные интересы, онъ покажетъ себя вамъ, этотъ сфинксъ. И вотъ, именно, ихъ надо тронуть, чтобы вызвать соціальную анархію. Эта анархія смететъ все старое, негодное. На новомъ, чистомъ мѣстѣ создастся соціальная революція, а затѣмъ правовое государство. Вотъ что нужно и нужно немедленно. Это историческій методъ и ходъ всякаго обновленія и освобожденія.

Тутъ поднялся такой гамъ, что ничего разобрать стало невозможно.

Всѣ окружили Калитина, и каждый старался говорить громче и перекричать другого, чтобы заставить себя услышать.

Но Калитинъ всѣмъ этимъ мало смущался и кричалъ громче всѣхъ. Вошедшій въ это время Вадимъ съ изумленіемъ и испугомъ посмотрѣлъ на всѣхъ и сдѣлалъ движеніе, чтобы уйти.

— Седьмая палата!—проговорилъ онъ.—Отдѣленіе буйныхъ.

Но потомъ, поискавъ глазами мать и не найдя ее, онъ заинтересовался не самымъ споромъ, а картиной спора.

Эти оживленныя лица, эти пылавшіе глаза и эти хриплые крики были до такой степени новымъ явленіемъ на Руси, что даже ему, этому убѣжденному поклоннику долга, сдѣлалось интересно.

У Вѣры Алексѣевны началась мигрень.

Она была хозяйкой дома, но часто исчезала изъ своего салона à l'anglaise, ни съ кѣмъ не прощаясь. И теперь она вышла изъ гостиной и прокралась въ будуаръ, гдѣ хотѣла прилечь на диванчикъ.

Въ будуарѣ было полутемно. Одинъ только фонарь, висѣвшій съ потолка, освѣщалъ комнату темно-желтымъ, скорѣе оранжевымъ цвѣтомъ.

Въ углу дивана, въ дѣтски-безпомощной позѣ, какъ глубоко обиженный нелѣпой несправедливостью ребенокъ, сидѣла Анна. Голова ея, прислонившись на спинку дивана, была закрыта руками.

Сквозь тонкіе, блѣдные, красивые пальцы ея рукъ текли слезы. Все тѣло вздрагивало отъ ея беззвучныхъ, глухихъ рыданій.

Вѣра Алексѣевна подумала: „Бѣдная Аня!"—и прошла на цыпочкахъ дальше, не желая нарушить уединеніе дочери.

„У Ани, — думала Вѣра Алексѣевна, несмотря на усилившуюся мигрень,—у Ани первое недѣтское горе, нераздѣленная любовь. Въ мірѣ все симметрично и во всемъ должна быть гармонія. Одностороннее чувство горько. Такъ говорятъ, по крайней мѣрѣ".

Она сама, Вѣра Алексѣевна, этого не испытала. У нея все въ жизни было ясно, просто, опредѣленно и ровно—ровно, какъ шоссейная дорога. Никого и никогда она сильно не любила, ничто ее не захватывало, ничто особенно не интересовало.

Она спокойнымъ шагомъ шла по этой дорогѣ, отдыхая по оазисамъ — рожденіемъ дѣтей. Только это вносило еще въ ея жизнь нѣкоторое разнообразіе и хлопотливость, выбивавшую ее и весь домъ изъ обычной колеи мирнаго прозябанія.

И ей казалось, что этому пути нѣтъ конца, и что оазисовъ, можетъ быть и другого характера, по дорогѣ много. Поэтому она шла не спѣша, спокойно, себя не тревожа и ни въ чемъ себѣ не отказывая.

И вдругъ налетѣлъ ужасный смерчъ и унесъ ея мужа изъ ея жизни.

Это былъ первый жестокій ударъ, вырвавшій ее изъ колеи. И она пережила тяжкія минуты.

Но потомъ она нашла себѣ развлеченіе въ политическомъ салонѣ, стала успокаиваться.

Уравновѣшенная натура ея взяла верхъ. Но вотъ Аня плачетъ, съ Ольгой творится что-то неладное, Михаилъ смотритъ звѣремъ на Вадима, и всѣ они—индифферентны къ ней.

А она что-жъ? Развѣ когда-нибудь она претендовала играть роль у своихъ дѣтей. Нѣтъ! У каждаго изъ нихъ былъ свой особый, довольно замкнутый міръ, въ который ее, мать, уже больше не впускали.

— Бѣдная Аня!—еще разъ прошептала она, и прошла неслышными шагами въ уборную.

XXVIII.

Ея педагогическая система „невмѣшательства“ привела ее къ тому, что она отчуждилась отъ дѣтей.

Никогда не умѣла она вызвать ихъ на дружескую, интимную откровенность, никогда не умѣла найти нужнаго слова, чтобы помочь, утѣшить,—того слова, котораго и искать-то не приходится и которое не рождается въ умѣ, а какими-то таинственными путями звучитъ въ сердцѣ и срывается съ языка.

Ея попытки въ этомъ направленіи не имѣли никакого успѣха; слова выходили холодными, иногда неумѣстными, въ лучшемъ случаѣ—ненужными.

И Вѣра Алексѣевна не остановилась для утѣшенія Ани, успокоивъ себя сентенціей: „Дѣтское первое горе—не горе. У нея здоровая, нравственная натура; она переработаетъ, справится съ этимъ горемъ“.

Но въ уборной Ольги. уставленной по стѣнамъ рядомъ одинаковыхъ, спеціально сдѣланныхъ шкаповъ изъ бѣлаго дерева, умывальникомъ и туалетомъ, на низкомъ диванѣ, въ уютной позѣ, сидѣла Ольга съ Забѣлинымъ.

Это поразило Вѣру Алексѣевну.

„Боже мой, нашли мѣсто!“—подумала она, и прошла мимо скорой походкой, чтобы не спугнуть эту парочку.

Какъ тѣнь уходила она отъ призраковъ своихъ дочерей, у которыхъ такъ неожиданно разыгрались сердечные романы.

Мигрень ея усиливалась. Подъ ея вліяніемъ у нея начали складываться скверныя мысли.

Въ первый разъ въ жизни она усомнилась и въ своихъ педагогическихъ способностяхъ, и въ своемъ материнскомъ сердцѣ.

Она прошла въ спальню и легла на кровать, не будучи въ силахъ переносить дольше головную боль...

— Я не видѣлъ тебя цѣлый день!—говорилъ какимъ-то обиженнымъ дѣтскимъ голосомъ Забѣлинъ.—Цѣлый день! Это ужасно, ужасно, Ольга. Я чувствовалъ себя погребеннымъ. Дышать было нечѣмъ, свѣтъ мнѣ казался тьмою.

Ольга улыбнулась.

— Ты говоришь красиво. Развѣ всѣ адвокаты и поэты говорятъ красиво? Можетъ быть, это изъ твоихъ стиховъ?

Удрученнымъ взоромъ онъ посмотрѣлъ на нее.

Въ эту минуту онъ рѣшительно не понималъ ее. Какъ можетъ она такъ шутить, когда онъ такъ ужасно страдаетъ!

— Ольга! — вскрикнулъ онъ.—Ты жестокая, жестокая. Но это все равно. Я люблю тебя!

Она пожала плечами.

— Я уже это слышала. Но это не ново. Скажи что-нибудь новое. Это становится похожимъ на нашъ салонъ, гдѣ слышишь постоянно слова: „конституція“, „революція“. Когда часто повторяешь слово, оно начинаетъ звучать ординарно и терять свое значеніе. Вотъ мы убѣжали отъ людей, а ты принялся за старое.

На нее, очевидно, нашла дурная минута, когда ей хотѣлось помучить его. На нее находили такія минуты, какъ находятъ онѣ иногда на скверныхъ мальчишекъ, отрывающихъ у пойманныхъ мухъ крылья и ноги, ради сладострастнаго желанія видѣть муки безпомощности и боли.

Но онъ никогда не умѣлъ угадывать этихъ скверныхъ минутъ Ольги.

Каждый разъ ему казалось, что теперь наступилъ уже конецъ ихъ любви, что она пришла къ своему естественному окончанію.

И ему становилось страшно.

— Но не могу же я говорить, что тебя ненавижу,—сказалъ онъ.

— Этому я не повѣрю. Не надо ничего говорить. Смотри на меня, любуйся и... умирай медленной смертью, — засмѣялась она.

— Ты шутишь, ты играешь моимъ сердцемъ,—горестно сказалъ онъ.—Я страдаю.

— „Не тронь его—оно разбито“,—проговорила Ольга.—Ну, чудесно! Поговоримъ серьезно. Отчего ты страдаешь? Развѣ тебѣ мало того счастья, которое я дала тебѣ? Развѣ тебѣ мало, что ты видишь, слышишь, говоришь со мной?

— Ахъ, Ольга! Это не то. Это счастье краденое, счастье наполовину. Мы — воры. Мы воруемъ его. Это счастье вспыхнуло неожиданно, не знаю, какъ и гдѣ... а теперь я вижу, я чувствую, я ощущаю, что ты уже не та... ты какъ-то не хочешь видѣться со мною, прячешься...

— Да, да, это необходимо. Это необходимо. Мы уже и такъ афишировали наши отношенія. О нихъ говорятъ по всему городу.

Вдругъ приливъ ярости овладѣлъ имъ.

Онъ вскочилъ. Ольга въ первый разъ видѣла этого кроткаго, тихаго человѣка, этого послушнаго и покорнаго въ ея рукахъ раба, въ такомъ возмущеніи.

— Пусть говорятъ! — крикнулъ онъ такъ, что она зажала ему ротъ рукою. — Пусть говорятъ, — нѣсколько уже тише, дрожащимъ отъ внутренняго волненія голосомъ, продолжалъ онъ. — Мнѣ все равно. Я укралъ чужое счастье? Ну, укралъ. Я взялъ у своего друга единственную драгоцѣнность, которую онъ имѣлъ? Пускай. Я укралъ ее тогда, когда онъ не могъ защитить ее, когда онъ далеко отъ своего дома, когда онъ на войнѣ? Ну, что-жъ? Ну да, укралъ, укралъ! Ну, я воръ и подлецъ. Развѣ же это тебѣ не извѣстно? Но если я воръ и подлецъ, — повторялъ онъ, чувствуя наслажденіе отъ этихъ словъ, — то я хочу имъ быть до конца. Если я укралъ драгоцѣнный камень дивной красоты, то вѣдь не для того же, чтобы спрятать его на дно сундука и чтобы никто никогда его не увидѣлъ, имъ не полюбовался...

— Ахъ, вотъ что! — протянула она. — Тебѣ нужно это тщеславіе?

— Хочу любить открыто. На яркомъ свѣту божьемъ. Я хочу кричать на улицахъ и площадяхъ объ этой любви.

— Да что съ тобой?! — засмѣялась она. — Развѣ теперь можно кричать на улицахъ о такихъ глупостяхъ? Чтобы твои же коллеги-адвокаты сказали: всѣ кричатъ о политикѣ, о равной, тайной, прямой и — забыла еще какой подачѣ голосовъ, а Забѣлинъ кричитъ о любви къ хорошенькой каменной женщинѣ! Твоя политическая карьера будетъ кончена, кончена навсегда. А судьба, можетъ быть, готовила тебя въ Дантоны или Робеспьеры.

Его порывъ упалъ.

Онъ взглянулъ на нее грустнымъ-грустнымъ взоромъ и уже тихо, совсѣмъ тихо, прежнимъ рабскимъ голосомъ, сказалъ:

— Ты шутишь, ты все шутишь... Но ты не любишь, не любишь меня!

— Нѣтъ, не люблю... какъ ты это понимаешь. Я люблю иначе. Но ты этого не понимаешь. И не поймешь. А хвастался когда-то, что мы съ тобой созданы другъ для друга... Я уже разъ говорила тебѣ: ты дѣйствуешь на мои нервы, на мое воображеніе. Это скучно повторять. Не понимаешь? И не надо! Только слушай меня и дѣлай то, что̀ я велю. Вотъ твой недавній порывъ, порывъ возмутившагося раба—мнѣ понравился. Въ немъ есть особая прелесть.

Она закрыла глаза, схватила его голову обѣими руками и покрыла поцѣлуями его глаза.

И опять онъ сталъ ея прежнимъ рабомъ, готовымъ на все.

Между тѣмъ, въ салонѣ продолжались разговоры; волненія улеглись, спорщики устали. Говорили теперь спокойнѣе, сдержаннѣе.

Зимницкій выдвинулъ на сцену новую теорію.

— Я называю это гегельянской теоріей самодержавія. Самодержавіе, — говорилъ, онъ, — въ минуту нестроенія Руси, всеобщаго разлада,—въ далекую историческую минуту—было вручено самимъ народомъ избранному имъ царю. Такъ сказать, дискреціонная диктаторская власть, врученная, повторяю, народомъ одному лицу. Эта власть совершила весь свой циклъ. Она была полезна, необходима, исчерпала сама изъ себя все, что̀ было нужно для благосостоянія народа. Совершивъ все, чего отъ нея ждали, она должна теперь естественнымъ образомъ вернуться къ своему первоисточнику, должна быть передана народу, который временно довѣрчиво уступилъ ее на періодъ исторической опасности. Вы меня понимаете?

Калитинъ сказалъ:

— Это очень интересно, и этимъ слѣдуетъ позаняться.

И начались обсужденія этой новой точки зрѣнія.

Валер. Свѣтловъ.

КИТАЙ

и

ЕГО ВООРУЖЕННЫЯ СИЛЫ

Окончаніе.

II. *).

Китай, вступивъ на путь, указанный ему Европой, и признавъ необходимость, для самозащиты отъ этой Европы, создать по-европейски обученныя войска, не можетъ уже въ настоящее время остановиться на полупути, но долженъ довести до конца предпринятое дѣло созиданія своихъ вооруженныхъ силъ.

Вопросъ этого созиданія китайскихъ армій сводится въ настоящее время уже не къ тому, что Китай неспособенъ быть военнымъ государствомъ, а къ тому, какія внутреннія или внѣшнія условія могутъ помѣшать Китаю создать настолько сильную, правильно организованную, обученную и вооруженную армію, которая могла бы выдержать предстоящую въ надвигающемся будущемъ борьбу Китая съ европейскими арміями и отстоять независимость и нераздѣльность государства. Вѣдь едва ли рѣшится кто отрицать, что настоящее политическое положеніе дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ ставитъ на очередь вопросъ, если не дѣлежа Китая между европейскими государствами, то подчиненіе Китая вліянію одной или нѣсколькихъ державъ.

А что, если Китай не захочетъ подчиниться ничьему вліянію, и начнетъ дѣйствовать самостоятельно,—кто можетъ ему въ этомъ помѣшать?

---

*) См. выше: февр., стр. 497.

Прежде всего, будетъ губить самостоятельность Китая само же китайское правительство. Личная борьба чиновничьихъ партій за вліяніе при дворѣ, борьба партіи консервативной, чрезвычайно жизненной, но косной, съ партіей прогрессивной, далеко однако немногочисленной; національная борьба китайцевъ съ манчжурами за вліяніе и первенство,—все это будетъ отвлекать умы государственныхъ китайскихъ людей отъ пониманія грозящей общей опасности Китаю и направитъ все ихъ вниманіе на узко-личную борьбу. Политика, которой держался такой выдающійся государственный человѣкъ, какъ Ли-Хун-Чангъ, относившійся съ презрѣніемъ къ могуществу европейцевъ въ Китаѣ и полагавшій, что, натравляя одно государство на другое, онъ сломитъ это могущество, а вводимыми реформами подниметъ населеніе Китая,—въ настоящее время уже не существуетъ. Европейскія государства объединятся въ борьбѣ противъ самостоятельности Китая.

Десять лѣтъ тому назадъ, изъ всѣхъ европейскихъ державъ Ли-Хун-Чангъ признавалъ громадное значеніе для Китая только за Россіей; но во время могущества Ли-Хун-Чанга русская дипломатія не заключила прочнаго союза съ Китаемъ, такъ какъ она отвлекалась отъ прямой своей дороги на ложный и опасный путь, слѣдуя за чуждой русскимъ интересамъ европейской дипломатіей. Русская политика послѣднихъ лѣтъ не понимала истинныхъ интересовъ Россіи въ Китаѣ и Кореѣ, а дѣятели-временщики, преслѣдуя свои личныя цѣли, но не интересы русскаго народа на Дальнемъ Востокѣ, подорвали вѣру и надежду въ русское дѣло въ Кореѣ. Въ настоящее время вся Россія пожинаетъ кровавые плоды, которые получились отъ длинныхъ рядовъ ошибокъ, неискренности, лжи, произвола, невѣжества и преступной распущенности большинства временныхъ дѣятелей...

Личная борьба государственныхъ людей Китая и нравственная многихъ испорченность, конечно, могутъ задержать ростъ могущественной китайской арміи, такъ какъ враждующіе между собою сановники постараются внушить правительству мысль объ опасности, которую представляетъ единая, сомкнутая армія въ рукахъ честолюбиваго полководца.

Въ исторіи Китая было немало примѣровъ, когда честолюбивые полководцы, опираясь на преданную имъ армію, низвергали династію и захватывали императорскій тронъ въ свои руки, полагая начало новой династіи.

Да и боксерскій 1900-й годъ слишкомъ еще памятенъ правительству. Генералъ Дун-Фу-Сянъ, опираясь на преданныя ему войска, держалъ въ своихъ рукахъ китайское правительство.

Страхъ создать могущественную преторіанскую армію можетъ отнять рѣшимость у правительства слѣдовать указаніямъ такого энергичнаго дѣятеля, какимъ является въ настоящее время печилійскій вице-король Юан-Ши-Кай, враги котораго давно уже стараются подорвать къ нему довѣріе императрицы.

Этотъ страхъ можетъ заставить еще на долгое время отдавать предпочтеніе дѣленію войскъ на китайскія, манчжурскія, монгольскія, и считать манчжурскія войска болѣе преданными правительству, нежели китайскія.

Въ настоящее время Пекинъ и вся печилійская провинція находятся подъ защитой манчжурскихъ войскъ, составляющихъ какъ бы оплотъ манчжурской династіи.

Многіе изъ европейцевъ и до сихъ поръ высказываютъ еще убѣжденіе, что китайскій народъ не въ состояніи создать могущественную армію, такъ какъ въ народѣ нѣтъ патріотизма, даже въ его языкѣ нѣтъ этого слова, и вся Китайская имперія не есть однородное цѣлое, но составлена изъ разнородныхъ областей, говорящихъ на разнородныхъ нарѣчіяхъ, живущихъ—каждая область—своею собственною жизнью, нисколько не заботясь о жизни сосѣдней области.

Вопросъ патріотизма, вообще, вопросъ очень сложный, и рѣшать его съ плеча въ отношеніи китайскаго народа невозможно.

Скажемъ только, что духовный обликъ китайскаго народа столь же не подходитъ подъ европейскую мѣрку сужденій, какъ съ типомъ европейца не схожъ типъ китайца.

На основаніи нашихъ личныхъ наблюденій надъ китайцами, мы пришли къ тому убѣжденію, что едва-ли у какого-либо европейскаго народа имѣется такое единство въ пониманіи сущности жизни, какое проявляется у китайцевъ, когда бываютъ затронуты ихъ общіе духовные интересы.

Несмотря на различіе въ нарѣчіяхъ, которыми говорятъ въ различныхъ областяхъ Китая, несмотря на различіе климатическихъ и бытовыхъ условій жизни между сѣвернымъ и южнымъ Китаемъ,—на всемъ протяженіи этого государства народъ чтитъ одинаково культъ предковъ, одинаково мыслитъ, одинаково чувствуетъ въ совокупности всѣхъ явленій жизни, которыя составляютъ народное „я“.

Мы думаемъ, что китайскій народъ — великій патріотъ, но онъ любитъ свою родину столь же своеобразно, какъ своеобразна вся его жизнь.

Боксерскій 1900-й годъ можетъ служить подтвержденіемъ, что любовь къ отечеству, а не иныя причины, выжала такое ве-

ликое народное движеніе. И если судьбѣ угодно будетъ поставить китайскій народъ подъ владычество европейцевъ, то, защищая могилы своихъ предковъ, китайскій народъ пойдетъ на все. Изслѣдователи-европейцы основываютъ свое сужденіе о недостаткѣ патріотизма у китайскаго народа на чрезмѣрномъ развитіи среди народа личности, чрезмѣрнаго развитія самостоятельной жизни мелкой земской единицы, которая является въ лицѣ сельской китайской общины.

Fonssagrives, указывая на изолированность китайской сельской общины отъ общихъ интересовъ государства, говоритъ, что эта исключительность создала самую совершенную политическую, административную и особенно соціальную китайскую общину. Земледѣлецъ, живя въ относительномъ довольствѣ, если удастся ему собрать два-три ежегодныхъ урожая, пользуясь нѣсколькими мѣсяцами спокойствія, безъ особаго труда примирится съ присутствіемъ завоевателя, если только этотъ послѣдній будетъ грабить народъ не болѣе, нежели грабятъ его собственныя войска, а безопасности для жизни дастъ болѣе.

Эта безопасность, поддерживая мирную нормальную жизнь, даетъ возможность, при посредствѣ туземцевъ-старшинъ общиннаго союза, избѣгнуть многочисленныхъ столкновеній, обычныхъ при прямыхъ отношеніяхъ съ иностранцами, не знающими или не заботящимися о мѣстныхъ обычаяхъ и нравахъ.

Такимъ образомъ, община для китайцевъ есть, такъ сказать, истинное отечество.

Maurice Coutaut—въ книгѣ своей „En Chine"—развилъ еще болѣе доводы Fonssagrives'а.

„Религія въ собственномъ смыслѣ,—говоритъ онъ,—не составляетъ въ Китаѣ истинной силы. Существуетъ еще другая религія, которая имѣетъ свое исповѣданіе и своихъ мучениковъ: я хочу сказать—патріотизмъ. Чтобы познавать страну, какъ существо, которое живетъ и развивается, которое можетъ страдать и погибнуть, нужно имѣть мощную способность къ отвлеченію; эта способность совершенно отсутствуетъ у китайцевъ.

„Крестьянинъ защищаетъ свое поле и свое жилище; онъ тревожится смутами, которыя возникаютъ въ его округѣ или въ округѣ сосѣднемъ и могутъ отразиться на немъ лично; но житель Шандунской провинціи нисколько не безпокоится о вторженіи, которое угрожаетъ Печилійской провинціи, и до него, конечно, не достигнетъ.

„Вслѣдствіе отсутствія взаимной связи, китайцы всегда подчинялись завоевателямъ, начиная съ нашествій монголовъ и кон-

чая нашествіемъ манчжуръ въ XVII вѣкѣ. Китайцы признавали всѣхъ завоевателей, которые сколько-нибудь выказывали уваженіе къ собственности и обычаямъ побѣжденныхъ.

„Кромѣ того, китаецъ, равнодушно ожидая смерть, боится внутренней или внѣшней войны, которая отниметъ изъ его рукъ ниву или его ремесло. Немедленная потеря, когда китаецъ вынужденъ перестать работать, въ глазахъ его болѣе тяжела, нежели отдаленная опасность, съ которой онъ долженъ будетъ бороться".

Генералъ Frey, приведя въ своей книгѣ мнѣнія Fonssagrives и M. Coutant, самъ не вполнѣ согласенъ съ ними, и полагаетъ, что отсутствіе патріотическаго чувства у китайскаго народа—болѣе кажущееся, нежели дѣйствительное. Генералъ Frey высказываетъ мысль, что китайскій крестьянинъ одинаковъ и въ Тонкинѣ, и въ другихъ провинціяхъ. Генералъ Frey думаетъ, что прежде всего китаецъ фаталистъ, и вслѣдствіе своего философскаго міровоззрѣнія онъ принимаетъ все совершившееся, которому не въ силахъ противодѣйствовать, какъ существующій фактъ.

„Да и какими, помимо всего, средствами, не имѣя никакого оружія, могло бы китайское населеніе проявлять свое противодѣйствіе?"—говоритъ генералъ. Первой заботой китайца, дѣйствительно, является отнюдь не прерывать земледѣльческаго труда, въ какое бы тяжелое положеніе ни поставили его обстоятельства, такъ какъ этотъ трудъ даетъ возможность существованія для него самого и для его семьи.

„Но все же это не единственная забота жизни народа, такъ какъ исторія Китая свидѣтельствуетъ, что, не имѣя такого полнаго пониманія отечества, какое имѣютъ ученые, народъ не безразлично относится къ тому, подъ чьимъ владычествомъ онъ живетъ.

„Живя многіе вѣка подъ владычествомъ сперва татарской династіи, а нынѣ—манчжурской, народъ постоянно проявлялъ возстаніями и мятежами стремленіе свергнуть эти владычества. Въ послѣднее время попытки возстаній стали особенно энергичны и сильны, что̀ объясняется тѣмъ, что тайный ввозъ оружія въ Китай достигъ громадныхъ размѣровъ, и ружьями новыхъ системъ имѣли возможность запастись и многочисленное сельское населеніе, и отдѣльныя лица"...

Немало способствуютъ развитію и проявленію патріотическаго чувства и многочисленныя тайныя политическія общества. Боксерскій 1900-й годъ созданъ былъ именно такимъ политическимъ союзомъ.

Нельзя, конечно, утверждать,—замѣчаетъ генералъ Frey, —чтобы такой обширный человѣческій муравейникъ, какимъ представляется Китай, проявлялъ одинаковыя патріотическія чувства.

Среди китайскаго народа выдѣляется множество своеобразныхъ элементовъ, каковы массы чернорабочихъ кули, массы обездоленныхъ нищихъ, живущихъ и умирающихъ на улицѣ, массы отставныхъ солдатъ и дезертировъ, создающихъ разбойничьи шайки и грабежами снискивающихъ себѣ средства жизни.

Всѣ эти люди составляютъ сплошную массу, готовую изъ-за пропитанія пойти на какую угодно службу.

Тысячами этотъ людъ увозится предпринимателями въ южную Африку, для работъ въ Трансваалѣ; тысячи сами эмигрируютъ въ Америку; тысячи составляютъ свои шайки разбойниковъ и пиратовъ—въ предѣлахъ Китая—и хунхузовъ — въ предѣлахъ Манчжуріи.

Въ рукахъ политическихъ вожаковъ эта масса можетъ составить грозную силу, какъ это проявилось въ возстаніи тай-пинговъ и въ 1900 году. Въ обычное, мирное для китайскаго государства, время и европейцы успѣшно могутъ набрать многочисленные отряды этого сброда, который будетъ охранять и защищать интересы европейцевъ противъ самихъ же китайцевъ. Англичане въ Вейхавеѣ сдѣлали опытъ организаціи китайскихъ военныхъ отрядовъ подъ начальствомъ англійскихъ офицеровъ.

Эти отряды въ 1900 году несли службу для англичанъ противъ боксеровъ, и количество дезертировъ не было велико.

Конечно, трудно сказать, какъ отнеслись бы эти китайскіе военные отряды на службѣ англичанъ, еслибы имъ пришлось воевать противъ китайскаго правительства, а не противъ боксеровъ.

Но пока обстоятельства не вызываютъ у китайцевъ, находящихся на службѣ у европейцевъ, патріотическаго чувства, всѣ эти военные и полицейскіе отряды въ Вейхавеѣ, Шанхаѣ, Кантонѣ, Гон-Конгѣ несутъ свою службу вѣрно, дорожатъ ею, такъ какъ получаютъ отъ европейцевъ вѣрное, обезпечивающее ихъ существованіе, содержаніе.

Французы, утвердившись въ Индо-Китаѣ, признали для себя также весьма полезнымъ привлечь на службу то разбойничье населеніе, которое издавна осѣло на смежныхъ съ Тонкиномъ границахъ.

Это населеніе образовалось частью изъ административно ссылавшихся сюда китайскимъ правительствомъ преступниковъ, изъ дезертировъ-солдатъ, изъ разбойничьихъ шаекъ, уходившихъ

отъ преслѣдованія правительственныхъ войскъ и осѣдавшихъ въ трудно достигаемыхъ горныхъ мѣстностяхъ.

Смѣшиваясь съ мѣстнымъ горнымъ населеніемъ, пришельцы образовали смѣлое и многочисленное полувоенное сословіе, которое немало причиняло французамъ хлопотъ, выставляя противъ нихъ въ борьбѣ за присоединеніе Тонкина шайки такъ-называемыхъ „черныхъ флаговъ", „желтыхъ флаговъ" и другихъ партизановъ.

Чтобы положить предѣлъ разбойничеству на сушѣ и пиратству на рѣкахъ, французы вошли въ соглашеніе съ предводителями главныхъ шаекъ, жившихъ феодалами въ своихъ труднодоступныхъ помѣстьяхъ.

Признавъ за главарями шаекъ званіе китайскихъ мандариновъ, выплачивая имъ жалованье на содержаніе ихъ людей, французская администрація возложила на нихъ обязанность охранять безопасность въ странѣ.

Такимъ образомъ, разбойничьи шайки явились охранителями порядка и спокойствія, нерѣдко вступая въ непріязненныя дѣйствія противъ другихъ шаекъ въ защиту населенія.

Существуетъ еще одно мнѣніе, отрицающее для китайцевъ возможность имѣть мирную армію. Сущность этого мнѣнія заключается въ томъ, что у китайцевъ нѣтъ ни воинскаго инстинкта, ни воинскаго духа, и что если бы въ силу обстоятельствъ пришлось обратиться къ воинскому духу народныхъ массъ, то пришлось бы встрѣтиться не съ воинскимъ воодушевленіемъ, а съ крайнимъ презрѣніемъ къ военному ремеслу,—презрѣніемъ, воспитаннымъ въ народѣ сословіемъ китайскихъ ученыхъ и китайскими мыслителями.

Отсюда дѣлается тотъ выводъ, что народная армія не можетъ быть мощной, если ею предводительствовать будутъ офицеры не высокихъ нравственныхъ качествъ, а люди случайные, карьеристы, не получившіе серьезнаго профессіональнаго образованія, и вышедшіе, какъ и солдаты, изъ нисшихъ слоевъ населенія.

Мнѣніе это среди европейцевъ—очень распространенное, и генералъ Frey дѣлаетъ противъ него возраженія, взявъ въ основу историческій ростъ китайскаго государства. Генералъ говоритъ, что воинственность китайскаго народа въ свое время сдѣлала свое дѣло, т.-е. изъ разрозненныхъ и враждовавшихъ между собою общинъ и мелкихъ княжествъ создала обширное единое государство съ единымъ правительствомъ во главѣ.

При быстромъ увеличеніи населенія необходимость заставила прежде всего обратить его къ земледѣлію. И законодатели страны,

и завоеватели совмѣстно направили свои силы на водвореніе въ народѣ мирныхъ наклонностей и искорененіе воинственности. Всякій мирный трудъ, а особенно земледѣліе и ученіе, были предпочтены высокимъ вниманіемъ императорской власти, которая стала являться въ низахъ народа представительницей прежде всего мира, земледѣлія и мудрости.

Образовалось своеобразное китайское сословіе ученыхъ, которое воспитало и среди народа уваженіе къ наукѣ и отвращеніе къ войнѣ и солдатамъ, являющимся врагами и науки, и земли. Такой мирный ростъ народной жизни имѣлъ конечнымъ результатомъ полное разоруженіе народа и уничтоженіе въ немъ духа воинственности, въ каковомъ положеніи и былъ Китай до вторженія въ его жизнь европейскихъ интересовъ. Вторженіе европейцевъ на Дальній Востокъ застало Китай совершенно неспособнымъ къ вооруженному противодѣйствію и медленно подвигало его по пути созиданія своихъ вооруженныхъ силъ, тогда какъ Японія, съ которой часто сравниваютъ въ этомъ отношеніи Китай, быстро приняла всю европейскую систему воинственности, развила ее, создала мощную армію и мощный флотъ, которые нынѣ приковали къ себѣ все вниманіе Европы своими блестящими боевыми качествами.

Несмотря на принимаемую одинаковость расы, въ духовномъ существѣ китайца и японца заложены громадныя несходства.

Въ Японіи военное ремесло до половины XIX-го вѣка было исключительной привилегіей сословія самураевъ и знатныхъ, которые воспитывали въ себѣ и наслѣдовали изъ поколѣнія въ поколѣніе мужество, доблесть и воинственность, какъ основныя черты своего характера, создавая вокругъ себя дружинниковъ, столь же храбрыхъ и доблестныхъ.

Въ Японіи воинъ уважался, а не презирался, какъ въ Китаѣ, а въ народѣ примѣръ самураевъ вызывалъ если не любовь къ военной службѣ, то признаніе ея, какъ обязанности.

Рядъ послѣдовавшихъ затѣмъ внутреннихъ реформъ и блестящія побѣды японской арміи надъ китайцами въ войну 1894—95 года вызвали и во всемъ японскомъ народѣ воинственное воодушевленіе, окруживъ армію славой побѣдъ. Но и помимо вызваннаго японо-китайской войной подъема воинственнаго духа въ японскомъ народѣ, само географическое положеніе Японіи, составленной изъ ряда острововъ съ громаднымъ протяженіемъ береговой линіи, воспитывало народъ въ постоянной и неустанной борьбѣ съ моремъ, въ постоянной борьбѣ на жизнь и смерть.

Всѣ эти условія выработали изъ японцевъ народъ дѣятельнаго, энергичнаго, предпріимчиваго характера, трезваго, упорнаго, терпѣливаго и жестокаго въ достиженіи намѣченной цѣли. Этотъ народный характеръ прежде всего помогъ Японіи съ такой быстротой освоиться съ европейской цивилизаціей и извлечь для себя всѣ выгоды этой цивилизаціи включительно до организаціи мощныхъ арміи и флота.

Въ Японіи всѣ выгоды европейской цивилизаціи были одинаково поняты и образованными людьми, и сословіемъ самураевъ, и простымъ народомъ. Въ этомъ общенародномъ единомышленіи и чувствѣ и заключается высокая мощь Японіи. Въ Китаѣ и до сего времени народу запрещено подъ страхомъ смертной казни имѣть у себя оружіе, а въ туземныхъ лавкахъ запрещено продавать его.

Такимъ образомъ, всѣ данныя говорятъ за то, что воинственное чувство въ китайскомъ народѣ заглушено искусственно, но что оно не искоренено, чему служатъ доказательствомъ и постоянныя возстанія, и легкость, съ которою возможно каждому желающему организовать отряды добровольцевъ-китайцевъ.

Со стороны численности, недостатка для образованія мощной китайской арміи быть не можетъ, но въ настоящее время одна численность арміи не играетъ рѣшающаго значенія, и для побѣды, кромѣ численности, необходимою является и цѣнность этой численности, т.-е. необходимость профессіональнаго образованія солдатъ, нравственнаго воспитанія, образованія и знаній среди низшихъ и высшихъ офицеровъ и высшихъ начальствующихъ лицъ.

Только знанія, образованіе и духовныя качества при численности войскъ создаютъ нынѣ мощь арміи.

Выдающійся современный государственный человѣкъ въ Китаѣ и военный авторитетъ, печилійскій вице-король Юан-Ши-Кай уже положилъ военное и нравственное образованіе въ основу своей арміи.

Въ армію Юан-Ши-Кая принимаются на службу солдаты въ возрастѣ только 20—25 лѣтъ, высокаго роста, знающіе читать и писать и, кромѣ того, обязанные представить поручительство отъ своихъ сельскихъ общинъ за свою нравственность.

Такой подборъ въ войска лучшихъ рабочихъ силъ изъ народа вызываетъ, конечно, недовольство въ народѣ за лишеніе хорошихъ людей, но зато этой мѣрой создается сильная армія, обладающая духовной крѣпостью. Вмѣстѣ съ выборомъ въ свои войска лучшихъ силъ, Юан-Ши-Кай стремится дать своей арміи и своимъ офицерамъ также и спеціальное образованіе, которое

5*

является для Китая болѣе, чѣмъ когда-либо необходимымъ именно въ настоящее время.

Всѣ военные изъ европейскихъ отрядовъ признаютъ единогласно, что китайскія по-европейски обученныя войска исполняютъ прекрасно маневры какъ въ сомкнутыхъ колоннахъ, такъ и въ разсыпномъ строю. Всѣ одинаково признаютъ выдающуюся у китайцевъ ловкость и гибкость, выносливость, терпѣніе, послушаніе, трезвость и преарѣніе къ смерти.

Боксерскій 1900-й годъ тоже, вѣроятно, чему-нибудь научилъ китайцевъ. Имѣя возможность, наблюдая, сравнивать военныя качества всѣхъ европейскихъ армій, китайскіе военачальники и солдаты могли увидать свои недостатки и исправить ихъ.

Китайцы-генералы уже признали существенную важность военнаго образованія въ военныхъ школахъ, признали существенную важность практическаго обученія солдатъ и офицеровъ.

Msr. Favier, въ своей обстоятельной книгѣ „Peking", еще въ 1897 году говорилъ, что „мыслящіе китайскіе мандарины и особенно вице-король Ли-Хун-Чангъ сдѣлали пробу образовать войско по европейскому образцу и отчасти успѣли въ этомъ. „Хорошо вооруженные, строго дисциплинированные, чисто одѣтые, живущіе въ укрѣпленныхъ лагеряхъ или крѣпостяхъ, эти войска много разъ вызывали удивленіе въ европейскихъ офицерахъ. Обучено такимъ образомъ около ста тысячъ, которые представляютъ уже настоящую силу, такъ какъ въ храбрости у нихъ недостатка не будетъ, если только ими командовать будутъ образованные офицеры и если будетъ правильно оборудовано интендантство".

Подобнымъ же образомъ высказался и Gordon. „Нужно покончить,—пишетъ онъ,—съ старой легендой о трусости китайскаго солдата, который нуждается только въ одномъ—хорошемъ командирѣ. Регулярность образа жизни и привычекъ солдата въ мирное время во время войны уступитъ мѣсто безпредѣльной смѣлости.

„Смышленость, превосходная память дѣлаютъ изъ китайца прекраснаго унтеръ-офицера. Хладнокровіе и его невозмутимое спокойствіе являются качествами тоже не менѣе цѣнными. Физически китайскій солдатъ въ среднемъ, можетъ быть, и не такъ силенъ, какъ европеецъ, но онъ несравненно сильнѣе другихъ представителей изъ восточной расы.

„Скромная порція риса, овощей, соленой рыбы и свинины достаточны для китайскаго солдата, чтобы переносить большія тяготы, будь то въ умѣренномъ климатѣ или въ тропическихъ

странахъ. Таковъ характеръ китайскаго солдата, воспитаннаго европейскими инструкторами; таковы же типы солдатъ изъ мятежныхъ отрядовъ „черныхъ флаговъ", разбойничьихъ шаекъ, пиратовъ, проявлявшихъ себя на тонкинскихъ границахъ, таковъ типъ каждаго китайца, который становится воиномъ.

„И нѣтъ сомнѣнія въ томъ,—говоритъ въ заключеніе генералъ Frey,—чтобы китайскіе солдаты, обученные по-европейски въ арміяхъ печилійской и лянъ-цзянскихъ, не были способны проявить прекрасныя качества во время кампаніи".

Быстрота, съ которой были вновь сформированы и по-европейски обучены китайскія роты на французской границѣ въ Тонкинѣ, китайскіе полки англичанъ въ Гон-Конгѣ и Вейхавеѣ, нѣмецкіе отряды,—все это даетъ доказательство тому, что чрезъ немного годовъ Китай можетъ разсчитывать имѣть значительныя силы, которыми, если явится надобность, будетъ способенъ помѣряться и съ другими восточными войсками, а съ теченіемъ времени и съ западными европейскими.

Чтобы создать корпусъ китайскихъ офицеровъ, стоящій на должной высотѣ современныхъ военныхъ искусства и науки, генералъ Frey указываетъ китайскому правительству тотъ путь, на который оно уже вступило, т.-е. созданіе военныхъ школъ для образованія низшихъ офицеровъ и отправку лучшихъ по выбору офицеровъ въ качествѣ военныхъ агентовъ, какъ то дѣлаетъ Японія, въ заграничныя европейскія арміи. Прикомандированные къ европейскимъ полкамъ, китайскіе офицеры ознакомятся со всѣмъ строемъ европейскихъ армій и въ высшихъ военныхъ спеціальныхъ училищахъ получатъ свое высшее военное образованіе.

Возвратясь въ Китай, они, какъ и японскіе офицеры, принесутъ съ собою и военныя знанія, и знаніе положенія всѣхъ европейскихъ армій.

Вмѣстѣ съ введеніемъ реформы по заполненію арміи новыми солдатами и по введенію спеціальнаго обученія солдатъ и офицеровъ всѣхъ родовъ оружія, Китай долженъ приступить и къ организаціи различныхъ вспомогательныхъ службъ. Уже во многихъ пунктахъ,—говоритъ генералъ Frey,—имѣются арсеналы, изготовляющіе пушки, ружья, аммуницію; уже нѣкоторыя части войскъ имѣютъ, хотя и въ зачаточной формѣ, санитарную службу въ видѣ подвижныхъ отрядовъ фельдшеровъ и санитаровъ, на обязанности которыхъ лежитъ выносить раненыхъ съ поля битвы, оказывать имъ первоначальное пособіе и отвозить въ тылъ арміи.

Насколько громадно значеніе благоустроенной санитарной

части арміи и какое сильное вліяніе это благоустройство оказываетъ на китайскаго солдата, можно видѣть изъ примѣра, приведеннаго въ книжкѣ генерала. Одинъ китайскій отрядъ дѣйствовалъ въ 1900 году совмѣстно съ французами противъ боксеровъ, и китайскіе солдаты обратили на себя общее вниманіе и вызвали изумленіе во французахъ своимъ мужествомъ и стремительностью аттакъ.

На вопросъ французскаго офицера о причинахъ такого мужества китаецъ-офицеръ отвѣчалъ, что смерть китайскому солдату нисколько не страшна, но что его страшитъ болѣе всего остаться раненымъ на полѣ битвы, оставленнымъ безъ всякаго сожалѣнія, безъ всякой заботы о его судьбѣ.

Страшитъ китайскаго солдата также и то, что не только онъ будетъ покинутъ раненый, но что онъ останется также и мертвый безъ погребенія и соблюденія всѣхъ завѣщанныхъ вѣками обрядовъ. Видя, что европейцы заботятся о раненыхъ, вынося ихъ изъ боя и разыскивая по окончаніи боя, китайцы проявляютъ мужество. Многіе изъ китайскихъ солдатъ бѣгутъ съ поля битвы еще и потому, что, оставшись калѣками, увѣчными, они не пользуются заботой о себѣ правительства и вынуждены для поддержанія своей жизни становиться въ ряды нищихъ. Въ Китаѣ вообще еще не существуетъ благотворительныхъ учрежденій ни общественныхъ, ни правительственныхъ, а „Красный Крестъ" началъ свою дѣятельность только со времени русско-японской войны, оказывая помощь разоренному войной мирному населенію.

Не имѣя ни общественной, ни правительственной благотворительности, Китай имѣетъ въ то же время широко развитую общинную благотворительность и благотворительность родовую.

Первая выражается въ союзахъ по роду занятій или по мѣсту происхожденія, которая приходитъ на помощь члену своей профессіи или своей мѣстности, а вторая составляетъ союзъ родственниковъ, помогающихъ своему сочлену. Но въ данномъ случаѣ уходящій изъ своей общины земледѣлецъ, чтобы сдѣлаться солдатомъ, разрываетъ связь и съ своей общиной, по взаимности труда, и съ съ землей, почему всякое единеніе между ними прекращается, и земледѣлецъ не можетъ признать солдата членомъ своей общины. Въ предпринятой организаціи китайской арміи предстоитъ озаботиться созданіемъ обезпеченія своихъ инвалидовъ-воиновъ, равно какъ предстоитъ озаботиться и правильной постановкой продовольственнаго дѣла арміи, правильнаго и подотчетнаго завѣдыванія денежнымъ и матеріальнымъ хозяйствомъ арміи, какъ въ мирное, такъ одинаково и въ военное время.

И чѣмъ скорѣе китайская армія увидитъ у себя правильную отчетность, тѣмъ быстрѣе будетъ идти ея правильная организація.

Организація продовольственнаго дѣла въ китайской арміи не должна встрѣчать большихъ препятствій. Умѣренность китайца въ пищѣ вообще, общность питанія у всего народа во всѣхъ провинціяхъ даютъ полную возможность находить всегда на мѣстѣ необходимые для существованія съѣстные припасы.

Къ этимъ общимъ благопріятнымъ условіямъ присоединяется и другое, которое въ высшей степени благопріятствуетъ быстрому сосредоточенію всякаго рода продовольствія въ опредѣленной мѣстности.

Это благопріятное условіе дано множествомъ существующихъ каналовъ, которые прорѣзываютъ страну, а также большимъ протяженіемъ судоходныхъ рѣкъ, въ настоящее же время и желѣзными дорогами.

До послѣдняго времени продовольствіе китайской арміи во время передвиженій было поставлено скорѣе плохо, нежели хорошо, и войска удовлетворялись въ своемъ продовольствованіи довольно первобытно. Арміи сопровождалъ особый чиновникъ-интендантъ, дао-тай, на обязанности котораго лежало доставлять войскамъ продовольствіе.

Въ бо̀льшей части случаевъ за продовольствіе доставлявшееся, населеніемъ, послѣднее отъ дао-тая или ничего не получало, или получало вознагражденіе по его личному усмотрѣнію-произволу, въ зависимости отъ бо̀льшаго или меньшаго съ его стороны лихоимства.

Если встрѣчались мѣстности настолько бѣдныя, что не могли доставить продовольствія, или не желали, то солдатамъ приходилось добывать его своими силами, т.-е. грабежомъ и мародерствомъ.

Такая система имѣла своего рода хорошія стороны, какъ опытъ, который пріучалъ солдатъ пользоваться всѣми обстоятельствами времени и мѣста, умѣть выходить изъ затрудненій, такъ какъ далеко не всегда дѣйствующая армія является господиномъ своего положенія, такъ какъ нерѣдко ей приходится оперировать въ мѣстностяхъ чрезвычайно разнообразныхъ по своему характеру, и, слѣдовательно, всегда полезно знать всѣ мѣстныя условія и пользоваться всѣми средствами, которыя можно имѣть въ данной мѣстности, какъ для продовольствія, такъ и для способа передвиженія. Необходимо только, чтобы опытъ для войска не служилъ разореніемъ для населенія.

До послѣдняго времени въ Китаѣ, въ этой странѣ самаго узкаго формализма, всегда проявлялось взяточничество и лихо-

имство, несмотря на существованіе самыхъ мелочныхъ правилъ, служащихъ контролю надъ сборами и долженствующихъ защищать народъ отъ взяточничества.

Въ Китаѣ, гдѣ изданы самые строгіе законы и существуютъ самыя жестокія наказанія для взяточниковъ и лихоимцевъ, расхищеніе общественныхъ и казенныхъ денегъ и богатствъ страны до послѣдняго времени практиковалось съ поражающимъ безстыдствомъ и цинизмомъ, примѣры которыхъ приводитъ въ своей книгѣ „Peking“ Msr. Favier.

Говоря объ усиліяхъ Ли-Хун-Чанга организовать китайскія войска по-европейски, Msr. Favier замѣтилъ еще въ 1897 году, что „продажность и любовь къ наживѣ также пришли, чтобы парализовать его первыя усилія“.

„Одинъ мандаринъ изъ двухъ боченковъ европейскаго пороха сдѣлалъ 12, и всѣ удивились, что при стрѣльбѣ ядро не вылетало изъ жерла пушки. Другой вымогалъ себѣ третью часть жалованья солдатъ и принималъ бракованное оружіе. Когда производился инспекторскій смотръ одного гарнизона, то было найдено двѣ тысячи команды, прекрасно содержимой, но, во время завтрака производившаго смотръ инспектора, команда эта была переведена во второй фортъ, а затѣмъ и въ третій. Являясь на смотръ одни и тѣ же, эти двѣ тысячи солдатъ пошли въ счетъ въ общей суммѣ шести тысячъ.

„При инспекторскомъ осмотрѣ одного склада орудійныхъ снарядовъ, въ первомъ ряду были сложены снаряды настоящіе, а въ послѣдующихъ рядахъ они были сдѣланы изъ картона и покрыты посеребренной бумагой.

„Эти подробности достаточно уясняютъ причину, по которой китайская армія и флотъ не въ состояніи были выдержать борьбу съ Японіей.

„Если бы Китай воспитывалъ честность въ своемъ чиновничествѣ, давалъ образованіе своимъ офицерамъ, платилъ жалованье своимъ солдатамъ, если бы, однимъ словомъ, Китай желалъ въ дѣйствительности взять для себя за образецъ Европу, то богатство его страны и густота населенія позволили бы ему имѣть, спустя немного лѣтъ, грозный флотъ, прекраснѣйшую армію и самую многочисленную во всемъ свѣтѣ кавалерію“.

M. Coutaut рисуетъ слѣдующую картину китайскаго чиновничества. Жадность мандарина,—говоритъ онъ,—не можетъ быть удовлетворена законнымъ содержаніемъ, такъ какъ жалованья его явно недостаточно, почему не остается ничего другого, какъ примѣнять лихоимство въ самыхъ разнообразныхъ формахъ.

Нравственники (моралисты) осуждаютъ лихоимцевъ, но государство ихъ терпитъ. Общественное мнѣніе ихъ извиняетъ, а старинные обычаи освящаютъ. Нравственная испорченность такова, что измѣнить ее трудно, и можно опасаться, что она пріостановитъ всѣ попытки къ реформамъ.

Безкорыстіе, тѣмъ не менѣе, проповѣдуется учеными, но сами они ему не слѣдуютъ. Дѣти воспитываются на примѣрахъ вѣрности государю, любви къ ученію, презрѣнію къ богатству.

Эти правила иногда оказываютъ вліяніе на жизнь. На ряду съ мандаринами хищными указываютъ и на такихъ, которые способствуютъ просвѣщенію, увеличенію знаній и всячески помогаютъ управляемымъ ими. На ряду съ учеными, которые пользуются наукой для достиженія обогащающихъ ихъ почестей, встрѣчаются и такіе, которые, погружаясь въ ученыя изслѣдованія, не извлекаютъ изъ нихъ для себя никакой пользы. Можно встрѣтить также и такихъ людей, которые оказываютъ своими средствами помощь неимущимъ ученымъ, печатая ихъ рукописи и оказывая такимъ образомъ народу двойную пользу: и деньгами, и просвѣщеніемъ, которое они распространяютъ.

„Нужно было коснуться до обнаженной раны раскаленнымъ желѣзомъ,—говоритъ ген. Frey,—примѣненіемъ изданныхъ правилъ противъ хищниковъ общественнаго богатства, создавъ тѣмъ сословіе честныхъ военныхъ администраторовъ и финансовыхъ контролеровъ, задачей которыхъ было бы положить конецъ злоупотребленіямъ и уничтожить тѣхъ воровъ-проходимцевъ, которые еще въ недавнее время процвѣтали и въ нашей арміи.

„Обезпечивъ правильный платежъ жалованья солдатамъ строгимъ контролемъ со стороны государства, создавъ среди офицеровъ и солдатъ чувство взаимнаго довѣрія и взаимнаго долга, правительство создастъ въ арміи великое единеніе.

„Тогда не будетъ повода солдатамъ дезертировать и обращаться къ грабежу, не будетъ повода начальникамъ бояться отпускать на маневры своихъ солдатъ, которые тотчасъ же исчезаютъ съ своимъ вооруженіемъ и пожитками, какъ только удаляются съ глазъ начальства“...

Въ подтвержденіе этого генералъ Frey передаетъ разговоръ одного француза-офицера съ однимъ изъ генераловъ въ войскахъ Юан-Ши-Кая, имѣвшій мѣсто въ 1899 г. Приглашенный присутствовать на ученьи кавалерійскаго полка близъ Тяньцзина, французъ-офицеръ увидалъ, что все ученье происходитъ на очень ограниченномъ пространствѣ какъ бы скакового круга.

Желая имѣть понятіе о китайской кавалеріи въ болѣе обшир-

номъ размѣрѣ, французъ-офицеръ просилъ послать полкъ маневрировать на разстояніи нѣсколькихъ километровъ.

„Еслибы я поддался этому неблагоразумію,—отвѣчалъ китайскій офицеръ,—то я не увидалъ бы болѣе этихъ людей: они поспѣшили бы на первомъ же сосѣднемъ базарѣ продать и своихъ лошадей, и свою одежду".

Разбирая вопросъ о томъ, насколько китайскія войска окажутся способными усвоить европейскія военныя знанія и принципы международнаго права, которыми опредѣляются взаимныя отношенія армій западныхъ государствъ, генералъ Frey останавливается на вопросѣ, какое вліяніе могла имѣть на китайскія войска ихъ служба въ вѣдѣніи полиціи, какъ полицейскихъ отрядовъ, какъ отрядовъ, назначавшихся администраціей для усмиренія возстаній, примѣнившихъ для подавленія возставшаго населенія самыя жестокія мѣры,—а такими возстаніями полна исторія Китая послѣдняго столѣтія.

„Ни въ одномъ отчетѣ объ усмиреніяхъ, ни въ одномъ донесеніи,—говоритъ генералъ,—не упоминается, какую роль играли въ усмиреніи войска, и каково было ихъ отношеніе къ народу и жертвамъ возстанія, попадавшими въ ихъ руки, надъ которыми совершались самыя утонченныя казни, допускаемыя закономъ. Желая, вѣроятно, произвести сильное впечатлѣніе на настроеніе духа солдатъ, японскій главнокомандующій, въ 1894 году, при объявленіи войны, обратился къ своимъ войскамъ съ слѣдующимъ воззваніемъ по адресу китайцевъ:

„Врагъ имѣетъ жестокій и звѣрскій характеръ. Если въ бою васъ постигнетъ несчастіе сдѣлаться его плѣнникомъ, то онъ, конечно, заставитъ претерпѣть васъ ужасныя мученія, болѣе ужасныя, нежели смерть.

„Онъ васъ предастъ смерти и притомъ способами наиболѣе варварскими и безчеловѣчными.

„Защищайтесь же, чтобы не сдѣлаться его плѣнниками, какую бы ни пришлось вамъ выдержать опасность въ бою. Не отступайте передъ смертью".

Японскіе солдаты, взятые въ плѣнъ, не только лишаются всякаго вспоможенія, но они предаются избіенію и самымъ жестокимъ истязаніямъ,—объявлялъ уже во время хода войны въ 1895 г. членъ общества японскаго краснаго креста. „Впрочемъ,—прибавляетъ уже самъ отъ себя генералъ Frey,—если сами великія державы спросятъ себя, то, по совѣсти, какой отвѣтъ получится относительно поведенія и отношенія европейцевъ-солдатъ въ военное время къ населенію и побѣжденнымъ?"

„Всегда ли и при всѣхъ ли обстоятельствахъ европейцы-солдаты обращаютъ вниманіе на права населенія не только во время экспедиціи противъ дикарей, но и во время войнъ между цивилизованными государствами?

„Кровожадные инстинкты заложены въ душѣ человѣка и проявляются во время боя ужасами звѣрства. Только хладнокровіе вождя призываетъ къ чувству великодушія и состраданія, возвращая изступленныхъ на путь права“...

Что касается китайской регулярной арміи въ боксерской войнѣ 1900 года, то должно отмѣтить, что со стороны ея военачальниковъ было проявлено высокое пониманіе обязанностей воина и гражданина.

Китайская армія проявила полную лойяльность въ отношеніи отрядовъ союзныхъ европейскихъ войскъ, когда они уже имѣли нѣсколько враждебныхъ стычекъ съ боксерами, и стала враждебной только послѣ произведенной европейской эскадрой аттаки на форты Таку, принявъ враждебныя дѣйствія европейцевъ за объявленіе войны.

Китайская армія проявила также полную дисциплину, исполняя приказаніе Ли-Хун-Чанга избѣгать всякихъ столкновеній и встрѣчъ съ отрядами союзниковъ, оперировавшими въ предѣлахъ Чжилійской провинціи.

Отсутствіе враждебности проявили китайскія войска и въ отношеніи европейцевъ въ Пекинѣ до открытія европейцами бомбардировки фортовъ Таку.

Въ отчетѣ объ осадѣ Пекина читаемъ: „15 іюня, отправилась въ Nang-Tang, въ 9 часовъ утра, новая экспедиція, чтобы освободить нѣсколько сотъ христіанъ-китайцевъ, осажденныхъ боксерами.

„Передъ церковью волонтеры въ количествѣ тринадцати человѣкъ вдругъ увидали на стѣнѣ регулярныхъ китайскихъ солдатъ, готовыхъ открыть огонь. Но китайскіе офицеры не дали разрѣшенія. Такую же лойяльность проявили китайскія войска и въ отношеніи китайскаго правительства, вступая въ бой съ боксерами, какъ врагами общественнаго порядка, несмотря на соучастіе съ ними народа и ученыхъ“...

Французскій посланникъ M. Pichon сообщаетъ изъ времени осады Пекина слѣдующій фактъ:

„Одинъ изъ нашихъ волонтеровъ, г. Пеніо, рискнулъ перейти китайскую баррикаду. Китайскими солдатами онъ былъ приведенъ къ офицеру, который, не сдѣлавъ г. Пеніо никакого вреда, отвелъ его въ ямынь, мѣстопребываніе самого Чжун-Лу.

„Отсутствіе Пеніо отъ часу дня до шести часовъ вечера повергло насъ въ смертельное безпокойство, но онъ вернулся живъ и невредимъ“...

Извѣстны также случаи, когда регулярные китайскіе солдаты спасали немало христіанъ-туземцевъ отъ рукъ боксеровъ.

Извѣстно также, что 5 августа 1900 г., въ день боя при Бейцанѣ, миссіонеръ о. Dehus былъ найденъ въ китайскомъ лагерѣ.

Миссіонеръ разсказалъ, что былъ въ разстояніи 20 километровъ къ сѣверо-западу отъ Янцуна, гдѣ причащалъ китаянку-христіанку. Въ это время вспыхнуло боксерское возстаніе.

При первой же тревогѣ о. Dehus соединилъ всѣхъ христіанъ-китайцевъ въ одной деревнѣ и, благодаря нѣсколькимъ старымъ ружьямъ, отбивался отъ боксеровъ.

Прибывшій съ отрядомъ китайскихъ войскъ офицеръ, на обязанности котораго лежало поддерживать безопасность населенія, прогналъ боксеровъ и потребовалъ, чтобы о. Dehus отослалъ всѣхъ христіанъ, обѣщая не дѣлать имъ никакого зла, а самому миссіонеру выдалъ письменное обязательство доставить его подъ вѣрнымъ конвоемъ въ Тяньцзинъ.

О. Dehus согласился и былъ доставленъ къ командующему войсками генералу Ма въ Бейцанъ, гдѣ и былъ найденъ европейцами.

Въ настоящее время новыя части ново-формируемой китайской арміи уже приняли на своихъ амбулаторіяхъ знакъ Краснаго Креста, что̀ дастъ китайцамъ возможность убѣждаться воочію въ благодѣяніяхъ, которыя оказываетъ западная цивилизація.

По мѣрѣ того, какъ китайская армія усовершенствуетъ свои средства и способы обученія и веденія войны по образцу европейскихъ армій, усвоивъ въ себѣ принципы долга и духъ самоотверженности, поднявъ общій нравственный уровень солдатъ и офицеровъ, — Китай можетъ представить въ одинъ прекрасный день такую армію, которая достойна стать воспитательницей народныхъ массъ, стражемъ порядка, честью націи, опорой ея судебъ. Чтобы провести новую организацію китайской арміи, нѣтъ даже необходимости ломать коренной государственный строй децентрализація. Китай долженъ имѣть въ виду исключительно оборону, почему всѣ имѣющіяся на лицо въ разныхъ провинціяхъ арміи должно удвоить, утроить, въ зависимости отъ стратегической важности, мѣста въ смыслѣ обороны. Во внутреннихъ провинціяхъ должны быть привлечены къ реорганизаціи китайской арміи вице-короли и гу-

бернаторы. Единство организаціи должно быть строго проведено вездѣ.

Правительство въ Пекинѣ не должно смущаться недовольствомъ, которое будетъ проявлено чиновниками при проведеніи финансовыхъ, административныхъ и военныхъ реформъ, такъ какъ недовольство мандариновъ имѣетъ только одно основаніе: боязнь потерять съ утратой старыхъ порядковъ свое личное значеніе и свои личные доходы. Еслибы представилась необходимость быстраго сосредоточенія мѣстныхъ армій въ одномъ пунктѣ, то желѣзныя дороги, проводимыя европейцами въ Китаѣ съ лихорадочною поспѣшностью, телеграфъ, улучшенные пути сообщенія—даютъ вполнѣ возможность не только использовать это сосредоточеніе войскъ, но служатъ въ то же время къ усиленію и центральной власти, могущей быстро входить въ сношеніе съ самыми отдаленными частями государства. Переходное состояніе, въ которомъ находится въ настоящее время Китай, создало вопросъ Дальняго Востока, который, т.-е. вопросъ, по мнѣнію генерала Frey, состоитъ въ плохо скрываемомъ вожделѣніи нѣкоторыхъ державъ, видящихъ для себя новыя территоріальныя приращенія—въ барышничествѣ на китайской торговлѣ, въ монополіи при эксплоатаціи богатствъ ея почвы и т. д.; для другихъ державъ возбуждено недовѣріе реорганизаціей вооруженныхъ силъ Китая, совершаемое по указанію двигателей-европейцевъ; для третьихъ державъ являются опасенія въ возникновеніи тяжкихъ смутъ внутри государства вслѣдствіе введенія новыхъ реформъ, и особенно военныхъ, вызывающихъ недовольство народа и способомъ набора солдатъ, и усиленнымъ взиманіемъ налоговъ, а также и недовольство враговъ династіи. Эти явленія внутреннихъ смутъ заставляютъ подозрѣвать соучастіе въ нихъ той или иной державы, для интересовъ которой является выгоднымъ поддерживать эти смуты.

Разсматривая всѣ эти условія современнаго переходнаго положенія Китая, генералъ Frey думаетъ, что правительству со своими только чиновниками, находящимися подъ вліяніемъ той или иной державы, трудно будетъ выполнить свои добрыя намѣренія скораго проведенія реформъ, почему и совѣтуетъ обратиться къ нѣкоторымъ дружественно расположеннымъ къ Китаю европейскимъ державамъ, чтобы при ихъ помощи учредить главный совѣтъ или главный штабъ, который долженъ быть составленъ изъ членовъ китайцевъ и европейцевъ. Генералъ Frey видитъ нѣкоторое препятствіе осуществленію своего совѣта въ противодѣйствіи, которое окажетъ *китайская гордость*, но этимъ

препятствіемъ генералъ не смущается, такъ какъ убѣжденъ, что и въ данномъ случаѣ китайская гордость будетъ руководствоваться только чувствомъ личнаго эгоизма и личныхъ интересовъ, боящихся контроля дѣйствій чиновниковъ и потери своихъ доходовъ, а также и чувствомъ ненависти къ милитаризму,—но и это чувство ненависти, какъ думаетъ генералъ Frey, исходитъ не столько изъ чувства нравственности и гуманности, сколько изъ опасенія потерять свои военныя должности, почести, доходы службы, если будутъ введены новые порядки, которыми будутъ руководить новые люди. Старый режимъ создавалъ сословіе ученыхъ, изъ котораго каждый имѣвшій дипломъ ученаго чиновникъ считался способнымъ къ занятію должности всѣхъ ранговъ, какъ въ гражданскомъ, такъ и въ военномъ вѣдомствѣ.

Этому старому режиму, ставившему себя самого выше всѣхъ реформъ, нанесъ ударъ императоръ Гуан-Сюй, издавшій сентябрьскій декретъ въ 1898 г., въ которомъ объявилъ, что „европейцы могутъ помочь намъ достигнуть того, чего мы одни своими силами никогда не достигнемъ. Мы имѣемъ въ настоящее время нѣсколькихъ важныхъ сановниковъ, замуравленныхъ въ тѣсный кругъ своихъ понятій, которые осмѣливаются говорить, что европейцы не владѣютъ принципами истиннаго ученія! Они не вѣдаютъ, сколь безчисленны законы европейскаго правленія, сколь велика сила ихъ знаній и ихъ религіи“.

III.

Къ какой державѣ или къ какимъ державамъ обратится китайское правительство за совѣтомъ реорганизаціи своихъ вооруженныхъ силъ—составляетъ неоспоримо чрезвычайный международный интересъ.

Обольщенные блестящей ролью, которую сыграли японцы въ войну 1900 года, нѣкоторые китайскіе сановники стали домогаться содѣйствія этого государства.

Одинъ изъ вице-королей по своей собственной инціативѣ обратился въ Японіи съ просьбой дать ему инструкторовъ для своей арміи и профессоровъ для своихъ военныхъ школъ.

Вліяніе Японіи стало сказываться и на правительствѣ, которое въ началѣ 1902 года послало въ военную японскую школу до 30 молодыхъ китайцевъ, и въ то же время въ университетѣ въ Токіо насчитывалось до 500 студентовъ, содержаніе которыхъ правительству китайскому обходилось недорого.

За 60 франковъ на человѣка въ мѣсяцъ китайскіе студенты пользовались хорошимъ помѣщеніемъ и хорошимъ содержаніемъ.

Японцы, вообще внимательные ко всѣмъ иностранцамъ, въ отношеніи китайцевъ имѣли свои особые виды.

Число учениковъ въ послѣдующемъ году значительно возросло, и только вслѣдствіе доклада пекинскому двору, что первый контингентъ китайскихъ студентовъ, возвратившихся въ Китай, принесъ съ собой революціонныя идеи, появился правительственный указъ, запрещавшій впредь отправку молодыхъ китайцевъ въ Японію. Сторонники сближенія Китая съ Японіей приводятъ въ доказательство своихъ мнѣній слѣдующіе мотивы: частота сношеній, вытекающая изъ близости расположенія двухъ странъ, легкость для китайцевъ читать японскія книги безъ предварительнаго изученія іероглифовъ, громадное сходство въ обычаяхъ жизни, нравахъ, одеждѣ и проч.

Но наравнѣ съ сторонниками сближенія Китая съ Японіей есть и противники, которые склонны видѣть въ этомъ сближеніи „желтую опасность“, представляющуюся для однихъ въ томъ, что Китай, опираясь на Японію, изъ чувства враждебности, или алчности, или отмщенія бѣлой расѣ, можетъ сдѣлать попытку обрушиться на Западъ и возобновить нашествіе Аттилы, Чингизъ-Хана и др.

Генералъ Frey считаетъ подобную опасность неимѣющей никакого основанія. Для другихъ „желтая опасность“ заключается въ томъ, что народы Дальняго Востока, объединясь, скажутъ: „Азія для азіатовъ“, и „тогда,—пишетъ M. J. de Bloch,—придется признать не только Китай и Японію великими державами, но еще послѣдняя пожелаетъ играть дѣятельную роль въ политикѣ, перекупивъ въ свою очередь всѣ чужеземные рынки Дальняго Востока, нынѣ находящіеся въ зависимости отъ Европы“.

Противники сближенія съ Японіей указываютъ также на то, что нельзя забывать традиціонной ненависти, которая во всѣ времена раздѣляла китайцевъ и японцевъ, и что китайцы никогда не унизятся до того, чтобы стать подъ опеку народа, на который они всегда смотрѣли какъ на вассала своей имперіи и военное превосходство котораго зависитъ отъ причинъ случайныхъ и преходящихъ.

Противники сближенія говорятъ также противъ признанія за японцами права быть учителями китайцевъ и считаютъ необходимымъ основы западнаго ученія почерпать изъ того же самаго источника, изъ котораго брала сама Японія, т.-е. изъ Европы.

Генералъ Frey, обращаясь къ опредѣленію, которая изъ дер-

жавъ была бы для Китая наиболѣе желанной и дружески расположенной, какъ руководительница въ обновленіи его государственной жизни, останавливается, конечно, на Франціи, преимущество которой передъ другими державами онъ опредѣляетъ такъ: Франція—если и не вполнѣ безкорыстный, то наиболѣе надежный и искренній другъ Китая, такъ какъ ея интересы всецѣло состоятъ въ поддержкѣ неприкосновенности Китая, умиротвореніи въ немъ внутреннихъ смутъ, въ обезпеченіи добрыхъ согласій, дабы жить въ мирѣ на Дальнемъ Востокѣ.

Для Франціи прежде всего необходимо спокойствіе на границахъ съ Китаемъ, дабы развивать здѣсь свои торговыя операціи и расширить вліяніе въ сферѣ своихъ естественныхъ границъ. Франція, кромѣ того, уже доказала Китаю свое расположеніе тѣмъ, что въ согласіи съ Россіей и Германіей остановила побѣдоносное шествіе японской арміи, желавшей въ Пекинѣ подписать мирныя условія и стать твердой ногой на китайскомъ материкѣ. Китайское правительство это понимаетъ и употребляетъ всѣ мѣры, чтобы Индо-Китай оставался спокойнымъ, а это все, что̀ нужно для поддержанія добрыхъ отношеній съ Франціей, не нуждающейся въ территоріальныхъ увеличеніяхъ за счетъ Китая, но преслѣдующей только мирныя, торговыя цѣли: проведеніе желѣзныхъ дорогъ въ Юннони при посредствѣ французовъ и закрѣпленіе своей промышленности. Послѣ Франціи только одна Россія заинтересована въ сохраненіи неприкосновенности Китая и спокойствіи на всемъ протяженіи его страны. Что касается до другихъ государствъ, то многія изъ нихъ послѣ японо-китайской войны пожелали наложить свою руку на Китай и стать прочно на берегахъ Китая. Ни для кого не тайна, что Англія стремится проникнуть вглубь Китая, захвативъ въ свои руки долину Янцзэкіанга, самую богатую и населенную, чтобы утвердить здѣсь свое вліяніе.

Благодаря многочисленности своихъ торговыхъ и дипломатическихъ агентовъ, Англія достигаетъ намѣченной цѣли, пріобрѣтая и политическое вліяніе, и развивая свою торговую дѣятельность.

Что касается Германіи, то государство это, отыскивая по берегамъ различныхъ морей уголки, которые могли бы служить для него одновременно и точкой опоры для военныхъ судовъ, и складами для торговаго флота, посредствомъ котораго передавался бы въ новыя земли избытокъ своего коренного населенія и излишекъ его промышленной производительности, не остановилось бы ни передъ какими жертвами, чтобы только успѣшно

осуществить свои намѣренія. Германія, не нашла бы, конечно, противорѣчія своимъ интересамъ, еслибы другія державы потребовали раздѣла Китая.

Считать Германію своимъ другомъ Китай не можетъ, такъ какъ интересы этого государства не тождественны съ интересами Китая. Германія это и доказывала всегда, примыкая послѣдовательно то къ идеѣ „открытыхъ дверей", то къ идеѣ „сферы вліяній". „Открытыя двери" въ Китай давали ей полную возможность и безъ всякой помѣхи использовать доходность Китая, а „сфера вліяній" давала такую же возможность непосредственно и для себя безубыточно эксплоатировать одну изъ самыхъ богатыхъ минералами и самыхъ населенныхъ областей Китая. Въ числѣ государствъ, заинтересованныхъ судьбою Китая, находится и Японія. Нельзя отрицать права, котораго добивается это государство, дабы имѣть и свой рѣшающій голосъ во всѣхъ международныхъ совѣщаніяхъ по вопросамъ Дальняго Востока.

Нельзя отрицать также права Японіи стремиться и къ своему территоріальному расширенію. Японія, также какъ и другія государства, нуждается въ пріобрѣтеніи колоній, въ которыя она могла бы направить излишекъ своего населенія и расширить свою промышленную и торговую дѣятельность.

Пріобрѣтеніе новыхъ колоній доставило бы государству необходимыя средства для содержанія арміи и флота и могло бы оплатить тѣ новые расходы, которые неизбѣжно появятся при дальнѣйшемъ расширеніи и увеличеніи морскихъ и сухопутныхъ военныхъ силъ, къ чему такъ стремится Японія. Японія чрезвычайно заинтересована въ пріобрѣтеніи колоній, которыя дали бы ей и плодородныя земли, и благопріятный климатъ. Съ этой стороны Китай, какъ государство, близкое къ Японіи и географически, и по сходству культуры, не можетъ не интересовать Японіи направленіемъ своей политической жизни, и Японія, вѣроятно, болѣе, чѣмъ всякая другая держава, извлекла бы изъ разложенія Китая наибольшую для себя пользу. Другія сосѣднія страны, куда бы Японія могла распространиться, каковы Индо-Китай, Сіамъ, Филиппины, въ высшей степени для нея благопріятныя, заняты уже другими государствами.

Что касается Формозы, то это пріобрѣтеніе создало для Японіи скорѣе источникъ затрудненій и обремененія, нежели дало возможность извлечь пользу для земледѣлія или промышленности.

Японія жадно устремляла свои взоры на Корею, но Россія, стоя на стражѣ заключенныхъ договоровъ, принятыхъ обоими

государствами, охраняла возможный modus vivendi, дабы поддержать миръ на Дальнемъ Востокѣ, для котораго (мира) Корея являлась, какъ бы государствомъ-буферомъ между двумя азіатскими имперіями. Въ Японіи, правда, существовала молодая, экзальтированная партія, которая желала показать превосходство военныхъ силъ своей страны надъ другими народами на Дальнемъ Востокѣ, для чего нисколько не смущалась нарушеніемъ симоносекскаго договора, лишь бы Японія могла стать твердою ногою на азіатскомъ материкѣ. Нѣсколько лицъ изъ этой партіи доказывали, что настало время, когда Японія можетъ передъ всѣмъ міромъ блестяще утвердить верховенство Страны Восходящаго Солнца и вступить въ бой какъ съ сѣвернымъ колоссомъ, такъ и со всякой другой державой, которая стала бы препятствовать осуществленію японской программы, т.-е. территоріальнаго расширенія.

Приверженцы этой партіи громко кричали, что путь отъ Токіо до Москвы не такъ уже длиненъ!

Опираясь на армію и флотъ, которые успѣли уже выказать свои превосходныя качества, Японія по справедливости можетъ считать себя неуязвимой, благодаря охранѣ своихъ береговъ.

Оставаясь самозащищенной моремъ, Японія можетъ спокойно собирать и готовить свои вооруженныя силы.

Англо-японское соглашеніе нисколько не измѣнило общаго положенія дѣлъ. Соглашеніе это ожидалось; оно было предвидѣно, какъ вытекающее вполнѣ нормально изъ условій жизни двухъ государствъ, имѣющихъ сродные, хотя и кратковременные, взаимные интересы, ибо въ ближайшемъ будущемъ Японія во всѣхъ вопросахъ, стоящихъ на первой очереди въ настоящее время въ Китайскомъ морѣ, а также и въ наиболѣе серьезныхъ экономическихъ вопросахъ, будетъ имѣть самаго опаснаго соперника въ Англіи, а также и въ Америкѣ, своемъ другомъ современномъ союзникѣ.

Союзъ Англіи съ Японіей имѣлъ обоюдныя выгоды для обоихъ государствъ. Этотъ союзъ для Англіи помогъ упрочить ея вліяніе при пекинскомъ дворѣ, хотя и не далъ надежды воспользоваться силами своего союзника для утвержденія своего вліянія въ долинѣ Янцзэ.

Для Японіи этотъ союзъ далъ возможность обращаться къ финансовымъ средствамъ Англіи и получать кредитъ, въ которомъ такъ нуждается Японія для усиленія своихъ арміи и флота.

Союзъ Англіи съ Японіей на Дальнемъ Востокѣ вызвалъ къ жизни прочный союзъ на Дальнемъ Востокѣ Россіи съ Франціей,

что являлось необходимостью для удержанія политическаго здѣсь равновѣсія и созданія прочной связи французскаго Индо-Китая съ Россіей.

Что касается ставшаго между Франціей и Россіей Китая, то для обоихъ государствъ въ высшей степени желательно, чтобы новый, обновленный Китай, съ новыми европейски-обученными войсками, новыми учрежденіями, примкнулъ къ русско-французскому союзу и вошелъ въ этотъ союзъ какъ плотная масса, служащая цементомъ для скрѣпленія и прочности союза.

IV.

Въ послѣднихъ двухъ главахъ, посвященныхъ состоянію китайской арміи въ 1903 году и китайской арміи въ будущемъ, генералъ Frey резюмируетъ программу, которую проводитъ китайское правительство въ созиданіи своихъ вооруженныхъ силъ. Все предпринятое правительствомъ сводится къ слѣдующему:

1) Посылка въ Европу большого числа молодыхъ китайцевъ изъ всѣхъ провинцій имперіи; 2) организація китайской арміи по европейскому образцу, офицерами-европейцами; 3) учрежденіе въ Китаѣ арсеналовъ и военныхъ заводовъ для производства всѣхъ родовъ аммуниціи. Должно рѣшительно признать, что въ настоящее время всѣ означенныя реформы совершаются въ дѣйствительности, и что, бывшая вначалѣ сильною, оппозиція противъ нихъ становится меньше.

Должно признать также, что современныя китайскія войска, хотя и менѣе дисциплинированы европейскихъ, но тѣмъ не менѣе они имѣютъ уже военный уставъ, которому повинуются.

Китайская армія уже создана, и печилійскій вице-король Юан-Ши-Кай посвящаетъ совершенствованію своей арміи всѣ свои силы и средства. Съ ноября 1902 года въ средѣ многочисленныхъ комитетовъ, въ составъ которыхъ входятъ 10 японцевъ, два американца и одинъ нѣмецъ, было рѣшено—въ противовѣсъ старымъ системамъ образованія (первоначальныя школы, нормальныя школы, школы земледѣлія)—учредить университеты въ провинціи Чжили и въ г. Бао-Тин-Фу и главный штабъ, въ составъ котораго вошли четыре японскихъ офицера и 15 китайскихъ чиновниковъ, избранныхъ между самыми интеллигентными людьми въ провинціяхъ и получившихъ свое научное образованіе или въ Европѣ, или въ Японіи.

О тѣхъ китайцахъ-чиновникахъ, которые отбыли свои команди-

ровки въ европейскихъ арміяхъ и которыхъ имѣли возможность оцѣнить французскіе офицеры, эти послѣдніе дали самые хорошіе отзывы, находя ихъ не только способными быть исполнительными офицерами генеральнаго штаба, но способными занимать и мѣста начальниковъ этого штаба.

Генеральный штабъ располагаетъ правомъ (среди своихъ другихъ правъ) учреждать и руководить дѣятельностью извѣстнаго направленія военныхъ школъ. Въ Печилійской провинціи штабъ создалъ слѣдующія школы:

1) Школа для старыхъ военныхъ чиновниковъ открыта для тѣхъ старыхъ офицеровъ, которые не достигли высшаго служебнаго ранга, но среди которыхъ вице-король думаетъ выбрать лучшихъ, чтобы возможно быстро составить кадры своихъ новыхъ учрежденій.

2) Военная школа для унтеръ-офицеровъ и капраловъ, въ которой насчитывается 250 воспитанниковъ, выбранныхъ изъ среды наиболѣе интеллигентныхъ и обученныхъ солдатъ. Послѣ одного года занятій въ школѣ они производятся въ унтеръ-офицеры и назначаются въ полки инструкторами для новобранцевъ.

3) Четыре кадетскихъ корпуса, по 50 человѣкъ въ каждомъ. Курсъ ученія четыре года. Изъ кадетскихъ корпусовъ выпускаются кандидаты въ спеціальную высшую школу, которая будетъ основана, какъ только состоится первый выпускъ окончившихъ курсъ кадетъ.

4) Школы предварительныя на 200 воспитанниковъ въ каждой, съ двухгодичнымъ курсомъ. Изъ этихъ школъ будутъ выходить образованные офицеры для арміи, въ которыхъ ощущается пока такъ живо недостатокъ. Въ настоящее время эти школы находятся уже въ дѣйствіи.

При главномъ штабѣ состоятъ также отдѣлы, вѣдающіе оборону территорій провинцій, размѣщеніе и распредѣленіе войскъ, заботу о нихъ вооруженіи, обмундированіи, интендантство и др.

Послѣ 1900 года организація китайской арміи сдѣлала большой шагъ впередъ. Въ 1902 году сдѣланъ былъ на новыхъ основахъ наборъ рекрутовъ—5.000 ч. Эти рекруты были собраны въ Бао-Тин-Фу; другой наборъ въ Тяньцзинѣ далъ 2.500 ч. Въ теченіе десяти мѣсяцевъ новобранцы изучали обращеніе съ ружьемъ, стрѣльбу и пр.

Въ срединѣ 1903 года, Юан-Ши-Кай уже располагалъ въ Печили арміей въ 20 т., а въ окрестностяхъ Пекина—арміей въ 18 тысячъ, нѣсколькими баттареями и отрядомъ конницы до двухъ тысячъ.

Къ этимъ молодымъ войскамъ надо прибавить еще 15 тысячъ старыхъ, вошедшихъ въ новую армію, какъ ядро, и до 10 тысячъ войскъ иррегулярныхъ, которыя несутъ обязанности полицейскихъ, охраны, и конныхъ стражниковъ вдоль линіи желѣзной дороги, въ окружности Бао-Тин-Фу и Тяньцзина.

Въ то же время приступлено къ организаціи резервовъ по образцу европейскому изъ солдатъ, ушедшихъ въ запасъ, которые, однако, должны будутъ явиться на службу по первому же призыву.

Съ печилійскимъ вице-королемъ Юан-Ши-Каемъ идетъ рука-объ-руку и нанкинскій вице-король Чжан-Чжи-Дунъ, который старается не отстать отъ своего сотоварища и стремится организовать и свои войска въ Нанкинѣ и Вучанѣ, чтобы они ничѣмъ не уступали качественно войскамъ Юан-Ши-Кая.

Современная китайская армія уже составляетъ нѣкоторую цѣнность, но какова будетъ эта цѣнность черезъ 20—30 лѣтъ? Мнѣнія на этотъ вопросъ различны, и генералъ Frey приводитъ слѣдующія слова капитана Gadoffre'я:

„Настоящее положеніе не представляетъ ничего тревожнаго. Учангъ и Нанкинъ уже имѣютъ блестяще поставленныя школы, но офицеры, которыхъ онѣ выпускаютъ, выходятъ съ головой, обремененной мало понятыми знаніями, и имъ безусловно недостаетъ инниціативы.

„Солдаты генерала Чанг-Пяо крѣпки, трезвы, послушны. Расовая гордость можетъ замѣнить въ нихъ военный духъ. Подобныя же качества присущи и нашимъ китайскимъ стрѣлкамъ въ Тонкинѣ.

„Но что̀ могутъ сдѣлать солдаты, даже самые прекрасные, если у нихъ дурное начальство?

„Зависитъ создать это не отъ нѣсколькихъ инструкторовъ, но отъ основательныхъ кадровъ, въ которыхъ китайцы дѣйствительно нуждаются.

„Мы можемъ продолжать наблюдать безъ всякаго опасенія, какъ нѣмецкіе офицеры занимаются ихъ обученіемъ для парадовъ, какъ они обучаютъ географіи и военнымъ наукамъ ученую китайскую молодежь. Опасность не тутъ.

Другіе офицеры, имѣвшіе возможность наблюдать тѣ же самыя китайскія войска въ Учанчѣ, Нанкинѣ и печилійскую армію Юан-Ши-Кая, отзываются менѣе восторженно, но все же отдаютъ должное. Они говорятъ: „Пусть пока все еще это толпы безъ взаимной связи, безъ воинскаго духа, составленныя изъ солдатъ, все преимущество которыхъ надъ солдатами „Знаменными" или солдатами „Зеленаго знамени" заключается единственно лишь въ томъ, что они, благодаря постояннымъ упражненіямъ, стали

способны ходить въ ногу и правильно маршировать, чего нѣтъ въ остальной массѣ солдатъ,—но мы все же считаемъ, что эти три китайскія арміи составляютъ нынѣ и особенно составятъ черезъ пять — шесть лѣтъ такую силу, на которую европейскія державы не будутъ болѣе смотрѣть съ пренебреженіемъ.

„Высшее начальство — этого мы вовсе нескрываемъ—значительно ниже своего назначенія. Главный штабъ, его помощники, находятся еще на пути образованія. Тѣ и другіе совершенно неподготовлены, исключая, конечно, нѣсколькихъ личностей, высокія способности которыхъ могутъ проявиться внезапно“.

Книга генерала Frey'я и всѣ приведенныя въ ней мнѣнія лицъ свѣдущихъ въ военномъ искусствѣ даютъ много и другихъ интересныхъ свѣдѣній о стремленіи китайскаго правительства организовать свои вооруженныя силы въ должномъ размѣрѣ и значеніи, но въ то же время она даетъ очень мало данныхъ, которыя говорили бы о дѣйствительномъ его знаніи и пониманіи современнаго положенія китайскихъ вооруженныхъ силъ.

Всѣ мнѣнія офицеровъ-французовъ основаны главнымъ образомъ на полученныхъ ими внѣшнихъ впечатлѣніяхъ, а не на знакомствѣ и знаніи внутренняго быта и жизни китайскаго солдата и китайскаго офицера. Такимъ образомъ, книга генерала Frey'я оставляетъ открытымъ вопросъ: что̀ же представляютъ собою современныя китайскія войска въ ихъ внутренней жизни? Какова духовная связь офицера съ солдатомъ, если только она есть? Отвѣтить на всѣ эти вопросы, равно какъ и на вопросы китайской народной и государственной жизни, могутъ только тѣ, кто судитъ о народѣ не по внѣшнимъ проявленіямъ и личнымъ впечатлѣніямъ, а кто изучаетъ китайца и его жизнь во всѣхъ положеніяхъ и состояніяхъ. Но понять китайца, изучить его духовное міровоззрѣніе страшно трудно, такъ какъ для этого существенно необходимо основательное знаніе китайскаго языка, долгое общеніе съ китайской жизнью и вдумчивое отношеніе къ китайцу.

Безъ соблюденія этихъ условій могутъ получаться скорѣе отрывочные намеки, только болѣе или менѣе удачная фразировка насчетъ китайца, нежели правдивая дѣйствительность.

Итакъ, что̀ же представляетъ собою современный китайскій солдатъ и что̀ можетъ дать китайская армія, скажемъ, черезъ двадцать-пять лѣтъ?

Всѣ наблюдавшіе современнаго китайскаго солдата, взятаго

изъ народа, а не изъ подонковъ улицы, согласно признаютъ отличительными чертами его характера терпѣніе, умѣренность, выносливость, невзыскательность, исполнительность, понятливость и покорность.

Таковы черты характера китайскаго солдата, но таковы же черты характера и всякаго китайца. Слѣдовательно, китайскій солдатъ, взятый изъ народа, сохраняетъ всѣ народныя черты характера, которыя—при правильно поставленномъ и добросовѣстно проведенномъ военномъ образованіи и воспитаніи—будутъ только крѣпнуть, и китайскій солдатъ черезъ двадцать-пять лѣтъ станетъ нисколько не хуже европейскаго солдата, если не выше его нравственно.

Весь вопросъ поэтому сведется къ тому, какой выработается въ этотъ срокъ типъ китайскаго офицера.

Если китайскій офицеръ попрежнему будетъ не сыномъ народа, а сыномъ китайскаго чиновничества, то можно безошибочно предсказать впередъ, что китайская армія, при всѣхъ своихъ нововведеніяхъ, не выйдетъ изъ ничтожества, хотя и будетъ представлять внушительную внѣшность.

Китайское чиновничество продолжаетъ, между тѣмъ, за малыми лишь исключеніями, коснѣть въ своемъ невѣжествѣ, лѣни, взяточничествѣ, интригахъ.

Если китайскій народъ пошелъ впередъ, если китайское общество открыло двери новому знанію, то китайское чиновничество все еще остается къ новымъ вѣяніямъ и глухо, и слѣпо. Перевоспитать чиновничество, очистить его отъ пороковъ, просвѣтить его мысль и чувство—не подъ силу одному поколѣнію. Народу прирождено сознаніе труда, сознаніе правды; въ народной душѣ заложено исканіе справедливости и честность, не испорченная гнилыми вожделѣніями праздности и тщеславія, чѣмъ такъ рѣзко отличается отъ народа чиновничество всѣхъ других странъ. Итакъ, китайская армія будетъ сильна и качественно могуча только тогда, когда офицерскій ея составъ будетъ взятъ и образованъ также отъ народа, а не отъ чиновничества.

В. И. Дальченко.

Пекинъ, 1905 г.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Изъ Петефи.

I.

На родинѣ.

Родимый городокъ раскинулся въ садахъ
На склонѣ радостной, чарующей долины...
Онъ весь въ акаціи, въ лазоревыхъ цвѣтахъ,
И смотрятъ на него Карпатскихъ горъ вершины.
Въ моей душѣ звучитъ немолчно пѣснь былая:
„О, золотой жучокъ плѣнительнаго мая!“ [1]

Я мальчикомъ ушелъ въ далекій край чужой
И взрослымъ вновь теперь я къ мамѣ возвратился...
Ахъ, цѣлыхъ двадцать лѣтъ промчалось предо мной!
Родимый городокъ, какъ въ сказкѣ, измѣнился.
Но пѣсня старая звучитъ, не умолкая:
„О, золотой жучокъ плѣнительнаго мая!“

Гдѣ дѣтства милаго сердечные друзья!
Я двадцать лѣтъ назадъ разстался грустно съ вами...
Давно разсѣялась товарищей семья,
И снова я живу далекими мечтами—
Мнѣ пѣсня слышится, мой чуткій слухъ лаская:
„О, золотой жучокъ плѣнительнаго мая!“

---

[1] „Майскій жучокъ, золотой майскій жучокъ“ — по-венгерски „Csereobogár, sárga csereobogár!“—начальная строка старинной венгерской колыбельной пѣсни.

Вновь дѣтство свѣтлое встаетъ передо мной,
И память прошлаго даритъ мнѣ счастья розы.
Въ моей груди живетъ воспоминаній рой,
Въ моей душѣ царятъ чарующія грезы.
Горитъ, лелѣя взоръ, зарница золотая...
„О, золотой жучокъ плѣнительнаго мая!“

Мнѣ грезится, что я ребенкомъ сталъ опять
И съ другомъ юности играю рѣзво въ прятки,
А няня мнѣ кричитъ: „Пора тебѣ въ кровать!“...
—„Нѣтъ, няня, погоди—сыграемъ мы въ лошадки“.
Я по травѣ бѣгу, коня изображая...
„О, золотой жучокъ плѣнительнаго мая!“

Вотъ ночь спускается... Я въ комнаткѣ давно
Сплю безмятежнымъ сномъ, набѣгавшись на волѣ,
И звѣзды радостно глядятъ въ мое окно,
И перепелъ во ржи кричитъ въ сосѣднемъ полѣ.
А няня что-то шьетъ, мнѣ пѣсню напѣвая:
„О, золотой жучокъ плѣнительнаго мая!“

II.

Идешь ли за мною?

О звѣздахъ мечтая,
О солнца лучахъ,
Живешь ты, родная,
Въ волшебныхъ мечтахъ.
Я боленъ душою,
Надломленъ борьбой...
Идешь ли за мною?
—„Иду, дорогой“.

Ты слышала: право,
Въ родной сторонѣ
Недобрая слава
Идетъ обо мнѣ.

Я правды не скрою—
Я очень плохой...
Идешь ли за мною?
—„Иду, дорогой“.

Но плохо придется,
Голубка моя,
Когда отвернется
Родная семья.
Взгрустнется порою
О мамѣ родной...
Идешь ли за мною?
—„Иду, дорогой“.

Съ венг. Анатолій Доброхотовъ.

КАВКАЗЪ

И

КАВКАЗСКІЕ НАМѢСТНИКИ

Окончаніе.

III *).

Кн. Барятинскій, третій кавказскій намѣстникъ.—1856—1862 г.г.

Второй кавказскій намѣстникъ, генералъ Муравьевъ, пробылъ въ краѣ всего одинъ годъ и семь мѣсяцевъ; изъ нихъ въ Тифлисѣ—пять мѣсяцевъ и два дня, подъ Карсомъ — шесть мѣсяцевъ и двадцать дней и въ разъѣздахъ по краю—шесть мѣсяцевъ и двадцать-шесть дней. Генералъ Муравьевъ, въ силу политическихъ и военныхъ обстоятельствъ, не имѣлъ возможности заниматься гражданскими дѣлами края, а потому этотъ небольшой періодъ времени мы опускаемъ, какъ незаключающій въ себѣ мѣропріятій, кои могли бы подлежать изученію въ экономическомъ и финансовомъ отношеніяхъ.

Князь Барятинскій былъ назначенъ командующимъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ и и. д. намѣстника кавказскаго 22-го іюля 1856 г. По своему общественному положенію онъ принадлежалъ къ тому же классу русскихъ людей, изъ которыхъ

---

*) См. выше: февр., стр. 613.

вышелъ и первый намѣстникъ кавказскій, кн. Воронцовъ. Оба эти государственные дѣятели пользовались полнымъ довѣріемъ своихъ монарховъ; оба проявляли значительную энергію во ввѣренномъ имъ дѣлѣ; оба преслѣдовали почти однѣ и тѣ же цѣли, хотя за кн. Барятинскимъ, до назначенія его намѣстникомъ, имѣлось большое преимущество: ему не приходилось, подобно Воронцову, знакомиться съ краемъ и съ его политическими и экономическими условіями. Тѣ и другія ему были извѣстны, такъ какъ кн. Барятинскій уже достаточно прослужилъ на Кавказѣ до назначенія его на отвѣтственный постъ намѣстника. Командуя кабардинскимъ полкомъ и начальствуя на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи, гдѣ велись важнѣйшія операціи противъ Шамиля, онъ имѣлъ полную возможность изучить способъ веденія войны съ горцами. Занимая затѣмъ постъ начальника штаба кавказской арміи, князь Барятинскій близко присмотрѣлся къ общему положенію вещей на Кавказѣ и успѣлъ составить обширный планъ для веденія какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ дѣлъ въ томъ же краѣ. Но, сознавая совершенно ясно, что одна изъ причинъ политическаго и финансоваго ослабленія Россіи въ пятидесятыхъ годахъ заключалась въ слишкомъ продолжительной и упорной войнѣ за обладаніе Кавказскими горами,—этой Ахиллесовой пяты въ жизни нашихъ южнорусскихъ степныхъ пространствъ,—кн. Барятинскій всю свою молодую энергію направилъ исключительно на окончаніе войны съ горцами, и эта задача имъ была разрѣшена почти окончательно: императоръ Александръ II и Россія послѣ долгихъ усилій сбросили съ своихъ плечъ тяжелое бремя кавказской войны, и послѣдняя отошла въ область исторіи. Такова главная и самая существенная заслуга со стороны кн. Барятинскаго предъ русскимъ народомъ. Эта заслуга съ избыткомъ перевѣшиваетъ все то, что̀ въ его дѣятельности на Кавказѣ для историческаго изслѣдователя можетъ казаться невполнѣ удачнымъ или недостаточно разработаннымъ. Тѣмъ не менѣе, на долю обозрѣвателя-экономиста выпадаетъ непріятная обязанность изучать преимущественно изнанковую сторону жизни даже въ періоды великихъ историческихъ народныхъ движеній, и это ставитъ насъ въ необходимость подробно разсмотрѣть все то, что̀ было совершено кн. Барятинскимъ въ предѣлахъ края, помимо войны, въ бытность его намѣстникомъ кавказскимъ.

Кн. Барятинскій, еще не вступая фактически въ управленіе кавказскимъ намѣстничествомъ, уже намѣтилъ необходимость двухъ существенныхъ преобразованій въ краѣ, а именно: преобразованіе главнаго управленія намѣстника кавказскаго и улуч-

шеніе финансовой части въ томъ же краѣ. Первое преобразованіе, какъ видно изъ отношенія кн. Барятинскаго къ предсѣдателю кавказскаго комитета, отъ 8-го августа, № 856 (Полн. Собр. зак., ст. 30.830), сводилось къ слѣдующему: „Государь императоръ приказать мнѣ изволилъ, по прибытіи моемъ въ Тифлисъ, заняться устройствомъ подъ моимъ вѣдѣніемъ особаго главнаго управленія дѣлами всего ввѣреннаго мнѣ края, обративъ въ составъ этого главнаго управленія всѣ существующія нынѣ при намѣстникѣ учрежденія: канцелярію, совѣтъ, экспедицію государственныхъ имуществъ и т. д. Дать этому управленію образованіе по моему ближайшему усмотрѣнію, опредѣлить его составъ, раздѣленіе дѣлъ, распредѣленіе занятій и порядокъ дѣлопроизводства, указать обязанности и права всѣхъ членовъ и даже ввести штатъ, но съ тѣмъ, чтобы при составленіи этого штата я ограничился суммами, нынѣ отпущенными, не требуя особыхъ расходовъ изъ государственнаго казначейства, и чинамъ, кои войдутъ въ составъ главнаго управленія, были присвоены тѣ классы и разряды, кои присвоены соотвѣтствующимъ должностямъ въ министерствахъ и главныхъ управленіяхъ; образованіе это ввести въ дѣйствіе, въ видѣ опыта, на два года, съ тѣмъ, чтобы я о семъ образованіи донесъ только до высочайшаго государя императора свѣдѣнія".

Это преобразованіе являлось личнымъ дѣломъ кн. Барятинскаго и, какъ видно изъ его письма къ предсѣдателю кавказскаго комитета, отъ 21-го декабря 1858 г., за № 1047, вызывалось слѣдующимъ: 1) „Взамѣнъ должности начальника гражданскаго управленія, учредить должность начальника главнаго управленія, который, будучи ближайшимъ въ дѣлахъ гражданскихъ помощникомъ намѣстника, долженъ, подъ главнымъ его руководствомъ, завѣдывать всѣми частями главнаго управленія, и такимъ образомъ имѣть по гражданскимъ дѣламъ то же значеніе, какое по дѣламъ военнымъ принадлежитъ начальнику главнаго штаба арміи. 2) Главное управленіе дѣлами Кавказскаго и Закавказскаго края, назвавъ его главнымъ управленіемъ намѣстника кавказскаго, образовать, согласно началамъ, принятымъ при учрежденіи экспедиціи государственныхъ имуществъ, изъ отдѣльныхъ частей, которыя, завѣдывая спеціальными отраслями администраціи, должны, по своему составу и кругу дѣйствій, замѣнять посредствующія между министрами и подчиненными имъ мѣстами учрежденія, существующія во всѣхъ министерствахъ. Сообразно сему учредить слѣдующіе департаменты: а) общихъ дѣлъ — для сосредоточенія всѣхъ распоряженій по частямъ: инспекторской,

учебной, почтовой, медицинской, карантинной, строительной и по всѣмъ предметамъ, не входящимъ въ кругъ дѣйствій другихъ департаментовъ". Согласно штату, утвержденному кн. Барятинскимъ, этотъ департаментъ состоялъ изъ двадцати-восьми должностныхъ лицъ, съ ежегоднымъ расходомъ 38.910 р.; б) департаментъ судебныхъ дѣлъ — „для разсмотрѣнія принадлежащихъ вѣдѣнію намѣстника дѣлъ: судебныхъ и судебно-полицейскихъ и для сосредоточенія высшаго надзора и распоряженій по судебной части вообще". Этотъ департаментъ состоялъ изъ пятнадцати должностныхъ лицъ, съ расходомъ 22.905 р.; в) департаментъ финансовый — „для сосредоточенія въономъ высшаго счетоводства по мѣстнымъ доходамъ и расходамъ и по денежнымъ земскимъ повинностямъ въ Закавказскомъ краѣ, а также для завѣдыванія дѣлами по питейнымъ сборамъ, горной и соляной частямъ, таможенному управленію и по мѣрамъ, относящимся къ оживленію торговли внутренней и внѣшней, поощренію заводской и мануфактурной промышленности". Этотъ департаментъ состоялъ изъ двадцати-пяти должностныхъ лицъ, съ ежегоднымъ расходомъ 33.040 р.; и г) департаментъ государственныхъ имуществъ — „для дѣлъ по завѣдыванію казенными землями и вообще государственными имуществами и попечительству надъ государственными крестьянами всѣхъ наименованій". Этотъ департаментъ состоялъ изъ четырнадцати должностныхъ лицъ, съ ежегоднымъ расходомъ 21.155 р. При этихъ департаментахъ имѣлось: а) особое управленіе сельскаго хозяйства и колоній иностранныхъ поселенцевъ, въ составѣ тринадцати должностныхъ лицъ, съ ежегоднымъ расходомъ 19.110 р.; б) особое о земскихъ повинностяхъ присутствіе по Закавказскому краю, состоящее изъ двухъ должностныхъ лицъ, съ расходомъ 2.855 р.; в) временное отдѣленіе по дѣламъ гражданскаго устройства края — изъ восьми лицъ, съ расходомъ 16.045 р. Во главѣ этого управленія былъ поставленъ начальникъ главнаго управленія и совѣтъ намѣстника, съ его канцеляріей, въ составѣ семнадцати должностныхъ лицъ, съ ежегоднымъ расходомъ 49.490 р. (помимо содержанія начальника управленія и предсѣдателя совѣта, коимъ таковое назначалось по высочайшему усмотрѣнію). При намѣстникѣ состояло шесть чиновниковъ особыхъ порученій, съ расходомъ 13.100 р. Всего 128 должностныхъ лицъ, съ ежегоднымъ расходомъ 216.310 р.

Но этимъ реформа главнаго управленія не закончилась. Въ 1859 г. (Акты арх. ком., т. XII, п. 35) учрежденъ пятый контрольный департаментъ, въ составѣ двадцати должностныхъ лицъ, съ ежегоднымъ расходомъ 28.750 р., а въ 1860 г. (т. XII Акт.,

п. 40) образована особая дипломатическая канцелярія намѣстника кавказскаго изъ восьми лицъ, съ расходомъ 14.111 р. 67 к. Штаты этихъ управленій не были разсмотрѣны и утверждены въ установленномъ порядкѣ, а потому и не вошли въ полное собраніе законовъ; они должны были дѣйствовать въ теченіе двухъ лѣтъ, въ видѣ опыта, но въ 1862 г. (т. XII Акт., п. 61) этотъ опытъ продолженъ до 1866 г. Такимъ преобразованіемъ стоимость центральной администраціи края возвышена въ весьма значительной степени.

Вторымъ капитальнымъ нововведеніемъ въ краѣ являлась реформа чисто финансовая. Изъ всеподданнѣйшей докладной записки кн. Барятинскаго, отъ 8-го августа 1856 г., читаемъ: „Въ порядкѣ управленія Закавказскимъ краемъ вопросъ о расходахъ по этому краю всегда представлялъ особыя затрудненія. Прежде, по мѣрѣ присоединенія разныхъ провинцій, составляющихъ этотъ край, доходы ихъ не обращались въ общую массу государственныхъ доходовъ, но оставались въ полномъ вѣдѣніи и распоряженіи главнаго начальника края, который и употреблялъ ихъ по своему усмотрѣнію на содержаніе управленія и на разныя мѣстныя потребности. При этомъ порядкѣ, государственное казначейство не много жертвовало на внутреннее управленіе края, отпуская огромныя суммы только на содержаніе военной части. Въ 1840 году, съ введеніемъ въ Закавказскомъ краѣ гражданскаго управленія, доходы края поступали въ вѣдѣніе министерства финансовъ"... „Съ тѣхъ поръ государственное казначейство начало жертвовать огромныя суммы не на одну уже военную часть, но и на мѣстныя управленія и на устройство. По годовой смѣтѣ на 1856 г., по Закавказскому краю исчислено доходовъ 2.421.491 р., а расходовъ—2.234.958 р. сер. Но въ это исчисленіе не вошли суммы, сверхсмѣтно отпускаемыя, кои простираются ежегодно отъ 300 до 500 тыс. руб."... „Такое положеніе финансовой части Закавказскаго края ставитъ въ чрезвычайное затрудненіе главнаго его начальника, при всѣхъ его предположеніяхъ по устройству края. Многое слѣдовало и слѣдуетъ сдѣлать въ Закавказскомъ краѣ, къ развитію его внутреннихъ силъ и благоустройства, — и при томъ совершить такое, что, можетъ быть, со временемъ усилить и доходы края,—но приведенію въ дѣйствіе самыхъ полезныхъ предположеній поставляется препятствіемъ всегда одно и то же—неимѣніе денежныхъ средствъ". (Акты арх. ком., т. XII, ст. 3).

Изъ этой докладной записки возможно заключить, что кн. Барятинскій, путемъ полнаго обособленія финансовъ края отъ обще-

имперскаго финансоваго управленія, желалъ достигнуть уменьшенія денежныхъ жертвъ со стороны русскаго народа въ пользу Закавказья и найти наиболѣе легкія средства для развитія края и для его благоустройства. Это желаніе кн. Барятинскаго было уважено въ полной мѣрѣ: 6 февраля 1859 г. (Полн. Собр. зак., ст. 34.127), государь императоръ высочайше повелѣлъ: „мѣстные доходы Закавказскаго края, считая, попрежнему, принадлежностью государственнаго казначейства, назначить исключительно на удовлетвореніе расходовъ мѣстнаго гражданскаго управленія Закавказскаго же края, предоставивъ ихъ, на сей конецъ, въ полное вѣдѣніе и распоряженіе намѣстника кавказскаго. На этотъ источникъ не относить, но удовлетворять, попрежнему, изъ общихъ государственныхъ доходовъ имперіи слѣдующіе по Закавказскому краю расходы: а) всѣ вообще по военной части; б) по вѣдомству находящагося за Кавказомъ VIII округа путей сообщенія, какъ на содержаніе чиновниковъ, такъ и на дорожныя работы; в) отпускаемые, на основаніи высочайше утвержденнаго, 18-го марта 1840 г., положенія комитета министровъ, на полезныя по Закавказскому краю предпріятія—114.285 руб. въ годъ; г) пенсіи и пособія чиновникамъ гражданскаго управленія Закавказскаго края и семействамъ ихъ, назначаемыя въ общемъ служебномъ порядкѣ на основаніи пенсіоннаго устава; и д) всѣ вообще, по существу своему не относящіеся къ потребностямъ мѣстнаго гражданскаго управленія Закавказскаго края"... „Утвердить, составленную на сихъ основаніяхъ кавказскимъ намѣстникомъ, смѣту на 1859 г."... „На будущее время составлять въ главномъ управленіи намѣстника кавказскаго подобныя смѣты доходамъ и расходамъ по гражданской части ежегодно"... „При опредѣленіи мѣстныхъ закавказскихъ доходовъ исключительно на расходы по гражданскому управленію и устройству края предоставить, въ теченіе десяти лѣтъ, считая съ 1859 года, въ полное распоряженіе намѣстника кавказскаго: а) общій остатокъ отъ доходовъ и частные остатки отъ невыполненныхъ расходовъ, какіе могутъ оказаться при заключеніи баланса въ ежегодныхъ смѣтахъ по Закавказскому краю о мѣстныхъ его доходахъ и расходахъ; б) всѣ сокращенія въ расходахъ, какія, по распоряженію намѣстника, будутъ сдѣланы по части гражданскаго управленія; в) всѣ вообще превышенія въ доходахъ края, какія, при стараніяхъ намѣстника, будутъ достигнуты по статьямъ, отнесеннымъ къ мѣстнымъ источникамъ"...

Первымъ актомъ такого финансоваго обособленія явилась на 1859 годъ „Финансовая смѣта главнаго управленія намѣстника

кавказскаго по Закавказскому краю". Изъ разсмотрѣнія первой части этой смѣты видно, что на 1859 г. ожидалось доходовъ всего — 2.824.875 р. 14 к., и въ такой же суммѣ сбалансированы расходы. Но къ этой смѣтѣ была приложена вѣдомость, въ которой перечислены расходы изъ средствъ государственнаго казначейства, на нужды края, въ суммѣ 713.578 р. 77 к. Слѣдовательно, финансовое обособленіе края, на первыхъ же порахъ выразилось значительнымъ возвышеніемъ расходовъ за счетъ главнаго казначейства, безъ всякой надежды на возвратъ этихъ расходовъ, что̀ повторялось во всѣ послѣдующіе годы управленія краемъ кн. Барятинскаго.

Помимо сказаннаго, эти финансовыя смѣты вообще не давали полнаго представленія о казенномъ хозяйствѣ въ Закавказскомъ краѣ. Изъ всеподданнѣйшаго отчета кн. Барятинскаго за 1857—1859 г.г., мы видимъ, что опять за счетъ общеимперскихъ доходовъ на Кавказѣ и въ Закавказьѣ израсходованы на военныя надобности слѣдующія суммы:

въ 1857 г.	14.589.647 р. 74¾ к.
„ 1858 „	14.610.172 р. 4 к.
„ 1859 „	17.461.876 р. 9½ к.

Разсматривая въ частности статьи расходовъ, изъ которыхъ образовались эти послѣднія суммы, можно видѣть, что въ число военныхъ расходовъ включались и такіе, которые имѣли равное значеніе какъ для гражданскаго, такъ и для военнаго вѣдомства.

Кн. Барятинскій говоритъ въ своемъ отчетѣ: „Необходимость устройства прочныхъ и безопасныхъ путей составляетъ одну изъ самыхъ неотложныхъ потребностей намѣстничества, въ которомъ, по чрезвычайно пересѣченной мѣстности, естественныхъ колесныхъ путей почти вовсе не существуетъ, а между тѣмъ для движенія войскъ, снабженія арміи и развитія края нужда въ нихъ чувствуется каждый день сильнѣе. Вступивъ въ управленіе краемъ, я обратилъ особое вниманіе на внутреннія и внѣшнія сообщенія, предположивъ устройство капитальнымъ образомъ важнѣйшихъ путей. Для приведенія мысли этой въ исполненіе, необходимо было измѣнить прежде существовавшій порядокъ устройства дорогъ, состоявшій преимущественно въ ремонтированіи путей, проложенныхъ по жительскимъ тропамъ или старорѣчьямъ. Работы эти поглощали ежегодно рабочій капиталъ и труды солдатъ, безъ всякаго видимаго улучшенія"... На военно-грузинской дорогѣ при Барятинскомъ производились капитальныя работы. Черезъ Душетскую гору построено шоссе; для улучшенія военно-грузинской дороги сдѣланы точныя изысканія. Главной задачей при

этомъ было желаніе провести дорогу въ обходъ Казбекскаго завала и многихъ бѣшеныхъ балокъ. „Но пока будутъ окончены работы по устройству вполнѣ обезпеченнаго перевала черезъ Крестовую гору, я принялъ мѣры, чтобы и въ настоящее время этотъ путь содержался въ возможной исправности“. Затѣмъ разработанъ Млетскій подъемъ, въ обходѣ Квишетской горы, — и произведены серьезныя работы на военно-имеретинской дорогѣ, соединявшей Тифлисъ съ Чернымъ моремъ. Въ то же время, по распоряженію Барятинскаго, за счетъ смѣты военнаго министерства, были приглашены въ край заграничные инженеры для производства изысканій для постройки желѣзной дороги, долженствовавшей соединить Черное и Каспійское моря. Что касается водяныхъ сообщеній, то при Барятинскомъ хотя и было прекращено пароходное сообщеніе по Курѣ, существовавшее съ 1852 по 1857 г., „не оправдавшее разсчетовъ своихъ учредителей“ (кн. Воронцова), но зато, по его почину, образовано общество пароходства на Каспійскомъ морѣ, „Кавказъ и Меркурій“, съ значительной субсидіей со стороны военнаго министерства. Плаванію пароходовъ по Ріону препятствовали мелководье рѣки и перекаты, а потому были производимы работы по расчисткѣ перекатовъ и углубленію фарватера при впаденіи рѣки въ море, тоже за счетъ военнаго вѣдомства. Составленъ былъ проектъ канала для снабженія Тифлиса водою и для орошенія 50 тысячъ десятинъ земли въ Караязской степи.

Вслѣдствіе недостаточности въ краѣ учебныхъ заведеній, на счетъ военнаго вѣдомства были устроены школы при частяхъ войскъ.

Изъ всего этого видно, что точнаго разграниченія въ расходахъ по ихъ характеру въ дѣйствительности не существовало. Кавказскіе намѣстники, являясь главными распорядителями ассигнуемыхъ суммъ какъ на военныя надобности, такъ равно и на гражданское управленіе края, распоряжались этими ассигнованіями по своему усмотрѣнію и зачастую относили за счетъ военнаго вѣдомства такіе расходы, которые было бы правильнѣе относить за счетъ гражданскихъ смѣтъ.

Для полноты картины, необходимо указать, что Кавказъ и Закавказье, по оффиціальнымъ даннымъ того времени (отчетъ кн. Барятинскаго) были населены:

а) въ ставропольской губ.	342.878	душъ об. пола.
б) казачье населеніе въ Черноморьѣ. .	467.197	„ „
в) разныя горскія племена на сѣверномъ Кавказѣ,—приблизительно . .	215.731	„ „
г) область Дагестанская	495.240	„ „
д) собственно Закавказье.	2.053.415	„ „

Давая эти свѣдѣнія, кн. Барятинскій, близко знакомый съ условіями кавказской жизни, заявилъ, что цифры, по всей вѣроятности, ниже дѣйствительныхъ, какъ потому, что населеніе возросло со времени послѣднихъ камеральныхъ описаній (1846 г.), служившихъ главнымъ основаніемъ отчетовъ мѣстныхъ начальствъ, такъ и потому, „что въ этомъ азіатскомъ краѣ жители, по давнему обычаю, всегда уменьшаютъ въ показаніяхъ дѣйствительное число членовъ каждаго семейства“.

Въ результатѣ получалась слѣдующая картина: доходовъ отъ Закавказья въ 1859 г. ожидалось въ суммѣ 2.824.875 р. Въ дѣйствительности, въ счетъ этихъ ожиданій поступило 2.495.229 р., что̀ составляло, въ среднемъ, на душу 1 р. 21½ к. Рядомъ съ этимъ, финансовое положеніе ставропольской губерніи, гдѣ дѣйствовала общеимперская податная система, за тотъ же 1859 г. представлялась въ слѣдующемъ видѣ (отчетъ кн. Барятинскаго): при населеніи въ 342.878 душъ обоего пола, эта губернія принесла доходовъ 2.931.618 руб., что̀ составляло на душу 8 р. 55 к., почти въ 7 разъ больше того, что̀ платило населеніе Закавказскаго края. Но подобное сравненіе окажется неправильнымъ, если подробно разсмотрѣть доходную смѣту гражданскаго управленія Закавказскаго края. Изъ этой смѣты видно, что въ число 2.824.875 руб. включены:

а) доходы отъ рыбныхъ и тюленьихъ промысловъ. .	300.000 р.
б) доходы по горной и соляной части	212.641 „
в) акцизъ съ привозимаго изъ Россіи вина	100.000 „
г) таможенные доходы	598.800 „
Всего приблизительно . . .	1.211.441 р.

Эти доходы не выплачивались казнѣ населеніемъ: рыбные и тюленьи промыслы отдавались на откупъ,—эксплоатировалось Каспійское море, а не мѣстное населеніе, которое на тѣхъ же промыслахъ имѣло значительные заработки; доходы по горной части, въ свою очередь, не ложились бременемъ на мѣстное населеніе; акцизъ съ привозимаго изъ Россіи вина (водки) уплачивался только тѣми, кто пилъ привозную водку, а такимъ потребителемъ исключительно являлся русскій человѣкъ, такъ какъ хлѣбной водки мѣстное населеніе не пьетъ; таможенныя пошлины падали на чиновниковъ, офицеровъ и на незначительную въ то время по числу мѣстную интеллигенцію. Ставропольская же губернія подобнаго рода доходныхъ статей въ своемъ финансовомъ бюджетѣ не имѣла, а потому уплачивала казенныхъ налоговъ въ пятнадцать разъ больше по сравненію съ населеніемъ Закавказскаго края.

Слишкомъ слабое обложеніе населенія Закавказскаго края повинностями въ пользу казны ни для кого не составляло секрета. Это важное обстоятельство не ускользнуло и отъ вниманія кн. Барятинскаго. Послѣдній въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ заявилъ: „до сихъ поръ обладаніе Кавказскимъ перешейкомъ, совершенно необходимое для имперіи, сопровождалось, однако, такимъ итогомъ жертвъ, который, продолжаясь неопредѣленно въ будущемъ, могъ бы стать, наконецъ, невыносимымъ для нея бременемъ. Въ настоящую пору произошелъ въ кавказскихъ дѣлахъ переломъ, который долженъ разсѣять всѣ опасенія за будущее. Шестидесятилѣтняя борьба близится къ исходу. Съ послѣднимъ выстрѣломъ въ горахъ начнется для этой части владѣній періодъ постепеннаго уравновѣшиванія доходовъ съ расходами. Съ одной стороны, прекратятся жертвы, вынуждаемыя внутреннею войною, съ другой — покореніе горъ положитъ конецъ тревожному состоянію края, которое въ продолженіе многихъ вѣковъ подрѣзывало въ корнѣ его производительныя силы. Въ отношеніи природныхъ условій, Закавказскій край рѣзко отличается отъ смежныхъ съ нимъ странъ Азіи“... „Закавказье составляетъ перепутье между внутренними азіатскими бассейнами, посредствомъ котораго произведенія всего свѣта могутъ вливаться удобнымъ путемъ въ самый центръ Азіи“... „Вмѣсто голыхъ полей, составляющихъ природный характеръ всей западной половины Азіи,— страны, лежащія по южной подошвѣ Кавказа, щедро одарены естественными благами, покрыты лѣсами, облиты водою, что̀ при тепломъ ихъ климатѣ и плодородіи почвы, соединенныхъ съ выгоднымъ положеніемъ торговымъ, дѣлало ихъ всегда сказочною страною востока. Природа дала все этимъ областямъ; въ настоящее время имъ недостаетъ только того, что̀ можетъ совершать человѣкъ“. Далѣе, кн. Барятинскій перечисляетъ мѣры, при посредствѣ которыхъ „можетъ быть выведенъ край изъ настоящаго своего упадка“ Эти мѣры: „Закавказская желѣзная дорога и необходимое, сопряженное съ ней, по самому географическому смыслу этихъ областей, постоянное облегченіе ихъ отъ таможенныхъ стѣсненій“... „Исполненіе этихъ предположеній внесетъ въ край извнѣ огромныя матеріальныя средства и само по себѣ уже много возвыситъ и благосостояніе, и финансы его. Кромѣ того, съ ними можетъ быть соединена еще одна мѣра, которая, безъ расширенія границъ, многимъ увеличитъ производительное пространство закавказскаго владѣнія — это возстановленіе оросительныхъ каналовъ. Нынѣ лучшія мѣста Закавказья представляютъ видъ заглохшей пустыни“... „Но обширность ра-

ботъ, сопряженныхъ съ такимъ предпріятіемъ, дѣлаетъ его неисполнимымъ для домашнихъ силъ Закавказскаго края; только значительная компанія капиталистовъ можетъ двинуть его впередъ"...

Итакъ, кн. Барятинскій указалъ въ своемъ отчетѣ на три крайне существенныя обстоятельства: 1) Закавказскій край необходимъ для имперіи, но въ матеріальномъ отношеніи является тяжелымъ бременемъ для послѣдней; 2) природа дала все этому краю, но люди, которые населяютъ послѣдній и имѣютъ полную возможность пользоваться щедротами природы, пока неспособны дѣлать то, чтò могло бы способствовать процвѣтанію этого края; и 3) чтобы вызвать край изъ настоящаго упадка, необходимо построить дороги, понизить таможенныя пошлины и оросить пустынныя нынѣ земли, чтò возможно выполнить не за счетъ средствъ, какими располагаетъ Закавказье, а средствами, добытыми за предѣлами края.

Въ этихъ трехъ положеніяхъ заключались главныя начала, положенныя въ основу той административной системы, которою руководствовался кн. Барятинскій, будучи кавказскимъ намѣстникомъ.

Что Закавказье являлось, въ матеріальномъ отношеніи, тяжелымъ бременемъ для Россіи—видно изъ предшествующихъ главъ настоящаго очерка. Кн. Барятинскій, еще не вступая фактически въ управленіе краемъ, доложилъ государю, что возможно управлять этимъ краемъ не иначе, какъ при условіи, чтобы всѣ доходы края шли исключительно на содержаніе въ послѣднемъ гражданской администраціи и при значительныхъ субсидіяхъ со стороны главнаго казначейства, помимо расходовъ чисто военныхъ. Для Россіи 1856 г. такая необходимость была слишкомъ тяжелой, такъ какъ имперія переживала финансовый кризисъ. Но заявленіе Барятинскаго государственнымъ людямъ того времени казалось совершенно естественнымъ и потому, какъ сказано выше, его желаніе было исполнено,—финансы края были обособлены и назначены солидныя субсидіи со стороны главнаго казначейства. Ни одинъ изъ числа предшествующихъ Барятинскому главноуправляющихъ не ставилъ такъ категорично вопроса о невозможности управлять Закавказскимъ краемъ безъ соотвѣтствующихъ и при томъ крупныхъ жертвъ со стороны русскаго народа, хотя эти жертвы государство ежегодно несло съ 1801 г. Слѣдовательно, по существу дѣла, всѣ главноуправляющіе на Кавказѣ дѣйствовали совершенно одинаково. Необходимо предположить, что въ силу политическихъ условій, въ какихъ нахо-

дился край съ 1801 по 1859 г., иная финансовая политика въ Закавказьѣ и не могла имѣть мѣста. Повидимому, всѣ главноуправляющіе, дѣйствуя одинаково, были совершенно правы, что не было мѣста и времени для заботъ о финансахъ при почти непрерывномъ грохотѣ пушекъ. И это важное обстоятельство оправдало бы финансовую политику въ краѣ, еслибы при громѣ тѣхъ же пушекъ кавказскіе главноуправляющіе, въ особенности ген. Ермоловъ, кн. Воронцовъ и кн. Барятинскій, не посвящали слишкомъ много времени финансовой политикѣ и не предпринимали бы всевозможныхъ мѣръ, направленныхъ къ поднятію экономическихъ силъ края, чтò въ свою очередь увеличивало въ значительной степени жертвы со стороны государственнаго казначейства. Разъ пушки не мѣшали подобнымъ начинаніямъ, то историкъ имѣетъ право судить вообще о финансовыхъ мѣропріятіяхъ во всей ихъ совокупности.

Кн. Воронцовъ и кн. Барятинскій безусловно вѣрили, что Закавказскій край богатъ естественными дарами природы, и что стòитъ только разбудить спящія экономическія силы края—и послѣдній будетъ благоденствовать. Кн. Воронцовъ будилъ эти силы путемъ снабженія мѣстнаго населенія оборотными капиталами за счетъ русской казны. Онъ въ своихъ всеподданнѣйшихъ докладахъ обѣщалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ превратить Закавказье въ сплошной садъ. Кн. Барятинскій внесъ нѣкоторую поправку въ эти ожиданія: онъ не разсчитывалъ исключительно на мѣстное населеніе и его личныя матеріальныя и рабочія средства. Разсчеты свои онъ строилъ главнѣйшимъ образомъ на капиталахъ и рабочихъ средствахъ, которыя, какъ случайное наслѣдство, прибудутъ въ край извнѣ и произведутъ радикальную перемѣну въ жизни мѣстнаго населенія. Воронцовъ со своей точки зрѣнія былъ совершенно правъ, когда отечески заботился о матеріальныхъ интересахъ закавказскаго населенія, но Барятинскій, въ силу своихъ личныхъ взглядовъ, долженъ былъ дѣйствовать иначе. Ему не должна была казаться необходимой чрезмѣрная заботливость о матеріальныхъ интересахъ населенія края. Онъ самъ указываетъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ на преимущественное экономическое положеніе послѣдняго, а потому является исторической загадкой: почему Барятинскій не пожелалъ—нужныя для управленія края и его развитія денежныя средства найти въ самомъ краѣ. Изъ первыхъ главъ настоящаго сборника мы видимъ, что туземное населеніе Закавказскаго края, кромѣ незначительнаго числа охотниковъ, преимущественно изъ привилегированныхъ классовъ, было спокойнымъ зрителемъ про-

должительной и крайне тяжелой для русскаго народа войны съ горцами. Это мирное населеніе ограничивалось ролью купца, снабжавшаго, по выгоднымъ для себя цѣнамъ, всѣми предметами довольствія русскую многочисленную армію и русскихъ чиновниковъ, управлявшихъ краемъ. Война вызвала большой расходъ денегъ, какъ со стороны государства, такъ равно и со стороны тѣхъ русскихъ подданныхъ, которые участвовали въ этой войнѣ, и казенное довольствіе дополняли получками денегъ изъ своей далекой родины. Эти деньги оставались въ рукахъ мѣстнаго населенія,—слѣдовательно, послѣднее могло представлять собою вполнѣ благонадежнаго плательщика казенныхъ податей и разнаго рода повинностей. Но это мирное населеніе платило въ казну одну пятнадцатую часть того, что̀ обыкновенно выплачивалъ коренной житель Россіи, которая не могла похвастаться тѣми богатыми дарами природы, какими пользовался житель Закавказскаго края. Почему же никогда не возбуждался вопросъ о доведеніи государственныхъ повинностей въ краѣ до общепринятой въ Россіи нормы?.. Исторія не знаетъ такихъ попытокъ со стороны администраторовъ края, и это обстоятельство нужно отнести къ разряду крупныхъ историческихъ недоразумѣній.

Второе положеніе административной системы кн. Барятинскаго едва-ли требуетъ сложныхъ соображеній, чтобы доказать всю его несостоятельность. Если богатой природой владѣютъ люди, почему-либо неспособные использовать эти богатства, и если отъ этихъ людей нельзя отнять этотъ даръ Божій, то очевидно, что платоническія воздѣйствія свыше не помогутъ дѣлу. Уже было сказано выше, что богатыя земли края находились и находятся въ рукахъ совершенно довольнаго своимъ положеніемъ народа. Онъ коснѣлъ въ своемъ благополучіи, такъ какъ наша внутренняя политика не заключала въ себѣ элементовъ, которые могли бы вывести мѣстное населеніе изъ вѣковаго застоя. При такомъ положеніи, надежда на возможность разбудить спящія силы края при содѣйствіи стороннихъ капиталистовъ—являлась утопіей, такъ какъ капиталъ лишь дополняетъ и усиливаетъ рабочую способность народа, а за отсутствіемъ этой способности капиталъ, въ свою очередь, долженъ бездѣйствовать. Въ Закавказскомъ краѣ и до настоящаго времени еще не образовался надлежащій контингентъ работниковъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ частныхъ, въ области административно-финансоваго управленія краемъ, мѣропрія-

тій кн. Барятинскаго, которыя были санкціонированы законодательной властью.

16-го августа 1856 г., кутаисская губернія съ тремя упраздненными отдѣлами черноморской береговой линіи подчинены особому генералъ-губернатору и командующему тамъ войсками.

20-го августа 1856 г., высочайше повелѣно: отчетность въ суммахъ и капиталахъ, отпускаемыхъ въ распоряженіе намѣстника кавказскаго на экстраординарные и чрезвычайные расходы, устройство края и разныя полезныя по оному предпріятія не подвергать ревизіи со стороны государственнаго контроля. 24-го августа 1858 г., ревизія строительной отчетности возложена на правленіе VIII-го округа путей сообщенія, съ усиленіемъ штата этого управленія. 21-го октября 1859 г., повелѣно увеличить стипендіи кавказскимъ студентамъ Григорецкаго института съ 150 до 300 р., съ отнесеніемъ этихъ расходовъ на средства министерства финансовъ.

6-го іюля 1859 г., до преобразованія бывшей канцеляріи намѣстника кавказскаго, все дѣлопроизводство по управленію горною частью на Кавказѣ и въ Закавказьѣ сосредоточивалось въ горномъ столѣ канцеляріи. Съ преобразованіемъ же этой канцеляріи, горный столъ вошелъ въ составъ финансоваго департамента главнаго управленія. Это было признано неудобнымъ, и потому образована особая канцелярія управляющаго горною частью на Кавказѣ. По утвержденному штату, на содержаніе этой канцеляріи положено отпускать изъ доходовъ края 1.105 р., изъ главнаго казначейства—4.935 р., всего—6.040 р. Горное дѣло въ Закавказьѣ ограничивалось,—кустари-греки продолжали добычу мѣди, выплачивая казнѣ десятую часть металла; въ краѣ дѣйствовалъ одинъ квасцовый заводъ; въ Кульпахъ и Нахичевани добывалась поваренная соль, а въ Баку получалась черная и бѣлая нефть, что̀, въ общемъ, приносило казнѣ около 200.000 р. дохода.

Хотя вопросъ о раздачѣ земельныхъ участковъ въ краѣ за службу чиновникамъ возбуждался еще маркизомъ Паулуччи, но до кн. Барятинскаго не было случаевъ пожалованія земель. Свободныя казенныя земли, удобныя для цѣлей культурныхъ, незамѣтно ушли изъ рукъ казны. За послѣдней оставались разныя пустоши и такъ-называемыя лѣтнія и зимнія пастбища. А потому неудивительно, что казенныя земли въ 1859 г. приносили казнѣ очень небольшіе доходы. Тѣмъ не менѣе, 8 марта 1860 г. (35.529), государь императоръ соизволилъ повелѣть: „дѣйст. ст. сов. Коцебу и колл. сов. кн. Джорджадзе, согласно ходатайству

намѣстника кавказскаго, отвести въ потомственное владѣніе: первому 500, а послѣднему 400 десятинъ земли въ кубинскомъ уѣздѣ, дербентской губерніи, изъ числа казенныхъ участковъ, остающихся свободными, за надѣленіемъ казенныхъ крестьянъ. На будущее время предоставить намѣстнику кавказскому, въ случаѣ, если онъ признаетъ полезнымъ отводить кому-либо изъ служащихъ или служившихъ на Кавказѣ или За-Кавказомъ военныхъ или гражданскихъ чиновниковъ, находящіяся тамъ казенныя пустопорожнія земли въ потомственное владѣніе, входить о томъ съ особымъ представленіемъ, установленнымъ порядкомъ, черезъ кавказскій комитетъ, объясняя въ сихъ представленіяхъ: а) за какія именно заслуги испрашивается эта награда; б) въ какой именно мѣстности и какой участокъ предполагается отвести, прилагая, если можно, и планъ самаго участка; в) дѣйствительно ли этотъ участокъ ненуженъ для казны или для населенія поселянъ, и г) состоитъ ли оный въ оброчномъ содержаніи, и если состоитъ, то у кого именно и за какую цѣну".

Этотъ законъ породилъ среди служащихъ на Кавказѣ погоню за полученіемъ въ награду за службу въ краѣ того или другого участка казенной земли. Удовлетворить всѣхъ желающихъ и дать имъ земельные участки въ предѣлахъ Закавказья уже не представлялось возможнымъ, такъ какъ на счету мѣстнаго департамента государственныхъ имуществъ казенныхъ земель, удобныхъ для раздачи, въ Закавказьѣ не числилось въ достаточномъ количествѣ. Поэтому взоры желающихъ обратились на сѣверный Кавказъ, гдѣ казенныхъ земель было въ то время еще достаточно, и потому началась раздача этихъ земель участками отъ 300 до 12.000 десятинъ. Кто не хотѣлъ степныхъ участковъ, для того нашлись земли на черноморскомъ побережьѣ. Отъ посада Сочи до Новороссійска, на протяженіи почти 350 верстъ по берегу, лучшія земли были розданы высокопоставленнымъ лицамъ, и когда зашелъ вопросъ о заселеніи этого побережья русскими переселенцами, то оказалось, что ихъ уже негдѣ селить.

Въ 1860 г., въ предѣлахъ Россіи приступлено къ преобразованію государственныхъ кредитныхъ установленій, а потому было сдѣлано общее по имперіи распоряженіе о прекращеніи нѣкоторыхъ операцій приказами общественнаго призрѣнія. 5-го октября того же года, „кавказскій комитетъ, принявъ во вниманіе, что распоряженіе намѣстника о допущеніи изъ закавказскаго приказа общественнаго призрѣнія выдачи ссудъ подъ недвижимыя имѣнія и пріема въ оныхъ частныхъ вкладовъ сдѣлано имъ по уваженію мѣстныхъ обстоятельствъ и особенностей края, поло-

жилъ: распоряженіе это утвердить, предоставивъ намѣстнику принять надлежащія мѣры, чтобы какъ закавказскій, такъ и ставропольскій приказы общественнаго призрѣнія не требовали вдругъ значительными суммами принадлежащихъ имъ капиталовъ, обращающихся въ государственномъ банкѣ". Кн. Барятинскій подобное распоряженіе свое оправдывалъ: „въ такой мѣрѣ я вынужденнымъ нашелся прибѣгнуть по настоятельной и неотложной необходимости возстановить въ краѣ благодѣтельныя дѣйствія поземельнаго кредита, безъ пособія котораго изъ рукъ правительства мѣстное дворянство обойтись не можетъ и неизбѣжно разстроитъ свои имѣнія, обременивъ ихъ частными долгами на самыхъ тяжелыхъ для себя условіяхъ". Поземельный кредитъ, какъ было сказано выше, былъ главной причиной разоренія грузинскаго дворянства. Послѣднее, совершенно непривычное къ условіямъ и складу культурной жизни, могло благоденствовать при полномъ отсутствіи какого бы то ни было кредита. Помимо сказаннаго, приведенное законоположеніе имѣетъ глубокій смыслъ по другимъ основаніямъ. Кн. Барятинскій собственною властью отмѣняетъ дѣйствія высочайшихъ повелѣній, отъ 16-го апрѣля и 1-го сентября 1859 г., и, донося о подобномъ распоряженіи, доказываетъ необходимость послѣдняго ссылкою на мѣстныя обстоятельства и особенности края. Въ этомъ случаѣ важно не самое существо дѣла, а ссылка на особенности края. Въ исторіи финансово-административной эти особенности края всегда играли весьма видную роль. Всякая важная государственная мѣра могла быть неприводима въ исполненіе въ предѣлахъ края въ силу особенностей послѣдняго. Архивныя изысканія не даютъ, однако, матеріаловъ для опредѣленія, что собственно нужно подразумѣвать подъ этими особенностями края. Архангельская и херсонская губерніи имѣютъ много особенностей, но въ нихъ нѣтъ тѣхъ особенностей, которыя мѣшали бы проведенію общегосударственныхъ мѣръ въ той или другой губерніяхъ. Приходится, поэтому, сожалѣть, что понятіе объ „особенностяхъ" края до настоящаго времени недостаточно выяснено.

Относительно торговли края, кн. Барятинскій писалъ въ своемъ отчетѣ: „Важнѣйшею отраслью народной промышленности въ Закавказскомъ краѣ, какъ при настоящемъ условіи его экономическаго быта, такъ и для будущаго развитія скрытыхъ въ немъ силъ и естественныхъ богатствъ, представляется внѣшняя торговля. Этому способствуетъ самое географическое поло-

женіе края, омываемаго двумя морями и сопредѣльнаго къ двумъ азіатскимъ государствамъ"... „Торговля въ послѣднемъ году противъ прежнихъ лѣтъ значительно уменьшилась, въ особенности по привозу товаровъ изъ русскихъ портовъ въ Закавказскій край, что, по всей вѣроятности, можно приписать общему въ имперіи застою торговыхъ и денежныхъ дѣлъ въ минувшемъ 1859 году".

И на Кавказѣ торговый балансъ былъ не въ пользу края, который являлся богатой страной не произведеніями человѣческихъ рукъ или той природы, которая сама даетъ средство для торговли, а преимущественно деньгами. Кавказъ разсчитывался за заграничные товары русской звонкой монетой, которую получалъ изъ государственнаго казначейства и отъ служившихъ въ краѣ русскихъ людей. Отнимите этотъ источникъ доходовъ отъ закавказскихъ купцовъ—и внѣшняя торговля края упала бы, по меньшей мѣрѣ, на двѣ трети, т.-е. не могла бы превышать стоимости тѣхъ товаровъ, какую край отпускалъ заграницу.

Кн. Паскевичу, какъ и кн. Воронцову, такой порядокъ вещей казался не только естественнымъ, но даже крайне желательнымъ, и потому всѣ его симпатіи были на сторонѣ внѣшней—заграничной торговли. Въ этихъ видахъ онъ много поработалъ при установленіи общаго для Россіи таможеннаго тарифа. Въ послѣднемъ были сдѣланы по нѣкоторымъ предметамъ ввоза значительныя льготы для Закавказскаго края.

Разсматривая въ подробности тарифныя ставки, нѣтъ возможности уловить той идеи, которая руководила лицами, опредѣлявшими ихъ. Въ краѣ, напримѣръ, правительство заботилось о водвореніи хорошихъ сортовъ табаку, о приготовленія изъ послѣднихъ хорошихъ сигаръ; о разведеніи хорошаго шафрана, фруктовъ и приготовленіи изъ нихъ конфектъ. Ради этой возможности баронъ Розенъ хлопоталъ о безпошлинномъ ввозѣ въ край около 300.000 пудовъ сахара, и давалась казенная субсидія на постройку въ краѣ сахарнаго завода. Казалось бы, поэтому, что табакъ, во всѣхъ видахъ, шафранъ, фрукты, и т. д., должны таможеннымъ тарифомъ облагаться для Закавказья если не высшей, то во всякомъ случаѣ не низшей таможенной пошлиной, чѣмъ общерусская. Кромѣ того, разница въ таможенныхъ ставкахъ представляла всѣ удобства для наводненія русскихъ рынковъ заграничными товарами. На провозѣ туда заграничныхъ сигаръ изъ Тифлиса въ Россію разница въ таможенной пошлинѣ на долю подобнаго предпринимателя выражалась въ 70 р.; перевозка пуда ладана черезъ Закавказскій край сокращала пошлину на 4 р. 75 к., и т. д. Слѣдовательно, пониженныя тарифныя

ставки давали закавказскимъ купцамъ возможность наживаться за счетъ русской торговли, причиняя послѣдней такимъ способомъ весьма существенные убытки, размѣръ которыхъ не можетъ поддаваться опредѣленію.

При такомъ положеніи дѣла, кн. Барятинскій возбудилъ вопросъ о снятіи таможенныхъ заставъ на сѣверномъ Кавказѣ, но это ходатайство не было уважено; 7-го іюля 1857 г., высочайше повелѣно: „Всѣ лица, желающія отправить изъ Тифлиса товары или вещи сухопутно въ Россію, транспортомъ или по почтѣ, могутъ предъявлять оные къ досмотру въ тифлисскую таможню, которая обязана удостовѣряться, что предметы, ей предъявленные, по существующимъ правиламъ, къ провозу въ имперію изъ Закавказскаго края не запрещены, и потомъ прикладывать къ товарнымъ мѣстамъ таможенныя пломбы, съ выдачею провозителямъ свидѣтельствъ на безпрепятственный провозъ посылокъ и товаровъ. За симъ на кавказской линіи товары и посылки не подлежатъ уже вторичному досмотру, но таможенный на линіи надзоръ обязанъ повѣрять сходство товарныхъ мѣстъ со свидѣтельствами и удостовѣряться въ цѣлости пломбъ, наложенныхъ въ Тифлисѣ, по снятіи коихъ и отобраніи отъ провозителей означенныхъ свидѣтельствъ, допускать товары и посылки къ дальнѣйшему слѣдованію".

Не трудно видѣть, что подобной обособленностью въ таможенномъ отношеніи Закавказскаго края отъ остальныхъ областей Россіи причинялась публикѣ масса неудобствъ, сопряженныхъ вообще съ отжившими давно свой вѣкъ всевозможными внутренними заставами, что̀, однако, при возможной недобросовѣстности со стороны нѣкоторыхъ таможенныхъ чиновниковъ, нисколько не препятствовало контрабандной торговлѣ. Наложенныя въ Тифлисѣ на товарныя мѣста таможенныя пломбы исключали дальнѣйшій надзоръ за отправленнымъ товаромъ. Помимо того, пониженныя таможенныя ставки для Закавказскаго края были явно направлены противъ возможнаго водворенія въ краѣ русской торговли, такъ какъ Москва не могла продавать свои товары по цѣнамъ ниже тѣхъ, какія существовали на остальныхъ рынкахъ Россіи, а въ Закавказьѣ эти товары, вслѣдствіе пониженныхъ таможенныхъ ставокъ, обходились купцамъ дешевле.

За русскими купцами, благодаря Волгѣ и Каспійскому морю, еще оставалась нѣкоторая возможность отправлять въ Закавказье тяжелые товары, къ числу которыхъ относились желѣзо и чугунъ. Но 17-го декабря 1859 г. (35.248), по ходатайству кавказскаго начальства, послѣдовало высочайшее повелѣніе о пониженіи

таможенныхъ пошлинъ на привозимые изъ-за-границы въ край чугунъ и желѣзо. Чугунъ, вмѣсто 15, по 5 к. съ пуда, и сортовое желѣзо, вмѣсто 50, по 45 коп.

Торговля въ Закавказьѣ, какъ уже было сказано выше, находилась исключительно въ рукахъ мѣстныхъ армянъ. Они ревниво оберегали свое исключительное положеніе, желая сохранить въ своихъ рукахъ всѣ выгоды этой торговли, что̀ видно изъ того, что всѣ тифлисскіе купцы подали кн. Воронцову прошеніе о воспрещеніи московскому депо производить розничный торгъ въ Тифлисѣ. Обороты торговли съ Европой и Россіей достигали, въ среднемъ, до 10 милл. рублей. Помимо этой внѣшней торговли, мѣстное купечество вело значительный внутренній торгъ, обороты котораго хотя и неизвѣстны, но возможно предполагать, что они были не меньше оборотовъ внѣшнихъ. Но что̀ же приносила эта торговля государству? Изъ доходной смѣты на 1859 г. главнаго управленія намѣстника кавказскаго видно, что отъ торговли казна не получала ни единой копѣйки дохода. Многочисленный классъ купечества велъ торговлю совершенно безпошлинно. 19-го августа 1858 г. (33.033), кавказскій комитетъ положилъ: „статью 115 Уст. Торг., Св. Зак. т. XI, измѣнить въ томъ смыслѣ, что въ Закавказскомъ краѣ гильдейское положеніе еще не введено; статью 1358 т. X Св. Зак. о сост. замѣнить другою, сказавъ въ оной, что въ Закавказскомъ краѣ иностранцамъ, которые будутъ признаны благонадежными, даруется, съ разрѣшенія намѣстника, но не болѣе какъ 10-ти человѣкамъ вдругъ, десятилѣтняя льгота отъ платежа городскихъ и земскихъ повинностей, и разсмотрѣніе вопроса о введеніи За-Кавказомъ гильдейскаго положенія отложить, согласно мнѣнію намѣстника кавказскаго, впредь до утвержденія въ законодательномъ порядкѣ, составляемаго особою при министерствѣ финансовъ коммиссіею, проекта новаго положенія объ устройствѣ гильдій“. Изъ этого общаго правила кн. Барятинскій нашелъ возможнымъ сдѣлать исключеніе для русскихъ и заграничныхъ евреевъ, которымъ, 23-го іюля 1860 г. (36.043), дозволено было производить въ краѣ торговлю и открывать банкирскія конторы, но съ платежомъ гильдейскихъ пошлинъ по первой гильдіи, а также городскихъ и земскихъ повинностей.

Этимъ исчерпываются въ области торговли всѣ существенныя мѣропріятія со стороны кн. Барятинскаго. Въ области же сельскаго хозяйства и промышленности кн. Барятинскій не раздѣлялъ безусловно взглядовъ кн. Воронцова. 7 апрѣля 1857 года, послѣдовало высочайшее повелѣніе объ упраздненіи въ краѣ все-

возможныхъ сельскохозяйственныхъ фермъ, а изъ „казенныхъ садовыхъ заведеній въ Закавказскомъ краѣ оставить только существующія въ гор. Тифлисѣ и Кутаисѣ. Въ первомъ—ферму и ботаническій садъ, а во второмъ—общественный садъ, наименовавъ тифлисскую ферму и кутаисскій садъ училищами садоводства второго разряда". 9-го іюня 1860 года, измѣненъ уставъ кавказскаго общества сельскаго хозяйства, причемъ субсидія этому обществу отъ казны увеличена до 6.000 рублей. Вообще, кн. Барятинскій сельскимъ хозяйствомъ и садоводствомъ почти не занимался.

Незначительность доходовъ, приносимыхъ Закавказскимъ краемъ, ставила кн. Барятинскаго въ необходимость изыскивать эти доходы на сторонѣ. Каспійское побережье Закавказья, кромѣ бакинской гавани, не представляло удобствъ для причала парусныхъ судовъ и пароходовъ. Возникла мысль о постройкѣ гавани на дербентскомъ рейдѣ, что̀ вызывало расходъ въ суммѣ 450 т. руб. Взять эту сумму изъ доходовъ края Барятинскому казалось невозможнымъ, и потому, 13 марта 1860 г., государь императоръ, вслѣдствіе представленія намѣстника кавказскаго, согласно положенію кавказскаго комитета, высочайше соизволилъ повелѣть: „для устройства гавани на дербентскомъ рейдѣ и возведенія другихъ подобныхъ сооруженій на кавказскихъ берегахъ Каспійскаго моря установить съ вывозимой изъ предѣловъ Закавказскаго края въ Россію марены сборъ по 10 к. съ пуда, предоставивъ намѣстнику кавказскому опредѣлить, по его усмотрѣнію, такой порядокъ взиманія этого сбора, который представлялъ бы наименѣе для мареноводовъ въ Закавказскомъ краѣ затрудненій". Марены въ то время изъ Дербента вывозилось въ Россію около 150 т. пудовъ. Слѣдовательно, производство это только начинало нарождаться, а потому ради добычи сравнительно незначительной суммы денегъ изобрѣтена мѣра въ равной степени невыгодная, какъ для мареноводовъ, такъ и для русскихъ потребителей этого товара.

25-го декабря 1860 г., высочайше утверждено положеніе кавказскаго комитета о порядкѣ водворенія, самовольно, во время послѣдней войны съ Турціей, отлучившихся въ Закавказскій край крестьянъ изъ внутреннихъ губерній имперіи. Это законоположеніе воспослѣдовало въ силу отношенія намѣстника кавказскаго къ предсѣдателю кавказскаго комитета, отъ 5-го ноября 1860 г. Вотъ подлинная выписка этого отношенія: „Во время послѣдней войны съ Турціей прибыло въ Закавказскій край изъ внутреннихъ губерній имперіи, вмѣстѣ съ войсками и слѣдовавшими за

ними тяжестями, значительное число крестьянъ разныхъ вѣдомствъ, большая часть которыхъ, отлучаясь изъ мѣста своего жительства, имѣла законные виды; но между ними, пользуясь большимъ скопленіемъ людей и тревожностью военнаго времени, успѣло пробраться много бродягъ, бѣжавшихъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи и скрывавшихся до того на Дону и въ степныхъ малонаселенныхъ губерніяхъ. Во время войны число такихъ бродягъ все болѣе и болѣе увеличивалось прибавленіемъ новыхъ, между тѣмъ какъ прибывшіе въ край съ видами, по просрочкѣ ихъ—другихъ не требовали, и тѣмъ увеличивали число безпаспортныхъ. Военное положеніе края, поглотившее все вниманіе мѣстныхъ властей и населенія Закавказскаго края и обратившее всю дѣятельность полицейскихъ властей исключительно на нужды войны, особенно благопріятствовало этимъ бродягамъ и много способствовало къ сокрытію ихъ здѣсь. По окончаніи войны, небольшая часть этихъ людей удалилась въ Турцію, гдѣ имъ дали землю для поселенія, а остальные разсыпались по краю и, занимаясь поденными работами, переходили съ мѣста на мѣсто, и тѣмъ поддерживали свое существованіе, часть же ихъ причислилась въ краѣ подъ подложными именами. Узнавъ объ этомъ, я, въ апрѣлѣ 1858 г., учредилъ особую коммиссію для подробнаго разсмотрѣнія этого дѣла“... „Коммиссія эта нашла, что всѣ участвующіе въ этомъ дѣлѣ люди, за исключеніемъ дезертировъ, ново-ивановскаго старшины Якова Таносова и тифлисскихъ молоканъ: Мазаева, Кубышкина и Кретинина, могутъ быть раздѣлены на двѣ степени: 1) бѣжавшихъ изъ прежняго мѣстожительства въ Россіи безъ письменныхъ видовъ, или оставшихся въ краѣ съ просроченными паспортами, причисленныхъ въ Закавказскомъ краѣ подъ ложными именами. Къ первой категоріи относятся 399 человѣкъ обоего пола. Вторая заключаетъ въ себѣ 705, не считая военныхъ дезертировъ, бродягъ, скрывшихся во время изслѣдованія и ушедшихъ послѣ того“...

„Изъ числа людей, принадлежащихъ ко второй категоріи, нѣкоторые, сверхъ фальшивой приписки себя съ семействами въ Закавказскомъ краѣ, подъ вымышленными именами, обвиняются въ участіи въ слѣдующихъ преступленіяхъ: а) въ фальшивой припискѣ къ своему обществу бродягъ и бѣглыхъ людей разныхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ и военныхъ дезертировъ; б) въ составленіи ложныхъ свидѣтельствъ на отдачу бродягъ и военныхъ дезертировъ въ рекруты и в) фальшивой сдачѣ ихъ въ рекруты, съ условіемъ помогать ихъ бѣгству. Главныхъ руководителей и участниковъ въ этихъ трехъ родахъ преступленій оказывается

23 человѣка, а съ присоединеніемъ къ этому числу Якова Таносова, Марка Мазаева, Павла Кубышкина и Ивана Кретинина, —всѣхъ обвиняемыхъ въ фальшивой припискѣ, составленіи фальшивыхъ свидѣтельствъ и фальшивой сдачѣ рекрутъ, оказывается 27 человѣкъ, коихъ коммиссія находитъ нужнымъ, какъ обвиняемыхъ въ важныхъ преступленіяхъ, предать суду на общихъ основаніяхъ... Остальныхъ затѣмъ, принимая во вниманіе: а) многочисленность обвиняемыхъ, б) добровольное ихъ признаніе и в) высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы всѣхъ государственныхъ крестьянъ, самовольно переселившихся изъ одной губерніи въ другую, не высылать на прежнее мѣсто жительства, а водворять, гдѣ они проживаютъ, коммиссія полагаетъ—не предавать ихъ суду, а оставить ихъ здѣсь на мѣстахъ жительства, если затребованныя о нихъ справки подтвердятся и не встрѣтятся какія-либо препятствія къ причисленію ихъ здѣсь. Тѣхъ же, о которыхъ справки не подтвердятся, передать губернскому начальству, для поступленія съ ними по закону. Въ возмездіе же за самовольную отлучку, коммиссія полагаетъ всѣхъ зачислить въ краѣ безъ установленныхъ льготъ, а за приписку въ краѣ подъ ложнымъ именемъ съ обвиняемыхъ въ оной 425 человѣкъ взыскать издержки на производство слѣдствій и дознаній, какъ здѣсь, такъ и въ Россіи, по ихъ дѣламъ".

Не повезло бродячей Руси въ Закавказскомъ краѣ... Но эта неугомонная, вѣчно снующая Русь раздвинула предѣлы имперіи отъ Балтійскаго моря до Великаго океана; она заселила сѣверный Кавказъ, выдѣлила изъ себя казачество, по слѣдамъ которыхъ регулярная русская армія заняла Кавказскія горы, казавшіяся неприступной твердыней. Свѣтлѣйшій кн. Потемкинъ этой бродячей Русью въ короткій срокъ населилъ южно-русскія степи, превративъ послѣднія въ исконную русскую землю.

IV.

Е. И. В. Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, четвертый кавказскій намѣстникъ.—1862—1881 г.г.

Въ трудное время вступилъ новый кавказскій намѣстникъ въ управленіе Закавказскимъ краемъ. Хотя война съ горцами приходила къ концу, но все же на долю намѣстника кавказскаго выпадало рѣшеніе двухъ важныхъ государственныхъ задачъ.

Главный массивъ Кавказскихъ горъ преграждалъ свободное движеніе русскаго народа на югъ, за эти горы, а потому въ

Закавказскомъ краѣ русское государственное дѣло находилось исключительно въ рукахъ военачальниковъ и чиновниковъ. Работа послѣднихъ, безъ непосредственнаго содѣйствія русской народной массы, оказалась малоуспѣшной: хотя край былъ давно и безусловно подчиненъ Россіи, но по существу своему онъ продолжалъ оставаться не-русскимъ, такъ какъ между аборигенами края и русскимъ народомъ еще не народилось связующее звено въ образѣ общихъ духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ. Попрежнему грузинъ оставался такимъ же грузиномъ, какимъ онъ былъ при своихъ природныхъ царяхъ; попрежнему татарское населеніе сохраняло свои характерныя и бытовыя особенности, которыя не имѣли ничего общаго съ русскими порядками; въ краѣ не имѣлось достаточнаго, въ численномъ отношеніи, русскаго населенія, на которое, въ случаѣ крайней необходимости, могла бы опереться мѣстная власть. А потому, при подведеніи итоговъ мирнымъ успѣхамъ русскихъ за Кавказскими горами, оказывалось, что труды, заботы и деньги въ теченіе первыхъ 62-хъ лѣтъ Россіей были затрачены безъ очевидныхъ результатовъ; что всякій неблагопріятный поворотъ въ политической жизни Россіи, который могъ побудить насъ оставить Закавказье, послѣднее, послѣ ухода русскихъ войскъ и русскихъ чиновниковъ, немедленно превратилось бы въ свое первобытное состояніе. Слѣдовательно, предстояла работа — умѣло восполнить всѣ недочеты въ прошломъ и мирными путями завоевать для Россіи Закавказскій край. Это была первая трудная задача, выпавшая на долю новаго намѣстника.

Закавказскій край для русской имперіи составлялъ, въ матеріальномъ отношеніи, тяжелое бремя. Это бремя, по заявленію кн. Барятинскаго, могло обратиться „въ невыносимую тяжесть" при условіи, что дѣла въ краѣ будутъ идти прежнимъ порядкомъ. Кн. Барятинскій указывалъ на то, что въ этомъ ходѣ дѣлъ произошелъ существенный переворотъ къ лучшему, но до 1862 года этотъ переломъ ничѣмъ не обнаружился. Главная тому причина, попрежнему, заключалась въ неправильномъ толкованіи того мѣста манифеста 12 сентября 1801 г., о присоединеніи Грузіи къ предѣламъ имперіи, въ коемъ это присоединеніе выставлено актомъ полнаго безкорыстія. Но это толкованіе манифеста даже по отношенію къ одной Грузіи, добровольно намъ подчинившейся, не согласовалось съ другими повелѣніями императора Александра I-го, и по существу своему не отвѣчало исторической правдѣ, а тѣмъ болѣе не могло распространяться на другія, завоеванныя силою оружія, части Кавказскаго края. Слѣ-

довательно, второю трудной и очень сложной задачей, выпавшей на долю намѣстника, являлась существенная и неотложная необходимость въ радикальномъ исправленіи основныхъ началъ административно-финансовой политики въ краѣ.

Наше правительство всегда возлагало надежду на полученіе существенныхъ матеріальныхъ выгодъ отъ Закавказскаго края. Императоръ Павелъ зналъ о бѣдственномъ положеніи царства Грузинскаго, и свою политику въ Грузіи соединялъ съ надеждами на возможность эксплоатаціи Кавказскихъ горъ, которая должна была обогатить бѣдную въ то время деньгами русскую казну. Александръ I-й раздѣлялъ эти надежды и въ то же время писалъ, что онъ никогда не допускалъ возможности, чтобы тяжесть управленія Грузіей всецѣло падала на русскій народъ. Николай Павловичъ въ свою очередь не терялъ надежды на минеральныя богатства Кавказскихъ горъ.

Надежды этихъ монарховъ при ихъ жизни не оправдались, но за то на историческую сцену выступили личныя мнѣнія главноуправляющихъ Закавказскимъ краемъ. Князь Циціановъ первый началъ обращать вниманіе правительства на естественныя богатства края и на его выгодное географическое положеніе въ интересахъ всемірной торговли. Тѣ и другая долженствовали обогатить край и превратить его въ хорошаго плательщика государственныхъ податей, чего, конечно, можно было достигнуть не вдругъ, а постепенно. Слѣдовательно, отъ Россіи требовались пока расходы, а соотвѣтствующіе доходы обѣщались въ будущемъ. Генералъ Ермоловъ проникся надеждами князя Циціанова и, ради возможности направить черезъ Закавказскій край всемірную торговлю съ центральной Азіей и тѣмъ обогатить жителей Закавказья, забылъ завѣтъ Петра Великаго, чтобы Россія эту торговлю оберегала исключительно для себя. По настояніямъ Ермолова, весь Закавказскій край былъ на десять лѣтъ обращенъ въ портофранко. Кн. Воронцовъ, являясь рѣшительнымъ сторонникомъ свободной торговли въ предѣлахъ края, надѣялся обогатить послѣдній путемъ развитія въ немъ сельско-хозяйственной промышленности, и ему казалось, что ради достиженія намѣченной цѣли не только позволительно, но безусловно необходимо требовать отъ русскаго народа всевозможныхъ жертвъ въ пользу управляемаго имъ края. И кн. Барятинскій въ оцѣнкѣ края не расходился съ своими предшественниками, но смотрѣлъ на дѣло шире и, въ интересахъ торговли, настаивалъ на необходимости капитальнаго устройства въ краѣ путей сообщенія. Что же касается сельско-хозяйственной промышленности, то двинуть ее

впередъ признавалъ возможнымъ при посредствѣ обширныхъ ирригаціонныхъ работъ.

Словомъ, въ области гражданскаго управленія Закавказскимъ краемъ самую существенную роль играли виды на будущее,—несомнѣнная надежда на естественныя богатства края и на выгодную во всѣхъ отношеніяхъ эксплоатацію послѣднихъ, для чего признавалось возможнымъ дѣлать существенныя жертвы въ настоящемъ.

Рѣшивъ a priori, что Закавказскій край необыкновенно богатъ, наши администраторы пришли къ заключенію, что этотъ край со стороны Россіи требуетъ особой опеки и попечительства. Желаніе опекать край породило также мысль о необходимости прилагать всѣ заботы о матеріальномъ благосостояніи мѣстнаго населенія: членамъ туземныхъ привилегированныхъ сословій предоставлялись высшія должности въ войскахъ и администраціи, сопряженныя съ большими окладами содержанія, или назначались, подъ разными предлогами, пожизненныя и потомственныя пенсіи; податныя сословія были почти освобождены отъ повинностей въ пользу государства, которое расходы по охранѣ и развитію естественныхъ силъ края приняло полностью на свой счетъ. Эта политико-экономическая ошибка выразилась двояко: казна не дополучила съ края многихъ милліоновъ рублей, а среди мѣстнаго населенія породилось убѣжденіе, что оно является населеніемъ привилегированнымъ, — что̀ исключало необходимость въ самодѣятельности и личной съ его стороны иниціативѣ, такъ какъ заботу о нуждахъ мѣстнаго населенія всецѣло приняла на себя русская администрація.

Но время постоянной войны съ горцами прошло, и вмѣстѣ съ послѣднимъ выстрѣломъ должны были рушиться тѣ дѣйствительныя или воображаемыя причины, въ силу которыхъ Закавказскій край былъ поставленъ въ совершенно исключительное положеніе. Было весьма ясно видно, что главная задача въ управленіи краемъ сводилась къ тому, чтобы уничтожить вредную въ интересахъ государственныхъ исключительность и обособленность, которыми пользовался ввѣренный намѣстничеству край. Въ жизни послѣдняго только теперь совершался рѣшительный переломъ, одинаково необходимый какъ для имперіи, такъ равно и для самаго края. Трудность подобной задачи усложнялась необходимостью совершить этотъ переломъ, не причиняя острой боли тому населенію, которое роковымъ путемъ ставилось въ совершенно новыя условія жизни. Ломать все заразъ было бы слишкомъ неосторожно и несогласно съ характеромъ русскаго

человѣка, и мы увидимъ, что этотъ переломъ былъ совершенъ, если не въ полной мѣрѣ, то въ значительной его части, съ особеннымъ терпѣніемъ и послѣдовательностью.

Пробнымъ камнемъ этой новой системы управленія краемъ были мѣры чисто финансовыя. Изъ финансовой смѣты главнаго управленія намѣстника кавказскаго на 1859 г. видно, что торговля въ краѣ была совершенно свободной и не приносила казнѣ никакихъ денежныхъ доходовъ, такъ какъ уставъ о пошлинахъ за право торговли и промысловъ на Закавказье не былъ распространенъ. Но 20-го декабря 1863 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе: „Выдачу на 1864 годъ свидѣтельствъ на право торговли и промысловъ и билетовъ на годовыя и промысловыя заведенія въ Закавказскомъ краѣ производить, со взысканіемъ пошлинъ, назначенныхъ положеніемъ 1-го января 1863 г. въ Тифлисѣ—по 2-му классу, въ Кутаисѣ, Эривани, Сухумъ-Кале, Баку, Дербентѣ, Ленкорани, Владикавказѣ—по 3-му, а въ остальныхъ мѣстностяхъ сего края по 4-му классу“. Для мѣстныхъ купцовъ и промышленниковъ это было громовымъ ударомъ съ безоблачнаго неба. Мѣстные чиновники въ свою очередь были озадачены такой рѣшительной мѣрой, такъ какъ, согласно этому положенію, купецъ обязанъ былъ платить пошлины — по 1-й гильдіи 265 руб., по 2-й—отъ 35 до 55 руб., помимо приказчичьихъ свидѣтельствъ и билетовъ на право открытія торговыхъ и промышленныхъ заведеній. Эта мѣра не была, однако, введена въ дѣйствіе въ 1864 г. Одинъ слухъ о предстоящемъ введеніи въ дѣйствіе положенія о пошлинахъ за право торговли не только смутилъ торговцевъ г. Тифлиса, но дѣло дошло, въ 1865 году, до открытаго бунта, причемъ одной изъ главнѣйшихъ причинъ этого бунта, какъ выяснено слѣдствіемъ, были слухи о предстоящемъ промысловомъ налогѣ. Пришлось, изъ осторожности, временно ограничиться полумѣрой: 29-го января 1865 г. (П. С. з., ст. 41.744) воспослѣдовало высочайшее повелѣніе о томъ, что „лицамъ, желающимъ записаться по Закавказскому краю въ купечество, слѣдуетъ, не требуя взятія билетовъ на торговыя и промышленныя заведенія, производить выдачу гильдейскихъ свидѣтельствъ со взысканіемъ: со свидѣтельствъ 1-й гильдіи по 265 р., а по второй гильдіи—по 65 р.“. Дѣйствіе положенія о пошлинахъ за право торговли и промысловъ окончательно распространено на Закавказскій край лишь въ 1875 г. (Полн. Собр. зак., ст. 54.329).

Незначительность податей, поступившихъ отъ подымнаго обложенія населенія края, объяснялась отчасти чрезмѣрно боль-

шимъ числомъ лицъ разныхъ привилегированныхъ сословій. Къ числу послѣднихъ были причислены сеиды—потомки Магомета. 8-го марта 1865 г., послѣдовалъ законъ (ст. 41.896): „принадлежащіе къ податнымъ сословіямъ сеиды не освобождаются отъ платежа податей и повинностей, но самимъ обществамъ, къ которымъ сеиды приписаны, предоставляется, въ случаѣ собственнаго желанія, принимать на себя уплату причитающихся съ нихъ сборовъ".

6-го февраля 1873 г., на Закавказье распространено дѣйствіе устава объ акцизѣ съ табаку.

13-го февраля 1873 г., на Закавказскій край распространена дѣйствовавшая въ имперіи система взиманія питейныхъ сборовъ.

1-го мая 1873 г., открыто акцизное управленіе въ Закавказскомъ краѣ, а съ 1-го іюля того же года введенъ акцизъ съ питей и табаку.

22-го декабря 1873 г., разрѣшена въ Закавказьѣ безакцизная продажа виноградняго вина съ возовъ, судовъ и лодокъ, на рынкахъ, площадяхъ и пристаняхъ.

15-го января 1874 г., введенъ въ Закавказскомъ краѣ акцизъ на соль.

17-го апрѣля 1874 г., сила высочайше утвержденнаго устава о гербовомъ сборѣ распространена на Закавказскій край.

30-го мая 1876 г., послѣдовало высочайшее повелѣніе о примѣненіи къ Закавказскому краю общаго европейскаго тарифа на привозимый въ край иностранный сахаръ.

8-го декабря того же года, таможенныя пошлины повелѣно было взыскивать золотою монетою.

Всѣ перечисленныя финансовыя мѣры были приняты мѣстнымъ населеніемъ спокойно, такъ какъ протестъ 1865 г. со стороны тифлисскихъ торговыхъ классовъ, противъ обложенія ихъ торговыми пошлинами, кончившійся не особенно благопріятно для коноводовъ, открылъ населенію глаза на истинное положеніе вещей и на тѣ отношенія, кои безусловно обязательны подданному по отношенію къ коронѣ и государству вообще. Эти мѣры открыли широкую дорогу для водворенія въ предѣлахъ края общеимперской финансовой системы.

Великій князь, пользуясь почти неограниченными полномочіями, какъ намѣстникъ кавказскій, былъ сторонникомъ реформъ Александра II-го, хотя проведеніе ихъ въ жизнь края встрѣчало массу серьезныхъ препятствій въ вѣковыхъ предразсудкахъ и въ совершенной неподготовленности края для усвоенія этихъ крайне

желательныхъ и жизненныхъ реформъ. Осуществленіе послѣднихъ, кромѣ того, требовало отъ края значительныхъ денежныхъ средствъ, которыми Закавказье не располагало. Но, тѣмъ не менѣе, послѣдовалъ цѣлый рядъ законоположеній, измѣнившихъ народную жизнь въ Закавказскомъ краѣ: 22-го ноября 1866 г., явилось высочайшее повелѣніе о примѣненіи судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 г. къ Закавказскому краю, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, которыя составляли уступку особенностямъ мѣстнаго населенія. 9-го декабря 1867 г., высочайше утвержденъ штатъ тифлисской судебной палаты, подвѣдомственныхъ ей окружныхъ судовъ, мировыхъ отдѣловъ и старшихъ нотаріусовъ, съ ежегоднымъ расходомъ изъ доходовъ края въ 658.950 руб. Одновременно съ этимъ, при судебныхъ учрежденіяхъ устроена межевая часть съ достаточнымъ числомъ служащихъ, съ ежегоднымъ расходомъ въ 95.000 руб. Затѣмъ было рѣшено полное размежеваніе земель Закавказскаго края, а 10-го февраля 1868 г. сдѣлано распоряженіе объ открытіи окружныхъ судовъ и подчиненныхъ имъ судебныхъ мѣстъ.

Одновременно съ судебной реформой шло освобожденіе мѣстныхъ помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, на что, въ свою очередь, требовались значительные со стороны казны расходы. Въ тифлисской губерніи крестьяне освобождены, при всенародныхъ повсемѣстныхъ благодарственныхъ молебнахъ, 8-го ноября 1864 г.; въ кутаисской губерніи — 13-го октября 1865 г., въ Мингреліи—1-го декабря 1866 г.

Съ учрежденіемъ въ краѣ независимаго суда по уставамъ 1864 г., возникла необходимость преобразовать мѣстные административные органы, которые соединили въ себѣ власти—распорядительную и судебную. Это преобразованіе совершилось, по высочайшему повелѣнію, 9-го декабря 1867 г.

Всѣ эти реформы и административныя мѣры требовали, однако, большихъ денежныхъ расходовъ, безъ которыхъ онѣ, несмотря на ихъ громадное общественное и государственное значеніе, не могли быть осуществлены, а явились бы прекраснымъ по идеѣ намѣреніемъ и, пожалуй, цѣннымъ литературнымъ памятникомъ, но—и только. Слѣдовательно, для всѣхъ этихъ реформъ требовался прочный и незыблемый фундаментъ, требовалось полное и совершенно вѣрное матеріальное обезпеченіе; необходимо было, чтобы финансовая жизнь края начала правильно функціонировать.

Все это было каждому совершенно ясно, и потому, рѣшивъ дать краю новый гласный судъ, новую болѣе совершенную адми-

нистрацію, а населенію личную независимость, правительство вынуждено было подумать о полной финансовой реформѣ въ предѣлахъ края; эта реформа значительно суживала просторъ распорядителя кредита и не оставляла мѣста для произвольныхъ дѣйствій со стороны второстепенныхъ распорядителей тѣмъ же кредитомъ. Согласно представленіямъ намѣстника кавказскаго, 4-го ноября 1867 г. (45.125), послѣдовало высочайшее повелѣніе о распространеніи на Закавказскій край новыхъ смѣтныхъ, кассовыхъ и ревизіонныхъ правилъ. Въ силу этого закона, 23-го декабря того же года былъ изданъ новый штатъ закавказской казенной палаты и росписаніе должностей и окладовъ содержанія по казначействамъ и расходнымъ отдѣленіямъ Закавказскаго края, на чтò потребовался ежегодный расходъ въ суммѣ 160.997 р. Въ томъ же мѣсяцѣ, 23-го числа (П. С. зак., ст. 45.318), послѣдовало высочайшее повелѣніе объ образованіи закавказской контрольной палаты.

До учрежденія закавказской контрольной палаты, государственный контроль въ своихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ не могъ давать никакихъ свѣдѣній о дѣйствительныхъ денежныхъ оборотахъ въ предѣлахъ Закавказскаго края, а потому ограничивался перечисленіемъ суммъ, кои были назначены по доходной и расходной смѣтамъ гражданскаго управленія намѣстника кавказскаго. Ни контрольный департаментъ главнаго управленія, ни контрольное отдѣленіе, состоявшее при мѣстной казенной палатѣ и кавказскомъ интендантскомъ управленіи, въ свою очередь, не могли давать свѣдѣній о дѣйствительныхъ расходахъ по гражданскому и военному вѣдомствамъ, такъ какъ кассовые дореформенные порядки исключали подобную возможность, а потому въ отчетахъ государственнаго контроля за 1866 и 1867 гг. показаны только смѣтныя назначенія, а именно:

за 1866 годъ	ожидалось доходовъ	3.693.122 р. 80 к.
„ „ „	предполагалось расходовъ . . .	4.184.212 р. 77 к.
за 1867 годъ	ожидалось доходовъ	3.938.292 р. 25 к.
„ „ „	предполагалось расходовъ . . .	4.890.550 р. 50 к.

Эти цифры въ сущности ничего опредѣленнаго не говорятъ:— можетъ быть, смѣтные дефициты были покрыты доходами случайными или за счетъ усиленнаго поступленія обыкновенныхъ доходовъ, а можетъ быть дѣйствительный дефицитъ далеко превосходилъ смѣтный. Такимъ образомъ, получалась финансовая картина совершенно неясная и неопредѣленная.

Съ учрежденіемъ закавказской контрольной палаты, финансовое дѣло въ краѣ принимаетъ другой оборотъ. Въ отчетѣ го-

сударственнаго контроля за 1868 г. уже стоятъ цифры дѣйствительныхъ доходовъ и расходовъ, но не приблизительные, а именно:

Поступило доходовъ	5.228.309 р. 68 к.
Израсходовано	6.195.103 р. 42 к.
Дефицитъ	966.793 р. 74 к.

Изъ цифровыхъ данныхъ, начиная съ 1869 г. и по 1881 г., когда было упразднено кавказское намѣстничество, можно заключить, что доходы края въ этотъ періодъ значительно поднялись и выражались въ цифрѣ 8,5 милліоновъ рублей, тогда какъ девятнадцать лѣтъ тому назадъ эти доходы опредѣлялись по смѣтамъ въ 2,8 милліоновъ руб. Такой ростъ доходовъ объясняется: а) распространеніемъ на край дѣйствія положенія о пошлинахъ за право торговли и промысловъ; б) введеніемъ въ край русской системы взиманія акциза съ хлѣбнаго вина и фруктово-водочнаго производства; в) введеніемъ акциза съ табаку; г) введеніемъ устава о гербовыхъ пошлинахъ, и д) повышеніемъ нѣкоторыхъ тарифныхъ ставокъ на привозимые въ край иностранные товары. Помимо этихъ указаній частнаго характера, ростъ казенныхъ доходовъ,—ростъ скачками отъ 2,8 до 8,5 милл. руб.—доказываетъ то положеніе, что населеніе Закавказскаго края давно могло являться хорошимъ плательщикомъ казенныхъ податей и повинностей, но послѣднія не взыскивались съ населенія въ силу разныхъ со стороны мѣстной администраціи политическихъ и экономическихъ соображеній.

Несмотря на значительный ростъ казенныхъ доходовъ съ 1862 по 1881 г., нельзя не обратить вниманія, что параллельно росли расходы исключительно на гражданскую администрацію края. Это явленіе объясняется—разнаго рода нововведеніями и реформами, кои были проведены въ жизнь края, а также тѣмъ вѣковымъ убѣжденіемъ, отъ котораго въ то время еще не отказались, что Закавказье и его населеніе не могутъ обходиться безъ административной опеки и попечительства. А эта опека не могла не вліять на размѣръ административныхъ расходовъ.

Въ теченіе тринадцати лѣтъ доходы края покрыли расходы казны на мѣстную гражданскую администрацію, но рядомъ съ этимъ, за тѣ же тринадцать лѣтъ, казна истратила въ предѣлахъ края, сверхъ доходовъ, болѣе 400.000.000 р. Эта громадная сумма была израсходована на содержаніе въ предѣлахъ края войскъ и войсковыхъ управленій, на послѣднюю русско-турецкую войну, на постройку въ краѣ дорогъ, дорожныхъ сооруженій и портовъ и на разныя улучшенія въ томъ же краѣ. Эти расходы полностью не могутъ быть отнесены за счетъ края, такъ какъ

большинство изъ нихъ составляло потребность общегосударственную, а потому эти расходы подлежатъ отнесенію за счетъ всѣхъ вообще русскихъ подданныхъ въ равной мѣрѣ. Но, какъ видно изъ тѣхъ же цифровыхъ данныхъ, населеніе Закавказья, во-первыхъ, оплачивало только стоимость своей гражданской администраціи и не принимало никакого участія въ расходахъ на другія нужды края и не участвовало въ расходахъ общегосударственныхъ. Это являлось для населенія громаднымъ преимуществомъ по сравненію съ другими плательщиками государственныхъ повинностей, и во-вторыхъ, указанные выше 400 милл. были израсходованы казной въ предѣлахъ Закавказья; итакъ, казна, расходуя принадлежащія ей средства, является для населенія тѣхъ районовъ, гдѣ производятся эти расходы, самымъ надежнымъ работодателемъ, а потому очевидно, что населеніе Закавказскаго края было поставлено, въ экономическомъ отношеніи, несравненно выгоднѣе населенія тѣхъ коренныхъ русскихъ губерній, гдѣ казна производитъ минимальные расходы.

Финансовыя выгоды, кои выпадали на долю населенія Закавказскаго края за счетъ казны, на этомъ не оканчивались.

Въ краѣ была построена поти-тифлисская желѣзная дорога, протяженіемъ въ 297 верстъ. Работы по постройкѣ этой дороги начаты за счетъ казны, а въ 1870 г. онѣ были переданы въ распоряженіе иностраннаго акціонернаго общества, которое, какъ видно изъ его отчета за 1879 г., израсходовало на постройку этой дороги 28.240.000 р. Правительство гарантировало обществу чистую доходность дороги въ размѣрѣ 5% на затраченный капиталъ и 1/10% на его погашеніе. Общій размѣръ этой гарантіи въ теченіе года выражался въ суммѣ 2.442.240 рублей. Расходы общества по постройкѣ этой дороги и расходы по эксплоатаціи ея въ значительной степени оживили денежные обороты края.

За первые четыре года (1876—1879) поти-тифлисская желѣзная дорога работала слабо,—частныхъ грузовъ перевозилось въ оба пути, со включеніемъ въ общій счетъ такихъ громоздкихъ товаровъ, какъ камень и известь для постройки потійскаго порта, отъ 6,5 до 9,5 милл. пудовъ, что доказываетъ слабую производительность того края, которому служила эта дорога. Возить изъ бывшей Грузіи и бывшей Имеретіи къ Черному морю было нечего. Не было также большой потребности въ товарахъ, которые доставлялись изъ-за предѣловъ края.

Эта слабая сторона дороги, какъ видно изъ отчетовъ государственнаго контроля, въ свою очередь ложилась значительнымъ

бременемъ на государственное казначейство. За счетъ кредитовъ смѣты министерства путей сообщенія, обществу поти-тифлисской желѣзной дороги доплачивалась гарантія, съ 1870 г. по 1875 г., свыше милліона рублей.

Приплаты правительства увеличивали на соотвѣтствующія суммы общіе расходы казны по Закавказскому краю.

Слабая работа дороги объяснялась тѣмъ, что въ г. Поти, при впаденіи р. Ріона въ Черное море, не имѣлось удобной гавани для приходящихъ морскихъ судовъ. Послѣднія должны были останавливаться, выгружаться и нагружаться далеко отъ берега на потійскомъ рейдѣ, который у моряковъ пользовался незавидной славой, такъ какъ даже незначительное волненіе съ моря прекращало возможность сообщенія съ берегомъ. Чтобы хотя отчасти парализовать эти неудобства потійскаго рейда, англійская компанія предложила построить желѣзное жетэ, которое, выходя далеко въ море, давало бы возможность морскимъ судамъ выгружаться и нагружаться, причаливая къ этому жетэ. Послѣднее, на винтовыхъ сваяхъ, обошлось казнѣ въ 1 милл. р., но очень скоро совершенно было разрушено однимъ изъ частыхъ на Черномъ морѣ штормовъ. Пришлось отказаться отъ мысли улучшить потійскій рейдъ относительно дешевымъ жетэ, и потому рѣшено было построить въ Поти солидный коммерческій портъ. Исторія этой постройки не послужила къ чести инженеровъ. По первому проекту стоимость постройки порта была опредѣлена въ 1,5 милл. руб., по второму—въ 2,5 милл. руб.; въ дѣйствительности портъ строился съ 1868 по 1882 г., причемъ израсходовано около 12 милл. рублей. Къ сожалѣнію, этотъ портъ и до настоящаго времени не можетъ считаться вполнѣ законченнымъ, такъ какъ бываютъ случаи, что во время сильныхъ волненій суда терпятъ аваріи въ самомъ портѣ. Съ присоединеніемъ, по берлинскому трактату, къ предѣламъ Россіи Батума съ его прекрасной и довольно обширной гаванью, всѣ болѣе цѣнные грузы, какъ привозимые въ край, такъ и вывозимые изъ края, направляются исключительно на Батумъ. Въ потійскій портъ коммерческія суда заходятъ только при благопріятной погодѣ.

Нефтяная промышленность въ Баку, въ этотъ періодъ, получила сильный толчокъ, благодаря тому обстоятельству, что въ 1873 г. казна отказалась отъ добычи нефти и ея переработки въ керосинъ собственными средствами или при посредствѣ подрядной системы. Бакинскія нефтяныя земли были уступлены частнымъ лицамъ за 2.975.027 р., чѣмъ, между прочимъ, объ-

ясняется значительная цифра доходовъ, поступившихъ по смѣтѣ гражданскаго управленія края за означенный годъ. Съ 1874 г. главнымъ дѣятелемъ по добычѣ и переработкѣ нефти въ керосинъ является Нобель и компанія. Благодаря настойчивости и энергіи со стороны представителя этой фирмы, а также способу перевозки керосина по Каспійскому морю и Волгѣ въ наливныхъ судахъ—бакинскій керосинъ на русскихъ рынкахъ началъ вытѣснять керосинъ американскій.

Будучи дешевымъ и во всѣхъ отношеніяхъ хорошимъ, этотъ керосинъ одновременно объявилъ войну на русскихъ рынкахъ американскому керосину и традиціонной русской лучинѣ, что̀ начало привлекать въ Баку какъ сторонніе значительные капиталы, такъ равно и разнаго рода рабочія средства. Благодаря бакинской нефти, постройка сквозной закавказской желѣзной дороги отъ моря до моря пріобрѣтала громадный практическій смыслъ.

Въ то же время добыча нефти доказала, что разъ въ странѣ имѣются минеральныя или естественныя богатства, которыя сулятъ барыши предпринимателю, то охотники найдутся для ихъ эксплоатаціи. Въ лѣсахъ Закавказья имѣлись значительные запасы самшита и орѣховаго наплыва, и, несмотря на нѣкоторыя запретительныя мѣры со стороны правительства и отсутствіе въ краѣ удобныхъ дорогъ, этотъ цѣнный лѣсъ постоянно вывозится на рынки западной Европы.

Наше правительство расходовало въ краѣ, какъ видно изъ приведенныхъ выше цифровыхъ данныхъ, десятки милліоновъ рублей ежегодно безвозвратно. Общество поти-тифлисской дороги, затративъ въ томъ же краѣ единовременно около 30 милліоновъ, ежегодно расходовало въ томъ же краѣ около 1,5 милліоновъ на эксплоатацію дороги. Нефть, въ свою очередь, вызывала необходимость со стороны предпринимателей большихъ денежныхъ расходовъ въ томъ же краѣ. Въ общемъ казна, желѣзная дорога и бакинская нефть давали населенію края источники для всевозможныхъ заработковъ ежегодно, въ среднемъ, не менѣе 35 милліоновъ руб. сер.

Несмотря на улучшившееся финансовое положеніе Закавказскаго края, соединеніе Тифлиса съ моремъ желѣзной дорогой и проведеніе въ краѣ удобныхъ шоссейныхъ дорогъ, соединившихъ Тифлисъ съ сѣвернымъ Кавказомъ и съ Эриванью и хорошей проселочной дорогой на Баку,—внѣшняя торговля края развивалась слабо.

Закавказье въ 1880 г. вывозило въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ одну овечью шерсть, шолкъ-сырецъ и шолкъ въ коконахъ, а Имеретія отпускала заграницу кукурузу. Слѣдовательно, отпускная торговля края ограничивалась исключительно сырьемъ. Страна, богатая виноградниками, вина вовсе не отпускала, что̀ доказываетъ, что это вино, по своимъ качествамъ, не было годно для внѣшней торговли.

Что касается торговли съ Турціей и Персіей товарами русскаго или заграничнаго происхожденія, то эта торговля могла способствовать обогащенію населенія Закавказскаго края.

Въ 1872 г., въ Тифлисѣ открыло свои дѣйствія „Общество взаимнаго кредита“. Въ распоряженіи нашемъ нѣтъ отчета о дѣйствіи этого общества за первый годъ его учрежденія. Въ 1880 г., общій оборотъ этого общества выражался:

	По дебету:	По кредиту:
Касса	41.809.024 р. 63 к.	41.795.146 р. 72 к.
Счета	61.988.138 р. 30 к.	62.002.016 р. 21 к.
Итого . . .	103.791.162 р. 93 к.	103.797.162 р. 93 к.
Чистая прибыль.	126.413 р. 19 к.	

Это было время расцвѣта банковыхъ операцій только въ Тифлисѣ. Тогдашніе банковые обороты доказываютъ, что населеніе этого города въ указанное девятилѣтіе располагало большими денежными капиталами, но эти капиталы искали себѣ помѣщенія отчасти въ торговлѣ, въ банковыхъ операціяхъ, въ процентныхъ государственныхъ бумагахъ, въ недвижимыхъ городскихъ имуществахъ, но нѣтъ никакихъ указаній на то, что эти капиталы искали приложенія въ предпріятіяхъ, направленныхъ къ подъему естественныхъ силъ края, что̀ безспорно вытекаетъ изъ сопоставленія этихъ банковыхъ оборотовъ съ торговымъ балансомъ. Слѣдовательно, идея кн. Воронцова,—построенная на томъ, что сто̀итъ дать матеріальныя средства мѣстному населенію, и экономическія силы края начнутъ прогрессировать, — не оправдала себя въ данномъ случаѣ. Тѣ милліоны, которыми въ 1880 г. располагало только населеніе Тифлиса, хотя такіе же милліоны имѣлись и въ карманахъ остального населенія края, не подвинули послѣднее къ предпріимчивости, а окончательно превратили это населеніе въ аккуратныхъ поставщиковъ казны и всѣхъ тѣхъ классовъ, которые жили за счетъ послѣдней. Справедливость требуетъ, однако, отмѣтить тотъ безспорный фактъ, что казенными деньгами, кои были израсходованы въ краѣ, въ наименьшей степени воспользовались грузины и татары;—они довольствовались тѣмъ, что

русская администрація облагала ихъ уменьшенными повинностями въ пользу казны,—что̀ давало имъ полную возможность жить по примѣру ихъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ.

По даннымъ кавказскаго статистическаго комитета, въ 1880 г. населеніе Закавказскаго края выражалось въ цифрѣ 3.555.050 душъ обоего пола; оно платило казнѣ разныхъ повинностей около 8 милліоновъ, т.-е. по 2 р. 23 к. съ человѣка. Но въ числѣ доходовъ края заключались доходы нефтяной, отъ соли и квасцовъ, горные доходы, отъ тюленьихъ и рыбныхъ промысловъ, пособія изъ постороннихъ источниковъ и таможенный доходъ,—всего 2.070.910 р. 23 к. Внося эту поправку, окажется, что мѣстное населеніе уплачивало разнаго рода государственныхъ повинностей около 6 милліоновъ, — что̀ составляло на душу по 1 р. 65 к.

Если сравнить доходность Закавказскаго края съ доходностью десяти губерній разныхъ полосъ Европейской Россіи [1]), то окажется, что въ 1880 г. населеніе богатаго всевозможными дарами природы и богатаго деньгами края платило казнѣ повинностей въ три-пять разъ меньше, чѣмъ сколько было взыскано съ населенія перечисленныхъ выше губерній, которыя не отличались ни природными богатствами, ни запасными денежными капиталами.

Государственный контролеръ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1880 г. такъ характеризуетъ финансовую жизнь Закавказскаго края: „Закавказскій край пользуется обособленнымъ бюджетомъ, балансъ коего по доходамъ и расходамъ превышаетъ 17 милліоновъ рублей. Но бюджетныя величины не изображаютъ собою ни дѣйствительныхъ доходовъ, ни тѣхъ денежныхъ средствъ, которыя затрачиваются ежегодно въ Закавказскомъ краѣ. Такъ, одну изъ капитальныхъ статей представляетъ таможенный доходъ. Сумма валового сбора его, по отчету за 1879 г., составляла 1.385.000 р.,—что̀, при 413 тыс. издержекъ взиманія по смѣтѣ Закавказскаго края, показываетъ около милліона рублей чистаго дохода. Но такой выводъ не можетъ быть признанъ правильнымъ потому, что въ счетъ издержекъ взиманія не включается стоимость содержанія кордонной стражи, посты которой занимаютъ казачьи полки, содержимые на счетъ общихъ доходовъ имперіи, по смѣтѣ военнаго министерства, на что̀ расходуется ежегодно до милліона рублей. Та-

[1]) Владимірская, волынская, кіевская, нижегородская, орловская, рязанская, харьковская, тамбовская, саратовская, тульская.

кимъ образомъ, таможенный доходъ въ имперіи, при валовомъ сборѣ въ 93 милліона, дающій рессурса 86 милліоновъ руб., въ Закавказьѣ не приноситъ почти ничего, а между тѣмъ обособленный бюджетъ представляетъ мѣстной администраціи возможность пользоваться расходами въ размѣрѣ милліона рублей на счетъ дохода, въ дѣйствительности не получаемаго. Несоотвѣтствіе расходовъ съ доходами края обнаруживается еще болѣе при разсмотрѣніи платежей, производимыхъ кассами Закавказскаго края. Тутъ встрѣчаются цѣлыя учрежденія, существующія для нуждъ края, но содержимыя на счетъ доходовъ имперіи. Такъ, управленіе путей сообщенія расходуетъ ежегодно около 1.400.000 руб.; содержаніе мѣстныхъ войскъ и жандармеріи, составляющихъ, отчасти, внутреннюю стражу, ложится всецѣло на бюджетъ имперіи въ почтенной цифрѣ 900 тыс. руб.; изъ платежныхъ же средствъ русскаго народа общество поти-тифлисской дороги, служащей исключительно мѣстнымъ интересамъ, получаетъ гарантію около 1.300.000 руб. Такимъ образомъ, оказывается, что, не касаясь содержанія войскъ, расположенныхъ въ краѣ, въ видахъ общей государственной потребности, до настоящаго времени ежегодно затрачивается изъ общихъ доходовъ государства болѣе $4^1/_2$ милл. рублей на мѣстныя нужды и потребности такого края, какъ Закавказье, климатическія и почвенныя условія котораго неизмѣримо выше самыхъ лучшихъ мѣстностей Россіи".

Такая ненормальная финансовая жизнь Закавказскаго края, нѣсколько исправленная путемъ распространенія на него перечисленныхъ выше общегосударственныхъ повинностей, является результатомъ историческаго хода вещей, результатомъ ошибочной кабинетной оцѣнки Закавказскаго края и того пагубнаго расширенія предѣловъ государственной власти, въ силу котораго наши кавказскіе администраторы приняли на себя, помимо управленія краемъ, роль опекуновъ и попечителей надъ послѣднимъ, что̀ совершенно исключало нормальный ходъ въ развитіи народныхъ экономическихъ силъ и средствъ опекаемаго края.

Все высказанное нами до сихъ поръ должно служить отвѣтомъ на поставленный нами выше вопросъ: удобно ли нынѣ возвращаться къ этимъ отжившимъ уже свой вѣкъ административнымъ формамъ. Намѣстники независимо управляли краемъ въ гражданскомъ отношеніи. Они насаждали—каждый по своему—культуру въ краѣ, и потому дѣятельность каждаго изъ нихъ

была самобытна и крайне разнообразна. Но изъ сказаннаго выше невозможно заключить, что въ рукахъ этихъ администраторовъ государственное хозяйство шло удовлетворительно; напротивъ, это хозяйство являлось очень убыточнымъ для русскаго государственнаго казначейства. И хотя кавказскіе намѣстники доказывали, что денежныя пожертвованія со стороны русскаго народа въ пользу Закавказья были безусловно необходимы, какъ чисто временная экономическая мѣра, и что послѣднія скоро прекратятся, но эти ожиданія, къ сожалѣнію, не оправдывались до настоящаго времени: съ увеличеніемъ доходовъ края, пропорціонально росли расходы на содержаніе гражданской администраціи, на разныя мелочныя потребности, и этому росту расходовъ, повидимому, не предвидѣлось конца. Расходы по гражданскому управленію выражались, въ 1862 г., въ суммѣ $2^1/_2$ милліоновъ рублей, а къ 1882 г. цифра этихъ расходовъ достигла $8^1/_2$ милліоновъ; т.-е., въ 20 лѣтъ расходы на администрацію края почти учетверились.

Ясно поэтому, что главныя причины невозможности поставить хозяйство края въ точно опредѣленныя нормы заключались въ томъ, что каждый намѣстникъ, дѣйствуя вполнѣ самостоятельно, не стремился къ цѣли путемъ строго выработанной систематической работы.

Западная Европа живетъ въ значительной мѣрѣ за счетъ своихъ колоній, а нашъ, какъ утверждаетъ громадное большинство, богатый естественными дарами природы Закавказскій край въ теченіе 82 лѣтъ,—періодъ времени очень достаточный,—кромѣ громадныхъ убытковъ государству, не приносилъ никакихъ матеріальныхъ выгодъ. Почему?

Всматриваясь въ историческій ходъ событій ближе и внимательнѣе, невольно останавливаешься на томъ поразительномъ и безспорномъ фактѣ, что о самостоятельной жизни края кавказскіе намѣстники говорили только вскользь, и ни одинъ изъ нихъ не прилагалъ стараній о возможности раздобыть деньги для покрытія нуждъ края въ самомъ краѣ. Напротивъ, всѣ были увѣрены, что какъ бы ни велики были финансовые дефициты въ бюджетахъ края, они полностью будутъ всегда покрыты за счетъ государственнаго казначейства. Въ главахъ намѣстниковъ вопросъ о доходахъ, собираемыхъ въ краѣ, являлся всегда вопросомъ второстепеннымъ и совершенно излишнимъ. Такъ смотрѣли на дѣло всѣ намѣстники, и этотъ безспорный фактъ пріобрѣтаетъ значеніе исторической загадки. Чтобы съ наибольшей удовлетворительностью разгадать послѣднюю, не-

обходимо искать руководящую нить въ духовныхъ особенностяхъ всѣхъ вообще русскихъ интеллигентныхъ людей первой половины девятнадцатаго столѣтія. Мы не должны забывать, что въ это, относительно недалекое, время всѣ лучшіе люди были заражены крайнимъ романтизмомъ. Императоръ Александръ I шелъ впереди всѣхъ по этому пути. Въ этомъ отношеніи наши генералы, администраторы, поэты и романисты того времени являлись людьми одного лагеря. Это былъ въ общемъ продуктъ крѣпостного права: они выросли на государственной нивѣ безъ особенно острыхъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ, а потому и не обладали той практической цѣпкостью, какая свойственна народамъ Азіи и западной Европы. И это духовное состояніе русскихъ интеллигентныхъ людей того времени являлось первой общей причиной, обусловливавшей неудовлетворительное веденіе государственнаго хозяйства въ Закавказскомъ краѣ.

Мы шли въ далекую, намъ совершенно неизвѣстную Азію, причемъ въ этомъ походѣ безвременно погибли тысячи русскихъ, бодрыхъ духомъ и тѣломъ людей. Но мы шли и не отдавали себѣ яснаго отчета, зачѣмъ мы это дѣлаемъ, для чего намъ понадобилась Азія, и какъ мы предполагаемъ использовать послѣднюю. Точно выработаннаго и строго опредѣленнаго плана этому движенію на югъ, мы не находили въ нашихъ архивахъ, и потому это движеніе и его границы, въ большинствѣ случаевъ, зависѣли отъ личной иниціативы и усмотрѣнія нашихъ генераловъ. Кромѣ того, всѣ эти движенія пріобрѣтали смыслъ чисто стихійный, который не укладывается въ строго опредѣленныя рамки и можетъ быть объясняемъ народной энергіей и свѣжими естественными силами быстро растущаго государственнаго организма. Въ такой періодъ государственнаго роста дѣйствія руководителей, стоящихъ во главѣ народныхъ движеній, новымъ поколѣніямъ кажутся почти безцѣльными или, по крайней мѣрѣ, малопонятными. Часто возбуждается вопросъ, — почему наши генералы не слѣдовали и не слѣдуютъ примѣру англичанъ, нашихъ постоянныхъ противниковъ и соперниковъ въ предѣлахъ Азіи. Англійскій генералъ и администраторъ всегда внимательно прислушиваются къ голосу своего купца-піонера, который освѣщаетъ своими показаніями лежащій впереди путь. Отъ того же купца англійскій государственный человѣкъ знаетъ, чего требуетъ англійскій народъ отъ своего оффиціальнаго представителя. И, дѣлая теоретическую оцѣнку подобнымъ дѣйствіямъ, мы сознаемъ, что англичане поступаютъ прекрасно, но мы, тѣмъ не менѣе, не можемъ слѣдовать этому отличному при-

мѣру, такъ какъ у англичанъ имѣется ясно опредѣленная цѣль при всѣхъ ихъ движеніяхъ,—имъ нужны матеріальныя выгоды и только,—что̀ исключаетъ возможность со стороны ихъ военачальниковъ и администраторовъ какихъ бы то ни было мысленныхъ блужданій. Наоборотъ, при нашихъ историческихъ движеніяхъ мы говоримъ о матеріальныхъ интересахъ, какъ о чемъ-то побочномъ и совершенно второстепенномъ, а потому наши генералы, не сознавая ясно цѣли этихъ движеній, и при томъ предоставленные самимъ себѣ, въ большинствѣ случаевъ, при углубленіи въ предѣлы Азіи преслѣдуютъ только тѣ цѣли, которыя не котируются на денежной биржѣ. Эта важная особенность нашихъ завоеваній составляла вторую существенную причину нашихъ неудачъ и въ Закавказскомъ краѣ.

Закавказье до 1863 г., по отношенію къ коренной Россіи, было въ полномъ смыслѣ слова отдаленнымъ краемъ, что̀ исключало практическую возможность со стороны центральной государственной власти въ достаточной мѣрѣ руководить дѣйствіями кавказской администраціи и контролировать ходъ того хозяйства, которымъ распоряжалась послѣдняя. При такихъ условіяхъ русскій народъ не могъ принять участія въ этомъ хозяйствѣ, такъ какъ край для послѣдняго оставался интереснымъ незнакомцемъ: наша интеллигенція составляла о немъ представленіе по романамъ Марлинскаго и по безсмертнымъ твореніямъ Пушкина и Лермонтова, которые въ своихъ произведеніяхъ отдали дань тому общему увлеченію краемъ, какое испытываетъ сѣверянинъ, случайно попавшій въ далекія Кавказскія горы. Дѣйствуя совершенно самостоятельно, намѣстники исключительно руководствовались въ своей политикѣ чисто внѣшними побужденіями. Они занимались этимъ дѣломъ съ нѣкоторымъ даже увлеченіемъ, и потому какъ-то совершенно забывали, что ихъ мечты тяжело отзываются на русскомъ, въ сущности бѣдномъ, народѣ. Это была третья и самая важная причина нашихъ неудачъ въ Закавказскомъ краѣ. Отсутствіе строго опредѣленной цѣли завоеваній, отсутствіе контроля со стороны центральной власти за дѣйствіями нашихъ кавказскихъ администраторовъ, въ связи съ ошибочнымъ представленіемъ о естественныхъ богатствахъ края, составляли тѣ общія причины, въ силу которыхъ Закавказье составляло и составляетъ тяжелое бремя для общеимперскихъ податныхъ силъ Россіи.

Съ 12 іюня 1863 г., темное, въ экономическомъ отношеніи, время начало отступать въ область исторіи. Въ этотъ памятный день было открыто прямое телеграфное сообщеніе Петербурга

съ Тифлисомъ, и Кавказъ началъ терять значеніе отдаленнаго края, а центральныя власти имперіи получили возможность изо дня въ день слѣдить за всѣми перипетіями жизни въ этомъ, такъ недавно бывшемъ отдаленнымъ краѣ. Телеграфная проволока, если не въ полной, то въ значительной мѣрѣ, упразднила всѣ тѣ резоны, въ силу которыхъ признавалось необходимымъ существованіе почти совершенно обособленнаго кавказскаго намѣстничества. За телеграфомъ, въ скоромъ времени, на историческую сцену выступили русскія желѣзныя дороги, которыя въ семидесятыхъ годахъ соединили въ одно нераздѣльное цѣлое сѣверъ и югъ обширнаго русскаго государства. Къ 1880 году уже была окончена постройкою ростово-владикавказская желѣзная дорога, и пространство между Петербургомъ и Кавказомъ потеряло значеніе трудно преодолимой преграды. Въ настоящее время Закавказье составляетъ съ остальной Россіей единое цѣлое, и потому обособлять его тѣмъ или другимъ способомъ нѣтъ ни моральныхъ, ни практическихъ основаній.

Н. Г. Макіевскій-Зубокъ.

Баку.

РАЗБИТОЕ СЧАСТЬЕ

ПОВѢСТЬ.

I.

Музыкально-танцовальный вечеръ въ кафе-шантанѣ „Фоли-Бержеръ" въ полномъ разгарѣ.

Огромный залъ для танцевъ и нѣсколько просторныхъ гостиныхъ переполнены самой разнообразной публикой.

Тутъ и молодящіеся старички въ завитыхъ парикахъ, и безусая учащаяся молодежь, франты-приказчики въ ярко-пестрыхъ галстукахъ, офицеры, модистки, горничныя изъ барскихъ домовъ, люди неопредѣленныхъ профессій и неизбѣжныя дамы полусвѣта.

Двѣнадцать часовъ ночи, а публика все еще прибываетъ.

Вотъ изъ уставленной вѣшалками прихожей показались два молодыхъ человѣка. Одинъ—высокій, стройный брюнетъ, лѣтъ девятнадцати, съ тонкими, но уже сильно помятыми чертами лица, другой—лѣтъ на пять постарше, шатэнъ, съ нѣжнымъ, чисто-женскимъ румянцемъ во всю щеку и голубыми, ярко-блестящими глазами.

Брюнетъ шелъ впереди и, судя по низкимъ поклонамъ высыпавшей навстрѣчу прислуги, былъ здѣсь гостемъ частымъ и желаннымъ.

Не обращая вниманія на посѣтителей, шедшихъ сзади, юноша безцеремонно остановился въ дверяхъ и, лѣниво растягивая слова, спросилъ:

— Кабинетъ для меня готовъ?

— Такъ точно, ваше сіятельство!—подобострастно согнулся

предъ нимъ одинъ изъ лакеевъ съ мѣдной цифрой на лацканѣ фрака:—ко мнѣ пожалуйте-съ, въ третій номерокъ!

— Въ третій?!—капризно надулъ губки молодой человѣкъ,—а почему же не въ первый? Я тотъ кабинетъ больше люблю.

— Извините-съ, ваше сіятельство! Въ первомъ номерѣ каминъ поиспортился, такъ тамъ теперь починка.

— А! Ну, это дѣло другое! Въ такомъ случаѣ и въ третьемъ можно вечерокъ провести.

— Прикажете открыть?—суетливо повернулся лакей.

— Нѣтъ, нѣтъ, погоди! Концертъ кончился?

— Никакъ нѣтъ-съ! Второе отдѣленіе только еще началось.

— Не знаешь, Понсэ уже пѣла?

— Сію минуту вышли-съ.

Брюнетъ оживился.

— Константинъ Александровичъ! Идемте, голубчикъ, скорѣе! — окликнулъ онъ своего спутника, брезгливо посматривавшаго по сторонамъ.—Обидно будетъ, если вы не увидите этой артистки. Вотъ, доложу вамъ, женщина: кому угодно, голову вскружитъ. Даже и вамъ, хоть вы и собираетесь въ монахи.

— Съ чего вы взяли, что я собираюсь въ монахи?— слабо улыбнулся окликнутый.

— Ну, въ священники. Не все ли это равно?

— Положимъ, разница громадная. Но знаете ли, что̀ скажу я вамъ, дорогой князь: не будемъ вспоминать ни тѣхъ, ни другихъ! Право, въ такихъ мѣстахъ, какъ здѣшнее, и говорить-то о нихъ неприлично.

— Pardon!—извинился князь:—я и забылъ, что вы совсѣмъ еще „невинный Пруденцій“, какъ называетъ васъ papa. Не станемъ, однако, пускаться въ отвлеченности, а то какъ-разъ прозѣваемъ Понсэ. И будетъ послѣднее горше перваго. Такъ, кажется, у васъ говорится?

Молодые люди быстро зашагали къ концертному залу, откуда слышались музыка и визгливый женскій голосъ, пѣвшій французскую шансонетку.

— Ваши билетики позвольте-съ! — почтительно остановилъ ихъ у входа распорядитель.

— Послѣ, послѣ! — досадливо отмахнулся князь и, взявъ своего спутника подъ-руку, направился въ первый рядъ креселъ.

II.

На крошечной сценѣ, у ярко-освѣщенной рампы, вертѣлась и подпрыгивала сухопарая, не первой молодости француженка, сильно накрашенная и декольтированная.

Подъ аккомпаниментъ небольшого оркестра, она пѣла или, вѣрнѣе, выкрикивала скабрёзную нормандскую пѣсенку, подчеркивая наиболѣе двусмысленныя мѣста соотвѣтственными тѣлодвиженіями.

Замѣтивъ вошедшаго князька, она стрѣльнула въ него подведенными глазками и послала воздушный поцѣлуй.

— Какова?—спросилъ князь Константина Александровича, когда Понсэ, закончивъ „нумеръ", граціозно присѣла и упорхнула за кулисы.

— Какъ вамъ сказать? — отвѣчалъ тотъ, видимо подбирая выраженія:—во-первыхъ, у нея—ни слуха, ни голоса, а во-вторыхъ,—она старше насъ съ вами, я думаю, вдвое.

— Ахъ, Боже мой!—недовольно поморщился князь:—какая у васъ, бурсаковъ, ужасная привычка все дѣлить на рубрики! „Во-первыхъ"!.. „Во-вторыхъ"!.. Словъ нѣтъ: Понсэ—не молода, поетъ, въ смыслѣ музыкальномъ, премерзко, но взгляните вы, ради Бога, сколько въ ней этого чисто французскаго шика, граціи! А еслибъ вы знали, сколько въ ней огня! Она мертваго можетъ оживить.

— Ну, въ этомъ, князь, я плохой судья и спорить не буду. Давайте-ка лучше слушать: судя по приготовленіямъ, намъ предложатъ что-то особенное.

Въ оркестрѣ, дѣйствительно, спѣшно перемѣняли ноты, и юркій, черноволосый капельмейстеръ, склонившись съ высоты своего табурета, сдавленнымъ шопотомъ отдавалъ музыкантамъ какія-то приказанія..

Но, вотъ, онъ наконецъ выпрямился, взмахнулъ жезломъ—и полились нѣжные, ласкающіе звуки Оффенбаховской „Периколы".

При первомъ же ударѣ смычковъ, изъ боковыхъ кулисъ робко вышла молоденькая дѣвушка въ традиціонномъ костюмѣ уличной испанской пѣвицы.

На видъ ей было не болѣе двадцати, двадцати-двухъ лѣтъ. Пышно сложенная, слегка рыжеватая блондинка, съ огромными черными глазами и тонкими чертами лица, она производила чарующее впечатлѣніе своей дѣвственной свѣжестью и рѣдкой, изящной красотой.

Кое-гдѣ зааплодировали.

Дѣвушка конфузливо поклонилась и сдѣлала чуть замѣтный знакъ оркестру.

Капельмейстеръ еще выше поднялъ свою палочку, и небольшой концертный залъ „Фоли-Бержеръ" наполнился звуками сильнаго, прекрасно обработаннаго голоса:

„О, другъ мой, тебя до могилы
Я буду любить всей душой",

—пѣла артистка:

„Но, право же, больше нѣтъ силы
Бороться всю жизнь съ нищетой".

— Кто это?—спросилъ тихо князя Константинъ Александровичъ.

Тотъ съ недоумѣніемъ пожалъ плечами.

— Ей-Богу, не знаю, совсѣмъ новенькая. Должно быть, на дняхъ приглашена.

А полная грусти пѣснь Периколы развивалась и крѣпла. Въ мастерской передачѣ неизвѣстной пѣвицы ясно слышались и безысходная тоска о покинутомъ другѣ, и страстная любовь, и тяжкій, все побѣждающій голодъ...

Раздались, наконецъ, заключительные аккорды:

„Навѣки твоя Перикола,
Навѣки твоя всей душой!"...

—не пропѣла, а скорѣе прорыдала артистка, и маленькій театрикъ, буквально, задрожалъ отъ рукоплесканій.

Болѣе всѣхъ неистовствовалъ на этотъ разъ Константинъ Александровичъ.

— Бисъ! браво! бисъ!—кричалъ онъ.

— Послушайте, дорогой мой! — остановилъ его князь: — вы положительно меня оглушили. Позвольте немножко напомнить вамъ объ Александрѣ Македонскомъ и стульяхъ.

— Ахъ, князь! Да вѣдь это такой талантъ...—началъ-было оправдываться молодой человѣкъ, но въ это время вновь заигралъ оркестръ, и онъ замолкъ на полусловѣ.

Уступая настойчивымъ требованіямъ публики, молодая дѣвушка запѣла русскую пѣсню.

Большой любитель этого рода музыки, Константинъ Александровичъ весь обратился въ слухъ.

„Вдоль по улицѣ метелица мететъ,
За метелицей мой миленькій идетъ",

—послышались нѣжные переливы простой, безыскусственной мелодіи, и въ конецъ очарованному Константину Александровичу ка-

залось, что онъ не выдержитъ и вмѣстѣ съ этимъ добрымъ молодцемъ крикнетъ:

„Ты постой, постой, красавица моя!
Дай мнѣ, радость, наглядѣться на тебя!"

Пѣсня кончилась. Послышались опять бурные аплодисменты и бисы. Пѣвица, однако, наотрѣзъ отказалась пѣть, и на смѣну ей вышелъ разсказчикъ въ лаптяхъ и посконной рубахѣ.

— Пойдемте въ кабинетъ!—шепнулъ князекъ товарищу, поднимаясь съ мѣста.—Довольно съ насъ этой дребедени. Надоѣло!

У входа ихъ опять встрѣтилъ распорядитель.

— Ваше сіятельство!—сказалъ онъ:—мадамъ Понсэ просила передать, что она ждетъ васъ въ вашемъ кабинетѣ.

— И прекрасно! А скажите-ка, любезнѣйшій, что это у васъ за новенькая пѣвичка?

— А это, ваше сіятельство, госпожа Панина. Третьяго дня только приглашена. Въ консерваторіи-съ училась.

— Да?! Ну, попросите къ намъ и ее! Мой товарищъ хочетъ съ ней познакомиться.

— Что вы, князь? — испуганно дернулъ его за руку Константинъ Александровичъ: — вѣдь это же дерзость!

Тотъ засмѣялся.

— Э, милый другъ! сразу видно, что вы здѣсь въ первый разъ. Развѣ вы не знаете, что во всѣхъ кафе-шантанахъ артистки обязаны контрактомъ не отказываться отъ приглашеній выпить или поужинать?

— Фу, какая гадость!

— Гадость-то, гадость, но довольно пріятная. Не будь, напримѣръ, ея, вы и не могли бы познакомиться съ госпожей Паниной, которая такъ васъ плѣнила.

— Полно выдумывать, князь! Откуда вы это взяли?

— Э, дорогой! Неужели я не вижу? Вы были моимъ наставникомъ въ математикѣ, исторіи, въ русскомъ языкѣ, а ужъ въ „наукѣ страсти нѣжной" я, простите, болѣе васъ свѣдущъ.

— Ну, и что же?

— А то, что я отлично замѣтилъ, какое впечатлѣніе произвела на васъ эта блондиночка, по правдѣ сказать, дѣйствительно, интересная, хоть и не въ моемъ вкусѣ.

— Ну, довольно, довольно, князь! Будетъ вамъ сочинять небылицы!

— Небылицы?! А хотите пари, что это правда?

— Ничего я не хочу. Перестанемъ объ этомъ говорить, и ведите меня въ кабинетъ!

Князь молча поклонился и лѣнивой походкой направился по длинному, полутемному корридору, въ концѣ котораго виднѣлась огромная бѣлая дверь съ черной металлической цифрой „3" по срединѣ.

III.

Кабинетъ „№ 3" представлялъ собой обширную, квадратную комнату съ темнозеленой бархатной мебелью и такими же занавѣсами на дверяхъ и окнахъ.

Въ одномъ углу стояло довольно приличное піанино, въ другомъ—низенькая плюшевая оттоманка, совершенно скрытая широколиственными латаніями и кентіями. Междуоконные простѣнки заняты были громадными зеркалами въ золоченыхъ рамахъ, сплошь исчерченными брилліантовыми перстнями богатыхъ шалопаевъ. Со стѣнъ и потолка свѣтили причудливой формы электрическія лампочки въ роскошной бронзовой отдѣлкѣ. По срединѣ кабинета красовался огромный обѣденный столъ, накрытый бѣлоснѣжной скатертью и заставленный всевозможными закусками, винами, фруктами и цвѣтами въ вазахъ. Кругомъ него стояли тяжелые дубовые стулья съ высокими рѣзными спинками.

Когда князь съ Константиномъ Александровичемъ вошли въ кабинетъ, у стола уже сидѣла мадамъ Понсэ, въ черномъ-шелковомъ платьѣ, съ пунцовой розой на груди.

Князь подвелъ къ ней своего товарища и, шутовски расшаркавшись, произнесъ:

— Madame, j'ai l'honneur de vous présenter mon ami et maître. Константинъ Александровичъ Покровскій.

И прежде чѣмъ француженка успѣла что-либо отвѣтить, онъ быстро схватилъ ее за талію и звонко поцѣловалъ въ накрашенныя губы.

— Calmez-vous, polisson! —отстранилась та и кокетливо ударила его по подбородку.

Потомъ протянула руку Покровскому и, жеманясь и играя глазами, сказала:

— Monsieur, je suis heureuse de faire votre connaissance.

— Ну, Адель, ты лучше говори съ нимъ по-русски,—остановилъ ее князь.

— Mais потшему? — удивилась Понсэ, страшно коверкая русскія слова и мѣшая ихъ съ французскими:—развѣ monsieur не понимаетъ français?

— Какъ не понимать! Онъ, душа моя, такія книги читалъ на твоемъ діалектѣ, о которыхъ ты, я думаю, и не слыхивала. А объясняться, все-таки, не можетъ.

— Mais pourquoi? mais pourquoi? — приставала пѣвичка.

— Ахъ, Боже мой! да не все ли тебѣ равно? Давай-ка лучше пить! — оборвалъ ее князекъ, и сталъ разсматривать бутылки.

Черезъ минуту онъ вынулъ длинную зеленоватую бутылочку съ иностранной этикеткой и налилъ двѣ большихъ рюмки, себѣ и Адели.

— А вамъ, Константинъ Александровичъ, что̀ позволите предложить? — обратился онъ къ Покровскому.

— Вы вѣдь знаете, князь, что я не пью ничего! — уклонился молодой человѣкъ.

— Знаю, знаю, дорогой мой! Но вѣдь и вы знаете, какой для меня сегодня день. Благодаря вашей помощи, я выдержалъ наконецъ экзаменъ, на которомъ дважды проваливался. Не откажитесь же выпить за нашъ общій успѣхъ! Иначе вы меня кровно обидите.

— Ну, хорошо, извольте! Налейте мнѣ полстакана краснаго вина!

Князь наполнилъ небольшой стаканчикъ лафитомъ и осторожно подвинулъ его къ Покровскому. Потомъ высоко поднялъ свою рюмку и торжественно произнесъ:

— Пью здоровье моего наставника и друга! Адель, пей!

— Qu'est-ce que c'est que ça? — спросила француженка.

— C'est de l'absinthe.

— Oh, je ne puis pas boire ça.

— Адель, не лги!

— Parole d'honneur!.

— Адель! прошу тебя, не корчи невинность! Какъ ни неопытенъ мой другъ, но онъ все-таки тебѣ не повѣритъ.

Понсэ съ обиженнымъ видомъ взяла рюмку за ножку, посмотрѣла на свѣтъ и разомъ опрокинула въ ротъ.

— Вотъ это ловко! — засмѣялся князь, и хлопнулъ ее по плечу.

Онъ медленно, чуть не по каплямъ, выпилъ свой бокалъ, потомъ, не спѣша, выбралъ ломтикъ бѣлаго хлѣба, намазалъ икрой и принялся лѣниво жевать.

— Константинъ Александровичъ! Закусите же, пожалуйста, что-нибудь! — предложилъ онъ Покровскому, уныло сидѣвшему надъ своимъ стаканомъ.

— Благодарю,—отвѣчалъ тотъ:—мы съ вами такъ недавно обѣдали, что, право, еще не хочется ѣсть.

— Помилуйте! какъ недавно? Ужъ шесть часовъ прошло.

— И все-таки у меня ни малѣйшаго аппетита.

— Ну, въ этомъ, я думаю, больше mademoiselle Панина виновата.

Француженка насторожилась.

— Panine? Quelle Panine? La nôtre?

— Разумѣется, ваша. Совсѣмъ очаровала Константина Александровича.

Понсэ сдѣлала презрительную гримаску.

— Тебѣ она не нравится? — усмѣхнулся князь, незамѣтно подмигивая товарищу.

— Oui, молода, свѣжа, но нѣтъ этого... du chic, — прищелкнула она пальцами, — и съ мужчинами холодна.

— Слышите, Константинъ Александровичъ? Это вѣдь, пожалуй, вамъ не на руку?

— Полноте, князь!—началъ-было возражать Покровскій, но въ это время раздался легкій стукъ, и въ дверяхъ кабинета показалась сама молодая пѣвичка.

Панина шла, замѣтно конфузясь.

Ея скромная фигурка дышала такой невинностью и дѣвственной чистотой, что даже развязный князекъ подобрался, и сталъ сдержаннѣе.

Онъ встрѣтилъ гостью съ самой изысканной вѣжливостью, какъ даму своего великосвѣтскаго круга.

— Позвольте представиться,—сказалъ онъ, почтительно наклоняя голову: — князь Маметъ-Чильдѣевъ, Вячеславъ Васильевичъ; Покровскій, Константинъ Александровичъ. Съ мадамъ Понсэ вы, вѣроятно, уже знакомы.

Дѣвушка молча протянула всѣмъ руку.

— Мы очень благодарны вамъ, mademoiselle, за любезное согласіе провести съ нами вечерокъ,—продолжалъ князь;—будьте же, пожалуйста, какъ дома! Нашъ девизъ—не стѣснять другъ друга.

— Ваше сіятельство!—перебилъ Чильдѣева вошедшій лакей:—рожечники просятъ позволенія сыграть вамъ пѣсенку.

— Зови!—махнулъ рукой князекъ:—да скажи распорядителю, чтобы за цыганами послалъ. Сегодня я кучу.

IV.

Начался, дѣйствительно, безшабашный кутежъ.

Въ кабинетъ мало-по-малу натискалась масса народа.

Пришли рожечники въ пестрядинныхъ рубашкахъ, съ длинными берестовыми трубами въ рукахъ, дамскій оркестръ въ бальныхъ платьяхъ сомнительной чистоты, „русскія" хористки изъ Риги, гармонисты, разсказчики, танцоры и, по обычаю, никому неизвѣстныя лица изъ прогорѣвшей золотой молодежи.

Все это пѣло, плясало, играло и въ то же время жадно поглощало кушанья и напитки, предусмотрительно заготовленные прислугой на отдѣльномъ „актерскомъ" столѣ.

Непривычный къ подобнымъ оргіямъ, Константинъ Александровичъ понуро сидѣлъ въ концѣ стола и никакъ не могъ понять, какое удовольствіе можно находить въ этомъ пьяномъ шумѣ и гамѣ, въ этихъ недвусмысленныхъ пѣсняхъ, въ этомъ цинично-откровенномъ канканѣ.

При всякой черезчуръ вольной выходкѣ лицо его заливалось краской стыда, и онъ виновато взглядывалъ на помѣщавшуюся насупротивъ его Панину, какъ бы прося у нея извиненія.

Молодая дѣвушка сидѣла тоже какъ на иголкахъ. При плоскихъ шуточкахъ товарищей она не краснѣла, но чудные черные глаза ея наполнялись слезами, и она съ большими усиліями удерживалась отъ рыданій.

Покровскій отлично видѣлъ все это, и ему до боли было жаль эту чистую, скромную дѣвушку.

„Бѣдное, несчастное существо!—думалъ онъ:—что занесло тебя на службу въ этотъ ужасный вертепъ?"

Ему хотѣлось подойти къ ней поближе, разспросить ее, поговорить съ ней по душѣ, но природная робость и непривычка къ женскому обществу сковывали его по рукамъ и по ногамъ. Нѣсколько разъ онъ уже поднимался со стула, открывалъ ротъ, но чрезъ мгновенье опять опускался на мѣсто, не сказавъ ничего.

А пирушка шла своимъ чередомъ.

Послѣ ужина, обильно политаго шампанскимъ и ликерами, явились наконецъ и цыгане.

Неслышно ступая мягкими подошвами, они прошли въ уголокъ къ піанино и построились полукругомъ. Женщины сѣли впереди на стульяхъ, мужчины стали сзади.

Послышалось слабое треньканье настроиваемыхъ гитаръ. По-

томъ на минуту все стихло, и, по знаку толстаго цыгана-дирижера, въ обшитомъ позументами кафтанѣ, полились мелодичные звуки стариннаго „Цыганскаго вальса“...

Не успѣли смолкнуть послѣдніе аккорды вальса, какъ на средину кабинета выпорхнула стройная, молодая цыганка, въ красной шолковой шали черезъ плечо, и, взвизгивая и подергивая всѣмъ тѣломъ, исполнила бойкую, но безсмысленную „акадяку“.

Пѣвицу опять смѣнилъ хоръ. Раздалась классическая „Береза“, въ концѣ которой два маленькихъ цыганенка пустились въ неистовый плясъ.

Когда затихли рукоплесканія, вызванныя пляской молодыхъ „фараоновъ“, выступилъ пожилой, плѣшивый цыганъ и, подъ аккомпаниментъ гитаръ, запѣлъ одинъ изъ безсмертныхъ Варламовскихъ романсовъ.

Видимо скучавшій Константинъ Александровичъ мгновенно оживился. Онъ зналъ и любилъ эту вещицу и всегда готовъ былъ спѣть ее или послушать.

Къ несчастію, пьеса оказалась не по силамъ пѣвца.

Его голосъ, когда-то сильный и красивый, давно уже утратилъ половину своихъ качествъ, и теперь ему приходилось поминутно прибѣгать къ „фистулѣ“.

Это страшно коробило Покровскаго, и онъ потихоньку сталъ помогать цыгану.

Сначала онъ подпѣвалъ вполголоса, потомъ, увлекаясь, сталъ пѣть громче и громче и закончилъ романсъ уже полнымъ голосомъ.

— Эге!—вскричалъ князь:—да у васъ, Константинъ Александровичъ, открывается еще одинъ талантъ. Вотъ ужъ никогда не предполагалъ, что вы такой мастеръ пѣть романсы. Сдѣлайте же намъ удовольствіе, спойте еще что-нибудь!

— Чтò вы, князь, помилуйте! какой я пѣвецъ?—сконфуженно залепеталъ молодой человѣкъ.—Здѣсь есть настоящіе артисты. Вы лучше ихъ попросите.

И онъ указалъ рукой на Панину и Понсэ.

— Ну, онѣ, я думаю, и сами не прочь васъ послушать. Не правда ли, mesdames?

— Oui, oui, — томно протянула француженка, закатывая глазки:—monsieur chante à ravir.

— Слышите? Критика отзывается о васъ одобрительно,—усмѣхнулся Чильдѣевъ.—Доставьте же ей еще маленькое удовольствіе!

— Въ самомъ дѣлѣ, Константинъ Александровичъ, если васъ не затруднитъ, спойте еще что-нибудь!—просто сказала Панина.

— Но что̀ же вамъ спѣть?—развелъ руками Покровскій.— Репертуаръ у меня маленькій и не новый.

— Выберите сами! Мы полагаемся на вашъ вкусъ.

Покровскій молча поклонился, взялъ у ближайшаго цыгана гитару, попробовалъ ея строй и слегка призадумался.

Черезъ минуту онъ энергично встряхнулъ головой и, тихо перебирая струны, запѣлъ высокимъ, звучнымъ теноромъ одинъ изъ мелодичнѣйшихъ романсовъ Соколова:

„Въ отлива часъ не вѣрь измѣнѣ моря:
Оно къ землѣ воротится, любя.
Не вѣрь, мой другъ, когда въ избыткѣ горя
Я говорю, что разлюбилъ тебя".

Съ первыхъ же нотъ всѣмъ стало ясно, что Константинъ Александровичъ знатокъ и мастеръ своего дѣла.

Онъ пѣлъ съ большимъ чувствомъ и, какъ истинный художникъ, заставлялъ и слушателей раздѣлять его чувства.

Когда онъ кончилъ, Маметъ-Чильдѣевъ сидѣлъ пригорюнившись на краю оттоманки, а на длинныхъ рѣсницахъ Паниной искрились двѣ крупныя слезинки.

Нѣкоторое время всѣ молчали. Потомъ князекъ всталъ, провелъ рукою по лицу, какъ бы отгоняя страшный сонъ, и, подойдя къ Покровскому, сказалъ:

— Эхъ, Константинъ Александровичъ, Константинъ Александровичъ! Не въ священники бы вамъ идти, а на сцену.

— Какъ въ священники? Развѣ вы изъ духовныхъ?—живо спросила Панина.

— Да, я кандидатъ духовной академіи,—отвѣчалъ Покровскій.—А по рожденію—сынъ сельскаго дьячка.

— Ахъ, какъ это пріятно!—весело вскричала дѣвушка.— Я вѣдь тоже изъ вашей среды: мой отецъ былъ здѣсь въ городѣ священникомъ. Позвольте же познакомиться съ вами по настоящему! Мое имя—Вѣра Васильевна Смирнова. Я по театру только Панина.

Константинъ Александровичъ крѣпко пожалъ протянутую ему ручку, и молодые люди разговорились.

Черезъ полчаса Покровскій зналъ уже всю невеселую исторію своей новой знакомой.

V.

Вѣра Васильевна была пріемною дочерью отца Василія Смирнова, бывшаго священникомъ при одной изъ богатѣйшихъ городскихъ церквей.

Своихъ настоящихъ родителей она не знала. Ей не было еще недѣли, когда ее подкинули престарѣлому, бездѣтному Смирнову.

Дѣтство и юность Вѣрочки были годами неизмѣннаго, безпрерывнаго счастья.

Старики Смирновы горячо привязались къ своей воспитанницѣ и, какъ говорится, души въ ней не чаяли.

Проживъ лѣтъ сорокъ въ полномъ мирѣ и согласіи, они въ послѣднее время стали даже ссориться „изъ-за Вѣруньки".

Впрочемъ, ссоры ихъ носили характеръ довольно миролюбивый.

Начнетъ, бывало, отецъ Василій подтрунивать надъ своей названной дочкой.

Шутитъ онъ добродушно, беззлобно, но дѣвочкѣ покажется въ его словахъ что-нибудь обиднымъ, и она начнетъ надувать губки.

— Ну, что̀ ты къ ней присталъ?— выступаетъ тогда на ея защиту Надежда Ѳедоровна:—нашелъ тоже, надъ кѣмъ смѣяться: надъ младенцемъ!

— Да вѣдь я, маточка, такъ просто, въ шутку,— оправдывается старикъ, и размолвка прекращается.

Зато въ другой разъ доставалось и матушкѣ.

Воспитанная по-старинному, Надежда Ѳедоровна не любила, чтобы „дитя безъ дѣла болталось".

— Каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку",— говаривала она:—научишься въ пеленкахъ баклуши бить и всю жизнь лѣнтяемъ будешь.

Поэтому она стала пріучать Вѣрочку чуть-ли не съ пяти лѣтъ шить и вязать.

Конечно, уроки ея были очень непродолжительны, но изрѣдка, когда дѣвочка не могла, напримѣръ, сразу понять, какъ „запускать пятку" или дѣлать „двойной швъ", они и затягивались на полчаса и болѣе.

Увидѣвъ это, отецъ Василій вскакивалъ обыкновенно со своего мѣста и съ сердцемъ говорилъ женѣ:

— Скоро ты оставишь ее мучить? Что тебѣ чулки что-ли нужны? Тогда пошли лучше въ магазинъ.

— Ну, ладно, ладно! Не суйся не въ свое дѣло!—отвѣчала матушка и отпускала дѣвочку гулять.

Когда дѣвочкѣ исполнилось шесть лѣтъ, Смирновы, посовѣтовавшись между собою, взяли къ ней француженку-гувернантку.

— Отецъ Василій, должно быть, хочетъ изъ своей Вѣрки принцессу сдѣлать,—подсмѣивались надъ старикомъ сослуживцы, воспитывавшіе своихъ дочерей въ дешевенькихъ епархіальныхъ училищахъ.

„Ладно, смѣйтесь!—мысленно возражалъ имъ Смирновъ:—вы-то можете своихъ дочекъ и совсѣмъ ничему не учить: задумаете сдать мѣсто зятю, такъ отъ жениховъ отбою не будетъ. Ну, а я своей Вѣрунѣ мужа покупать не желаю".

Девяти лѣтъ Вѣрочку отдали въ гимназію.

Дѣвочка оказалась очень способной и по всѣмъ предметамъ училась прекрасно.

Но особенно усердно занималась она музыкой.

Уроки пѣнія или игры на роялѣ были для нея праздникомъ.

И дома, исполнивъ заданныя работы, она тотчасъ же бѣжала къ старенькому фортепіано, приданому Надежды Ѳедоровны, и просиживала за нимъ цѣлые часы.

Года за два до окончанія курса, у Вѣрочки стали обнаруживаться задатки чуднаго голоса.

— Вы, батюшка, обратите вниманіе на вашу дочку,—говорилъ ему гимназическій регентъ и учитель пѣнія, тоже изъ бывшихъ семинаристовъ:—у нея въ горлѣ золотыя горы сидятъ.

Отецъ Василій отнесся къ этимъ словамъ съ полнымъ вниманіемъ, и когда Вѣрочка сдала выпускные экзамены въ гимназіи и получила золотую медаль, самъ предложилъ ей поступить въ консерваторію.

Молодая дѣвушка страшно обрадовалась: это была ея завѣтная мечта.

Консерваторскіе годы были для Вѣрочки рядомъ сплошныхъ тріумфовъ.

Подъ руководствомъ опытныхъ профессоровъ ея талантъ быстро росъ и развивался, и чуть ли не чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ на нее уже смотрѣли какъ на восходящую „звѣзду".

Все обѣщало Вѣрочкѣ широкую и блестящую будущность, какъ вдругъ произошло одно событіе, которое сразу перевернуло вверхъ дномъ всѣ ея планы и надежды.

VI.

Церковь, при которой служилъ отецъ Василій Смирновъ, была очень величественной и богатой архитектуры.

Драгоцѣннѣйшій мраморъ, порфиръ, золото и бронза украшали ее внутри; рѣдчайшій черный гранитъ, дорогіе разноцвѣтные кирпичи и художественное, ручной ковки желѣзо составляли внѣшнюю отдѣлку.

Изящный храмъ увѣнчивался пятью громадными куполами, покрытыми густо-раззолоченной мѣдью.

Яркая, блестящая крыша мало соотвѣтствовала строгому, выдержанному стилю зданія и, по преданію, была одною изъ причудъ мѣстнаго прихожанина-милліонера.

Этотъ богатый самодуръ, выигравъ однажды въ клубѣ около двадцати тысячъ червонцевъ, распорядился употребить ихъ на позолоту крыши своего приходскаго храма.

Было это лѣтъ шестьдесятъ назадъ.

Самодуръ вскорѣ умеръ, а крыша, постоявъ года четыре, стала тускнѣть, ржавѣть, и приняла наконецъ очень непривлекательный видъ.

Новаго охотника истратить цѣлое состояніе на приданіе блеска кровлѣ не находилось. Волей-неволей пришлось принять ремонтъ на счетъ церкви, и съ тѣхъ поръ каждыя десять лѣтъ „на возобновленіе позолоты" тратились внушительныя суммы.

Къ этому расходу всѣ уже давно привыкли и считали его чѣмъ-то неизбѣжнымъ и необходимымъ.

Поэтому всѣ были крайне поражены, когда, при обсужденіи послѣдняго ремонта, отецъ Василій высказалъ мысль, что лучше бы на эти деньги воспитывать сотню-другую сиротъ, чѣмъ тратить ихъ такъ непроизводительно.

Настоятель—низенькій, шарообразный протоіерей, съ золотымъ магистерскимъ крестомъ,—мнившій себя великимъ археологомъ, возразилъ на это, что храмы должны возобновляться безъ измѣненій, „дабы могли сохранить характеръ своей эпохи".

Длинный и тощій протодіаконъ громоподобнымъ басомъ „почтительно доложилъ", что „благолѣпіе располагаетъ сердца".

А церковный староста, статскій совѣтникъ „по благотворительности", привелъ даже евангельскій текстъ насчетъ того, что „нищія всегда имате съ собою, Мене же не всегда имате".

Остальные члены причта поддакнули, и крыша вновь была раззолочена.

Но тутъ произошло нѣчто удивительное: не успѣли снять „лѣса“, какъ на куполахъ уже появились характерныя ржавыя пятна, и мѣсяца черезъ два все снова потемнѣло.

Заговорили сначала шопотомъ, а потомъ громче и громче, о низкой пробѣ золота, о стачкѣ старосты съ подрядчикомъ, о недостаточномъ надзорѣ со стороны настоятеля.

Молва достигла наконецъ до ушей архіерея, и тотъ предписалъ консисторіи „произвести строжайшее слѣдствіе“.

Чиновникъ пробирной палатки залѣзъ на крышу, поскоблилъ остатки позолоты и далъ заключеніе, что золото употреблялось ниже тридцать-второй пробы, а на мѣстахъ наиболѣе возвышенныхъ его даже и вовсе не было, а былъ такъ-называемый „двойникъ“ или „поталь“.

Тогда взялись за подрядчика.

Спасая свою шкуру, послѣдній представилъ письмо старосты, которымъ тотъ за крупную „скидку“ разрѣшалъ золотить „чѣмъ угодно“.

Оставалось привлечь къ отвѣтственности старосту.

Но, чувствуя, что дѣла принимаютъ оборотъ очень скверный, и не желая знакомиться съ краями отдаленными, „благотворительный генералъ“ благоразумно скрылся куда-то, а домъ и прочія его недвижимости и капиталы оказались давно уже принадлежащими „законной супругѣ“.

Отдѣлываться за все пришлось однимъ членамъ причта.

Консисторія возложила на нихъ возмѣщеніе убытковъ, понесенныхъ церковью, и объявила всѣмъ строгій выговоръ за нерадѣніе къ дѣламъ церковнымъ, „съ занесеніемъ онаго въ послужные списки виновныхъ“.

На долю отца Василья приходилось заплатить около восьми тысячъ.

Старикъ хоть и получалъ хорошее содержаніе, но не имѣлъ въ рукахъ такихъ денегъ.

Онъ и самъ жилъ не скупо, да кромѣ того около него постоянно кормилась куча разныхъ „родственниковъ“, и изъ крупныхъ ежегодныхъ доходовъ онъ, за сорокъ лѣтъ службы, еле-еле скопилъ шесть тысченокъ.

Чтобы покрыть недостающую сумму, онъ продалъ всѣ свои шолковыя рясы, шубу, квартирную обстановку, кое-у-кого призанялъ и безропотно отнесъ толстую пачку кредитокъ новому церковному старостѣ.

Потеря послѣднихъ крохъ отозвалась, однако, на отцѣ Васильѣ очень тяжело.

Эти деньги давали ему возможность не бояться „чернаго дня". Онъ зналъ, что въ трудную минуту у него всегда найдется нѣсколько десятковъ рублей, и это придавало ему силы смѣло дѣлать свое дѣло, не заглядывая боязливо впередъ.

Лишившись этой увѣренности на склонѣ дней, когда сколотить новый капиталецъ не представлялось уже возможнымъ, а нужда въ немъ могла явиться съ минуты на минуту, отецъ Василій сильно загрустилъ.

Но еще болѣе удручающимъ образомъ подѣйствовалъ на него консисторскій выговоръ.

Старикъ былъ нечестолюбивъ и не гнался за наградами.

Онъ гордился единственно лишь тѣмъ, что за всю продолжительную службу на его честномъ имени не было ни малѣйшаго пятна.

— Съ этой стороны я чище солнца,—шутилъ отецъ Василій:—на томъ все-таки пятнышки есть.

И вдругъ, ужъ на краю могилы, его ошельмовали!

Горько было старику! Онъ сталъ задумываться, какъ-то сразу опустился, одряхлѣлъ, и мѣсяца черезъ два тихо отдалъ Богу душу.

Рыхлая, сырая Надежда Θедоровна не перенесла всѣхъ этихъ несчастій.

Воротясь съ похоронъ своего „дѣдки", она начала готовиться къ переѣзду на другую квартиру—и вдругъ упала, какъ подкошенная.

Съ большими усиліями ее привели въ чувство, но она потеряла способность владѣть ногами и съ трудомъ могла говорить.

Ее разбилъ параличъ.

Вѣрочкѣ пришлось оставить свои занятія въ консерваторіи и искать себѣ кусокъ хлѣба.

Сначала ей дали мѣсто въ оперномъ хорѣ.

Въ одиннадцать часовъ утра молодая дѣвушка уходила на репетицію, въ четыре возвращалась домой и, наскоро перекусивъ, спѣшила къ спектаклю, который оканчивался въ двѣнадцать, часъ ночи.

За все это ей платили пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ.

Прожить на такую сумму съ больной старухой-матерью было невозможно, и Вѣрочка была очень обрадована, когда къ ней подошелъ однажды щеголеватый театральный агентъ Пляссъ, всегда вертѣвшійся за кулисами, и предложилъ мѣсто пѣвицы въ кафе-шантанѣ „Фоли-Бержеръ". .

Двѣсти рублей мѣсячнаго жалованья, отсутствіе репетицій и два свободныхъ дня въ недѣлю соблазнили молоденькую консерваторку, и она, не задумываясь, подписала контрактъ, которымъ, между прочимъ, обязывалась „посѣщать кабинеты по приглашенію гостей“.

— Я никакъ не предполагала, что это такъ тяжело,—глубоко вздохнувъ, сказала она Покровскому.—Вы, вотъ, съ княземъ—спасибо!—отнеслись ко мнѣ снисходительно. А вчера пріѣхалъ сюда съ компаніей какой-то инженеръ, толстый, противный, грязный. Пригласили меня и стали угощать коньякомъ и ликерами. Я, конечно, отказалась. Они принялись шумѣть, потребовали хозяина. Тотъ, низко кланяясь, началъ извиняться, что я еще новенькая, не успѣла осмотрѣться, и просилъ на этотъ разъ отпустить. А когда мы вышли за дверь, онъ сердито посмотрѣлъ на меня и грубо сказалъ, чтобы я „не ломалась“, если не хочу „вылетѣть“. Можете себѣ представить, какъ я возмутилась! Не будь на моихъ рукахъ бѣдной больной мамы, я больше не заглянула бы сюда. Но ради этой несчастной старушки я все должна стерпѣть. И кто знаетъ, какія еще униженія ждутъ меня здѣсь?!

„Вотъ она, оборотная сторона медали, — подумалъ Покровскій, и ему стало не по себѣ. — Вонъ, скорѣе вонъ изъ этого ужаснаго вертепа, гдѣ богатый, пьяный развратъ покупаетъ себѣ любовь и веселье, гдѣ за деньги оскверняются лучшія чувства души!“

Онъ быстро всталъ и подошелъ къ Чильдѣеву, сидѣвшему на низенькомъ пуфѣ у ногъ Понсэ.

— Князь, простите! Уже четыре часа! Я долженъ ѣхать: у меня завтра утромъ урокъ.

— Какъ, дорогой мой?! А развѣ мы не заѣдемъ еще куда-нибудь? — взглянулъ на него Чильдѣевъ помутнѣвшими глазками.

— Извините, не могу. Въ другой разъ когда-нибудь.

— Въ такомъ случаѣ и я сейчасъ уѣду къ Адели. Эй, кто тамъ? Подать мнѣ счетъ!

Князь вынулъ туго набитый бумажникъ и началъ одѣлять жадно бросившихся къ нему „артистовъ“.

Увидѣвъ новенькую сторублевку, Понсэ ловко выхватила ее изъ рукъ князя и спрятала за корсажъ.

— C'est à moi,—томно произнесла она.

Маметъ-Чильдѣевъ усмѣхнулся и крѣпко щипнулъ ее за шею.

Простившись съ княземъ, Вѣра Васильевна вышла вмѣстѣ съ Покровскимъ.

— Вамъ куда?—спросилъ ее Константинъ Александровичъ, останавливаясь на подъѣздѣ.

Молодая дѣвушка назвала одну изъ отдаленныхъ улицъ.

— А мнѣ рядомъ. Позвольте же васъ подвезти!

Покровскій крикнулъ извозчика и, усадивъ спутницу, крѣпко обнялъ ее за талію.

Они ѣхали молча, изрѣдка перебрасываясь незначительными фразами.

Минутъ черезъ двадцать, Смирнова попросила спустить ее у скромнаго одноэтажнаго домика.

— Вотъ и наша квартира,—указала она на четыре небольшихъ окна, въ которыхъ слабо мерцалъ свѣтъ лампады:—можетъ быть, соберетесь когда заглянуть къ намъ? Милости просимъ! Насъ теперь почти никто не посѣщаетъ, и мама будетъ очень рада свѣжему человѣку. А я по средамъ и субботамъ всегда дома.

— Почту за счастіе,—отвѣчалъ Константинъ Александровичъ, вѣжливо приподнимая шляпу.

Вѣрочка радостно улыбнулась, кивнула головкой и скрылась за потемнѣвшей отъ времени дверью.

VII.

Въ первую же субботу, часовъ около семи вечера, Покровскій позвонилъ въ квартиру Смирновыхъ.

Ему открыла хорошенькая горничная, просто, но опрятно одѣтая.

— Вѣру Васильевну можно видѣть?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Барышня у всенощной, — отвѣчала дѣвушка:—потрудитесь обождать; онѣ сейчасъ придутъ.

Снявъ съ гостя пальто, она провела его въ небольшую комнату, скромно обставленную.

Это было что-то среднее между столовой и гостиной.

Когда Покровскій вошелъ въ комнату, на столѣ уже кипѣлъ крошечный ярко-вычищенный самоваръ, стояла корзиночка съ печеньемъ, сахарница и два чайныхъ прибора.

У самовара сидѣла въ высокомъ креслѣ съ колесами пухленькая старушка, съ сѣдой, трясущейся головой...

— Надежда Ѳедоровна! къ вамъ гость! — доложила горничная.

Старушка вздрогнула и торопливо стала оправлять накинутую на плечи косыночку.

— Простите! я — безногая калѣка и встрѣтить васъ не могу,—довольно невнятнымъ голосомъ сказала она.

— Помилуйте! Да это совсѣмъ и не нужно, — поспѣшилъ успокоить ее молодой человѣкъ, почтительно цѣлуя ея сморщенную ручку.

— Вы, вѣроятно, Константинъ Александровичъ Покровскій?—спросила старушка, внимательно оглядывая гостя.

— Да, я – Покровскій.

— Очень рада познакомиться съ вами. Вѣруня столько мнѣ о васъ наговорила, что я просто съ нетерпѣніемъ ожидала вашего прихода.

— Вѣра Васильевна очень снисходительна...

— Ну, не скажите! Вѣрунька — дѣвочка чистосердечная, льстить не умѣетъ. Вся въ покойнаго моего „дѣдку“. Тотъ, бывало, тоже никогда не покривитъ душой. Помню, разъ вызвали его къ преосвященному. Владыка былъ человѣкъ негордый, ласковый, и съ тѣми, кто былъ ему по душѣ, любилъ поговорить попросту. „Дѣдку“ моего онъ очень уважалъ и звалъ всегда „хрустальнымъ старцемъ“. Вотъ разговорился онъ съ нимъ и спрашиваетъ: „А что, хрустальный старецъ, каковъ нашъ новый секретарь консисторскій?“ А „дѣдка“ ему—ни гугу. Что жъ ты,—говоритъ, молчишь?—Боишься, что-ли?“ А старикъ мой ему и отвѣчаетъ: — „Что̀ мнѣ сказать-то, владыка? Бранить людей не люблю, а хвалить не за что“.—Такъ прямо и отпалилъ. Вотъ онъ былъ какой, „дѣдка“-то мой!

— И Вѣра Васильевна—говорите—очень похожа характеромъ на своего нареченнаго папашу?

— Какъ двѣ капли воды. Покойничекъ такъ ее и воспитывалъ. „Тѣло,—скажетъ,—не мое, а душу всю свою въ нее вложу“. И, дѣйствительно, добился своего: вся-то, вся она въ него, моего голубчика. И правдивая такая же, и до другихъ жалостливая да ласковая, а о себѣ незаботливая, такъ просто до ужасти! Кажется, замѣть она, что кому-нибудь ея жизнь надобна,—сейчасъ отдастъ, не задумается. Вѣдь какъ вотъ она обо мнѣ заботится! Этакую службу несетъ тяжелую, ночи напролетъ не спитъ, мучится. А много ли ей самой-то нужно? Все на меня, калѣку убогую, старается. Эхъ, хоть бы прибралъ меня Господь поскорѣе!

Надежда Өедоровна умолкла и кончикомъ косынки смахнула набѣжавшую слезу.

— Что̀ это вы, мамочка, никакъ опять плачете?—раздался звучный, молодой голосъ, и въ дверяхъ показалась Вѣрочка.

— Прости, прости, голубка! — смущенно залепетала старушка:—вспомнила старину и не удержалась.

— Ну, Богъ васъ проститъ для праздника,—шутливо отвѣчала дѣвушка и, крѣпко поцѣловавъ мать, подошла къ вставшему ей навстрѣчу Покровскому.

— А! Константинъ Александровичъ! И вы собрались заглянуть къ намъ? Ну, спасибо!

— Помилуйте, я долженъ благодарить васъ за честь...

— Э!—перебила его Вѣрочка:—за что благодарить? За право поскучать съ нами вечеръ? Прежде, когда мы жили открыто, я приняла бы вашу благодарность, какъ нѣчто должное. А теперь...

Вѣрочка горько вздохнула и махнула рукой.

Черезъ минуту она, однако, опять повеселѣла и захлопотала съ чаемъ.

Въ скромномъ домашнемъ платьѣ, съ гладко причесанными волосами, она показалась Покровскому еще лучше, чѣмъ при первомъ знакомствѣ, и онъ залюбовался ею.

Онъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ быстро перемывала она посуду своими изящными пальчиками, клала сахаръ, наливала чай и все время весело щебетала.

Чѣмъ-то мирнымъ, успокоивающимъ вѣяло отъ нея.

„Какимъ украшеніемъ дома будетъ такая жена! — подумалъ Константинъ Александровичъ: — и какому-то счастливцу достанется она?“

— А вы давно уже пришли? — спросила его Вѣрочка, подавая стаканъ.

— Съ полчаса, или немножко больше. Я не зналъ, что вы—у всенощной, и поторопился.

— Она у насъ богомольная, ни одной службы въ праздникъ не пропуститъ,—замѣтила Надежда Ѳедоровна.

— Ну, неправда, мамочка!—сконфузилась дѣвушка:—пропускаю, и очень часто. Но вообще ходить въ церковь люблю, особенно ко всенощной. Станешь это гдѣ-нибудь въ уголкѣ; кругомъ полумракъ, дымъ кадильный; никто тебя не видитъ, и ты никого; и стоишь ты одинъ передъ Богомъ и возвѣщаешь ему печали свои. Послѣ этого всегда бываетъ какъ-то особенно легко и тепло на душѣ.

Послѣ чая Надежда Ѳедоровна простилась съ гостемъ и попросила отвезти ее въ спальню.

— Ну, какъ, привыкаете ли къ „Фоли-Бержеру?“—спросилъ Покровскій Вѣрочку, когда они остались одни.

— Ахъ, Константинъ Александровичъ! Развѣ можно чистоплотному человѣку привыкнуть къ грязи? А вы вѣдь видѣли, что̀ такое „Фоли-Бержеръ“.

— Да, я былъ тамъ въ первый и послѣдній разъ. Это даже не грязь, а прямо смрадное болото. И я прямо недоумѣваю, какъ вы можете тамъ оставаться?

— Что̀ дѣлать, Константинъ Александровичъ! Нужда всему научитъ. Имѣй я хоть маленькую возможность, я, конечно, сразу бы ушла.

— Но развѣ нельзя найти какое-нибудь другое занятіе? Вы прекрасно образованы, хорошая музыкантша, владѣете языками. Ну, поискали бы уроковъ, переводовъ.

— А вы думаете, я не искала? Давно уже обиты всѣ пороги. Но вы представить себѣ не можете, какъ низки нынче цѣны на интеллигентный женскій трудъ. За часовые уроки мнѣ предлагали шестьдесятъ, пятьдесятъ копѣекъ, а иногда и того меньше. А за переводы—два рубля съ листа. А вѣдь мнѣ нужно содержать старуху-мать. Вы видите, въ какомъ она положеніи. Ей нуженъ покой, хорошій столъ, лекарства и уходъ. А все это стоитъ не дешево. Вотъ поневолѣ и приходится держаться за „Фоли-Бержеръ“.

Поговоривъ еще немного, Константинъ Александровичъ сталъ прощаться.

— Не забывайте же насъ!—сказала Вѣра Васильевна, провожая его въ переднюю: — если не боитесь тоски, приходите, вмѣстѣ поскучаемъ.

— Погодите, я еще вамъ надоѣмъ,—въ тонъ ей отвѣчалъ Покровскій и робко прикоснулся губами къ хорошенькой ручкѣ молодой хозяйки.

VIII.

Константинъ Александровичъ сдержалъ свое слово и сталъ посѣщать Смирновыхъ каждую среду и субботу.

Потомъ онъ началъ появляться у нихъ и въ другіе дни, заходя, какъ бы случайно, мимоходомъ.

Онъ приходилъ обыкновенно въ то время, когда Вѣра Васильевна собиралась въ „Фоли-Бержеръ“, и провожалъ ее до ярко-освѣщеннаго подъѣзда кафе-шантана.

Скромный, вѣжливый, предупредительный, Покровскій, всегда

веселый и привѣтливый, пришелся, какъ говорится, ко двору у своихъ новыхъ знакомыхъ.

Въ домѣ Смирновыхъ его приходу всѣ искренно радовались. Даже хорошенькая горничная Аннушка, открывая Константину Александровичу дверь, радостно улыбалась и съ особымъ оттѣнкомъ удовольствія въ голосѣ говорила:

— Здрасти-съ.

Мѣсяца черезъ два Покровскій былъ у нихъ уже „своимъ человѣкомъ", и Надежда Ѳедоровна, любившая прежде устраивать чужіе браки, заботливо хлопотала о его „судьбѣ".

— Женить, женить васъ, батюшка, надо!—съ усиліями выговаривала она своимъ непокорнымъ языкомъ:—долго ли вамъ холостякомъ-то мыкаться?

— Что-жъ, я не прочь! Сватайте невѣсту! — полушутя, полусерьезно откликался молодой человѣкъ.

— Охъ, родной мой! Ужъ какая я теперь сваха!—съ грустью отвѣчала старушка:—вотъ при покойничкѣ „дѣдкѣ"—такъ у меня невѣсты никогда не переводились. Бывало, живёхонько молодежь познакомимъ, сосватаемъ, да иногда и на свадьбу дадимъ, кто побѣднѣе.

— Да, можетъ быть, мамочка, у Константина Александровича уже и есть кто-нибудь на примѣтѣ,—замѣтила однажды Вѣра Васильевна, пытливо взглянувъ на гостя.

По лицу Покровскаго пробѣжала легкая тѣнь.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—никого у меня нѣтъ.—Не скрою: по сердцу мнѣ одна дѣвушка, но она за меня не пойдетъ.

— Почему?—спросили разомъ мать и дочь.

— Слишкомъ разныя у насъ дороги. Она—талантъ, съ блестящей будущностью, а я — человѣкъ самый заурядный. А вы вѣдь знаете: въ одну повозку—

„Впрячь не можно
Коня и трепетную лань".

— Э, родной мой! Да какого же ей, прости Господи, рожна еще надо?—разсердилась Надежда Ѳедоровна:—молодой, здоровый, свѣжій, собой видный, образованный. Да еслибы моей Вѣрунѣ Господь такого муженька послалъ, такъ я бы и днемъ, и ночью Его, милосердаго, благодарила.

Вѣрочка вспыхнула до корней волосъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, Константинъ Александровичъ, неужели вы убѣждены, что даровитая дѣвушка непремѣнно ищетъ въ своемъ женихѣ талантливости?—живо спросила она.

— Да, мнѣ такъ кажется.

— Плохо же вы знаете насъ, женщинъ. Мы чаще всего руководимся сердцемъ, а не умомъ. Вспомните только, какое въ большинствѣ случаевъ ничтожество всѣ эти „мужья знаменитостей“, и сами согласитесь, что вы не правы. Почему же вамъ не попытать счастья у вашей избранницы? Даже и съ вашей точки зрѣнія вы, по моему, вполнѣ ея достойны: вѣдь у васъ недюжинный талантъ. Я до сихъ поръ не могу забыть, какъ художественно исполнили вы романсъ „Море и сердце“ при первой нашей встрѣчѣ.

Въ такихъ задушевныхъ разговорахъ проводились вечера въ этомъ крошечномъ дружескомъ кружкѣ.

Бесѣды часто смѣнялись пѣніемъ.

Вѣрочка садилась за фортепіано и исполняла какую-нибудь новенькую пьесу.

— Ну, теперь ваша очередь, Константинъ Александровичъ!— говорила она и начинала аккомпанировать.

Иногда они пѣли дуэтомъ, и не одну крупную слезу вызвали ихъ чистые, звучные голоса на помутившихся глазахъ престарѣлой Надежды Θедоровны.

А чувствительная Аннушка, стоя за дверью въ передней, прямо рѣкой разливалась и шептала толстой кухаркѣ Анисьѣ:

— Вотъ поютъ-то! Ангелы Божіи! Всю-то душеньку по частямъ разнимаютъ.

Недолго, однако, продолжались эти мирныя собранія въ квартиркѣ Смирновыхъ.

Придя къ нимъ однажды, въ концѣ третьяго мѣсяца знакомства, Покровскій замѣтилъ, что глаза у Вѣры Васильевны какъ будто бы наплаканы.

Его это сильно заинтересовало, но, по врожденной деликатности, онъ не считалъ удобнымъ приставать съ разспросами.

„Если пожелаютъ, чтобы я зналъ ихъ горе, сами скажутъ“,— подумалъ онъ.

И онъ не ошибся.

Обмѣнявшись нѣсколькими незначительными фразами, Вѣрочка порывисто поднялась съ мѣста и подошла къ матери.

— Мамочка, — сказала она, нѣжно цѣлуя старушку: — ты ничего не будешь имѣть, если мы съ Константиномъ Александровичемъ немножко пройдемся до чая? У меня сегодня что-то болитъ голова, и мнѣ хочется на воздухъ.

— Идите, идите со Христомъ, — добродушно отвѣчала Надежда Θедоровна:—погуляйте! А мы тутъ съ Аннушкой все приготовимъ.

Молодые люди вышли.

— Константинъ Александровичъ! У меня большая непріятность,—сразу же заговорила Вѣрочка, какъ только они вышли на улицу:—я никому еще о ней не говорила, даже мамѣ. Мнѣ хотѣлось сначала посовѣтоваться съ вами. Вы вѣдь—другъ мнѣ, не правда ли?

— Вѣра Васильевна! Я весь вашъ, всей душой! — горячо отозвался Покровскій.

— Ну, спасибо вамъ! — радостно протянула ему руку Вѣрочка.—Я, признаться, надѣялась на васъ, но боялась ошибиться. Слушайте же! Помните вы того толстаго инженера, на котораго я жаловалась вамъ въ первый день нашего знакомства?

— Какъ же, помню. Онъ, кажется, хотѣлъ тогда насильно напоить васъ и даже жаловался на васъ содержателю „Фоли-Бержера“?

— Вотъ именно. Представьте же себѣ, что этотъ господинъ положительно меня преслѣдуетъ. Ѣздитъ онъ къ намъ чуть ли не каждый день и постоянно требуетъ меня къ себѣ въ кабинетъ. Я, конечно, употребляла всѣ мѣры, чтобы избѣжать встрѣчъ съ нимъ. Нарочно принимала приглашенія другихъ, а иногда даже прямо напрашивалась въ какую-нибудь болѣе скромную компанію. Но онъ не отстаетъ и начинаетъ дѣйствовать на хозяина, который прямо благоговѣетъ передъ нимъ, какъ самымъ выгоднымъ гостемъ. Вчера мой патронъ настойчиво потребовалъ, чтобы я „хоть на полчаса зашла къ господину инженеру“. Я вынуждена была подчиниться, но тотъ такъ дерзко себя повелъ, что черезъ минуту я плюнула ему въ лицо и ушла изъ кабинета. Сейчасъ же позвали хозяина. Что̀ ему тамъ говорили, я не знаю, только онъ выбѣжалъ красный, какъ ракъ, разсерженный, и предложилъ мнѣ на выборъ: или поѣхать къ „оскорбленному“ мною инженеру на квартиру и извиниться, или считать себя уволенной отъ службы въ его „заведеніи“. Онъ далъ мнѣ день на размышленіе, и „на всякій случай“ сунулъ въ руку карточку этого негодяя. Вотъ она!

Вѣра Васильевна вынула изъ кармана довольно большой кусокъ дорогого бристольскаго картона, на которомъ было отлитографировано жирными буквами: „Анатолій Александровичъ Маловъ“. А внизу помельче—крупный чинъ и мѣсто службы.

— Вотъ это кто!—вскричалъ Покровскій, пробѣжавъ глазами карточку.

— Вы его знаете?—съ удивленіемъ спросила Вѣрочка.

— Лично незнакомъ, но слышалъ о немъ достаточно.

Этотъ баринъ считается спеціалистомъ по устройству всякихъ коммерческихъ обществъ и товариществъ. Въ годъ зарабатываетъ тысячъ триста и спускаетъ ихъ самымъ безпутнымъ образомъ. Онъ ужъ нѣсколько разъ обвинялся въ разныхъ некрасивыхъ продѣлкахъ съ женщинами, но какъ-то постоянно ускользалъ отъ суда.

— Я такъ и думала. Значитъ, идти къ нему мнѣ не слѣдуетъ?

— Боже васъ сохрани!

— Но что же мнѣ дѣлать? Научите меня! Вы видите,— мнѣ вопросъ поставленъ ребромъ: или къ нему, или вонъ со службы.

Покровскій задумчиво молчалъ.

— О, будь я одна,—волнуясь, продолжала дѣвушка,—я минуты бы не раздумывала. Но теперь на моихъ рукахъ несчастная, больная старуха. Развѣ я могу ее бросить? развѣ я не обязана окружить ее въ старости такимъ же довольствомъ, какимъ въ дѣтствѣ она окружала меня?

— Но, можетъ быть, вы пристроитесь къ какому-нибудь другому театру?

— А вы думаете, это такъ легко? Да, когда нуждаются въ тебѣ, за тобой ухаживаютъ, просятъ, молятъ твоего согласія. А когда ты начинаешь искать мѣста,—приходится кланяться даже всякимъ Пляссамъ и покупать ихъ содѣйствіе дорогою цѣной. Нѣтъ, противъ судьбы, видно, не пойдешь: надо завтра ѣхать на поклонъ къ Малову.

Вѣрочка закрыла лицо платкомъ и глухо зарыдала.

— Ради Бога, повремените одинъ день!—заволновался въ свою очередь Покровскій:—только одинъ день! Сегодня я разстроенъ и ничего не могу сообразить. Но завтра къ вечеру я что-нибудь придумаю. Какой-либо выходъ найдемъ, обѣщаю вамъ это.

— Я вѣрю вамъ, и завтра, въ эти же часы, буду ждать васъ здѣсь же. А теперь идите домой! Вы, я вижу, встревожились не меньше меня. Вамъ не до гостей!—теплымъ тономъ закончила молодая дѣвушка.

— А какъ же Надежда Өедоровна?

— Ну, я скажу ей, что за вами прислали. Прощайте! Не провожайте меня.

Молодые люди разстались.

IX.

Слѣдующую ночь Покровскій почти всю провелъ безъ сна. Онъ то-и-дѣло ворочался съ боку на бокъ на своемъ тощенькомъ, жесткомъ тюфячкѣ, и въ пылавшей головѣ его вертѣлась все одна неотступная мысль:

„Вѣрочка гибнетъ! Дорогая моя Вѣрочка, которую я такъ горячо, такъ страстно люблю! Что̀ же дѣлать теперь? Какъ спасти, какъ поддержать ее?"

Планы, одинъ другого несбыточнѣе, роились въ его мозгу. Сначала онъ хотѣлъ пойти къ содержателю „Фоли-Бержеръ" и объясниться съ нимъ на чистоту.

„Но что̀ же изъ этого выйдетъ?—мысленно возражалъ онъ самъ себѣ:—развѣ эти люди понимаютъ человѣческія чувства? Развѣ у нихъ есть что-либо святое? Для нихъ одинъ кумиръ—нажива. И ради нея они, конечно, всегда будутъ на сторонѣ выгоднаго гостя, а не Вѣрочки".

Потомъ онъ надумалъ переговорить съ Маловымъ, но рѣшилъ, что изъ этого толку не будетъ.

— У этихъ господъ слишкомъ толстая шкура.—Чѣмъ ихъ проймешь, если они давно уже забыли все „разумное, доброе, вѣчное", которое и имъ когда-то внушали?

Мелькнула у него мысль обратиться къ полиціи, къ закону, но онъ тотчасъ же откинулъ ее.

„Судъ да дѣло, чтобъ его собака съѣла",—вспомнилась ему народная пословица, и онъ горько усмѣхнулся.

Наконецъ, уже подъ утро, его осѣнила одна идея, которая разомъ заставила его вскочить съ постели.

— Да, это было бы хорошо, даже черезчуръ хорошо!—прошепталъ онъ, зажигая свѣчу:—Какъ счастлива была бы Надежда Ѳедоровна! И Вѣрочка, вѣроятно, была бы довольна! А ужъ о себѣ я и не говорю. Но развѣ я могу, развѣ я вправѣ это сдѣлать?

Онъ быстро подошелъ къ простенькой этажеркѣ, стоявшей у стѣны, и, немного порывшись, вытащилъ толстую книгу въ желтомъ кожаномъ переплетѣ, на которомъ золотыми буквами было вытиснено:

„Книга правилъ святыхъ апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и святыхъ отецъ".

Перевернувъ нѣсколько листовъ, Константинъ Александро-

вичъ отыскалъ глазами нужныя строчки и медленно, съ разстановками прочелъ:

„Правило святыхъ апостоловъ осмоенадесять гласитъ тако: „вземшій въ супружество вдову, или отверженную отъ супружества, или блудницу, или рабыню, или позорищную, не можетъ быть епископъ, ни пресвитеръ, ни діаконъ, ниже вообще въ спискѣ священнаго чина“.

— Вотъ что̀ стоитъ поперекъ пути къ моему счастью!— съ отчаяніемъ простоналъ молодой человѣкъ.—Я съ радостью бы женился на Вѣрочкѣ и взялъ на себя всѣ заботы объ ея милой старушкѣ, но это правило связываетъ меня по рукамъ и по ногамъ. Жениться на позорищной, на актрисѣ—значитъ навѣки отказаться отъ священнаго сана. Конечно, ради дорогой моей дѣвочки я готовъ и на это; но зачѣмъ же тогда я четырнадцать лѣтъ приготовлялся къ священству, изучалъ ни на что ненужныя въ обыденной жизни гомилетики и литургики, жилъ и питался на церковныя деньги?

Покровскій сжалъ ладонями виски и долго ходилъ молча по комнатѣ.

— Нѣтъ, ничего мнѣ, кажется, не придумать,—со вздохомъ сказалъ онъ:—голова разболѣлась и совсѣмъ отказывается работать. А придумать что-нибудь надо: бѣдная Вѣрочка вполнѣ увѣрена, что я дамъ ей завтра добрый совѣтъ. Эхъ, самому бы мнѣ посовѣтоваться съ умнымъ, опытнымъ человѣкомъ! Но гдѣ такого найти?

Константинъ Александровичъ сталъ перебирать въ умѣ всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ.

Изъ близкихъ людей была у него одна лишь восьмидесятилѣтняя бабка, жившая въ епархіальной богадѣльнѣ и отъ старости уже впадавшая въ младенчество.

Знакомые были все молодежь,—товарищи по академіи и сослуживцы по городскимъ школамъ, въ которыхъ Покровскій преподавалъ Законъ Божій, — и врядъ ли были въ жизни опытнѣе его.

Ждать отъ этихъ лицъ серьезнаго совѣта было трудно, и Константинъ Александровичъ сталъ уже съ горестью представлять себѣ, какъ завтра придетъ онъ ни съ чѣмъ къ своей милой, дорогой Вѣрочкѣ,—какъ вдругъ пришелъ ему на память одинъ человѣкъ, который могъ, пожалуй, вывести его изъ затруднительнаго положенія.

— Господи! — радостно вскричалъ молодой богословъ:—да какъ же это я раньше-то не вспомнилъ объ Андреѣ Андреичѣ? Ну, теперь Вѣрочка спасена!

Онъ торопливо одѣлся, разбудилъ квартирную хозяйку и, попросивъ ее закрыть за нимъ дверь, быстро выскочилъ на улицу и скрылся въ предразсвѣтной утренней мглѣ.

X.

Андрей Андреичъ Грузинскій былъ когда-то дьякономъ въ томъ самомъ селѣ Покровскомъ, гдѣ родился и провелъ свое дѣтство Константинъ Александровичъ.

Высокій и худой, какъ жердь, съ огромной сѣдой бородой и причудливымъ завиткомъ волосъ на передней части совершенно голой головы, онъ поражалъ своей оригинальной наружностью всякаго, кто видѣлъ его впервые.

Вызывая общее удивленье своей странной внѣшностью, Грузинскій еще болѣе изумлялъ всѣхъ своимъ умомъ.

Достаточно было поговорить съ нимъ одинъ разъ, чтобы увидѣть, что для этого человѣка жизнь прошла не даромъ: каждое событіе, всякій пустой случай онъ обдумалъ и вывелъ изъ нихъ тотъ или другой урокъ.

Но эти выводы и заключенія были такъ своеобразны, такъ не подходили къ установившимся взглядамъ и понятіямъ, что большинство знакомыхъ Андрея Андреича считали его немножко „повихнувшимся“.

Грузинскій зналъ объ этомъ, но не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, и своими поступками еще сильнѣе укрѣплялъ за собою репутацію человѣка „не въ полномъ умѣ“.

Такъ, однажды, онъ заявилъ своимъ сослуживцамъ, что не желаетъ больше получать доходы за требоисполненіе.

— Это отчего же?—удивился молоденькій настоятель, только-что почти сошедшій со школьной скамьи.

— А Христосъ-то что̀ сказалъ? „Туне пріясте, туне и подаваете“,—отвѣчалъ Грузинскій:—ну, и я за свой санъ ничего не платилъ. За что же и брать-то?

— Да вѣдь такъ съ голоду умрешь, — засмѣялись прочіе члены причта.

— Э, пустяки!—беззаботно махнулъ рукою Андрей Андреичъ:—Господь обязался всѣхъ кормить до самой смерти.

Настоятель посмотрѣлъ на него съ соболѣзнованіемъ, какъ смотрятъ обыкновенно на помѣшанныхъ, покачалъ головой и потихоньку распорядился, чтобы впредь относили долю дьякона его женѣ.

Въ другой разъ Грузинскій отличился еще лучше.

Въ селѣ Петровскомъ былъ какъ-то престольный праздникъ. Отслуживъ молебны въ домахъ своихъ прихожанъ, духовенство отправилось къ мѣстному помѣщику Ивану Ивановичу Пузыревскому, у котораго ежегодно въ этотъ день готовился для нихъ званый обѣдъ.

Пузыревскій былъ уже очень преклонныхъ лѣтъ, но еще достаточно бодръ и подвиженъ. Онъ прекрасно помнилъ прежнюю, дореформенную, помѣщичью жизнь, и въ душѣ глубоко сожалѣлъ о ней. Однако, какъ человѣкъ политичный, онъ тщательно скрывалъ это и даже сердился, когда его называли „помѣщикомъ".

— Съ приснопамятнаго девятнадцатаго февраля тысяча-восемьсотъ-шестьдесятъ-перваго года у насъ нѣтъ помѣщиковъ, а есть одни только землевладѣльцы,—внушительно говорилъ онъ, и только легкое сокращеніе мускуловъ лица выдавало иногда, какъ непріятно ему это новое имя.

По старой памяти, какъ бывшій „господинъ" Петровскаго прихода,—Иванъ Ивановичъ считался благотворителемъ церковнымъ, хотя въ сущности не давалъ храму ничего, кромѣ нѣсколькихъ саженъ гнилыхъ, сухоподстойныхъ дровъ, за сборку которыхъ взыскивалъ довольно крупную сумму.

Пузыревскій считалъ себя нравственно-обязаннымъ подавать простому народу примѣръ религіозности и уваженія къ духовенству, и потому старался не пропускать ни одной службы церковной, и любилъ принимать у себя окрестныхъ батюшекъ и дьячковъ.

Въ близкомъ, домашнемъ кружкѣ онъ подсмѣивался надъ этими пріемами и называлъ ихъ „поповскими вечерами" и „soirée съ попами", но батюшки, конечно, этого не знали, и были въ восторгѣ отъ гостепріимнаго и хлѣбосольнаго Ивана Ивановича.

Они считали за высокую честь посидѣть въ богатой гостиной Пузыревскаго, съ роскошной мебелью и дорогими обоями, и потому глубоко изумились, когда въ одинъ изъ праздниковъ дьяконъ Грузинскій наотрѣзъ отказался идти съ ними туда, и остался отдыхать въ покривившейся избушкѣ бобыля Агапа, пользовавшагося не совсѣмъ лестной репутаціей отъявленнаго пьяницы и вора.

— Что̀ это ты задумалъ, Андрей Андреичъ? — недовольнымъ голосомъ сказалъ настоятель о. Дмитрій: — человѣка уважаемаго, высокой нравственности, мѣняешь на какого-то пропойцу.

— „Не требуютъ здравіи врача, но болящіи", — словами

Евангелія отвѣчалъ Грузинскій,—и Учитель нашъ Христосъ съ мытарями и грѣшниками ѣлъ и пилъ. Почему же и мнѣ не пообѣдать съ Агапкой? „Егда ученикъ болій есть учителя своего“?

Опять покачалъ головой настоятель и пошелъ къ Пузыревскому безъ дьякона.

Но самую удивительную штуку выкинулъ Андрей Андреичъ при увольненіи своемъ за штатъ.

Въ тотъ самый день, когда исполнилось тридцатипятилѣтіе службы Грузинскаго въ священномъ санѣ, въ село Покровское пріѣхалъ мѣстный архіерей, обозрѣвавшій свою епархію.

Владыку встрѣтили, „какъ подобаетъ“, въ церкви, съ колокольнымъ звономъ и пѣніемъ „Достойно“.

Андрей Андреичъ понатужился и такъ отхватилъ многолѣтіе, что даже самъ удивился.

Преосвященный осмотрѣлъ храмъ, всѣмъ остался доволенъ и милостиво принялъ приглашеніе отца-настоятеля „откушать у него чайку“.

Хозяинъ тотчасъ же побѣжалъ впередъ „распорядиться“. Владыка пошелъ слѣдомъ за нимъ, осторожно поддерживаемый съ одной стороны благочиннымъ, а съ другой—своимъ спутникомъ-архимандритомъ; сзади потянулась „свита“ и остальные члены мѣстнаго причта.

Когда гости пришли къ батюшкѣ и разсѣлись „по чинамъ“, завязалась бесѣда.

Архіерей оказался человѣкомъ очень благодушнымъ и разговорчивымъ. Онъ сталъ разспрашивать, кто изъ причта сколько лѣтъ служитъ, велика ли семья, доволенъ ли своимъ положеніемъ, не нуждается ли въ чемъ, и отвѣты выслушивалъ весьма внимательно.

— Вотъ, владыка святый, самый старшій у насъ служака!—сказалъ отецъ Дмитрій, указывая на нескладную фигуру Грузинскаго, понуро стоявшаго у двери:—сегодня какъ разъ тридцать-пять лѣтъ его священнослуженія.

— А-а!—протянулъ владыка и, обращаясь къ дьякону, спросилъ:—Ну, что-жъ, старина, до полстолѣтія-то послужишь?

— Никакъ нѣтъ, ваше преосвященство, не могу; я васъ только и ожидалъ, чтобы увольненія попросить,—по-солдатски отрубилъ Андрей Андреичъ.

— Отчего же? Ты, кажется, здоровъ, голосокъ у тебя еще есть.

— Такъ-то такъ, владыка, да вѣдь мнѣ ужъ шестьдесятъ-шесть лѣтъ: пора и о грѣхахъ помолиться, и о душѣ подумать.

— Ну, такъ что же? Ты въ церкви за каждой службой бываешь, вотъ и молись поусерднѣй!

— Ну, когда же мнѣ тамъ молиться? — простодушно отвѣчалъ Грузинскій:—я за службой-то только кадить да ектеніи говорить поспѣвай!

Архіерей въ изумленіи поднялъ на него широко-раскрытые глаза.

Благочинный сорвался съ мѣста, подбѣжалъ къ владыкѣ и, придерживая лѣвой ладонью многочисленныя регаліи, а правой прикрывая ротъ, быстро началъ шептать:

— Простите, ваше преосвященство, я забылъ васъ предупредить: онъ немножко повихнувшись въ умѣ.

— Я такъ и подумалъ, — тоже шопотомъ отозвался архіерей;—но онъ тихъ? безвреденъ?

— О, безусловно!

Во время этой бесѣды Андрей Андреичъ безучастно стоялъ передъ владыкой, какъ будто и не подозрѣвая, что рѣчь касается его.

— Какъ же, владыка?—началъ онъ опять, когда благочинный отошелъ: — благоизволите вы меня уволить за штатъ?

— Хорошо, хорошо! Подавайте прошеніе! — поспѣшилъ успокоить его преосвященный.

— Да зачѣмъ же, ваше преосвященство, бумагу марать?— не отставалъ неугомонный дьяконъ:—я васъ прошу при свидѣтеляхъ, — значитъ, отъ слова своего не отопрусь. А вамъ, осмѣлюсь замѣтить, не все ли равно уволить меня—на словахъ или письменно?

Епископъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на своеобразнаго просителя и съ видимымъ участіемъ произнесъ:

— Экой вы чудакъ, право! Вѣдь я о васъ же хлопочу. Если я уволю васъ безъ прошенія, вамъ пенсіи не дадутъ. Поняли?

— Да зачѣмъ мнѣ пенсія, владыка?—изумился старикъ:—я еще, слава Богу, работать могу. Мнѣ дарового хлѣба не надо. Нѣтъ ужъ, ваше преосвященство, если только за этимъ дѣло, то, ради Христа, увольте меня!

— Ну, хорошо! — пожалъ плечами преосвященный. — Отецъ архимандритъ, — запишите, чтобы ему выслать увольнительный указъ сегодняшнимъ числомъ!

Архимандритъ молча поклонился.

— Значитъ, я теперь свободенъ? — спросилъ дьяконъ, какъ бы еще не вѣря своему увольненію.

— Совершенно!

— И могу идти, куда хочу?

— Можете, конечно!

Старикъ размашисто перекрестился, поклонился архіерею въ ноги и громко началъ читать:

— „Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ“...

XI.

Константинъ Александровичъ зналъ и любилъ Грузинскаго съ дѣтства. Это былъ первый другъ, пріобрѣтенный Покровскимъ еще при самомъ вступленіи въ сознательную жизнь.

Дружба ихъ завязалась какъ-то совсѣмъ неожиданно.

У Андрея Андреича была чудная китайская чашечка, доставшаяся ему по наслѣдству еще отъ дѣда.

Долго попивалъ изъ нея чаекъ старый дьяконъ, но въ одинъ прекрасный день блудливый котенокъ „Франтикъ“ вскочилъ на столъ и разбилъ ее вдребезги.

Старикъ, конечно, прежде всего поймалъ проказника и основательно выпоролъ его; потомъ подобралъ осколки, посмотрѣлъ на нихъ съ сожалѣніемъ и выбросилъ за окно.

Но чашечка, оказалось, и въ разбитомъ видѣ не для всѣхъ еще потеряла свою прелесть.

На другое же утро Андрей Андреичъ замѣтилъ подъ своимъ окномъ шестилѣтняго сиротку Костю, который долго стоялъ, держа во рту пальчикъ, и умильно смотрѣлъ на пестрые черепки.

Осторожно, стараясь не испугать малютку, вышелъ дьяконъ на крыльцо и ласково спросилъ:

— Ты что̀, карапузъ?

— Бобо̀чки!—указалъ рукой мальчикъ, не отрывая глазъ отъ красивыхъ осколковъ.

— Что же, они тебѣ нравятся?—добродушно улыбнулся старикъ.

— Да,—еле слышно прошепталъ Костя.

— Ну, такъ тащи ихъ домой!

Ребенокъ сначала не повѣрилъ своему счастью, потомъ подбѣжалъ и торопливо, какъ маленькій звѣрекъ, сталъ сгребать черепки въ подолъ поношенной рубашонки.

Дьяконъ съ веселымъ смѣхомъ помогалъ ему, и тутъ они впервые разговорились „по душамъ“.

— Что̀ жъ ты будешь съ этимъ дѣлать?—спрашивалъ Грузинскій.

— Играть буду,—отвѣчалъ Костя.—У меня еще бобочки есть, много, много. Только тѣ некрасивыя, эти лучше.

— А еще у тебя есть какія игрушки!

— Нѣтъ, больше нѣту. Папочка обѣщалъ мнѣ сдѣлать деревянный топорикъ, да умеръ.

— Кхм!—сердито кашлянулъ дьяконъ, у котораго что-то защекотало въ носу:—а тебѣ топорика-то хочется?

— Хочется,—простодушно отвѣчало дитя.

— Ну, приходи завтра!.. Я поищу... У меня гдѣ-то есть... старенькій.

На другой день Андрей Андреичъ поднесъ Костѣ совершенно новый топорикъ, артистически сдѣланный изъ дерева.

Грузинскій былъ превосходный столяръ и отдѣлалъ игрушку на диво: топорище онъ покрылъ желтымъ лакомъ „подъ натуральное дерево", а обухъ и остріе отполировалъ и очень ловко подвелъ голландской сажей подъ цвѣтъ стали.

Получивъ такую чудесную „бобочку", Костя бросился безъ оглядки домой, позабывъ даже сказать спасибо ласковому старичку.

Вскорѣ онъ, однако, возвратился и до тѣхъ поръ цѣловалъ „милаго дѣдушку", пока не запутался въ длинной бородѣ его.

Съ той минуты у Андрея Андреича завелась самая нѣжная дружба съ маленькимъ Костей.

Ребенокъ, не имѣвшій ни братьевъ, ни сестеръ, прильнулъ всѣмъ своимъ любвеобильнымъ сердечкомъ къ старому дѣду. Старикъ, выростившій трехъ сыновей, давно уже жившихъ отдѣльно, въ сущности тоже былъ одинокъ и привязался къ малюткѣ.

Эта не совсѣмъ обыкновенная дружба стараго съ малымъ была тѣмъ болѣе удивительна, что въ ней какъ-то вовсе не замѣчалось огромной разницы въ лѣтахъ новыхъ друзей.

Голубино-чистый Андрей Андреичъ былъ въ душѣ еще совершеннымъ дитятей, и для него вполнѣ были понятны всѣ печали и радости дѣтства.

— Эй, Костюшка! пойдемъ ко мнѣ горохъ воровать!—кричалъ иногда старикъ своему любимцу.

— Пойдемъ!—откликался мальчикъ, и они потихоньку пробирались на задворки, гдѣ у Грузинскаго посѣяна была цѣлая полоса гороху, ревниво оберегаемаго скуповатой дьяконицей.

Забравшись въ самую середину, пріятели ложились животами на землю и принимались лущить сладкій зеленый горошекъ.

Впрочемъ, ѣлъ больше Костя; Грузинскій же, „поклевавъ" немножко, снималъ съ головы огромную плюшевую шляпу, въ которую, по увѣреніямъ его, входило полмѣры овса, и начиналъ

набирать въ нее стручковъ, чтобы было чѣмъ „позабавиться“ дома.

Они возвращались домой одинаково довольные и совершенно однимъ и тѣмъ же боязливымъ взглядомъ посматривали на дьяконицу, ожидая „проборки“.

Престарѣлому Андрею Андреичу суждено было заронить въ маленькаго Костю и первую мысль.

Произошло это лѣтъ пять спустя, послѣ начала ихъ знакомства.

Костя былъ уже въ духовномъ училищѣ и пріѣхалъ къ матери на лѣтнія вакаціи.

Къ дьякону Грузинскому тоже должна была собраться вся его семья.

Старшій сынъ, Григорій Андреичъ, видный и небезталантливый архитекторъ, гостилъ уже съ недѣлю; средній—Егоръ Андреичъ, по профессіи инженеръ-технологъ, прибылъ вмѣстѣ съ Костей; младшаго, Якова, ждали дня черезъ два.

Костя какъ разъ былъ у стараго дьякона, когда прикатилъ, наконецъ, на тройкѣ почтовыхъ и Яковъ Андреичъ.

Это былъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ, очень стройный и недурненькій, въ свѣжей офицерской формѣ.

Не видавшись съ нимъ нѣсколько лѣтъ, мальчикъ сначала даже и не призналъ его. Да трудно было и узнать въ этомъ вылощенномъ, бойкомъ офицерикѣ того скромнаго семинариста-замухрышку, который не такъ еще давно цѣлыми днями игралъ съ нимъ въ городки.

Костѣ никогда еще не приходилось такъ близко видѣть офицеровъ, и онъ разсматривалъ молодого Грузинскаго съ большимъ вниманіемъ.

Ему нравилось въ немъ все безъ исключенія: и бѣлоснѣжный съ накрахмаленнымъ воротникомъ китель, и высокіе лакированные сапоги, и золотые погоны съ двумя блестящими звѣздочками, и яркая фуражка какого-то совершенно необыкновеннаго цвѣта.

Въ простотѣ сердечной мальчикъ былъ глубоко убѣжденъ, что и всѣ остальные также любуются Яшей, и потому крайне дивился, когда, послѣ первыхъ привѣтствій, старый дьяконъ вздохнулъ и сказалъ съ грустью младшему сыну:

— Эхъ, сынокъ, сынокъ! Не въ такомъ нарядѣ чаялъ я тебя видѣть.

Напускная бойкость Якова Андреича разомъ слетѣла, и онъ сконфуженно прошепталъ:

— Что же дѣлать, папенька? Я не виноватъ, что мнѣ въ семинаріи не повезло. Ну, да и отечество надо же кому-нибудь защищать.

— Что говорить!—отозвался старикъ:—защита отечества—дѣло святое. Но вѣдь оно, дружокъ, не каждый день въ опасности бываетъ. Ну, лѣтъ въ двадцать-тридцать тебѣ придется, можетъ быть, разъ постоять за родину. А въ остальное-то время что же ты будешь дѣлать?

Костю поразили эти слова, и онъ впервые задумался надъ тѣмъ, что лично его совсѣмъ не касалось.

Приходя въ возрастъ, Покровскій все чаще и чаще сталъ забѣгать „побесѣдовать“ къ дѣду, и не одну лѣтнюю ночь просидѣли они на крыльцѣ до разсвѣта, толкуя о „проклятыхъ“ вопросахъ, которые гнетутъ и давятъ мыслящихъ людей.

И въ этихъ полуночныхъ бесѣдахъ молодой богословъ вполнѣ уяснилъ себѣ тотъ своеобразный, но вполнѣ логичный складъ мыслей Андрея Андреича, который укрѣпилъ за нимъ репутацію „повихнувшагося“.

Онъ понялъ, что этотъ „повихнувшійся“ старикъ смотритъ на вещи со своей собственной точки зрѣнія, что для него нѣтъ готовыхъ, прописныхъ истинъ, и что поэтому-то онъ часто и находитъ выходы тамъ, гдѣ для обыкновенныхъ смертныхъ ихъ нѣтъ.

XII.

Выйдя въ отставку, Грузинскій перебрался въ городъ и нанялъ крошечную лачужку въ одной изъ самыхъ глухихъ окраинъ.

Сыновья наперерывъ звали его къ себѣ, но онъ наотрѣзъ отказался.

— Мать пріютите, а я, пока въ силахъ, чужого хлѣба ѣсть не стану,—твердо сказалъ онъ имъ, и просилъ больше не заводить объ этомъ и рѣчи.

Зная его настойчивость, его оставили въ покоѣ.

Дьяконица поплакалась немножко на свою горькую долю и переѣхала къ старшему сыну; Андрей же Андреичъ сталъ прилаживаться на новосельѣ.

Устроился онъ очень оригинально.

Онъ нанялъ маленькій домикъ, бывшій прежде птичникомъ у какого-то богатаго купца, большого любителя пѣтушиныхъ боевъ. Снявъ рѣшетки, за которыми когда-то сидѣли пернатые бойцы, онъ получилъ довольно просторную комнату въ два окошка.

Къ одному изъ нихъ онъ поставилъ прочный березовый верстакъ; къ другому—токарный станокъ. По стѣнамъ развѣсилъ пилы, стамески, рубанки. Подоконники заставилъ лакомъ, клеемъ и политурой. Въ узенькое пространство за печкой натаскалъ стружекъ, покрылъ ихъ старымъ распоротымъ мѣшкомъ и получилъ сравнительно мягкую постель. Тутъ же, за печкой, онъ развѣсилъ на гвоздяхъ поношенный барашковый тулупчикъ, ватный подрясникъ, знаменитую своею вмѣстительностью шляпу и теплую бѣличью шапку. Въ переднемъ углу онъ помѣстилъ маленькую темную икону; подъ нею, на самодѣльной полочкѣ—истрепанный и закапанный воскомъ Новый Завѣтъ, и квартира была готова. Ни столовъ, ни стульевъ, ни шкафовъ у Андрея Андреича не было. Обѣдалъ онъ, сидя на толстомъ сосновомъ обрубкѣ, за широкимъ верстакомъ, въ которомъ хранилась и вся его немудреная утварь.

Жизнь свою Андрей Андреичъ распредѣлилъ тоже не совсѣмъ обыкновенно.

Осенью, зимой и ранней весной онъ точилъ и стругалъ цѣлые дни. Но какъ только устанавливалась теплая погода, онъ запиралъ свой „птичникъ" и шелъ странствовать по святой Руси.

И въ этихъ странствованіяхъ онъ оставался все тѣмъ же оригинальнымъ старикомъ.

Онъ не ходилъ, подобно другимъ паломникамъ, исключительно по монастырямъ и пустынямъ, но забирался часто и туда, гдѣ не было и вовсе никакихъ обителей.

Побывалъ онъ и въ безмолвномъ Полѣсьѣ, и въ шумной Варшавѣ, и на цвѣтущихъ берегахъ Чернаго моря, и на дикомъ и мрачномъ Мурманѣ.

Съ наступленіемъ первыхъ холодовъ онъ возвращался домой, загорѣлый, усталый, но освѣженный духомъ, и вновь становился къ своему верстаку.

М. Лубинскій.

АНТИЧНАЯ ЛЕНОРА

ОЧЕРКЪ.

I.

Скоро исполнится сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, когда на страницахъ „Вѣстника Европы“ появилась русская баллада, впервые познакомившая русскую публику съ романтическимъ мотивомъ Бюргеровской невѣсты смерти, Леноры—знаменитая въ свое время „Людмила“ Жуковскаго (1808). Какъ извѣстно, этимъ почином поэта-романтика и русская интеллигенція была пріобщена къ тому спору за народническій романтизмъ, который загорѣлся много раньше въ Германіи по поводу оригинальной баллады-знаменосицы Бюргера. Съ тѣхъ поръ много воды утекло: романтизмъ отшумѣлъ, но народничество осталось, и именно у насъ, въ Россіи, оно наиболѣе окрѣпло и дало міру свои самыя могучія и прекрасныя произведенія. Безспорно, много жемчужинъ вынесло оно на поверхность изъ глубины народнаго сознанія, но и много ила и тины; часто горькое разочарованіе постигало тѣхъ энтузіастовъ, которые смѣло бросались въ пучину народнаго моря, надѣясь найти на его днѣ прочные и вѣчные устои тѣхъ коралловыхъ островов добра и красоты, которые такъ заманчиво разнообразятъ его поверхность. И чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе увеличивается у насъ число тѣхъ, чье „злобою сердце питаться устало“; чѣмъ далѣе, тѣмъ напряженнѣе прислушиваются они къ новымъ голосамъ, раздающимся опять-таки

съ Запада, и къ нарождающейся новой пѣснѣ, которой только наши потомки сумѣютъ дать имя.

Но пока народническій романтизмъ переживалъ фазисы своей естественной эволюціи въ литературѣ, его значеніе въ наукѣ, какъ важнаго культурно-историческаго фактора, оставалось непоколебимымъ: „мотивъ Леноры"—понынѣ одна изъ любимѣйшихъ темъ для фольклористовъ и историковъ литературы, причемъ первые собираютъ варіанты этого мотива въ народной поэзіи всѣхъ временъ и странъ, а вторые изучаютъ движеніе, вызванное въ европейской литературѣ балладой Бюргера. И та, и другая тема оказалась очень благодарной, и „литература о Ленорѣ" росла съ каждымъ десятилѣтіемъ; спеціально русская наука обладаетъ старательнымъ руководствомъ въ этой области въ трудѣ проф. Созоновича, подъ заглавіемъ: „Къ вопросу о западномъ вліяніи на славянскую и русскую поэзію" (Варшава, 1898).

Былъ ли „мотивъ Леноры" созданъ народной поэзіей новой Европы, или же перешелъ онъ къ ней отъ народовъ древности, т.-е., черезъ посредство Рима, отъ Греціи? Вопросъ этотъ, разумѣется, независимъ отъ вопроса о томъ, имѣлся ли у древнихъ нашъ мотивъ: объ этомъ послѣднемъ и спорить нечего, такъ какъ факты на лицо и они достаточно извѣстны изслѣдователямъ. Нѣтъ; но можно, признавая наличность этихъ фактовъ, тѣмъ не менѣе отрицать прямую преемственность между античной и романтической Ленорой. Я долженъ, однако, замѣтить, что проф. Созоновичъ, говоря на стран. 99—104 своего труда объ античныхъ сказаніяхъ, родственныхъ сказаніямъ о Ленорѣ, склоненъ признать эту преемственность; я полагаю, что онъ правъ, и надѣюсь, что настоящій очеркъ еще болѣе подтвердитъ вѣроятность этого мнѣнія. Все же не въ этомъ состоитъ его главная задача: составляя его, я хотѣлъ, прежде всего, представить въ болѣе полныхъ и наглядныхъ чертахъ, чѣмъ это дѣлалось доселѣ, исторію развитія античной Леноры, а затѣмъ—предложить читателю возможно удобочитаемый стихотворный переводъ единственнаго поэтическаго памятника, который намъ сохранился изъ древности по интересующему насъ мотиву — баллады-посланія Овидія о Лаодаміи.

II.

При всемъ томъ мы, чтобы отнестись сознательно къ историко-литературному значенію античной родоначальницы романтической Леноры, должны взять за точку исхода эту послѣднюю,

и я прошу позволенія напомнить читателю вкратцѣ содержаніе Бюргеровской баллады—ея точный переводъ Жуковскій, какъ извѣстно, далъ русской публикѣ черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ послѣ своего вольнаго подражанія въ „Людмилѣ" („Ленора", баллада изъ Бюргера, 1831—Стихотворенія подъ ред. Ефремова, 9-е изд., т. II, стр. 468 и сл.).

Встревоженная страшными сновидѣніями, молодая Ленора ждетъ съ душевнымъ трепетомъ возвращенія своего жениха, отправившагося съ войскомъ Фридриха въ силезійскую войну. Ея предчувствія оправдываются: среди возвращающихся воиновъ ея милаго нѣтъ. Тогда она проклинаетъ и свою жизнь, и Бога, и святыя тайны, и надежду на вѣчное блаженство; тщетно ея мать старается ее успокоить,—въ отчаянныхъ вопляхъ и жалобахъ проходитъ весь день, наступаетъ ночь. Слышится топотъ коня, дверь отворяется: въ вошедшемъ она узнаетъ жениха. Тотъ ее торопитъ въ путь, на новоселье, устраняя ея сомнѣнія зловѣще-двусмысленными успокоеніями. Не долго думая, она садится на его коня; они ѣдутъ. „Мѣсяцъ свѣтитъ намъ, гладка дорога мертвецамъ". Поля и луга, села и рощи летятъ мимо нихъ; чѣмъ дальше, тѣмъ страшнѣе: вотъ погребальное шествіе, вотъ рой привидѣній у висѣлицы. Наконецъ, они прискакали: кругомъ могилы, сама она въ объятіяхъ мертвеца, и духи поютъ ей предсмертную пѣснь: „Терпи, терпи, хоть ноетъ грудь, Творцу въ бѣдахъ покорна будь!"

Эти послѣднія слова особенно ярко оттѣняютъ нравоучительный характеръ баллады, который, впрочемъ, и безъ нихъ очевиденъ. Свиданіе съ милымъ понимается не какъ награда Ленорѣ за ея любовь и вѣрность, а какъ кара. Радость совершенно отсутствуетъ; не успѣла невѣста, при появленіи жениха, стряхнуть бремя долгаго горя, какъ его странное требованіе отъѣзда въ ненастную ночь ввергаетъ ее въ новую тревогу. Описаніе страшной ночной скачки съ мертвецомъ занимаетъ въ балладѣ преобладающее положеніе; рядомъ съ этимъ впечатлѣніемъ меркнутъ всѣ остальныя.

Повторяю, участь Леноры представлена сплошнымъ ужасомъ, представлена карой; а причину кары благочестивый поэтъ-христіанинъ усмотрѣлъ въ богохульственномъ отчаяніи, которымъ она отвѣтила на ниспосланное ей Господомъ испытаніе.

Конечно, религіозная мотивировка кары остается собственностью поэта; въ народной легендѣ мотивировка могла быть иная или отсутствовать совсѣмъ. Зато одно несомнѣнно: вездѣ тамъ, гдѣ ночная скачка съ мертвецомъ стоитъ въ центрѣ бал-

лады, представленіе о свиданіи какъ о карѣ напрашивается само собою, и представленіе о немъ какъ о наградѣ исключается. Съ этой точки зрѣнія прямой противоположностью къ Бюргеровской Ленорѣ и ея народнымъ первообразамъ является другая, тоже народная, обработка мотива; она записана въ нѣсколькихъ варіантахъ въ разныхъ областяхъ Германіи (одинъ изъ этихъ варіантовъ, нѣмецко-моравскій, приведенъ проф. Созоновичемъ, стр. 138). Въ виду ея важности для нашего вопроса я позволю себѣ привести ее въ переводѣ, синтетически примиряющемъ отдѣльные варіанты; оговариваюсь, что мой переводъ точно приноровленъ къ напѣву, но не къ размѣру нѣмецкой народной пѣсни:

Тихо другъ бредетъ къ подругѣ
И въ окно стучится къ ней:
„—Дома ль ты, моя зазноба?
Встань, впусти меня скорѣй!"

„—Нѣтъ съ тобой для насъ бесѣды,
Не могу тебя впустить:
Я давно люблю другого,
За тобою мнѣ не быть".

„—Тотъ, кого давно ты любишь,
Милый другъ мой, это я;
Ручку дай; меня узнаетъ
Ручка бѣлая твоя".

„—Отъ тебя землею пахнетъ,
Самъ ты смерти холоднѣй".
„—Какъ не пахнуть мнѣ землею?
Восемь лѣтъ лежу я въ ней!"

Разбуди отца родного,
Разбуди родную ты:
Данъ вѣнокъ тебѣ зеленый
До небесной высоты"!

Первый благовѣстъ раздался—
Помертвѣлъ невѣсты ликъ;
Благовѣстъ второй раздался—
Смертный хладъ ее проникъ;

Третій благовѣстъ раздался—
Испустила духъ она;
Такъ-то ночь двоихъ влюбленныхъ
Упокоила одна.

Въ ночь одну для двухъ влюбленныхъ
Вѣчной жизни часъ насталъ;
Самъ Господь съ небесной выси
Другъ ихъ съ другомъ обвѣнчалъ.

Нельзя сказать, чтобы страхъ вовсе отсутствовалъ въ этой обработкѣ: онъ ясно слышится въ четвертой строфѣ. Но дальше ея онъ не проникаетъ; затѣмъ идетъ описаніе свиданія влюбленныхъ и медленнаго счастливаго умиранія невѣсты въ объятіяхъ жениха подъ торжественный звонъ утренняго благовѣста, которымъ самъ Богъ какъ бы освящаетъ ихъ бракъ. О ночной скачкѣ не только не говорится—она прямо исключается всей обстановкой разсказа. Итакъ, мотивъ кары отсутствуетъ; его замѣняетъ мотивъ награды, звучащій особенно сильно въ послѣднихъ словахъ жениха съ ихъ красивой загадочностью: „данъ вѣнокъ тебѣ зеленый до небесной высоты" (Grün Kränzlein sollst du tragen—Bis in den Himmel' nein). Награды—за что? И въ этомъ пѣсня не оставляетъ никакого сомнѣнія: за вѣрность, съ которой невѣста хранила свою любовь для жениха за все время его долгаго отсутствія, вѣрность, о которой свидѣтельствуетъ ея отказъ вступить даже въ бесѣду съ чужимъ человѣкомъ въ ночное время. Именно ею она заслужила зеленый вѣнокъ.

Я ограничиваюсь этими двумя обработками, такъ какъ онѣ знаменуютъ собою оба полюса въ нравственной оцѣнкѣ мотива Леноры. А теперь переходимъ къ ея античной родоначальницѣ—Лаодаміи.

III.

Упоминается она впервые — хотя и безыменно — въ томъ мѣстѣ Иліады, гдѣ перечисляются по городамъ дружины ахейцевъ, выступившія въ походъ противъ Трои. Среди прочихъ называются и жители нѣкоторыхъ ѳессалійскихъ городовъ, между прочимъ и Филаки (II, 698).

Всѣхъ ихъ при жизни своей велъ въ поле питомецъ Ареса
Протесилай; но тогда онъ въ землѣ ужъ покоился черной.
Тамъ онъ, въ Филакѣ, жену неутѣшной вдовою оставилъ
И полуконченный домъ; уложилъ же дарданецъ героя
Въ мигъ, когда первымъ изъ всѣхъ съ корабля соскочилъ онъ на берегъ.

И только. Зналъ ли Протесилай, что, соскакивая первымъ на берегъ, онъ обрекалъ себя смерти? Это, собственно, не сказано; но понятно, что еслибы позднѣйшій поэтъ позанялся спеціально его участью, то такое предположеніе было бы для него очень заманчиво. Простая случайность превратилась бы въ обдуманный планъ, несчастье—въ самоотверженіе. Такое развитіе, повторяю, было бы вполнѣ естественно. Но зато для вдовы Протесилая краткое упоминаніе Иліады никакихъ зачатковъ дальнѣйшаго

развитія не заключало; ея неутѣшная скорбь—общій удѣлъ всѣхъ вдовъ.

Но мы давно отказались отъ мысли видѣть въ Гомерѣ первичную ячейку всей греческой миѳологіи; были мѣстныя традиціи, память о которыхъ поддерживалась мѣстными культами. Будучи значительно древнѣе Гомера, онѣ, тѣмъ не менѣе, могли значительно позже его попасть въ литературу. Въ литературу—т.-е., прежде всего, въ послѣ-гомеровскій эпосъ. Дѣйствительно, тотъ эпосъ, въ которомъ были описаны первыя событія троянской войны—такъ называемыя „Кипріи",—долженъ былъ поневолѣ заняться и подвигомъ Протесилая. Но мы объ этомъ знаемъ очень мало. Знаемъ, что въ немъ самоотверженный герой палъ отъ руки Гектора; очевидно, авторъ хотѣлъ почтить Протесилая, давая ему въ противники лучшаго троянскаго героя, но онъ этимъ противорѣчилъ Гомеру, который строго отличалъ дарданцевъ отъ троянцевъ, съ Гекторомъ во главѣ. Знаемъ, далѣе, что здѣсь жена Протесилая была названа „Полидорой", но былъ ли къ ней пріуроченъ „мотивъ Леноры"—неизвѣстно. Скорѣе—нѣтъ: этотъ мотивъ неразрывно связанъ съ именемъ Лаодаміи.

Итакъ, гдѣ впервые встрѣчается Лаодамія? Для насъ—въ трагедіи Эврипида, подъ заглавіемъ „Протесилай", но именно только для насъ. Хотя эта трагедія и потеряна, но ея фабула можетъ быть до нѣкоторой степени возстановлена по литературнымъ и археологическимъ свидѣтельствамъ; и вотъ тутъ-то оказывается, что Эврипидъ, ради разнообразія дѣйствія, соединилъ два параллельныхъ мотива, которые раньше существовали отдѣльно. Существовали; но гдѣ? Промежуточное мѣсто между эпосомъ и трагедіей занимала лирика; и дѣйствительно, мы увидимъ, что ей придется поставить въ счетъ если не оба параллельныхъ мотива, то, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ.

Но что̀ же это за параллельные мотивы? Они извѣстны намъ изъ позднѣйшихъ свидѣтельствъ, изъ которыхъ я—ради ясности—возьму самое позднее, византійскаго грамматика Цециса (Хиліады II, 52). Конечно, Цецисъ въ оригинальные источники не заглядывалъ; но такъ какъ александрійская и римская ученость, изъ которыхъ онъ черпалъ свою эрудицію, намъ не сохранена, то приходится поневолѣ имъ пользоваться. Итакъ, вотъ его свидѣтельство; переведемъ откровенной прозой его прозаическую поэзію: „Этотъ Протесилай былъ сыномъ Ификла. Оставивъ свою молодую жену Лаодамію, онъ вмѣстѣ съ прочими эллинами отправился въ походъ противъ троянцевъ и, первымъ соскочивъ на берегъ, первымъ изо всѣхъ былъ убитъ. А затѣмъ миѳографы

говорятъ, что Персефона, увидѣвъ его красоту и его скорбь о разлукѣ съ Лаодаміей, упросила Плутона вернуть ему жизнь и отправила его изъ обители Аида къ женѣ. Такъ говорятъ миѳы; правдивая же исторія разсказывается вотъ какъ. Когда вышеназванная супруга Протесилая узнала о случившемся съ мужемъ несчастіи, а именно объ его смерти, она изготовила себѣ деревянное подобіе Протесилая, и изъ тоски по супругу ложилась спать съ нимъ, не будучи въ состояніи вынести его отсутствіе. А другіе тогда стали говорить, что ночью его призракъ всегда является его женѣ; такъ-то и было сочинено то сказаніе".

Здѣсь дѣло ясно: мы имѣемъ, повторяю, два параллельныхъ мотива. Согласно первому, убитый Протесилай, съ соизволенія подземныхъ боговъ, возвращается къ нѣжно любимой женѣ; это и есть то, что мы называемъ „мотивомъ Леноры". Согласно второму, Лаодамія, по смерти мужа, изготовляетъ его изваяніе, съ которымъ и ночуетъ, точно съ живымъ человѣкомъ. Это подсмотрѣли, и люди, не зная, въ чемъ дѣло, пустили въ ходъ басню, что ее по ночамъ навѣщаетъ призракъ ея мужа. Что это такое? Въ этомъ никакого сомнѣнія быть не можетъ: раціоналистическая обработка мотива Леноры. Ея авторъ плохо вѣрилъ въ чудеса, но относился довѣрчиво къ миѳологической традиціи; тамъ, гдѣ она была непріемлема, онъ старался объяснить ее путемъ недоразумѣнія: „дѣло обстояло слѣдующимъ естественнымъ образомъ; но люди, по ошибкѣ и невѣжеству, пустили въ ходъ слѣдующую басню, которая и удержалась". Повторяю: „мотивъ статуи"—мотивъ искусственный, книжный; но онъ имѣетъ своимъ основаніемъ „мотивъ призрака", т.-е. мотивъ Леноры, являясь его раціоналистическимъ толкованіемъ.

Можно ли приписать этотъ книжный мотивъ, это толкованіе народнаго миѳа индивидуальной фикціей,—эпохѣ, которая насъ здѣсь интересуетъ, эпохѣ греческой лирики, около 500 г. до Р. Х.? Я думаю, вполнѣ; но пусть читатель посудитъ самъ. Пиндаръ въ первой олимпійской одѣ предлагалъ новую форму преданія о Пелопѣ: „сынъ Тантала, — говоритъ онъ, — о тебѣ я скажу иначе, чѣмъ мои предшественники". Тѣ давали старую, грубую, каннибалистическую версію, согласно которой Танталъ, чтобы испытать боговъ, пригласилъ ихъ на пиръ и угостилъ мясомъ собственнаго сына Пелопа; но Пиндару противна мысль о такомъ „обжорствѣ боговъ". Нѣтъ, дѣло произошло вотъ какъ. Пиръ, дѣйствительно, состоялся; на немъ Посидонъ, плѣнившись красотой отрока-Пелопа, похитилъ его. „А когда ты исчезъ, тогда кто-то изъ завистливыхъ сосѣдей распустилъ молву,

что ты былъ съѣденъ богами". Это—не единственный примѣръ; но мы удовольствуемся имъ.

Да, рефлексія дала знать о себѣ въ лирическую эпоху греческой миѳологіи; мы ей смѣло можемъ приписать и „мотивъ статуи", придуманный для объясненія „мотива призрака". Мало того: мы должны это сдѣлать, такъ какъ трагедія Эврипида—мы это увидимъ тотчасъ — предполагаетъ оба мотива не только существующими, но и достаточно вкоренившимися въ народномъ сознаніи. Но объ этомъ будетъ сказано тотчасъ; теперь же остановлю вниманіе читателей на самой идеѣ параллелизаціи призрака и статуи. Она у грековъ была тѣмъ болѣе естественна, что у нихъ одно и то же слово (eidôlon) означало и то, и другое; но я могу подтвердить ее интереснымъ, незамѣченнымъ до сихъ поръ примѣромъ. Спасая честь Елены, лирическій поэтъ Стесихоръ допускаетъ идею, что не она сама, а ея призракъ былъ увезенъ Парисомъ въ Трою. Послѣдователемъ Стесихора былъ Эсхилъ. Идея предшественника была для него данной, съ которой слѣдовало считаться; съ другой стороны онъ, не чувствуя надобности спасать честь Елены, держался исконной традиціи, согласно которой она сама дала себя увезти троянскому похитителю. А если такъ, то, значитъ, ея призракъ остался у Менелая. Съ этимъ онъ считается; но, находя эту идею въ этой формѣ непріемлемой, онъ толкуетъ ее по своему—и притомъ точь-въ-точь такъ же, какъ и тотъ нашъ анонимъ идею о призракѣ Протесилая. Менелай искалъ утѣшенія въ созерцаніи статуи Елены, но тщетно: „ненавистна мужу ласка прекраснаго изваянія: въ его пустыхъ глазахъ нѣтъ мѣста Афродитѣ" („Агамемнонъ", ст. 416). Но и это будетъ превратно понято, „и люди скажутъ, что ея призракъ властвуетъ въ домѣ". Сходство полное: статуя замѣняетъ призракъ. И дальше, и дальше тянется параллелизація: она переходитъ къ народамъ новой Европы, и, много столѣтій спустя, статуя—этотъ разъ уже самого новаго Менелая — вернется съ кладбища въ опозоренный домъ, чтобы увлечь съ собой въ царство мертвыхъ дерзновеннаго обольстителя его молодой жены.

IV.

Возвращаемся къ нашимъ параллельнымъ мотивамъ: отъ вниманія читателя не ускользнуло, что въ нихъ пока нѣтъ развязки. По одному—самъ Протесилай изъ преисподней возвращается къ

женѣ; по другому—она нѣжится съ его изваяніемъ. Прекрасно; но какова же, въ концѣ концовъ, ея участь? Цецисъ намъ на этотъ вопросъ отвѣта не даетъ: онъ придумываетъ — какъ онъ заявляетъ самъ—свою собственную развязку, которая именно поэтому для насъ неинтересна. Просмотрѣвъ, однако, внимательно прочіе разрозненные отрывки миѳографической традиціи, мы находимъ искомую развязку, или, вѣрнѣе, двѣ, по одной для каждаго мотива—а это, въ свою очередь, доказываетъ ихъ первоначальную самостоятельность.

Развязку перваго мотива даетъ намъ древній комментаторъ Виргилія, Сервій; комментируя то мѣсто своего автора, гдѣ тотъ, въ числѣ прочихъ тѣней преисподней, упоминаетъ и Лаодамію („Энеида“, II, 447), онъ поясняетъ: „Лаодамія была женой Протесилая; получивъ извѣстіе, что ея мужъ погибъ первымъ въ троянской войнѣ, она возымѣла желаніе увидѣть его призракъ; когда ей это было дозволено, она уже не могла оторваться отъ него и погибла въ его объятіяхъ“. Стоитъ сравнить этотъ краткій разсказъ съ той народной пѣсенкой, переводъ которой я помѣстилъ выше (гл. II). Сходство прямо поразительное: то же блаженное умираніе въ объятіяхъ милаго, явившагося на кратковременное свиданіе изъ могилы. Здѣсь все понятно: царство умершихъ прочно держитъ того, кто разъ въ него вступилъ, и если даетъ ему отпускъ, то не надолго: съ исчезновеніемъ ночного мрака — „при звукѣ утренняго благовѣста“, какъ сказалъ бы поэтъ-христіанинъ,—долженъ исчезнуть и тотъ, кто отнынѣ принадлежитъ ночи. Но эта вторая разлука еще тяжелѣе первой; ее влюбленная уже не можетъ пережить. Таковъ нашъ мотивъ, общій разсказу Сервія и нѣмецкой народной пѣсенкѣ; какъ объяснить это сходство? Хотѣлось бы думать, что и въ древности существовала такая пѣсня о Лаодаміи, что она, перейдя въ средніе вѣка, вызвала появленіе той нѣмецкой... А впрочемъ, нужна ли тутъ пѣсня? Виргилій былъ самымъ популярнымъ и любимымъ поэтомъ средневѣковья, а вмѣстѣ съ нимъ жилъ и его толкователь Сервій; то мѣсто, гдѣ упоминается Лаодамія, стоитъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ однимъ изъ знаменитѣйшихъ эпизодовъ всей „Энеиды“—свиданіемъ Энея съ Дидоной въ царствѣ тѣней. Нѣтъ сомнѣнія, что молодые „схолары“, насущнымъ хлѣбомъ которыхъ былъ Виргилій, знали это мѣсто особенно хорошо, а эти схолары были, въ свою очередь, создателями средневѣковой поэзіи западной Европы. Я думаю, если вообще признать прямую зависимость новѣйшей Леноры отъ античной, то предположенный нами здѣсь переходъ представляется наиболѣе вѣроятнымъ.

Еще одна частность. По свидѣтельству Сервія, тоска Лаодаміи заставляетъ боговъ преисподней отпустить къ ней ея мужа; по вышеприведенному свидѣтельству Цециса, напротивъ, починъ принадлежитъ Протесилаю—эту сцену, просьбу Протесилая и заступничество Персефоны, изображаетъ Лукіанъ въ одной изъ своихъ знаменитыхъ „бесѣдъ мертвыхъ" (23). Понятно, что по этому побочному вопросу прочной традиціи быть не могло; была и примирительная версія, согласно которой совпаденіе желаній обѣихъ сторонъ склонило Плутона дать Протесилаю отпускъ.

Переходимъ, однако, отъ „мотива призрака" ко второму варіанту, къ „мотиву статуи". Узнавъ о смерти Протесилая—или, по другимъ, тотчасъ по его отправленіи подъ Трою—Лаодамія изготовляетъ его деревянное (или восковое) изображеніе и проводитъ съ нимъ ночи, точно съ живымъ. Развязка пока не предвидится: статуя не связана, подобно призраку, кратковременностью отпуска. Чтобы сдѣлать развязку возможной, нужно предположить, что кто-нибудь отнялъ у Лаодаміи то, что составляло ея единственное утѣшеніе; но кто могъ это сдѣлать? Отвѣтъ одинъ: тотъ, въ чьей власти она была послѣ ухода и смерти мужа, ея отецъ Акастъ. Но чѣмъ объяснить эту жестокость Акаста? Отвѣтить можно было различно. При скудости фантазіи, ее можно было мотивировать просто желаніемъ стараго царя, чтобы его дочь не убивалась понапрасну; такова традиція, сохраненная намъ въ краткомъ пересказѣ миѳографа Гигина (гл. 104): „Лаодамія, потерявъ мужа, велѣла изготовить восковое изображеніе его, поставила его, точно святой кумиръ, въ своей спальнѣ и стала ему воздавать почести. Однажды служитель, въ утреннее время, принося ей плоды для жертвоприношенія, заглянулъ въ щель и увидѣлъ, что она держитъ въ объятіяхъ статую Протесилая и цѣлуетъ ее. Вообразивъ, что у нея любовникъ, онъ разсказалъ увидѣнное ея отцу Акасту. Тотъ пришелъ, внезапно отворилъ дверь спальни и узналъ статую Протесилая. Не желая, чтобы его дочь долѣе мучилась, онъ приказалъ воздвигнуть костеръ и сжечь на немъ и статую, и священную утварь; тогда Лаодамія, не будучи въ состояніи вынести горе, сама бросилась въ огонь и погибла".

Это, повторяю, при скудости фантазіи; при нѣсколько большей ея плодовитости и мотивировка могла быть найдена болѣе богатая и убѣдительная. Отчего не хочетъ Акастъ, чтобы его дочь отдавалась воспоминаніямъ о своей прежней любви? Оттого, что у него насчетъ ея особые планы. Дѣтей у Лаодаміи не было; она ничѣмъ не была привязана къ дому и семьѣ своего покой-

наго мужа. Если даже Пенелопу, мать почти взрослаго Телемаха, ея отецъ Икарій, отчаявшись въ возвращеніи Одиссея, торопилъ въ новый бракъ, то это тѣмъ болѣе простительно для отца совсѣмъ молоденькой Лаодаміи. Итакъ, его дочь, юная вдова, опять невѣста: женихъ найденъ, день свадьбы назначенъ. Но Лаодамія упорно отказывается промѣнять покойнаго на живого. Откуда такая настойчивость? Служитель сообщаетъ ему свое открытіе: Лаодамію по ночамъ навѣщаетъ любовникъ. Теперь все ясно: разгнѣванный отецъ вламывается въ теремъ мнимой грѣшницы—и находитъ въ ея объятіяхъ статую. Она оправдана; но вмѣстѣ съ тѣмъ найденъ и предметъ, приковывающій ее къ памяти Протесилая; теперь развязка Гигина понятна.

Кто былъ авторомъ этого мотива новаго брака, столь эффектно обогатившаго мотивъ статуи? Отвѣта на этотъ вопросъ мы дать не можемъ; самый мотивъ мы находимъ тамъ и сямъ въ позднѣйшей миѳографической традиціи, и я думаю, что его происхожденіе естественнѣе всего объяснить такъ, какъ это сдѣлано здѣсь. А теперь пора перейти къ тому, у кого сюжетъ античной Леноры получилъ свою классическую обработку—къ *Эврипиду* и его „Протесилаю“.

V.

Поставимъ, однако, еще одинъ вопросъ—тотъ самый, который мы поставили выше по поводу новѣйшей Леноры. Слѣдуетъ ли видѣть въ ея развязкѣ награду или кару? И если послѣднее, то за что?

Относительно „мотива призрака“ отвѣтъ не можетъ быть сомнителенъ: умершаго Протесилая отпускаютъ изъ преисподней для того, чтобы утѣшить вѣрную вдову — здѣсь идея награды подчеркнута даже еще сильнѣе, чѣмъ въ новѣйшей народной пѣсенкѣ. Другое дѣло—мотивъ статуи; божьей милости нѣтъ никакой, и если собрать воедино всѣ черты варіанта — безвременную смерть молодого мужа, скорбь вдовы, жалкое утѣшеніе, которое она находитъ въ своей любви къ статуѣ, ея гибель—то героиня представится несомнѣнно несчастной и, стало быть, наказанной. Кѣмъ и за что? Что касается перваго вопроса, то если кому угодно было видѣть въ привязанности героини къ статуѣ извращеніе половой чувственности, подъ вліяніемъ утраты прямого предмета любви, то онъ виновницей кары долженъ былъ признать Афродиту. Что же касается второго вопроса, то

мы прямого отвѣта дать не можемъ, но у древнихъ поэтовъ имѣлось въ такихъ случаяхъ нѣсколько трафаретное объясненіе: герой наказанъ за то, что не воздалъ божеству при такомъ-то случаѣ такой-то почести. Возможно, что оно было пущено въ ходъ и здѣсь.

Какъ бы то ни было, вотъ содержаніе трагедіи Эврипида, насколько его можно возстановить на основаніи отрывковъ и всей позднѣйшей традиціи.

Въ прологѣ выступаетъ, какъ это часто бываетъ у нашего поэта, божество—а именно Афродита. Она разгнѣвана на Лаодамію; жертвой ея гнѣва палъ—быть можетъ, отъ руки ея сына Энея—молодой мужъ виновной, разставшійся съ нею въ первый же день послѣ брачной ночи. Теперь царь Акастъ готовитъ для нея новую свадьбу, но ей не бывать: она внушила невѣстѣ - вдовѣ неестественную любовь, которая будетъ причиной ея гибели.

Сходятся филакійскія жены, подруги Лаодаміи (это—хоръ трагедіи); онѣ хотятъ уговорить ее, въ виду предстоящей свадьбы, отказаться отъ траура и надѣть приличествующій случаю нарядъ. Лаодамія выходитъ къ нимъ; къ ихъ утѣшеніямъ и совѣтамъ она нѣма; видно, что ея мысли гдѣ-то далеко и всего менѣе со своимъ новымъ женихомъ. Иногда странная, загадочная улыбка скользитъ по ея устамъ; съ нетерпѣніемъ ждетъ она наступленія ночи. Подругамъ она говоритъ, что хочетъ очиститься вакхическими обрядами, которые должны быть недоступны непосвященнымъ; удаляясь, она проситъ ихъ спѣть вакхическую пѣсню въ честь бога, что̀ онѣ и дѣлаютъ.

Слѣдующее происходитъ за сценой, въ терему Лаодаміи, и дѣлается извѣстнымъ зрителю позднѣе, черезъ очевидца — какъ это принято въ греческой трагедіи. Съ немногими наперсницами Лаодамія вошла въ заповѣдную комнату своего терема; здѣсь, въ крытой зеленью бесѣдкѣ, увѣнчанный плющомъ, стоитъ восковой кумиръ Протесилая, преобразованный въ Діониса. Флейты играютъ, кимвалы гудятъ; подъ звуки этой оглушительной музыки вдова-вакханка справляетъ свою мистическую свадьбу съ новымъ Діонисомъ—подобіе той, которую ежегодно справляла въ древнѣйшемъ аѳинскомъ святилищѣ на Лимнахъ супруга архонта-царя съ тѣмъ же Діонисомъ, въ память аѳинской царицы Аріадны...

Знала ли Лаодамія, что̀ она дѣлала, воздавая такія почести восковому кумиру? знала ли она о таинственной магической связи между восковымъ изображеніемъ и изображаемымъ? Страстные, восторженные призывы, обращенные къ бездушному подобію Протесилая, проникли къ нему самому; врата смерти сла-

бѣютъ передъ силою чаръ; царь подземныхъ отпускаетъ вызванную душу; Гермесъ провожаетъ ее обратно въ міръ живыхъ. Въ изступленіи діонисовой пляски Лаодамія упала, изнуренная, къ подножію своего кумира; внезапно предъ нею предсталъ самъ Протесилай, молодой и прекрасный, — какимъ онъ былъ, когда прощался съ нею, отправляясь въ роковой походъ. — Этотъ моментъ трагедіи изображенъ на знаменитомъ саркофагѣ, хранящемся въ церкви св. Клары въ Неаполѣ.

Ночь прошла; стало свѣтать. Къ терему Лаодаміи приближается служитель съ плодами для жертвоприношенія. Обыкновенно она бываетъ готова въ это время; теперь же все тихо, домъ молчитъ. Что̀ бы это могло значить? Онъ смотритъ сквозь щель—и въ ужасѣ отшатывается. Такъ вотъ она значитъ, эта прославленная вѣрность его молодой госпожи! вотъ зачѣмъ она такъ упорно отказывается отъ новаго брака! А впрочемъ, развѣ не всѣ женщины таковы? Съ проклятіями по адресу слабаго пола идетъ онъ разсказать царю Акасту о своемъ открытіи.

Приходитъ, въ изступленіи гнѣва, Акастъ. Онъ хочетъ вломиться въ спальню дочери, захватить на мѣстѣ преступленія ея любовника — но, прежде чѣмъ онъ могъ исполнить свою угрозу, дверь сама отворяется, изъ терема выходитъ, вмѣсто незнакомаго прелюбодѣя, его зять, Протесилай. Гнѣвъ смѣняется ужасомъ, ужасъ—новымъ гнѣвомъ. Зачѣмъ онъ здѣсь? Зачѣмъ простираетъ изъ мрака преисподней свои ненасытныя руки на ту, которой мѣсто еще долго среди живыхъ? Начинается споръ— странный, тягостный споръ: о правахъ жизни и правахъ смерти, о любви, побѣждающей адъ, и объ убогихъ разсчетахъ земного благополучія. На этотъ разъ побѣждаетъ жизнь: является вторично Гермесъ и напоминаетъ Протесилаю, что дарованное ему время прошло, что преисподняя ждетъ своего жителя. Протесилай исчезаетъ; Акастъ входитъ въ покои своей дочери.

Онъ застаетъ ее въ забытьи, обнимающей кумиръ мнимаго Діониса. Теперь причина происшедшаго для Акаста очевидна: эти притворныя вакхическія таинства, которыя, якобы для очищенія, справляла его дочь — это были чары, преступныя, нечестивыя чары, направленныя къ разрушенію преграды между жизнью и смертью, къ распространенію власти смерти надъ міромъ живыхъ. И этотъ восковой кумиръ Протесилая—главное орудіе этихъ чаръ, главное звено между его домомъ и обителью мертвыхъ. Но онъ разрушитъ это звено, онъ вернетъ свою дочь тому міру, который имѣетъ всѣ права на нее. По его приказанію сооружаютъ костеръ; онъ хватаетъ кумиръ. Тщетно сопро-

12*

тивляется Лаодамія, обвивъ руками единственный залогъ возвращенія своего мужа: „не выдамъ, хоть онъ и бездушенъ, моего друга!“ Его вырываютъ, съ нимъ—вѣнки и кимвалы и всѣ символы притворныхъ діонисій. Вотъ уже все охвачено пламенемъ; вторично смерть осѣняетъ Протесилая, и на этотъ разъ окончательно и безъ возврата. Да, Акастъ былъ правъ: восковой кумиръ былъ звеномъ между царствомъ смерти и его дочерью; теперь, охваченный смертью, онъ и ее увлекаетъ съ собою. Лаодамія, „еще украшенная символами вакхическихъ таинствъ“ [1]), бросается въ пламя, поглотившее ея друга; теперь они вновь соединились,—соединились навсегда.

VI.

Такова эта странная трагедія—одно изъ самыхъ безумныхъ твореній прихотливой музы Эврипида. Какъ видно съ перваго взгляда, поэтъ достигъ разнообразія и обилія дѣйствія тѣмъ, что соединилъ оба параллельныхъ мотива миѳа о Лаодаміи—исконный „мотивъ призрака“ и придуманный для его раціоналистическаго истолкованія „мотивъ статуи“. Отъ ихъ соединенія получился, путемъ своего рода творческаго синтеза, новый благодарный мотивъ—мотивъ чаръ. Магическое значеніе восковаго изображенія извѣстно изъ символическихъ обрядовъ греческаго любовнаго колдовства: такъ, Симета топитъ въ огнѣ восковое подобіе своего невѣрнаго жениха, чтобы заставить его испытать муки любви. Фикція вышла очень убѣдительной и еще болѣе эффектной.

Эффектной, да; но для кого? Насколько мы можемъ судить, современники Эврипида отнеслись холодно къ этой его трагедіи съ ея смѣсью небывалаго эротизма и романтической эсхатологіи; по крайней мѣрѣ, Аристофанъ, столь усердно высмѣивавшій всѣ сколько-нибудь замѣчательныя драмы этого антипатичнаго ему поэта, совершенно обходитъ своимъ вниманіемъ его „Протесилая“. Повидимому, Эврипидъ, создавая его, опередилъ настроеніе своихъ соотечественниковъ на добрыя полтора столѣтія: когда наступила эпоха александрійскаго романтизма, тогда только народилась публика, способная понять и оцѣнить эту трагедію.

Зато этой публикѣ она пришлась по вкусу цѣликомъ, какова она была. Мы знаемъ, что александрійскіе поэты подвергли миѳы старинной родины новой переоцѣнкѣ и переработкѣ, всюду вы-

---

[1]) Эту черту сохранилъ Филостратъ въ своихъ „Портретахъ“, II, 9.

двигая или вводя тѣ элементы, которые мы нынѣ называемъ романтическими; Лаодамію они быстро пріобщили къ каталогу своихъ любимицъ, но, сколько ни перерабатывали ее, ничего существенно новаго къ ея Эврипидовской фабулѣ прибавить не могли. Мы судимъ объ этомъ не столько по оригинальной александрійской поэзіи—отъ нея намъ ничего сюда относящагося не сохранилось,— сколько по ея подражательницѣ, римской поэзіи перваго вѣка до Р. Х.

Начнемъ съ *Катулла*. Говоря объ услугѣ, оказанной ему другомъ, — этотъ другъ предложилъ ему свой домъ для свиданій съ Лезбіей, — онъ вспоминаетъ схожую сцену изъ миѳологіи, а именно тайныя свиданія, до брака, Лаодаміи съ Протесилаемъ (68, 73 и сл.):

Такъ въ отдаленные дни, нетерпѣніемъ страсти пылая,
Въ Протесилая чертогъ Лаодамія вошла
Тщетно основанный, прежде чѣмъ кровью священной своею
Жертва могла обагрить вышнихъ владыкъ алтари.
Да не полюбится мнѣ, Немезида, суровая дѣва,
Дѣло, что нашихъ господъ волѣ перечитъ святой!
Жаждетъ голодный алтарь благочестія дани кровавой!
Это признать и ее опытъ лихой научилъ.
Вырвалъ несчастную рокъ изъ объятій желаннаго мужа
Прежде, чѣмъ въ сладкой цѣпи идя, зима за зимой
Нѣгою долгихъ ночей утолила любовную жажду,
И одинокая жизнь стала возможна для ней.

Роль Лаодаміи здѣсь чисто эпизодическая, а это, въ свою очередь, исключаетъ всякую возможность новаторства въ области миѳа о ней; врядъ-ли можно сомнѣваться, что Катуллъ слѣдуетъ здѣсь своему образцу, александрійской поэзіи. Даетъ ли она что-либо новое въ сравненіи съ Эврипидомъ? Одну маленькую, но интересную подробность. Очевидно, и нашъ неизвѣстный авторъ представлялъ себѣ участь Лаодаміи какъ кару: кара предполагаетъ прегрѣшеніе, но противъ кого? Эврипидъ, поставившій себѣ тотъ же вопросъ, отвѣчалъ на него: противъ Афродиты; вотъ въ этомъ отношеніи нашъ поэтъ и разошелся съ нимъ... Позволю себѣ замѣтить—если бы кто нашелъ неяснымъ въ моемъ переводѣ отношеніе оборота: „прежде чѣмъ и т. д.“, — что я тутъ воспроизвожу намѣренную туманность самого подлинника: александрійскіе поэты, а съ ними и ихъ римскіе подражатели, требовали очень внимательнаго и вдумчиваго къ себѣ отношенія. Все же, при болѣе тщательномъ размышленіи, становится несомнѣннымъ, что поэтъ хотѣлъ сказать слѣдующее: вина Лаодаміи заключалась въ томъ, что она, не дожидаясь свадьбы съ

ея жертвоприношеніями, ускорила свое счастье тайными свиданіями съ Протесилаемъ въ его неоконченномъ домѣ. Этимъ она возбудила противъ себя гнѣвъ—не Афродиты, конечно, которую бракъ, какъ таковой, не интересовалъ, а строгой покровительницы этого учрежденія, Геры. Свадебныя жертвоприношенія имѣютъ цѣлью расположить эту богиню въ пользу брачущихся; въ нашемъ случаѣ Гера, почувствовавъ себя оскорбленной, отомстила Лаодаміи тѣмъ, что разорвала ея бракъ тотчасъ послѣ его заключенія и предоставила молодую жену всѣмъ пыткамъ возбужденной, но неутоленной страсти... Въ этомъ послѣднемъ заключается, къ слову сказать, характерная особенность Катулловой версіи; мы не называемъ ее, однако, новшествомъ, такъ какъ считаемъ очень вѣроятнымъ, что она имѣлась уже у Эврипида.

Но причемъ здѣсь „тщетно основанный" (inceptam frustra) чертогъ Протесилая? Александрійскіе поэты любили намеки и писали для читателей, умѣющихъ ихъ понимать. Въ данномъ случаѣ намекъ обнаруживаетъ намъ и происхожденіе всей идеи оскорбленія Геры. Авторъ постарался вдуматься въ смыслъ Гомеровскихъ стиховъ о Протесилаѣ (выше, гл. III):

Тамъ онъ въ Филакѣ жену неутѣшной вдовою оставилъ
И полуконченный домъ...

Почему „полуконченный" (hêmitelês)? Конечно, отвѣтимъ мы, не въ томъ смыслѣ, что самое зданіе не было достроено, а либо въ болѣе широкомъ (младожены не успѣли вполнѣ устроиться), либо въ символическомъ (домъ, какъ семья, завершается рожденіемъ дѣтей). Но мы знаемъ въ то же время, что древніе иногда—напр. Лукіанъ—понимали нашъ оборотъ именно въ его прямомъ смыслѣ; и вотъ рождался дальнѣйшій вопросъ: какимъ образомъ домъ Протесилая могъ оказаться недостроеннымъ? Невѣсту вводили, разумѣется, въ готовый домъ жениха; итакъ, мы въ данномъ случаѣ имѣемъ фактическое ускореніе или предвареніе свадьбы... Отсюда—дальнѣйшее.

Современникомъ Катулла былъ малоизвѣстный поэтъ *Левій*, отъ поэмъ котораго намъ сохранились только заглавія да отрывки; среди нихъ была также посвященная нашему сюжету баллада подъ вычурнымъ заглавіемъ „Протесилаодамія". Это была, судя по отрывкамъ, настоящая баллада въ нашемъ смыслѣ слова, написанная короткими ямбическими стихами, точь-въ-точь какъ и сама „Ленора" или „Людмила"; переводя ея отрывки, я только риѳму прибавилъ отъ себя. Лаодамія тоскуетъ по пропавшемъ безъ вѣсти супругѣ; что онъ умеръ, этого она не знаетъ, и въ

ея душѣ со страхомъ за жизнь милаго борются и другія заботы:

„Затмилъ, боюсь, въ краю богатомъ
Красавицъ Иліона рой,
Сверкая жемчугомъ и златомъ,
Подруги память дорогой;
Его плѣнила чужестранка—
О, еслибъ ложенъ былъ мой страхъ!—
Краса Востока, сардіянка
Съ лидійской нѣгою въ очахъ!“

Съ этимъ мотивомъ мы до сихъ поръ еще не встрѣчались— и не встрѣтимся даже въ подробной психологической картинѣ, которую начертало перо Овидія; какъ это ни странно, но римскій поэтъ предварилъ имъ мысль новѣйшей баллады, и даже не столько „Леноры“, сколько „Людмилы“, которая именно съ нея и начинается:

„Гдѣ ты, милый? Что съ тобою?
Съ чужеземною красою,
Знать, въ далекой сторонѣ,
Измѣнилъ, невѣрный, мнѣ?“

Вѣроятно, и у Левіевой Лаодаміи ревнивыя опасенія уступили мѣсто болѣе реальному страху; мы этого не знаемъ. Какъ бы то ни было, но реальный страхъ оправдывается: получено извѣстіе о смерти Протесилая, и ея отецъ не намѣренъ долѣе ждать. Онъ пріискалъ для дочери новаго жениха; ея сопротивленія напрасны, справляется свадьба. Эта свадьба описывается подробно: тутъ и священнодѣйствія, и пиръ, и чествованіе боговъ, и веселіе смертныхъ:

И вдругъ смятенье, стукъ и грохотъ:
То ворвалась толпа шутовъ,
И льется пѣснь, и слышенъ хохотъ.
Шумитъ потокъ нескромныхъ словъ—

обычная приправа греческой и римской свадьбы, Fescennina jocatio. Наконецъ торжество кончилось, молодые уходятъ къ себѣ;

Вотъ надо всей землею сонной
Ужъ Ночь покровъ сомкнула свой,
И по природѣ утомленной
Разлился сладостный покой...

Чѣмъ-то зловѣщимъ вѣетъ отъ этой ночной тишины, смѣнившей шумный день; мы знаемъ этотъ мотивъ изъ „Леноры“:

До той поры, какъ ночь пришла,
И темный сводъ надъ нами
Усыпался звѣздами...
И вотъ какъ будто легкій скокъ
Коня въ тиши раздался...

Повидимому, и у римскаго поэта здѣсь слѣдовало появленіе призрака. Вопли уведенной насильно невѣсты достигли слуха ея любимаго, перваго мужа, нарушили его чуткій сонъ подъ покровомъ земли: онъ приходитъ къ ней—приходитъ за ней.

Вотъ какъ мы, руководясь отрывками и общими чертами фабулы, можемъ возстановить балладу Левія. Конечно, этихъ отрывковъ слишкомъ мало для того, чтобы мы могли ручаться за полноту нашей реконструкціи. О статуѣ Протесилая въ нихъ не упоминается вовсе; конечно, это могло быть дѣломъ случая, но, съ другой стороны, можно сослаться на то, что версія, очень схожая съ только-что возстановленной, предполагается въ краткомъ резюме́ Евстаѳія въ его комментаріи къ Иліадѣ (II, 315, 41 и сл.): „А другіе говорятъ, что Лаодамія, вслѣдствіе гнѣва Афродиты, и послѣ смерти Протесилая пылала любовью къ нему; по полученіи извѣстія о его гибели, она не только стала горевать о немъ, но и будучи заставляема отцомъ вступить во второй бракъ, не отказалась отъ своей любви; насильно заключенная, она все-таки проводила ночи съ мужемъ, предпочитая союзъ съ мертвымъ общенію съ живымъ, пока не умерла отъ тоски“.

О популярности нашего миѳа въ александрійскую и римскую эпоху свидѣтельствуетъ и краткій намекъ у *Проперція* (I, 19); но такъ какъ онъ никакой новой черты не прибавляетъ къ тому, что̀ намъ уже извѣстно, то мы, не останавливаясь на немъ, прямо переходимъ къ тому поэту, отъ котораго намъ осталось единственное цѣльное произведеніе, посвященное сюжету античной Леноры—къ *Овидію*.

VII.

„Лаодамія“ Овидія—не просто баллада: это баллада-посланіе. Она принадлежитъ къ циклу любовныхъ посланій миѳическихъ героинь, сохраненному намъ подъ двойнымъ заглавіемъ „epistulae“ или „heroides“, и занимаетъ въ немъ тринадцатое мѣсто. Общая всѣмъ поэмамъ этого цикла форма такова: героиня, по какой бы то ни было причинѣ разлученная со своимъ милымъ, пишетъ ему письмо. Понятно, что самый фактъ такого письма былъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ вымысломъ самого поэта; а потому и выборъ момента для него всецѣло зависѣлъ отъ него. Онъ выбиралъ его съ такимъ разсчетомъ, чтобы ему можно было ввести въ сочиняемое письмо какъ можно болѣе эффектнаго балладическаго матеріала; но иногда при этомъ встрѣчались особаго рода трудности, и между прочимъ въ нашемъ случаѣ. Соб-

ственно балладическій характеръ участь Лаодаміи принимаетъ лишь послѣ полученія извѣстія о смерти Протесилая; но именно тогда не было уже никакого основанія написать ему письмо. Онъ долженъ былъ, поэтому, избрать болѣе ранній моментъ; а если такъ, то трагедія Лаодаміи могла быть затронута лишь въ формѣ невольныхъ намековъ или предчувствій. Разумѣется, поэзія отъ этого ничуть не потеряла — совершенно напротивъ; исполненная зловѣщихъ чаяній, „Лаодамія" принадлежитъ къ лучшимъ поэмамъ всего цикла „Героинь".

Попытаемся, прежде всего, возстановить эпическую фабулу, предполагаемую нашимъ поэтомъ: зная объ его стремленьи съ возможной полнотой исчерпать эпическій матеріалъ, мы будемъ имѣть полное право исключить изъ этой фабулы все то, на чтò въ нашей балладѣ не встрѣтится никакого намека. А потому мы заключаемъ: ничего такого, чтò могло бы вызвать гнѣвъ боговъ, въ Овидіевой „Лаодаміи" не предполагается: ни упущеннаго жертвоприношенія, ни предваренной свадьбы въ полуготовомъ домѣ. Лаодамія вышла за Протесилая по всѣмъ правиламъ греческой обрядности; она живетъ царицей въ его домѣ — теперь, въ его отсутствіе, подъ властью его стараго отца, а своего свекра Ификла, въ ближайшемъ общеніи со своимъ отцомъ Акастомъ и своей матерью и почетно навѣщаемая женами филакійскихъ вельможъ. Правда, ея медовый мѣсяцъ съ молодымъ мужемъ былъ прерванъ въ самомъ началѣ: этотъ Эврипидовскій мотивъ мы должны предположить и у Овидія, хотя опредѣленнаго указанія на это нѣтъ. Этимъ объясняется та своеобразная чувственность, которою баллада проникнута; такъ и видно, что брачная жизнь еще не успѣла, говоря словами Катулла, —

Нѣгою долгихъ ночей утолить ея жажды любовной.

Она еще молода: этимъ объясняется наивность совѣтовъ, которые она даетъ своему мужу, наивность, усугубляемую въ нашемъ случаѣ контрастомъ. Вѣдь тотъ человѣкъ, которому она такъ настоятельно совѣтуетъ всячески беречь свою жизнь и видѣть свою единственную цѣль въ томъ, чтобы, уйдя отъ смерти, какъ можно скорѣе вернуться въ ея объятія—его знало преданіе какъ самаго храбраго и самоотверженнаго въ ахейскомъ войскѣ, какъ того, который не задумался идти на встрѣчу вѣрной смерти, чтобы, принеся себя въ жертву, обезпечить своей родинѣ успѣхъ на войнѣ.

Итакъ, Протесилай уплылъ отъ своей молодой жены послѣ первыхъ же дней ихъ брачной жизни; по уговору, онъ соединилъ свои силы съ прочимъ греческимъ флотомъ въ беотійской гавани

Авлидѣ, и здѣсь его съ прочими задержали неблагопріятные вѣтры. Объ этой задержкѣ узнала Лаодамія; и вотъ она пишетъ ему туда же, въ Авлиду. Это — избранный поэтомъ моментъ; все дальнѣйшее могло быть сообщено лишь въ видѣ чаяній и вѣщаній.

Протесилаю суждено погибнуть; въ этомъ сомнѣнія нѣтъ. Уже при его уходѣ изъ дому произошла пустая, но зловѣщая случайность: переступая черезъ порогъ, онъ задѣлъ его ногой. Лаодамія замѣтила это тревожное знаменье и поспѣшила, въ тихой молитвѣ, дать ему хорошее толкованіе. Но ея душа неспокойна, и она все-таки рѣшается написать мужу объ этой нехорошей примѣтѣ, чтобы онъ былъ остороженъ въ бою. Но это не все. Ее безпокоятъ сновидѣнія: она видитъ своего мужа по ночамъ съ грустнымъ выраженіемъ лица и слышитъ отъ него, вмѣсто ожидаемыхъ нѣжностей, однѣ только печальныя, зловѣщія слова. Да, онъ, несомнѣнно, погибнетъ, и мы знаемъ даже, какъ онъ погибнетъ: онъ будетъ убитъ, первымъ спрыгнувъ на троянскій берегъ. Вѣщаніе о томъ, что первый гость вражьей земли будетъ первой жертвой войны, уже распространилось въ греческомъ войскѣ; оно дошло и до Лаодаміи, и ей страшно, какъ бы оно не сбылось на ея мужѣ: съ наивной настойчивостью проситъ она его не гоняться за призракомъ пустой славы. Мы знаемъ также, отъ кого онъ погибнетъ: имя Гектора запало въ сердце его жены и наполняетъ ее безотчетнымъ страхомъ. Какъ она узнала о немъ? Это вполнѣ естественно: похищеніе Елены, ближайшій поводъ войны, было темой повсемѣстныхъ разговоровъ, всѣ интересовались личностью искусителя и его рѣчами; такъ и Лаодаміи было извѣстно, что онъ, въ виду предстоящей войны, особенно разсчитывалъ на помощь своего доблестнаго брата, перваго изъ троянскихъ богатырей.

Итакъ, Протесилаю суждено пасть отъ руки Гектора въ первой же схваткѣ на троянскомъ побережьи; какова же будетъ участь Лаодаміи? Какому мотиву отдастъ Овидій предпочтеніе— „мотиву статуи“ или „мотиву призрака“? Или, быть можетъ, онъ, подобно Эврипиду, комбинируетъ оба? — Несомнѣнно послѣднее; въ этомъ насъ убѣждаетъ конецъ посланія. Лаодамія говоритъ о восковомъ изображеніи, замѣняющемъ ей Протесилая; она описываетъ его въ странныхъ, загадочныхъ выраженіяхъ; видно, что душа обреченнаго уже наполовину переселилась въ его изваяніе. Правда, въ одномъ онъ расходится съ Эврипидомъ: у того Лаодамія велитъ изготовить себѣ изображеніе мужа уже послѣ того, какъ она узнала о его смерти. Но это уклоненіе было необходимо, если вообще Овидій дорожилъ этой чертой и

хотѣлъ упомянуть о ней. А съ другой стороны и „мотивъ призрака“ затронутъ въ послѣднихъ стихахъ, въ торжественномъ обѣтѣ молодой жены „послѣдовать спутницей за мужемъ, куда бы онъ ее ни позвалъ, случится ли то, чего она, увы, боится, или же онъ останется невредимъ“. Очевидно, сбудется первое: убитый, онъ придетъ за нею, и она вмѣстѣ съ нимъ покинетъ этотъ міръ. О возможности новой свадьбы не упоминается вовсе, изъ чего можно заключить, что источникъ Овидія ея не зналъ; повидимому, этимъ источникомъ былъ александрійскій поэтъ, который, слѣдуя вообще Эврипиду, упростилъ его фабулу, пожертвовавъ нѣкоторыми ея чертами.

Такова эпическая канва Овидіевой баллады; но читателя интересуетъ не столько она, сколько лирическіе узоры, которыми поэтъ ее разукрасилъ. Въ нихъ онъ и здѣсь проявилъ свое обычное мастерство. Передъ нами совершенно опредѣленный женскій типъ, отличный отъ другихъ, соединенныя характеристики которыхъ составляютъ нашъ сборникъ. Его формула можетъ быть выражена въ немногихъ словахъ: это—влюбленная молодая жена, счастье которой было прервано въ самомъ началѣ. Всѣ ея мечты направлены къ его возстановленію, всѣ ея чувства—волнующееся море между послѣднимъ поцѣлуемъ разлуки и первымъ поцѣлуемъ свиданія. Интересно прослѣдить, какъ во всѣ ея мысли вплетается алой лентой это представленіе любовной ласки. Она слышитъ о задержкѣ флота въ Авлидѣ — ей досадно, что даромъ пропадаютъ дни, отнятые у ея поцѣлуевъ; она завидуетъ троянкамъ, что онѣ, снаряжая мужей въ бой, будутъ и провожать, и встрѣчать ихъ лобзаніями; она со жгучей страстностью представляетъ себѣ сцену возвращенія своего мужа и заранѣе вкушаетъ тѣ ласки, которыми она намѣрена прерывать его разсказы о своихъ подвигахъ. Эти подвиги для нея ничуть не интересны,—она желаетъ, чтобы ихъ было меньше. Изъ всѣхъ ахейцевъ подъ Иліономъ только Менелай имѣетъ основаніе быть храбрымъ, такъ какъ только его въ осажденномъ городѣ ждетъ ласка уведенной жены. У другихъ нѣтъ повода совершать отважные подвиги, и менѣе всего у Протесилая. Ей больно при одной мысли, что любимый ею человѣкъ терпитъ невзгоды отъ жесткаго шлема или брони; совершенно отожествляя себя съ нимъ, она хочетъ по мѣрѣ возможности раздѣлить эти невзгоды. Представленіе же, что онъ можетъ получить рану, для нея прямо невыносимо: она чувствуетъ, въ силу того же отожествленія, что изъ этой его раны ея собственная кровь брызнетъ навстрѣчу обидчику.

Но эти цвѣты любовнаго счастья преждевременно поблекли и завяли; до нихъ заранѣе дотронулась холодная рука смерти, и мы вездѣ чувствуемъ ея леденящее прикосновеніе. Я уже говорилъ о тѣхъ предчувствіяхъ, которыми наполнена наша баллада; но я указалъ только на объективныя между ними, а между тѣмъ Лаодамія сама, точно влекомая роковой силой, ихъ увеличиваетъ своей неосторожностью. Тогда, когда съ ея мужемъ при его уходѣ случилось то маленькое несчастье, она хотѣла отозвать его, но во-время удержалась, зная, что отзываніе уходящаго какъ бы заранѣе обрекаетъ его путь на неудачу; и все-таки она, увлекаясь своими страхами вслѣдствіе задержки въ Авлидѣ, настоятельно проситъ мужа вернуться домой и слишкомъ поздно замѣчаетъ, что этимъ страстнымъ отзываніемъ она увеличиваетъ число дурныхъ примѣтъ. Любовь Менелая къ женѣ она съ его точки зрѣнія одобряетъ, но со своей—осуждаетъ: ей страшно при мысли объ ея послѣдствіяхъ; страхъ и здѣсь увлекаетъ ее, и она заранѣе скорбитъ о тѣхъ многихъ вдовахъ, которымъ придется оплакать его месть,—забывая, что говорить заранѣе объ этомъ вдовствѣ значитъ способствовать его осуществленію, и что вызванная ею злая сила скорѣе всего можетъ осуществить его на ней самой. Въ обоихъ случаяхъ она спохватывается—и этимъ лишь усиливаетъ тяжелое впечатлѣніе, производимое ея увлеченіемъ.

Таковы спеціальныя черты Овидіевой Лаодаміи; не останавливаясь на общихъ, свойственныхъ всему поэтическому стилю Овидія, позволю себѣ предложить читателю русскій переводъ его баллады—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, повторяю это, единственной дошедшей до насъ въ цѣльности поэтической обработки „античной Леноры“.

VIII.

Протесилаю привѣтъ шлетъ за море Лаодамія,
Сыну Θессаліи—дочь, милому мужу—жена.
Вѣтромъ лихимъ, говорятъ, ты задержанъ, въ Авлидѣ туманной;
Ахъ, какъ меня ты бросалъ, гдѣ былъ тотъ вѣтеръ лихой?
Вотъ бы когда разыграться вѣтровъ непокорныхъ потѣхѣ, -
Вотъ бы когда бурунамъ веселъ осилить напоръ!
Больше бъ тебѣ поцѣлуевъ, завѣтовъ дала я прощальныхъ...
Сколько тебѣ досказать я не успѣла тогда.

Разомъ не стало тебя, и умчалъ тебя вѣтеръ попутный,
Столь же желанный пловцамъ, сколь роковой для меня.
Во-время имъ онъ подулъ, но не во-время сердцу влюбленной;
Вмигъ изъ объятій моихъ мой былъ исторгнутъ супругъ.

Полныя ласки уста обрываютъ напутствія слово
И успѣваютъ едва грустнымъ закончить „прости!".
Пуще свѣжѣетъ Борей, надувается вдаль устремленный
Парусъ... ахъ, какъ ужъ далекъ Протесилай отъ меня!
Все я, покуда могла, на тебя наглядѣться старалась,
Спутникомъ взоръ мой твоихъ былъ неотступнымъ очей.
Вскорѣ исчезъ ты, вдали только парусъ бѣлѣлъ одинокій—
О, мой тоскующій взглядъ долго приковывалъ онъ.
Но когда скрылся въ туманѣ и ты, и твой парусъ летучій,
И ужъ пустыни ничто не оживляло морской,
Скрылся и свѣтъ для меня; окруженная мракомъ внезапнымъ,
Чувствъ я лишилась и ницъ скошенной пала лозой,
И лишь съ трудомъ меня свекоръ Ификлъ и Акастъ престарѣлый
И горемычная мать жизни могли возвратить.

О, они любятъ меня, но напрасенъ былъ трудъ ихъ усердный;
Жаль мнѣ, что въ горѣ такомъ я умереть не могла.
Чувства вернулись, но съ ними и жгучая мука вернулась,
Въ преданномъ сердцѣ я все горе познала любви.
Ужъ неохота мнѣ косу рабынѣ ввѣрять хлопотливой,
Ужъ неохота носить золотомъ шитую ткань.
Точно вакханка, копьемъ пораженная бога зеленымъ,
Взадъ и впередъ я, куда гонитъ безумье, несусь.
Тщетно съ укоромъ ко мнѣ филакійскія жены приходятъ.
„Сану приличный нарядъ, Лаодамія, надѣнь!"
Мнѣ ли багровыя ткани носить, когда тамъ, подъ стѣнами
Трои, быть можетъ, его кровію плащъ обагренъ?
Мнѣ ли убѳры, когда мѣдь шлема чело ему ранитъ?
Мнѣ ли обновы, когда грудь его давитъ броня?
Пусть я хоть этимъ, о мужъ мой, участвую въ вашихъ невзгодахъ,
Пусть я хоть скорбью своей время отмѣчу войны.

Сынъ недостойный Пріама, на горе отчизнѣ прекрасный,
Будь твоя храбрость въ бою вѣрности гостя чета!
Ахъ, и зачѣмъ тебѣ розы спартанки-красы полюбились?
Ликъ твой цвѣтущій зачѣмъ сердце спартанки плѣнилъ?
Ты жъ, Менелай, что такъ нѣжно о бѣглой супругѣ радѣешь—
Сколько заставишь ты вдовъ плакать о мести твоей!..
Что̀ я?... молю, отвратите несчастное знаменье, боги!
Дайте, чтобъ Зевсу Побѣдъ мужъ мой доспѣхи принесъ!

Ахъ, мнѣ такъ страшно, какъ вспомню про этотъ походъ безотрадный;
Слезы, что тающій снѣгъ, такъ и текутъ изъ очей.
Ксанѳъ—Симоэнтъ—Тенедосъ—Иліонъ—эта дикая Ида—
Звукъ ихъ именъ ужъ однихъ страхомъ мнѣ сердце щемитъ.
И не спроста онъ Елену увезъ. Разсчитавъ свои силы,
Зналъ ужъ злодѣй, что ее онъ безъ труда отстоитъ.
Златомъ обильнымъ сіяя, предсталъ передъ ней искуситель,—
Славу фригійскихъ богатствъ пышный нарядъ подтвердилъ—
И кораблями, и ратью могучій, успѣха залогомъ;
А вѣдь лишь малую часть силъ своихъ взялъ онъ съ собой.

Этимъ себѣ подчинилъ онъ и Ледииой дочери волю;
Этимъ онъ можетъ и вамъ тяжкій уронъ нанести.
Есть тамъ и Гекторъ какой-то; его я боюсь. Безпощадна,
Хвасталъ предатель, его въ сѣчѣ кровавой рука.
Къ Гектору этому ты—ужъ запомни, молю тебя, имя—
Не приближайся въ бою, если мила тебѣ я.
Гектора пылъ миновавъ, и съ другими ты будь остороженъ:
Мало ли городъ троянъ Гекторовъ можетъ таить?
И говори про себя передъ каждой ты битвы началомъ:
„Жизнь мнѣ велѣла беречь Лаодамія мою".
Если ужъ пасть суждено Иліону отъ рати аргосской,
То и безъ раны твоей гибель свершится его.
Пусть Менелай на враговъ устремляется съ бурной отвагой,
Онъ, что изъ города нѣдръ долженъ супругу добыть.
Поводъ иной у тебя; твоя цѣль—уберечься отъ смерти
И возвратиться скорѣй въ вѣрной объятья любви.
Васъ я молю, Дарданиды: его одного пощадите!
Изъ его раны моя брызнетъ навстрѣчу вамъ кровь.
Не для того онъ рожденъ, чтобъ мечомъ поражать обнаженнымъ,
Иль чтобъ удары враговъ грудью отважной встрѣчать;
Съ большимъ гораздо онъ пыломъ способенъ любить, чѣмъ сражаться.
Битвы другимъ суждены; Протесилаю—любовь.

Нынѣ признаюсь тебѣ: я хотѣла назадъ тебя кликнуть—
Знаменья лютаго страхъ заворожилъ мнѣ уста.
Помнишь,—когда выходилъ изъ дверей ты, въ походъ снаряжаясь,
Какъ невзначай ты порогъ, переступая, задѣлъ?
Стонъ издала я, увидѣвъ, и въ тихой молитвѣ шепнула:
„Пусть возвращенье его эта примѣта сулитъ!"
Въ этомъ тебѣ признаюсь, чтобъ не слишкомъ ты бодро сражался;
Пусть опасенья мои вѣтеръ развѣетъ скорѣй!
Есть, говорятъ, и вѣщанье: „Кто первый изъ рати данайской
Вражьей коснется земли, жертвой тотъ рока падетъ".
О, ты, бѣдняжка, что первой погибшаго мужа оплачешь!
Ты лишь, мой другъ, не плѣнись славою рвенья пустой.
Нѣтъ, если тысяча всѣхъ, пусть твое будетъ тысячнымъ судно,
Пусть утомленныхъ ужъ волнъ силу смиряетъ оно.
Помни еще: изъ него выходи ты послѣднимъ на берегъ.
Да и къ чему такъ спѣшить? Ждетъ не родной тебя край.
Вотъ какъ домой поплывешь—торопи и весломъ, и вѣтриломъ
Судно и рѣзвой стопой первымъ съ него соскочи!

Скрылся ли Фебъ за горой, съ высоты ль озаряетъ онъ землю—
Ты мнѣ и ночью глухой, ты мнѣ зазноба и днемъ...
Ночію болѣ, чѣмъ днемъ. Какъ сладко текутъ для влюбленной
Ночи часы, коей станъ друга обвила рука!
Я жъ на холодное ложе обманчивый сонъ призываю;
Нѣтъ на яву мнѣ утѣхъ; тѣшусь хоть грезой пустой.
Только зачѣмъ ты, мой другъ, такимъ блѣднымъ являешься милой?
Ахъ, и зачѣмъ твоя рѣчь дышетъ печалью такой?

Я просыпаюсь въ испугѣ, молюсь привидѣніямъ ночи,
Всѣхъ ѳессалійскихъ боговъ ладаномъ чту алтари.
Ладанъ дымится, и слезы текутъ, и отъ влаги горючей
Свѣтится какъ отъ вина вспышкой внезапной огонь...

Скоро ль прижмусь я къ тебѣ? Безконечно—пока сама радость
Сладкой истомой любви узъ не развяжетъ моихъ?
Скоро ль въ объятіяхъ друга, покоясь на ложѣ веселомъ,
Повѣсти буду внимать подвиговъ бранныхъ его?
Чудная будетъ то повѣсть!.. а все же пріятно намъ будетъ
И поцѣлуемъ прервать воспоминаній потокъ;
Это законный отдѣловъ конецъ, и живѣе польется,
Послѣ задержки такой, рѣчь о троянскихъ бояхъ...

Троя! Лишь вспомню о ней, мнѣ чудятся бури и волны,
Гаснетъ въ туманѣ заботъ свѣточъ надежды моей.
Что̀ бъ это значить могло, что вѣтрами походъ вашъ задержанъ?
О, я боюсь, что ему сила противится водъ.
Даже домой противъ воли вѣтровъ не рѣшаемся плыть мы;
Вы жъ противъ воли вѣтровъ изъ дому плыть собрались!
Самъ Посидонъ преграждаетъ вамъ путь въ свой излюбленный городъ;
Что же васъ гонитъ? Домой каждый вернитесь скорѣй!
Что̀ же васъ гонитъ, данайцы? Вѣтровъ повинуйтесь запрету!
Это не прихоть судьбы—гнѣвъ это бога на васъ.
Ради блудницы презрѣнной походъ вы такой снарядили!
Есть еще время: назадъ бѣгъ поверните, ладьи!..
Что̀ я? Назадъ васъ зову? Отвратите вы знаменье, боги!
Пусть ихъ по ровнымъ волнамъ ласковый вѣтеръ несетъ!

Счастливъ троянокъ удѣлъ. И своихъ многослезная гибель
Будетъ у нихъ на глазахъ, будетъ и врагъ недалекъ.
Тамъ на супруга лихого своею рукой молодая
Латы надѣнетъ, чело шлемомъ покроетъ его...
Латы надѣнетъ, свой трудъ облегчая лобзаніемъ нѣжнымъ;
Будетъ и ей, и ему служба такая сладка.
Въ бой провожая супруга, совѣтъ ему дастъ на прощанье:
„Помни доспѣхи свои Зевсу родному вернуть!“
Онъ же, въ душѣ затаивъ своей милой прощальное слово,
Будетъ сражаться умно съ мыслью о домѣ своемъ.
Та, по возвратѣ героя, и шлемъ съ него сниметъ, и латы...
Бѣлою грудью своей сниметъ усталость съ него...
Да, ея сладокъ удѣлъ. А насъ неизвѣстность замучитъ,
Всякой возможной бѣдѣ вѣрить заставитъ насъ страхъ.

Все же пока на чужбинѣ ты въ бранной работѣ томишься,
Образъ изъ воска твои мнѣ сохраняетъ черты.
Онъ моей ласки предметъ: онъ къ тебѣ обращенныя рѣчи
Слышитъ, объятья мои онъ получаетъ пока.
Вѣрь, не простой это воскъ. Въ немъ я тайную чувствую силу:
Даръ бы былъ слова—нашла бъ Протесилая я въ немъ.
Все на него я смотрю: точно къ мужу къ нему прислоняюсь;
Плачусь ему, точно рѣчь онъ понимаетъ мою...

Я же возвратомъ твоимъ и священною жизнью клянуся,
Пламенемъ общимъ сердецъ, брачныхъ святыней огней,
Друга главой, что сѣдою я нѣкогда видѣть желаю,
Друга главой, что обнять я съ нетерпѣніемъ жду—
Всюду, куда бъ ни позвалъ ты, на томъ ли, на этомъ ли свѣтѣ,
Я за тобой, мой супругъ, спутницей вѣрной пойду...
Нынѣ же краткимъ завѣтомъ свое я закончу посланье:
Если меня ты сберечь хочешь, себя береги!

IX.

Память о Протесилаѣ и Лаодаміи хранилась не только въ литературѣ: она была связана и съ культами, которые правились въ честь перваго изъ нихъ, какъ „героя" въ сакральномъ значеніи слова. Культъ героевъ, представляющій столько сходства съ культомъ святыхъ въ христіанской церкви, получилъ особое развитіе, благодаря религіи дельфійскаго Аполлона; благодаря ей вся Греція покрылась могилами героевъ, чествованіе которыхъ было религіознымъ долгомъ соотвѣтственныхъ общинъ; возникли и преданія о явленіи людямъ героевъ и совершаемыхъ ими чудесахъ. Ихъ представляли себѣ исполинскаго роста — десяти локтей и болѣе — и столь же сверхчеловѣческой красоты; они карали тѣхъ, кто имъ отказывалъ въ уваженіи, но и помогали вѣрующимъ, даруя имъ исцѣленія отъ болѣзней и вѣщанія объ ожидающей ихъ въ будущемъ судьбѣ.

Всѣ славные участники троянской войны имѣли свои культы, какъ герои, въ различныхъ частяхъ греческаго міра; имѣлъ таковой и Протесилай. Онъ имѣлъ даже два: одинъ на своей родинѣ, въ ѳессалійской Филакѣ, другой—въ ѳракійскомъ городѣ Элеунтѣ на Геллеспонтѣ, противъ троянскаго побережья. О первомъ упоминаетъ Пиндаръ: тамъ въ честь героя происходили конныя ристанія съ призами для побѣдителей. Въ Элеунтѣ находилась его могила, окруженная вязами; объ этихъ вязахъ ходило преданіе, что тѣ ихъ вѣтви, которыя были обращены къ Троѣ, рано теряли свои листья,—символъ безвременной смерти героя. Тамъ же находился и его храмъ съ прорицалищемъ, настолько богатый, что онъ соблазнилъ персидскаго намѣстника во время ухода персидскихъ войскъ послѣ платейскаго пораженія и былъ имъ разграбленъ. Это разсказываетъ Геродотъ; но еще болѣе, чѣмъ шесть вѣковъ спустя, поздній греческій писатель Филостратъ подробно говоритъ объ элеунтскомъ культѣ Протесилая въ своемъ діалогѣ подъ заглавіемъ „Heroicus". Одинъ финикіянинъ, высадившись въ Элеунтѣ, вступаетъ въ разговоръ

съ тамошнимъ виноградаремъ; послѣдній пользуется особымъ покровительствомъ героя Протесилая—„того еессалійскаго", какъ онъ поясняетъ, „мужа Лаодаміи,—это обозначеніе онъ особенно любитъ". Обо многомъ разспрашиваетъ его финикіянинъ, касающемся чудесной посмертной жизни его покровителя,—и мы съ удовольствіемъ читаемъ эту интересную религіозную идиллію, напоминающую помпеянскіе ландшафты, въ которыхъ прислоненный къ дереву тирсъ и привѣшенный кимвалъ напоминаютъ о присутствіи божества въ охраняемой имъ природѣ; съ тѣмъ бо̀льшимъ интересомъ читаемъ мы ее, что она написана уже въ эпоху борьбы язычества съ христіанствомъ, и то одухотвореніе и обоготвореніе прекрасной природы, которымъ она дышитъ, уже запечатлѣно печатью смерти. И вотъ, между прочимъ, гость винограадаря спрашиваетъ его о любви его героя къ Лаодаміи: какова она теперь? „Онъ любитъ ее, чужестранецъ,—отвѣчаетъ винограадарь, — и ею любимъ, и они живутъ другъ съ другомъ, какъ самые нѣжные молодые супруги".

Это—послѣднее, что мы слышимъ изъ древности о Протесилаѣ и Лаодаміи и объ ихъ любви, поборовшей смерть.

Ѳ. Зѣлинскій.

СВЯТОЙ

РОМАНЪ.

Antonio Fogazzaro. Il Santo. Romanzo. Milano, 1906.

VIII *).

Хозяинъ гостинницы въ Дженнэ, степенный человѣкъ въ очкахъ, почтительный, но безъ заискивающаго тона, знающій свѣтъ и людей, такъ какъ онъ побывалъ въ Америкѣ, но не зараженный испорченностью свѣта, говорилъ новоприбывшимъ о Бенедетто благосклонно, но съ дипломатической сдержанностью. Онъ не называлъ его святымъ, а просто „фра-Бенедетто“, и разсказалъ, что онъ живетъ въ принадлежащемъ ему, хозяину гостинницы, домикѣ, и за это обрабатываетъ маленькое поле, прилегающее къ домику. Желающіе видѣть его должны ждать до одиннадцати часовъ, такъ какъ теперь онъ коситъ траву. День свой онъ проводитъ слѣдующимъ образомъ: на зарѣ онъ ходитъ на раннюю службу въ церковь, затѣмъ работаетъ до одиннадцати. Ѣстъ онъ хлѣбъ, овощи, плоды и пьетъ только воду. Послѣ полудня онъ безвозмездно обрабатываетъ землю вдовъ и сиротъ. По вечерамъ, сидя у дверей, говоритъ о Богѣ.

Въ половинѣ одиннадцатаго, Сельва съ женой и Ноэми отправились осматривать мѣстную церковь святого Андрея, въ сопровожденіи жены хозяина, красивой, здоровой, очень опрятной, простой и веселой женщины. Выйдя на площадь изъ лабиринта переулковъ, окружавшихъ гостинницу, они увидѣли тамъ цѣлую толпу женщинъ—по словамъ хозяйки, все пришедшихъ изъ раз-

---

*) См. выше: февраль, стр. 654.

ныхъ окрестныхъ деревень. Она различала ихъ по юбкамъ и корсажамъ, по обуви.—Вотъ эти изъ Треви, эти изъ Филетино, тѣ изъ Валепіетро.—Хозяйка вошла въ булочную направо отъ церкви, куда дженнэнскія хозяйки отдавали печь свои пироги.

— Всѣ онѣ пришли къ нашему святому, — сказала она Маріи. Она говорила не „фра-Бенедетто“, какъ ея мужъ, а „святой“, но прибавила, покраснѣвъ, что зоветъ его такъ только въ его отсутствіе, потому что онъ сердится, когда его называютъ святымъ въ глаза.—Нельзя, конечно, сказать, что онъ дѣйствительно сердится — онъ святой и не знаетъ гнѣва, но скорбно проситъ, чтобъ его такъ не называли.

Они вошли въ большую, ветхую церковь, которая, по словамъ хозяйки, навѣрное рушится какъ-нибудь въ воскресенье и раздавитъ всѣхъ, какъ мышей. Въ церкви были только двое больныхъ и сопровождавшіе ихъ родные. Больныхъ положили на полъ, на самую середину церкви, подложивъ подушки подъ головы. Ихъ провожатые бормотали молитвы, стоя на колѣняхъ, и продолжали молиться, не поднимая глазъ на вошедшихъ.

— Они, вѣрно, ихъ привели для того, чтобы святой благословилъ ихъ,—сказала хозяйка тихимъ голосомъ,—но это очень огорчаетъ святого. Онъ не хочетъ исцѣлять. Они, быть можетъ, постараются коснуться тайкомъ его платья, но и это теперь трудно сдѣлать.

Стоявшіе на колѣняхъ прервали молитву, и одна изъ женщинъ подошла къ вошедшимъ и спросила: пробило ли уже одиннадцать часовъ? Марія сказала, что теперь три-четверти одиннадцатаго, и стала ее разспрашивать о больныхъ. Женщина ей отвѣтила, что молодой человѣкъ страдаетъ уже два года лихорадкой, а у его сестры—болѣзнь сердца. Они живутъ за нѣсколько часовъ отсюда, въ Арцинацо, и ихъ привезли на излеченіе къ святому. Одна женщина изъ Арцинацо, тоже страдающая болѣзнью сердца, излечилась нѣсколько дней тому назадъ только тѣмъ, что коснулась одежды святого. Марія и Ноэми вступили въ разговоръ съ больными. Дѣвушка говорила, что надѣется на исцѣленіе, но ея братъ, измученный лихорадкой, видимо согласился пріѣхать сюда только ради своей семьи и чтобъ испытать еще и это послѣднее средство. Онъ сильно страдалъ дорогой.

— По такой дорогѣ прямо угодишь въ загробный міръ,—говорилъ онъ.—Въ этомъ-то, вѣрно, и состоитъ исцѣленіе.

Женщина, стоявшая подлѣ него, вѣроятно его мать, разрыдалась, и стала его умолять, чтобъ онъ молился и взывалъ къ заступничеству Іисуса и Маріи. Ноэми съ сестрой отошли. Ихъ

позвалъ Джіованни на площадь, гдѣ начиналась стычка между женщинами и студентами, которые обогнали Сельва и двухъ сестеръ по дорогѣ въ Дженнэ. Студенты, вѣроятно, вздумали подшучивать надъ преклоненіемъ женщинъ передъ святымъ. Онѣ разозлились. На помощь къ нимъ вышли изъ булочной мѣстныя обывательницы. Съ другой стороны на площади показались два полицейскихъ. Ноэми и Марія подошли къ женщинамъ и стали ихъ успокаивать. Джіованни усовѣщивалъ студентовъ, которые смѣялись изъ озорства. Изъ церкви раздалось пѣніе, сначала тихое, потомъ, когда раскрылась дверь, болѣе громкое:

— Sancta Maria, ora pro nobis!

Изъ дверей церкви показались оба больныхъ. Дѣвушка шла выпрямившись, а брата ея несли на рукахъ; руки у него свисали, какъ у мертваго. Носившіе его тоже пѣли съ просвѣтленными лицами: „Sancta virgo virginum, ora pro nobis!“ На площади женщины опустились всѣ сразу на колѣни, подлѣ растерявшихся полицейскихъ. Студенты замолчали. Кавалькада мужчинъ и дамъ, выѣхавшая на площадь по дорогѣ для муловъ изъ Валь д'Аніена, остановилась. Марія сначала, а потомъ Ноэми, охваченныя общимъ порывомъ религіознаго возбужденія, тоже опустились на колѣни. Джіованни колебался. Онъ не раздѣлялъ вѣры этихъ людей. Ему казалось, что возить издалека на мулахъ больныхъ для того, чтобы какая-нибудь реликвія или какой-нибудь человѣкъ ихъ исцѣлялъ чудомъ, значитъ оскорблять Творца, одарившаго человѣка разумомъ. Но они поступали по внушенію искренней вѣры. Подъ грубой оболочкой невѣжества въ нихъ таилось то, чего лишены гордые умы—чутье къ скрытой истинѣ, которая и есть жизнь—таинственный лучъ, скрытый въ грудѣ неочищенныхъ минераловъ. Это была вѣра, безвинное заблужденіе, любовь, скорбь, видимая тайна среди болѣе высокихъ, недоступныхъ тайнъ вселенной. Казалось, что сама земля и большой печальный фасадъ церкви, и маленькіе грустные домики, окружавшіе площадь, чувствовали это и проникались благоговѣніемъ. Въ памяти Джіованни мелькнулъ образъ умершей женщины, близкой его сердцу; она тоже вѣрила во все это. Онъ почувствовалъ, какъ пробѣжалъ холодъ по его жиламъ, и невольно опустился на колѣни. Родные двухъ больныхъ прошли мимо него, громко взывая къ Мадоннѣ съ поднятыми вверхъ лицами. Стоявшія на колѣняхъ женщины поднялись и послѣдовали за шествіемъ. Въ это время нѣсколько женщинъ изъ Дженнэ громко повторяли: — Онъ этого не хочетъ, не хочетъ!

Одна изъ женщинъ объяснила Маріи, что святой проситъ

не приводить къ нему больныхъ. Но ихъ не слушали, и онѣ тоже пошли за другими изъ любопытства. Сельва съ женой, послѣ нѣкотораго колебанія, послѣдовали за Ноэми, возбужденной ожиданіемъ. За ними, на нѣкоторомъ разстояніи, чтобы показать, что они зрители, а не участники, шли студенты. Издали шествіе провожали два полицейскихъ, идя въ хвостѣ толпы, извивавшейся, какъ змѣя, промежъ старыхъ домовъ противъ церкви, то скрываясь за углами, то вновь показываясь между домами.

Шествіе направилось по темнымъ маленькимъ улицамъ, носящимъ громкія названія, и пришло въ другую часть деревни, самую бѣдную и жалкую. Тамъ, на каменистомъ скатѣ горы, прилѣпляясь къ утесамъ, стояла, какъ бы скользя внизъ между камнями, кучка лачугъ. Черныя маленькія окна глядѣли какъ глаза скелетовъ въ тишину глубокой, замкнутой среди горъ долины. Изъ дверей вели внизъ на камни разрушенныя лѣстницы—иногда только съ тремя-четырьмя ступеньками; нѣкоторыя совсѣмъ уже не имѣли ступенекъ. А внутренность домиковъ, куда можно было попасть только съ величайшими трудностями, представляла собой пещеры безъ свѣта и воздуха.

Въ одной изъ такихъ недоступныхъ пещеръ жилъ Бенедетто. Два потока толпы, разъединившейся во время спуска, сошлись у его открытой двери. Изъ пекарни, рядомъ, вышли женщины и сказали, что Бенедетто нѣтъ дома. Толпа, слѣдовавшая за больными, заволновалась; послышались громкія жалобы. Въ другомъ концѣ шествія, гдѣ не понимали причины раздавшихся сѣтованій, всѣ старались пробраться впередъ, узнать, въ чемъ дѣло. Не случилось ли несчастія съ больными? Три студента проталкивались впередъ, вызывая сердитые окрики женщинъ. Одна женщина изъ Дженнэ подала новую мысль:

— Несите несчастныхъ къ нему въ домъ!

— Да, да, въ домъ святого!—Люди ждали чудесъ отъ самыхъ стѣнъ, въ которыхъ жилъ святой, отъ пола, на который онъ ступалъ, отъ предметовъ, которыхъ онъ касался, пропитанныхъ его святостью. — На постель святого! На постель святого! — Больныхъ внесли въ домикъ и положили поперекъ постели святого. Волна людей хлынула въ пещеру, и всѣ стали молиться, опустившись на колѣни.

Это была настоящая пещера, съ высѣченными въ скалѣ стѣнами, съ землянымъ поломъ. Оконъ не было, но лучъ солнца, вошедшій сверху черезъ трубу, озарилъ небеснымъ пламенемъ камни очага, даже не покрытые золой. Постель была устлана коричневымъ одѣяломъ; у входа, на выступѣ скалы, высѣчено

было Распятіе. Въ одномъ углу стояло большое ведро воды — единственная роскошь въ пещерѣ, — глиняная зеленая чашка, графинъ и стаканъ. Нѣсколько книгъ лежали кучкой на продавленномъ соломенномъ стулѣ. На другомъ стулѣ стояла тарелка съ хлѣбомъ и бобами. Все свидѣтельствовало о крайней бѣдности, но на всемъ видна была забота о чистотѣ и порядкѣ.

Больной метался въ лихорадкѣ, жалуясь на холодъ, сырость и мракъ. Онъ говорилъ, что ему хуже и что его привезли сюда умирать. Родные умоляли его успокоиться и не терять надежды. Молоденькая сестра его, съ больнымъ сердцемъ, напротивъ того, почувствовала облегченіе черезъ минуту послѣ того, какъ ее уложили въ постель. Она вдругъ заявила, что совершенно здорова. Всѣ вокругъ нея стали плакать и смѣяться отъ радости и славить Господа. Ей цѣловали платье, какъ будто бы она сама стала святой; кто-то выбѣжалъ изъ пещеры и громко возвѣстилъ объ ея исцѣленіи стоявшимъ у входа. Раздались радостные голоса въ отвѣтъ; люди съ возбужденными лицами и жадными глазами старались проникнуть въ пещеру. Въ эту минуту кто-то спустившійся дальше внизъ, въ поискахъ за святымъ, крикнулъ издали: — Святой идетъ! Святой идетъ! — Тогда толпа снова хлынула изъ пещеры наружу; раздался гулъ шаговъ и голосовъ, и въ одну минуту все опустѣло вокругъ Джіованни и его дамъ и нѣсколькихъ студентовъ, остановившихся у порога хижины. Часть женщинъ изъ Дженнэ пошла обратно на работу въ пекарню, а часть осталась стоять у дверей. Марія стала ихъ разспрашивать: — Неужели все это пріѣзжіе? — спросила она про толпу, устремившуюся на встрѣчу святому. — „Да, почти всѣ они изъ Валепіетро. Лучше бы оттуда вмѣсто нихъ вода пришла“. — Чего же они хотятъ? Заманить къ себѣ святого? — „Да, объ этомъ поговариваютъ“. — Ну, а вы? — „Мы-то знаемъ, что онъ не уйдетъ. И кромѣ того“... — Но женщина не докончила фразы; ее позвали изнутри, и тамъ начался споръ. Джіованни и Марія вошли въ пещеру, взглянуть на чудесно исцѣленную. Ноэми осталась передъ дверью. Ей хотѣлось поскорѣе увидать Бенедетто. Сама не понимая, почему она такъ волнуется, она внутренно бранила себя за глупость, но не трогалась съ мѣста.

Внизу показались идущіе полемъ два человѣка въ одеждахъ бенедиктинцевъ. У одного изъ нихъ сверкалъ въ рукѣ желѣзный серпъ.

Услышавъ шумъ шаговъ и голосовъ сверху, Бенедетто съ улыбкой сказалъ своему спутнику: — Вы слышите, падре?

Донъ Клементій, придя въ Дженнэ, тотчасъ же пошелъ на

лугъ, гдѣ Бенедетто косилъ траву, и съ глубокой печалью передалъ ему требованіе настоятеля Св. Схоластики. Послѣ долгой бесѣды съ нимъ, онъ обѣщалъ ему поговорить съ тѣми, которые называютъ его святымъ. Онъ тоже слышалъ, какъ толпа, спускаясь внизъ съ горы, кричала:—„Святой! Святой!"—Когда Бенедетто съ улыбкой сказалъ ему: „Вы слышите, падре"?—онъ поблѣднѣлъ, сдѣлалъ утвердительный знакъ головой и прошелъ впередъ. Бенедетто положилъ серпъ, отошелъ нѣсколько въ сторону отъ дорожки и сѣлъ за большимъ камнемъ, подъ цвѣтущей яблонью, скрывавшей его отъ взоровъ приближающейся толпы. Донъ Клементій одинъ пошелъ ей навстрѣчу.

При видѣ его всѣ остановились. Потомъ раздались голоса: —„Это не онъ!"—Другіе добавляли:—„Онъ позади".

Изъ заднихъ рядовъ кричали:—„Идите впередъ, не останавливайтесь!" — И шествіе двинулось дальше.

Тогда донъ Клементій поднялъ руку и сказалъ:—Слушайте!

Обыкновенно онъ не могъ, не краснѣя, сказать два слова незнакомымъ людямъ; но на этотъ разъ онъ, напротивъ того, сильно поблѣднѣлъ. Его кроткій, тихій голосъ былъ едва слышенъ, но всѣмъ виденъ былъ его жестъ. Красивое, ясное лицо его и высокая фигура внушали почтеніе.

— Вы ищете Бенедетто, — началъ онъ, — и называете его святымъ. Этимъ вы глубоко огорчаете его. Онъ самъ сказалъ вамъ всѣмъ въ первый же день, когда пришелъ въ Дженнэ, что онъ грѣшникъ, которому Господь въ своей великой благости дозволилъ искупить свою вину покаяніемъ. Онъ хочетъ, чтобы я вамъ это подтвердилъ, и я вамъ говорю, что это—истина. Грѣхи его велики. Завтра онъ бы могъ снова пасть,—если бы на минуту повѣрилъ вамъ, когда вы его называете святымъ. Господь отвернулся бы тогда отъ него. Не зовите же его больше святымъ и, главное, не требуйте отъ него чудесъ.

— Падре!—прервалъ его торжественнымъ голосомъ высокій, худой старикъ съ орлинымъ профилемъ; онъ выступилъ впередъ и распростеръ руки.— Падре,—сказалъ онъ,—мы не просимъ чудесъ, ибо чудо уже совершилось. Больная женщина исцѣлилась, едва войдя въ домъ его. Мы громко утверждаемъ, что человѣкъ этотъ—святой, и тотъ, кто это отрицаетъ, заслуживаетъ быть вверженнымъ въ геенну огненную. Мы цѣлуемъ вамъ руки, падре, но не откажемся отъ нашихъ словъ.

— У него въ домѣ еще одинъ больной!—закричали десять-двадцать голосовъ.— Позовите святого! Приведите святого!

Позади, изъ группы студентовъ, тоже раздались возгласы:—

Подайте намъ сюда святого! Пусть онъ поговоритъ съ нами! Ихъ непочтительный тонъ вызвалъ протесты благочестиво настроенной толпы. Началась перебранка. Студенты все громче кричали:—Пусть говоритъ святой, долой патера!—Женщины въ отвѣтъ на это кричали студентамъ, чтобы они сами убирались поскорѣе, и сверху уже спѣшили полицейскіе на шумъ расходившейся толпы. Тогда Бенедетто поднялся и выступилъ впередъ.

При видѣ его раздался громкій крикъ радости. Сельва съ женой смотрѣли на него сверху, стоя у двери его хижины. Ноэми стремительно побѣжала внизъ. Толпа окружила Бенедетто, цѣловала его одежды. Многіе плакали, стоя на колѣняхъ. Ноэми, очутившаяся за студентами, рванулась впередъ и наконецъ взглянула въ лицо человѣку, котораго такъ жаждала видѣть.

Жанна показывала ей нѣсколько портретовъ его, говоря, что ни одинъ не удовлетворяетъ ее вполнѣ. На привлекательномъ лицѣ Пьеро Майрони Ноэми видѣла тѣнь скрытой печали; лицо Бенедетто, напротивъ того, сіяло внутренней радостью и силой. За два дня до того онъ сбрилъ себѣ бороду и остригъ волосы, услыхавъ, что какая-то женщина шопотомъ сказала: „Онъ прекрасенъ какъ Христосъ". Выраженіе духовной силы еще сильнѣе подчеркивалось рѣзкой линіей носа на похудѣвшемъ лицѣ и свѣтилось въ большихъ темныхъ глазахъ. Глаза его были полны неотразимаго обаянія. Они и теперь были грустные, но грусть эта была нѣжная, полная силы, спокойствія и мистической глубины. Стоя среди толпы, подъ бѣлой сѣнью цвѣтущей яблони, озаренный солнцемъ, окруженный движущимися тѣнями, онъ казался сошедшимъ съ картины стариннаго мастера. Ноэми застыла на мѣстѣ и чувствовала, что рыданія подступаютъ ей къ горлу. Около нея нѣсколько женщинъ плакали, потрясенныя однимъ его видомъ. Одна изъ нихъ, больная, уставшая, сидѣла на краю дороги и даже не могла видѣть съ своего мѣста святого; но и она плакала отъ волненія, сама не понимая причины своихъ слезъ. Пришли еще запоздалые странники, старикъ и три женщины изъ Валепьетро. Женщины, принявъ дона Клементія за Бенедетто, стали рыдать и кричать:—Какъ онъ прекрасенъ, какъ онъ прекрасенъ!

Тѣмъ временемъ подъ бѣлой сѣнью цвѣтущей яблони Бенедетто удалось грустными словами и мольбами дать отпоръ натиску возбужденной толпы и заставить ее подняться на ноги... Изъ группы студентовъ раздался крикъ:—Говорите!—Въ эту самую минуту съ высоты раздался звонъ колоколовъ въ Дженнэ,

возвѣщавшихъ наступленіе торжественнаго полуденнаго часа деревнѣ, пустынѣ, всѣмъ горамъ и облакамъ, тянувшимся на западъ. Бенедетто приложилъ палецъ къ губамъ, и все затихло— звучали только голоса колоколовъ. Онъ взглянулъ на дона Клементія, прося его о чемъ-то безъ словъ. Донъ Клементій выступилъ впередъ и сталъ читать „Agnus Domini". Бенедетто, сложивъ руки, повторялъ за нимъ каждое слово, и все время, пока звонили колокола, смотрѣлъ, не сводя глазъ, на юношу, который крикнулъ ему, чтобы онъ говорилъ. Глаза его были полны грусти и мистической кротости. Этотъ неописуемый взглядъ, торжественные звуки колоколовъ, дрожь травы, легкое движеніе цвѣтущихъ вѣтвей, колеблемыхъ вѣтромъ, выраженіе экстаза на столькихъ заплаканныхъ лицахъ—все это сливалось для Ноэми въ единое слово, которое волновало ее, не прорываясь наружу, какъ влечетъ къ себѣ душу слово, скрытое и подъ торжественными музыкальными аккордами. Колокола замолкли, и Бенедетто кротко сказалъ, обращаясь къ стоявшимъ передъ нимъ:

— Кто вы и что̀ произошло? Почему вы пришли ко мнѣ— точно я тотъ, кѣмъ не могу быть?

Ему отвѣтило нѣсколько голосовъ сразу, говоря о совершившемся чудѣ и о томъ, что его ждутъ въ такой-то и такой-то деревнѣ.

— Вы меня славите,—сказалъ онъ,—только потому, что вы слѣпы. Если эта дѣвушка исцѣлилась, то не я исцѣлилъ ее, а ея вѣра. Сила вѣры, которая подняла ее, лежащую, разлита въ мірѣ; она находится вездѣ и всегда—какъ сила страха, который вызываетъ дрожь и сваливаетъ съ ногъ. Это такая же сила души, какъ есть сила воды и сила огня. И поэтому, если больная исцѣлилась, возносите хвалу не мнѣ, а Богу, который создалъ въ своемъ мірѣ такую великую силу. Но слушайте дальше. Вы оскорбляете могущество Бога, если полагаете, что сила и доброта Его ярче видны въ чудесахъ. Во всемъ и всегда проявляется безконечная благость Господня. Трудно понять, какъ можетъ исцѣлить вѣра, но столь же непостижимо, какъ живутъ вотъ эти цвѣты. Могущество и доброта Господня не были бы менѣе велики, если бы больная не исцѣлилась. Молитесь объ исцѣленіи, но еще болѣе молитесь о томъ, чтобы постичь истину, о которой я вамъ говорю,—молитесь о томъ, чтобы вамъ дано было восхвалять волю Господню и тогда, когда она приноситъ вамъ смерть, а не только когда она приноситъ вамъ жизнь. Есть люди, которые полагаютъ, что не вѣрятъ въ Бога; но когда въ дома ихъ входятъ болѣзнь и смерть, они говорятъ: „это законъ при-

роды, и мы преклоняемъ передъ нимъ головы и принимаемъ его безропотно и продолжаемъ исполнять наши обязанности". Быть можетъ, эти люди пройдутъ въ царствіе небесное раньше васъ. Подумайте также о томъ, какихъ чудесъ вы требуете. Вы приходите, чтобы исцѣлиться отъ недуговъ тѣла, и хотите, чтобы я ради этого поѣхалъ въ ваши деревни. Но если у васъ будетъ вѣра, вы исцѣлитесь и безъ меня. Но вспомните, что вѣра ваша можетъ послужить вамъ для того, чтобы лучше слѣдовать волѣ Господней. Развѣ вы всѣ совершенно здоровы духомъ? Нѣтъ. Но безполезно имѣть здоровый мѣхъ, когда вино испорчено. Вы любите себя и свои семьи больше, чѣмъ истину, чѣмъ справедливость, чѣмъ законъ божескій. Вы всегда помните о томъ, что̀ нужно вамъ и вашимъ, но рѣдко думаете о томъ, въ чемъ нуждаются другіе. Вы думаете спастись, умножая молитвы,—но даже не умѣете молиться. Вы не думаете о томъ, что Господу нужно не изобиліе словъ, а тихая вѣра, направленная на исполненіе Его воли. И вы не знаете сами своихъ недуговъ,—какъ умирающій, который говоритъ: „я здоровъ". Быть можетъ, вы полагаете, что Господь не осудитъ за зло, сотворенное безъ умысла. Но Господь судитъ не такъ, какъ земные судьи. Человѣкъ, нечаянно принявшій ядъ, также погибнетъ отъ него, какъ тотъ, кто хотѣлъ отравиться. Безъ бѣлой одежды нельзя войти на пиръ Господень даже тому, кто не зналъ, что она нужна. Тотъ, кто любитъ себя превыше всего—все равно, знаетъ ли онъ, или не знаетъ свой грѣхъ—не войдетъ въ царствіе небесное, также какъ палецъ невѣсты, если онъ согнутъ въ суставѣ, не войдетъ въ кольцо жениха. Познайте недуги души вашей и молитесь объ исцѣленіи отъ нихъ. Обѣщаю вамъ именемъ Христа, что вы исцѣлитесь. Ваше тѣлесное исцѣленіе послужитъ на пользу вамъ, вашимъ домашнимъ, животнымъ и растеніямъ, о которыхъ вы печетесь. Исцѣленіе же души—вѣрьте мнѣ, даже если вы не понимаете этого—принесетъ пользу всѣмъ живымъ душамъ, колеблющимся между добромъ и зломъ, а также мертвымъ, которыя цѣной тяжкихъ страданій очищаются отъ грѣховъ,—также какъ побѣда одного солдата служитъ на пользу всему народу. Ваше духовное исцѣленіе послужитъ также на пользу ангеламъ, которые радуются исцѣленію каждой души. Радость укрѣпляетъ ихъ силу,—а какъ вы думаете, служитъ ли ихъ сила на пользу мраку или свѣту, смерти или жизни? Молитесь же съ вѣрой сначала объ исцѣленіи души, а потомъ объ исцѣленіи тѣла.

Съ крутого ската къ Бенедетто тянулись люди съ возбу-

жденными лицами. Тѣ, которые стояли выше, жадно глядѣли на него, потому что до нихъ доходили только звуки голоса, а не слова; лица ихъ были омочены слезами; болѣе близко стоявшіе были видимо поражены его рѣчью; нѣкоторые пришли въ экстазъ, другіе сомнѣвались. И у Ноэми текли слезы по блѣдному лицу. Студенты прекратили свои насмѣшки. Когда Бенедетто кончилъ, одинъ изъ студентовъ приблизился къ нему съ рѣшительнымъ серьезнымъ видомъ и собрался что-то сказать. Но въ это время старикъ воскликнулъ:

— Такъ исцѣли же наши души!

Этотъ крикъ подхватило нѣсколько взволнованныхъ голосовъ, а затѣмъ всѣ стоявшіе впереди, охваченные однимъ общимъ порывомъ, упали на колѣни и, протягивая руки съ мольбой, стали кричать:

— Исцѣли намъ душу!

Бенедетто бросился впередъ, хватаясь руками за голову, и воскликнулъ:

— Чтò вы опять дѣлаете? Чтò вы дѣлаете?

Вдругъ сверху раздался крикъ:

— Вотъ исцѣленная!

Дѣвушка, которая почувствовала себя здоровой, когда ее положили на постель святого, спускалась сверху, опираясь на руку своей старшей сестры; она искала Бенедетто. Толпа разступилась, пропуская обѣихъ женщинъ. Бенедетто, отчаявшись въ возможности заставить толпу подняться, опустился и самъ на колѣни. Тогда стоявшіе вокругъ него поднялись; присоединяясь къ взволнованнымъ крикамъ: „исцѣленная! исцѣленная!"—они заставили подняться того, кто, казалось, не слышалъ крика. „Вотъ исцѣленная!"—кричали ему всѣ, и глядѣли на него, думая, что онъ радъ совершившемуся чуду, и что это отразится на его лицѣ. Взоры всѣхъ кричали ему: „она ищетъ васъ—это вы ее исцѣлили!" Все, чтò онъ только-что говорилъ, было какъ бы забыто тотчасъ же.

Молодая дѣвушка спускалась, блѣдная и желтая въ лицѣ, какъ каменистая дорога, спаленная солнцемъ; она склонила грустное личико на плечо сестры. И у сестры было тоже печальное лицо. Толпа разступилась передъ ними. Бенедетто отошелъ въ сторону и сталъ за спиной дона Клементія; онъ сдѣлалъ это инстинктивно, но движеніе его показалось намѣреннымъ. Всѣ улыбались и заволновались въ ожиданіи новаго чуда. Сестры не стали на колѣни, но прошли мимо дона Клементія, даже не взглянувъ на него, затѣмъ обернулись къ Бенедетто, и старшая сказала ему увѣреннымъ тономъ:

— Святой человѣкъ, ты исцѣлилъ ее,—исцѣли же и другого больного!

Бенедетто отвѣтилъ тихимъ голосомъ, весь дрожа:

— Я не святой, я эту дѣвушку не исцѣлялъ, а за того, о комъ вы говорите, я могу только молиться.

Узнавъ, что другой больной, о которомъ онѣ говорили, былъ ихъ братъ, и что онъ лежитъ у него въ домикѣ, на его кровати, и сильно страдаетъ, Бенедетто сказалъ, обращаясь къ дону Клементію:

— Пойдемъ помочь ему, чѣмъ возможно.

И онъ направился къ дому вмѣстѣ со своимъ учителемъ. За ними шумно слились два потока раздѣлившейся толпы. Бенедетто обернулся, чтобы запретить слѣдовать за собой, и сказалъ женщинамъ, чтобы онѣ лучше позаботились о больной дѣвушкѣ. Ей не слѣдовало подниматься вверхъ на гору въ такую жару. Онъ велѣлъ отвести ее въ гостинницу, уложить въ постель, дать ей поѣсть и выпить вина. Слѣдовавшіе за нимъ остановились; стоявшіе впереди разступились, чтобы пропустить его. Студентъ, который уже раньше пытался заговорить съ нимъ, теперь почтительно подошелъ къ нему и спросилъ, могли ли бы онъ и нѣсколько друзей его поговорить потомъ съ нимъ наединѣ?

— Конечно,—отвѣтилъ Бенедетто очень рѣшительно и горячо. Ноэми, стоявшая тутъ же, тоже собралась съ духомъ и подошла къ нему.

— И я хотѣла попросить позволенія поговорить съ вами пять минутъ,—сказала она, краснѣя, по-французски. И вдругъ ей показалось, что не нужно было обращаться къ нему, какъ къ завѣдомо образованному человѣку, на чужомъ языкѣ. Этимъ она давала понять, что знаетъ его. Она повторила свою просьбу по-итальянски.

Донъ Клементій слегка пожалъ руку Бенедетто, который отвѣтилъ Ноэми вѣжливо, но нѣсколько сухо:

— Если хотите сдѣлать доброе дѣло, займитесь этой бѣдной дѣвушкой.

Сказавъ это, онъ прошелъ дальше.

Онъ вошелъ въ свою хижину одинъ съ дономъ Клементіемъ. Никто не пошелъ за нимъ туда. Старая женщина, мать больного, увидѣвъ его, бросилась ему въ ноги съ плачемъ, повторяя слова своей дочери:

— Это вы святой? Вы? Одну вы мнѣ спасли,—спасите и другого!

Въ первую минуту Бенедетто, при переходѣ отъ солнечнаго свѣта къ темнотѣ пещеры, ничего не могъ различить. Потомъ онъ увидѣлъ лежащаго на его постели человѣка, который съ трудомъ дышалъ, стоналъ, плакалъ, проклиналъ святыхъ, женщинъ, Дженнэ, свою злополучную долю. Стоя на колѣняхъ подлѣ него, Марія Сельва утирала ему платкомъ потъ со лба. Больше никого въ пещерѣ не было. Около ярко озареннаго входа—большое Распятіе, высѣченное въ желтоватой скалистой стѣнѣ, внушало въ эту минуту мысли о чемъ-то важномъ и таинственномъ.

— Надѣйтесь на милость Божію,—отвѣтилъ Бенедетто старухѣ кроткимъ голосомъ. Онъ подошелъ къ постели, наклонился надъ больнымъ и сталъ щупать его пульсъ. Старуха перестала рыдать, больной прекратилъ свои проклятія и стоны. Слышно было жужжаніе мошекъ на потухшемъ очагѣ.

— Послали вы за врачомъ?—тихо спросилъ Бенедетто.

Старуха опять стала рыдать.

— Исцѣлите вы его во имя Іисуса и Маріи!—умоляла она.

Больной опять застоналъ. Марія Сельва сказала вполголоса Бенедетто:

— Докторъ въ Субіакѣ. Синьоръ Сельва, котораго вы, быть можетъ, знаете, пошелъ въ аптеку. Я—его жена.

Въ эту минуту вернулся Джіованни, запыхавшись отъ быстрой ходьбы, и съ грустью сообщилъ о своей неудачѣ. Аптека была закрыта, аптекарь уѣхалъ. Онъ досталъ только у священника немного марсалы, и два господина, пріѣхавшіе изъ Рима съ большимъ запасомъ провизіи, дали ему коньяку и кофе. Бенедетто подозвалъ къ себѣ знакомъ дона Клементія и сказалъ ему на ухо, чтобы онъ послалъ за священникомъ, такъ какъ этотъ человѣкъ умираетъ. Онъ бы могъ самъ пойти позвать его, но ему было жалко бѣдной матери и не хотѣлось оставить ее одну. Донъ Клементій тихо вышелъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ хижины стояла компанія—три элегантныя дамы и четыре господина, пріѣхавшіе изъ Рима посмотрѣть на знаменитаго дженнэнскаго святого. Ихъ привелъ тотъ господинъ изъ Дженнэ, котораго Сельва видѣли по дорогѣ. Они о чемъ-то совѣтовались между собою. При видѣ бенедиктинца они стали быстро шептаться, и одинъ изъ нихъ, въ высшей степени изящный молодой человѣкъ, всунулъ монокль въ глазъ и направился къ дону Клементію. Дамы глядѣли на бенедиктинца съ восхищеніемъ, видимо жалѣя, что—какъ онѣ узнали отъ своего проводника—не онъ святой.

Молодой человѣкъ заявилъ, что всѣ они, въ особенности

дамы, желали бы поговорить со святымъ. Онъ прибавилъ съ самодовольной улыбкой, что себя самого не считаетъ достойнымъ принять участіе въ бесѣдѣ. Донъ Клементій торопливо отвѣтилъ имъ, что теперь невозможно видѣть Бенедетто, и пошелъ дальше. Молодой человѣкъ заявилъ дамамъ, что святого заперли теперь на ключъ, и не показываютъ никому.

Тѣмъ временемъ Бенедетто, котораго несчастная мать все умоляла, чтобы онъ не лечилъ сына ея лекарствами, а совершилъ чудо, старался поднять силы больного принесенными Джіованни Сельва укрѣпляющими средствами, и ободрялъ его ласковыми словами и обѣщаніями, что сейчасъ къ нему придутъ съ другими истинными словами утѣшенія. Его твердый, нѣжный и внушительный голосъ возымѣлъ чудодѣйственную силу. Больной продолжалъ тяжело дышать, еще стоналъ, но гнѣвъ его улегся. Мать, обезумѣвъ отъ надежды, шептала, сложивъ руки и заливаясь слезами:

— Чудо, чудо, чудо!

— Дорогой мой,—говорилъ Бенедетто,—ты теперь въ рукѣ Божіей, и она тебѣ кажется грозной. Но отдайся Его волѣ, и тебѣ станетъ легко и радостно. Рука Господня будетъ поддерживать тебя на волнахъ земной жизни, перенесетъ тебя на небо, перенесетъ, куда сама разсудитъ. Отдайся безъ размышленій. Когда ты былъ ребенкомъ и твоя мать носила тебя на рукахъ, ты не спрашивалъ, куда и зачѣмъ она тебя несетъ. Ты былъ у нея на рукахъ, тебя окружала ея любовь—и этого было достаточно тебѣ. Теперь то же самое. Я, который говорю съ тобой, совершилъ много дурного; можетъ быть, и ты сотворилъ злое въ своей жизни, и вспоминаешь объ этомъ? Плачь же на груди Отца, Который зоветъ тебя, Который готовъ простить тебя и забыть обо всемъ. Сейчасъ придетъ служитель Господень, и ты ему скажешь про все дурное, что̀ ты, быть можетъ, совершилъ; говори, какъ помнишь, безъ страха. А знаешь ли ты, что̀ будетъ съ тобой потомъ въ тайнѣ, которая откроется тебѣ? Знаешь ли, сколько любви, милости, радости—какая жизнь ожидаетъ тебя?

Борясь противъ призрака смерти, юноша устремилъ на Бенедетто взоръ, сверкавшій страстнымъ порывомъ и страхомъ, что онъ не сможетъ выразить, что̀ у него на душѣ. Онъ не понялъ словъ Бенедетто, думалъ, что долженъ исповѣдываться передъ нимъ, и началъ говорить о своихъ грѣхахъ. Мать, которая во время рѣчи Бенедетто бросилась на колѣни передъ скалистой стѣной и прижала губы къ Распятію въ ожиданіи чуда, вскочила при странномъ звукѣ голоса сына, бросилась къ постели,

все поняла и, воздѣвъ руки къ небу, громко крикнула въ порывѣ отчаянія. Бенедетто, въ ужасѣ отъ заблужденія больного, воскликнулъ:

— Нѣтъ, дорогой мой, не я—твой исповѣдникъ!

Но больной его не слышалъ, обвилъ его шею руками, привлекъ его къ себѣ и продолжалъ свою исповѣдь, въ то время, какъ Бенедетто повторялъ:

— Боже мой, Боже мой!

Онъ старался не слушать, но не имѣлъ жестокости оттолкнуть умирающаго. Онъ, дѣйствительно, ничего не слышалъ, да и трудно было различить что-нибудь—до того отрывисто, то съ большими промежутками, то захлебываясь отъ быстроты рѣчи, говорилъ больной. А священникъ все не приходилъ, и донъ Клементій тоже не возвращался! Извнѣ слышались шаги и голоса; отъ времени до времени разные люди съ любопытствомъ заглядывали во внутрь, но никто не входилъ. Рѣчь умирающаго превратилась въ безсвязный, тихій лепетъ, и наконецъ онъ совсѣмъ замолкъ.

— Есть тамъ кто-нибудь у входа?—кликнулъ Бенедетто.— Пойдите, пожалуйста, къ священнику, скажите, чтобы онъ поторопился.

Джіованни и Марія стояли около матери умирающаго; она была теперь внѣ себя. Скорбь смѣнилась у нея гнѣвомъ. Повѣривъ въ возможность чуда, она не хотѣла вѣрить теперь, что сынъ ея умираетъ совершенно естественно; она рыдала и кричала, что всему виной лекарства, которыя давалъ ему Бенедетто. Сельва объясняли ей, что больному не давали никакихъ лекарствъ. Марія обняла ее, стараясь утѣшить и обуздать ея неистовство. Она сдѣлала знакъ Джіованни, чтобъ онъ пошелъ къ священнику, и Джіованни быстро выбѣжалъ изъ хижины. Въ глазахъ умирающаго блеснула какая-то мольба. Бенедетто спросилъ его:

— Сынъ мой, ты хочешь причаститься?

Несчастный утвердительно кивнулъ головой и тихо, скорбно застоналъ. Бенедетто нѣсколько разъ нѣжно его обнялъ и поцѣловалъ.

— Христосъ мнѣ говоритъ,—сказалъ онъ,—что грѣхи твои тебѣ прощены, и что ты можешь уснуть съ миромъ.

Въ глазахъ юноши сверкнула радость.

Бенедетто подозвалъ мать, которая бросилась къ сыну. Въ эту минуту вошелъ, запыхаясь, донъ Клементій съ Джіованни и священникомъ.

Донъ Клементій засталъ священника въ ожесточенномъ спорѣ съ какимъ-то незнакомымъ ему патеромъ. По словамъ патера, фанатически возбужденная толпа собиралась понести на рукахъ въ церковь св. Андрея мнимо-исцѣленную, для того, чтобы отслужить благодарственный молебенъ. Долгъ священника, настоятеля церкви—по словамъ патера—воспрепятствовать такому святотатству. Исцѣленіе дѣвушки — если не обманъ, то, во всякомъ случаѣ, не дѣйствительный фактъ. Мнимый чудодѣй наговорилъ, къ тому же, кучу еретическихъ словъ о чудесахъ и о вѣчномъ спасеніи, говорилъ о вѣрѣ, какъ о силѣ природы, и критиковалъ Христа за исцѣленіе страждущихъ. Теперь онъ устраиваетъ второе чудо съ другимъ больнымъ. Необходимо положить этому конецъ.

„Легко сказать: положить конецъ! — подумалъ бѣдный священникъ, уже мысленно представляя себѣ кары, которыя посыплются на него изъ Рима.—Но какъ же положить этому конецъ?"

Появленіе дона Клементія, который вошелъ какъ-разъ на этомъ мѣстѣ разговора, обрадовало его.

„Онъ мнѣ поможетъ выпутаться", — подумалъ священникъ. Но оказалось, что донъ Клементій еще ухудшилъ положеніе дѣлъ. Услышавъ печальную вѣсть, которую онъ принесъ, патеръ воскликнулъ:

— Ну, что̀ я говорилъ? Вотъ чѣмъ кончаются чудеса. Но вы не можете войти со святыми дарами въ домъ этого еретика, прежде чѣмъ онъ не выйдетъ оттуда,—чтобы уже больше не возвращаться.

Донъ Клементій вспыхнулъ отъ гнѣва.

— Бенедетто не еретикъ,—сказалъ онъ,—а вѣрный слуга Господа.

— Такъ вы полагаете!—воскликнулъ патеръ.—И вы также?—прибавилъ онъ, обращаясь къ священнику.—Я знаю, что вы на его сторонѣ. Ну, такъ поступайте, какъ хотите. Я, во всякомъ случаѣ, не войду туда. Прощайте...

Онъ поклонился дону Клементію и, не прибавивъ больше ни слова, быстро вышелъ изъ комнаты.

— Что̀ же будетъ теперь? — воскликнулъ въ отчаяніи бѣдный священникъ.—Онъ ужасный человѣкъ, и, навѣрное, будетъ вредить мнѣ. Но я не хочу ослушаться воли Господней. Скажи ты, что̀ мнѣ дѣлать?

Священникъ, дѣйствительно, благоговѣлъ передъ волей Божіей, но вмѣстѣ съ тѣмъ испытывалъ и болѣе земной страхъ

передъ дономъ Клементіемъ, который, навѣрное, осудилъ бы его своей строгой совѣстью. Дона Клементія осѣнило внезапное рѣшеніе.

— Возьми святые дары,—сказалъ онъ,—и идемъ сейчасъ же со мной исповѣдывать бѣднаго юношу. Ты увидишь—еретикъ ли Бенедетто, или покорный слуга Господа.

Вошла служанка и сказала, что какой-то господинъ проситъ священника поторопиться, потому что больной умираетъ.

Донъ Клементій вошелъ, запыхавшись, въ хижину съ Джіованни и священникомъ. Онъ подозвалъ къ себѣ Бенедетто и сталъ говорить съ нимъ вполголоса у входа. Больной хрипѣлъ. Бенедетто слушалъ, опустивъ голову, печальный призывъ учителя къ подвигу святого смиренія. Ничего не отвѣтивъ, онъ опустился на колѣни передъ Распятіемъ, высѣченнымъ имъ самимъ въ скалѣ, жадно цѣловалъ Его страдальческія руки, чтобы вдохнуть въ себя духъ жертвы, любовь и силу жизни. Поднявшись, онъ ушелъ изъ своей хижины навсегда.

Солнце исчезло среди облаковъ, поднявшихся цѣлой стаей на сѣверной части неба, за деревней. Тамъ, гдѣ еще такъ недавно тѣснилась толпа людей, теперь было совсѣмъ пустынно. Изъ-за закрытыхъ дверей, однако, изъ-за угловъ домовъ выглядывали женщины. При появленіи Бенедетто, онѣ всѣ скрылись. Онъ почувствовалъ, что въ Дженнэ всѣ знали о томъ, что умираетъ человѣкъ, который пришелъ къ нему за исцѣленіемъ, и что теперь восторжествуютъ его противники. Донъ Клементій, его учитель и другъ, сказалъ ему, чтобы онъ сначала снялъ монашескую одежду, а затѣмъ ушелъ изъ своего дома и изъ Дженнэ. Съ грустью и съ любовью потребовалъ онъ этого у него.

Бенедетто почувствовалъ, что силы его слабѣютъ и отъ горечи нахлынувшихъ на него чувствъ, и отъ голода: онъ не успѣлъ съѣсть свою полуденную порцію хлѣба и бобовъ. У него потемнѣло въ глазахъ. Онъ сѣлъ на разрушенное крыльцо передъ закрытой дверью у входа въ узкій переулокъ. Глухой раскатъ грома раздался надъ его головой.

Немного отдохнувъ, онъ пришелъ въ себя. Онъ сталъ думать о человѣкѣ, который умиралъ съ любовью ко Христу, и опять сердце его наполнилось смиреніемъ. Онъ почувствовалъ угрызеніе совѣсти оттого, что забылъ на нѣсколько минутъ великій даръ Господень, что разлюбилъ крестъ, едва успѣвъ отвѣдать

радость, которую онъ приноситъ. Онъ закрылъ лицо руками и тихо заплакалъ... Вдругъ надъ его головой послышался легкій стукъ открывающагося окна, и что-то мягкое коснулось его головы. Онъ отнялъ руки отъ глазъ; у ногъ его лежалъ цвѣтокъ шиповника. Онъ вздрогнулъ. Уже въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ находилъ или вечеромъ, возвращаясь въ свою хижину, или утромъ, выходя изъ нея, цвѣты на порогѣ. Онъ ихъ никогда не бралъ себѣ, а только клалъ на камень, чтобы ихъ не растоптали, и не старался узнать, кто ихъ приносилъ. Цвѣтокъ шиповника, навѣрное, брошенъ былъ ему той же рукой. Онъ не поднялъ головы, не взялъ цвѣтка и не подалъ даже вида, что хочетъ его взять. Но онъ понималъ, что долженъ уйти послѣ этого, попытался встать, однако не могъ еще держаться на ногахъ—и медлилъ. Снова раздались раскаты грома, еще болѣе оглушительные. Тогда открылась дверь, и изъ нея вышла дѣвушка въ черномъ платьѣ, съ свѣтлыми волосами, бѣлая, какъ воскъ, въ лицѣ; ея голубые глаза были полны слезъ и выражали отчаяніе. Бенедетто невольно повернулъ голову и взглянулъ на дѣвушку. Онъ узналъ въ ней сельскую учительницу, которую видалъ въ домѣ священника, поклонился ей и хотѣлъ пройти мимо; но она бросилась къ нему съ крикомъ: — Выслушайте меня! — затѣмъ, отступивъ на шагъ, упала на колѣни и протянула къ нему съ мольбой руки, опустивъ голову на грудь.

Бенедетто остановился. Послѣ краткаго колебанія, онъ сказалъ строгимъ голосомъ:

— Что̀ вамъ отъ меня нужно?

Сдѣлалось почти темно. Только молнія отъ времени до времени слѣпила глаза, и раскаты грома наполняли гуломъ маленькій переулокъ и мѣшали говорить и слушать. Бенедетто прислонился къ стѣнѣ.

— Мнѣ сказали,—отвѣтила дѣвушка, не поднимая лица,— что вамъ, можетъ быть, придется уѣхать изъ Дженнэ. Одно ваше слово вернуло меня къ жизни, а съ вашимъ уходомъ жизнь кончится для меня. Повторите еще разъ это слово, скажите его только для меня.

— Какое слово?

— Вы стояли со священникомъ, а я была въ слѣдующей комнатѣ со служанкой, и дверь была открыта. Вы говорили, что человѣкъ, отрицающій Бога, вовсе тѣмъ самымъ не безбожникъ, заслуживающій вѣчной смерти, — если онъ отказывается признать Бога въ формѣ, не пріемлемой для его разума, и если

онъ любитъ истину, добро, любитъ людей и проявляетъ это на дѣлѣ.

Бенедетто молчалъ. Онъ это, конечно, сказалъ, но — обращаясь къ священнику и не зная, что его слушаютъ люди, быть можетъ не способные понять его. Она поняла причину его молчанія.

— Дѣло идетъ не обо мнѣ,—сказала она.—Я католичка. Я говорю о моемъ отцѣ, который такъ жилъ и такъ умеръ и... подумайте!—мою мать убѣдили теперь, что для души его нѣтъ спасенія.

Въ то время, какъ она говорила, начали капать крупныя капли дождя среди молніи и раскатовъ грома, образуя крупныя пятна на пыльной дорогѣ; поднялся сильный вѣтеръ. Но Бенедетто не вошелъ въ дверь, и она его не позвала, и это было съ ея стороны единственнымъ признаніемъ глубокаго чувства, скрывавшагося за мистической вѣрой и за любовью къ отцу.

— Скажите мнѣ, скажите мнѣ,—молила она, поднявъ, наконецъ, лицо,—что отецъ мой спасенъ, что я снова увижу его въ раю!

— Молитесь!—отвѣтилъ Бенедетто.

— Боже! больше вы ничего мнѣ не скажете?

— Развѣ можно обращаться за прощеніемъ къ тому, кто самъ не прощенъ? Молитесь.

— О, благодарю васъ. Вамъ нехорошо?

Послѣднія слова она проговорила такъ тихо, что Бенедетто могъ ихъ не услыхать. Онъ попрощался, сдѣлавъ ей знакъ рукой, и ушелъ подъ дождемъ, который смочилъ и толкнулъ въ грязь цвѣтокъ шиповника.

Изъ окна или, быть можетъ, изъ дверей гостинницы Ноэми, которая стояла тамъ съ дѣвушкой изъ Арцинацо, увидѣла проходившаго мимо Бенедетто. Она попросила у хозяина зонтикъ и пошла за нимъ, не обращая вниманія на дождь и вѣтеръ.

Она не могла смотрѣть безъ ужаса, какъ онъ идетъ съ непокрытой головой, безъ зонтика, и подумала, что не будь онъ „святой“, его бы можно было принять за сумасшедшаго. Выйдя на церковную площадь, она увидѣла, какъ справа открылась дверь въ одномъ домѣ и оттуда выглянулъ высокій, худой священникъ. Она думала, что онъ позоветъ Бенедетто къ себѣ, но ошиблась; напротивъ того, когда Бенедетто приблизился, онъ шумно и демонстративно захлопнулъ дверь.

Бенедетто вошелъ въ церковь, и Ноэми послѣдовала туда за нимъ. Онъ опустился на колѣни передъ большимъ алтаремъ; она остановилась около входа. Сакристанъ, который дремалъ, сидя на ступенькахъ одного изъ алтарей, услышалъ ихъ шаги, поднялся и направился навстрѣчу Бенедетто. Но онъ былъ сторонникъ церковныхъ властей и, узнавъ еретика, отвернулся отъ него; подойдя къ Ноэми, онъ спросилъ, не знаетъ ли она что-нибудь о больномъ юношѣ изъ Арцинацо, котораго утромъ носили въ церковь, гдѣ и она была среди другихъ. Онъ прибавилъ, что спрашиваетъ объ этомъ потому, что ему приказано ждать священника, который долженъ пойти со святыми дарами къ больному. Ноэми могла только сообщить, что больной умираетъ; больше она ничего не знала.

— Понимаю,—сказалъ сакристанъ, намѣренно возвысивъ голосъ.—Онъ, вѣрно, не хотѣлъ причащаться. Вотъ чѣмъ кончилось чудесное исцѣленіе! Хорошо еще, что Господь грозу послалъ, а то бы они понесли дѣвушку сюда въ церковь.

И онъ опять сѣлъ дремать на ступенькахъ алтаря.

Ноэми не рѣшалась поднять глаза на Бенедетто, охваченная страннымъ чувствомъ къ нему. Это не было ни увлеченіе, ни страстное чувство молодой учительницы. Она видѣла, какъ онъ пошатнулся, видимо не будучи въ силахъ подняться, ухватился рукой за ступеньку и потомъ съ трудомъ сѣлъ, и ей показалось, что онъ сильно страдаетъ. Она глядѣла на него, но занятая больше самой собой, чѣмъ имъ. Она была поражена наростающей внутренней перемѣной въ себѣ. Она чувствовала, что становилась другой, неузнаваемой для себя въ своемъ смутномъ и безсознательномъ пониманіи величайшей истины, которая сообщалась ей таинственными путями и вызывала страданія въ глубочайшихъ тайникахъ ея души. Религіозныя разсужденія ея шурина могли смутить ей умъ, но никогда не трогали ея сердца. Что̀ же случилось теперь? Что̀ онъ сказалъ въ концѣ концовъ, этотъ тощій человѣкъ? Но его взглядъ, его голосъ... и что-то еще другое, неизъяснимое... Можетъ быть, ее взволновало теперь какое-то предчувствіе. Но какое? Какъ знать? Предчувствіе будущей близости между нею и этимъ человѣкомъ? Она пошла за нимъ, вошла въ церковь, чтобы воспользоваться случаемъ и поговорить съ нимъ, а теперь ее вдругъ обуялъ страхъ. Говорить съ нимъ о Жаннѣ? А понимала ли его сама Жанна? Какъ она могла, любя его, не поддаться вліянію его духовной силы,—быть можетъ, тогда еще не проявлявшейся, но которую такая женщина, какъ Жанна, должна была чувствовать? Что̀ же

она въ немъ любила? Его менѣе высокія качества? Ноэми рѣшила, что если будетъ съ нимъ говорить, то не только о Жаннѣ, но и о религіи. Она спроситъ у него, въ чемъ заключается его личная вѣра. Но что, если онъ отвѣтитъ ей что-нибудь глупое, вульгарное? Это была главная причина, почему она боялась заговорить съ нимъ.

Сквозь разбитое стекло одного изъ оконъ хлынулъ дождь на полъ. Ноэми подумала, что никогда не забудетъ этотъ часъ, большую пустую церковь, потемнѣвшее небо, дождь, хлынувшій какъ слезы, Бенедетто, упавшаго на ступеньки алтаря и погруженнаго въ свои сокровенныя мысли, и даже его врага-сакристана, дремавшаго на ступенькахъ другого алтаря съ такой безцеремонностью, точно онъ мнилъ себя товарищемъ Господа Бога.

Прошло много времени, можетъ быть часъ, можетъ быть больше. Въ церкви стало свѣтлѣе; дождь прошелъ. Пробило четыре часа. Въ церковь вошелъ донъ Клементій, а за нимъ—Марія и Джіованни. Они обрадовались, увидавъ Ноэми, такъ какъ не знали, куда она дѣвалась. Поднялся съ мѣста и сакристанъ, который зналъ дона Клементія.

— Вы за святыми дарами?

— Нѣтъ. Больной умеръ. Слишкомъ поздно вспомнили о томъ, чтобы причастить его.

Донъ Клементій спросилъ, гдѣ Бенедетто, и Ноэми указала ему его. Сельва сказали, что Ноэми хотѣла бы побесѣдовать съ Бенедетто. Донъ Клементій покраснѣлъ, смутился, но не зналъ, какъ отказать, и пошелъ позвать Бенедетто.

Пока они говорили вдвоемъ, Джіованни и Марія разсказали Ноэми обо всемъ, что произошло. Съ той минуты, какъ вошелъ священникъ, больной уже не произнесъ ни слова. Не было возможности исповѣдывать его. Тѣмъ временемъ буря поднялась съ такой силой, такіе потоки дождя вливались въ хижину, что священникъ не могъ пойти за святымъ елеемъ. Думали, что больной проживетъ еще нѣсколько часовъ, но онъ умеръ уже въ три часа. Донъ Клементій и священникъ ушли, какъ только стихла гроза. Джіованни и Марія остались съ совершенно обезумѣвшей матерью умершаго, до прихода старшей дочери. Тогда и они ушли—искать Ноэми. Не найдя ее въ гостинницѣ, они направились въ церковь. На площади они встрѣтили дона Клементія. Марія была въ восторгѣ отъ Бенедетто, отъ его напутствія умиравшему юношѣ. Она возмущалась, какъ и ея мужъ, травлей, устроенной его врагами, которымъ теперь легко было возбудить противъ него весь народъ. Они осуждали безхарактер-

ность священника и были недовольны даже дономъ Клементіемъ. Не слѣдовало ему участвовать въ изгнаніи своего ученика. Вѣдь это онъ приказалъ ему уйти, когда явился священникъ. Первой ошибкой съ его стороны было то, что онъ взялъ на себя передать требованіе настоятеля.—Какое требованіе?—спросила Ноэми. —Услыхавъ,что у Бенедетто хотѣли отнять его монашеское платье, она гнѣвно воскликнула:—Онъ не долженъ повиноваться!

Тѣмъ временемъ Бенедетто и донъ Клементій направились къ выходу. Бенедетто остановился поодаль, а донъ Клементій подошелъ сказать Сельва и дамамъ, что съ Бенедетто хотятъ побесѣдовать еще и другіе, и они рѣшили назначить всѣмъ свиданіе въ домѣ одного знакомаго. Нужно было пойти предупредить его, и донъ Клементій сказалъ, что сходитъ туда съ Бенедетто и сейчасъ же вернется въ церковь за Сельва.

Знакомымъ Бенедетто оказался тотъ господинъ, котораго Сельва встрѣтили по дорогѣ въ Дженнэ, гдѣ онъ ждалъ герцогиню ди-Чивителла. Герцогиня пріѣхала съ двумя другими дамами и нѣсколькими кавалерами,—въ ихъ числѣ былъ одинъ журналистъ, тотъ изящный молодой человѣкъ съ моноклемъ, который хотѣлъ заговорить съ Бенедетто. Господинъ изъ Дженнэ былъ въ самомъ праздничномъ настроеніи, осчастливленный пріѣздомъ герцогини, и проявилъ герцогскую доброту и щедрость, обѣщавъ, въ отвѣтъ на просьбу дона Клементія, дать Бенедетто подержанный черный сюртукъ, черный галстухъ и шляпу.

Придя въ комнату, гдѣ для него была приготовлена одежда, Бенедетто снялъ монашеское платье и молча сталъ переодѣваться. Донъ Клементій, стоявшій у окна, не могъ удержать рыданій. Черезъ минуту Бенедетто тихо позвалъ его:

— Падре,—сказалъ онъ,—взгляните на меня!

Одѣтый въ новое платье, слишкомъ длинное и широкое, онъ улыбался со спокойнымъ лицомъ. Донъ Клементій схватилъ его руку и хотѣлъ поцѣловать ее; но Бенедетто быстро выдернулъ руку, широко раскрылъ объятія и прижалъ къ груди того, кто въ эту минуту казался младшимъ изъ нихъ двухъ, ученикомъ, кающимся носителемъ человѣческой власти, безсильной надъ этой божественно-свѣтлой душой. Они долго стояли обнявшись, не произнося ни слова.

— Я это сдѣлалъ ради тебя,—проговорилъ наконецъ донъ Клементій.—Я взялъ на себя позорное порученіе, чтобы увидѣть, какъ благость Господня еще ярче возсіяетъ въ этомъ твоемъ жалкомъ платьѣ, чѣмъ въ монашеской одеждѣ.

Бенедетто прервалъ его:

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказалъ онъ,—не искушайте меня. Поблагодаримъ, напротивъ того, Господа, который караетъ меня за мою самонадѣянность, за то, что когда вы мнѣ дали платье послушника въ монастырѣ Св. Схоластики, я вспомнилъ, что въ моемъ видѣніи я видѣлъ себя умирающимъ въ этомъ платьѣ и подумалъ съ гордостью, что я дѣйствительно избранникъ Господень. А теперь...

— Однако...—воскликнулъ донъ Клементій и остановился, весь вспыхнувъ въ лицѣ. Бенедетто понялъ его мысли: „вовсе не сказано, что ты не одѣнешь снова отнятое у тебя платье, что видѣніе не подтвердится“—вотъ чтò онъ подумалъ, но не хотѣлъ, вѣроятно, высказать свои мысли—отчасти изъ осторожности, отчасти потому, что ему тяжело было говорить о смерти своего ученика. Бенедетто улыбнулся и обнялъ его. Донъ Клементій поспѣшилъ заговорить о другомъ, сталъ извинять священника, который очень сожалѣлъ обо всемъ, чтò произошло. Ему очень не хотѣлось удалять Бенедетто, но онъ боялся высшаго духовенства.

— Я ему прощаю,—сказалъ Бенедетто,—и молю Господа, чтобы Онъ его простилъ. Но это малодушіе—зло нашей церкви. Служители ея готовы скорѣе нарушить волю Господню, чѣмъ идти противъ высшихъ церковныхъ властей. И они думаютъ разрѣшить конфликтъ тѣмъ, что ставятъ на мѣсто собственной совѣсти, т.-е. голоса Господня,—совѣсть своего начальства. Они не понимаютъ, что, дѣйствуя противъ добра, или воздерживаясь отъ борьбы со зломъ въ угоду высшему духовенству, они вредятъ церкви, пятнаютъ передъ всѣмъ свѣтомъ авторитетъ христіанской морали. Они не понимаютъ, что можно одновременно исполнять свой долгъ и передъ Богомъ, и передъ своимъ іерархическимъ начальствомъ, не поступая наперекоръ добру, не воздерживаясь отъ борьбы со зломъ, а только не судя высшее духовенство, повинуясь ему во всемъ, чтò не вредитъ добру и не служитъ злу, отдавая свою жизнь, но не свою совѣсть. Совѣстью никогда нельзя поступаться. Дѣйствуя такъ, какъ я говорю, низшій служитель церкви, отдавшій все, кромѣ своей совѣсти, становится чистымъ зерномъ соли земли, и тамъ, гдѣ соединятся много такихъ зеренъ, то, къ чему они пристанутъ, будетъ незыблемымъ, а къ чему они не пристанутъ,—падетъ испорченнымъ и сгнившимъ.

По мѣрѣ того, какъ Бенедетто говорилъ, онъ весь преображался. Произнеся послѣднія слова, онъ поднялся. Глаза его свер-

кали, на лбу его было сіяніе духа истины. Онъ положилъ руки на плечи дона Клементія.

— Учитель мой,—сказалъ онъ, и выраженіе лица его стало болѣе мягкимъ,—я оставляю хлѣбъ, кровъ и платье, которые мнѣ были даны церковью, но пока буду живъ, не перестану говорить объ истинѣ Христовой. Я ухожу—но не для того, чтобы молчать. Вы помните, что дали мнѣ читать письмо святого Петра Даміана проповѣднику-міряннну? Онъ проповѣдывалъ въ церкви. Я не буду проповѣдывать въ церквахъ, но если Христосъ захочетъ, чтобы я говорилъ въ лачугахъ,—буду говорить въ лачугахъ; если захочетъ, чтобы я говорилъ во дворцахъ,—буду говорить во дворцахъ; если захочетъ, чтобы я говорилъ на крышахъ,—буду говорить на крышахъ. Вспомните о человѣкѣ, который дѣйствовалъ во имя Христа. Ученики Христа хотѣли воспрепятствовать ему, а Христосъ сказалъ: „Пусть продолжаетъ свое дѣло". Такъ кому же повиноваться, ученикамъ или Христу?

— Для человѣка, о которомъ говорится въ евангеліи, выборъ былъ ясенъ, милый мой,—отвѣтилъ донъ Клементій.—Ты же можешь ошибиться относительно воли Христовой. Подумай объ этомъ.

Въ глубинѣ сердца донъ Клементій думалъ не то, но онъ сдерживалъ мятежный внутренній голосъ.

— Кромѣ того,—возразилъ Бенедетто,—я, кажется, изгнанъ не потому, что проповѣдывалъ народу. Я долженъ вамъ еще сказать кое о чемъ, чего вы не знаете. Во-первыхъ, что мнѣ было предложено здѣсь, въ Дженнэ, кѣмъ-то, кого я послѣ того ни разу больше не видѣлъ, вступить въ церковь и сдѣлаться миссіонеромъ. Я отвѣтилъ, что не чувствую къ этому призванія. А во-вторыхъ, вотъ что̀: въ первые дни послѣ пріѣзда въ Дженнэ, разсуждая о религіозныхъ вопросахъ со священникомъ, я ему говорилъ о жизненной силѣ католическаго ученія, о власти католическаго духа, который можетъ непрерывно измѣнять самое тѣло, безгранично увеличивая его силу и красоту. Вы знаете, отецъ мой, кто внушилъ мнѣ эти мысли черезъ ваше посредство. Священникъ, вѣроятно, говорилъ другимъ о моихъ разсужденіяхъ, которыя его очень заинтересовали. Черезъ день онъ меня спросилъ, не былъ ли я знакомъ въ Субіакѣ съ Сельва, и не читалъ ли я его книгъ. Онъ мнѣ сказалъ, что самъ ихъ не читалъ, но знаетъ, что читать ихъ не слѣдуетъ. Теперь, падре, вы все понимаете. Меня изгоняютъ изъ Дженнэ изъ-за синьора Сельва и изъ-за дружбы съ вами. Но я васъ люблю теперь еще сильнѣе. Я не знаю, куда теперь пойду, но куда бы меня ни

послалъ Господь, близко или далеко, — не забывайте меня, сохраните въ душѣ любовь ко мнѣ!

Говоря это взволнованнымъ отъ скорби и любви голосомъ, Бенедетто еще разъ обнялъ учителя, который тоже чувствовалъ наплывъ самыхъ различныхъ чувствъ, и не зналъ, просить ли прощенія у своего ученика, или предрекать ему истинную славу. Онъ только могъ сказать ему, задыхаясь:

— И я тебя прошу хранить въ душѣ память обо мнѣ.

Донъ Клементій собралъ въ узелъ скинутое ученикомъ платье, складывая его бережно и почти благоговѣйно. Онъ сказалъ Бенедетто, что не можетъ позвать его къ себѣ въ монастырь Св. Схоластики, что онъ думалъ просить Сельва взять его къ себѣ, но теперь не знаетъ, слѣдуетъ ли Бенедетто, въ интересахъ его апостольства, открыто становиться подъ покровительство синьора Сельва.

Бенедетто улыбнулся.

— Это все равно, — сказалъ онъ. — Неужели же слѣдуетъ больше бояться мрака, чѣмъ любить свѣтъ? Но я долженъ помолиться Господу, чтобы постичь, если смогу, Его волю. Можетъ быть, Онъ повелитъ одно, а можетъ быть — другое. А теперь я попросилъ бы прислать мнѣ немного пищи и вина. Я подкрѣплюсь, и тогда смогу принять желающихъ бесѣдовать со мной.

Донъ Клементій внутренно удивился тому, что Бенедетто попросилъ вина, но скрылъ свое удивленіе. Онъ сказалъ, что пошлетъ къ нему молодую дѣвушку, которая пришла съ Сельва. Бенедетто вопросительно взглянулъ на него. Онъ вспомнилъ, что когда эта дѣвушка, которую онъ снова увидѣлъ въ церкви, попросила у него удѣлить ей время для бесѣды, донъ Клементій незамѣтно стиснулъ ему руку, видимо предостерегая его. Донъ Клементій, сильно покраснѣвъ, объяснилъ ему, въ чемъ дѣло. Онъ видѣлъ эту молодую дѣвушку въ монастырѣ Св. Схоластики вмѣстѣ съ другой особой, и хотѣлъ поэтому предупредить Бенедетто при встрѣчѣ въ церкви. Но та особа была далеко.

— Мы больше не увидимся, — прибавилъ донъ Клементій. — Я пошлю тебѣ поѣсть и сообщу ожидающимъ тебя, что ты ихъ скоро примешь, а затѣмъ долженъ скорѣе вернуться въ монастырь.

Бенедетто такъ многозначительно сказалъ, что направится отсюда въ Субіакъ—или „въ другое мѣсто“, что донъ Клементій, прощаясь съ нимъ, шепнулъ:

— Ты думаешь о Римѣ?

Вмѣсто отвѣта, Бенедетто тихо взялъ у него изъ рукъ узелокъ съ монашескимъ платьемъ, которое ему дали, а потомъ отняли, прижалъ его дрожащими руками къ губамъ и долго не выпускалъ его изъ рукъ. Жалѣлъ ли онъ дни мирнаго труда, молитвъ и евангельской проповѣди? Или, быть можетъ, предвкушалъ часъ свѣтлаго торжества въ грядущемъ?

Онъ отдалъ узелокъ учителю.

— Прощайте!—сказалъ онъ.

Донъ Клементій быстро вышелъ изъ комнаты.

Въ комнатѣ, которую хозяинъ дома предоставилъ Бенедетто для пріема гостей, стоялъ большой диванъ, четырехугольный столъ, покрытый желтой скатертью съ голубыми разводами, неуклюжіе стулья, кресла, обитыя потрескавшейся черной кожею, изъ которой вылѣзала наружу набивка, два портрета предковъ въ парикахъ, въ почернѣвшихъ рамахъ, два окна; противъ одного была высокая сѣрая стѣна, а другое — открывалось на далекіе луга, на красивыя горы и небо. Бенедетто, прежде чѣмъ начать пріемъ, подошелъ къ окну и выглянулъ изъ него, чтобы попрощаться съ лугами, горами и всей этой бѣдной страной. Онъ почувствовалъ страшную усталость и прислонился къ подоконнику. Усталость эта была пріятная. Бенедетто не ощущалъ тяжести тѣла, и сердце его расплывалось отъ какого-то внутренняго счастья. Постепенно его мысли утрачивали опредѣленность. Его проникало чувство этой спокойной, невинной жизни вокругъ, капель, падающихъ съ крышъ, благоуханнаго воздуха, вѣющаго съ горъ. Въ памяти его воскресали далекіе часы его первой молодости, когда онъ еще былъ далекъ отъ мысли о женитьбѣ. Онъ вспомнилъ разсѣивающуюся грозу на высотахъ Вальсольды, на скатахъ Пьянъ-Бисканьо. Какая разница между его судьбой и жизнью его родителей двадцать-тридцать лѣтъ тому назадъ! Онъ вспомнилъ про нихъ, мысленно увидѣлъ передъ собою могилу отца съ надписью на могильной плитѣ, и глаза его наполнились слезами. Но тотчасъ же слабость смѣнилась приливомъ воли, протестующей противъ соблазна чувствительности.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—сказалъ онъ почти громко.

И чей-то голосъ за его спиной отвѣтилъ:

— Не хотите выслушать насъ?

Бенедетто съ удивленіемъ оглянулся. Передъ нимъ стояли три молодыхъ человѣка. Онъ не слышалъ, какъ они вошли.

Тотъ изъ нихъ, который казался старшимъ, красивый юноша высокаго роста, съ глазами, въ которыхъ виденъ былъ большой жизненный опытъ, смѣло спросилъ его, почему онъ снялъ монашеское платье? Бенедетто не отвѣтилъ.

— Вы не хотите сказать?—сказалъ онъ. — Все равно, послушайте. Мы — студенты римскаго университета, невѣрующіе. Это я вамъ говорю сейчасъ же совершенно откровенно. Каждый изъ насъ болѣе или менѣе пользуется своей молодостью; это я тоже сразу вамъ говорю.

Одинъ изъ товарищей дернулъ оратора за полу сюртука.

— Оставь меня! — сказалъ первый. — Да, одинъ изъ насъ мало вѣритъ въ святыхъ, но самъ—чистѣйшая душа. Здѣсь его нѣтъ передъ вами, какъ нѣтъ и другихъ, которые остались въ гостинницѣ и играютъ тамъ въ карты. Чистѣйшій не хотѣлъ идти съ нами. Онъ говоритъ, что найдетъ случай поговорить съ вами съ глазу на глазъ. Мы же таковы, какъ я вамъ сказалъ. Мы пріѣхали изъ Рима для того, чтобы проѣхаться и, если возможно, видѣть чудо. Но главная наша цѣль—повеселиться.

Товарищи прервали его и стали протестовать.

— Я говорю правду,—настаивалъ онъ. — Для того, чтобы веселиться. Простите, я искреннѣе другихъ. А между тѣмъ, наше веселье чуть не кончилось бѣдой. Мы сначала шутили, а потомъ чуть не подрались серьезно въ вашу честь. Но мы услышали вашу рѣчь, обращенную къ толпѣ. Чортъ возьми, сказали мы, это новыя слова въ устахъ священника или полусвященника; это какъ будто святой совсѣмъ другого сорта,—простите за откровенность. Мы тогда рѣшили поговорить съ вами. Вѣдь хотя мы скептики и любимъ веселиться, но все же живемъ духовной жизнью и религіозная истина насъ очень интересуетъ. Я, напримѣръ, собираюсь перейти въ нео-буддизмъ.

Товарищи его разсмѣялись; онъ обернулся къ нимъ и сердито сказалъ:

— Ну, да; конечно я не стану исполнять обряды буддистовъ, но буддизмъ интересуетъ меня больше, чѣмъ христіанство.

Начался споръ между тремя товарищами изъ-за этой неумѣстной выходки; перваго оратора оттѣснили, и его мѣсто занялъ второй, высокій, худощавый молодой человѣкъ въ очкахъ. Онъ говорилъ нервно, часто потряхивая головой и сильно жестикулируя. Онъ сказалъ, что между нимъ и его товарищами происходили частые споры о жизненности католицизма. Всѣ соглашались, что сила католицизма иссякла, и что конецъ его власти скоро наступитъ, если не произойдетъ радикальной реформы.

Въ возможность этой реформы нѣкоторые вѣрили, нѣкоторые не вѣрили. Имъ желательно было бы поэтому узнать мнѣніе столь выдающагося по уму и близкаго духу времени католика, какъ Бенедетто. Они ждали отъ него отвѣта на много вопросовъ.

Тутъ третій депутатъ студенческой группы счелъ, что пора выступить и ему, и оглушилъ Бенедетто цѣлымъ рядомъ несвязныхъ вопросовъ:

— Собирается ли онъ бороться за осуществленіе реформъ въ церкви? Вѣритъ ли онъ въ непогрѣшимость папы и соборовъ? Одобряетъ ли культъ Маріи и святыхъ въ той формѣ, какъ онъ теперь существуетъ? Принадлежитъ ли онъ къ христіанско-демократической партіи? Какую реформу онъ считаетъ желательной? Они видѣли въ Дженнэ Джіованни Сельва—такъ читалъ ли онъ его книги? Одобряетъ ли его ученіе? Согласенъ ли онъ съ тѣмъ, что кардиналамъ запрещается ходить пѣшкомъ, а священникамъ—ѣздить на велосипедѣ? Чтò онъ думаетъ о Библіи и о вдохновеніи?

Прежде, чѣмъ отвѣтить, Бенедетто долго и строго поглядѣлъ въ лицо допрашивавшему его юношѣ.

— Одинъ врачъ,—сказалъ онъ наконецъ,—славился тѣмъ, что умѣетъ лечить отъ всѣхъ болѣзней. Кто-то, не вѣрившій въ медицину, пошелъ къ нему изъ любопытства, и сталъ его разспрашивать о его способахъ леченія, о его работахъ, взглядахъ. Врачъ далъ ему говорить довольно долго, а потомъ взялъ его за руку и сталъ щупать пульсъ—вотъ такъ.

Бенедетто сталъ щупать пульсъ у перваго изъ говорившихъ съ нимъ студентовъ и продолжалъ:

— Врачъ молча подержалъ его пульсъ и потомъ сказалъ: „Другъ мой, у васъ болѣзнь сердца. Я это прочелъ на вашемъ лицѣ, а теперь слышу стукъ молотка, которымъ столяръ мастеритъ вамъ гробъ“.

Молодой студентъ, руку котораго Бенедетто держалъ въ своей, невольно вздрогнулъ.

— Это я не вамъ говорю,—сказалъ Бенедетто.—Такъ сказалъ врачъ тому, кто говорилъ, что не вѣритъ въ медицину. И врачъ этотъ продолжалъ, обращаясь къ вопрошавшему его: „Если вы пришли ко мнѣ для того, чтобы я вернулъ вамъ здоровье и жизнь, то я могу обѣщать вамъ и то, и другое. Но если не это цѣль вашего прихода, то у меня нѣтъ для васъ времени“. Тогда тотъ, который считалъ себя всегда здоровымъ, смутился, испугался и сказалъ: „Я отдаюсь вамъ въ руки,—дѣлайте, чтò хотите, чтобы только сохранить мнѣ жизнь“.

Студенты, пораженные неожиданнымъ отвѣтомъ Бенедетто, стояли въ смущеніи, а когда они пришли въ себя и хотѣли отвѣтить, Бенедетто продолжалъ:

— Если три слѣпыхъ будутъ просить, чтобы я далъ имъ мой свѣтильникъ истины,—что мнѣ имъ отвѣтить? Я отвѣчу имъ: научитесь сначала смотрѣть, а то если я вамъ теперь дамъ мой свѣтильникъ, вы не получите отъ него никакого свѣта и только испортите его.

— Неужели же, — сказалъ высокій студентъ въ очкахъ,— для того, чтобы видѣть вашъ свѣтильникъ истины, нужно закрыть окна и не пропускать свѣта солнца? Но я понимаю: вы просто не хотите бесѣдовать съ нами, принимая насъ за репортеровъ. Сегодня мы или, во всякомъ случаѣ, я не въ такихъ настроеніяхъ, какія были бы желательны вамъ. Можетъ быть, я слѣпъ, но я не хочу обращаться за свѣтомъ ни къ папѣ, — ни къ новому Лютеру. Но если вы пріѣдете въ Римъ, вы найдете молодежь, болѣе расположенную къ воспріятію вашихъ истинъ, чѣмъ я, чѣмъ мы всѣ. Пріѣзжайте, говорите и позвольте также и намъ послушать васъ. Теперь вы возбуждаете въ насъ только любопытство, а завтра—какъ знать? — можетъ быть, мы проникнемся и желаніями, которыя будутъ вамъ по душѣ. Пріѣзжайте къ намъ въ Римъ.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, ваше имя и адресъ,—сказалъ Бенедетто.

Студентъ далъ ему свою визитную карточку. Его звали Эліасъ Витербо. Бенедетто съ любопытствомъ взглянулъ на него.

— Да,—сказалъ онъ,—я еврей, но мои два товарища-католики—не болѣе христіане, чѣмъ я. У меня, впрочемъ, нѣтъ никакихъ религіозныхъ предразсудковъ.

Бесѣда кончилась. Уходя, самый молодой изъ трехъ студентовъ, тотъ, который закидалъ Бенедетто вопросами, попробовалъ еще разъ аттаковать его:

— Скажите, по крайней мѣрѣ, какъ по вашему, слѣдуетъ ли католикамъ участвовать въ политическихъ выборахъ?

Бенедетто молчалъ. Студентъ сталъ настаивать:

— Неужели вы не хотите отвѣтить хотъ на это?

— „Non expedit“,—сказалъ Бенедетто и улыбнулся.

Въ передней раздались шаги, затѣмъ два легкихъ стука въ дверь; вошли Сельва и Ноэми. Марія Сельва вошла первая и, увидавъ Бенедетто, ужаснулась—до того онъ показался ей жал-

кимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смѣшнымъ въ своей неуклюжей одеждѣ. Она покраснѣла, хотѣла выразить свое возмущеніе, но не находила словъ. У Ноэми выступили слезы на глазахъ. Всѣ четверо помолчали съ минуту, понимая другъ друга безъ словъ. Потомъ Джіованни крѣпко пожалъ руку Бенедетто, который казался ему возвышенно-прекраснымъ и въ своемъ смѣшномъ платьѣ.

— А все таки не носите этого платья!—воскликнула Марія, не столь мистически настроенная, какъ ея мужъ.

Бенедетто сдѣлалъ жестъ рукой, какъ бы прося не говорить объ этомъ, и взглянулъ на учителя, дона Клементія, съ выраженіемъ искренняго и глубокаго преклоненія.

— Знаете ли вы,—сказалъ онъ,— сколько истины и добра я обрѣлъ благодаря вамъ?

Джіованни не зналъ, что онъ оказалъ на Бенедетто такое сильное вліяніе черезъ посредство дона Клементія. Оказалось, что онъ читалъ всѣ его книги. Джіованни былъ тронутъ, и благодарилъ въ душѣ Бога за то, что ему дано было убѣдиться воочію въ принесенной имъ хоть отчасти пользѣ живой человѣческой душѣ.

— Какъ бы я былъ счастливъ,— продолжалъ Бенедетто,— если бы привелось тогда работать у васъ въ саду, видѣть и иногда слушать васъ.

При напоминаніи о томъ вечерѣ у Ноэми вырвался тоже невольный тихій возгласъ: она вспомнила въ свою очередь многое, о чемъ нельзя было теперь говорить. Джіованни воспользовался словами Бенедетто, чтобы предложить ему жить у нихъ въ домѣ, такъ какъ, по словамъ дона Клементія, онъ намѣревался покинуть Дженнэ въ тотъ же вечеръ. Они могли бы отправиться вмѣстѣ въ какое ему угодно время послѣ разговора, обѣщаннаго имъ невѣсткѣ Джіованни. Ноэми поблѣднѣла и устремила пристальный взоръ на Бенедетто, ожидая его отвѣта.

— Благодарю васъ, — сказалъ онъ послѣ короткаго размышленія. — Когда я постучусь въ вашу дверь, откройте мнѣ. Теперь я ничего больше не могу сказать.

Джіованни и Марія поднялись, чтобы уйти. Бенедетто попросилъ ихъ остаться, говоря, что у синьорины, навѣрное, нѣтъ секретовъ отъ нихъ обоихъ — или, во всякомъ случаѣ, отъ ея сестры. Но и эта попытка удержать Марію не удалась, такъ какъ Ноэми сказала, сильно при этомъ смущаясь, что рѣчь идетъ о чужой тайнѣ. Сельва ушли.

Бенедетто продолжалъ стоять и не попросилъ Ноэми сѣсть. Онъ зналъ, что передъ нимъ подруга Жанны, и предвидѣлъ, что разговоръ будетъ заключать въ себѣ порученіе отъ Жанны.

— Я слушаю васъ, синьорина,—сказалъ онъ.

Тонъ его былъ учтивый, но онъ ясно говорилъ: чѣмъ скорѣе все будетъ сказано, тѣмъ лучше.

Ноэми это ясно поняла. Если бы кто-нибудь другой такъ обошелся съ ней, она бы обидѣлась. Но отъ Бенедетто она готова была все перенести; въ его присутствіи на нее находило глубокое смиреніе.

— Мнѣ поручили спросить васъ,—сказала она,—извѣстно ли вамъ что-нибудь объ одномъ лицѣ, которое вы близко знали— и, кажется, очень любили. Имя его — не знаю, хорошо ли я его произношу, такъ какъ я не итальянка, а француженка,— донъ Джузеппе Флоресъ.

Бенедетто вздрогнулъ. Этого онъ не ожидалъ.

— Нѣтъ,—взволнованно отвѣтилъ онъ.—Я не имѣю никакихъ извѣстій о немъ.

Ноэми поглядѣла на него молча. Прежде чѣмъ продолжать говорить, ей хотѣлось попросить у него прощенія за боль, которую она ему причинитъ. Она тихо сказала грустнымъ голосомъ:

— Мнѣ поручили сообщить вамъ, что его уже нѣтъ въ живыхъ.

Бенедетто наклонилъ голову и закрылъ лицо руками. Донъ Джузеппе, великая, чистая душа, дорогое свѣтлое чело, дорогой добрый голосъ! Онъ тихо заплакалъ, но вдругъ ему показалось, что онъ слышитъ въ себѣ голосъ дона Джузеппе, который говоритъ ему: „развѣ ты не чувствуешь, что я здѣсь съ тобой, что я въ твоемъ сердцѣ?“

Ноэми, послѣ долгаго молчанія, проговорила:

— Простите меня. Мнѣ больно, что я причинила вамъ такую скорбь.

Бенедетто открылъ лицо.

— И скорбь, и не скорбь,—отвѣтилъ онъ.

Ноэми замолчала, преклоняясь передъ глубиной его чувствъ. Бенедетто спросилъ, — знаетъ ли она, когда произошла катастрофа? — Ноэми сказала, что, кажется, въ концѣ апрѣля. Она тогда была не въ Италіи, а въ Бельгіи, въ Брюгге, со своей подругой, которая получила тамъ это извѣстіе. Насколько она слышала отъ своей подруги, смерть этого человѣка—Ноэми изъ деликатности не повторила его имени, чтобы не усиливать скорбь Бенедетто,— была святая. Его бумаги, какъ ей поручено передать ему, ввѣрены мѣстному епископу.—Бенедетто сдѣлалъ знакъ одобренія, который могъ также означать конецъ ихъ бесѣды. Но Ноэми не двинулась съ мѣста.

— Я еще не кончила, — сказала она, и тотчасъ же заговорила дальше:

— У меня есть подруга католичка, — сказала она, — я не католичка, а протестантка. Она утратила вѣру въ Бога. Ей посовѣтовали заняться благотворительностью. Она живетъ съ братомъ, который относится враждебно къ религіи. Ему непріятно, что сестра вдругъ увлеклась благотворительностью и вошла въ сношенія съ людьми, занимающимися добрыми дѣлами изъ религіозныхъ побужденій. Теперь онъ боленъ, раздражителенъ, возмущается ханжествомъ благотворительницъ, не хочетъ, чтобы сестра его посѣщала дома бѣдняковъ, покровительствовала несчастнымъ дѣвушкамъ, заботилась о брошенныхъ дѣтяхъ. Онъ говоритъ, что все это затѣи клерикаловъ, утопическія мечты, что все происходитъ, какъ должно происходить, что нужно предоставить всему естественный ходъ, не вмѣшиваться въ жизнь низшихъ классовъ, такъ какъ этимъ только вбиваешь имъ въ голову ложныя и опасныя мысли. Такимъ образомъ, подругѣ моей приходится или лгать своему брату и дѣлать тайно то, что̀ дѣлала прежде открыто, или же разстаться съ нимъ. Ей очень нуженъ авторитетный совѣтъ, и она проситъ меня обратиться за нимъ къ вамъ. Она читала въ газетахъ, что вы помогаете совѣтомъ и дѣломъ здѣшнимъ горцамъ, и надѣется, что вы не отвѣтите отказомъ и ей.

— Если ея братъ, — отвѣтилъ Бенедетто, — боленъ тѣломъ и духомъ, то этимъ ей представляется случай творить добро у себя же въ домѣ. Неужели же ей сдѣлаться дурной сестрой, чтобы познать Бога? Пусть она прекратитъ занятія благотворительностью, пусть посвятитъ себя брату и исцѣлитъ его отъ недуговъ тѣлесныхъ и недуговъ духовныхъ, ухаживая за нимъ со всей любовью, какую...—Онъ хотѣлъ сказать—„какую питаетъ къ нему“,—но этими словами онъ далъ бы ясно понять, что знаетъ, о комъ идетъ рѣчь, и потому поправился: — на какую она способна; пусть привяжетъ его къ себѣ и побѣдитъ его постепенно, ничего не проповѣдуя, одной только добротой. И для нея самой будетъ хорошо, если она постарается воплотить въ себѣ идеалъ доброты, активную неутомимую и терпѣливую любовь. Она его навѣрное убѣдитъ постепенно, безъ всякихъ споровъ, что все, что̀ она дѣлаетъ — хорошо. Тогда она сможетъ снова вернуться къ дѣламъ благотворительности и будетъ въ нихъ болѣе самостоятельна. Теперь она работаетъ, исполняя данный ей совѣтъ, и, можетъ быть, не всегда дѣлаетъ именно то, что̀ слѣдуетъ. А тогда она будетъ дѣйствовать изъ привычки къ

добру, пріобрѣтенной ухаживаніемъ за больнымъ братомъ. И все будетъ ей лучше удаваться.

— Благодарю васъ,—сказала Ноэми,—благодарю отъ имени моей подруги, а также и отъ моего, такъ какъ я глубоко согласна со всѣмъ, чтò вы сказали. Могу я передать ваши совѣты отъ вашего имени?

Вопросъ этотъ казался излишнимъ, потому что за этими совѣтами она обратилась къ Бенедетто именно по порученію подруги. Но Бенедетто смутился. Ноэми просила у него теперь прямого порученія къ Жаннѣ.

— Чтò я такое? — сказалъ онъ. — Какой я авторитетъ? Скажите ей, что я буду молиться за нее.

Ноэми вся дрожала внутренно. Теперь такъ легко было бы заговорить о религіи,—а она не рѣшалась. Какъ упустить такой случай! Она чувствовала, что должна заговорить, но уже не было времени обдумать свои слова. Она сказала поэтому первое, чтò ей пришло въ голову.

— Простите, вы сказали, что будете молиться. Скажите— мнѣ такъ важно это знать,—раздѣляете вы религіозныя убѣжденія моего шурина?

Едва она предложила этотъ вопросъ, какъ онъ ей показался дерзкимъ и смѣшнымъ, и ей сдѣлалось страшно стыдно. Она поспѣшила прибавить, чувствуя, что говоритъ нѣчто еще болѣе глупое, и все-таки говоря это:

— Мой шуринъ католикъ, а я протестантка, и не знаю, слѣдовать ли мнѣ его ученію.

— Синьорина,—отвѣтилъ Бенедетто,—придетъ день, когда всѣ будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ, на вершинахъ. Теперь же еще нужно молиться Ему въ тѣни, въ глубинѣ долинъ. Многіе могутъ подняться, одни больше, другіе меньше, ввысь, къ истинѣ духа; многіе же не могутъ. Есть растенія, которыя за опредѣленной чертой уже не приносятъ плодовъ, и если ихъ перемѣстить еще выше, то погибаютъ. Было бы безуміемъ лишить ихъ благопріятныхъ для нихъ климатическихъ условій. Я васъ не знаю и не могу сказать, принесетъ ли ученіе синьора Сельва, если вы его воспримете безъ подготовки, хорошіе плоды. Я вамъ только совѣтую изучать католицизмъ при помощи вашего шурина, потому что нѣтъ ни одного убѣжденнаго протестанта, который бы хорошо его зналъ.

— Вы не пріѣдете въ Субіакъ?—робко спросила Ноэми.

Какая-то скрытая грусть прозвучала въ ея голосѣ и пробу-

дила въ сердцѣ Бенедетто странную сладостную боль, которая даже испугала его своей неожиданностью.

— Нѣтъ, сказалъ онъ,—не думаю.

Ноэми хотѣлось выразить сожалѣніе по этому поводу, и она произнесла нѣсколько несвязныхъ словъ.

Въ передней раздались голоса. Ноэми опустила голову, и Бенедетто тоже. Ихъ бесѣда кончилась.

Герцогиня тоже хотѣла поговорить съ Бенедетто. Она привела съ собой пріѣхавшихъ съ нею мужчинъ и дамъ. Уже немолодая, но очень изящная, полу-суевѣрная и полу-невѣрующая, эгоистка, но не безсердечная, она привязалась къ чахоточной дочери своего стараго кучера. Услыхавъ о дженнэнскомъ святомъ и его чудесахъ, она предприняла поѣздку къ нему отчасти для развлеченія, отчасти же изъ любопытства и чтобы рѣшить, слѣдуетъ ли призвать святого въ Римъ, или же только послать къ нему больную дѣвушку. Она была кузиной одного кардинала и знала одного изъ священниковъ, живущихъ въ Дженнэ. Но тотъ, встрѣтивъ ее, разсказалъ ей про святого по-своему и сообщилъ ей о крушеніи его славы. Герцогиня, однако, не довѣрилась его словамъ. Ей интересно было повидать человѣка со столь романтичнымъ прошлымъ. Любопытство ея раздѣляло все пріѣхавшее съ нею общество,—въ особенности одна изъ дамъ, которая рѣшила во что бы то ни стало познакомиться съ святымъ.

Съ герцогиней пріѣхала старая англійская аристократка, знаменитая своимъ богатствомъ, своими эксцентричными туалетами, своими теософскими убѣжденіями, платонически влюбленная въ папу и обожавшая также герцогиню, которая смѣялась надъ нею съ друзьями. Друзья эти, увидавъ Бенедетто въ его неуклюжей одеждѣ, стали перемигиваться и улыбаться и чуть не громко хохотать; старая англичанка заговорила раньше всѣхъ. Она сказала Бенедетто, на скверномъ французскомъ языкѣ, что обращается къ нему, зная, что онъ образованный человѣкъ; заявила, что она и ея друзья во всѣхъ странахъ Европы стремятся объединить всѣ христіанскія церкви подъ властью папы, устранивъ въ католицизмѣ то, что̀ въ немъ слишкомъ нелѣпо и что̀ всѣ внутренно считаютъ никуда негоднымъ, какъ, напримѣръ, безбрачіе духовенства и ученіе объ адѣ. Она сказала, что для достиженія этого нуженъ святой, и что этотъ святой именно онъ, такъ какъ нѣкій духъ—духъ Блаватской—возвѣстилъ объ этомъ ея пріятельницѣ-спиритѣ. Поэтому необходимо ему отправиться

въ Римъ. Тамъ онъ своею святостью окажетъ также большую услугу герцогинѣ ди-Чивителла, здѣсь присутствующей. Заканчивая свою рѣчь, она сказала:

— Мы васъ ждемъ всенепремѣнно. Бросьте эту жалкую дыру. Уходите отсюда скорѣе. Уходите!

Бенедетто быстро оглянулъ строгимъ взглядомъ всѣ лица вокругъ, насмѣшливыя или просто глупыя, начиная отъ герцогини съ ея лорнеткой и до журналиста съ моноклемъ, и отвѣтилъ:

— Я ухожу, сударыня.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты.

Онъ вышелъ изъ комнаты и изъ дома, прошелъ черезъ площадь, двигаясь съ трудомъ въ непривычномъ платьѣ, и вышелъ на дорогу, не глядя по сторонамъ, движимый силой духа болѣе, тѣмъ ослабѣвшими силами тѣла. Онъ думалъ провести ночь гдѣ-нибудь подъ деревомъ, а на слѣдующій день отправиться въ Субіакъ и оттуда, при помощи дона Клементія, въ Тиволи, гдѣ у него былъ знакомый старый священникъ, пріѣзжавшій иногда въ Св. Схоластику. О гостепріимномъ предложеніи Сельва, которое ему было бы очень пріятно принять, онъ рѣшилъ и не думать. Сердце его было чисто и спокойно, но онъ не могъ забыть, что грустный вопросъ чужой дѣвушки: „вы не пріѣдете въ Субіакъ?“—странно отозвался въ его сердцѣ, и что на минуту у него мелькнула мысль о Жаннѣ. Теперь онъ это чувство побѣдилъ, но у него осталось ощущеніе нѣкоторой неустойчивости, боязни, что его побѣда—не окончательная.

Вокругъ него было пустынно. Когда гроза разсѣялась, прибывшіе изъ Треви, Филетино, Валепіетро, отправились по домамъ, обсуждая событія утра, исцѣленіе дѣвушки, неудавшееся второе чудо и быстро распространившуюся въ народѣ вѣсть о томъ, что Бенедетто—еретикъ, злой искуситель, котораго слѣдуетъ остерегаться. Когда онъ выходилъ изъ деревни, нѣсколько женщинъ изъ Дженнэ увидали его, но, смущенныя его одеждой, подумали, что онъ отлученъ отъ церкви, и ни словомъ не остановили его.

Пройдя нѣсколько шаговъ дальше, онъ услышалъ, что его кто-то нагоняетъ. Онъ остановился, и къ нему подошелъ свѣтловолосый, худощавый юноша съ очень умными голубыми глазами.

— Вы направляетесь въ Римъ, синьоръ Майрони?—спросилъ онъ.

— Я попрошу васъ не называть меня такъ,—отвѣтилъ Бенедетто, очень недовольный тѣмъ, что узнали, кто онъ.—Не знаю, иду ли я въ Римъ.

— Я слѣдую за вами,—горячо сказалъ юноша.

— Слѣдуете за мной? Почему?

Юноша, вмѣсто отвѣта, взялъ его за руку и поднесъ ее къ губамъ, несмотря на сопротивленіе Бенедетто.

— Почему?—повторилъ онъ.—Потому что мнѣ все опротивѣло, и я нигдѣ не находилъ до сихъ поръ Бога, а сегодня, благодаря вамъ, я возродился для радости. Позвольте же мнѣ послѣдовать за вами.

— Дорогой мой,—отвѣтилъ Бенедетто, тронутый его словами,—я самъ не знаю, куда пойду.

Юноша сталъ его умолять, чтобы онъ сказалъ, гдѣ онъ его можетъ снова увидѣть; а такъ какъ Бенедетто, дѣйствительно, не зналъ, что̀ отвѣтить, то онъ воскликнулъ:

— Я увижу васъ въ Римѣ. Вы будете навѣрное въ Римѣ.

Бенедетто улыбнулся.

— Въ Римѣ? А гдѣ же вы найдете меня въ Римѣ, если я тамъ буду?

Юноша отвѣтилъ, что въ Римѣ навѣрное будутъ о немъ говорить, и что всѣ будутъ знать, гдѣ онъ.

— На все воля Господня, — отвѣтилъ Бенедетто, ласково кивая головой на прощанье. Юноша еще на минуту удержалъ его за руку.

— Я тоже родомъ изъ Ломбардіи,—сказалъ онъ.—Я изъ Милана; фамилія моя Альберти. Не забудьте меня.

И онъ слѣдилъ за Бенедетто напряженнымъ взглядомъ, пока тотъ не исчезъ на поворотѣ дороги.

Дойдя до большого Распятія на краю спуска, Бенедетто долженъ былъ остановиться отъ охватившаго его внезапно волненія. Когда онъ опять пустился въ путь, у него закружилась голова. Онъ, шатаясь, сошелъ съ дороги, чтобы не заграждать путь прохожимъ, и, вступивъ на лугъ, упалъ на траву. Онъ закрылъ глаза и почувствовалъ, что это не проходящее недомоганіе, а нѣчто болѣе серьезное. Онъ не потерялъ всецѣло сознанія, но утратилъ слухъ, осязаніе, память и сознаніе времени.

Когда онъ пришелъ въ себя, то ощущеніе непривычной одежды сопровождалось у него страннымъ, не мучительнымъ, а скорѣе почти пріятнымъ любопытствомъ относительно себя самого. Онъ продолжалъ ощупывать себѣ грудь, пуговицы, и ничего не понималъ. Онъ сталъ припоминать, что̀ собственно произошло. Въ это время мимо него прошелъ мальчикъ изъ Дженне

и помчался, сломя голову, домой, чтобы сказать, что святой лежитъ мертвымъ на травѣ подлѣ Распятія.

Бенедетто сталъ думать съ тѣмъ смутнымъ сознаніемъ, которое является во снѣ въ моментъ пробужденія. На немъ было не его платье, а платье Пьеро Майрони. Значитъ, онъ еще Пьеро Майрони? Это его привело въ ужасъ, и онъ пришелъ въ себя. Онъ приподнялся и оглянулся на зелень луга, на горы, подернутыя вечерними тѣнями. При видѣ большого Распятія, къ нему окончательно вернулось сознаніе. Онъ чувствовалъ себя очень плохо, попытался встать на ноги, но это ему стоило большого труда. Онъ вышелъ на дорогу, спрашивая себя, что̀ ему дѣлать въ такомъ состояніи. Въ эту минуту онъ увидѣлъ, что по дорогѣ бѣжитъ изъ Дженнэ женщина; она остановилась передъ нимъ и воскликнула: „Боже, это онъ!“ Бенедетто узналъ голосъ дѣвушки, говорившей съ нимъ такъ взволнованно среди блеска молній и раскатовъ грома. Изъ всѣхъ слышавшихъ въ Дженнэ разсказъ мальчика она одна пришла къ нему. Другіе не повѣрили, или не хотѣли вѣрить. Она же прибѣжала, обезумѣвъ отъ тревоги. Она остановилась въ двухъ шагахъ отъ него и не могла выговорить ни слова. Онъ не подозрѣвалъ, что она пришла ради него, и, поклонившись ей, прошелъ мимо. Она даже не отвѣтила на поклонъ, встревоженная послѣ первой минуты радости его видомъ, тѣмъ, что онъ еле ходитъ, и не рѣшаясь слѣдовать за нимъ. Увидавъ, какъ онъ заговорилъ съ ѣхавшимъ въ гору человѣкомъ верхомъ на мулѣ, она бросилась, чтобы услышать, что̀ онъ скажетъ. Человѣкъ этотъ былъ погонщикъ муловъ, посланный Сельва за Бенедетто. Сельва уѣхали изъ Дженнэ очень скоро послѣ него, съ двумя мулами для двухъ дамъ, и думали, что нагонятъ его дорогой. Доѣхавъ до рѣки и не встрѣтивъ его, они стали разспрашивать путника, шедшаго изъ Субіака. Тотъ не могъ имъ ничего сообщить. Ноэми, которая спѣшила къ послѣднему поѣзду въ Тиволи, уѣхала съ Джіованни, скрывая свое огорченіе. Погонщика муловъ послали обратно въ Дженнэ за Бенедетто, а также чтобы онъ взялъ въ гостинницѣ забытый тамъ зонтикъ. Марія осталась ждать его на берегу рѣки. Молодая учительница услышала, какъ Бенедетто попросилъ у погонщика принести ему изъ Дженнэ воды. Они продолжали говорить, но она уже больше не слушала и скрылась.

Бенедетто согласился, поговоривъ съ погонщикомъ, поѣхать верхомъ навстрѣчу синьорѣ Сельва. Оставшись одинъ, онъ сѣлъ у подножія креста, ожидая возвращенія погонщика съ зон-

тикомъ и водой. Серпъ луны выступилъ на ясномъ небѣ надъ горами Арцинацо; вечеръ былъ теплый и тихій. Бенедетто чувствовалъ жаръ во всемъ тѣлѣ, дыханіе его становилось прерывистымъ. Боли онъ нигдѣ не чувствовалъ. Благоуханная трава на лугу, деревья, большія тѣнистыя горы—все это казалось ему теперь живымъ, радовало его, во всемъ онъ чувствовалъ тайну молитвенной любви, которая царитъ въ природѣ, наклоняя даже серпъ луны къ тихимъ вершинамъ на блѣдно-опаловомъ небѣ. Онъ слышалъ въ сердцѣ голосъ дона Джувеппе Флореса, который шепталъ ему, что было бы радостно умереть вмѣстѣ съ умирающимъ днемъ, сочетаясь въ молитвѣ съ чистотой окружающей его природы.

Послышались торопливые шаги по дорогѣ изъ Дженнэ; они остановились немного поодаль. Затѣмъ къ Бенедетто подошла дѣвочка, робко дала ему графинъ съ водой и стаканъ и отбѣжала назадъ. Бенедетто, изумленный, позвалъ ее обратно; она подошла медленно и смущаясь. На вопросъ, какъ ее зовутъ и кто ея родители, она ничего не отвѣтила, но чей-то голосъ сказалъ за нее:

— Это дѣвочка хозяевъ гостинницы.

Бенедетто узналъ голосъ и при блѣдномъ свѣтѣ луны узналъ и лицо молчаливой дѣвушки, которая не подходила къ нему изъ того же чувства деликатности, которое побудило ее взять съ собой ребенка.

— Благодарю,—сказалъ онъ.

Она немного приблизилась, держа за руку дѣвочку, и сказала шопотомъ:

— Вы знаете, что священники говорили съ матерью умершаго? Знаете, что теперь она васъ обвиняетъ въ его смерти?

Бенедетто отвѣтилъ ей съ нѣкоторой суровостью:

— Зачѣмъ вы мнѣ это говорите?

Она поняла, что своими обвиненіями другихъ огорчила его, и воскликнула съ отчаяніемъ:

— Простите меня!.. Могу я вамъ предложить одинъ вопросъ?— спросила она.

— Спрашивайте.

— Вы вернетесь когда-нибудь въ Дженнэ?

— Нѣтъ.

Она замолчала. Издали послышался звукъ копытъ; погонщикъ муловъ возвращался изъ Дженнэ.

Она сказала еще болѣе тихимъ голосомъ:

— Ради Бога, отвѣтьте еще на одинъ вопросъ. Какъ вы

себѣ представляете будущую жизнь? Думаете ли, что мы встрѣтимъ тамъ тѣхъ, кого знали на землѣ?

Еслибы свѣтъ луны не былъ такимъ блѣднымъ, Бенедетто увидѣлъ бы, какъ двѣ крупныя слезы скатились по лицу молодой дѣвушки.

— Я вѣрю,—твердо сказалъ онъ,—что до конца существованія нашей планеты будущая жизнь будетъ для насъ продолженіемъ земного труда, и что всѣ стремящіеся къ единенію будутъ тамъ вмѣстѣ трудиться.

Погонщикъ муловъ уже подъѣзжалъ къ нимъ.

— Прощайте,—сказала дѣвушка.

На этотъ разъ въ ея голосѣ слышны были слезы. Бенедетто отвѣтилъ:

— Господь да благословитъ васъ!

Онъ спускался верхомъ на мулѣ въ долину съ пылающей головой. Значитъ, онъ все-таки ѣдетъ къ Сельва. Онъ знаетъ— ему это сказалъ погонщикъ муловъ, — что не застанетъ тамъ Ноэми; но ему это безразлично. Онъ не боится ея, и даже забылъ о легкомъ волненіи, испытанномъ въ ея присутствіи. Другая мысль волнуетъ его душу. Въ его воспаленномъ мозгу вертятся слова дона Клементія, слова юноши Альберти, слова старой англичанки и мелькаютъ обрывки его видѣнія. Онъ ѣдетъ къ Сельва, но не надолго. Онъ спускается въ долину, и въ бурномъ ревѣ рѣки ему слышится все громче и громче:

— Римъ! Римъ! Римъ!

IX.

Три письма.

Жанна — къ Ноэми.

Вена.

„Прости, что я пишу тебѣ карандашомъ. Я перечитала твое письмо здѣсь, въ получасѣ разстоянія отъ гостинницы, сидя у бассейна, куда приходятъ на водопой стада. Тихій плескъ воды, которая падаетъ изъ деревяннаго маленькаго канала, напоминаетъ мнѣ что-то, отъ чего у меня болитъ сердце: прогулку съ нимъ по полямъ и рощамъ, въ туманѣ, отдыхъ около этого бассейна, грустныя слова, скатившуюся слезу, что-то написанное на водѣ въ счастливую минуту—послѣднюю. Я принесла большую жертву Карлино тѣмъ, что вернулась въ Вену послѣ трехъ лѣтъ. Я всегда любила брата, но совѣтъ изъ Дженнэ заставилъ

бы меня принести ему еще гораздо большія жертвы совершенно легко и зная, что въ этомъ нѣтъ никакой заслуги.

„Я недовольна твоимъ письмомъ и скажу тебѣ, почему, только не теперь. Здѣсь неудобно писать, и начинаетъ спускаться туманъ съ горныхъ пастбищъ; дуетъ холодный вѣтеръ. Я должна заботиться о своемъ здоровьи ради Карлино. Это тоже жертва съ моей стороны, потому что я ненавижу мое здоровье".

Позже.

„Ноэми, не можешь ли ты сдѣлать такъ, чтобы листокъ бумаги съ началомъ письма, написаннымъ карандашомъ, попался ему на глаза? Ты не рѣшаешься сказать ему, до какой степени я слушаюсь его во всемъ,—такъ сдѣлай, чтобы онъ узналъ объ этомъ изъ моего письма.

„Я недовольна твоими письмами, главнымъ образомъ, потому, что они слишкомъ коротки. Ты знаешь, какъ я жажду извѣстій о немъ; онъ гоститъ въ домѣ, гдѣ живешь и ты, въ Субіакѣ тебѣ навѣрное нечего дѣлать, а ты ограничиваешься нѣсколькими словами: „Ему лучше; много читаетъ; работалъ въ саду. Можетъ быть, проведетъ лѣто съ нами. Пишетъ". Ты мнѣ даже не написала толкомъ, чѣмъ онъ собственно боленъ, что читаетъ, куда поѣдетъ, если не проведетъ лѣто съ вами; пишетъ ли письма, или книгу; о чемъ вы разговариваете. Невозможно, чтобы вы не разговаривали иногда. Не повторяй мнѣ, что чѣмъ меньше говорить мнѣ о немъ, тѣмъ лучше. Ты это выдумала для своего удобства, но это, право же, глупо. Будешь ли ты мнѣ говорить о немъ, или нѣтъ, не все ли равно? Моя надежда и такъ умерла и не возродится. Поэтому пиши подробно. Я увѣрена, что онъ хочетъ обратить тебя, что вы ведете интимныя бесѣды, и что именно поэтому ты такъ мало пишешь мнѣ о немъ. Но, знаешь ли, обратить тебя—не большая заслуга. Ты вѣдь сентиментальна, и нѣтъ у тебя яснаго, холоднаго и твердаго сознанія истины, которое у меня, напротивъ того, слишкомъ обострено—даже больше, чѣмъ я бы хотѣла.

„Когда ты думаешь вернуться въ Бельгію? Развѣ твои дѣла не требуютъ твоего присутствія тамъ? Ты мнѣ говорила какъ-то, что твой управляющій не внушаетъ тебѣ большого довѣрія. Мы, кажется, отправимся путешествовать въ августѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ Карлино теперь; но онъ легко мѣняетъ свои рѣшенія. Мнѣ хотѣлось бы побывать въ Голландіи, въ сентябрѣ, вмѣстѣ съ тобой. Прощай. Такъ пиши же. Если онъ много читаетъ, то ты легко могла бы взять у него книгу и оставить въ ней мой листокъ между страницами. Словомъ, найди какой-ни-

будь способъ. Постарайся. Устрой это, если любишь меня. Впрочемъ, я думаю, что твоя дружба ко мнѣ остыла. Если это такъ, то скажи правду. Вотъ, зато, здѣсь, въ отелѣ, есть одна дама, которая совсѣмъ влюбилась въ меня. Смѣйся, но это правда. Мужъ ея—помощникъ статсъ-секретаря. Она непремѣнно хочетъ, чтобы я провела будущую зиму въ Римѣ. Это будетъ зависѣть отъ Карлино. Она осаждаетъ его просьбами, и онъ не отказываетъ, хотя и не даетъ согласія. Прощай, пиши, пиши и пиши!"

Ноэми—къ Жаннѣ (съ французскаго).

Субіакъ, 8 іюля.

„Я еще лучше устроила. Джіованни въ моемъ присутствіи сказалъ ему на память латинскую цитату, которая его поразила—что-то о древнихъ монахахъ до Христа. Онъ попросилъ Джіованни записать ему эту цитату. Мы были въ оливковой рощѣ за домомъ и сидѣли на травѣ. Я быстро дала Джіованни карандашъ и полъ-листка, показывая его съ ненаписанной стороны. Онъ написалъ; Майрони взялъ листокъ, прочелъ латинскую фразу и положилъ бумажку въ карманъ, не посмотрѣвъ, что̀ на другой сторонѣ... Это—истинное предательство, и я его совершила изъ любви къ тебѣ. Неужели ты еще во мнѣ сомнѣваешься?

„Что̀ тебѣ сказать о его болѣзни, кромѣ того, что̀ я уже писала тебѣ? Около двухъ недѣль у него была жестокая лихорадка. Докторъ то говорилъ, что это тифъ, то говорилъ, что—нѣтъ. Теперь онъ поправляется, но все еще очень слабъ и сильно похудѣлъ. Кажется, что болѣзнь еще не совсѣмъ прошла; докторъ очень строгъ относительно режима, и онъ теперь ѣстъ мясо и пьетъ много вина. Вчера пріѣхалъ изъ Рима одинъ другъ Джіованни, знаменитый профессоръ Майда. Джіованни просилъ его осмотрѣть Майрони и дать какой-нибудь совѣтъ. Профессоръ прописалъ водолеченіе. Но Майрони навѣрное не послушается его. Я достаточно его знаю, и почти совершенно въ этомъ увѣрена. Впрочемъ, за послѣднюю недѣлю онъ сильно поправился. Онъ работаетъ въ саду по утрамъ, а иногда и вечеромъ. Сегодня онъ страшно рано всталъ, и представь себѣ, что̀ онъ выдумалъ: мыть лѣстницу. Марія вчера сдѣлала выговоръ старой служанкѣ за то, что она не вымыла лѣстницы. Служанка, которая уходитъ на ночь въ Субіакъ, пришла въ семь часовъ утра и нашла свою работу сдѣланною Майрони. Моя сестра и шуринъ очень бранили его за безразсудство,—въ особенности Джіованни; онъ-то вѣдь полная противоположность Майрони, и

не взялъ бы въ руки метлы, еслибы даже былъ окруженъ цѣлымъ облакомъ паутины. Что̀ читаетъ Майрони? Со мной онъ только одинъ разъ говорилъ объ этомъ и очень недолго. Я тебѣ писала, что онъ, можетъ быть, проведетъ съ нами лѣто, потому что знаю, до чего Марія и Джіованни этого желаютъ. Но я предчувствую, что онъ не захочетъ остаться и уѣдетъ въ Римъ. Впрочемъ, это мнѣ только кажется, и ничего положительнаго я не знаю.

Что касается моего обращенія, то не знаю, такъ ли оно возможно, какъ тебѣ кажется, и думаетъ ли объ этомъ Майрони. Замѣть, что я его такъ называю только когда пишу тебѣ. Говоря съ нимъ, я его зову Бенедетто, согласно его желанію. Джіованни, я знаю, думалъ обращать меня,—но нашелъ это до того легкимъ, что пересталъ говорить мнѣ объ этомъ. Про Майрони я этого не думаю. Мнѣ кажется, что для него христіанство—прежде всего жизнь согласная духу Христа—воскресшаго Христа, который всегда живетъ въ насъ, и котораго мы, какъ онъ говоритъ, всегда внутренно ощущаемъ въ себѣ. Мнѣ кажется, что его религіозная проповѣдь не строго догматична, хотя несомнѣнно, что по святости жизни онъ—убѣжденный католикъ. Когда онъ говоритъ о догматахъ съ Джіованни, то, насколько я слышала, никогда не сравниваетъ различныя вѣроученія, а старается раскрыть смыслъ догматовъ вѣры и показать, какъ великъ таящійся въ нихъ свѣтъ, если умѣть его открыть. Въ этомъ отношеніи и Джіованни мастеръ; но когда онъ говоритъ, то прежде всего чувствуется его огромная ученость, а когда говоритъ Майрони, то видно, что въ сердцѣ его живой Христосъ, воскресшій и пламенѣющій въ его вѣрѣ. Говоря совершенно искренно, я должна сказать тебѣ, что хотя не вѣрю въ его желаніе обратить меня, но не могу также быть увѣренной въ противномъ. Были мы однажды всѣ вмѣстѣ въ оливковой рощѣ. Онъ и Джіованни говорили про одну нѣмецкую книгу о духѣ христіанства; она, кажется, надѣлала много шума, и авторъ ея—протестантскій богословъ. Майрони замѣтилъ, до чего этотъ протестантъ, говоря о католицизмѣ съ искреннимъ намѣреніемъ быть безпристрастнымъ, обнаруживаетъ въ сущности свое незнаніе католическаго ученія... По словамъ Майрони, протестанты и понятія не имѣютъ о католичествѣ, судятъ о немъ съ пренебреженіемъ, полагая, что нѣкоторыя искаженія католическаго культа, совершенно внѣшнія и исправимыя, составляютъ самую сущность его. Подлѣ него, когда онъ это говорилъ, стояла корзинка съ абрикосами; онъ вынулъ изъ нея пре-

красный, но слегка попорченный абрикосъ. „Вотъ, — сказалъ онъ,—испорченный плодъ. Если я его дамъ кому-нибудь, кто этого не знаетъ, но хочетъ быть любезнымъ, онъ мнѣ скажетъ, что въ плодѣ есть здоровое и хорошее, но есть и порченное, больное, и что поэтому, къ сожалѣнію, онъ не можетъ принять его. Такъ говоритъ о католичествѣ этотъ весьма почтенный протестантъ. Но если я дамъ этотъ плодъ тому, кто его знаетъ, тотъ приметъ его, хотя бы онъ былъ совсѣмъ сгнившій, и посадитъ здоровое ядро его въ свою землю, въ надеждѣ получить впослѣдствіи прекрасные, здоровые абрикосы. Эти слова Майрони обратилъ къ Джіованни, но все время не отрывалъ глазъ отъ меня. Я должна также прибавить, что въ Дженнэ онъ совѣтовалъ мнѣ изучать католичество. Во всякомъ случаѣ, если я остаюсь протестанткой, то не потому, что я знаю или не знаю достаточно догматы, а потому, что этого требуютъ мои самыя священныя чувства.

„Дорогая моя Жанна, есть еще нѣчто, о чемъ я хотѣла бы совершенно откровенно съ тобой говорить. Я подозрѣваю, что ты ревнуешь его ко мнѣ. Боюсь, что ты не представляешь себѣ сама, какую глубокую печаль ты бы мнѣ этимъ причинила. Боюсь также, что ты не можешь понять, какое глубокое оскорбленіе ты наносишь сначала ему, а потомъ и мнѣ. Я открою тебѣ теперь мое сердце. У меня были бы угрызенія совѣсти, если бы я этого не сдѣлала, дорогая моя, — угрызенія совѣсти по отношенію къ тебѣ, къ нему и ко мнѣ самой. Что касается его, то онъ добръ и милъ со всѣми окружающими, и въ особенности съ самыми ничтожными. Ты могла бы поэтому ревновать къ старухѣ изъ Субіака, которая приходитъ исполнять черную работу. Относительно Маріи и меня, его доброта и мягкость сказываются скорѣе безмолвно, чѣмъ на словахъ. Съ нами онъ всегда ровенъ, кротокъ, любезенъ, никогда не избѣгаетъ нашего общества, но еще ни разу не случалось, чтобы онъ разговаривалъ наединѣ съ той или другой. Я въ его глазахъ—живая душа, а душа для него то, чтò для моего отца были малѣйшія растенія его большого сада; онъ готовъ былъ защитить ихъ отъ мороза жаромъ своего сердца, взростить ихъ, посвятивъ этому всю свою жизнь. Но я для него такая же душа, какъ другія, — съ той только разницей, быть можетъ, что онъ считаетъ меня болѣе далекой отъ истины и потому болѣе подверженной опасности замерзнуть; въ его обращеніи, впрочемъ, и это незамѣтно.

„Что касается меня, дорогая, то я, несомнѣнно, питаю къ

нему глубокое чувство, но было бы возмутительно съ твоей стороны сказать, что чувство мое хотя бы издали напоминаетъ то, которое люди называютъ опредѣленнымъ именемъ. Мое чувство—преклоненіе, даже нѣкоторый благоговѣйный страхъ; у меня такое чувство, какъ будто вокругъ него очерченъ волшебный кругъ, который я не смѣю переступить. Въ его присутствіи сердце мое ничуть не бьется сильнѣе,—я бы сказала скорѣе, что оно бьется нѣсколько медленнѣе. Теперь я тебѣ все сказала, дорогая Жанна, съ той искренностью, дальше которой уже нельзя пойти. Поэтому я прошу, я умоляю тебя не воображать себѣ ничего другого.

„Теперь я не думаю о Бельгіи. Возможно, что я съѣзжу туда позже. Кланяйся своему брату; я хотѣла бы знать, дѣйствительно ли онъ переселилъ своихъ героевъ, стараго священника и молодую дѣвушку, на планету Фомальгутъ? Я иногда думаю объ этой планетѣ. Скажи ему, что если эту зиму вы пріѣдете въ Римъ, то мы опять будемъ вмѣстѣ играть на роялѣ. Прощай; обнимаю тебя.

Бенедетто—дону Клементію (не отправленное).

„Падре, Господь покинулъ мою душу! Я не говорю, что Онъ оставилъ меня во власти грѣха, но Онъ отнялъ у души моей сознаніе своей близости, и минутами во всемъ существѣ моемъ дрожитъ крикъ Христа на крестѣ. Когда я дѣлаю усиліе и сосредоточиваю всѣ мои помыслы на присутствіи Господа, и все мое чувство—на томъ, что предаю себя Божественной волѣ, то это приводитъ только къ страданіямъ и унынію. Я точно вьючное животное, изнемогающее подъ тяжестью, взваленной на него; при первомъ ударѣ хлыста оно дѣлаетъ усиліе, чтобы подняться, но опять падаетъ; а при второмъ ударѣ, при третьемъ и четвертомъ—уже едва только вздрагиваетъ, и даже не пытается подняться. Когда я раскрываю Евангеліе или „Подражаніе Христу“, то не нахожу въ немъ отрады. Когда читаю молитвы, меня одолѣваетъ скука, и я умолкаю. Когда я лежу распростертый на полу, я только чувствую холодъ плитъ; когда жалуюсь Богу на то, что Онъ меня покинулъ, молчаніе Его становится еще болѣе враждебнымъ. Я вспоминаю тогда о великихъ мистикахъ и говорю себѣ, что не слѣдуетъ такъ жаждать духовныхъ радостей и такъ страдать отъ ихъ отсутствія. Но я тотчасъ же отвѣчаю себѣ, что неправы мистики, что въ состояніи видимой благодати ступаешь тверже, а что въ беззвѣздномъ мракѣ душевной ночи не видно пути и приходится

только отступать назадъ, чувствуя подъ ногой траву, а не дорогу. И даже этого недостаточно, и можетъ случиться, что занесешь ногу въ пустоту. Падре, откройте мнѣ ваши объятія, чтобы я почувствовалъ пламень вашей груди, въ которой живетъ Господь! Есть сотни причинъ, по которымъ я не долженъ являться въ Св. Схоластику, и во всякомъ случаѣ, я предпочитаю писать вамъ, нежели говорить. Я чувствую ваше присутствіе здѣсь болѣе, чѣмъ ежели оно было бы дѣйствительнымъ; я въ мысляхъ ближе сливаюсь съ вами, чѣмъ если бы вы были предо мною. И мнѣ необходимо мысленно сливаться съ вами, имѣть общеніе съ вашей душой. Быть можетъ, я пошлю вамъ это письмо, быть можетъ нѣтъ. Падре, мнѣ отраднѣе писать тебѣ, чѣмъ говорить съ тобой; я не могъ бы говорить такъ горячо, какъ пишу. Когда я пишу, то я взываю къ тебѣ, безсмертному, совлекаю съ тебя смертность, которая есть въ душѣ твоей и которая, будь ты предо мной, остудила бы мой пылъ; я бы чувствовалъ преходящее въ твоемъ неполномъ пониманіи окружающаго, въ благоразуміи, которое набрасывало бы покровъ на твою мысль. Нѣтъ, я тебѣ не пошлю этого письма, и все-таки оно будетъ у тебя. Я его сожгу, и все-таки ты будешь имѣть его. Немыслимо, чтобы мой безмолвный крикъ не дошелъ до тебя, — быть можетъ, теперь, среди ночного мрака, когда ты спокойно спишь, — быть можетъ, черезъ два часа, тоже еще среди ночной темноты, въ то время, какъ ты будешь молиться съ братьями въ милой сердцу моему церкви, гдѣ мы такъ часто молились вмѣстѣ.

„Я знаю, почему Господь меня оставилъ. Всегда, когда Господь меня оставляетъ, когда засыхаютъ живые источники души, и сердце мое становится мертвымъ моремъ, — я знаю причину. Я виновенъ въ томъ, что внялъ сладостной музыкѣ позади себя, и обернулся, — или въ томъ, что вѣтеръ донесъ мнѣ благоуханіе луговъ, цвѣтущихъ въ сторонѣ отъ моей дороги, и я остановился и вдыхалъ ароматъ, — или въ томъ, что туманъ заградилъ мнѣ путь и я испугался, — или же еще въ томъ, что терніе ранило мнѣ ногу, и я почувствовалъ гнѣвъ. Это длилось одно мгновеніе, но его было достаточно для того, чтобы раскрылась дверь и вошло пагубное дуновеніе. Такъ бываетъ всегда. Достаточно одного обмѣна взглядами, одной принятой похвалы, одного запечатлѣвшагося въ памяти образа, воспоминанія объ обидѣ — для того, чтобы зло свершилось. А со мной все это было. Спустилась ночь на мой путь, я поставилъ ногу на мягкую траву, почувствовалъ ее подъ ногой и отступилъ —

но не сейчасъ. Но зачѣмъ говорить иносказательно? Пиши, рука моя, голую правду. Пиши, что этотъ домъ—гнѣздо нѣги, и что мнѣ пріятна была мягкая постель, тонкое постельное бѣлье, запахъ лаванды, что еще болѣе пріятенъ былъ разговоръ съ синьоромъ Джіованни и чтеніе, доставлявшее развлеченія уму. Пріятно было общество двухъ молодыхъ женщинъ, чистыхъ, умныхъ, граціозныхъ, пріятно ихъ скрытое поклоненіе и благоуханіе чувства, которое одна изъ нихъ, кажется, таитъ ко мнѣ; отрадна мнѣ была жизнь среди нихъ вдали отъ всего низкаго, нечистаго, гадкаго.

„Я ощущалъ зло жизни съ отвращеніемъ отъ него, а не съ пламенной скорбью, которая побуждаетъ идти навстрѣчу ему, чтобы спасти отъ него другія души. Я искалъ спасенія, обнявъ Распятіе, но вдругъ оно стало въ моихъ объятіяхъ безчувственнымъ, мертвымъ деревомъ. Я сказалъ себѣ: духи несправедливости, злой воли, знающіе и сильные, витающіе въ воздухѣ, ополчились противъ меня и моего дѣла. Но я тотчасъ же отвѣтилъ себѣ: такъ думать—гордыня. А потомъ снова вернулась ко мнѣ прежняя мысль, и каждый день возобновлялся этотъ внутренній споръ. А такъ какъ я не выдавалъ своихъ чувствъ и видѣлъ, до чего синьоръ Джіованни и дамы увѣрены, что я въ душѣ такъ же спокоенъ и ясенъ, какъ и снаружи, то иногда презиралъ себя, какъ лицемѣра. Но черезъ минуту я снова убѣждалъ себя, что мой ясный, спокойный видъ помогаетъ мнѣ жить; что казаться сильнымъ помогаетъ быть сильнымъ на самомъ дѣлѣ. Я сравнивалъ себя съ деревомъ, сердцевина котораго съѣдена червями, а стволъ прогнилъ; оно все-таки можетъ жить, благодаря корѣ, и можетъ приносить листья и цвѣты, можетъ давать благотворную тѣнь. Потомъ я говорилъ себѣ, что все это хорошо передъ людьми,—но какъ же быть передъ лицомъ Господнимъ? А потомъ я говорилъ себѣ, что Богъ можетъ исцѣлить меня: дерево со съѣденной сердцевиной неизлечимо, а человѣкъ исцѣлимъ. И я мучился своимъ безсиліемъ сдѣлать то, что̀ Богъ потребовалъ бы отъ меня какъ содѣйствія моей волей Его волѣ: бѣжать, бѣжать! Голосъ Бога былъ въ шумѣ рѣки, которая настойчиво твердила мнѣ въ тотъ вечеръ, когда я покидалъ Дженнэ: — Въ Римъ, въ Римъ, въ Римъ! Но вѣдь Богъ послалъ и болѣзнь, отнявшую у меня силы. Такъ какъ же это согласовать и какъ быть? Господи, услышь мои стоны, сжалься, будь справедливъ ко мнѣ!

„Я столько разъ говорилъ себѣ, что навѣрное уѣду, какъ только вернутся силы, что тѣмъ, которые удерживаютъ меня

здѣсь, я долженъ былъ бы сказать: друзья мои, вы мнѣ недруги. Но какъ я имъ это скажу? Вотъ гдѣ моя слабость и моя вина; почему не могу имъ этого сказать? Почему не говорю?

„Я прочелъ однажды во взглядѣ молодой протестантки: „Если вы уѣдете, что станется съ моей душой? Развѣ вы не хотите привести меня къ своей вѣрѣ? Я еще не пришла къ ней“. Нѣтъ, не могу я, не долженъ я всего писать. И какъ описать выраженіе глазъ, интонацію фразы, безразличной самой по себѣ! Не такіе это взгляды, какъ тотъ, изъ-за котораго святой Джероламо бросился въ ледяную воду, или, по крайней мѣрѣ, мое волненіе не похоже на испытанное имъ. Ледяная вода не спасетъ отъ обаянія чистаго въ своей нѣжности взгляда. Тутъ нуженъ огонь—огонь высшей любви. О, кто освободитъ меня отъ моего человѣческаго сердца, малѣйшее движеніе котораго приводитъ въ движеніе все мое существо? Кто высвободитъ мое сердце безсмертное, которое скрыто въ глубинѣ, какъ зародышъ въ плодѣ, и кто дастъ ему небесное тѣло? Не могу я и не долженъ писать всего, но вотъ это еще я непремѣнно напишу. Господь разставляетъ мнѣ сѣти и западни. Развѣ я заслуживаю насмѣшекъ, попадаясь въ нихъ? Почему я записалъ латинскую цитату о монахахъ, жившихъ въ пустынѣ у мертваго моря на листкѣ бумаги, гдѣ съ другой стороны были написанныя рукою Ж. Д. слова, еще пламенѣющія моимъ и ея старымъ грѣхомъ и страшными воспоминаніями? Какъ такая робкая дѣвушка отважилась передать мнѣ тайное сообщеніе?

„Вѣтеръ раскрылъ настежъ мое окно. О, Аніене, какъ ты не устанешь повторять мнѣ твой приказъ! Ты требуешь, чтобы я сейчасъ же уѣхалъ? Но это невозможно, потому что двери заперты. И было бы постыдно такъ уйти. Сказали бы: какіе неблагодарные и безумные слуги у Господа! Явись, духъ учителя, явись, говори, я слушаю тебя. Что ты говоришь мнѣ? Мои бури вызываютъ у тебя улыбку, ты говоришь, чтобы я уѣхалъ,—но уѣхалъ съ достоинствомъ, объявивъ, что таково велѣніе Господне. Ты говоришь, чтобы я повиновался голосу Господа, взывавшему ко мнѣ въ ревѣ рѣки. Вотъ вѣтеръ улегся, довольный тѣмъ, что совершилъ... Да, да, со слезами! Завтра, завтра утромъ. Я объявлю это. И я знаю, къ кому направлюсь въ Римѣ. О, свѣтъ! о, спокойствіе! о, вновь раскрывшіеся источники въ душѣ моей! о, мертвое море, на которомъ снова поднялась теплая живая волна! Да, да, со слезами. Благодарю, благодарю. Слава Тебѣ, Господь нашъ, иже еси на небесѣхъ, да прославится имя Твое, да пріидетъ царствіе Твое, да свершится воля Твоя!“

X.

Въ круговоротѣ свѣта.

Изящная карета остановилась въ сумеркахъ передъ однимъ изъ домовъ на маленькой боковой улицѣ въ Римѣ. Изъ кареты вышли двѣ дамы и торопливо исчезли за темной входной дверью. Карета уѣхала. Черезъ двѣ минуты пріѣхала другая, высадила еще двухъ дамъ у той же двери и уѣхала. Черезъ четверть часа было уже пять каретъ. Въ темную дверь вошло не менѣе двѣнадцати дамъ. Затѣмъ на маленькой улицѣ опять все стихло. Около получаса спустя, стали приходить съ Corso группы мужчинъ. Они останавливались передъ той же дверью, читали нумеръ дома при свѣтѣ фонаря и входили. И темная дверь поглотила такимъ образомъ еще человѣкъ сорокъ. Послѣдними вошли два священника. Тотъ, кто посмотрѣлъ на нумеръ, былъ близорукъ и не могъ ничего разобрать. Второй сказалъ ему со смѣхомъ:

— Входи, входи. Тутъ пахнетъ Лютеромъ; это, навѣрное, здѣсь.

Они вступили въ зловонный мракъ и поднялись по темной, грязной лѣстницѣ, освѣщенной единственной керосиновой лампой, которая горѣла въ четвертомъ этажѣ. Поднявшись въ третій этажъ, они зажгли спички, чтобы прочесть надписи на дощечкахъ у дверей. Сверху ихъ окликнулъ голосъ:

— Сюда, господа, сюда!

Какой-то молодой господинъ, очень любезный, спустился имъ навстрѣчу, встрѣтилъ ихъ поклонами, сказалъ, что только ихъ прихода и ждали, чтобы начать; онъ провелъ ихъ черезъ переднюю и корридоръ, почти такіе же темные, какъ лѣстница, и ввелъ ихъ наконецъ въ большую залу, полную людей, освѣщенную четырьмя свѣчами и двумя старинными масляными лампами. Онъ извинился за темноту,—родители его, по его словамъ, не допускали въ домѣ ни электричества, ни газа, ни даже керосина. Всѣ приходившіе группами были здѣсь. Среди нихъ было три-четыре священника. Остальные, кромѣ старика съ сѣдой бородой, были, повидимому, студенты. Ни одной дамы въ залѣ не было. Всѣ стояли, кромѣ старика, который, повидимому, пользовался большимъ почетомъ. Говорили вполголоса. Въ комнатѣ стоялъ сдержанный шумъ голосовъ. Когда вошли два священника, молодой хозяинъ дома сказалъ:

— Можно начинать.

Стоявшіе въ самой большой группѣ въ комнатѣ разступились, и по срединѣ появился Бенедетто. Для него приготовленъ былъ столикъ и двѣ свѣчи, но онъ попросилъ убрать свѣчи, а потомъ сказалъ, что сидѣть за столикомъ ему неудобно, и попросилъ позволенія говорить, сидя на диванѣ подлѣ старика съ бѣлой бородой. Онъ былъ весь въ черномъ, и лицо у него было еще болѣе блѣдное и худое, чѣмъ въ Дженнэ. Лобъ его, съ откинутыми назадъ волосами, имѣлъ теперь величественный видъ, а голубые глаза стали еще болѣе сіяющими. Лица присутствующихъ, жадно устремленныя на него, казались болѣе завороженными его глазами и лбомъ, чѣмъ жаждущими слушать его. Онъ сталъ говорить просто, безъ всякихъ жестовъ, положивъ руки на колѣни:

— Я долженъ сейчасъ же сказать, къ кому я обращаюсь, потому что не всѣ здѣсь собравшіеся одинаково относятся къ Христу и къ церкви. Я не говорю о присутствующихъ служителяхъ церкви, потому что думаю и надѣюсь, что они не нуждаются въ моихъ словахъ. Я не обращаюсь къ сидящему рядомъ со мной, потому что и онъ, я это знаю, не нуждается въ моихъ словахъ. Я не обращаюсь ни къ кому, кто твердъ въ своей приверженности къ католичеству. Я обращаюсь исключительно къ тѣмъ юношамъ, которые написали мнѣ слѣдующее.

Онъ вынулъ письмо и прочелъ:

„Мы воспитывались въ католической вѣрѣ; ставши взрослыми, мы признали за истину ея самые сокровенные принципы и служили ей на общественномъ поприщѣ. Но передъ нами вдругъ встала новая тайна, и она колеблетъ нашу вѣру. Католическая церковь, которая провозглашаетъ себя источникомъ истины, возстаетъ теперь противъ исканій истины, направленныхъ на изученіе ея основъ, ея священныхъ книгъ и догматовъ; она настаиваетъ на своей непогрѣшимости. Для насъ это равняется признанію, что она утратила вѣру въ самое себя. Католическая церковь, будто бы созидающая жизнь, теперь душитъ, заключаетъ въ цѣпи все, что въ ней живетъ молодой жизнью, и поддерживаетъ все одряхлѣвшее. Для насъ это означаетъ смерть—далекую, но несомнѣнную смерть. Католическая церковь, которая заявляетъ, что хочетъ воскресить все въ духѣ Христа, ополчается теперь на насъ за то, что мы оспариваемъ у враговъ Христа управленіе общественнымъ движеніемъ. Для насъ это значитъ, вмѣстѣ со многими другими фактами—имѣть Христа на устахъ, а не въ сердцѣ. Такой теперь стала католическая церковь,—и неужели Богъ захочетъ, чтобы мы еще по-

виновались ей? Вотъ почему мы явились къ вамъ. Что̀ намъ дѣлать? Вы, который провозглашаете себя католикомъ, проповѣдуете католичество и прославились тѣмъ, что..."

— Остальное неинтересно,—сказалъ Бенедетто, и, кончивъ чтеніе, продолжалъ говорить:

— Вотъ что̀ я отвѣчу тѣмъ, которые писали мнѣ:—Скажите, почему вы обратились ко мнѣ, исповѣдующему католичество? Можетъ быть, вы считаете меня въ церкви старшимъ надъ старшими? И, можетъ быть, поэтому вы хотите слѣдовать моимъ словамъ, если они будутъ разниться отъ обычныхъ словъ церкви? Выслушайте сравненіе: странники, томимые жаждой, пришли къ прославленному источнику воды, но нашли бассейнъ стоячей, непріятной на вкусъ воды. Живой источникъ былъ въ глубинѣ бассейна, и его они не нашли. Тогда они съ грустью обратились къ рудокопу, работавшему по сосѣдству. Онъ имъ далъ напиться хорошей воды. Они спросили его, изъ какого источника эта вода?—„Изъ того же, откуда течетъ вода въ бассейнъ,—сказалъ онъ:—источникъ подъ почвой; нужно его откопать и найти". Томимые жаждой путники—вы; тотъ, кто откопалъ источникъ—я; а скрытый подъ землей источникъ и есть истина католицизма. Бассейнъ не есть церковь, потому что церковь—все пространство, подъ которымъ течетъ живой источникъ воды. Вы обратились ко мнѣ, зная, хотя и безсознательно, что церковь—не единственная іерархія, что есть вселенскій союзъ вѣрующихъ, что изъ глубины каждаго христіанскаго сердца можетъ бить ключъ живой воды, живой истины. Я говорю о безсознательномъ знаніи, потому что не будь оно безсознательно, вы не говорили бы: церковь возстаетъ противъ того-то, душитъ то-то—у церкви Христосъ на устахъ, а не въ сердцѣ.

— Поймите меня хорошенько. Я не сужу іерархію, я чту ея авторитетъ, но говорю только, что церковь—не единственная іерархія. Выслушайте другое сравненіе. Въ мысляхъ каждаго человѣка есть своего рода іерархія. Возьмите человѣка праведнаго. Нѣкоторыя идеи, нѣкоторые принципы господствуютъ въ немъ надъ другими, управляютъ его жизнью; они сводятся къ исполненію религіознаго, нравственнаго и гражданскаго долга. Обо всѣхъ этихъ обязанностяхъ онъ имѣетъ традиціонныя представленія. Но эта іерархія установленныхъ идей не составляетъ еще всего человѣка. Подъ нею есть множество другихъ идей, множество мыслей, которыя постоянно мѣняются подъ вліяніемъ жизненныхъ впечатлѣній и жизненнаго опыта. И подъ этими мыслями есть еще другая область души, есть безсознательное,

гдѣ скрытыя силы совершаютъ скрытую работу, гдѣ совершается мистическое единеніе съ Богомъ. Господствующія идеи руководятъ волей праведнаго человѣка, но весь остальной міръ его мыслей тоже имѣетъ огромное значеніе, потому что ведетъ къ истинѣ черезъ познаніе внѣшняго міра, черезъ пониманіе божественнаго во внутреннемъ мірѣ, и тѣмъ самымъ исправляетъ высшія, господствующія идеи, поскольку ихъ традиціонные элементы не соотвѣтствуютъ истинѣ. Этимъ постоянно питается источникъ свѣжей жизни, источникъ законнаго авторитета, основаннаго на природѣ вещей, на значеніи идей болѣе, чѣмъ на принципахъ, установленныхъ людьми. Церковь—это весь человѣкъ, а не одна только группа преобладающихъ идей; церковь—іерархія со своими традиціонными понятіями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мірское учрежденіе своимъ касательствомъ къ дѣйствительности, своимъ постояннымъ воздѣйствіемъ на традиціи. Церковь не умираетъ, не дряхлѣетъ, имѣетъ Христа въ сердцѣ, а не на устахъ. Церковь—неустанно работающая лабораторія истины, и Господь повелѣваетъ вамъ остаться въ церкви и быть въ ней источникомъ живой воды.

Зала наполнилась гуломъ взволнованныхъ и восторженныхъ привѣтствій. Бенедетто возвысилъ голосъ и, поднявшись съ мѣста, сталъ говорить стоя.

— Но какіе же вы вѣрующіе,—горячо воскликнулъ онъ,—если хотите выйти изъ церкви изъ-за того, что вамъ не по душѣ нѣкоторые устарѣлые взгляды высшихъ церковныхъ властей, нѣкоторыя постановленія римскихъ соборовъ или рѣшенія какого-нибудь одного папы? Какіе вы сыновья, если готовы отречься отъ матери за то, что она одѣта не такъ, какъ вамъ хочется? Развѣ сердце материнское измѣнилось отъ одежды? Когда вы склоняетесь на материнскую грудь, жалуясь Христу на ваши недуги, и Христосъ васъ исцѣляетъ, думаете ли вы въ это время о подлинности какого-нибудь мѣста въ евангеліи отъ Іоанна или объ авторѣ четвертаго евангелія? Когда вы причащаетесь и чувствуете близость къ Христу, развѣ вамъ мѣшаютъ запреты и постановленія Ватикана? Когда, отдаваясь материнскимъ попеченіямъ церкви, вы готовитесь войти въ мракъ смерти, развѣ вамъ менѣе сладостенъ покой, который охватываетъ васъ, только потому, что какой-нибудь изъ папъ—противникъ христіанской демократіи?

— Друзья мои, вы говорите: „мы отдохнули въ тѣни этого дерева, но теперь его кора трескается, она высохла; дерево умретъ, пойдемте же искать другой тѣни“. Нѣтъ, дерево не умретъ. Еслибы

вы имѣли уши, вы бы услышали, какъ образуется новая кора, которая тоже проживетъ свое время, потомъ, въ свою очередь, потрескается и засохнетъ и смѣнится новой корой. Дерево же не умретъ, а будетъ жить и расти.

Бенедетто сѣлъ въ изнеможеніи. Слушатели двинулись волной къ нему. Но онъ остановилъ ихъ, поднявъ руки.

— Друзья, — снова началъ онъ усталымъ и мягкимъ голосомъ,—выслушайте, что я вамъ еще скажу. Фарисеи и ревнители стараго существуютъ во всякое время, а также и въ наше. Мнѣ нечего говорить вамъ о нихъ; пусть ихъ судитъ Господь. Мы только молимся за всѣхъ тѣхъ, которые не знаютъ, что творятъ. Но, быть можетъ, грѣшатъ и въ другомъ лагерѣ—воинствующихъ католиковъ. Тамъ слишкомъ упоены духомъ новизны. Духъ новизны хорошъ, но вѣчное выше и важнѣе. Боюсь, что вѣчное пострадаетъ въ данномъ случаѣ. Ожидаются великія блага для церкви Христовой отъ коллективнаго дѣйствія католиковъ на административномъ и политическомъ поприщѣ, отъ борьбы, которая, однако, возстановляетъ людей противъ Отца. И недостаточно ждутъ пользы отъ добрыхъ дѣлъ каждаго христіанина, т.-е. того, что наиболѣе служитъ на славу Отца. Высшая цѣль человѣческихъ существъ—прославлять Отца, а прославляютъ Его всѣ, въ которыхъ силенъ духъ милосердія, мира, мудрости, отреченія, чистоты, силы, которые помогаютъ братьямъ всѣми своими жизненными силами. Одинъ изъ такихъ праведныхъ, если онъ исповѣдуетъ католичество, больше содѣйствуетъ славѣ Отца и церкви, чѣмъ всякіе соборы и союзы, чѣмъ многія избирательныя побѣды.

— Но я слышалъ, какъ кто-то изъ васъ проговорилъ: „А общественное вліяніе?“... Общественное вліяніе, друзья мои, конечно, благотворно, когда оно заключается въ проповѣди равенства и братства; но когда оно отмѣчено опредѣленными религіозными и политическими убѣжденіями, и когда католики отказываются идти рука-объ-руку съ людьми доброй воли, только потому, что тѣ не раздѣляютъ ихъ убѣжденій, когда они отталкиваютъ добраго самаритянина, то это противно взору Господа. И то, что они подъ флагомъ католичества совершаютъ корыстныя дѣла, тоже отвратительно въ глазахъ Божіихъ. Они проповѣдуютъ справедливое распредѣленіе богатствъ, и это хорошо; но они слишкомъ часто забываютъ проповѣдывать вмѣстѣ съ тѣмъ смиреніе и добровольную бѣдность, и если они это дѣлаютъ намѣренно, изъ практическихъ соображеній, то это гнусно въ глазахъ Божіихъ. Очистите дѣйствія ваши отъ такихъ гнусностей. Призывайте къ

дѣламъ справедливости и любви всѣхъ людей, выказывающихъ добрую волю, и ограничьтесь сами ролью глашатаевъ. Проповѣдуйте богатымъ и бѣднымъ словомъ и примѣромъ смиреніе духа.

Среди слушателей началось движеніе; образовывались маленькія группы. Бенедетто помолчалъ съ минуту, закрывъ лицо руками.

— Вы спрашивали меня, что вамъ дѣлать,—сказалъ онъ, открывая лицо, и продолжалъ:

— Я вижу въ будущемъ католиковъ-міранъ, ревнителей Христа и истины, которымъ удастся образовать союзы, совершенно не похожіе на теперешніе. Придетъ день, когда вооружатся рыцари св. Духа для защиты Бога и христіанской морали въ области научной, въ области искусства, государственныхъ и общественныхъ интересовъ, и для общей защиты законной свободы въ области религіи. Они установятъ нѣкоторыя обязательства— не безбрачія, не обязательнаго сожитія въ монастырѣ,—т. е. не вступая въ католическое духовенство, а независимо отъ него будутъ исполнять завѣты католичества въ своей личной жизни. Молитесь, чтобы воля Господня проявилась, открылась душамъ, задумавшимъ это. Молитесь также, чтобы души эти добровольно отказались отъ своихъ помысловъ и отъ надежды на ихъ осуществленіе, если Господь обнаружитъ несогласіе. Если же Господь благословитъ ихъ, молитесь, чтобы они могли осуществить свое дѣло на славу Бога и церкви. Аминь.

Онъ кончилъ, и никто не тронулся съ мѣста. Всѣ взоры были устремлены на него, выражая жадное желаніе слушать, что онъ скажетъ еще послѣ неожиданнаго заключенія, произнесеннаго торжественнымъ и таинственнымъ тономъ. Многіе хотѣли бы, но не рѣшались нарушить это молчаніе. Но когда Бенедетто всталъ и всѣ окружили его, то поднялся и старый господинъ съ бѣлыми волосами и сказалъ прерывающимся отъ волненія голосомъ:

— Вы будете терпѣть оскорбленія и удары, васъ увѣнчаютъ терніемъ и напоятъ желчью, вы будете предметомъ насмѣшекъ для фарисеевъ и язычниковъ, вы не увидите того грядущаго, къ которому стремитесь,—но будущее принадлежитъ вамъ, и его увидятъ ученики вашихъ учениковъ.

Онъ обнялъ Бенедетто и поцѣловалъ его въ лобъ. Двое или трое стоящихъ рядомъ робко зааплодировали, и вслѣдъ за ними раздался гулъ аплодисментовъ по всей залѣ. Бенедетто, очень взволнованный, кивнулъ головой свѣтловолосому юношѣ, который его сопровождалъ, и тотъ подбѣжалъ къ нему, весь сіяя отъ радостнаго волненія. Кто-то прошепталъ:

— Это ученикъ,—и другіе прибавили тихимъ голосомъ:— Да, любимый.

Хозяинъ дома сталъ разсыпаться передъ Бенедетто въ комплиментахъ и выраженіяхъ благодарности. Тогда одинъ изъ священниковъ тоже отважился пройти впередъ и сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— А для насъ, учитель, у васъ нѣтъ совѣта?

— Не зовите меня учителемъ, — отвѣтилъ Бенедетто, еще не оправившись отъ волненія. — Молитесь, чтобы Господь просвѣтилъ этихъ юношей, нашихъ пастырей, а также и меня.

Когда онъ вышелъ, въ залѣ поднялся шумъ прерывающихся голосовъ; слушатели еще не оправились отъ волненія. Оно стало еще усиливаться и перешло въ неописуемый восторгъ. Повторяли отдѣльныя его слова, вспоминали выраженіе и взглядъ оратора, выраженіе святости на его лицѣ, во всѣхъ его жестахъ. Но хозяинъ дома быстро сталъ прощаться съ своими гостями. Онъ извинялся, говорилъ любезности, но выпроваживалъ ихъ съ торопливостью, доходившей до невѣжливости.

Оставшись одинъ, онъ открылъ дверь, запертую на ключъ, и наклонился, стоя въ дверяхъ.

— Пожалуйте, сударыни!—сказалъ онъ и, широко раскрывъ дверь, впустилъ въ залу цѣлый рой дамъ. Одна немолодая дама быстро направилась къ нему и воскликнула, складывая руки:

— Какъ мы вамъ благодарны! Какой это святой человѣкъ! И какъ это мы удержались, чтобы не выбѣжать и не обнять его.

— Дорогая моя, — сказала другая дама, улыбаясь большими, прекрасными глазами, съ ироническимъ спокойствіемъ венеціанки,—къ счастью для него, дверь была заперта на ключъ.

Въ залѣ собралось двѣнадцать дамъ. Хозяинъ дома, профессоръ Гварначчи, сынъ управляющаго одной изъ этихъ дамъ, маркизы Ферми, разсказалъ ей о собраніи, которое должно было состояться у него въ домѣ, о рѣчи, которую тамъ намѣревался произнести прославившійся въ Римѣ религіозный агитаторъ, и маркиза рѣшила, что она непремѣнно услышитъ его невидимкой. Она устроила заговоръ съ Гварначчи и привлекла къ нему нѣсколькихъ пріятельницъ, которыя въ свою очередь попросили позволенія привести своихъ знакомыхъ.

Небольшое дамское общество оказалось очень смѣшаннымъ. Нѣкоторыя были въ вечернихъ открытыхъ туалетахъ, двѣ одѣты были квакершами, одна была вся въ черномъ. Двѣ квакерши, иностранки, совершенно обезумѣли отъ восторга и возмущались

маркизой, атеисткой, которая отнеслась ко всему нѣсколько саркастически и спокойно говорила:

— Да, онъ хорошо говорилъ, но я хотѣла бы видѣть его лицо во время его рѣчи.

Заявивъ, что она лучше можетъ судить о людяхъ по ихъ лицу, чѣмъ по ихъ словамъ, старая маркиза упрекнула Гварначчи за то, что онъ не продѣлалъ отверстія въ двери, или, по крайней мѣрѣ, не вынулъ ключа изъ замочной скважины.

— Ты слишкомъ возвышенъ,—сказала она,—и не знаешь женщинъ.

Гварначчи засмѣялся и почтительно извинился передъ маркизой, знавшей его съ дѣтства и обращавшейся съ нимъ какъ съ молодымъ родственникомъ. Онъ сказалъ, что Бенедетто красивъ какъ ангелъ. Но одна молодая дама, которая, по мнѣнію квакершъ, неизвѣстно зачѣмъ пришла, спокойно возразила, что видѣла его два раза, и что онъ, напротивъ того, очень некрасивъ. Квакерши ядовито замѣтили, что слѣдуетъ еще знать, каковъ у нея идеалъ красоты, и она, слегка покраснѣвъ отъ ихъ ироническаго замѣчанія, отвѣтила, что онъ слишкомъ блѣденъ и худъ. Квакерши презрительно переглянулись.

— Гдѣ же она видѣла его? — стали всѣ спрашивать молодую даму.

— Въ саду у моей невѣстки,—сказала она.

— Онъ всегда въ саду?—спросила маркиза.—Что же это — ангелъ, посаженный прямо въ землю, или растущій въ кадкѣ?

Молодая дама разсмѣялась, а квакерши бросили на маркизу взбѣшенный взглядъ.

Внесли чай, который тоже входилъ въ програму вечера.

— Хорошъ разговоръ! — тихо сказала синьора Альбаччино, жена товарища министра иностранныхъ дѣлъ, на ухо дамѣ въ черномъ, которая сидѣла, не раскрывая рта. Та грустно улыбнулась и ничего не отвѣтила.

Чай, который разносили профессоръ и его сестра, остановилъ на минуту разговоръ, который потомъ снова разгорѣлся, когда заговорили о рѣчи Бенедетто, и превратился въ такую безсодержательную и безтолковую болтовню, что дама въ черномъ предложила синьорѣ Альбаччино, пріѣхавшей вмѣстѣ съ нею, оставить собраніе и уѣхать. Но въ эту минуту маркиза Ферми, найдя колокольчикъ на каминѣ, стала звонить въ него, требуя общаго молчанія.

— Я хотѣла бы узнать что-нибудь объ этомъ садѣ,—сказала она.

Квакерши и пожилая дама, увлеченныя споромъ о католической правовѣрности Бенедетто, не замолчали бы, еслибы даже звонили въ десять колокольчиковъ; но любопытство зрѣлой дамы при словѣ „садъ“ загорѣлось, и она стала настаивать, чтобы профессоръ разсказалъ имъ все, что̀ зналъ о Бенедетто. Дамы стали говорить, что имъ некогда; одна уѣхала, узнавъ, что ее уже ждетъ карета; другія попросили, чтобы профессоръ какъ можно скорѣе разсказалъ то, что̀ знаетъ.

— Хорошо, — началъ профессоръ. — Вы, маркиза, и другія дамы, которыя торопятся, знаете, вѣроятно, какъ и я, обо всемъ, что̀ съ нимъ происходило до отъѣзда изъ Дженнэ. Потому я уже не буду объ этомъ говорить. Такъ вотъ, мѣсяцъ тому назадъ, въ октябрѣ—а читалъ я раньше въ газетахъ, въ іюнѣ или въ іюлѣ, объ этомъ Бенедетто, который проповѣдуетъ и творитъ чудеса въ Дженнэ, — я встрѣтилъ на улицѣ нѣкоего Поретти; онъ прежде писалъ въ „Osservatore“, а теперь пересталъ писать. Этотъ Поретти пошелъ меня проводить, и мы говорили о запретѣ, наложенномъ папой на книги Джіованни Сельва, котораго ждутъ въ Римъ. Поретти мнѣ сказалъ тогда, что въ Римѣ находится теперь другъ Сельва, о которомъ скоро будутъ говорить гораздо больше, чѣмъ о самомъ Сельва. — „Кто же это?“—спросилъ я.— „Дженнэнскій святой“. И вотъ что̀ онъ мнѣ разсказалъ: „Этого человѣка выгнали изъ Дженнэ по проискамъ двухъ священниковъ, извѣстныхъ въ Римѣ фарисеевъ. Онъ укрылся въ Субіакѣ въ домѣ Сельва и тамъ серьезно заболѣлъ. Выздоровѣвъ, онъ пріѣхалъ въ Римъ, такъ, въ половинѣ іюля. Профессоръ Майда, тоже другъ Сельва, взялъ его въ младшіе садовники въ свою виллу, которую построилъ два года тому назадъ въ Авентинѣ. Новый садовникъ, который требуетъ, чтобъ его звали просто Бенедетто, какъ въ Дженнэ, сдѣлался популярнымъ во всемъ кварталѣ Тестаччіо. Онъ дѣлилъ хлѣбъ съ бѣдняками, ухаживалъ за больными, даже, какъ говорятъ, многихъ вылечивалъ только тѣмъ, что клалъ имъ руки на голову и молился. Онъ пріобрѣлъ такую популярность, что невѣстка профессора Майда, хотя она сама ревностная католичка, охотно бы отказалась держать его въ домѣ, —до того ей надоѣли приходившіе къ нему люди. Но профессоръ, совершенно невѣрующій человѣкъ, не хочетъ его отпускать. Онъ относится къ нему съ величайшимъ почтеніемъ. Онъ мирится съ тѣмъ, что Бенедетто расчищаетъ дорожки и поливаетъ цвѣты, только изъ уваженія къ убѣжденіямъ святого, и то позволяетъ ему заниматься этимъ только самое короткое время. Онъ хочетъ, чтобы Бенедетто совершенно свободно выполнялъ свою религіоз-

ную миссію. Онъ самъ часто спускается въ садъ и бесѣдуетъ съ нимъ о религіи. Бенедетто, чтобы сдѣлать ему удовольствіе, отказался отъ своего прежняго режима, состоявшаго изъ хлѣба, овощей и воды; онъ ѣстъ мясо и пьетъ вино. Надъ нимъ многіе смѣются, иные оскорбляютъ его, но народъ преклоняется передъ нимъ, какъ въ Дженнэ. И онъ заботится болѣе всего о душахъ людей. Онъ поднялъ нравственность во многихъ семьяхъ,—за что его чуть не убила одна порочная женщина,—вернулъ въ лоно церкви людей, которые съ дѣтства никогда не молились. По вечерамъ, три-четыре раза въ недѣлю, онъ говоритъ въ катакомбахъ.

— Въ катакомбахъ? — воскликнула зрѣлая дама, и другія подхватили:—Боже мой, почему въ катакомбахъ?

Молодой профессоръ улыбнулся:—Поретти сказалъ: „въ катакомбахъ",—пояснилъ онъ,—понимая подъ этимъ словомъ скрытое мѣсто, о которомъ немногіе знаютъ. Теперь его знаю и я.

— Мы тоже узнаемъ, — сказала маркиза. — Но послушай, сынъ мой, этотъ твой святой, съ его тайной проповѣдью, — не ересіархъ ли онъ? Чтò говорятъ священники?

— Сегодня,—отвѣтилъ профессоръ Гварначчи,—здѣсь было три-четыре священника, и они ушли очень довольные.

— Но это, можетъ быть, какіе-нибудь захудалые, недовольные священники. А чтò говорятъ другіе? Вотъ увидишь, что рано или поздно ему достанется за это.

Съ этими словами маркиза ушла, и за ней послѣдовали всѣ свѣтскія дамы въ декольтированныхъ туалетахъ.

Пожилая дама и квакерши, очень довольныя уходомъ свѣтскихъ насмѣшницъ, стали осаждать профессора вопросами. Нельзя ли имъ узнать, гдѣ эти новыя катакомбы? сколько людей тамъ собирается? есть ли женщины? о чемъ тамъ говорятъ? Чтò извѣстно о прошломъ Бенедетто? Профессоръ отдѣлался отъ вопросовъ, какъ могъ, повторивъ слова одного знакомаго католическаго священника, который говорилъ, что еслибы въ каждомъ римскомъ приходѣ былъ такой Бенедетто, то Римъ дѣйствительно превратился бы въ святой городъ. Но когда, послѣ ухода другихъ дамъ, остались только синьора Альбаччино и молчаливая дама въ черномъ, которыя дожидались своей кареты, онъ далъ понять, что охотно разсказалъ бы все синьорѣ Альбаччино, своей давнишней знакомой, но что его смущаетъ присутствіе незнакомой дамы. Онъ попросилъ представить его ей. Синьора Альбаччино извинилась, что не сдѣлала этого раньше, и познакомила ихъ:

— Профессоръ Гварначчи,—сказала она,—синьора Десаль, моя пріятельница.

Такъ-называемыми „катакомбами" была какъ разъ та зала, въ которой они теперь находились. Вначалѣ, собранія происходили въ квартирѣ Сельва, но это оказалось неудобнымъ по многимъ причинамъ. Гварначчи, вступивъ въ число послѣдователей Бенедетто, предложилъ свою квартиру, и тамъ стали собираться по два раза въ недѣлю. Туда приходили Сельва, сестра синьоры Сельва, нѣсколько священниковъ, венеціанка, которая только-что уѣхала, нѣсколько юношей и въ томъ числѣ нѣкій Альберти, любимый ученикъ Бенедетто, который въ этотъ вечеръ съ нимъ пріѣхалъ и уѣхалъ; затѣмъ одинъ еврей, нѣкій Витербо, уже готовый перейти въ католичество и на котораго учитель возлагаетъ большія надежды; затѣмъ одинъ рабочій, наборщикъ, нѣсколько художниковъ и даже два члена парламента. Цѣль этихъ собраній заключалась въ томъ, чтобы ознакомить людей, приверженныхъ ко Христу, но враждебныхъ католицизму, съ истинной сущностью католичества и указать на то, что въ немъ можетъ измѣниться при взаимодѣйствіи божественнаго элемента души и внѣшнихъ вліяній науки и общественной совѣсти. Бенедетто, по словамъ профессора, умѣлъ, какъ никто, управлять душами, понимать ихъ слабости, опускаться къ слабымъ, возвышаться до сильныхъ, говорить съ робкими языкомъ, который поучаетъ, но не смущаетъ.

— Маркиза,—продолжалъ профессоръ,—говоритъ, что онъ, можетъ быть, ересіархъ, и что священники, слѣдующіе за нимъ, еретики. Нѣтъ, Бенедетто—не еретикъ. Онъ самъ на послѣднемъ собраніи объяснилъ, что ереси пагубны для церкви, не только потому, что отнимаютъ у нея души, но, главнымъ образомъ, потому, что отнимаютъ у нея элементы прогресса, потому что еслибы новаторы остались въ церкви, они содѣйствовали бы торжеству истины надъ заблужденіями и внесли бы жизнь въ церковь.

Синьора Альбаччино замѣтила, что хорошо бы, еслибы, дѣйствительно, дѣло такъ обстояло, потому что мрачное пророчество маркизы тогда бы не оправдалось.

— Пророчество о томъ, что ему достанется и что ему слѣдуетъ остерегаться? — со смѣхомъ сказалъ профессоръ.— Нѣтъ, это пустяки, никакой опасности нѣтъ, и нужно быть маркизой, чтобы выражать такія опасенія. Одинъ римскій священникъ вздумалъ даже предупреждать Бенедетто, но получилъ такой отпоръ, что въ другой разъ закается дѣлать это. Но его, конечно, ожидаютъ преслѣдованія. Тѣ два римскихъ священника, которые преслѣдовали его въ Дженнэ, не дремлютъ. Они слѣдятъ за каждымъ шагомъ Бенедетто, вошли въ сношенія съ невѣсткой про-

фессора Майда черезъ посредство ея духовника, чтобы узнать что-нибудь о его рѣчахъ и о нашихъ собраніяхъ. Одно участіе въ нихъ Сельва дѣлаетъ эти собранія ненавистными для нихъ. Но такъ какъ Бенедетто—міряниеъ, и они противъ него ничего не могутъ подѣлать, то они, кажется ищутъ содѣйствія свѣтскихъ властей, полиціи и суда. Вы удивляетесь? Однако это такъ. Теперь они еще ничего опредѣленнаго не добились, но многое готовится. Мы предупреждены одниыъ иностраннымъ католикомъ. Противъ Бенедетто готовится уголовное преслѣдованіе.

Молчаливая дама въ черномъ прервала наконецъ свое молчаніе.

— Неужели это возможно? — сказала она.

— Синьора,— сказалъ профессоръ,— вы не знаете, на что способны непримиримые члены церкви. Непримиримые міряне— кроткія овцы въ сравненіи съ ними. Враги Бенедетто хотятъ воспользоваться несчастнымъ случаемъ, происшедшимъ въ Дженнэ. Но теперь случилось нѣчто новое, очень важное, воскрешающее въ насъ надежду,—только это еще тайна. Вамъ я ее, конечно, могу сообщить, съ тѣмъ, чтобы вы никому не говорили.

Профессоръ на минуту замолчалъ, наслаждаясь выраженіемъ остраго любопытства на лицахъ двухъ дамъ.

— На дняхъ,—сказалъ онъ,—секретарь одного кардинала, молодой нѣмецкій патеръ, отправился въ монастырь св. Ансельма и говорилъ тамъ съ братьями. Послѣ того Бенедетто былъ призванъ въ этотъ бенедиктинскій монастырь, гдѣ къ нему очень хорошо относятся. Тамъ его спросили, не имѣетъ ли онъ намѣренія просить аудіенціи у святого отца, чтобы засвидѣтельствовать ему свою приверженность. Онъ отвѣтилъ, что явился въ Римъ съ этимъ желаніемъ въ сердцѣ, но ждалъ знака отъ Провидѣнія, — и что теперь этотъ знакъ ему данъ. Тогда ему сказали, что его святѣйшество, навѣрное, охотно приметъ его, и онъ попросилъ аудіенціи. Это было разсказано Джіованни Сельва однимъ нѣмецкимъ бенедиктинцемъ.

— Когда же онъ идетъ къ папѣ? — спросила синьора Альбаччино.

— Послѣ завтра, вечеромъ.

Профессоръ прибавилъ, что въ Ватиканѣ это держится подъ величайшимъ секретомъ, что съ Бенедетто тоже взяли слово никому не говорить объ этомъ, и что никто не зналъ бы ничего, еслибы не нѣмецкій монахъ. Друзья Бенедетто, по словамъ профессора, ждутъ многаго отъ этой аудіенціи. Синьора Альбаччино спросила, что̀ предполагаетъ Бенедетто сказать папѣ? Профес-

соръ улыбнулся, говоря, что Бенедетто никому этого не сообщалъ, и что никто не осмѣлился бы спрашивать у него. По предположенію профессора, Бенедетто будетъ заступаться за Сельва и просить, чтобы книги его не подвергались запрещенію.

— Этого еще мало!— сказала синьора Альбаччино тихимъ голосомъ, и Жанна вздрогнула, выражая свое согласіе съ нею.

— Слишкомъ мало!—воскликнула она, удививъ профессора этимъ внезапнымъ порывомъ, послѣ долгаго молчанія. Профессоръ извинился: вѣдь онъ вовсе не сказалъ, что Бенедетто не будетъ говорить и о другомъ съ папой. Онъ хотѣлъ сказать, что, по его мнѣнію, объ этомъ-то ужъ онъ, навѣрное, будетъ говорить. Синьора Альбаччино не могла понять желаніе папы видѣть Бенедетто. Какъ это себѣ объясняли друзья его? Что говорилъ Сельва? Никто, по словамъ профессора, не зналъ, въ чемъ дѣло.

— А я знаю,— сказала Жанна, гордясь тѣмъ, что понимаетъ непонятное для другихъ.— Вѣдь папа, кажется, былъ епископомъ въ Бресчіи?

Гварначчи улыбнулся съ легкой ироніей.— Синьора, видимо, хорошо освѣдомлена о прошломъ Бенедетто,— сказалъ онъ;— синьора утверждаетъ то, о чемъ въ Римѣ поговариваютъ, но чему не всѣ вѣрятъ. Но, все-таки, одного она, повидимому, не знаетъ: папа никогда не былъ епископомъ въ Бресчіи; онъ былъ епископомъ въ двухъ городахъ на югѣ.—Жанна, раздраженная противъ себя самой, стыдясь того, что выдала себя, ничего не отвѣтила. Синьора Альбаччино спросила, какого мнѣнія Бенедетто о папѣ?

— Онъ преклоняется только передъ идеей папской власти. Такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется. Я никогда не слышалъ, чтобы онъ говорилъ о личности папы. О папской власти онъ говорилъ. Онъ произнесъ по этому поводу цѣлую рѣчь, противополагая католичество протестантству, развивая свой идеалъ управленія церковью на основахъ справедливости и свободы. Къ тому же, о новомъ папѣ еще ничего не извѣстно. Говорятъ, что онъ святой, умный, больной и слабый человѣкъ.

Провожая дамъ по темной лѣстницѣ внизъ, профессоръ сказалъ со вздохомъ:

— Очень опасаются, что Бенедетто не будетъ долго жить. Даже Майда считаетъ его очень серьезно больнымъ.

Синьора Альбаччино, которая спускалась съ лѣстницы подъ-руку съ профессоромъ, воскликнула, не останавливаясь:

— Бѣдняга! чѣмъ же онъ боленъ?

— Кажется, его болѣзнь—слѣдствіе тифа, которымъ онъ заболѣлъ въ Субіакѣ, а главнымъ образомъ—слѣдствіе долгихъ лишеній, которымъ онъ себя подвергалъ.

Они молча продолжали спускаться по лѣстницѣ, и только въ самомъ низу замѣтили, что вторая дама отстала отъ нихъ. Профессоръ быстро поднялся обратно и увидѣлъ Жанну этажемъ выше; она стояла прислонившись къ периламъ. Сначала она не двигалась и не говорила, а потомъ прошептала:

— Здѣсь очень темно.

Гварначчи не замѣтилъ, что она сказала это очень тихо, и предложилъ ей руку, извиняясь за темноту, которую объяснялъ скупостью домохозяина. Жанна сѣла въ коляску синьоры Альбаччино, которая отвезла ее въ „Grand Hôtel“.

По дорогѣ, синьора Альбаччино стала жалѣть бѣднаго больного Бенедетто. Жанна не открывала рта, и молчаніе ея непріятно поразило ея подругу.

— Вамъ не понравилась его рѣчь?—спросила она. Она не знала, каковы религіозныя убѣжденія Жанны.

— Понравилась,—отвѣтила она.—Почему вы спрашиваете?

— Такъ. Мнѣ показалось, что вы недовольны. Такъ вы не жалѣете, что пріѣхали?

Къ изумленію синьоры Альбаччино, Жанна взволнованно взяла ее за руку и сказала:—Я вамъ очень, очень благодарна!

— „Однако,—подумала она,—это, кажется, будущая послѣдовательница Святого Духа“.

— Что касается меня,—проговорила она вслухъ,—то я, конечно, останусь въ лагерѣ непримиримыхъ. Пусть они фарисеи, пусть они все, что угодно, но я боюсь, что отъ всѣхъ этихъ перемѣнъ только погибнетъ старая вѣра, и уже ничего не останется. Кромѣ того, если слѣдовать за Бенедетто, то пришлось бы мѣнять слишкомъ многое. На это я не согласна. Но все-таки онъ меня сильно интересуетъ. Непремѣнно нужно его повидать,—въ особенности если онъ осужденъ на скорую смерть. Какъ вамъ кажется? И какъ это сдѣлать? Подумаемте.

— Я не желаю его видѣть,—поспѣшила сказать Жанна.

— Неужели?—воскликнула ея подруга. — Но почему? Объясните мнѣ эту загадку.

— Не хочу, вотъ и все.

„Какая она странная!“—подумала синьора Альбаччино.

Коляска остановилась у подъѣзда отеля. У входа Жанна встрѣтила Ноэми и ея шурина, которые какъ разъ выходили.

— Наконецъ-то!—сказала Ноэми. — Иди скорѣе къ твоему брату. Онъ взбѣшенъ тѣмъ, что тебя нѣтъ. Мы ушли потому, что пришелъ докторъ.

Десали были въ Римѣ уже двѣ недѣли. Холодное и сырое начало ноября, заботы о здоровьи, планы изученія Бернини для задуманнаго романа,—все это побудило Карлино скорѣе сдаться на просьбы синьоры Альбаччино, покинуть виллу въ Діедо и переѣхать въ Римъ,—къ тайной радости его сестры. Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда, у него сдѣлался легкій бронхитъ. Онъ уже вообразилъ себя чахоточнымъ, заперся въ комнатѣ съ намѣреніемъ не выходить всю зиму, требовалъ доктора два раза въ день и не отпускалъ отъ себя Жанну почти ни на минуту. Она превратилась въ его рабыню и съ особой радостью, самоотверженно исполняла всѣ его капризы. Она совершала этотъ подвигъ любви, думая о Бенедетто. Она часто видалась съ Сельва и Ноэми, но не у нихъ въ домѣ, а у себя въ отелѣ. Сельва тоже поддались обаянію этой прекрасной, милой и печальной женщины. Все, что Гварначчи говорилъ о Бенедетто, она уже знала отъ Ноэми. Не знала она только про опасенія Майда,—Ноэми не передала ей этого, чтобы не огорчить ее и чтобы не выдать также и своего собственнаго волненія.

Карлино встрѣтилъ ее очень сердито. Докторъ сразу понялъ, что его учащенный пульсъ—слѣдствіе раздраженія, сказалъ, что болѣзнь его не серьезная, и ушелъ. Карлино сталъ сердито спрашивать Жанну, гдѣ она пропадала такъ долго, и Жанна ему все разсказала,—умалчивая только о дѣйствительномъ имени Бенедетто.

— И тебѣ не стыдно,—сказалъ онъ,—подслушивать у дверей?

Не давая ей времени отвѣтить, онъ сталъ возмущаться ея новыми вкусами.

— Завтра ты пойдешь исповѣдываться, а послѣ-завтра будешь молиться съ четками въ рукахъ!

Карлино чувствовалъ истинную вражду къ религіи и былъ совершенно внѣ себя, думая, что сестра его когда-нибудь станетъ вѣрующей и будетъ исполнять религіозные обряды, возиться съ патерами.

Жанна ничего не отвѣтила и кротко предложила почитать ему вслухъ. Карлино отказался, потомъ сталъ жаловаться на сквозняки, заставилъ ее осмотрѣть всѣ окна и двери, и тогда только отослалъ ее спать. Жанна пошла къ себѣ въ комнату, но ей вовсе не хотѣлось спать. Она потушила свѣчу и сѣла на постель.

Съ улицы доносился стукъ проѣзжающихъ экипажей, въ корридорѣ раздавались шаги и шелестъ женскихъ платьевъ, но она ничего не слышала, безмолвно сидя въ темнотѣ. Она затушила свѣтъ, чтобы сосредоточиться на своихъ мысляхъ. Слова профессора Гварначчи объ опасной болѣзни Бенедетто затемнили ея разумъ. Сидя въ коляскѣ съ подругой, потомъ въ комнатѣ своего брата, говоря съ ними о разныхъ вещахъ, она все время чувствовала въ глубинѣ души одно пламенное желаніе. Теперь оно еще сильнѣе разгоралось въ ней. Въ фигурѣ, сидѣвшей на постели во мракѣ, были какъ бы двѣ Жанны, стоявшія лицомъ къ лицу: одна—смиренная, пламенная, готовая принести все на алтарь любви, а другая—безсознательно гордая, увѣренная въ томъ, что владѣетъ строгой и холодной истиной. Шумъ колесъ на улицѣ затихалъ, все рѣже раздавались шаги въ корридорѣ—и обѣ Жанны объединились въ одну, которая подумала:

„Когда мнѣ сообщатъ о его смерти, я смогу сказать себѣ, что хоть это я сдѣлала".

Она поднялась, зажгла свѣчку, сѣла къ письменному столу и написала:

„Пьеру Майрони, ночью 29 ноября...

„Я вѣрю.—Жанна Десаль".

Она написала и потомъ долго глядѣла на написанное ею торжественное слово. И чѣмъ больше она на него смотрѣла, тѣмъ болѣе стали постепенно оживать въ ней обѣ Жанны. Безсознательно гордая Жанна одержала верхъ, почти безъ борьбы, надъ другой. Преисполненная земной горечи, она разорвала листокъ, запятнанный словомъ, которое ей такъ хотѣлось сказать—но которое она не могла произнести съ полной искренностью. Она опять потушила свѣчку, стала обвинять въ жестокости Бога, если Онъ существуетъ, и потомъ долго, долго плакала...

Съ итальян. З. В.

ИЗЪ

ДНЕВНИКА

НА ВОЙНѢ 1877 — 78 ГОДОВЪ *)

1878-ой годъ

1-ое января — 17-ое апрѣля.

I.

1—8 января.

1 января.—Первый день новаго года мы провели въ Казанлыкѣ, куда переѣхали изъ Габрова, прослѣдовавъ мимо деревни Шипки, отстоящей отъ Казанлыка въ 12 верстахъ. Только среди дня была получена слѣдующая телеграмма Государя отъ $8^{1}/_{2}$ ч. вечера, 31 декабря, Великому Князю Николаю Николаевичу:

„Два дня не имѣю отъ тебя никакихъ извѣстій. Шифрованный отвѣтъ отправленъ тебѣ 29 декабря. Между тѣмъ, необходимо движеніе впередъ, безъ всякаго замедленія. Благодарю за письмо, полученное вчера вечеромъ. Клейгельсъ прибылъ сегодня: назначилъ его флигель-адъютантомъ. Ожидаю твоихъ отвѣ-

*) Та часть „Дневника", гдѣ описываются событія 1877-го года, отъ 18 апрѣля по 31 декабря, была помѣщена въ журналѣ 1905 года: апрѣль—сентябрь. Въ 1878-мъ году „Дневникъ" останавливается на 17-мъ апрѣля, днѣ увольненія Великаго Князя Николая Николаевича отъ командованія дѣйствующею арміею и отъѣзда его въ Петербургъ.— *Ред.*

товъ на мои вопросы и подробности дѣла 28 числа. Я поправился и силы возвращаются".

Ночью (вѣрнѣе, вчера вечеромъ, къ 12-ти ч. ночи) Великій Князь самъ составилъ и послалъ Государю слѣдующія телеграммы:

1) „Вся ввѣренная мнѣ армія, со мною во главѣ, повергаетъ свое поздравленіе съ новымъ годомъ Вашему Величеству. Всѣ мы готовы и стремимся довести святое дѣло, начатое Вашимъ Величествомъ, до конца, повергая всѣ наши силы и нашу жизнь къ Вашимъ стопамъ. Сегодня на вершинахъ Балканскихъ горъ и у подножія ихъ прокричали Вашему Величеству „ура!". Казанлыкъ, 12 часовъ ночи, 1878 г.".

2) „Отъ всего сердца благодарю тебя за золотую саблю. Награда эта доставила мнѣ огромное удовольствіе, тѣмъ болѣе, что получилъ ее сегодня въ Казанлыкѣ, послѣ того что перешелъ лично Балканы. Завтра двигается пѣхота на Эски-Загру, и часть по долинѣ Тунджи—въ Хаскіой. Кавалерія уже сегодня пошла на Эски-Загру. Войска, видѣнныя мною сегодня, а именно: 9, 14, 16 и 30-ая пѣхотныя дивизіи, 3-ья и 4-ая стрѣлковыя бригады, храбрѣйшія болгарскія дружины и 1-я кавалерійская дивизія глядятъ, въ полномъ смыслѣ слова, молодцами, чистые герои. Твое „спасибо" было принято съ восторгомъ. Только теперь, видя своими глазами и испытавъ переходъ черезъ горы самъ, только поймешь всѣ трудности этого громаднаго, гигантскаго дѣла. Затрудненія и препятствія—невообразимыя и немыслимыя. Просто становишься въ тупикъ, какъ все это можно было сдѣлать. Положительно одному русскому войску это возможно. Описать и разсказать невозможно: все будетъ блѣдно передъ истиной. Отъ всей души обнимаю тебя и императрицу. Да хранитъ васъ Богъ и подастъ тебѣ кончить дѣло во славу матушки Россіи".

У меня бережно хранится черновой подлинникъ этой телеграммы, собственноручно имъ написанный карандашомъ. Телеграмма эта особенно дорога, какъ безыскусственное личное изліяніе чувствъ, волновавшихъ Великаго Князя въ этотъ знаменательный день.

Въ теченіе сегодняшняго дня Великій Князь послалъ Государю еще одну телеграмму, слѣдующаго содержанія:

„Счастливъ, что ты такъ доволенъ нашими чудо-богатырями. Дѣйствительно, для русскаго войска нѣтъ ничего невозможнаго. Душевно благодарю за поздравленіе съ новымъ годомъ и за добрыя пожеланія. Прошу пожаловать слѣдующія награды: за проходъ черезъ Траянскій перевалъ по статуту параграфа 365, статьѣ 40, для генеральнаго штаба Георгія 4-й степени подпол-

ковникамъ Сухомлинову и Сосновскому, и по той же статьѣ подполковнику графу Келлеру, за переходъ у Шипки на Иметли, и полковнику Соболеву у Шипки же, отъ Травны на Сельцо; князю Святополкъ-Мирскому—Георгія 3-й степени; командиру углицкаго полка полковнику Панютину—Георгія 4-й степени; во главѣ полка, со знаменемъ въ рукахъ, первому вскочившему на турецкій редутъ у деревни Шейново, генералу Скобелеву 2-му—бриллiантовую шпагу съ надписью: „За переходъ черезъ Балканы".

Очевидно, это—отвѣтъ на телеграмму Государя, сегодня полученную, но я этой телеграммы не видѣлъ, и содержанія ея не знаю.

Сегодня Великій Князь со всею свитою обѣдалъ у Радецкаго. За отсутствіемъ вина, пришлось пить тосты за здоровье Государя, Императрицы, Великаго Князя и русской арміи—водою. За обѣдомъ Великій Князь, какъ новопожалованный кавалеръ золотого оружія, попросилъ Радецкаго подарить ему свой георгіевскій темлякъ.

Послѣ обѣда всѣ разошлись, и остались бесѣдовать только М. Д. Скобелевъ, Дмитровскій, Столѣтовъ, Левицкій и я. Скобелевъ, волнуясь, горячо доказывалъ, что турецкая армія сдалась благодаря ему, а князь Мирскій не только этого не признаетъ, но еще взводитъ на него разныя напраслины. Дмитровскій защищалъ князя Мирскаго и доказывалъ Скобелеву, что онъ самъ во многомъ виноватъ, и не ему обвинять другихъ. Мы трое (Столѣтовъ, Левицкій и я) только слушали. Изъ хода преній я однако понялъ, что пререканія между Скобелевымъ и княземъ Мирскимъ начались еще во время сраженія, и что, кажется, виноваты оба.

Когда окончательно разошлись, то, по пути домой, я напомнилъ Скобелеву, что онъ еще 29-го ноября [1]) обѣщалъ мнѣ дать кинжалъ или шашку изъ Плевны—на память. Онъ тотчасъ же снялъ съ себя и передалъ мнѣ турецкую саблю, прося взять ее на память. „Это,—сказалъ онъ,—сабля того турецкаго полковника, который командовалъ войсками на Зеленыхъ горахъ, противъ меня. 29 ноября я его разыскалъ, взялъ къ себѣ въ палатку и просилъ не отбирать отъ него оружіе. Когда ему пришлось отправляться въ Россію, онъ отдалъ эту саблю мнѣ на память, и я съ тѣхъ поръ не снималъ ее, а теперь—дарю на память вамъ".

---

[1]) По взятіи Плевны, ему было поручено наблюдать за отобраніемъ оружія у плѣнныхъ турокъ.

Я было-посовѣстился брать такую достопамятную вещь, сталъ отказываться, но Скобелевъ настоялъ: „Я—азіатъ: что разъ подарилъ, назадъ не возьму".—Оставалось лишь горячо поблагодарить и принять.

Вечеромъ, уже около 9 часовъ, пришелъ нашъ обозъ. Всѣ очень обрадовались, ибо ничего у насъ не было. Самому Великому Князю два дня пришлось заимствоваться отъ Радецкаго не только чаемъ и сахаромъ, но даже полотенцами и мыломъ.

Кибитки наши однако не пришли. Ихъ перевозили, конечно, въ разобранномъ видѣ, на нѣсколькихъ подводахъ. Когда подводы эти застряли на Шипкинскомъ перевалѣ, солдатики живо разобрали войлочныя кошмы себѣ на подстилки и одѣяла, а камышевый переплетъ и деревянный приборъ — на растопки. Вѣроятно, конвоиры обоза были въ разбродѣ и во-время не досмотрѣли, а когда спохватились — ничего ни у кого доискаться не могли. Доложили объ этомъ, съ разными предосторожностями, Великому Князю, но онъ только разсмѣялся: „Вотъ ловкія шельмы! Ну, Богъ съ ними,—пусть погрѣются, довольно назяблись. Мнѣ вѣдь эти кибитки больше не нужны".

2 января.—Сегодня Сухомлиновъ привезъ турецкаго парламентера, котораго однако Великій Князь не принялъ и велѣлъ отправить обратно съ отвѣтомъ, что перемирія не будетъ, пока не будутъ подписаны предварительныя условія мира.

Исторія этого парламентера такая. Послалъ его филиппопольскій губернаторъ, по приказанію военнаго министра, Реуфапаши, съ просьбою пріостановить военныя дѣйствія. Поѣхалъ онъ на Карлово съ тѣмъ, чтобы ѣхать къ Великому Князю въ Ловчу, и наткнулся въ Карловѣ на отрядъ Карцова, къ которому и обратился съ просьбою доставить его къ Великому Князю. Карцовъ, не зная еще, что Великій Князь перевалилъ Балканы, велѣлъ Сухомлинову везти парламентера въ Габрово. По пути Сухомлиновъ узналъ отъ встрѣтившагося казачьяго разъѣзда о плѣненіи шипкинской арміи и о томъ, что Великій Князь уже долженъ быть въ Казанлыкѣ, и сообразно съ этимъ измѣнилъ маршрутъ. Когда парламентеръ спросилъ: „Гдѣ же мы перевалимъ черезъ Балканы?" — Сухомлиновъ отвѣтилъ: „Совсѣмъ не перевалимъ".—„Какъ такъ?" — „Не нужно: главная квартира Великаго Князя въ Казанлыкѣ, а ваша шипкинская армія—въ плѣну". Бѣдный турокъ поблѣднѣлъ и дрожащимъ голосомъ сказалъ: „Alors — nous sommes perdus!" Оправившись, онъ самъ разсказалъ Сухомлинову, что, значитъ, правъ былъ Сулейманъ-

паша, который, получивъ 27-го декабря предписаніе Порты заключить перемиріе и, конечно, ничего еще не зная о томъ, что происходитъ на Шипкѣ, съ раздраженіемъ сказалъ: „Въ Константинополѣ, должно быть, считаютъ русскихъ дураками. Развѣ они для того только-что совершили переходъ черезъ Балканы, чтобы перемиріе заключать? Если наши не хотятъ больше воевать, такъ ужъ надо прямо просить мира, а не перемирія".

Сегодня же Великій Князь отправилъ слѣдующую телеграмму, составленную Нелидовымъ по-французски:

„Переговоры о перемиріи въ настоящее время въ слѣдующемъ положеніи:

„31-го, отвѣчая Реуфу-пашѣ на просьбу сообщить основанія мира, которыми я обусловливаю заключеніе перемирія, — я заявилъ, что сообщу эти основанія тому лицу, которое будетъ прислано ко мнѣ со всѣми полномочіями для принятія ихъ. Въ виду успѣховъ, достигнутыхъ нами по полученіи указаній Вашего Величества и въ виду занятія съ тѣхъ поръ сербами турецкой территоріи, — я позволяю себѣ спросить: не благоугодно ли разрѣшить замѣну, въ основаніяхъ мира, словъ: „кромѣ нѣкоторыхъ проектовъ, подлежащихъ опредѣленію и т. д." — упоминаніемъ объ одной только Шумлѣ. Кромѣ того, въ третьемъ пунктѣ, касающемся Сербіи, сказать: вмѣсто „исправленіе границъ" — „увеличеніе территоріи".

Сегодня и отъ Государя получена слѣдующая шифрованная телеграмма:

„Вслѣдствіе твоего отвѣта насчетъ назначенія Обручева, котораго считаю вполнѣ способнымъ и достойнымъ того мѣста, о которомъ просилъ Саша, желаю, чтобы и Саша, и Владиміръ оставались при настоящемъ ихъ командованіи".

Такимъ образомъ покончень столь неожиданно возникшій и сразу обострившійся вопросъ о замѣщеніи Гурко Цесаревичемъ и о назначеніи къ нему начальникомъ штаба Обручева. Но очевидно, что Государь недоволенъ неуступчивостью Великаго Князя. Что касается Цесаревича, то онъ уже давно и вполнѣ опредѣленно выразилъ свое неудовольствіе. Дай Богъ, чтобъ этотъ инцидентъ не повредилъ Великому Князю. Хотя, съ другой стороны, еслибы онъ покорился, то его же всѣ обвинили бы въ смѣщеніи Гурко, и оправдываться было бы невозможно. По крайней мѣрѣ, онъ поступилъ по совѣсти и по убѣжденію.

Самъ Великій Князь, по беззаботности характера, вполнѣ доволенъ и считаетъ инцидентъ исчерпаннымъ.

3 января.— Получена телеграмма Реуфа-паши отъ 1-го января, что уполномоченными Порты назначены Серверъ-паша и Намыкъ-паша, которые выѣзжаютъ изъ Константинополя сегодня. Государю послана сегодня масса телеграммъ, такъ что работы было много. Вотъ эти телеграммы:

1) „Здѣсь полная зима. Санитарное состояніе войскъ очень удовлетворительно. Орудій взято болѣе 70. Командующій на Шипкѣ турецкимъ корпусомъ былъ Вессель-паша. Кромѣ него, взято трое пашей, офицеровъ 280, нижнихъ чиновъ 25.000. Знаменъ—7. Потери наши: ранены генералы Гренквистъ и Домбровскій, полковникъ Громанъ, подполковникъ Хоменко, флигель-адъютантъ графъ Толстой (въ руку легко, остался во фронтѣ). Офицеровъ у Мирскаго убито 19, ранено 116; нижнихъ чиновъ убито 1.083, ранено 4.246; всего до 5.464 человѣкъ. Отличились особенно 3 и 4-ая стрѣлковыя бригады, полки сѣвскій, елецкій, орловскій, углицкій, казанскій и болгарское ополченіе, подольскій и житомирскій. Мое здоровье удовлетворительно; вчера былъ сильно утомленъ, Богъ дастъ дотяну до конца. Сегодня получилъ телеграмму Реуфа-паши съ увѣдомленіемъ, что Серверъ-паша и Намыкъ-паша ѣдутъ ко мнѣ уполномоченными для переговоровъ о перемиріи. Ожидаю ихъ сюда 5-го января". (Составлена Великимъ Княземъ собственноручно.)

2) „Ожидаю отвѣта на вопросы о назначеніи и обязанностяхъ коммиссара, изложенные въ запискѣ, подписанной княземъ Черкасскимъ и черезъ адъютанта моего Андреева препровожденной къ военному министру. Въ настоящую минуту рѣшеніе вопросовъ этихъ становится самымъ неотложнымъ, а потому Вашему Величеству не благоугодно ли будетъ разрѣшить князю Черкасскому теперь же прибыть въ Петербургъ для личнаго полученія указаній и представленія соображеній по возникающимъ вновь обстоятельствамъ. Отъѣздъ его теперь облегчается введеніемъ на югѣ отъ Балканъ временнаго военно-полицейскаго управленія. На время его отсутствія генералъ Анучинъ можетъ исправлять его должность".

Телеграмму эту тоже составлялъ самъ Великій Князь.

3) „Вчера, 2-го января, нашъ передовой отрядъ занялъ Іени-Загру, которая очищена войсками, оставлена жителями и зажжена. Войска продолжаютъ быстро двигаться впередъ. Отъ Гурко новыхъ свѣдѣній еще нѣтъ. О распредѣленіи войскъ по отрядамъ и о направленіи колоннъ донесу шифромъ".

4) „Наступаю на Адріанополь такъ: Правая колонна Гурко, если займетъ Филиппополь, то въ обходъ Адріанополя черезъ

Хаскіой. Карцовъ со своей дивизіей, двумя донскими полками, казанскими драгунами — отъ Карлова на перерѣзъ туркамъ на Филиппополь или Чирпанъ, а далѣе—какъ промежуточный отрядъ между Гурко и центромъ. Центръ: въ авангардѣ Скобелевъ съ шестнадцатью и тридцатью дивизіями, обѣими стрѣлковыми бригадами, тремя полками первой кавалерійской дивизіи и девятымъ донскимъ полкомъ, черезъ Эски-Загру и Гютерли на Херманли. За нимъ—я съ гренадерами. Лѣвая колонна Радецкаго на Сливно и Ямболи и далѣе на Адріанополь съ сѣверной стороны. Три полка девятой дивизіи 2-го января пошли уже на Эски-Загру и Ямболи. Двадцать-шестая дивизія съ двумя полками тринадцатой кавалерійской дивизіи спустится съ горъ черезъ Хаинкіой в Твардицу и пойдетъ на Сливно. Самъ Радецкій съ четырнадцатою дивизіей и двадцать-третьимъ донскимъ полкомъ пойдетъ въ резервѣ, за ямбольскимъ отрядомъ. Движеніе начинаютъ: Скобелевъ—третьяго января; двадцать-шестая дивизія и Радецкій—около шестого января; я надѣюсь тронуться седьмого января съ головнымъ эшелономъ гренадеръ. Прочіе уже идутъ".

5) „Счетъ взятыхъ на Шипкѣ трофеевъ продолжается. Плѣнныхъ оказалось не 25, а 32 тысячи; всѣ они уже отправлены. Орудій насчитано теперь 93, знаменъ 10.

„Турки очистили Котелъ, Старорѣку, Сливно и стягиваются къ Ямболи, предавая пламени всѣ запасы на пути. Твардица занята авангардомъ отряда генерала Малахова. Орденскіе драгуны пошли къ Сливнѣ и Эски-Загрѣ. Генералъ Струковъ съ московскими драгунами вечеромъ 2-го января дошелъ до Аладага, верстахъ въ пяти отъ Трнова-Сейменли и сегодня намѣревался идти далѣе. Войска наши быстро и безостановочно идутъ вездѣ впередъ. Турки отовсюду бѣжали. Небольшія партіи башибузуковъ взяты Струковымъ въ плѣнъ. Колонна генерала Карцова изъ Чукурли дошла, 2-го января, пѣхотою до Каратопрака на Карлово-Филиппопольскомъ шоссе, а казаки его вступили въ Карамустафляръ для связи съ отрядомъ генерала Гурко".

Начальство надъ передовою кавалеріею авангарда Скобелева Великій Князь поручилъ своему любимцу, Струкову, какъ лихому и неутомимому кавалеристу. Подъ его команду отданы 1-й лейбъ-драгунскій московскій и 1-й уланскій с.-петербургскій полки, безъ артиллеріи, такъ какъ ея вообще нѣтъ: ее еще спускаютъ съ Балканъ съ невѣроятными усиліями. При авангардѣ Скобелева, составляющемъ цѣлый сводный корпусъ, всего только 12 орудій разныхъ батарей: это вся артиллерія, какая оказалась вчера

подъ рукою. Зарядныхъ ящиковъ—ни одного: наступаемъ только съ передковымъ запасомъ. Запаса патроновъ нѣтъ вовсе. Словомъ, это не наступленіе, а бѣгство впередъ, на удалую.

Съ точки зрѣнія военнаго искусства—это, конечно, преступленіе, но принимая въ соображеніе обстоятельства — вполнѣ правильно. Ждать, пока все подойдетъ и подтянется—значило бы уступить драгоцѣнное время и дать туркамъ опомниться. Теперь они объяты паникой, и надо этимъ пользоваться. Этотъ способъ дѣйствій какъ разъ по душѣ Великому Князю; повелѣніе же Государя въ телеграммѣ отъ 31 декабря—„необходимо движеніе впередъ безъ всякаго замедленія"—пришло 1 января какъ нельзя болѣе кстати. Опираясь на Высочайшее повелѣніе, Великій Князь не опасается укора въ легкомысленномъ, неподготовленномъ наступленіи, который былъ ему сдѣланъ послѣ неудачи перваго забалканскаго похода. Да впрочемъ теперь и мудрено ожидать неудачи, ибо обстановка совсѣмъ другая: тогда вся турецкая армія была цѣла и нетронута, а теперь—частью плѣнена, частью разбита и, конечно, остатки ея деморализованы, иначе Порта не просила бы такъ настойчиво о перемиріи.

Еслибы Великій Князь не поспѣшилъ за Балканы лично—наступательное движеніе началось бы нескоро. Радищевъ съ Дмитровскимъ вовсе не были расположены трогаться съ мѣста. Дмитровскій спорилъ противъ немедленнаго наступленія такъ же горячо, какъ мѣсяцъ тому назадъ, противъ идеи обхода Шипки. И теперь продолжаетъ ворчать и каркать. Это—прирожденный пессимистъ: ему все и всегда представляется въ мрачномъ свѣтѣ. Будучи храбръ, распорядителенъ и невозмутимо-спокоенъ въ опасности—только и говоритъ о неизбѣжности пораженій и предвидитъ однѣ неудачи. Ненавидитъ письменную часть, въ чемъ вполнѣ сходится со своимъ начальникомъ Радецкимъ, съ которымъ вообще живетъ душа въ душу. Реляціи у Дмитровскаго надо вымогать силою: онъ считаетъ подробныя описанія военныхъ дѣйствій глупымъ хвастовствомъ. Ругаетъ Шипку, какъ напрасную (!) могилу множества людей, и все твердитъ, что какъ только кончится война—уйдетъ изъ строя въ губернскіе воинскіе начальники. Съ осени мучится нажитымъ на Шипкѣ кашлемъ, ни на минуту не оставляетъ своего труднаго поста и при этомъ все твердитъ и до сихъ поръ обиженно повторяетъ, что онъ дѣйствительно совсѣмъ боленъ, а никто не вѣритъ и всѣ думаютъ, что онъ притворяется. Разувѣрять его въ этомъ—напрасный трудъ. Будучи правою рукою Радецкаго съ самаго начала войны—все твердитъ, что онъ неспособенъ быть начальникомъ штаба, что постоянно

просился въ бригадные командиры. Будучи благороднѣйшимъ, деликатнѣйшимъ и добродушнѣйшимъ человѣкомъ — постоянно ворчитъ, бранится, азартно и безтолково споритъ. И чѣмъ кротче и терпѣливѣе съ нимъ говоришь, тѣмъ больше онъ выходитъ изъ себя. Хорошъ его костюмъ теперь: въ день послѣдняго шипкинскаго боя у него пропало все имущество, и онъ остался въ одномъ омерзительно-засаленномъ черномъ полушубкѣ со свернувшимися въ трубочки генеральскими погонами и при дрянной черкесской шашкѣ, взятой имъ съ убитаго черкеса еще при переправѣ черезъ Дунай. Радецкій представилъ его, какъ своего ближайшаго сотрудника, прямо къ Георгію 3-й степени, но это едва ли пройдетъ, такъ какъ кавалерская дума не можетъ присуждать высшую степень, минуя низшую. Это можетъ только Государь, а на это нельзя надѣяться, ибо Дмитровскій не только избѣгалъ выставляться на видъ, но никогда не допускалъ, чтобъ его имя попадало въ реляцію. А Радецкій, этотъ чисто-русскій герой-простецъ, никогда не придавалъ содержанію реляцій никакого значенія.

4 января.—Телеграммы начали сильно запаздывать. Сегодня получены двѣ отъ Государя:

1) „Всѣ твои телеграммы до 31-го декабря включительно получилъ и прочелъ ихъ съ величайшимъ интересомъ. Горжусь нашими славными войсками, доказавшими, что для нихъ невозможнаго нѣтъ. Поздравляю съ новымъ годомъ; да поможетъ тебѣ Богъ довершить святое дѣло, за которое уже пролито столько дорогой крови. За славныя дѣла Гурко назначаю: Георгія третьей степени генералъ-маіору Рауху и генералъ-адъютанту графу Шувалову; Георгія четвертой степени принцу Александру Ольденбургскому, генералъ-маіорамъ Нагловскому и Дандевилю. Отвѣтъ твой Реуфъ-пашѣ вполнѣ одобряю".

2) „Князь Горчаковъ сообщаетъ тебѣ телеграмму, полученную мною вчера прямо отъ султана, и мой отвѣтъ. Онъ ни въ чемъ не измѣняетъ данныхъ тебѣ инструкцій. До окончательнаго заключенія перемирія, военныя дѣйствія должны продолжаться съ величайшею энергіей".

Великій Князь чрезвычайно доволенъ этою телеграммою, и уже заговорилъ о томъ, что надо и ему ускорить свой выѣздъ изъ Казанлыка.

Сегодня было засѣданіе Георгіевской кавалерской думы, по окончаніи котораго была послана Государю слѣдующая телеграмма:

„За неутомимую и успѣшную распорядительность морскими

командами и средствами съ 14-го іюня до настоящаго времени по устройству и поддержанію мостовъ и переправъ у Зимницы, Петрошанъ и Никополя, даже при самыхъ неблагопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, и за успѣшное принятіе всѣхъ мѣръ не допустить непріятеля нанести вредъ нашимъ переправамъ, чѣмъ обезпечилось довольствіе арміи и доставилась возможность вести военныя дѣйствія спокойно и безостановочно, Дума, по статьямъ 376 и 377 и примѣняясь къ статьѣ 380 статута ордена св. Георгія, постановила: удостоить Его Императорское Высочество Великаго Князя Алексѣя Александровича орденомъ св. Георгія 4-й степени. Казанлыкъ, 4 января 1878".

Судя по слогу, думаю, что составлялъ телеграмму самъ Великій Князь; сохранившаяся черновая писана рукою его адъютанта Скалона.

На основаніи полученныхъ сегодня свѣдѣній были посланы Государю сегодня вечеромъ еще двѣ телеграммы:

1) „Московскіе Вашего Величества драгуны въ ночь со 2-го на 3-е января сняли рельсы на филиппопольской и ямбольской линіяхъ. Поѣзда больше не ходятъ. Турецкія войска идутъ въ Адріанополь грунтовою дорогою. По собраннымъ драгунами свѣдѣніямъ, Сулейманъ-паша, находящійся въ Филиппополѣ, будто бы приказалъ все жечь и рѣзать. Базарджикъ и Филиппополь будто бы горятъ. Казаки 1-го донского полка заняли Чирпанъ. Села между Эски-Загрой и Чирпаномъ всѣ цѣлы. Болгары всѣ остались на мѣстахъ. Въ ту же ночь, со 2-го на 3-е января, 2-й эскадронъ драгунъ Вашего Величества совершилъ набѣгъ на станцію Трново, разрушилъ желѣзную дорогу и телеграфъ, затѣмъ отошелъ подъ огнемъ пѣхоты и шести орудій. 3-го января утромъ генералъ Струковъ, съ эскадрономъ Вашего Величества московскаго драгунскаго полка, имѣя за собой второй дивизіонъ того же полка, вновь атаковалъ станцію Трново. Занимавшіе ее 300 чел. низама и 5.000 вооруженныхъ жителей бѣжали въ паническомъ страхѣ, бросивъ всѣ шесть орудій, которыя и были взяты эскадрономъ Вашего Величества. Желѣзнодорожный мостъ, зажженный бѣжавшимъ непріятелемъ, драгуны успѣли потушить. На станціи захвачены всѣ документы и телеграфный аппаратъ. 3-й эскадронъ драгунъ преслѣдуетъ бѣгущихъ турокъ по направленію на Адріанополь. Наша потеря—всего одинъ раненый драгунъ. 1-й донской полкъ, нагнавъ близъ Чирпана три транспорта подъ прикрытіемъ пѣхоты и кавалеріи, атаковалъ и разсѣялъ прикрытіе, а обозъ въ 200 повозокъ, 1.000 штукъ рогатаго скота и 300 барановъ захватилъ. Восемь турокъ взялъ въ плѣнъ. У насъ одинъ казакъ

убитъ, одинъ раненъ. Петербургскаго уланскаго полка поручикъ Пятницкій съ разъѣздомъ нагналъ на ямбольской желѣзной дорогѣ небольшой пѣхотный отрядъ, атаковалъ его и взялъ 9 чел. въ плѣнъ. Разъѣзды, посланные на Сливно, встрѣтили у д. Генджели около полусотни конныхъ черкесовъ, которые при нашемъ появленіи бѣжали".

Грѣшный человѣкъ, я думаю, что всѣ эти побѣдоносныя стычки были не съ войсками, а съ бѣгущими отъ страха жителями. Одни только шесть орудій на станціи Трново возбуждаютъ сомнѣніе: откуда они взялись? Низама, т.-е. регулярныхъ войскъ, всего 300 чел., а орудій при нихъ шесть. Такой пропорціи между пѣхотою и артиллеріей не бываетъ. Не были ли эти орудія просто брошены? Впрочемъ, не стоитъ и гадать: все равно это никогда не разъяснится.

2) „Получилъ увѣдомленіе, что доблестныя сербскія войска при взятіи Ниша овладѣли массою артиллеріи всякаго калибра, большими складами ружей Мартини, патроновъ и всякихъ боевыхъ запасовъ. Отъ нашихъ отрядовъ новыхъ свѣдѣній нѣтъ. Запасы продовольствія всякаго рода захвачены вездѣ громадные. Ледоходъ на Дунаѣ продолжается, сообщеніе крайне затруднительно. Казанлыкъ, 4-го января, 9 ч. вечера".

Струкову послано приказаніе распорядиться, чтобы ѣдущіе къ намъ для мирныхъ переговоровъ паши Серверъ и Намыкъ были встрѣчены и доставлены въ главную квартиру съ почетомъ. Когда они пріѣдутъ—никто не знаетъ и не можетъ знать, ибо они могутъ воспользоваться желѣзною дорогою только до Адріанополя, а какъ доберутся оттуда до Казанлыка—неизвѣстно.

О томъ, что̀ дѣлается на свѣтѣ, мы давно уже ничего не знаемъ. Даже въ Боготѣ газеты сильно запаздывали изъ-за ледохода на Дунаѣ, а съ тѣхъ поръ, какъ мы изъ Богота выѣхали— ни газетъ, ни писемъ никто не получалъ. Единому Богу извѣстно, когда будетъ устроено правильное почтовое сообщеніе черезъ Балканы. Шипкинскій перевалъ теперь такъ запруженъ, что обоза Великаго Князя до сихъ поръ нѣтъ. Продовольствуемся со дня на день, чѣмъ придется. Не говоря уже о полномъ отсутствіи водки и вина, даже сахару нѣтъ. Къ сегодняшнему утру у Великаго Князя оставалось ровно 8 кусковъ. Чай пили вчера съ медомъ, а сегодня съ турецкимъ сливовымъ вареньемъ, котораго хватило, впрочемъ, только на 5 чел.

Между тѣмъ, всѣ могли бы прекрасно довольствоваться, если бы у насъ былъ хоть какой-нибудь порядокъ и система.

Изобиліе запасовъ всякаго рода въ Казанлыкѣ и окрестно-

стихъ (да и вообще вездѣ)—поразительное: рису и зерна—горы; фуража—сколько угодно; скота—вволю. Но такъ какъ интендантства у насъ все равно что не существуетъ, то некому и заняться собираніемъ и правильнымъ распредѣленіемъ богатѣйшихъ мѣстныхъ запасовъ. Да никто объ этомъ и не думаетъ, никакихъ распоряженій по обезпеченію продовольственной части никто не дѣлаетъ. Какъ части войскъ, такъ и отдѣльныя лица вполнѣ предоставлены самимъ себѣ въ этомъ отношеніи. Вслѣдствіе этого все расхищается и расходуется совершенно зря.

Сегодня, напримѣръ, случайно найдены здѣсь неистощимые запасы разнаго варенья и несчетное число мѣшковъ съ грецкими орѣхами. Все это будетъ растащено и исчезнетъ безъ толку.

Кстати, курьезный случай вышелъ вчера. Одинъ солдатикъ, обшаривая пустой домъ, нашелъ огромную бутыль съ розовымъ масломъ, стоющую, по крайней мѣрѣ, рублей 400. Понюхалъ и сперва смазалъ себѣ волосы, усы и бороду, а въ заключеніе—сапоги. Эта операція была замѣчена случайно лишь тогда, когда бутыль съ драгоцѣннымъ масломъ совсѣмъ опустѣла. Солдатикъ, впрочемъ, нисколько не смутился; когда ему разъяснили, что онъ извелъ 400 рублей на свои сапоги, онъ не повѣрилъ.

Все собираюсь пойти осмотрѣть весь городъ, да некогда. Здѣсь интересно, главнымъ образомъ, производить внутренній осмотръ домовъ, вѣрнѣе—внутреннихъ дворовъ. По восточному обыкновенію, самыя лучшія зданія скрыты въ глубинѣ дворовъ, а на улицы выходятъ хотя также хорошіе каменные дома, но далеко не такіе, какъ во дворахъ, гдѣ они устроены изящно и окружены садами, цвѣтниками и фонтанами. Сосѣдніе дворы часто сообщаются внутренними узенькими калитками въ каменныхъ стѣнахъ, такъ что можно пройти не только въ сосѣдній, но черезъ цѣлый рядъ сосѣднихъ дворовъ, совсѣмъ не выходя на улицу.

Мы живемъ въ турецкой части города, такъ какъ болгарская частью разрушена, частью занята госпиталями „красной луны". Впрочемъ, и въ турецкой части города заняты этими госпиталями всѣ лучшіе дома. Нашъ домъ—на небольшой площади—каменный двухэтажный: въ нижнемъ этажѣ конюшни. Противъ насъ—мечеть и передъ нею фонтанъ. На другой сторонѣ площади—домикъ Великаго Князя, во дворѣ и въ саду. Домикъ всего изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ переднею: въ одной комнатѣ—самъ Великій Князь, въ другой—оба его камердинера. Снаружи, во всю ширину домика, крытый балконъ.

Изъ садика Великаго Князя калитка и ходъ между двухъ ка-

менныхъ стѣнъ въ другой садикъ, также окруженный со всѣхъ сторонъ каменною стѣною. Въ садикѣ длинный одноэтажный домъ, съ крытымъ балкономъ во весь фасадъ и съ двумя входами въ двѣ отдѣльныя квартиры, каждая изъ одной комнаты съ переднею. Въ одной живетъ Непокойчицкій, а другая была предназначена для Левицкаго и меня. Узнавъ объ этомъ лишь 1-го января, мы было туда перешли, но черезъ полчаса вернулись на прежнюю квартиру—такой тамъ былъ невыносимый воздухъ. Вмѣсто насъ туда, однако, въѣхали Чингисханъ со Скалономъ и очень скоро открыли причину удушливаго зловонія: топившаяся печка была завалена разною дрянью, отъ сгоранія которой и шелъ невыносимый запахъ. Тѣмъ не менѣе, я не жалѣю, что мы вернулись на первоначальную квартиру: комната просторнѣе, выше и свѣтлѣе и полъ деревянный (а тамъ—глинобитный), да и для прислуги есть просторная комната, чего тамъ вовсе нѣтъ.

5 января.—Сегодня съ утра и до обѣда, а послѣ обѣда до 12-ти часовъ ночи,—безвыходно просидѣлъ у Великаго Князя, читая ему вслухъ полученныя телеграммы и реляціи, составляя по его указаніямъ и отправляя исходящія телеграммы. Измучился ужасно, не отъ работы, а отъ жары: онъ любитъ тепло и натоплено у него до духоты. Выбѣгалъ, съ его разрѣшенія, нѣсколько разъ на дворъ, чтобы отдышаться, когда становилось совсѣмъ темно.

Первое извѣстіе, изъ-за котораго Великій Князь послалъ за мной сегодня утромъ, была крайне обрадовавшая его записка (не помню, отъ кого, но только не отъ Гурко,—кажется, изъ отряда Карцова), что Филиппополь занятъ. На основаніи этой записки онъ продиктовалъ мнѣ слѣдующую телеграмму Государю:

„Филиппополь вчера занятъ гвардейскою кавалеріею и кавалеріей Карцова, съ которою послалъ Скобелева-отца. Самъ Гурко, говорятъ, въ Татаръ-Базарджикѣ. Посылаю ему приказаніе идти прямо къ Адріанополю. Скобелевъ 2-й сегодня подойдетъ къ Гютерли и Сейменли. Да поможетъ Богъ. Паши изъ Константинополя еще не прибыли. Часть гренадеръ уже спустилась съ перевала. Мой обозъ все еще не пришелъ. Какъ твое здоровье?—Николай“.

Несмотря на то, что отъ самого Гурко еще нѣтъ никакихъ извѣстій и неизвѣстно, гдѣ онъ, что сталось съ отступавшими передъ нимъ турецкими войсками Шакира-паши—Великій Князь такъ воодушевился занятіемъ Филиппополя, что тотчасъ послалъ за Непокойчицкимъ и объявилъ, что намъ надо тоже идти впе-

редъ и завтра же переѣхать въ Эски-Загру, 7-го въ Гютерли, а 8-го въ Херманли, чтобы встрѣтиться съ турецкими уполномоченными не здѣсь, а возможно ближе къ Адріанополю. Непокойчицкій выразилъ полное сочувствіе этому рѣшенію. Тогда Великій Князь сказалъ: „А не потребовать ли по этому случаю сдачи Рущука?"—и когда Непокойчицкій и съ этою мыслью согласился—обратился ко мнѣ: „Пиши телеграмму".

„Брестовацъ. Наслѣднику Цесаревичу.

„Немедленно пошли парламентера въ Рущукъ потребовать сдачи крѣпости, для чего сдѣлать наступленіе, не ввязываясь въ упорный бой. Вообще, полезно сдѣлать наступленіе къ Разграду, и если онъ брошенъ или слабо занятъ, то овладѣть имъ, потребовавъ предварительно сдачи. Филиппополь занятъ вчера въ полдень. Скобелевъ съ авангардомъ будетъ завтра на филиппопольско-адріанопольской дорогѣ. Самъ перехожу завтра въ Эски-Загру. Казанлыкъ, 5 января, 11 час. утра".

Великій Князь послалъ за Нелидовымъ и сообщилъ ему о своемъ рѣшеніи ѣхать навстрѣчу уполномоченнымъ. Нелидовъ пришелъ въ отчаяніе и доложилъ, что, во-первыхъ, неудобно, назначивъ уже Казанлыкъ мѣстомъ переговоровъ, не выждать явки уполномоченныхъ здѣсь; во-вторыхъ, уполномоченные могутъ придраться къ этому и заявить Портѣ, что съ нами невозможно вести переговоры; Порта же получитъ предлогъ заявить всей Европѣ, что мы, согласившись на веденіе переговоровъ, на самомъ дѣлѣ стремимся къ полному разрушенію турецкой имперіи, а это неизбѣжно вызоветъ англійское и, быть можетъ, австрійское вмѣшательство.

Доводы эти, однако, не поколебали Великаго Князя, и онъ отмѣнилъ свое рѣшеніе только поздно вечеромъ.

Тѣмъ временемъ пришли двѣ телеграммы—отъ Государя и отъ князя Горчакова: первая отъ 2-го, вторая отъ 3-го января.

Телеграмма Государя, отъ 2 час. 58 мин. дня 2-го января, гласила:

„Благодарю сердечно за вчерашнюю телеграмму. Радъ, что могъ доставить тебѣ удовольствіе послѣ всей радости, которую я испыталъ, узнавъ послѣдніе подвиги нашихъ молодцовъ при переходѣ черезъ Балканы и плѣненіи шипкинской арміи. Объявилъ ли ты Радецкому его производство и что я жалую ему Георгія 2-й степени? Получилъ ли ты инструкцію, отправленную отсюда 21-го декабря?"

На эту телеграмму Великій Князь тотчасъ же отвѣтилъ слѣдующею:

„Еще 31-го числа, когда я былъ встрѣченъ Радецкимъ при спускѣ въ долину съ перевала, мы всѣ прокричали „ура“ храброму защитнику шипкинскаго прохода. Тутъ же ему сказалъ, что онъ произведенъ, и лично надѣлъ на него Георгія 2-й степени; былъ тронутъ до слезъ. Прошу, какъ милости, наградить его начальника штаба генерала Дмитровскаго, храбраго его пятимѣсячнаго сподвижника при достославной шипкинской оборонѣ, отличнѣйшаго офицера во всѣхъ отношеніяхъ, Георгіемъ 4-й степени“.

Телеграмма князя Горчакова отъ 3-го января:

„Султанъ телеграфировалъ 1-го января Государю: „Глубоко оплакивая несчастныя обстоятельства, повлекшія за собою эту злополучную войну между двумя имперіями, призванными къ постоянной жизни въ добромъ согласіи, и пламенно желая возможно скорѣе покончить съ безполезнымъ кровопролитіемъ, противнымъ также и столь извѣстнымъ человѣколюбивымъ чувствамъ Е. И. В.,—я, по соглашенію моего правительства съ е. и. в. Великимъ Княземъ Николаемъ, назначилъ моего министра иностранныхъ дѣлъ Сервера-пашу и высокаго сановника имперіи Намыка-пашу уполномоченными, поручивъ имъ условиться съ Великимъ Княземъ объ основаніяхъ мира и объ условіяхъ перемирія. Уполномоченные выѣдутъ въ Казанлыкъ послѣ-завтра, во вторникъ 15-го января. Я надѣюсь, что Ваше Величество, въ ожиданіи результата этихъ переговоровъ, соизволите дать соотвѣтствующія повелѣнія о прекращеніи военныхъ дѣйствій на всемъ театрѣ войны.

„Государь отвѣчалъ, что онъ желаетъ мира и возстановленія хорошихъ отношеній съ Портою, но что не можетъ согласиться на заключеніе перемирія иначе, какъ по принятіи Портою условій, уже препровожденныхъ главнокомандующимъ“.

Вечеромъ было получено отъ Гурко радостное извѣстіе о взятіи Филиппополя, на основаніи котораго была составлена мною и въ 11 час. вечера подписана Великимъ Княземъ слѣдующая телеграмма Государю:

„Войска генерала Гурко, послѣ упорнаго боя у Айранли и Филиппополя, овладѣли этимъ городомъ 3-го января поздно вечеромъ. Первымъ ворвался въ городъ эскадронъ охотниковъ л.-гв. драгунскаго полка, подъ командою капитана Бураго, послѣ жаркаго боя, причемъ прапорщикъ графъ Ребиндеръ взялъ два орудія. Такъ какъ бой происходилъ въ темнотѣ, то турки не замѣтили малочисленности нашихъ и бѣжали изъ города въ паническомъ страхѣ. Дѣло 3-го января происходило слѣдующимъ

образомъ: графъ Шуваловъ, съ лейбъ-гренадерами, павловцами, тремя батальонами московцевъ и гвардейскою стрѣлковою бригадою, двинулся отъ Адакіоя, перешелъ Марицу по поясъ вбродъ при ледоходѣ и атаковалъ съ фронта турецкую позицію у Кадыкіоя. Баронъ Криденеръ съ 3-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею и воронежскимъ полкомъ двинулся отъ Челопца, овладѣлъ частью Филиппополя сѣвернѣе Марицы послѣ недолгаго боя, но, найдя мостъ разрушеннымъ, могъ занять лишь небольшими частями южную часть города уже поздно ночью. Генералъ Шильдеръ-Шульднеръ съ 1-ю бригадою 5-й пѣх. див., л.-гв. финляндскимъ полкомъ и баталіономъ московцевъ двинулся отъ Дуванкіоя къ Айранли. Часть этой колонны перешла Марицу вбродъ, но большая часть перевезена лейбъ-драгунскимъ эскадрономъ охотниковъ и бугскими уланами на лошадяхъ. Позднимъ вечеромъ колонна эта обошла правый флангъ турокъ.

„Турки, въ числѣ около 40 таборовъ, отступили отъ Кадыкіоя и Айранли къ Дермендере, къ горамъ. Такимъ образомъ, благодаря дѣлу графа Шувалова 3-го января, турецкая армія разрѣзана пополамъ и половина ея отброшена отъ прямого пути отступленія. Это та половина, которая отступала отъ Саманова. Другая половина, также около 40 таборовъ, отступавшая отъ Отлукіоя и Петричева, подъ начальствомъ самого Сулеймана, успѣла пройти Филиппополь раньше 3-го января и отступаетъ на Адріанополь, оставивъ въ Филиппополѣ только аріергардъ, который также отброшенъ оттуда къ горамъ.

„4-го января, утромъ, генералъ Гурко послалъ 3-ю гвард. пѣх. дивизію, астраханскій и екатеринославскій драгунскіе полки и прибывшую въ Филиппополь около полудня кавалерію генерала Скобелева I-го на Станимаки, чтобы отрѣзать туркамъ прямой путь отступленія. Прочія войска направилъ съ фронта и въ обхватъ обоихъ фланговъ на Дермендере. Всю гвардейскую кавалерію—вслѣдъ за тою частью арміи, которая отступаетъ на Адріанополь. Самъ Гурко въ 11 часовъ утра 4-го января въѣхалъ въ Филиппополь, приказалъ поднять надъ бывшимъ домомъ нашего консула русскій флагъ и отслужилъ въ соборѣ благодарственный молебенъ о здравіи Вашего Величества. Потеря въ бою 3-го января еще неизвѣстна, но невелика. Изъ офицеровъ убитъ адъютантъ л.-гв. 2-й артиллер. бригады прапорщикъ Бартлимановъ; ранены: командующій л.-гв. преображенскимъ полкомъ флигель-адъютантъ полковникъ князь Оболенскій легко и полковникъ того же полка фонъ-Стрезовъ—тяжело. Полкъ этотъ, вмѣстѣ съ семеновскимъ, подъ начальствомъ генерала Рауха, наступалъ

въ резервѣ за колонною графа Шувалова и вступилъ въ боевую линію къ концу дѣла.

„Вчера 4-го января занятъ городъ Сливно. Второй дивизіонъ орденскихъ драгунъ маіора Кардашевскаго вступилъ туда отъ Твардицы и, въ то же время, донской Бакланова полкъ—отъ Іени-Загры. Турки очистили Котелъ, Сливно, Ямболи и стягиваются къ Адріанополю. Нашъ разъѣздъ вчера же посланъ на Карнабадъ.

„Извѣстіе, что Сулейманъ-паша приказалъ все жечь, уничтожать и рѣзать при отступленіи—подтверждается. Татаръ-Базарджикъ совершенно разоренъ, разграбленъ и на половину сожженъ. Въ Сливнѣ болгарскій кварталъ—также. Филиппополь наши успѣли спасти, но села между Базарджикомъ и Филиппополемъ почти всѣ разрушены".

Полученіе отъ Гурко этого донесенія помогло намъ [1]) уговорить сперва Непокойчицкаго, а потомъ, уже при его поддержкѣ, самого Великаго Князя отмѣнить назначенный на завтра переѣздъ въ Эски-Загру. Слава Богу! До сихъ поръ нѣтъ даже телеграфа дальше Шипкинскаго перевала: телеграммы присылаются оттуда съ нарочнымъ. Уходя еще дальше впередъ, мы еще болѣе замедлимъ телеграфное сообщеніе въ такое время, когда дорогъ каждый часъ. Полевое управленіе арміи до сихъ поръ еще не собралось даже въ Казанлыкъ, а частью еще за Балканами, частью разсыпано по дорогѣ отъ Габрова до Шипки. Артиллерія и обозы—тоже. На Шипкинскомъ перевалѣ—настоящее столпотвореніе. Однимъ словомъ, мы, грозные побѣдители, находимся въ столь же полной дезорганизаціи, какъ и бѣгущіе побѣжденные. Послѣдніе бѣгутъ, потерявъ голову, отъ насъ, а мы бѣжимъ, очертя голову, за ними. Если главнокомандующій будетъ неотступно слѣдовать за авангардомъ, то общее руководство военными дѣйствіями исчезнетъ окончательно. Наконецъ, мы совершенно не знаемъ, что̀ насъ ждетъ у Адріанополя: намъ извѣстно только, что онъ хорошо укрѣпленъ и вооруженъ. Что̀, если тамъ найдется такой же энергическій паша, какъ Османъ? Тогда поневолѣ придется остановиться: вѣдь мы идемъ впередъ безъ артиллеріи и почти безъ зарядовъ и патроновъ. Ни у насъ, ни у Гурко ничего съ собой нѣтъ: все оставлено за Балканами.

Сегодня вечеромъ, отпуская меня, Великій Князь предупредилъ, что дня черезъ два-три хочетъ послать курьера, такъ чтобы былъ готовъ отчетъ Государю. Кромѣ того: какъ только будетъ

---

[1]) Нелидову, Скалону и мнѣ.

заключено перемиріе, надо составить для Государя же общій обзоръ военныхъ дѣйствій отъ паденія Плевны до перемирія. Работы будетъ немало.

6 января.—Сегодня опять просидѣлъ весь день у Великаго Князя почти безвыходно, читая ему реляціи, входящія телеграммы и иностранныя газеты (которыя сегодня впервые до насъ дошли по выступленіи изъ Богота) и составляя телеграммы Государю о другихъ лицахъ.

Отъ Государя получена только одна телеграмма, отъ 5 ч. 10 м. пополудни 5-го января:

„Въ дополненіе вчерашней твоей телеграммы желаю знать, какія мѣры приняты при наступательномъ движеніи къ Адріанополю для обезпеченія тыла и лѣваго фланга со стороны восточныхъ балканскихъ проходовъ, и какія приказанія даны восточному отряду".

Эта телеграмма, очевидно, вызвана шифрованною телеграммою Великаго Князя отъ 3-го января, въ которой говорится о наступленіи на Адріанополь, но ничего не упоминается о восточномъ (рущукскомъ) отрядѣ Цесаревича. Когда я спросилъ, что̀ приказано будетъ отвѣчать Государю на эту телеграмму, Великій Князь ничего не отвѣтилъ. Зная, что онъ иногда телеграфируетъ Государю самъ, ничего не говоря о содержаніи телеграммъ мнѣ, я, конечно, замолчалъ, тѣмъ болѣе, что почувствовалъ, какъ непріятенъ былъ ему вопросъ Государя. Дѣйствительно, вопросъ этотъ заключаетъ въ себѣ напоминаніе и предостереженіе: наступать хорошо, но надо обезпечить свой тылъ и лѣвый флангъ, чтобы не повторилась Плевна. А говоря по совѣсти, опасеніе Государя вполнѣ основательно: и теперь, какъ и тогда, мы ни о тылѣ, ни о флангахъ не думаемъ, а лишь неудержимо стремимся впередъ.

Такъ я и не знаю, что̀ Великій Князь отвѣтилъ Государю. Можетъ быть, даже вовсе не отвѣчалъ.

Получено донесеніе, что вчера, 5-го января, прибыли въ Херманли турецкіе уполномоченные со свитою. Тамъ они были встрѣчены сперва Струковымъ, затѣмъ Скобелевымъ 2-мъ, который просилъ задержать ихъ подъ какимъ-то предлогомъ, чтобы дать ему время стянуть и устроить свои войска. Когда все было подготовлено, Скобелевъ послалъ имъ „проводника", который и провелъ ихъ черезъ бивакъ всѣхъ 32 баталіоновъ Скобелевскаго авангарда. У въѣзда на бивакъ былъ выставленъ почетный караулъ съ музыкою и лихая уральская сотня со значкомъ: по-

слѣдняя была назначена въ почетный конвой. На бивакѣ вездѣ гремѣла музыка, заливались пѣсенники и отхватывали трепака плясуны. Ординарцемъ къ уполномоченнымъ явился молоденькій и хорошенькій Галлъ, корнетъ л.-гв. коннаго полка. Однимъ словомъ, Скобелевъ, какъ знатокъ восточныхъ людей, устроилъ для уполномоченныхъ эффектную декорацію, которая, несомнѣнно, произвела надлежащее впечатлѣніе, хотя турки свой обычай тоже выдержали: и виду не подали, что это на нихъ подѣйствовало.

Немедленно по полученіи этого донесенія, были посланы Великимъ Княземъ имъ навстрѣчу дипломатическій чиновникъ М. А. Хитрово и адъютантъ полковникъ Орловъ.

На основаніи полученныхъ сегодня донесеній, были посланы Государю слѣдующія двѣ телеграммы:

1) „Московскіе Вашего Величества драгуны продолжаютъ отличаться. Взявъ 3-го января Трново, они, 4-го января, послѣ упорнаго ружейнаго и рукопашнаго боя съ вооруженными жителями, продолжавшагося всю ночь, взяли Херманли. Первымъ ворвался въ городъ третій эскадронъ маіора Чулкова. Убито 2, ранено 8 драгунъ. Быстрое занятіе двухъ столь важныхъ пунктовъ совершилось благодаря смѣлости, энергіи и разумной распорядительности генерала Струкова. Генералъ Скобелевъ 2-й поручилъ ему теперь командованіе всѣмъ авангардомъ своего отряда, который 5-го января подошелъ къ Трнову, а сегодня, 6-го января, весь стягивается къ Херманли. Авангардъ генерала Струкова идетъ сегодня далѣе: драгуны Вашего Величества попрежнему въ головѣ. Поведеніе ихъ выше всякой похвалы: всѣ, отъ полкового командира до послѣдняго рядового, молодцы.

„По свѣдѣніямъ отъ 5-го января, Сулейманъ-паша съ частью арміи, отступающею отъ Филиппополя, находится у Папазли".

2) Въ другой телеграммѣ сообщаются малозначащія подробности о занятіи Сейменли на основаніи донесеній Струкова, а въ заключеніе—доносится о прибытіи въ Херманли 5-го января турецкихъ уполномоченныхъ Сервера и Намыка-пашей со свитою, въ составѣ которой еще двое пашей: Наджибъ и Османъ, первый въ чинѣ ферика (генералъ-лейтенантъ), второй—лива (генералъ-маіоръ). Отрядъ Скобелева 2-го прошелъ до Херманли 82 версты въ 40 часовъ, переваливъ при этомъ Малые Балканы, почти безъ отсталыхъ.

9 января.—Сегодня третій день почти безвыходно сижу у Великаго Князя за непрерывною работой.

Два крупныхъ событія: донесеніе Гурко объ окончательномъ

разгромѣ арміи Сулеймана-паши и прибытіе турецкихъ уполномоченныхъ.

Донесеніе Гурко было получено въ первомъ часу дня, и тотчасъ же послана Государю слѣдующая телеграмма:

„Поздравляю Ваше Величество съ новою блестящею побѣдою. Генералъ Гурко, отбросивъ 3-го января часть турецкой арміи отъ Кадыкіоя и Айранли къ Дермендере, настойчиво продолжалъ атаку 4-го января у Дермендере, 5-го января у Бѣластицы и Карагача и кончилъ тѣмъ, что окончательно отбросилъ турокъ въ горы Деспотодагъ, за Еникіой и Ласкову. Турки потеряли 49 орудій, взятыхъ нами съ бою, и одними убитыми, по крайней мѣрѣ, 4.000. Плѣнныхъ забрано и забирается масса: число опредѣлить пока трудно, но значительно болѣе 3.000. Турки бѣжали горными тропинками въ разсыпную. Путь къ Адріанополю черезъ Хаскіой отрѣзанъ имъ окончательно. Генералъ Гурко доноситъ, что столь блестящимъ результатомъ трехдневнаго боя обязанъ храбрости, энергіи, неутомимости и находчивости графа Шувалова, а также храбрости и распорядительности генераловъ Дандевиля и Краснова. Не находитъ словъ для оцѣнки заслугъ этихъ генераловъ; не можетъ нахвалиться самоотверженіемъ, изумительною выносливостью и геройскимъ поведеніемъ доблестныхъ войскъ. Въ шесть дней войска сдѣлали безъ передышки 150 верстъ, пройдя при этомъ два весьма трудныхъ перевала: Вакарель и Трояновы Ворота. Послѣ этого немедленно вступили въ бой и дрались безъ отдыха три дня съ ранняго утра до поздняго вечера, ночуя каждый разъ на полѣ сраженія. Потери наши еще не приведены въ извѣстность, но— около 500 чел. Офицеровъ убито 5, ранено 15, контужено 3.

„6-го января пѣхота продолжаетъ настойчиво преслѣдовать непріятеля: одна колонна отъ Бѣластицы на Еникіой, другая—отъ Станимаки ущельемъ рѣки Нарѣчинъ. Гвардейская кавалерія ночевала на 6-е января въ Чатанѣ, а 6-го двинулась дальше по шоссе въ Хаскіою. 5-го января вошла въ связь съ разъѣздами Скобелева 2-го у Чирпана. Кавалерія Скобелева 1-го направлена 6-го января отъ Станимаки къ востоку, на Кетенликъ. Подробности дополнительно. Казанлыкъ, 7-го января, 1 ч. дня“.

Турецкіе уполномоченные, со свитою и 80-ю человѣками прислуги, прибыли сегодня, къ 4-мъ часамъ пополудни, и были встрѣчены съ почетомъ. Прежде всего ихъ накормили, потому что они со вчерашняго дня ничего не ѣли: ихъ огромный обозъ,

съ походною кухнею и султанскимъ поваромъ, сильно отсталъ, а по пути—отъ Херманли сюда—все разрушено и ничего достать нельзя. Угощалъ ихъ походный гофмаршалъ Великаго Князя, генералъ Галлъ, со свойственными ему радушіемъ и любезностью. Торжественная аудіенція у Великаго Князя назначена завтра въ 11 час. утра. Сегодня, вечеромъ, былъ у нихъ съ визитомъ Нелидовъ и, вернувшись, доложилъ Великому Князю, что настроеніе уполномоченныхъ угнетенное, что они готовы на все наихудшее, и полагаются лишь на милосердіе и великодушіе нашего Государя. Этотъ отвѣтъ какъ бы доказываетъ, что турки перестали уже надѣяться на фактическую помощь подзадорившей ихъ Англіи. Добрый знакъ!

Отъ Государя получено сегодня двѣ телеграммы:

1) Подана въ Петербургѣ 5-го января, въ 2 ч. 50 м. дня.

„Съ 1-го января до вчерашняго вечера не получалъ отъ тебя ни одной телеграммы: онѣ дошли до меня разомъ до 4-го января включительно. Жду съ нетерпѣніемъ пріѣзда полковника Соболева [1]. Письмо отправилъ къ тебѣ вчера съ Николашею [2]. Здѣсь также довольно сильные морозы: завтра никакого парада не будетъ, и я на Іордань не пойду, хотя и чувствую себя хорошо“.

2) Подана въ Петербургѣ 5-го января, въ 9 ч. 10 м. вечера:

„Очень счастливъ за Алексѣя [3]) и утверждаю награды и всѣхъ прочихъ, о которыхъ упомянуто въ телеграммѣ твоей отъ 2-го января, за Траянъ и Шипку. Обращаю твое особенное вниманіе на шифрованную депешу князя Горчакова, отправленную отсюда сегодня“.

Эта телеграмма получена одновременно съ Государевою и мною была расшифрована. Вотъ она:

„Государь Императоръ желаетъ, что если ваше императорское высочество еще не сообщили туркамъ условія мира, долженствующія предшествовать заключенію мира, чтобы вы ихъ спросили, какія предлагаются Портою условія для остановки военныхъ дѣйствій. Когда они вамъ будутъ предъявлены, теле-

---

[1]) Генеральнаго штаба полковникъ Соболевъ былъ отправленъ курьеромъ съ подробною реляціею о послѣднемъ шипкинскомъ боѣ. Великій Князь хотѣлъ послать подполковника графа Келлера, но этому воспротивился Дмитровскій, указавшій на то, что тогда М. Д. Скобелевъ останется безъ начальника штаба; графъ Келлеръ заступилъ мѣсто раненнаго Куропаткина.

[2]) Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій.

[3]) Рѣчь идетъ о присужденіи Думою Георгія 4-й степени великому князю Алексѣю Александровичу.

графируйте въ Петербургъ. Намъ важно выиграть время, чтобы придти къ соглашенію съ Австріей, которая въ разныхъ пунктахъ съ нами несогласна, и, если можно, получить отвѣты на собственноручныя письма Государя Императора въ Вѣну и Берлинъ, сегодня (т.-е. 5-го января) отправленныя. Имѣемъ причины предполагать, что Порта просила переговоровъ для умноженія своихъ военныхъ силъ и воспользованія нашими политическими условіями, дабы укрѣпить враждебное намъ положеніе Биконсфильда и, сколь возможно, разрознить насъ съ нашими союзниками. Во всякомъ случаѣ, военныя дѣйствія не должны быть останавливаемы".

Отвѣтъ на эту телеграмму отложенъ Великимъ Княземъ до завтра, послѣ пріема турецкихъ уполномоченныхъ. Онъ недоволенъ этою телеграммою, ибо находитъ, что выраженное въ ней желаніе затянуть переговоры для выигрыша времени несогласно съ прежними указаніями Государя и состоялось теперь лишь подъ впечатлѣніями непрерывно измѣняющейся обстановки. Великій Князь думаетъ, что было бы всего лучше оглушить Биконсфильда заключеніемъ перемирія на тѣхъ основахъ, которыя были зрѣло обдуманы заранѣе, а съ Австріей вообще не стоитъ много разговаривать. Наконецъ, Великій Князь высказалъ предположеніе (объ основательности коего судить совсѣмъ не могу), что Государя теперь начнутъ сбивать съ толку и князь Горчаковъ, и графъ Игнатьевъ: первый изъ ревности, чтобы дѣло принятія турками главныхъ основаній мира не обошлось безъ него, а второй—изъ опасенія, чтобы не успѣли сойтись съ турками безъ его прямого участія. Онъ такъ старался довести до войны, что ему будетъ крайне обидно, если онъ не будетъ играть никакой роли въ ея окончаніи.

Въ 9 ч. вечера, на основаніи полученныхъ отъ Гурко и Скобелева донесеній, были посланы Государю слѣдующія телеграммы:

1) „Подробности боя 4-го и 5-го января: турецкія войска, отброшенныя 3-го января къ Дермендере, состояли изъ 35 таборовъ, подъ начальствомъ Фуада-паши. Изъ нихъ 24 табора приведены Фуадомъ изъ-подъ Шумлы. На 4-е января Гурко приказалъ:

„Графу Шувалову съ его колонною и колоннами Шильдеръ-Шульднера и Вельяминова, атаковать Дермендере, охватывая турецкій правый флангъ.

„Дандевилю съ 3-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею, сводною бригадою екатеринославскихъ и астраханскихъ драгунъ Крас-

нова и сотнями казачьей бригады Курнакова идти на Станимаки, на перерѣзъ. Гвардейской кавалеріи перейти на правый берегъ Марицы къ Ени-Магале и стать на пути отступленія турокъ.

„Графъ Шуваловъ, сдѣлавъ отъ Кадыкіоя и Айранли захожденіе лѣвымъ флангомъ впередъ, къ ночи сталъ фронтомъ къ горамъ, правымъ флангомъ противъ Дермендере, лѣвымъ—противъ Маркова. Весь день его правый флангъ, служившій осью тзхожденія, велъ демонстративный бой у Дермендере, удержавъ аамъ значительную часть турецкихъ силъ. Остальныя пробирались, между тѣмъ, черезъ Марково, Беластицу и Карагачъ на Станимаки, но на пути наткнулись на колонну Дандевиля. Этой колоннѣ выпала главная честь боя 4-го января. Генералъ Красновъ, командовавшій авангардомъ изъ сводной драгунской бригады и 1-й бригады 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, найдя мостъ черезъ Марицу уничтоженнымъ, а броды—по грудь, перевезъ всю пѣхоту на лодкахъ, паромахъ и драгунскихъ лошадяхъ. Къ 3 ч. пополудни подошелъ къ Карагачу, замѣтилъ близко идущую турецкую колонну съ артиллеріей и немедленно атаковалъ. 1-я бригада 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, ударомъ въ штыки, отбросила турокъ въ горы, сразу взявъ 18 орудій. Турки, выждавъ приближавшееся подкрѣпленіе, перешли въ наступленіе и, несмотря на нашъ огонь, бросились въ рукопашную отбивать свою артиллерію. Будучи отбиты, отошли въ горы, опять выждали вновь подходившія подкрѣпленія, вторично ударили въ штыки, но, несмотря на отчаянную храбрость атаки, снова и окончательно отброшены въ горы молодцами-литовцами и австрійцами. Одинъ паша, окруженный, не хотѣлъ сдаваться, дрался какъ левъ, изрубилъ и переранилъ болѣе 15-ти человѣкъ, прежде чѣмъ былъ заколотъ. Ночью турки бросили Дермендере и Марково и сосредоточились всѣ у Беластицы. Наши войска ночевали на своихъ позиціяхъ. Вся колонна Дандевиля подтянулась къ авангарду Краснова.

„Съ утра 5-го января графъ Шуваловъ рокировалъ свои войска влѣво и примкнулъ къ правому флангу Дандевиля. Въ то же время, съ фронта велась канонада и перестрѣлка. Турки два раза переходили въ наступленіе противъ Дандевиля и разъ—противъ лейбъ-гренадеръ, но были отбиты. Сомкнувъ боевую линію, графъ Шуваловъ двинулъ въ атаку: колонну Вельяминова—въ обхватъ лѣваго фланга, горами; дивизію Дандевиля—съ фронта. Послѣдняя взяла въ штыки Беластицу, и въ ней, послѣ упорнаго рукопашнаго боя—11 орудій. Войска графа Шувалова, охвативъ турокъ, взяли 17 орудій. Побѣда была полная. Непрія-

тель вразбродъ бѣжалъ въ горы, за Еникіой и Ласкову. Преслѣдованіе прекращено съ наступленіемъ темноты, и возобновлено 6-го января, утромъ, какъ я уже сообщалъ.—Казанлыкъ, 7-го января, 9 ч. вечера".

2) „Генералъ Скобелевъ 2-й, прочно занявъ Сеймени, Трновъ, Гютерли и Херманли, послалъ во всѣ стороны разъѣзды, которые, 6-го января, уже появились въ Мустафа-Паша, близъ Адріанополя. Голова турецкихъ войскъ, отброшенныхъ отъ Филиппополя, показалась, 6-го января, у Хаскіоя. Дальнѣйшихъ свѣдѣній еще нѣтъ. Турецкіе уполномоченные прибыли сегодня, вечеромъ, сюда. Казанлыкъ, 7-го января, 9 ч. вечера.—Николай".

8-го января.—Сегодня утромъ, въ 11 ч., Великій Князь принималъ турецкихъ уполномоченныхъ въ оффиціальной аудіенціи, а затѣмъ они имѣли предварительное частное совѣщаніе съ Нелидовымъ, который якобы частнымъ же образомъ сообщилъ имъ главныя основанія мира на размышленіе, съ предупрежденіемъ, что завтра будетъ оффиціальная бесѣда объ этомъ съ Великимъ Княземъ, и надо имъ обдумать свой отвѣтъ.

Государю же послана слѣдующая шифрованная телеграмма, самимъ Великимъ Княземъ составленная:

„Депешу твою и шифрованную канцлера, отъ 5-го, получилъ вчера, когда турецкіе уполномоченные уже прибыли. Сейчасъ имѣлъ съ ними свиданіе. Согласно твоему желанію, настаивалъ неоднократно на выраженіи ихъ предложеній. Они отвѣчали, что предложеній никакихъ не имѣютъ, а по полученіи султаномъ твоего отвѣта посланы выслушать отъ меня предлагаемыя нами условія мира. Такъ какъ они, съ своей стороны, упрашивали остановить скорѣе военныя дѣйствія, то я, согласно заявленному Портѣ тобою и мною, вынужденъ былъ сообщить имъ условія, по принятіи коихъ мы можемъ прекратить военныя дѣйствія. Они взяли ихъ на разсмотрѣніе. Съ другой стороны, съ 3-го января, послѣ телеграммъ моихъ, на которыя получилъ отвѣтъ только сегодня [1]), военныя событія до того измѣнились, что, послѣ новаго разбитія арміи Сулеймана у Филиппополя, стою у воротъ Адріанополя. Затягивать переговоры и продолжать военныя дѣйствія имѣло бы послѣдствіемъ занятіе Адріанополя и движеніе далѣе, на Константинополь, влекущее за собой неизбѣжное въ военномъ отношеніи занятіе Галлиполи, что̀, согласно

---

[1]) Что̀ это за отвѣтъ—мнѣ неизвѣстно. Вѣроятно, онъ расшифрованъ Нелидовымъ и хранится въ секретѣ.

твоимъ указаніямъ, было бы лишь усложненіемъ дѣлъ политическихъ. Посему, какъ выше сказано, я не могъ не объявить уполномоченнымъ Порты условій мира въ томъ видѣ, какъ я ихъ получилъ, дабы можно было, если они будутъ приняты, заключить перемиріе. Наконецъ, изъ перваго свиданія съ турками я вынесъ убѣжденіе, что всякая искусственная затяжка переговоровъ, при быстротѣ нашего наступленія, можетъ только произвести въ Турціи, а быть можетъ и въ Европѣ, неблаговидное впечатлѣніе, какъ будто мы желаемъ выиграть время для большаго захвата непріятельской страны".

Я не знаю, что̀ телеграфировалъ Великому Князю Государь, но недоумѣваю по поводу общаго тона великокняжескаго отвѣта. Точно самъ не радъ, что предстоитъ занятіе Адріанополя, точно опасается этого. И какое ему дѣло до того, что̀ подумаютъ Турція и Европа? Чѣмъ больше захватимъ, тѣмъ лучше для насъ: тѣмъ податливѣе будутъ турецкіе уполномоченные.

Сегодня вечеромъ сидѣлъ у Великаго Князя за чаемъ (были еще Непокойчицкій, Нелидовъ, Кладищевъ, Чингисханъ и Скалонъ), когда онъ получилъ записку отъ Струкова изъ Мустафа-Паши, отъ $8^1/_2$ ч. вечера 7-го января, что паника среди турокъ дошла до апогея. Губернаторъ и войска бѣжали изъ Адріанополя, взорвавъ пороховые и артиллерійскіе склады. Въ городѣ— пожаръ и хаосъ. Пять человѣкъ иностранцевъ пріѣхали къ Струкову съ просьбою поскорѣе занять Адріанополь для возстановленія порядка.

Записка эта произвела ошеломляющее впечатлѣніе. Если до этого дошло, то, быть можетъ, и въ Константинополѣ въ настоящую минуту уже царитъ анархія, исчезло правительство, разваливается Оттоманская имперія. Не даромъ мусульманское населеніе, съ самаго начала войны, поголовно уходитъ отовсюду, гдѣ появляются наши войска. Точно инстинктивно предчувствуетъ, что гдѣ мы утверждались, тамъ мусульманамъ больше не жить. Не даромъ же ими овладѣлъ суевѣрный страхъ и роковое убѣжденіе, что пришелъ конецъ господству туровъ на Балканскомъ полуостровѣ. Скобелевъ, въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ донесеній, писалъ, что турки, убѣгая въ совершенномъ ужасѣ, вспоминали о явившейся 24-го декабря на небѣ яркой звѣздѣ подъ полумѣсяцемъ, и говорили, что это небесное знаменіе не къ добру для нихъ. Дѣйствительно, мы всѣ любовались въ Боготѣ этимъ чуднымъ явленіемъ: помнится, это былъ „Юпитеръ", блиставшій какъ разъ подъ полумѣсяцемъ въ видѣ подвѣска къ нему.

Можно себѣ представить, что дѣлается теперь по пути отъ Адріанополя къ Царьграду и въ самомъ Царьградѣ, куда стремятся всѣ бѣглецы-мусульмане! Что, если мы въ самомъ дѣлѣ, сами того не желая, уже разрушили Оттоманскую имперію и, оканчивая войну съ нею, кладемъ начало европейской войнѣ за турецкое наслѣдство? Оно, конечно, хорошо, если проклятый восточный вопросъ разрѣшится теперь же, хотя бы цѣною трехлѣтней европейской войны. Но сознаюсь: во мнѣ нѣтъ настолько величія души, чтобы не бояться этого грознаго вопроса. Если бы во мнѣ была увѣренность, что вопросъ этотъ разрѣшится въ нашу пользу, я готовъ былъ бы даже пожертвовать собою для всероссійскаго блага. Но этой увѣренности нѣтъ: не нашимъ слабымъ силамъ вывозить на своихъ плечахъ міровыя событія. Намъ не справиться со всею Европою, которая, несомнѣнно, ополчится противъ насъ и ни за что не позволитъ намъ рѣшить восточный вопросъ согласно съ нашими выгодами. Россія и теперь уже пугало, а тогда сдѣлается кошмаромъ всей Европы.

Впрочемъ, лучше всего отдаться на волю Провидѣнія. Событія идутъ быстро и складываются для насъ благопріятно: остается плыть по теченію и воспользоваться всѣмъ, чѣмъ можно. Это война роковая съ самаго начала: не мы ее ведемъ, а она насъ ведетъ, и неизвѣстно, куда приведетъ.

Немедленно по полученіи записки Струкова, Великій Князь приказалъ мнѣ составить цѣлый рядъ телеграммъ. Вотъ онѣ:

1) Государю (эта телеграмма была уже отправлена до полученія записки Струкова).

„При занятіи Сливна командиръ 4-го эскадрона орденскихъ драгунъ нашелъ тамъ наши зарядные ящики и лафетъ, взятые турками подъ Еленой. Кромѣ того — запасъ шанцоваго инструмента на 1.600 чел., громадный складъ сукна и денежный ящикъ.

„Мустафа-Паша, близъ Адріанополя, занятъ 6-го января дивизіономъ московскихъ лейбъ-драгунъ, послѣ небольшой стычки съ башибузуками, которые отброшены. Наши потери въ этомъ дѣлѣ еще неизвѣстны. Станція, городъ и мостъ заняты 7-го января. Генералъ Струковъ съ остальными эскадронами московскихъ драгунъ и петербургскими уланами двинулся отъ Херманли къ Чермену. Ночью съ 6-го на 7-ое января маіоръ Искандербегъ съ 4-мъ эскадрономъ петербургскихъ уланъ открылъ на дорогѣ изъ Хаскіоя въ Херманли огромный турецкій обозъ, растянувшійся на десять верстъ, и замѣтилъ много костровъ у д. Деврали. 7-го января, съ разсвѣтомъ, Скобелевъ 2-й двинулъ туда полковника Панютина съ отрядомъ изъ четырехъ баталіо-

новъ съ артиллеріей и сотнею казаковъ. Казанлыкъ, 8-го января, $8^3/_4$ ч. вечера".

2) Генералъ-лейтенанту Скобелеву (съ ординарцемъ).

„Сейчасъ получилъ записку Струкова отъ $8^1/_2$ вечера 7-го января. Поспѣши занять Адріанополь, если возможно, немедленно, хотя небольшимъ самостоятельнымъ отрядомъ. Поздравляю тебя съ бриліантовою шпагою съ надписью: „За переходъ черезъ Балканы". Казанлыкъ, 8-го января, 9 ч. вечера" [1]).

3) Генералу-отъ-инфантеріи Радецкому (съ ординарцемъ):

„Струковъ доноситъ отъ $8^1/_2$ вечера 7-го января изъ Мустафа-Паши: въ Адріанополѣ паника, губернаторъ и войска бѣжали, начался пожаръ и безпорядки. Склады пороха и снарядовъ взорваны на воздухъ. Пять лицъ разныхъ націй выѣхали къ Струкову, прося занять городъ и возстановить порядокъ. Спѣшите, насколько возможно, въ Адріанополь, руководствуясь отношеніемъ начальника полевого штаба, посланнымъ вамъ вчера. Скобелеву я приказалъ возможно скорѣе двинуть въ Адріанополь хотя небольшой самостоятельный отрядъ. О времени вступленія вашего въ Адріанополь донесите мнѣ съ тѣмъ же ординарцемъ, который привезетъ эту записку. Казанлыкъ, 8-го января, 9 ч. вечера".

4) Государю:

„Струковъ доноситъ отъ $8^1/_2$ ч. вечера 7-го января изъ Мустафа-Паши: въ Адріанополѣ паника, начавшаяся еще со времени моего перехода черезъ Балканы, усилившаяся по занятіи Трнова и Херманли и дошедшая теперь до того, что губернаторъ и войска бѣжали, склады пороха и зарядовъ взорваны. Струковъ самъ слышалъ взрывъ. Начался пожаръ и безпорядки. Пять лицъ разныхъ націй выѣхали къ Струкову съ просьбою поспѣшить въ Адріанополь, для водворенія порядка. Я сейчасъ послалъ Скобелеву 2-му приказаніе занять немедленно Адріанополь самостоятельнымъ отрядомъ, если это извѣстіе вѣрно. Радецкому тоже приказалъ поспѣшить въ Адріанополь отъ Ямболи. Казанлыкъ, 8-го января, 9 ч. вечера".

М. Газенкампфъ.

---

[1]) Депеша эта оказалась запоздавшею; въ это время Адріанополь уже былъ занятъ Струковымъ.

НЕПОКОРНЫЙ

„L'indocile", par Edouard Rod. Paris. 1905.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Валентинъ одѣлся, не спѣша; онъ смотрѣлъ въ окно, чтобы запечатлѣть въ памяти знакомый видъ, съ которымъ онъ разставался: вытянувшіяся кверху деревья съ потемнѣвшими стволами, словно истощенныя ихъ стремленіемъ къ солнцу, обвитыя плющомъ стѣны, составлявшія границы прямоугольныхъ садиковъ, кусты букса и верескледа, тощія лужайки, задворки домовъ улицы Grands-Augustins, гдѣ служанки съ засученными рукавами выколачивали ковры.

Онъ любилъ этотъ уголокъ Парижа, свою комнату-мансарду, съ выходившимъ на крыши балкономъ-окномъ, старый домъ улицы Séguier, откуда Валентинъ спускался почти прямымъ путемъ на набережную, гдѣ всѣ букинисты хорошо его знали.

Онъ былъ маленькаго роста, хрупкаго сложенія, съ выпуклымъ лбомъ подъ каштановыми негустыми волосами, съ тонкимъ сжатымъ ртомъ, чуть-чуть оттѣненнымъ рыжеватымъ пушкомъ. Близорукость, освободившая его отъ военной службы, заставляла его носить pince-nez, отъ чего его сѣрые глаза казались больше. Руки у него были худощавыя, блѣдныя, всегда горячія и чрезвычайно неловкія. Обычнымъ выраженіемъ его очень подвижного лица было изумленіе, легко принимавшее оттѣнокъ негодованія или возмущенія. Въ такихъ случаяхъ оно отражало собою внутреннюю бурю, вызванную сложными и сильными ощу-

щеніями, постоянно сдерживаемыми и постоянно рвущимися наружу.

Грусть одиночества, горькое сознаніе своей зависимости и бѣдности, язва нелегальнаго рожденія,—все это обострялось черезчуръ живымъ воображеніемъ, негодованіемъ противъ общественной несправедливости, усиливающей зло закоренѣлою строгостью своихъ предразсудковъ. Въ немъ тлѣлъ сдержанный гнѣвъ противъ жестокости людей, эксплоатирующихъ людскія бѣдствія въ силу своего тщеславія, выгоды или самовластія.

Валентинъ два раза срѣзался на пріемныхъ экзаменахъ въ „Ecole Normale", къ соблазну дяди своего, Альсида Делемона, фабриканта бутылокъ, на иждивеніи котораго онъ состоялъ.

— Милый другъ, — объявилъ ему при первой неудачѣ фабрикантъ,—когда человѣку предстоитъ пробить себѣ дорогу въ жизни, нельзя проваливаться на экзаменахъ. При твоихъ способностяхъ это прямо непростительно.

Дѣйствительно, Валентину стоило только захотѣть. Но что̀ ему было дѣлать, если интересъ къ тому, чего не преподавали въ школѣ, толкалъ его за предѣлы программы, въ сторону отъ проторенныхъ дорогъ? Онъ занимался, обладалъ бо̀льшими свѣдѣніями, чѣмъ его товарищи, имѣлъ свои собственныя мысли, но пренебрегалъ систематическою подготовкой, этой ходячею монетою успѣха на конкурсахъ и экзаменахъ.

Уже въ лицеѣ на его бюллетеняхъ значилось: „Способный ученикъ, мало занимается. Склонный къ фантазіямъ, непокорный умъ"—и другія помѣтки въ томъ же родѣ. Получая ихъ, дядя Делемонъ ворчалъ. При второй неудачѣ онъ прямо разсердился.

— Почему ты настаиваешь, чортъ возьми, на ученьи, если оно тебѣ не дается? Я говорилъ тебѣ: лучше сдѣлаться хорошимъ рабочимъ, чѣмъ неудачникомъ-студентомъ.

Но, помня о привязанности къ сиротѣ-племяннику дочери своей Алисы, умершей трагическою смертью, дядя ограничился этими упреками, и, несмотря на тяжелыя времена, онъ въ память ея строго выполнилъ свое обѣщаніе помогать Валентину до дня его совершеннолѣтія, совпавшаго съ проваломъ юноши на экзаменѣ. Съ этого дня помощь прекратилась; Делемонъ и самъ едва сводилъ концы съ концами и, съ грустью думая о конкурренціи, о требованіяхъ рабочихъ, объ уменьшеніи барышей, предвидѣлъ, что карьера его сведется къ тому первоначальному нулю, съ котораго она началась и которымъ онъ такъ гордился.

У Валентина оставался капиталецъ его матери, очень скоро растаявшій въ его рукахъ, и онъ уже начиналъ тревожиться о

завтрашнемъ днѣ, когда другой его дядя—Романешъ—предложилъ ему мѣсто наставника у г. Фрюмзеля, главы знаменитой фирмы шампанскихъ винъ „Фрюмзель и К°". Фрюмзель удесятерилъ ея обороты, пустивъ въ продажу, на ряду съ дорогими винами,—„шампанское для всѣхъ".

Валентинъ предпочелъ бы сотрудничество въ газетахъ; онъ находилъ, что дядя его, только-что принявшій на себя редактированіе „Равенства", могъ бы открыть ему страницы этого органа, борца за право всѣхъ, ставшихъ со дня рожденія жертвами соціальной несправедливости и предразсудковъ.

Но неподкупный и осторожный депутатъ не желалъ вторженія семьи въ свою карьеру. Его четыре сына шли своимъ путемъ, вдали отъ политики, благосклонной къ своимъ избранникамъ. Его преслѣдовали призраки сыновей, зятьевъ, жадныхъ или расточительныхъ племянниковъ, вовлекающихъ отцовъ и дядей въ опасныя „панамы". Жена упрекала его за безкорыстіе, превратившееся у него въ манію, но онъ, выставивъ впередъ бороду, отвѣчалъ ей съ увѣренностью, придававшей его малѣйшимъ словамъ торжественность изреченій оракула:

— Непотизмъ—бичъ современной демократіи. Первый долгъ общественнаго дѣятеля—отрѣшеніе отъ него. Я не смѣшиваю интересовъ моей семьи съ интересами государства.

Эта независимость пріобрѣла Романешу уваженіе всѣхъ, считающихъ честолюбіе безкорыстнымъ, если оно отказывается отъ денежныхъ выгодъ, и ненависть тѣхъ, кому сосѣдство неподкупнаго человѣка мѣшало обдѣлывать дѣла. Подъ вліяніемъ дяди Валентинъ скоро согласился. Романешъ совѣтовалъ ему воспользоваться пребываніемъ у г. Фрюмзеля для того, чтобы подготовить диссертацію. Когда онъ сдастъ экзаменъ, будущность его обезпечена. Валентинъ попробовалъ-было заикнуться относительно журналистики.

Дядя, нахмуривъ брови, отвѣтилъ самымъ сухимъ тономъ:

— Въ твои годы не о чемъ писать. Если у тебя есть талантъ, ты въ подходящую минуту выйдешь на должный путь.

Въ комнатѣ уже вѣяло грустью отъѣзда: съ бѣлыхъ полокъ исчезли книги; въ стѣнѣ блестѣли головки гвоздей, на которыхъ еще вчера висѣли фотографіи любимыхъ картинъ Валентина: Пюви-де-Шаванна, Родэна, Эжена Карьера. Несмотря на свѣжесть сентябрьскаго утра, Валентинъ въ одномъ жилетѣ вышелъ на балконъ—родъ садика съ вьющимися вокругъ перилъ растеніями, горшками хризантемъ съ массою бутоновъ, зеленѣющими и цвѣтущими растеніями. Тутъ же находилась клѣтка со сквор-

цомъ. Садикъ содержался въ порядкѣ и аккуратно поливался, не взирая на презрительное отношеніе Урбэна Луртье, каждый разъ восклицавшаго при входѣ:

— Когда же ты наконецъ перестанешь быть красной дѣвушкой?

Валентинъ посмотрѣлъ на свои цвѣты и улыбнулся имъ. Сейчасъ за ними пришлютъ. Онъ предложилъ ихъ г-жѣ Луртье, родственницѣ Урбэна, и ранѣе, чѣмъ мать ея успѣла отвѣтить, Паула-Андреа обѣщала заботиться о нихъ. Угадала ли она, что онъ оставляетъ ихъ ей, ей одной? Не думала ли она, также какъ и онъ, что это послужитъ нѣкоторою связью между ними? Быть можетъ, сейчасъ, во время прощальнаго визита, ему посчастливится застать ее одну — въ квартиркѣ улицы Tâcherie, сообщающейся съ лавкою, гдѣ въ клѣткахъ щебечутъ птицы.

Валентинъ обернулся къ скворцу.

— А что съ тобою будетъ, бѣдняжка?

Невозможно подарить его г-жѣ Луртье; притомъ Паула-Андреа, любившая цвѣты, терпѣть не могла животныхъ. Казалось, что скворецъ подозрѣваетъ о перемѣнѣ въ своей судьбѣ: онъ прыгалъ съ перекладины на перекладину, поднималъ кверху клювъ, щебеталъ, охорашивался. Сколько разъ у молодого человѣка являлось желаніе вернуть ему свободу. Но узникъ былъ такъ милъ, такъ веселъ порою въ своей тюрьмѣ, легкомысленно утѣшившись въ потерѣ подруги, у которой онъ однажды выщипалъ всѣ перья, что у Валентина не хватило духу съ нимъ разстаться. Если скворецъ надоѣдалъ ему своимъ пѣніемъ, онъ безцеремонно прерывалъ его, накидывая на клѣтку платокъ, и сравнивалъ себя съ „вершителями судебъ", столь же самовластно распоряжающимися чужою участью.

— Вѣдь онъ — птица, — говорилъ онъ въ свое извиненіе, хотя логика отвѣчала: — Это еще не причина, чтобы держать его въ тюрьмѣ! — Теперь у него явилась возможность очистить свою совѣсть. Онъ откроетъ клѣтку, скворецъ взлетитъ высоко-высоко; онъ совьетъ себѣ гнѣздо на старомъ деревѣ или улетитъ въ лѣса.

— Ты будешь свободенъ, — обратился онъ къ птичкѣ, — а я — никогда. Для насъ цѣлый міръ — клѣтка. У тебя есть крылья, у насъ — только желанія. Ты будешь свободенъ, какъ звукъ, свѣтъ и вѣтеръ, а я стану ѣсть хлѣбъ г. Фрюмзеля, спать подъ его кровомъ, учить уму-разуму его сына. Не улетѣть мнѣ туда, куда захочется. И такъ будетъ всегда, всегда...

Онъ просунулъ руку въ клѣтку. Птичка далась ему въ руки

безъ труда; онъ нѣжно поцѣловалъ ее въ спинку и головку, между тѣмъ какъ она поглядывала на него живыми, блестящими глазками.

— Ты улетишь, крошка... Ты будешь свободенъ. Понимаешь ли ты это?

Онъ открылъ руку. Птица взмахнула крылышками и полетѣла, сначала—все прямо, словно опьяненная воздухомъ и полетомъ, затѣмъ она повернула назадъ, описывая зигзаги и испуская тревожные крики; казалось, она не узнавала дороги. Наконецъ она опустилась на акацію, но тутъ послышалось сердитое чириканье: цѣлая стая воробьевъ накинулась на пришельца, обратившагося, подобно злоумышленнику, въ бѣгство.

„На деревѣ было достаточно мѣста для всѣхъ, — подумалъ Валентинъ:—чѣмъ онъ помѣшалъ этимъ буржуа?"

Скворецъ продолжалъ летать; онъ то опускался, то поднимался, усталый, встревоженный: казалось, что и на свободѣ онъ продолжалъ чувствовать себя плѣнникомъ. На секунду онъ присѣлъ на перекладину балкона, но когда Валентинъ протянулъ къ нему руку, онъ вспорхнулъ и, слетѣвъ на дорожку, принялся что-то клевать. Но тутъ скрывавшійся въ кустахъ котъ кинулся на него: крики, прыжокъ, ловкій ударъ лапою—и котъ исчезъ со своей добычей...

Валентину, потрясенному жестокостью столь быстро разыгравшейся на его глазахъ драмы, казалось, что онъ былъ свидѣтелемъ убійства. „Какъ! — думалъ онъ:—передъ нимъ лежалъ открытымъ безграничный просторъ, но таинственная сила невидимыми нитями удерживала его по близости отъ его клѣтки, и онъ кончилъ бы тѣмъ, что вернулся въ нее, если бы не оказался въ когтяхъ у кошки! Неужели такъ трудно быть свободнымъ? Неужели одна лишь смерть можетъ порвать узы рабства, жертвою которыхъ является все живущее?"

II.

Самымъ удобнымъ временемъ для посѣщенія семьи Луртье былъ вечеръ: послѣ закрытія лавки, всѣ собирались въ комнатѣ на антресоляхъ, служившей гостиною и столовою. Отецъ дремалъ; будучи лакомкой, онъ съѣдалъ лишнее, и его начинало клонить ко сну. Служанка Анжелика, непомѣрно толстая, несмотря на свою молодость, краснощекая, съ бѣлыми зубами и плутовскими глазками, шумно убирала со стола и стучала по-

судою на кухнѣ; г-жа Луртье помогала ей по хозяйству, и Паулѣ-Андреа приходилось занимать гостя. Это были чудныя минуты, и мнѣнія молодыхъ людей почти всегда сходились. Послѣ ухода Анжелики съ ея мужемъ, городскимъ сержантомъ, г-жа Луртье присоединялась къ нимъ; Луртье просыпался, потягивался, и интересный разговоръ прерывался, такъ какъ хозяинъ говорилъ только о своей торговлѣ, о болѣзни своихъ попугаевъ, о какой-нибудь рѣдкой ихъ породѣ — сюжеты мало привлекательные для двадцатилѣтняго студента, для котораго „не было чуждо ничто человѣческое". Паула-Андреа, не терпѣвшая торговли, занималась какимъ-нибудь изящнымъ вышиваньемъ или играла подъ сурдинку ноктюрны Шопена, которымъ отецъ ея предпочиталъ веселый вальсъ.

Валентину хотѣлось бы провести такимъ образомъ и послѣдній вечеръ, но, къ сожалѣнію, оба друга его, Клодъ и Урбэнъ, рѣшили, что они обѣдаютъ втроемъ, а дружба имѣетъ свои тиранническія права.

Валентинъ засталъ семью за кофе. Когда онъ заявилъ, что пришелъ проститься, ему показалось, что ручка молодой дѣвушки слегка дрогнула въ его рукѣ.

Г-жа Луртье сказала: — „Уже?" — Торговецъ птицами что-то промычалъ, и наступило краткое молчаніе.

У Аженора Луртье было широкое, кирпичнаго цвѣта лицо, отвислыя щеки, толстый животъ, короткая шея и узкій лобъ; усы его еще не посѣдѣли и въ волосахъ лишь кое-гдѣ пробивалась сѣдина. Торговлю свою онъ получилъ въ приданое за женою, и его единственнымъ честолюбіемъ было — скопить для дочери сумму денегъ, двойную противъ той, которую принесла въ приданое ея мать. Самъ онъ мечталъ пріобрѣсти на старости лѣтъ клочокъ земли гдѣ-нибудь въ предмѣстьѣ и скромную пожизненную ренту. Сообразно съ этою программою складывались всѣ его политическія убѣжденія и общественные взгляды. Жена во всемъ раздѣляла ее. Несмотря на болѣзнь печени, отъ которой она не лечилась, она вела конторскія книги и отлично готовила, управляясь съ домашнимъ хозяйствомъ при помощи Анжелики.

Они сдѣлали ошибку, давъ своей дочери хорошее воспитаніе. Молодая дѣвушка почувствовала отвращеніе къ отцовской лавкѣ, но старалась скрывать его, боясь огорчить родителей и опасаясь также, что они вздумаютъ помѣшать ея планамъ. Она вела замкнутую жизнь, никого не допуская въ свой внутренній міръ. Отецъ ея, любившій поговорить, жаловался порою:

— Голоса ея не услышишь, — не знаешь, о чемъ она думаетъ?

Съ перваго же взгляда, несмотря на неловко сшитыя платья, ее можно было назвать хорошенькой. Густые свѣтлые, съ рыжеватыми отливами, волосы увѣнчивали ея головку изящною короною; цвѣтъ лица у нея былъ очень бѣлый, почти прозрачный; красивый лобъ, тонко очерченный ротъ и глаза—почти того же оттѣнка, какъ и волосы—съ золотистыми искорками. Дружба ея съ подругами по пансіону оказалась недолговѣчною, въ виду рѣзкаго различія въ ихъ общественномъ положеніи. Это были дочери врачей, профессоровъ, членовъ суда, представителей либеральныхъ профессій, и, побывавъ въ ихъ изящной домашней обстановкѣ, молодая дѣвушка выносила оттуда стремленіе къ комфорту, вмѣстѣ съ отвращеніемъ къ отцовской лавкѣ и твердымъ намѣреніемъ вырваться оттуда. Она поняла, что единственнымъ исходомъ является для нея бракъ съ однимъ изъ двухъ молодыхъ людей, посѣщавшихъ ихъ домъ. Валентинъ былъ ей симпатичнѣе, но желаніе уйти изъ этой обстановки было такъ велико, что оно предохранило ее даже отъ молодого увлеченія; не будучи кокеткою, она вела двойную игру, поощряя обоихъ претендентовъ. Отецъ, понявшій, что его собственная комбинація—выдать ее за приказчика — неосуществима, отказалъ ему, но Валентинъ, по его мнѣнію, годился только „про запасъ“, и онъ не особенно сожалѣлъ объ его отъѣздѣ.

Принимая изъ рукъ г-жи Луртье чашку кофе, Валентинъ, стараясь уловить взглядъ дѣвушки, сказалъ со вздохомъ:

— Это уже послѣдняя—надолго, по крайней мѣрѣ.

— Само собою, если вы завтра уѣзжаете, — философски отвѣтилъ торговецъ птицами, и прибавилъ, помолчавъ:—А куда же вы ѣдете?

Г-жа Луртье отвѣтила за Валентина:

— Въ Реймсъ, мой другъ, развѣ ты не помнишь?

— Вѣрно, вѣрно... Вылетѣло у меня изъ головы... Столько дѣла—всего не упомнишь...

Обиженному Валентину пришлось повторить исторію его учительства. Луртье, откинувшійся на спинку кресла со сложенными на животѣ руками, счелъ нужнымъ сказать нѣсколько одобрительныхъ словъ. Въ сущности онъ не совсѣмъ понимаетъ, въ чемъ тутъ дѣло? Вотъ тоже и Урбэнъ: задумалъ для чего-то ѣхать въ Римъ, даромъ тратить время. На мѣстѣ молодежи онъ поспѣшилъ бы закончить свое образованіе для того, чтобы устроиться... вѣдь для этого, ради устройства своей судьбы, люди учатся?

Устроиться на хорошемъ правительственномъ мѣстечкѣ и—дѣло въ шляпѣ.

— Я не спѣшу съ поступленіемъ на службу!—воскликнулъ Валентинъ.

— А почему бы нѣтъ? Чѣмъ раньше начнешь, тѣмъ лучше. Все равно что раннее вставанье.

Не смѣя ему противорѣчить, Валентинъ сослался на желаніе дяди Романеша, и передъ этимъ авторитетомъ Луртье немедленно преклонился. Конечно, если имѣешь такого дядю, остается только слушаться его. Борясь съ дремотою, онъ продолжалъ:

— Умный человѣкъ; знаетъ, чего хочетъ. Одинъ изъ вожаковъ. Куда собственно онъ насъ ведетъ — не знаю, да онъ пожалуй и самъ не знаетъ, а все-таки ведетъ... Современемъ онъ и васъ пристроитъ къ дѣлу.

Валентинъ, беззаботный относительно своей карьеры, отвѣтилъ:

— Надо посмотрѣть свѣтъ. Будь я такимъ блестящимъ ученикомъ, какъ Урбэнъ, я путешествовалъ бы на казенный счетъ;— теперь приходится ѣхать на свой собственный.

Онъ сказалъ это безъ всякой горечи; онъ не презиралъ себя за малоуспѣшность,—въ дѣйствительности онъ даже гордился тѣмъ, что не прибѣгаетъ къ щедротамъ министерства, но, боясь произвести дурное впечатлѣніе, онъ не рѣшался высказывать подобныя мысли въ этой черезчуръ буржуазной средѣ.

— И безъ капитала и стипендій можно сдѣлаться человѣкомъ,—снисходительно замѣтила г-жа Луртье, и тотчасъ же сама испугалась своихъ революціонныхъ словъ.

Паула-Андреа взялась за вышиванье, Луртье закрылъ глаза; мать продолжала:

— Урбэнъ остался очень доволенъ своей первой поѣздкой въ Римъ; онъ много тамъ работалъ, и теперь снова туда ѣдетъ. Намъ будетъ недоставать его.

— Никто теперь не станетъ вамъ надоѣдать,—сказалъ Валентинъ съ дѣланною безпечностью, и Паула-Андреа отвѣтила ему быстрымъ протестующимъ взглядомъ. Раздался храпъ: Луртье спалъ, свѣсивъ голову на бокъ.

— Папа уѣхалъ,— сказала дѣвушка съ улыбкой, и въ ту же секунду задребезжалъ, не разбудившій однако спящаго, электрическій звонокъ. Г-жа Луртье сошла въ магазинъ.

Храпѣніе Луртье смущало Валентина, упускавшаго желанныя минуты; у него стучало сердце, захватывало духъ, но эти безжалостные, пошлые звуки парализовали его порывъ. Паула-Андреа

склонялась надъ вышиваньемъ, и лишь чуть замѣтная дрожь вѣкъ выдавала ея волненіе.

Случайно, съ разсчетомъ ли, но клубокъ синей бумаги скатился подъ столъ. Валентинъ кинулся поднять его. Она проговорила церемонно:

— Благодарю васъ.

Валентинъ, стоя возлѣ нея, разсматривалъ работу.

— Это русское вышиванье, не такъ ли?

— Да, полоса для скатерти.

— Я уѣзжаю, — сказалъ Валентинъ,—уѣзжаю потому, что тамъ лучше, какъ я уже объяснилъ вашему отцу, но, но...

Иголка задвигалась быстрѣе, нитка порвалась, Паула-Андреа перестала шить.

— Если бы вы знали, какъ я сожалѣю, какъ грущу... Мнѣ кажется, что я все теряю...

Дѣвушка бросила на него быстрый взглядъ и слегка покраснѣла.

— Парижъ такъ дорогъ вамъ?

— Не Парижъ; можно жить гдѣ угодно!—воскликнулъ онъ, ободренный,—но если бы я только могъ надѣяться, что не буду совсѣмъ забытъ... Есть дурная пословица: „съ глазъ вонъ — изъ сердца"...

Онъ не докончилъ: въ комнату поспѣшно входила г-жа Луртье.

— Нужно разбудить Луртье: крупные заказчики изъ провинціи...

Она принялась будить мужа, который мычалъ и не хотѣлъ просыпаться. Валентинъ понялъ, что разговору конецъ.

— До свиданія, m-me Луртье; до свиданія, mademoiselle.

Мать отвѣтила безъ особаго увлеченія:

— Прощайте, мосьё Валентинъ, счастливаго пути и успѣха!

Дочь прибавила:

— Но вѣдь вы будете пріѣзжать въ Парижъ? Не забывайте насъ.

Валентинъ страстно воскликнулъ:

— О, да, я буду часто пріѣзжать!

Обѣ онѣ проводили его до лѣстницы. Въ магазинѣ, гдѣ Луртье разговаривалъ уже съ покупателемъ, хозяинъ разсѣянно сунулъ ему руку, проговоривъ:

— Прощайте, мосьё Валентинъ, счастливаго пути.

III.

Осуществивъ свою мечту, молодой человѣкъ рѣшилъ посвятить остатокъ дня родственнымъ визитамъ, и потому отправился съ пароходомъ-ласточкой въ Сенъ-Жерменъ, къ дядѣ Делемону. Паула-Андреа не выходила у него изъ головы, но по мѣрѣ того, какъ исчезали изъ виду башни Notre-Dame и куполъ Института, одушевленіе его падало и разумъ вступалъ въ свои права. Никогда Луртье не отдастъ ему, бѣдняку и незаконнорожденному, своей дочери.

Какъ ни былъ онъ озабоченъ, онъ не могъ не замѣтить, что дѣла на стеклянномъ заводѣ пришли въ упадокъ, о чемъ свидѣтельствовали облупившійся фасадъ жилого дома, небрежное отношеніе рабочихъ къ дѣлу, озабоченность дяди Делемона, сидѣвшаго въ конторѣ за счетами, отъ которыхъ онъ оторвался лишь для того, чтобы разсѣянно пожелать ему счастливаго пути.

Во дворѣ Валентину встрѣтился гигантъ Сутръ, мужъ его кузины Эстеллы; онъ заявилъ, что ея, „какъ всегда“, нѣтъ дома, и обѣщалъ передать ей его прощальный привѣтъ. Валентину вспомнился его первый пріѣздъ сюда послѣ смерти его матери, побѣдоносный видъ дяди, цвѣтущее состояніе фабрики, его собственныя опасенія сдѣлаться рабочимъ, доброта Алисы, на которую онъ перенесъ всю свою нѣжность. Вспомнилась ему и трагическая смерть Алисы на свадьбѣ Эстеллы и Сутра. Когда-то его глубоко возмущалъ, какъ величайшая несправедливость судьбы, этотъ безсмысленный, предназначавшійся не ей выстрѣлъ; но теперь, по прошествіи десяти лѣтъ, ему впервые пришло въ голову, что для бѣдной Алисы лучше было умереть, нежели терзаться страданіями живыхъ людей. Мало надѣясь на будущее, онъ повторилъ самое безнадежное слово, когда-либо вырванное наукою жизни у людского страданія: „тѣ, кого любятъ боги— умираютъ молодыми“.

У Романешей ему отворила дверь сама тетка, проведшая его въ столовую, такъ какъ въ гостиной уже сидѣло трое избирателей. Добрая и простая, не получившая почти никакого образованія, она, тѣмъ не менѣе, была прекрасною помощницею мужу. Ея вѣра въ него, ея благоговѣніе предъ нимъ были безграничны и не знали преградъ. Говорилъ ли кто-нибудь о грозящихъ республикѣ опасностяхъ, она отвѣчала: „Максимильенъ сумѣетъ ее защитить!“ Подвергалась ли критикѣ умственная ограниченность или неспособность членовъ парламента, она вос-

стицала: „Но вѣдь среди нихъ Максъ!“—И это произносилось съ такою наивною увѣренностью, что производило впечатлѣніе. Во всякомъ случаѣ, оно служило доказательствомъ, что, неуязвимый въ качествѣ общественнаго дѣятеля, Романешъ и въ своей частной жизни былъ образцомъ добродѣтели.

По уходѣ посѣтителей, Романешъ вышелъ къ племяннику въ своемъ обычномъ широкомъ черномъ сюртукѣ. Его высокій, лысѣющій лобъ съ впалыми висками и хмурое лицо пріобрѣли съ годами властный характеръ. Онъ держалъ голову кверху, такъ что его сѣдая жесткая бородка заканчивалась почти прямымъ угломъ. Ротъ его подъ коротко остриженными усами имѣлъ сварливое выраженіе, которое еще болѣе подчеркивалось двумя прямоугольными морщинами. Во взорѣ теплился властный огонекъ, оживлявшій это холодно-рѣшительное лицо.

Онъ разсѣянно поздоровался съ племянникомъ и выразилъ надежду, что тотъ не станетъ терять даромъ время. При вступленіи въ жизнь надо дорожить каждымъ часомъ. Принадлежитъ ли онъ къ какому-нибудь изъ кружковъ сознательной молодежи?

— Я знакомъ съ нѣкоторыми изъ нихъ и посѣщалъ ихъ собранія. Но ихъ воззрѣнія не сходятся съ моими.

Романешъ разсердился. Какія у него могутъ быть воззрѣнія? Въ его годы полагается быть солидарнымъ съ товарищами.

Валентинъ счелъ слова дяди вторженіемъ въ ту область, которую онъ считалъ своею собственной, ревниво оберегая ее отъ посторонняго вмѣшательства.

— У меня есть пріятель чартистъ, Урбэнъ Луртье, который думаетъ то же, что и вы, дядя. Онъ состоитъ членомъ всѣхъ анти-клерикальныхъ, соціалистическихъ, радикальныхъ и другихъ существующихъ въ университетѣ комитетовъ.

— Это прекрасно; не мѣшаетъ и тебѣ послѣдовать его примѣру,—прервалъ Романешъ.

— Но у меня есть другой пріятель, по имени Клодъ Бреванъ, такой же демократъ и республиканецъ, какъ и Луртье. Онъ также вѣритъ въ плодотворность общей работы. Но онъ—католикъ, и состоитъ членомъ „Борозды“.

— Страннаго друга выбралъ ты себѣ!

— Оба мои пріятеля далеко стоятъ другъ отъ друга,—отвѣтилъ Валентинъ съ хладнокровіемъ, въ которомъ чувствовался проблескъ ироніи,—такъ какъ одинъ желаетъ прогнать поповъ, а другой на нихъ надѣется. И тѣмъ не менѣе, каждый изъ нихъ опредѣляетъ свои воззрѣнія однимъ и тѣмъ же словомъ

„дѣло“, говоритъ о немъ съ одинаковымъ жаромъ, желаетъ посвятить ему всю жизнь...

— А ты?

— Я стою одинаково далеко отъ обоихъ.

По мѣрѣ того какъ подвигался допросъ, Романешъ дѣлался внимательнѣе. Въ отвѣтахъ племянника онъ находилъ оттѣнокъ анархизма, въ которомъ ищутъ убѣжища чересчуръ свободолюбивые люди, не выносящіе деспотическаго партійнаго гнета. Онъ не рѣшился, однако, высказать вслухъ этого опредѣленія: ярлыкъ казался ему не менѣе опаснымъ, чѣмъ самый ядъ.

— Это плохо,—сказалъ онъ рѣзко:—молодой человѣкъ не долженъ быть индивидуалистомъ. Склонись ты въ сторону твоего друга-клерикала, я просто бы отрекся отъ тебя. Къ счастью, это не такъ, и потому я говорю тебѣ: въ антирелигіозномъ юношествѣ есть нѣчто, тебѣ неправящееся? Пускай! Все-таки, лишь тамъ зрѣетъ и слагается демократія будущаго.

Валентинъ не возражалъ, и дядя, думая, что убѣдилъ его, сталъ говорить о предстоящей ему въ провинціи плодотворной работѣ. Какую массу предразсудковъ нужно тамъ вырвать съ корнемъ! Они стоятъ на пути прогресса, подобно воздвигнутымъ рутиною баррикадамъ. Фрюмзель—человѣкъ передовой, но онъ слишкомъ богатъ, а легче верблюду... Образъ этотъ, хотя и библейскій, очень вѣренъ. Валентинъ можетъ на него повліять, несмотря на свою молодость,—именно она творитъ порою чудеса. Взоры всей страны устремлены на учащуюся молодежь, питомцевъ демократіи, носителей ея принциповъ.

— Оглядись вокругъ себя, мой другъ,—перешелъ онъ на болѣе дружескій тонъ:—намъ, вождямъ движенія, необходимо знать нашихъ друзей и враговъ. Армія, идя въ бой, не можетъ обойтись безъ развѣдчиковъ. Тебѣ предстоитъ выполнить благородную, щекотливую, правда, но важную задачу... По возвращеніи, ты кое-что сообщишь мнѣ...

Голосъ его возвышался, глаза загорались страстнымъ одушевленіемъ фанатика, неуклонно идущаго къ своей цѣли. Но жена прервала его, доложивъ о приходѣ г. Годесберга, извѣстнаго финансиста.

Валентину вспомнилось, что еще въ Римѣ богачи ссужали своими деньгами демагоговъ.

IV.

Трое друзей условились встрѣтиться въ новомъ ресторанѣ улицы Ecole de Médecine, чистомъ и просторномъ, не похожемъ на старинные трактирчики. Если бы не извѣстная свобода обращенія, можно было бы счесть его за обыкновенный „буржуазный“ ресторанчикъ.

Валентинъ немного запоздалъ; Урбэнъ, аккуратность котораго доходила до маніи, ожидалъ его за однимъ изъ ближайшихъ столовъ, погруженный въ чтеніе „Равенства“.

Это былъ коренастый, широкоплечій здоровякъ, съ лицомъ, окаймленнымъ черною вѣерообразною бородою; подъ негустыми волосами того же цвѣта можно было разсмотрѣть странныя очертанія черепа съ острыми краями, въ которомъ мысли должны были накопляться, подобно пыли въ углахъ. Крупныя черты, низкій лобъ, тяжелая челюсть—гармонировали съ упорнымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ. Онъ говорилъ отрывисто, категорическимъ тономъ, и глаза его загорались, въ голосѣ слышались раскаты,—словомъ, онъ уже готовился возражать противнику. Будучи сыномъ плотника изъ Клермонъ-Феррана, онъ пошелъ бы по стопамъ отца, если бы неожиданное наслѣдство не позволило ему поступить въ высшую школу. Располагая средствами, онъ жилъ скромно, много жертвовалъ на „дѣло“, которому былъ истинно преданъ; но, мечтая содѣйствовать паденію капитализма съ одной стороны, онъ съ другой стороны помѣщалъ свои деньги въ солидныхъ капиталистическихъ предпріятіяхъ, и вообще умѣлъ постоять за свои интересы. Недостатокъ образованія нѣсколько стѣснялъ его,—поэтому онъ предпочиталъ дружить съ младшими товарищами, вродѣ Валентина, по отношенію къ которому онъ порою принималъ покровительственный тонъ.

Урбэнъ встрѣтилъ пріятеля выговоромъ за опозданіе, но и тутъ имя Романеша возымѣло обычное свое магическое дѣйствіе; лицо Урбэна выразило благоговѣйное вниманіе.

— Ты видѣлъ его? Онъ говорилъ съ тобою? О чемъ?

— Онъ давалъ мнѣ довольно странные совѣты,—отвѣтилъ Валентинъ, которому, по мѣрѣ того, какъ онъ размышлялъ о нихъ, они все менѣе и менѣе нравились,—тебѣ извѣстны мои взгляды: больше всего я ненавижу тираннію, откуда бы она ни исходила, принужденіе, насильственныя мѣры ..

Подбородокъ Урбэна дрогнулъ.

— Когда дѣло идетъ о соціальномъ переустройствѣ,—всѣ средства хороши. Вѣдь наши противники пользуются ими.

— Если мы станемъ подражать имъ,—мы окажемся ничуть не лучше их. Соціальное переустройство не зависитъ ни отъ партійныхъ программъ, ни отъ громкихъ рѣчей на митингахъ, но отъ общаго дружнаго усилія людей, требующихъ его.

— Прежде всего нужно уничтожить вредныя растенія, препятствующія ходу прогресса. Прочти-ка вотъ эту статью.

Урбэнъ протягивалъ ему № „Равенства", гдѣ былъ помѣщенъ отчетъ объ отчужденіи имущества въ какомъ-то монастырѣ. Валентинъ пробѣжалъ ее и собирался отвѣчать, когда въ залу вошелъ запыхавшійся Клодъ Бреванъ.

Клодъ былъ стройный блондинъ, маленькаго роста, съ вьющимися волосами, тонкими усиками, нѣжными чертами и бѣлорозовымъ, напоминавшимъ молодую дѣвушку, лицомъ. Подъ этою хрупкою, почти женственною внѣшностью таились, однако, удивительная выносливость, работоспособность и упорная энергія. Будучи старшимъ сыномъ бѣднаго и обремененнаго семьею ліонскаго врача, онъ существовалъ уроками, и въ то же время готовился къ экзамену. Посвящая много времени „Бороздѣ", онъ медленно преуспѣвалъ въ наукахъ, ставя интересы „дѣла" на первый планъ. Цѣлью жизни его было: исполнять свой долгъ, помогать ближнимъ и проводить въ жизнь евангельскіе принципы. Рознь между нимъ и Луртье была слишкомъ глубока, но Валентинъ служилъ имъ соединительнымъ звеномъ. Оба они, столь различные по характеру, убѣжденіямъ и роду дѣятельности, были одинаково привязаны къ этому юношѣ, привлекавшему ихъ своею непосредственностью и живымъ воображеніемъ, причемъ каждый изъ нихъ мечталъ завоевать его для своего „дѣла".

— Едва мнѣ удалось вырваться!—воскликнулъ Клодъ.— Пришлось пропустить засѣданіе, но я вспомнилъ, что ты уѣзжаешь завтра...

— Удивительно, что ты вспомнилъ нѣчто случайное,— замѣтилъ Урбэнъ.

Гарсонъ подалъ карту,—они заказали обѣдъ; Валентинъ спросилъ вина, за что его обозвали сибаритомъ и расточителемъ. Заговорили о близкомъ отъѣздѣ Урбэна въ Римъ, гдѣ онъ, конечно, будетъ не любоваться музеями и церквами, но „готовиться къ борьбѣ". Клодъ уже собирался возразить ему, но Валентинъ поспѣшилъ замять разговоръ, спросивъ Урбэна: давно ли онъ видѣлъ Луизу? Оказалось, что они уже не видятся; это—дѣло конченное, но, разумѣется, онъ поступилъ относи-

тельно нея какъ „порядочный человѣкъ“. Вѣдь онъ ничего ей не обѣщалъ.

Валентину вдругъ сдѣлалось жаль хорошенькую бѣлокурую сентиментальную модисточку. Клодъ, переставшій ѣсть, внутренно возмущался безпринципностью ихъ взаимнаго друга. Урбэнъ, громившій буржуазную мораль, проводилъ, тѣмъ не менѣе, въ жизни ея общепринятые компромиссы не хуже любого буржуа, не желающаго ни портить своей карьеры, ни обуздывать своихъ страстей. Когда подали дессертъ, Клодъ заговорилъ своимъ яснымъ голосомъ:

— Все, что мы видимъ вокругъ себя и въ насъ самихъ— убѣждаетъ меня, что не исправленіемъ существующихъ законовъ, но лишь путемъ самоусовершенствованія мы поднимемъ общественную нравственность.

Это былъ одинъ изъ основныхъ пунктовъ въ программѣ „Борозды“, и онъ всегда приводилъ его въ спорахъ съ друзьями. Каждый изъ нихъ черпалъ изъ извѣстнаго источника тѣ мысли, которыя онъ искренно считалъ своими собственными. Клодъ руководствовался сочиненіями Марка Санье и другихъ христіанъ-демократовъ, а также—собесѣдованіями въ „Бороздѣ“, Урбэнъ— соціалистическими газетами, рѣчами Жорèса и Романèша, „Капиталомъ“, критическими статьями и комментаріями къ нему. Наиболѣе независимый въ сужденіяхъ, Валентинъ вдохновлялся книгами Штирнера, Бакунина, Крапоткина, Жана Грава:

Урбэнъ, игнорируя намекъ Клода, отвѣтилъ съ улыбкою:

— Странно, что мы оба стоимъ на той же точкѣ отправленія. Совершенно съ тобою согласенъ: нашъ край нуждается именно въ объединеніи.

— Почему это?—возразилъ Валентинъ:—почему необходимы одинаковыя вѣрованія и убѣжденія въ странѣ, состоящей изъ разнородныхъ элементовъ: протестантовъ, католиковъ, евреевъ, кельтовъ, галловъ и еще не знаю изъ кого?

— Послѣ столькихъ лѣтъ совмѣстнаго существованія, эти элементы должны слиться съ націей; твой федерализмъ неосуществимъ при теперешнемъ соперничествѣ народовъ!—воскликнулъ Урбэнъ.

Бреванъ прибавилъ:

— Единство столь же необходимо для народнаго духа, какъ и для совѣсти людской.

— Я въ восторгѣ отъ того, что вы разъ въ жизни сошлись, хотя, къ сожалѣнію, въ вопросѣ второстепенномъ. Важнѣе всего, чтобы человѣкъ могъ свободно развиваться, а это возможно лишь

при полной, исключающей всякую возможность принужденія, свободѣ,—проговорилъ Валентинъ.

— Ты впадаешь въ идеологію,—прервалъ Урбэнъ;—мы—не утописты à la Бакунинъ, мы чувствуемъ потребность въ объединеніи, мы хотимъ его создать... Ты утверждаешь, Клодъ, что оно существовало въ прошедшемъ? Но такъ какъ отъ старыхъ устоевъ ничего не осталось, мы ищемъ новыхъ, а вы зовете насъ въ развалины. Отсюда—наше разногласіе.

Клодъ отвѣтилъ:

— Мы не можемъ выбирать своихъ устоевъ, какъ не можемъ выбирать родителей, предковъ, родной домъ, отечество. Они—въ нашемъ прошломъ, въ нашей исторіи.

— А откуда они ведутъ свое начало—это наше прошлое, наша исторія?—съ живостью возразилъ Луртье:—отъ Хлодвига, отъ Хильперика, что-ли? Для тебя, такъ какъ ты католикъ, они начинаются съ Карла Великаго, по случаю „Пѣсни о Роландѣ", или—съ крестовыхъ походовъ. Не будь ты вѣрующимъ, ты считалъ бы ихъ началомъ эпоху Возрожденія. А для меня они начинаются съ Революціи, мы—на зарѣ ея второго вѣка. Да здравствуетъ республиканскій календарь!

— Революція все уничтожила и ничего не создала,—сказалъ, разгорячаясь, Клодъ: — мы получили отъ нея въ наслѣдство пустыя фразы, кровавыя воспоминанія, плохую риторику, дурные законы, преступленія...

— Побѣды... Декларацію правъ человѣка...

— Мы уже сто лѣтъ искупаемъ ихъ муками пораженій...

Подбородокъ Урбэна дрожалъ; Клодъ былъ красенъ; къ ихъ спору начинали прислушиваться со стороны. Валентинъ спокойно проговорилъ:

— Я предвижу зарю новой религіи, новыхъ кумировъ, новаго фанатизма. Нѣтъ, вы стóите другъ друга.

— Однако, нужно же во что-нибудь вѣрить! — воскликнулъ Луртье.

И тѣмъ же спокойнымъ голосомъ Валентинъ проговорилъ:

— Не вижу въ этомъ необходимости.

Тутъ Клодъ въ свою очередь вышелъ изъ себя, и двое старшихъ, всегда враждовавшихъ другъ съ другомъ, сообща накинулись на младшаго, возмущавшаго ихъ своимъ нигилизмомъ.

— Несчастный! Ты желаешь, чтобы человѣчество бродило во мракѣ! Вѣра необходима для дѣла, солнце — растеніямъ. И Урбэнъ это признаётъ; онъ только упорствуетъ въ своемъ евив-

гелія ненависти, между тѣмъ какъ мы предлагаемъ ему евангеліе кротости и любви.

— Ты хочешь сказать: покорности? — прибавилъ Валентинъ.—Вотъ добродѣтель, которая меня возмущаетъ!

Его худощавое лицо приняло почти дикое выраженіе, словно онъ намѣревался излить въ спорѣ весь накопившійся въ душѣ его пылъ гнѣва

— Я не отрицаю величія христіанства,—вмѣшался Луртье, бросивъ тревожный взглядъ въ сторону публики:—оно подготовило индивидуальную свободу совѣсти, создало демократическій идеалъ, и наша партія это признаетъ. Но оно пало, роль его свелась на нѣтъ, отъ него уже нечего ждать.

— И все же оно одно силою любви можетъ разрѣшить столкновеніе личныхъ интересовъ съ общественными...

— Такова ваша формула?

— Нѣтъ, въ ней—рѣшеніе проблемы.

— До чего близко стоите вы другъ къ другу!—воскликнулъ Валентинъ: — вы оба только и думаете о томъ, чтобы обуздать индивидуализмъ, въ которомъ — единственное оправданіе существованія рода человѣческаго. Монархія или республика, аристократія или демократія—не все ли равно, что у насъ будетъ? Я требую, чтобы отдѣльная личность — клѣточка человѣчества, средоточіе вселенной—могла достигнуть высшей точки своего развитія... Знаете ли вы, что всѣ вы—не болѣе какъ рабы, желающіе стать тиранами? Говоря о деспотизмѣ, вы жаждете замѣнить его новымъ насиліемъ, и ваша пресловутая потребность единенія — въ сущности жажда произвола. Я одинъ желаю видѣть человѣчество свободнымъ, побѣдоноснымъ. У васъ есть „дѣло“, у меня его нѣтъ. Я—„единственный“, какъ говоритъ Штирнеръ, и таковымъ я останусь. За мое здоровье!

Онъ вылилъ остатокъ вина изъ полубутылки въ свой стаканъ и залпомъ осушилъ его.

— Ахъ, дружокъ мой, — грустно сказалъ Клодъ, называвшій его этимъ уменьшительнымъ,—почему не можешь ты полюбить своего ближняго?

Онъ всталъ изъ-за стола. Валентинъ тоже поднялся, взоръ его блеснулъ вызовомъ, и онъ почти крикнулъ:

— Нѣтъ у меня ближняго!

На улицѣ молодые люди остановились въ нерѣшимости, не зная, какъ закончить вечеръ. Послѣ каждаго спора они ощущали непріятное чувство отчужденности, предчувствуя, что настанетъ часъ, когда дружба ихъ погибнетъ при столкновеніи ихъ воззрѣній.

Луртье, не устававшій бѣгать по собраніямъ, предложилъ зайти на митингъ соціалистовъ,—вѣдь пріятели никогда не желали послушать „его“ ораторовъ. Свѣтлая, расположенная въ видѣ театра зала, залитая электрическимъ свѣтомъ, была уже полна. Если не считать нѣсколькихъ рабочихъ, публика была буржуазная, состоявшая изъ приказчиковъ, чиновниковъ, студентовъ, женщинъ. Назначенный часъ давно уже прошелъ; они ожидали съ изумительнымъ терпѣніемъ, свойственнымъ парижанамъ, которые находятъ удовольствіе въ самомъ сборищѣ, зачастую забывая о цѣли его. Публику постигло, однако, нѣкоторое разочарованіе: изъ двоихъ ораторовъ—„гвоздей“ вечера—одинъ не пріѣхалъ по причинѣ гриппа, а другой — вслѣдствіе массы работы. Ихъ замѣнили сенаторъ и депутатъ—ораторы второго разряда. У сенатора—краснолицаго лысаго толстяка—тоже былъ гриппъ, но онъ все же пріѣхалъ, чтобы поощрить своимъ присутствіемъ прогрессивную молодежь, съ чѣмъ онъ себя и поздравилъ. Затѣмъ онъ поздравилъ себя съ услугами, оказанными имъ дѣлу демократіи, поздравилъ свою партію съ ея будущими побѣдами, поздравилъ депутата, согласившагося замѣнить своего товарища, и публику — съ тѣмъ, что она имѣетъ возможность слышать подобнаго оратора. Лекторъ въ свою очередь поздравилъ партію, имѣющую въ своихъ рядахъ подобныхъ людей, и себя самого—съ принадлежностью къ этой партіи. Затѣмъ онъ принялся обличать реакцію, попробовалъ изложить теорію борьбы классовъ, но запутался въ терминахъ, значеніе которыхъ онъ, очевидно, плохо понималъ: „соціальная структура“, „комплексъ экономическихъ знаній“, „процессъ техники“, „идеологія консерваторовъ“. Публика аплодировала безъ увлеченія. Луртье страдалъ, замѣчая неуловимую улыбку Клода. Валентинъ, давно уже выказывавшій признаки нетерпѣнія, предложилъ уйти.

Когда они усѣлись въ кофейной за чашкою кофе, Луртье, послѣ нѣкоторой борьбы съ собою, признался, что на этотъ разъ „вышло неудачно“.

— Помилуй, чего же тебѣ еще?—воскликнулъ Клодъ:—положимъ, депутатъ—не очень знаменитъ, но сенаторъ уже двадцать лѣтъ засѣдаетъ въ палатѣ и, по всей вѣроятности, будетъ министромъ. Это—наши законодатели, они направляютъ насъ, управляютъ нами, словомъ—царствуютъ.

Урбэнъ возразилъ, что во всѣхъ партіяхъ есть балластъ, и затѣмъ, сообразивъ, что всякая уступка является тактической ошибкою, онъ принялся защищать сенатора: пусть онъ не обла-

даетъ даромъ слова, но человѣкъ онъ честный и можетъ быть хорошимъ законодателемъ.

— Ты хочешь обмануть самого себя, — сказалъ Клодъ:— этотъ человѣкъ можетъ быть только дуракомъ, ограниченнымъ и тѣмъ болѣе опаснымъ фанатикомъ.

— И тщеславнымъ хвастуномъ,—заключилъ Валентинъ.

Луртье разсердился. Неужели недостатокъ краснорѣчія—преступленіе? Онъ говорилъ справедливыя, хорошія слова, достойныя...

— Осла! И ты понимаешь это не хуже насъ, — прервалъ Клодъ.

Луртье окончательно вышелъ изъ себя. По какому праву они говорятъ ему: „Ты самъ этому не вѣришь?“ Обычный партійный ихъ пріемъ. Тенденціозныя обвиненія.

Клодъ обозлился въ свою очередь.

— Нашъ пріемъ? Вы употребляете его не хуже насъ. Тенденціозныя обвиненія? Вотъ уже десять лѣтъ, какъ вы боретесь противъ насъ этимъ оружіемъ. Мы говоримъ, что мы—католики, а вы кричите:—они не демократы! Мы говоримъ, что мы христіане, а вы кричите: — они не республиканцы! Мы говоримъ, что вѣруемъ въ Бога, а вы кричите:—они хотятъ возстановить монархію!

— Продолжай! — крикнулъ побагровѣвшій Урбэнъ:—пускай въ ходъ единеніе, согласіе, любовь къ ближнему и прочія побрякушки... Я въ первый разъ вижу всю глубину пропасти, которая насъ раздѣляетъ. Ты самъ указалъ мнѣ ее. Сбрось же маску... Продолжай!

— Тише, перестаньте!—прервалъ Валентинъ.—Неужели вы поссоритесь въ нашъ послѣдній вечеръ? Пусть каждый останется при своемъ мнѣніи, и да спасетъ насъ дружба!

Они смолкли, какъ борцы, которыхъ насильно розняли, борцы, еще трепещущіе отъ гнѣва и не могущіе успокоиться. Затѣмъ они заговорили беззвучными голосами, слѣдя за каждымъ своимъ словомъ, и не безъ труда перешли на прежній дружескій тонъ. Но духъ раздора уже пронесся надъ ними. Когда Валентинъ сказалъ на прощанье: „Что бы ни случилось—мы всѣ трое останемся друзьями! До сихъ поръ мы сумѣли сохранить цвѣтъ нашей дружбы, не дадимъ же ему погибнуть!“—оба старшихъ товарища переглянулись подъ вліяніемъ одной и той же мысли: скоро проклятый вѣтеръ засушитъ его — нѣжный цвѣтъ ихъ юности!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Когда Валентинъ занялъ мѣсто въ вагонѣ второго класса, къ пріятной мысли объ отъѣздѣ примѣшалось чувство легкой грусти. Чуть не къ послѣднему звонку прибѣжалъ Клодъ. Они едва успѣли обмѣняться нѣсколькими словами.

— Мнѣ столько нужно было бы сказать тебѣ!

— Ты будешь пріѣзжать? Мы увидимся?

— Надѣюсь. Кланяйся Урбэну. Не слишкомъ ссорьтесь.

— Нѣтъ, нѣтъ... До свиданія.

Въ воздухѣ замахали платки. Изящный силуэтъ Клода слился съ далью. Потянулись большіе дома, трубы съ клубами дыма, пыльныя деревья, участки земли, уже застроенные, и другіе—съ надписью: „продается", что напомнило Валентину о мечтѣ старика Луртье — зажить на покоѣ. Перемѣнить одну клѣтку на другую... О, еслибы можно было жить день за днемъ, безъ низменныхъ заботъ, распускаться какъ цвѣтокъ въ солнечныхъ лучахъ, бросать мысли, какъ уносимыя вѣтромъ сѣмена, сливаться въ мечтахъ съ цѣлымъ міромъ!

Но вотъ передъ Валентиномъ открылся настоящій загородный просторъ. Потянулась черныя, изрѣзанныя бороздами поля, огороды, и рядомъ съ садиками и домиками—парки и виллы съ вѣковыми деревьями и прудами, деревенскія жилища, тѣснившіяся вокругъ церкви. Далѣе пошли красивые и разнообразные виды, и Валентинъ замечтался о прошедшемъ и будущемъ. Всѣ люди, которыхъ онъ до сихъ поръ зналъ, несмотря на узы родства, были для него въ сущности чужими — добрыми людьми, протягивавшими ему руку помощи и шедшими затѣмъ своею дорогой. Исключеніе составляла одна лишь покойная Алиса. Романешъ—герой его полудѣтскихъ лѣтъ? Фразеръ, нечувствительный ко всему, исключая своего честолюбія. А Паула-Андреа? Нѣтъ, она чужая ему; онъ желалъ бы пріобщить ее къ своей жизни, но вѣдь она — первая встрѣченная имъ женщина. Любовь ли это, или просто — мимолетный ея отблескъ? Какъ знать?

Сосѣдъ-пассажиръ сталъ доставать свой саквояжъ изъ сѣтки. Валентинъ понялъ, что они пріѣхали, и стряхнулъ съ себя полудремоту. Поѣздъ замедлилъ ходъ. Позади завѣсы изъ деревьевъ,

росшихъ по берегу канала, Валентинъ увидѣлъ высокія трубы. На дебаркадерѣ ожидалъ его самъ Фрюмзель.

Это былъ высокій, красивый мужчина съ нѣсколько отяжелѣвшими щеками и сѣдѣющими усами. Въ своемъ элегантномъ черномъ пальто-рединготѣ съ красной ленточкой въ петличкѣ, онъ имѣлъ бодрый энергичный видъ, внушавшій къ нему симпатію.

Онъ запросто протянулъ руку Валентину, церемонно ему поклонившемуся, и подозвалъ ливрейнаго лакея, взявшаго вещи пріѣзжаго.

— Дайте ему и квитанцію отъ багажа.

Они вмѣстѣ двинулись къ выходу. Фрюмзель обмѣнивался по пути поклонами и рукопожатіями. Изящный автомобиль промчалъ ихъ мимо памятника Кольберу, нимфъ и фонтана Бартольди, мимо трехъ аркъ римскихъ воротъ. Дорогою Фрюмзель расспрашивалъ Валентина о томъ, какъ ему нравится ихъ городъ, о здоровьи Романеша. Очень занятъ? Я думаю! Съ его газетою, со всѣми его коммиссіями, засѣданіями въ палатѣ, съ митингами, съ посѣтителями...

И этотъ человѣкъ, самолично завѣдывавшій и управлявшій огромнымъ торговымъ предпріятіемъ, созданнымъ его трудами, наивно преклонялся передъ безплодною, пустозвонною агитаціей знаменитаго политика.

— Удивляюсь, какъ у него голова не пойдетъ кругомъ!

— Она у него крѣпкая,—отвѣтилъ Валентинъ съ оттѣнкомъ ироніи, незамѣченнымъ его собесѣдникомъ.

Автомобиль остановился передъ рѣшеткою двухъ-этажной бѣлой виллы въ style moderne. Фрюмзель принялъ любопытство, съ которымъ Валентинъ разглядывалъ изломы и излучины декоративныхъ мотивовъ, за восхищеніе ими. Молодой человѣкъ выразилъ свое чувство двусмысленнымъ восклицаніемъ:

— Очень любопытно!

— Оригинально, не правда ли?

Валентинъ отвѣтилъ безъ убѣжденія:

— Да, дѣйствительно оригинально.

И тутъ же онъ упрекнулъ себя за эту уступку. Вотъ оно— рабство!

— Васъ проведутъ въ вашу комнату,—сказалъ Фрюмзель,— вы устроитесь съ дороги, а если около двѣнадцати вамъ будетъ угодно пожаловать ко мнѣ въ кабинетъ, я дамъ вамъ необходимыя разъясненія. Завтракъ—въ двѣнадцать съ половиной.

Комнаты наставника находились во второмъ этажѣ, куда

Валентина подняли на лифтѣ. Свѣтъ, чистота, свѣжесть отдѣлки очень понравились Валентину; портили дѣло одни лишь декадентскіе обои. Валентинъ подошелъ къ окну, выходившему на незнакомую улицу, и опять назойливое слово „чужой"—молніей пронизало его мозгъ.

Совершивъ свой туалетъ, онъ отправился къ Фрюмзелю, который сидѣлъ въ своемъ просторномъ кабинетѣ, передъ заваленнымъ бумагами американскимъ бюро. Дописавъ письмо, Фрюмзель повернулся къ нему и сказалъ:

— Я хотѣлъ поговорить съ вами ранѣе, чѣмъ вы увидитесь съ моимъ сыномъ. Первая встрѣча имѣетъ иногда рѣшающій характеръ.

Онъ говорилъ яснымъ голосомъ, отчасти прислушиваясь къ своимъ словамъ, какъ всѣ люди, знающіе себѣ цѣну. Онъ сидѣлъ, положивъ ногу на ногу и играя тяжелымъ разрѣзательнымъ ножомъ слоновой кости.

— У каждой семьи есть своя исторія, и я намѣренъ разсказать вамъ нашу. Нашъ торговый домъ существуетъ съ восемнадцатаго вѣка; вначалѣ это была весьма скромная фирма, но мнѣ посчастливилось изобрѣсти „общедоступное шампанское", доставившее мнѣ богатство.

Фрюмзель разсказалъ, что онъ женился по любви на своей кузинѣ, дѣвушкѣ безъ всякихъ средствъ, но два обстоятельства помѣшали имъ быть счастливыми: они потеряли двоихъ первыхъ дѣтей, что̀ онъ приписываетъ близкому родству, всегда пагубному для брачущихся, и затѣмъ его младшій сынъ остался въ живыхъ только чудомъ. Здоровье его ненадежно и до сихъ поръ требуетъ большихъ заботъ. Но это еще не все. Покойная жена его была религіозна; онъ, какъ это извѣстно, человѣкъ свободомыслящій, и тѣмъ не менѣе онъ принужденъ былъ уступить ей и дозволилъ окрестить сына по католическому обряду. Впослѣдствіи онъ надѣялся перевоспитать его, но когда мальчику исполнилось десять лѣтъ, мать его умерла. Началась исторія съ гувернантками. Ребенка, по слабости здоровья, нельзя было отдать ни въ какое училище,—пришлось давать ему домашнее воспитаніе. А тутъ еще—постоянныя болѣзни. Онъ три раза былъ при смерти.

Валентинъ что-то пробормоталъ о „тяжелыхъ испытаніяхъ", и Фрюмзель продолжалъ свой монологъ. Онъ обожаетъ своего сына, но не имѣлъ возможности близко слѣдить за его воспитаніемъ. Къ сожалѣнію, посѣянныя въ дѣтствѣ сѣмена, кажется, уже принесли плоды. Этому способствовалъ предшественникъ Валентина—реакціонеръ, клерикалъ, іезуитъ.

Онъ взглянулъ на Валентина, снова пробормотавшаго:

— *Они* на все способны.

— На всякія измѣны, не такъ ли? Я прогналъ его, но было уже поздно. Теперь дѣло въ томъ, чтобы исправить зло. Сынъ мой станетъ современемъ во главѣ крупнаго предпріятія. Въ наше время хозяинъ не можетъ относиться безучастно къ духовной жизни своихъ рабочихъ; онъ обязанъ быть ихъ другомъ, ихъ совѣтникомъ, не дозволяющимъ имъ подпасть подъ иго отжившихъ суевѣрій. Подготовить моего сына къ полученію степени баккалавра—важная задача, конечно, но не она стоитъ у васъ на первомъ планѣ. Вы понимаете меня?

— Безъ сомнѣнія, — отвѣтилъ Валентинъ, — боюсь только, что я молодъ для подобной роли: вѣдь я всего на три года старше моего ученика.

— Вотъ именно на это я и разсчитываю! — воскликнулъ Фрюмзель.—Мнѣ извѣстны ваши убѣжденія. Развивайте ихъ, высказывайте передъ Дезире, стараясь не оскорблять его чувствъ. Вамъ придется много гулять съ нимъ: его здоровье этого требуетъ. Старайтесь уяснить ему—въ чемъ истина. Держитесь строго научнаго метода. Вѣдь наука несовмѣстима съ религіей, не такъ ли?

— Постараюсь,—отвѣтилъ Валентинъ, и чувствуя, что послѣ такого откровеннаго разговора Фрюмзель въ свою очередь ждетъ отъ него рѣшительнаго заявленія, онъ прибавилъ искреннимъ тономъ, въ которомъ слышалась горечь его наболѣвшаго и возмущеннаго съ дѣтскихъ лѣтъ сердца:

— Какъ я ни молодъ, я много перестрадалъ изъ-за предразсудковъ, и измѣрилъ всю несправедливость современнаго общественнаго строя. Поэтому я ненавижу всякій гнетъ, всякое насиліе, всякій обманъ. Я страстно люблю свободу; она—моя единственная религія.

— Это—самая лучшая,—сказалъ Фрюмзель;—я вижу, что мы поймемъ другъ друга.

Онъ взялъ его подъ-руку и повелъ въ столовую, такъ какъ раздался звонокъ къ завтраку.

II.

Фрюмзель познакомилъ Валентина со своею семьей и занялъ хозяйское мѣсто.

— Вотъ, Дезире, твой наставникъ, г. Делемонъ. Дочь моя— Луиза. М-me Оберглаттъ, завѣдующая нашимъ домомъ.

Слуга уже подавалъ закуски. Столъ былъ уставленъ серебромъ; въ хрустальныхъ вазахъ красовались чудные фрукты; легкое, свѣтлое, золотистое шампанское пѣнилось въ бокалахъ. Стѣны были обтянуты имитаціей кордовской кожи съ мѣдными украшеніями; дорогая электрическая люстра спускалась съ потолка. Обстановка столовой показалась черезчуръ роскошной Валентину, привыкшему къ скромному образу жизни мелкихъ буржуа.

Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Дезире—высокій, блѣдный, бѣлокурый, черезчуръ худощавый юноша; его удлиненныя черты напоминали черты отца, но были тоньше; онъ постоянно опускалъ свои кроткіе прозрачные глаза, какъ будто опасаясь, что въ нихъ слишкомъ легко прочесть его мысли. Его медленныя, неувѣренныя движенія и весь его обликъ обличали робость и скрытность.

Сестра совсѣмъ не походила на него; это была маленькая, откровенно некрасивая дѣвушка. M-me Оберглаттъ—вся въ черномъ; съ бѣлымъ воротничкомъ—казалась стройною и моложавою со своимъ пріятнымъ, но безхарактернымъ лицомъ. Всѣ трое наблюдали украдкою за Валентиномъ и, очевидно, ожидали перваго его слова. Слуга наполнилъ его стаканъ.

— Вы пьете вино? — воскликнулъ Фрюмзель. — Очень радъ! Вашъ предшественникъ пилъ только минеральную воду. До чего это меня злило!

— Вино теперь не въ модѣ,—сказалъ Валентинъ, поднося къ губамъ пѣнящійся напитокъ.

— Быть можетъ, вы предпочитаете бордо?

— Нѣтъ, благодарю васъ, это—чудное вино.

— Я тридцать лѣтъ не пью ничего другого, и какъ видите—результатъ недуренъ. Вѣдь это—чистый сокъ изъ нашихъ виноградниковъ.

Завтракъ былъ обильный и изысканный. Фрюмзель ѣлъ быстро и много говорилъ — короткими, опредѣленными фразами, „безъ всякаго тумана". Онъ „отдѣлывалъ" поповъ, военныхъ, судейскихъ, эксплоататоровъ-хозяевъ, реакціонеровъ всѣхъ сортовъ, восхищаясь въ то же время передовыми людьми, извѣстными писателями, боевыми депутатами, „у которыхъ въ жилахъ течетъ не вода".

Луиза не слушала; она, какъ любопытный котенокъ, искоса разглядывала Валентина. M-me Оберглаттъ вставляла подходящія къ случаю реплики. Дезире упорно молчалъ; при нѣкоторыхъ словахъ отца лицо его передергивалось, какъ отъ физической боли. Однажды, когда Фрюмзель обратился прямо къ нему, онъ

покраснѣлъ до корней волосъ и пробормоталъ нѣсколько непонятныхъ словъ.

— Клещами изъ него слова не вытянешь! — воскликнулъ Фрюмзель: — потому ли онъ молчитъ, что не желаетъ сказать то, что думаетъ, или — оттого, что ему нечего сказать? Боюсь, что вамъ предстоитъ нелегкая задача, г. Делемонъ!

Валентину было не по себѣ, и онъ не могъ объяснить себѣ, въ чемъ причина этого стѣсненія? Она уяснилась ему, когда онъ остался наединѣ со своимъ ученикомъ. Разспрашивая Дезире о его занятіяхъ, онъ тщетно пытался проникнуть въ его душу. Юноша отвѣчалъ вѣжливо, сознаваясь безъ ложнаго стыда въ своей отсталости, но его духовный міръ оставался для учителя закрытымъ. Результаты экзамена оказались весьма плачевными.

— Вамъ придется много поработать, если вы пожелаете экзаменоваться въ будущемъ году, — сказалъ Валентинъ. — Вы, кажется, часто болѣли?

— Увѣряю васъ, что я очень желаю серьезно работать, — сказалъ, краснѣя, Дезире.

Валентинъ, послѣ разговора съ Фрюмзелемъ, готовился къ отпору, къ настойчивости, но съ первыхъ же словъ юноши онъ ощутилъ любопытство, смѣшанное съ симпатіей, и рѣшилъ, что для него будетъ вопросомъ чести — проникнуть въ эту закрытую для него душу, пріобрѣсти привязанность и уваженіе своего ученика.

Однако, дни проходили, а положеніе вещей не измѣнялось. Дезире выказывалъ большое прилежаніе, напрягая свою память, но онъ ускользалъ отъ Валентина, и это упорство, разсердившее бы всякаго другого педагога, было почти пріятно молодому человѣку. Порою онъ даже какъ бы желалъ неудачи. Ежедневныя прогулки пѣшкомъ или поѣздки на велосипедахъ не сближали ихъ. Однажды Валентинъ, любуясь осеннимъ пейзажемъ, заговорилъ съ красивымъ увлеченіемъ о красотахъ природы. Осень — удивительный художникъ. Неужели Дезире не восхищается этою прелестью увяданія, задумчивою грустью небесъ?

Юноша холодно отвѣтилъ:

— Да, это очень красиво.

— Ну, какъ вы ладите съ вашимъ ученикомъ? — спросилъ Фрюмзель, бывшій нѣсколько дней въ отсутствіи.

— Онъ очень старается, — отвѣтилъ съ замѣшательствомъ Валентинъ, — но ученье не легко ему дается.

Раздосадованный отецъ возразилъ:

— Не легко? Что вы мнѣ говорите? Онъ очень способный мальчикъ. Лѣнится, быть можетъ?

Валентинъ съ отличающей его откровеностью стоялъ на своемъ:

— Нѣтъ, г. Фрюмзель, онъ не лѣнивъ и очень старается. Но онъ медленно усвоиваетъ понятія, память у него слабо развита; это еще не значитъ, что у него нѣтъ способностей. Онъ, просто, не привыкъ къ работѣ.

— Ну, да, всему виною его здоровье, какъ я уже говорилъ вамъ,—сказалъ Фрюмзель не безъ досады.

Валентинъ выразилъ надежду, что все обойдется, но тотчасъ же пожалѣлъ объ этомъ полу-обѣщаніи. Порою ему хотѣлось сказать отцу: „Вашъ сынъ не довѣряетъ мнѣ, обратитесь къ кому-нибудь другому,—быть можетъ, онъ будетъ счастливѣе“. Но ему становилось стыдно за свое собственное безсиліе.

Останавливало его также и чувство эгоизма: онъ хорошо себя чувствовалъ въ этомъ богатомъ домѣ; уроки очень утомляли его, и это мѣшало его собственнымъ занятіямъ, но зато онъ съ наслажденіемъ предавался, въ рѣдкіе свободные часы, чтенію философовъ и соціалистовъ, начиная съ благожелательнаго Сенъ-Симона и кончая Марксомъ съ его грандіознымъ Апокалипсисомъ пролетаріата, призваннаго къ покоренію міра. Валентинъ, откладывая работу по диссертаціи, зачитывался имъ до разсвѣта; иногда въ головѣ его шумѣло отъ шампанскаго, которымъ Фрюмзель усердно угощалъ его.

Въ этой обстановкѣ Валентину все рѣже вспоминалась Паула-Андреа и жалкій антресоль съ птичьими клѣтками; образъ дѣвушки стушевывался, и наоборотъ, его преслѣдовалъ по временамъ образъ m-me Оберглаттъ во всей роскоши ея тридцати-пяти лѣтъ, бѣлой и таинственно-соблазнительной. Она дружески на него поглядывала, и въ ея обращеніи замѣчался оттѣнокъ кокетства. Луизѣ онъ тоже нравился; извѣстная привлекательность обращенія и быстрота ума отчасти вознаграждали ее за недостатокъ красоты. Иногда, при видѣ Луизы, странное искушеніе овладѣвало Валентиномъ. Какъ знать? При его передовыхъ воззрѣніяхъ, Фрюмзель, быть можетъ, не отказалъ бы въ рукѣ своей дочери интеллигентному молодому человѣку, каково бы ни было его происхожденіе? Онъ уже видѣлъ себя богатымъ, счастливымъ, достигшимъ первыхъ ступеней общественной лѣстницы, но затѣмъ ему сейчасъ же становилось стыдно самого себя за такія мысли.

III.

Общество, собиравшееся у Фрюмзеля, было далеко не такъ многочисленно, какъ это можно было бы предположить, судя по размѣрамъ его столовой. Его собратья упрекали его въ томъ, что онъ понизилъ ихъ промышленность, пустивъ въ ходъ дешевое шампанское; притомъ они не сочувствовали его крайнимъ взглядамъ. У него бывали нѣкоторые изъ представителей административной власти, учителя медицинской школы и лицея, адвокаты—изъ второстепенныхъ. У Луизы почти не было подругъ, а холодность Дезире отдаляла отъ него юношей его лѣтъ, съ которыми желалъ бы его сблизить его отецъ.

Случайный разговоръ съ M-me Оберглаттъ помогъ Валентину напасть на слѣдъ. Однажды имъ случилось завтракать вдвоемъ, и послѣ ухода слуги, подавшаго имъ кофе, молодой человѣкъ, чувствуя непреодолимую потребность высказаться, проговорилъ:

— Положительно, Луиза привязана къ вамъ! Какъ бы я желалъ въ свою очередь пріобрѣсти довѣріе Дезире, но онъ — закрытая книга. Я знаю о немъ не больше, чѣмъ въ первый день.

— И я знаю его не болѣе, чѣмъ вы,—отвѣтила гувернантка,—онъ изъ скрытныхъ.

— Чтò же ему скрывать?

— Мысли, чувства...—осторожно отвѣтила m-me Оберглаттъ, не поднимая глазъ.

— Какое-нибудь увлеченіе?

Она отрицательно покачала головою.—Нѣтъ, прòсто, надо заставить его разговориться. Онъ имѣлъ большое довѣріе къ предшественнику Валентина, очень интеллигентному человѣку.

— Почему же онъ уѣхалъ?

M-me Оберглаттъ опять-таки изъ осторожности не рѣшилась разсказать сцену изгнанія, вызванную открытіемъ, что учитель говѣетъ. Она сказала только, что учитель имѣлъ большое вліяніе на Дезире, очень его любившаго. Поэтому онъ и питаетъ антипатію къ замѣстителю своего друга. Впрочемъ, они даже не переписываются. А знаетъ ли г. Делемонъ, что въ субботу у нихъ въ домѣ большой обѣдъ?

За этимъ обѣдомъ Валентину пришлось очутиться лицомъ къ лицу со многими противорѣчіями, а также—видѣть впечатлѣніе, производимое ими на юный умъ, склонный къ самостоятельной работѣ.

За роскошнымъ, убраннымъ рѣдкими цвѣтами столомъ, уста-

вленнымъ привезенными изъ дальнихъ странъ лакомствами и произведеніями серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, стекольщиковъ, эмальировщиковъ и др., собрались исключительно представители буржуазіи: богатый адвокатъ, врачъ съ большою практикой, залитыя бриліантами ихъ жены, молодой, щеголявшій цитатами профессоръ лицея, двое муниципальныхъ совѣтниковъ съ засаленными воротниками, богатый негоціантъ съ дочерью, управляющій торговымъ домомъ Фрюмзеля, страховой агентъ съ семьею, аптекарь, пользовавшійся славою оратора на митингахъ. Всѣ эти люди принадлежали къ капиталистическому классу; большинство изъ нихъ жило на счетъ эксплоатируемыхъ имъ бѣдняковъ.

Тѣмъ не менѣе, они говорили только о равенствѣ, о справедливомъ распредѣленіи богатствъ, осуждали источники роскоши, которою сами пользовались, одобряли возмущеніе, ведшее ихъ къ разоренію, разглагольствовали о теоріяхъ, плохо ими усвоенныхъ: истинный смыслъ ихъ понималъ одинъ лишь молодой профессоръ. Объѣдаясь дичью, трюфелями, упиваясь дорогимъ виномъ, они громили на словахъ общественный строй, дававшій такое славное удовлетвореніе ихъ аппетитамъ. Можно было подумать, что это злоумышленники насыщаются въ отсутствіи блюстителей правосудія припасами, пріобрѣтенными неправымъ путемъ.

Молодой профессоръ доказывалъ искренность своихъ убѣжденій, заявляя, что при новомъ режимѣ имъ, представителямъ культуры, придется принести себя въ жертву.

— Наше мѣсто будетъ самое скромное. Но, все равно, станемъ работать надъ водвореніемъ неизбѣжной революціи, которая въ общественной гегемоніи замѣнитъ буржуазію — пролетаріатомъ, какъ въ 93-мъ году буржуазія замѣнила собою аристократію.

Одинъ изъ муниципальныхъ совѣтниковъ добавилъ хриплымъ голосомъ:

— Кончено! Кончается царство бѣлоручекъ... Поставимъ на первомъ планѣ физическій трудъ. Хозяева будутъ приказчиками своихъ рабочихъ, да, именно приказчиками...

Финансистъ покорно склонилъ свою облѣзлую голову, но Фрюмзель возразилъ:

— Вы заходите слишкомъ далеко. Для управленія массою нужны люди. Пусть не будетъ хозяевъ, но руководители необходимы.

— Что-жъ? И это — ремесло, какъ и всякое другое, — отозвался совѣтникъ, осушая стаканчикъ марго.

— Нѣчто вродѣ надсмотрщика на жалованьи, или старшаго мастера.

— Конечно, — одобрилъ страховой агентъ, — и жалованье генерала нужно уравнять съ капитанскимъ.

— А капитанское—съ солдатскимъ,—подхватилъ аптекарь.

Невѣжество собесѣдниковъ возмутило молодого профессора, поспѣшившаго объяснить:

— При соціалистическомъ режимѣ не будетъ ни жалованья, ни заработка въ прямомъ смыслѣ слова.

— И арміи не будетъ, — добавилъ совѣтникъ, — такъ какъ къ тому времени всѣ народы станутъ жить въ мирѣ.

Адвокатъ продолжалъ:

— Подобныя перспективы пугаютъ тѣхъ, кто живетъ только настоящимъ режимомъ. Онѣ выяснятся по мѣрѣ осуществленія нашей программы...

— Которая никогда не осуществится,—неосторожно сорвалось у фабриканта, хитро подмигнувшаго глазомъ.

— Вы полагаете, что мы пойдемъ на частичныя уступки?— подхватилъ адвокатъ, сдѣлавъ широкій ораторскій жестъ рукою.

— Не будемъ слишкомъ радикальны,—вмѣшался агентъ,— безъ маленькихъ компромиссовъ не обойтись.

Молодой профессоръ снова навелъ ихъ на путь истинный.

— Дѣло не въ избирательной программѣ, которую можно, ради успѣха дѣла, удлиннить или укоротить. Тутъ идетъ рѣчь о полномъ преобразованіи всего общественнаго строя. Господство пролетаріата является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ историческаго развитія; а такъ какъ его нужды несовмѣстимы съ нашею системою частной собственности, соціалистическое движеніе можетъ закончиться лишь окончательною побѣдою, которая замѣнитъ частную собственность — общественною.

Фабрикантъ испустилъ глубокій вздохъ и принялся за свой стаканчикъ шамбертэна съ такимъ видомъ, словно онъ былъ послѣднимъ.

— Не будемъ заглядывать такъ далеко,—сказалъ Фрюмзель, —эти грандіозныя обобщенія всегда опасны. Мы еще не знаемъ, какъ сложится новое общество. Человѣкъ всегда тяготѣлъ къ собственности; мнѣ трудно повѣрить, чтобы онъ окончательно отказался отъ этого удовольствія, служащаго ему наградою за его трудъ.

— И все-таки придется это сдѣлать,— спокойно возразилъ профессоръ.

— Увидимъ,—согласился Фрюмзель,—или не увидимъ, такъ

какъ подобный переворотъ не совершится въ одинъ день,—не правда ли?

— Жоржъ Сорель утверждаетъ, что кучка отважныхъ людей можетъ захватить въ свои руки власть, ускорить событія, уничтожить нашъ индивидуалистическій строй, и тогда...

— Ну, это еще вопросъ. И притомъ — дѣло не въ этомъ. Преобразованія въ дѣлѣ собственности мы предоставимъ нашимъ дѣтямъ. Наша задача—изгнать черныхъ людей, освободить умы отъ гнета, тяготѣющаго надъ ними восемнадцать вѣковъ, покончить съ предразсудками...

Въ этомъ пунктѣ всѣ гости сошлись, и молодой профессоръ, торжественно поднявъ руку, провозгласилъ:

— Религія была краеугольнымъ камнемъ общественнаго зданія. Энгельсъ доказалъ, что англійская буржуазія поддерживала ее ради упроченія своего господства, тратя на это громадныя суммы. Она съ лихвою вознаграждала себя за эти затраты, такъ какъ, обѣщая рабочему классу небесныя блага, она безнаказанно эксплоатировала его въ этомъ мірѣ.

— Если такъ поступаютъ протестанты,—что же сказать о католицизмѣ? — воскликнулъ совѣтникъ.

— Я уважаю всякое искреннее вѣрованіе,—сказалъ Фрюмзель,—но католицизмъ былъ всегда исключительно эксплоатаціей бѣдняковъ, невѣждъ, довѣрчивыхъ людей. Онъ отжилъ свой вѣкъ, и мы въ свою очередь отлучаемъ отъ себя церковь...

Эти слова вызвали громкій смѣхъ, шумныя восклицанія.

— Да, да... Мы въ свою очередь отлучаемъ папу, монаховъ, скуфейниковъ...

Въ эту минуту Валентинъ обернулся къ сидѣвшему съ нимъ рядомъ Дезире. Мрачное, искаженное лицо юноши выражало глубокое страданіе, словно каждое изъ этихъ словъ поражало его въ больное мѣсто. Валентинъ взглянулъ на m-me Оберглаттъ, поймалъ ея взглядъ, остановившійся на лицѣ Дезире и словно говорившій ему:

— Смотрите и поймите.

На другой день учитель съ ученикомъ вяло принялись за работу, утомленные вчерашнимъ обѣдомъ. Зимнее солнце заливало бульваръ своимъ холоднымъ свѣтомъ. Обнаженныя, осыпанныя инеемъ деревья стояли словно въ пушистомъ бѣломъ облакѣ. Валентинъ предложилъ замѣнить не шедшую на ладъ работу прогулкою на свѣжемъ воздухѣ. Молодые люди вышли на эс-

планаду, окаймленную съ двухъ сторонъ роскошными домами богатыхъ промышленниковъ. Они прошли по улицѣ Saint-Jean-Césarée до бульвара Dieu-Lumière, мимо знаменитыхъ заведеній и погребовъ Поммри, Ж. Гулэ, Дуайенъ, Редереръ. Передъ ними возвышались два бѣлыхъ холма, поросшихъ жидкимъ кустарникомъ.

— Поднимемся туда?—предложилъ Валентинъ.—Ну, скорѣе: разъ, два, три!

Онъ поднялся бѣгомъ, а за нимъ — менѣе проворный Дезире. У ногъ ихъ разстилался городъ. Почти прямо передъ ними возвышался колоссальною громадою соборъ Богоматери. Надъ крышами выдѣлялся его профиль, поражавшій правильностью очертаній, одна изъ башенъ и рѣзное кружево его живописнаго фасада. Налѣво виднѣлась церковь Saint-Rémy, приземистая, строгая, болѣе фантастическая, съ широкими аркадами. Она возвышалась надъ лабиринтомъ старинныхъ неправильныхъ улицъ, старыхъ домовъ на сваяхъ. Гораздо далѣе, за полями, среди деревьевъ, виднѣлось Saint-Lyé, цѣль паломничества, между тѣмъ какъ направо разстилался окутанный дымомъ промышленный городъ.

Видя, что Валентинъ созерцаетъ пейзажъ, Дезире прошепталъ какъ бы про себя:

— Тутъ былъ по близости храмъ во имя св. Никеза и св. Агриколя.

Валентинъ услышалъ и спросилъ:

— Чтò это былъ за храмъ?

Бываютъ минуты, когда наглухо закрытыя сердца полураскрываются подъ вліяніемъ переполняющаго ихъ чувства. Дезире не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія повѣдать свое сокровенное чувство учителю, но контрастъ между дорогими ему воспоминаніями и вчерашними разговорами такъ взволновалъ его, что голосъ у него дрогнулъ:

— Это былъ великолѣпный храмъ! На ступеняхъ портала сохранился слѣдъ ногъ св. Реми, который во время страшнаго пожара ходилъ въ церковь молиться о спасеніи города.

Онъ украдкою взглянулъ на Валентина, но, видя, что тотъ внимательно, безъ всякихъ признаковъ ироніи слушаетъ его, продолжалъ:

— Въ этомъ храмѣ покоились многіе сражавшіеся съ язычниками вожди, св. Никезъ, замученный варварами, и другіе святые. Здѣсь сохранялись священныя реликвіи; съ этимъ храмомъ было связано столько историческихъ воспоминаній, столько прекраснаго...

— Почему же его не стало?

Голосъ Дезире дрогнулъ.

— Его вмѣстѣ съ аббатствомъ разрушили во время революціи. Сантерръ купилъ его за 45 т. франковъ. Онъ оцѣнилъ камень въ эту сумму. Этотъ палачъ былъ ловкимъ дѣльцомъ.

Валентинъ пожалѣлъ о своемъ неумѣстномъ вопросѣ. Нужно было что-нибудь отвѣтить, но фраза: „прогрессъ важнѣе памятниковъ старины" — мгновенно лишила бы его того довѣрія, которое онъ начиналъ пріобрѣтать. Вмѣсто отвѣта, онъ сказалъ:

— Поднимемся на другой холмъ.

Разстояніе между двумя холмами было незначительное, но разница въ видѣ — громадная. Отсюда старый городъ казался уменьшеннымъ, почти исчезающимъ, между тѣмъ какъ новый городъ развертывался широкою панорамой. Господствовали не башни собора и колокольня Saint-Rémy, казавшіяся приниженными, уходящими въ даль, но цѣлый лѣсъ фабричныхъ трубъ, возвышавшихся среди населенныхъ кварталовъ. Молодые люди не отрывались отъ него взглядомъ. Они принадлежали къ одной національности, были почти однихъ лѣтъ, ихъ предки исповѣдывали одну и ту же вѣру, болѣли однѣми и тѣми же скорбями, сражались за одно и то же дѣло. Они вмѣстѣ созерцали эту символическую картину двухъ міровъ, одинъ изъ которыхъ, вооруженный машинами, извергающій дымъ, какъ бы возникалъ изъ перваго, уходившаго героическою и религіозною мечтою въ небеса. И тѣмъ не менѣе, оба они мыслили и чувствовали различно, словно они были чужими по крови.

Въ своемъ опьяненіи очевидною побѣдою новаго міра Валентинъ воскликнулъ:

— Видите, Дезире, прошедшее умираетъ, будущее ростетъ. Изумительное развитіе промышленности обновитъ міръ.

Дезире молча взглянулъ на него, и въ его взглядѣ было столько грусти, что Валентинъ почувствовалъ потребность загладить свою неловкость.

— Я оскорбилъ васъ... Простите.—Я вижу, что мы придерживаемся различныхъ воззрѣній. Вы—здѣсь. Я—тамъ.

Онъ перевелъ взоръ со стараго города на новый и договорилъ:

— Но вы должны знать, что я буду уважать ваши взгляды и желалъ бы пріобрѣсть вашу дружбу.

Онъ произнесъ эти искренніе слова отъ всей души.

— Правда ли это?—прошепталъ Дезире.—Если бы я только могъ говорить съ вами! Я такъ одинокъ, г. Делемонъ, меня такъ

утомлю мое одиночество! Я таюсь отъ отца именно потому, что я слишкомъ его люблю. Вы слышали вчера, какъ мыслятъ эти люди?

— Не все ли вамъ равно, какъ они думаютъ, если я понимаю ваши мысли?

Онъ забылъ свое положеніе, свои обязательства передъ Фрюмзелемъ; онъ уже не былъ стражемъ юной души, желающимъ направлять по своему усмотрѣнію ея ростъ,—его просто влекло къ этой душѣ. Онъ весь отдался порыву симпатіи.

— Въ сущности, я расхожусь съ *ними* въ одномъ: я люблю свободу, полную свободу. Вамъ нечего меня бояться. Говорите со мною откровенно о вашихъ убѣжденіяхъ. Я стану съ вами спорить.

— Нѣтъ, не надо споровъ!—умолялъ Дезире.

Они спустились съ холма; идя вдоль канала, по которому скользила тяжелая баржа, они, не касаясь опасной области идей, разговорились съ необычнымъ оживленіемъ, обмѣниваясь впечатлѣніями по поводу вчерашняго вечера. Они вышучивали широковѣщательное краснорѣчіе адвоката, аппетитъ муниципальныхъ совѣтниковъ. Дезире неожиданно обнаружилъ комическій талантъ. Онъ надувалъ щеки, округлялъ глаза и забавно представлялъ тайный ужасъ фабриканта, плохо прикрытый личиною добродушія. Затѣмъ, заложивъ руку за жилетъ, онъ копировалъ позы адвоката, и оба они по-товарищески хохотали, со свойственною ихъ годамъ шаловливостью.

Но, по мѣрѣ приближенія къ собору, веселость ихъ уступала мѣсто сосредоточенности. Онъ высился передъ ними со своимъ рѣзкимъ фасадомъ, тремя папертями, барельефами на контрфорсахъ, галереею королей, отъ которой поднимаются двѣ его башни, построенныя въ видѣ стрѣльчатыхъ дугъ.

Они смолкли, глубоко взволнованные. Статуя Жанны д'Аркъ, работы Поля Дюбуа, издали сливавшаяся съ памятникомъ, теперь отдѣлялась отъ него, оживала и словно двигалась къ нимъ навстрѣчу, привлекая ихъ взоры, завладѣвая ихъ мыслями. Дезире не могъ долѣе сдерживаться; онъ прошепталъ:

— Какое чудное, достойное этого мѣста, достойное ея исторіи произведеніе!

Валентинъ не сразу отвѣтилъ;—ему припомнились его убѣжденія, право критики, принятая имъ на себя обязанность. Образъ великой дочери народа плѣнялъ его воображеніе, но она все же принадлежала къ тому старому міру, съ которымъ ему предстояло бороться въ душѣ Дезире. Онъ замѣтилъ, что все же

его интересуетъ будущая книга Анатоля Франса, посвященная Жаннѣ д'Аркъ.

— А меня—нисколько,—невольно вырвалось у Дезире.

— Вы неправы — даже съ вашей точки зрѣнія, — сказалъ Валентинъ:—нужно знать своихъ враговъ, если они достойны того, чтобы вступать съ ними въ споръ.

И чтобы дать Дезире урокъ терпимости, онъ предложилъ войти въ соборъ: вѣдь церковь — тоже книга, которую онъ не боится прочесть.

Сквозь бѣлыя стекла струился дневной, почти слишкомъ яркій свѣтъ, наполнявшій всю внутренность зданія; онъ дозволялъ разсмотрѣть колонны, капители, обвитыя рѣзкими гирляндами, и отчасти разсѣивалъ дремавшую подъ высокими сводами тайну, но зато увеличивалъ пролеты, которые, казалось, уходили въ безграничную высь. Размѣры зданія казались такими громадными, что въ немъ можно было затеряться.

Отдаленный гулъ голосовъ — въ какомъ-то придѣлѣ шла служба—примѣшивался къ торжественному молчанію.

Валентинъ обратилъ вниманіе на старинныя вышитыя картины, представлявшія жизнь Пресвятой Дѣвы, и Дезире принялся тихимъ голосомъ давать ему разъясненія; онъ говорилъ объ этихъ изображеніяхъ, какъ о старыхъ знакомыхъ. Вотъ св. Іоакимъ и Анна приближаются къ храму, но первосвященникъ не хочетъ ихъ впустить...

— Священники уже и въ тѣ времена...—началъ-было Валентинъ, но Дезире продолжалъ:

— Вотъ здѣсь ее привѣтствуетъ архангелъ Гавріилъ. А это—плотникъ Іосифъ, простой труженикъ; онъ занятъ своимъ скромнымъ дѣломъ и не подозрѣваетъ, что въ его хижинѣ готовится спасеніе міра...

— Какъ вы всѣхъ ихъ знаете!—воскликнулъ Валентинъ.— Если бы вы такъ же были тверды во всѣхъ предметахъ, по которымъ вамъ предстоитъ экзаменоваться! Часто заходите вы сюда?

— Когда могу... Я смотрю, читаю, наконецъ... То немногое, что̀ я знаю—я вычиталъ изъ книгъ каноника Серфа и Проспера Шарбé... Революція, разрушавшая церкви, уничтожила многія изъ этихъ диковинъ. Делегаты комитета общественной безопасности отирали о нихъ свои ноги... Между прочимъ, здѣсь была картина, изображавшая самый замѣчательный эпизодъ мѣстной исторіи: вступленіе Карла VII въ Реймсъ. Король, дворъ его, вельможи, полководцы, Жанна—во всей ея славѣ, а въ глубинѣ виднѣлись шедшіе полями, усталые, запыленные муж-

чина и женщина—родители Жанны, явившіеся принять участіе въ торжествѣ. Они представляли собою французскій народъ, геройски боровшійся за свободу, и каждый стежокъ въ этой картинѣ не былъ ли данью его вѣрности, его мужеству, его любви къ родинѣ? И что же? Эта картина также исчезла. Развѣ не правда, что этихъ несчастныхъ обуялъ духъ разрушенія?

— Безъ разрушенія невозможно и созиданіе,—философски отвѣтилъ Валентинъ;—еще Гомеръ замѣтилъ, что листья опадаютъ для того, чтобы уступить мѣсто молодымъ побѣгамъ.

Лицо Дезире приняло замкнутое, почти враждебное выраженіе.

— Да, но что же они создали взамѣнъ разрушеннаго?—спросилъ онъ глухо.

— Какъ что?—воскликнулъ Валентинъ:—а все наше современное общество, нашу трудящуюся демократію, которая организуется, борется, работаетъ для общаго блага, нашу промышленность, покоряющую самыя стихіи, нашу науку, орудія прогресса, ту зарю правды и свободы, которую мы носимъ въ сердцахъ?..

Дезире обвелъ взглядомъ всю церковь съ ея величіемъ, красотою, съ ея молчаніемъ и благолѣпіемъ.

— Почему хотите вы уничтожить все это? Вотъ чего я никогда не пойму...

И прежде чѣмъ Валентинъ отвѣтилъ, онъ прибавилъ тревожно:

— Быть можетъ, мнѣ не слѣдовало говорить объ этомъ съ вами. Если бы мой отецъ узналъ... Могу себѣ представить его огорченіе. И все же... все же онъ долженъ будетъ современемъ узнать...

— Не бойтесь,—мягко сказалъ Валентинъ,—вы можете мнѣ довѣриться. Если вы не желаете, я ничего ему не скажу. Но вашъ отецъ добръ, и притомъ съ теченіемъ времени все измѣняется...

— О, нѣтъ,—заключилъ Дезире съ безконечною грустью,—онъ не измѣнится... И я—тоже.

IV.

На Рождествѣ Валентинъ взялъ трехдневный отпускъ и отправился въ Парижъ. Онъ повидался съ Клодомъ, нѣсколькими товарищами, дядями, букинистами на набережной. Посѣщеніе семьи Луртье онъ отложилъ до вечера второго дня; его зарождающаяся любовь колебалась въ его сердцѣ, подобно огоньку, который можно разжечь или загасить однимъ дуновеніемъ.

Онъ засталъ семью, погруженную въ подведеніе годовыхъ отчетовъ; даже Паула-Андреа считала накладныя.

— Намъ очень васъ недоставало, обоихъ васъ съ Урбэномъ,—заявилъ торговецъ птицами.

Покуда мать и дочь, отложивъ въ сторону счетныя книги, брались за рукодѣлье, онъ завелъ разговоръ о своихъ дѣлахъ, которыя шли, по его словамъ, неважно. Самые солидные, повидимому, кліенты задерживаютъ уплату. Только люди, получающіе опредѣленное содержаніе, могутъ жить спокойно и сводить концы съ концами, особенно въ томъ случаѣ, если жена принесетъ имъ маленькое приданое.

— Теперь я уже не желаю выдать дочь за негоціанта. Чиновникъ, даже учитель—вотъ на комъ бы я остановился; они, конечно, не сдѣлаются милліонерами, но зато и не умрутъ съ голоду. Получай себѣ жалованье въ опредѣленный срокъ, а затѣмъ—по одёжкѣ протягивай ножки.

Валентинъ спросилъ себя: не было ли это намекомъ? Паула-Андреа вся ушла въ свое вышиванье, г-жа Луртье улыбалась, а торговецъ птицами, помолчавъ, спросилъ:

— Кстати: имѣете ли вы письма отъ Урбэна?

— Онъ не писалъ мнѣ со времени своего отъѣзда.

— Гмъ! Что же это онъ всѣхъ забываетъ? Въ прошломъ году онъ писалъ намъ каждый мѣсяцъ, а теперь и къ Рождеству—ничего.

— Онъ не думаетъ о насъ,—спокойно отозвалась дочь въ отвѣтъ на его взглядъ.

— Ему слишкомъ хорошо живется,—сказалъ Луртье:—живетъ себѣ во дворцѣ, какъ принцъ, да переписываетъ бумажонки...

Валентинъ вступился за друга. Въ „Ecole de Rome" много работаютъ; доказательствомъ тому служитъ количество диссертацій. Притомъ Урбэнъ — человѣкъ убѣжденный и намѣренъ отстаивать свои взгляды...

— Въ газетахъ? — прервалъ Луртье: — но развѣ это — ремесло?

Валентинъ съ жаромъ принялся объяснять роль, которую сыграли въ ходѣ прогресса люди, не имѣвшіе иного орудія, кромѣ пера, но заслужившіе, тѣмъ не менѣе, почетъ и уваженіе.

— А что̀ это принесло имъ?—спросилъ Луртье.

Паула-Андреа нахмурила брови, возмущенная вульгарностью подобнаго вопроса. Валентинъ назвалъ имена нѣкоторыхъ журналистовъ, имѣвшихъ собственные отели, затѣмъ онъ снова коснулся принципіальной стороны, и все его маленькое нервное су-

щество трепетало отъ возбужденія, когда онъ говорилъ о свободномъ умственномъ трудѣ, направленномъ къ высокимъ цѣлямъ.

Онъ почувствовалъ себя вознагражденнымъ, встрѣтивъ взглядъ молодой дѣвушки: въ немъ свѣтилась гордость. Нѣтъ, положительно, она не была создана для прозябанія въ мелкой торгашеской средѣ.

— Итакъ, вы думаете, что Урбэнъ пробьетъ себѣ дорогу?— спросилъ Луртье.

— Почему же нѣтъ? Онъ много учился, онъ талантливъ и можетъ сдѣлать блестящую карьеру.

— И притомъ онъ—ловкачъ... съ хорошей стороны, разумѣется... Только вотъ его убѣжденія... Не находите ли вы ихъ слишкомъ крайними?

Валентинъ, заходившій въ „крайностяхъ" дальше Урбэна, пріискивалъ отвѣтъ, но его выручило появленіе толстой Анжелики, а затѣмъ г-жа Луртье стала разспрашивать о томъ, какъ ему живется въ Реймсѣ?

Валентинъ описалъ домъ Фрюмзеля, погреба, цвѣтущее состояніе его фирмы, роскошь домашней обстановки. Луртье наставительно прервалъ его:

— Смотрите только: не избалуйтесь. Для людей бѣдныхъ роскошь—дѣло неподходящее.

Валентинъ сразу омрачился,—ему почудился намекъ на его происхожденіе.

— Будьте увѣрены, г. Луртье, что я не заблуждаюсь относительно того, что̀ ожидаетъ меня въ будущемъ.

Паула-Андреа подняла на него свои хорошенькіе глазки, которые словно извинялись за безтактность отца.

— Всѣ имѣютъ право наслаждаться прекраснымъ,—проговорила она.

Луртье пригласилъ Валентина на слѣдующій день къ завтраку: но когда тотъ явился, хозяинъ оказался менѣе любезнымъ, чему причиною было письмо изъ Рима, пришедшее съ опозданіемъ на четыре дня. Урбэнъ извинялся множествомъ работы; онъ готовилъ два изслѣдованія: „О фискальствѣ папы Іоанна XXII-го" и о Марсиліи Падуанскомъ, анти-клерикалѣ среднихъ вѣковъ, мысли котораго кажутся современными, истинномъ предвозвѣстникѣ точнаго мышленія".

— Ученый малый!—съ восхищеніемъ говорилъ торговецъ:— видать, что этотъ не теряетъ времени даромъ.

Луртье подчеркнулъ слово *этотъ*:—въ средніе вѣка былъ какой-то анти-клерикалъ, и онъ уже все о немъ знаетъ!

Луртье продолжалъ читать, иллюстрируя своими примѣчаніями, отрывки изъ письма Урбэна:

„Вотъ гдѣ видать, что католицизмъ идетъ къ концу! Правда, на площади св. Петра, вдоль Via Appia и повсюду встрѣчаются рясы всѣхъ цвѣтовъ. На мосту Ангела можно увидѣть карету какого-нибудь кардинала; швейцарцы въ ихъ устарѣлыхъ мундирахъ еще разгуливаютъ передъ бронзовыми вратами...“ (Къ чему эти маскарады, я васъ спрашиваю?) „Порою у одного изъ оконъ стараго желтаго дворца—только изъ нихъ онъ и видитъ нашъ новый міръ—появляется бѣлая тѣнь, тѣнь папы, смотрящая на городъ, въ которомъ онъ уже не рѣшается появляться...“ (Ловко сказано!) „Вотъ все, что осталось отъ вѣкового ужасающаго гнета. Римъ! Какой урокъ для всѣхъ, цѣпляющихся за отжившее! Они увѣряютъ, что здѣсь укрѣпляется ихъ вѣра. Что за вздоръ! Если бы у меня еще оставались какія-нибудь сомнѣнія, они разсѣялись бы именно здѣсь“. (Слышите?) „Изучая архивы, я узнаю, какъ они выжимали сокъ изъ христіанъ; входя въ церкви, я вижу, какъ они расточали эти сокровища. Нѣтъ, Римъ никого уже не вернетъ въ лоно вѣры, онъ—отличное противоядіе отъ религіозной заразы“. (Отъ религіозной заразы! Ни болѣе, ни менѣе!)

— Урбэнъ ненавидитъ религію, а я отношусь къ ней равнодушно,—замѣтилъ Валентинъ.

— Однако вы болѣе, чѣмъ онъ, имѣли бы причинъ ее ненавидѣть.

Отъ этого злосчастнаго замѣчанія у молодого человѣка пропалъ аппетитъ. Во время кофе онъ на минуту остался наединѣ съ Паулою, которая первая съ нимъ заговорила:

— Вы обѣщали часто пріѣзжать въ Парижъ, мосьё Валентинъ?

Мягкость тона подчеркивала дружескій смыслъ упрека. Онъ пробормоталъ что-то о своемъ ученикѣ, о занятіяхъ, и вдругъ добавилъ глухо:

— А въ сущности для чего мнѣ пріѣзжать? Никто не желаетъ меня видѣть.

Она заговорила, и видно было, какъ подъ плохо сшитымъ корсажемъ приподнимается отъ волненія ея грудь:

— Вы полагаете?

Боясь, что выдала себя, она поспѣшила прибавить:

— Развѣ у васъ нѣтъ друзей?

Неосторожное слово оживило надежду въ его сердцѣ, страстно тяготившемся своимъ одиночествомъ и совсѣмъ не созданномъ для ненависти.

— Мой лучшій другъ — Клодъ Бреванъ—слишкомъ занятъ своею „Бороздой“; остальные—не болѣе какъ товарищи. Что же касается до моихъ дядей и кузеновъ, для меня нѣтъ мѣста въ ихъ жизни.

Еще впервые Валентинъ обнаруживалъ язву, отъ которой жестоко страдалъ: свое одиночество.

— Вы знаете, что я—внѣ жизни. Вашъ отецъ только-что напомнилъ мнѣ объ этомъ.

— Онъ не хотѣлъ васъ обидѣть,—съ живостью воскликнула молодая дѣвушка,—вы дурно его поняли.

Еще ни разу, съ тѣхъ поръ какъ Алиса Делемонъ провела рукою по его дѣтскимъ волосамъ, Валентинъ не ощущалъ въ сердцѣ такого прилива теплоты. Глаза его были полны слезъ, щеки пылали; онъ ощущалъ непреодолимое желаніе громко крикнуть о томъ, какъ онъ одинокъ и покинутъ, молить о крупицѣ нѣжности взамѣнъ той, которая переполняла его сердце.

— Я не сержусь. Меня часто оскорбляютъ безъ намѣренія.

И онъ добавилъ съ пылкимъ взглядомъ:

— Но не всегда дружескій голосъ заставляетъ меня забывать о моихъ страданіяхъ.

Паула-Андреа была тронута. Она еще не знала себя:—помимо ея разсчетовъ, въ ней таились, какъ и во всякой женщинѣ, инстинкты сестры милосердія, молодой романтизмъ, потребность жертвы, вмѣстѣ съ любовнымъ любопытствомъ и смутнымъ пробужденіемъ инстинкта, — всѣ эти разнородныя ощущенія, уживающіяся въ душѣ молодой дѣвушки и влекущія ее къ страсти. Тѣмъ не менѣе, она овладѣла собою и сказала спокойно:

— Отецъ мой очень васъ уважаетъ, и мы съ мамою—также. Мы всѣ васъ любимъ...

Возрастающее волненіе Валентина заставило его позабыть о множественномъ числѣ.

— Вы тоже, mademoiselle,—воскликнулъ онъ,— вы тоже?..

Она очень покраснѣла и молчала.

— Если бы я могъ этому повѣрить... Если бы я смѣлъ...

Она прошептала чуть слышно:

— Вѣрьте.

— Но если я завтра уѣду, я ничего не буду знать о васъ?

— Возвращайтесь скорѣе.

Въ эту минуту толстая Анжелика влетѣла съ грудою тарелокъ въ комнату. Она замѣтила румянецъ молодой дѣвушки, волненіе Валентина и поспѣшила на цыпочкахъ отретироваться,

но за нею вошла г-жа Луртье, и нѣжный разговоръ уже не могъ возобновиться.

На этотъ разъ Валентинъ ѣхалъ въ Реймсъ въ ликующемъ настроеніи, съ твердою рѣшимостью приняться за работу, сдать экзаменъ, получить мѣсто. Онъ уже не былъ „свободенъ", но эти узы не тяготили его.

Онъ поспѣлъ на виллу къ завтраку, и встрѣтившая его m-me Оберглаттъ прошептала, приложивъ палецъ къ губамъ:

— Гроза разразилась!

Она не успѣла объясниться, такъ какъ вошелъ нахмуренный, ни на кого не глядящій Фрюмзель. Всегда словоохотливый и любезный, онъ ѣлъ молча, едва отвѣчая m-me Оберглаттъ, и стучалъ приборами. Луиза вздрагивала, Дезире былъ блѣденъ, а Валентинъ, бывшій въ хорошемъ настроеніи, независимый по характеру и не лишенный юмора, готовъ былъ улыбаться, вспоминая Юпитера и его перуны.

Вставъ изъ-за стола, Фрюмзель сухо сказалъ:

— Мнѣ нужно съ вами поговорить, г. Делемонъ.

Луиза поблѣднѣла и проводила его полнымъ состраданія взоромъ, словно онъ шелъ на казнь. Невольно Валентинъ отвѣтилъ на него успокоительнымъ движеніемъ, взволновавшимъ молодую дѣвушку: еще впервые онъ откликнулся на выраженіе симпатіи съ ея стороны.

Въ кабинетѣ Фрюмзель далъ волю своему гнѣву.

— Неужели вы были слѣпы, г. Делемонъ? Въ карманѣ у васъ, что-ли, глаза? Я былъ лучшаго мнѣнія о вашей проницательности.

Еще въ первый разъ онъ заговорилъ съ нимъ какъ съ однимъ изъ своихъ мастеровъ. Валентинъ отвѣтилъ хладнокровно:

— Я вижу, что вы сердитесь, г. Фрюмзель, но не знаю, почему?

— Почему?.. Потому что... этотъ мальчикъ, вашъ ученикъ... Дезире на дурной дорогѣ. Худшія мои опасенія осуществились... Уроки вашего предшественника принесли плоды. И наконецъ я подозрѣваю васъ или въ слѣпотѣ, или... въ попустительствѣ. Вотъ прочтите.

Онъ досталъ синюю тетрадку, исписанную почеркомъ Дезире.

— Я случайно нашелъ ее раскрытою на столѣ въ библіотекѣ.

Это были отрывочныя замѣтки, набросанныя въ видѣ дневника: мысли, мольбы, вырывавшіяся изъ глубины этой одинокой, потрясенной и мятущейся души. Валентинъ остановился на двухъ отрывкахъ.

„Долго ли свѣтильнику оставаться подъ спудомъ? Къ чему свѣтъ, если онъ никому не свѣтитъ? О, еслибы можно было разорвать покровъ мрака!

„Еслибы мой добрый отецъ могъ читать въ моемъ сердцѣ, какъ бы это было тяжело для него!

„И все же необходимо, чтобы онъ узналъ правду. Я не могу дольше лгать передъ моею совѣстью.

„Какъ облегчить для него горечь этой минуты? А быть можетъ, мнѣ суждено стать орудіемъ его спасенія?“

— Я не подозрѣвалъ о существованіи этой тетради,—сказалъ Валентинъ.

— Надѣюсь. Иначе вы не потерпѣли бы ее. Но читайте дальше.

„Г. Д.—не врагъ мой, напрасно я этого опасался. Онъ не вѣрующій, но онъ обѣщалъ мнѣ уважать мои вѣрованія. Это—неожиданное поощреніе. Я уже не такъ одинокъ. Вмѣсто новаго врага я нахожу почти поддержку“.

— Объясните мнѣ, что̀ это значитъ? Вы дали мнѣ обѣщаніе.

Валентинъ сохранилъ достаточно хладнокровія, чтобы понять, что эти строки дѣйствительно нуждаются въ поясненіи. Онъ разсказалъ о своихъ стараніямъ пріобрѣсти довѣріе Дезире, о ихъ прогулкѣ и разговорахъ, вызвавшихъ Дезире на откровенность.

— Я увидѣлъ, что чувства его гораздо глубже, чѣмъ вы предполагали...

— Вы видѣли и не предупредили меня!—воскликнулъ Фрюмзель;—вы не вырвали его вѣрованій съ корнемъ!

Валентинъ вздрогнулъ; помимо повелительнаго тона, онъ почувствовалъ въ этихъ словахъ деспотическую волю, съ которой его независимость должна была считаться.

— Я не инквизиторъ въ обратномъ смыслѣ,—сухо отвѣтилъ онъ:—мысли нельзя вырывать, какъ сорныя травы, особенно если онѣ такъ глубоко пустили корни. Ихъ нужно честно оспаривать, бороться съ ними силою доводовъ. Такъ я и поступалъ.

Твердость отвѣта подѣйствовала на Фрюмзеля, который смягчился.

— Конечно, рѣчь идетъ не о наказаніяхъ, но эта фраза: „почти поддержка“...

— Неужели я долженъ былъ обращаться съ вашимъ сыномъ какъ съ врагомъ? Я давалъ ему книги, объяснялъ научныя теоріи, ниспровергающія религіозныя основы, старался ему доказать, насколько недопустимы его вѣрованія съ точки зрѣнія положительной науки...

Фрюмзель грубо похлопалъ по тетради.

— И вотъ чего вы добились!

Валентинъ возмутился.

— Быть можетъ, вамъ угодно, чтобы я ушелъ? Другой сумѣетъ лучше взяться за дѣло.

Эта угроза смирила Фрюмзеля, не привыкшаго къ подобной обидчивости.

— Чтò за мысль! Не въ этомъ суть, мой милый Делемонъ, я васъ не упрекаю. Вы меня дурно поняли.

Онъ зашагалъ въ волненіи.

— Но войдите въ мое положеніе. У меня тоже есть убѣжденія и очень твердыя, укрѣпленныя всѣмъ моимъ жизненнымъ опытомъ. Я ненавижу эту религію, проливавшую въ теченіе девятнадцати столѣтій людскую кровь, сѣявшую ложь, замедлявшую прогрессъ. Когда завязалась борьба противъ нея, я вступилъ въ ряды борцовъ за свободу и разумъ. Сознàюсь вамъ: я надѣялся сыграть въ ней не послѣднюю роль. И вдругъ мой сынъ переходитъ на сторону моего врага! Сынъ мой, для котораго я работалъ всю мою жизнь, онъ—мой преемникъ. Вѣдь это—почти то же, что потерять его, милый Делемонъ!

Въ его жалобахъ слышалось такое страданіе, что Валентинъ былъ почти растроганъ, и позабылъ о своемъ уязвленномъ самолюбіи.

— Я понимаю ваше огорченіе, г. Фрюмзель,—сказалъ онъ.

— А если вы понимаете,—помогите мнѣ. Теперь вы знаете моего сына лучше, чѣмъ я самъ. Поищемъ какого-нибудь средства.

Средство? Уроки философіи, еще свѣжіе въ умѣ Валентина, были къ его услугамъ. Неужели, зная происхожденіе болѣзни, такъ трудно выбрать методъ леченія?

— Не знаю: коренятся ли убѣжденія Дезире въ самой его натурѣ, или они привиты ему извнѣ? Во всякомъ случаѣ, можно ясно опредѣлить одно вліяніе: вліяніе среды, самого города, хочу я сказать. Надъ Дезире тяготѣетъ прошлое. Онъ не можетъ сдѣлать ни шагу безъ того, чтобы не натолкнуться на воспоминанія, болѣе убѣдительныя, нежели всѣ доводы. Вы не подозрѣваете, до какой степени онъ изучилъ исторію города: это—единственное, чтò онъ хорошо знаетъ. Ему говорятъ самые камни. Онъ волнуется при мысли о памятникахъ, уже несуществующихъ...

Фрюмзель слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ. Онъ не привыкъ утруждать свой умъ подобными проблемами, и дивился

ясности его выводовъ, вѣрности анализа, изумлявшихъ его въ такомъ молодомъ человѣкѣ.

— Я вижу, что вы хорошо изучили, хорошо поняли его,— проговорилъ онъ.

Въ качествѣ дѣлового человѣка, Фрюмзель былъ склоненъ къ быстрымъ рѣшеніямъ.

— Такъ что же дѣлать? Удалить его отсюда? Но его здоровье, его слабое здоровье, милый Делемонъ!

Въ этомъ восклицаніи было столько нѣжности, почти материнской, что Валентинъ былъ побѣжденъ, и предложилъ испробовать сначала другія средства, не ожесточая его, разумѣется...

Но Фрюмзель уже раскаялся въ своей слабости.

— Нѣтъ, нѣтъ! Если ему лучше уѣхать—пусть уѣзжаетъ; я не стану его удерживать при себѣ. Вы правы: уроки окружающаго—самые дѣйствительные. Необходимы противоположныя впечатлѣнія. Куда же вы думаете его отвезти?

Валентинъ едва не предложилъ Парижъ, но устыдился этого эгоистическаго побужденія. Вспомнивъ о письмѣ Урбэна, онъ сказалъ:

— У меня, въ „Ecole de Rome“, есть другъ. Недавно онъ писалъ роднымъ, что еслибы у него сохранилась хотя частица вѣры, онъ утратилъ бы ее именно въ Римѣ. Письмо его навело меня на мысль: какое впечатлѣніе можетъ произвести зрѣлище упадка католицизма на прямой и ясный умъ. Быть можетъ, поѣздка въ Римъ...

— Поѣзжайте, когда хотите!—воскликнулъ Фрюмзель:—то-есть, съ наступленіемъ теплой погоды. Стоитъ только открыть глаза,—и все становится яснымъ.

Эта неожиданная задержка могла помѣшать Валентину въ его собственныхъ занятіяхъ, но онъ ощущалъ такой приливъ бодрости, что не сталъ объ этомъ и думать.

Съ франц. О. Ч.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1906.

Назначеніе дня открытія Государственной Думы. — Условія, при которыхъ начинается предвыборный періодъ.—Еще разъ вопросъ о „бойкотѣ“ Думы. — Запрещеніе партійныхъ собраній.—Возможность отмѣны чрезвычайныхъ законовъ.—„Требованія“ аграріевъ и допускаемые ими четыре способа рѣшенія аграрнаго вопроса. — Московскій съѣздъ делегатовъ „союза 17-го октября“.—Нѣсколько словъ о партіяхъ и о партійныхъ „блокахъ“.

Объявленъ, наконецъ, день созыва Государственной Думы. Выборы въ Думу должны состояться въ концѣ марта или началѣ апрѣля. Невольно возникаетъ вопросъ, въ какой обстановкѣ они произойдутъ? До крайности ненормально *открывать* избирательный періодъ при дѣйствіи, во многихъ мѣстахъ, военнаго положенія, при широкомъ распространеніи усиленной и чрезвычайной охраны; но что̀, если онъ и *закончится* при наличности тѣхъ же условій? Что̀ если во время выборовъ въ средѣ избирателей окажутся многочисленные пробѣлы, вызванные такъ называемыми „независящими обстоятельствами“? Что̀ если лишенными свободы или сосланными, безъ всякой доказанной вины, исключительно въ силу неопредѣленныхъ догадокъ и административнаго произвола, окажутся и къ тому времени многіе изъ тѣхъ, кто имѣлъ всего больше правъ на довѣріе избирателей, всего больше шансовъ на избраніе въ выборщики или въ члены Государственной Думы? Вѣроятенъ ли правильный ходъ выборовъ, разъ что имъ не предшествовала ничѣмъ не стѣсненная предвыборная агитація? Что̀, кромѣ устраненія вопіющихъ аномалій, можетъ ободрить запуганныхъ, примирить озлобленныхъ избирателей? Не ясно ли, что настало время не только для востановленія дѣйствія закона, но и для осуществленія элементарныхъ гражданскихъ правъ, безъ которыхъ невозможна свободная политическая жизнь? Мы рѣшительно отказываемся понять,

какимъ образомъ именно теперь могли быть вновь пущены въ ходъ старыя формы расправы, не разъ осужденныя самимъ правительствомъ. Вѣдь административная высылка, всегда возмутительно несправедливая, въ настоящую минуту близко подходитъ къ лишенію избирательнаго права. Отдѣлываться отъ предполагаемыхъ противниковъ, отправляя ихъ на дальній сѣверъ—пріемъ, не имѣющій ничего общаго съ честною политическою борьбою. Заслуживаетъ вниманія и продолжительность сроковъ, опредѣляемыхъ для ссылки (три года, даже пять лѣтъ). Заботливость администраціи обнимаетъ собою, такимъ образомъ, не только настоящее, но и довольно отдаленное будущее; допускается, какъ нѣчто не подлежащее сомнѣнію, что дискреціонная власть губернаторовъ, генералъ-губернаторовъ, министра уцѣлѣетъ и послѣ того какъ на сцену выступитъ Государственная Дума. Не значитъ ли это заранѣе подрывать вѣру въ новый режимъ—ту вѣру, отъ которой только и можно ожидать успокоенія страны? Мы всегда были и продолжаемъ быть противниками бойкота Государственной Думы—но для насъ понятно, что мысль о немъ опять начинаетъ всплывать въ обществѣ и въ печати. Еслибы администрація желала искусственно создать движеніе, направленное противъ участія въ выборахъ, она не могла бы найти болѣе подходящихъ для того средствъ, чѣмъ мѣры, практикуемыя ею съ особеннымъ усердіемъ. Пора отказаться отъ нихъ рѣшительно и гласно и возстановить, пока еще не поздно, утраченное довѣріе къ власти; пора ввѣрить охрану закона, въ теченіе избирательнаго періода, министрамъ, свободнымъ отъ старыхъ бюрократическихъ традицій и неприкосновеннымъ къ репрессіямъ и правонарушеніямъ послѣдняго времени.

Допустимъ, однако, самое худшее: предположимъ, что надъ Россіей, до самаго созыва Думы, будетъ тяготѣть то же иго, какъ и въ настоящую минуту. Слѣдуетъ ли, въ такомъ случаѣ, идти къ урнамъ и осуществлять свое избирательное право? Сторонники бойкота указываютъ на то, что въ странѣ, гдѣ все поколеблено, взволновано, потрясено,—невозможно произвести выборы на узкой основѣ, созданной законами 6-го августа и 11-го декабря. Такъ или иначе, но они будутъ предупреждены революціоннымъ настроеніемъ народа; готовиться къ нимъ, участвовать въ нихъ — по меньшей мѣрѣ излишне. Еслибы избирательную процедуру и удалось довести до конца, „при полномъ равнодушіи огромнаго большинства, при явномъ недовѣріи меньшинства и прямомъ противодѣйствіи немногихъ“, то результатъ такихъ выборовъ, „едва задѣвающихъ поверхность народной жизни“, былъ бы слишкомъ ничтоженъ. Они не имѣли бы даже агитаціоннаго значенія, въ виду препятствій, которыя неизбѣжно встрѣтило бы предвыборное движеніе. Наоборотъ, они могли бы организовать контръ-революцію,

внушивъ обывателямъ, что революція заканчивается или закончена и вызвавъ въ нихъ, тѣмъ самымъ, раздраженіе противъ тѣхъ, въ комъ они увидѣли бы ея продолжателей. „Кличъ, зовущій въ Думу, укрѣпляетъ положеніе дѣятелей произвола“ — укрѣпляетъ его какъ за предѣлами Россіи, возбуждая вѣру въ серьезность предпринимаемыхъ преобразованій, такъ и внутри государства, окрыляя правительство сознаніемъ успѣха. Изъ всего этого дѣлается слѣдующій выводъ: „Граждане! не идите въ Думу! Кричите вездѣ и всюду: предлагаемая намъ Дума, предлагаемые намъ выборы не могутъ остановить революціи, какъ не можетъ нарисованная на бумагѣ плотина задержать стремительный горный потокъ“ [1]).

Въ аргументаціи, только-что приведенной, нетрудно замѣтить, прежде всего, нѣкоторое внутреннее противорѣчіе. Народная масса, сначала признаваемая охваченною революціоннымъ пыломъ, оказывается потомъ равнодушною, апатичною, способною неправильно понять значеніе выборовъ. Мы думаемъ, что истина по серединѣ: разсматриваемый какъ одно цѣлое, народъ чуждъ революціоннаго настроенія, но въ его среду глубоко проникло недовольство настоящимъ, стремленіе къ лучшему будущему. Законченнымъ онъ можетъ признать дѣло освобожденія и обновленія только тогда, когда оно дастъ понятные для него плоды. Въ выборы онъ внесетъ—мы твердо этому вѣримъ—значительную долю сознанія, и если они, вслѣдствіе недостатковъ избирательной системы, не приведутъ къ желаннымъ для него результатамъ,—въ опредѣленіи настоящихъ причинъ и настоящихъ виновниковъ неудачи едва ли ошибется народное чувство... Защитники бойкота вѣрятъ—или желали бы вѣрить,—что найдутся стихійныя преграды, о которыя, такъ или иначе, разобьются выборы. Если эти преграды непреодолимы, то стоитъ ли терять слова на проповѣдь бойкота? Не все ли равно, много ли у него противниковъ, разъ что выборы ни въ какомъ случаѣ не состоятся?.. Говорить и спорить о бойкотѣ, значитъ допускать мысль объ осуществимости выборовъ. Центръ тяжести вопроса заключается, очевидно, въ томъ, можно ли предупредить созывъ Государственной Думы массовыми отказами отъ участія въ выборахъ— и если нельзя, то какихъ послѣдствій слѣдуетъ ожидать отъ этихъ отказовъ.

Что выборы—если не произойдетъ чего-нибудь непредвидѣннаго и чрезвычайнаго—состоятся, въ этомъ едва ли можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе. Волостные сходы, за исключеніемъ развѣ немногихъ мѣстностей, выберутъ уполномоченныхъ, съ порученіемъ не уклоняться отъ посылки выборщиковъ въ губернскія избирательныя собранія. Они

---

[1]) См. „Современныя Записки“ № 1, стр. 102—119.

поступать такимъ образомъ не только вслѣдствіе привычки повиноваться начальству, но и подъ вліяніемъ надеждъ, повсемѣстно, какъ видно изъ множества сообщеній, возлагаемыхъ крестьянствомъ на Государственную Думу. Гдѣ много мелкихъ собственниковъ—а ихъ много почти вездѣ,—они едва ли оставятъ неиспользованнымъ свое право послать представителей въ собраніе крупныхъ землевладѣльцевъ. Что между послѣдними немного найдется приверженцевъ бойкота—на это указываетъ, помимо всего остальнаго, настроеніе, господствующее, съ нѣкоторыхъ поръ, въ большинствѣ губернскихъ земствъ. Если въ средѣ городской интеллигенціи и найдетъ, кое-гдѣ, сочувствіе взглядъ, рекомендующій систематическое воздержаніе отъ выборовъ, то ея примѣру едва ли послѣдуютъ другія составныя части городского населенія. Отзывчивыми на требованіе бойкота скорѣе всего могутъ оказаться рабочіе—но ихъ пассивный протестъ, никѣмъ не поддержанный, прозвучитъ безслѣдно. Разъ что произойдутъ выборы, неучастіе въ нихъ наиболѣе прогрессивныхъ элементовъ отразилось бы крайне неблагопріятно на дальнѣйшемъ ходѣ событій. Предугадывать составъ Думы теперь, конечно, нельзя—но есть основаніе предполагать, что, при широкомъ пользованіи избирательнымъ правомъ, онъ будетъ достаточно разнообразенъ. Крупный результатъ будетъ достигнутъ и въ такомъ случаѣ, если въ средѣ Думы образуется сильное и числомъ, и энергіей, и дарованіями меньшинство. Оно дастъ должную оцѣнку всему совершившемуся въ послѣднее время, броситъ яркій свѣтъ на ужасъ кровавыхъ и ненужныхъ репрессій, намѣтитъ вопросы, настоятельно требующіе разрѣшенія, и, постепенно расширяя свои ряды, пріобрѣтая все больше и больше приверженцевъ и въ Думѣ, и внѣ Думы, подготовитъ новое народное представительство, свободное отъ недостатковъ прежняго. Если бы затрудненія, съ которыми пришлось бы встрѣтиться меньшинству, оказались рѣшительно несовмѣстными съ дальнѣйшимъ пребываніемъ его въ Думѣ, въ его рукахъ оставалось бы крайнее средство: демонстративный выходъ изъ Думы. Впечатлѣніе отъ такого выхода было бы гораздо сильнѣе, чѣмъ отъ бойкота, объявленнаго до созыва Думы. Нельзя провести ясную черту между простыми абсентеистами (или, по входящему въ моду выраженію, „абстенціонистами") и тѣми, кто уклоняется отъ участія въ выборахъ по принципіальнымъ соображеніямъ. Наоборотъ, члены меньшинства, выходящіе изъ собранія за невозможностью плодотворной дѣятельности въ его средѣ, составили бы опредѣленную, всѣмъ извѣстную группу, и смыслъ рѣшенія, ими принятаго, не давалъ бы повода для сомнѣній. Съ ихъ удаленіемъ собраніе лишилось бы значительной части своего авторитета и даже, можетъ быть, было бы вынуждено разойтись, уступивъ мѣсто другому, иначе выбранному.

Сторонники бойкота возстаютъ противъ всякой попытки освѣтить спорный вопросъ ссылкою на исторію других временъ и другихъ народовъ. Положеніе Россіи, по ихъ мнѣнію, совершенно особое: въ Пруссіи 1847-го года, напримѣръ, революція еще не начиналась, а въ Россіи 1906-го года она въ полномъ разгарѣ; не переживали революціонной эпохи и тѣ нѣмецкія государства, гдѣ, до послѣднихъ лѣтъ, соціалъ-демократы сторонились отъ выборовъ въ мѣстные ландтаги, какъ слишкомъ уродливые по способу образованія. Интересна, съ занимающей насъ точки зрѣнія, не Пруссія 1847-го года, когда о воздержаніи—и притомъ отъ участія не въ выборахъ, а въ засѣданіяхъ соединеннаго ландтага — шли только разговоры; интересна Пруссія конца сороковыхъ и первой половины пятидесятыхъ годовъ, когда демократическая партія дѣйствительно оставалась непричастной къ политической жизни. Правда, это было время послѣ-революціонное, время побѣдоносной реакціи; тѣмъ не менѣе, поучительно то, что политика уклоненія отъ выборовъ не принесла сторонникамъ ни малѣйшей пользы—и, на оборотъ, какъ только она была оставлена, явилась возможность образовать сильную партію прогрессистовъ. Еще знаменательнѣе опытъ, сдѣланный во Франціи въ эпоху второй имперіи. Въ 1857 г. предстояли, во второй разъ, выборы въ законодательный корпусъ. Въ средѣ демократовъ произошелъ расколъ: одни возставали противъ участія въ выборахъ, въ виду административнаго гнета, подъ которымъ они должны были происходить—другіе, признавая всю ненормальность положенія, считали, тѣмъ не менѣе, необходимымъ выступить активно на политическую сцену [1]). Благодаря этому послѣднему рѣшенію. въ законодательномъ корпусѣ появилась, послѣ выборовъ, настоящая демократическая оппозиція, въ лицѣ знаменитыхъ *пяти*— оппозиція, подготовившая всѣ дальнѣйшія пораженія бонапартизма. Много ли выиграла бы Франція, еслибы враги деспотизма продолжали, по примѣру Кавеньяка и Карно, сидѣть въ своихъ углахъ и протестовать только своимъ отсутствіемъ?.. У насъ стѣсненія избирательной свободы даже при продолженіи нынѣшнихъ порядковъ едва ли дойдутъ до тѣхъ предѣловъ, какихъ они достигали во Франціи временъ Морни и Персиньи. Французская административная машина, усовершенствованная вѣковою практикою и направляемая беззастѣнчивыми, но умѣлыми руками, дѣйствовала съ такою виртуозностью, до которой очень далеко рутиннымъ и грубымъ пріемамъ, завѣщаннымъ нашей бюрократіи эпохою полицейскаго полновластія. Мало вѣроятно, чтобы министер-

[1]) Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 37) приведенъ совѣтъ, данный по этому поводу Луи Бланомъ (находившимся тогда въ изгнаніи): „помогай себѣ самъ—небо тебѣ поможетъ. Политика воздержанія была бы фатальна; старайтесь, чтобы параличъ не былъ возведенъ въ систему".

ство Витте-Дурново открыто и прямо намѣтило своихъ „оффиціальныхъ кандидатовъ“—но еслибы оно и рѣшилось на этотъ шагъ, онъ легко могъ бы привести, во многихъ мѣстахъ, къ неожиданнымъ результатамъ: онъ могъ бы подсказать избирателямъ и выборщикамъ, за кого имъ *не* слѣдуетъ подавать голосъ...

Оставаясь убѣжденными противниками бойкота, мы не можемъ, однако, скрыть отъ себя, что все происходящее въ административныхъ сферахъ какъ будто нарочно разсчитано на увеличеніе числа его сторонниковъ. Чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе производятъ совпавшія съ назначеніемъ дня открытія Думы мѣры противъ партійныхъ собраній. Именно теперь, въ виду близости выборовъ, такія собранія особенно необходимы—и именно теперь на нихъ налагается запретъ, даже когда ихъ созываетъ такая безспорно легальная, мирная организація, какъ конституціонно-демократическая партія народной свободы. Нужно думать, что распоряженіе, до такой степени несогласное и съ смысломъ манифеста 17-го октября, и съ значеніемъ переживаемой нами минуты, недолго останется въ силѣ—но самая его возможность служитъ яркимъ доказательствомъ тому, до какой степени неотложна перемѣна въ составѣ и направленіи кабинета. И когда же парализуется и безъ того уже до крайности урѣзанная и стѣсненная свобода собраній? Именно въ то время, когда даже союзъ 17-го октября, въ лояльности и умѣренности котораго не можетъ быть никакихъ сомнѣній, высказывается за немедленное изданіе законовъ, обезпечивающихъ и регулирующихъ всѣ виды свободы, и за отмѣну положеній о чрезвычайной и усиленной охранѣ. „Такъ дольше жить нельзя“—этими словами можетъ быть резюмирована резолюція союза. Отвѣчать на нее обостреніемъ произвола—значитъ бросать открытый вызовъ общественному мнѣнію.

Замѣчательно, въ рѣшеніяхъ союза 17-го октября, осужденіе „напрасной жестокости въ примѣненіи чрезвычайныхъ карательныхъ мѣръ“ и „смертной казни, совершаемой безъ судебнаго приговора“. Въ мягкой формѣ, обусловливаемой желаніемъ достигнуть возможно большаго единодушія, здѣсь выражено то чувство, которое все больше и больше крѣпнетъ въ сердцахъ: чувство глубокаго негодованія, вызываемое и поддерживаемое непрерывнымъ раскрытіемъ по истинѣ ужасныхъ фактовъ. Если и допустить, что нѣкоторыя газетныя сообщенія—въ большинствѣ случаевъ, впрочемъ, неопровергнутыя—не вполнѣ согласны съ дѣйствительностью, то все же остается масса матеріала для обвинительнаго акта, составленіе котораго—только вопросъ времени. Мы не станемъ воспроизводить въ памяти читателей

безконечный рядъ возмутительныхъ противонарушеній, допущенныхъ въ Москвѣ и подъ Москвою, въ остзейскомъ краѣ, въ губерніяхъ полтавской, саратовской, тамбовской и многихъ другихъ; мы не станемъ повторять содержаніе письма Спиридоновой (стрѣлявшей въ совѣтника тамбовскаго губернскаго правленія, Луженовскаго), все еще надѣясь, что подлинность его не подтвердится. Ограничимся немногими чертами, по которымъ можно судить объ общей картинѣ—картинѣ, напоминающей худшія страницы далекаго прошлаго. „Новое Время" (даже „Новое Время"!) заимствуетъ изъ „Рижскаго Вѣстника" слѣдующій разсказъ: „учитель православнаго оллустферскаго прихода Янсонъ былъ арестоавнъ за то, что на состоявшемся подъ его руководствомъ митингѣ постановлено было ввести въ народной школѣ преподаваніе на мѣстномъ языкѣ. Бывшій въ Валкѣ военный судъ, выслушавъ объясненія Янсона, оправдалъ его. Когда затѣмъ въ Оллустферъ явился отрядъ генерала Безобразова, Янсонъ былъ вновь арестованъ. Священнику, ходатайствовавшему за Янсона, генералъ Безобразовъ заявилъ, что онъ не будетъ разстрѣлянъ. Однако, послѣ отъѣзда генерала, нѣсколько младшихъ офицеровъ, говорившихъ между собою по-нѣмецки, устроили новое совѣщаніе, на которомъ постановили предать Янсона смертной казни. И дѣйствительно, девятнадцатилѣтній учитель Янсонъ былъ разстрѣлянъ... Въ это же самое время, въ томъ же феллинскомъ уѣздѣ, учитель одного изъ лютеранскихъ приходскихъ училищъ фактически ввелъ преподаваніе предметовъ на мѣстномъ языкѣ. На сдѣланное инспекторомъ народныхъ училищъ учителю внушеніе школьный конвентъ оффиціально, за подписями его членовъ—мѣстнаго помѣщика и пастора,— отвѣтилъ инспектору, что онъ, конвентъ, одобряетъ учителя и считаетъ преподаваніе въ народныхъ школахъ на мѣстныхъ языкахъ вполнѣ раціональнымъ". Здѣсь все одинаково характерно: и преданіе военному суду за поступокъ, въ худшемъ случаѣ грозившій виновному дисциплинарнымъ взысканіемъ, а въ сосѣднихъ мѣстностяхъ одобрявшійся начальствомъ; и вторичное привлеченіе къ суду, несмотря на состоявшійся оправдательный приговоръ; и, наконецъ, разстрѣляніе девятнадцатилѣтняго юноши безъ суда, по рѣшенію, принятому на какомъ-то „совѣщаніи" младшихъ офицеровъ... Въ томъ же остзейскомъ краѣ жителямъ мѣстечка Крейцбурга было объявлено, что въ случаѣ несвоевременной уплаты налоговъ будетъ сжигаться ихъ имущество. Однородное распоряженіе сдѣлано кременчугскимъ генералъ-губернаторомъ, объявившимъ, что за невзносъ налоговъ виновные будутъ наказываемы по законамъ военнаго времени (!). Кѣлецкій (въ царствѣ польскомъ) генералъ-губернаторъ грозитъ смертною казнью, *безъ суда*, каждому, у кого, по истеченіи извѣстнаго срока, будетъ найдено оружіе; если оно окажется у дѣтей, не достигшихъ

четырнадцатилѣтняго возраста, то *вмѣсто нихъ будутъ казнены ихъ родители*. Въ приказѣ генералъ-губернатора горійскаго и душетскаго уѣздовъ (тифлисской губерніи) сказано слѣдующее: „въ селеніи, въ которомъ, послѣ объявленія сего приказа, окажется невыданнымъ добровольно хотя бы одно ружье, револьверъ, кинжалъ и прочее оружіе, хотя бы одинъ преступникъ, хотя бы одинъ неявившійся своевременно новобранецъ, хотя бы одна неисполненная повинность, хотя бы одна непризнанная закономъ власть и т. д.,—въ такое селеніе мной будутъ присланы войска, но не для экзекуцій, отобранія оружія и пр., а съ единственною цѣлью разрушить до основанія все селеніе, безъ всякаго разбора правыхъ и виновныхъ лицъ въ отдѣльности". Этимъ превзойдено даже знаменитое „наказаніе десятаго": за преступленіе *одного* (или даже не за преступленіе, а за возможность его совершенія, произвольно выводимую изъ наличности оружія) должны пострадать *всѣ*. „Русскія Вѣдомости" очень кстати вспоминаютъ, по этому поводу, о словахъ, сказанныхъ папскимъ легатомъ, семь столѣтій тому назадъ, во время крестоваго похода противъ альбигойцевъ: „перебейте всѣхъ, а на томъ свѣтѣ уже Господь Богъ отдѣлитъ правыхъ отъ виноватыхъ"...

Правонарушеніямъ въ родѣ тѣхъ, образцы которыхъ приведены выше, особенно благопріятствуетъ военное положеніе. Понятно, что со всѣхъ сторонъ раздаются голоса о необходимости его повсемѣстной отмѣны. Защитниковъ его можно раздѣлить на двѣ категоріи: торжествующихъ, самоувѣренныхъ—и робкихъ, нерѣшительныхъ, несвободныхъ отъ колебаній. О первыхъ говорить не стоитъ: слишкомъ хорошо извѣстна ихъ готовность служить апологетами или панегиристами побѣдоносной силы. Что касается до вторыхъ, то они не идутъ дальше ссылки на печальную необходимость, утверждая, что военное положеніе—вынужденный результатъ посягательствъ на государственный и общественный порядокъ. Они упускаютъ изъ виду, что рѣчь идетъ не о безспорномъ правѣ государства на вооруженную защиту противъ вооруженныхъ нападеній, а о той совокупности постановленій, которыя вступаютъ въ силу при одномъ предположеніи о возможности возстанія и продолжаютъ дѣйствовать послѣ его подавленія, обрушиваясь всей своей тяжестью на людей обезоруженныхъ или вовсе не бравшихся за оружіе, вызывая безчисленныя, часто непоправимыя ошибки, вырождаясь, сплошь и рядомъ, въ преступное превышеніе обороны. Все совершившееся и совершающееся на нашихъ глазахъ приводитъ къ заключенію, что несомнѣнный вредъ, приносимый военнымъ положеніемъ, не уравновѣшивается его бо́льшею частью весьма сомнительною пользой. Очень убѣдительно эту мысль развивалъ, на съѣздѣ делегатовъ союза 17-го октября, графъ Эм. Беннигсенъ, указывавшій на Москву, Одессу и Ригу, гдѣ произошли грандіозные безпорядки,

несмотря на усиленную охрану, и на Курляндію, кутаисскую губернію и Дальній Востокъ, гдѣ отъ анархіи не спасло и военное положеніе. Митавскій корреспондентъ „Новаго Времени“, возражая гр. Беннигсену, замѣтилъ, что съ объявленіемъ въ Курляндіи военнаго положенія не совпала присылка военныхъ силъ. „Не проще ли было бы сдѣлать наоборотъ“? — совершенно основательно отвѣчаетъ на это гр. Беннигсенъ [1]); „тогда, быть можетъ, и объявленіе военнаго положенія оказалось бы излишнимъ“. То же самое можно сказать и о Лифляндіи и Эстляндіи, и о многихъ другихъ мѣстностяхъ. Достаточно многочисленное войско не дало бы развиться вооруженному возстанію; не было бы ни повода, ни предлога къ объявленію военнаго положенія, не было бы и всего того, что оно повлекло за собою.

Если не къ защитѣ, то къ нѣкоторому извиненію неизвинимаго направлены попытки поставить знакъ равенства между терроромъ слѣва и терроромъ справа. Мы уже имѣли случай указать на различіе между политическими убійствами и приговорами къ смертной казни. Рѣшительно осуждая первыя, мы не можемъ мириться и съ послѣдними, въ особенности когда они постановляются безъ суда и исполняются торопливо, надъ цѣлыми группами заподозрѣнныхъ, но ни въ чемъ не уличенныхъ лицъ, иногда даже безъ увѣренности въ тождествѣ казнимыхъ съ предназначенными къ казни. Еще меньше можетъ быть рѣчь о знакѣ равенства въ тѣхъ случаяхъ, когда суду и приговору надъ политическимъ убійцей предпосылаются глумленіе и пытка. Этого не понимаетъ г. А. Ст—нъ, помѣстившій, въ „Новомъ Времени“ (№ 10748), замѣтку по поводу упомянутаго нами выше письма Спиридоновой. Признавая, что оглашенныя ею обстоятельства, если они правдивы, „свидѣтельствуютъ о свирѣпости и животности ея мучителей“, авторъ замѣтки утверждаетъ, что „ихъ свирѣпость и свирѣпость самой Спиридоновой совершенно равноцѣнны“; кто спокойно шелъ на убійство, тотъ, по мнѣнію г. А. Ст—на, не въ правѣ осуждать чужое звѣрство. Мы отвѣтимъ на это, что эквивалентомъ убійства, даже если оно совершено *спокойно* (въ *внутреннее* спокойствіе политическихъ убійцъ мы, впрочемъ, плохо вѣримъ, хотя бы имъ и удавалось *казаться* хладнокровными), является уголовная кара, налагаемая судомъ, а отнюдь не издѣвательства и истязанія, пускаемыя въ ходъ, до и помимо суда, надъ людьми безпомощными и беззащитными, подъ вліяніемъ самыхъ низкихъ побужденій и въ надеждѣ на полнѣйшую безнаказанность. Для такихъ дѣйствій нѣтъ и не можетъ быть оправданія.

---

[1]) См. № 10748 „Новаго Времени“.

Разнузданность мѣстныхъ властей, облеченныхъ небывалыми полномочіями, не останавливается передъ такими основными началами, какъ несмѣняемость судей, какъ святость служебнаго долга. Генералъ-губернаторы—а ихъ, какъ извѣстно, теперь очень много,—позволяютъ себѣ то, отъ чего воздерживалась сама верховная власть. Изъ Томска высылается предсѣдатель окружного суда, изъ Калиша—прокуроръ, высылаются въ самые короткіе сроки, какъ люди, опасные для общественнаго порядка. Что было поставлено въ вину первому—этого мы съ точностью не знаемъ, да это для насъ и не важно, потому что суду, въ установленномъ порядкѣ, онъ не преданъ, а безъ суда, по закону, удаленъ отъ должности быть не могъ. Что касается до второго, то вся его провинность заключалась въ исполненіи лежавшей на немъ обязанности: узнавъ объ истязаніи, произведенномъ надъ политическимъ арестантомъ въ присутствіи полицейскаго чиновника, онъ сдѣлалъ распоряженіе о возбужденіи противъ послѣдняго уголовнаго преслѣдованія... Горька участь блюстителей правосудія, которымъ предстоитъ на выборъ закрыть глаза на совершающіяся вокругъ нихъ преступныя, безчеловѣчныя дѣянія — или поставить на карту свое служебное положеніе, можетъ быть свою свободу. Сколько деморализующаго, унижающаго и угнетающаго вносится, такимъ образомъ, въ нашу общественную атмосферу—это не требуетъ поясненій.

А между тѣмъ, находятся люди, съ точки зрѣнія которыхъ все еще слишкомъ мало топчется ногами законъ, слишкомъ недостаточенъ просторъ, предоставляемый произволу. Выразителемъ ихъ пожеланій явился, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 31), не безъизвѣстный дворянинъ Н. А. Павловъ. Онъ не совѣтуетъ, не рекомендуетъ, не проситъ: онъ *требуетъ*, обращаясь къ „бездѣйствующему" (!!) правительству, всего въ пользу землевладѣльцевъ—и всего противъ народа. Вотъ главнѣйшія изъ этихъ „требованій": немедленное изданіе исключительныхъ законовъ въ защиту права собственности; немедленное изысканіе общегосударственныхъ средствъ для возмѣщенія въ полной мѣрѣ убытковъ, понесенныхъ отъ погромовъ и грабежей; немедленная командировка *всего (!) персонала судебныхъ вѣдомствъ* на мѣста для разслѣдованія погромовъ; немедленное, срочное уголовное и гражданское судопроизводство надъ виновными въ погромахъ и грабежахъ; немедленное введеніе военнаго положенія во всѣхъ уѣздахъ, гдѣ случился *хоть одинъ погромъ* и производится хищеніе скопомъ; увеличеніе сельской полиціи въ три раза и двойной окладъ жалованья всей полиціи; высылка административнымъ порядкомъ въ Сибирь подстрекателей противъ собственности, *кто бы они ни были*; арестованіе газетъ, пропагандирующихъ соціалистическія идеи, направленныя противъ собственности, и преданіе суду виновныхъ редакцій и сотрудни-

ковъ... Еслибы эти „требованія“ исходили только отъ г. Павлова и солидарной съ нимъ газеты, они могли бы быть оставлены безъ вниманія; но они, очевидно, выражаютъ собою широко распространенное настроеніе. Происходившій на дняхъ въ Москвѣ съѣздъ членовъ всероссійскаго союза землевладѣльцевъ не только выбралъ г. Павлова въ товарищи предсѣдателя, но и постановилъ резолюціи, весьма близкія къ его домогательствамъ. Онъ призналъ необходимымъ „оповѣщеніе о томъ, что всякое насиліе противъ владѣльцевъ земли, а также земельные захваты будутъ караемы самыми строгими мѣрами, и всѣ убытки непремѣнно будутъ взысканы съ виновныхъ селеній и обществъ“. Желательно, по мнѣнію съѣзда, примѣненіе военно-полевого суда ко *всѣмъ* случаямъ подстрекательства къ насилію; необходима высылка на окраины, на казенный счетъ, крестьянъ и иныхъ лицъ, участвовавшихъ въ агитаціи и погромахъ. Постановлено также обратить вниманіе правительства на преступную дѣятельность предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ и земскихъ и городскихъ выборныхъ и вольнонаемныхъ лицъ (!).

Итакъ, отчаянная, не разбирающая средствъ самозащита, охотно переходящая въ беззастѣнчивое наступленіе—такова отличительная черта, общая цѣлой группѣ аграріевъ и наиболѣе смѣлому ея представителю. Ихъ не удовлетворяютъ репрессивныя мѣры послѣдняго времени; самое вопіющее превышеніе власти кажется имъ ея „бездѣйствіемъ“. Имъ нужны такіе „исключительные законы“, которые пошли бы еще дальше положенія о чрезвычайной охранѣ, дальше военнаго положенія; имъ нужно какое-то особое срочное судопроизводство, которое превзошло бы собою всѣ нынѣшнія, достаточно уже упрощенныя формы судебнаго и не-судебнаго разбора; имъ нужно повсемѣстное введеніе военно-полевого суда, т.-е. повсемѣстное и широкое примѣненіе смертной казни. У государства, разореннаго неудачной войной и внутренней смутой, должны *немедленно* найтись громадныя средства для увеличенія состава и содержанія полиціи и для вознагражденія *въ полной мѣрѣ* всѣхъ убытковъ, причиненныхъ аграрными погромами. Ко всему этому слѣдуетъ присоединить преслѣдованіе „несогласно мыслящихъ“, между которыми г. Павлову особенно ненавистны писатели, а съѣзду землевладѣльцевъ—дѣятели земскаго и городского самоуправленія. Весьма характерно въ „требованіяхъ“ г. Павлова выраженіе: *кто бы они ни были*, относимое къ „подстрекателямъ противъ собственности“. Подвести подъ эту рубрику, при нѣкоторомъ усердіи, можно всѣхъ тѣхъ, кто стоитъ за принудительное, въ законной формѣ, отчужденіе части помѣщичьей земли—всѣхъ, начиная съ составителей партійныхъ программъ и журнальныхъ или газетныхъ статей и кончая составителями оффиціальныхъ законопро-

ектовъ. Не послѣднихъ ли имѣлъ, главнымъ образомъ, въ виду обвинительный актъ, вытекающій изъ „требованій“ г. Павлова?...

Требованіе безсильно, если его можно безнаказанно оставить безъ исполненія. Это понимаетъ г. Павловъ—и переходитъ отъ „требованій“ къ угрозамъ. „Собственники-землевладѣльцы“ — восклицаетъ онъ—„даромъ свою голову и своего добра не отдадутъ, и если государство, въ лицѣ своего правительства, не выступитъ немедленно же въ защиту нашихъ правъ въ ихъ полномъ объемѣ, то такъ же скоро собственники вступятъ въ активную борьбу на два фронта: какъ съ разбойниками, которые ихъ грабятъ, такъ и съ правительствомъ, которое отказывается отъ исполненія своего прямого долга—охранять законы. Едва ли правительство захочетъ обратить сотни тысячъ *полицеймейстеровъ* николаевскихъ временъ, а съ ними милліоны крестьянъ-собственниковъ, въ такое же число анархистовъ, вынужденныхъ безвластіемъ искать средства самозащиты“. Итакъ, дѣло доходитъ до бряцанія оружіемъ — но оружіемъ деревяннымъ, звукъ котораго только смѣшонъ и никого испугать не можетъ. „Полицеймейстерами“ помѣщики перестали быть уже давно, и очень значительная ихъ часть вовсе и не претендуетъ на это званіе. Предоставленные самимъ себѣ, они никакой реальной силой не обладаютъ. Въ „милліонахъ крестьянъ-собственниковъ“ мятежные помѣщики поддержки не найдутъ, потому что разумная земельная реформа оставитъ неприкосновенными небольшія владѣнія и, слѣдовательно, вовсе не затронетъ громаднаго большинства мелкихъ землевладѣльцевъ. Непримиримыми врагами *такой* реформы явятся только тѣ аграріи, отъ лица которыхъ говоритъ г. Павловъ; но, не желая поступиться *ничѣмъ*, они рискуютъ потерять *все*.

Какъ ни велика разница между союзомъ землевладѣльцевъ и союзомъ 17-го октября, нельзя не признать, что по аграрному вопросу и послѣдній остался позади требованій минуты. Съѣздъ его делегатовъ, происходившій въ Москвѣ съ 8-го по 12-е февраля, оставилъ безъ разсмотрѣнія бо́льшую часть предложеній своей аграрной секціи, отложивъ обсужденіе ихъ до слѣдующаго собранія. Не такъ слѣдовало бы отнестись къ одной изъ самыхъ важныхъ и жгучихъ задачъ современной русской жизни... Изъ числа двухъ резолюцій по аграрному вопросу, принятыхъ съѣздомъ, нѣкоторый интересъ представляетъ только вторая, выражающая пожеланіе, чтобы „немедленно были учреждены уѣздныя землеустроительныя коммиссіи изъ лицъ, свободно избранныхъ на мѣстахъ какъ изъ частныхъ землевладѣльцевъ, такъ изъ земледѣльцевъ, крестьянъ-общинниковъ и др. Эти коммиссіи должны вѣдать всѣ вопросы, возникающіе на мѣстахъ по размежеванію, по переселенію и разселенію крестьянъ, по расширенію кре-

стьянскаго землевладѣнія за счетъ казенныхъ, удѣльныхъ и частновладѣльческихъ земель, собирать свѣдѣнія о лицахъ и учрежденіяхъ, желающихъ продать землю, о всѣхъ крестьянахъ, желающихъ купить землю, и всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ необходимо обезпечить крестьянъ землей путемъ увеличенія площади ихъ землевладѣнія, производить оцѣнку земли, пріобрѣтаемой для этой цѣли, вѣдать вопросы о ссудахъ на мелiорацію и другія сельско-хозяйственныя надобности. Мысль о такихъ коммиссіяхъ высказывалась много разъ и въ печати, и въ партійныхъ программахъ, и въ оффиціальныхъ сферахъ. Весьма любопытна статья, которую посвятилъ ей въ „Руси“ (№ 28) Н. Н. Кутлеръ, только-что сложившій съ себя должность главноуправляющаго землеустройства и земледѣлія. „Еслибы мѣстныя коммиссіи для изслѣдованія земельныхъ нуждъ крестьянства“ — говоритъ г. Кутлеръ — „были образованы нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда не возникало и мысли о народномъ представительствѣ, и народная масса оставалась еще спокойною, то въ подобной мѣрѣ крестьяне дѣйствительно могли бы увидѣть проявленіе заботы правительства о ихъ нуждахъ... Совсѣмъ иное значеніе имѣло бы въ глазахъ крестьянъ образованіе землеустроительныхъ коммиссій теперь. Крестьяне твердо вѣрятъ, что Государственная Дума разрѣшитъ земельный вопросъ по существу, не прибѣгая къ какимъ-либо подготовительнымъ работамъ. Образованіе коммиссій для собиранія матеріаловъ по земельному вопросу способно было бы нынѣ лишь породить въ крестьянской средѣ недоразумѣнія и возбудить опасенія за отсрочку на долгое время того, что крестьяне надѣются видѣть осуществленнымъ въ жизни уже въ ближайшемъ будущемъ... Въ деревнѣ наступило лишь временное затишье, но не успокоеніе. Отношенія между частными владѣльцами и крестьянами остаются очень острыми. Струны крайне натянуты и могутъ порваться при неосторожномъ прикосновеніи. Образованіе землеустроительныхъ коммиссій безъ опредѣленныхъ задачъ и полномочій было бы именно такимъ неосторожнымъ дѣйствіемъ. Поставленныя въ подобныя условія коммиссіи будутъ дѣйствовать каждая по своему. При однихъ и тѣхъ же условіяхъ одна коммиссія признаетъ нужду крестьянъ, другая—отвергнетъ; одна укажетъ одинъ способъ удовлетворенія нужды, другая остановится на совершенно иномъ предположеніи. Крестьяне не будутъ знать ни о чемъ просить, ни чего ожидать. Въ однѣхъ мѣстностяхъ въ крестьянской средѣ возникнутъ преувеличенныя ожиданія, въ другихъ—появится глубокое разочарованіе“. Образованію коммиссій должна предшествовать, поэтому, выработка если не законопроекта по аграрному вопросу, то, по крайней мѣрѣ, главныхъ основъ будущаго закона. Немногимъ, по мнѣнію г. Кутлера, „измѣнилось бы дѣло и въ такомъ случаѣ, еслибы коммиссіямъ

были даны въ руководство указанія, вытекающія изъ дѣйствующаго закона или хотя бы оставляющія неприкосновенными его основныя начала. На главнѣйшій запросъ крестьянства—по расширенію его землевладѣнія—такія указанія не могли бы дать удовлетворительнаго отвѣта. Если же правительство не имѣетъ въ виду пойти широко навстрѣчу земельнымъ нуждамъ крестьянъ, то лучше бы ему этого вопроса и не касаться; одно лишь образованіе землеустроительныхъ коммиссій было бы въ этомъ случаѣ своего рода провокаціею". Соображенія эти заслуживаютъ полнаго вниманія. Будущимъ мѣстнымъ органамъ по земельному дѣлу предстоитъ существенно важная работа, но начаться она должна только тогда, когда будетъ признана необходимость широкой аграрной реформы и точно установлены главныя ея основы.

Какую степень раздраженія, граничащаго съ бѣшенствомъ, вызываетъ, въ извѣстныхъ сферахъ, аграрный вопросъ—объ этомъ даетъ понятіе рѣчь предсѣдателя русской монархической партіи, произнесенная на „всероссійскомъ съѣздѣ русскаго собранія" въ Петербургѣ и напечатанная, въ видѣ передовой статьи, въ № 42 „Московскихъ Вѣдомостей". „Существовали и могутъ существовать"—восклицалъ ораторъ—„лишь четыре способа рѣшенія аграрнаго вопроса, *гдѣ бы и когда бы онъ ни возникалъ*; изъ нихъ одинъ способъ—преступный, другіе три—законные". *Преступный* способъ „основанъ на разбойничьемъ хищеніи земли у крупныхъ собственниковъ въ пользу малоимущаго или неимущаго класса населенія". Изъ *законныхъ* способовъ два—улучшеніе земельной культуры и покупка земли по добровольному соглашенію съ продавцомъ—имѣютъ индивидуальный характеръ, а третій—переселеніе и разселеніе въ новыя, свободныя мѣста—характеръ общій, массовый. И только? Другихъ *законныхъ* рѣшеній аграрнаго вопроса нѣтъ? А какъ же назвать тотъ способъ, который былъ употребленъ у насъ при освобожденіи крестьянъ? Для него, съ точки зрѣнія крайнихъ аграріевъ, очевидно не остается другого наименованія, кромѣ примѣненнаго къ „разбойничьему хищенію": это—способъ *преступный*. Въ 1861 г. часть помѣщичьей земли была принудительно отчуждена отъ ея собственниковъ—а такое отчужденіе равносильно „грабительскому захвату"... Въ одномъ достоинствѣ этой аргументаціи отказать нельзя: она откровенно и прямо высказываетъ то, что̀ думали крѣпостники въ 50-хъ и 60-хъ годахъ и никогда, въ сущности, не переставали думать ихъ эпигоны. Сорокъ-пять лѣтъ тому назадъ, въ обществѣ, отяжелѣвшемъ отъ вѣкового сна, могли находить вѣру самыя дикія представленія, порожденныя грубымъ эгоизмомъ и укрѣпленныя изъ рода въ родъ переходившей привычкой; но что̀ сказать о потомкахъ, до сихъ поръ, при яркомъ свѣтѣ дня, при радикально

измѣнившихся условіяхъ жизни, твердящихъ старую пѣсню предковъ?... „Какъ только у кормила государства"—читаемъ мы дальше—„сталъ *убѣжденный, ярый соціалистъ, въ лицѣ графа Витте* (!), всѣ три законные, естественные способы разрѣшенія аграрнаго вопроса были выброшены за бортъ... Графъ Витте приказалъ своему близкому другу и единомышленнику, г. Кутлеру, выработать законъ, отмѣняющій незыблемость права частной собственности. Графъ Витте зналъ, что г. Кутлеръ всегда стоялъ за это преступное разрѣшеніе аграрнаго вопроса: поэтому онъ и выбралъ его, какъ наилучшаго выразителя своихъ соціалистическихъ убѣжденій". На такія выходки возражать нельзя: онѣ лежатъ „по ту сторону" полемики...

Возвратимся къ союзу 17-го октября. Съѣздъ его делегатовъ занимался, между прочимъ, вопросомъ объ окраинахъ. Разсмотрѣніе его въ секціи привело къ оригинальному результату: съѣзду предложено было высказаться за избраніе выборщиковъ и членовъ Думы пропорціально національностямъ, обитающимъ на окраинахъ, обезпечивъ за русскимъ населеніемъ по крайней мѣрѣ одного представителя отъ каждой окраинной губерніи и двухъ отъ царства польскаго. Это предложеніе встрѣтило отпоръ и со стороны меньшинства секціи, и со стороны центральнаго комитета, желавшаго въ особенности избѣжать отсрочки выборовъ, которую неизбѣжно повлекъ бы за собою пересмотръ избирательнаго закона. Мы думаемъ, что введеніе выборовъ по національностямъ было бы не только несвоевременно, но и крайне опасно: вмѣсто того, чтобы способствовать сближенію національностей, оно усилило бы ихъ рознь и усложнило бы ихъ взаимные счеты. Со временемъ, когда утвердится нашъ новый государственный строй, можно и должно будетъ подумать о представительствѣ меньшинства—но меньшинства вообще, а не меньшинства національнаго. Если избирательный законъ 6-го августа и 11-го декабря нарушаетъ права какой-либо части населенія окраинъ, онъ долженъ быть измѣненъ, но измѣненъ въ видахъ возстановленія справедливости, а отнюдь не въ видахъ спеціальной охраны русскаго элемента.

Не лишена интереса резолюція съѣзда, опредѣляющая отношенія союза 17-го октября къ соприкасающимся съ нимъ партіямъ. Принимать эти партіи въ составъ союза предоставлено центральному комитету. Не могутъ быть приняты партіи: а) не признающія конституціонно-монархическаго строя въ смыслѣ предоставленія народному представительству участія въ законодательной власти; б) не признающія единства и недѣлимости Россіи при равноправности всѣхъ національностей; в) не стремящіяся къ осуществленію свободъ, возвѣщен-

ныхъ манифестомъ 17-го октября; г) требующія созыва учредительнаго собранія. Намъ кажется, что въ настоящую минуту должна идти рѣчь не о *принятіи* одной партіи въ составъ другой, а о *сближеніи* партій, между которыми нѣтъ слишкомъ серьезныхъ принципіальныхъ разногласій. *Присоединяющаяся* партія перестаетъ существовать, отказывается отъ того, что вызвало ее къ жизни; съ уменьшеніемъ убѣжденности уменьшается неизбѣжно и энергія каждаго ея члена, а партія *поглощающая*, увеличиваясь численно, реально усиливается, на самомъ дѣлѣ, весьма мало. Наоборотъ, *соединяющіяся* партіи сохраняютъ свои особенности, свои типичныя черты; происходитъ дѣйствительное, а не кажущееся сложеніе силъ. Въ этомъ смыслѣ соединеніе партій несомнѣнно желательно и возможно. Всего правильнѣе разсматривать его какъ *союзъ*, основанный на соглашеніи и преслѣдующій опредѣленныя цѣли, по достиженіи которыхъ онъ можетъ распасться на свои составныя части. Моментъ для заключенія такихъ союзовъ настаетъ именно теперь, въ виду близости выборовъ; именно теперь слѣдуетъ поставить на знамя родственныхъ партій девизъ: viribus unitis. Мы сказали: *родственныхъ* партій, потому что есть предѣлы, за которыми невозможна даже временная, даже кратковременная совмѣстная работа. Намѣчая для себя такіе предѣлы, намѣчая ихъ и слѣва, и справа, союзъ 17-го октября поступилъ вполнѣ благоразумно. Вокругъ него сгруппируется, по всей вѣроятности, нѣчто въ родѣ того, что, по новѣйшей политической терминологіи, называется *блокомъ*. Это будетъ блокъ праваго центра, рѣзко отдѣляющійся отъ образовавшагося уже блока правыхъ партій (всенароднаго русскаго союза). Нужно надѣяться, что въ ближайшемъ будущемъ составится, по другую сторону союза 17-го октября, блокъ лѣваго центра. Соединеніе обоихъ центровъ мы не считаемъ осуществимымъ; ему мѣшаетъ, прежде всего, вопросъ объ „автономіи" окраинъ. Слишкомъ далеки оба центра другъ отъ друга и по аграрному вопросу. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, однако, общее ихъ дѣйствіе не представляется намъ невозможнымъ.

Потребность въ общей дѣятельности чувствуется и тѣми, кто, по какой бы то ни было причинѣ, ни къ какой партіи въ данную минуту не принадлежитъ или никогда не принадлежалъ. Въ Москвѣ изъ этихъ двухъ элементовъ образовался, по иниціативѣ кн. Е. Н. Трубецкого и кн. В. М. Голицына, клубъ „независимыхъ"; въ Петербургѣ Г. А. Евреиновъ, отъ имени группы „независимыхъ" избирателей литейной части, созываетъ собраніе, имѣющее цѣлью объединить „внѣ-партійные голоса". Въ обоихъ случаяхъ основой для внѣшняго объединенія должно служить нѣкоторое внутреннее единомысліе. Петербургскіе „независимые" обращаются къ тѣмъ, кто стоитъ за конституціонно-монархическій строй, „при обезпеченіи народнымъ пред-

ставителямъ дѣятельнаго участія въ надзорѣ за правомѣрностью дѣйствій исполнительныхъ властей, а странѣ—гражданской свободы, на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ". Нѣсколько шире программа московскихъ „независимыхъ": во главу угла она также кладетъ конституціонную монархію, но опредѣленно высказывается за двухпалатную систему, за всеобщее избирательное право и за „эволюціонный демократизмъ", т.-е. за соціально-экономическія реформы, которыми осуществлялись бы, постепенно и органически, демократическія начала. И тамъ, и тутъ, слѣдовательно, безпартійность не имѣетъ ничего общаго съ безпринципностью: различіе между группами „независимыхъ" и организованными партіями сводится, главнымъ образомъ, къ тому, что для первыхъ почвою соглашенія служитъ одинаковость взгляда на *немногіе*, признаваемые наиболѣе серьезными вопросы данной минуты, а послѣднія идутъ гораздо дальше, разрѣшая въ своихъ программахъ *всѣ* важнѣйшія задачи, поставленныя жизнью. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что преимущество цѣлесообразности — безусловно на сторонѣ „независимыхъ": ихъ тактика облегчаетъ сближеніе однородныхъ элементовъ, столь цѣнное въ періодъ избирательной борьбы—сближеніе, затрудняемое требовательностью партій. Мы смотримъ на дѣло иначе. Что люди, не удовлетворенные ни одною изъ существующихъ партійныхъ программъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознающіе безплодность разрозненныхъ усилій, стремятся къ созданію организацій, какъ можно меньше ограничивающихъ ихъ „независимость"— это мы вполнѣ понимаемъ; но *замѣнить* собою партіи, упразднить ихъ необходимость такія организаціи не могутъ. Уклоняясь отъ отвѣта на множество вопросовъ, онѣ тѣмъ самымъ отказываются отъ участія въ ихъ выясненіи, въ подготовкѣ окончательныхъ рѣшеній. Имъ постоянно грозитъ опасность распаденія, вслѣдствіе внутреннихъ разногласій, внезапно обострившихся и выступившихъ наружу. Недолго, напримѣръ, могутъ идти рука-объ-руку сторонники и противники автономіи окраинъ, сторонники и противники принудительнаго отчужденія части помѣщичьей земли. Образованіе партій мы считаемъ, поэтому, совершенно естественнымъ и неизбѣжнымъ. Принадлежность къ партіи вовсе, притомъ, не равносильна отказу отъ „независимости" и свободы; изъ нея, какъ мы видѣли раньше, вовсе не вытекаетъ слѣпое подчиненіе партійной дисциплинѣ... То объединеніе силъ, къ которому стремятся „независимые", возможно и для партій; оно принимаетъ здѣсь форму *союза*, заключаемаго для достиженія опредѣленной цѣли. Повторяемъ еще разъ—мы далеки отъ мысли осуждать группировку „независимыхъ"; мы относимся къ ней съ полнѣйшимъ со-

чувствіемъ, но не считаемъ ее безусловно лучшимъ способомъ достигнуть единства дѣйствій.

Въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ у насъ образовалось очень большое число партій. Ошибочно было бы видѣть въ этомъ признакъ непониманія условій и требованій политической жизни. Чѣмъ позже народъ получаетъ къ ней доступъ, тѣмъ многочисленнѣе ея задачи, тѣмъ больше, слѣдовательно, поводовъ для разногласій. Одновременно съ чисто-политическими вопросами у насъ, именно вслѣдствіе нашей запоздалости, ставятся на очередь вопросы соціальные: этимъ также усложняется положеніе и затрудняется совмѣстная работа. Германія, даже разсматриваемая какъ одно цѣлое, полустолѣтіемъ раньше, чѣмъ Россія, вступила на путь свободнаго развитія: однако, въ германскомъ рейхстагѣ еще теперь насчитывается *одиннадцать* болѣе или менѣе крупныхъ партій, три мелкія и немалое число „дикихъ", не входящихъ въ составъ партій. Удивляться ли, послѣ того, что у насъ, въ настоящую минуту, партій еще больше? Многія изъ нихъ, вѣроятно, исчезнутъ еще до созыва Государственной Думы — но на ихъ мѣсто, быть можетъ, явятся новыя, и процессъ формированія и переформированія партій окончится еще нескоро. Никакой бѣды мы въ этомъ не видимъ, тѣмъ болѣе, что во всѣхъ важныхъ случаяхъ неизбѣжно будутъ выступать на сцену союзы партій, иногда длящіеся, иногда заключаемые только по одному данному вопросу.

Наше обозрѣніе было уже закончено, когда мы прочли въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" сообщенный имъ темниковскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, Ю. А. Новосильцовымъ, циркуляръ бывшаго тамбовскаго губернатора отъ 5-го января текущаго года. Для надвора за „политическими неблагонадежными" лицами у насъ существуетъ и общая, и спеціальная полиція; теперь, какъ видно изъ циркуляра, къ нему привлекаются земскіе начальники, на которыхъ законъ не возложилъ никакихъ „охранныхъ" функцій. Имъ предлагаютъ обратить самое тщательное вниманіе на проживающихъ и служащихъ во ввѣренныхъ имъ участкахъ волостныхъ писарей, посельныхъ писарей, учителей, учительницъ, врачей, фельдшеровъ, фельдшерицъ и другихъ лицъ. Земскіе начальники обязываются немедленно провѣрить благонадежность всѣхъ подобныхъ служащихъ, имѣть наблюденіе за ними и немедленно доносить губернатору о всѣхъ тѣхъ, которые своей дѣятельностью возбуждаютъ подозрѣніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ циркуляръ предписываетъ представить губернатору списокъ всѣхъ тѣхъ, кто будетъ найденъ „несоотвѣтственнымъ" для дальнѣйшаго оставленія на службѣ. Противъ каждаго такого лица земскій начальникъ долженъ соб-

ственноручно написать, вполнѣ откровенно и не стѣсняясь, свое мнѣніе и, если возможно, причины, по коимъ данное лицо признается неблагонадежнымъ или сомнительнымъ по поведенію и противоправительственнымъ идеямъ, распространяемымъ имъ среди населенія... Комментаріи излишни. Интересно было бы знать, разосланы ли подобные циркуляры повсемѣстно (это весьма возможно, такъ какъ въ тамбовской бумагѣ идетъ рѣчь объ „указаніяхъ" министра внутреннихъ дѣлъ), и какъ отнеслись земскіе начальники къ своей новой обязанности...

ЗАМѢТКА.

Откуда намъ взять денегъ на наши нужды?

Въ настоящее время много говорятъ о принудительномъ отчужденіи земель частныхъ владѣльцевъ, о необходимости улучшить положеніе нашихъ солдатъ, которые, повидимому, содержатся у насъ хуже, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, о крайней необезпеченности почтово-телеграфныхъ чиновниковъ и, вообще, о всевозможныхъ нововведеніяхъ и улучшеніяхъ, для которыхъ прежде всего необходимы деньги. При этомъ часто приходится слушать, что ничего этого дѣлать теперь нельзя, ибо на это у государства нѣтъ средствъ и неоткуда ихъ достать.

Мы постараемся доказать, что, хотя теперь дѣйствительно нѣтъ средствъ, но ихъ можно достать и въ очень достаточномъ количествѣ, не обременяя народъ новыми налогами. Конечно, сдѣлать это сейчасъ же, немедленно, нельзя, но скоро и даже очень скоро—не трудно, было бы только желаніе. Въ дальнѣйшемъ это будетъ достаточно ясно.

Существуетъ, напримѣръ, у насъ главное управленіе государственнаго коннозаводства, имѣющее цѣлью улучшить породу россійскихъ лошадей, для чего заграницею пріобрѣтаются очень цѣнные и, безспорно, породистые жеребцы, стоющіе иногда несмѣтныхъ суммъ!

На это вѣдомство, согласно отчету государственнаго контроля за 1903 г., расходуется ежегодно 2 милліона рублей. Едва ли, конечно, кто-либо будетъ сомнѣваться въ томъ, что теперь, когда рѣчь идетъ объ интересахъ не лошадей, а людей, деньги эти слѣдуетъ употребить на что-нибудь болѣе полезное, а главное управленіе государственнаго коннозаводства—упразднить.

На содержаніе центральныхъ и мѣстныхъ управленій тратится ежегодно по всѣмъ вѣдомствамъ около 156 милліоновъ рублей. Но всѣмъ извѣстно, что чиновниковъ у насъ значительно больше, чѣмъ нужно для дѣла, особенно въ центральныхъ управленіяхъ. А чиновниковъ такъ много потому, что очень уже у насъ много выдумано разной никому ненужной канцелярской работы, которая не только не помогаетъ настоящему дѣлу, а напротивъ, мѣшаетъ ему. Эту ненужную канцелярскую работу очень нетрудно упразднить, такъ какъ въ каждомъ вѣдомствѣ она хорошо извѣстна... Нужно оставить только такое количество чиновниковъ, которое необходимо для настоящаго, полезнаго и необходимаго дѣла, и сдѣлать ихъ дѣйствительно отвѣтственными

за свои дѣйствія. Тогда продуктивность ихъ работы увеличится и дѣло пойдетъ лучше, а расходы значительно сократятся. И въ самомъ дѣлѣ, если богатая Англія можетъ управлять Индіею съ населеніемъ въ 280 милліоновъ при помощи нѣсколькихъ тысячъ чиновниковъ, то почему нищей Россіи съ ея 130 милліонами необходимо содержать ихъ болѣе сотни тысячъ. Если предположить по самому скромному подсчету, что въ разныхъ нашихъ вѣдомствахъ только третья часть исполняемой работы безполезна для дѣла, и что число чиновниковъ можно соотвѣтственно уменьшить, оставивъ ихъ за штатомъ и обезпечивъ пенсіей соотвѣтственно продолжительности ихъ службы, какъ это дѣлается теперь въ морскомъ вѣдомствѣ, то черезъ нѣсколько лѣтъ расходы на содержаніе разныхъ вѣдомствъ можно будетъ сократить на сумму около 56 милліоновъ рублей.

Точно также можно и давно уже пора сократить расходы на командировки чиновниковъ, которыя до сихъ поръ производятся по разсчету на почтовыхъ лошадей, хотя вся Россія давно уже покрылась сѣтью желѣзныхъ дорогъ, а по всѣмъ значительнымъ рѣкамъ ходятъ пароходы. Въ среднемъ, можно принять, что прогоны по стоимости проѣзда по желѣзной дорогѣ вдвое, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже втрое меньше прогоновъ на лошадей. Но такъ какъ много разъѣздовъ относится на грунтовыя дороги, то съ большою степенью вѣроятности можно принять, что при выдачѣ прогоновъ по стоимости проѣздныхъ билетовъ казна получитъ въ экономіи около половины тѣхъ расходовъ, которые въ настоящее время производятся на командировки чиновниковъ, т.-е. около $3^1/_2$ милліоновъ рублей (по отчету за 1903 г. израсходовано 7.100.806 р.).

Есть, далѣе, въ нашемъ бюджетѣ очень много расходовъ, совершенно ненужныхъ для государства, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже вредныхъ. Къ числу ихъ относятся всевозможныя пособія различнымъ учрежденіямъ и лицамъ, въ особенности разнымъ изданіямъ, заводамъ и промышленнымъ предпріятіямъ, субсидіи и безъ того богатымъ пароходнымъ обществамъ, уплата за проходъ русскихъ судовъ черезъ Суэзскій каналъ, пособія дворянскимъ пансіонамъ и дворянскимъ кассамъ, вознагражденіе за отошедшіе въ казну доходы разнаго рода, расходы, которые ровно ничѣмъ нельзя оправдать, какъ, напримѣръ, на содержаніе лавръ и монастырей и т. п. Такихъ расходовъ, по отчету государственнаго контроля за 1903 г., было до $53^1/_2$ милліоновъ, не считая расходовъ на Манчжурію и Квантунскую область.

Какъ извѣстно, въ нашихъ государственныхъ доходахъ главную роль играютъ косвенные налоги, а среди нихъ винная монополія, давшая въ 1903 году 377.828.000 чистаго дохода. Эта операція считается самою доходною изъ всѣхъ казенныхъ регалій. Между тѣмъ,

не трудно доказать, что, при возвращеніи къ прежней акцизной системѣ, можно получить значительно больше чистаго дохода, нисколько не повышая этимъ существующей въ настоящее время продажной стоимости вина (около 8 руб. за ведро въ 40°). Въ самомъ дѣлѣ, по даннымъ отчета главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей о финансовыхъ результатахъ винной монополіи за 1903 г. можно составить разсчетъ, изъ котораго приготовленіе водки на частныхъ заводахъ и продажа ея изъ частныхъ заведеній должны обходиться въ 1 р. 22,58 коп. съ ведра въ 40° (66,4 к. + 14,67 к. + 16,11 к. + 4,2 к. + 10,8 к. + 10,4 к. = 1 р. 22,58 к.). Если предположить, что заводчикъ и продавецъ получаютъ 25% прибыли, или 30,64 к. на ведро, то стоимость 1 ведра водки съ прибылью, но безъ акциза, составитъ 1 р. 53,22 к., или, круглымъ счетомъ, 1 р. 53 к. А такъ какъ ведро водки должно, по предположенію, стоить не дороже 8 р., то, вычитая 1 р. 53 к. изъ 8 р., получимъ 6 руб. 47 коп., которые долженъ дать акцизъ на каждое ведро въ 40° (т.-е. 16,17 коп. на градусъ).

По этому разсчету на проданные въ 1903 г. 66.773.608 милліоновъ ведеръ водки казна могла получить акциза, круглымъ счетомъ, 432.000.000 руб. (66.773.608 × 6 р. 47 к.). Это значитъ, что при тѣхъ условіяхъ производства водки и продажи ея, которыя были въ 1903 г., если бы казна перешла опять къ акцизной системѣ и назначила бы акцизъ въ 16,17 к. съ градуса спирта, то получила бы чистаго дохода не 387 милліоновъ рублей, а 432 милліона, т.-е. больше на 45 милліоновъ рублей въ годъ, и при этомъ водка могла бы продаваться по той же цѣнѣ 8 руб. за ведро, которая существуетъ при монопольной системѣ.

Все изложенное въ достаточной степени выясняетъ невыгодность казенной винной монополіи, какъ источника дохода, въ сравненіи съ акцизной системой, не говоря уже о тѣхъ очень значительныхъ доходахъ отъ продажи питей, которые получали города, земства и крестьянскія общества до введенія монополіи, и которые, съ возстановленіемъ акцизной системы, вновь будутъ поступать въ городскія, земскія и крестьянскія кассы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо отмѣнить выдачу сельскохозяйственнымъ винокуреннымъ заводамъ безакцизныхъ отчисленій за спиртъ, выкуриваемый ими сверхъ установленной нормы, ибо, во-первыхъ, мѣра эта, имѣвшая цѣлью поддержать мелкіе заводы противъ конкурренціи крупныхъ, очень мало достигла цѣли, а во-вторыхъ, съ точки зрѣнія интересовъ государства все равно, будутъ ли работать только крупные или также и мелкіе заводы, лишь бы они выкуривали необходимое для страны количество спирта. Напротивъ, если останутся

только крупные заводы, то часть рабочихъ-крестьянъ, работавшихъ на мелкихъ заводахъ, опять вернется къ земледѣлію, что̀ и для государства, и для самихъ крестьянъ, несомнѣнно, полезнѣе.

Отмѣна выдачи безакцизныхъ отчисленій дастъ казнѣ экономіи около 13.500.000 руб. въ годъ (по отчету государственнаго контроля за 1903 г.—13.640.000 руб.).

На содержаніе чиновъ акцизнаго надзора въ 1903 г. было израсходовано 18.839.000 руб., изъ которыхъ 6.797.000 руб. на основное содержаніе окружныхъ акцизныхъ управленій, кромѣ контролеровъ на заводахъ и фабрикахъ. Окружныя акцизныя управленія представляютъ передаточную инстанцію между контролерами, дѣйствующими на мѣстахъ производства и продажи обложенныхъ акцизомъ продуктовъ, и губернскими акцизными управленіями, и сами по себѣ не играютъ никакой роли ни въ провѣркѣ поступленій акциза на мѣстахъ производства, ни въ наблюденіи за продажею. Главную и существенно необходимую роль при взиманіи акцизныхъ сборовъ играютъ только находящіеся постоянно на заводахъ и фабрикахъ мѣстные контролеры и губернскія акцизныя управленія, которыя сводятъ и объединяютъ результаты дѣятельности мѣстныхъ контролеровъ. Надзоръ окружныхъ акцизныхъ чиновниковъ за правильностью продажи обложенныхъ акцизомъ продуктовъ легко можетъ быть предоставленъ самимъ покупателямъ, такъ какъ это въ ихъ же интересахъ. Что же касается преслѣдованія корчемства (безакцизной и безпатентной продажи), то факты въ достаточной степени показали, что акцизный надзоръ оказался въ этомъ отношеніи совершенно безсильнымъ. Всѣ же обязанности окружныхъ акцизныхъ управленій по обмѣру и опечатанію посуды на заводахъ, по составленію различныхъ актовъ и т. п.—легко могутъ быть исполняемы или мѣстными контролерами, или же чинами губернскихъ акцизныхъ управленій, въ особенности ревизорами, которымъ въ настоящее время очень мало дѣла, и которые фактически наблюдаютъ за поступленіемъ акциза только во время періодическихъ объѣздовъ своихъ районовъ, производящихся ими одинъ, много два раза въ годъ. Такимъ образомъ, безъ всякаго ущерба для дѣла, окружныя акцизныя управленія можно упразднить, отъ чего казна получитъ экономію, какъ указано выше, въ суммѣ 6.797.000 руб. Къ этой суммѣ нужно прибавить еще добавочное содержаніе, которое всѣмъ чинамъ окружныхъ управленій, кромѣ разъѣздныхъ контролеровъ и надсмотрщиковъ, выдается, въ среднемъ, въ размѣрѣ около 50% основного содержанія, а контролерамъ и надсмотрщикамъ—въ размѣрѣ около 25%. Но такъ какъ число послѣднихъ въ нѣсколько разъ превышаетъ число остальныхъ чиновъ округа, то, въ среднемъ, можно считать, что добавочное содержаніе выдается въ размѣрѣ около 40%. Прибавляя къ

указанному выше расходу (6.797.000 руб.) 40% на добавочное содержаніе (около 2.719.000 руб.), получимъ 9.516.000 руб., которые, съ упраздненіемъ окружныхъ акцизныхъ управленій, останутся въ казнѣ.

Къ числу расходовъ, которые государству, по всей справедливости, слѣдуетъ сложить съ себя и переложить на заинтересованныхъ лицъ, необходимо также отнести расходы на устройство и содержаніе портовъ и рѣчныхъ сооруженій.

Торговые порты имѣютъ у насъ преимущественно мѣстное значеніе, и всѣми выгодами ихъ пользуются преимущественно торговые люди. Для остального же населенія они имѣютъ важное значеніе только въ странахъ съ крупною промышленностью и торговлею, гдѣ внутренніе рынки давно уже получили все нужное, и гдѣ поэтому излишки производства необходимо вывозить. Поэтому, какъ устройство, такъ и содержаніе портовъ гораздо справедливѣе относить на счетъ лицъ, непосредственно пользующихся ими, и покрывать необходимые расходы изъ сборовъ, взимаемыхъ съ посѣщающихъ порты судовъ, безъ всякой затраты казенныхъ суммъ. Это отчасти дѣлается и теперь, но главная часть расходовъ все-таки ложится на казну. То же слѣдуетъ сказать и о сооруженіяхъ на внутреннихъ водныхъ путяхъ. Необходимость отнесенія такихъ расходовъ на счётъ портовыхъ и рѣчныхъ сборовъ особенно рѣзко бросается въ глаза при сравненіи портовъ съ желѣзными дорогами. Въ самомъ дѣлѣ, никто вѣдь не сомнѣвается въ справедливости того, что желѣзная дорога не только окупаетъ расходы на свое содержаніе (хотя, къ сожалѣнію, не у насъ), но еще можетъ приносить доходъ, иногда очень значительный, какъ, напримѣръ, въ Пруссіи. Почему же порты и рѣчныя сооруженія, которые имѣютъ совершенно такое же значеніе для промышленности и торговли страны, какъ и желѣзныя дороги, должны вызывать только расходы и содержаться на средства государства? Между тѣмъ, при установленіи соотвѣтствующихъ портовыхъ и рѣчныхъ сборовъ, казна избавилась бы отъ 20 слишкомъ милліоновъ рублей ежегоднаго расхода (въ 1903 г. на торговые порты израсходовано 7 милліоновъ и на рѣчныя сооруженія 13 слишкомъ милліоновъ рублей), которые могли бы пойти на удовлетвореніе болѣе неотложныхъ государственныхъ потребностей.

Если теперь подвести итогъ всѣмъ расходамъ, которые можно сократить, то получатся слѣдующія суммы:

1) Отъ сокращенія штатовъ чиновниковъ.	56	милл.	руб.
2) „ сокращенія расходовъ на разъѣзды ихъ . . .	3½	„	„
3) „ упраздненія совершенно ненужн. расходовъ. .	53½	„	„
4) „ отмѣны выдачи безакцизныхъ отчисленій. . .	13½	„	„

5) „ упраздненія окружныхъ акциз. управленій . .	9½	„	„
6) „ отмѣны расходовъ на устройство и содержаніе портовъ и рѣчныхъ сооруженій	20	„	„
Всего . . .	156	милл.	руб.

Отъ замѣны же казенной продажи питей прежнею акцизною системою государство можетъ получить около 45 милліоновъ лишняго дохода, не повышая продажной цѣны водки. Такимъ образомъ, государство, не повышая существующихъ налоговъ, кромѣ питейнаго, а питейный налогъ повышая до 16, 17 к. съ градуса спирта безъ ущерба для потребителей, получитъ въ экономіи около 201 милліона рублей, т.-е. болѣе 10% нашего расходнаго бюджета.

На эти деньги уже многое можно сдѣлать. Но несомнѣнно, что, кромѣ указанныхъ сокращеній расходовъ, можно сдѣлать такія же, а можетъ быть и большія сокращенія въ другихъ расходныхъ статьяхъ бюджета, но статьи эти трудно поддаются учету, вслѣдствіе удивительныхъ особенностей нашихъ росписей о доходахъ и расходахъ и стремленія втискивать самые разнообразные расходы въ одинъ параграфъ смѣты. Взять хотя бы расходы по такъ называемой „эксплуатаціи" желѣзныхъ дорогъ. Такихъ расходовъ въ 1903 г. было произведено на 317 милліоновъ рублей, не считая 60 милліоновъ рублей на усиленіе и улучшеніе дорогъ. Расходы эти показываются по смѣтѣ въ одномъ параграфѣ, а между тѣмъ сюда входитъ много очень крупныхъ расходовъ, которые было бы очень интересно выдѣлить для представленія полной картины такой „эксплуатаціи". Тутъ есть расходы и на содержаніе желѣзнодорожныхъ управленій, и на устройство и содержаніе станцій и вокзаловъ, и на ремонтъ и содержаніе пути и много другихъ. Вслѣдствіе такой удивительной краткости смѣтъ и отчетовъ нѣтъ возможности выяснить съ цифровыми данными, насколько расходы эти можно было бы сократить. Но что сократить ихъ возможно—и, притомъ, очень значительно,—не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Въ каждомъ желѣзнодорожномъ управленіи у насъ содержится такая масса чиновниковъ, которой заграницею было бы достаточно для нѣсколькихъ дорогъ. Въ малонаселенныхъ мѣстахъ устраиваются вокзалы-дворцы (Жмеринка, Казатинъ, Грязи, Брестъ и много другихъ), какихъ не увидишь и въ европейскихъ столицахъ. А между тѣмъ роскошь этихъ вокзаловъ никому не нужна, да и очень ужъ она не гармонируетъ съ окружающею нищетою. То же можно сказать и о нашихъ вагонахъ І-го класса, и, особенно, о вагонахъ-ресторанахъ. И это въ то время, когда пассажировъ 4-го класса и солдатъ перевозятъ въ скотскихъ вагонахъ! Много государство теряетъ также

и оттого, что заставляетъ всѣ желѣзныя дороги строить все изъ русскихъ матеріаловъ, которые, какъ всѣмъ извѣстно, и дороже, и хуже заграничныхъ. Сколько по всѣмъ такимъ расходамъ можно сдѣлать сокращеній, сказать трудно; очевидно только то, что сокращенія могутъ быть очень велики и, во всякомъ случаѣ, должны исчисляться десятками милліоновъ.

Такимъ образомъ, едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что государство, не прибѣгая къ новымъ налогамъ и не измѣняя существеннымъ образомъ системы обложенія, можетъ имѣть достаточно денегъ для удовлетворенія не всѣхъ, конечно, но, во всякомъ случаѣ, очень многихъ насущныхъ нуждъ, которыя такъ громко заставляютъ говорить о себѣ въ послѣднее время.

А. Амафтунскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1906 г.

Вопросъ о войнѣ и мирѣ, въ связи съ особенностями военно-политическаго строя.— Международный кризисъ изъ-за Марокко.—Конференція въ Алжесирасѣ.—Французскія дѣла.—Энциклика папы Пія X. — Волненія въ Австро-Венгріи. — Новая парламентская сессія въ Англіи.

Существуютъ общіе политическіе вопросы, которые, можно сказать, лежатъ въ основѣ всѣхъ другихъ вопросовъ государственной и международной жизни,—но они почему-то забываются при обсужденіи задачъ и потребностей текущей политики и рѣзко напоминаютъ о себѣ только въ такіе моменты, когда почти безполезно говорить о нихъ. Двѣ великія культурныя націи внезапно почувствовали, что судьба ихъ зависитъ отъ доброй воли или отъ случайнаго каприза императора Вильгельма II: серьезныя опасенія войны возникли въ Европѣ изъ-за такихъ поводовъ и мотивовъ, которые остаются совершенно чуждыми и даже непонятными огромной массѣ заинтересованныхъ народовъ. Когда въ печати впервые поднятъ былъ споръ о Марокко, всѣ отнеслись къ нему какъ къ любопытному эпизоду международной дипломатіи, или какъ къ характерному симптому совершившейся перемѣны въ группировкѣ державъ послѣ русско-японской войны; предполагалось, что германское правительство имѣетъ въ виду наглядно доказать французамъ необходимость такого же положительнаго соглашенія съ Германіею, какъ заключенная ими сдѣлка съ Англіею,—но никто не думалъ, что разногласія изъ-за Марокко могутъ служить предметомъ самостоятельнаго политическаго кризиса, угрожающаго войною. Однако, практическая оцѣнка важности или неважности даннаго вопроса для Европы опредѣляется не общественнымъ мнѣніемъ, не экспертизою свѣдущихъ лицъ, не разсужденіями и рѣшеніями парламентовъ, а единственно лишь отдѣльными правителями, имѣющими въ своемъ исключительномъ распоряженіи одновременно и дипломатію, и вооруженныя силы государствъ; если же правитель олицетворяетъ собою старинныя права и традиціи могущественной феодальной династіи и держитъ въ своихъ рукахъ верховную власть надъ милліонною арміею, то онъ одинъ можетъ въ каждую данную минуту превратить любой международный споръ въ роковой вопросъ войны и мира. Въ такомъ именно положеніи находится императоръ

Германіи, и его личные взгляды, иногда совершенно не совпадающіе съ идеями и интересами наиболѣе образованныхъ и передовыхъ классовъ нѣмецкой націи, имѣютъ безусловно рѣшающую силу въ области международно-военныхъ отношеній и предпріятій. Императоръ Вильгельмъ II по неизвѣстнымъ причинамъ заинтересовался судьбою Марокко въ несравненно большей мѣрѣ, чѣмъ ожидали и желали бы его подданные, не исключая и его министровъ; онъ въ своихъ публичныхъ заявленіяхъ прямо намекаетъ на возможность войны, и всѣ усилія нѣмецкой печати умалить значеніе принятаго имъ воинственнаго тона встрѣчаютъ постоянный противовѣсъ въ оффиціальныхъ дѣйствіяхъ германской дипломатіи. Отсюда понятное чувство тревоги, котораго не могутъ ни объяснить, ни оправдать нѣмецкіе патріоты; тщетно стараются они свалить отвѣтственность на иностранную и особенно французскую публику, которая будто бы преувеличиваетъ возникшія недоразумѣнія и относится къ нимъ съ чрезмѣрною нервностью; напротивъ, французы на этотъ разъ обнаружили замѣчательное хладнокровіе и выдержку, и упреки извѣстной части нѣмецкой печати должны быть признаны вполнѣ несправедливыми. Вѣроятно, въ концѣ концовъ благоразуміе одержитъ верхъ въ придворныхъ военныхъ кружкахъ Берлина; но можно ли считать нормальнымъ такое положеніе вещей, при которомъ великіе культурные народы не ограждены отъ внезапнаго военнаго взрыва, готоваго обрушиться на нихъ по мановенію руки одного человѣка? Къ чему всѣ краснорѣчивые доводы лучшихъ умовъ, всѣ возвышенныя постановленія и воззванія международныхъ обществъ мира, всѣ проекты новыхъ Гаагскихъ конференцій, когда на практикѣ рѣшеніе вопроса о войнѣ предоставлено всецѣло такому полновластному вождю военной касты, какъ Вильгельмъ II?

Современныя конституціи почти ни въ чемъ не измѣнили прежней традиціонной роли монарховъ въ дѣлахъ международныхъ и военныхъ; попрежнему внѣшняя политика остается какъ бы внѣ общественнаго и національнаго контроля, подчиняясь личному руководству безотвѣтственнаго правителя; попрежнему національная армія, хотя и организованная на новой демократической основѣ по принципу всеобщей воинской повинности, служитъ пассивнымъ орудіемъ анти-народныхъ сословныхъ интересовъ и влеченій, воплощенныхъ въ привилегированномъ офицерствѣ. Германскій народъ имѣетъ свои конституціонныя гарантіи, но императоръ Вильгельмъ II безконтрольно заправляетъ внѣшними дѣлами Германіи и является неограниченнымъ повелителемъ ея вооруженныхъ силъ, а потому безусловное миролюбіе народовъ не избавляетъ ихъ отъ грозныхъ опасностей войны. Необходимы были бы коренныя преобразованія въ этой области отношеній, чтобы имѣть право говорить о гарантіяхъ международнаго и внутренняго

мира государствъ. Не только внѣшній миръ, но и всѣ политическія и гражданскія права народовъ остаются лишь обманчивою безпочвенною фикціею, пока армія составляетъ исключительную принадлежность короны и, будучи національною по характеру и составу, является еще преторіанскою по своей организаціи и по проникающему ее духу. Поучительнымъ примѣромъ можетъ служить Венгрія, гдѣ до сихъ поръ безпрепятственно распоряжается слабая по существу монархическая власть, вопреки автономной конституціи и парламенту страны: устроители новой венгерской государственности все предусмотрѣли въ своихъ конституціонныхъ опредѣленіяхъ и соглашеніяхъ, но сохранили исключительную зависимость венгерской арміи отъ династіи, пребывающей въ Вѣнѣ, и мадьярскія парламентскія вольности легко упраздняются вооруженною силою, обязанною повиноваться вѣнскимъ приказамъ.

Нельзя не замѣтить, что и у насъ неправильная организація арміи, при существованіи всенародной воинской повинности, возбуждаетъ слишкомъ мало вниманія, даже когда она приводитъ къ явнымъ злоупотребленіямъ военными средствами и силами государства при борьбѣ неудачныхъ министровъ съ обществомъ и народомъ; и у насъ вопросъ о постановкѣ военнаго дѣла не затронутъ ни въ одной изъ партійныхъ программъ, хотя въ нихъ много говорится о разныхъ отвлеченныхъ правахъ и фиктивныхъ гарантіяхъ. Реальныя силы и отношенія, которыми опредѣляется весь ходъ государственной жизни, остаются какъ бы внѣ кругозора реформаторовъ и прогрессистовъ, озабоченныхъ обсужденіемъ и разработкою симпатичныхъ и безцѣльныхъ доктринерскихъ формулъ. Въ Пруссіи и Германіи антагонизмъ между арміею и народомъ, или, вѣрнѣе, между одностороннимъ сословно-военнымъ строемъ и общими интересами народныхъ массъ, отчасти парализуется служебно-государственными традиціями Гогенцоллерновъ и столь же традиціонною добросовѣстностью и корректностью правительственныхъ властей; но этотъ антагонизмъ всегда выступаетъ наружу, когда дѣло идетъ о международныхъ отношеніяхъ и предпріятіяхъ. Мы видимъ это и въ настоящемъ случаѣ, по поводу Мароккской конференціи: вожди германской арміи начинаютъ откровенно бряцать оружіемъ и усердно готовятся къ исполненію своей кровавой миссіи во имя мнимыхъ интересовъ національнаго могущества и престижа, въ то время какъ сама нѣмецкая нація обнаруживаетъ лишь недоумѣніе, растерянность и безпокойство.

Мароккскій кризисъ, волнующій теперь общественное мнѣніе Европы, самъ по себѣ вовсе не даетъ матеріала для крупныхъ международныхъ вопросовъ и обсужденій, такъ какъ съ одной стороны Франція отказалась отъ мысли о протекторатѣ, а съ другой—Германія признала преимущественныя права и интересы Франціи относи-

тельно Марокко, въ виду сосѣдства этой страны съ Алжиромъ. Англо-французская конвенція, предоставившая Франціи свободу дѣйствій по отношенію къ Марокко, потеряла свою силу подъ вліяніемъ неожиданныхъ протестовъ Германіи; министръ Делькассè, строившій свою политику на тѣсномъ союзѣ съ Россіею, вышелъ въ отставку, и французское правительство вступило въ непосредственные переговоры съ берлинскимъ кабинетомъ, чтобы достигнуть обоюднаго соглашенія. Но Германія отказалась вести отдѣльные переговоры съ Франціею о предметѣ, имѣющемъ общій международный характеръ и касающемся всѣхъ другихъ державъ; она настаивала на созывѣ международной конференціи для рѣшенія спорныхъ вопросовъ и не пожелала также предварительно условиться съ Франціей относительно главнѣйшихъ пунктовъ програмы предстоящихъ дипломатическихъ совѣщаній. Французское правительство должно было уступить; оно согласилось отдать свои мароккскіе интересы на судъ международной конференціи, надѣясь добиться извѣстнаго компромисса безъ ущерба для національнаго достоинства Франціи. Конференція собралась въ небольшомъ испанскомъ городкѣ, Алжесирасѣ, близъ Гибралтара, и открыла свои засѣданія 16-го (3-го) января. Предсѣдателемъ избранъ представитель Испаніи, герцогъ Альмодоваръ; въ составъ конференціи входятъ опытные дипломаты, особенно компетентные въ мароккскомъ вопросѣ:. отъ Германіи—посланникъ въ Мадридѣ, фонъ-Радовицъ, и представитель въ Лиссабонѣ, графъ Таттенбахъ; отъ Франціи—бывшій алжирскій генералъ-губернаторъ Ревуаль, съ нѣсколькими дипломатическими совѣтниками; отъ Англіи—посланникъ въ Мадридѣ, сэръ Никольсонъ; отъ Соединенныхъ Штатовъ—Генри Уайтъ, посланникъ въ Римѣ; отъ Италіи—маркизъ Висконти-Веноста; отъ Россіи—графъ Кассини, посланникъ въ Мадридѣ, и т. д. Съ самаго начала было замѣтно, что Германія занимаетъ особую позицію, опираясь на представителей мароккскаго султана и на уполномоченныхъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ державъ; французы имѣютъ на своей сторонѣ Испанію, Англію и отчасти Соединенные-Штаты,—не говоря уже о Россіи, голосъ которой едва принимается теперь въ разсчетъ въ Европѣ. Существенныя разногласія еще устранялись благополучно, пока предметомъ обсужденія служили предположенныя правила объ урегулированіи привоза оружія въ Марокко и о мѣрахъ противъ военной контрабанды; нетрудно было также достигнуть соглашенія по вопросамъ о свободѣ иностранной торговли, о равноправности различныхъ націй и вообще о политикѣ „открытыхъ дверей"; но непримиримый антагонизмъ тотчасъ же вступилъ въ свои права, когда конференція занялась вопросами и проектами, въ которыхъ выразились особые преимущественные интересы Франціи. Французы предполагали,

совмѣстно съ Испаніею, ввести правильное устройство полиціи въ Марокко, для огражденія безопасности сосѣднихъ французскихъ и испанскихъ владѣній; германскіе уполномоченные требуютъ, чтобы марокканская полиція находилась въ завѣдываніи иностранныхъ офицеровъ вообще, безъ какихъ-либо преимуществъ въ пользу французовъ и испанцевъ, и чтобы верховная власть султана не подвергалась притомъ никакимъ ограниченіямъ. Французы предлагаютъ устроить въ Марокко государственный банкъ, съ участіемъ французскихъ и другихъ иноземныхъ капиталистовъ; германскіе дипломаты вносятъ свой контръ-проектъ, построенный на противоположныхъ началахъ, съ устраненіемъ преобладанія французскаго элемента. Въ принципѣ Германія допускаетъ нѣкоторыя притязанія Франціи, какъ основанныя на естественныхъ и договорныхъ отношеніяхъ съ Марокко; но на практикѣ она рѣшительно отвергаетъ все то, что имѣетъ какую-либо связь съ этими спеціальными правами и интересами французской націи.

Императоръ Вильгельмъ II твердо стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что, во-первыхъ, марокскій султанъ есть вполнѣ самостоятельный и независимый монархъ, и во-вторыхъ, что всѣ иностранныя державы должны пользоваться одинаковыми правами въ Марокко; между тѣмъ, само населеніе Марокко не считаетъ султана монархомъ въ европейскомъ смыслѣ этого слова, и начальники туземныхъ племенъ и областей сохраняютъ свое особое положеніе, которое довольно ярко характеризуется исторіею Райсулы, занимавшагося прежде разбойничествомъ и получившаго титулъ губернатора въ знакъ примиренія съ султаномъ. Новая роль полноправнаго и независимаго монарха, предложенная марокскому султану Германіею, конечно, очень понравилась ему и всѣмъ его приближеннымъ, и представители Марокко на конференціи постоянно ссылаются уже на верховныя права своего султана, разсуждая объ этомъ предметѣ не иначе какъ въ высокопарныхъ выраженіяхъ, въ восточномъ вкусѣ. Просвѣщенные европейцы, имѣющіе коммерческія дѣла съ Марокко, ничего не выиграютъ отъ такой перемѣны въ идеяхъ и настроеніи султана, возвеличеннаго Европою по почину Вильгельма II, и самая роль европейской дипломатіи въ данномъ случаѣ является не особенно почетною: подъ прикрытіемъ подобныхъ фальшивыхъ формулъ заграждается не только французамъ, но и представителямъ другихъ державъ, законный путь къ обезпеченію прочнаго порядка и мирнаго культурнаго развитія въ предѣлахъ Марокко. Эта политика заранѣе уничтожаетъ или обезсиливаетъ всякія французскія притязанія, открывая возможность для Германіи пріобрѣсть широкія спеціальныя концессіи, льготы и преимущества посредствомъ особыхъ соглашеній съ независимымъ и самостоятельнымъ султаномъ,—такъ что предположенное французское пре-

обладаніе, вытекающее изъ естественныхъ географическихъ и экономическихъ условій, можетъ легко быть вытѣснено германскимъ владычествомъ.

Французы не сомнѣваются, что это безцеремонное вторженіе Германіи въ такую область интересовъ, гдѣ господство должно по праву принадлежать французамъ и испанцамъ, составляетъ сознательный враждебный актъ противъ Франціи; но въ то же время они чувствуютъ свое безсиліе въ дипломатической борьбѣ противъ этой настойчивой и упорной вражды, за которою стоитъ рѣшимость оффиціальной Германіи не отступать отъ перспективы военныхъ дѣйствій. Вильгельмъ II, въ публичномъ обращеніи къ своимъ генераламъ, выражаетъ увѣренность, что, въ случаѣ войны, германскія войска окажутся столь же побѣдоносными, какъ и тридцать-пять лѣтъ тому назадъ, и это напоминаніе о побѣдахъ 1870—71 годовъ было крайне горькимъ и незаслуженнымъ уколомъ для французскаго національнаго патріотизма. Чѣмъ руководствуется германскій императоръ, возбуждая старыя чувства непріязни между сосѣдними націями,—понять трудно; но эти вызывающія слова и дѣйствія находятся въ странномъ противорѣчіи съ тѣми любезностями, которыя часто расточаются самимъ Вильгельмомъ II и его канцлеромъ въ бесѣдахъ съ оффиціальными представителями Франціи. Очевидно, воинственный тонъ предназначается для арміи и для самодовольныхъ нѣмецкихъ патріотовъ, а дипломатическая вѣжливость должна отчасти смягчать впечатлѣніе оффиціальнаго недоброжелательства и соперничества; въ результатѣ же получается нѣчто чрезвычайно тягостное, возрождающее худшія традиціи Бисмарковской эпохи. Франція, какъ великая держава, не можетъ равнодушно принимать угрозы, къ которымъ она не даетъ ни малѣйшаго повода, и если она готова была бы даже совершенно отречься отъ своихъ правъ и интересовъ въ Марокко, то это добровольное отреченіе становится почти немыслимымъ въ виду непріязненной тактики берлинскаго кабинета. Въ худшемъ случаѣ, когда конференція въ Алжесирасѣ разойдется, не достигнувъ цѣли, вопросъ о Марокко останется въ томъ положеніи, въ какомъ онъ былъ раньше, а такъ какъ Франція не станетъ дѣйствовать противъ воли другихъ державъ, и особенно противъ Германіи, то предстояла бы только отсрочка спорныхъ марокскихъ дѣлъ на неопредѣленное время, и открылась бы возможность отдѣльныхъ соглашеній и взаимныхъ уступокъ, безъ всякаго ущерба для общаго мира. При такихъ обстоятельствахъ и при несомнѣнной сдержанности французскаго общественнаго мнѣнія, одностороннія военныя угрозы, исходящія изъ Берлина, должны быть признаны, по меньшей мѣрѣ, преждевременными, и все поведеніе оффи-

ціальной Германіи въ марокkскомъ вопросѣ составляетъ пока какую-то политическую загадку.

Вновь избранный президентъ французской республики, Арманъ Фаллiеръ, вступивъ въ отправленіе своихъ обязанностей, обратился къ палатамъ съ посланіемъ, которое было прочитано 20-го февраля главою кабинета, Морисомъ Рувье, и министромъ юстиціи Шомье. Въ этомъ посланіи не содержится ничего новаго или оригинальнаго, но всѣми было замѣчено нѣсколько краснорѣчивыхъ фразъ объ арміи: „Ничто не должно отвлекать ее отъ исполненія самой священной изъ ея обязанностей—приготовленія къ защитѣ территоріи и знамени. Не будучи угрозою для кого бы то ни было, ея могущество есть, напротивъ, вѣрнѣйшій залогъ сохраненія мира". Эти скромныя слова должны были служить отвѣтомъ на грозныя напоминанія Вильгельма II, и въ тонѣ обоихъ заявленій отражается коренное различіе двухъ противоположныхъ міросозерцаній. Для германскаго императора армія есть истинная основа его власти и авторитета, близкая, родственная сила, съ которою его неразрывно связываютъ всевозможныя историческія и фамильныя преданія, личныя привычки и симпатіи; для французскаго президента армія есть только одно изъ необходимыхъ національныхъ учрежденій, обязанныхъ служить отечеству и ограждать внѣшнюю безопасность страны. Когда Вильгельмъ II говоритъ объ арміи, онъ неизбѣжно думаетъ о сокрушительной силѣ меча, о блестящихъ побѣдахъ, о возможности нанести ошеломляющій ударъ внѣшнимъ и внутреннимъ врагамъ,—хотя бы въ дѣйствительности онъ вовсе и не предполагалъ затѣвать какую-нибудь войну. Французскій президентъ, уже въ силу своего личнаго положенія, весьма далекаго отъ военныхъ интересовъ и традицій, можетъ только умомъ сознавать великое значеніе національной арміи; онъ съ нею связанъ и солидаренъ оффиціально, какъ глава государства, но остается свободнымъ отъ ея сословнаго и профессіональнаго духа, сохранившагося и при республикѣ. Тѣсная связь съ привилегированнымъ военнымъ сословіемъ есть жизненный нервъ для личнаго монархическаго режима, тогда какъ при республиканскомъ строѣ армія получаетъ значеніе вооруженнаго народа и не можетъ и не должна противопоставлять себя массѣ гражданъ.

Отношенія правительства къ арміи составляютъ для французской республики больное мѣсто только потому, что военный классъ сохранилъ отчасти прежнюю организацію и старыя сословно-аристократическія тенденціи. Борьба съ этими тенденціями велась систематически въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, но не приводила къ замѣтнымъ результатамъ; скрытая оппозиція высшаго офицерства питалась и под-

держивалась вліятельными клерикальными элементами французскаго общества, и клерикализмъ свилъ себѣ прочное гнѣздо въ арміи. Правительство ограничивается чисто внѣшними мѣрами воздѣйствія съ цѣлью обузданія и ограниченія дѣятельности монашескихъ орденовъ и ихъ союзниковъ; примѣненіе этихъ мѣръ требуетъ иногда содѣйствія войскъ, и крайне тягостные конфликты возникаютъ между властью и народомъ при формальномъ господствѣ народовластія. Въ послѣднее время въ разныхъ мѣстахъ Франціи происходятъ какія-то странныя военно-полицейскія экзекуціи, направленныя, повидимому, противъ католическихъ церквей; многимъ кажется, что тутъ дѣло идетъ о грубомъ посягательствѣ на свободу религіи, и это впечатлѣніе подкрѣпляется извѣстіями о шумныхъ протестахъ и демонстраціяхъ, въ которыхъ участвуютъ представители различныхъ классовъ населенія. Въ дѣйствительности здѣсь не можетъ быть и рѣчи о произволѣ и насиліи; должностныя лица республики стараются въ точности исполнить постановленія закона, а вѣрующіе католики и духовенство протестуютъ, чтобы создать иллюзію несправедливаго религіознаго гоненія. Новый законъ объ отдѣленіи церкви отъ государства предписываетъ передать всѣ церковныя имущества и зданія соотвѣтственнымъ религіознымъ ассоціаціямъ, которыя должны организоваться для этой цѣли; для передачи же церковныхъ имуществъ нужно предварительно составить имъ инвентарь, а для этого необходимо, чтобы чиновники имѣли доступъ къ осмотру вещей, священныхъ сосудовъ и всякаго рода сокровищъ, хранящихся въ церковныхъ зданіяхъ. Для производства описи назначается такое время, когда нѣтъ богослуженія, о чемъ заранѣе сообщаютъ мѣстному духовному начальству; но къ назначенному времени церковь оказывается занятою молящимися или просто толпою обывателей, подъ предводительствомъ священниковъ; всѣ наружные входы закрыты и забаррикадированы, и проникнуть внутрь можно не иначе какъ путемъ насилія; чиновники или удаляются ни съ чѣмъ, или же прибѣгаютъ къ содѣйствію полиціи и войскъ, чтобы получить возможность заняться своимъ скромнымъ бухгалтерскимъ дѣломъ. Вѣрующіе прихожане волнуются, вступаютъ въ драку съ полицейскими чинами и обыкновенно терпятъ пораженіе; съ обѣихъ сторонъ бываютъ жертвы—раненые болѣе или менѣе серьезно, а иногда даже и убитые; многіе подвергаются аресту и суду, и въ числѣ участниковъ этихъ уличныхъ сценъ приходится газетамъ называть самыя громкія имена французской аристократіи. Съ изящными кавалерами, молодыми и старыми, соперничаютъ свѣтскія дамы и дѣвицы, и устройство этихъ оригинальныхъ безпорядковъ сдѣлалось какъ будто предметомъ особаго религіознаго спорта. Въ Парижѣ, въ церкви св. Ѳомы Аквинскаго, послѣ первой неудавшейся попытки коммиссара присту-

пить къ составленію инвентаря, прихожане дежурили днемъ и ночью, чтобы не допустить вторженія правительственныхъ агентовъ; въ манифестаціи участвовали генералы Рекамье и Алларъ, адмиралъ де-Ла-Желль, графъ де-Люппè и другіе. Отряду полиціи удалось внезапно открыть одну изъ церковныхъ дверей; полицейскіе встрѣчены были палочными ударами и въ свою очередь не замедлили воспользоваться законнымъ правомъ обороны; между задержанными виновниками буйства оказался и семидесятилѣтній генералъ Рекамье, который потомъ былъ присужденъ къ заключенію въ тюрьму на шесть мѣсяцевъ. Въ церкви Notre-Dame дѣйствовали такимъ же образомъ князь Сикстъ де-Бурбонъ, Прово де-Лонэ, баронъ Тель, аббатъ Фонсагривъ, маркиза Макъ-Магонъ, виконтесса дю-Барраль, баронесса Рейль и др. Подобныя столкновенія, стычки и судебные процессы повторяются въ разныхъ мѣстахъ, въ столицѣ и въ провинціи; при недостаткѣ полицейскихъ силъ привлекаются войска, и бывали случаи, когда отдѣльные офицеры отказывали въ повиновеніи, ссылаясь на свои религіозныя убѣжденія. Непокорные навлекали на себя дисциплинарныя взысканія; колеблющіеся подчинялись авторитету генераловъ, имѣвшихъ мужество категорически высказаться по данному вопросу. Престарѣлый генералъ Галиффè въ письмѣ, напечатанномъ въ газетахъ, напоминаетъ офицерамъ, что первая обязанность ихъ—повиноваться законамъ, и что самый суровый законъ есть все-таки законъ: dura lex, sed lex. Собственно говоря, протесты католиковъ противъ закона объ отдѣленіи церкви отъ государства не имѣютъ разумнаго смысла, а противодѣйствіе чиновникамъ, призваннымъ осуществить это отдѣленіе, является лишь способомъ активной клерикальной пропаганды. Почему католики возстаютъ противъ самостоятельнаго устройства церковныхъ дѣлъ при участіи вѣрующихъ прихожанъ? Логично ли требовать отъ анти-клерикальнаго правительства, чтобы оно непремѣнно сохраняло за собою попеченіе объ интересахъ религіи и чтобы оно уплачивало ея служителямъ жалованье изъ государственнаго казначейства? Казалось бы, наоборотъ, что конкордатъ съ нынѣшнею французскою республикою былъ постыднымъ абсурдомъ съ точки зрѣнія римской церкви и долженъ былъ давно подлежать отмѣнѣ ради достоинства и чести католическаго духовенства. Негодовать на то, что служители церкви лишаются денежныхъ окладовъ и субсидій отъ республиканской казны, —значило бы откровенно ставить матеріальные интересы выше нравственныхъ и религіозныхъ; между тѣмъ именно такъ разсуждают высшіе òрганы католичества во Франціи.

Въ папской энцикликѣ отъ 11 февраля, посвященной разбору и осужденію новаго французскаго закона, высказываются поразительные взгляды относительно взаимныхъ обязанностей церкви и государст[illegible]

церковь имѣетъ право получать казенныя деньги на свое содержаніе, такъ какъ за это она приближаетъ людей къ Богу и заступается за нихъ передъ престоломъ Всевышняго; никакая государственная власть не можетъ отмѣнить или измѣнить установленныя когда-то обязательства въ пользу духовенства, и конкордатъ, разъ заключенный въ началѣ девятнадцатаго вѣка, долженъ сохраняться на вѣчныя времена, если онъ выгоденъ для церкви. Папа Пій X долго и обстоятельно доказываетъ, что Франція не имѣла права уничтожить свой договоръ съ Ватиканомъ и создать для французскаго духовенства новое положеніе взамѣнъ прежняго, установленнаго Бонапартомъ; она этимъ нарушила будто бы должное уваженіе къ авторитету верховнаго главы церкви, между тѣмъ какъ „она обязана была считать его державу выше всѣхъ другихъ политическихъ державъ, ибо его власть имѣетъ отношеніе къ вѣчному благу душъ и распространяется повсюду". Другими словами, французское правительство обязано вѣрить въ божественную миссію римской церкви, и своимъ невѣріемъ оно отступило будто бы отъ общихъ началъ международнаго права. Самое содержаніе новаго закона, по мнѣнію Пія X, противорѣчитъ тѣмъ основамъ, на которыхъ Іисусъ Христосъ устроилъ свою христіанскую церковь. По евангелію, церковь состоитъ изъ пастырей и стада,—т. е. „изъ лицъ, облеченныхъ неограниченными полномочіями для управленія, поученія и суда, и занимающихъ мѣста на различныхъ ступеняхъ духовной іерархіи, и изъ множества вѣрующихъ". Эти двѣ категоріи совершенно различны: всѣ права и весь авторитетъ принадлежатъ пастырямъ, а остальное общество „имѣетъ только одну обязанность—давать себя вести и, въ качествѣ послушнаго стада, слѣдовать за своими пастухами". Такъ разъяснилъ святой Кипріанъ, и его толкованіе основано на божественномъ законѣ; но французскій законъ объ отдѣленіи церкви, въ противоположность этимъ принципамъ, „предоставляетъ управленіе и заботы публичнаго культа не іерархіи, божественно установленной Спасителемъ, а союзу или ассоціаціи свѣтскихъ лицъ"; къ этой ассоціаціи „переходитъ пользованіе храмами и священными зданіями; она будетъ владѣть всѣми церковными имуществами, движимыми и недвижимыми; она будетъ распоряжаться, хотя и временно, епархіями, пресвитеріями и семинаріями; она, наконецъ, будетъ завѣдывать имѣніями, регулировать сборы и получать лепты и завѣщательные дары, предназначенные для религіознаго культа. Что же касается іерархіи пастырей, то о ней не говорится въ законѣ ни слова". Съ точки зрѣнія римскаго папы, нельзя умолчать о духовной іерархіи, когда дѣло идетъ о завѣдываніи церковными имуществами и о распредѣленіи доходовъ, ибо въ этомъ заключается важнѣйшая задача пастырей; ради заботъ объ имѣніяхъ боже-

ственный Спаситель отличилъ пастырей отъ стада, и о доходахъ думалъ святой Кипріанъ въ своихъ благочестивыхъ размышленіяхъ. Духовные пастыри, по словамъ папы Пія X, лишаются всякаго значенія и авторитета, если управленіе церковными имѣніями и доходами переходитъ къ „обществу свѣтскихъ людей", къ ассоціаціямъ мѣстныхъ приходовъ. Руководствуясь этими идеями, „въ силу своей обязанности защищать священныя и неприкосновенныя права церкви, въ силу высшаго авторитета, полученнаго отъ Бога", папа Пій X торжественно осуждаетъ и предаетъ проклятію изданный во Франціи законъ объ отдѣленіи церкви отъ государства, какъ „глубоко-оскорбительный для Господа Бога", „нарушающій естественное право, международные обычаи и вѣрность заключеннымъ договорамъ; противный божественному устройству церкви, ея существеннымъ правамъ и ея свободѣ; ниспровергающій справедливость и уничтожающій права собственности, пріобрѣтенныя церковью по многочисленнымъ основаніямъ и, между прочимъ, въ силу конкордата". Разумѣется само собою, что, по твердому убѣжденію папы Пія X, эти права собственности будутъ сохранены божественнымъ Провидѣніемъ и никогда Іисусъ Христосъ не оставитъ ихъ безъ своей спасительной охраны. Въ заключеніе папа рекомендуетъ французскимъ прелатамъ, „пока будетъ продолжаться преслѣдованіе и угнетеніе", бороться всѣми силами за истину и справедливость и „вести эту борьбу съ тѣмъ неутомимымъ усердіемъ, какимъ издревле отличались католическіе іерархи во Франціи".

Очевидно, сами руководители римской церкви уже не чувствуютъ, какъ странно и дико звучатъ ссылки на Іисуса Христа и на евангеліе въ подтвержденіе имущественныхъ правъ духовенства, въ защиту ихъ притязаній на денежные доходы и на жалованье отъ казны. Всякій видитъ, что взглядъ республиканскаго правительства несравненно ближе къ духу евангелія и даже къ комментаріямъ святого Кипріана, чѣмъ беззастѣнчиво-матеріальная точка зрѣнія папской энциклики. Внутренняя автономія религіозныхъ общинъ съ ихъ пастырями и пасомыми предполагаетъ свободу дѣйствій и въ способахъ завѣдыванія матеріальными церковными дѣлами и интересами, и нѣтъ разумнаго повода утверждать, что выборные представители приходовъ перестали бы смотрѣть на іерарховъ какъ на своихъ духовныхъ наставниковъ и вождей, еслибы послѣдніе сочли нужнымъ предоставить управленіе церковными имуществами самимъ прихожанамъ; можно думать даже, что религіозный авторитетъ духовенства повысился бы, съ избавленіемъ служителей церкви отъ постороннихъ и неподходящихъ для нихъ функцій. Предоставивъ вѣрующимъ католикамъ свободно устраивать свои церковныя дѣла, республика не только не нарушаетъ божескихъ и человѣческихъ законовъ, какъ говоритъ папа Пій X, но напротивъ, облегчаетъ практи-

свое осуществленіе тѣхъ высшихъ нравственныхъ началъ, безъ которыхъ организація церкви есть тѣло безъ души. Именемъ Христа спеціально завладѣли люди, проникнутые духомъ гордости и корыстолюбія, и это отсутствіе реальнаго христіанства въ его оффиціальныхъ носителяхъ стало уже общимъ фактомъ, одинаково свойственнымъ какъ Западу, такъ и Востоку. Объ этой родственной близости церквей недавно еще напомнило воззваніе нашего синода, обращенное спеціально къ неимущимъ и доказывающее имъ неприкосновенность права собственности богатыхъ: голодающимъ предлагается то утѣшеніе, что „не единымъ хлѣбомъ живъ человѣкъ", а потому они не должны соблазняться чужими избытками, хотя бы неправедно пріобрѣтенными, ибо богатымъ, кромѣ хлѣба, нужно еще многое другое. Аргументація на эту тему, испещренная текстами священнаго писанія, производитъ такое же впечатлѣніе, какъ и новѣйшая энциклика папы Пія X. Возвышенные тексты давно уже превратились въ орудіе разсчетливаго фарисейства и сухого канцелярскаго формализма, а между тѣмъ даже во Франціи значительная часть населенія слѣпо идетъ за фарисеями, выдающими себя за выразителей подлиннаго христіанства. Дать другое, болѣе плодотворное направленіе умамъ французской народной массы могла бы только широкая система общаго народнаго образованія, которая обнимала бы и женскую половину націи, и въ этомъ отношеніи пріемы поверхностной борьбы съ клерикализмомъ только отдаляютъ республику отъ единственнаго правильнаго пути...

Сохранившіеся остатки личнаго режима съ каждымъ годомъ даютъ себя все сильнѣе чувствовать въ Австро-Венгріи, и чѣмъ старше становится императоръ Францъ-Іосифъ, тѣмъ упорнѣе и настойчивѣе пользуется онъ своими формальными монархическими правами для безплодной борьбы противъ парламентской оппозиціи въ обѣихъ половинахъ имперіи. Въ Венгріи кризисъ настолько обострился, что внѣшняя связь ея съ Австріею подвергается уже серьезной опасности, и только замѣчательная сдержанность мадьярскаго народа и его популярныхъ вождей избавила до сихъ поръ страну отъ крупныхъ и непоправимыхъ увлеченій. Такъ какъ большинство венгерскаго парламента не подчиняется личнымъ желаніямъ и требованіямъ монарха, особенно въ вопросѣ объ арміи, то правительство прибѣгаетъ къ распущенію и къ новымъ выборамъ, которые опять приводятъ къ тому же результату, и Венгрія не выходитъ изъ этого заколдованнаго круга въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ. На этотъ разъ не нашлось министровъ, готовыхъ взять на свою отвѣтственность распущеніе непокорной палаты, недавно только выбранной, и императоръ долженъ былъ назна-

чить чрезвычайнаго военнаго коммиссара съ исключительными полномочіями, чтобы осуществить свое рѣшеніе при помощи вооруженной силы. Утромъ 19 (6) февраля зданіе парламента было окружено войсками; тѣмъ не менѣе, депутаты безпрепятственно собрались къ назначенному часу, и засѣданіе открылось среди лихорадочнаго общаго возбужденія. Предсѣдательствовавшій вице-президентъ Раковскій прочелъ сначала королевское посланіе о созывѣ палаты, а затѣмъ письмо генерала Ніири, въ которомъ послѣдній сообщаетъ о назначеніи его чрезвычайнымъ коммиссаромъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагаетъ президенту прочесть приложенное королевское посланіе о распущеніи палаты, послѣ чего закрыть засѣданіе; въ противномъ случаѣ предстояло бы употребленіе силы. Президентъ заявилъ палатѣ, что королевское собственноручное посланіе должно быть возвращено генералу Ніири, такъ какъ согласно конституціи палата сносится съ королемъ только черезъ посредство министра-президента. Съ этимъ мнѣніемъ согласилось и собраніе, послѣ чего депутаты разошлись, назначивъ день слѣдующаго засѣданія; но, нѣсколько минутъ спустя, помѣщеніе палаты было занято военнымъ отрядомъ; полковникъ Фабрици взошелъ на президентскую трибуну и, по порученію чрезвычайнаго коммиссара, прочелъ королевское посланіе о распущеніи палаты и о предстоящемъ назначеніи срока для производства новыхъ выборовъ. Присутствовавшая на галереяхъ публика встрѣтила это чтеніе шумными протестами, и полковникъ Фабрици распорядился очистить залъ и занять все зданіе полиціей и войсками. Никакихъ серьезныхъ столкновеній при этомъ не произошло, и въ городѣ сохранилось внѣшнее спокойствіе; но самые миролюбивые патріоты Венгріи сознаютъ, что эта неустанно вызывающая и раздражающая политика вѣнскаго двора приведетъ въ концѣ концовъ къ катастрофѣ. О династіяхъ можно сказать, какъ и о книгахъ,—что онѣ также habent sua fata, какъ и lebelli.

Новая парламентская сессія въ Англіи была открыта лично королемъ Эдуардомъ 19 (6) февраля, при обычной торжественной обстановкѣ. Въ тронной рѣчи высказана, между прочимъ, „серьезная надежда“, что марокkская конференція окончитъ свои занятія безъ ущерба для сохраненія общаго мира; относительно Трансвааля и Оранжевой колоніи отмѣнены распоряженія о временномъ переходномъ порядкѣ самоуправленія и объявлено о немедленной выработкѣ надлежащихъ конституціонныхъ актовъ, соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ и желаніямъ. „Эти свободныя учрежденія, — какъ сказано въ тронной рѣчи, — должны имѣть своимъ послѣдствіемъ, какъ и въ другихъ частяхъ имперіи, усиленный ростъ благосостоянія и укрѣ-

леніе связи съ метрополіею". Цѣлый рядъ крупныхъ реформъ намѣченъ въ области внутреннихъ дѣлъ, особенно по отношенію къ Ирландіи и по рабочему вопросу; во всемъ выражается твердая рѣшимость дѣйствовать въ духѣ народныхъ интересовъ, для удовлетворенія политическихъ и экономическихъ потребностей народныхъ массъ. Оппозиціонныя группы консерваторовъ и уніонистовъ начинаютъ вновь организоваться и собираться съ силами; возстановлено внѣшнее единство партіи путемъ формальнаго соглашенія, выразившагося въ обнародованной перепискѣ между Бальфуромъ и Чемберлэномъ по вопросу о тарифной реформѣ,—причемъ роль лидера или вождя осталась номинально за бывшимъ премьеромъ, который даже не попалъ въ члены парламента. Одинъ изъ вѣрныхъ его сторонниковъ, представитель консервативной части лондонскаго Сити, мистеръ Джиббсъ, рѣшился пожертвовать собою и уступить свое мѣсто въ палатѣ Бальфуру; онъ объявилъ о сложеніи съ себя званія члена парламента съ цѣлью производства новыхъ выборовъ въ пользу бывшаго главы кабинета. Разумѣется, Бальфуръ былъ дѣйствительно избранъ въ предоставленномъ ему округѣ Лондона и такимъ образомъ вышелъ изъ неловкаго и отчасти комическаго положенія; но на авторитетъ настоящаго вождя партіи онъ разсчитывать уже не можетъ, и истиннымъ вдохновителемъ консервативно-уніонистской оппозиціи останется, безъ сомнѣнія, Чемберлэнъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1906.

I.

— Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга двадцатая. Спб. 1906.

Уже неоднократно въ нашемъ журналѣ отмѣчалось обиліе матеріаловъ и общій характеръ этого изданія, посвященнаго изложенію жизни и трудовъ Погодина въ той атмосферѣ интересовъ, идей и общественныхъ теченій, среди которыхъ прошла дѣятельность этого много въ свое время поработавшаго человѣка. Умѣлымъ и зачастую кропотливымъ подборомъ соотвѣтствующихъ источниковъ г. Барсукову не разъ удавалось чрезвычайно мѣтко очертить тотъ общій фонъ среды, окружавшей Погодина, ту сторону міросозерцанія его современниковъ, на которой развились собственные, общественные и научные взгляды Погодина, и усерднымъ выразителемъ которыхъ онъ являлся на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ своей дѣятельности. На этомъ фонѣ рельефно выдѣляется фигура Погодина, производящая удивительно цѣльное впечатлѣніе, какъ чертами своего умственнаго и нравственнаго склада, такъ и типичнымъ отраженіемъ того общества, въ которомъ онъ жилъ своими общественными интересами и симпатіями. Искусно затушовывая свое личное, весьма уважительное отношеніе къ дѣятелю, надъ изученіемъ котораго такъ много поработалъ г. Барсуковъ, онъ сумѣлъ представить образъ Погодина въ той объективной полнотѣ, которая устраняетъ критическій анализъ со стороны автора уже самымъ методомъ изслѣдованія и расчищаетъ дорогу для той критики, которая, принявъ цѣнный трудъ г. Барсукова, какъ готовый матеріалъ, приступитъ къ новой работѣ — къ всесторонней оцѣнкѣ Погодина съ различныхъ точекъ зрѣнія—историческ і, литературной, общественной, моральной и т. д.

Послѣ труда г. Барсукова эта оцѣнка, несомнѣнно, не заставитъ себя долго ждать, и у общественнаго сознанія явится возможность уяснить значеніе жизни и дѣятельности Погодина самымъ точнымъ образомъ. Но рядомъ съ этой работой немалую роль будетъ играть и та историческая обстановка, которую авторъ создалъ изъ разнаго рода извлеченій и документовъ. Конечно, эпоха рисуется здѣсь лишь съ одной стороны, уже отмѣченной выше, и было бы несправедливо упрекать автора въ односторонности освѣщенія или въ тенденціозномъ подборѣ чертъ. Слѣдуетъ помнить, что его задачей является начертаніе жизни Погодина и „того, по выраженію Гончарова, что̀ къ ней приростало", и не вина автора, если жизнь, имъ изображаемая, не достигала тѣхъ глубинъ общественнаго и народнаго самосознанія, откуда брали свое начало наиболѣе стремительные ключи, сливавшіеся въ вешній потокъ молодой русской жизни. Но неопытный читатель былъ бы горестно обмануть, еслибы въ исторической обстановкѣ Погодина усмотрѣлъ отраженіе цѣлой эпохи—и еще какой: половины шестидесятыхъ годовъ! Русская жизнь, бившая ключомъ въ борьбѣ противоположныхъ стихій, лишь блѣдно и мертвенно отражается въ той массѣ оффиціальныхъ, въ огромномъ большинствѣ, и полуоффиціальныхъ документовъ, среди которыхъ сама личность Погодина какъ-то теряется и отходитъ на отдаленный планъ. Въ двадцатомъ томѣ г. Барсуковъ сосредоточилъ, какъ и во многихъ прежнихъ, много такихъ матеріаловъ, которые, преобладающимъ образомъ, выражаютъ взгляды и чувства оффиціальной Россіи, далеко не дающія права отожествлять ихъ съ той равнодѣйствующей общественнаго міросозерцанія извѣстной эпохи, которая ложится въ основу исторической оцѣнки. Но при желаніи можно было бы составить по этимъ матеріаламъ не лишенный своеобразнаго интереса очеркъ системы правительственныхъ дѣйствій, предпринимавшихся въ связи съ ходомъ внѣшнихъ и внутреннихъ событій...

По своему содержанію большинство приводимыхъ г. Барсуковымъ извлеченій и документовъ относится къ исторіи польскаго возстанія. Въ настоящее время, переживъ сложный комплексъ идей, рожденный событіями послѣднихъ лѣтъ нашей жизни, читатели могутъ вполнѣ критически отнестись къ тѣмъ условіямъ, при которыхъ создалось польское движеніе. Не говоря о цѣломъ рядѣ ошибокъ и увлеченій, допущенныхъ съ той и другой стороны издавна, нельзя не видѣть, какое роковое недоразумѣніе лежало между законнымъ стремленіемъ къ политическому единству имперіи и политикой преградъ національному самоопредѣленію путемъ насильственнаго руссифицированія обширной народной массы, проникнутой сознаніемъ своей національной индивидуальности, своимъ европейски развитымъ языкомъ, своей куль-

турой. Отвергая тотъ неизмѣнный принципъ, по которому добровольный союзъ на началахъ солидарности взаимныхъ интересовъ гораздо надежнѣе и крѣпче насильственнаго покоренія и поддержанія страха и трепета, наше правительство продолжало политику, начатую въ 1831 году и основанную на намѣреніи отнять у покоренной народности самобытный національный обликъ и замѣнить исторически усвоенные навыки культурнаго существованія иными, присущими господствующей народности. Никакая революціонная пропаганда не приводить съ такимъ успѣхомъ къ вооруженному возстанію, какъ національная вражда или ненависть угнетаемаго къ угнетателю; эти-то чувства и стали источникомъ величайшихъ затрудненій для русскаго правительства со стороны Польши. Эти затрудненія въ описываемую г. Барсуковымъ эпоху создавали прежде всего ту смуту, которою такъ умѣло пользовались наши зарубежные сосѣди для своихъ цѣлей. Отторженіе польскихъ губерній отъ Россіи было, какъ это видно и изъ матеріаловъ настоящаго тома, по весьма понятнымъ причинамъ, невыгодно Бисмарку—и въ этомъ можно было усматривать и секретъ нашего успѣха въ подавленіи возстанія, успѣха, въ которомъ печальная роль Муравьева заняла далеко не первое мѣсто. Послѣдній былъ расторопнымъ, но и весьма близорукимъ выразителемъ того оффиціальнаго взгляда на Польшу, который сводилъ всѣ задачи государственной политики къ истребленію „крамолы“, а проявленія національной вражды и раздраженія объяснялъ исключительно дѣятельностью революціонныхъ агитаторовъ и вообще злоумышленныхъ агентовъ. Висѣлицы были для Муравьева однимъ изъ тѣхъ умиротворяющихъ средствъ, представленіе о которыхъ исключало всякую необходимость изысканія иныхъ, просвѣтительныхъ и культурныхъ способовъ успокоенія страны, поколебленной, благодаря вѣковымъ неурядицамъ, въ самыхъ устояхъ экономической и правовой жизни.

По матеріаламъ г. Барсукова, Муравьевъ рисуется истинно-русскимъ человѣкомъ, неуклоннымъ въ исполненіи служебнаго долга. Онъ трудолюбивъ, прямъ и рѣзокъ въ обращеніи, не знаетъ пощады и своей суровостью возбуждаетъ противъ себя даже ближайшихъ совѣтниковъ государя. Чрезвычайно любопытна та отмѣчаемая г. Барсуковымъ атмосфера разнородныхъ вліяній и интригъ, которая окрашиваетъ отношенія между царемъ и даже такими слѣпыми и открытыми исполнителями его воли, какимъ былъ Муравьевъ. Дѣятельность Муравьева, какъ усмирителя, слишкомъ хорошо извѣстна, чтобы слѣдовало останавливаться на ней въ данномъ случаѣ, но что были возможны другіе способы умиротворенія, доказываетъ хотя бы приводимый авторомъ эпизодъ съ генераломъ Баклановымъ, который, несмотря на свою репутацію „людоѣда“, умѣлъ удержать свои кар-

тельные порывы въ предѣлахъ разума и въ пониманіи долга, возвысился до той идеи, что недостойно творить жестокости надъ людьми, положившими оружіе и молящими о пощадѣ.

По польскому вопросу Погодинъ написалъ много статей, въ которыхъ онъ то останавливался на отдѣльныхъ проявленіяхъ революціонной борьбы, то, инспирируемый Горчаковымъ, выступалъ обличителемъ француза де-Марса, помѣстившаго въ „Revue des deux Mondes" статью „La Pologne, ses anciennes provinces et ses véritables limites", „которая привела государя и государыню въ сильное негодованіе". Погодинъ внимательно слѣдилъ за всѣми перипетіями польскаго вопроса и горячо отзывался на нихъ, но въ позднѣйшихъ взглядахъ его произошла значительная перемѣна сравнительно съ тѣмъ, что онъ высказывалъ раньше. Погодинъ кается въ своихъ „ошибкахъ". „Я долго думалъ,—пишетъ онъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", — что поляки могутъ отказаться отъ мысли о своихъ старыхъ завоеваніяхъ въ Россіи. Нѣтъ, я теперь удостовѣрился, что не только революціонеры, не только эмигранты, не только завзятые поляки, но даже самые смирные, любезные, добрые не могутъ отстать отъ этой мысли: это выше ихъ натуры. Ну, такъ я теперь и осуждаю свою старую мечту, и говорю, что на ней строить ничего нельзя, что изъ западныхъ русскихъ губерній должны быть выжиты поляки, во что бы то ни стало, выкурены, высланы, выпровожены по казенной надобности, съ деньгами, съ заемными на насъ письмами, съ ксендзами, со всѣмъ скарбомъ и трауромъ, со всѣмъ движимымъ имуществомъ, а недвижимое,—земля, наша, кровная, русская,—и Польшѣ изъ нея ни пяди!"

Наряду съ подобными глубокомысленными соображеніями, Погодинъ самый фактъ измѣненія своихъ взглядовъ разсматривалъ, какъ одинъ изъ аргументовъ ихъ убѣдительности. Исходнымъ пунктомъ его разсужденій было убѣжденіе о необходимости Россіи и Польшѣ быть „подъ одною державою". Но вѣдь сущность вопроса сводилась не столько къ этому общему принципу, сколько къ тѣмъ частнымъ условіямъ, при которыхъ онъ могъ осуществиться. А въ числѣ ихъ Погодину казалось необходимымъ лишить Польшу мѣстнаго самоуправленія, за которое прежде онъ ратовалъ. Естественно, что при всей этой путаницѣ понятій не могли принести благого результата и тѣ миролюбивыя обращенія Погодина къ полякамъ, которыми онъ заканчивалъ свои „Итоги". „Братья, братья! Долго ли жъ литься крови! Довольно, довольно! Вы видите, что ничего не выходитъ для васъ, для польскаго дѣла, изъ вашихъ усилій"...

По другому коренному недоразумѣнію нашей внутренней политики—вопросу о малороссійскомъ языкѣ и литературѣ, приведемъ напечатанное у г. Барсукова мнѣніе бывшаго министра народнаго про-

свѣщенія Головнина. Валуевъ, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, обратился къ нему съ запросомъ о пользѣ и необходимости дозволенія къ печатанію книгъ на малорусскомъ нарѣчіи при обученіи простого народа. Головнинъ отвѣчалъ: „Сущность сочиненія, мысли, изложенныя въономъ и вообще ученіе, которое оно распространяетъ, а отнюдь не языкъ или нарѣчіе, на которомъ написано, составляютъ основаніе къ запрещенію или дозволенію той или другой книги, и что стараніе литераторовъ обработать грамматически каждый языкъ или нарѣчіе и для сего писать на немъ и печатать, весьма полезно въ видахъ народнаго просвѣщенія и заслуживаетъ полнаго уваженія. По сему министерство народнаго просвѣщенія обязано поощрять и содѣйствовать подобному старанію. Затѣмъ, если стараніе это производится нѣкоторыми лицами, какъ личина, прикрывающая преступные замыслы, и если книги, писанныя на малороссійскомъ языкѣ, употребляются какъ орудіе вредной антирелигіозной или политической пропаганды, то цензура обязана запрещать подобныя книги; но запрещать ихъ за мысли, въ нихъ изложенныя, а не за языкъ, на которомъ писаны, и если таковыхъ сочиненій представляется въ кіевскій цензурный комитетъ значительное число, то комитетъ сей могъ бы просить о временномъ усиленіи личнаго состава цензоровъ. Требованіе же комитета, чтобы приняты были мѣры противъ систематическаго наплыва изданій на малороссійскомъ языкѣ, я нахожу совершенно неосновательнымъ. Что же касается до мнѣнія кіевскаго генералъ-губернатора, что опасно и вредно выпустить въ свѣтъ малороссійскій переводъ Новаго Завѣта, разсматриваемый духовною цензурою, то изъ уваженія къ г-ну генералъ-адъютанту Анненкову, я объясняю себѣ подобный отзывъ какою-то непонятною канцелярскою ошибкою".

Этотъ отзывъ просвѣщеннаго министра затерялся, какъ извѣстно, вскорѣ подъ грудой мертвыхъ канцелярскихъ отношеній и оберъ-прокурорскихъ справокъ и въ оффиціальной политикѣ не получилъ должнаго значенія. По отношенію къ Малороссіи и во взглядахъ Погодина значительно больше безпристрастія и пониманія дѣла.

Нельзя не отмѣтить, что въ количественномъ отношеніи „Русскій Архивъ" и „Русская Старина" доставили г. Варсукову наибольшее число матеріаловъ. Во всякомъ случаѣ авторъ коснулся эпохи, еще почти не затронутой историческимъ изслѣдованіемъ въ цѣломъ, и за нимъ останется заслуга одной изъ первыхъ подготовительныхъ работъ, которая послужитъ введеніемъ въ научное изученіе одного изъ любопытнѣйшихъ историческихъ періодовъ.

II.

— Былое. Книга первая. Подъ ред. В. Я. Богучарскаго и П. Е. Щеголева. Изд. Н. Е. Парамонова. Спб. 1906.

Первая книга этого новаго изданія, посвященнаго исторіи освободительнаго движенія въ Россіи, полна выдающагося общественнаго и историческаго интереса. Это первое изданіе, предназначенное не только служить цѣлямъ сохраненія и опубликованія случайныхъ матеріаловъ, пріобрѣтающихъ архивный отпечатокъ, но и питать живую общественную мысль въ жгучіе моменты политической борьбы, когда справка о недавнемъ прошломъ должна стоять у всѣхъ передъ глазами. Необходимость въ подобномъ изданіи ощущается въ настоящее время тѣмъ сильнѣе, что, благодаря цензурнымъ стѣсненіямъ, не было возможности своевременно опубликовывать документы и изслѣдованія, касающіеся именно освободительнаго движенія, и исторія послѣдняго имѣла наполовину видъ преданія, какъ бы завѣта, передававшагося изъ одного поколѣнія въ другое, и только урывками или сквозь призму условностей и недомолвокъ проникала на страницы печати, оставляя неудовлетвореннымъ чувство законной общественной любознательности и стремленія къ правдѣ. Вотъ какъ опредѣляетъ свои задачи новое изданіе: „Познаніе настоящаго немыслимо безъ познанія прошлаго,— „былого",—а велики ли въ нашемъ обществѣ матеріалы для такого познанія? Развѣ самодержавно-полицейскій строй не напрягалъ всѣхъ своихъ силъ, чтобы лишить общество этого познанія, развѣ доступны и въ настоящее время даже для спеціалистовъ многочисленные правительственные тайники, въ которыхъ хранятся сокровища прошлаго нашего освободительнаго движенія, и развѣ, благодаря все тѣмъ же условіямъ, все тому же отсутствію свободы и неприкосновенности личности, много у насъ найдется лицъ, которыя вели бы дневники и записки о тѣхъ событіяхъ, участниками или свидѣтелями которыхъ сдѣлала ихъ судьба? Да, познаніе прошлаго нашего освободительнаго движенія — дѣло нелегкое. Нелегкое, но не невозможное. Коллективными усиліями можно и должно побѣдить препятствія, и къ этой-то совмѣстной работѣ и зоветъ „Былое" всѣхъ участниковъ движенія, всѣхъ владѣльцевъ цѣнныхъ документовъ, всѣ, посвященныя этому дѣлу, научныя силы, всѣхъ, кому есть о чемъ повѣдать родной странѣ".

Несмотря на то, что въ этой книжкѣ собраны статьи и матеріалы, относящіеся къ различнымъ періодамъ и сторонамъ общественнаго развитія, они во всемъ своемъ объемѣ производятъ довольно цѣло-

стное впечатлѣніе и отмѣчаютъ какъ бы отдѣльные моменты идеи наростанія политическаго самосознанія въ обществѣ. Теоретическимъ введеніемъ служитъ сдѣланная В. И. Семевскимъ сжатая, но мѣткая характеристика основныхъ пунктовъ въ развитіи вопроса о преобразованіи государственнаго строя Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка. Здѣсь только часть статьи г. Семевскаго, но и изъ нея читатель выноситъ наглядное впечатлѣніе, съ какимъ трудомъ совершается процессъ освободительной борьбы, начавшейся робкими попытками внушить правительству мысль о необходимости ограничить произволъ единодержавія и противопоставить деспотическимъ наклонностямъ монарха аристократическую олигархію или, позже, безвластные совѣщательные органы. Читатель съ большимъ интересомъ прочтетъ тѣ страницы, гдѣ изложена судьба благороднѣйшихъ стремленій человѣческаго ума, направленныхъ на то, чтобы доказать просвѣщеннѣйшей изъ русскихъ государынь, что—„нѣтъ истиннаго монарха, не можетъ быть истиннаго законодателя, кромѣ народа“. Если самъ народъ будетъ составителемъ законовъ, то будетъ почитать ихъ, повиноваться имъ и защищать ихъ. Это говорилъ еще Дидро въ своихъ замѣчаніяхъ по поводу Екатерининскаго Наказа; это же говорили Екатеринѣ и умнѣйшіе русскіе люди. Но ей, какъ это было и впослѣдствіи, эти благія внушенія представлялись „просто болтовней“, тѣми безплодными мечтаніями, въ которыхъ, замѣтимъ, воплотились наиболѣе завѣтныя надежды достойнѣйшихъ сыновъ родины, ихъ пламенная готовность самопожертвованія, ихъ геройскій пылъ патріотическаго экстаза. Императрица Екатерина—прообразъ русскаго самодержавія вообще въ его наиболѣе сознательной формѣ. Она понимала свое положеніе и не долго была на границѣ между „деспотическимъ“ произволомъ и признаніемъ законной народной воли. Или государство мнѣ служитъ, или я служу государству—другого выхода быть не могло. „Если бы мой Наказъ былъ составленъ во вкусѣ Дидро,—говорила Екатерина,—онъ могъ бы опрокинуть все вверхъ дномъ“. Коренное измѣненіе способовъ управленія государствомъ составило одну изъ задачъ освободительнаго движенія. Одни, какъ извѣстно, пытались разрѣшить ее путемъ мирной эволюціи, путемъ просвѣщенія, культуры, указаніемъ на законы исторической послѣдовательности и логику событій. Другіе не видѣли иного исхода, кромѣ того, который представлялся въ непримиримой ожесточенной борьбѣ. Возвращаясь къ статьѣ г. Семевскаго, замѣтимъ, что въ числѣ преобразовательныхъ проектовъ екатерининской эпохи авторъ останавливается на весьма любопытной запискѣ С. Е. Десницкаго, навѣянной собраніемъ коммиссіи для составленія новаго уложенія (печатается въ „Запискахъ“ I-го и III-го Отд. Акад. Наукъ).

Г. Семевскій съ особенной подробностью останавливается на либеральныхъ проектахъ Сперанскаго, отвѣчавшихъ тому образу мыслей, къ которому склонялся, повидимому, въ первую половину своего царствованія императоръ Александръ I, но судьба записки Сперанскаго и постигшая вскорѣ его самого участь показали, насколько поверхностны, непослѣдовательны и неискренни были увлеченія Александра I идеей основать истинное благоденствіе народовъ на милости, справедливости и разумѣ. Записки Мордвинова и Новосильцова были уже значительно блѣднѣе проекта Сперанскаго и соотвѣтствовали тому обнаруженію истиннаго характера государя, который уже открывалъ въ Александрѣ I мрачныя перспективы весьма сомнительной дружбы съ просвѣщеніемъ и аракчеевской диктатуры.

Читатели съ нетерпѣніемъ будутъ ожидать продолженія работы г. Семевскаго.

Первымъ знаменательнымъ актомъ политической борьбы было событіе, связавшееся въ исторіи съ датою 14 декабря. Въ послѣднее время появилось много цѣнныхъ документовъ, относящихся къ этому событію, и уже начинаютъ появляться работы обобщающаго характера. Таковою можетъ почитаться и статья П. Е. Щеголева о П. Г. Каховскомъ, личность котораго сравнительно съ другими декабристами оставалась дѣйствительно мало освѣщенной. Но первостепенный интересъ пріобрѣтаютъ матеріалы, относящіеся къ освободительному движенію ближайшихъ къ намъ десятилѣтій. Помимо чисто-историческаго значенія, сколько въ нихъ истинно-человѣческаго, глубоко-трагическаго, сколько величайшихъ проявленій самоотверженія въ титанической борьбѣ съ желѣзными оковами русской дѣйствительности! Какой сюжетъ для міровой героической эпопеи!

Поистинѣ хочется думать, что это не близкая намъ жизнь, но средневѣковая поэма, созданная демоническимъ воображеніемъ полубезумнаго поэта. Картины, словно нарочно придуманныя для возбужденія трагическаго ужаса, неотступно преслѣдуютъ читателя. Прологъ—русская жизнь второй половины девятнадцатаго вѣка, бурная, мрачная, съ меркнущей полоской зари на горизонтѣ, стихійно нестройная, страждущая и жаждущая свободы. Картина первая—лучшіе представители интеллигенціи, цвѣтъ русской молодежи идетъ добровольно во имя стремленія къ свободѣ и правдѣ на долгіе годы заточенія, на ссылку въ безпросвѣтныя тундры отдаленной Сибири, на смерть; кругомъ раздается зловѣщее шипѣнье доноса и сыска, скрипятъ перья въ канцелярскихъ застѣнкахъ, созданныхъ для уловленія крамолы, и грубая полицейская рука забирается въ завѣтнѣйшіе уголки человѣческой души, циничный полицейскій взоръ пробѣгаетъ по милымъ строкамъ дружескаго письма... Одного упоминанія, одного

имени достаточно, чтобы вырвать общественнаго дѣятеля изъ родной среды, лишить его семьи и близкихъ, а общество—полезнаго работника,—и посадить его въ тюрьму... Такъ было съ Н. Г. Чернышевскимъ, арестованнымъ по упоминанію его имени въ письмѣ Герцена къ Серно-Соловьевичу. Это письмо напечатано М. К. Лемке въ разбираемой книгѣ „Былого". „Изъ отношенія главноуправляющаго III-мъ отдѣленіемъ къ предсѣдателю экстренно высочайше учрежденной слѣдственной коммиссіи, кн. А. Ѳ. Голицыну, отъ 9 іюля видно,—говоритъ г. Лемке,—что упоминаніе имени Чернышевскаго въ письмѣ Герцена и было причиной ареста перваго, а не анонимное письмо, о которомъ говорили потомъ и даже упоминалось въ сенатскомъ опредѣленіи". Забытый нынѣ писатель М. И. Михайловъ привезъ изъ заграницы сочиненное совмѣстно съ Герценомъ обращеніе къ молодежи, гдѣ говорилось о необходимости объединенія и дружной совмѣстной работы во имя спасенія родины,—и вотъ его постигаетъ суровый приговоръ—его ждетъ крѣпость, каторга и преждевременная смерть. Изъ крѣпости Михайловъ шелъ навстрѣчу роковому будущему самоотверженно и бодро. Замѣтка „Былого", посвященная ему, сохранила трогательное стихотвореніе, оставленное Михайловымъ молодежи въ отвѣтъ на ея горячій привѣтъ. Тамъ говорилось:

Крѣпко, дружно васъ въ объятья
Всѣхъ бы, братья, заключилъ,
И надежды и проклятья
Съ вами, братья, раздѣлилъ.
Но тупая сила злобы
Вонъ изъ братскаго кружка
Гонитъ въ снѣжные сугробы,
Въ тьму и холодъ рудника.
Но и тамъ на зло гоненью
Вѣру лучшую мою
Въ молодое поколѣнье
Свято въ сердцѣ сохраню.
Въ безотрадной мглѣ изгнанья
Твердо буду свѣта ждать
И въ душѣ одно желанье,
Какъ молитву, повторять:
Будь борьба успѣшнѣй ваша,
Встрѣть въ бою побѣда васъ,
И минуй васъ эта чаша,
Отравляющая насъ!..

Такъ сильна была вѣра въ освободительный идеалъ, которой предстояло двигать горы... А жизни гасли, молодыя, честныя, полныя силъ и самоотверженнаго горячаго порыва, гасли, какъ звѣзды, посылая свои кроткіе, любящіе лучи темной народной массѣ.

Другая картина: пышный дворцовый залъ. Роковое засѣданіе

8 марта 1881 года. О немъ разсказываетъ „Былое“ со словъ одного изъ участниковъ. Можно себѣ представить, какъ напряженно бились сердца подъ блестящими мундирами сановниковъ, призванныхъ дать совѣтъ Государю, идти ли ему по новому пути, уже предначертанному его отцомъ и открывавшему еще отдаленныя, правда, но уже ясныя дали народной свободы, или остаться на прежней дорогѣ угнетенія и народнаго рабства. Отзвучали слова, очевидно, взволнованнаго императора. Рѣчь была за министрами. Обсуждалась конституція, или, вѣрнѣе, тѣнь конституціи по проекту Лорисъ-Меликова. Вялы были рѣчи защитниковъ ея, въ нихъ не было увѣренности въ успѣхѣ своей защиты, можетъ быть чувствовалось, что вопросъ уже предрѣшонъ. Одинъ только голосъ раздался смѣлѣе и убѣжденнѣе другихъ,—это былъ голосъ Д. А. Милютина. Онъ говорилъ о неувѣренности правительства въ проведеніи либеральныхъ реформъ въ прошлое царствованіе, когда великодушныя намѣренія искажались и благія предначертанія царя-освободителя не находили достойныхъ исполнителей и истолковывались въ превратную сторону. Послѣ блестящаго начала—„въ Россіи,—говорилъ Милютинъ,—все затормозилось, почти замерло, повсюду стало раздаваться глухое недовольство... Въ самое послѣднее только время общество ожило, всѣмъ стало легче дышать, дѣйствія правительства стали напоминать первые, лучшіе годы минувшаго царствованія. Передъ самой кончиной императора Александра Николаевича, возникли предположенія, разсматриваемыя нами теперь. Слухъ о нихъ проникъ въ общество, и всѣ благомыслящіе люди имъ отъ души сочувствовали. Вѣсть о предполагаемыхъ новыхъ мѣрахъ проникла и заграницу“... Не о широко развитой конституціи ратовалъ Милютинъ, но о скромномъ совѣщательномъ органѣ, при посредствѣ котораго доходило бы до государя слово о нуждахъ и дѣлахъ русскаго народа, необезличенное мертвящимъ бюрократическимъ духомъ, не посягалъ онъ и на полноту самодержавной власти, но, съ другой стороны, только въ прямомъ и честномъ голосѣ народныхъ представителей видѣлъ залогъ спасенія Россіи. Императоръ Александръ III перебилъ Милютина замѣчаніемъ, что императоръ Вильгельмъ предостерегалъ покойнаго государя отъ введенія представительнаго начала въ управленіи государствомъ. Теперь общество знаетъ, какую цѣну имѣли эти лицемѣрные совѣты Вильгельма, бывшаго орудіемъ политики желѣзнаго канцлера, но въ тѣ печальные дни, о которыхъ идетъ рѣчь, на нихъ опиралась вся сила реакціонной аргументаціи. Въ устахъ императора Александра III они обнаруживали и то, на чьей сторонѣ были его личные симпатіи и взгляды. Это почувствовалось сторонниками реакціи, и рѣчи ихъ полились увѣреннѣе и тверже. Особенно выдѣлился Побѣдоносцевъ въ своей рѣчи, ставшей отнынѣ достояніемъ

исторіи. Эта рѣчь замѣчательна своимъ тлетворнымъ духомъ ненависти и злобы ко всему, что пассивно или активно могло бороться съ политикой угнетенія и мрака; она замѣчательна своей лживостью, клеветническимъ извращеніемъ фактовъ, прикрытіемъ іезуитской личной преданности государю. Онъ предлагалъ—и никто не отмѣтилъ явнаго несоотвѣтствія между его скорбью о почившемъ государѣ и несочувствіемъ всему направленію его дѣятельности—задушить все, чѣмъ красна была освободительная эпоха шестидесятыхъ годовъ, все—земство, новые суды, печать,—все это представлялось ему лишь сплошной „говорильней", только мѣшавшей желѣзной централизованной власти пресѣкать, направлять, опекать и благодѣтельствовать по своему вдохновенію и произволу.

Чашка вѣсовъ склонилась въ его сторону. Внутренняя политика была предуказана.

Картина третья—передъ вами казематы Шлиссельбурга. Унылая сѣверная природа, мрачныя стѣны, узенькія окна камеръ, часовые, жандармы — и все мертво, казенно, молчаливо. Въ узкихъ и темныхъ камерахъ томятся второй десятокъ лѣтъ оторванные отъ всякихъ связей съ міромъ живыхъ людей, дѣятели русской революціи, фанатики идеи, смѣлые идеалисты, мечтатели. Какъ они живутъ, о чемъ думаютъ, чѣмъ спасаютъ себя отъ умственной и моральной смерти, чѣмъ поддерживаютъ себя въ полной безнадежности своего существованія? На страницахъ „Былого" напечатанъ дневникъ одного изъ подобныхъ узниковъ, М. Ю. Ашенбреннера. Читая этотъ эпически-спокойный разсказъ, не хочется вѣрить, чтобы онъ могъ принадлежать человѣку, проведшему въ казематѣ двадцать лѣтъ лучшей поры своей жизни. Кучка людей, долгое время сносившаяся между собой только при посредствѣ толстой крѣпостной стѣны, старалась спасти себя отъ безумія, уже постигшаго многихъ изъ одинокихъ плѣнниковъ, усиленной работой, чтеніемъ, физическимъ трудомъ. Они и въ тюрьмѣ боролись съ правительствомъ въ лицѣ комендантовъ и сторожей, и такъ какъ ихъ гибель не входила въ виды департамента полиціи, то иногда и одерживали побѣды. Имъ удалось завести мастерскія, огороды, парники. О перемѣнахъ въ общественныхъ теченіяхъ и въ правительствѣ они догадывались по обращенію съ ними комендантовъ, руководимыхъ предписаніями свыше, да по посѣщеніямъ начальственныхъ лицъ. Соотвѣтственнымъ образомъ они испытали на себѣ и эпоху довѣрія, и режимъ Сипягина и Плеве. Мѣры администраціи, направлявшіяся къ стѣсненію узниковъ, были по большей части безсмысленны и жестоки. Иногда онѣ принимали видъ заботъ, и тогда на нихъ ложился отпечатокъ своеобразнаго трагическаго курьеза. Такъ, департаментъ заботился о нервахъ заключен-

ныхъ и запрещалъ къ выдачѣ сочиненія Достоевскаго, игнорируя въ то же время присутствіе между ними умалишенныхъ. Къ концу ихъ пребыванія имъ пришлось потѣсниться, извнѣ прибывали новые узники и подъ нихъ отвели мастерскія и помѣщенія, гдѣ прежде можно было сойтись и вести бесѣду. Однажды же ночью спѣшно во дворъ старой тюрьмы притащили бревна и соорудили висѣлицу,—и на слѣдующее утро заключенные догадались, что здѣсь, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, навсегда перестало биться однозвучно съ ними настроенное сердце—это былъ Балмашевъ... Исторія пишется теперь гораздо быстрѣе, чѣмъ прежде, и среди матеріаловъ переживаемаго нами времени записки Ашенбреннера займутъ почетное мѣсто. Онѣ будутъ сопричислены къ доказательствамъ той неумолимой логики судьбы, по которой ни одинъ правительственный режимъ съ его тюрьмами, висѣлицами, каторгами не могъ еще сломить геройской непоколебимости незамѣтныхъ работниковъ освобожденія, когда на сторонѣ послѣднихъ правда жизни.

И много еще другихъ картинъ рисуютъ намъ страницы „Былого" въ статьяхъ г-жи Гуревичъ и г. Бурцева, но изображаемые здѣсь факты и событія такъ современны намъ, такъ связаны живыми кровными нитями съ тѣмъ, что мы переживаемъ, что на нихъ тяжело останавливать вниманіе читателя. Пусть и они останутся тѣми же итогами роковой правительственной ошибки—вести народныя массы въ сторону обратную той, куда ведетъ ихъ законъ исторической необходимости, куда призываютъ наиболѣе жизненные интересы, откуда свѣтятъ идеалы общечеловѣческой справедливости, равенства и братства. Въ этихъ итогахъ—вся современная жизнь, въ ея картинахъ и образахъ полныхъ мрака и ужаса. А эпилогъ напишется завтра.

III.

— **История города Харькова за 250 лѣтъ его существованія (съ 1655-го по 1905-й годъ). Историческая монографія проф. Д. И. Багалѣя и Д. П. Миллера. Съ планами и рисунками. Изданіе Харьковскаго городского общественнаго управленія. Томъ первый (XVII—XVIII вв.). Харьковъ, 1905.**

Этотъ прекрасный трудъ по изученію одной изъ областей нашей родины долженъ остановить на себѣ самое серьезное вниманіе, какъ ученыхъ, такъ и большой читающей публики. Первые признаютъ важность цѣлаго ряда изслѣдованій, произведенныхъ на основаніи многочисленныхъ неизданныхъ источниковъ; вторые найдутъ въ этомъ обширномъ трудѣ много занимательныхъ картинъ частью исчезнувшаго, частью исчезающаго быта и историческихъ событій. Настоя-

щій, первый, томъ обнимаетъ XVII и XVIII вѣкъ и захватываетъ всѣ стороны городской жизни въ старый казацкій періодъ и затѣмъ въ эпоху послѣдовавшей за нимъ реформы, когда древнія бытовыя черты стали, подъ ея вліяніемъ, сглаживаться и нивеллироваться.

Открываясь повѣствованіемъ объ основаніи Харькова, около половины XVII вѣка, легендарнымъ казакомъ Харько (просторѣчивое прозвище отъ Харитона), книга охватываетъ, въ числѣ прочихъ, вопросы о старинной топографіи Харькова, составѣ и движеніи населенія, экономическомъ бытѣ (промыслы, ремесла и торговля), церкви и духовенствѣ, школѣ и образованіи, наукѣ, литературѣ, искусствѣ, наконецъ о бытѣ и нравахъ харьковскаго общества. Въ главѣ о наукѣ читатели найдутъ очеркъ жизни и богословско-философскаго міросозерцанія Г. С. Сковороды; его литературныя произведенія разсмотрѣны въ главѣ о литературѣ, въ связи съ разборомъ сочиненій Орновскаго, казака Климовскаго, Филипповича, Витынскаго; въ главѣ объ искусствѣ данъ очеркъ харьковскаго театра XVIII вѣка по воспоминаніямъ Г. Ѳ. Квитки.

Знакомя читателей съ исторіей работы, планомъ и матеріаломъ ея, Д. И. Багалѣй говоритъ: „По самой темѣ, нашъ трудъ долженъ былъ получить описательный характеръ, тѣмъ болѣе, что онъ основывается, главнымъ образомъ, на неизданныхъ матеріалахъ, которые нужно было вводить въ текстъ часто даже, можетъ быть, въ ущербъ легкости изложенія. Но, давая описанія, мы въ то же время заботились о томъ, чтобы не упустить изъ виду общей эволюціи жизни г. Харькова въ различные историческіе моменты—въ казацкій періодъ его существованія, въ эпоху реформъ, въ XIX вѣкѣ. Наша задача и заключалась въ томъ, чтобы дать понятіе о постепенномъ ростѣ города Харькова съ точки зрѣнія матеріальной, умственной и нравственной культуры. Эта задача обусловила и планъ настоящаго труда. Но нерѣдко намъ приходилось вступать въ область чистаго изслѣдованія, въ виду того, что многимъ вопросамъ нужно было давать впервые научную постановку и рѣшеніе. Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ представляютъ даже болѣе общій интересъ и рѣшеніе ихъ освѣтитъ кое въ чемъ съ одной стороны исторію Слободской Украйны, а съ другой — исторію русскихъ городовъ XVII, XVIII и XIX вв.“. Авторъ справедливо полагаетъ, что его книга, будучи вполнѣ ученымъ трудомъ, по своему изложенію можетъ быть доступна и среднему читателю, особенно изъ лицъ, связанныхъ съ Харьковомъ; имѣя послѣднюю цѣль, составители сохранили—и это послужило только на пользу книги—и такія мелкія черты прошлаго (напримѣръ, имена жителей), которыя могли бы быть опущены въ изданіи, преслѣдующемъ спеціальныя научныя цѣли.

Особое вниманіе удѣляютъ составители вопросу о тѣхъ племенныхъ, бытовыхъ и культурныхъ чертахъ, изъ которыхъ складывалась національная физіономія коренныхъ насельниковъ Харькова. Останавливаясь на этнографическомъ и соціальномъ населеніи Харькова и проводя параллель между великорусскими и малорусскими элементами, авторъ изслѣдуетъ бывшія въ его рукахъ и, по его замѣчанію, „можетъ быть, не совсѣмъ точныя", статистическія данныя о числѣ жителей въ Харьковѣ въ первый періодъ его существованія. „Эти данныя,—говоритъ онъ,—даютъ только подробныя свѣдѣнія о великорусскихъ жителяхъ Харькова, потому что воеводы интересовались главнымъ образомъ ими, а малорусскіе поселенцы находились не въ ихъ вѣдѣніи, а подъ управленіемъ своихъ полковниковъ и имѣли свой особый соціальный строй, непохожій на таковой же строй населенія Московскаго государства. Изъ приведенныхъ цифръ видно, что и число, и составъ проживавшаго въ Харьковѣ великорусскаго служилаго класса часто, можно даже сказать постоянно, измѣнялся,—слѣдовательно, онъ не являлся въ такой мѣрѣ устойчивымъ, какъ малорусскій; то въ немъ преобладали дѣти боярскія, то казаки полковой службы, то рейтары и солдаты; число ихъ колебалось болѣе чѣмъ на 500%. И это понятно: великорусскіе служилые люди сводились сюда правительствомъ не для заселенія города, а для его обороны и защиты отъ внѣшней опасности, которая была не всегда одинакова. Истинными же „насельниками" считались поселенцы-малороссы, которые пришли сюда на вѣчное жительство, построили дома и крѣпость, распахали пашни и превратились въ полувоенный, полуземледѣльческій и промышленный контингентъ основного, постояннаго, осѣдлаго харьковскаго населенія. Правда, и часть великорусскихъ служилыхъ людей, имѣвшихъ женъ и семьи, остававшихся на мѣстѣ на болѣе или менѣе продолжительное время, должна была обзавестись своими домами и пашнями, но ихъ, повидимому, было, во-первыхъ, немного, а во-вторыхъ, положеніе ихъ не было достаточно устойчиво, потому что, въ виду военныхъ соображеній, этихъ „сведенцевъ" всегда могли перевести (и дѣйствительно переводили) въ другое мѣсто; а такъ какъ колонизація окраинъ въ теченіе XVII-го вѣка продолжалась безостановочно и требовала отъ центральнаго правительства все новыхъ контингентовъ, причемъ прежніе украинскіе города теряли свой чисто военный характеръ, переходили на болѣе мирное положеніе и, слѣдовательно, не нуждались уже въ столь значительныхъ, какъ прежде, военныхъ гарнизонахъ, то контингенты эти отличались большою подвижностью и постоянно передвигались, по распоряженіямъ разряднаго приказа, изъ одного мѣста на другое, изъ одного окраиннаго пункта въ другой. Впрочемъ, нужно сказать, что и малорусское населеніе также отли-

чалось тогда значительною подвижностью, источникъ которой однако былъ иного происхожденія: великорусскіе сведенцы передвигались по распоряженію правительства, а малорусскіе „сходцы“, т.-е. добровольные переселенцы, пользовались юридически правомъ вольнаго перехода и примѣняли это право на дѣлѣ въ очень широкихъ размѣрахъ. Быть можетъ, этимъ и объясняются отчасти тѣ колебанія въ численности малорусскаго населенія, которыя отмѣчены приведенными выше документами, хотя весьма вѣроятно, что въ этихъ послѣднихъ есть пробѣлы, которые существеннымъ образомъ вліяютъ на самыя цифры,— на ихъ уменьшеніе за извѣстные годы“.

Въ дѣйствительности населеніе Харькова состояло въ описываемый періодъ изъ двухъ основныхъ группъ: казаковъ полковой службы и мѣщанъ, которыхъ московскіе акты называли „черкасами городовой службы“; въ послѣднюю категорію входила и группа ремесленныхъ цеховъ, малороссійскій типъ которыхъ авторъ доказываетъ документальными данными.

Особенно цѣнной представляется намъ глава, рисующая бытъ и нравы стариннаго харьковскаго населенія. Изслѣдуя мелкія бытовыя черты на основаніи инвентарныхъ описаній нѣсколькихъ типичныхъ хозяйствъ, авторъ пытается намѣтить любопытныя, но мало замѣтныя черты перехода изъ формъ жизни рядового казачества и казацкой старшины въ моментъ зарожденія первыхъ проблесковъ сословной наслѣдственности, а также борьбу культурно-бытового преданія съ вліяніями, приходившими извнѣ. Пытаясь установить извѣстный типъ патріархальнаго экономическаго строя въ его по возможности чистомъ и цѣльномъ видѣ, авторъ сопровождаетъ эту попытку необходимой оговоркой: „Въ основѣ быта лежало натуральное хозяйство, которое и доставляло бо̀льшую часть продуктовъ, необходимыхъ для потребленія. Нѣкоторые изъ нихъ фигурируютъ и въ полковничьемъ домашнемъ обиходѣ: таковы—ковры, скатерти, платки, полотенца, чепцы, полотна, попоны, сабли, фурманы малороссійскаго издѣлія; это были предметы, завоевавшіе себѣ почетное мѣсто на харьковскомъ и вообще южнорусскомъ рынкѣ и находившіе себѣ сбытъ даже за предѣлами Слободской Украйны и Малороссіи. Мало того: мы встрѣчаемъ и образа малороссійскаго письма. Все это свидѣтельствуетъ объ устойчивости основного малорусскаго элемента въ харьковской культурѣ конца XVII и начала XVIII в., ибо онъ находилъ себѣ выраженіе и въ другихъ важныхъ сторонахъ тогдашней жизни—какъ матеріальной, такъ и умственной—напримѣръ, въ пищѣ, обычаяхъ (свадебныхъ и другихъ), воззрѣніяхъ и т. п. Но въ эту основную малорусскую стихію проникали и постороннія вліянія, находя отраженіе себѣ, между прочимъ, и въ бытовой обстановкѣ. У тѣхъ же харьковскихъ полковниковъ ин

находимъ русскія (т.-е. великорусскія) сѣдла, въ частности—тульскія пищали, ивановскія полотна, бѣлевскіе ножи, усольскія чарки и коробочки, польскіе ножи и ножики, стаканы, сѣдла, кареты, нѣмецкія сѣдла и пестрядь, и въ частности—шленскіе, т.-е. силезскіе погребцы, полотна, коляски, берлинскіе кортики, швабскія полотна, скатерти, салфетки; шведскіе стаканы; англійскія сукна, шотландскія пищали, голландскія скатерти, рукомойники, пистолеты, греческія сабли, турецкіе и персидскіе ковры, полотенца, сабли, пищали, луки, шлемы, ножи, сѣдла, сафьяны, шатры; китайскіе шолкъ, ножи, завѣсы. Всѣ эти посторонніе вліянія распредѣлялись болѣе или менѣе равномѣрно, и мы не можемъ сказать, чтобы одному изъ нихъ принадлежало руководящее значеніе. Въ этомъ мы видимъ наиболѣе характерную особенность жизни высшаго слоя харьковскаго общества въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка. Впослѣдствіи обстоятельства измѣнились: харьковскія ярмарки, на которыхъ прежде доминировали иностранные товары,—что̀ находилось въ соотвѣтствіи съ отмѣченною мною основною чертою харьковской культуры—сдѣлались проводниками главнымъ образомъ великорусскихъ издѣлій и товаровъ"...

Евг. Л.

IV.

— Мартыновъ, С. В.—Печорскій край. Очерки природы и быта, населеніе, культура, промышленность. Спб. 1905.

Забытая, заброшенная сѣверная окраина, года три-четыре назадъ, въ приснопамятныя времена режима Плеве, неожиданно привлекла къ себѣ вниманіе министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ удобное и обширное пространство для административной колонизаціи полярныхъ тундръ лицами, не отличавшимися благонадежностью въ образѣ политическаго мышленія. Сотни и тысячи людей по мановенію волшебнаго жезла принуждены были увидѣть мѣста, по истинѣ не столь отдаленныя, но и весьма мало привлекательныя для лицъ, любящихъ совершать путешествія по доброй волѣ и въ добромъ расположеніи духа; тѣмъ не менѣе, не было худа безъ добра и въ этомъ, нѣсколько насильственномъ со стороны правительства, снаряженіи многочисленныхъ образовательныхъ экскурсій для изученія флоры и фауны побережій Ледовитаго океана. Конечно, дѣло не обошлось безъ жертвъ, и далеко не всѣ подневольные интеллигентные и неинтеллигентные посѣтители сѣвера вернулись и возвращаются на родину: одни не перенесли тоски одиночества, другихъ заѣла цынга, третьи пали въ

борьбѣ съ голодомъ и стужей. Но тѣ, кто устояли, не могли не остановить своего критическаго взгляда на своеобразной заброшенной окраинѣ своей родины, которой они никогда не увидѣли бы внѣ влiятельной сферы „независящихъ обстоятельствъ"; многiе изъ нихъ отнеслись съ живымъ и глубокимъ интересомъ къ тѣмъ условiямъ, въ которыхъ можетъ жить человѣкъ въ мрачной, негостепрiимной обстановкѣ безбрежныхъ и холодныхъ равнинъ, полугодовыхъ ночей, вѣчныхъ бурановъ и вьюгъ. Взору просвѣщеннаго и мыслящаго человѣка представилась картина необъятной по своей обширности страны, таящей въ себѣ огромныя сокровища, но лишенной той правительственной заботы, которая замѣнила бы практикующiеся нынѣ первобытные и хищническiе прiемы добыванiя и разработки—культурой и просвѣщенiемъ, мудрымъ закономъ и помощью всякой инициативѣ, направленной на благое, общеполезное дѣло. Вмѣсто этого, передъ объективнымъ изслѣдователемъ встаетъ совершенно иное: полная административная неосвѣдомленность и пренебреженiе къ насущнымъ духовнымъ и матерiальнымъ потребностямъ края, несознанность культурныхъ задачъ, отсутствiе творческаго порыва, не вытекающаго изъ грубаго своекорыстнаго побужденiя, безнаказанность насилiя и произвола, отсутствiе гласности, темнота народной массы, съ значительнымъ инородческимъ элементомъ,—все это кладетъ тяжелую печать на творческую самодѣятельность коренного населенiя сѣвера и еще болѣе усиливаетъ впечатлѣнiе одичалости и запустѣнiя страны, которая, при иныхъ условiяхъ, могла бы сдѣлаться одной изъ привольнѣйшихъ и богатѣйшихъ окраинъ. На такiя мысли наводитъ лежащая передъ нами книга, написанная однимъ изъ бывшихъ административно-ссыльныхъ, извѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ С. В. Мартыновымъ, и появившаяся въ свѣтъ такимъ образомъ лишь въ силу исключительныхъ обстоятельствъ, служащихъ нагляднымъ доказательствомъ серьезныхъ заботъ правительства объ изученiи бытовыхъ и культурныхъ условiй нашихъ отдаленныхъ областей.

Какъ видно изъ предисловiя, авторъ, высланный на сѣверъ за участiе въ воронежскомъ комитетѣ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, принялъ предложенiе архангельской казенной палаты совершить экспедицiю въ Печорскiй край для изслѣдованiя санитарно-бытового состоянiя этого края. Изъ записей его во время путешествiя и составилась настоящая книга. Но въ ней онъ далеко вышелъ за предѣлы первоначально намѣченной задачи и далъ обстоятельный и обширный очеркъ вообще матерiальнаго и духовнаго состоянiя края. „Дѣятель просвѣщенiя и культуры, — читаемъ мы въ предисловiи,—найдетъ въ книгѣ С. В. Мартынова богатый и разнообразный матерiалъ для указанiя путей и способовъ, при посредствѣ

которыхъ граждане великой обновляющейся Россіи могли бы распространить свою культурную работу и на оторванную пока и несправедливо забытую сѣверную окраину".

По содержанію книга распадается на семь главъ, изъ которыхъ, за „общими свѣдѣніями о Печорскомъ краѣ", отмѣтимъ: „бытъ населенія и его культурный уровень", „экономическія условія жизни населенія", „источники будущей промышленности Печорскаго края" и др. Текстъ иллюстрированъ рядомъ цинкографическихъ отпечатковъ съ путевыхъ фотографій.—W.

V.

— Н. А. Рубакинъ. Среди книгъ. Спб., 1906, стр. XVIII+184+330. Ц. 3 р.

Книга г. Рубакина, представляя „опытъ справочнаго пособія для самообразованія и для систематизаціи и комплектованія общеобразовательныхъ библіотекъ, а также книжныхъ магазиновъ"—не должна, казалось бы, останавливать на себѣ вниманіе общелитературнаго, не-спеціальнаго періодическаго изданія. Мы останавливаемся, однако, на ней, потому что въ основаніе „опыта справочнаго пособія" положены не спеціально библіографическія данныя и соображенія, а общія положенія о задачахъ и принципахъ образованія, о классификаціи явленій міра и науки. Поэтому содержаніе разсматриваемаго труда—и не только разсужденія автора о „теоріи подбора книгъ", но и его „примѣрный каталогъ общеобразовательной библіотеки", если не въ перечнѣ книгъ, то въ расположеніи и системѣ группировки книжнаго матеріала—не можетъ не заинтересовать и подлежитъ критической оцѣнкѣ образованнаго читателя вообще. Въ данной замѣткѣ мы, однако, не имѣемъ намѣренія подвергать капитальный трудъ Н. А. Рубакина критическому разсмотрѣнію. Мы едва найдемъ въ ней мѣсто для того, чтобы въ самыхъ общихъ чертахъ познакомить читателя съ основными принципами каталога автора.

Задача, поставленная себѣ Н. А. Рубакинымъ, состоитъ въ составленіи перечня книгъ, способныхъ удовлетворить по возможности всѣ запросы человѣка, стремящагося къ всестороннему самообразованію или образованію другого, въ расположеніи этого книжнаго матеріала въ каталогѣ такимъ образомъ, чтобы оно всего лучше соотвѣтствовало задачамъ и раціональнымъ пріемамъ образованія, равно какъ и нѣкоторымъ практическимъ запросамъ читателя, и въ подраздѣленіи книгъ на болѣе и менѣе популярныя. Изъ сказаннаго видно, что каталогъ г. Рубакина есть каталогъ рекомендательный, заключающій лишь тѣ книги, которыя заслуживаютъ вниманія читателя, и этимъ проекти-

руемая имъ библіотека отличается отъ библіотеки коммерческой, стремящейся отвѣтить на всякій запросъ читателя, хотя бы онъ исходилъ изъ побужденій анти-образовательнаго, такъ сказать, характера. Въ этотъ каталогъ авторъ нашелъ возможнымъ включить болѣе 7.000 названій въ числѣ 11 тысячъ томовъ. Эти 7.000 литературныхъ произведеній выбраны изъ 60 тысячъ „маломальски выдающихся книгъ", вышедшихъ на русскомъ языкѣ въ теченіе времени отъ 1825 до средины 1905 года и отмѣченныхъ авторомъ по разнообразнымъ библіографическимъ указателямъ. При выборѣ книгъ авторъ руководился какъ собственными соображеніями, такъ и рекомендаціями различныхъ пособій къ самообразованію и каталоговъ. Эта работа потребовала, конечно, большой затраты труда. Тѣмъ не менѣе, главной и оригинальной частью данной работы является расположеніе указанныхъ семи тысячъ книгъ въ каталогѣ, предлагаемомъ для пользованія читателя. Въ обыкновенномъ каталогѣ книги группируются частью по рубрикамъ наукъ, частью по произвольно составляемымъ отдѣламъ, а въ каждомъ отдѣлѣ онѣ слѣдуютъ въ алфавитномъ порядкѣ авторовъ или названій. Г. Рубакинъ отвергаетъ и то, и другое начало группировки: второе—совершенно, а первое—какъ главное или основное. Онъ находитъ, что группировка книгъ по общепринятымъ рубрикамъ наукъ очень грубо отвѣчаетъ цѣли классификаціи книгъ, какъ выраженія естественной связи явленій природы, и пытается болѣе систематичнымъ образомъ провести въ своемъ каталогѣ идею взаимозависимости явленій человѣка и внѣшней природы въ прошломъ и настоящемъ вселенной. Правильное систематическое образованіе человѣка должно идти въ извѣстной системѣ, опредѣляемой взаимозависимостью явленій, подлежащихъ изученію. Въ той же системѣ естественно расположить и книжный матеріалъ для такого образованія. Такое расположеніе матеріала, какъ естественное, легко усвоивается читателемъ и представляется, поэтому, весьма удобнымъ для пользованія какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда читатель имѣетъ намѣреніе идти въ чтеніи послѣдовательно по пути, указываемому каталогомъ, такъ и въ случаяхъ, когда изъ естественной цѣпи указанныхъ въ каталогѣ отдѣловъ онъ вырываетъ для изученія одинъ или просто ищетъ ряда книгъ, касающихся частнаго, интересующаго его предмета. Такое расположеніе книгъ въ каталогѣ крайне облегчаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и дѣло руководительства чтеніемъ со стороны библіотекарей,—задача, возлагаемая на нихъ авторомъ. Эту мысль о естественной, такъ сказать, группировкѣ книжнаго матеріала авторъ выражаетъ, говоря, что „библіотека должна быть книжнымъ отраженіемъ вселенной. Въ основѣ библіотечнаго состава должна лежать система наукъ, философская схема, распредѣляющая всѣ явленія міровой жизни въ извѣстной послѣдо-

вательности и порядкѣ... На основаніи классификаціи явленій природы должны быть классифицированы науки, а на основаніи этихъ послѣднихъ должны быть классифицированы книги“ (стр. VI). Въ основу своей классификаціи книгъ авторъ кладетъ классификацію наукъ Огюста Конта съ позднѣйшими ея исправленіями и дополненіями. „Эта классификація наукъ имѣетъ въ своей основѣ классификацію явленій природы по ихъ внутренней зависимости и связи. Классификація Конта развертываетъ передъ нами стройную и связную картину вселенной“ (стр. 61). Зависимость между различными категоріями явленій вселенной такова, что законы міра органическаго нельзя познать, если не изучены законы міра неорганическаго, а законы міра соціальныхъ явленій могутъ быть познаны лишь послѣ того, какъ будутъ констатированы законы органической и неорганической природы. Этотъ порядокъ познанія законовъ вселенной соотвѣтствуетъ порядку расположенія соотвѣтствующихъ явленій природы по степени ихъ простоты или общности; и явленія міра физическаго, какъ состоящія изъ наименьшаго количества элементовъ, могутъ быть изучаемы, такъ сказать, самостоятельно; тогда какъ явленія химическія, совершающіяся въ физической средѣ, сложнѣе явленій этой послѣдней и могутъ быть поняты лишь послѣ того, какъ будутъ познаны главнѣйшіе законы физики. На основаніи такого рода соображеній О. Контъ, какъ извѣстно, намѣтилъ слѣдующій рядъ абстрактныхъ (изучающихъ законы явленій) наукъ, расположенныхъ въ порядкѣ возрастающей сложности и убывающей общности изучаемыхъ имъ явленій: математика, астрономія, физика, химія, біологія и соціологія. Н. А. Рубакинъ пополнилъ и расширилъ эту классификацію и составилъ слѣдующую „схему научнаго отдѣла каталога“ общеобразовательной библіотеки: 1) Философія, какъ „общій и конечный выводъ изъ всѣхъ существующихъ наукъ“; 2) теорія познанія; 3) логика; 4) математика,—имѣющія „объектомъ своего изученія познающій разумъ, методы и орудія познанія“; 5) науки, изучающія космосъ, какъ единое цѣлое: астрономія; 6) науки, изучающія неорганическую природу: физика, химія; 7) науки, изучающія органическую природу: біологія, психологія; 8) науки, изучающія жизнь общественную въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ: соціологія. Эта схема обнимаетъ не только абстрактныя науки (какъ у Конта), но и конкретныя или описательныя и даже прикладныя (которыя авторъ, впрочемъ, выноситъ въ особый отдѣлъ). Согласно этой схемѣ, авторъ располагаетъ книжный матеріалъ не по общепринятымъ рубрикамъ наукъ, а по категоріямъ явленій, служащихъ предметомъ изученія. Въ рамкахъ этой схемы удобно размѣщаются книги, касающіяся всѣхъ явленій внутренней и внѣшней жизни человѣка и внѣшней природы,

потому что если не всякую книгу легко отнести къ общепринятымъ рубрикамъ наукъ, то всякая изъ нихъ касается того или другого явленія жизни человѣка или природы. При достаточномъ количествѣ подраздѣленій данная система каталога представляетъ большую легкость и для отысканія книгъ, интересныхъ въ томъ или другомъ отношеніи.

„Наша классификація, — говоритъ авторъ, — намѣчаетъ въ сущности рядъ областей мірозданія и около каждой области группируетъ нѣкоторый комплектъ наукъ или, точнѣе говоря, отдѣловъ научной и иной литературы" (стр. 83). Въ каждомъ отдѣлѣ расположеніе книгъ тоже слѣдуетъ опредѣленному порядку. Въ началѣ его указываются книги, дающія общее представленіе о предметѣ, общую картину отдѣла. Затѣмъ слѣдуютъ книги, знакомящія съ фактами данной области, а именно, съ ихъ систематикой и классификаціей, съ распредѣленіемъ ихъ въ пространствѣ, или ихъ географіей, и съ измѣненіемъ ихъ во времени, ихъ исторіей или эволюціей. За этимъ рядомъ книгъ слѣдуютъ книги, посвященныя теоріи или философіи данной отрасли знанія. Изъ сказаннаго видно, что въ системѣ автора „исторія" не играетъ роли отдѣльной отрасли знанія. Особо выдѣлена и поставлена впереди отдѣла о соціальныхъ явленіяхъ, какъ его введеніе, исторія человѣчества и отдѣльныхъ народовъ въ ея цѣломъ. Что же касается исторіи отдѣльныхъ областей жизни человѣка или міра—таковая помѣщается въ отдѣлахъ, посвященныхъ этимъ областямъ. „Исторію формъ не слѣдуетъ отдѣлять отъ изученія самыхъ формъ... Гдѣ есть формы, тамъ должна быть и ихъ исторія. Исторія формъ есть не что иное, какъ ихъ эволюція. Такимъ образомъ, объединяющей идеей всего каталога и связующимъ звеномъ всѣхъ его отдѣловъ является идея эволюціи" (стр. 86). Въ этомъ отношеніи отдѣльныя части каталога какъ бы повторяютъ схему, положенную въ основаніе послѣдняго, какъ цѣлаго, потому что послѣдовательность наукъ въ классификаціи О. Конта воспроизводитъ послѣдовательность въ развитіи міра: органическая природа явилась послѣ неорганической, а соціальная жизнь —позже органической.

Мы не имѣемъ мѣста для того, чтобы входить въ дальнѣйшія подробности составленія каталога общеобразовательной библіотеки и ограничимся нѣсколькими поясненіями относительно послѣдовательности крупныхъ его отдѣловъ. Свой каталогъ Н. А. Рубакинъ начинаетъ не съ самыхъ простыхъ и общихъ, а съ самыхъ сложныхъ явленій—соціальныхъ. И дѣлаетъ онъ это потому, что читатель, говоря вообще, больше интересуется человѣкомъ, чѣмъ внѣшней природой, и больше читаетъ книги, касающіяся перваго, нежели второй. Отдѣлу о человѣкѣ предшествуетъ, какъ его введеніе, исторія человѣчества,

послѣ которой слѣдуетъ детальный разборъ отдѣльныхъ сторонъ соціальной жизни, удовлетворяющихъ потребностямъ духовной и матеріальной жизни человѣка. Въ этой части каталога должны бы быть помѣщены, между прочимъ, книги, касающіяся эстетической и этической стороны человѣка; но по практическимъ же соображеніямъ эти книги указаны раньше всего; онѣ находятся во главѣ всего каталога.

Первый отдѣлъ каталога посвященъ беллетристикѣ (и другимъ изящнымъ искусствамъ) потому, что беллетристика имѣетъ наиболѣе читателей, и черезъ посредство именно беллетристики многіе читатели пріобщаются и къ серьезному чтенію. Беллетристика отдѣляется отъ массы другихъ литературныхъ произведеній еще тѣмъ, что она не только рисуетъ то, что̀ есть, но и то, что̀ должно бы быть; поэтому беллетристика даетъ начало публицистикѣ, гдѣ идея о томъ, что̀ должно быть, получаетъ болѣе ясное выраженіе. О должномъ же трактуютъ и произведенія по этикѣ. Беллетристика (изящныя искусства) съ критикой, публицистика и этика образуютъ поэтому нѣчто единое, отдѣляющее ихъ отъ того, что̀ можно считать объективной наукой, привлекаютъ къ себѣ наибольшее вниманіе читателей и играютъ огромную роль въ дѣлѣ образованія соціальнаго міросозерцанія читателя. На этомъ, между прочимъ, основаніи эти три области выдѣлены особо и поставлены въ началѣ каталога. За ними слѣдуетъ, какъ сказано выше, всемірная исторія, а за нею — книги, касающіяся отдѣльныхъ сторонъ соціальной жизни, въ слѣдующемъ порядкѣ: религія, народное образованіе и воспитаніе, семейный строй, строй политическій, юридическій и экономическій; строй матеріальной культуры и, наконецъ, соціологія, какъ теорія соціальной жизни. Каждый подотдѣлъ построенъ по плану, изложенному нами выше. Слѣдующій отдѣлъ, составляющій какъ бы промежуточную ступень между явленіями соціальнаго и органическаго міра, посвященъ человѣчеству въ его отношеніи къ окружающей природѣ и обнимаетъ книги по географіи человѣка, по этнографіи и антропологіи. Затѣмъ слѣдуетъ отдѣлъ органической природы, гдѣ послѣдовательно разсматриваются жизнь психическая, жизнь органическая, человѣкъ, животный міръ, міръ растеній, міръ бактерій и біологія, какъ теорія жизни. Отдѣлъ неорганической природы начинается книгами объ этой природѣ, какъ единомъ цѣломъ, и ея отношеніяхъ къ органическому міру. Затѣмъ слѣдуютъ: физическая географія, геологія, минералогическій составъ земного шара, матерія и ея превращенія (химія), силы природы, энергія и ея превращенія (физика). Затѣмъ идетъ космосъ или вселенная: астрономія и природа, какъ единое цѣлое. Этимъ заканчивается изученіе внѣшней природы, познаваемаго; но въ естественную систему входятъ еще два отдѣла каталога. Одинъ посвященъ

познающему разуму, т.-е. методамъ, орудіямъ и теоріямъ познанія, и обнимаетъ математику, логику и теорію познанія; другой посвященъ философіи, сводящей „къ одному всѣ отдѣлы науки и о познаваемомъ, и о познаваніи, о жизни и разумѣ, объ объектахъ и способахъ изслѣдованія".

Этимъ мы закончимъ, — не исчерпавъ однако предмета, — разсмотрѣніе новаго труда неутомимаго изслѣдователя запросовъ читателей, выступающаго теперь съ грандіозной попыткой вручить каждому читателю ключъ къ всероссійскому хранилищу идей, фактовъ и наукъ, заключающему отвѣты на его вопросы. Попыткой автора, конечно, не разрѣшаются всѣ вопросы даннаго рода. Она подлежитъ дальнѣйшей разработкѣ и со стороны системы группировки книжнаго матеріала, и въ отношеніи измѣненія и пополненія этого послѣдняго, и въ смыслѣ составленія примѣрныхъ каталоговъ библіотекъ для читателей разнаго образованія (такіе каталоги имѣются также въ разсматриваемомъ изданіи). Но первый и, какъ намъ кажется, весьма удачный шагъ сдѣланъ. Что же касается послѣдующаго, то всякій образованный человѣкъ можетъ внести свою лепту въ это дѣло, пользуясь каталогомъ и детально разсмотрѣвъ доступную его сужденію хотя бы мельчайшую частицу подраздѣленій послѣдняго. Слѣдующимъ, дополнительнымъ къ разсмотрѣнному, трудомъ автора явится указатель по всѣмъ книгамъ, вошедшимъ въ каталогъ, въ коемъ эти послѣднія будутъ распредѣлены соотвѣтственно отвѣтамъ на „наиболѣе существенные вопросы по всѣмъ отраслямъ знанія". Это дѣло требуетъ уже личнаго знакомства автора съ содержаніемъ всѣхъ этихъ книгъ, и такой громадный трудъ Н. А. Рубакинъ оказался въ состояніи выполнить благодаря тому, что цѣлыхъ тридцать лѣтъ жизни онъ провелъ около книгъ, въ библіотекѣ его матери, Л. Т. Рубакиной, научившей его „любить книгу и вѣрить въ ея непреоборимую и свѣтлую мощь". Памяти матери авторъ и посвящаетъ свой трудъ. — В. В.

Въ теченіе февраля мѣсяца поступили въ Редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Абраамъ, Г. — Сборникъ элементарныхъ опытовъ по физикѣ. Съ франц. п. р. Б. Вейнберга. Ч. II: Звукъ—Свѣтъ—Электричество—Магнетизмъ. Одесса. 906. Ц. 2 р. 75 к.

Анненскій, И. Ѳ.—Книга отраженій. Спб. 906.

Аріянъ, П. Н. — Первый Женскій Календарь на 1906 годъ. Годъ VIII. Медицинскій отдѣлъ п. р. проф. Н. И. Быстрова, со статьями врачей: В. Волькенштейнъ, Н. Печковской, А. Поповой и Б. Шапиро. Спб. 906. Ц. 1 р. 25 к.

Атлантикусъ.—Государство будущаго. Съ нѣм., п. р. М. Вернацкаго. Спб. 906. Ц. 45 к.

Багалѣй, Д. И., и *Миллеръ*, Д. Л.—Исторія города Харькова за 250 лѣтъ его существованія (1655 — 1905 г.г.). Съ планами и рисунками. Т. I: XVII—XVIII в.в. Харьк. 905.

Барсуковъ, Н.—Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. XX-ая. Спб. 906.

Б. М. М. К.—Голосъ совѣсти православнаго молодого человѣка. Спб. 905. Цѣна 12 к.

Бобылевъ, Д. — Потребительныя общества Пермской губерніи. Пермь. 905.

Булгаковъ, А.—Современныя передвиженія крестьянства. Спб. 905.

Вагнеръ, Ад.—Соціальный вопросъ. Спб. 905. Ц. 20 к.

Весeловскій, Алексѣй. — Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. 3-ье изд. М. 906. Ц. 1 р. 75 к.

Волжскій.—Изъ міра литературныхъ исканій. Сборникъ статей. Спб. 906. Цѣна 1 рубль.

Гагенъ, В. А.—Французскій законъ 14 іюля 1905 г. объ обязательномъ призрѣніи престарѣлыхъ, немощныхъ и неизлечимо-больныхъ. Спб. 906. Ц. 20 к.

Глѣбовъ, Н. Н.—Замѣтки объ искусствѣ администрированія. Спб. 906.

Гольоменъ.—Исповѣдь простого человѣка. Съ франц. А. Чеботарева. Спб. 906. Ц. 70 к.

Домова, Е.—Флоренція. II: Галерея Питти, Академія художествъ, Музей С. Марко и пр. Съ рис. и план. галерей. М. 905. Ц. 1 р.

Зворыкинъ, Н. Н.—Желательныя основанія крестьянскаго землеустройства. Спб. 906.

Исаевъ, А. А.—Забастовки. Спб. 906. Ц. 20 к.

Карабчевскій, Н. П.—Второе прибавленіе къ книгѣ „Рѣчи" (Дѣло б. студента москов. унив. Е. Сазонова, обвин. въ убійствѣ ст.-секр. Плеве, и рѣчь въ защиту Сазонова). Спб. 906.

Ключевскій, проф. В.—Курсъ русской исторіи. Ч. II. М. 906. Ц. 2 р. 50 к.

Кочановъ, А. В. — Къ вопросу о хирургическомъ леченіи опухолей толстыхъ кишекъ (кромѣ прямой). Спб. 906.

Купчинскій, Ф. П. — Въ японской неволѣ. Очерки изъ жизни русскихъ плѣнныхъ въ Японіи, въ г. Мацуями на о. Сикоку. Спб. 906. Ц. 3 р.

Лабріоле, Ант.—О соціализмѣ. Съ итальян. А. Колтоновскій. Спб. 905. Ц. 6 к.

Лебедевъ, А. И.—Въ помощь самообразованію. Н.-Новг. 906. Ц. 10 к.

Томанъ, А.—Объ избирательномъ законѣ 11-го дек. 1905 года, и Наброски проекта избирательнаго закона въ Россіи. Рига, 906. Ц. 20 к.

Мендельсонъ, д-ръ Ал. — Острое отравленіе алкоголемъ въ Петербургѣ и пріюты для вытрезвленія пьяныхъ. Спб. 906.

Мигулинъ, проф. П. П.—Русскій автономный, центральный, эмиссіонный государственный банкъ. Проектъ. Харьк. 906.

Мережковскій, Д. С.—Теперь или никогда. О церковномъ соборѣ. М. 906. Цѣна 20 к.

——— Грядущій Хамъ и пр. и пр. Спб. 906. Ц. 1 р. 25 к.

Невѣжинъ, П. М.—Грѣхи смысла. Повѣсти и разсказы. Спб. 906. Ц. 1 р.

Нижегородецъ.—Христосъ и церковь. М. 906. Ц. 12 к.

Николай Михаиловичъ, Великій Князь.—Дипломатическія сношенія между Россіей и Франціей, по донесеніямъ пословъ Императоровъ Александра и Наполеона. 1808—1812. Т.т. I, II и III. Спб. 905.

Подоба, Ѳ.—„Сердце и школа". Кн. I и II. М. 903. Ц. 1 р. 50 к.

Прохановъ, И.—Пѣсни христіанина. Сборникъ духовныхъ пѣсенъ. Спб. 906.

Ревуцкій, Н. — Передъ пришествіемъ Антихриста. Вѣтерокъ съ Тихаго океана. Спб. 906. Ц. 20 к.

Россіевъ, П.—На Дальнемъ Востокѣ. Очерки: Въ „Желтороссіи"; Опасныя мѣста; Праздникъ весны. М. 906. Ц. 15 к.

Рыжковъ, В.—Денщики. Спб. 906. Ц. 75 к.

Снарскій, А.—Государственный соціализмъ въ Россіи будущаго. Спб. 906. Цѣна 10 к.

——— Объ участіи народа въ государственномъ управленіи. Спб. 906. Цѣна 1 рубль.

Соколовъ, Н.—Фауна моллюсковъ Мандриковки. Спб. 905.

Станкевичъ, А. — Католическая церковь въ современномъ движеніи русскаго общества. Вильна. 906.

Ступинскій, И. В. — Къ вопросу о тренирующемъ дѣйствіи холодныхъ душей на теплообмѣнъ. Спб. 906.

С—ъ, А.—Экономическія недоразумѣнія. Спб. 905. Ц. 50 к.

Тихій, Н.—Каразинъ, В. Н., виновникъ учрежденія университета въ Харьковѣ. Харьк. 905.

Тихомировъ, Д. И.—О реформѣ духовной школы. Спб. 905. Ц. 60 к.

Тотоміанцъ, В.—Фурье и Кооперація. Спб. 905. Ц. 7 к.

Фихте.—Назначеніе человѣка. Съ нѣм. Л. М., п. р. Н. Лосскаго. Спб. 905. Цѣна 50 к.

Форстеръ, Арн.—Права и обязанности юнаго гражданина. Съ англ. А. Н. Рождественская. М. 906.

Хлапонинъ, А.—Геологическая карта Зейскаго золотоносн. района. Спб. 905.

Чернышевскій, Н. Г.—Полное собраніе сочиненій, въ 10 том., съ 4 портр. Т. VI: Современникъ 1860 г. Спб. 906. Ц. по подпискѣ за 10 том.—15 руб.

Швейцеръ.—Эмма, романъ. Перев. съ нѣм. Спб. 906. Ц. 1 р.

Янжулъ, И. И. — Забастовки или стачки рабочихъ и чиновниковъ, ихъ значеніе, критика и возможность ихъ замѣны. Спб. 906. Ц. 15 к.

Эдельштейнъ, Я.—Экскурсія по южной Манчжуріи. Спб. 906.

Fröberg, Th.—Lermontoff, als Uebersetzer deutscher Gedichte. Petersb. 905. Цѣна 50 к.

Riparsky, W.—Zur Krankheit Russlands und ihrer Heilung. Riga, 906.

— Библіотека „Свободная Россія": № 3. С. Фортунатовъ, Основныя начала англійской конституціи. Ц. 10 к.—№ 4. А. Максимовъ, Одна или двѣ палаты. Ц. 10 к.—№ 5. П. Милюковъ, Демократизмъ и вторая палата. Ц. 10 к.—№ 6. И. Петровскій, Всеобщее избирательное право и системы выборовъ. Ц. 10 к. —№ 7. И. Игнатовъ, Печать во Франціи въ прошломъ и настоящемъ. Ц. 20 к.— № 8. В. Короленко, Трагедія генерала Ковалева и нравы военной среды. Ц. 10 к. — № 9. А. Пругавинъ, Вопіющее дѣло (В. Рахова). Ц. 10 к. — № 10. И. Игнатовъ, Изъ исторіи рабочаго движенія во Франціи. Ц. 10 к. — № 11. М. Соболевъ, Экономическіе интересы и группировка политическихъ партій въ Россіи. Ц. 10 к. — № 12. Д. Самойловъ, Революція 48-го года во Франціи. Ц. 15 к.—№ 13. Изъ исторіи декабристовъ. Ц. 10 к. — № 14. Н. Бѣлоруссовъ, Изъ пережитого. Ц. 20 к. — № 15. М. Богословскій, Бытъ и нравы русскаго дворянства въ половинѣ XVIII в.—№ 16. А. Бѣлевскій, Земельный вопросъ и національзація земли. Ц. 20 к. — № 17. В. Якушкинъ, Крестьянская реформа 1861 г. и русское общество. Ц. 10 к. М. 906.

— Библіотека „Просвѣщенія": 6) Меринга, Объ историческомъ матеріализмѣ. Съ нѣм. И. Д. Ц. 15 к.—7) Гере, Пав., свящ., Какъ священникъ сталъ соціалъ-емократомъ. Съ нѣм. Б. Смирновъ. Ц. 6 к.—8) Курти, Т., Всенарод-

ное голосованіе въ Швейцаріи, съ нѣм. А. Л. Ц. 7 к.—9) Грейлихъ, Буржуазная революція и освободительная борьба рабочаго класса. Ц. 8 к.—10) Зелламанъ, Эдв., Экономическое пониманіе исторіи. Ц. 17 к. — 11) Менгеръ, Ант., Гражданское право и неимущіе классы населенія. Съ нѣм. Ц. 45 к. Спб. 906.

— „Библіотека юнаго читателя": 1) Н. Березинъ, Страна гранита и озеръ. Финляндія. Съ рис. Ц. 35 к. 2) М. Сабинина, На воздушномъ океанѣ. Ц. 20 к. 3) Н. Березинъ, Черезъ страну карликовъ. Ц. 25 к. 4) Эркманъ-Шатріанъ, Исторія рекрута, перев. Леонтьевой. Ц. 50 к. Спб. 906.

— Дѣвушки и женщины. Шекспиръ. По Гейне. Въ изложеніи И. М. Любомудрова. 2-ое дополненное изданіе съ рисунками и портретомъ Шекспира. Ковровъ, 906. Ц. 20 к.

— Журналы вятской губернской оцѣночной коммиссіи за 1903—1904 г.г.

— Книгоиздательство „Дѣло": 1) Дюпріе, Л., Государство и роль министровъ во Франціи. Съ франц. Е. Овсянникова, ц. 60 к. — 2) Ант. Менгеръ, Новое ученіе нравственности. Съ нѣм. М. Рейснеръ, ц. 30 к.—3) Левицкій, Ал., Выкупная операція, ц. 30 к. — 4) Дюпріе, Л., Государство и роль министровъ въ Пруссіи. Съ франц. Ип. Гельденбергъ, ц. 60 к. Спб. 906.

— Кругъ чтенія. Избранныя, собранныя и расположенныя на каждый день Львомъ Толстымъ мысли многихъ писателей объ истинѣ, жизни и поведеніи. Изданіе „Посредника", напечатанное подъ личнымъ наблюденіемъ Л. Н. Толстого. Т. I. М. 906. Ц. 1 р. 60 к.

— Наставленіе для обученія войскъ гимнастикѣ. Полевая гимнастика. 1879 года. Спб. 905. Ц. 40 к.

— Науковий Збірник, присьвячений профессорови Михайлови Грушевському учениками й прихильниками (1894—1904). У Львови, 906. Ціна 10 корон.

— Отчетъ Олонецкой Губернской земской Управы за 1903 годъ; — Журналы Олон. губ. зем. собранія сессій XXXVIII-й очередной 10—29 янв. 1905 г. и Чрезвычайной 26—27 мая 1905 г. Петрозав. 905; — Доклады Олон. губ. зем. упр. Очередному губ. зем. собранію сессіи 10—29 янв. 1905 г., и Чрезвычайному 26—27 мая 1905 г.;—Журналъ постоянной ревизіонной Коммиссіи. Петрозаводскъ, 905.

— Посильная помощь. Сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. М. 906. Ц. 2 р.

— Рѣчь Робеспьера. Всеобщая подача голосовъ. Съ предисловіемъ С. Южакова. Спб. 906. Ц. 10 к.

— Сборникъ матеріаловъ по оцѣнкѣ земель Вятской губерніи. Т. II: Орловскій уѣздъ. Т. III: Слободской уѣздъ. Вятка, 905.

— Сборникъ постановленій земскихъ собраній Новгородской губерніи за 1904 г. Т.т. I и II. Новг. 905.

— Собраніе стихотвореній декабристовъ. Т. I: Рылѣевъ, Одоевскій, Бестужевъ (Марлинскій), Батенковъ. Съ портретами, біограф. очерками и литерат. указателемъ. М. 906. Ц. 3 р.

— Статистическій Ежегодникъ Тверской губерніи за 1903 - 4 г.г. Вып. II: Общеэкономическій отдѣлъ. Тв. 906.

— Страхованіе рабочихъ. Отд. I: Страхованіе на случай болѣзни въ Германіи и въ Австріи. Обраб. Е. М. Дементьевъ. Спб. 906.

— Труды съѣзда представителей городскихъ кредитныхъ обществъ. Т. I: Сборникъ матеріаловъ и журналы общихъ собраній съѣзда. Т. II: Стенографическій отчетъ. Обраб. и изд. А. Голубевъ. Спб. 905.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Gerhardt Hauptmann. „...Und Pippa tanzt". Ein Märchen. Berlin, 1906. (S. Fischer Verlag).

Взрослые не любятъ сказокъ, потому что сказки какъ бы насилуютъ нашъ разумъ, заставляютъ отказаться отъ пріобрѣтеній положительной науки во имя чудесъ, въ которыя мы не вѣримъ и не можемъ вѣрить. Природа для насъ вовсе не полна добрыхъ и злыхъ духовъ, высшихъ и низшихъ, властныхъ надъ стихіями и людьми. Мы видимъ, что она управляется законами и силами; ихъ мы изучаемъ, имъ сознательно подчиняемся и гордимся тѣмъ, что знаемъ, знаемъ очень много, будемъ знать еще больше,—а фанатики разума скажутъ пожалуй, что будемъ знать все. Такъ зачѣмъ же намъ сказки съ ихъ наивными чудесами? Онѣ годны лишь для первобытнаго человѣчества и для нашихъ еще незнающихъ дѣтей. А всетаки мы ничего не жаждемъ такъ, какъ сказокъ и чудесъ. Но сказки должны говорить намъ не о томъ, чей голосъ слышенъ въ бурѣ и кто глядитъ на насъ со дна морей и рѣкъ,—а о томъ, что̀ спитъ въ нашихъ душахъ, среди интересовъ, радостей и печалей нашихъ будней, и что̀ просыпается и сознаетъ себя, когда мы начинаемъ слушать наши желанія.

Въ наше время явились новые сказочники, сочетающіе нашу потребность жизненной правды, непримиримаго реализма, съ желаніемъ внутренняго чуда, т.-е. откровенія исключительно въ области духа. Своеобразное творчество этихъ сказочниковъ обаятельно для насъ. Оно не требуетъ никакихъ жертвъ отъ нашего разума, не нарушаетъ условій реальнаго бытія. Напротивъ того, оно избираетъ самыя привычныя, самыя обыденныя внѣшнія рамки жизни. Но оно преображаетъ кажущуюся будничность, раскрываетъ чудо каждой живой души въ ея глубокихъ переживаніяхъ,—и это чудесное, превращающее простую жизнь въ сказку, пріемлемо и отрадно для насъ.

Такія сказки пишетъ Гауптманъ. Мы всѣ знаемъ его „Ганнеле". Это вполнѣ реальная трагедія забитой дѣвочки, которая ищетъ спасенія въ добровольной смерти. Тутъ и нищета, и пьяный отецъ, и грубость безотрадной, жестокой дѣйствительности. А между тѣмъ „Ганнеле" по истинѣ волшебная сказка, въ которой совершается

чудо. Это чудо расцвѣтающей во мракѣ души: „Ганнеле“ достигаетъ полноты счастья и воплощаетъ полноту красоты, оставаясь для слѣпого міра самымъ жалкимъ существомъ на свѣтѣ. „Ганнеле“—сказка о торжествѣ духа, и въ художественныхъ поэтичныхъ образахъ Гауптмана вѣетъ дыханіе чудеснаго и сказочно истиннаго такъ же сильно, какъ въ сказкахъ, гдѣ происходятъ сверхъестественныя внѣшнія событія, дѣйствуютъ духи и феи, добрые волшебники и злые колдуны.

И во всѣхъ дальнѣйшихъ своихъ сказочныхъ драмахъ Гауптманъ задается все той же цѣлью: изобразить чудо душевнаго міра среди реальной правды внѣшнихъ событій. Чудесное въ этихъ сказкахъ выростаетъ изъ обыденно реальнаго и постепенно захватываетъ зрителей и слушателей, пріобщая ихъ къ внутренней правотѣ и торжеству—иногда незримому—духовной силы человѣка.

Такой же сказкой изъ міра реальной дѣйствительности является новая драма Гауптмана „А Пиппа пляшетъ“. Въ ней тоже представлены люди, подвластные своимъ инстинктамъ и страстямъ,—и въ ней тоже торжествуетъ идеализмъ творчески-свободной души; онъ торжествуетъ трагически, т.-е. ликуя внутренно, но погибая въ реальной дѣйствительности. Гауптманъ называетъ свою драму „сказкой со стекляннаго завода“ и переноситъ дѣйствіе въ опредѣленную жизненную среду, изображая ее пластично, съ подробностями житейской обстановки, съ діалектическими особенностями дѣйствующихъ лицъ. Но этотъ реализмъ служитъ и ему средствомъ углубить событія до ихъ скрытаго значенія, и драма становится тѣмъ самымъ символической.

Передъ нами, какъ въ „Ганнеле“, развертываются сначала вполнѣ жизненныя событія въ жизненной обстановкѣ, крайне реальной, рисующей грубую жизнь грубыхъ людей,—изъ которыхъ одни несчастны, другіе свирѣпы, а иные изнываютъ отъ будничной скуки. Дѣйствіе происходитъ въ заброшенномъ въ горахъ, на границѣ Силезіи и Богеміи, трактирѣ, гдѣ-то по близости отъ полу-разореннаго стекляннаго завода. Все, что тамъ происходитъ—чисто житейская драма людей, бьющихся въ тискахъ жизненной борьбы и сѣрыхъ будней. Тамъ рабочіе растрачиваютъ свои тяжко заработанные гроши, играя въ карты по ночамъ. Ихъ обыгрываетъ плутоватый итальянецъ; они знаютъ, что онъ мошенникъ, и все-таки отдаются соблазну. Тамъ, въ этой глуши, слышны отзвуки экономической борьбы, роковымъ образомъ связанной съ развитіемъ современной культуры: процвѣтаетъ крупный заводъ и гибнутъ старыя формы производства. Старый рабочій, привыкшій раздувать стекла силой своихъ легкихъ, кажется какимъ-то призракомъ отжившихъ временъ, и надъ его чудачествомъ

смѣются заводскіе рабочіе, когда онъ приходитъ, могучій и дикій, въ трактиръ и богатырски пьетъ, изумляя своихъ культурныхъ товарищей. Онъ самобытенъ въ своей до-культурной дикости; они же прошли черезъ нивеллировку культуры и возстаютъ согласнымъ хоромъ противъ его одинокаго голоса. Борьба двухъ культурныхъ наслоеній, экономическія отношенія въ заводской средѣ, бытъ рабочихъ, жизнь которыхъ состоитъ изъ непосильнаго труда и безудержнаго грубаго разгула, скучающій директоръ завода, который пріѣзжаетъ развлечься въ трактиръ, старикъ-рабочій со своей допотопностью — и „когда глядишь на старика“, говоритъ директоръ, „то не вѣрится, что есть на свѣтѣ Парижъ“,—все это изображено съ полной жизненностью въ началѣ драмы. Всѣ эти люди—понятные, знакомые до того, что отъ ихъ будничности, казалось бы, уже нечего и ждать. Но вдругъ среди нихъ возникаетъ чудо, которое въ каждомъ изъ нихъ будитъ все, о чемъ онъ до того не зналъ въ себѣ. Символомъ этого откровенія становится маленькая итальянская дѣвочка, Пиппа, дочь итальянскаго гравировальщика на стеклѣ, Тальяцони—того самаго, который обыгрываетъ рабочихъ въ кабачкѣ. Пиппа—такая же, какъ и всѣ. Она страдаетъ еще острѣе, чѣмъ другіе; она боится бури, холода и грубой силы. Она живетъ жизнью людей, но въ ней есть сила откровенія, непонятная для нея самой, сказывающаяся тогда, когда она пляшетъ и своей пляской будитъ людей и влечетъ ихъ за собою.

Всѣ художественные образы въ этой драмѣ сами собой раскрываютъ свой смыслъ. Ихъ не нужно толковать, какъ не нужно толковать самую жизнь, какъ чувствуются глубина и смыслъ всего живого, всего движущагося. Чтобы вполнѣ понять сказку Гауптмана, нужно почувствовать пляску Пиппы—понять, о чемъ она пляшетъ.

Это не загадка, хитро придуманная умомъ и имѣющая одну опредѣленную разгадку. Гауптманъ ясно показываетъ, какъ разно отзывается пляска Пиппы на людяхъ, которыхъ она увлекаетъ за собой, и этимъ онъ поясняетъ широкій смыслъ тайны, воплощенной въ безмолвныхъ движеніяхъ, которыми она славитъ жизнь и открываетъ истинную радость бытія.

По мѣрѣ того, какъ развивается фабула, мы видимъ нѣсколько опредѣленныхъ жизненныхъ типовъ, представленныхъ въ своего рода іерархіи отъ животно-грубаго до небесно-возвышеннаго. Каждый изъ нихъ проявляетъ себя на своемъ отношеніи къ пляшущей дѣвушкѣ. Прежде всего, мы видимъ отца Пиппы, типичнаго итальянскаго плута; онъ напоминаетъ итальянскихъ шарлатановъ изъ старинныхъ фарсовъ. Онъ мастеръ своего дѣла, и директоръ завода чрезвычайно имъ дорожитъ; онъ готовъ простить ему всѣ его плутни за его работу. У Пиппы есть связь съ художественнымъ талантомъ отца; она родомъ

изъ Италіи, страны, гдѣ творчество искусства преображаетъ жизнь въ царство мечты; итальянецъ даже точнѣе опредѣляетъ мѣсто рожденія Пиппы директору завода, говоря, что она родилась на родинѣ Тиціана, близъ Венеціи. Этимъ еще болѣе подчеркивается связь Пиппы съ искусствомъ. Но отношеніе итальянца Тальяцони къ его дочери указываетъ на самое грубое пониманіе счастья и радости жизни. Для своего отца Пиппа прежде всего—источникъ дохода. За ея пляску ему платятъ деньги, и онъ умѣетъ набивать цѣну сообразно со степенью возбуждаемаго ею интереса. Онъ готовъ позвать дочку танцовать среди ночи, когда этого требуетъ директоръ,—но лишь тогда, когда тотъ предлагаетъ очень высокую сумму. Пиппа приноситъ своему отцу счастье въ томъ видѣ, какъ онъ его понимаетъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря ей, онъ вполнѣ проявляетъ себя и гибнетъ такъ же грубо, какъ грубо жилъ и понималъ блага жизни. Онъ пользуется пляской Пиппы, чтобы тѣмъ легче передергивать въ картахъ, но его наконецъ накрываютъ давно обозленные противъ него рабочіе; начинается драка, итальянецъ вынимаетъ ножъ, убѣгаетъ изъ кабачка, рабочіе за нимъ гонятся, и раздающійся изъ лѣсу крикъ убитаго итальянца заканчиваетъ быстро свершающуюся судьбу грубой алчности, воплощенной въ отцѣ Пиппы. Дѣвушка остается одинокой, забываетъ о своемъ прошломъ—и пляшетъ объ иныхъ радостяхъ и иномъ счастьѣ другимъ искателямъ новыхъ жизненныхъ впечатлѣній.

Изъ изображенныхъ въ драмѣ типовъ наиболѣе близокъ къ среднему пониманію, наиболѣе буднично человѣченъ средній типъ житейскаго пессимиста, полу-скучающаго современнаго человѣка, отчасти эстета, но любящаго красоту на той ступени, когда она развлекаетъ, а не жжетъ; его одинаково страшатъ и пропасти, и горныя высоты. Этотъ типъ воплощенъ въ лицѣ директора стекляннаго завода. Ему нравится пляска маленькой итальянки, и онъ готовъ заплатить всѣ свои деньги, чтобы любоваться ею. Для него Пиппа—развлеченіе среди его пустого, ничѣмъ не озареннаго, но удовлетворяющаго его своей легкостью существованія. Онъ прозаически стремится къ обладанію Пиппой—и потому ея пляска не можетъ стать откровеніемъ для него. Онъ—пессимистъ и не можетъ удержать для себя то, что ему дорого, именно потому, что у него нѣтъ пламенныхъ желаній. Видя передъ собой людей, окрыленныхъ надеждой, онъ судитъ ихъ судомъ житейскаго благоразумія. Внимая свѣтлымъ грезамъ молодого идеалиста въ кабачкѣ, онъ еще болѣе укрѣпляется въ сознаніи своего превосходства и произноситъ свысока плоскія сентенціи о томъ, что смѣющійся утромъ, быть можетъ, будетъ горько плакать еще ранѣе, чѣмъ наступитъ вечеръ. И главное, чего

боится директоръ, такъ художественно воплощающій въ себѣ пессимизмъ толпы,—это сгорѣть на огнѣ несбыточныхъ желаній. Для того, чтобы жить и сохранить свою серединную, будничную правду жизни, онъ долженъ забыть мелькнувшую передъ нимъ Пиппу—искру непонятнаго для него огня.

Въ концѣ перваго дѣйствія, пользуясь суматохой, наступающей послѣ убійства итальянца, Пиппу похищаетъ старый дикарь рабочій. Директоръ до того огорченъ ея исчезновеніемъ, что ищетъ ее, страдаетъ и приходитъ къ старому мудрецу, живущему въ „божьей хижинѣ" на высотахъ горъ. Старецъ непонятенъ для него тѣмъ, что онъ постоянно витаетъ среди звѣздъ, „лѣтомъ и зимой, при всякой погодѣ, гуляетъ по млечному пути", какъ ему иронически говоритъ директоръ. Онъ съ нѣкоторымъ сарказмомъ говоритъ о завидной долѣ старца, не знающаго мірскихъ заботъ и погруженнаго въ свою заоблачную ученость. Ему искренно кажется, что тутъ должна царить скука, и когда мудрецъ доказываетъ ему, что нельзя понять нѣкоторыхъ красотъ и радостей, если не имѣешь соотвѣтствующихъ органовъ для воспріятія ихъ, то директоръ проситъ избавить его отъ скучныхъ поученій. Но все-таки за исцѣленіемъ отъ своихъ сердечныхъ мукъ онъ обращается къ этому же непонятному чудаку—и дѣйствительно исцѣляется. Старецъ показываетъ ему Пиппу и юношу, съ которымъ ее соединяетъ любовь. Директоръ радъ; онъ уходитъ успокоенный, такъ какъ неспособенъ ни на какое чувство, не сулящее немедленнаго удовлетворенія и осязательныхъ радостей. Онъ говоритъ съ Пиппой, видитъ, что для нея прошлое не существуетъ, что она не помнитъ, какъ онъ всячески оказывалъ ей вниманіе и приносилъ ей подарки, когда она жила съ отцомъ въ горномъ кабачкѣ. Она слишкомъ вся устремлена впередъ, слишкомъ поглощена невидимой далекой цѣлью, чтобы нравиться директору, которому понятенъ и пріятенъ только осязательный, воплощенный настоящій моментъ. Мудрецъ исцѣлилъ его, показавъ ему недосягаемость для его будничной души неуловимо сверкающаго высшаго счастья—и онъ уходитъ исцѣленный. Но то, что ему кажется исцѣленіемъ, есть на самомъ дѣлѣ глубокое погруженіе въ безнадежный и безцѣльный покой.

Два другихъ начала жизни — то, что на днѣ ея и то, что надъ нею,—воплощены въ двухъ сказочныхъ образахъ—сказочныхъ потому, что отдѣльныя реальныя черты сгущены въ нихъ съ одной стороны до чудовищности, съ другой—до надземности. Это два человѣка, борющіеся за обладаніе Пиппой, одинаково завороженные ея пляской; она для нихъ — не развлеченіе, какъ для скучающаго эстета, а то, за что они готовы отдать жизнь и отдаютъ ее. Сказочное чудовище—это старый рабочій Гунъ. Онъ воплощаетъ стихійную жадность, низ-

шую силу человѣка, но уже не торжествующую, а зараженную жаждой претвориться въ человѣческое. Это не слѣпая побѣдная сила земли, а трагически сознательное стремленіе къ богопониманію черезъ побѣду надъ стихійнымъ началомъ плоти. Таковъ сильный образъ жаднаго старика, который мучитъ Пиппу и самъ терпитъ мученія черезъ нее. Дикая жадность влечетъ его къ Пиппѣ. Онъ пляшетъ съ нею въ кабачкѣ, и въ его пляскѣ горитъ желаніе увлечь силой то, что можетъ свѣтиться только издали, завладѣть и уничтожить, взять для себя. „То, чего не имѣешь, нужно брать",—говоритъ онъ въ моментъ минутнаго торжества своей низшей силы; но для него приближеніе къ Пиппѣ и все, что онъ переживаетъ съ нею, изъ-за нея, для нея и для себя, становится трагедіей духовнаго пробужденія цѣной своей гибели. Онъ похищаетъ Пиппу и уноситъ ее къ себѣ. Теперь онъ властенъ надъ нею и оберегаетъ озарившее его счастье отъ бурь и опасностей. Онъ хочетъ схоронить его въ стѣнахъ своей мрачной лачуги, потому что знаетъ, что за стѣнами — смерть. Но это было бы торжествомъ низшей силы, и не для того было ему откровеніе пляски Пиппы, чтобы онъ остался въ безднахъ до-человѣческаго, въ сферѣ животной жадности. Пиппа уходитъ отъ него, легкая и свѣтлая, когда за ней въ хижину Гуна является юноша Михель, тотъ, котораго она уже въ кабачкѣ, увидавъ его въ первый разъ, полюбила какъ брата по духу. Онъ врывается въ мрачную лачугу со своей вѣрой въ торжество свѣта и увлекаетъ Пиппу за собой на путь, конечная цѣль котораго ему самому неясна.

Но старикъ Гунъ еще разъ встрѣчается съ Пиппой, и въ этой послѣдней встрѣчѣ исполняется трагическое предназначеніе Гуна. Ему опять дана власть надъ Пиппой. Гунъ пробрался въ хижину мудреца, гдѣ нашли пріютъ Михель и Пиппа, заблудившіеся въ горахъ. Онъ хочетъ тайкомъ похитить свою добычу, но онъ лишается силы при встрѣчѣ съ мудрымъ старцемъ, который опрокидываетъ его однимъ прикосновеніемъ и говоритъ, что „нѣтъ добычи для дикаго звѣря въ занесенной снѣгомъ божьей хижинѣ". Тогда начинается перерожденіе Гуна и его послѣднее состязаніе съ Пиппой. Онъ лежитъ въ страшныхъ мукахъ, перерождаясь изъ низшаго существа въ человѣка, и становится похожимъ на мудреца, который своимъ прикосновеніемъ властно и жестоко побѣдилъ въ немъ дикаго звѣря. „Онъ теперь нашъ братъ",—говоритъ мудрецъ изумленной Пиппѣ. Но это преображеніе въ человѣка стоитъ Гуну страшныхъ мукъ и ведетъ его къ смерти. До смерти однако проявляется еще разъ его власть надъ Пиппой. Мудрецъ уходитъ—позвать во тьмѣ ночной избавительницу отъ всѣхъ мученій, т.-е. смерть, и, уходя, предостерегаетъ Михеля, чтобы онъ не позволялъ Пиппѣ танцовать со старикомъ. Но предостереженіе на-

прасно и судьба свершается. Пиппа, сжалившись надъ страданіями Гуна, прикладываетъ ему руку къ сердцу, и этимъ утоляетъ его муку. Пиппа переродила его, и онъ идетъ къ своему трагическому назначенію, умираетъ, но тянетъ за собой въ мракъ и Пиппу. Въ этотъ часъ свершенія судьбы онъ понялъ Пиппу. Онъ знаетъ, что она — искра огня въ доменной печи, у которой онъ, старый стекольщикъ, всю жизнь выдувалъ стеклянные сосуды и фигуры самыхъ причудливыхъ формъ. Онъ знаетъ, что эта искра живитъ и вноситъ радость въ міръ. Онъ чувствуетъ себя властнымъ надъ ней, — онъ выдулъ стаканъ и можетъ его разбить, можетъ увлечь искру за собой во мракъ. И онъ это дѣлаетъ, заставляя Пиппу танцовать съ собой. Въ дикомъ танцѣ старикъ разбиваетъ стаканъ; Пиппа умираетъ, падая на руки стараго мудреца, который только-что вернулся въ комнату. При видѣ мертвой Пиппы дикій Гунъ испускаетъ свой неистовый языческій крикъ, который уже срывался съ его устъ и раньше; онъ кричитъ: „Юмаляйи!"—что значитъ: „радость для всѣхъ". Съ этимъ крикомъ онъ умираетъ, и старый мудрецъ говоритъ, что призванная имъ освободительница ошибочно поняла его призывъ,—она обратила свою власть не только на того, для кого она была призвана. Старикъ Гунъ —носитель трагическаго совершенствованія человѣческой души, идущей отъ мрака животности къ свѣту облагороженнаго сознанія, и въ этомъ образѣ сказался уже идеализмъ Гауптмана. Фигура Гуна—наиболѣе удачная во всей драмѣ по своеобразному воплощенію стихійнаго языческаго начала плоти, жаждущаго единенія съ одухотворяющимъ началомъ міра. Его крикъ о радости для всѣхъ пріобрѣтаетъ трагическій смыслъ: это крикъ всего человѣчества, которое ищетъ исхода изъ мрака будничной сѣрости. Онъ освобождается, соприкасаясь съ искрой живительнаго огня, освобождается трагически, губя въ себѣ искру и губя себя, но радостный и въ этой послѣдней странной побѣдѣ.

Ярче всего идеализмъ драмы воплощенъ въ центральной фигурѣ молодого ремесленника Михеля. Смыслъ драмы—во внутреннемъ душевномъ переживаніи Михеля. Онъ, по словамъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ, „глупецъ изъ породы мудрецовъ", а себя самого онъ коритъ за то, что дѣйствительно вѣритъ душой только тому, чего нѣтъ. Этотъ новый Иванушка-дурачокъ — художественное воплощеніе чистаго искателя истины въ области высочайшаго идеализма; этотъ типъ часто изображался и въ старыхъ сказкахъ, и поэтами, искушенными знаніемъ жизни и потому влюбленными въ простоту, чистоту и правду идеалистическихъ стремленій. Для Михеля Пиппа танцуетъ свои самые сокровенные танцы. Съ перваго момента встрѣчи въ кабачкѣ ихъ влечетъ другъ къ другу. Но Михель ничего не дѣлаетъ для того,

чтобы завладѣть Пиппой, не чувствуя къ ней ни жадной страсти Гуна, ни чувственнаго каприза директора, жаждущаго развлеченій. Михель беззаботно засыпаетъ среди драки и смертоубійства въ кабачкѣ. Онъ погруженъ въ себя, въ свои свѣтлыя мечты, окрыленъ вѣрой въ то, что все свѣтлое придетъ ему навстрѣчу на его пути. Такъ онъ попадаетъ невзначай въ хижину Гуна, и тамъ находитъ свое свѣтлое счастье—Пиппу. Онъ смѣшитъ и радуетъ ее своей блаженной вѣрой въ чудодѣйственность своихъ силъ. Онъ увѣренъ, что въ его маленькомъ ранцѣ есть и волшебный клубокъ нитокъ, который приведетъ его къ желанной цѣли, и столикъ, который накормитъ его и Пиппу. Онъ увлекаетъ ее за собой въ невѣдомую страну свѣта, гдѣ у нихъ будетъ водяной дворецъ и гдѣ ихъ ждетъ безграничное блаженство. Гдѣ этотъ край—онъ не знаетъ, такъ какъ не думаетъ о достиженіи цѣли. Онъ только знаетъ, что есть путь, и идетъ по этому пути, свѣтлый и радостный. Такъ онъ приходитъ съ Пиппой въ хижину стараго мудреца, и ему кажется, что онъ охраняетъ Пиппу отъ всѣхъ опасностей. Онъ не видитъ, что̀ творитъ вокругъ него безпощадная судьба; онъ знаетъ только, что нужно идти, не останавливаясь, и вѣрить въ себя, т.-е въ то, что̀ влечетъ его въ даль. Когда старый мудрецъ спрашиваетъ его, куда онъ ѣдетъ, Михель совѣтуетъ ему не быть такимъ любопытнымъ; вѣдь и онъ не спрашиваетъ его, зачѣмъ онъ тутъ торчитъ, грѣясь у печи, и ѣстъ печеныя яблоки. „Вѣчно странствовать и не думать о конечной цѣли, потому что, если подумаешь, она покажется или слишкомъ близкой, или слишкомъ далекой",—таковъ девизъ восторженнаго Михеля, который увѣренъ, что нѣтъ для него преградъ. И это „очаровательное божье дитя", какъ его называетъ старый мудрецъ, одерживаетъ побѣду—чисто духовную и глубоко трагичную. Побѣда заключается въ томъ, что онъ не видитъ реальныхъ катастрофъ, становится слѣпымъ къ явленіямъ внѣшняго міра, и тѣмъ ярче чувствуетъ внутренній свѣтъ, и идетъ по своей дорогѣ, ясной для его внутренняго взора. Онъ неразрывно соединяется съ Пиппой силой своей властной воли, и уже не отдѣляетъ себя отъ нея; поэтому смерть безвластна надъ нимъ. Пиппа умерла, но Михель этого не замѣчаетъ; онъ ослѣпъ („яркій снѣгъ горныхъ вершинъ иногда ослѣпляетъ", какъ говорится въ пьесѣ) и играетъ на своей окаринѣ пѣснь о слѣпыхъ—не о себѣ, а о тѣхъ, кого онъ считаетъ слѣпыми, потому что они не видятъ открытыхъ для него чудесъ міра. Мудрецъ вѣнчаетъ Михеля съ тѣнью Пиппы, взявъ его за руку и говоря, что подлѣ него Пиппа; Михель уходитъ блаженный, обѣщая никогда не покидать ввѣренную ему жену и неустанно идти съ ней по пути къ ихъ далекому водяному дворцу, въ край свѣта и красоты. Онъ не знаетъ, что его будетъ вести не Пиппа, а

тѣнь, мечта о ней. Онъ знаетъ только, что они вмѣстѣ пойдутъ, и, по совѣту мудреца, будутъ просить каждаго встрѣчнаго, чтобъ онъ провелъ ихъ хоть немножко дальше, хоть на одну милю ближе къ ихъ цѣли. Такъ онъ уходитъ медленно, наигрывая на окаринѣ, слѣпой, одинъ, но съ тѣнью Пиппы подлѣ себя,—и эта поэтическая картина уходящаго вдаль слѣпого, но по своему зрячаго юноши завершаетъ торжественнымъ аккордомъ всю драму.

Михель торжествуетъ какъ художникъ, потому что міръ для него таковъ, какимъ онъ хочетъ, чтобъ онъ былъ,—потому, что онъ видитъ живое чудо во всемъ, гдѣ для людей — лишь мертвые будни. Его жизнь—путь къ невѣдомому царству свѣта, въ реальность котораго онъ вѣритъ. Когда ему говорятъ, что облачное царство далеко, онъ отвѣчаетъ, что у него достаточно силы и терпѣнія, чтобы идти туда. И когда ему говорятъ, что міръ солнечнаго свѣта, водяныхъ дворцовъ, рай красоты и солнца, недостижимъ обычными путями, то онъ выказываетъ полноту надежды на обрѣтеніе другихъ путей, и не хочетъ медлить ни минуты. Онъ знаетъ одно, что нужно идти, что каждый пройденный шагъ дѣйствительно ведетъ къ еще несознанной имъ, но несомнѣнной цѣли.

Не забудемъ, что драма Гауптмана—сказка, и что поэтому мечты Михеля, мудраго Иванушки-дурачка, наивны въ своей опредѣленности,—также какъ наивно представленіе Ганнеле объ ея вознесеніи на небо. Но въ этомъ сказочно-наивномъ образѣ воплощена движущая сила человѣческой жизни, то сознаніе высшей цѣли, которое вноситъ силу и красоту и значительность во всѣ переживанія людей. Эту силу духа, познающую какъ разъ то, чего не цѣнитъ позитивное человѣчество, тѣ цѣнности, которыя какъ будто не нужны въ практической дѣйствительности,—словомъ, идеализмъ, присущій душѣ человѣка, Гауптманъ и воплотилъ въ своемъ чистомъ юношѣ, который громко, весело и наивно говоритъ: свѣтъ долженъ стать инымъ, все должно измѣниться. Онъ въ это вѣритъ, и въ этой вѣрѣ — его сила.

Въ драмѣ есть еще одно загадочное лицо—старый мудрецъ Ваннъ. Къ нему является „заболѣвшій тоской по идеалу" директоръ, въ его хижинѣ совершаются чудеса, т.-е. то, что кажется сверхъ-естественнымъ, но на самомъ дѣлѣ составляетъ проявленіе внутренно необходимыхъ судебъ каждаго человѣка. Въ лицѣ старика, который способствуетъ тому, чтобы каждый исполнялъ свое внутреннее призваніе и назначеніе, воплощена божественная мудрость міра,—самое таинственное и столь необходимое, что оно кажется простымъ. У старика Ванна есть странныя красивыя игрушки, маленькія модели венеціанскихъ гондолъ, и ими онъ создаетъ очаровательные сны для своихъ любимцевъ. Онъ погружаетъ Михеля въ сонъ, даетъ ему въ руки игрушечную гон-

долу, говоритъ Пиппѣ, чтобы она позаботилась о попутномъ вѣтрѣ для него,—и въ своемъ волшебномъ снѣ Михель странствуетъ по тѣмъ волшебнымъ краямъ, куда стремится наяву. Не трудно уловить смыслъ этой сцены, въ которой подъ поэтическими образами воплощена власть творческой мечты, и въ „фабрикантѣ игрушекъ", какъ называетъ Пиппа старика, воплощеніе силы, управляющей міромъ—не по своему произволу, а закбнами, вложенными въ бытіе каждаго существа.

Уже изъ того, что̀ мы говорили о вліяніи Пиппы на окружающихъ, ясно, что Пиппа воплощаетъ собой весь невысказанный смыслъ жизни, все то, что̀ въ жизнь вноситъ, что̀ создаетъ или, вѣрнѣе, что̀ открываетъ творческая фантазія, все, что̀ улыбается людямъ и кажется имъ счастьемъ, все, что̀ они постигаютъ какъ красоту жизни, все то, безъ чего жизнь, во всей ея матеріальной несомнѣнности, была бы мертвой и темной. Пиппа своей пляской не создаетъ жизнь, а преображаетъ ее, дѣлаетъ ее прозрачной, такъ что сквозь мертвыя плотныя формы просвѣчивается мелькающій, мерцающій тайный смыслъ. Если хотите, Пиппа—счастье, если хотите — Пиппа преображающее искусство. Каждый можетъ понимать ее различно, и въ этомъ—глубина художественнаго образа. Она—все это вмѣстѣ, потому что она—раскрывающійся для каждаго отдѣльно и интимно, по своему, духовный смыслъ жизни. Раскрывается этотъ смыслъ именно въ ея символической пляскѣ, больше чѣмъ въ словахъ. Слова ея реальны; она постоянно повторяетъ, что она—живое существо съ человѣческой плотью, но сквозь ея реальность видно ея высшее назначеніе, откровеніе, съ которымъ она является къ людямъ. Смыслъ ея откровенія—въ томъ, что каждому она даетъ возможность проявить свою силу, свою правду, осуществить себя, понявъ ее, т.-е. понявъ незримую правду, къ которой жизнь есть путь. Пиппа пляшетъ о томъ, что жизнь не ограничена явленіями, что въ явленіяхъ, въ жизни, въ чувствахъ есть цѣль, мелькающая, невоплотимая, но что, только чувствуя ее, человѣкъ поднимается на свою собственную трагическую высоту. Въ этомъ — идея сказки Гауптмана съ ея обаятельными художественными образами.

II.

Tristan Bernard. Amants et voleurs. Стр. 304. Paris, 1905 (E. Fasquelle éditeur).

Тристанъ Бернаръ—тонкій юмористъ, наблюдатель быта средняго класса во Франціи; онъ подмѣчаетъ въ немъ не столько уродливое и возмутительное, сколько и жалкое. Психологія мелкихъ человѣческихъ слабостей, маленькіе уколы и неудачи, мимолетныя удовлетворенія тще-

славія, минуты гордости или умиленія, смѣняющіяся снова моментами досады, маленькихъ непріятностей и маленькихъ обидъ,—вся эта жизненная паутина людей, живущихъ замкнутыми личными интересами, очертившихъ сами себѣ узкія рамки для чувствъ и для дѣйствій, представлена въ повѣстяхъ Тристана Бернара съ большимъ юморомъ и съ большой грустью, а съ художественной стороны—съ большимъ чутьемъ характерныхъ подробностей. Его двѣ повѣсти „Mémoires d'un jeune homme rangé" и „Un mari pacifique" типично изображаютъ среднюю французскую семью, и юморъ автора проявляется въ умѣньи обнажать смѣшное и жалкое въ самыхъ, казалось бы, безразличныхъ чертахъ дѣйствительности.

Въ послѣдней книжкѣ разсказовъ Т. Бернара, „Amants et voleurs", тонъ юмориста мѣняется вслѣдствіе оригинальности и напряженности мотивовъ, разработанныхъ въ отдѣльныхъ разсказахъ. Онъ наблюдаетъ дѣйствительность въ тѣ исключительные моменты, когда всякія нравственныя нормы нарушены, когда совершается нѣчто завѣдомо предосудительное и даже преступное, ужасное. Своеобразный паѳосъ нѣкоторыхъ его разсказовъ заключается въ томъ, чтобы тамъ, не „по ту сторону добра и зла", а въ самомъ царствѣ зла, въ мірѣ преступленій, найти свои законы справедливости, а также изобразить игру судьбы, странныя случайности, приносящія гибель или избавленіе,—словомъ, всю психологію преступленій въ связи съ мотивами, вызывающими ихъ. Въ книгѣ Тристана Бернара всѣ разсказы сводятся къ двумъ темамъ: къ любви и преступленію въ различныхъ градаціяхъ до самыхъ высшихъ напряженій, — до страсти и убійства. Нѣкоторые изъ разсказовъ — юмористическіе; — это тѣ, въ которыхъ идетъ отдѣльно рѣчь или о любви, или о преступленіи, о случаяхъ изъ профессіональной жизни убійцъ съ цѣлью грабежа. Въ разсказахъ такого рода авторъ большей частью отмѣчаетъ иронію судьбы, т.-е. несоотвѣтствіе фактовъ и мотивовъ; онъ изображаетъ маски, которыя вѣчно смѣняются на лицѣ дѣйствительности. Все—не то, чѣмъ кажется. Изображенная на примѣрѣ мелкаго происшествія, эта картина маскарада жизни художественна, мѣтка и забавна. Такъ, напримѣръ, въ „Любовномъ письмѣ" разсказано съ большой легкостью, живостью и юморомъ, какъ скучающій молодой человѣкъ отвѣчаетъ на письмо своей возлюбленной, сидя въ казино приморскаго города, гдѣ онъ проводитъ лѣтнія каникулы. Все въ жизни такого средне-чувствующаго юноши— только маска,—въ томъ числѣ и его любовь къ замужней женщинѣ. Такой романъ полагается имѣть свѣтскому молодому человѣку, и онъ корректно исполняетъ этотъ свѣтскій долгъ. Нужно отвѣтить страстнымъ посланіемъ дамѣ своего сердца, и онъ идетъ въ казино, надѣясь, что видъ моря вдохновитъ его. Но онъ всячески старается

оттянуть скучный моментъ писанія, идетъ медленно по улицѣ, отвлекаясь малѣйшими инцидентами по дорогѣ. Онъ видитъ плачущую дѣвочку, и начинаетъ жалѣть ее. „Онъ готовъ питать состраданіе и всякія высокія чувства, когда это ни къ чему не обязываетъ". Онъ останавливается передъ всѣми окнами, долго глядитъ на выставленные предметы, вызывая ложныя ожиданія въ торговцахъ глухого нормандскаго городишка. Они уже съ радостной улыбкой выходятъ къ покупателю изъ дверей,—но онъ проходитъ мимо. И тутъ маски дѣйствительности, тщетныя ожиданія. Забавно разсказано, какъ скучающій юноша садится наконецъ писать, выбравъ бумагу съ виньеткой, занимающей много мѣста,—какъ онъ повторяетъ банальныя слова любви, чтобы наполнить страницы, — и какъ наконецъ его выручаетъ пріятель, который приходитъ и разсказываетъ ему о какомъ-то несчастномъ случаѣ съ автомобилемъ. Это даетъ ему матеріалъ для конца письма. Онъ кончаетъ и счастливъ, что отдѣлался. И ни онъ, ни его возлюбленная не подумаютъ о томъ, какъ смѣшно продолжать ихъ тайную любовь, обманывать ея мужа, когда любовь эта—притворство и маска, надѣтая для спасенія отъ скуки жизни.

Иронія судьбы намѣчена въ другомъ разсказѣ, болѣе страшномъ по своему сюжету, но рисующемъ тоже кошмаръ жизни, а не ея трагизмъ. Эти два понятія нужно различать: кошмаръ—это то, что̀ надвигается, и въ чемъ человѣкъ не участвуетъ своимъ сознаніемъ—въ противоположность трагизму жизни, на днѣ котораго человѣкъ чувствуетъ что-то высшее, и чему онъ подчиняется. Кошмаръ, разсказанный подъ невиннымъ заглавіемъ „Осмотръ багажа", заключается въ слѣдующемъ: два профессіональныхъ грабителя спокойно и съ обычнымъ умѣньемъ забрались къ богатой старухѣ, жившей подъ Парижемъ, задушили ее и взяли деньги. Затѣмъ они положили трупъ въ сундукъ, слѣдуя прописнымъ правиламъ своего ремесла, и сдали его въ багажъ, въ Парижъ. Одинъ изъ нихъ поѣхалъ въ другое мѣсто, а второй долженъ былъ проѣхать въ Парижъ, взять сундукъ и передать для уничтоженія третьему сообщнику. На вокзалѣ въ Парижѣ иногда осматриваютъ багажъ, но убійца надѣялся избѣгнуть этого рокового для него момента, такъ какъ на вокзалѣ у него былъ знакомый служащій. Онъ пріѣзжаетъ, спокойно направляется въ залу для осмотра, но къ ужасу его оказывается, что знакомаго его нѣтъ; на его вопросъ о немъ, ему говорятъ, что онъ боленъ и не пришелъ на службу. Уйти уже поздно, осталось всего нѣсколько недосмотрѣнныхъ штукъ багажа; инспекторъ подходитъ именно къ его сундуку и говоритъ, чтобы тотъ открылъ его. Убійца переживаетъ моментъ смертельнаго страха, и дѣлаетъ видъ, что не можетъ найти ключей. Это вызываетъ нѣкоторое подозрѣніе, и чиновникъ велитъ открыть корзину

безъ ключа. Открываютъ въ присутствіи застывшаго въ ужасѣ убійцы. Но когда крышка откидывается, убійца съ трудомъ удерживается отъ крика безумной радости. Въ корзинѣ оказывается какое-то дѣтское бѣлье и вещи. Багажныя квитанціи спутали—и кто-то уже уѣхалъ, увезя съ собой корзину со страшной поклажей... Убійца никогда уже больше не слыхалъ о судьбѣ своего сундука—и долго носилъ теплый жилетъ, найденный въ доставшемся ему багажѣ.

И скука и кошмаръ жизни образно отражены въ этихъ двухъ разсказахъ. Но лучшіе разсказы въ сборникѣ—тѣ, въ которыхъ основные два мотива страсти и преступленія сплетены между собою, создавая сильный трагическій аккордъ. Преступленіе изъ любви, со всей сложностью облагораживающихъ его мотивовъ, наиболѣе интересно изображено въ разсказѣ „Послѣднее посѣщеніе“. Въ этотъ разсказъ художественно вплетена психологія самоотверженной материнской любви. Разсказъ ведется отъ имени матери. Тонъ измученной матери, которая говоритъ о преступленіи и казни своего сына, не называя страшныхъ фактовъ, а только описывая дальнѣйшія подробности, выдержанъ очень художественно и трогаетъ своей простотой. Она вышла замужъ въ двадцать лѣтъ, и когда ея первый ребенокъ родился, она уже была вдовой; мужъ заболѣлъ и умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы. Вся жизнь ея посвящена любви къ сыну, который хорошо учился и до восемнадцати лѣтъ доставлялъ ей только радости. Потомъ вдругъ онъ влюбился въ замужнюю женщину, жену коммерсанта, и ему понадобились нѣсколько тысячъ франковъ, чтобы спасти отъ банкротства мужа своей возлюбленной. Мать не дала ему этихъ денегъ, хотя имѣла ихъ. Она слишкомъ дорожила состояніемъ,—которое берегла для того же сына,—чтобы такъ легкомысленно отдавать тысячи чужимъ людямъ. Тогда онъ рѣшилъ обратиться къ своему крестному отцу, восьмидесятилѣтнему старику. Мать предупреждаетъ его, что старикъ не дастъ, но Анри все-таки идетъ. Мать ждетъ его до поздней ночи, но онъ не возвращается. На слѣдующее утро, отправившись за покупками на рынокъ, она слышитъ толки о совершенномъ убійствѣ старика, и въ ужасѣ все понимаетъ. Сначала говорятъ, что убійца какой-то солдатъ, что его поймали и посадили,—и у матери Анри на минуту отлегаетъ отъ сердца. Но эта версія сейчасъ же опровергается; оказывается, что заподозрѣннаго солдата уже выпустили. Мать въ ужасѣ идетъ домой и застаетъ тамъ сына, который отмываетъ платье отъ пятенъ крови. Она рыдаетъ, чувствуя къ нему только жалость, видя, какъ онъ безпомощенъ, и даже не думаетъ спасаться отъ преслѣдованій. Она отправляетъ его на велосипедѣ, зарываетъ его смоченное платье въ землю, и при появленіи полиціи держится такъ спокойно, что удаляетъ вся-

кія подозрѣнія. Но Анри самъ себя губитъ своей страстью къ женщинѣ, ради которой совершилъ преступленіе. Онъ тайкомъ пробирается обратно и бродитъ вокругъ ея дома; тамъ его высматриваютъ, выслѣживаютъ и хватаютъ, „какъ птичку, которую можно взять прямо рукой", — говоритъ несчастная мать. Напрасно всѣ въ судѣ доказываютъ, что сынъ ея—страшный злодѣй, настоящее чудовище,—онъ убилъ старика ударами подсвѣчника въ голову. Она все-таки знаетъ, что онъ сдѣлалъ это въ моментъ безумія и что онъ дѣйствовалъ какъ дикарь именно потому, что былъ въ безпамятствѣ. Однако, его все-таки осуждаютъ, и мать, не повторяя, въ чемъ состоялъ приговоръ, говоритъ только о томъ, какъ онъ вышелъ изъ зала засѣданія спокойный, раскланиваясь даже съ солдатами. А ее, мать свою, онъ не видѣлъ, и потому не поклонился ей. Мать ничего не сказала о женщинѣ, изъ-за которой все случилось, потому что Анри запретилъ ей говорить. Она исполняетъ требованіе сына, хотя, какъ сама говоритъ, не питаетъ добрыхъ чувствъ къ женщинѣ, погубившей ея сына, которая, къ тому же, не подавала признаковъ жизни съ той минуты, какъ Анри посадили въ тюрьму. Мать видѣла, что сыну тяжело равнодушіе его подруги и что онъ только о ней и думаетъ; она страдала отъ ревности къ этой Фанни, которая отняла у нея всю любовь сына,—но материнская любовь побѣдила всѣ эгоистическія чувства. Наступилъ страшный день, о которомъ мать тоже разсказываетъ глухо, не называя, въ чемъ ужасъ состоялъ. Просьба о помилованіи отклонена; попытки адвоката спасти голову своего кліента кончились ничѣмъ. Матери остается послѣднее утѣшеніе—постараться увидѣть сына наканунѣ. Это не разрѣшается, но мать добивается своего, уговариваетъ сторожа пустить ее въ тюрьму къ осужденному, и вотъ какъ разыгрывается сцена прощанія:

„— Мы поднимаемся во второй этажъ и останавливаемся передъ дверью...—„Вотъ, здѣсь,—говоритъ сторожъ.—Поцѣлуйте его черезъ форточку въ двери. Гюше!—негромко кликнулъ онъ.—Тутъ пришли... хотятъ васъ поцѣловать".—Тогда я скорѣе догадалась, чѣмъ увидѣла, что онъ стоитъ у форточки, и услышала, какъ онъ тихо сказалъ:— „Это ты, Фанни!"—И въ то же время онъ прижался лицомъ къ моему лицу и такъ меня поцѣловалъ, какъ никто въ жизни не цѣловалъ меня"...

„— Бѣдная вы!—прервала ее та, которой она разсказывала о своемъ горѣ.—Какъ вамъ, вѣрно, было тяжело, что онъ думалъ о другой въ эту минуту!

„— Нѣтъ, я объ этомъ не думала тогда. Я только поняла, какъ онъ счастливъ. Я это почувствовала въ его поцѣлуѣ. И я боялась только того, чтобы онъ не замѣтилъ своей ошибки. Я была рада по-

этому, что сторожъ оттащилъ меня. И въ эту послѣднюю ночь, которой я такъ боялась, думая что не переживу ее, я проспала спокойно до утра. Проснувшись, я въ первую минуту вся похолодѣла, вспомнивъ, что уже конецъ всему. Но я подумала затѣмъ, что онъ умеръ счастливый, и весь день сидѣла за работой, не проговоривъ ни слова".

Драматизмъ этой сцены, въ которой преступленіе искупается любовью и озаряется паѳосомъ материнской любви, производитъ сильное впечатлѣніе.

Изъ другихъ разсказовъ на тему о преступленіяхъ изъ любви слѣдуетъ отмѣтить „En casque et sabre". Въ немъ описывается затемняющая разумъ страсть молодого солдата къ дочери трактирщика. Чтобы спасти свою возлюбленную и достать ей деньги, которыя она растратила и въ которыхъ должна была отдать отчетъ, онъ крадетъ изъ полковой кассы. Когда въ кражѣ подозрѣваютъ другого, невиннаго, онъ, на минуту, чувствуетъ, что долженъ сознаться: на этомъ настаиваетъ и его другъ, отъ лица котораго ведется разсказъ. Но дѣвушка, изъ эгоизма страсти, удерживаетъ его отъ исполненія долга. Невинный все-таки спасенъ, потому что вину беретъ на себя другъ, посвященный въ исторію кражи. Онъ переноситъ позоръ, который навлекаетъ на себя, съ мужествомъ, какъ нѣчто болѣе легкое, чѣмъ сознаніе того, что пострадалъ завѣдомо невинный человѣкъ. Деньги за него вноситъ отецъ, его переводятъ въ другой полкъ, и онъ радъ, что не увидитъ больше своего друга и его возлюбленную, для которыхъ законъ любви оказался грознымъ разрушителемъ душъ. Тристанъ Бернаръ не выступаетъ въ роли моралиста, бичующаго преступниковъ. Онъ только изображаетъ правдиво и сильно контрасты силъ, управляющихъ страстями и дѣйствіями людей въ трагическія минуты столкновеній съ судьбой.

Въ книгѣ Бернара есть еще одинъ разсказъ, въ которомъ иронія судьбы изображена съ жестокимъ юморомъ. Въ немъ описывается удачно совершонное преступленіе. Убійца все предусмотрѣлъ; онъ такъ ловко выбрался изъ своей комнаты, что хозяйка увѣрена, что онъ дома; этимъ онъ устанавливаетъ свое alibi. Въ высмотрѣнномъ имъ заранѣе загородномъ домикѣ намѣченной жертвы онъ тоже никого не засталъ, продѣлалъ все по заранѣе обдуманному плану и вернулся съ раннимъ утреннимъ поѣздомъ въ Парижъ, вполнѣ увѣренный въ удачѣ. Но когда онъ подходилъ къ своему дому, его арестовываютъ, по обвиненію въ убійствѣ женщины, которая жила въ комнатѣ рядомъ съ нимъ. Такъ какъ убитую здѣсь тоже ограбили, то найденныя на убійцѣ деньги служатъ, вмѣстѣ со слѣдами крови—отъ другого преступленія—доказательствами его вины. Своего alibi онъ установить не можетъ: его судятъ и ссылаютъ въ Новую Каледонію. Разсказъ ведется отъ

его имени, въ видѣ письма къ адвокату послѣ одиннадцати лѣтъ каторги. Онъ проситъ заняться пересмотромъ его процесса. Теперь его оправдаютъ, потому что онъ можетъ точно установить свое alibi, а за совершонное имъ дѣйствительно преступленіе онъ, за минованіемъ давности, наказанъ быть не можетъ. Это роковое сцѣпленіе случайностей обрисовано съ мрачнымъ юморомъ.

Въ общемъ, разсказы Тристана Бернара производятъ сильное впечатлѣніе, какъ изображеніе человѣческихъ паденій, въ которыхъ есть свои страшные законы возмездія—помимо правосудія отъ рукъ человѣческихъ. — З. В.

ПО ПОВОДУ „НОВОЙ УТОПІИ“.

— H. G. Wells. A Modern Utopia. L., 1905.

I.

Быть можетъ, ничто такъ не свидѣтельствуетъ о ростѣ человѣческаго рода, о безпрестанномъ движеніи его въ сторону высшихъ формъ жизни, какъ тѣ мечты, которымъ время отъ времени предаются его мыслители и писатели. Дѣйствительность исчезаетъ; настоящее таетъ при одномъ приближеніи къ нему и сливается въ одно безбрежное море съ прошлымъ. Остаются лишь, какъ нѣчто реальное, мечты и будущность.

Эта мысль является невольно, когда читаешь самую послѣднюю утопію, не такъ давно появившуюся въ англійской литературѣ. Я говорю о книгѣ Уэллса (H. G. Wells)—„A Modern Utopia“.

Какъ извѣстно, первою политической утопіей, т.-е. первою попыткою дать обстоятельный идеалъ устройства человѣческаго общества, считается „Республика“ Платона. Но при всемъ возвышенномъ міросозерцаніи греческаго философа, при всемъ благородствѣ его идеаловъ, въ его „Республикѣ“ не только допускалось, но и считалось даже благомъ то, что̀ наше поколѣніе отвергло бы съ негодованіемъ, какъ нѣчто дикое и варварское. Достаточно напомнить, что, по законамъ Платоновской республики, каждый гражданинъ, высказывающій „ложное“ мнѣніе о Богѣ, подлежалъ изгнанію. Такова была въ ней вѣротерпимость. Рабство было необходимымъ учрежденіемъ, основой республики. Дѣти, имѣвшія несчастье родиться недостаточно развитыми, подлежали смерти. Сообщеніе между „республиканцами“ и внѣшнимъ міромъ не признавалось, и ворота города держались на запорѣ. Дѣти убивались и тогда, когда родились „безъ разрѣшенія“ закона.

Куда гуманнѣе, либеральнѣе и цѣлесообразнѣе было устройство „Утопіи“ Томаса Мора. Видно было, что за тѣ двѣ тысячи лѣтъ, которыя протекли отъ „Республики“ Платона, человѣчество сдѣлало огромный шагъ на пути смягченія нравовъ, расширенія умственнаго кругозора и улучшенія жизни. Но и Моръ еще жилъ въ „подлыя времена“, когда человѣческая личность сама по себѣ еще не имѣла никакой цѣны, и въ его „Утопіи“ имѣется особый, подневольный классъ людей для исполненія черныхъ работъ.

Появившійся, спустя сто лѣтъ послѣ этой „Утопіи“, „Солнечный городъ“ Кампанеллы—уже рабства вовсе не знаетъ. Но все же, въ сравненіи съ утопіями XIX столѣтія, идеалъ итальянскаго монаха начала XVII-го вѣка представляется какой-то душной тюрьмой. Не говоря уже о мистическихъ семи кругахъ, охватывающихъ городъ, все въ немъ такъ налажено, что для свободы личности тамъ не остается никакого поля. Лишь XIX-й вѣкъ начинаетъ давать намъ утопіи, полныя свѣта и свободы. Достигнувъ многаго, человѣчество стало мечтать еще о болѣе лучшемъ и возвышенномъ, о чемъ ни древне-греческимъ философамъ, ни средневѣковымъ писателямъ и мыслителямъ и сниться не могло. Въ XIX вѣкѣ европейское человѣчество уже не знало рабства. Политическая и религіозная свобода была имъ завоевана. Безопасность личности и имущества какъ отъ произвола власть имущихъ, такъ и отъ обыкновенныхъ мародеровъ, была обезпечена. Судъ сдѣлался правымъ, неподкупнымъ, скорымъ и хотя далеко не всегда милостивымъ, но все же не преднамѣренно и грубо-жестокимъ. Но осталось еще много неравенства и невѣжества. И естественно, что мечты людей направились именно въ эту сторону, т.-е. въ сторону возстановленія экономическаго равенства и умственнаго просвѣщенія. Въ новыхъ утопіяхъ общество уже не раздѣляется на массы, разряды или управителей и управляемыхъ, какъ у Платона, Кампанеллы, Мора, Бэкона и другихъ. Наоборотъ, какъ въ прозаической коммунѣ „Икарія“ Этьена Кабе, такъ и въ излишне поэтической анархіи („News from Nowhere“) Вильяма Морриса, или во „Взглядѣ назадъ“ Беллами, равенство во всѣхъ отношеніяхъ составляетъ главную основу общественнаго устройства. Въ этомъ отношеніи утопія Вильяма Морриса превзошла всѣ другія. Его анархисты въ вышивныхъ платьяхъ всѣ до одного человѣка—художники и искусные мастера, и всякая работа въ его анархіи, даже самая черная и грубая, считается пріятной и красивой. Моррисъ былъ декоративнымъ поэтомъ, и люди и порядки въ его утопіи нарисованы имъ въ томъ же стилѣ, какъ и цвѣты на обояхъ его фабрики: безъ всякаго отношенія къ жизни и природѣ.

Болѣе близка къ жизни утопія Беллами. Но замѣчательно, что всѣ извѣстныя намъ утопіи, начиная съ Платоновской и кончая утопіей Беллами, ограничиваются лишь одной мѣстностью. Мысль о возможности такого общественнаго устройства, которое одинаково распространялось бы на всѣ народы земного шара и соединило бы все человѣчество въ одно всемірное и свободное государство, должно быть, казалась слишкомъ смѣлой даже самымъ необузданнымъ мечтателямъ древняго и новаго міра, когда-либо пытавшимся начертать идеалъ будущаго государства. Даже Контъ, хотя и возводитъ человѣчество въ

„Высшее Существо“, всегда ограничивается, говоря о будущемъ государствѣ, лишь „Западной Республикой“, т.-е. цивилизованной частью человѣчества. „Республика“ же Платона должна была бы быть лишь городомъ, и то очень небольшимъ. „Солнечный городъ“ Кампанеллы— это, сравнительно, небольшая коммуна, гдѣ даже мужья и жены „общи“ Утопія Мора была островомъ; такою же была „Новая Атлантида“ Бэкона. Моррисовская анархія ограничивается только Лондономъ. Гораздо болѣе широкое значеніе имѣетъ романъ Беллами, обнимающій всѣ Соединенные-Штаты. Мы уже не говоримъ о разныхъ другихъ утопіяхъ, имѣющихъ не столько общественно-созидательный, сколько сатирическо-разрушительный характеръ, какъ, напр., „Другой и тотъ же міръ“ („Mundus Alter et idem“) Джозефа Голла [1]), или болѣе новые романы: „Ereuton“ Бутлера, и „Путешественникъ изъ Альтруаріи“ Гоуэлла.

Лишь въ началѣ XX-го столѣтія человѣчество начинаетъ сознавать себя настолько выросшимъ, что позволяетъ себѣ уже мечтать не только о Соединенныхъ-Штатахъ Европы, но и о государствѣ всего міра, о „World State“, въ которомъ нѣтъ ни господъ, ни рабовъ, ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни угнетаемыхъ, ни угнетателей. Такое именно утопическое „World State“ и изобразилъ намъ теперь извѣстный англійскій писатель Уэллсъ.

Очевидно, человѣчество уже пережило идеалъ мелкихъ коммунъ, столь увлекавшій первыхъ христіанъ и не потерявшій еще свою прелесть и нынѣ для немногихъ любителей архаизмовъ. Маленькія, обособленныя, отрѣзанныя отъ всего прочаго міра общины и прѣющія въ своемъ собственномъ соку мелкія республики и самодовлѣющія государства-монастыри имѣли, пожалуй, смыслъ во времена давно минувшія, когда человѣчество еще не знало тѣхъ средствъ сообщеній и того богатства машинъ, какими оно обладаетъ теперь.

Въ наше же время обособленное человѣческое общество просто немыслимо, и если бы оно даже было возможно и осуществилось, то оно было бы не идеаломъ, а нелѣпостью.

Вотъ почему въ „Новой Утопіи“ Уэллса представляется намъ уже грандіозный идеалъ будущаго человѣчества, чуждый всякихъ внутреннихъ національныхъ и политическихъ перегородокъ. Конечно, для полнаго своего осуществленія „единое государство“ требуетъ предварительно федераціи народовъ, и эта федерація опять-таки пока возможна лишь между свободными демократіями. Но колесо эволюціи вертится, ни на мгновенье не останавливаясь, и нынѣшнія десятія

[1]) Отрывокъ изъ этого сочиненія помѣщенъ въ „Ideals of Commonwealth“, изданныхъ Генри Морлеемъ.

неизбѣжно—и чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣе—должны будутъ обратиться въ свободныя страны.

Однако, обратимся къ утопіи Уэллса.

II.

„Новая Утопія“ Уэллса является завершеніемъ предшествовавшихъ ей двухъ книгъ того же автора по вопросамъ соціальнымъ: „Въ ожиданіи“ („Anticipations“) и „Выработка человѣчества“ („Mankind in Making“). Первая, печатавшаяся раньше въ „Fortnightly Review“, появилась въ 1902 г., а вторая—въ 1903 г. Обѣ эти книги какъ бы подготовили читателя къ той картинѣ будущаго человѣчества, которую талантливый и вдумчивый писатель преподноситъ намъ въ полу-беллетристической формѣ.

Какъ безграничный поклонникъ Дарвина и Спенсера, Уэллсъ не могъ, конечно, нарисовать намъ утопію въ духѣ Платона или хотя бы Вильяма Морриса. Его утопія не окаменѣлая, разъ навсегда установившаяся форма общественной и индивидуальной жизни, не „конечный“ идеалъ счастья и благополучія, а такая же переходная стадія, какъ и современная наша жизнь. И въ „мірѣ-государствѣ“ люди будутъ заниматься дальнѣйшимъ улучшеніемъ матеріальныхъ средствъ, дальнѣйшимъ развитіемъ личности и исканіемъ большей правды, но все это будетъ происходить при другихъ условіяхъ, болѣе справедливыхъ и человѣчныхъ.

Уэллсъ полагаетъ, что будущее „міровое государство“ явится синтезомъ соціализма и индивидуализма. „Каждый изъ нихъ въ отдѣльности,—говоритъ онъ,—составляетъ абсурдъ. Абсолютный индивидуализмъ сдѣлалъ бы людей рабами сильныхъ и богатыхъ, а абсолютный соціализмъ обратилъ бы ихъ въ рабовъ государственныхъ чиновниковъ. Здравый смыслъ совѣтуетъ избрать средину между ними“.

Чтобы быть прогрессивнымъ, государство не можетъ ограничиваться однимъ только обезпеченіемъ пищи и одежды, порядка и здоровья. Оно должно заботиться и о развитіи иниціативы, которая и можетъ быть результатомъ лишь развитія личности. Кромѣ соотвѣтственнаго воспитанія, личности должна быть предоставлена поэтому и полная свобода дѣятельности, экономической, политической, философской, соціальной, насколько, конечно, эта свобода въ состояніи содѣйствовать духу иниціативы. Вотъ почему, въ утопіи Уэллса, государство хотя и является единственнымъ собственникомъ земли, но оно ничуть не принуждаетъ своихъ гражданъ обрабатывать ее и само не устраиваетъ никакихъ колоній и коммунъ. Государство, само или черезъ муниципа-

литетъ, владѣетъ всѣми источниками энергіи, т.-е. землей, углемъ, производствомъ электричества, силами воды и вѣтра. Примѣненіе же этой энергіи къ добыванію и обработкѣ вещей составляетъ дѣло личнаго почина. Затѣмъ государство будетъ также отвѣтственно за содержаніе дорогъ и за устройство правосудія; оно будетъ содержать дешевое и быстрое передвиженіе—пассажирское и товарное; будетъ даромъ перевозить и распредѣлять рабочихъ соотвѣтственно спросу и предложенію труда; будетъ платить за рожденіе здоровыхъ дѣтей и будетъ поощрять воспитаніе здороваго и дѣятельнаго новаго поколѣнія. Оно будетъ чеканить монеты, контролировать мѣры и вѣсы, субсидировать научныя изысканія и вознаграждать за такія бездоходныя коммерческія предпріятія, которыя имѣютъ общеполезный характеръ. Словомъ, государство будетъ продолжать дѣлать многое изъ того, что̀ оно теперь дѣлаетъ, и многое новое. Но все же огромное поле дѣятельности останется еще и въ распоряженіи личности, для которой новое государство и будетъ существовать.

Коренное, однако, различіе между современнымъ государствомъ и будущимъ, какимъ его рисуетъ Уэллсъ, заключается въ точкѣ зрѣнія людей на роль государства. Въ будущемъ эта точка зрѣнія будетъ не этико-національная, а научно-соціологическая. Цѣлью государства будетъ считаться не охраненіе личности или націи, а улучшеніе человѣческаго рода. Не статика, а динамика государства будетъ дѣломъ законодательства. Вотъ почему главной, если не единственной заботой будущаго государства станетъ ребенокъ, а не отецъ его. Дѣти, какъ матеріалъ для выработки новаго поколѣнія, сосредоточатъ на себѣ все вниманіе общества, и все то, что̀ содѣйствуетъ росту матеріальнаго, нравственнаго и умственнаго дѣтей, будетъ поощряться, а все то, что̀ мѣшаетъ этому росту, будетъ отвергнуто или запрещено. Отсюда и все направленіе жизни и законодательства въ Новой Утопіи.

Выясненію этого динамическаго взгляда на роль государства посвящена вся книга „Mankind in the Making". Въ этой высоко-интересной книгѣ Уэллсъ прослѣживаетъ жизнь ребенка со дня его рожденія до совершеннолѣтія, разбираетъ и описываетъ всѣ стороны, вліяющія на выработку его характера и способностей, предлагаетъ разныя средства улучшенія школьнаго и домашняго воспитанія.

И вотъ, исходя изъ этой динамической точки зрѣнія на роль государства, изъ точки зрѣнія, такъ сказать, человѣководства, нашъ авторъ и устраиваетъ свое міровое государство на соотвѣтственныхъ началахъ.

Было бы излишне передавать здѣсь всѣ подробности новой утопіи. Нѣкоторые изъ описываемыхъ Уэллсомъ порядковъ слишкомъ искусственно придуманы и вовсе не вызываются эволюціей общества. Та-

ково, напримѣръ, существованіе сословія „самураевъ", рыцарей будущаго человѣчества, напоминающихъ „стражу" Платоновской республики. Это—сливки человѣчества, самые лучшіе элементы его, обладающіе творческими способностями и энтузіазмомъ. Они соединяются въ одно общество, даютъ обѣтъ воздержной, строгой жизни и общественнаго служенія. Каждый, достойный быть самураемъ по образованію, поведенію и возрасту, можетъ поступить въ это общество. Уэллсъ посвящаетъ этимъ самураямъ свыше 50 страницъ, но, откровенно говоря, его утопія показалась бы намъ куда болѣе веселой и прекрасной безъ этого сословія полу-монаховъ, полу-чиновниковъ.

Неудачна также и его паспортная система, которая хотя и основана на совершенно неудачномъ способѣ удостовѣренія личности, а именно, на отпечаткахъ большого пальца, но она какъ-то пристегнута къ утопіи ни къ селу, ни къ городу. Впрочемъ, эти паспортныя новшества даютъ Уэллсу случай написать нѣсколько забавныхъ сценокъ, значительно оживляющихъ книгу. Отсутствіе у него и его спутника, очутившихся въ Новой Утопіи, соотвѣтственныхъ „нумеровъ", которыми должны обладать всѣ граждане „міроваго государства", ставитъ ихъ въ своеобразное комическое положеніе, непредвидѣнное чиновниками Новой Утопіи.

Оставляя поэтому въ сторонѣ такія новшества, безъ которыхъ утопія могла бы отлично обходиться, посмотримъ, какъ она разрѣшила нѣкоторые вопросы, служащіе камнемъ преткновенія для современнаго намъ общества. И нужно сказать, что въ этомъ отношеніи „Новая Утопія" ничего утопичнаго не представляетъ, и авторъ ея, набрасывая очеркъ существующей тамъ экономической системы, довольно близко держался программы англійской „Independent Labour Party" (независимой рабочей партіи).

III.

Чуждые ложной сентиментальности, съ одной стороны, и жестокаго равнодушія—съ другой, и имѣя всегда передъ собою лишь одну цѣль—улучшеніе рода, ново-утопіанцы приняли соотвѣтственныя мѣры. Накопленіе огромныхъ богатствъ въ рукахъ немногихъ и экономическое господство послѣднихъ надъ большинствомъ нуждающагося населенія уже невозможны тамъ потому, что вся земля, всѣ рудники, залежи и другія естественныя богатства, всѣ пути сообщенія, приготовленіе электрической силы и многія другія производства принадлежать государству. Къ этому законы о наслѣдствахъ, передающіе большую часть оставленнаго имущества государству, также значительно

сокращаютъ возможность накопленія въ частныхъ рукахъ непомѣрныхъ богатствъ.

Съ другой стороны, рабочій охраненъ отъ эксплоатаціи уже однимъ установленіемъ минимальной рабочей платы, ниже которой никто изъ гражданъ не вправѣ будетъ получать. Если же кто-либо будетъ нуждаться въ работѣ, то къ его услугамъ будутъ разныя государственныя предпріятія, которыя будутъ платить минимальную, установленную закономъ плату. Государственные заводы и фабрики будутъ служить резервомъ для труда. Они могутъ вырабатывать такія вещи, которыя, хотя въ данное время не имѣютъ спроса, могутъ пригодиться позже, какъ, напримѣръ, кирпичъ, желѣзо, вещи изъ дерева, гвозди, какія-нибудь простыя ткани, бумага, стекло, искусственное топливо и тому подобные предметы, не подверженные скорой порчѣ. Давая всякому желающему заработокъ по минимальной платѣ, государство въ то же время будетъ содержать дешевые рестораны и гостинницы и будетъ имѣть для продажи дешевую одежду, такъ что никто не будетъ испытывать нужду, разъ онъ желаетъ работать.

Вообще, такъ называемое рабочее законодательство въ „Новой Утопіи“ направлено всецѣло къ тому, чтобы каждому человѣку обезпечить удовлетвореніе минимума его потребностей. Жилищныя удобства, питаніе и одежды будутъ имѣть свои минимальныя нормы, ниже которыхъ потребленіе не будетъ допущено. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что рабочій день въ утопіи ограниченъ по закону, и больше четырехъ или пяти часовъ не продолжается; что же касается до работы, то она и сама по себѣ не можетъ быть особенно изнурительна или хотя бы даже утомительна, вслѣдствіе широкаго примѣненія машинъ. При такихъ условіяхъ труда и заработковъ рабочій въ утопіи не можетъ знать того экономическаго гнета, который отнимаетъ у современнаго рабочаго всякое творчество и иниціативу, всякую радость жизни.

Но „міровое государство“ не будетъ довольствоваться лишь тѣмъ, чтобы встрѣтить нужду въ работѣ своими резервными заводами и мастерскими и своими законами о минимальной рабочей платѣ и минимальномъ удовлетвореніи потребностей. Оно пойдетъ дальше и постарается устранить самыя причины безработицы. Конечно, одна изъ главныхъ современныхъ причинъ безработицы, это—спекулятивная промышленность, у которой „одинъ день пусто, другой день густо“. Но спекуляція будетъ устранена уже однимъ присвоеніемъ государствомъ всѣхъ источниковъ производства и лучшей постановкой справочнаго дѣла. Безработица, однако, можетъ происходить и отъ чрезмѣрнаго размноженія населенія, для котораго можетъ и не хватить въ мірѣ средствъ пропитанія. И вотъ, чтобы держать численность населенія

въ должныхъ границахъ, въ будущемъ государствѣ будутъ дѣйствовать особые законы о бракахъ. Государство будетъ разрѣшать только такіе браки, въ которыхъ мужчины могутъ обезпечить вполнѣ здоровый ростъ и правильное воспитаніе будущихъ дѣтей. Вмѣстѣ съ выдачей разрѣшенія на бракъ государство принимаетъ на себя и извѣстныя обязательства передъ будущей матерью, которой оно гарантируетъ, въ случаѣ смерти или болѣзни главы семьи, опредѣленный минимумъ комфорта.

Таково разрѣшеніе экономическаго вопроса въ „Новой Утопіи“.

Но, помимо этого вопроса, нашу бѣдную землю раздираютъ и многіе другіе вопросы. Мы не знаемъ, что дѣлать съ нашими преступниками и пьяницами; насъ смущаютъ расовые и національные различія и споры; мы стоимъ въ недоумѣніи передъ натискомъ моральныхъ требованій, какъ вегетаріанство, брачныя отношенія и пр. И всѣ эти сомнѣнія и терзанія современнаго человѣчества нашли въ „Новой Утопіи“ свое разрѣшеніе.

Съ преступными элементами и пьяницами „Новая Утопія“ не церемонится. Она отвергаетъ жестокость, но и не признаетъ нѣжностей, которыя она приберегаетъ лишь для дѣтей. Уходъ же за взрослыми —не ея дѣло. „Міровое государство“ не беретъ на себя ни задачи „исправленія“ взрослыхъ людей, ни наказанія ихъ. Отъ вредныхъ элементовъ оно стремится только избавиться и обезпечить себя отъ ихъ потомства. Оно поэтому отвергло тюрьмы и смертную казнь, замѣнивъ ихъ ссылкой на острова, спеціально для этой цѣли назначенные. Но эти Сахалины и Новыя Каледоніи будущаго человѣчества не знаютъ ни каторжныхъ работъ, ни вообще другихъ лишеній и наказаній, какіе были знакомы XIX вѣку. Ссыльные—вполнѣ вольные люди въ предѣлахъ острова, гдѣ анархія не допускается.

Столь же радикально и вполнѣ въ духѣ „Новой Утопіи“ поступаютъ тамъ и съ пьяницами, семь разъ обвиненными въ безобразіи. Они тоже изгоняются на особый островъ, гдѣ они могутъ сколько угодно пить и безобразничать. Такимъ образомъ, въ „міровомъ государствѣ“ есть „островъ мошенниковъ“, „островъ убійцъ“, „островъ пьяницъ“.

Вопросъ о вегетаріанствѣ разрѣшился въ „Новой Утопіи“ очень просто. Бойни и мясныя закрылись потому, что въ концѣ концовъ не нашлось человѣка, который готовъ былъ бы убивать собственными руками скотъ. Люди сдѣлались настолько культурными, благородными и уважающими себя, что хотя они и могли еще ѣсть мясо, но уже съ отвращеніемъ отворачивались отъ зрѣлища крови, отъ акта убійства животнаго.

Само собою разумѣется, что Новая Утопія давно покончила съ

національными вопросами. О войнѣ и таможняхъ уже и рѣчи не можетъ быть. Но даже и расовыя различія не представляютъ тамъ никакихъ затрудненій. „Міровое государство“ знаетъ не націи, не расы, а личность. Если послѣдняя, по своимъ умственнымъ, нравственнымъ и физическимъ даннымъ, ниже окружающихъ ее людей, то она погибнетъ сама собой, безъ всякихъ расовыхъ ограниченій. Если же она не хуже или же даже лучше окружающаго ее уровня, то тѣмъ она полезнѣе для государства.

Такова эта утопія, которая въ сущности ничего необычнаго, ничего такого, чтò не могло бы осуществиться и въ наше время, не представляетъ.

„Чтò мѣшаетъ,—спрашиваетъ Уэллсъ,—цивилизованнымъ народамъ соединиться на почвѣ общаго идеала, общихъ нуждъ и потребностей?“

И отвѣчаетъ: „Тупость, ничего больше какъ тупость, тупая и жестокая зависть, безцѣльная и ничѣмъ не опрáвдываемая“.

Эта тупость и нелѣпость нашей жизни, въ которой люди съ какимъ-то діавольскимъ самоуслажденіемъ сами устраиваютъ себѣ адъ кромѣшный, должна была особенно сильно поразить Уэллса, когда съ высоты своей утопіи онъ спустился на улицу въ центрѣ Лондона. Здѣсь первое, чтò бросилось ему въ глаза, былъ плакатъ, развернутый передъ продавцами газетъ на троттуарѣ. Крупными буквами изображались слѣдующія новости: „Рѣзня въ Одессѣ. — Страшный судъ Линча въ штатѣ Нью-Іоркѣ.—Отпоръ нѣмецкимъ интригамъ.—Награды въ день рожденія короля“.

„О, старый, хорошо знакомый міръ!“—восклицаетъ Уэллсъ.

А все же и нашъ міръ, въ сравненіи съ тѣмъ, чтò было, хотя бы во время Томаса Мора, можетъ считаться утопіей,—скажемъ мы въ утѣшеніе автору. И автора „A Modern Utopia“ уже не постигнетъ участь автора „De optimo statu“, поплатившагося головою за непризнаніе религіознаго авторитета короля.

С. И. Рапопортъ.

Лондонъ.

НЕКРОЛОГЪ.

Николай Ильичъ Стороженко.

Малочисленная семья русскихъ историковъ всеобщей литературы недавно лишилась одного изъ старѣйшихъ и почтеннѣйшихъ своихъ сочленовъ: 12-го января, умеръ въ Москвѣ Н. И. Стороженко, съ честью занимавшій каѳедру въ московскомъ университетѣ болѣе тридцати лѣтъ. Въ высокой степени прискорбно, что рѣдѣютъ негустые кадры русскихъ ученыхъ, оставляя послѣ себя позиціи надолго незанятыми. Біографическій матеріалъ Н. И. Стороженка въ основныхъ чертахъ сводится къ слѣдующимъ даннымъ. Малороссъ по происхожденію, Н. И. родился въ прилукскомъ уѣздѣ, полтавской губерніи, въ 1836 г. Среднее образованіе онъ получилъ въ 1-ой кіевской гимназіи. Въ 1856 году Стороженко поступилъ на историко-филологическій факультетъ московскаго университета. Кромѣ профессоровъ своего факультета, Н. И. слушалъ Крылова, Капустина. Стороженко еще засталъ Грановскаго, но прослушалъ лишь двѣ его лекціи, оставившія въ немъ неизгладимое впечатлѣніе. Изъ профессоровъ своего факультета Н. И. увлекался въ первое время Шевыревымъ, но позже сдѣлался усерднымъ слушателемъ Буслаева и Кудрявцева. На послѣднемъ курсѣ Н. И. сблизился съ Бодянскимъ, которому впослѣдствіи посвятилъ свою докторскую диссертацію.

Свою литературную дѣятельность Стороженко началъ въ 1859 г. статьею о „Малороссійскомъ Сборникѣ“ Мордовцева; подъ вліяніемъ Бодянскаго, Н. И. приступилъ къ переводу „Исторіи славянскихъ законодательствъ“ Мацѣевскаго (часть работы напечатана въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей Росс.“ 1859—61 г.). Во время студенчества Стороженко сталъ увлекаться Шекспиромъ, и въ этомъ увлеченіи его поддерживалъ Бодянскій. Университетскій курсъ Н. И. окончилъ въ 1860 г. и началъ спеціализироваться по исторіи славянскихъ литературъ, но основаніе въ 1863 г. каѳедры всеобщей литературы направило занятія Н. И. въ область западныхъ литературъ, преимущественно къ Шекспиру. Въ 1864 г., Н. И. прочелъ въ 1-ой женской гимназіи, гдѣ былъ преподавателемъ словесности, пять публичныхъ лекцій о Шекспирѣ. Лестный печатный отзывъ объ этихъ лекціяхъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ отцу Н. И., побудилъ его дать средства сыну на поѣздку въ Англію. Н. И. пробылъ загра-

ницей почти годъ. Онъ слушалъ въ Сорбоннѣ лекціи Лабуле, Боассье, Филарета Шаля, Мезьера и др., и работалъ въ Британскомъ музеѣ. Въ 1867 г., Н. И. отправился на два года въ Англію, гдѣ работалъ надъ Шекспиромъ и его предшественниками, посѣтивъ всѣ мѣста, связанныя съ именемъ Шекспира.

Результатомъ занятій въ Англіи были: „Шекспировская критика въ Германіи“ (1869 г.) и „Предшественники Шекспира“ (1872 г.). Защита послѣдней книги на степень магистра состоялась въ петербургскомъ университетѣ. Въ томъ же 1872 г., Стороженко былъ избранъ московскимъ университетомъ доцентомъ по каѳедрѣ исторіи всеобщей литературы. Въ 1873 г., университетъ командировалъ Н. И. заграницу, гдѣ онъ занимался старо-французскимъ и провансальскимъ языками въ Парижѣ, а въ Лондонѣ работалъ надъ диссертаціей о Гринѣ (1878 г.). Съ 1872 г. начинается преподавательская дѣятельность Стороженка: онъ читаетъ въ университетѣ разнообразные, по преимуществу спеціальные курсы: французская средневѣковая литература; исторія старинной англійской литературы; Данте; литература Возрожденія въ Италіи, Германіи и Франціи; Шекспиръ; исторія Шекспировской критики; исторія испанской драмы; исторія критики; исторія романа, и пр. Одновременно съ университетомъ Стороженко началъ чтенія лекцій на высшихъ женскихъ курсахъ. Курсы Стороженка и здѣсь были интересны и разнообразны (греческая драма, римская драма, греческая литература, исторія романа). Въ 1888 г., Н. И. расширилъ свою педагогическую дѣятельность и сталъ читать на драматическихъ курсахъ императорскаго театральнаго училища. Н. И. принималъ близкое участіе въ организаціи училища и работалъ надъ составленіемъ программы по исторіи всеобщей литературы. Преподаваніе этого предмета онъ передалъ въ 1889 г. своему ученику, М. Н. Розанову.

Съ 1876 г. начинается плодотворная дѣятельность Н. И. въ качествѣ члена, а затѣмъ секретаря и предсѣдателя „Общества Любителей Россійской Словесности“ (предсѣдателемъ Н. И. былъ избранъ послѣ смерти Тихонравова въ 1894 г.). Въ 1897 г., Стороженко занялъ должность главнаго библіотекаря московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ. Въ своей преподавательской дѣятельности Стороженко не ограничивался чтеніемъ лекцій, а обращалъ вниманіе и на практическія занятія. Въ семинаріумахъ Стороженка студенты знакомились съ образцами западной литературы, преимущественно средневѣковой, и представляли рефераты на предложенныя профессоромъ темы. Особенное вниманіе удѣлялось исторіи и теоріи драмы. Студенты охотно писали сочиненія на медальныя темы, назначаемыя имъ весьма удачно.

Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе трудовъ Н. И. Стороженка, въ свое время по достоинству оцѣненныхъ критикой,—укажемъ лишь на главныя темы и особенности ихъ критической обработки.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ лицѣ покойнаго ученаго русская наука имѣетъ единственнаго и выдающагося шекспиролога, доказавшаго, что и на нашей почвѣ возможна равноправная конкурренція съ западной наукой при наличности таланта и трудолюбія—даже въ литературѣ по Шекспиру, феноменальной по объему матеріала. Въ обѣихъ диссертаціяхъ Стороженка есть новые матеріалы и новое освѣщеніе, такъ что издатель сочиненій Грина, Гроссаръ, не нашелъ для своего изданія лучшей монографіи о Гринѣ, какъ книга Стороженка, которая и была переведена на англійскій языкъ Ходжесомъ. Весьма тонкимъ критическимъ анализомъ отличаются статьи: „Шекспировская критика въ Германіи", до сихъ поръ сохранившія значеніе руководящихъ. Отдѣльные этюды: „О прототипахъ Фальстафа", „О сонетахъ Шекспира", „О Макбетѣ", „Психологія любви и ревности у Шекспира" и др., ярко освѣщаютъ сюжетъ и вносятъ много свѣжихъ взглядовъ. Общій очеркъ о Шекспирѣ во „Всеобщей Литературѣ" Корша и Кирпичникова, пера Н. И., является образцовымъ въ архитектоническомъ и стилистическомъ отношеніяхъ.

Все, что касалось въ русской литературѣ Шекспира, привлекало вниманіе проф. Стороженка и вызывало его критическіе отзывы (ср. отзывъ о книгѣ Чуйко о Шекспирѣ). Подъ редакціей Н. И. были переведены монографіи Брандеса и Даудена.

Кромѣ Шекспира, покойный профессоръ посвящалъ немало времени и труда и другимъ темамъ, причемъ все же главное мѣсто занимаетъ англійская литература. Таковы статьи о Байронѣ, о поэтахъ нужды и горя, о Паркерѣ и др.

Исторія Возрожденія въ нѣкоторыхъ эпизодахъ была превосходно освѣщена покойнымъ профессоромъ; таковы его лекціи о Доле, о Джорджано Бруно, о педагогическихъ идеяхъ Возрожденія, о философіи Донъ-Кихота, по новой литературѣ (не-англійской). Стороженку принадлежатъ замѣчательные этюды: „Юношеская любовь Гёте", „Г-жа Сталь и ея друзья", „Поэзія міровой скорби".

Труды проф. Стороженка по русской литературѣ немногочисленны, но цѣнятся спеціалистами. Таковы его этюды о Пушкинѣ, о Лермонтовѣ, о Баратынскомъ, объ Екатеринѣ II. Особенно хороши этюды о Пушкинѣ и Баратынскомъ. Симпатіи Стороженка—на сторонѣ родной малорусской литературы; онѣ проявляются особенно ярко въ его прекрасныхъ статьяхъ о Шевченкѣ, куда авторъ внесъ много фактическаго матеріала и чуткаго пониманія духа поэзіи „геніальнаго горемыки".

Въ качествѣ члена и предсѣдателя „Общества Любителей Росс. Слов.“, Стороженко организовалъ цѣлый рядъ юбилейныхъ чтеній, въ которыхъ принималъ личное дѣятельное участіе.

Широта и глубина умственныхъ интересовъ покойнаго профессора сказываются не только въ выборѣ темъ и образцовой ихъ критической обработкѣ;—онѣ сказываются и въ кругозорѣ ученаго, сознательно относящагося къ задачамъ своей науки. Въ этомъ отношеніи весьма поучительны статьи Стороженка на общія темы, напр.: „Возникновеніе реальнаго романа“. Свои задачи, какъ историка литературы, Стороженко понималъ очень глубоко, примыкая къ историческому методу. Самъ онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ формулируетъ задачи литературной критики.

„Критикъ,—говоритъ онъ,—долженъ прежде всего выяснить нити, связующія литературное произведеніе съ духомъ времени, руководящими идеями эпохи и требованіями публики. Но художественное произведеніе есть также продуктъ творческой фантазіи автора. Поэтому его нужно изучать не только въ связи съ идеями эпохи, но и съ міромъ идеаловъ самого художника. Опредѣливъ отношеніе разбираемаго произведенія къ идеямъ эпохи и идеаламъ его творца, критикъ можетъ перейти къ оцѣнкѣ произведенія со стороны художественной. Здѣсь капитальнымъ вопросомъ является вопросъ объ оригинальности сюжета и его освѣщенія.

„Въ каждомъ художественномъ произведеніи, кромѣ достоинствъ эстетическихъ, кромѣ чертъ мѣстныхъ, временныхъ, біографическихъ, есть еще достоинства психологическія: способность проникать въ глубь человѣка и узнавать его сокровенныя стремленія. Благодаря этимъ достоинствамъ, произведеніе становится откровеніемъ человѣческой души, а созданные человѣкомъ образы перерастаютъ національныя, мѣстныя рамки и становятся вѣчнымъ идеаломъ человѣческаго духа. На эту общую сторону должно быть обращено вниманіе критики, ибо универсальность идей и мотивовъ есть первое условіе прочности литературнаго произведенія. Если мы прибавимъ къ этому, что бываютъ произведенія, въ которыхъ, кромѣ того, проводятся извѣстныя философскія или нравственныя идеи, то мы поймемъ, какъ широка должна быть сфера созерцанія историка литературы, которому поочередно приходится быть и историкомъ, и моралистомъ, и психологомъ, и соціологомъ“.

Проф. Стороженко въ большинствѣ своихъ произведеній удовлетворялъ указаннымъ выше требованіямъ отъ историка литературы, и всегда былъ тонкимъ, съ развитымъ эстетическимъ чутьемъ аналитикомъ-историкомъ.

Высокіе этическіе идеалы покойнаго профессора ярко проглядыва-

ваютъ во всѣхъ его трудахъ. Въ немъ вы видите гуманнаго, необыкновенно искренняго человѣка, симпатіи котораго стоятъ на сторонѣ обездоленныхъ и угнетенныхъ.

Усердный поборникъ прогресса, Стороженко съ любовью останавливался на такихъ дѣятеляхъ литературы, которые способствовали умственному и нравственному просвѣтленію своей среды. Наиболѣе яркимъ выраженіемъ гуманности міросозерцанія Стороженка является статья о Теодорѣ Паркерѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ слѣдующихъ словахъ Стороженко высказываетъ свое личное убѣжденіе: „Онъ былъ провозвѣстникомъ того желаннаго времени, которое давно уже призывается друзьями человѣчества,—когда исчезнутъ національные предразсудки и расовыя антипатіи, и когда люди увидятъ другъ въ другѣ братьевъ. Будучи глубоко убѣжденъ въ конечномъ наступленіи этой счастливой поры, онъ утѣшалъ унывающихъ словами: „битва за истину, какъ бы ни казалась она безнадежной, въ концѣ концовъ будетъ выиграна".

Всѣ симпатіи Стороженка—на сторонѣ тѣхъ поэтовъ, которые стремятся „не дать погаснуть въ нашей душѣ священной искрѣ сострадані къ меньшему брату". Внутренней гармоніи міросозерцанія Стороженка соотвѣтствуетъ внѣшняя стилистическая форма его произведеній, необыкновенно ясная и изящная, напоминающая англійскихъ писателей школы Маколея. Память о Н. И. Стороженкѣ, какъ о солидномъ ученомъ, талантливомъ профессорѣ, широко и всесторонне образованномъ человѣкѣ, гуманномъ наставникѣ и учителѣ, никогда не угаснетъ въ той интеллигентной средѣ русскаго общества, которой дороги завѣты гуманности, науки и просвѣщенія. Multis ille flebilis occidit.

Л. Шепелевичъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 марта 1906.

Тяжелыя перспективы.—Реакція и ея проявленія.—Военная диктатура.—Девятнадцатое февраля.—Кого будутъ выбирать въ Государственную Думу?—Страница изъ исторіи „свободной" печати въ Харьковѣ.—Изъ недавняго прошлаго: г. Зубатовъ о „зубатовщинѣ".

Какъ все станетъ ясно будущему историку и какъ безконечно трудно намъ, современникамъ, разобраться въ совершающемся! Только когда это совершающееся обратится изъ настоящаго въ прошлое—прошлое не вчерашняго дня, а десятилѣтій,—раскроется законосообразность явленій, изъ которыхъ слагалась русская революція. Только тогда обнаружится логическая причинность скачковъ въ общественномъ настроеніи. Только тогда опредѣлится, почему революція привела къ данному результату, и почему она не могла привести къ иному...

Счастливое положеніе историка! Передъ нимъ стоитъ результатъ во всей силѣ реальнаго факта: результатъ конечный и частные—отдѣльныхъ моментовъ роста и развитія событій. Какъ бы добросовѣстно историкъ ни старался переноситься мыслью назадъ и оцѣнивать дѣйствія подъ угломъ зрѣнія тѣхъ, кто жилъ, мыслилъ и работалъ до наступленія этого факта, онъ, помимо воли своей, неизбѣжно всегда отправляется отъ результатовъ. И роковой для современниковъ вопросъ: „почему?"—для него перестаетъ быть загадкой.

Что охватившее Россію движеніе дастъ въ концѣ концовъ результатъ положительный—въ этомъ и у насъ нѣтъ и не можетъ быть сомнѣній. Пробужденіе народнаго сознанія не проходитъ безслѣдно. Стремленіе къ свободѣ и праву слишкомъ глубоко заложено въ природу человѣка, чтобы, разъ сознанное и въ сознаніи формулированное, оно могло замереть. Но какъ долго движенію суждено быть только движеніемъ? Какъ дологъ будетъ періодъ борьбы? Черезъ сколько кровавыхъ дней, мѣсяцевъ или лѣтъ настанетъ время для нормальной жизни государства и для спокойнаго, мирнаго развитія культуры и всего того, что̀ для населенія составляетъ не форму, а содержаніе существованія? Что̀ замедляетъ исходъ борьбы и что̀ способно ускорить теченіе болѣзненнаго процесса? Какъ приблизиться къ разрѣшенію кризиса? Неужели не удастся обойтись безъ насильственнаго переворота? Неужели призракъ пугачевщины—стихійной власти „черни съ милліоновъ"—не останется только страшнымъ призракомъ? Неужели придется его пережить? И какъ предотвратить хаосъ анархіи?...

Всѣ эти вопросы не давали минуты покоя до 17-го октября. Въ тотъ памятный вечеръ раскрылся горизонтъ, и въ лучахъ зари показался обликъ обновленной Россіи—свободной, мирно живущей подъ охраной права и получившей возможность приступить къ экономическому перерожденію. Затѣмъ тотчасъ же маятникъ общественнаго настроенія, искусственно оттягивавшійся въ теченіе многихъ лѣтъ вправо, стремительно полетѣлъ влѣво. Возникла опасность эксцессовъ и ихъ слѣдствія—реакціи. Реакція наступила. Маятникъ такъ же стремительно полетѣлъ назадъ. Онъ не остановился на отвѣсной линіи равновѣсія, моментально ее перешелъ и все дальше и дальше уклоняется туда, гдѣ его держали цѣпи произвола, давая миражъ спокойствія и показного внѣшняго порядка. Настало время кровавой развязки... За такимъ уклоненіемъ не можетъ не послѣдовать обратнаго размаха. А съ нимъ вмѣстѣ жизнь опять вступитъ въ полосу эксцессовъ революціи. Снова встанутъ мучительные вопросы...

Настоящіе дни—именно дни развязки, развязки дикой, безудержной, ужасной. И инертныя массы, которыя еще три только мѣсяца назадъ рукоплескали насиліямъ надъ городовыми и губернаторами, рукоплещутъ разстрѣламъ и сожженію деревень. Войскамъ за „энергичное" подавленіе возстанія подносятся отъ такъ называемаго высшаго общества благодарственные адресы. Вырвать съ корнемъ „крамолу" стало для многихъ лозунгомъ...

На митингахъ въ ноябрѣ и декабрѣ толпа кричала: „долой царя!"; „долой Витте!"—за то, что онъ ограничиваетъ свободу. На митингѣ 12-го февраля толпа опять кричала: „долой Витте!", но ужъ за то, что онъ—источникъ крамолы, „ставленникъ жидовъ". И толпа кричала на этотъ разъ еще болѣе изступленно: „На скамью подсудимыхъ!" „Въ шлиссельбургскую крѣпость преступника!" „Удушить удава!" А кто поручится, что это не была та же самая толпа? Въ ноябрѣ она шла за одними. Настроеніе измѣнилось—и она пошла, въ февралѣ, за другими.

Или вотъ краткія выдержки изъ отчета о засѣданіяхъ 10-го и 11-го февраля „Русскаго Собранія" („Наша Жизнь", № 370). Человѣкъ, котораго никто не заподозритъ въ либерализмѣ, А. В. Васильевъ, „высказывается противъ введенія въ программу пункта, рекомендующаго власти безжалостно подавлять безпорядки. Ораторъ напоминаетъ, что церковь наша молится объ избавленіи отъ внутренней усобицы. ... мы къ ней призываемъ. Нужно побольше милосердія". Эти слова [вы]звали среди присутствующихъ шиканье. „Членъ союза русскаго на[р]ода, критикуя г. Васильева, говоритъ о необходимости безжалостно [у]ничтожать, ни передъ чѣмъ не останавливаясь, крамолу. Компро[м]иссовъ, уступокъ быть не должно. Мы не должны подражать дву-

личнымъ министрамъ. Мы должны открыто заявить о нашемъ твердомъ намѣреніи уничтожить крамолу. Пусть трепещутъ крамольники". Другой ораторъ доказывалъ, „что въ подавленіи мятежа силой нѣтъ, съ религіозной точки зрѣнія, ничего преступнаго, потому что велѣнія верховной власти освящены Богомъ". На слѣдующій день встрѣтили такой же рѣшительный отпоръ слова того же А. В. Васильева: „Россія крѣпка соборнымъ началомъ, нашедшимъ себѣ выраженіе въ мірскомъ владѣніи землей и во взглядѣ народа на землю, какъ на Божью и царскую". Г. Туткевичъ доказывалъ, что „по Христу собственность должна существовать и даже наслѣдственная". Г. Грингмутъ, подъ громъ апплодисментовъ, заявлялъ, что аграрное движеніе намѣренно создано у насъ марксистомъ и соціалистомъ—графомъ Витте.

Изъ приведенныхъ примѣровъ едва ли правильно, скажутъ намъ, дѣлать заключеніе о тонѣ и характерѣ общественнаго настроенія, ибо, въ виду запрета всякаго рода собраній людей другого лагеря, нельзя слышать иныхъ голосовъ. Возраженіе это имѣетъ силу только отчасти. То, что говорится теперь на черносотенныхъ митингахъ и въ „Русскомъ Собраніи", два-три мѣсяца назадъ не раздавалось вовсе. Напротивъ, приходилось постоянно наблюдать, что люди, таившіе въ душѣ мысли и чувства оппонентовъ г. Васильева, подчиняясь всеобщей склонности симпатій въ лѣвую сторону, если не молчали, то высказывались съ оговорками, не столько требуя, сколько оправдываясь. Они стыдились, а теперь не стыдятся.

Уже съ августа и сентября прошлаго года было очевидно, что неопредѣленная правительственная политика сплошныхъ противорѣчій дольше продолжаться не можетъ. Уже тогда рисовались два ближайшихъ исхода: или образованіе правительства реформъ, или военная диктатура. Ознаменованіемъ перваго исхода называли призывъ къ власти графа Витте. Ознаменованіемъ второго—призывъ генерала, извѣстнаго не боевыми подвигами, а своей дѣятельностью на высшихъ административныхъ должностяхъ и въ качествѣ члена Государственнаго Совѣта.

Одни диктатуры желали, другіе боялись. Боялись, какъ исключительной власти и исключительнаго господства силы. Боялись за данную минуту, за попраніе элементарныхъ основъ человѣческаго существованія въ данный моментъ, боялись произвола, арестовъ, ссылокъ, казней—необходимыхъ спутниковъ торжества силы—самихъ по себѣ. Но боялись также и заглядывая въ будущее.

Войско въ современномъ государствѣ—сила колоссальная. Колоссальная—числомъ штыковъ и еще болѣе организаціей, сковывающей

его въ компактную массу. Войско имѣетъ свое представленіе о чести, о долгѣ и получаетъ своеобразное воспитаніе. Все это обособляетъ его отъ другихъ государственныхъ органовъ. Иначе, конечно, и быть не можетъ. Юстиція и полиція должны быть сильными въ правѣ. Задача войска быть правымъ въ силѣ. Оно должно быть грознымъ оружіемъ противъ непріятеля. А для этого должно обладать, прежде всего и главнымъ образомъ, качествами активнаго бойца. Будучи же таковымъ, войско несомнѣнно заключаетъ въ себѣ элементъ громадной опасности для государства, интересамъ котораго, въ области международныхъ отношеній, оно призвано служить. Никакое право не устоитъ никогда противъ могущественной силы войска. Отсюда вытекаетъ основное условіе бытія войска: абсолютное подчиненіе его государству. Этимъ именно и объясняется принципъ исключительной для военнослужащихъ вѣрности престолу и отечеству. Онъ важенъ для проникновенія въ сознаніе всѣхъ военныхъ, отъ главнокомандующаго до послѣдняго рядового, не иного пониманія своей дѣятельности, какъ только дѣятельности служебной по указаніямъ, идущимъ извнѣ. Военная диктатура всю эту сложную систему нарушаетъ. Государственная власть при ней отказывается отъ руководящей войскомъ роли. Войско получаетъ право самоопредѣленія и, какъ сила, становится безудержнымъ, безграничнымъ владыкой, который все можетъ и для котораго нѣтъ ничего неприкосновеннаго. Если же сила разъ получитъ полноту власти, то чрезвычайно трудно ее остановить, и самой ей нелегко остановиться.

Опасенія не оправдались. 17-го октября въ управленіе вступилъ графъ Витте. Правительство объявило своими лозунгами: „гражданскую свободу“ и „правовой порядокъ“... Прошло, однако, четыре мѣсяца—и въ Россіи самая ужасная форма военной диктатуры: диктатура необъединенная. Вмѣсто одного оказались десятки полновластныхъ диктаторовъ.

И они каждый день показываютъ свое полновластіе. Одинъ издаетъ неграмотный приказъ о томъ, чтобы передъ нимъ снимали шапки, угрожая въ противномъ случаѣ штрафомъ и арестомъ. Другой съ легкимъ сердцемъ объявляетъ о суммарной отвѣтственности селеній въ уплатѣ наложенной пени. Третій обѣщаетъ смертную казнь за невзносъ податей. Четвертый—за храненіе взрывчатыхъ снарядовъ. И всѣ вмѣстѣ разстрѣливаютъ безъ всякаго суда, или по приговорамъ ими самими измышленныхъ судовъ, сѣкутъ и жгутъ. Отъ генералъ-губернаторовъ диктатура переходитъ къ начальникамъ отрядовъ, отъ нихъ къ мичманамъ и поручикамъ. „Я не сторонникъ быстрыхъ рѣшеній и расправъ“,—говорилъ корреспонденту „Руси“ (№ 21) высшій представитель военной власти въ прибалтійскомъ краѣ. Были даже дѣ-

лаемы распоряженія о прекращеніи злоупотребленій, но остались безъ исполненія. „Объясняется это—пишетъ корреспондентъ, повидимому, со словъ генерала—горячностью молодыхъ увлекающихся начальниковъ карательныхъ экпедицій. Гг. лейтенанты, корнеты и подпоручики словно соперничаютъ между собою, кто больше сжегъ".

Опасность же войска для государства, если оно перестаетъ быть только орудіемъ въ рукахъ внѣ его стоящей власти, обусловливаетъ тщательное устраненіе его отъ вмѣшательства въ политику. Ибо само собою разумѣется, что никакая идейная борьба не может имѣть мѣста, когда одна изъ идей опирается на сотни тысячъ организованныхъ штыковъ. А военная диктатура именно вовлекаетъ войско въ политику. То, что происходило подъ Москвой, въ Бахмутѣ и Кременчугѣ и происходитъ въ прибалтійскомъ краѣ, въ царствѣ польскомъ и на Кавказѣ, ясно показываетъ, что войска дѣйствовали и дѣйствуютъ не какъ точные исполнители единственно свойственной имъ задачи: силой побѣдить силу. Они съ корнемъ вырывали и вырываютъ „крамолу", т.-е. задавались и задаются иной цѣлью: побѣдить силой возможность будущихъ революціонныхъ дѣйствій. Такая дѣятельность уже не есть дѣятельность по приказу. Это — дѣятельность самостоятельная, во имя политической идеи. Не фактъ насильственнаго нарушенія законовъ латышами, эстами, армянами, поляками, желѣзнодорожными служащими и почтово-телеграфными чиновниками служитъ ея обоснованіемъ, а сепаратистскія стремленія однихъ, соціалистическія требованія другихъ и республиканскія желанія третьихъ. Войска, быть можетъ, вопреки намѣреніямъ посылавшихъ ихъ, изъ органа только силы обратились въ самостоятельный органъ права, посредствомъ силы проводящій идею. Отсюда одинъ незамѣтный шагъ до того рокового для государства момента, когда войска начнутъ ставить и диктовать ему условія.

Теперь раскрывается, почему правительство въ октябрѣ, ноябрѣ и до половины декабря не прибѣгало къ вооруженной силѣ и пассивно относилось къ развитію революціонныхъ эксцессовъ. Тогда думалось, что новое правительство—дѣйствительно новое, что ему такъ же противны старые пріемы безправія и произвола, какъ и „благоразумному большинству общества", солидарность съ которымъ столь опредѣленно была выражена во всеподданнѣйшемъ докладѣ графа Витте. Думалось, что правительство, по крайней мѣрѣ, извѣрилось въ цѣлесообразность этихъ пріемовъ. Нѣтъ, причина была другая: правительство не надѣялось на войска, не надѣялось, что они будутъ съ нимъ, а не противъ него. Оно переоцѣнило тогда значеніе событій въ Севастополѣ, въ Кіевѣ, въ ростовскомъ полку въ Москвѣ. Какъ только дѣйствія семеновскаго полка и отряда генерала Орлова показали дру-

гое, оно почувствовало себя сильнымъ—и все перевернулось. Почувствовало сильнымъ штыками, благодаря штыкамъ и при политической поддержкѣ штыковъ! Въ этой силѣ—залогъ скораго безсилія...

Изготовленъ органическій законъ для Государственной Думы. Едва ли могутъ быть сомнѣнія, въ какую сторону новый законъ используетъ общность выраженій и недомолвки манифеста 17-го октября. Допустимъ, что Дума окажется не радикальной, а просто строго-конституціонной, и что она твердо будетъ держаться широкаго смысла возвѣщенныхъ началъ гражданской свободы и конституціоннаго строя. Не надо также допускать, что Дума, согласно точнаго разума третьяго пункта манифеста, выразитъ намѣреніе пересмотрѣть основные законы: это будетъ навѣрное. Тоже навѣрное можно ожидать, если общественное настроеніе въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не измѣнится, что это встрѣтитъ несочувствіе сторонниковъ возврата къ старому — къ неограниченному самодержавію царя въ теоріи и къ чиновничьему самовластію на практикѣ. Допустимъ, что правительство и даже верховная власть станутъ колебаться. И вдругъ раздастся не голосъ, а раздадутся залпы пушекъ и ружей, заблестятъ сабли, засвищутъ нагайки!.. Что̀ за этимъ послѣдуетъ — лучше не гадать...

Съ тяжелымъ чувствомъ пришлось встрѣтить свѣтлый день—19-ое февраля. Въ либеральныхъ общественныхъ кругахъ давно вошло въ обычай этотъ день чествовать. Почему—доказывать нѣтъ надобности. Также стремилось его всегда чествовать земство. И любопытно вспомнить, какъ относилась власть къ этому стремленію. Можно было думать, что либералы и земство хотятъ во что бы то ни стало, чтобы не исчезъ изъ памяти народной или день, когда произошелъ насильственный государственный переворотъ, или вообще день, памятный по какому-либо преступно-революціонному дѣйствію. Только въ 1880 г. разрѣшено было нѣкоторымъ земствамъ въ ознаменованіе 19-го февраля открыть особыя школы—и то не въ ознаменованіе освобожденія крестьянъ, а двадцатипятилѣтія царствованія Александра II. Даже молебны въ этотъ день запрещались. Въ 1886 г. исполнилось четверть вѣка великой реформы. Единодушнымъ желаніемъ было и земствъ, и городовъ, и крестьянъ, и дворянства, достойнымъ образомъ отмѣтить юбилей. Въ отвѣтъ послѣдовало распоряженіе о томъ, что можетъ быть допускаемо лишь полувѣковое чествованіе событій. Мы вспоминаемъ, съ какимъ удивленіемъ узнали многія земскія собранія, которыя рискнули въ 1901 г., въ сорокалѣтнюю годовщину, начать ежегодныя денежныя отчисленія для образованія спеціальнаго фонда на нужды народнаго образованія въ память 19-го февраля, что ихъ по-

становленія не отмѣнены по „явному несоотвѣтствію интересамъ населенія"...

Лишенные возможности иныхъ формъ чествованія, либералы въ Петербургѣ, въ Москвѣ и во многихъ провинціальныхъ городахъ поддерживали обычай скромными обѣдами въ ресторанахъ и клубахъ. И то не каждый годъ удавалось собираться. Бывали годы, когда отъ рестораторовъ отбирались подписки—залъ въ этотъ день для обѣдовъ не отдавать и совмѣстныхъ обѣдовъ десятка, хотя бы случайно сошедшихся, людей не устраивать. Въ другіе годы говорившееся на обѣдахъ сейчасъ же дѣлалось достояніемъ департамента полиціи.

Общій тонъ застольныхъ рѣчей всегда бывалъ минорный. Да и могло ли быть иначе! Ни о чемъ другомъ нельзя говорить 19-го февраля, какъ о томъ, что далъ лишній годъ для развитія свободнаго человѣка въ Россіи. Приходилось отвѣчать: или ничего, или минусъ. Обычный пессимизмъ однажды, помнится, получилъ характерное выраженіе въ остроумныхъ словахъ извѣстнаго писателя: послѣ 19-го февраля 1861 г. наступило то, что̀ и должно было наступить по календарю—двадцатое. Оно наступило, и съ нимъ пришли „люди двадцатаго числа". Только два раза на обѣдахъ одного кружка въ Петербургѣ чувствовалась нѣсколько повышенная нота: въ 1895 и въ 1903 гг. Въ первый разъ—хотя обѣдъ происходилъ уже послѣ извѣстнаго пріема земскихъ депутацій—всѣ говорившіе все же были подъ впечатлѣніемъ конца ужаснаго тринадцатилѣтняго кошмара. Казалось, —что̀ бы ни ждало впереди, будетъ не то — не давящее и мертвящее однообразіе спокойно-увѣренной реакціи. Чувствовалось, что у всѣхъ явилась хоть капля надежды, если не на лучшее, то на новое, живое. А когда человѣкъ надѣется, онъ мечтаетъ. Такъ мечтали мы тогда о немногомъ: объ отмѣнѣ самаго отвратительнаго наслѣдія рабства—розги... Понадобилось девять лѣтъ, чтобы изъ закона была выкинута эта унизительная мерзость. Понадобилась для того война, смерть Плеве!.. Сколько еще понадобится времени и какихъ событій, чтобы розга, кулакъ и нагайка были выкинуты и изъ обихода жизни...

Во второй разъ обѣдъ происходилъ въ самый разгаръ режима Плеве. Но прозрѣвался уже близкій его крахъ. Къ 19-му февраля 1903 г. стали извѣстны заключенія комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Заключенія обнаружили, что, несмотря ни на что, мысль общества зрѣла и въ самыхъ глухихъ даже углахъ созрѣла до правосознанія. Общество, спрошенное объ арендахъ, о сельско-хозяйственныхъ инструкторахъ, о жучкахъ, оврагахъ и о размежеваніи черезполосицы, отвѣтило общими правовыми и культурными нуждами деревни. Никакія ссылки и канцелярскія ухищренія не смогли заглушить сознательнаго и категоричнаго призыва къ

праву, къ уравненію крестьянъ съ другими сословіями, къ упраздненію земскихъ начальниковъ, къ свѣту народной школы... Эти заключенія краснорѣчиво свидѣтельствовали, что у тѣхъ, кто чествуетъ великій актъ, есть могучій союзникъ—общественное самосознаніе, котораго не осилятъ ни репрессіи, ни сотни хитро задуманныхъ законовъ, и который въ концѣ концовъ все побѣдитъ.

И онъ—наканунѣ побѣды! А чувства на душѣ все же гнетущія. Канунъ затягивается. Канунъ можетъ быть долгимъ, кровавымъ, полнымъ ужасовъ красной, черной или бѣлой анархіи—вотъ что гнететъ. Подъ этимъ впечатлѣніемъ были, очевидно, всѣ авторы, сопоставлявшіе 19-ое февраля 1861 г. съ нынѣшнимъ моментомъ въ рядѣ статей, напечатанныхъ въ первомъ нумерѣ новой газеты „Страна". Никто не видитъ разрѣшенія кризиса въ ближайшемъ будущемъ...

Приближается время выборовъ въ Государственную Думу. Для тѣхъ, кому предстоятъ выборы трехстепенные, оно уже наступило. Мелкіе землевладѣльцы и крестьяне мѣстами выбрали, мѣстами выбираютъ въ настоящіе дни уполномоченныхъ. Сами собою встаютъ вопросы: кого станутъ выбирать? Чѣмъ будутъ руководствоваться избиратели—не единицы, а массы,—когда имъ придется опускать шары направо или налѣво? Сыграютъ ли при этомъ роль—и какую—партійныя программы и агитація?

По нашему мнѣнію, массы будутъ выбирать не между партіями, а между людьми. И придутъ въ Думу не представители партій, а люди. Такой вѣроятный исходъ подсказываетъ многое: степенность избранія, новизна дѣла, отсутствіе всѣмъ извѣстныхъ политическихъ именъ, слабое, въ общемъ, значеніе представительства городовъ и, напротивъ, весьма сильное, мелкаго землевладѣнія и крестьянства,—отчасти, пожалуй, и партійная рознь.

Говоримъ: „отчасти" и „пожалуй", ибо едва ли глубоко проникла и проникнетъ въ нѣдра избирательныхъ массъ агитація партій, разбившихся на множество группъ, въ глазахъ рядового обывателя почти не отличающихся по политической физіономіи. Даже въ Петербургѣ, изъ ста-двадцати тысячъ избирателей наврядъ болѣе трети формально примкнули къ какой-либо изъ партій. А въ провинціи очень еще много времени пройдетъ, прежде чѣмъ программы и воззванія обратятся изъ листковъ болѣе или менѣе скучнаго или занимательнаго чтенія—въ платформы, которыя для избирателя станутъ выраженіемъ его собственныхъ мыслей и идеаловъ. Быть можетъ, на замедленіи процесса политическаго воспитанія отразятся существующіе теперь запреты собраній и митинговъ—противъ этого не споримъ. Но преувеличивать

значеніе внѣшнихъ препятствій не слѣдуетъ: оно невелико. Не мѣсяцы нужны, чтобы обыватель преодолѣлъ присущій личный скептицизмъ и поднялся надъ интересами „своей колокольни". Кто и заявитъ о вступленіи въ партію—и тому очень вѣрить нельзя: баллотировка—дѣло темное, можно и слукавить.

Уже законъ 6-го августа давалъ на выборахъ преобладаніе крестьянамъ и мелкимъ землевладѣльцамъ. Законъ 11-го декабря пошелъ въ этомъ направленіи еще дальше. Правда, онъ расширилъ во много разъ предѣлы избирательнаго права и для городского населенія: число избирателей въ Петербургѣ увеличилось, по меньшей мѣрѣ, въ двадцать разъ. Но вообще опредѣлится составъ Думы не представителями городовъ. Во-первыхъ, города только по исключенію будутъ имѣть особыхъ представителей; въ большинствѣ же, выборщики отъ городовъ численно расплываются въ преобладающихъ и чуждыхъ имъ группахъ отъ землевладѣльцевъ и крестьянъ. Во-вторыхъ, однородный критерій количества населенія привелъ къ тому, что такіе центры умственной жизни, какъ Петербургъ, Москва и Одесса, будутъ представлены шестью, четырьмя и однимъ членами Думы, а вятская губернія—тринадцатью, тамбовская—двѣнадцатью, уфимская—десятью. Изъ внѣгородского населенія закономъ 11-го декабря охвачены всѣ землевладѣльцы, притомъ крестьяне-собственники вдвойнѣ: какъ участники волостныхъ сходовъ и по личному цензу. Этого рода избирателей, совмѣстно съ сельскимъ духовенствомъ, было весьма много и по правиламъ 6-го августа, требовавшимъ владѣнія не менѣе, чѣмъ десятою частью крупнаго ценза. Теперь же они представляютъ подавляющее количество, даже если принять не число собственниковъ, а число составляемыхъ ихъ владѣніями крупныхъ цензовъ, на каждый изъ которыхъ они могутъ выбрать по уполномоченному. Не имѣя подъ руками цифровыхъ данныхъ, мы едва ли грубо ошибемся, если скажемъ, что на одного крупнаго собственника въ уѣздныхъ съѣздахъ будетъ приходиться по десяти уполномоченныхъ.

Такимъ образомъ, на уѣздныхъ съѣздахъ рѣшающій голосъ будетъ принадлежать мелкимъ землевладѣльцамъ. На губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ—тѣмъ, кого выберутъ они и крестьяне. Что же за элементъ представляютъ собою, въ общемъ, мелкіе землевладѣльцы? Отвѣтить на вопросъ чрезвычайно трудно, потому что мелкіе землевладѣльцы, не-дворяне, до настоящаго времени стояли въ сторонѣ отъ всякаго рода общественныхъ организацій: въ сельскихъ и волостныхъ они не участвовали, въ земскихъ—также. Во всякомъ случаѣ, они менѣе всѣхъ другихъ элементовъ политически воспитаны. Съ другой стороны, они суть люди извѣстнаго достатка, слѣдовательно не склонны къ экспансивности, какъ крестьяне-общинники, напротивъ,

они привыкли дѣйствовать съ крайней осторожностью. Общіе вопросы ихъ наименѣе волнуютъ. У нихъ нѣтъ того сплошного горя и той безысходной нужды, которыя заставляютъ невольно крестьянъ додумываться до общихъ вопросовъ. У нихъ нѣтъ образованія, чтобы доходить до этихъ вопросовъ теоретически. А чисто мѣстныя нужды имъ наиболѣе близки. Все это вмѣстѣ взятое даетъ полное основаніе ожидать, что главные избиратели будутъ выбирать именно людей, т.-е. тѣхъ, кого они лично знаютъ.

Хорошо это или худо? Мы скорѣе думаемъ, что хорошо. Избраніе на основаніи программъ и партійной агитаціи требуетъ, во-первыхъ, строгой продуманности программныхъ требованій и твердо установившихся партійныхъ отличій. Во-вторыхъ, оно требуетъ, чтобы явились имена, олицетворяющія въ сознаніи населенія каждую партію. Отсутствіе же этихъ условій неизбѣжно дастъ еще болѣе случайный результатъ, чѣмъ выборы Петра Петровича или Ивана Ивановича потому, что его въ губерніи знаютъ, какъ человѣка честнаго, готоваго послужить общему дѣлу по мѣрѣ силъ и разумѣнія.

Долгое время въ Харьковѣ существовала своеобразная газетная монополія. Наконецъ, послѣ 17-го октября, явилась возможность выпустить ежедневное изданіе, обставленное надлежащимъ образомъ. Во главѣ новой газеты („Міръ") сталъ предсѣдатель мѣстнаго „Юридическаго Общества", проф. Н. А. Гредескулъ, при ближайшемъ участіи нѣсколькихъ другихъ профессоровъ и общественныхъ дѣятелей; въ числѣ сотрудниковъ названо было нѣсколько именъ, пользующихся уваженіемъ въ литературѣ. Мѣстное общество отнеслось къ газетѣ съ небывалымъ дотолѣ довѣріемъ и симпатіей: въ первый же день раскуплено было семнадцать тысячъ экземпляровъ, и дальнѣйшій спросъ не могъ быть удовлетворенъ по техническимъ условіямъ скромной типографіи, согласившейся печатать газету. Очевидно, что харьковское общество нуждалось въ такого рода газетѣ.

Но лица, которымъ предоставлено безконтрольно опекать общество, очевидно, полагаютъ, что городъ съ двухсотъ-тысячнымъ населеніемъ и тремя высшими учебными заведеніями еще не доросъ до независимой газеты. „Міръ" былъ запрещенъ въ первый же вечеръ по выходѣ, подъ предлогомъ, что газета самовольно воспользовалась указаніями Высочайшаго манифеста и рѣшилась выходить безъ цензуры, когда цензура къ ея услугамъ была еще въ полной готовности (27 ноября 1905). На другой день подоспѣли „временныя правила о печати", и газета опять стала выходить безостановочно... въ продолженіе цѣлыхъ двѣнадцати дней, послѣ чего въ квартиру редактора явился,

ночью, вооруженный отрядъ войска; перерыли все до ниточки, перепугали жену и дѣтей и отвели профессора (декана факультета) въ исправительное арестантское отдѣленіе. Газета тогда же была „пріостановлена", а виновныя въ ея печатаніи двѣ машины и наборная—опечатаны и къ нимъ были приставлены солдаты. Въ виду безсрочности „пріостановки", издатель „Міра" уничтожилъ съ значительными убытками договоръ на аренду двухъ скоропечатныхъ машинъ съ типографщикомъ, который, вслѣдствіе возвращенія машинъ въ его собственность, просилъ освободить ихъ отъ ареста и дозволить ему заниматься своимъ обычнымъ промысломъ. Просьба эта уже два мѣсяца остается безъ удовлетворенія, и ни въ чемъ неповинный человѣкъ терпитъ огромные убытки.

На смѣну „Міра" стала выходить „Волна", при сократившемся числѣ сотрудниковъ. Просуществовала она мѣсяцъ, и частью вольно, частью невольно, перемѣнила четырехъ редакторовъ: проф. М. П. Чубинскій, проф. Н. А. Максимейко, И. П. Бѣлоконскій и Ф. А. Павловскій. Послѣдній пробылъ редакторомъ три дня, и газета „Волна" пріостановлена опять на безконечное время, „впредь до особаго распоряженія".

Черезъ недѣлю стала издаваться княземъ Н. Я. Кутыевымъ, подъ ред. И. П. Бѣлоконскаго, новая газета „Будущее", при прежнихъ сотрудникахъ „Волны" (перерывъ между „Міромъ" и „Волной" длился болѣе двухъ недѣль). Просуществовала эта новая газета, при постоянныхъ угрозахъ и требованіяхъ „измѣнить направленіе", всего пять дней. Отвѣтъ, что газета издается для общества, а не для начальства, вызвалъ предупрежденіе, что, въ противномъ случаѣ, газета будетъ немедленно закрыта, а членовъ редакціи постигнетъ участь проф. Н. А. Гредескула, которому уже объявлено распоряженіе объ административной высылкѣ на четыре года въ отдаленныя мѣста архангельской губерніи. Такимъ образомъ, подъ флагомъ свободы слова, въ полной мѣрѣ возобновились незабываемыя времена пятидесятыхъ годовъ. Не имѣя возможности рисковать ссылкой сотрудниковъ и интересами подписчиковъ, издатели рѣшились на самоубійство: „Будущее" перестало выходить...

По поводу нашей хроники въ предыдущей книжкѣ „Вѣстника Европы" мы получили письмо отъ г. Зубатова. По чувству справедливости и въ виду несомнѣннаго интереса, какой представляетъ это письмо, печатаемъ его сполна, безъ всякихъ измѣненій.

„Въ февральской книжкѣ „Вѣстника Европы", въ отдѣлѣ „Изъ общественной хроники" (стр. 850), я прочиталъ слѣдующе: „Кто слыхалъ про организацію рабочихъ, тотъ знаетъ, что она—дѣло рукъ Зу

батова и департамента полиціи. Извѣстно было, какъ въ Москвѣ, въ цѣляхъ борьбы съ революціей, устраивались собранія рабочихъ, на которыхъ имъ читались „благонамѣренныя“ лекціи. Извѣстно было, что, переведенный въ Петербургъ, Зубатовъ энергично дѣйствовалъ въ томъ же направленіи и здѣсь, пока не попался въ какомъ-то злоупотребленіи. Въ памяти оставались депутаціи отъ рабочихъ, явившіяся въ „Русское собраніе“, и случаи обнаруженія между наиболѣе активными рабочими переодѣтыхъ полицейскихъ. Кто слыхалъ про священника Гапона, тотъ зналъ, что онъ—ставленникъ Зубатова, служилъ священникомъ въ пересыльной тюрьмѣ и имѣлъ близкія сношенія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве. Невольно вставалъ неразрѣшимый вопросъ: какъ при всемогуществѣ полиціи и при ея руководительствѣ рабочія организаціи могли сдѣлаться революціонными, какъ могло революціонное въ нихъ движеніе развиться до полуполитической, полуэкономической забастовки?..“

„Чтобы обстоятельно опровергнуть приведенныя здѣсь фактическія неточности и такимъ же образомъ отвѣтить на дѣлаемый авторомъ вопросъ—нужно написать цѣлый томъ.

„Настоящимъ письмомъ я позволяю себѣ лишь категорически заявить, что я ни въ какихъ „злоупотребленіяхъ“ не попадался; что случаи нахожденія „между наиболѣе активными рабочими переодѣтыхъ полицейскихъ“—мнѣ неизвѣстны, за отсутствіемъ таковыхъ; что Г. А. Гапонъ мой ставленникъ—вѣрно лишь въ томъ смыслѣ, что онъ былъ введенъ въ среду рабочихъ черезъ единомышленныхъ мнѣ лицъ, но не въ томъ, что я обрѣлъ его, ибо мнѣ самому онъ былъ рекомендованъ петербургскимъ градоначальствомъ, какъ состоявшій на самомъ лучшемъ счету (я прослужилъ въ Петербургѣ всего девять мѣсяцевъ).

„Очевидно, почтенный авторъ „хроники“ былъ введенъ въ заблужденіе циркулировавшими во множествѣ слухами и пересудами, которые опровергать печатно я находилъ излишнимъ.

„Несмотря на мое упорное молчаніе, давнее полнѣйшее устраненіе отъ людей и отъ всякихъ дѣлъ, печать все чаще и грубѣе продолжаетъ касаться моей личности и дѣятельности. Пока это практиковалось крайними „правыми“ и „лѣвыми“—мнѣ это было понятно и переносилось мною легко; но когда подобное увлеченіе поносить меня и мою дѣятельность коснулось такихъ общеуважаемыхъ органовъ печати, какъ „Вѣстникъ Европы“—я рѣшилъ прервать свое презрительное молчаніе.

„Сейчасъ мнѣ хотѣлось бы лишь правильно поставить самый вопросъ о „зубатовщинѣ“ и дать ей вѣрное освѣщеніе; тогда само собою обнаружится, что̀ съ нею логически вяжется, а что̀ нѣтъ.

„Говорятъ: „въ Москвѣ, въ цѣляхъ борьбы съ революціею, устраивались собранія рабочихъ, на которыхъ имъ читались „благонамѣренныя“ лекціи“, или, въ упрощенной редакціи, въ Москвѣ устраивались полицейскія ловушки.

„Если бы это было такъ, то уловъ долженъ былъ бы быть колоссальнымъ, а тюрьмы ломиться отъ арестованныхъ. Въ дѣйствительности ничего подобнаго налицо не оказывалось, а авторы системы даже заявляли, что это и не входило въ ихъ планы: они стремились,

наоборотъ, къ сокращенію сферы розыска и репрессіи: Какъ, дѣятели розыска и репрессіи хлопочутъ объ ихъ сокращеніи?! Получается что-то неясное и противорѣчивое, а потому сугубо подозрительное и нечистоплотное...

„Въ сущности, дѣло объясняется очень просто. Въ 1896 г. въ Москвѣ обнаружилось массовое рабочее движеніе, поднятое революціонерами. Естественно, за арестами главарей, въ помѣщеніе охраннаго отдѣленія потянулись массы необычныхъ кліентовъ—въ лицѣ рабочихъ. Новизна явленія должна была вызвать къ себѣ особый интересъ. Конечно, къ дѣлу можно бы было отнестись и совсѣмъ формально. Но, съ другой стороны, ничто не воспрещало заняться имъ и по существу, заглянуть въ душу явленія, особенно если сцены опроса сопровождались слезами, моленьемъ о прощеніи, до киданья въ ноги и поцѣлуевъ рукъ включительно, и воочію проявлявшимся полнѣйшимъ непониманіемъ того преступленія, наличность котораго точно устанавливалась отобранными при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ формальными уликами. Конфликтъ между правдой формальной и правдой дѣйствительной вырисовывался съ полной ясностью. Съ другой стороны, поступая съ этой массой темныхъ людей формально, сознательное должностное лицо рисковало не только не достичь конечныхъ цѣлей своей служебной дѣятельности, но и являлось способнымъ „рубить тотъ сукъ, на которомъ сидѣло".

„Это *противорѣчіе* и явилось исходнымъ пунктомъ того явленія. которое потомъ окрестили „зубатовщиной", какъ особый методъ веденія общественныхъ и государственныхъ дѣлъ.

„Доведенное до свѣдѣнія высшей московской администраціи, противорѣчіе это, будучи иллюстрируемо ежедневно все новыми и новыми примѣрами, встрѣтило полное къ себѣ вниманіе и активную рѣшимость его разрѣшить. Явленіе это оказалось, конечно, настолько сложнымъ и всеохватывающимъ, что попытки коренного его разрѣшенія немедленно привели московскую власть не только къ столкновенію съ революціонерами, но и съ хозяевами, и съ обществомъ, и съ чинами разныхъ вѣдомствъ, дошли до Петербурга, вызвали не только министерскій вопросъ, но и междувѣдомственный, съ назначеніемъ по Высочайшему повелѣнію особыхъ коммиссій и пр. На мѣстѣ же, пока что, власти продолжали дѣлать попытки его разрѣшенія собственными силами, ибо отказаться отъ его разрѣшенія было равносильнымъ или войти въ сдѣлку съ собственной совѣстью, или признать принципіальное безсиліе власти его рѣшить, т.-е. согласиться съ убѣжденіями оппозиціи. И то, и другое для высшей московской администраціи, тогдашняго личнаго состава,—представлялось, конечно, немыслимымъ.

„Началась война. Высшіе правительственные органы прекрасно поняли суть вопроса и неотложность его рѣшенія. Но, одолѣваемые жалобами заинтересованныхъ сторонъ и пугаясь грандіозности предпріятія, они думали уклониться отъ рѣшенія его, ссылаясь на проблему: не приведетъ ли рабочая организація къ противоположнымъ результатамъ, ибо такая организація—вещь обоюдоострая. Имъ было указано, что безъ законодательной помощи приведенное соображеніе имѣетъ за собою основанія, но если разъ отказаться отъ подобныхъ

дѣлъ,—то въ чемъ же тогда заключается роль правительства? Кончилось тѣмъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ согласилось видѣть въ дѣятельности московской администраціи „нѣкоторый опытъ", въ зависимость отъ результатовъ котораго оно и ставило свое дальнѣйшее поведеніе.

„Какими же средствами вести этотъ „опытъ"? Рабочее движеніе по существу дѣло общественное. А охранное отдѣленіе и общество— двѣ величины несоединимыя. Оставались рабочіе, бывшіе подъ рукою во множествѣ. По принципу „дѣло рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ"; наиболѣе талантливымъ и развитымъ изъ нихъ и надлежало заняться организаціей своихъ товарищей въ духѣ европейскаго профессіональнаго рабочаго движенія, а также и отыскать себѣ „интеллигенцію". Надо отдать должную справедливость рабочимъ: дѣло у нихъ сладилось, и открылись лекціи ученыхъ силъ московскаго университета, сопровождавшіяся, по окончаніи чтенія, собесѣдованіями со слушателями.

„Между тѣмъ революціонеры, перепуганные открывшейся конкуренціей университетскихъ лекторовъ и опасаясь утерять свою монополію въ дѣлѣ воздѣйствія на рабочую среду, принялись за отысканіе корней и нитей ненавистнаго предпріятія и, обнаруживъ участіе въ немъ администраціи, забили въ набатъ, выступивъ съ обвиненіями самаго фантастическаго свойства, и, при безпомощности въ этомъ отношеніи администраціи, распугали лекторовъ. Въ то же время хозяева настолько терроризировали характеромъ этихъ лекцій покойнаго Д. С. Сипягина, что тотъ далъ предложеніе прекратить ихъ.

„Чтобы сохранить создавшуюся усиліями рабочихъ организацію, оставалось обратиться къ содѣйствію духовной интеллигенціи, что и было исполнено.

„Сказаннаго, мнѣ думается, достаточно, чтобы понять суть дѣла.

„Мой переходъ на службу въ Петербургъ состоялся въ силу увѣщанія, что подъ вывѣской министерскихъ бланковъ близкое мнѣ дѣло пойдетъ шире и станетъ продуктивнѣе. Съ находившимся въ Москвѣ, послѣ своего назначенія, В. К. Плеве я имѣлъ три бесѣды, наполненныхъ разговорами о недостаточности одной репрессіи, о необходимости низовыхъ реформъ, о полной совмѣстимости, на мой взглядъ, историческихъ русскихъ основъ съ общественнымъ началомъ, о томъ, что реформаторская дѣятельность есть вѣрнѣйшее лекарство противъ безпорядковъ и революцій, о крайней желательности дать извѣстную свободу общественной самодѣятельности и пр. Покойный спорилъ со мною, увѣряя, что въ Россіи нѣтъ общественныхъ силъ, а есть только группы и кружки. Стоитъ хорошей полиціи обнаружить настоящій ихъ центръ и заарестовать его, и всю эту видимую общественность какъ рукой сниметъ. Вѣрность этого онъ испыталъ на своей служебной практикѣ, прикончивъ такимъ способомъ съ „Народной волей". Со всѣмъ жаромъ убѣжденнаго практика, я протестовалъ противъ этой ошибки, но дождался лишь за это иронической клички „маркиза Позы". Обаятельность личности В. К. Плеве была тогда такъ велика, столько ждали отъ его ума и характера, что я все же остался въ глубинѣ души убѣжденнымъ, что отъ ближайшаго соприкосновенія съ дѣйствительностью онъ „перемелется"... и поѣхалъ въ Петербургъ.

„Надежды мои не оправдались. Настоятельность репрессіи въ его глазахъ все болѣе и болѣе возрастала, и онъ началъ на меня сердиться, что я пустяками отвлекаюсь отъ настоящаго дѣла. Наконецъ, онъ перешелъ къ грубому требованію „все это“ прекратить, въ особенности дѣятельность „Независимой еврейской рабочей партіи“, ни мало не соображаясь ни съ моими нравственными запросами, ни съ душевнымъ состояніемъ всѣхъ „прикрываемыхъ“, которые воочію успѣли стать на ножи и съ „правыми“, и съ „лѣвыми“. Но „Независимая еврейская рабочая партія“ поспѣшила, узнавъ объ этомъ, сама ликвидировать свои дѣла... Я послѣ этого обратился съ ходатайствомъ къ своему непосредственному начальству объ увольненіи меня въ отставку, но просьба моя не была уважена. Между тѣмъ, нравственное мое состояніе было ужасное, и надежда начальства на то, что все во мнѣ образуется, не оправдалась: я не могъ удержаться, чтобы не высказать вслухъ своихъ мнѣній о внутренней политикѣ патрона, находя, что онъ не оправдалъ въ своей дѣятельности возлагавшихся на него надеждъ, ждать отъ него чего-либо новаго уже не приходится (дѣло относится къ лѣту 1903 г.) и чѣмъ скорѣе онъ уйдетъ или его отставятъ, тѣмъ лучше будетъ и для Государя, и для Россіи, да и для него лично, ибо кромѣ покушеній ему ждать нечего. Объ этомъ отзывѣ довели до свѣдѣнія В. К. Плеве, и въ отместку, продѣлавъ комедію обвиненія меня въ дѣлѣ одесскихъ забастовокъ (недѣлей раньше онъ разсуждалъ иначе и велѣлъ мнѣ задержать на жительствѣ въ Петербургѣ ѣхавшаго изъ Одессы арестованнаго Шаевича, считая арестъ его своей ошибкой), онъ выслалъ меня въ 24 часа изъ Петербурга въ Москву, а черезъ два мѣсяца и изъ послѣдней, воспретивъ мнѣ жительство въ столицахъ и столичныхъ губерніяхъ, а несчастнаго „жида Шаевича“ угналъ сначала въ Вологду, а оттуда въ Сибирь.

„Лишь въ министерство добрѣйшаго и гуманнѣйшаго кн. Святополкъ-Мирскаго всѣ эти вопіющія несправедливости были исправлены, какъ въ отношеніи меня, такъ и Шаевича.

„Вотъ, въ короткихъ словахъ, правда о моей дѣятельности.

„Любопытно, что, послѣ моего ухода, В. К. Плеве и его окружающіе сами повели начатое мною дѣло, но, очевидно, безъ моей въ дѣло вѣры и не при надлежащей къ нему близости, чѣмъ я и объясняю его странный исходъ.—Владиміръ губ., 14 февраля 1906 года“.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Курсъ русской исторіи проф. В. Ключевскаго. Ч. II. М. 1906. Ц. 2 р. 50 к.

Новый выпускъ обнимаетъ собою XV и XVI столѣтія, — знаменательную эпоху нашей исторіи, когда Москва начала собирать раскинувшуюся на большихъ пространствахъ удѣльную Русь, а рядомъ съ Москвою образовались двѣ другія политическія формы: на югѣ — казачество, на сѣверѣ — вольная община въ лицѣ Новгорода Великаго. Покончивъ съ изложеніемъ исторіи московскаго княжества, историкъ посвящаетъ значительную часть настоящаго выпуска выясненію внутреннихъ его политическихъ отношеній, причемъ главное мѣсто заняли исторія московскаго боярства и описаніе состава удѣльнаго общества. Въ концѣ второй части помѣщена картина управленія въ московскомъ государствѣ XV—XVI вѣковъ и интересная исторія земскихъ соборовъ. До какой степени этотъ трудъ обратилъ на себя вниманіе, это видно уже изъ того, что очень скоро потребовалось новое изданіе первой части. Третья часть, какъ надѣется авторъ, должна выйти въ текущемъ году; въ ней русская исторія будетъ доведена до конца царствованія Екатерины II.

Отечественная война 1812 года. Историческое изслѣдованіе А. Н. Попова. Т. I. Сношенія Россіи съ иностранными державами передъ войною 1812 года. М. 1905.

Лѣтъ тридцать тому назадъ, авторъ, пользуясь доступностью для него архивовъ, задумалъ написать исторію борьбы Александра I съ Наполеономъ; за его смертью, этотъ обширный трудъ остался неоконченнымъ: авторъ остановился на описаніи прибытія Александра I въ [illegible], гдѣ онъ составилъ противъ Наполеона коалицію изъ державъ, незадолго передъ тѣмъ склонившихся предъ могуществомъ императора французовъ. Въ настоящемъ, первомъ томѣ излагаются событія, предшествовавшія разрыву двухъ императоровъ, а также сношенія Россіи со Швеціей, Пруссіей и Австріей, и приводятся подробности переговоровъ и заключенія мира съ Турціей.

Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи, по донесеніямъ пословъ императоровъ Александра и Наполеона. 1808—1812. Т. I, II и III. Съ общимъ введеніемъ и предисловіемъ Великаго Князя Николая Михаиловича. Спб. 1905.

Предпринимаемое нынѣ обширное изданіе документовъ, относящихся къ тому періоду сношеній Александра I и Наполеона I, который окончательно привелъ къ нашей Отечественной войнѣ, — примыкаетъ къ другимъ подобнымъ изданіямъ, посвященнымъ собою разбору документовъ этой же самой эпохи, но отличается отъ нихъ тѣмъ, что въ настоящемъ изданіи эти документы печатаются въ Россіи въ первый разъ цѣликомъ. Вышедшіе нынѣ въ свѣтъ первые три тома обнимаютъ собою только небольшую часть времени, а именно, полтора года: 1808 годъ и первую половину 1809 года. Содержаніе ихъ составляютъ исключительно письма и донесенія французскаго посла при дворѣ Александра I, Коленкура. Именно къ этой самой эпохѣ относился также и трудъ проф. Ѳ. Ѳ. Мартенса, напечатанный въ нашемъ журналѣ, годъ тому назадъ: „Александръ I и Наполеонъ I, послѣдніе годы ихъ дружбы и союза". Письма Коленкура изъ Петербурга къ Наполеону и его министру иностранныхъ дѣлъ, Шампаньи, служатъ интересными иллюстраціями къ исторіи того времени. Въ слѣдующихъ томахъ предполагается издать письма другого французскаго посла, Лористона, и Куракина, нашего посла при дворѣ Наполеона. Вышедшіе тома украшены превосходно выполненными портретами Александра I, Наполеона I и автора писемъ и донесеній, Коленкура. (Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы исправить допущенную у насъ ошибку въ „Библ. Листкѣ" февральской книги, гдѣ изданіе „Русскихъ портретовъ XVIII и XIX в.в." было приписано Великому Князю Михаилу Николаевичу, а не Николаю Михаиловичу, какъ то слѣдовало.)

Алексѣй Веселовскій. Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. 3-е изд. М. 1906.

Въ первоначальномъ своемъ видѣ этотъ трудъ явился двадцать-пять лѣтъ тому раньше, въ нашемъ журналѣ (1881—82 г.г.), а вскорѣ затѣмъ, въ 1883 г., былъ изданъ въ первый разъ отдѣльною книгою, гдѣ ея журнальныя статьи могли быть уже значительно переработаны и дополнены. Въ то, относительно далекое, время, четверть вѣка тому назадъ, авторъ руководился въ своихъ этюдахъ желаніемъ возстановить истину, тогда еще многими упорно непризнаваемую, съ цѣлью „напомнить о великихъ результатахъ западнаго вліянія"—„показать, что оно не отдалило насъ отъ своего народнаго дѣла", — „напомнить, какъ развитіе русской мысли и творчества шло въ кругѣ европейскаго умственнаго движенія" — разъяснить, что „намъ никогда уже не отрѣшиться отъ участія въ поступательномъ движеніи человѣчества". Съ того времени споры по всѣмъ этимъ вопросамъ значительно ослабѣли, но зато явился новый и богатый научный матеріалъ, что и подало поводъ автору, въ 1896 г., предпринять второе изданіе съ коренной переработкой. Но и съ того времени прошло цѣлое десятилѣтіе, когда у насъ совершился, можно сказать, полный разрывъ съ прошлымъ. Авторъ приступилъ вновь къ пересмотру своей книги; „пусть — говоритъ онъ — послужитъ она подспорьемъ для изученія и оцѣнки той важной подготовительной роли, которую выполнила въ теченіе вѣковъ передовая литература, опираясь на культурное вліяніе европейскаго Запада"!..

И. И. Янжулъ. Забастовки или стачки рабочихъ и нанимателей, ихъ значеніе, причины и возможность ихъ замѣны. Спб. 1906. Ц. 15 к.

При новости этого явленія у насъ и при громадномъ его значеніи въ жизни государства и общества, авторъ настоящей брошюры поставилъ себѣ цѣлью дать читателямъ „краткое, въ бѣгломъ очеркѣ, сколько-нибудь правильное понятіе о главныхъ сторонахъ этого крайне существеннаго практическаго вопроса" и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщить болѣе ясное представленіе объ основаніи права забастовокъ на существованіе, объ организаціи ихъ на Западѣ, о ихъ послѣдствіяхъ и слабыхъ сторонахъ, и наконецъ, о современномъ стремленіи урегулировать стачки, предупреждать ихъ и даже замѣнять устройствомъ „примирительныхъ" каморъ и третейскаго суда.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 4.
АПРѢЛЬ, 1906.
ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 4-я. — АПРѢЛЬ, 1906.

ВЕШНІЙ ПОТОКЪ

РОМАНЪ.

Окончаніе.

XXIX *).

Надъ столицей разгоралось свѣтлое январьское утро. Солнце ярко освѣщало покрытыя свѣжимъ, пока еще бѣлымъ снѣгомъ улицы. Морозъ крѣпчалъ.

Что-то тревожное стояло въ этомъ столичномъ воздухѣ, несмотря ни на удивительную прозрачность морознаго утра, ни на яркій свѣтъ зимняго солнца; тревожное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бодрое и томительное, радостное и жуткое, вродѣ того чувства, которое испытываешь на войнѣ передъ рѣшительнымъ боемъ: и весело, и страшно, и оба эти чувства сливаются вмѣстѣ; то сердце радостно забьется отъ предвкушенія удачи, то сожмется мучительно отъ тягостной думы:—что будетъ? чѣмъ все это кончится?

Еще наканунѣ этого знаменательнаго дня, все было уже хмуро, сѣро, уныло.

Въ пустомъ пространствѣ кипѣли выспренніе разговоры, обровольческіе разговоры, которыхъ „старшіе" не слушали, ото ... игнорировались, и обо всемъ этомъ было разрѣшено олт... дѣтямъ, потому что отчего дѣтямъ и не поболтать въ мѣру, пс ... еще, что чѣмъ больше запрещай—тѣмъ больше будутъ олт...

---

* ... выше: мартъ, стр. 5.

Поэтому и разрѣшили, и рѣшили смотрѣть на эту, когда-то совсѣмъ непозволительную, болтовню сквозь пальцы.

Но это была болтовня. И несмотря на либеральныя слова и словечки, на мысли и робкія идейки, прорывавшіяся въ салонахъ и въ нарождавшихся изо дня въ день и запрещавшихся газетахъ, —казалось, что тяжелая пелена опустилась надъ русской жизнью, пелена, сотканная злой ткачихой, Исторіей, изъ скорбныхъ военныхъ неудачъ, изъ еще болѣе скорбныхъ военныхъ неурядицъ.

Все казалось такъ безнадежно, мрачно, такъ невыполнимо, сѣро и безцвѣтно.

Все было такъ принижено, такъ безсильно, такъ устало.

Возвѣщенная незадолго до этого дня „весна" среди глухой осени казалась злой шуткой плоскаго шутника, нелѣпостью, самообманомъ, выдуманнымъ для того, чтобы хотя призракомъ немного потѣшить пришедшее въ отчаяніе маразма общество, которое начало уже кричать: „такъ жить долѣе нельзя!"

Но весна или, вѣрнѣе, миражъ ея простоялъ недолго. Вызывали черезчуръ распоясавшихся людей въ управленія и внушали:

— Весна кончилась. И откуда вы только взяли, что весна бываетъ въ декабрѣ?

И это было естественно: не бываетъ, не можетъ быть весны въ декабрѣ, среди лютой зимы, когда сонно и вяло текутъ ручьи, скованные по верху тяжелымъ, толстымъ льдомъ, накопившимся за долгую и жестокую зиму.

Что-то какъ будто задвигалось подъ этой толстой корой, но потомъ все опять стихло, потому что ледяная струя воздуха, пронесшаяся въ высшихъ слояхъ атмосферы, сковала еще крѣпче оковы льда. „Но и подъ снѣгомъ иногда—бѣжитъ кипучая вода". И вода эта вдругъ забурлила, закипѣла.

Это только недальновиднымъ людямъ показалось, что „вдругъ". На самомъ дѣлѣ она давно уже рвалась наружу, отыскивала путь наименьшаго сопротивленія, искала выхода, силы въ себѣ, чтобы пробить брешь въ этой еще такъ недавно почитаемой несокрушимой оковѣ.

Въ Петербургѣ было мрачно.

Въ домахъ царили уныніе и трауръ. Театры и рестораны теперь пустовали.

Глухое броженіе шло на фабрикахъ и заводахъ. Забастовалъ, незадолго до памятнаго дня, Путиловскій заводъ. Забастовщики обходили другія фабрики и заводы и принуждали рабочихъ бастовать.

ВЕШНІЙ ПОТОКЪ

РОМАНЪ.

Окончаніе.

XXIX *).

Надъ столицей разгоралось свѣтлое январьское утро. Солнце ярко освѣщало покрытыя свѣжимъ, пока еще бѣлымъ снѣгомъ улицы. Морозъ крѣпчалъ.

Что-то тревожное стояло въ этомъ столичномъ воздухѣ, несмотря ни на удивительную прозрачность морознаго утра, ни на яркій свѣтъ зимняго солнца; тревожное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бодрое и томительное, радостное и жуткое, вродѣ того чувства, которое испытываешь на войнѣ передъ рѣшительнымъ боемъ: и весело, и страшно, и оба эти чувства сливаются вмѣстѣ; то сердце радостно забьется отъ предвкушенія удачи, то сожмется мучительно отъ тягостной думы:—что̀ будетъ? чѣмъ все это кончится?

Еще наканунѣ этого знаменательнаго дня, все было уже хмуро, сѣро, уныло.

Въ пустомъ пространствѣ кипѣли выспренніе разговоры, добровольческіе разговоры, которыхъ „старшіе" не слушали, кото[illegible] игнорировались, и обо всемъ этомъ было разрѣшено болт[illegible] дѣтямъ, потому что отчего дѣтямъ и не поболтать въ мѣру, по[illegible]му еще, что чѣмъ больше запрещай—тѣмъ больше будутъ болт[illegible]

---

*) [illegible] выше: мартъ, стр. 5.

что-то въ лѣвой вѣкѣ его глаза судорожно билось и дрожало, и это безпокоило его.

На второе его требованіе разойтись раздались новыя ругательства. Какой-то оборванецъ протиснулся впередъ, съ неимовѣрными усиліями поднялъ руку и пустилъ поверхъ солдатъ камень. Глаза его горѣли лихорадочнымъ пламенемъ, лицо было возбуждено, но онъ былъ совершенно трезвъ.

Тогда Вадимъ приготовился къ стрѣльбѣ.

Глухимъ, сдавленнымъ голосомъ, разжавъ зубы, онъ приказалъ взводу стрѣлять.

Толпа шарахнулась. Около лица Вадима очутился чей-то кулакъ.

Вадимъ взмахнулъ шашкой, но во-время остановился.

Онъ узналъ Мишу.

Взоръ брата горѣлъ дикимъ пламенемъ ненависти. Губы его были блѣдны и тряслись, и самъ онъ походилъ на гальванизированнаго мертвеца.

— Подлецъ!—почти беззвучно прошепталъ Михаилъ своими побѣлѣвшими губами.

Густая краска залила лицо Вадима.

Онъ взмахнулъ шашкой, но тотчасъ же опустилъ ее, потомъ приказалъ взять „ружья къ ногѣ“ и хотѣлъ увезти взводъ.

Но шальная пуля вырвалась у кого-то изъ солдатъ, и пронеслась надъ толпой.

Баррикада уже была взята.

На обломкахъ баррикады, въ прилегающихъ къ ней улицахъ, куда бросились ее защищавшіе, преслѣдуемые войсками, происходилъ адъ.

Крики, рукопашныя схватки, свистъ казачьихъ нагаекъ, разсѣкавшихъ морозный ночной воздухъ, звонъ разбиваемыхъ стеколъ, стоны раненыхъ и въ отдаленіи—нестройное пѣніе революціонныхъ пѣсенъ, все это давало картину настоящей, несомнѣнной революціи, и вездѣсущій корреспондентъ, побывавшій уже на почтѣ, на телеграфѣ и поспѣвшій сюда, сновалъ тамъ и самъ, имѣя хладнокровіе и выдержку закаленнаго корреспондента, чтобы записывать коснѣвшими на холоду руками въ записной книжечкѣ свои замѣтки: „Les étapes de la révolution“; „L'assaut d'une barricade“; „Une bagarre dans les rues voisines“...

Въ Маріинскомъ театрѣ шелъ въ этотъ достопамятный вечеръ бенефисъ балерины О. О. Преображенской.

Незадолго до спектакля проѣхала въ театръ въ каретѣ Ольховская. Она была взвинчена и взволнована съ утра. Она не

ВЕШНІЙ ПОТОКЪ

РОМАНЪ.

Окончаніе.

XXIX *).

Надъ столицей разгоралось свѣтлое январьское утро. Солнце ярко освѣщало покрытыя свѣжимъ, пока еще бѣлымъ снѣгомъ улицы. Морозъ крѣпчалъ.

Что-то тревожное стояло въ этомъ столичномъ воздухѣ, несмотря ни на удивительную прозрачность морознаго утра, ни на яркій свѣтъ зимняго солнца; тревожное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бодрое и томительное, радостное и жуткое, вродѣ того чувства, которое испытываешь на войнѣ передъ рѣшительнымъ боемъ: и весело, и страшно, и оба эти чувства сливаются вмѣстѣ; то сердце радостно забьется отъ предвкушенія удачи, то сожмется мучительно отъ тягостной думы:—что̀ будетъ? чѣмъ все это кончится?

Еще наканунѣ этого знаменательнаго дня, все было уже муро, сѣро, уныло.

Въ пустомъ пространствѣ кипѣли выспренніе разговоры, обровольческіе разговоры, которыхъ „старшіе“ не слушали, это] игнорировались, и обо всемъ этомъ было разрѣшено олта ѣтямъ, потому что отчего дѣтямъ и не поболтать въ мѣру, по еще, что чѣмъ больше запрещай—тѣмъ больше будутъ олта

---

*) выше: мартъ, стр. 5.

блика не съѣзжалась. Только немногіе ряды креселъ наполнились обычными балетоманами — безстрашными, когда дѣло шло о балетѣ, и безстрастными ко всему остальному, кромѣ балета.

Впрочемъ, многіе явились сюда какъ въ общественное собраніе, чтобы узнать, что дѣлается въ городѣ, чтобы обмѣняться впечатлѣніями, такъ какъ газетъ не было уже нѣсколько дней, а по городу разростались зловѣщіе слухи.

Такъ, на десятое января сообщалось превращеніе освѣщенія, прекращеніе воды, нашествіе на столицу рабочихъ изъ всѣхъ окрестныхъ городовъ и даже изъ Москвы.

Но и въ театрѣ нельзя было ничего узнать. Всѣ были взволнованы событіями этого дня, возмущены сценами, происходившими на улицахъ, этой гекатомбой убитыхъ, точно Петербургъ былъ не столицей Россіи, а японскимъ городомъ, взятымъ вражескими войсками.

Наполнилось къ срединѣ спектакля нѣсколько ложъ. На сцену, на представленіе, никто не обращалъ вниманія. Публика, видимо, и не интересовалась спектаклемъ и была сконфужена своимъ присутствіемъ въ театрѣ, когда столько ужасовъ въ городѣ.

Распространились въ срединѣ вечера слухи, что въ Александринскомъ театрѣ спектакль прекращенъ по требованію самой публики, что тамъ были произнесены революціонныя рѣчи и пришлось опустить занавѣсъ. Балетная публика, болѣе сдержанная, не произвела такого насилія, но задолго до окончанія спектакля она начала разъѣзжаться, и залъ пустѣлъ.

Среди балетомановъ перваго ряда не было Зимницкаго. Прошелъ слухъ, что онъ арестованъ вмѣстѣ со многими другими, за то, что у него нашли прокламаціи и проектъ временнаго правительства.

Никто не хотѣлъ вѣрить этому, но слухъ настойчиво подтверждался, и потомъ оправдался.

XXX.

Передъ спектаклемъ Стаховскую вызвали по телефону въ дирекцію. Это былъ необыкновенный случай, и она очень испугалась. Въ казенной каретѣ поѣхала она въ зданіе дирекціи, гдѣ начальство встрѣтило ее очень сурово, но тотчасъ же смягчилось, увидя ея растерянный видъ.

И всѣ вообще въ этотъ день были разстроены, растеряны, не знали, чего держаться, что говорить.

ВЕШНІЙ ПОТОКЪ

РОМАНЪ.

Окончаніе.

XXIX *).

Надъ столицей разгоралось свѣтлое январьское утро. Солнце ярко освѣщало покрытыя свѣжимъ, пока еще бѣлымъ снѣгомъ улицы. Морозъ крѣпчалъ.

Что-то тревожное стояло въ этомъ столичномъ воздухѣ, несмотря ни на удивительную прозрачность морознаго утра, ни на яркій свѣтъ зимняго солнца; тревожное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бодрое и томительное, радостное и жуткое, вродѣ того чувства, которое испытываешь на войнѣ передъ рѣшительнымъ боемъ: и весело, и страшно, и оба эти чувства сливаются вмѣстѣ; то сердце радостно забьется отъ предвкушенія удачи, то сожмется мучительно отъ тягостной думы:—что будетъ? чѣмъ все это кончится?

Еще наканунѣ этого знаменательнаго дня, все было уже муро, сѣро, уныло.

Въ пустомъ пространствѣ кипѣли выспренніе разговоры, обровольческіе разговоры, которыхъ „старшіе“ не слушали, ото … игнорировались, и обо всемъ этомъ было разрѣшено олт … дѣтямъ, потому что отчего дѣтямъ и не поболтать въ мѣру, пс … еще, что чѣмъ больше запрещай—тѣмъ больше будутъ олт

---

* … выше: мартъ, стр. 5.

И Стаховской было глубоко обидно это избіеніе народа на улицахъ столицы.

Именно обидно, горько, стыдно. И она болѣла душою, не будучи въ теченіе всей ночи въ состояніи сомкнуть глаза и нервно прислушиваясь къ чудившимся ей еще залпамъ и отдѣльнымъ выстрѣламъ.

Но все было спокойно въ эту ужасную ночь.

На утро распространились слухи, что столицѣ угрожаетъ поголовное разгромленіе магазиновъ, битье стеколъ въ домахъ и фонаряхъ, прекращеніе воды и свѣта. Посылали за керосиномъ, но керосинъ уже не продавали вслѣдствіе его израсходованія, или, можетъ быть, опасенія въ пожарномъ отношеніи. Свѣчи продавались по невѣроятной цѣнѣ.

Съ утра по городу опять разъѣзжали патрули и войсковыя части; уцѣлѣвшія окна магазиновъ задѣлывались досками и щитами.

Гостиный Дворъ былъ весь запертъ и оцѣпленъ желѣзными цѣпями. Вдоль него ходили патрули съ ружьями.

Городъ принялъ выморочный видъ съ его забитыми магазинами, сгорѣвшими газетными кіосками, битыми стеклами, вывороченными фонарными столбами, кострами, бивуаками пѣхоты, конными разъѣздами.

Жителей въ этотъ день очень мало было видно на улицахъ. Театры всѣ до одного закрылись. Газеты не выходили. Нервы у всѣхъ были напряжены ужасно въ ожиданіи грядущихъ событій.

Стаховская встала, послѣ короткаго предутренняго тревожнаго сна, съ головной болью, еще болѣе нервно настроенная, чѣмъ вчера.

Кое-какъ одѣвшись къ завтраку, она вышла въ столовую.

И въ это время пришелъ Мамаевъ.

Она его встрѣтила сухо, холодно, недружелюбно.

Вдругъ онъ ей показался противенъ своимъ изящнымъ, вылощеннымъ, чистенькимъ видомъ, своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ, какъ будто все шло такъ, какъ прежде, и ничего особеннаго не случилось.

Она оглядѣла его съ головы до ногъ, и, сама подивившись своему новому чувству къ нему, которое такъ внезапно родилось въ ней, незамѣтно пожала плечами.

— Какъ ты спала, Женя?—спросилъ онъ своимъ обычнымъ невозмутимымъ голосомъ.

— Дикій вопросъ!—рѣзко оборвала она его.—Какъ можно было спать? А вы спали?

Онъ нѣсколько удивился, что она перешла съ нимъ на „вы“, но съ тѣмъ же спокойствіемъ отвѣтилъ:

— Отлично. Балетъ кончился рано. Я ждалъ тебя на подъѣздѣ, не зналъ, что ты уѣхала. Многіе уѣхали. Я досидѣлъ до конца. Преображенской подали много корзинъ цвѣтовъ. Но она, видимо, была разстроена и танцовала черезъ силу.

— Это васъ удивляетъ?!—съ ироніей въ голосѣ спросила она.

— Нѣтъ, конечно. Но я думаю, что въ театрѣ не было никакой опасности и никакого разумнаго основанія такъ разстраиваться.

Она начала нервно колотить пальцами по столу. Это было у нея всегда признакомъ сильнаго раздраженія, предвѣстникомъ бури.

— Само собой,—сказала она наружно спокойно.—За театромъ гибнутъ люди, свистятъ пули, льется кровь, а въ театрѣ танцовщицы, для услажденія толстокожихъ балетомановъ, должны дѣлать веселыя улыбки и танцовать подъ веселую музыку. Какъ же! Вы абоненты, вы заплатили за кресла, вамъ должны дать спектакль...

По мѣрѣ того, какъ она говорила, голосъ ея становился все нервнѣе и взвинченнѣе, все больше и больше восходилъ къ высокимъ нотамъ. Дѣланное спокойствіе не выдерживало.

Мамаевъ смотрѣлъ на нее съ возраставшимъ удивленіемъ. Онъ еще не понималъ ея. „Сцены“, конечно, давно уже не были для него новостью, и онъ даже привыкъ къ нимъ, умѣя обходить самыя опасныя „кульминаціонныя“ мѣста этихъ сценъ и постепенно сводить ихъ, къ общему благополучію, на нѣтъ.

Но это не было сценой. Это что-то новое: сцена на подкладкѣ политическихъ убѣжденій. День девятаго января перепуталъ всѣ отношенія, измѣнилъ всѣ взгляды. Прежде былъ мутный растворъ, въ которомъ ничего нельзя было разобрать, теперь вдругъ, въ одну ночь, этотъ растворъ сталъ кристаллизоваться въ опредѣленные кристаллы съ опредѣленными гранями.

Но Мамаевъ еще не понималъ этого, потому что душою былъ далекъ отъ политики, всецѣло погрузившись въ свѣтскій train жизни и въ убѣжденное какое-то исключительное балетоманство. Когда не говорили о балетѣ, когда говорили при немъ о чемъ угодно, кромѣ балета, онъ искренно, откровенно скучалъ.

Стаховская, тяжело дыша и какъ-то захлебываясь, продолжала говорить. Ей нужна была, послѣ перенесеннаго потрясенія и долгаго, вынужденнаго молчанія, диверсія, реакція.

— И вы сидѣли въ спектаклѣ и съ прежнимъ спокойствіемъ отсчитывали fouettés?..

— Позволь, пожалуйста, никакихъ fouettés въ этомъ балетѣ нѣтъ, какъ тебѣ извѣстно...

Она посмотрѣла на него уже съ нескрываемымъ презрѣніемъ.

— Вы продолжали критиковать танцовщицъ, ихъ тюники, прически, варіаціи. Сколько вчера было убитыхъ и раненыхъ, сколько осиротѣло бѣдныхъ трудовыхъ семей! Можетъ быть, пострадали и изъ родственниковъ нашихъ балетныхъ кто-нибудь. А вамъ какое дѣло! „Смѣйся, паяцъ"! „Пляши, танцовщица"!..

Она засмѣялась нервнымъ смѣхомъ.

— Вы пришли ко мнѣ и о чемъ же заговорили? О балетѣ?! И вамъ не стыдно? И вамъ не стыдно?!

Она заплакала.

— Но послушай, Женя...—началъ-было онъ.—Я въ первый разъ вижу тебя въ такомъ невозможномъ настроеніи. То, что произошло вчера, было естественно. Гдѣ бунтъ—тамъ кровь; гдѣ возмущеніе—тамъ жертвы. У тебя страшно разстроены нервы.

Она впилась въ него взоромъ. Въ немъ уже явно горѣла ненависть.

— Да, конечно!—взвизгнула она.—Все это естественно. Все это прекрасно. Васъ не ранили; театръ не провалился; балетъ существуетъ. Чего же больше? И вы оправдываете всѣ эти мерзости?

— Но позволь! Что же было дѣлать? Я жалѣю рабочихъ. Они—игрушка въ рукахъ предателей; но вѣдь фактъ остается фактомъ: они мятежной толпой пошли ко дворцу. Минута была критическая: правительство поступило твердо. Это была ужасная необходимость, но необходимость. Только благодаря этому, соціальная революція—въ которую я никогда не вѣрилъ для Россіи—не удалась. И слава Богу!

— Слава Богу, слава Богу!—передразнила она его.—Слава Богу, что тысячи человѣкъ убиты, что улицы обагрены ихъ кровью, что тысячи семей остались безъ куска хлѣба, что сотни матерей рыдаютъ надъ трупами своихъ убитыхъ кормильцевъ, что сотни сиротъ дѣтей остались на рукахъ вдовъ-матерей. Вы—человѣкъ безъ сердца! Вы—человѣкъ безъ порыва! Вы—сухой, черствый педантъ, и я ненавижу, ненавижу васъ! Слышите ли, я ненавижу васъ!

Онъ поблѣднѣлъ.

Въ послѣднее время имъ часто приходилось ссориться, но никогда Стаховская не выражалась такъ рѣзко и опредѣленно, и никогда въ ея тонѣ, въ ея голосѣ не звучала та нотка дѣйствительной ненависти, которую онъ почуялъ въ немъ теперь

Любилъ ли онъ ее? Онъ и самъ не могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ. Она ему нравилась; она была красива, у всѣхъ на виду. Она была „первая". Онъ всегда стоялъ за связь съ женщиной, которая бы непремѣнно считалась „первой". Это его позировало, это ему льстило. Но ея маленькія горести не трогали его, не волновали. Онъ не умѣлъ показывать своего участія къ ея капризамъ, желаніямъ, не умѣлъ удовлетворять ихъ.

Онъ не былъ способенъ на вспышку, на экстазъ. Онъ былъ холоденъ, всегда ровенъ, выдержанъ, безъ темперамента. Онъ не страдалъ ея страданіями, и это всегда глубоко возмущало ее, потому что она была избалована, какъ маленькій ребенокъ, мужчинами.

И она жаловалась ему на недостатокъ мелочного вниманія его къ ней. А онъ ей говорилъ своимъ спокойнымъ, выдержаннымъ тономъ:

— Они... всѣ твои влюбленные могутъ исполнять твои капризы и выходки. Ихъ много: тягость распредѣляется поровну. Я одинъ не могу вынести на своихъ плечахъ все.

Но теперь, когда она такъ горячо выкрикнула ему волновавшія ее чувства, ему вдругъ сдѣлалось жутко. Неужели разрывъ? Неужели такъ много лѣтъ на завоеваніе этой женщины пропало даромъ? Такъ много времени! Пока еще найдешь новое... увлеченье... нѣтъ, новый романъ! Пока привыкнешь къ нему самъ и пріучишь къ нему общество. И изъ-за чего? Смѣшно сказать! Изъ-за „внутренней политики".

Еще полгода тому назадъ, ни одна танцовщица не знала этихъ вопросовъ внутренней политики и не интересовалась ими. А теперь? Разрывъ изъ-за „революціи", которой съ такимъ нетерпѣніемъ ждалъ этотъ „дуракъ Ферранъ"...

Онъ внимательно посмотрѣлъ на нее.

— Такъ это разрывъ?—спросилъ онъ ее.

— Да, именно.

— Ты хочешь, дѣйствительно, разойтись со мной?

— О, да, дѣйствительно.

— Но, Женя, подумай, что ты дѣлаешь! Ради чего это? Ради нѣсколькихъ убитыхъ рабочихъ? Но вѣдь не я же, наконецъ, убилъ ихъ.

— Это безчестно, это безчестно,—сказала она,—безчестно говорить о такихъ вещахъ, такимъ тономъ! Я просто до сихъ поръ васъ не знала. Среди темной ночи блеснетъ иногда яркая молнія и освѣтитъ всю мѣстность. Вотъ вчерашній день освѣтилъ мнѣ васъ. Я могу жить только съ человѣкомъ, котораго

уважаю. Я не уважаю васъ больше. Послѣ всѣхъ ужасовъ вчерашняго дня, вы пришли и заговорили... о балетѣ! Чтò же вы за человѣкъ послѣ этого? Какимъ тономъ вы говорили сейчасъ о нѣсколькихъ убитыхъ рабочихъ. Точно о моли! Но вы забываете, милый, что мы тоже дочери этого народа. Мы порвали съ нимъ внѣшнія связи, но того, чтò здѣсь,—она указала на сердце,—воспоминаній дѣтства, юности, молодости—этого никогда не забыть. Это чувствуешь... Да нѣтъ, вообще, оставимъ это! И вы сдѣлаете лучше, если уйдете.

— Вы нашли что-нибудь новое?—съ ироніей спросилъ онъ, скосивъ на нее глаза и рѣшивъ больше не сдерживаться, такъ какъ видѣлъ, что на нее „нашло". А когда на нее находило, ничего нельзя было уже съ ней подѣлать.

Это было всѣмъ извѣстно, а ему больше, чѣмъ кому-либо.

Она заплакала.

— Оставьте меня съ вашими гнусными вопросами!—сказала она сквозь слезы.—Уходите. Между нами все кончено...

Она вдругъ перестала плакать, подошла къ нему съ разгорѣвшимся отъ ненависти взоромъ и хрипло зашептала, обдавая его своимъ горячимъ дыханіемъ:

— Слушайте. Я—дочь горничной, крестьянки. Ее соблазнилъ вотъ такой же господинъ хорошей фамиліи, какъ вы, потому что она была красива... вотъ какъ я, можетъ быть лучше. Неимовѣрными трудами, лишеніями, жертвами, она воспитала меня, помѣстила въ училище, поставила на ноги. Во мнѣ кровь народа и кровь вашей аристократіи. Но мнѣ ближе моя мать, которая еще жива и которой я даю средства къ существованію, чѣмъ отецъ, который ограничился тѣмъ, что создалъ меня, а потомъ бросилъ и меня, и ее. А вы...—она задыхалась отъ волненія,—а вы, спросили ли вы хоть разъ о моей матери, хотя вы знали, что она существуетъ? Поинтересовались ли вы моей семьей?.. Вы всѣ считаете насъ какими-то свалившимися съ неба существами, у которыхъ нѣтъ прошлаго и не можетъ быть будущаго. И мы терпимъ все это. И мы страдаемъ и молчимъ. Вы покупаете насъ, вы владѣете нами, какъ дорого купленными вещами, а ни до чего другого вамъ дѣла нѣтъ. И мы терпимъ! У меня братъ—мастеровой въ гребномъ портѣ! Простой мастеровой. Можетъ быть, его убили. Чтò же такое: „всего нѣсколько мастеровыхъ"! Велика важность! Я хожу въ бриллiантахъ, а онъ въ стоптанныхъ сапогахъ! А вамъ какое дѣло? Но довольно. Я не умѣю говорить и не знаю, поняли ли вы меня, или нѣтъ! Но я не хочу быть съ вами больше. Между нами и вами—пропасть!

Не хочу. Найду человѣка съ душой и сердцемъ—съ настоящими!—прекрасно. Не найду—не надо! Проживу и такъ!.. А такихъ, какъ вы—Господи! да ихъ десятками я могу найти. Только не хочу, не хочу, не хочу. Уходите...

Она заткнула уши, не желая слышать его возраженій, хотя онъ ничего не говорилъ.

Она ему и не давала возможности говорить—до того быстро лилась ея взволнованная, возбужденная рѣчь.

Онъ молча пожалъ плечами и ушелъ.

Въ его головѣ уже складывалось объясненіе для многочисленныхъ пріятелей, которые заинтересуются „разрывомъ“.

Онъ имъ скажетъ съ усмѣшечкой:

— Нѣтъ, представьте себѣ: мы разошлись съ Стаховской изъ-за политическихъ убѣжденій!! Положительно, Россія, эта милая Россія, состоявшая изъ Петербурга и провинціи, изъ людей общества и неразгаданнаго сфинкса-народа, измѣнилась de fond en comble. Въ ней творится что-то новое. Вдругъ всѣ заговорили о политикѣ, о которой прежде никто и думать не хотѣлъ. И даже—horribile dictu!—танцовщицы стали революціонерками. C'est le comble... décidément, c'est le comble!

XXXI.

У Кардановой въ гостиной сидѣлъ отецъ Виѳанскій.

Этотъ молодой священникъ часто посѣщалъ домъ Кардановой. Онъ былъ передовымъ человѣкомъ своего сословія. Говорилъ обыкновеннымъ человѣческимъ языкомъ, избѣгалъ непонятныхъ, малоубѣдительныхъ цитатъ, носилъ всегда чистое бѣлье и элегантную рясу и держался самыхъ либеральныхъ взглядовъ, находя, что истинная, искренняя вѣра не только не препятствуетъ свободѣ и смѣлости мысли, но даже способствуетъ ей.

Онъ совершенно отсталъ отъ своей среды, рѣдко посѣщалъ священниковъ и ихъ семьи, но зато его принимали охотно въ обществѣ, гдѣ онъ чувствовалъ себя въ своей сферѣ.

Они говорили о событіи девятаго января, о роли Гапона, о роли правительства въ этомъ новомъ движеніи среди рабочихъ.

Отецъ Виѳанскій негодовалъ.

Онъ считалъ, что движеніе это вызвано самимъ правительствомъ, было поощряемо имъ учрежденіемъ союзовъ и организаціей ихъ, было какъ бы санкціонировано имъ поставленіемъ священника во главѣ этого движенія.

— Но тогда надо было идти до конца. Вѣдь надо же предположить, что эти господа знали, куда вели рабочихъ? Не къ чему было пугаться этого движенія! Выслушали бы ихъ записку, обѣщали бы разсмотрѣть—и дѣлу конецъ! Всѣ мирно разошлись бы по домамъ, и никакого кровопролитія не было бы. Но, видимо, растерялись.

— Можно войти?—раздался голосъ Михаила.

— Войди, конечно!—отвѣтила Карданова.

Миша вошелъ блѣдный, какой-то растерянный.

Ни съ кѣмъ не поздоровался, сѣлъ противъ отца Виеанскаго и воспаленными глазами взглянулъ на него.

— Вѣдь это ужасъ, ужасъ! — проговорилъ онъ. — Березина убили. Березина, моего пріятеля, студента, — пояснилъ онъ.

Ему никто не возразилъ, но онъ раздраженнымъ тономъ прибавилъ:

— Ахъ, да ты знаешь его, мама. Ну, Березинъ, еще такъ чудно на балалайкѣ игралъ.

Карданова молча присматривалась къ нему, ничего не возразивъ.

Ну да, она знала Березина, и вотъ онъ убитъ. Это жаль, очень жаль! Но вѣдь могъ бы быть убитъ и Миша, который, несмотря на всѣ ея мольбы, провелъ это кровавое воскресенье на улицахъ города. Богъ спасъ его!

— Ты нездоровъ, Миша,—сказала она.

Онъ дикимъ взглядомъ посмотрѣлъ на нее.

— Нездоровъ? Ну, да. А кто же здоровъ теперь? Нервы натянуты до послѣдней степени. Зачѣмъ они убили его? Что онъ имъ сдѣлалъ? Или для того, чтобы ничего не сдѣлалъ?

Онъ провелъ рукой по лбу, жестомъ, какимъ обыкновенно снимаютъ паутину, потомъ тряхнулъ головой и сказалъ:

— Я пойду. Я пойду спать. Я всю ночь не спалъ...

— Само собой, пойди,—сказала ему мать.—Ты утомленъ, нездоровъ. Отдохни. Говорила я тебѣ не выходить вчера на улицу. Пойди, Миша, пойди.

Но онъ не пошелъ.

Онъ придвинулъ стулъ къ дивану матери и, наклонившись къ ней, заговорилъ уже болѣе спокойнымъ голосомъ, въ которомъ были отзвуки горячаго чувства, волновавшаго его:

— Мама, что ты говоришь! Не выходить на улицу! Да гдѣ же можно было оставаться вчера, куда идти? Сидѣть дома, спрятавшись за толстыми стѣнами, какъ трусъ? Или, по примѣру

моей сестрицы Анн, сидѣть въ балетѣ и наслаждаться танцами, какъ будто ничего не произошло?..

— Миша!—сказала она ему, указавъ глазами на отца Виѳаискаго.

Но онъ не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія.

— Батюшка знаетъ насъ и всѣ наши дѣла! — отвѣтилъ онъ, махнувъ рукой. — Но какъ ты могла отпустить Анну въ театръ?

— Ахъ, да что̀ я могу и чего я не могу?! Развѣ я имѣю голосъ у своихъ дѣтей?—съ горечью возразила она.—Ты видишь, какое время? Время власти родителей надъ дѣтьми прошло...

— Ты жалѣешь объ этомъ?—съ насмѣшкой спросилъ онъ.

— Ничуть. Но надо быть справедливымъ. Если оно прошло, то прошло. Тогда незачѣмъ требовать отъ меня какихъ-то репрессивныхъ мѣръ и по отношенію къ Аннѣ.

— Но вѣдь она еще дѣвочка.

— Эта дѣвочка дѣлаетъ что̀ только ей заблагоразсудится, какъ, впрочемъ, и ты, и всѣ...

Онъ, видимо, не слушалъ ее—и продолжалъ:

— А Ольга? Ольга возмущаетъ меня... Даже въ такіе дни она не прекращаетъ своего разнузданнаго и глупо-пошлаго романа. Да гдѣ же у этихъ женщинъ совѣсть, честь, порядочное чувство? Скажи же, ради Бога, гдѣ оно?

— Миша, я тебя прошу не говорить такъ о сестрѣ,—съ несвойственной ей строгостью сказала Карданова.—И что̀ у тебя за манера быть какимъ-то судьей всѣхъ и каждаго, носиться со своими гражданскими чувствами? Я, право, не понимаю тебя иногда.

— Ты многаго не понимаешь. Ты не понимаешь, что настало новое время! Новое, мама! Новое время и новое дѣло. Пойми это. Такое дѣло, на которое надо смотрѣть какъ на отходящій поѣздъ. Нужно торопиться, чтобы поспѣть на этотъ поѣздъ, чтобы онъ не ушелъ безъ насъ: иначе время и билеты будутъ потеряны. Пойми, что вчера, девятаго января, прозвучалъ третій звонокъ, и поѣздъ двинулся въ путь къ конечной станціи, названіе которой—„Свобода". Пойми, мама, нельзя въ такое время заниматься своими личными дѣлами и дѣлишками, своими личными романами, развлеченіями, увлеченіями и удовольствіями. Нужно сбросить съ себя ветхую шкуру равнодушія, безволія, трусости, лѣни. Женщины должны переродиться—матери, жены, сестры—чтобы дать новому времени новыхъ людей. Потому что новое дѣло потребуетъ и новыхъ людей, и новыхъ силъ.

Остальные погибнутъ,—кто будетъ жить прежнимъ отчужденіемъ отъ общихъ дѣлъ... Правду я говорю, батюшка?

Отецъ Виѳанскій кивнулъ головой.

— Да,—сказалъ онъ,—повидимому, Россія пробуждается къ новой жизни. И вы правы—нужны новые работники, сильные, здоровые, съ крѣпкой волей и твердой убѣжденностью. Но, милый, это не дѣлается сразу. И вы увлекаетесь, если думаете, что всѣ люди, вѣками воспитанные въ старомъ закалѣ, могутъ вдругъ, въ одинъ день переродиться. Огромное большинство ихъ останется въ сторонѣ отъ новаго движенія, за флагомъ. Одни—вслѣдствіе устарѣлости, другіе—вслѣдствіе въѣвшагося въ нихъ индифферентизма, третьи—отъ атрофіи воли. И такъ далѣе. Новое дѣло будетъ сдѣлано передовыми людьми и лучшими здоровыми элементами изъ народа. Остальные только будутъ приспособливаться къ новому режиму или уничтожаться. Нужно политическое воспитаніе, а оно дается временемъ. Поэтому не волнуйтесь такъ. Если это движеніе не поверхностно, а серьезно, то оно не заглохнетъ и вынесетъ на поверхность новыя силы.

— Да, да, но это горько... что близкіе люди одного поколѣнія, одного воспитанія, одной семьи идутъ врозь въ такое время. Нѣтъ солидарности, нѣтъ сплоченности, нѣтъ единства. Отчего это? Отчего эта вѣчная славянская рознь?

Батюшка улыбнулся.

— А я иначе спрошу,—отвѣтилъ онъ.—Отчего этотъ славянскій деспотизмъ?

— Какъ деспотизмъ?

— О, да, конечно, деспотизмъ! Вы говорите, что начинаете дѣло свободы, а уже требуете подчиненія всѣхъ несогласно мыслящихъ, какой-то нивеллировки идей и убѣжденій. Зачѣмъ это? Гдѣ свобода—тамъ борьба. Предоставьте каждому жить и думать за свой страхъ... Изъ борьбы рождается свобода, и свобода, истина, новый свѣтъ рождаетъ борьбу. Будьте только ярки и не ослабѣвайте, если вы — свѣтъ. И тогда свѣтъ побѣдитъ тьму, и тьма его не объястъ, потому что свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ.

Михаилъ подумалъ надъ этими словами и возразилъ:

— Я не совсѣмъ согласенъ съ этимъ. Вы говорите о свѣтѣ истины. Свѣтъ истины, вообще свѣтъ, есть свѣтъ, и я не понимаю тѣхъ людей, которые думаютъ, что свѣтъ—тьма, и отворачиваются отъ него и тщетно силятся погасить его.

— Вы очень ошибаетесь, мой милый, — сказалъ ему батюшка.—Я врагъ цитатъ, но на сей разъ долженъ прибѣгнуть къ одной изъ нихъ. Христосъ внесъ въ міръ свѣтъ, который

долженъ былъ просвѣтить всѣхъ. „Огонь пришелъ Я низвесть на землю, — сказалъ Онъ,—и какъ желалъ бы Я, чтобы онъ уже возгорѣлся“. Вы знаете, Миша, какъ трудно возгарался этотъ огонь. „Думаете ли вы, — сказалъ Христосъ, — что Я пришелъ дать миръ землѣ? Нѣтъ, говорю вамъ, но раздѣленіе. Ибо отнынѣ пятеро въ одномъ домѣ станутъ раздѣляться, трое противъ двухъ и двое противъ трехъ. Отецъ будетъ противъ сына и сынъ противъ отца; мать противъ дочери и дочь противъ матери...“ Вотъ какъ рождается свобода и сколько горя приноситъ ея рожденіе міру. Ученіе Христа было нравственно-соціальное, а эти ученія никогда не проходятъ безъ борьбы. Въ борьбѣ, какъ видите— жизнь. А посему не унывайте, не падайте духомъ, не заботьтесь о мнѣніяхъ другихъ. Будьте сами сильны и не боритесь со зломъ насиліемъ, а высотою убѣжденности и сознаніемъ правоты. Остальное приложится.

Батюшка вынулъ папиросу и закурилъ ее.

Онъ съ наслажденіемъ затянулся послѣ своей длинной рѣчи. Глаза его, проникновенные и добрые, смотрѣли, улыбаясь, въ возбужденное лицо юноши.

Михаилъ сидѣлъ насупившись.

Его молодая, кипучая натура требовала активной, немедленной борьбы.

И онъ, и его сестры обладали темпераментомъ, и между ними было много общаго, только кипѣнье каждаго изъ нихъ было направлено въ иную сторону.

Бездѣйствіе и выжиданіе не были сильной стороной ихъ характеровъ.

Батюшка отложилъ папиросу въ сторону и сказалъ, улыбаясь:

— Такъ какъ пошло на тексты, то скажу вамъ и еще текстъ: „Человѣкъ съ двоящимися мыслями не твердъ во всѣхъ путяхъ своихъ“. Это изъ апостола Іакова; поэтому будьте только тверды въ своихъ убѣжденіяхъ, и остальное, повторяю, приложится.

Въ сосѣдней комнатѣ раздался звонъ шпоръ.

— Это Вадимъ, должно быть,—сказала Карданова.

Миша вздрогнулъ при этихъ словахъ и всталъ.

Дѣйствительно, въ комнату вошелъ Вадимъ.

Онъ былъ въ высокихъ сапогахъ и походной формѣ, съ лядункой, шашкой и револьверомъ.

— Здравствуйте,—сказалъ онъ.—Я тутъ былъ по близости и зашелъ позавтракать. Мнѣ опять надо на службу. Здравствуй, мама.—Онъ подошелъ къ матери и поцѣловалъ ее, потомъ про-

тянулъ руку батюшкѣ. — Здравствуй, Миша,—сказалъ онъ, подойдя къ брату и протягивая ему руку.

Глаза Михаила засверкали недобрымъ огонькомъ.

Не спуская взора съ брата, глядя ему прямо въ лицо, улыбаясь какой-то судорожной, больной улыбкой, онъ вдругъ отшатнулся отъ него и заложилъ руки за спину.

Офицеръ остался съ протянутой въ воздухѣ рукой. Густая краска залила его лицо.

— Чтὸ съ тобою, Михаилъ? — строго спросилъ онъ брата, нахмурившись.

Карданова дрожала мелкой дрожью.

Батюшка, не ожидавшій ничего подобнаго, послѣ только-что минувшаго разговора, поднялся съ кресла.

Мгновеніе длилось тревожное молчаніе.

И среди этого молчанія раздался отвѣтъ Михаила, каждое слово котораго негромко, но отчетливо раздалось въ этой большой комнатѣ:

— Я не подаю руки убійцамъ.

И онъ скрестилъ на груди руки.

Какой-то глухой стонъ ярости вырвался изъ груди Вадима, и онъ сдѣлалъ два шага по направленію къ брату.

Готовилось что-то грозное, тяжелое и печальное, какъ кошмаръ.

Вѣра Алексѣевна вскрикнула и схватилась за сердце. Она упала на диванъ въ полуобморочномъ состояніи.

Къ ней бросился батюшка.

— Дѣти, дѣти...—простонала она и закрыла глаза.

Вадимъ сталъ вплотную передъ Михаиломъ, лицомъ къ лицу, взоръ во взорѣ.

Онъ не зналъ еще, чтὸ онъ сдѣлаетъ.

Михаилъ неподвижно, какъ статуя, стоялъ передъ нимъ

И, наконецъ, Вадимъ сказалъ:

— Взгляни на мать... Только ради нея и ради твоей глупости, я не караю тебя. Но ты не братъ мнѣ больше.

Голосъ его звучалъ неспокойно, горькими нотами злой обиды.

Михаилъ отвѣтилъ вполголоса:

— О, ты давно не братъ мнѣ. И я давно—одинъ. Братъ, который стрѣляетъ въ безоружную толпу, который убиваетъ людей... не братъ мнѣ.

Офицеръ приходилъ понемногу въ себя.

— Еслибы ты полѣзъ на баррикаду,—твердо-отчетливо, хотя все еще вполголоса проговорилъ онъ,—я и тебя приказалъ бы разстрѣлять. Я исполнялъ свой долгъ. Я принималъ присягу. И

только твое недомысліе могло заставить тебя сказать такую гнусную вещь.

Батюшка давалъ Вѣрѣ Алексѣевнѣ нюхать спиртъ. Она приходила въ себя.

— Дѣти, дѣти!—шептала она.—Дѣти, дѣти...

Вадимъ подошелъ къ ней, обнялъ ее и, поцѣловавъ руку, вышелъ.

У него на глазахъ были слезы.

Михаилъ стоялъ въ глубинѣ комнаты, нѣсколько смущенный, но все еще суровый, мрачный, съ плотно-сдвинутыми бровями.

Вѣра Алексѣевна горестно взглянула на него, хотѣла что-то сказать, потомъ посмотрѣла на отца Виѳанскаго и расплакалась.

— Вы правы, батюшка, — усталымъ голосомъ проговорила она, придя въ себя. — „И возстанетъ братъ на брата, и въ каждомъ домѣ будетъ раздѣленіе"...

И она обратилась къ сыну.

— Всякій долженъ честно исполнять свое дѣло, Миша. Зачѣмъ ты оскорбилъ своего брата?

— Оставь, мама!—отвѣтилъ онъ.—Это тебя волнуетъ. Всякій долженъ исполнять честно свое дѣло, даже когда оно—нечестное дѣло? Ну, хорошо, оставимъ это! Вы меня, очевидно, никогда не поймете. И не надо!

Онъ вдругъ охватилъ голову обѣими руками, усталымъ движеніемъ опустился въ кресло и, закачавшись всѣмъ корпусомъ, проговорилъ, какъ бы отвѣчая своимъ мыслямъ:

— Ахъ, я и самъ иногда перестаю понимать себя!..

И уже совсѣмъ простымъ тономъ, точно уставшій ребенокъ, прибавилъ:

— Я спать хочу. Я очень спать хочу.

Съ усиліемъ поднялся онъ и, пошатываясь, вышелъ изъ комнаты.

XXXII.

На улицахъ Петербурга десятаго января было жутко.

Разъѣзжали войска; разбушевавшійся народъ разбивалъ окна магазиновъ. Кое-гдѣ грабили; кое-гдѣ жгли деревянные кіоски.

Газеты все еще не выходили. Къ четыремъ часамъ дня погасло во многихъ частяхъ города электричество, въ домахъ и на улицахъ, и все погрузилось во тьму. Петербургъ походилъ на Парижъ во время коммуны, съ его бивуаками войскъ, съ его

заколоченными деревянными щитами окнами, съ неспокойными толпами, пѣвшими марсельезу и другія революціонныя пѣсни.

Театры закрылись. Поѣзда съ нѣкоторыхъ станцій не уходили. Бастовали рѣшительно всѣ фабрики и заводы.

Какъ всегда, за отсутствіемъ газетъ, распространялись чудовищные слухи, одинъ невѣроятнѣе другого.

Жутко, мрачно было на улицахъ, и чуть ли не еще мрачнѣе въ домахъ, гдѣ люди окончательно растерялись, въ виду неожиданности и внезапности нагрянувшихъ безпорядковъ.

Забѣлинъ сидѣлъ у себя дома въ своемъ уютномъ, роскошно обставленномъ кабинетѣ. Ему было грустно. Грустно оттого, что онъ уже два полныхъ дня не видалъ Ольги и не могъ съ ней увидѣться.

Телефонъ не дѣйствовалъ, онъ даже не могъ переговорить съ ней. Онъ написалъ ей записку, въ которой было больше безумія и страсти, чѣмъ смысла, но отвѣта на эту записку не получилъ. Чтò съ ней? Отчего она не отвѣтила ему?

Въ эти дни неловко было ему идти въ домъ къ ней, въ качествѣ гостя. Вѣдь на него тамъ всѣ косятся: и студентъ, который уже почти не говоритъ съ нимъ и даже избѣгаетъ подавать ему руку, и офицеръ, и даже свободомыслящая маменька.

Больше всѣхъ его возмущалъ Михаилъ: „носится со своей честностью какъ настоящій идіотъ".

Грустно ему было и оттого, что онъ не понималъ Ольги.

То она говоритъ ему, что этому роману нѣтъ начала, слѣдовательно не будетъ и конца. То вдругъ, въ послѣдній разъ, сказала: „я такъ же скоро сумѣю все это развязать, какъ завязала", и въ этихъ словахъ ему почудилась угроза. Но если такъ, зачѣмъ, зачѣмъ она затѣяла съ нимъ это? Нельзя же человѣка вести за собой на высокую гору, показать ему свѣтъ солнца и потомъ безъ думъ, безъ сожалѣній столкнуть его въ пропасть, ради пустого каприза.

Но она ничего не хочетъ: не хочетъ развóда, не хочетъ женитьбы, не хочетъ ménage à trois (прежде соглашалась и съ этимъ) и не хочетъ прямо и просто сказать, что она его отпускаетъ. Чего она хочетъ? Онъ не знаетъ, не можетъ понять. Что онъ, поглупѣлъ что-ли? Онъ дошелъ до того, что самъ просилъ ее не видаться, прекратить всякія съ нимъ отношенія, разомъ, отрѣзать эту нить, такъ крѣпко связавшую ихъ.

Но она сухо отвѣтила:

— Ты мнѣ нуженъ. И пока нуженъ, ты будешь дѣлать то, чтò я говорю.

И онъ дѣлалъ.

Онъ не зналъ ни дня, ни часа, когда она потребуетъ его къ себѣ или прикажетъ быть въ театрѣ или ресторанѣ.

Зачѣмъ онъ ей нуженъ? Любить—она его не любитъ. Онъ это зналъ, онъ это чувствовалъ, онъ въ этомъ былъ убѣжденъ. Она не любила его духовной, сердечной любовью—и сама говорила, что не понимаетъ такой любви.

Такъ, можетъ быть, онъ нуженъ ей какъ капризъ, какъ занятіе отъ бездѣлья, тревоги и скуки? Ахъ, да не все ли равно ему теперь! Она ему вѣдь тоже необходима. Онъ съ головой ушелъ въ эту больную страсть.

Зачѣмъ загадывать о будущемъ? Будь чтò будетъ! Всѣ живутъ теперь сегодняшнимъ днемъ, не думая о завтрашнемъ, въ который утрачена увѣренность. Чѣмъ онъ лучше другихъ? И онъ будетъ жить такъ же, какъ всѣ.

XXXIII.

У нихъ все еще шелъ прологъ къ роману, бурный, невѣроятный прологъ, точно написанный бульварнымъ романистомъ.

И каждый разъ, каждая глава, которую онъ думалъ довести до конца, до настоящаго конца, обрывалась ею на самомъ интересномъ мѣстѣ, безъ всякихъ видимыхъ причинъ и даже съ неизвѣстностью, когда будетъ продолженіе и будетъ ли?

Это его измучило нравственно и физически. Онъ поблѣднѣлъ, сталъ худѣть, страдать безсонницей и тупыми головными болями. А она все была такая же цвѣтущая, оживленная, нервная, какъ будто слегка опьяненная.

Наконецъ, кто она? Страстная, порывистая женщина, съ добрымъ, чуткимъ сердцемъ, или глубоко испорченная натура? Онъ разсуждалъ и такъ, и этакъ, и ни къ какому результату придти не могъ.

Она была красива особенной красотой. Не онъ одинъ находилъ это, но всѣ. И это одно ему, поэту, поклоннику красивыхъ формъ, было въ ней дорого.

Но у нея были порывы и душевной красоты. Какая-то удивительно нѣжная заботливость къ нему, какое-то, словно, материнское чувство къ его страданію.

Это бывало рѣдко, но такъ всегда искренно проявлялось, что сомнѣваться въ этой искренности онъ не могъ.

„Бѣдная, бѣдная Ольга! Кто искалѣчилъ тебя такъ, моя радость?“—шепталъ онъ, оставаясь одинъ и думая о ней.

А думалъ онъ о ней непрерывно.

Сегодня ему было грустно и оттого, что вотъ происходитъ что-то великое, грандіозное на Руси. Какая-то огромная волна нахлынула на сонное царство. Окунуться бы въ этой свѣжей, прозрачной волнѣ, почерпнуть въ ней силы, освѣжить свою затхлую жизнь, вынестись вмѣстѣ съ нею на общее дѣло!

Но онъ не можетъ. Ольга связала его по рукамъ и ногамъ. Онъ превратился въ раба ея, въ безмолвнаго и покорнаго раба, даже просто въ неодушевленное орудіе ея желаній и капризовъ.

Неужели же это нездоровое увлеченіе заставило его такъ низко пасть? Онъ забросилъ дѣла, онъ не интересовался больше общественными вопросами, и даже къ этому необыкновенному пробужденію Россіи онъ остался холоденъ. Такъ холоденъ, что ему стало грустно и жутко при мысли объ этомъ.

Но что̀ же дѣлать? Онъ не чувствуетъ въ душѣ своей подъема. Онъ весь увялъ, весь опустился, какъ цвѣтокъ, изъ стебля котораго ушли соки.

И только мысль о ней пробуждаетъ его отъ индифферентизма и холодности.

Вотъ передъ нимъ лежитъ повѣстка.

Его приглашаютъ на совѣщаніе для обсужденія послѣднихъ событій. Его—блестящаго оратора, отъ котораго сословіе ожидаетъ многаго. Вотъ и политическая программа ихъ партіи.

Но холодными и скучающими глазами слѣдитъ онъ за строками, напечатанными на машинѣ. Ничто, ничто ему не интересно, кромѣ Ольги.

Ему хочется, по старой привычкѣ, написать стихи, что-нибудь великое, достойное ея, какой-нибудь „Гимнъ Красоты“.

Онъ быстро беретъ карандашъ. Но выходитъ все риторика. Скучно, вяло, блѣдно, и ему кажется, что его поэтическій даръ пропалъ, что она унесла его, что она вынула изъ его души все, что̀ въ ней было цѣннаго. Для чего вынула? Для забавы? Какъ дѣти ломаютъ интересную игрушку, чтобы полюбопытствовать, что̀ тамъ находится внутри? Почему, почему?

И вотъ, онъ чувствуетъ, что опять сталъ передъ глухой стѣной вопросовъ, на которые не находитъ отвѣтовъ, не можетъ ихъ найти.

Гдѣ-то вдали глухо грянулъ выстрѣлъ.

— Опять!—мучительно проносится въ его сознаніи, и сердце сжимается отъ тупой боли.—Опять! Вотъ еще!

Или это ему такъ кажется? Такъ напряжены за эти два дня нервы, что всѣмъ слышатся теперь въ Петербургѣ выстрѣлы.

Онъ обхватилъ голову руками и замеръ надъ столомъ въ этой позѣ.

И слезы закапали изъ глазъ его, и падали на листокъ съ начатымъ стихотворенiемъ.

И вдругъ онъ встрепенулся.

Что̀ это? Да, несомнѣнно, звонокъ. Все въ немъ затрепетало. Точно электрическiй токъ прошелъ по его организму.

Забѣлинъ всталъ, быстро подбѣжалъ къ зеркалу и поправилъ волосы и усы.

Вѣдь это же, несомнѣнно, она! Онъ не ждалъ ее, не предполагалъ возможности ея прихода. Но что-то въ немъ ликовало, и пѣло, и говорило ему, что это она. Она! Она! Онъ очутился у двери и отворилъ ее.

Онъ ощущалъ слабость въ ногахъ—какое-то томное, мучительное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прiятное, сладкое чувство. А если это не она? Онъ закрылъ глаза отъ страха при одной только мысли объ этомъ.

И когда онъ открылъ ихъ—она стояла передъ нимъ. Руки его дрожали. Скорбнымъ и радостнымъ, счастливымъ взоромъ, не будучи въ состоянiи произнести слова, онъ смотрѣлъ на нее, вѣрилъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ, своему счастью.

И въ ея взорѣ была радость отъ сознанiя, что онъ такъ чувствуетъ.

Прибѣжала горничная, но Забѣлинъ сказалъ ей голосомъ, котораго не узналъ самъ:

— Не надо, Маша, не надо. Я помогу. Я самъ.

Маша исчезла.

Ольга, ничего не сказавъ, обняла его и, крѣпко прижавъ къ его лицу свое холодное отъ мороза лицо, поцѣловала его долгимъ, счастливымъ поцѣлуемъ.

— Замучился? Усталъ ждать? Безумствовалъ?

Вздохъ облегченiя вырвался изъ его груди.

— Ахъ, если бы ты знала, если бы ты знала...

Онъ еще нé могъ говорить отъ волненiя. Онъ задыхался.

— Ну, что же ты не помогаешь мнѣ раздѣться?

Онъ принялся разстегивать ея барашковое пальто, но руки его дрожали, и, сознавъ полное свое безсилiе, онъ сказалъ:

— Не могу, я очень взволнованъ...

Она засмѣялась и принялась раздѣваться.

Потомъ вошла съ нимъ въ гостиную, сѣла на диванъ, посадила его рядомъ, вся прижалась къ нему.

— Тепло... тепло...—говорила она.—Такъ бы всегда...

Покажи мнѣ квартиру. Я хочу быть здѣсь какъ у себя дома... Не ожидалъ?

Онъ съ безвольнымъ восторгомъ смотрѣлъ на нее.

Да, вотъ она у него.

У него! Несомнѣнно у него, и несомнѣнно она. Но вѣдь, затѣмъ, настанетъ мгновенье, когда она уйдетъ.

А потомъ у нея перемѣнится настроеніе, и Богъ вѣсть, когда ей вздумается опять забраться къ нему.

Она ходила по комнатамъ и съ видомъ хозяйки и жены, которой все близко и дорого, кое-что хвалила, многое критиковала.

— Уменьши свѣтъ. Не люблю, когда такъ свѣтло.

И стала шарить по столу въ кабинетѣ. Разглядывала вещи, прочитывала записки, заглянула въ стихотвореніе, улыбнулась; распечатала одно письмо, еще невскрытое, но, не дочитавъ, бросила.

— Есть шампанское дома?

— Есть. Сколько хочешь.

— Правда? Прикажи подать.

Маша подала шампанское.

Выпивъ стаканъ, онъ почувствовалъ бодрость и сталъ какъ-то вдругъ владѣть собой.

— Какъ пришла тебѣ идея посѣтить меня, Оля?

— Да такъ, просто. Взяла и пріѣхала. Мнѣ хорошо здѣсь.

— Но въ такой день... ты не побоялась выѣхать?

— Въ такой день? — повторила она. — Въ какой же день? Ахъ, да, это! Я ничего не боюсь. Никогда. Я уже говорила тебѣ. Пріятно, радостно чувствовать смертельную опасность... Встрѣтила Мамаева. Онъ шелъ съ веселымъ лицомъ. Я остановила карету и поболтала съ нимъ. Я говорю: — „Что вы такъ веселы?“ И — знаешь, что̀ онъ отвѣтилъ?

— Не знаю, — разсѣянно сказалъ Забѣлинъ, такъ какъ ему вовсе не было пріятно слушать про Мамаева. — А что̀?

— Онъ сказалъ интересную вещь: „У меня опять сорвалось: я разошелся съ Стаховской. Я всегда веселъ потому, что мнѣ ничто не удается. Люди, которымъ все удается, всегда скучны: имъ нечего желать“. Вотъ ты скученъ, потому что тебѣ удается. Ты добился всего.

— Всего? — съ удивленіемъ протянулъ онъ.

Она зажала ему ротъ рукою.

— Молчи!.. Развѣ въ этомъ — все? Это — финалъ, эпилогъ, высшая точка, съ которой начинается охлажденіе. Какъ можно дольше надо держаться отъ финала.

— Ольга!

— Да, да! Въ чемъ дѣло? И знаешь, когда охлажденіе настанетъ, никогда не пытайся возобновить чувство, прикрытое пепломъ. Никогда не нужно стремиться вновь видѣть покинутую страну и покинутую женщину. Онѣ уже покажутся въ другомъ свѣтѣ, увядшими, поблекшими...

Забѣлинъ выпилъ еще шампанскаго и впалъ въ меланхолическое настроеніе.

Красота Ольги, полусвѣтъ уютной гостиной, обставленной мягкой, глубокой и удобной мебелью, звукъ ея очаровательнаго голоса, все это дѣйствовало на него какъ прекрасное лирическое стихотвореніе.

— Такъ мало въ жизни красоты, Ольга! — сказалъ онъ, обнимая ее. — Красота — вѣдь это все. *Они* — онъ и самъ не зналъ, про кого собственно говорилъ, — они вотъ считаютъ, что главное — это гражданское чувство, форма правленія, новый режимъ, я не знаю что̀! Вздоръ это! Все проходитъ. Режимъ мѣняется, война переходитъ въ миръ, все исчезаетъ. Красота остается. Потому что все остальное — временное, красота — вѣчна.

Ольга смотрѣла на него молча.

Ей было пріятно слушать его, потому что она понимала, что онъ говорилъ это о ней, потому что красота воплощена для него въ ней одной.

— Красота во всемъ! — продолжалъ онъ. — Въ звукѣ, въ краскахъ, въ пластикѣ, въ женщинѣ, въ молодости, въ подвигѣ. Такъ мало настоящей красоты!

— Она — въ расцвѣтѣ. Я бы хотѣла умереть не старше сорока лѣтъ, — наконецъ проговорила Ольга, невольно заражаясь его настроеніемъ.

— Она есть и въ увяданьи. Но красота увяданья есть красота элегіи, а не гимна. Пусть будетъ все красиво, молодо и ярко. Вотъ и я бы хотѣлъ сейчасъ умереть. Я былъ бы счастливъ. Потому что греза не можетъ длиться вѣчно, а затѣмъ настанетъ тяжелое пробужденіе.

— Ты не хочешь жить? Что за вздоръ!

— Почему вздоръ? Ну, проживу еще лишній годъ, десять лѣтъ, потомъ все равно — одинъ конецъ.

— Да, но подумай, сколько за эти лишніе годы ты увидишь лишней красоты! Сколькими хорошенькими женщинами полюбуешься! Ахъ, нѣтъ, стоитъ жить! Ты самъ говоришь, красота — это сила.

— Да, такая, какъ твоя. Только ты, ты одна... Я хотѣлъ бы кричать urbi et orbi, что я тебя люблю... А приходится таиться, скрываться, какъ вору. Я укралъ, укралъ тебя. Знаешь, когда вернется Леон... твой мужъ, это будетъ такой ужасъ, такой ужасъ... Вы будете счастливы вдвоемъ... о, я это знаю, знаю! И я буду лишній. Но я бы хотѣлъ, чтобы, когда ты будешь вотъ такъ сидѣть съ нимъ вдвоемъ, когда ты будешь любить его, чтобы вдругъ ты вспомнила меня, грустнаго и печальнаго, и чтобы я сталъ мрачнымъ облакомъ, набѣгающимъ иногда среди яркаго дня и заслоняющимъ собою солнце...

Она вдругъ нахмурилась.

— Ты — странный. Зачѣмъ ты заговорилъ объ этомъ? Это уже драма. Я не хочу драмъ. Вездѣ драмы. На улицахъ, дома. У насъ всѣ ходятъ хмурые. Михаилъ оскорбилъ Вадима. Мама больна. Анна куксится: вотъ подай ей Мамаева, да и все тутъ. Въ особенности теперь, когда онъ свободенъ. Но его не прельщаетъ эта дѣвочка. А жаль! Говорятъ, Стаховская разошлась съ Мамаевымъ изъ-за девятаго января. Смѣшно! Политика въ модѣ, политика примѣнена ко всему. Но я не хочу знать ее. Миша ходитъ мрачнѣе тучи. Онъ „презираетъ“ меня. И сегодня онъ бросался на всѣхъ. Вадиму руки не подалъ. Мнѣ сказалъ: „Твой романъ съ Забѣлинымъ пошлъ вообще, а нынче — особливо. Подумай, что̀ дѣлается на войнѣ и дома, какое время переживаетъ родина, а у тебя любовная канитель... И она кажется такой мелкой и ничтожной, что вчужѣ противно глядѣть на нее“.

Ольга выпила еще шампанскаго.

— Вѣроятно, онъ правъ, — продолжала она оживленно. — Должно быть, правъ. Ты слышишь? — вдругъ, вся вздрогнувъ и схвативъ Забѣлина за руку, проговорила она. — Вѣдь это — выстрѣлы. Да, да! Это-то ужъ выстрѣлы.

Онъ поблѣднѣлъ.

— Да, это выстрѣлы. И недалеко отсюда. Какъ ты поѣдешь?

Она нагнулась къ самому его уху.

— Я не поѣду, — прошептала она. — Утромъ будетъ безопасно.

Онъ сжалъ ее въ объятіяхъ.

— А ты только-что говорила... объ эпилогѣ...

— А ты не вѣрь всему, что̀ я говорю... — И она опять вернулась къ прежнимъ мыслямъ, подбодривъ себя шампанскимъ. — Да, онъ, конечно, правъ. Вонъ тамъ, гдѣ-то, во тьмѣ январь-

ской ночи, стрѣляютъ, и люди падаютъ, окровавленные, на снѣгъ, жертвуя жизнью за свои идеи и платя за них смертью. А я здѣсь, въ уютномъ гнѣздышкѣ, съ тобой... Мы говоримъ о любви и пьемъ шампанское. Это—развратъ. Вѣдь да? Это—настоящій развратъ? Но что же дѣлать? Я жить хочу! Жить! Просто жизни хочу, а не подвиговъ...

Лицо ея раскраснѣлось, глаза блестѣли.

Вдали глухо раздался еще выстрѣлъ. Было что-то ужасное и тяжелое въ этихъ выстрѣлахъ въ глубинѣ ночи и въ этихъ рѣчахъ Ольги, обезумѣвшей отъ страсти, съ которой она и не пыталась, и не умѣла бороться.

Чудовищный контрастъ этотъ поразилъ и Забѣлина. Но онъ думалъ только объ Ольгѣ, о томъ счастьи, котораго такъ долго ждалъ и на которое не смѣлъ уже больше разсчитывать.

Все какъ-то спуталось, перемѣшалось въ эти тревожные дни. Всѣми овладѣло отчаяніе, многіе утеряли чувство границы между дозволеннымъ и преступнымъ. Воля разнуздалась. Новость положенія подняла нервы. И Забѣлину казалось нелѣпымъ упустить свое „счастье“, когда завтра, можетъ быть, начнется общій разгромъ и избіеніе „интеллигенціи“.

Онъ быстро вытянулъ по стѣнѣ руку, нащупалъ выключатель и повернулъ его.

Гостиная погрузилась во тьму. Ольга не протестовала противъ этого. Она взяла стаканъ и прижала его къ губамъ Забѣлина. И оба пили изъ одного стакана, такъ что губы ихъ соприкасались.

XXXIV.

Чуть брезжилъ сумеречный зимній разсвѣтъ, когда Ольга возвращалась домой.

Улицы были пустынны, но изрѣдка по нимъ проходили патрули. Окна магазиновъ, заколоченныя деревянными щитами, казались точно ослѣпленными и придавали улицамъ необычайный видъ.

Подъѣздъ въ домѣ уже былъ открытъ, и швейцаръ возился на лѣстницѣ.

Ольга юркнула мимо него, дрожащими руками вынула изъ мѣшечка ключъ и безшумно открыла двери. Быстро пробравшись къ себѣ, она стала раздѣваться, нетерпѣливо, лихорадочно освобождая себя отъ одежды и ювелирныхъ украшеній.

На душѣ ея было скверно.

То, чего она опасалась, случилось; то, чего она такъ не хотѣла, произошло. Больше всего она боялась банальнаго исхода романа, который ей казался вначалѣ такимъ оригинальнымъ, интереснымъ, необыкновеннымъ. Да, да, Миша былъ правъ, когда обозвалъ его „обыкновенной пошлостью". Какъ жаль! Какъ жаль, что все въ жизни кончается пошлостью: страсть—успокоеніемъ и спокойной любовью, спокойная любовь—привычкой, интересный романъ—паденіемъ, поэзія—прозой... За каждымъ красивымъ словомъ стоитъ непремѣнно буржуазная банальная антитеза. Да, да, реакція началась; вершина достигнута — паденіе неизбѣжно.

Но такъ скоро! Да, такъ скоро! У нея такая ужъ натура: быстрое возникновеніе пламени и столь же быстрое потуханіе. Ея любовь—костеръ изъ соломы: легко загорается, ярко горитъ, и чѣмъ полнѣе пылаетъ, тѣмъ скорѣе превращается пожаръ, и даже... пепла не останется...

„Mais... tu l'a voulu, Georges Dandin!"—подумала она о Забѣлинѣ.

Когда она ложилась въ постель, на ночномъ столикѣ она нашла телеграмму. Что-то кольнуло ее въ сердце.

Телеграмма была отъ товарища Леонида, который далъ ей передъ отъѣздомъ слово телеграфировать, если съ ея мужемъ что-либо случится.

Телеграмма была срочная.

„Сегодня, вечеромъ, убитъ въ рекогносцировкѣ Леонидъ выстрѣломъ въ грудь. Смерть мгновенная".

Руки Ольги задрожали.

Широко раскрытыми глазами она уставилась въ потолокъ, и, казалось, всѣ мысли и чувства покинули ее.

Все вдругъ уплыло куда-то. Такъ пролежала она долго безъ движенія, и когда первые лучи зимняго солнца заглянули въ ея спальню, она точно очнулась отъ тяжелаго, мрачнаго кошмара. Чтò это было: сонъ? видѣніе? игра воображенія?

Нѣтъ! Вотъ телеграмма на столѣ.

Въ тотъ вечеръ, когда Леонидъ скончался, она сидѣла у Забѣлина и говорила съ нимъ о значеніи красоты въ жизни.

Леонидъ былъ уже убитъ, лежалъ холоднымъ трупомъ въ какой-нибудь фанзѣ, а она...

Ольга закрыла лицо руками и горько зарыдала.

Она плакала рѣдко и всегда умѣла удерживаться отъ слезъ. Но теперь она дала имъ волю.

И какъ только полились слезы, ей стало легче на душѣ. Не

было уже того подавленнаго состоянія души, того тупого отсутствія боли, которой жаждешь, ищешь и не находишь.

Теперь вся душа ея стонала и ныла.

— За что? За что? — шептала она, въ отчаяніи сжимая пальцы. — За что я оскорбила его, его, который меня такъ искренно, такъ тепло любилъ? Леня, милый! Прости, прости меня, если можешь! Но ты теперь все можешь. Ты кончилъ эту пошлость, которая называется жизнью...

Мысли гуляли у нея въ головѣ, переходя съ одного предмета на другой. Она думала теперь объ этомъ Леонидѣ, героѣ войны, заслужившемъ осенью крестъ за ляоянскіе бои, а теперь геройски скончавшемся.

Онъ любилъ ее; любилъ не той больной, вычурной любовью, какъ Забѣлинъ, а любовью простою, сотканною изъ горячей преданности, чувства взаимнаго уваженія и дружбы, привязанности...

Но эта любовь, съ тѣхъ поръ какъ она увлеклась Забѣлинымъ, уже не казалась ей поэтичной, достаточно пряной, а напротивъ — буржуазной и скучной.

Теперь увлеченіе Забѣлинымъ кажется ей уже обыкновенной пошлостью. Такъ любить, какъ любили они съ Забѣлинымъ, могутъ только глубокіе эгоисты. Каждый думаетъ лишь о доставленіи себѣ удовольствія, о своихъ чувствахъ, не справляясь съ чувствомъ другого.

Вотъ теперь, навѣрное, Забѣлинъ обрадуется въ глубинѣ души этой смерти, которая освободила ее отъ законныхъ узъ.

Но нѣтъ, нѣтъ! Ни за что, никогда она не сдѣлается женою Забѣлина. Онъ потерялъ для нея интересъ. Онъ былъ ея больной мечтой, ея кошмаромъ, и теперь она проснулась. Мечта развѣялась, кошмаръ исчезъ...

Осталось то, что всегда остается отъ такихъ бурныхъ увлеченій — горечь обиды отъ сознанія ненужности такой страсти...

Откуда, когда, зачѣмъ явился въ ея жизни этотъ странный эпизодъ? Какой въ немъ смыслъ? Она долго не находила отвѣта на эти вопросы. Но чѣмъ дольше она думала о нихъ, тѣмъ яснѣе становилась ей причина ея увлеченія.

Это — отъ тоски, отъ всеобщаго разброда, отъ окружающей безпросвѣтности, отъ унынія и мрака, окутавшихъ жизнь русскаго общества со времени неудачной войны и внутреннихъ неурядицъ.

Хотѣлось вырваться изъ этой атмосферы политическаго салона матери, гдѣ люди занимались преніями кто въ лѣсъ, кто по дрова; хотѣлось, кромѣ траура и слезъ, царившихъ во всѣхъ

домахъ по близкимъ людямъ, погибшимъ на войнѣ, еще и веселья, и смѣха, и любви, и развлеченія. Чего-нибудь яркаго, необыкновеннаго, изящнаго и, главное, далекаго-далекаго отъ этихъ современныхъ вопросовъ.

Ужъ очень было мрачно у всѣхъ на душѣ, ужъ очень много было пролито слезъ, и душа безсознательно запросила выхода изъ этой темницы, изъ этого каземата скорби и гнѣва. Ну, и вотъ! Ея душа сбросила съ себя эти цѣпи. За скорбью всегда слѣдуетъ радость—это волны жизни, ея обязательный приливъ и отливъ. А за радостью—опять печаль; это такъ обязательно и неизбѣжно, и понятно! Непонятно только одно, къ какому берегу стремятся эти волны...

Такъ она думала обрывками, картинами, разсужденіями, умомъ, сердцемъ, чувствами.

И потомъ плакала, и опять думала, и опять плакала.

Теперь она снова одна.

Ни Леонида, ни Забѣлина. Куда унесетъ ее новая волна жизни?

Новое настроеніе общества властно вмѣшивается теперь во всѣ функціи жизни, спутываетъ всѣ отношенія, примѣшивается къ личнымъ ощущеніямъ, всему мѣшаетъ, на все накладываетъ свою печать. Ее же влекутъ „иные берега, иныя волны"! Какія? Она не знаетъ. Она твердо убѣждена, что не человѣкъ управляетъ жизнью, а жизнь человѣкомъ, и ей всегда казалось смѣшнымъ, когда при ней говорили:—„Ну, наконецъ, этотъ человѣкъ устроилъ жизнь, какъ хотѣлъ".—Она не вѣрила этому. Есть какіе-то законы, по которымъ все дѣлается въ жизни. А можетъ быть и нѣтъ законовъ, а есть глупая, слѣпая судьба. Схватываетъ она человѣка за руку и ведетъ его, сама не зная, куда и за чѣмъ, то натыкаясь на стволъ дерева, то попадая съ нимъ въ болото, то становясь передъ глухою стѣной.

„Ну и пусть ведетъ!" — сказала себѣ Ольга, и начала вставать.

XXXV.

Часа въ два служили панихиду по Леонидѣ. Служилъ отецъ Виѳанскій какъ всегда, съ искреннимъ, горячимъ чувствомъ произнося молитвы, которыя въ его устахъ пріобрѣтали особый, таинственный смыслъ.

Вечеромъ, на панихидѣ, среди присутствующихъ, былъ и Забѣлинъ. Онъ былъ утомленъ, блѣденъ, но не могъ скрыть какого-то радостнаго чувства, овладѣвшаго имъ.

Онъ взглядывалъ искоса на Ольгу, стоявшую уже въ черномъ платьѣ, и въ его взглядѣ былъ жгучій, нѣмой вопросъ.

Ее раздражали эти взгляды и заключавшіеся въ нихъ нѣмые вопросы.

Сколько уже ихъ было! Молча и съ недоумѣніемъ смотрѣла на нее мать. Молча, съ оттѣнкомъ презрительной насмѣшливости, смотрѣлъ на нее весь день Михаилъ. Съ осужденіемъ смотрѣлъ на нее Вадимъ,— этотъ честный и суровый служака, для котораго исполненіе долга было выше всего.

Анна приняла извѣстіе равнодушно. Она, какъ глубокая молодая эгоистка, занята была своимъ чувствомъ.

Разрывъ Мамаева съ Стаховской доставилъ ей большое удовольствіе. Теперь у нея возникали надежды. Она понимала, что сразу, конечно, ничего не устроится, да и безтактно было бы предпринимать что-нибудь; надо дать ему успокоиться, забыть.

Но вотъ бѣда! Ей теперь придется носить траурное платье, а именно теперь ей нужно, ей хочется одѣваться во что-нибудь красивое, свѣтлое, яркое. Во всемъ и вездѣ стѣсненіе въ угоду кѣмъ-то для чего-то и когда-то установленному ритуалу. Какъ будто умершему не все равно, во что̀ она одѣнется! А еще говорятъ о какой-то свободѣ. И вотъ завтра же здѣсь снова соберутся всѣ эти господа и начнутъ говорить о свободѣ совѣсти, вѣры, мысли, печати, союзовъ, забастовокъ. Какъ ей все это уже надоѣло! Когда нѣтъ свободы даже надѣть платье, какое хочется! Попробуй она надѣть новое, только-что присланное отъ портнихи платье rose thé, и эти же господа, толкующіе о всевозможныхъ свободахъ, сурово и безпощадно осудятъ ее...

Былъ на панихидѣ и Мамаевъ. У него было все прежнее, здоровое, самодовольное лицо, какъ будто съ нимъ ничего не случилось.

Онъ, видимо, скучалъ на панихидѣ, и на лицѣ его было написано, что онъ сюда больше не придетъ. Анны онъ явно избѣгалъ, да и она, соблюдая свою тактику, держалась поодаль отъ него.

Когда всѣ расходились, Забѣлинъ улучилъ мгновенье и подошелъ къ Ольгѣ.

— Мы увидимся сегодня?— съ тревогой и надеждой въ голосѣ спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—отрывисто отвѣтила Ольга.

Тогда голосъ Забѣлина упалъ.

— А когда же?

— Никогда.

Онъ схватился за голову, губы его дрогнули, но она равнодушнымъ взоромъ взглянула на него и вышла.

На другой день Ольга получила письмо отъ Забѣлина.

„Дорогая Ольга,— писалъ онъ,— я провелъ безумно мучительную ночь и длинный, сѣрый, тоскливый день. Мнѣ необходимо васъ видѣть. Чтò вы со мной сдѣлали?! Умоляю васъ всѣмъ, чтò для васъ дорого, всѣмъ, чтò у васъ свято, дайте мнѣ возможность переговорить съ вами. Я не могу оставаться въ этой страшной неизвѣстности. Неужели все это былъ безумный бредъ, который исчезъ навсегда, и никогда, никогда не повторится? Мнѣ такъ больно, такъ больно! Пожалѣйте меня хоть немного...“

Она долго не отвѣчала ему.

Не потому, что это было ей тяжело или трудно, а просто потому, что ей было какъ-то все равно, страдаетъ онъ или нѣтъ.

Онъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ къ ней, но его не принимали. Онъ пробовалъ говорить по телефону, но ему не отвѣчали.

Вѣра Алексѣевна съ изумленіемъ, вопросительнымъ взглядомъ смотрѣла на Ольгу, но прямо спросить ее не посмѣла.

Вѣра Алексѣевна, вообще, вся какъ-то сжалась, принизилась, стушевалась послѣ событія девятаго января. Она испугалась послѣдствій этого дня, испугалась тѣхъ глубокихъ измѣненій, которыя этотъ день внесъ въ людскія сердца, въ человѣческія мысли, во взаимныя отношенія людей. Это было что-то неуловимое, но ощущаемое, невидимое, но грандіозное.

Въ ея семьѣ пошелъ очевидный разбродъ. Миша презиралъ Ольгу и ненавидѣлъ брата. Вадимъ сталъ отъявленнымъ реакціонеромъ: онъ предлагалъ объявить всю Россію на военномъ положеніи и безпощадно истреблять всѣми возможными, а „если будетъ нужно, то и невозможными способами—крамольниковъ“. Анна съ полнымъ равнодушіемъ относилась ко всѣмъ партіямъ безразлично. Когда входилъ въ комнату Вадимъ, Михаилъ демонстративно ее покидалъ. Онъ не здоровался съ братомъ, не говорилъ съ нимъ, какъ не здоровался и не говорилъ съ Ольгой.

А Вѣра Алексѣевна безконечное число разъ припоминала слова батюшки: „думаете ли вы, что Я пришелъ дать миръ землѣ? Нѣтъ, но раздѣленіе. Ибо отнынѣ пятеро въ одномъ домѣ станутъ раздѣляться: трое противъ двухъ и двое противъ трехъ“. И возстаютъ братъ на брата,—добавляла она.

Вотъ ихъ пятеро.

И всѣ они раздѣлены. Она, какъ насѣдка, мечется между разбѣгающимися цыплятами, и собрать ихъ воедино, въ одну дружную, цѣльную и добрую семью, у нея нѣтъ силъ,

Не она ли учила ихъ, что каждый долженъ дѣйствовать по силѣ и совѣсти своихъ убѣжденій; что каждый долженъ считаться со своей совѣстью, исполнять свой долгъ, принятыя на себя обязательства, не измѣнять товариществу ни ради какихъ благъ.

И вотъ они всѣ, каждый въ отдѣльности, жили какъ хотѣли и поступали по своимъ убѣжденіямъ, и она не вмѣшивалась въ ихъ личную, интимную жизнь.

И вотъ они всѣ разбѣжались; произошло предсказанное раздѣленіе, общій разбродъ. И такъ вездѣ, и такъ во всѣхъ семьяхъ, которыя она знала. Многіе ликуютъ и говорятъ, что наступило обновленіе Россіи, и что такъ всегда происходитъ при обновленіи: отдѣльные разрозненные элементы соединяются въ группы, мобилизуются интеллектуальныя силы общества, группируются, кристаллизуются, объединяются, складываются въ партіи; въ семьяхъ, союзахъ, учрежденіяхъ происходятъ отпаденія отдѣльныхъ членовъ и соединенія ихъ въ новыя кадры; прежнія общественныя ячейки распадаются, организуются новыя.

Ей все это говорили люди, посѣщавшіе ея салонъ, и она этому вѣрила въ теоріи; теперь вѣрила на практикѣ; но политическія разсужденія—одно, а сердце матери—другое.

И материнское сердце ея никакъ не могло еще помириться съ начавшимся распаденіемъ семьи, съ образовавшимся въ немъ разладомъ.

XXXVI.

Ольга рѣшилась, наконецъ, написать Забѣлину письмо.

„Юрій Андреевичъ! Вы правы, я должна дать вамъ объясненіе. Несчастье мое въ томъ, что я не знаю, какъ вамъ все это объяснить. То, на что̀ мы съ вами пошли, было преступленіемъ. Вы вправѣ спросить, почему я раньше объ этомъ не подумала. Я не знаю. Я тоже могу спросить васъ, зачѣмъ вы, честный и порядочный человѣкъ, другъ покойнаго — тогда еще живого — пошли на это? Вы можете отвѣтить, что вами владѣла любовь. Я не могу сказать того же. Бываютъ въ жизни женщины моменты, которыхъ не понять мужчинѣ. Моменты, когда хочется сдѣлать что-нибудь чудовищно-скверное наперекоръ всему, бросить вызовъ—кому, чему? Я не знаю. Можетъ быть, внутреннему чувству порядочности, установленнымъ взглядамъ, словомъ, сдѣлать дерзкую выходку. А можетъ быть все это и не то. Было умопомраченіе, волшебный сонъ, о которомъ я вамъ говорила. Послѣ сна всегда бываетъ пробужденіе: я васъ предупреждала.

Вы захотѣли реализировать поэму, вы захотѣли учесть грезу; вы добились этого. Но я предупреждала васъ, что реализированная греза—уже не греза, а пошлая дѣйствительность. Пріятно идти въ гору въ прекрасный весенній день. Но когда дойдешь до вершины, чувствуешь усталость и разочарованіе. Вотъ все, что я могу сказать вамъ. Это непонятно? Можетъ быть! Но я ничего другого сказать не могу и объяснить иначе не умѣю. Прошлое не возвращается, умершіе не воскресаютъ. Не старайтесь видѣть меня. Я уѣзжаю заграницу. Будьте счастливы, займитесь дѣломъ и будьте мужчиной".

Она не подписала письма, и это недовѣріе къ его порядочности больше всего оскорбило его.

Какъ ни тяжело ему было, но онъ понялъ, онъ долженъ былъ понять, что все между нимъ и Ольгой кончилось.

И когда онъ понялъ это, настоящее отчаяніе овладѣло имъ.

„Злая, безсердечная, недобросовѣстная женщина!—выкрикивалъ онъ, расхаживая по кабинету. — Зачѣмъ она все это сдѣлала?! Для чего это ей нужно было?"

И онъ не находилъ отвѣта.

Онъ старался припомнить начальныя стадіи этого романа, но, начавъ думать объ одномъ эпизодѣ, переходилъ на другой и терялся въ мелкихъ подробностяхъ, не имѣвшихъ собственно отношеній къ существу дѣла. Потомъ онъ сталъ примѣнять синтетическій методъ мышленія, изъ мелочей складывать общее, но и тутъ онъ терялся и путался, не будучи въ состояніи уяснить себѣ смыслъ всего происшедшаго.

Онъ проходилъ нѣсколько разъ мимо дивана, стоявшаго въ уютномъ углу кабинета, и каждый разъ вспоминалъ тонкую, изящную фигурку Ольги. Когда-то, такъ еще недавно, она сидѣла здѣсь. Здѣсь, ночью, съ нимъ вдвоемъ. Да это вздоръ, да этого быть не можетъ! — увѣрялъ онъ себя. Но онъ ясно видѣлъ ея милое, красивое лицо, ея цѣломудренный, бѣлый лобъ, ея задумчивый, любящій взоръ, которымъ она на него смотрѣла, ея тонкіе аристократическіе пальцы, ея улыбающіяся свѣжія, молодыя губы...

Да вѣдь она была, была здѣсь, это же не сонъ, наконецъ! И вотъ, ея уже не будетъ здѣсь, не будетъ никогда, никогда несмотря на то, что именно теперь обстоятельства жизни такъ складываются, что не краденое, а настоящее счастье казалось бы такъ возможнымъ.

„Зачѣмъ, зачѣмъ сдѣлала она это?!—въ сотый разъ задавалъ онъ себѣ вопросъ.—Это грубо, это безсердечно, это... это подло!

Онъ подошелъ къ столу, взялъ письмо и еще, и еще разъ перечиталъ его, отыскивая въ немъ новый смыслъ.

Но новаго смысла не было, а былъ одинъ смыслъ—разрывъ.

Онъ припоминалъ ихъ встрѣчи, ихъ страстные взоры, ихъ безумныя рѣчи. „Сонъ прошелъ! Волшебная мечта исчезла". Ей хорошо говорить! Ей, которая не понимаетъ, что значитъ любить. А ему каково? Она его захватила всего, цѣликомъ, глубоко, потому что онъ былъ тѣмъ, что французы называютъ un homme à femme, который любимую женщину ставилъ выше всѣхъ интересовъ жизни.

И на другихъ женщинъ эта самоотверженная, безпредѣльная любовь дѣйствовала сильно, властно. Онѣ заражались этимъ сильнымъ чувствомъ и реагировали на него.

Онъ бросился на диванъ и сжалъ голову обѣими руками; такъ онъ сидѣлъ долго.

Потомъ очнулся, позвонилъ и велѣлъ подать шампанскаго.

Въ передней раздался звонокъ. Пришелъ тотъ товарищъ—Никодимовъ, который недавно—все вѣдь было такъ недавно!—упрекалъ его въ его индифферентизмѣ къ политическимъ дѣламъ.

Сначала Забѣлинъ хотѣлъ при гостѣ выбранить горничную, впустившую его къ нему.

Потомъ вспомнилъ, что, напротивъ, онъ велѣлъ всѣхъ принимать, потому что каждый звонокъ—онъ зналъ это—покажется ему *ея* звонкомъ.

Онъ все еще думалъ, что это злая шутка съ ея стороны, что она одумается, придетъ въ себя отъ перваго припадка горя, что она такъ же просто придетъ, какъ ушла.

Вѣдь съ такими женщинами, какъ она, всего ожидать можно! Но было уже два звонка, и оба раза Забѣлинъ хватался за сердце—такъ сильно оно билось—въ ожиданіи ея появленія.

Но оба раза это были письма. Онъ даже не читалъ ихъ, а съ озлобленіемъ швырялъ на столъ.

Теперь онъ почти обрадовался приходу товарища.

— Хандришь?—спросилъ Никодимовъ, поздоровавшись.

Забѣлинъ хмуро протянулъ ему руку.

— Садись, Никодимовъ, — сказалъ онъ, не отвѣчая прямо на вопросъ.

Никодимовъ сѣлъ, обратилъ вниманіе на бутылку, крякнулъ многозначительно и неодобрительно, и сказалъ:

— Пьешь?

Забѣлинъ пожалъ плечами.

— Нѣтъ,—съ озлобленіемъ отвѣтилъ онъ.—Не пью.

Никодимовъ съ удивленіемъ поднялъ брови.

— А что же ты дѣлаешь?

— Вливаю вино въ свое горло,—чуть не закричалъ Забѣлинъ. — Что за идіотскій вопросъ! Видишь, человѣкъ сидитъ, передъ нимъ бутылка и стаканъ съ налитымъ виномъ. Что же онъ можетъ дѣлать въ такомъ случаѣ? Любоваться бутылкой что-ли?!

— Значитъ, пьешь.

— Очевидно.

— Съ какой стати?

— Я такъ думаю, что съ той стати, что пить хочется.

— Въ смыслѣ жажды?

— Угу!

— Но тогда пьютъ воду.

— Извини, пожалуйста, я воды не пью.

— Но я никогда не предполагалъ, что ты можешь сидѣть одинъ и пить въ одиночествѣ.

— Такъ ты предположи, и сразу успокоишься.

Ему хотѣлось побить Никодимова, и онъ радъ былъ, что тотъ пришелъ.

Побить онъ его не побьетъ, но наговоритъ ему рѣзкостей.

Никодимовъ, однако, не успокоился.

— Но, милый другъ, вѣдь это называется пьянствомъ. Ужъ ты не того ли?

Онъ пощелкалъ себя по воротнику.

„Идіотъ!—опять подумалъ Забѣлинъ. — Идіотъ! И всѣ они идіоты!—не зная собственно, про кого онъ такъ думаетъ.—Что можетъ быть идіотичнѣе и бездарнѣе этихъ уравновѣшенныхъ людей?"...

— Можетъ быть, и „того", тебѣ что за дѣло?!—огрызнулся Забѣлинъ.—Я тебя нанималъ въ гувернеры? Если хочешь, пей, но, ради Господа, не читай рацей!

Тотъ мрачно и печально покачалъ головой.

— Я не зналъ за тобой этого, Юрій.

— Ты будешь пить или нѣтъ? — нажавъ кнопку звонка, спросилъ Забѣлинъ.—Я велю подать другую.

— А эта что же?

— А эту самъ выпью!—закричалъ онъ.—Понимаешь, самъ?

— Всю?

— До дна. И, можетъ быть, изъ твоей еще. Да что ты присталъ?

Горничная вошла, и Забѣлинъ велѣлъ ей подать еще бутылку.

Когда ее принесли, онъ налилъ стаканъ Никодимову, и съ озлобленіемъ сказалъ ему повелительнымъ тономъ:

— Пей! Пей, ходячая добродѣтель,—авось отъ шампанскаго ты станешь хоть съ виду порочнѣе, и тогда можно будетъ вынести съ грѣхомъ пополамъ твое присутствіе. Пропись ты каллиграфическая, больше ничего! Ты неспособенъ понять, что бываютъ мгновенія жизни, когда нужно, — понимаешь ты, прирожденный гувернеръ,—нужно напиться! Нѣтъ, не понимаешь?! Не понимаешь, что когда душа стонетъ и ноетъ, какъ больной зубъ, то надо заглушить боль? Не понимаешь, что бываютъ минуты, когда жизнь кажется такой подлой, что ее убить хочется; когда все становится такъ мрачно кругомъ, такъ безнадежно-уныло, такъ безпощадно зло, что хочется не жить, не видѣть, не думать, не чувствовать...

Лицо Никодимова просіяло.

Онъ взялъ стаканъ и, чокнувшись съ Забѣлинымъ, выпилъ залпомъ вино.

— Наконецъ и тебя проняло!—торжественнымъ тономъ проговорилъ онъ. — Я давно ждалъ отъ тебя этого! Ну, выпьемъ!

— Чего ждалъ?!—съ недоумѣніемъ спросилъ Забѣлинъ.

— Да вотъ этого подъема гражданскаго духа!—заявилъ Никодимовъ, осоловѣвшій отъ залпомъ выпитаго шампанскаго, котораго онъ никогда не пилъ.—Ты правъ, ты тысячу разъ правъ, Юрій Андреевичъ! Безнадежно-уныло было кругомъ! Стыдно, другъ! — вдругъ заявилъ онъ. — Стыдно было такъ равнодушно относиться къ движенію! Ты вотъ говоришь: „безнадежно-уныло“. Я прибавляю: „было“. Но не есть. Послѣ девятаго января—просвѣтъ, надежда. И я пью вмѣстѣ съ тобою за девятое января! Дата памятная и историческая. М-молодецъ!

— Дуракъ! — съ негодованіемъ проворчалъ вполголоса Забѣлинъ, и ему сталъ противенъ Никодимовъ съ его гражданскими чувствами, до которыхъ теперь, такъ же, какъ и раньше, ему было все равно, но не отъ равнодушія къ судьбѣ родины, а отъ того, что его личная судьба была ему ближе.

Ему вдругъ захотѣлось позлить Никодимова.

— Ты ошибся, мой другъ!—сказалъ онъ.—Я говорилъ вовсе не по поводу девятаго января, а по поводу личнаго горя!

Физіономія Никодимова вытянулась.

— Вотъ что! У тебя личное горе? Какое личное горе? Всякое личное горе теперь передъ грандіозными событіями ничтожно. Какое личное горе?

— Ну, хотя бы утрата любимой женщины, дорогой женщины.

Никодимовъ еще выпилъ шампанскаго.

— Вздоръ! — завопилъ онъ. — На свѣтѣ есть же еще что-нибудь болѣе цѣнное, чѣмъ женщина и любовь! Ты клевещешь на себя. И я не вѣрю. Я зашелъ именно за тобою. Сегодня вечеромъ у насъ собраніе. Всѣ члены нашего сословія будутъ. Ждутъ и тебя. Мы вырабатываемъ програму, резолюцію... А ты — „любимая женщина"! Вздоръ какой! Даже оскорбительно.

Забѣлинъ пожалъ плечами и рѣшилъ ничего не отвѣтить.

— Ты не пойдешь? — приставалъ къ нему Никодимовъ. — Ты, правда, не пойдешь?

— Не пойду.

— Такъ тебя забрала эта любовь? — съ насмѣшкой спросилъ Никодимовъ.

— Да, такъ забрала.

Никодимовъ еще налилъ себѣ стаканъ шампанскаго, и его вдругъ разобрало.

Онъ произнесъ грозную филиппику противъ Забѣлина „и ему подобныхъ".

— Эхъ, вы, господа Забѣлины и вамъ подобные! Слабняки вы, вотъ что! Ничтожные люди! Игрушечнаго дѣла людишки! „И цѣна сему сердцу — одна копѣйка!" Вспомни, это я изъ Щедрина. А я бы не далъ и ломанаго гроша. Вѣдь это все равно, какъ если бы вокругъ тебя на морѣ бушевалъ ураганъ или даже смерчъ, а ты бы сидѣлъ на плоту и читалъ французскій романъ, не желая помочь самому себѣ и своимъ ближнимъ, борющимся съ грозной стихіей. Родина зоветъ васъ, всѣхъ васъ, своихъ сыновъ! А вы ослабли отъ альковной любви! Эхъ, вы! Соль земли! Накипь вы — вотъ что! И когда повѣетъ новымъ воздухомъ послѣ пронесшейся бури, окажется, что васъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? — подзадоривая его, спросилъ Забѣлинъ.

— Да такъ-таки нѣтъ. Исчезли... фью! Снесло васъ съ плота въ воду, и съ вашимъ французскимъ романомъ, и потопило. Да и на что вы нужны съ вашими воздыханіями о женщинѣ? Да и развѣ вы умѣете любить, знаете, что такое любовь? Вы похожи на людей, которые отъ здороваго стола бѣгутъ въ рестораны, чтобы наглотаться всякой испорченной дряни. Безъ перца для васъ не существуетъ пищи. И безъ нездоровыхъ эмоцій — любви. Но горе вамъ, книжники, фарисеи и лицемѣры! Вотъ настанетъ часъ, когда передъ вами закроются двери родины, которая скажетъ вамъ: „Я васъ не знаю. Я нуждалась въ васъ, а вы занимались флиртомъ. Мнѣ нужны были ваши силы, ваши знанія, вашъ духъ, а вы тратили все это на адюльтеры. По-

дите же отсюда! На что вы мнѣ теперь нужны, обезсиленные, духовно обездоленные! Мое дѣло будутъ дѣлать новые люди, свѣжіе люди, съ сильнымъ духомъ и сильными руками. Вы весь XIX вѣкъ или дремали, или раболѣпствовали, или пресмыкались. Вы отвыкли отъ работы, отъ думъ, отъ свободы. Вы—рабы. А свободное дѣло требуетъ свободнаго духа свободныхъ людей. А вы—рабы женщинъ. И женщины ваши—рабыни сытой жизни. Итакъ, вы—рабы рабынь. Титулъ не особенно лестный! Вы развратились въ рабствѣ, во всякомъ рабствѣ. Уйдите отъ меня, я не хочу знать васъ"...

XXXVII.

Забѣлинъ отъ души смѣялся.

Отъ выпитаго вина и отъ рѣчи Никодимова, который отъ непривычки къ шампанскому, видимо, опьянѣлъ, ему вдругъ сдѣлалось весело.

— Ты, кажется, воображаешь, что ты уже въ собраніи и говоришь рѣчь. Побереги свое цицеронство для вечера. Здѣсь ты мечешь бисеръ передъ свиньями. Ибо, хорошо, я согласенъ, я свинья... но тотъ, кто мечетъ бисеръ передъ свиньями, несомнѣнно, не умный человѣкъ. И родина скажетъ вамъ: „Пойдите отъ меня прочь, люди неумные, люди глупые!"—Забѣлинъ сталъ удачно копировать манеру и голосъ Никодимова.—„Мнѣ нужны люди свѣтлаго ума, свободнаго слова и сильнаго духа. А вы ограничены, вы—Балалайкины"... Это я изъ Щедрина. „И говорите вы, какъ поютъ соловьи, упиваясь, закрывши глаза, своими пѣснями. И за вашими выспренними фразами—обнаженный вздоръ. Вы будете собираться по вечерамъ и говорить рѣчи, и вырабатывать программы и требованія о всеобщей, равной, прямой и тайной подачѣ голосовъ. И будете говорить до тѣхъ поръ, пока квартальный не придетъ къ вамъ и не надѣнетъ на васъ намордника... Эхъ, вы! Фарисеи и лицемѣры, презирающіе любовь къ женщинѣ! Скопцы вы духомъ! Ибо если кто подвигалъ людей на гражданскіе подвиги, такъ это, несомнѣнно, женщины. Я понимаю людей девятаго и десятаго января. Они вышли на площадь, построили баррикады и запечатлѣли кровью свои идеи. Они не побоялись умереть за эту идею. А вы? Произносить съ оглядкой филиппики и сочинять резолюціи, которыя останутся у насъ въ карманахъ или подъ сукномъ у правительства? Пол-

ноте! Не вамъ обновить Россію, не вамъ, привыкшимъ продавать кліентамъ ваше слово, вдохнуть въ нее новую жизнь".

— А кому же?—совершенно охмелѣвшій и сбитый съ толку, спросилъ Никодимовъ.

Забѣлинъ засмѣялся.

— Тѣмъ, кто не потерялъ связи съ народомъ. А впрочемъ, можетъ быть, и это—фраза. И оставь ты меня въ покоѣ!—вдругъ обозлился онъ.—Пей и уходи. Я не пойду за тобой, милый другъ. Лѣзть на баррикады не чувствую силъ, а языкомъ болтать—неохота. И выпрашивать свободы какъ подаянія, какъ милостыни — тоже неохота. Пей, уходи и оставь меня въ покоѣ!

Онъ позвонилъ, приказалъ убрать пустую бутылку.

Никодимовъ всталъ, пошатнулся, взялъ шляпу и пробормоталъ:

— Без... безвременникъ ты—вотъ кто! Безпочвенникъ! Пустоцвѣтъ! Эфемерида...

И, слегка пошатываясь, вышелъ.

Забѣлинъ вдругъ упалъ головой въ подушки, въ изобиліи лежавшія на диванѣ, и, весь какъ-то сразу ослабѣвшій, зарыдалъ какъ ребенокъ.

— Ольга, Ольга, что ты со мной сдѣлала!—стоналъ онъ, жалкій, больной, замученный.

XXXVIII.

Въ февралѣ къ Кардановымъ пріѣхала Таиса Александровна.

Она ввалилась къ Вѣрѣ Алексѣевнѣ вся взволнованная, красная, и тотчасъ же ее прорвало цѣлымъ рядомъ крѣпкихъ ругательствъ.

— Это чортъ знаетъ что,—кричала она въ гостиной,—это безобразіе! Развѣ это правительство? Гдѣ оно? Куда оно уткнуло со страху свою голову?

— Да что такое? Что случилось?—приставали къ ней съ разспросами.

— Вы бы сунули свой носъ туда, къ намъ, въ глубь провинціи, къ помѣщикамъ! Тогда вы бы не спрашивали, какъ галки: что? что?

Она была сильно раздражена.

— У насъ чортъ знаетъ что: мужики подымаются, вотъ у насъ что! А у васъ—балетъ! У насъ грозятся все сжечь—а у васъ рауты! У насъ лѣсъ казенный среди бѣла дня рубятъ, и

власти это допускаютъ, а у васъ на всякій пустяковый вопросъ—особое совѣщаніе. У насъ помѣщиковъ убиваютъ. А у васъ—все льготы и послабленія даютъ тѣмъ, кто громче всѣхъ кричитъ.

— Позвольте-съ, однако, Таиса Александровна,—остановилъ ее Калитинъ.

— Не позволю!—закричала она и стукнула по столику такъ, что папиросы подпрыгнули въ пепельницѣ.

— Ничего-съ не позволю! И никому не позволю! Коли вы не хотите защищать мою собственность, я сама сумѣю защитить ее... Скажи пожалуйста, что̀ мы имъ сдѣлали, что они хотятъ конституцію? Что̀ за чепуха: жили вѣка безъ этой глупости, и вдругъ на̀! Откуда что̀ загорѣлось?

— Я вамъ объясню,—началъ было Калитинъ.

— Не прошу васъ объяснять. Я не маленькая. Лучше бы шли читать лекціи вашимъ милымъ юношамъ—забастовщикамъ. Прежде такихъ юнцовъ сѣкли. А теперь, на̀ко-сь, всѣ вокругъ нихъ похаживаютъ и спрашиваютъ: „Вы не желаете? А вы? И вы? И прекрасно! Какъ вамъ будетъ угодно-съ! Мы закроемъ! Намъ что-жъ? Плюнуть и только“. Ну ужъ и времечко!..

Она передохнула, помахала передъ носомъ платочкомъ, чтобы освѣжиться.

Всѣ вокругъ улыбались ея словамъ.

— Прежде бунтовщиковъ вѣшали, а теперь, на̀ко-сь!—она кивнула въ сторону Бородиной, говорившей что-то собравшимся вокругъ нея.—А теперь Иларія Семеновна, какъ я слышу, изволитъ собирать на жертвы девятаго января. Каково?! Прежде устраивала вечера въ пользу неимущихъ и иныхъ порочныхъ дѣвицъ, потомъ на флотъ, на теплое исподнее солдатикамъ, а теперь на бунтовщиковъ—ей вѣдь все равно, лишь бы собирать. А у меня-съ дорогія вещи—серебро, золото и прочее! Весь домъ полонъ! Такъ я такъ и отдай этимъ Пугачевымъ? Я пріѣхала просить охраны. Да-съ! Собственную милицію заведу и сама предводительствовать буду. А что-жъ!? Того вѣдь и гляди, сожгутъ! Еще этого нѣтъ, но вы посмотрите и вспомните меня. Не безпокойтесь, я вѣдь до тѣхъ поръ не умру, потому что это будетъ на дняхъ. Ну, и посмотримъ. А тѣмъ временемъ, я уѣду.

Она опять помахала платкомъ, потому что отъ волненія и возмущенія ей сдѣлалось невыносимо жарко.

— У меня дорогія вещи, серебро и золото и прочее. Такъ вотъ такъ эти самыя дорогія вещи и отдать мужикамъ? Ужъ это аттанде-съ! Не дождутся! Все увезу. Все.

Она обвела всѣхъ торжествующимъ взглядомъ, и съ особенной ненавистью посмотрѣла на Калитина.

— Вамъ, батюшка, и терять-то нечего, поди! Брюки, развѣ, да и то—ношеные-переношеные. Потому вы и соціаль-демократъ. У всѣхъ соціаль-демократовъ брюки ношёные, и потому они и хотятъ чужой собственности.

Калитинъ взглянулъ на нее изъ-подъ очковъ, и вдругъ весело разсмѣялся.

— Да ну васъ!—махнувъ рукой, сказалъ онъ.

— Не махайте на меня руками! — обидѣлась Таиса Александровна.—Домахаетесь такъ, Донкихоты!

Она торжественно поднялась.

— Бѣжать надо!—съ рѣшительностью сказала она.

И вдругъ Михаилъ озлобленнымъ голосомъ остановилъ ее:

— Бѣжать безчестно, тетя, — рѣзко сказалъ онъ. — У насъ не французская революція, и вы не эмигрантка.

Она подперла бока руками, остановилась передъ нимъ, въ упоръ посмотрѣла на него.

— Ну, ты!—сказала она.—Скажи, пожалуйста, какой герой! Молодежь—и туда же учитъ! А самъ бѣжалъ изъ университета? Бѣжалъ вѣдь? Ну, и молчи. Прощайте всѣ!—кивнула она головой въ неопредѣленное пространство.—Завтра уѣзжаю, а послѣзавтра—заграницу.

— Скатертью дорога! — проворчалъ Калитинъ, но она его услыхала.

— И вамъ того же, бунтарь... Скатертью дорога... въ Петропавловскую крѣпость... Ужъ посадятъ васъ въ клоповникъ и заѣдятъ васъ блохи...

— Почему не клопы?

Она ничего не отвѣтила и вышла.

Толоконниковъ съ сочувствіемъ посмотрѣлъ на нее.

Онъ былъ изъ испуганныхъ, и рѣшилъ давно уже уѣхать отъ безпорядковъ въ Ниццу.

Но такъ какъ ему жаль было денегъ, то онъ рѣшилъ еще, въ послѣдній разъ, побывать у Кардановой, чтобы услышать „своды мнѣній“ о степени безопасности пребыванія на родинѣ.

Но изъ происходившихъ дебатовъ и разговоровъ онъ, отъ испуга и всеобщей безтолковщины, ничего не могъ взять въ толкъ.

Говорились такія смѣлыя рѣчи, за которыя, еще годъ тому назадъ,—онъ это ясно сознавалъ,—всѣ эти ораторы были бы немедленно отправлены въ далекое путешествіе. А теперь голоса

ихъ звучали громко, и во всѣхъ фигурахъ ихъ и жестахъ было столько энергіи, словно они стали настоящими демагогами.

Но всѣ эти ораторы были сами по себѣ, а члены Кардановской семьи—сами по себѣ. Очевидно, въ семьѣ что-то случилось, какой-то внутренній разладъ. Братья избѣгали встрѣчаться другъ съ другомъ. Ольга собралась уѣзжать заграницу; Анна лежала цѣлыми днями на диванѣ въ своей комнатѣ и ни съ кѣмъ не хотѣла разговаривать. Мамаевъ рѣшительно не обращалъ на нее никакого вниманія, а при рѣдкихъ встрѣчахъ съ нею выказывалъ нарочитую холодность. Къ тому же, до Анны дошли слухи, что Мамаевъ ухаживаетъ за новой танцовщицей изъ наиболѣе красивыхъ солистокъ.

Вѣра Алексѣевна присутствовала въ салонѣ, но всѣмъ ясно было, что она какъ бы отсутствовала. Ее уже не интересовали больше эти общегосударственные вопросы.

Она была подавлена, удручена, сбита съ позиціи семейными неурядицами и неудачами.

Крѣпко сплоченная, прочно сшитая, какъ ей казалось, семья вдругъ расползлась по всѣмъ швамъ. У дѣтей она утратила всякій авторитетъ; дѣти возненавидѣли другъ друга, и, одно время, она опасалась даже совершенно необычайной вещи—дуэли Михаила съ Вадимомъ.

И Вѣра Алексѣевна окончательно потеряла вкусъ къ своему салону.

Гости же попрежнему говорили, говорили и говорили, и все съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ воодушевленіемъ.

Къ этому времени Петербургъ принялъ уже свой обычный, чиновнически-дѣловитый видъ. На улицахъ было спокойно; періодически повторявшіеся слухи о предстоящихъ безпорядкахъ не оправдывались. Столица уже какъ будто стала забывать о кровавыхъ дняхъ девятаго января.

Все было внѣшне спокойно; образовывались общества, организовались политическія партіи, вырабатывались программы. Но зато буря подымалась тамъ, въ глубинѣ Россіи. Вспыхивали тамъ и сямъ аграрные безпорядки, и скоро чуть не вся провинція была охвачена ими.

Нѣсколько дней спустя послѣ отъѣзда изъ Петербурга Таисы Александровны, Вѣра Алексѣевна получила отъ тетки лаконическую телеграмму:

„Меня сожгли. Вывезти ничего не удалось. Эмигрирую заграницу“.

И много перетрухнувшихъ помѣщиковъ стали покидать свои

насиженныя гнѣзда и, какъ въ далекія времена французской революціи, начали покидать родину.

XXXIX.

Ольга вскорѣ уѣхала заграницу; Вадимъ, чтобы не встрѣчаться съ братомъ, почти не бывалъ въ домѣ матери. Михаилъ исчезалъ по цѣлымъ днямъ. Анна скучала. Вѣра Алексѣевна сильно постарѣла и опустилась. Теперь уже рѣдко кто бывалъ въ ея салонѣ, сыгравшемъ свою предварительную, примитивную роль частнаго дома, въ которомъ можно было толковать о текущихъ дѣлахъ.

Теперь каждый членъ этого салона вошелъ въ свою корпорацію, посѣщалъ свое общество и тамъ свободно разсуждалъ о государственныхъ дѣлахъ. Салонъ Кардановой утерялъ для нихъ всякій смыслъ, потому что не имѣлъ опредѣленной политической окраски, принимая въ свое лоно людей всѣхъ партій и мнѣній. И потому онъ такъ часто походилъ на базаръ, на которомъ никто ни до чего не могъ договориться.

И, выбитая изъ колеи, Карданова теперь очень скучала.

Однажды, вечеромъ, зашелъ къ нимъ Лубянскій. Онъ куда-то исчезалъ изъ ихъ дома, и они думали, что онъ принималъ какое-нибудь участіе въ безпорядкахъ или демонстраціяхъ и былъ арестованъ и высланъ.

Вообще, многіе объ эту пору исчезали изъ Петербурга невѣдомо куда, и потомъ оказывалось, что они „забраны“.

Но Лубянскій посмѣялся этому предположенію.

— Ничего подобнаго,—отвѣтилъ онъ Кардановой.—Я, просто, забралъ самъ себя въ руки.

Анна какъ будто обрадовалась ему. Она уже стала уставать отъ тоски, которую напустила на себя, и реакція мало-по-малу начинала на нее дѣйствовать.

Она увела Лубянскаго въ свой излюбленный будуаръ съ декадентской обстановкой и сказала ему:

— А вѣдь я, Богъ знаетъ, сколько времени васъ не видала. Ну, разскажите, въ чемъ дѣло.

— Да ни въ чемъ. А впрочемъ, извольте.

Лубянскій казался гораздо серьезнѣе, выдержаннѣе, чѣмъ раньше.

— Гдѣ вы пропадали? Прятались отъ безпорядковъ? Испугались? Постарались исчезнуть? Или...—она замялась и замолчала.

— Что—или?

— Ну, все равно, скажу: или, можетъ быть, злоупотребляли... виномъ?

Онъ замахалъ руками.

— Да что съ вами? Я это давно бросилъ.

— Такъ въ чемъ же дѣло?—повторила она.

— Условимся: былъ я въ васъ влюбленъ?—спросилъ онъ, возобновивъ прежнюю манеру съ ней говорить.

— Ахъ... „были“?! Теперь прошло?

— Не въ этомъ суть. Сначала—въ прошедшемъ времени. Итакъ... былъ. Чудесно. Вы отвѣчали мнѣ? Нѣтъ. Я къ вамъ—всей душой, а вы ко мнѣ—всей спиной. И даже не спиной, а просто влюбились въ это Мамаево побоище. Прекрасно. Ну, что же мнѣ оставалось дѣлать?

— Пить, конечно,—съ полунасмѣшкой, полупрезрѣніемъ отвѣтила она.

— Вы угадали. Я это и дѣлалъ. Но потомъ забралъ себя въ руки, вотъ какъ городовой забираетъ въ руки пьяницу, и честью попросилъ себя это оставить: „Такъ нельзя, господинъ“. И оставилъ. Сталъ опьяняться музыкой. Музыка, Аничка...

— Не смѣйте меня называть такъ!

— Музыка, Аничка,—не обращая вниманія на ея слова, продолжалъ онъ,—вещь опьяняющая, и я люблю ее—правду вамъ сказать—иногда больше васъ.

— Ахъ, меня вы все-таки же любите?

— Непремѣнно. Вотъ вамъ и „настоящее время“—présent. Я сталъ писать оперу и увлекся ею. „Не для житейскаго волненья, не для корысти, не для битвъ,—мы рождены для вдохновенья, для звуковъ сладкихъ и молитвъ“. Въ Петербургѣ гремѣли выстрѣлы, а я писалъ музыку. Дефектъ въ моей гражданской организаціи, это несомнѣнно. Но что же дѣлать?! Лекціи у насъ прекратились, свободнаго времени много, дѣлать нечего, вотъ я и сѣлъ за оперу. Небольшая, одноактная. Я сочувствую новому движенію, но новое движеніе требуетъ настоящихъ руководителей, съ призваніемъ. Остальные ему только помѣха. Suum cuique. Пусть каждый дѣлаетъ свое. Нельзя обвинять людей, которые не желаютъ дѣлать то, чего не умѣютъ. Гапонъ хорошъ на своемъ мѣстѣ, а я—на своемъ. Дѣло народнаго образованія ужъ на что почтенное, но еслибы я пошелъ въ народные учителя, то принесъ бы больше зла, чѣмъ пользы. Ну, вотъ.

— И все?—спросила она.

— Все.

— Все?—съ многозначительнымъ видомъ переспросила она.

— Ну, да.

— Вы сказали о прошедшемъ и о настоящемъ времени. А о будущемъ.

— Futurum exactum?

— Да.

— Оно зависитъ отъ васъ. Это вамъ говорить о будущемъ. Вы знаете, Аничка, что я васъ „безъ памяти люблю". Попрежнему, даже больше прежняго. Если вы ничего не имѣете противъ этого, я буду продолжать васъ любить, а тамъ видно будетъ...

— А тамъ видно будетъ, — съ задумчивымъ видомъ произнесла она.—Ну что-жъ? Пожалуй. Мы съ вами какъ-то остались въ сторонѣ отъ всего, что̀ происходило, и, пожалуй, никогда не примкнемъ къ тому, что̀ происходитъ...

Въ это время вошла въ будуаръ Вѣра Алексѣевна и сѣла съ удрученнымъ видомъ.

— Ахъ, вы говорите о современныхъ событіяхъ, — сказала она и присѣла.—Я вамъ не помѣшаю?

Она, видимо, скучала и не находила себѣ мѣста.

— Мой домъ опустѣлъ,—заговорила она, не дожидаясь отвѣта.—Вадимъ больше не приходитъ, Миша пропадаетъ Богъ знаетъ гдѣ. Ольга уѣхала. По пятницамъ почти никто не собирается. Кто уѣхалъ заграницу, спасаясь отъ безпорядковъ, кто арестованъ, кто спрятался... словомъ, все расползлось по швамъ. Тяжелое, тяжелое время. Въ провинціи грозное аграрное движеніе, въ Польшѣ смуты, на Кавказѣ—ужасы... всюду и вездѣ волнуются.

Старая привычка говорить о политическихъ дѣлахъ вдругъ, съ прежней силой, овладѣла ею.

— И я ничего во всемъ этомъ не понимаю. И не знаю, радоваться или печалиться? И не могу во всемъ этомъ разобраться. Люди гибнутъ, и я знаю одно, что это очень грустно.

Лубянскому не хотѣлось говорить о политикѣ, но онъ чувствовалъ себя счастливымъ въ этотъ вечеръ; а когда человѣкъ считаетъ себя счастливымъ, ему всегда хочется говорить.

Онъ перевелъ себя въ новое, требуемое обстоятельствами настроеніе и рѣшительно заговорилъ:

— Милая Вѣра Алексѣевна, въ политической жизни Россіи наступила, на мой взглядъ, весенняя пора, давно уже предвидѣнная и возвѣщенная. Весеннею порой таетъ ледъ и вскрываются потоки. Вешніе потоки бываютъ бурны. Видали вы, какъ

срывается вешній потокъ съ горы? Онъ бурно несется внизъ и тащитъ за собою стволы деревьевъ, осколки камней, комки земли, иногда и неосторожнаго человѣка,—но чѣмъ ближе онъ къ долинѣ, тѣмъ стремительность его дѣлается меньше, тѣмъ онъ становится спокойнѣе... и, наконецъ, войдя въ нормальное русло, течетъ уже широкой и глубокой рѣкой, омывая и оплодотворяя берега...

Онъ улыбнулся и посмотрѣлъ на Анну.

— Вотъ какъ я теперь красиво говорю! — сказалъ онъ.— Музыканты мыслятъ звуковыми образами, и я готовъ написать новую оперу „Вешній Потокъ".

— Это очень грустно, очень грустно! — вздохнула Вѣра Алексѣевна.

Лубянскій засмѣялся.

— Что именно? Что я хочу писать новую оперу?

— Ахъ, нѣтъ! Грустно то, что вотъ такой потокъ уноситъ иногда неосторожныхъ людей, а иногда сокрушаетъ и ломаетъ хижины... хижины семейнаго счастья. Вотъ сыновья мои превратились въ двухъ лютыхъ враговъ; вотъ, говорятъ, Стаховская разошлась съ Мамаевымъ по политическимъ причинамъ... Все это очень прискорбно.

Лубянскій быстро взглянулъ на Анну, и его взглядъ замѣтила Вѣра Алексѣевна.

Она поняла, что сказала безтактность.

Но лицо Анны было невозмутимо спокойно.

„Блажь прошла",—подумалъ Лубянскій, и ему сдѣлалось весело. И опять захотѣлось говорить.

— Вѣра Алексѣевна!—сказалъ онъ.—Путь къ свободѣ всегда скорбный путь, вѣрьте мнѣ! Христосъ тоже шелъ скорбнымъ путемъ къ воскресенью. Онъ отрицалъ рабство, фарисеевъ, лицемѣровъ, книжниковъ, форму, полумѣры. „Думаете ли вы, что Я принесъ съ собой миръ? Нѣтъ, говорю вамъ, но разрушеніе"...

— Ахъ, вы говорите какъ отецъ Виѳанскій,—сказала Вѣра Алексѣевна.

— Ну, да, потому что иначе нельзя говорить. Но вслѣдъ за разрушеніемъ, когда очистится мѣсто, воздвигнется новое, прекрасное зданіе. Труденъ и опасенъ путь восхожденія изъ долинъ, покрытыхъ тѣнью, къ вершинамъ горъ, залитыхъ солнцемъ. И много людей, совершающихъ восхожденіе, срывается въ пропасть и гибнетъ. Что дѣлать! Жизнь въ томъ, что одни рождаются, другіе умираютъ, а средніе живутъ. Умираютъ просто, умираютъ за идеалъ — и все для того, чтобы этимъ среднимъ было

лучше жить. И пусть живутъ. Я—средній. Я не созданъ, чтобы умирать за идеалъ. Я созданъ просто, чтобы жить, пока живется. L'Amour et la Mort — c'est la Vie. Это мой девизъ. Я хочу жить и любить. Хочу ли я умереть—объ этомъ меня не спросятъ. Но жить и любить позволено всякому. И я люблю...

Онъ вдругъ замолчалъ, пристально взглянулъ на Анну и съ необыкновенной стремительностью, какъ бы не желая дать себѣ возможность отступить, быстро прибавилъ:

— И я люблю Анну.

Она вскинула на него взоръ, полный изумленія отъ неожиданности.

Потомъ засмѣялась и вдругъ заплакала.

Вѣра Алексѣевна растерялась.

Онъ взялъ руку Вѣры Алексѣевны и поцѣловалъ ее.

— Ну, да,—просто сказалъ онъ.—Я люблю Анну и люблю давно. Чтò жъ тутъ предосудительнаго? Пока вы рѣшали въ вашемъ салонѣ государственныя дѣла, мы сидѣли здѣсь съ ней долгими вечерами, казавшимися мнѣ мимолетными мгновеніями. И я говорилъ о любви. Она слушала меня или издѣвалась надо мной. Вы рѣшали судьбы государства, а я—свою собственную. Повторяю—suum cuique. Все въ мірѣ тѣсно связано и объединено. Великое переплетается съ малымъ, малое идетъ на созданіе великаго. Все вѣдь только матеріалъ, изъ котораго строится какое-то невидимое зданіе. Гдѣ-нибудь умираютъ, гдѣ-нибудь женятся, гдѣ-нибудь сражаются и гдѣ-нибудь поютъ и веселятся, стонутъ и плачутъ. Да будетъ жизнь! Среди картины общаго разлива, смѣшенія всѣхъ понятій, разброда, неразберихи, вотъ въ этомъ декадентскомъ будуарѣ—картинка тихаго, элегическаго счастья! Потомъ, когда мы женимся и, состарившись, будемъ проходить мимо зданія нашего русскаго парламента, я скажу Аннѣ: „Помнишь, я сдѣлалъ тебѣ предложеніе послѣ ужасныхъ январьскихъ дней? И женились мы въ тотъ памятный годъ, когда вешній потокъ многое разрушилъ въ Россіи. Мы уцѣлѣли потому, что мы средніе люди, для счастья которыхъ несся потокъ"...

Онъ говорилъ много, безъ передышки, какъ будто желая защитить внутреннее волненіе или помѣшать женщинамъ сказать что-нибудь, чтò его низринуло бы съ облаковъ, на которыя онъ такъ самовластно забрался.

— Аня, — заговорилъ онъ снова, взявъ ее довѣрчиво за руку,—бросьте вы ваши мечты о Мамаевомъ побоищѣ и о всѣхъ этихъ снобахъ, которые видятъ счастье жизни въ позѣ и тще-

славія! Вы не изъ тѣхъ женщинъ, которымъ нужно опьяненіе. Вы изъ трезвыхъ.

— Это вы говорите о трезвости?—улыбнувшись, остановила она его.

— Непремѣнно. Я изъ тѣхъ, у которыхъ есть сила воли. Я бросилъ пить и сталъ сочинять музыку. Я сказалъ себѣ: я себѣ все прощаю и ставлю крестъ на прошлой разнузданности.

— Почему прощаете?

— Не сказано ли: прощай врагу своему?

— Сказано. Такъ что̀ жъ?

— Такъ я и былъ врагомъ себѣ. Вотъ и простилъ. Но теперь я уже не врагъ себѣ. Да здравствуютъ общество трезвости и любовь!

— Богъ васъ знаетъ, вы говорите такъ, что васъ никогда не поймешь: шутите вы или говорите серьезно?

— А вы попробуйте; скажите: „я согласна быть вашей женой". И тогда обнаружится—шучу я или говорю серьезно. Попробуйте.

— Ну, извольте. Я согласна быть вашей женой.

— Ура!—вскрикнулъ онъ и, кинувшись къ ней, заключилъ ее въ свои объятія.—Я зналъ всегда, что вы дѣвушка съ крыльями, съ невидимыми бѣлыми крыльями.

Онъ выпустилъ ее и сталъ цѣловать Вѣру Алексѣевну, которая плакала.

— Сумасшедшій!—проворчала Анна.

— Да, пусть. Но только нѣтъ! Ошибаетесь. Вотъ вамъ предписаніе не сумасшедшаго, а трезваго человѣка: стать моей женой и осуществить добродѣтельный буржуазный идеалъ... Потому что мы—средніе, ради которыхъ несутся вешніе потоки. А буде не осуществите сего моего предписанія, съ вами будетъ поступлено по всей строгости... беззаконія.

— Какую вы чепуху говорите!

— Ну, да, чепуху! Такъ что жъ такое! Говорю потому, что намолчался...

Онъ вдругъ подошелъ къ піанино, открылъ крышку и заигралъ.

Онъ игралъ виртуозно. Это была симфоническая картинка разсвѣта: всходило утреннее весеннее солнце и разгоняло своими розовыми лучами синія тѣни ночи. Онѣ уходили въ даль съ глухимъ рокотомъ басовыхъ нотъ, которыя звучали все глуше и тише и наконецъ замерли, уступивъ мелодію свѣтлымъ и металлически-звонкимъ дискантовымъ нотамъ. Гдѣ-то, словно въ далекой рощѣ, запѣли, перекликаясь между собою, птицы...

Лубянскій игралъ съ увлеченіемъ и, казалось, забылъ и о своемъ такъ неожиданно завоеванномъ счастьѣ, и о присутствіи двухъ женщинъ въ комнатѣ.

Анна задумалась подъ звуки этого мелодичнаго вступленія къ новой оперѣ Лубянскаго, и ея широко-раскрытые, неподвижные глаза смотрѣли прямо въ какую-то ей одной видимую даль, гдѣ загоралось для нея новое солнце и гдѣ новыя птицы щебетали новыя пѣсни. И ей было хорошо на душѣ.

А Вѣра Алексѣевна все еще плакала и не знала, почему: отъ перенесенныхъ огорченій или отъ перспективы счастья хоть одной дочери?...

Валер. Свѣтловъ.

ИЗЪ
ДНЕВНИКА
НА ВОЙНѢ 1877—78 ГОДОВЪ *)

1878-ой годъ

1-ое января — 17-ое апрѣля.

II *).

9 — 20 января.

9 января.—Сегодня, въ 12 час. дня, Серверъ и Намыкъ-паши были оффиціально приняты Великимъ Княземъ. Переговоры продолжались ровно два часа. Присутствовали только Непокойчицкій и Нелидовъ. Послѣдній разсказывалъ мнѣ, что по поводу предъявленныхъ уполномоченнымъ главныхъ основаній мира Намыкъ-паша обратился къ Великому Князю со слѣдующею рѣчью: „Александръ Македонскій, лишивъ индійскаго царя Пора его владѣній, все-таки почтилъ его царскій санъ. Мы побѣждены вполнѣ, мы это сознаемъ, и пришли къ Вашему Высочеству заявить, что полагаемся на великодушіе и милосердіе русскаго Государя. Мы имѣемъ весьма широкія полномочія, но то, что̀ вы требуете, почти равносильно уничтоженію турецкой имперіи. Я не могу взять на себя согласиться на подобныя условія. Позвольте просить васъ умѣрить ваши требованія“.

---

*) См. выше: мартъ, стр. 256.

Великій Князь отвѣчалъ, что никакихъ уступокъ сдѣлать не можетъ, даетъ имъ два часа на размышленіе, а затѣмъ, если они условій не примутъ—будетъ энергически продолжать наступленіе и двинется впередъ.

Въ 4 часа дня уполномоченные пріѣхали къ Великому Князю вторично. Заявили, что вполнѣ понимаютъ, что намъ нѣтъ разсчета имъ уступать, и что съ каждымъ новымъ успѣхомъ нашего оружія мы имѣемъ полное основаніе даже усугубить тяжесть предлагаемыхъ условій. Тѣмъ не менѣе, они совершенно не вправѣ принять эти условія, а должны запросить Порту. „Если бы, прибавили они, мы имѣли прямыя телеграфныя сношенія съ Константинополемъ, то сообщили бы ваши условія и получили бы приказаніе по телеграфу. Но такъ какъ депеша наша можетъ придти туда не ранѣе какъ черезъ 36 часовъ (простыя, нешифрованныя телеграммы идутъ 18 часовъ), то можетъ пройти 4—5 дней, прежде чѣмъ мы получимъ отвѣтъ. Поэтому лучше намъ самимъ ѣхать въ Константинополь за инструкціями".

Великій Князь отвѣтилъ, что очень сожалѣетъ о недостаточности ихъ полномочій, считаетъ переговоры прерванными, будетъ телеграфировать объ этомъ Государю и продолжать наступленіе. Теперь, если уполномоченные даже передумаютъ, онъ, Великій Князь, уже не вправѣ принять ихъ согласіе на предложенныя условія, а испроситъ высочайшее повелѣніе: останутся ли прежнія, или будутъ поставлены новыя условія. Обстановка мѣняется въ нашу пользу ежедневно, и посему условія, которыя считаются достаточными сегодня, могутъ оказаться недостаточными уже завтра.

Такимъ образомъ, сегодняшніе переговоры кончились ничѣмъ, или, вѣрнѣе,—оборваны. Нелидовъ разсказывалъ мнѣ, что Серверъ и Намыкъ паши, а равно лица изъ свиты, въ частныхъ бесѣдахъ озлобленно ругаютъ Англію, которая втравила ихъ въ войну, а теперь бросила на произволъ судьбы. Серверъ-паша, кромѣ Англіи, ожесточенно порицалъ графа Игнатьева, называя его злѣйшимъ врагомъ не только Турціи, но и своего собственнаго отечества. Серверъ-паша, между прочимъ, выразился такъ: „Я всегда былъ сторонникомъ тѣснаго согласія и союза съ Россіей; я никогда бы отъ этой политики не отступился, еслибъ меня не вынудилъ къ этому Игнатьевъ. Но согласитесь сами, что мнѣ было дѣлать, когда онъ во всеуслышаніе началъ говорить всѣмъ: „je porte Server dans ma poche, c'est mon homme"? Мнѣ поневолѣ пришлось стать противъ соглашенія съ Россіей,—иначе мое правительство заподозрило бы, что я подкупленъ".

Въ томъ, что произошла задержка въ принятіи мирныхъ условій и, вслѣдствіе этого, отсрочка перемирія—бѣды никакой для насъ нѣтъ: это очень опасно для самихъ турокъ, ибо дальнѣйшее развитіе нашихъ успѣховъ можетъ привести къ низверженію султана и революціи въ Константинополѣ. Но и для насъ, по моему глубокому убѣжденію, такая катастрофа очень нежелательна. Сохраненіе турецкаго владычества въ Константинополѣ—нашъ прямой интересъ, ибо мы не въ силахъ замѣнить его своимъ. Хотя, благодаря безпримѣрнымъ подвигамъ нашихъ войскъ, мы и оказались достаточно сильны, чтобы разгромить турецкую имперію,—намъ, однако, совершенно не подъ силу удержать Константинополь за собой. Стóитъ намъ только овладѣть имъ—возгорится европейская война. Ни за чтó намъ не дозволятъ захватить Царьградъ и проливы.

Вслѣдствіе перерыва переговоровъ, Великій Князь уже назначилъ на 12-е января отъѣздъ отсюда, пославъ Государю сегодня вечеромъ слѣдующую шифрованную телеграмму:

„Послѣ двухъ новыхъ засѣданій сегодня, турки объявили, что не считаютъ себя уполномоченными принять пунктъ 1-й и послѣднюю половину 4-го. Я объявилъ имъ, что считаю поэтому условія непринятыми. Они просили позволенія телеграфировать султану. Я отвѣчалъ, что беру на себя разрѣшить имъ ожидать отвѣта, не выѣзжая изъ моей главной квартиры, но при этомъ предупредилъ ихъ, что военныя дѣйствія будутъ энергически продолжаться, и что теперь отвѣтъ Порты, даже вполнѣ удовлетворительный, въ виду быстро измѣняющихся событій, я не считаю себя болѣе вправѣ принять безъ предварительнаго на то разрѣшенія отъ тебя. А потому прошу увѣдомить меня возможно скорѣе: могу ли я, въ случаѣ принятія султаномъ предъявленныхъ нами условій, заключить на ихъ основаніи перемиріе, или долженъ ожидать новыхъ инструкцій.

„Кромѣ того, въ виду быстро совершающихся событій, неожиданно скораго движенія нашихъ войскъ, возможнаго въ эту уже минуту занятія нами Адріанополя и неоднократно высказаннаго тобою желанія о безостановочномъ движеніи впередъ нашихъ войскъ,—испрашиваю: какъ мнѣ поступить въ случаѣ подхода моего къ Царьграду, чтò легко можетъ случиться при паникѣ, которою объято турецкое населеніе отъ Адріанополя до Стамбула включительно; а также чтò дѣлать въ слѣдующихъ случаяхъ:

„1) если англійскій или другіе флоты вступятъ въ Босфоръ;
„2) если будетъ иностранный дессантъ въ Константинополѣ;

„3) если тамъ будутъ безпорядки, рѣзня христіанъ и просьба о помощи къ намъ; и —

„4) какъ отнестись къ Галлиполи—съ англичанами и безъ англичанъ?

„Жду съ нетерпѣніемъ неотлагательнаго отвѣта для принятія своевременныхъ мѣръ".

Сегодня же, 9-го января, получены двѣ весьма важныя телеграммы:

1) Отъ Государя, поданная въ СПб., 6-го января, въ 4 ч. 30 м. дня:

„Всѣ телеграммы твои отъ 3-го и 4-го января до меня дошли вчера вечеромъ. Вижу съ удовольствіемъ, что наступленіе съ настойчивостью продолжается. Отвѣты на записки Нелидова и князя Черкасскаго тебѣ посланы. Нахожу присутствіе послѣдняго на мѣстѣ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимымъ".

2) Отъ военнаго министра, подана въ Петербургѣ 4-го января въ 1 ч. 35 м. пополуночи (шифрованная):

„По Высочайшему повелѣнію довожу до свѣдѣнія Вашего Высочества, что Англіею сдѣланъ намъ запросъ: будутъ ли русскія силы направлены на Галлиполи, при чемъ высказано мнѣніе, что всякое дѣйствіе, могущее поставить Дарданеллы подъ вліяніе Россіи, затруднитъ окончательное мирное соглашеніе. На это данъ отвѣтъ, что мы вовсе не имѣемъ въ виду направлять наши дѣйствія на Галлиполи, если только турки не стянутъ туда свои силы.—Милютинъ".

Начинается назойливое англійское вмѣшательство! И зачѣмъ имъ отвѣчаютъ? Какое право имѣютъ англичане указывать намъ? Возмутительно!

Сегодня же Великій Князь послалъ двѣ телеграммы Цесаревичу въ Брестовацъ:

1) „Прошу тебя направить 8-ю кавалерійскую дивизію черезъ Тырновъ, Твардицу или Старорѣку на Ямболи и далѣе черезъ Ваково къ Адріанополю, на присоединеніе къ 8-му корпусу".

2) „Прошу тебя, чтобы омскій полкъ съ батареями 24-й артиллерійской бригады былъ двинутъ немедленно на присоединеніе къ своей дивизіи въ Тырновъ, а сумскій гусарскій—на Тырновъ, Старорѣку, Ямболи и Ваково къ Адріанополю на присоединеніе тоже къ своей дивизіи. Отдай соотвѣтствующія приказанія Дрентельну [1]) и сообщи ихъ мнѣ".

[1]) Генералъ-адъютантъ Дрентельнъ былъ начальникомъ военныхъ сообщеній

10 января.—Сегодня въ 11 ч. утра получено донесеніе Струкова о занятіи Адріанополя. Великій Князь въ восторгѣ и приказалъ мнѣ немедленно составить слѣдующую телеграмму Государю.

„Только сію минуту получилъ донесеніе Струкова изъ Адріанополя. Лихой генералъ Струковъ занялъ городъ безъ выстрѣла 8-го января съ $5^1/_2$ эскадронами 1-й бригады 1-й кавалерійской дивизіи. Населеніе въ восторгѣ, горячо благодаритъ за спасеніе отъ шаекъ черкесовъ и башибузуковъ, нахлынувшихъ на городъ по уходѣ регулярныхъ войскъ, толпами убѣжавшихъ изъ Адріанополя. Такъ какъ власти всѣ бѣжали, то генералъ Струковъ установилъ временное правленіе изъ выборныхъ лицъ разныхъ націй, подъ предсѣдательствомъ высшаго духовнаго лица. 8-го января двинутъ изъ Херманли къ Адріанополю пѣхотный полкъ съ артиллеріею 30-й дивизіи. Полагаю, что теперь онъ уже прибылъ. Выѣзжаю отсюда въ Адріанополь 12-го и надѣюсь тамъ быть 15-го января“.

Подъ впечатлѣніемъ этого извѣстія, Великій Князь рѣшилъ ни въ какомъ случаѣ не принимать перемирія на тѣхъ условіяхъ, которыя турки не рѣшились принять вчера. Если не получитъ особаго высочайшаго повелѣнія, то и разговаривать съ уполномоченными больше не хочетъ, а намѣревается, пользуясь разгромомъ турецкихъ войскъ и всеобщею паникою, стремительно наступать не только на Константинополь, но и на Галлиполи. Великій Князь говоритъ, что въ телеграммѣ Милютина сообщается лишь о данномъ Англіи обѣщаніи не занимать Галлиполи условно, въ томъ только случаѣ, если тамъ не будетъ турецкихъ войскъ. А такъ какъ мы имѣемъ полное право предполагать тамъ эти войска и всегда можемъ сослаться на дошедшіе до насъ слухи объ этомъ, то и стѣсняться нечего: Галлиполи непремѣнно надо занять и поскорѣе, чтобы создать совершившійся фактъ прежде, чѣмъ получится запрещеніе. Съ англичанами церемониться нечего: они сами ни съ кѣмъ не церемонятся; надо пользоваться рѣдкимъ случаемъ имъ отплатить.

Съ горячимъ сочувствіемъ и восторгомъ слушалъ я эти разсужденія Великаго Князя. Не могъ удержаться, чтобъ не пожалѣть вслухъ о существованіи телеграфнаго сообщенія съ Петербургомъ. Великій Князь вполнѣ присоединился къ этому сожалѣнію.

арміи, находился въ Бухарестѣ, а упомянутыя въ телеграммѣ части войскъ находились на лѣвомъ берегу Дуная, въ его вѣдѣніи.

Весь день прошелъ въ горячкѣ полученія и отправки теле-граммъ.

Великому князю Алексѣю Александровичу послано въ Петро-шаны двѣ телеграммы слѣдующаго содержанія [1]):

1) „Перевези твой обозъ и тяжести на правый берегъ Дуная и только-что сдашь все прибывшее морскимъ командамъ и когда найдешь возможнымъ, то выступай самъ и дай мнѣ о томъ не-медленно знать. Иди на Тырновъ,— теперь же вышли офицера къ Деллингсгаузену въ Сливно, чтобы онъ указалъ, гдѣ лучше пройти: черезъ Твардицу или Старорѣку. Если твои люди не бу-дутъ въ состояніи пройти черезъ горы, то не задерживайся ими, а иди, не останавливаясь, прямо на Адріанополь. Чѣмъ скорѣе выступишь, тѣмъ лучше".

2) „Возьми съ собою всѣ снаряды, необходимые для устрой-ства миноносныхъ лодокъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ лодки не пройдутъ черезъ горы, то возможно было бы приспособить ихъ къ другимъ судамъ, которыя найдемъ въ Мраморномъ морѣ. Адріанополь занятъ нами 8-го числа; поэтому чѣмъ скорѣе дой-демъ, тѣмъ лучше. Постараюсь для тебя приготовить поѣздъ же-лѣзной дороги въ Ямболи для перевозки въ Адріанополь. Не за-будь взять съ собой мины и минную команду гвардейскаго са-пернаго баталіона и гальванической роты".

Отъ Государя получена сегодня только одна телеграмма, а Его Величеству Великій Князь посылалъ одну телеграмму за другою.

Телеграмма Государя, отъ 4 ч. 30 м. дня 8-го января, была слѣдующая:

„Благодарю за письма отъ 29-го декабря и за телеграммы съ подробностями дѣлъ генераловъ Гурко и Струкова. Передай мое спасибо всѣмъ нашимъ молодцамъ и моимъ драгунамъ въ особенности. Выдай имъ кресты, по пяти на эскадронъ".

Государю посланы сегодня, одна за другою, слѣдующія теле-граммы:

1) „Побѣда, одержанная генераломъ Гурко въ трехдневномъ бою подъ Филиппополемъ, 3, 4 и 5-го января, оказалась еще полнѣе и блистательнѣе, чѣмъ я сообщилъ сперва. Выяснилось, что Гурко имѣлъ дѣло не съ половиною, а со всею арміею Сулеймана-паши, подъ личнымъ его начальствомъ, въ числѣ отъ 80 до 90 таборовъ, всего болѣе 40 тысячъ. Только послѣ боя 5-го января армія была разрѣзана почти пополамъ окончательно. Одна половина, подъ начальствомъ Фуада-паши, потерявъ въ

[1]) Обѣ составлены самимъ Великимъ Княземъ.

бою 4-го и 5-го января 46 орудій, бѣжала, въ ночь на 6-е января, въ горы на Нарѣчинъ и Добролукъ, въ полномъ разстройствѣ, побросавъ по дорогѣ съ кручъ оставшіяся при ней орудія, числомъ около 12. Другая половина, около 40 таборовъ при 40 слишкомъ орудіяхъ, подъ начальствомъ самого Сулеймана, бѣжала въ ту же ночь, также горами, на Тахталы, Караджаларъ и Гюмюрджи, къ сторонѣ Хаскіоя. Генералъ Гурко поручилъ преслѣдовать ее генералу Скобелеву 1-му, усиливъ ее сводною драгунскою бригадою Краснова. Сулейманъ ночевалъ на 6-е въ Тахталы, а на 7-е въ Караджаларѣ, откуда выступилъ до разсвѣта: большая часть пѣхоты впереди, затѣмъ 40 орудій и въ арріергардѣ 5 таборовъ. Къ разсвѣту 7-го января кавалерія Скобелева 1-го подошла къ Караджалару. Шедшій въ головѣ 30-й донской Грекова полкъ, увидѣвъ артиллерію съ прикрытіемъ, мгновенно развернулся и бросился въ аттаку. Пять таборовъ, пораженные неожиданностью, бросились бѣжать, и всѣ 40 орудій были взяты казаками полка Грекова. Такимъ образомъ, армія Сулеймана лишилась почти всей артиллеріи: считая вмѣстѣ съ сброшенными съ кручи, которыя уже приказано вытащить, въ наши руки досталось 97 орудій. По показаніямъ плѣнныхъ, у Сулеймана осталось затѣмъ лишь небольшое число горныхъ орудій. Часть арміи, бѣжавшая съ самимъ Сулейманомъ, должна или наткнуться у Хаскіоя на отрядъ Скобелева 2-го, или бѣжать прямо на югъ, въ горы. Кромѣ отряда Скобелева 2-го, къ Хаскіою собралась еще къ 6-му января гвардейская кавалерія, которой приказано: идти туркамъ навстрѣчу, задержать ихъ и сообщить Скобелеву 2-му, дабы могъ ихъ перехватить. Наконецъ, отряду генерала Карцова приказано также идти отъ Чирпана черезъ Кояджи на Хаскіой".

2) „Какъ я уже телеграфировалъ, въ ночь съ 6-го на 7-е января, былъ открытъ петербургскими уланами на дорогѣ изъ Хаскіоя въ Херманли громадный обозъ подъ прикрытіемъ пѣхоты и вооруженныхъ жителей. Съ разсвѣтомъ 7-го января, генералъ Скобелевъ 2-й двинулъ туда полковника Панютина съ углицкимъ полкомъ, 11-мъ стрѣлковымъ баталіономъ и 2-мя орудіями. Въ 12 верстахъ отъ Херманли полковникъ Панютинъ настигъ непріятеля въ числѣ 6-ти таборовъ и массы вооруженныхъ жителей и послѣ двухчасового боя разбилъ и разсѣялъ турокъ и овладѣлъ всѣмъ обозомъ—около 20 тысячъ повозокъ. Наша потеря—4 офицера и 46 нижнихъ чиновъ. Къ величайшему сожалѣнію, здѣсь находилось нѣсколько тысячъ мусуль-

манскаго населенія, выведеннаго по распоряженію Сулеймана изъ Филиппополя и окрестностей. Эти несчастные съ началомъ боя въ ужасѣ разбѣжались, побросавъ въ обозѣ дѣтей. Пока шелъ бой, бóльшая часть ихъ имущества была разграблена болгарами. Дѣти были призрѣны нашими войсками, грабежъ по окончаніи боя пріостановленъ, приняты мѣры для возвращенія дѣтей матерямъ, которыя мало-по-малу и начали возвращаться. Тѣмъ не менѣе, положеніе несчастныхъ мусульманскихъ жителей ужасное. Вслѣдствіе распоряженія Сулеймана и овладѣвшей ими неописанной паники, они бѣгутъ отовсюду безъ оглядки, уничтожая свои дома, забирая семейства и имущество, которое теряютъ по дорогѣ. Все это неизбѣжно погибнетъ, тогда какъ, оставаясь на мѣстѣ, они могли бы жить спокойно, подъ защитою нашихъ военныхъ властей. Глубоко скорблю, что блистательные успѣхи, нами достигнутые, помимо моей воли влекутъ за собой столь грустныя послѣдствія, которыхъ я не могъ предупредить и которыя теперь могу лишь съ большимъ трудомъ смягчить".

3) „8-го января къ Адріанополю подошелъ ужè самостоятельный пѣхотный отрядъ съ артиллеріей. 9-го января разсчитывалъ прибыть туда уже по желѣзной дорогѣ самъ генералъ Скобелевъ 2-й, съ остальными войсками авангарда арміи. Обращаю вниманіе твое на то, что во вторую столицу турецкой имперіи первыми вступили полки, носящіе названія нашихъ обѣихъ столицъ: лейбъ-драгунскій московскій и петербургскій уланскій".

4) „Событія такъ быстро совершаются и опережаютъ всѣ возможныя предположенія, что если такъ Богъ благословитъ далѣе, то мы скоро можемъ быть невольно подъ стѣнами Царьграда. Въ виду этого, для твоихъ политическихъ соображеній сообщаю, что 15-го января надѣюсь быть въ Адріанополѣ. Къ тому времени войска Гурко могутъ быть по дорогѣ на Демотику, куда онъ мною направленъ отъ Хаскіоя. Часть пѣхоты Скобелева 2-го теперь уже въ Адріанополѣ.

„Радецкій будетъ тамъ около 15-го. Голова гренадеръ тоже 15-го у Херманли. Полагаю двинуть 17-го пѣхоту по дорогамъ отъ Адріанополя на Константинополь. Если не встрѣчу особыхъ препятствій, то къ концу мѣсяца могу быть у стѣнъ Константинополя. Вездѣ устраиваю хлѣбопеченіе, на чтò со стороны мѣстныхъ жителей имѣю много предложеній.—Казанлыкъ, 10-го января, 1 ч. дня".

5) „Турецкое населеніе, уничтожая все свое имущество, увозитъ семейства, которыя по дорогамъ гибнутъ тысячами.

Паника страшная, неописанная, равно и сопровождающія ее потрясающія событія. Въ виду всего этого долгомъ считаю высказать мое крайнее убѣжденіе, что при настоящихъ обстоятельствахъ невозможно уже теперь останавливаться, и въ виду отказа турками условій мира, необходимо идти до центра, т.-е. до Царьграда, и тамъ покончить предпринятое тобою святое дѣло. Сами уполномоченные Порты говорятъ, что ихъ дѣло и существованіе кончены, и намъ не остается ничего другого, какъ занять Константинополь. При этомъ занятіе Галлиполи, гдѣ находится турецкій отрядъ, неизбѣжно, чтобы предупредить, если возможно, приходъ туда англичанъ и при окончательномъ расчетѣ имѣть въ своихъ рукахъ самыя существенныя гарантіи для разрѣшенія вопроса въ нашихъ интересахъ. Вслѣдствіе этого не буду порѣшать съ уполномоченными до полученія отвѣта на эту депешу и съ Богомъ иду впередъ.—Казанлыкъ, 10-го января, 3 ч. дня".

Послѣднія двѣ телеграммы составлены самимъ Великимъ Княземъ, а мною только зашифрованы. Созрѣвшая въ Великомъ Князѣ рѣшимость идти безостановочно на Константинополь и Галлиполи одновременно—вполнѣ соотвѣтствуетъ необычайно и неожиданно благопріятной для насъ обстановкѣ. Такія историческія минуты очень рѣдки и никогда не повторяются: ихъ надо хватать на лету. Хотя мы идемъ впередъ почти съ голыми руками, но можно быть увѣренными, что даже ничѣмъ не рискуемъ: паника черезчуръ велика и сопротивленія ожидать нечего, если только не давать туркамъ времени опомниться. Великій Князь правъ: ужъ если турки оставили безъ боя хорошо укрѣпленный и вооруженный Адріанополь, то они безъ сопротивленія отдадутъ и Константинополь. Въ особенности же правъ Великій Князь, торопясь занять сверхъ того и Галлиполи: это единственный шансъ не допустить англичанъ до активнаго вмѣшательства въ наши дѣла. Нельзя пропускать ихъ черезъ Дарданеллы, это—главное. Конечно, у насъ нѣтъ не только флота, но даже и артиллеріи, которая почти вся еще за Балканами. Но ни англичане, ни турки этого еще не знаютъ; слѣдовательно, достаточно занять Галлиполи, чтобы англичане призадумались и замялись. Время выиграемъ, это главное, а что̀ дѣлать дальше—видно будетъ.

Весьма возможно, что наше появленіе передъ Константинополемъ вызоветъ тамъ революцію, сверженіе или бѣгство султана на азіатскій берегъ. Возможно, что обстоятельства усложнятся

до того, что произойдетъ общій пожаръ и европейская война за турецкое наслѣдство. Придется тогда поневолѣ рѣшать восточный вопросъ, хотя мы къ этому вовсе не готовы. Что же дѣлать. Все-таки намъ выгоднѣе имѣть на этотъ случай въ своихъ рукахъ такіе два важныхъ залога, какъ Царьградъ и Галлиполи.

Будущее всегда загадочно. Но нельзя упускать такіе рѣдкіе случаи повернуть его въ нашу пользу. Или теперь, или никогда!

11 января. Сегодня, въ первый разъ за Балканами, чудный, теплый, солнечный день. Можно ходить безъ пальто.

Съ лихорадочною поспѣшностью заканчиваю отчетъ Государю: писалъ всю ночь до 5 ч. утра; завтра утромъ, передъ выступленіемъ, Великій Князь непремѣнно желаетъ его отослать. Завтра должны ночевать въ Эски-Загрѣ, 13-го перейти въ Трново-Сейменли, а оттуда, можетъ быть, — уже по желѣзной дорогѣ въ Адріанополь: Скобелевъ надѣялся возстановить по ней движеніе даже вчера. Намыкъ и Серверъ паши поѣдутъ съ нами; ихъ свита — днемъ позже. Сегодня къ нимъ пріѣхалъ флигель-адъютантъ султана—Иццетъ-бей, съ какимъ-то письмомъ.

Телеграммы изъ Петербурга стали страшно запаздывать.

Отъ Государя получена телеграмма, поданная 6-го января въ 3 ч. 58 м. дня! На Шипкѣ телеграфное сообщеніе было нѣкоторое время прервано снѣжною бурею, такъ что телеграмма была прислана оттуда только сегодня утромъ, вмѣстѣ съ другою, поданною въ Петербургѣ вчера 10-го января въ 10 ч. 41 м. вечера. Вотъ эти телеграммы:

1) „Чрезвычайно обрадованъ какъ занятіемъ Филиппополя, такъ и Херманли и Трново и молодецкими дѣйствіями моихъ драгунъ со Струковымъ. Извѣсти, когда получишь телеграмму, князя Горчакова отъ 5-го января. Да поможетъ намъ Богъ“.

2) (Шифрованная). „При теперешнихъ обстоятельствахъ желаю, чтобы Саша и Владиміръ оставались при настоящемъ ихъ командованіи до заключенія перемирія“.

Государю было немедленно телеграфировано Великимъ Княземъ:

„Въ стычкахъ съ башибузуками и небольшими кавалерійскими отрядами передъ занятіемъ Адріанополя Струковъ потерялъ двухъ офицеровъ ранеными, а нижнихъ чиновъ четыре убитыми и около пятнадцати ранеными. Несмотря на 10-ти-дневный непрерывный походъ по снѣжнымъ дорогамъ, при 10-ти-градусномъ морозѣ съ вѣтромъ, при безпрестанныхъ стычкахъ,

въ постоянно напряженномъ состояніи—въ кавалеріи Струкова нѣтъ ни больныхъ, ни отсталыхъ. Адріанополь былъ поспѣшно очищенъ Ахмедъ-Эюбомъ съ 2.000 пѣхоты. Пороховой складъ, арсеналъ и старый султанскій сераль взорваны имъ. По выходѣ войскъ, арсеналъ и большая часть складовъ были разграблены еще до вступленія Струкова. Башибузуки и уходящіе турки начали рѣзать, грабить и жечь окрестныя селенія. Городъ былъ спасенъ отъ грабежа лишь благодаря энергіи и рѣшительности генерала Струкова, которому съ трудомъ удалось сдержать возбужденныя массы народа и внушить страхъ бродящимъ въ окрестностяхъ башибузукамъ. Вступивъ въ Адріанополь, Струковъ успѣлъ захватить 22 Крупповскихъ орудія и 4 орудія большого калибра. При арсеналѣ осталось два турецкихъ офицера съ 73 солдатами. Струковъ учредилъ для управленія городомъ временную коммиссію изъ представителей разныхъ націй, преимущественно духовнаго званія, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго архіепископа, бывшаго воспитанника кіевской академіи. Вчера, 10-го января, прибылъ въ Адріанополь генералъ Скобелевъ 2-й, утвердилъ всѣ сдѣланныя Струковымъ распоряженія, немедленно двинулъ его съ кавалеріей на Киркилиссу и Люле-Бургасъ, а гвардейской кавалеріи приказалъ направиться на Демотику. Общее руководство всею кавалеріею поручилъ генералу Дохтурову [1]). Около 2-хъ час. пополудни 10-го января долженъ былъ вступить въ Адріанополь владимірскій полкъ. Вчера же вступили туда шуйскій полкъ, 11-й стрѣлковый баталіонъ и 4 орудія. Войска помѣстились въ казармахъ и фортахъ внѣ города; Скобелевъ—въ конакѣ. Телеграфное сообщеніе между Адріанополемъ и Херманли установлено вновь, личный составъ остался на мѣстѣ. Скобелевъ прислалъ мнѣ телеграмму на французскомъ языкѣ изъ Адріанополя, которая получена въ Херманли въ $12^1/_2$ ч. пополудни 10-го января, оттуда послана летучею почтою и сейчасъ мною получена. Австрійскій консулъ протестовалъ противъ установленія Струковымъ временнаго управленія, но какъ Струковъ, такъ затѣмъ и Скобелевъ, оставили протестъ безъ вниманія.

„Сейчасъ получилъ донесеніе Гурко, что число взятыхъ нами орудій не 97, а 110.—Казанлыкъ, 11-го января, 2 ч. пополудни".

Сегодня Великій Князь получилъ двѣ телеграммы отъ Цесаревича:

---

[1]) Ген.-лейт. Дохтуровъ былъ начальникомъ 1-й кавалерійской дивизіи, но вслѣдствіе назначенія Струкова начальникомъ авангарда—остался ни при чемъ.

1) „Ведутся ли переговоры и какой оборотъ они принимаютъ; мнѣ рѣшительно ничего неизвѣстно. На что̀ можемъ разсчитывать?“

2) „Въ отрядѣ все тихо и благополучно. Перебѣжчики болгары изъ Рущука показали, что въ Рущукѣ—до 12 тысячъ войска. Болгары жалуются, что черкесы обращаются съ ними жестоко и грозятъ ихъ всѣхъ перерѣзать. Не признаете ли Ваше Императорское Высочество возможнымъ повліять на уполномоченныхъ Турціи въ виду защиты болгаръ отъ звѣрствъ и угрозъ черкесовъ. 8-я кавалерійская дивизія выступаетъ сегодня изъ Раховицъ первымъ эшелономъ, а всѣхъ эшелоновъ три.—Генералъ-адъютантъ Александръ“.

Мнѣ неизвѣстно, что̀ отвѣтилъ Великій Князь Цесаревичу.

12 января. — Прочитавъ вчера вечеромъ Великому Князю черновой отчетъ, я переписывалъ его набѣло всю ночь напролетъ и къ $5^1/_2$ ч. сегодняшняго утра представилъ его Великому Князю къ подписи. Великій Князь, еще вчера вечеромъ выражавшій опасеніе, что я не успѣю кончить переписку,—былъ въ восторгѣ, горячо благодарилъ и удивлялся моей выносливости. Подписавъ и отправивъ отчетъ Государю съ фельдъегеремъ, Великій Князь сталъ угощать меня чаемъ съ свѣжими булками и даже съ масломъ. Это было очень кстати, потому что всѣ вещи наши, да и кухня Великаго Князя, ушли еще съ вечера, и у насъ не было ровно ничего.

Въ $6^1/_2$ ч. утра мы выѣхали изъ Казанлыка верхомъ, въ совершенной темнотѣ. Около 8 ч. начался чудный разсвѣтъ. Отраженіе и переливы лучей восходящаго солнца на скатахъ горъ, окружающихъ казанлыкскую долину, представляли волшебное зрѣлище, тѣмъ болѣе, что освѣщеніе мѣнялось безпрерывно. Восторгались люди даже мало-впечатлительные къ красотамъ природы. Теперь нѣтъ ни снѣга на горахъ, ни зелени, и все-таки какъ чудно хорошо! Можно себѣ представить, какое чарующее зрѣлище представляетъ восходъ солнца зимою и лѣтомъ.

Проѣхавъ верстъ 12, мы вступили въ ущелье Малыхъ-Балканъ. Сперва шла довольно широкая дорога, но затѣмъ вдругъ съузилась и начала извиваться то по узкимъ карнизамъ, то по дну быстраго ручья. Это—Дербендкіойское ущелье. Изумительно, какъ здѣсь прошелъ нашъ обозъ, да еще ночью. Онъ выступилъ вчера въ 7 ч. вечера, и мы его уже застали въ Эски-Загрѣ, куда онъ благополучно прибылъ сегодня въ 11 ч. утра, отдѣлавшись лишь нѣсколькими поломанными дышлами и колесами.

Эски-Загру мы увидѣли въ развалинахъ. По словамъ участниковъ перваго забалканскаго похода, это былъ большой, богатый городъ, еще красивѣе Казанлыка. Теперь въ немъ уцѣлѣло счетомъ 29 домовъ, да и то совершенно опустошенныхъ, съ выбитыми стеклами. Даже каменныя стѣны разрушены до основанія. Это была месть турокъ болгарамъ послѣ сраженія 18-го іюля, за разрушеніе ими мусульманскихъ домовъ въ началѣ іюля, когда появился отрядъ Гурко. Надо правду сказать, что турки во время войны ни разу не начинали свирѣпствовать надъ болгарами сами, а всегда лишь въ отместку за болгарскія неистовства надъ мусульманами. Болгары такъ ненавидятъ турокъ, что тотчасъ начинаютъ ихъ грабить и рѣзать вездѣ, гдѣ только появятся наши войска. Ненависть страшная, и причина ея—400-лѣтнее безправное рабство. Но въ матеріальномъ отношеніи—болгарамъ могли бы позавидовать не только наши, но крестьяне и горожане всей Европы: такое у нихъ изобиліе и богатство. Только ужасна полная необезпеченность: сегодня богатъ, а завтра, по капризу любого мусульманина, не только нищъ, но и мертвъ. Этимъ вполнѣ объясняется и страстная ненависть къ туркамъ, и горячее стремленіе къ освобожденію отъ мусульманскаго ига.

Теперь, впрочемъ, и угнетатели, и угнетенные прониклись убѣжденіемъ, что турецкому владычеству пришелъ конецъ. Турки убѣждены въ этомъ, повидимому, еще больше болгаръ: не даромъ же они поголовно покидаютъ свои родныя села и уходятъ отовсюду, гдѣ ожидаются наши войска. Это даже не бѣгство: это—выселеніе цѣлаго народа.

Сегодня вечеромъ, за чаемъ, Великій Князь высказывалъ опасеніе, какъ бы Горчаковъ и его дипломатическіе подручные, вѣчно оглядывающіеся на Англію и Австрію, не затормазили наше наступленіе. Идея дойти до Константинополя и Галлиполи вполнѣ овладѣла Великимъ Княземъ; онъ только объ этомъ и думаетъ, и говоритъ, и ужасно боится, чтобы Государь его не остановилъ. Этимъ онъ объясняетъ и свое неудержимое стремленіе впередъ, безъ всякой заботы о своемъ тылѣ. Онъ говорилъ сегодня, что мало занять Константинополь и Галлиполи, а надо перебросить войска на азіатскій берегъ Босфора и Дарданеллъ и—уже укрѣпившись на обоихъ берегахъ—диктовать свои условія не только султану, но и Англіи съ Австріей.

Планъ величественный, но неисполнимый. Занять съ налету, конечно, все можно, пользуясь теперешней паникой, но удержаться нельзя. У насъ нѣтъ ни флота, ни артиллеріи, ни боевыхъ запасовъ, ни обозовъ. Артиллерію и боевые запасы еще

можно захватить у турокъ и подвезти моремъ изъ Одессы, но флотъ—взять неоткуда.

По моему мнѣнію, лучше меньше захватить, но ужъ за то все захваченное удержать. На сушѣ мы для англичанъ неуязвимы, а на морскомъ берегу—беззащитны передъ ихъ флотомъ. Я не разъ высказывалъ это Великому Князю. До занятія Адріанополя онъ съ этимъ соглашался. Но со времени нежданно-негаданнаго захвата Адріанополя онъ такъ проникся стремленіемъ въ Царьградъ, что объ осторожности и слышать не хочетъ. Непокойчицкій всецѣло раздѣляетъ всѣ его взгляды. Стало быть, и разговаривать нечего. Въ Эски-Загрѣ вечеромъ получена телеграмма Скобелева 2-го изъ Адріанополя, помѣченная сегодняшнимъ числомъ 1 ч. 10 м. дня и переданная латинскими буквами:

„Сегодня въ каѳедральномъ соборѣ отслужено торжественное молебствіе архіереемъ, въ присутствіи войскъ гвардіи и арміи. Башибузуки неистовствуютъ въ окрестностяхъ. Въ Константинополѣ, по вѣроятнымъ свѣдѣніямъ, паника: увозятъ архивы, и султанъ готовится бѣжать“.

Еще до полученія этой телеграммы (содержаніе которой, сколько мнѣ извѣстно, не было сообщено Государю), Великій Князь телеграфировалъ Государю слѣдующее:

„Прибылъ въ Эски-Загру, завтра переѣзжаю въ Сейменли. Отъ Скобелева 2-го получилъ увѣдомленіе, что порядокъ въ Адріанополѣ окончательно возстановленъ. Все пошло обыкновенной колеей, всѣ магазины открыты. Скобелевъ 2-й осмотрѣлъ, усилилъ и прочно занялъ укрѣпленія Адріанополя, обращенныя къ сторонѣ Царьграда. — Эски-Загра, 12-го января 8 ч. вечера“.

Кромѣ того была послана Великимъ Княземъ сегодня слѣдующая шифрованная телеграмма (зашифрованы были только *подчеркнутыя* слова):

„Николаевъ, генералъ-адъютанту Аркасу [1]).

„Прошу *собрать* елико возможно большее число *транспортныхъ паровыхъ судовъ* по твоему усмотрѣнію, переговоривъ съ *Чихачевымъ* [2]), *въ Одессѣ* или *Севастополѣ*, съ тѣмъ, чтобы, по первому моему требованію, можно было направить эти *суда* въ *тѣ порты*, которые *я укажу*, для *доставки провіанта и фуража* или для *обратной перевозки войскъ*. Увѣдомь, сколько *судовъ*, *гдѣ* и къ какому *сроку могутъ быть собраны. — Эски-Загра, 12 января*“.

---

[1]) Главный командиръ черноморскаго флота и портовъ.

[2]) Предсѣдатель „Русскаго Общества пароходства и торговли“.

Прежде чѣмъ перейти къ дневнику 13-го января, привожу упомянутый выше отчетъ Государю, отправленный Великимъ Княземъ сегодня, въ 6 час. утра, изъ Казанлыка:

„Со времени представленія послѣдняго моего донесенія, событія такъ быстро слѣдовали одно за другимъ, что я до сихъ поръ не могъ представить Вашему Величеству общій ихъ обзоръ, такъ какъ едва успѣвалъ справляться съ непрерывнымъ рядомъ спѣшныхъ распоряженій, которыя необходимо было сдѣлать вслѣдствіе этихъ событій. Лишь теперь, когда занятъ безъ выстрѣла столь важный во всѣхъ отношеніяхъ пунктъ, какъ Адріанополь, я могу представить Вашему Величеству хотя краткій, но законченный отчетъ обо всемъ, что̀ произошло послѣ 28-го декабря. Краткій потому, что я завтра, 12-го января, выступаю въ Адріанополь самъ, дабы находиться въ центрѣ сдвигающихся къ нему отовсюду войскъ и дать каждому отряду надлежащее направленіе.

„Какъ извѣстно уже Вашему Величеству, я, тотчасъ же по полученіи извѣстія о славномъ боѣ 28-го декабря и о плѣненіи шипкинской арміи, двинулся безостановочно за Балканы, чтобы лично ускорить дальнѣйшее общее наступленіе и не дать туркамъ опомниться отъ нежданной для нихъ катастрофы на Шипкѣ. Разсчетъ мой оправдался даже свыше моихъ ожиданій. Плѣненіе шипкинской арміи и послѣдовавшее затѣмъ быстрое наступленіе наше повлекли за собой сперва отступленіе, а затѣмъ полный разгромъ и почти совершенное уничтоженіе всей арміи Сулеймана-паши. Въ то же время, занятіе Татаръ-Базарджика, Филиппополя, Карлова, Чирпана, Сейменли-Трнова, Херманли, Сливно, Ямболи, короче—всего пространства отъ Балканскихъ до Родопскихъ и Деспотодагскихъ горъ, и наконецъ—бѣгство турецкихъ войскъ и властей изъ Адріанополя и занятіе безъ выстрѣла древней столицы Оттоманской имперіи, на твердыни которой друзья Турціи возлагали столь пышныя надежды.

„Оглядываясь на эти міровыя событія, я горжусь тѣмъ, что предугадалъ волю Вашего Величества и не упустилъ ни одной минуты, чтобы воспользоваться результатами одержанныхъ побѣдъ.

„27-го декабря я выѣхалъ изъ Богота, 30-го былъ въ Габровѣ, а 31-го перевалилъ черезъ Балканы и вечеромъ прибылъ въ Казанлыкъ. Въ тотъ же день послалъ всѣ три полка 1-й кавалерійской дивизіи занять Эски-Загру (что̀ и было исполнено 1-го и 2-го января), приказавъ идти оттуда дальше на Сейменли-Трново и Херманли.

„На другой день, 1-го января, я сдѣлалъ всѣ распоряженія для энергичнаго общаго наступленія (слѣдуютъ подробности)...

„Всѣ эти распоряженія частью уже приведены, частью приводятся въ исполненіе. Вотъ ихъ результаты (слѣдуютъ подробности о передвиженіи войскъ)...

„На этомъ я долженъ кончить мой отчетъ Вашему Величеству, такъ какъ сегодня, 12-го января, тотчасъ же выѣзжаю изъ Казанлыка въ Эски-Загру и буду слѣдовать безостановочно до Адріанополя.—Казанлыкъ, 22-го января 1878 г.“.

Составляя этотъ отчетъ, я невольно думалъ все время о томъ, до какой степени у насъ вошло въ привычку разстраивать постоянную организацію и замѣнять ее временными импровизаціями. Нѣтъ почти ни одной цѣлой дивизіи, не говоря уже о корпусахъ: все растрепано и разбросано. Вездѣ вмѣсто постоянныхъ соединеній—временныя; постоянные начальники замѣнены халифами на часъ: сегодня—одинъ, завтра—другой. Все перепуталось и перемѣшалось.

Примѣръ столь легкаго отношенія къ постоянной организаціи подалъ, конечно, Великій Князь, но и другіе высшіе начальники поступаютъ точно такъ же, особенно Гурко.

Нѣтъ дѣйствія безъ причины: отчего же такое пристрастіе къ замѣнѣ организаціи—импровизаціей?

Причинъ, по моему, двѣ: 1) недовѣріе къ военнымъ дарованіямъ и качествамъ нѣкоторыхъ старшихъ начальниковъ, и 2) стремленіе дать видныя назначенія лицамъ довѣреннымъ или просто своимъ любимцамъ. Тѣхъ, кому не довѣряютъ, не устраняютъ совсѣмъ, а только выдергиваютъ изъ-подъ ихъ команды войска, образуютъ временные сводные отряды и ввѣряютъ начальство надъ ними лицамъ довѣреннымъ.

Теперь, напримѣръ, 4-й корпусъ совсѣмъ изъятъ изъ-подъ начальства своего корпуснаго командира Зотова и ввѣренъ Скобелеву; самъ же Зотовъ и штабъ 4-го корпуса оставлены въ Тырновѣ. Дохтуровъ, начальникъ 1-й кавалерійской дивизіи, замѣненъ Струковымъ. Гвардейскія дивизіи не имѣютъ постоянныхъ начальниковъ. Кавалерійскія дивизіи разрознены всѣ, кромѣ находящихся въ составѣ восточнаго отряда Цесаревича. И т. д., и т. д.

13-го января. — Вчера, поздно вечеромъ, пріѣхалъ великій князь Николай Николаевичъ Младшій, употребившій на весь путь отъ Петербурга до Эски-Загры только 8 дней.

Сегодня выступили изъ Эски-Загры въ 6 час. утра и, сдѣлавъ 52 версты по снѣжной равнинѣ, прибыли въ Сейменли—болгарскую деревню на самомъ берегу рѣки Марицы. Отсюда, берегомъ, отходитъ желѣзнодорожная вѣтвь къ сѣверу, на Ямболи. На другомъ берегу Марицы—станція Трново на линіи желѣзной дороги Филиппополь—Адріанополь.

Расположились въ станціонныхъ домикахъ.

Сегодня, въ 6 час. утра, передъ отъѣздомъ изъ Эски-Загры, Великій Князь послалъ Государю слѣдующую телеграмму:

„Отъ всей души благодарю за письмо, привезенное сегодня, ночью Николашею. Счастливъ, что ты всѣмъ доволенъ, и благодарю за пожалованную съ алмазами саблю съ славною надписью. Также счастливъ, что исполнилъ и точно такъ дѣйствовалъ, какъ ты желалъ, что̀ увидишь изъ посланныхъ мною вчера донесеній. Сейчасъ выѣзжаю“.

Вечеромъ, въ Сейменли, была получена телеграмма Государя отъ 2 час. 30 м. дня 11-го января:

„Очень радъ занятію Адріанополя и что ты самъ туда отправляешься. Радостную эту вѣсть получилъ по возвращеніи съ крестинъ внука Бориса. Дальнѣйшія мои приказанія получишь шифромъ“.

Великій Князь отправилъ изъ Сейменли двѣ телеграммы Государю:

1) „Прибылъ въ Сейменли, завтра ѣду въ Херманли, и оттуда по желѣзной дорогѣ—въ Адріанополь, гдѣ завтра же увижу гвардію и лично поблагодарю ее отъ твоего имени.—Сейменли, 13-го января, 9 час. вечера“.

2) „Скобелевъ 2-й доноситъ, что, осмотрѣвъ адріанопольскія укрѣпленія, нашелъ ихъ отлично устроенными. Всѣ долговременной профили, съ каменными эскарпами и контръ-эскарпами. Орудій найдено не 26, а гораздо больше: сколько именно, еще не сосчитано.

„По послѣднему донесенію Гурко, кавалерія Скобелева 1-го взяла 7-го января, кромѣ тѣхъ 40 орудій, которыя были захвачены донскимъ полкомъ Грекова, еще 13, такъ что всего 53.—Сейменли, 13-го января, 9 час. вечера“.

14-го января, суббота. — Сегодня, въ 6 час. утра, послали впередъ, въ Херманли, нашихъ вторыхъ верховыхъ лошадей для заблаговременной постановки въ вагоны поѣзда, ожидающаго насъ для переѣзда въ Адріанополь. Въ $7^1/_2$ час. утра я уговорилъ Левицкаго ѣхать впередъ, захвативъ съ собой нашу по-

возку, чтобы успѣть лично поставить ее въ поѣздъ и не остаться въ Адріанополѣ совсѣмъ безъ вещей. Эта предосторожность оправдалась блистательно: еслибъ мы лично не конвоировали свою повозку, то она не дошла бы вовсе или опоздала бы на нѣсколько дней.

Прежде всего, черезъ Марицу пришлось переѣзжать по единственно уцѣлѣвшему желѣзнодорожному мосту, а затѣмъ — по длинной гати. Эта переправа была сравнительно нетрудна. Но когда пришлось спускаться съ гати—началась каторга. Только при помощи конвойныхъ казаковъ, ожидавшихъ въ этомъ мѣстѣ Великаго Князя для поддержки его экипажа, удалось спустить нашу легкую повозку невредимой. Далѣе, до Херманли, состояніе дороги было неописуемо. Достаточно сказать, что эти десять верстъ мы проѣхали, верхомъ, пять часовъ! А доѣхавши, удивлялись, какъ это Господь пронесъ! Невылазная грязь, глубокія ямы и рытвины, бурные разлившіеся ручьи, полное отсутствіе мостовъ. И при этомъ еще густой туманъ и мелкій, дробный дождь.

Доѣхали до Херманли—новая прелесть. Все мѣстечко завалено трупами, палыми лошадьми, буйволами, волами и овцами, изломанными повозками, всякою домашнею рухлядью и рваньемъ. Встрѣченные нами очевидцы разсказывали, что это еще ничего, а вотъ дорога отъ Филиппополя до Херманли, въ особенности на послѣднемъ участкѣ отъ Хаскіоя, вся усѣяна трупами людей и падалью. Потребуются сверхъестественныя усилія, чтобы все это убрать и зарыть.

Проѣхавъ мѣстечко, попали на ужаснѣйшую дорогу, ведущую къ станціи Херманли. Тамъ сами распорядились внести въ товарный вагонъ необходимыя вещи, а повозку съ прочими вещами оставили для слѣдованія въ Адріанополь обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ.

Вскорѣ прибылъ и Великій Князь съ Непокойчицкимъ и свитою, и мы всѣ вошли въ вагоны. Какъ дико было очутиться опять въ поѣздѣ: вѣдь съ мая мѣсяца мы не видали желѣзной дороги.

Турецкія желѣзныя дороги построены на англо-австрійскіе капиталы еврейскимъ банкиромъ Гиршемъ, бельгійскимъ подданнымъ, живущимъ въ Парижѣ, и построены гораздо лучше, чѣмъ румынскія (строитель Струсбергъ). Разсказываютъ, что Гиршъ, еще въ началѣ войны, просилъ Игнатьева похлопотать, чтобы мы, если желѣзная дорога попадетъ въ наши руки, не повреждали ее безъ крайней необходимости, а онъ за это обѣщается служить намъ еще усерднѣе, чѣмъ туркамъ. Правда это или

нѣтъ, но, дѣйствительно, служащіе на желѣзной дорогѣ (преимущественно нѣмцы) тотчасъ же предложили свои услуги начальникамъ нашихъ передовыхъ войскъ, какъ только они появились. Всѣ служащіе остались на своихъ мѣстахъ. Служатъ охотно и любезно. Къ сожалѣнію, подвижного состава мало: турки увезли въ Константинополь бóльшую часть локомотивовъ и вагоновъ. Предстоитъ также возобновить филиппопольскій желѣзнодорожный мостъ, разрушенный турками, и тогда будетъ сквозное движеніе до Татаръ-Базарджика.

По пути отъ Хермавли до Адріанополя нашъ поѣздъ все время обгонялъ гвардейскія войска, шедшія вдоль полотна дороги. Великій Князь, стоя у открытаго окна, здоровался и благодарилъ войска, отвѣчавшія ему восторженными криками „ура". Но въ какомъ обтрепанномъ видѣ шла гвардія! По костюмамъ, головнымъ уборамъ и обуви—настоящіе башибузуки. Шинели порыжѣлыя и дырявыя; погоны оборванные; вмѣсто фуражекъ—болгарскія овчинныя шапки, фески, чалмы, платки. А на комъ сохранились фуражки—нельзя распознать цвѣтовъ. Сапоговъ почти ни у кого нѣтъ—все опанки, опорки, какія-то подобія лаптей, суконки, обвязанныя веревочками, а то и просто босикомъ.

Къ 4 час. пополудни прибыли въ Адріанополь. На станціи былъ выстроенъ почетный караулъ отъ одного изъ полковъ Скобелевской (16-й пѣх.) дивизіи, со знаменемъ. На правомъ флангѣ—Гурко и Скобелевъ съ многочисленными свитами: всѣ начальствующія лица и штабы обоихъ отрядовъ.

Встрѣча была задушевно-трогательная. Великій Князь обнималъ, цѣловалъ и горячо благодарилъ героевъ.

У выхода со станціи сѣли верхомъ. Тутъ стоялъ второй почетный караулъ—отъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, и за нимъ—весь полкъ шпалерами; далѣе, шпалерами же—почти вся Скобелевская дивизія. Великій Князь задушевно благодарилъ; войска встрѣчали его восторженно.

За шпалерами войскъ начались и тянулись до самаго Адріанополя (станція верстахъ въ двухъ отъ города) шпалеры мѣстнаго населенія, массами высыпавшаго встрѣчать Великаго Князя. Впереди шпалеръ стояли, одна за другою, депутаціи отъ обществъ: греческаго, армянскаго, болгарскаго и еврейскаго со значками и знаменами. При каждой депутаціи—многочисленное духовенство съ хорами пѣвчихъ, хоругвями и зажженными свѣчами, христіанское же духовенство—еще съ крестами. Греки и болгары привели хоры молодыхъ дѣвушекъ и дѣвочекъ, а армяне и евреи—хоры мальчиковъ. Еврейчики до такой степени громко

и пронзительно выводили свой привѣтственный гимнъ, что я сталъ опасаться за цѣлость моей барабанной перепонки. Христіанское хоровое пѣніе было тоже не много мелодичнѣе. Депутаціи по очереди произносили привѣтственныя рѣчи, которыхъ мы, конечно, не поняли, а только угадывали ихъ смыслъ. Рѣчи эти были, впрочемъ, поднесены потомъ на бумагѣ, съ приложенными къ нимъ русскими переводами.

По произнесеніи рѣчей, всѣ мы были забросаны букетами, вѣнками, миртовыми и лавровыми вѣтвями, и Великій Князь со свитою двинулся далѣе, шагомъ. Впереди пошло духовенство всѣхъ вѣроисповѣданій съ крестами, иконами, хоругвями; всѣ пѣли по своему, кто во что гораздъ. По сторонамъ тѣсною толпою сопровождалъ насъ народъ обоего пола, всѣхъ возрастовъ и разныхъ національностей. Тутъ были греки, болгары, куцовлахи, турки, цинцары, цыгане, армяне, евреи, арабы, персы. Необыкновенно пестрая и живописная, живая и возбужденная толпа.

Переѣхавъ рѣку Марицу по великолѣпному мосту, вступили въ городъ. Всѣ окна и балконы были заняты женщинами, а внизу, на улицахъ, толпились мужчины. Отовсюду сыпались все время лавровыя и миртовыя вѣтви и неслись неумолкаемые привѣтственные клики: „да жіе!“ и (по-гречески) „зито!“ Въ Адріанополѣ греки играютъ преобладающую роль, несмотря на то, что ихъ меньше, чѣмъ болгаръ. Послѣдніе сильно огречены по нравамъ, обычаямъ, костюму и даже языку; значительная часть грековъ, болгаръ и даже армянъ, составляющихъ мѣстную интеллигенцію, одѣвается по-европейски, исповѣдуетъ католицизмъ и почти отрекается отъ своей національности. Эти интеллигентные и зажиточные люди называютъ себя „католиками“ и держатся особнякомъ отъ своихъ православныхъ земляковъ.

Слѣдуя среди непрерывныхъ овацій по главной улицѣ, доѣхали, наконецъ, до конака, т.-е. губернаторскаго дома. Огромный каменный домъ съ обширнымъ дворомъ, по краямъ котораго—многочисленные отдѣльные флигеля. Въ верхнемъ этажѣ было отведено помѣщеніе для Великаго Князя изъ четырехъ комнатъ, рядомъ съ нимъ—двѣ комнаты Непокойчицкому, а слѣдующія двѣ, на томъ же широчайшемъ корридорѣ—Левицкому и мнѣ. Комнаты высокія, просторныя, съ большими окнами; полы устланы старыми, затоптанными коврами; стѣны уставлены дрянными, сильно-засаленными диванами; на плохо-запирающихся окнахъ—засаленныя штофныя портьеры. Посреди каждой комнаты—маленькая желѣзная печь, отъ которой поднимается труба вверхъ

до потолка, загибается подъ прямымъ угломъ по потолку и выходитъ наружу черезъ верхнее оконное стекло.

Такъ какъ обозъ Великаго Князя еще Богъ вѣсть гдѣ, то немедленно надо было позаботиться о пропитаніи, ибо Великій Князь могъ пригласить къ своему обѣду только самыхъ высшихъ чиновъ, не болѣе какъ на двѣнадцать кувертовъ всего. Я пошелъ по главной улицѣ и набрелъ на „Hôtel d'Amérique". Оказался— просто греческій трактиръ, очень просторный, но и очень грязный, переполненный нашими офицерами. Съ грѣхомъ пополамъ объяснялся съ греческою прислугою, кое-что понимавшею по-французски и по-нѣмецки и даже успѣвшею заучить нѣсколько русскихъ словъ. Ѣда, конечно, весьма неважная: супъ и сильно проперченное мясо. Запилъ дряннымъ мѣстнымъ краснымъ виномъ и закончилъ чашкою отличнаго турецкаго кофе (очень крѣпкаго, съ гущей). Всѣ окна въ трактирѣ были настежь: тепло, несмотря на непрерывно моросившій дождь.

Только-что вернулся въ конакъ, какъ Великій Князь прислалъ за мной, для составленія телеграммы Государю. Только-что составилъ одну, какъ онъ приказалъ составить вторую, шифрованную. Вотъ эти телеграммы:

1) „Благополучно прибылъ въ Адріанополь, встрѣченъ депутаціями и духовенствомъ болгарскимъ, греческимъ, армянскимъ и еврейскимъ, съ пѣніемъ, хоругвями и знаменами. Шпалерами стояли преображенскій и владимірскій полки и 4-ая стрѣлковая бригада; глядѣли молодцами. Отъ Херманли до Адріанополя доѣхалъ по желѣзной дорогѣ, обогнавъ по дорогѣ всю гвардейскую пѣхоту съ артиллеріею; видъ блистательно-молодецкій, несмотря на то, что совсѣмъ оборваны. Гвардейцы встрѣтили меня восторженно: и офицеры, и солдаты кричали ура безъ конца, бросая шапки вверхъ. Помѣстился въ конакѣ. Невыразимо-странное чувство — сознавать, что находишься въ Адріанополѣ. Струковъ съ кавалеріей занялъ вчера Киркилиссу и Баба-Ески, подходитъ къ Люле-Бургасу. Пѣхота Скобелева заняла: 16-ая дивизія и 3-ья стрѣлковая бригада Хаскіони, а 30-ая дивизія Демотику.—Адріанополь, 14-го января, 8 ч. вечера".

2) [1]) „По теперешнимъ обстоятельствамъ, мнѣ кажется, было бы полезно приготовить къ отправкѣ изъ *Севастополя на судахъ Общества пароходства и торговли одну дивизію десятаго корпуса съ тремя девятифунтовыми баттареями* съ тѣмъ, чтобы по моему усмотрѣнію можно было *высадить ее на томъ мѣстѣ*,

---

[1]) Зашифрованы только подчеркнутыя слова.

которое найду необходимымъ и удобнымъ. Въ случаѣ твоего согласія прошу меня увѣдомить или приказать *Семеке*[1]) сообщить, около какого времени все можетъ быть готово *къ отплытію*.—Адріанополь, 14-го января, 9 ч. вечера".

За чаемъ Великій Князь много и оживленно разговаривалъ и дѣлился со мною своими мыслями. Онъ мечтаетъ высадить ту дивизію, о которой идетъ рѣчь въ телеграммѣ Государю,—на азіатскій берегъ Босфора, но не говоритъ этого прямо, изъ опасенія, что Государь отвергнетъ этотъ смѣлый планъ. Нужно замѣтить, однако, что мы уже слишкомъ двѣ недѣли ровно ничего не знаемъ, что̀ дѣлается на свѣтѣ, ибо ни газетъ, ни писемъ не получаемъ. Не знаемъ также, что̀ дѣлается у турокъ, питаясь только адріанопольскими слухами и сплетнями, которые вкратцѣ сводятся къ слѣдующему:

Султанъ будто бы бѣжалъ въ Бруссу; въ Константинополѣ—революція; англичане высадили 10.000-й отрядъ въ Галлиполи, и не сегодня—завтра займутъ Константинополь. Прибавляютъ еще, что Англія уже объявила намъ войну.

Сплошное ли это вранье, или тутъ есть доля правды, и какая именно — ничего неизвѣстно.

При такой полной неосвѣдомленности какъ будто и неудобно мечтать о высадкѣ на азіатскій берегъ Босфора, до котораго мы и сами-то не дошли.

19-го или 20-го января Великій Князь думаетъ двинуться дальше впередъ. О перерывѣ переговоровъ съ турецкими уполномоченными нимало не безпокоится—напротивъ, очень радъ, ибо чѣмъ больше пройдетъ времени до возобновленія переговоровъ, тѣмъ дальше впередъ продвинутся наши войска.

15-го января, воскресенье.—Въ 10 ч. утра отправились всѣ въ греческій соборъ къ обѣднѣ. Все духовенство, съ митрополитомъ во главѣ, вышло Великому Князю навстрѣчу и проводило его до особаго возвышеннаго мѣста рядомъ съ митрополичьимъ. На этомъ же мѣстѣ, въ 1829 г., слушалъ обѣдню Дибичъ.

Богослуженіе тянулось очень долго. Я подробно разсмотрѣлъ соборъ. По архитектурѣ и убранству кажется очень древнимъ, но ему всего 170 лѣтъ, и впечатлѣніе древности — отъ выдержанности византійскаго стиля. Полъ мраморный, мозаичный. Стѣны и потолокъ сплошь усажены небольшими квадратными

---

[1]) Командующій войсками одесскаго военнаго округа.

иконами. Иконостасъ рѣзной бронзы. Соборъ раздѣленъ по длинѣ балюстрадами на три части: въ средней части стояли мы, а за балюстрадами справа и слѣва—мѣстные жители. Съ правой стороны во всю длину церкви — женское отдѣленіе, отгороженное наглухо частою бронзовою рѣшеткою. Такое же помѣщеніе устроено для женщинъ и на хорахъ. По восточному обыкновенію—женщины должны быть невидимы для мужчинъ, что вполнѣ и достигнуто. Не знаю, видятъ ли онѣ что-нибудь сквозь рѣшетку, но мы ничего за нею разсмотрѣть не могли.

Церковное пѣніе — ниже всякой критики. Пѣли древне-греческимъ обычаемъ, т.-е. однотонно, пронзительно и гнусаво.

По окончаніи богослуженія, митрополитъ просилъ Великаго Князя осчастливить его своимъ посѣщеніемъ. Начался торжественный выходъ изъ собора въ митрополичій домъ. Впереди шли пѣвчіе, священники и діаконы съ иконами, хоругвями, крестами и зажженными свѣчами. За ними слѣдовалъ митрополитъ со своею духовною свитою, затѣмъ Великій Князь и мы. Перешли черезъ улицу и вошли въ митрополичій домъ. Тамъ, въ огромной пріемной залѣ, вся процессія остановилась и построилась лицомъ къ Великому Князю, съ митрополитомъ впереди. Пѣвчіе спѣли что-то божественное по-гречески, а затѣмъ вмѣстѣ съ духовенствомъ троекратно крикнули оглушительное „зито!". Митрополитъ, здоровенный, коренастый брюнетъ, кричалъ громче всѣхъ. Между тѣмъ, по свѣдѣніямъ Скобелева, онъ только недѣли четыре тому назадъ получилъ отъ султана звѣзду ордена Османіэ съ бриллiантами, въ награду за усердіе, съ которымъ онъ угождалъ мусульманамъ, травилъ болгаръ и ругалъ русскихъ. Говорятъ, что онъ даже благословлялъ башибузуковъ. Лукавый и лживый народъ—греки: исподлились совсѣмъ еще въ византійскія времена.

По окончаніи церемоніальнаго пріема, митрополитъ пригласилъ Великаго Князя со свитою въ сосѣднюю большую и свѣтлую гостиную, устланную коврами, уставленную по стѣнамъ диванами и увѣшанную портретами разныхъ духовныхъ лицъ. Тамъ насъ прежде всего угостили папиросами, затѣмъ подали варенье нѣсколькихъ сортовъ и къ нему воду, а въ заключеніе обнесли чаемъ со сливками и бѣлымъ хлѣбомъ. Духовенство куритъ поголовно.

Послѣ чая мы вернулись домой, и я поспѣшилъ воспользоваться столь рѣдкимъ для меня свободнымъ временемъ, чтобы объѣхать верхомъ и осмотрѣть городъ. Внѣшній видъ—отвратителенъ: на улицахъ, хотя и мощеныхъ, грязь и вонь. Фасады

домовъ также мрачны и грязны; верхніе этажи (большая часть домовъ—въ три этажа) выступаютъ надъ нижними, и такимъ образомъ дома сближаются кверху. Въ каменныхъ нижнихъ этажахъ —конюшни, скотные дворы и амбары. Входныя ворота и калитки—толстаго дуба, окованнаго желѣзомъ. Верхніе этажи преимущественно деревянные. Оконъ на улицу очень немного, и всѣ съ частыми желѣзными или деревянными рѣшетками. Крыши почти всѣ черепичныя. Таковъ общій типъ домовъ христіанскихъ; мусульманскіе же дома преимущественно каменные въ полтора этажа и почти безъ оконъ на улицу, такъ что имѣютъ видъ глухихъ каменныхъ стѣнъ съ толстыми воротами и калитками. Внѣшній видъ всѣхъ домовъ угрюмъ и неприглядень. Но это только съ улицы. Стоитъ заглянуть во дворъ, и впечатлѣніе совершенно мѣняется. На чистый, обширный, красивый дворъ весело смотритъ большія окна и стеклянныя галереи, во дворахъ бассейны и фонтаны, а въ глубинѣ — прелестные, отлично содержимые сады. Иногда внутри двора стоятъ прелестныя виллы, утопающія въ зелени и окруженныя фонтанами.

Обиліе воды замѣчается, впрочемъ, и на улицахъ. Безпрестанно видишь краны съ чашками изъ грубаго мрамора, вдѣланные въ стѣны, и отводныя канавки, обдѣланныя камнемъ. Но улицы узкія, кривыя и перепутанныя,—оріентироваться въ городѣ нелегко. Христіанскихъ церквей совсѣмъ не видать, потому что всѣ онѣ запрятаны внутри дворовъ и невысоки, такъ что съ улицы не видно крестовъ, вѣнчающихъ куполы. Мечети высокія, величественныя, а минареты такъ высоки, что бросаются въ глаза издали прежде всего, когда подъѣзжаешь къ городу.

Объѣздивъ верхомъ городъ, я пообѣдалъ въ гостинницѣ и пошелъ пѣшкомъ на базаръ. По словамъ одного изъ чиновниковъ нашей дипломатической канцеляріи, Ульянова, который пробылъ здѣсь два года консуломъ,—зданіе базара сооружено еще при первыхъ византійскихъ императорахъ, а самый городъ построенъ еще римскимъ императоромъ Адріаномъ, со времени котораго уцѣлѣли остатокъ каменной стѣны и башня въ видѣ усѣченнаго конуса. Къ этой башнѣ и припертъ сбоку базаръ. Это—крытый сводчатый корридоръ между двумя древними каменными стѣнами. Освѣщеніе сверху, узкими окнами, пробитыми въ сводчатомъ потолкѣ. Длина корридора—около полуверсты; главные входы съ обоихъ концовъ и сверхъ того боковые входы съ разныхъ улицъ. Лавки всѣ открытыя, безъ дверей: продается въ нихъ втридорога преимущественно разная дрянь. Есть, впрочемъ, много ковровъ, шалей и шолковыхъ матерій, но по сумасшед-

шимъ цѣнамъ: въ восточныхъ магазинахъ на Невскомъ проспектѣ все это и лучше, и дешевле. Очень можетъ быть, конечно, что цѣны неестественно вздуты по случаю нашего прихода, и что если поторговаться, то сильно уступятъ, но такъ какъ я ни торговаться не умѣю, ни масштаба для безобидной цѣны не знаю, то ничего и не купилъ, кромѣ двухъ-трехъ бездѣлокъ.

Кромѣ внутренняго базара, есть еще и наружный: такія же открытыя лавки съ внѣшней стороны обѣихъ стѣнъ. Въ наружныхъ лавкахъ торгуютъ мясомъ, зеленью и прочими съѣстными припасами. Какъ внутреннія, такъ и наружныя лавки не отличаются чистотою, а нѣкоторыя возмутительно-грязны.

Извозчиковъ въ Адріанополѣ мало: это крытые парные шарабанчики.

Народу на улицахъ—масса: все это громко галдитъ на разныхъ языкахъ. Турки, бóльшею частью, въ чалмахъ; греки, болгары, армяне и проч. — въ красныхъ (краповыхъ) фескахъ съ черными кисточками. Женщины-мусульманки всѣ съ закрытыми лицами и бóльшею частью въ зеленыхъ накидкахъ. Женщины-христіанки лицъ не закрываютъ, но покрой одежды тотъ же, что у мусульманокъ. Носятъ не юбки, а шальвары. Лишь немногія одѣты по-европейски, и тѣхъ я видѣлъ лишь при выходѣ изъ собора, а странствуя по городу—встрѣтилъ только одну такую, переходившую черезъ улицу изъ одного дома въ другой. Шляпокъ ни на одной женщинѣ не видалъ. Не замѣтилъ также европейской обуви: всѣ женщины въ деревянныхъ сандаліяхъ или, точнѣе, на деревянныхъ подошвахъ, притянутыхъ къ ногѣ ремешкомъ; каждая подошва съ двумя каблуками, переднимъ и заднимъ. Обувь необыкновенно неудобная, однако ходятъ быстро и ловко.

По разспросамъ, теперешняя теплая дождливая погода и означаетъ здѣсь зиму.

Весь вечеръ провелъ у Великаго Князя, преимущественно за разговорами, такъ какъ дѣла было очень немного. Телеграммы приходятъ съ весьма большимъ запозданіемъ, потому что непрерывное сообщеніе все еще не устроено, а извѣстія изъ передовыхъ отрядовъ тоже не могутъ приходить скоро. Отъ Государя получена лишь слѣдующая телеграмма, поданная 13-го января: „Приказанія мои шифромъ отправилъ къ тебѣ вчера (т.-е. 12-го) утромъ. Съ большимъ любопытствомъ прочелъ я телеграммы твои съ подробностями о занятіи Адріанополя. Движеніе кавалеріи впередъ вполнѣ одобряю".

На основаніи полученныхъ сегодня свѣдѣній вновь послана Государю телеграмма:

„Въ ночь съ 12-го на 13-ое января, Струковъ взялъ Люле-Бургасъ. Станція желѣзной дороги взята съ бою двумя сотнями донского № 1 полка, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Кутейникова. Убитъ 1 и раненъ 1 казакъ. Взято много плѣнныхъ, задержано до 200 вагоновъ съ локомотивомъ. Струковъ, нагнавъ отъ 10 до 15 тысячъ повозокъ съ удаляющимся мусульманскимъ населеніемъ, числомъ около 50 тысячъ, которое все было вооружено, остановилъ его и приказалъ выдать оружіе, что̀ послѣ нѣкотораго сопротивленія и было исполнено. Всю эту массу Струковъ намѣренъ отправить подъ конвоемъ въ Родосто, откуда, по слухамъ, мусульманъ перевозятъ на азіатскій берегъ.

„Точныхъ свѣдѣній о непріятелѣ еще нѣтъ. По показаніямъ плѣнныхъ, войска отъ Сливны и Котла, около 25 тысячъ, подъ начальствомъ пашей Керима, Гассана и Хаджи-Гуссейна, шли къ Адріанополю. Но когда пришли, 6-го января, въ Хаинъ-Ениджe, то прибылъ Мехмедъ-Али-паша, который повернулъ ихъ на Киркилиссу и оттуда, 9-го января, на Царьградъ. Вчера, 14-го января, пѣхота генерала Шнитникова заняла безъ боя Демотику и Узунъ-Кепри. Жители, въ томъ числѣ и мусульмане, встрѣтили наши войска торжественно съ хлѣбомъ-солью, какъ избавителей отъ башибузуковъ и черкесовъ. Въ городѣ взятъ складъ сухарей и консервовъ.

„Сегодня подходитъ къ Адріанополю авангардъ колонны генерала Радецкаго.

„Сегодня слушалъ въ соборѣ торжественную обѣдню, отслуженную митрополитомъ соборне въ присутствіи многочисленнаго стеченія народа. Погода теплая, но безпрестанно льетъ сильный дождь и дуетъ сильный вѣтеръ. Адріанополь, 15-го января, 9 ч. вечера".

16 января.—Сегодня Великій Князь передалъ мнѣ нѣсколько телеграммъ, между ними и телеграмма Цесаревича изъ Брестовца отъ 10 ч. 40 м. утра 15-го января, адресованная въ Казанлыкъ.

„Очень удивленъ, что ждешь съ нетерпѣніемъ нашего движенія впередъ, когда самъ же приказалъ пріостановиться и никакого боя не предпринимать. Я получаю столько различныхъ и разнорѣчивыхъ приказаній, что не знаю, какъ ихъ исполнять".

Очевидно, это недовольный отвѣтъ на какую-то телеграмму Великаго Князя, мнѣ неизвѣстную. Я знаю только одно,—что еще изъ Казанлыка, но когда именно — не знаю, было послано приказаніе перейти въ общее наступленіе къ Рущуку, Разграду,

Эски-Джумѣ и Османъ-Базару, о чемъ, по личному указанію Великаго Князя, я и упомянулъ въ послѣднемъ его отчетѣ, отправленномъ 12-го января изъ Казанлыка передъ самымъ отъѣздомъ.

Какая и въ чемъ тутъ вышла путаница — не знаю, и отвѣтилъ ли Великій Князь на эту телеграмму — тоже не знаю. Жаль только, что отношенія Наслѣдника къ Великому Князю все болѣе и болѣе портятся, и что Великій Князь слишкомъ легко къ этому относится.

Пріѣхалъ графъ Шуваловъ; встрѣтилъ меня съ задушевною сердечностью. Очень постарѣлъ, обросъ клочковатою сѣдою бородою. Много и подробно разговаривалъ со мной и дѣлился своими впечатлѣніями. Чрезвычайно доволенъ своею 2-ю гвард. пѣх. дивизіей вообще, а отъ командра л.-гв. московскаго полка Гриппенберга (моего стараго товарища по полку) въ совершенномъ восторгѣ и полкъ превозноситъ до небесъ. Очень доволенъ своимъ дивизіоннымъ адъютантомъ Энгельгардтомъ, а начальника штаба полковника Бальца называетъ „докторомъ Бальцомъ". Далъ ему весьма мѣткое опредѣленіе: усерднѣйшая и добросовѣстнѣйшая бездарность, никакой иниціативы и самостоятельности, но незамѣнимый исполнитель приказаній.

Съ л.-гв. московскимъ полкомъ случилось ныньче ночью большое несчастіе: въ турецкой казармѣ вспыхнулъ пожаръ, отъ котораго сгорѣли знамя 4-го баталіона и 11 чел. нижнихъ чиновъ, и болѣе 100 чел. ушиблось или обгорѣло.

Полкъ только ныньче ночью пришелъ въ Адріанополь, сдѣлавъ тяжкій переходъ по невылазной грязи и переправившись вбродъ черезъ разливъ р. Марицы. Разумѣется, всѣ были страшно утомлены. Помѣщеніе было отведено во 2-мъ этажѣ деревянныхъ турецкихъ казармъ, ибо въ нижнемъ этажѣ уже были расположены лейбъ-гренадеры и гвардейскіе саперы. Вмѣстѣ съ л.-гв. московскимъ полкомъ пришли также квартирьеры л.-гв. финляндскаго полка, которымъ отвели какой-то нежилой уголокъ внизу на ночь. Говорятъ, будто эти квартирьеры, чтобы согрѣться, развели огонь на земляномъ полу и около костра заснули. Какъ бы то ни было, но казармы загорѣлись снизу и пламя распространилось съ ужасающею быстротой. Изъ нижняго этажа успѣли выскочить всѣ, а разоспавшіеся съ устали въ верхнемъ этажѣ московцы очнулись лишь тогда, когда все зданіе было объято пламенемъ. Съ просонья многіе сами себя перекалѣчили въ суетѣ. Въ переполохѣ, вмѣсто того, чтобы спустить знамя изъ окна, понесли его къ выходу на лѣстницу, уже горѣвшую. Что было дальше — неизвѣстно, но только знамя погибло въ огнѣ вмѣстѣ съ карау-

ломъ. У многихъ офицеровъ и солдатъ сгорѣло рѣшительно все: нѣкоторые спаслись, буквально, въ однѣхъ рубашкахъ.

Объ этомъ печальномъ происшествіи было немедленно донесено Великимъ Княземъ Государю въ слѣдующей телеграммѣ:

„Московскій полкъ, прибывшій въ 5 часовъ утра, помѣстился въ деревянныхъ казармахъ и только-что успѣлъ заснуть, какъ начался пожаръ, охватившій сразу все зданіе, такъ что люди, бывшіе во второмъ этажѣ, едва успѣли спастись, бросаясь изъ оконъ, причемъ до 100 человѣкъ сильно ушиблось, караулъ же изъ 11-ти человѣкъ при знамени 4-го баталіона, спасая свое знамя, сгорѣлъ вмѣстѣ съ нимъ. Полкъ въ отчаяніи. Все начальство и я свидѣтельствуемъ, что все было сдѣлано для спасенія знамени, и потому просимъ милости Вашего Величества къ этому полку, столь неоднократно блистательно отличавшемуся подъ предводительствомъ своего доблестнаго командира. 2-ая и 3-ья гвардейскія пѣхотныя дивизіи собрались сюда, промокнувъ до костей, вслѣдствіе проливныхъ дождей и глубокихъ бродовъ.—Адріанополь, 16-го января".

Вечеръ провелъ вмѣстѣ съ графомъ Шуваловымъ у Великаго Князя, въ оживленной бесѣдѣ.

17 января. — Сегодня утромъ Великій Князь произвелъ смотръ собравшимся въ Адріанополѣ частямъ гвардіи. Всѣхъ горячо благодарилъ, особенно л.-гв. московскій полкъ. По окончаніи смотра, я остался въ полку и бесѣдовалъ съ старыми товарищами. Около 2-хъ ч., вмѣстѣ съ Гриппенбергомъ (командиръ л.-гв. московскаго полка), отправился къ графу Шувалову, который пригласилъ насъ обоихъ остаться обѣдать. Къ обѣду пришли еще Любовицкій (командиръ л.-гв. гренадерскаго полка), Брокъ (командиръ 1-й бригады 2-й гв. пѣх. дивизіи), В. Д. Скалонъ (командиръ л.-гв. сапернаго баталіона) и весь штабъ дивизіи. Весело и оживленно, незамѣтно прошло время, такъ что я вернулся домой только въ 5 ч., и очень встревожился, узнавъ, что Великій Князь уже три раза присылалъ за мной. Сейчасъ же побѣжалъ къ нему, извинялся, но Великій Князь только забавлялся тѣмъ, что меня такъ долго не было на лицо, и цѣлый вечеръ поддразнивалъ меня тѣмъ, что я „загулялъ" по случаю пріѣзда графа Шувалова. Къ тому же и надобность во мнѣ миновала: онъ посылалъ за мной для дешифровки большой телеграммы, полученной отъ Государя. Когда я пришелъ, телеграмма уже была дешифрована, и онъ передалъ мнѣ ея текстъ en clair. Вотъ эта, чрезвычайной важности, телеграмма:

Подана въ Петербургѣ 12-го января, въ 10 ч. 40 м. утра.
Получена въ Адріанополѣ 17-го января, 2 ч. дня.

„Изложенныя въ трехъ твоихъ шифрованныхъ телеграммахъ 10-го января соображенія относительно дальнѣйшаго наступленія къ Константинополю я одобряю. Движенія войскъ отнюдь не должно быть останавливаемо до формальнаго соглашенія объ основаніяхъ мира и условіяхъ перемирія. При этомъ объяви турецкимъ уполномоченнымъ, что если, въ теченіе трехъ дней со времени отправленія ими запросной телеграммы въ Константинополь, не послѣдуетъ безусловнаго согласія Порты на заявленныя нами условія, то мы уже не признаемъ ихъ для себя обязательными. Въ случаѣ, если условія наши не приняты—вопросъ долженъ рѣшиться подъ стѣнами Константинополя. Въ разрѣшеніе поставленныхъ тобой на этотъ случай четыре вопросовъ предлагаю тебѣ руководствоваться слѣдующими указаніями:

„По 1-му. Въ случаѣ вступленія иностранныхъ флотовъ въ Босфоръ, войти въ дружественныя соглашенія съ начальниками эскадръ относительно водворенія, общими силами, порядка въ городѣ.

„По 2-му. Въ случаѣ иностраннаго дессанта въ Константинополѣ, избѣгать всякаго столкновенія съ нимъ, оставивъ войска наши подъ стѣнами города.

„По 3-му. Если сами жители Константинополя или представители другихъ державъ будутъ просить о водвореніи въ городѣ порядка и охраненія спокойствія, то констатировать этотъ фактъ особымъ актомъ и ввести наши войска.

„Наконецъ, по 4-му. Ни въ какомъ случаѣ не отступать отъ сдѣланнаго нами Англіи заявленія, что мы не намѣрены дѣйствовать на Галлиполи. Англія съ своей стороны обѣщала намъ ничего не предпринимать для занятія Галлипольскаго полуострова, а потому и мы не должны давать ей предлогъ къ вмѣшательству, даже если бы какой-нибудь турецкій отрядъ находился на полуостровѣ. Достаточно выдвинуть наблюдательный отрядъ на перешеекъ, отнюдь не подходя къ самому Галлиполи.

„Въ виду твоего приближенія къ Царьграду, я призналъ нужнымъ отмѣнить прежнее распоряженіе о съѣздѣ уполномоченныхъ въ Одессѣ, а вмѣсто того приказалъ генералъ-адъютанту графу Игнатьеву немедленно отправиться въ Адріанополь, для веденія, совмѣстно съ Нелидовымъ, предварительныхъ переговоровъ о мирѣ при главной квартирѣ“.

Изъ этой телеграммы ясно, что въ день ея отправленія, 12-го января, существовало полное и точное соглашеніе съ

Англіей и разрывъ съ нею предотвращенъ, но дорогою цѣною: обѣщаніемъ не занимать ни Константинополя, ни Галлиполи. По словамъ Великаго Князя, турецкіе уполномоченные тоже получили сегодня какую-то очень важную депешу изъ Константинополя и черезъ Нелидова просили Великаго Князя дать имъ завтра аудіенцію, такъ какъ они могутъ сдѣлать сообщеніе особой важности.

Какъ будто занимается заря близкаго мира. Дай Богъ! Достаточно ли надежно только соглашеніе съ Англіей: отъ нея всегда можно ожидать всякой подлости. По моему, лучше бы не входить съ ней ни въ какія соглашенія.

Вечеромъ, на основаніи полученныхъ сегодня свѣдѣній, была послана Великимъ Княземъ Государю слѣдующая телеграмма:

„Кавалерія нижне-дунайскаго отряда, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Манзея, наступая къ Хаджи-Оглу-Базарджику, встрѣтила 10-го января, утромъ, у Чаиръ-Ормана турецкій отрядъ изъ 3-хъ таборовъ низама, 6 орудій, 1,000 чел. египетской конницы и черкесовъ, аттаковала пѣхоту, опрокинула и преслѣдовала ее вплоть до Базарджика. При этомъ взводъ бѣлорусскихъ гусаръ, подъ командою ротмистра Гернгроса, несмотря на сильный ружейный огонь, врубился въ роту низама, положилъ на мѣстѣ 25 чел., въ томъ числѣ баталіоннаго командира и адъютанта, и взялъ 18 чел. въ плѣнъ. Подъ вечеръ турецкая пѣхота съ 20-ю орудіями сдѣлала вылазку изъ Базарджика, но казаки генералъ-адъютанта Шамшева, поддержанные лейбъ-бородинскимъ полкомъ съ баттареею, подъ начальствомъ генерала Жукова, принудили непріятеля отступить. При этомъ 2 казачьихъ офицера ранены, а нижнихъ чиновъ убито 3 казака и ранено 17, въ томъ числѣ 14 казаковъ.

„Отрядъ Цесаревича занялъ 12-го января Садину безъ боя.

„Передовой отрядъ Струкова сего 17-го января двинулся изъ Люле-Бургаса къ Чорлу. Струковъ доноситъ, что масса бѣгущихъ мусульманъ производитъ на всемъ пути пожары, грабежи, насилія и убійства. Близъ Люле-Бургаса онъ настигъ отъ 180 до 200 тысячъ турокъ, черкесовъ и цыганъ при 20.000 повозокъ, обезоружилъ ихъ насколько было возможно, и предложилъ имъ самимъ рѣшить: идти ли дальше, или вернуться домой? Бѣглецы были крайне удивлены: турецкія власти понуждали ихъ выселяться, увѣряя, что русскія войска ихъ разорятъ и перебьютъ. Если бы, говорили старшины, мы знали, что вы намъ не сдѣлаете зла, то всѣ остались бы спокойно дома. Затѣмъ часть бѣглецовъ вернулась обратно, а часть пошла далѣе на

Родосто. Кромѣ бѣглецовъ-жителей, Струковъ перехваталъ нѣсколько партій башибузуковъ, черкесовъ и регулярныхъ солдатъ при офицерахъ, съ обозомъ, въ которомъ нашелъ и забралъ 2 знамени. Сегодня смотрѣлъ гвардію, которой передалъ твое спасибо.—Адріанополь, 17-го января, 9 ч. вечера".

18 января. — Сегодня въ 12 часовъ къ Великому Князю явились турецкіе уполномоченные и безпрекословно приняли какъ предварительныя условія мира, такъ и условія перемирія. Намыкъ-паша сказалъ Великому Князю: „Vos armes sont victorieuses, votre ambition est satisfaite, mais la Turquie est perdue. Nous acceptons tout ce que vous voulez".

Завтра все будетъ окончательно оформлено и подписано.

Всѣ радуются близкому окончанію войны: на этоть счетъ нѣтъ двухъ мнѣній. Съ помощью Божіей и заступничествомъ Николая Чудотворца, одолѣли Турцію, закончили кампанію съ трескомъ и блескомъ и можемъ вполнѣ удовлетвориться этимъ. Даже Скобелевъ 2-й сознаетъ и признаетъ, что намъ еще не подъ силу рѣшать восточный вопросъ окончательно. Наше побѣдное шествіе совершается теперь войсками въ рубищахъ, безъ сапогъ, почти безъ патроновъ, зарядовъ и артиллеріи, безъ обозовъ, безъ обезпеченнаго продовольствія, безъ всякаго сообщенія не только съ Россіей, но даже съ Румыніей и придунайской Болгаріей. Миръ необходимъ, пока еще наши европейскіе недруги не уяснили себѣ нашего положенія. Турція повержена въ прахъ, но англичане не дремлютъ.

Нелидовъ надѣется, что черезъ мѣсяцъ можетъ быть уже подписанъ окончательный миръ. Дай Богъ! Пора домой: это желаніе общее.

Подъ впечатлѣніемъ согласія туровъ на всѣ поставленныя имъ условія, Великимъ Княземъ уже овладѣлъ духъ непосѣдства. Вчера только начала собираться въ Адріанополь главная квартира, не раньше, какъ черезъ недѣлю, соберется вся, а уже Великій Князь заговорилъ о переѣздѣ въ Родосто, Эрекли или другой пунктъ на Мраморномъ морѣ. А между тѣмъ, всѣ дѣла по управленію арміей совершенно заброшены со дня выѣзда изъ Богота, никакихъ общихъ распоряженій нѣтъ, одно стихійное стремленіе впередъ, а въ тылу — невѣроятный хаосъ. Теперь слѣдовало бы, оставаясь въ Адріанополѣ, наверстать все упущенное, собрать и наладить сложную машину управленія арміей, упорядочить сообщенія, организовать тыловое управленіе въ придунайской и въ забалканской Болгаріи, устроить подвозъ бое-

выхъ запасовъ и продовольствіе мѣстными средствами, вывозъ больныхъ и раненыхъ, и т. д., и т. д. Работы пропасть и притомъ настоятельно-неотложной. Ничего этого Великій Князь не признаетъ, и только неудержимо стремится впередъ. Его ничѣмъ нельзя убѣдить, что главнокомандующему нельзя постоянно быть впереди. Какъ я ни люблю его, но долженъ сказать, что это не главнокомандующій, а только лихой начальникъ авангарда.

Сегодня онъ съ утра уже телеграфировалъ Государю:

„Депешу твою шифрованную получилъ вчера вечеромъ. Сегодня буду вести переговоры".

Только сегодня получена шифрованная депеша князя Горчакова, отъ 14-го января, слѣдующаго содержанія:

„Намъ сообщаютъ изъ Берлина [1]): Рейссъ [2]) телеграфируетъ отъ 12-го января, что Турція рѣшила принять наши условія и подписать перемиріе. Шуваловъ [3]) телеграфируетъ отъ 12-го: положеніе очень ухудшилось. Рѣчь идетъ уже не о вступленіи флота и не о Галлиполи, а о немедленномъ разрывѣ съ нами; отъ 13-го января: Дерби и Карнарвонъ подали въ отставку, вслѣдствіе требованія кредитовъ. Я исправилъ текстъ нашихъ условій, искаженный Лейярдомъ, въ особенности по вопросу о Дарданеллахъ, и возобновилъ увѣреніе, что мы не будемъ поднимать европейскіе вопросы изолированно. Отданный вчера вечеромъ приказъ флоту: вступить въ Дарданеллы, хотя бы даже вооруженною силою — отмѣненъ сегодня утромъ, но опасаются, что отмѣна уже запоздаетъ.

„Орловъ отъ 13-го: султанъ убѣдительно проситъ остановить флотъ. Онъ высказываетъ опасеніе, чтобы Россія не взглянула на это, какъ на угрозу, и не прервала переговоры. Если же Англія настоитъ на своемъ, султанъ проситъ заявить намъ, что это дѣлается противъ его воли.

„Отмѣна приказа флоту пришла своевременно. Дерби больше не появляется въ парламентѣ. Я сообщилъ ему наши условія, произведшія на него успокоительное впечатлѣніе.—Горчаковъ".

Эта чрезвычайно важная телеграмма составлена по свѣдѣніямъ, полученнымъ въ Петербургѣ послѣ отправки Государевой депеши отъ 12-го января 10 ч. 40 м. утра, полученной здѣсь вчера. Свѣдѣнія, сообщаемыя княземъ Горчаковымъ, на основаніи депешъ принца Рейсса и графа Шувалова, отъ 12-го,—

---

[1]) Очевидно, Бисмаркъ.

[2]) Германскій посолъ въ Константинополѣ.

[3]) Нашъ посолъ въ Лондонѣ, графъ Петръ Андреевичъ.

не могли быть въ виду Государя *до* отправки вышеупомянутой его телеграммы.

Сопоставляя всѣ свѣдѣнія отъ 12-го и 13-го января, сообщаемыя княземъ Горчаковымъ, можно сдѣлать слѣдующія заключенія:

1) Султанъ въ смертномъ страхѣ и боится англійскаго вмѣшательства больше, чѣмъ нашего наступленія.

2) Германія вполнѣ на нашей сторонѣ.

3) Австро-Венгрія ничѣмъ себя не заявляетъ.

4) Англія настроена непримиримо и не въ состояніи переварить нашихъ успѣховъ. Занятіе нами Константинополя и Галлиполи повлечетъ за собою неминуемый разрывъ и англійское вмѣшательство, а что изъ этого усложненія выйдетъ — это предвидѣть невозможно.

Но, съ другой стороны, англичанъ все равно никакими уступками не проймешь, напротивъ,—всякая уступка только усилитъ ихъ нахальную назойливость. Тѣмъ болѣе, что Лейярдъ—нашъ личный заклятый врагъ—неустанно будетъ подливать масла въ огонь и со свойственною ему настойчивостью добьется открыто-враждебныхъ дѣйствій своего правительства.

Хотя и мудрено судить о томъ, какъ поступить, ничего не зная, но, все-таки, кажется, что лучше не давать англичанамъ никакихъ обязательствъ, даже не стѣсняться и тѣми, которыя уже даны, а дѣйствовать такъ, какъ намъ самимъ выгоднѣе. Англичане сами всегда такъ дѣлаютъ, и намъ надо дѣлать то же самое.

Трудно только ожидать отъ нашей дипломатіи рѣшительныхъ разговоровъ съ Англіей. Да и самъ Государь уже старъ, нервенъ, впечатлителенъ и измученъ войной: у него слишкомъ изболѣлась душа, чтобы рисковать разрывомъ съ Англіей. Онъ самъ жаждетъ мира и пойдетъ на большія уступки, чтобы избѣжать новой войны. Миролюбивое настроеніе Государя ясно и изъ вчера полученной телеграммы: Великій Князь, однако, справедливо недоумѣваетъ, какъ исполнить данныя въ этой телеграммѣ указанія. Мудрено входить въ „дружескія" соглашенія съ иностранными флотами и дессантами, которыя, если явятся въ Константинополь, то ужъ, конечно, не съ дружескими намѣреніями. Безусловное запрещеніе занимать Константинополь и Галлиполи тоже не обезпечитъ намъ „дружеское соглашеніе". Наконецъ, запрещеніе вступать въ Константинополь даже въ случаѣ занятія его иностраннымъ (т.-е. англійскимъ) дессантомъ, поставитъ насъ самихъ въ положеніе до-нельзя обидное. Мы побѣдо-

носно прошли всю Турцію изъ края въ край, а столицу ея будутъ занимать англичане? Если ужъ намъ нельзя вступать въ Константинополь и Галлиполи, то пускать туда англичанъ и подавно нельзя.

Высочайшія повелѣнія даны въ такой категорической формѣ, что уклониться отъ ихъ исполненія нельзя, а исполнить ихъ, подойдя къ Константинополю вплотную—будетъ невозможно. По моему мнѣнію, выходъ изъ этого труднаго положенія одинъ: остановить передовыя войска, какъ приказано, т.-е. подъ стѣнами Константинополя и на Мраморномъ морѣ, не доходя Галлиполи, а самому Великому Князю оставаться въ Адріанополѣ. Но онъ на это ни за что не согласится: его неудержимо тянетъ впередъ, и онъ долго здѣсь не вытерпитъ.

Какъ жаль, что сохранилось телеграфное сообщеніе съ Петербургомъ! Не будь телеграммы Государя отъ 12-го января, мы заняли бы Константинополь и Галлиполи такъ же шутя, какъ Адріанополь. Тогда и съ Англіей былъ бы совсѣмъ другой разговоръ.

Это послѣднее мнѣніе Великій Князь вполнѣ раздѣляетъ. Пока не была получена сегодня телеграмма князя Горчакова, въ телеграмму Государя, вчера полученную, какъ-то не вдумались. Только сегодня, внимательно сопоставивъ содержаніе обѣихъ телеграммъ, мы вполнѣ поняли всю трудность настоящаго положенія. На самомъ интересномъ мѣстѣ намъ поставлена точка.

Безъ сомнѣнія, Государь, запрещая вступленіе наше въ Царьградъ, вполнѣ сознаетъ громадность этой жертвы, приносимой имъ ради сохраненія мира съ Англіей. Дай Богъ, чтобы жертва эта достигла своей цѣли и не помрачила обаяніе успѣховъ нашего оружія.

Получена отвѣтная телеграмма отъ главнаго командира черноморскаго флота (подана въ Николаевѣ въ 6 ч. 10 м. вечера, 16-го января):

„Телеграмму Вашего Высочества [1]) получилъ только 15-го вечеромъ. Спѣшу донести, что въ настоящее время въ Одессѣ и Севастополѣ могутъ быть приготовлены для указанной цѣли 11 большихъ пароходовъ и 14 малыхъ. Для собранія командъ и изготовленія потребуется 10 дней. Пять большихъ активныхъ пароходовъ, одинъ взятый и одинъ малый пароходъ могутъ слѣдовать немедленно по назначенію. 4 самыхъ большихъ парохода „Общества“ находятся въ Англіи и могутъ прибыть въ Черное

---

[1]) Была послана 12-го января.

море черезъ 22 дня по полученіи приказанія. Въ одинъ разъ, всѣ вмѣстѣ, могутъ поднять около двухъ милліоновъ пудовъ или до 25.000 дессанта. Съ открытіемъ навигаціи, въ портахъ, весною, число указанныхъ пароходовъ можетъ быть увеличено еще 10-ю большими и 5-ю малыми пароходами, имѣющими возможность поднять 600.000 пудовъ или до 10.000 дессанта. Ожидаю дальнѣйшихъ приказаній Вашего Высочества.—Генералъ-адъютантъ Аркасъ".

Вечеромъ Великій Князь послалъ Государю слѣдующую телеграмму:

„Вслѣдствіе занятія войсками Цесаревича Садины, турки очистили Соленикъ, Констанцу, Гагово, Хайдаркіой и Карахасанкіой, предавъ пламени всѣ попутныя деревни. Карахасанкіой занятъ нами 13-го, Соленикъ и Констанца—14 января. Въ небольшой стычкѣ ранено у насъ три человѣка. 14-го января турки окончательно очистили всю линію Чернаго и Бѣлаго Лома и стянули все къ Рущуку и Разграду.

„16-го января Струковъ получилъ отъ одного изъ вице-консуловъ Родосто письменную просьбу поспѣшить туда для огражденія города отъ насилій и разбоя черкесовъ. Посему приказано поспѣшить отъ Айроболя къ Родосто.

„Московцамъ удалось, къ величайшей ихъ радости, найти въ развалинахъ казармы орла отъ сгорѣвшаго знамени, хотя и сильно поврежденнаго.—18-го января, 8 ч. веч.".

19 января, четвергъ. — Всеобщая радость и ликованіе! Въ 6 часовъ вечера Великій Князь и паши Намыкъ и Серверъ, подписали главныя основанія мира, а около 7 ч.—Непокойчицкій, Левицкій, Неджидъ-паша и Османъ-паша—условія перемирія.

Къ 6 ч. вечера масса генераловъ и офицеровъ, какъ главной квартиры, такъ и войскъ, находящихся въ Адріанополѣ, уже толпилась въ большой пріемной залѣ, въ ожиданіи оффиціальнаго объявленія о перемиріи. Тутъ же были корреспонденты: „Новаго Времени"—Немировичъ-Данченко и Ивановъ, „Московскихъ Вѣдомостей"— князь Шаховской, и одесской газеты „Правда"—Гроссулъ-Толстой.

Я пошелъ къ Великому Князю около 6½ часовъ вечера и засталъ уже у него: великаго князя Николая Николаевича Младшаго, принца А. П. Ольденбургскаго и Д. А. Скалона. Вмѣстѣ со мною вошли командиръ баталіона императорской фамиліи графъ Клейнмихель (бывшій адъютантъ Великаго Князя) и адъютанты Поповъ и Мухановъ, а немного погодя — графъ П. А.

Шуваловъ и Скобелевъ-отецъ. Всѣ мы поздравили Великаго Князя, который сіялъ радостью. Ровно въ 7 ч. пришелъ Непокойчицкій и доложилъ о подписаніи условій перемирія. Великій Князь крѣпко обнялъ и долго цѣловалъ его. Затѣмъ Великій Князь (а за нимъ и мы всѣ) вышелъ въ пріемную залу и громогласно объявилъ всѣмъ собравшимся о радостномъ событіи. Восторгъ былъ всеобщій и неописанный. Всѣ набросились на Великаго Князя и цѣловали его—кто куда могъ. Едва пробившись черезъ восторженную толпу, Великій Князь перешелъ въ сосѣднюю комнату, открылъ окно и объявилъ ту же радостную вѣсть стоявшимъ во дворѣ караулу, сводной гвардейской конвойной ротѣ и сводному конвойному баталіону. Началось совершенно оглушительное „ура", которое тотчасъ было подхвачено на улицахъ и пошло перекатываться по всему городу. А на дворѣ музыка конвойнаго баталіона заиграла „Боже Царя храни", которое затѣмъ повторялось, съ малыми перерывами, весь вечеръ.

Въ то же время, въ комнату, куда перешелъ Великій Князь, внесли аналой, пришли священникъ и діаконъ въ золотыхъ ризахъ, и начался благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Передъ началомъ молебна, Великій Князь приказалъ привести со двора наверхъ и построить въ большой пріемной залѣ хоръ музыки и конвойныя части войскъ.

Горячо и съ глубокимъ благоговѣніемъ помолились мы всѣ. По окончаніи молебна, Великій Князь перешелъ въ большую залу и провозгласилъ „ура" Государю Императору. Это „ура" продолжалось бы безъ конца, еслибъ Великій Князь не возстановилъ (съ трудомъ) тишину. Звонко, задушевно провозгласилъ онъ „ура" нашей доблестной, несравненной арміи. Новые восторженные крики, возобновившіеся съ еще бóльшею силою, когда великій князь Николай Николаевичъ Младшій крикнулъ: „Ура нашему главнокомандующему!" Въ заключеніе Великій Князь провозгласилъ „ура" доблестному вождю, генералъ-адъютанту Гурко, котораго и не было въ числѣ присутствовавшихъ.

Всѣ эти восторги были, однако, довольно опасны. Тысячная толпа не только кричала, но и топала ногами по жидкому деревянному полу, который легко могъ и обрушиться, ибо покоился на деревянныхъ же столбахъ довольно сомнительной прочности. Всеобщее ликованіе могло бы завершиться страшнымъ несчастіемъ. Поэтому я да и многіе другіе вздохнули свободно, когда Великій Князь, наконецъ, ушелъ изъ залы въ свой кабинетъ. Непокойчицкій, графъ Шуваловъ, Нелидовъ, Левицкій, Скалонъ, Чингисханъ и я пошли вмѣстѣ съ нимъ. Остальные стали ма-

по-малу расходиться. Музыка продолжала играть сперва въ залѣ, потомъ на дворѣ.

Мы остались у Великаго Князя пить чай и сидѣли довольно долго, бесѣдуя по поводу совершившагося событія. Подъ конецъ остались только графъ Шуваловъ, Скалонъ и я: Великій Князь самъ удержалъ насъ, когда мы тоже хотѣли уйти по примѣру прочихъ. Затѣмъ пришелъ еще полковникъ Гальяръ, который обѣдалъ у французскаго консула и разсказалъ, что всѣ иностранные консулы поражены нашими подвигами и достигнутыми войною результатами.

Въ сегодняшнемъ разговорѣ Великій Князь упомянулъ, что окончательно рѣшилъ переѣхать отсюда на берегъ Мраморнаго моря въ Селиврію, ибо турецкіе уполномоченные указали на это мѣсто, какъ на наиболѣе подходящее. Изъ Одессы ему пришлютъ туда императорскую яхту „Ливадія“, и на ней онъ собирается съѣздить не только въ Константинополь, но даже на Аѳонъ, гдѣ онъ уже былъ въ 1875 году. Сказалъ, что возьметъ туда съ собою и меня. Графа Игнатьева ожидаетъ не ранѣе 23-го января и не позже, какъ къ 1-му февраля. Мечтаетъ пригнать заключеніе окончательнаго мира къ 19-му февраля: Государь очень любитъ сближеніе достопамятныхъ чиселъ, а тутъ вышло бы очень кстати освободить христіанъ отъ ига мусульманскаго въ день освобожденія крестьянъ отъ рабства. Къ 25-му марта надѣется возвратиться въ Россію.

Все это, конечно, гаданія. Дай Богъ, чтобъ сбылось.

Около 10-ти часовъ вечера мы ушли отъ Великаго Князя.

О заключеніи перемирія отправлены были сегодня вечеромъ Великимъ Княземъ слѣдующія телеграммы:

1) Государю:

„Имѣю счастіе поздравить Ваше Величество. Предпринятое вами святое дѣло благополучно приведено къ концу. Основанія мира, предложенныя Вашимъ Величествомъ, приняты Портою, и протоколъ сію минуту подписанъ мною и уполномоченными султана. Перемиріе заключено и подписано, и приказанія о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій немедленно отправляются во всѣ отряды и на Кавказъ. Всѣ дунайскія крѣпости, Разградъ и Эрзерумъ очищаются турецкими войсками. Подробности — съ курьеромъ, котораго отправляю на дняхъ.—Адріанополь, 19 января, 6 час. вечера“.

2) Циркулярная:

„Сегодня, 19-го января, въ 6 часовъ вечера, я и турецкіе уполномоченные подписали предварительныя условія мира. Часъ спустя, подписаны условія перемирія.

„Вмѣстѣ съ симъ посылаю приказаніе нашимъ и всѣмъ союзнымъ войскамъ—немедленно прекратить военныя дѣйствія.— Адріанополь, 19 января, 8 час. вечера".

3) Тифлисъ. Великому Князю Михаилу Николаевичу:

„Основанія мира сію минуту подписаны мною и турецкими уполномоченными, также подписаны условія перемирія. Эрзерумъ, Виддинъ, Рущукъ, Силистрія и Разградъ очищаются турецкими войсками и занимаются нашими. О чемъ тебя увѣдомляю по приказанію Государя съ тѣмъ, чтобы ты, по соглашенію съ турецкимъ главнокомандующимъ, опредѣлилъ демаркаціонную линію".

20 января.—Телеграммы стали опять жестоко запаздывать. Сегодня только получена телеграмма Государя, поданная въ Петербургѣ 16-го января въ 12 ч. 40 м. ночи:

„Телеграммы твои отъ 12-го и 13-го января получилъ вчера. Жду съ нетерпѣніемъ извѣстія о прибытіи твоемъ въ Адріанополь. Правда ли, что турки приняли наши условія для перемирія, какъ заграничныя телеграммы увѣряютъ? Получилъ ли ты шифрованную телеграмму мою отъ 12-го января?"

Такимъ образомъ, до Государя гораздо быстрѣе доходятъ свѣдѣнія о насъ изъ-за-границы, чѣмъ отъ насъ самихъ. Изъ этой же телеграммы видно, какое значеніе придаетъ Государь своимъ повелѣніямъ, даннымъ въ телеграммѣ отъ 12-го января, полученной здѣсь только 17-го.

Не знаю, что̀ отвѣчалъ Великій Князь на эту телеграмму: со мной по этому поводу ничего не говорилъ. Когда я, вечеромъ, по обыкновенію, былъ у него, онъ только подписалъ нижеприводимую телеграмму Государю, составленную мною заранѣе по свѣдѣніямъ, полученнымъ сегодня:

„17-го января кавалерійскій авангардъ Струкова взялъ съ боя Чорлу. Въ бою участвовали эскадронъ лейбъ-драгунскаго московскаго полка, эскадронъ петербургскаго уланскаго полка и двѣ сотни перваго донского полка. Турокъ было до 1.000 чел. регулярной конницы и черкесовъ. Послѣ рукопашной схватки турки стали отступать: сперва стройно, потомъ въ безпорядкѣ. Особенно отличились штабсъ-ротмистръ князь Дондуковъ-Корсаковъ, сотникъ Кареловъ и извѣстный художникъ Верещагинъ, который все время участвуетъ во всѣхъ авангардныхъ дѣлахъ охотникомъ. У насъ убито 4, ранено 9 нижнихъ чиновъ. Занятый городъ Чорлу оказался совершенно нетронутымъ. Командовавшій тамъ паша бѣжалъ, оставивъ въ конакѣ всѣ бумаги. Телеграфный аппаратъ захваченъ въ цѣлости.

„15-го января генералъ Эрнротъ занялъ Османъ-Базаръ, совершенно разоренный и разграбленный турками передъ уходомъ.

„Я вступилъ въ соглашеніе съ турецкими уполномоченными о немедленномъ открытіи международнаго телеграфнаго сообщенія между Адріанополемъ и Константинополемъ и по кабелю съ Одессой. Надѣюсь, что дня черезъ три сообщеніе установится. Точно также будетъ установлено желѣзнодорожное сообщеніе съ Константинополемъ.

„Въ ночь съ 15-го на 16-е скоропостижно скончался начальникъ 13-й кавалерійской дивизіи генералъ баронъ Раденъ.

„Сейчасъ получилъ донесеніе Циммермана о бывшемъ 14-го января жаркомъ дѣлѣ близъ Базарджика. Непріятель, выступивъ оттуда въ значительныхъ силахъ, аттаковалъ нашъ правый флангъ, бригаду Нильсона и казаковъ Шамшева. Генералъ Циммерманъ тотчасъ двинулся на поддержку съ бригадою Данаурова отъ Чаиръ-Ормана, а генералы Манзай и Жуковъ подошли слѣва отъ бальчикской дороги. Такимъ образомъ, въ дѣлѣ участвовалъ весь 14-й корпусъ. Послѣ четырехъ часовъ жаркаго боя непріятель былъ отброшенъ въ Базарджикъ, оставивъ на мѣстѣ болѣе 150 тѣлъ, въ числѣ которыхъ найденъ и трупъ египетскаго генерала Захаріи-паши. Наши преслѣдовали непріятеля до самыхъ укрѣпленій. Наиболѣе отличились генералъ Нильсонъ и полковникъ Еленцъ съ тарутинскимъ полкомъ, который и пострадалъ больше другихъ. Нижнихъ чиновъ убито 30, ранено 166, контужено 20. Подъ генераломъ Нильсономъ убита лошадь.

„По соглашенію съ турецкимъ правительствомъ, приняты мѣры для немедленнаго возстановленія полной свободы торговли какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. — Адріанополь, 20-го января, 9 ч. вечера".

Сегодня ночью ожидается пріѣздъ принца Александра Баттенбергскаго изъ Петербурга. Такъ какъ это любимый племянникъ императрицы, то Великій Князь объ этомъ телеграфировалъ собственноручно. Кромѣ того, продиктовалъ мнѣ слѣдующую телеграмму генералъ-адъютанту Аркасу въ Николаевъ:

„Депешу твою отъ 16-го получилъ. Такъ какъ перемиріе заключено, и свобода торговли выговорена на сушѣ и на морѣ, то снесись съ морскимъ министерствомъ, дабы распорядилось немедленнымъ возвращеніемъ нашихъ четырехъ пароходовъ изъ Англіи, съ тѣмъ, чтобы, по заключеніи мира, они могли вмѣстѣ съ прочими судами служить для обратной перевозки войскъ".

М. А. Газенкампфъ.

ПЕТРЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ
ЧААДАЕВЪ
ТРИДЦАТЫХЪ И СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

I.

П. Я. Чаадаевъ 30-хъ и 40-хъ годовъ (род. 1796 г.—ум. 1856 г.) во многомъ непохожъ на автора „Философическихъ писемъ", но такое несходство, прежде всего, внѣшнее. По словамъ его племянника, Жихарева [1]), Чаадаевъ до-нѣльзя надоѣлъ лечившему его проф. Альфонскому своей мнительностью и капризами, и такъ какъ онъ въ сущности былъ совершенно здоровъ, то Альфонскій кончилъ тѣмъ, что однажды чуть не насильно свезъ его въ Англійскій клубъ; здѣсь Чаадаевъ встрѣтилъ множество старыхъ знакомыхъ и былъ радушно принятъ ими. Это случилось въ маѣ или іюнѣ 1831 года; съ этого дня Чаадаевъ сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ клуба, сталъ бывать въ знакомыхъ домахъ, началъ и у себя принимать, словомъ—былъ возвращенъ обществу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и здоровье его замѣтно поправилось, хотя мнительность и нервозность, повидимому, никогда не оставляли его.

Въ эти годы жилъ въ Москвѣ и единственный его братъ Михаилъ, тоже рано потерпѣвшій крушеніе, ожесточенный и за-

---

[1]) Въ 1871—74 гг. у насъ были помѣщены „Воспоминанія" М. Жихарева о его дядѣ и неизданныя рукописи Чаадаева, доставленныя имъ же.—*Ред.*

мкнувшійся въ себѣ. А въ глухой усадьбѣ дмитровскаго уѣзда непрестанно томилась тревогою за нихъ старая воспитательница-тетка, княжна Щербатова, и усердно приходили въ Москву ея чудовищно-безграмотныя письма, въ которыхъ трогательно слиты наивность понятій, нѣжная заботливость и старомодная учтивость манеръ. Она материнсви любитъ обоихъ, но Михаилъ ей ближе, съ нимъ она можетъ просто говорить, а Петръ внушаетъ ей какое-то суевѣрное почтеніе. Да онъ почти и не пишетъ; зато Михаилъ Яковлевичъ съ педантической аккуратностью отвѣчаетъ на каждое ея письмо: „Любезный мой другъ, Михайла Яковлевичъ!—обыкновенно пишетъ она [1]).—Давно не имѣю никакого свѣдѣнія о васъ, заключаю, что ты не имѣешь ничего сказать пріятнаго, потому и не пишешь“ и т. д.; „остаюсь съ искренней моей преданностью любящая тебя покорная услужница и тетка кн. А. Щербатова“. И онъ отвѣчаетъ примѣрно въ такомъ родѣ: „Милостивая Государыня, любезная тетушка. Письмо ваше отъ 22 ноября честь имѣлъ получить. Имѣю удовольствіе васъ увѣдомить, что здоровье брата Петра Яковлевича примѣтно поправляется, и кажется, можно надѣяться“, и т. д., а въ заключеніе неизмѣнно: „Впрочемъ, честь имѣю быть съ чувствами истиннагѳ почтенія и преданности, милостивая государыня любезная тетушка, вашъ покорнѣйшій слуга и племянникъ Михайло Чаадаевъ“. Цѣлые дни сидитъ старушка за пяльцами у окна, вышивая то „мамелюка“ для Михаила Яковлевича, то коверъ къ именинамъ для Петра,—„но немного не достало шерсти, всего 6 золотниковъ, но ни въ одной лавкѣ нѣту; къ 29-му ежели добуду, то будетъ кончено“; „а вечеромъ,—пишетъ она,—моя Анетка мнѣ читаетъ и потомъ мы играемъ въ шахъ и матъ, и она играетъ лучше меня“... „И теперь взяла я книгу у Норовыхъ, *Семейство Холмскихъ*, которую тебѣ рекомендую. Не можешь себѣ представить, какъ интересно, а кто авторъ, неизвѣстно“. Книги доставляетъ ей обыкновенно Михаилъ Яковлевичъ—французскіе романы изъ библіотеки Семена, гдѣ онъ держитъ для этого полугодовой абонементъ, и каждый разъ, когда кончается срокъ абонемента, она проситъ больше не присылать ей книгъ: „и такъ ужъ ты меня одолжилъ, что не знаю, какъ тебя и благодарить; въ скукѣ моей, конечно, великая отрада, но надо и совѣсть имѣть: въ годъ это дѣлаетъ сумму, а я знаю, что ты и самъ нуждаешься“. Она живетъ однообразно; изрѣдка

---

[1]) Всѣ письма, цитируемыя въ этой главѣ, воспроизводятся съ рукописныхъ подлинниковъ.

навѣщаютъ ее сосѣди, чаще другихъ (но больше для того, чтобы поѣсть)—Бахметевы, и сама она изрѣдка ѣздитъ къ Норовымъ, къ тѣмъ же Бахметевымъ, а весною и осенью распутица, зимою стужа и мятели надолго отрѣзываютъ ее отъ міра. Зато бываютъ у нея и банкеты. „Завтра у меня grand diner на случай дорогого моего имянинника, съ чѣмъ и тебя поздравляю и увѣрена, что сей день проведешь съ любезнымъ твоимъ братомъ, а я со своими сосѣдями, а именно Малиновскимъ, Норовыми и Бахметевыми, и твоимъ шампанскимъ будемъ пить за здравіе любезнаго моего племянника". Переписка съ Михаиломъ Яковлевичемъ, да рѣдкія свиданія съ нимъ и съ Петромъ Яковлевичемъ—ея единственная отрада, ихъ здоровье и дѣла—ея главная забота. Ее томятъ предчувствія, мучитъ неизвѣстность о нихъ: „Стараюсь какъ можно болѣе заняться. Нѣтъ минуты, чтобы я была не въ дѣйствіи, развлечь себя отъ мыслей, которыя во мнѣ производятъ такое біеніе въ сердцѣ. Только и въ головѣ, что вы". У нея, разумѣется, есть безконечная тяжба съ какою-то помѣщицей, и это дѣло часто фигурируетъ въ ея письмахъ; разъ тоже поинтересовалась она спросить о московскихъ балахъ, на что угрюмый Михаилъ Яковлевичъ отвѣчаетъ ей коротко: „Насчетъ здѣшнихъ увеселеній по случаю пребыванія здѣсь императорской фамиліи могу вамъ сказать только то, что нѣсколько дней тому назадъ, ѣхавъ отъ брата, видѣлъ, что по Петровкѣ горятъ плошки, а по какому случаю, мнѣ неизвѣстно". Обычно же ея письма исчерпываются вопросами о здоровьи Петра Яковлевича, выраженіями сочувствія, совѣтами и пр. Очень тревожатъ ее денежныя дѣла братьевъ, впрочемъ лишь смутно извѣстныя ей. „Дѣла его,—пишетъ она о Петрѣ Яковлевичѣ,—кажется, не такъ исправны, все нуждается въ деньгахъ, а куда проживаетъ, не вѣдаю, но, кажется, онъ очень разстроенъ въ своихъ финансахъ". Она узнала, что всѣ имѣнія Панова, которому Петръ Яковлевичъ ссудилъ изрядную сумму, давно заложены; „напрасно онъ вѣрилъ такому вертопраху; онъ судитъ по своей душѣ и всякому вѣритъ". Михаилъ Яковлевичъ пишетъ ей: „Изъ деревни меня увѣдомляютъ, что хлѣбъ совсѣмъ не родился, едва на сѣмена собрали и оброка платить нечѣмъ"; на это старушка отвѣчаетъ, что это-де несомнѣнно „предлогъ ихъ, чтобы не платить. Имѣвъ во владѣніи всю землю, какимъ же образомъ могутъ отказаться платить что̀ слѣдуетъ? и неужели всѣ откажутся крестьяне платить своимъ господамъ? поэтому всѣ дворяне будутъ банкруты и всѣ имѣнія опишутъ". Въ своей материнской заботливости она усердно хлопочетъ, чтобы оба

брата жили въ любви и дружбѣ. Такъ, она пишетъ Михаилу Яковлевичу: „Братъ твой меня увѣдомляетъ о твоемъ здоровьи и между тѣмъ, что вы живете между собою въ совершенной дружбѣ, чему я истинно порадовалась. Вы оба намѣреваетесь перемѣнить квартиру по близости другъ отъ друга, что для васъ будетъ весьма пріятно". „Къ крайнему моему сожалѣнію,—пишетъ она въ другой разъ,—потеряла всю надежду васъ видѣть у себя, но истинно не сѣтую на тебя: присутствіе твое нужно брату твоему, въ его положеніи великое удовольствіе раздѣлять время съ тобою. Не можешь себѣ представить, сколько мнѣ пріятно ваше дружелюбіе"; и каждый разъ, поздравляя Михаила съ днемъ рожденія или именинами Петра, она не забываетъ прибавить: „и надѣюсь, что ты проведешь сей день съ нимъ; увѣрена, что ты ему сдѣлаешь большое удовольствіе".

А отношенія между братьями какъ разъ въ это время начали портиться и, повидимому, безъ всякой опредѣленной причины. Петръ былъ капризенъ, Михаилъ Яковлевичъ становился все болѣе нелюдимымъ и раздражительнымъ, оба съ годами черствѣли, а умственной связи между ними не было никакой. Еще осенью 1830 года братья обмѣнивались нѣжными письмами. Въ Москвѣ тогда была холера, и Михаилъ Яковлевичъ, гостившій у тетки, сильно тревожился за брата; вотъ нѣсколько строкъ изъ его письма отъ 12-го октября: „Ты пишешь, что всегда меня любилъ, что мы могли доставить другъ другу болѣе утѣшенія въ жизни, но любить болѣе другъ друга не могли. За эти мнѣ неоцѣненныя отъ тебя слова наградитъ тебя собственное твое чувство. Я не берусь сказать, какое они на меня дѣлаютъ и всегда будутъ дѣлать дѣйствіе. Ты увѣренъ, что я тебя люблю, потому ты самъ можешь понять. Могу тебѣ только сказать, что это правда и что я это знаю, и что мнѣ это величайшее утѣшеніе". Охлажденіе началось, повидимому, особенно съ того времени, когда Петръ Яковлевичъ сталъ снова бывать въ обществѣ, и оно характерно отражалось въ письмахъ Михаила Яковлевича къ теткѣ.

Эти письма вообще недурно живописуютъ будничную физіономію П. Я. Чаадаева въ моментъ его перехода изъ мрачнаго затворничества въ свѣтскую жизнь. Въ февралѣ 1831 года М. Я. пишетъ Аннѣ Михайловнѣ: „Могу васъ увѣдомить, что братъ теперешнимъ состояніемъ здоровья своего очень доволенъ въ сравненіи съ прежнимъ, даже полагаетъ, что онъ отъ жестокихъ припадковъ (геморроидальныхъ), которыми страдалъ, совсѣмъ избавился. Аппетитъ у него очень, даже мнѣ кажется — слишкомъ

хорошъ, спокойствіе духа, снисходительность, кротость—какія въ послѣдніе три года рѣдко въ немъ видѣлъ. Цвѣтъ лица, нахожу, гораздо лучше прежняго, хотя все еще очень худъ, но съ виду кажется совсѣмъ старикомъ, потому что почти всѣ волосы на головѣ вылѣзли. Я живу очень отъ него близко и почти каждый день у него обѣдаю и провожу у него большую часть дня". Въ апрѣлѣ онъ извѣщаетъ тетку, что братъ здоровъ, собирается прожить лѣто у нея въ Алексѣевскомъ и даже думаетъ построить себѣ тамъ флигель по своему вкусу, на что старушка спѣшитъ отвѣчать: „Принимая искреннее участіе о васъ, можешь себѣ вообразить мое удовольствіе, что здоровье Петра Яковлевича поправляется, и прошу Бога, чтобъ совершенно возстановилось. О намѣреніи его пріѣхать пожить въ Алексѣевское почту себѣ за счастье, видя его, буду гораздо спокойнѣе. Что же касается до постройки флигеля для него, чтобъ онъ былъ увѣренъ, что я препятствовать не буду, его воля, какъ пожелаетъ, такъ и строить, а мнѣ будетъ удовольствіе его присутствіе. Ежели бъ получила свои деньги отъ Колтовской, то давно бы построила для вашего пріѣзда и не допустила бы его убыточиться. Но ты, любезный мой другъ, могу ли я надѣяться и тебя видѣть въ Алексѣевскомъ? то бы совершенно было для меня благополучіе при старости лѣтъ моихъ". 11 іюня М. Я. пишетъ: „О братѣ честь имѣю донести, что онъ, какъ говоритъ лѣкарь, не столько боленъ геморроидомъ, сколько воображеніемъ, хотя нельзя сказать, чтобы онъ былъ совершенно и здоровъ".

Тутъ-то и случилось упомянутое выше происшествіе: первый выѣздъ Чаадаева въ свѣтъ. Пушкинъ уѣхалъ изъ Москвы въ половинѣ мая, а 17 іюня Чаадаевъ пишетъ ему, что съ нѣкотораго времени началъ ѣздить, „куда бы вы думали?—въ Англійскій клубъ". Пора отшельничества, видно, прошла для него безвозвратно; стоило ему однажды снова вкусить общенія съ людьми, и оно сдѣлалось для него неодолимой потребностью: онъ съ перваго же дня, повидимому, сдѣлался ежедневнымъ посѣтителемъ клуба и остался на все лѣто въ Москвѣ, обманувъ надежды Анны Михайловны. Въ половинѣ августа П. В. Нащокинъ пишетъ Пушкину про Чаадаева, что онъ „нынѣ пустился въ люди—всякій день въ клубѣ", а въ концѣ сентября сообщаетъ: „Чаадаевъ всякой день въ клубѣ, всякій разъ обѣдаетъ; въ обхожденіи и въ платьѣ перемѣнилъ фасонъ, и ты его не узнаешь [1]).

[1]) Письмо Н. къ Пушкину 18 августа 1831 г.; И. А. Шляпкинъ, „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина", Спб. 1903, стр. 150; письмо 30 сент. того же года въ „Русск. Арх.", 1904 г., № 11, стр. 440.

Тетка, узнавъ о перемѣнѣ, происшедшей въ образѣ жизни Петра Яковлевича, была чрезмѣрно довольна. 28 іюня она пишетъ Михаилу, что, долго не получая писемъ, начала уже безпокоиться о здоровьи П. Я.; „но къ моему счастію Норова была въ Москвѣ, и такъ какъ она любитъ твоего брата, то и освѣдомлялась о немъ; по возвращеніи ея увѣдомила меня, что слава Богу здоровъ, и тотъ день, который она посылала къ нему, онъ былъ въ Англійскомъ клубѣ, чему я очень порадовалась, что не убѣгаетъ людей, и успокоилась о его здоровьи“.

Дѣйствительно, самочувствіе П. Я. подъ вліяніемъ этой внѣшней перемѣны, какъ и естественно, быстро улучшилось, но, очевидно, онъ уже такъ сжился съ мыслью о своихъ мнимыхъ недугахъ, что никакъ не рѣшался сразу признать себя здоровымъ, и обижался, если другіе объявляли его здоровымъ. Въ іюлѣ Мих. Яковл. пишетъ: „Хотя и давно мнѣ кажется изъ словъ лѣкарей и изъ всѣхъ обстоятельствъ, что братъ больше боленъ воображеніемъ, нежели чѣмъ другимъ, но его ипохондрія и меня сбивала. Теперь же я совершенно убѣжденъ, потому что лѣкаря и не-лѣкаря, и тѣ, у которыхъ та же самая болѣзнь бывала, утверждаютъ, что братнино состояніе здоровья едва ли и болѣзнью можно назвать, и что на его мѣстѣ всякій другой не обращалъ бы даже на это никакого вниманія... Теперь и братъ начинаетъ успокаиваться, и съ этимъ вмѣстѣ и здоровье его примѣтно поправляется, потому что нельзя не признаться, что отъ ипохондріи онъ дѣйствительно очень былъ разстроенъ. Аппетитъ, сонъ, лѣкаря говорятъ, что пульсъ и языкъ, онъ имѣетъ въ самомъ лучшемъ состояніи и всегда имѣлъ, но прежде почиталъ это все дурными знаками. Теперь, по крайней мѣрѣ, онъ видитъ, что нѣтъ причины безпокоиться“. Однако, недолго спустя, очевидно, случился новый припадокъ ипохондріи. „Вы точно отгадали,—пишетъ М. Я. теткѣ 30 сентября,—что я вамъ потому не писалъ, что не имѣлъ сообщить ничего пріятнаго. Ипохондрія братнина, хотя уже недѣли двѣ или три какъ стала уменьшаться, но почему знать было, что это не промежутокъ. Но теперь, кажется, она совсѣмъ его оставила. Онъ безъ всякаго сравненія спокойнѣе прежняго. Самъ онъ полагаетъ, что оттого сталъ спокоенъ, что чувствуетъ облегченіе въ своей болѣзни, а мнѣ кажется, что болѣзнь его, которая сама почти ничего не значитъ, отъ того для него стала сноснѣе, что онъ объ ней меньше думаетъ. Какъ бы то ни было, достовѣрно то, что онъ много измѣнилъ прежній свой родъ жизни. Вы знаете, можетъ быть, что онъ съ нѣкотораго времени въ числѣ членовъ Англійскаго клуба. Тамъ онъ

бываетъ всякій вечеръ и два раза въ недѣлю обѣдаетъ. Онъ возобновилъ нѣкоторыя старыя и сдѣлалъ нѣкоторыя новыя знакомства, почти всякое утро выѣзжаетъ въ гости, часто въ гостяхъ обѣдаетъ или у него обѣдаютъ. Продолжится ли это,— кажется, можно надѣяться". Петръ Яковлевичъ, узнававшій объ этихъ успокоительныхъ бюллетеняхъ брата изъ писемъ къ себѣ тетки, повидимому, былъ ими недоволенъ, и М. Я., теряя терпѣніе, писалъ Аннѣ Михайловнѣ: „Если ему писать трудно, то лучше бы всего, если бы онъ мнѣ сообщалъ, что̀ именно донести вамъ о его здоровьѣ, и я бы это и дѣлалъ безъ всякой перемѣны. Теперь же о его здоровьѣ васъ увѣдомлять уже и потому мнѣ мудрено, что по большей части мнѣ кажется, что онъ здоровъ, а ему самому объ себѣ кажется, что онъ боленъ. Свое ли мнѣніе вамъ о его здоровьѣ сообщать, или его собственное, не знаю".

Это письмо было писано въ декабрѣ 1831 года; въ ближайшіе затѣмъ годы П. Я. окончательно акклиматизировался въ образованномъ московскомъ обществѣ, а М. Я. все больше уходилъ въ свою скорлупу. 1 марта 1834 г., М. Я. пишетъ Аннѣ Михайловнѣ: „Въ письмѣ вашемъ отъ 18 февраля вы изволите писать, что такъ какъ братъ меня посѣщаетъ, то я могу отъ него слышать о новостяхъ. На это могу вамъ донести, что я совершенно ничего не знаю, что̀ дѣлается, что̀ говорится, что̀ пишется новаго, а у брата я былъ 23 декабря прошлаго 1833-го года на новой его квартирѣ, и съ тѣхъ поръ, слѣдовательно теперь уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, его не видалъ, но знаю, что онъ здоровъ и выѣзжаетъ". Это извѣстіе сильно опечалило старушку: „Я весьма огорчилась, что ты рѣдко видишь твоего брата; ежели между вами и было какое незначительное неудовольствіе, примиритесь и живите дружелюбно. Согласіе между столь ближнихъ родственниковъ есть самое благополучіе". Но въ серединѣ этого года Мих. Як., давно уже жившій съ дочерью своего камердинера, Ольгой Захаровной, окончательно переѣхалъ на жительство изъ Москвы въ наслѣдственное помѣстье Чаадаевыхъ, с. Хрипуново, ардатовскаго уѣзда, нижегородской губ. Здѣсь онъ нелюдимо и почти безвыѣздно прожилъ до смерти своей, въ 1866 году.

II.

Вернувшись въ общество, Чаадаевъ очень скоро выработалъ себѣ тотъ образъ жизни, которому оставался вѣренъ уже до

самой смерти, въ теченіе 25-ти лѣтъ. Въ концѣ 1833 года онъ переѣхалъ и на ту квартиру, гдѣ прожилъ затѣмъ до конца жизни, во флигель большого дома своихъ хорошихъ знакомыхъ, Левашовыхъ, на Новой Басманной; отнынѣ его жизнь—если не считать кратковременнаго и не оставившаго слѣдовъ перерыва, вызваннаго напечатаніемъ его статьи въ „Телескопѣ" 1836 года,—остается вполнѣ неизмѣнной. Онъ дѣлитъ свое время между кабинетнымъ трудомъ и обществомъ; онъ—завсегдатай Англійскаго клуба, почетный гость гостиныхъ и салоновъ; его можно видѣть всюду, гдѣ собирается лучшее московское общество,—на гуляньяхъ, первыхъ представленіяхъ въ театрѣ, на публичной лекціи въ университетѣ,—и разъ въ недѣлю онъ принимаетъ у себя. Его привычки ненарушимы; находясь въ гостяхъ, онъ ровно въ $10^1/_2$ час. откланивается, чтобы ѣхать домой.

Чаадаевъ быстро занялъ очень видное мѣсто въ образованномъ московскомъ обществѣ: уже въ половинѣ 30-хъ годовъ онъ былъ однимъ изъ его „львовъ". Когда въ 1836 году петербургскія власти заинтересовались Чаадаевымъ, начальникъ московской жандармеріи, генералъ Перфильевъ, такъ—не совсѣмъ грамотно, но за то художественно и вѣрно—характеризовалъ его положеніе въ свѣтѣ и личность: „Чеодаевъ (sic!) особенно привлекалъ къ себѣ вниманіе дамъ, доставлялъ удовольствіе въ бесѣдахъ и передавалъ все читаемое имъ въ иностранныхъ газетахъ и журналахъ и вообще вновь выходящихъ сочиненіяхъ—съ возможною отчетливостью, имѣя щастливую память и обладая даромъ слова. Когда нарождался разговоръ общій, Чеодаевъ разрѣшалъ вопросъ, при сужденіяхъ о политикѣ, религіи и подобныхъ предметахъ, со свойственнымъ уму образованному, обилующему матеріалами, убѣжденіемъ. Знакомство онъ имѣетъ большое; въ короткихъ же связяхъ замѣчается: съ. И. И. Дмитріевымъ, М. Ѳ. Орловымъ, Масловымъ, А. И. Тургеневымъ, княгинею С. С. Мещерскою... Чеодаевъ часто бываетъ: у Е. О. Муравьевой, Ушаковой, Нарышкиной, Пашковой, Раевской и у многихъ другихъ... Образъ жизни Чеодаевъ ведетъ весьма скромный, страстей не имѣетъ, но честолюбивъ выше мѣры. Сіе то самое и увлекаетъ его иногда съ надлежащаго пути, благоразуміемъ предписываемаго" [1]).

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ Чаадаеву было 36—37 лѣтъ. Онъ былъ высокаго роста, очень худъ, строенъ и безукориз-

[1]) М. К. Лемке, „Чаадаевъ и Надеждинъ" „Міръ Божій", 1905, октябрь, стр. 155—6.

ненно одѣтъ. Строгое изящество его костюма и изысканность манеръ вошли въ поговорку; графъ Поццо-ди-Борго, человѣкъ компетентный въ этомъ дѣлѣ, замѣтилъ однажды, что, будь на то его власть, онъ заставилъ бы Чаадаева безпрестанно разъѣзжать по Европѣ, чтобы показывать европейцамъ „un russe parfaitement comme il faut“ [1]). Въ его наружности была какая-то рѣзкая своеобразность, сразу выдѣлявшая его даже среди многолюднаго общества; такъ же оригинально было его лицо, нѣжное, блѣдное, какъ бы изъ мрамора, безъ усовъ и бороды, съ голымъ черепомъ, съ иронической и вмѣстѣ доброй улыбкой на тонкихъ губахъ, съ холоднымъ взглядомъ сѣро-голубыхъ глазъ. Въ неподвижности его тонкихъ чертъ было что-то мертвенное, говорившее о перегорѣвшихъ страстяхъ и о долгомъ навыкѣ скрывать отъ толпы пламенное волненіе духа; Тютчеву это лицо казалось однимъ изъ тѣхъ, которыя можно назвать медалями въ человѣчествѣ,—такъ старательно и искусно отдѣланы они Творцомъ и такъ непохожи на обычный типъ людей, эту ходячую монету человѣчества. Онъ былъ всегда холоденъ и серьезенъ, вѣжливъ со всѣми, сдержанъ въ жестахъ и выраженіяхъ, никогда не возвышалъ голоса и охотно бесѣдовалъ съ женщинами. Герценъ говоритъ о его прямо смотрящихъ глазахъ и печальной усмѣшкѣ. Хомякова удивляло въ немъ соединеніе бодрости живого ума съ какою-то постоянной печалью [2]). Въ дружескомъ кругу онъ, повидимому, не избѣгалъ ни легкой шутки, ни сарказма, и его необыкновенно мѣткія „крылатыя слова“, образчики которыхъ сохранилъ намъ Герценъ въ своихъ воспоминаніяхъ, переходили въ Москвѣ изъ устъ въ уста. Но обыкновенно его рѣчь была аподиктична и напыщена. На тѣхъ, кто слышалъ Чаадаева впервые, этотъ проповѣднический тонъ производилъ, видимо, отталкивающее впечатлѣніе; такъ, Надеждину, познакомившемуся съ Чаадаевымъ въ 1832 или 1833 году, онъ показался послѣ перваго разговора тяжелымъ и сухимъ человѣкомъ [3]). Но люди, хорошо знавшіе его и привыкшіе къ его манерѣ, прощали ему и эту напыщенность рѣчи, какъ прощали его тщеславіе, доходившее въ своей безмѣрности до ребяческой простоты.

Онъ сразу занялъ въ московскомъ обществѣ то своеобразное

---

[1]) Рукоп. копія Жихаревской біографіи Чаадаева: одно изъ мѣстъ, опущенныхъ при печатаніи въ „Вѣстн. Европы“.

[2]) См. „Библіограф. Зап.“ 1861 г., № 1, стр. 6; „Русск. Вѣстн.“ 1887 октябрь, стр. 697; „Русск. Арх.“ 1900, № 11, стр. 412; Сочин. А. И. Герцена, Спб. 1905 г., т. II, стр. 404, и т. I, стр. 84 (о Трензинскомъ ср. VI, 379).

[3]) М. К. Лемке, ibid., стр. 127.

положеніе, которое удержалъ до конца своихъ дней,—положеніе вполнѣ свѣтскаго человѣка и вмѣстѣ учителя; и если наиболѣе блестящій періодъ его дѣятельности приходится на 40-ые годы, то его учительная роль вполнѣ опредѣлилась уже теперь, въ первой половинѣ 30-хъ годовъ. Среди его бумагъ сохранилось два женскихъ письма къ нему (оба, повидимому, до 1836 г.), не свободныхъ отъ экзальтацій, но въ своей свѣжей непосредственности какъ нельзя лучше обрисовывающихъ и роль, которую онъ присвоилъ себѣ въ обществѣ, и отношеніе къ нему этого общества, и чувства, которыя онъ внушалъ отдѣльнымъ чуткимъ натурамъ, особенно изъ числа женщинъ. Первое письмо содержитъ въ себѣ совѣты, повидимому, насчетъ отношеній Чаадаева къ Норовой: „Вы живете среди людей,—пишетъ ему неизвѣстная корреспондентка [1]), —и этого не слѣдуетъ забывать. Большинство изъ нихъ безпрестанно слѣдятъ за малѣйшими вашими поступками и зорко наблюдаютъ всякое ваше движеніе въ надеждѣ подмѣтить что-нибудь, что хоть до нѣкоторой степени поставило бы васъ на одинъ уровень съ ними. Это печальный результатъ уязвленнаго самолюбія, какъ бы моральная лѣнь, предпочитающая унизить васъ до себя, нежели самой возвыситься по вашимъ слѣдамъ. Поэтому вы должны чрезвычайно внимательно взвѣшивать каждый вашъ поступокъ... Провидѣніе вручило вамъ безцѣнный кладъ: этотъ кладъ—вы сами. Вашъ долгъ—не только не дѣлать ничего недостойнаго, но и всѣми возможными способами внушать людямъ уваженіе къ той, если можно такъ выразиться, вполнѣ интеллектуальной добродѣтели, которою надѣлило васъ Провидѣніе. Вы не должны допускать, чтобы злословіе или клевета какимъ-либо образомъ запятнали ее“, и т. д. Другое письмо принадлежитъ перу Е. Г. Левашовой, близкаго друга Чаадаева, замѣчательной женщины, которой Герценъ посвятилъ теплыя строки въ „Быломъ и Думахъ“, и Огаревъ—задушевное стихотвореніе: „Искусный врачъ,—пишетъ она,—снявъ катаракту, надѣваетъ повязку на глаза больного; если же онъ не сдѣлаетъ этого, больной ослѣпнетъ навѣки. Въ нравственномъ мірѣ—то же, что въ физическомъ; человѣческое сознаніе также требуетъ постепенности. Если Провидѣніе вручило вамъ свѣтъ слишкомъ яркій и слишкомъ ослѣпительный для нашихъ потемокъ, не лучше ли вводить его понемногу, нежели ослѣплять людей какъ бы Ѳаворскимъ сіяніемъ и заставлять ихъ падать лицомъ на землю? Я вижу ваше назначеніе въ иномъ; мнѣ кажется, что вы при-

[1]) Это и слѣдующія два письма—въ подлинникѣ по-французски; подлинники—въ Румянцевскомъ музеѣ.

званы протягивать руку тѣмъ, кто жаждетъ подняться, и приучать ихъ къ истинѣ, не вызывая въ нихъ того бурнаго потрясенія, которое не всякій можетъ вынести. Я твердо убѣждена, что именно таково ваше призваніе на землѣ; иначе зачѣмъ ваша наружность производила бы такое необыкновенное впечатлѣніе даже на дѣтей? зачѣмъ были бы даны вамъ такая сила внушенія, такое краснорѣчіе, такая страстная убѣжденность, такой возвышенный и глубокій умъ? Зачѣмъ такъ пылала бы въ васъ любовь къ человѣчеству? Зачѣмъ ваша жизнь была бы полна стольких треволеній? Зачѣмъ столько тайныхъ страданій, столько разочарованій?... И можно ли думать, что все это случилось безъ предустановленной цѣли, которой вамъ суждено достигнуть, никогда не падая духомъ и не теряя терпѣнія, ибо съ вашей стороны это значило бы усомниться въ Провидѣніи? Между тѣмъ уныніе и нетерпѣніе — двѣ слабости, которымъ вы часто поддаетесь, тогда какъ вамъ стоитъ только вспомнить эти слова Евангелія, какъ бы нарочно обращенныя къ вамъ: будьте мудры какъ змій, и чисты, какъ голубь". Левашова кончаетъ свое письмо (оно посылалось тутъ же, изъ большого дома во флигель) слѣдующими трогательными словами: „До свиданія. Что ждетъ васъ сегодня въ клубѣ? Очень возможно, что вы встрѣтите тамъ людей, которые поднимутъ цѣлое облако пыли, чтобы защититься отъ слишкомъ яркаго свѣта. Что вамъ до этого? Пыль непріятна, но она не преграждаетъ пути".

На почвѣ такого преклоненія предъ личностью и призваніемъ Чаадаева разыгрался въ эти годы его единственный романъ, романъ односторонній, безъ страсти и безъ интриги. Повидимому, еще въ концѣ 20-хъ годовъ, когда, по возвращеніи изъ-за-границы, онъ жилъ временами у тетки Щербатовой въ дмитровскомъ уѣздѣ, сблизился онъ съ семьею Норовыхъ, чья усадьба Надеждино находилась по близости. Въ этой семьѣ было нѣсколько сыновей (одинъ изъ нихъ — Абрамъ Сергѣевичъ — позднѣе былъ министромъ народнаго просвѣщенія) и двѣ дочери: старшая дочь, Авдотья Сергѣевна, и полюбила Чаадаева. По словамъ Жихарева, это была болѣзненная дѣвушка, не думавшая о замужествѣ, но безотчетно и открыто отдавшаяся своему чувству, которое и свело ее въ могилу. Чаадаевъ отвѣчалъ ей, повидимому, дружескимъ расположеніемъ; можно думать, что онъ и вообще никогда не зналъ влюбленности, хотя и былъ безпрестанно окруженъ женскимъ поклоненіемъ [1]). Норова умерла лѣ-

[1]) Есть, кажется, основанія предполагать, что онъ страдалъ врожденной атрофіей полового инстинкта; сравн. Жихаревъ, „Вѣстн. Европы" 1871, іюль, стр. 183, прим.

томъ 1835 года [1]). Ея письма къ Чаадаеву сохранились. Въ нихъ дышатъ глубокая религіозность и самоотреченіе безъ границъ, при ясномъ и просвѣщенномъ умѣ. Въ ея любви къ Чаадаеву нѣтъ страсти, но ничего не можетъ быть трогательнѣе этого сочетанія безконечной нѣжности къ любимому человѣку съ благоговѣніемъ предъ его душевнымъ величіемъ. Вотъ на удачу конецъ одного ея письма, помѣченнаго 28 декабря:

„Уже поздно, я долго просидѣла за этимъ длиннымъ письмомъ, а теперь, передъ его отправкою, мнѣ кажется, что его лучше было бы разорвать. Но я не хочу совсѣмъ не писать къ вамъ сегодня, не хочу отказать себѣ въ удовольствіи поздравить васъ съ Рождествомъ нашего Спасителя Іисуса Христа и съ наступающимъ новымъ годомъ.

„Покажется ли вамъ страннымъ и необычнымъ, что я хочу просить вашего благословенія? У меня часто бываетъ это желаніе, и, кажется, рѣшись я на это, мнѣ было бы такъ отрадно принять его отъ васъ, колѣнопреклоненной, со всѣмъ благоговѣніемъ, какое я питаю къ вамъ. Не удивляйтесь и не отревайтесь отъ моего глубокаго благоговѣнія — вы не властны уменьшить его во мнѣ. Благословите же меня на наступающій годъ, все равно, будетъ ли онъ послѣднимъ въ моей жизни, или за нимъ послѣдуетъ еще много другихъ; для себя я призываю на васъ всѣ благословенія Всевышняго. Да, благословите меня — я мысленно становлюсь предъ вами на колѣни — и просите за меня Бога, чтобы Онъ сдѣлалъ меня такою, какою мнѣ слѣдуетъ быть".

Въ іюлѣ 1835 года тетка писала М. Я. Чаадаеву въ его нижегородское уединеніе, что, по дошедшимъ до нея свѣдѣніямъ, Петръ Яковлевичъ былъ очень огорченъ смертью Норовой, „которая его очень любила". За то, что она его очень любила, онъ въ завѣщаніи, составленномъ двадцать лѣтъ спустя, просилъ, если возможно, похоронить его въ Донскомъ монастырѣ близъ могилы А. С. Норовой [2]). Его воля была исполнена.

III.

Начало 30-хъ годовъ отмѣчено въ жизни Чаадаева не только возвращеніемъ въ общество, но и другимъ, болѣе страннымъ его шагомъ: попыткою снова вступить въ службу. Эта мысль, безъ

---

[1]) „Русск. Архивъ", 1900, № 2, стр. 295.
[2]) „Русск. Мысль", 1896, № 4, стр. 153.

сомнѣнія, была внушена ему отчасти и прямой денежной нуждою: въ концѣ 1832 года опекунскій совѣтъ по третьему долгу пустилъ съ торговъ послѣднее имѣніе Чаадаева, какое еще числилось за нимъ послѣ раздѣла съ братомъ [1]), и теперь у него оставались на прожитокъ лишь тѣ 7.000 р. ассигн., которые ежегодно уплачивалъ ему братъ по раздѣльному акту. При его непрактичности и барскихъ привычкахъ (онъ держалъ, напримѣръ, собственныхъ лошадей) этихъ денегъ, конечно, не могло хватать, и тетка уже заранѣе сокрушалась, „что долженъ будетъ себя лишать въ своихъ удовольствіяхъ, что̀ для него очень тяжело".

Но главной причиной было, разумѣется, не это. Съ того дня, когда Чаадаевъ впервые охотно покинулъ свое затворничество, процессъ его внутренняго роста можетъ считаться законченнымъ. Въ тишинѣ и уединеніи созрѣлъ его духъ, создалось и даже формулировалось его ученіе; теперь для него наступилъ тотъ моментъ, когда въ человѣкѣ съ элементарной силой просыпается жажда дѣятельности, жажда внѣшняго творчества по готовымъ уже внутреннимъ мѣриламъ; вотъ почему Чаадаева инстинктивно потянуло въ свѣтъ, и почему онъ сознательно рѣшилъ вступить въ службу. Мы увидимъ дальше, что въ это же самое время (1832 г.) онъ дѣлаетъ и другую аналогичную попытку: напечатать по-русски нѣкоторыя изъ своихъ „Философическихъ" писемъ.

Но было бы наивно думать, что Чаадаевъ мечталъ о карьерѣ чиновника; нѣтъ, ему мерещилась иная роль, болѣе достойная его, — роль совѣтника власти, вдохновляющаго ея политику въ какой-нибудь одной области управленія. И съ этимъ-то Платоновскимъ предложеніемъ о союзѣ философіи съ правительственной силой онъ обращается — къ кому же? — къ имп. Николаю и Бенкендорфу. Отсюда завязывается переписка, смѣшная и типичная, какъ иной эпизодъ изъ „Донъ-Кихота".

Рѣшивъ искать службы, Чаадаевъ въ началѣ 1833 г. написалъ объ этомъ своему бывшему начальнику, графу Васильчикову, съ которымъ оставался, повидимому, въ дружескихъ отношеніяхъ. 4-го мая Васильчиковъ отвѣчалъ ему [2]), что всѣ начальники вѣдомствъ, къ которымъ онъ обращался, вполнѣ признавая достоинства Чаадаева, затрудняются, однако, предо-

[1]) Онъ былъ долженъ въ опекунскій совѣтъ по займу 1827 г. — 61.000 руб., по займу 1828 г.—30.200, и по займу 1829 г.—15.250.

[2]) Французскій подлинникъ этого письма находится въ Румянцевскомъ музеѣ. Судя по письму, Чаадаевъ въ прешедствующемъ (1832) году видѣлся съ Васильчиковымъ, пріѣзжавшимъ въ Москву для леченія водами.

ставить ему подобающее мѣсто по причинѣ его невысокаго чина (онъ былъ всего только гвардіи ротмистромъ), но что Бенкендорфъ изъявилъ готовность всячески содѣйствовать ему, лишь только Чаадаевъ сообщитъ, какой службы онъ желалъ бы. Итакъ, 1-го іюня Чаадаевъ пишетъ Бенкендорфу; въ самыхъ вѣрноподданныхъ выраженіяхъ и нимало не подозрѣвая чудовищной дерзости своихъ строкъ, онъ заявляетъ о своихъ намѣреніяхъ [1]). „Прискорбныя обстоятельства,—пишетъ онъ,—заставили меня долго жить внѣ службы, и тѣмъ лишили права на вниманіе правительства; между тѣмъ, я имѣю все же смѣлость надѣяться, что если бы Его Величество удостоилъ вспомнить обо мнѣ, то, быть можетъ, онъ вспомнилъ бы также, что я не совсѣмъ недостоинъ его снисхожденія и предоставленія мнѣ возможности доказать свою преданность и употребить свои способности на службу Его Величеству“. Прежде всего онъ считаетъ долгомъ заявить, что, будучи мало знакомъ съ условіями гражданской службы, онъ желалъ бы получить должность по дипломатической части; поэтому онъ и просилъ генерала Васильчикова „сообщить министру иностранныхъ дѣлъ нѣкоторыя соображенія, которыя, какъ мнѣ кажется, могли бы найти примѣненіе при теперешнемъ положеніи Европы, а именно: о необходимости особенно наблюдать за движеніемъ идей въ Германіи“. Но онъ понимаетъ, что такое дѣло можетъ быть поручено лишь человѣку, достаточно зарекомендованному въ глазахъ правительства. Поэтому у него сейчасъ только одно желаніе,—чтобы Государь узналъ его. „Къ числу изумительныхъ вещей настоящаго достославнаго царствованія, въ которое осуществилось столько нашихъ надеждъ и было выполнено столько нашихъ желаній, принадлежитъ выборъ людей, призываемыхъ къ дѣламъ“; и если умѣніе находить людей есть одно изъ главныхъ качествъ монарха, то, съ другой стороны, каждый изъ подданныхъ вправѣ разсчитывать,—если только онъ стремится обратить на себя вниманіе своего государя,—что его усилія не останутся незамѣченными. Итакъ, онъ отдаетъ себя вполнѣ въ распоряженіе Его Величества.

---

[1]) Это и слѣдующія письма, относящіяся къ попыткѣ Чаадаева поступить на службу, найдены М. К. Лемке въ архивѣ III-го отдѣленія, и приведены въ его статьѣ „Чаадаевъ и Надеждинъ“, „Міръ Божій“, 1905 г., сентябрь, стр. 17—22; онѣ писаны частью по-русски, частью по-французски. Сравн. объ этомъ эпизодѣ „Изв. Отд. русск. языка и слов. Имп. Акад. Наукъ“. 1896 г., т. I, кн. 2, въ статьѣ А. И. Кирпичникова, стр. 382 и сл., и „Неизд. Рукоп. П. Я. Чаадаева“ въ „Вѣстн. Европы“ 1871 г., ноябрь, стр. 325.

Такъ могъ писать какой-нибудь философъ въ отвѣтъ на предложеніе Екатерины II, переданное Гриммомъ, или, напротивъ, наскучивъ ждать приглашенія; но Бенкендорфъ и самъ имп. Николай, которому Бенкендорфъ въ подлинникѣ представилъ письмо Чаадаева, навѣрное еще никогда не читали такихъ „прошеній". Нетрудно представить себѣ, какъ покоробило ихъ отъ этого резонерскаго тона и самой готовности оригинальнаго просителя предоставить себя временно на пробу. Какъ бы то ни было, на первый разъ дѣло сошло Чаадаеву съ рукъ, и въ концѣ іюня Бенкендорфъ сухо сообщилъ ему, что царь изъявилъ согласіе принять его на службу по министерству финансовъ. Въ отвѣтъ на это извѣщеніе Чаадаевъ немедленно отправилъ Бенкендорфу запечатанное письмо на имя царя и въ сопроводительной запискѣ объяснялъ, что пишетъ государю по-французски вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ русскимъ языкомъ: „Это новое тому доказательство, что̀ я въ письмѣ своемъ говорю Его Величеству о несовершенствѣ нашего образованія. Я самъ живой и жалкій предметъ этого несовершенства".

На этотъ разъ Николаевскій царедворецъ-чиновникъ не вынесъ дерзкой фамильярности просителя и рѣшилъ круто оборвать его. Возвращая Чаадаеву его письмо къ царю нераспечатаннымъ, онъ писалъ, что ради его собственной пользы не рѣшился представить это письмо государю, усмотрѣвъ изъ письма къ себѣ, что въ томъ обращеніи на Высочайшее имя онъ, Чаадаевъ, упоминаетъ о несовершенствѣ нашего образованія,—„ибо Его Величество конечно бы изволилъ удивиться, найдя диссертацію о недостаткахъ нашего образованія тамъ, гдѣ выроятно ожидалъ одного лишь изъявленія благодарности и скромной готовности самому образоваться въ дѣлахъ, вамъ вовсе незнакомыхъ. Одна лишь служба, и служба долговременная, даетъ намъ право и возможность судить о дѣлахъ государственныхъ, и потому я боялся, чтобы Его Величество, прочитавъ письмо, не получилъ о васъ мнѣніе, что вы, по примѣру легкомысленныхъ французовъ, принимаете на себя судить о предметахъ, вамъ неизвѣстныхъ".

Выслушавъ эту грубую нотацію на тему о „beschränkter Unterthanenverstand", Чаадаевъ все-таки еще не понялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и, разсыпаясь въ благодарностяхъ, отвѣчалъ Бенкендорфу съ изысканной усмѣшкой (наивная тонкость философа передъ лицомъ русскаго жандарма!). Онъ тронутъ заботливостью графа, чьей благосклонностью сохраненъ отъ невыгоднаго Его Величества о немъ понятія, но рѣшается снова послать ему

свое письмо къ государю, чтобы графъ могъ убѣдиться, что это письмо не заключаетъ въ себѣ разсужденій о государственныхъ дѣлахъ, „и что въ особенности нѣтъ въ немъ ничего похожаго на преступныя дѣйствія французовъ, которыми болѣе кого-либо гнушаюсь“ (извѣстно, какъ вообще смотрѣлъ Чаадаевъ на революцію 1830 года). „Осмѣлюсь только сказать въ оправданіе свое нащетъ того выраженія, которое показалось вамъ предосудительнымъ, что мнѣ кажется, что состояніе образованности народной не есть вещь государственная, и что можно судить о образованности своего отечества не отваживаясь мѣшаться въ дѣла правительственныя, потому что всякой по собственному опыту знать можетъ, какіе способы и средства въ его отечествѣ для ученія употребляются, а глядя вокругъ себя—оцѣнить степень просвѣщенія въ ономъ“.—Онъ и теперь еще продолжаетъ разсуждать! Самая мысль о возможности простого окрика такъ чужда ему, что онъ спѣшитъ разъяснить происшедшее будто бы недоразумѣніе.

Это письмо Чаадаева къ имп. Николаю сохранилось. Пространно объяснивъ свою непригодность для службы по финансовой части, коснувшись попутно возвышенныхъ взглядовъ, которые вноситъ государь во всѣ отрасли администраціи, и опредѣливъ великую идею, проникающую все его царствованіе, онъ продолжаетъ: „Много размышляя о состояніи просвѣщенія въ Россіи, я пришелъ къ убѣжденію, что могъ бы именно въ этой области быть полезнымъ, выполняя обязанности, удовлетворяющія требованія Вашего правительства. Мнѣ кажется, что въ этой области можно сдѣлать многое именно въ духѣ той идеи, которая, какъ я думаю, является идеей Вашего Величества“; и затѣмъ онъ излагаетъ свои мысли объ общемъ направленіи, которое должно быть дано русской образованности,—приблизительно такъ, какъ это сдѣлалъ бы Лейбницъ въ письмѣ къ Петру Великому, или Дидро въ письмѣ къ Екатеринѣ II: „Я полагаю, что просвѣщеніе въ Россіи должно носить такой-то характеръ“, и т. д.; „я нахожу, что мы должны быть... и русская нація должна, какъ мнѣ кажется“, и т. д.—и въ заключеніе коротко и ясно: „*Если бы эти взгляды оказались отвѣчающими взглядамъ Вашего Величества*, то для меня было бы несказаннымъ счастьемъ, еслибъ я могъ содѣйствовать реализаціи ихъ въ нашей странѣ“.

Но на русскомъ престолѣ сидѣлъ не Петръ Великій, не Екатерина II, даже не Діонисій Старшій. Россійскаго Платона не пожелали и выслушать: ему просто не отвѣчали. Чаадаевъ еще разъ написалъ Бенкендорфу, но такъ же безуспѣшно.

Тогда онъ обратился къ министру юстиціи Дашкову, съ которымъ издавна былъ знакомъ, и, по докладѣ его просьбы царю, разрѣшено было принять его на службу въ этомъ министерствѣ. Почему Чаадаевъ не принялъ этого предложенія и, кажется, даже не отвѣчалъ на извѣщеніе Дашкова [1], мы не знаемъ. Такъ кончилась эта классическая исторія о наивномъ философѣ и грубомъ капралѣ; но, надо думать, въ Петербургѣ уже теперь зародилось подозрѣніе насчетъ нормальности умственныхъ способностей Чаадаева.

IV.

А Чаадаевъ, дѣйствительно, чувствовалъ себя носителемъ нѣкоторой высокой и благодѣтельной истины; онъ былъ глубоко проникнутъ сознаніемъ своей миссіи. Еще въ 1831 году онъ заявлялъ, что хотя главная задача его жизни—вполнѣ уяснить и раскрыть эту истину въ глубинѣ своей души и завѣщать ее потомству, онъ, тѣмъ не менѣе, не прочь нѣсколько выйти изъ своей безвѣстности: „это помогло бы дать ходъ идеѣ, которую я считаю себя призваннымъ передать міру" [2]. Онъ, безъ сомнѣнія, не разсчитывалъ на успѣхъ своей проповѣди въ полуобразованномъ и нравственно-равнодушномъ русскомъ обществѣ, и не понималъ даже, какъ можно писать для такой публики, какъ наша („все равно обращаться къ рыбамъ морскимъ, къ птицамъ небеснымъ"); но ему мерещилось „сладостное удовлетвореніе"—собрать вокругъ себя небольшое число прозелитовъ, „нѣсколько теплыхъ и чистыхъ душъ, чтобы вмѣстѣ съ ними призывать дары неба на человѣчество и на отчизну" [3]). Этой цѣли онъ старался достигнуть неустанной устной пропагандой въ дружескомъ кругу, чему свидѣтельствомъ служатъ письма Пановой, Левашовой и пр.; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и естественно, у него рано должно было возникнуть желаніе дать огласку своимъ „Философическимъ письмамъ".

Дѣйствительно, онъ сталъ распространять ихъ обычнымъ тогда рукописнымъ путемъ тотчасъ послѣ того, какъ они были написаны,—притомъ, кажется, не только среди ближайшихъ друзей, какимъ былъ, напримѣръ, Пушкинъ; по крайней мѣрѣ, По-

---

[1]) См. отрывокъ изъ письма Дашкова среди Чаадаевскихъ бумагъ въ Румянц. музеѣ.

[2]) Письмо къ Пушкину, „Бумаги А. С. Пушкина", изд. „Русск. Арх.", Москва 1881 г., стр. 151.

[3]) Письмо къ М. Ѳ. Орлову, 1837 г., „Вѣстн. Европы", 1874 г., іюль, стр. 87.

динъ, тогда мало знакомый съ Чаадаевымъ, читалъ одно изъ нихъ (вѣроятно, первое), уже весною 1830 года [1]). Позднѣе, въ половинѣ 30-хъ годовъ, они ходили по рукамъ уже во многихъ спискахъ и иногда читались даже—повидимому, самимъ Чаадаевымъ—въ салонахъ знакомыхъ дамъ [2]).

Разумѣется, эта случайная и ограниченная публичность не могла удовлетворять его; какъ и всякій писатель, онъ стремился распространить свои идеи путемъ печати, и дѣйствовалъ въ этомъ направленіи съ большой настойчивостью. Съ половины 1831 года до катастрофы 1836 г. мы можемъ прослѣдить четыре такихъ попытки, всѣ четыре—неудачныхъ, и любопытно видѣть, къ какимъ разнообразнымъ средствамъ онъ прибѣгалъ съ цѣлью добраться, наконецъ, до печатнаго станка. Весною 1831 года Пушкинъ увезъ изъ Москвы въ Петербургъ „Философическое письмо“ № 3; изъ писемъ къ нему Чаадаева видно, что поэтъ долженъ былъ пристроить это письмо въ печати, притомъ на французскомъ языкѣ (у французскаго книгопродавца Белизара), и что Чаадаевъ сгоралъ отъ нетерпѣнія напечатать его „вмѣстѣ съ другими своими писаніями“ [3]).

Годъ спустя, онъ дѣлаетъ новую попытку: на этотъ разъ онъ пробуетъ издать у московскаго типографа Семена *по-русски* два законченныхъ отрывка изъ 2-го и 3-го писемъ, но духовная цензура Троицкой академіи отказывается разрѣшить ихъ къ печати [4]). Затѣмъ, въ 1835 или 1836 г., онъ отдаетъ цѣлыхъ два письма, составлявшихъ какъ бы продолженіе знаменитаго впослѣдствіи, въ только-что народившійся „Московскій Наблюдатель“, но и здѣсь безуспѣшно; наконецъ, вѣроятно, въ 1836 г., онъ съ оказіей посылаетъ какую-то свою рукопись А. И. Тургеневу въ Парижъ, для напечатанія въ одномъ изъ французскихъ журналовъ [5]). Очень возможно, что этими четырьмя попытками, о которыхъ случайно сохранились указанія въ перепискѣ Чаадаева, дѣло и не ограничивалось. Только однажды, и совершенно безъ его вѣдома, проникла въ печать небольшая часть написаннаго имъ: въ 1832 году кто-то прислалъ Надеждину, для напечатанія

[1]) Соч. А. С. Пушкина, подъ ред. П. А. Ефремова, 1903, т. VII, стр. 347.

[2]) У Свербеевой. Oeuvres choisies, стр. 187.

[3]) „Бумаги А. С. Пушкина“, стр. 150 и 151, Соч. Пушкина, VII, стр. 419.

[4]) Заключеніе духовной цензуры отъ 31-го янв. 1833 г., въ статьѣ проф. Кирпичникова, въ „Р. М.“ 1896 г., № 4, стр. 149—151. Это были конецъ 2-го письма (опроверженіе мнѣній протестантовъ о католицизмѣ, по изд. Гагарина, стр. 78—86) и часть 3-го (о Моисеѣ, стр. 96—105).

[5]) Ibid., стр. 188.

въ „Телескопѣ“, нѣсколько отрывковъ изъ „Философическихъ писемъ“, съ объясненіемъ, что это—отрывки изъ переписки одного русскаго, и что эта переписка „представляетъ развитіе одной полной, глубоко обдуманной системы“. Это было 4-е „Философическое письмо“ (объ архитектурѣ) и шесть небольшихъ выдержекъ-афоризмовъ, размѣромъ отъ 3 до 30 строкъ. Все это, включая сопроводительную записку, Надеждинъ и напечаталъ въ № 11 „Телескопа“ за 1832 годъ, подъ заглавіемъ: „Нѣчто изъ переписки NN (съ французскаго)“, и только послѣ этого, встрѣтившись съ Чаадаевымъ въ Англійскомъ клубѣ, узналъ отъ него, что онъ и есть авторъ напечатанныхъ отрывковъ [1]). По своей случайности и краткости óни прошли, разумѣется, незамѣченными.

И вдругъ, послѣ столькихъ безплодныхъ стараній, безъ всякаго участія со стороны Чаадаева, появляется въ русскомъ журналѣ та часть его работы, которая имѣла всего меньше шансовъ пройти черезъ цензуру: въ 15-мъ нумерѣ того же „Телескопа“, вышедшемъ въ концѣ сентября 1836 года, было напечатано безъ имени автора первое „Философическое“ письмо,—единственное, гдѣ шла рѣчь о Россіи.

Извѣстно, при какихъ обстоятельствахъ появилось это письмо (переведенное на русскій яз. Н. Х. Кетчеромъ), и какую бурю оно вызвало и въ обществѣ, и въ правительственныхъ сферахъ. Починъ гоненія принадлежалъ, по всей видимости, министру народн. просвѣщ. Уварову [2]); но въ то время, какъ главное управленіе цензуры по его иниціативѣ высказалось лишь за прекращеніе „Телескопа“ съ 1-го января слѣдующаго года и за удаленіе цензора Болдырева, пропустившаго статью, царь лично измѣнилъ эту резолюцію въ томъ смыслѣ, чтобы журналъ запретить сейчасъ, отрѣшить отъ должности не только цензора Болдырева, который былъ ректоромъ московскаго университета, но и Надеждина, занимавшаго каѳедру въ этомъ университетѣ, и обоихъ вызвать въ Петербургъ къ отвѣту. При этомъ о самой статьѣ имп. Николай въ своей помѣткѣ выразился такъ: „Прочитавъ статью, нахожу, что содержаніе оной—смѣсь дерзостной без-

[1]) Показаніе Надеждина въ 1836 г., см. Лемке, „М. Бож.“, 1905, окт., стр. 129.

[2]) „Р. Стар.“ 1903, мартъ, стр. 582; утвержденіе г. Лемке, что дѣло было начато по доносу Строганова изъ Москвы, ни на чемъ не основано; сравн. запись въ дневникѣ Бодянскаго, „Р. Стар.“, 1889 г., окт., стр. 137.—Важнѣйшія данныя по дѣлу о запрещеніи „Телескопа“ см. въ „Р. Ст.“, 1903, мартъ, 580—584; М. К. Лемке въ „М. Бож.“, 1905, окт., 141 и сл.; ноябрь, 137 и сл.; „Р. Стар.“ 1903, III, 580 и сл.; „Р. Арх.“, 1884, № 4, стр. 457 и сл.; „Р. Стар.“, 1887, окт., 221: „Р. Стар.“, 1870, т. I, изд. 3, стр. 586—590; кромѣ того, въ біографіи Жихарева, въ письмахъ самого Чаадаева въ „В. Европы“ за 1891 г. и пр.

смыслицы, достойной умалишеннаго". Это случайно подвернувшееся слово показалось чрезвычайно удачнымъ, и 22-го октября Бенкендорфъ, будучи позванъ къ царю, получилъ приказаніе составить соотвѣтственное „отношеніе" къ московскому ген.-губ. кн. Голицыну. Проектъ, представленный въ тотъ же день, удостоился высочайшаго одобренія: государь собственноручно написалъ на немъ: „очень хорошо". Этотъ документъ, конечно, заслуживаетъ мѣста въ біографіи Чаадаева, какъ яркая черта эпохи: болѣе утонченнаго издѣвательства торжествующей физической силы надъ мыслью, надъ словомъ, надъ человѣческимъ достоинствомъ не видѣла даже Россія. „Въ послѣднемъ № 15 журнала „Телескопъ",—гласила бумага [1]),—помѣщена статья подъ названіемъ Философическія Письма, коей сочинитель есть живущій въ Москвѣ г. Чеодаевъ. Статья сія, конечно уже вашему сіятельству извѣстная, возбудила въ жителяхъ московскихъ всеобщее удивленіе. Въ ней говорится о Россіи, о народѣ Русскомъ, его понятіяхъ, вѣрѣ и исторіи съ такимъ презрѣніемъ, что непонятно даже, какимъ образомъ Русскій могъ унизить себя до такой степени, чтобъ нѣчто подобное написать. Но жители древней нашей столицы, всегда отличающіеся чистымъ здравымъ смысломъ и будучи преисполнены чувствомъ достоинства Русскаго народа, тотчасъ постигли, что подобная статья не могла быть писана соотечественникомъ ихъ, сохранившимъ полный свой разсудокъ, и потому, какъ дошли сюда слухи, не только не обратили своего негодованія противъ г. Чеодаева, но напротивъ изъявляютъ искреннее сожалѣніе свое о постигшемъ его разстройствѣ ума, которое одно могло быть причиною написанія подобныхъ нелѣпостей. Здѣсь получены свѣдѣнія, что чувство состраданія о несчастномъ положеніи г. Чеодаева единодушно раздѣляется всею московскою публикою. Вслѣдствіе сего государю императору угодно, чтобы ваше сіятельство, по долгу званія вашего, приняли надлежащія мѣры къ оказанію г. Чеодаеву возможныхъ попеченій и медицинскихъ пособій. Его Величество повелѣваетъ, дабы вы поручили лѣченіе его искусному медику, вмѣнивъ сему послѣднему въ обязанность непремѣнно каждое утро посѣщать г. Чеодаева, и чтобъ сдѣлано было распоряженіе, дабы г. Чеодаевъ не подвергалъ себя вредному вліянію нынѣшняго сырого и холоднаго воздуха, однимъ словомъ, чтобъ были употреблены всѣ средства къ возстановленію его здоровья".

Какъ извѣстно, „Телескопъ" былъ тотчасъ запрещенъ, На-

[1]) „Р. Арх.", 1885, № 1, стр. 132.

деждинъ сосланъ въ Усть-Сысольскъ, Болдыревъ отставленъ отъ должности, журналамъ и газетамъ приказано не упоминать о Чаадаевской статьѣ. У самого Чаадаева былъ сдѣланъ обыскъ и взяты для отправки въ III-е отдѣленіе всѣ его бумаги, а 1-го ноября онъ былъ приглашенъ къ оберъ-полицеймейстеру для объявленія ему царскаго приказа о признаніи его умалишеннымъ. Чаадаевъ сначала, повидимому, растерялся и обнаружилъ большое малодушіе: бросился къ Строганову, потомъ еще написалъ ему, написалъ послѣ допроса и оберъ-полицеймейстеру, самъ послѣ обыска доставилъ ему двѣ свои рукописи, бывшія въ день обыска внѣ его квартиры,—и все это съ цѣлью доказать властямъ, „сколь мало онъ раздѣляетъ мнѣніе нынѣ бредствующихъ умствователей". Но кару онъ встрѣтилъ съ достоинствомъ и, имѣя обширныя связи въ Петербургѣ, не пытался пустить ихъ въ ходъ [1]). Медико-полицейскій надзоръ за нимъ выражался въ запрещеніи выѣзжать, въ ежедневныхъ посѣщеніяхъ полицейскаго лекаря и обычномъ надзорѣ полиціи, причемъ Чаадаевъ могъ совершать прогулки и принимать у себя кого угодно. Ежедневные визиты врача, однако, скоро прекратились, а годъ спустя (въ октябрѣ 1837 г.), медико-полицейскій надзоръ и вовсе былъ снятъ съ Чаадаева, подъ условіемъ „не смѣть ничего писать", т.-е. печатать [2]).

V.

Статья Чаадаева вызвала, какъ извѣстно, большой шумъ въ обществѣ. „Ужасная суматоха", „такой трезвонъ, что ужасъ", „остервенѣніе", „большіе толки": такими словами опредѣляютъ современники произведенное ею впечатлѣніе. Послѣдовавшій вскорѣ разгромъ „Телескопа" особенно обострилъ интересъ къ преступной статьѣ; она распространилась во множествѣ рукописныхъ копій и, какъ показываетъ примѣръ Герцена, проникла даже въ глухіе провинціальные углы. Больше всего толковъ и споровъ было, конечно, въ московскихъ салонахъ, въ кругу ближайшихъ друзей Чаадаева. 26-го октября А. И. Тургеневъ писалъ изъ Москвы Вяземскому: „Ежедневно, съ утра до шумнаго вечера (который проводятъ у меня въ сильномъ и громогласномъ спорѣ Чаадаевъ, Орловъ, Свербеевъ, Павловъ и прочіе), оглашаемъ я преніями собственными и сообщаемыми изъ другихъ салоновъ

[1]) См. письма Ч. въ „В. Европы", 1871 и 74 гг.; Жихаревъ въ „В. Европы" 1871, сент., стр. 36; „Ост. Арх.", III, 343, 345, 349, 354, 359.

[2]) „М. Бож.", 1905 г., дек., стр. 94.

объ этой филиппикѣ" [1]); Баратынскій и Хомяковъ собирались печатно полемизировать съ Чаадаевымъ, и онъ самъ, вѣроятно, въ шутку хотѣлъ отвѣчать себѣ языкомъ и мнѣніями М. Ѳ. Орлова. Немногіе, какъ Герценъ и его вятскіе друзья, горячо рукоплескали Чаадаеву, но огромное большинство голосовъ было противъ него: „на автора возстало все и всѣ съ небывалымъ до того ожесточеніемъ", разсказываетъ современникъ; самъ Чаадаевъ свидѣтельствуетъ о томъ, что еще до кары нѣкоторые члены московскаго общества высказывались за высылку его изъ столицы, а его пріятель Тургеневъ по поводу этой кары писалъ Вяземскому: „Но чего же опасаться, если всѣ, особливо пріятели его, такъ сильно возстали на него?" [2])

За что же рукоплескали одни, и за что негодовали другіе?

Въ религіозно-исторической доктринѣ „Философическихъ писемъ" сужденіе Чаадаева о Россіи не играетъ никакой существенной роли: оно представляетъ собою лишь выводъ изъ его религіозно-философскаго догмата,—выводъ, который по существу стоитъ и падаетъ съ этимъ основнымъ положеніемъ. Этого не понялъ почти никто; почти никто не замѣтилъ его тезиса,—всѣмъ одинаково, и рукоплескавшимъ, и остервенившимся, бросился въ глаза только выводъ, касавшійся Россіи, и всѣ, не задумываясь, придали ему абсолютный смыслъ. Россія—пробѣлъ разумѣнія, наше настоящее ничтожно, прошедшаго у насъ совсѣмъ нѣтъ, намъ чужды руководящія идеи долга, порядка и права, мы равнодушны къ добру и истинѣ, намъ нужно переначать для себя воспитаніе рода человѣческаго, и т. п., и т. п.: вотъ все, что вычитали въ Чаадаевской статьѣ ея читатели, и за это порицаніе Россіи одни привѣтствовали, другіе осуждали автора.

Молодой Герценъ, политическій ссыльный, рукоплескалъ потому, что услышалъ въ письмѣ Чаадаева „безжалостный крикъ боли и упрека Петровской Россіи", „мрачный обвинительный актъ противъ Россіи, протестъ личности, которая за все вынесенное хочетъ высказать часть накопившагося на сердцѣ" [3]). Очевидно, настроеніе автора совпало съ настроеніемъ читателя, и читатель даже не заподозрилъ, что настроеніе автора обусловлено совсѣмъ иными причинами, нежели его собственное. Герценъ говоритъ: „Это былъ выстрѣлъ, раздавшійся въ темную

[1]) „Ост. Арх.", III, стр. 337.

[2]) „Записки" Д. Н. Свербеева, II, 395; „В. Европы", 1874, іюль, стр. 64; „Ост. Арх.", III, 354.

[3]) Соч. Герцена, 1905, т. II, стр. 403. Сравн. его же „Du développ. des idées révolut. en Russie", Paris, 1851, стр. 109—110.

ночь"; да, но Герценъ, не справившись, кто и въ кого стрѣляетъ, мгновенно рѣшилъ, что это—союзникъ, и что выстрѣлъ направленъ противъ общаго врага. А общаго только и было, что настроеніе: боль и упрекъ.

Напротивъ, Вигель пришелъ въ негодованіе и поспѣшилъ съ доносомъ потому, что „многочисленнѣйшій народъ въ мірѣ, въ теченіе вѣковъ существовавшій, препрославленный, къ коему, по увѣренію автора статьи, онъ самъ принадлежитъ, поруганъ имъ, униженъ до невѣроятности" [1]); другой сикофантъ, Татищевъ, былъ возмущенъ статьею потому, что и подъ прикрытіемъ проповѣди въ пользу папизма авторъ излилъ на свое собственное отечество такую ужасную ненависть, что она могла быть внушена ему только адскими силами" [2]); наконецъ, Вяземскій, умный Вяземскій, съ непринужденностью свѣтскаго человѣка и царедворца какъ разъ въ это время сочинялъ доносъ (который Пушкинъ снабдилъ глубоко-печальными примѣчаніями), гдѣ писалъ: „Письмо Чаадаева не что иное, въ сущности своей, какъ отрицаніе той Россіи, которую съ подлинника списалъ Карамзинъ" (т.-е. основанной на трехъ Уваровскихъ началахъ) [3]).

Словомъ, и поклонники, и хулители вырвали изъ контекста средній членъ: „Россія, какъ она есть, равна нулю", отбросивъ все остальное; съ какой точки зрѣнія авторъ призналъ ее равной нулю, это никого не интересовало: утвержденію придали безусловный характеръ, или, вѣрнѣе, его наполнили обычнымъ публицистическимъ содержаніемъ. Современники окарнали мысль Чаадаева и грубо вульгаризировали ту часть ея, которая одна оказалась имъ по плечу.

Понялъ вполнѣ, повидимому, только одинъ человѣкъ: это былъ,

---

[1]) Доносъ Ф. Ф. Вигеля—„Русск. Стар.", 1870 г., т. I, изд., 3-е, стр. 586.

[2]) М. К. Лемке, ibid., стр. 145.

[3]) „Проектъ письма къ мин. нар. просв. гр. С. С. Уварову съ замѣтками А. С. Пушкина", Полн. собр. соч. кн. П. А. Вяземскаго, 1879 г., т. II, стр. 211 и дал. Тотъ же Вяземскій, въ частномъ письмѣ къ А. Тургеневу о „Философ. письмѣ", 28 окт. 1836 г., писалъ, что видитъ тутъ со стороны Чаадаева только „непомѣрное самолюбіе", раздраженную жажду театральной эффектности и большую неясность, зыбкость и туманность въ понятіяхъ". „Что за глупость пророчествовать о прошедшемъ!.. И думать, что народъ скажетъ за это спасибо, за то, что выводятъ по старымъ счетамъ изъ него не то что ложное число, а просто нуль! Такого рода парадоксы хороши у камина для оживленія разговора, но далѣе пускать ихъ нельзя, особенно же у насъ, гдѣ умы не приготовлены и не обдержаны преніями противоположныхъ мнѣній". На это Тургеневъ отвѣчаетъ: „Я совершенно согласенъ съ тобою во мнѣніи о Чаадаевѣ",—и разсказываетъ, что, прочитавъ письмо въ „Телескопѣ", при первомъ свиданіи такъ сильно напалъ на Чаадаева „за суетность авторскаго самолюбія", что они едва не поссорились („Остаф. Арх.", III, 341, 345).

какъ и слѣдовало ожидать, Пушкинъ. Если бы изъ всего, созданнаго Пушкинымъ, до насъ дошло только письмо, написанное имъ по полученіи отъ Чаадаева оттиска статьи изъ „Телескопа“,— этихъ трехъ страницъ было бы достаточно, чтобы мы признали его замѣчательнѣйшимъ человѣкомъ тогдашней Россіи: такъ много въ нихъ ума, такъ высоко и пламенно дышащее въ нихъ чувство. Онъ сразу уловилъ самую сердцевину ученія Чаадаева—идею имманентнаго дѣйствія духа Божія въ исторіи человѣчества—и возражаетъ ему, становясь на его собственную точку зрѣнія. Наша обособленность отъ Европы, вызванная религіозными причинами, не была,—говоритъ онъ,—несчастной исторической случайностью; но у насъ было особенное призваніе, которое только подъ этимъ условіемъ и могло осуществиться: Россіи было предназначено спасти христіанскую цивилизацію отъ татарскаго разгрома,—вотъ почему она *должна была* по волѣ Провидѣнія, исповѣдуя христіанство, жить отдѣльно отъ христіанскаго міра, „чтобы наше мученичество ни на минуту не нарушило энергическаго развитія католической Европы“. Какова бы ни была фактическая цѣнность этого довода, во всякомъ случаѣ, онъ билъ прямо въ цѣль. Такъ же мѣтки дальнѣйшія, частныя возраженія Пушкина касательно Византіи и ея вліянія на русскую церковь и касательно нашего историческаго ничтожества. Во всемъ, что̀ относится къ характеристикѣ современнаго русскаго общества, онъ вполнѣ соглашается съ Чаадаевымъ, и эти строки поразительны по страстной горечи и силѣ языка; но этотъ пунктъ, какъ и слѣдовало, занимаетъ въ его отвѣтѣ лишь частное мѣсто, не застилая основной, несравненно болѣе широкой темы спора [1]).

VI.

Чаадаевъ, несомнѣнно, былъ вполнѣ правъ, утверждая позднѣе, что напечатаніе его письма въ „Телескопѣ“ было для него самого неожиданностью: Надеждинъ, раздобывъ гдѣ-то копію письма,

---

[1]) Соч. А. С. Пушкина, изд. подъ ред. П. А. Ефремова, 1903, т. VII, стр. 662—664 (сравн. чрезвычайно любопытный черновой набросокъ, ibid., стр. 664—5). Письмо писано 19 октября, и не было отправлено по назначенію, какъ думаютъ, потому, что Пушкинъ тѣмъ временемъ узналъ о карѣ, постигшей Чаадаева; на послѣдней страницѣ своего письма Пушкинъ написалъ шотландскую пословицу: „Воронъ ворону глаза не выклюетъ“. Объ исторіи этого письма см. „Русск. Арх.“, 1884, № 4, стр. 453, „Русск. Стар.“, 1903 г., октябрь, стр. 185—6; А. Н. Веселовскій, В. А. Жуковскій, СПб., 1904 г., стр. 395 и прим.

обратился къ нему за дозволеніемъ печатать только тогда, когда статья была уже разрѣшена цензоромъ и даже набрана, и онъ далъ согласіе — „увидя въ самой чрезвычайности этого случая какъ бы намекъ Провидѣнія" [1]). И дѣйствительно, было бы болѣе чѣмъ странно, если бы онъ самъ вздумалъ напечатать это письмо; во-первыхъ, оно было писано не для публики и въ отдѣльности не имѣло смысла; во-вторыхъ—теперь, въ 1836 году, онъ на многое смотрѣлъ иначе, нежели шесть лѣтъ назадъ, когда оно писалось, особенно какъ разъ на тотъ предметъ, который былъ главной темою этого письма,—на характеръ и назначеніе Россіи. Эту перемѣну въ своихъ взглядахъ онъ самъ открыто удостовѣрилъ въ письмѣ къ гр. Строганову, писанномъ тотчасъ послѣ кары; да и со стороны она была настолько ясна, что, напримѣръ, А. И. Тургеневъ немало удивился, увидѣвъ въ „Телескопѣ" Чаадаевскую статью,—потому что Чаадаевъ-де „уже давно *своихъ* мнѣній самъ не имѣетъ—и измѣнилъ ихъ существенно" [2]). Мы теперь, имѣя въ рукахъ цѣлый рядъ писемъ Чаадаева за промежуточные годы, безъ труда можемъ возстановить ходъ развитія его мысли, приведшій къ этой перемѣнѣ.

Изъ этихъ писемъ прежде всего съ полной очевидностью явствуетъ, что апріорныя и историко-философскія убѣжденія Чаадаева остались неизмѣнными, какъ и вообще періодъ идейнаго творчества окончательно завершился для него къ тому моменту, когда онъ вернулся въ общество. Перемѣна коснулась (если не считать мелкихъ поправокъ) только частнаго пункта, какимъ былъ его прикладной выводъ относительно Россіи.

Когда въ „Философическихъ письмахъ" Чаадаевъ утверждалъ, что исторія Россіи, стоявшей внѣ обще-христіанскаго единства, сдѣлалась вслѣдствіе этого какой-то чудовищной аномаліей и сама Россія представляетъ собою въ настоящую минуту lacuna среди европейскихъ народовъ, то при тогдашнемъ его настроеніи это установленіе факта естественно приняло судебный характеръ, т.-е. превратилось въ осужденіе прошлаго Россіи и обличеніе ея настоящаго. Но при болѣе спокойномъ отношеніи къ дѣлу этотъ самый фактъ могъ быть истолкованъ и иначе: онъ допу-

---

[1]) „Вѣстн. Европы", 1871 г., ноябрь, стр. 326. Сравн. противоположное показаніе Надеждина, сдѣланное на допросѣ („Міръ Божій", 1905 г., ноябрь, стр. 138—139); оно не заслуживаетъ никакого довѣрія какъ по общему своему характеру, такъ и по сравненію съ показаніемъ Чаадаева въ нѣсколькихъ *частныхъ* письмахъ (къ брату и т. п.).

[2]) „Остаф. Арх.", III, 354. Письмо къ гр. Строганову въ „Вѣстн. Европы", 1874 г., іюль, стр. 85—86.

самъ чисто-объективную оцѣнку, и телеологическая точка зрѣнія, на которой стоялъ Чаадаевъ, какъ разъ этого требовала. Мы видѣли, что именно такъ поступилъ Пушкинъ; естественно было сказать себѣ, что тысячелѣтняя исторія огромнаго народа не можетъ быть сплошной ошибкою, что, напротивъ, въ своеобразіи его судьбы—разгадка и залогъ его исключительнаго предназначенія. Характерно, что въ знаменитомъ „Философическомъ письмѣ" Чаадаевъ едва касается вопроса о будущемъ Россіи, поглощенный живописаніемъ ея прошлаго и настоящаго, тогда какъ его письма 30-хъ годовъ наполнены разсужденіями о будущности русскаго народа. Тогда угрюмый отшельникъ, выброшенный изъ жизни, онъ являлся судьею-обвинителемъ своей родины, а судить можно только прошлое и настоящее; теперь, успокоившись и вернувшись въ дѣйствительность, онъ почувствовалъ себя гражданиномъ, и его мысль направилась впередъ, на будущее. Если, такимъ образомъ, источникъ перемѣны, происшедшей во взглядахъ Чаадаева, былъ не столько логическаго, сколько психологическаго свойства, то, съ другой стороны, очень вѣроятно, какъ думаетъ П. Н. Милюковъ [1]), что содержаніе его новой мысли было до извѣстной степени опредѣлено тѣмъ умственнымъ теченіемъ, которое онъ встрѣтилъ по вступленіи въ московское общество. Не то чтобы на него оказалъ прямое вліяніе „московскій шеллингизмъ", но онъ попалъ здѣсь въ атмосферу, насыщенную историко-философскими идеями особаго рода: здѣсь съ живымъ увлеченіемъ дебатировались вопросы о всемірно-исторической роли народовъ, о провиденціальной миссіи, о понятіи національности и пр., и эти категоріи мышленія, нечуждыя ему и до сихъ поръ, но затмеваемыя его религіозно-исторической концепціей, не могли не отразиться на дальнѣйшемъ развитіи его ученія.

Новая мысль Чаадаева созрѣла не сразу, и, по счастью, мы можемъ прослѣдить ея послѣдовательные этапы. Первый изъ нихъ закрѣпленъ въ книгѣ, написанной не Чаадаевымъ. Въ 1833 году (цензурная помѣта—24 марта) вышло въ Москвѣ вторымъ, совершенно переработаннымъ изданіемъ сочиненіе д-ра Ястребцова: „О системѣ наукъ, приличныхъ въ наше время дѣтямъ, — назначаемыхъ къ образованнѣйшему классу общества". Въ этой книгѣ страницы, посвященныя характеристикѣ Россіи, представляютъ собою изложеніе мыслей Чаадаева, какъ о томъ добросовѣстно заявляетъ самъ авторъ. Когда позднѣе надъ Чаадаевымъ разразилась гроза изъ-за „Философическаго письма",

---

1) „Главныя теченія русск. ист. мысли", стр. 386 и сл.

онъ, чтобы оправдать себя, послалъ Строганову книгу Ястребцова, прося его прочитать „эти страницы, писанныя подъ мою диктовку, въ которыхъ мои мысли о будущности моего отечества изложены въ выраженіяхъ довольно опредѣленныхъ, хотя неполныхъ“ [1]).

Эти страницы, внушенныя Чаадаевымъ, представляютъ собою развитіе и обоснованіе тезиса, что „Россія способна къ великой силѣ просвѣщенія“. Исходная точка — та же, что и въ „Философическомъ письмѣ“, именно указаніе на полную историческую изолированность Россіи; но эта изолированность, служившая тамъ главной уликой противъ Россіи, теперь освѣщается совершенно иначе: она оказывается вѣрнѣйшимъ залогомъ грядущаго совершенствованія нашей родины.

Этотъ выводъ основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ. Культура, представляя собою плодъ коллективной работы всѣхъ предшествующихъ поколѣній, даромъ достается каждому новому пришельцу. Поэтому счастливъ народъ, родившійся поздно: онъ наслѣдуетъ всѣ сокровища, накопленныя человѣчествомъ; онъ безъ труда и страданій пріобрѣтаетъ средства матеріальнаго благосостоянія, средства умственнаго и даже нравственнаго развитія, добытыя цѣною безчисленныхъ ошибокъ и жертвъ, и даже самыя заблужденія прошедшихъ временъ могутъ служить ему полезными уроками. Таково положеніе Россіи: она во многихъ отношеніяхъ молода по сравненію со старой Европой и, подобно Сѣверной Америкѣ можетъ даромъ наслѣдовать богатства европейской культуры. Притомъ, молодость—возрастъ, наиболѣе благопріятствующій и усвоенію навыковъ и знаній, и быстрому развитію собственнаго духа,—такъ сказать, пластическій, по преимуществу.

Но въ наслѣдствѣ, которое досталось Россіи, истина смѣшана съ заблужденіемъ. Его нельзя принять безъ разбора; необходимо отдѣлить плевелы отъ истиннаго добра и воспользоваться только послѣднимъ. И здѣсь-то главное основаніе нашей патріотической надежды: великая выгода Россіи не только въ томъ, что она можетъ присвоить себѣ плоды чужихъ трудовъ, а въ томъ, что она можетъ заимствовать съ полной свободой выбора, что ничто не мѣшаетъ ей, принявъ доброе, отвергнуть

---

[1]) Письмо къ гр. Строганову отъ 8 ноября 1836 г., „Вѣстн. Европы“, 1874 г., іюль, стр. 85. Сравн. также въ письмѣ къ И. Д. Якушкину, ibid., 89. То же писалъ А. И. Тургеневъ Вяземскому, конечно со словъ Чаадаева: „Онъ (Чаадаевъ) писалъ третьяго дня къ графу Строганову и послалъ ему книгу Ястребцова, гдѣ о немъ и почти его словами говорится... и все въ пользу Россіи и въ надеждѣ ея быстраго усовершенствованія“ („Остаф. Арх.“, III, 359).

дурное. Народы съ богатымъ прошлымъ лишены этой свободы, ибо прошедшая жизнь народа глубоко вліяетъ на его настоящую жизнь. Пережитыя событія, страсти и мнѣнія образуютъ въ душѣ народа могучія пристрастія или наклонности, налагающія печать на все его существованіе, создающія въ немъ, такъ сказать, психическую атмосферу, изъ которой онъ не можетъ вырваться даже тогда, когда чувствуетъ ея вредъ. Эти „предубѣжденія" дѣйствуютъ помимо сознанія, входятъ въ самое существо человѣка, отравляютъ кровь,—и даже умы наиболѣе сильные и независимые, несмотря на всѣ свои старанія, не могутъ совершенно избѣгнуть дѣйствія этой отравы. Разумѣется, преданіе имѣетъ и другую сторону: оно является, вмѣстѣ съ тѣмъ, могущественнымъ орудіемъ культурнаго развитія. Но оно равно служитъ и добру, и злу, и въ послѣднемъ случаѣ его вліяніе чрезвычайно вредно.

Россія свободна отъ пристрастій, потому что прошлое какъ бы не существуетъ для нея; живыхъ преданій у нея почти нѣтъ, а мертвыя преданія безсильны: „Какъ сердце отрока, не измученное еще и не воспитанное ни любовью, ни ненавистью, но къ той и другой готовое, она расположена ко всѣмъ впечатлѣніямъ. Разсудокъ ея не увлекается постороннею силою и имѣетъ, слѣдовательно, полную свободу принять одно полезное и отбросить все вредное. На все, свершившееся до нея и свершающееся передъ нею, она смотритъ еще безпристрастными, хладнокровными глазами, и можетъ устроить участь свою обдуманно,— въ чемъ и состоитъ назначеніе и торжество ума".

Такова новая мысль Чаадаева. Очевидно, неизмѣннымъ осталось не только его представленіе о прошломъ Россіи, но и его представленіе объ ея будущемъ, увѣренность въ томъ, что ей предстоитъ пережить — можетъ быть, только въ болѣе стройной формѣ — все развитіе христіанскаго, т.-е. западно-европейскаго міра. Новаго въ этой его новой мысли — только ея оптимистическая окраска, заставляющая его находить въ прошломъ опору для надежды на будущее; но отсюда возникаетъ новый взглядъ на настоящее состояніе Россіи: ея психическая необремененность выставляется какъ ея главная отличительная черта и важное преимущество.

Дальнѣйшій шагъ напрашивался теперь самъ собою. Чѣмъ болѣе Чаадаевъ вдумывался въ эту вновь открытую имъ особенность русскаго духа, тѣмъ неизбѣжнѣе было для него, по свойствамъ его мышленія, видѣть въ ней не просто эмпирическій продуктъ стихійныхъ историческихъ силъ, а нѣчто провиденці-

альное; и чѣмъ болѣе онъ убѣждался въ томъ, что эта необремененность—дѣйствительно, самая разительная черта нашей соціальной физіономіи, тѣмъ полнѣе должна была созрѣвать въ немъ увѣренность, что Россія — не чета западно-европейскимъ странамъ, что ей предначертана совершенно исключительная миссія, о чемъ-де ясно свидѣтельствуетъ исключительность ея развитія. Само собою разумѣется, что свое представленіе объ этой миссіи Чаадаевъ долженъ былъ почерпнуть изъ своей общей историко-философской концепціи; а назначеніемъ человѣчества онъ считалъ осуществленіе христіанскаго мистическаго идеала, или водвореніе на землѣ царствія Божія.

Такъ рисуется намъ мысль Чаадаева въ его письмахъ 1835—37 гг. [1]). Онъ исходитъ изъ стараго своего тезиса о прошломъ Россіи. Онъ повторяетъ, что въ то время, какъ вся исторія западно-европейскихъ народовъ представляла собою осуществленіе и развитіе нѣкоей единой идеи, ввѣренной имъ съ самаго начала, и потому ихъ жизнь была полна движенія и смысла, богата творчествомъ и открытіями,—нашей исторіи чуждъ самый принципъ ихъ культуры, да чужда и вообще всякая руководящая идея, и потому наше прошлое безплодно и пустынно. Но теперь онъ видитъ въ этомъ различіи прямое проявленіе Божьей воли. Онъ говоритъ себѣ: недаромъ Провидѣніе ведетъ Россію особеннымъ путемъ; очевидно, Оно готовитъ русскій народъ къ иному служенію, нежели прочіе христіанскіе народы.

Отсюда съ логической необходимостью вытекаетъ рядъ чрезвычайно важныхъ послѣдствій. Прежде всего, разъ наша изолированность отъ остальныхъ европейскихъ націй есть не печальная историческая случайность или результатъ человѣческихъ ошибокъ, а органически входитъ въ планъ нашихъ судебъ, предначертанный Верховнымъ Разумомъ, то совершенно ясно, что всякая попытка съ нашей стороны ассимилироваться съ Европой, подражать ей или усвоивать ея цивилизацію, идетъ въ разрѣзъ съ нашимъ назначеніемъ—и потому нелѣпа и вредна. Напротивъ, нашъ долгъ—какъ можно глубже и яснѣе опредѣлить наше *я*, проникнуться сознаніемъ нашего національнаго своеобразія, честно и безъ иллюзій отдать себѣ отчетъ въ нашихъ достоинствахъ и недостаткахъ, словомъ—выйти изъ лжи и стать на почву истины. Только тогда мы сознательно и быстро ди-

[1]) См. особенно „Oeuvres choisies“, стр. 172—184, и „Вѣстн. Европы“ 1874, іюль, стр. 85 88.—Эти же мысли выражены уже въ цитированномъ выше письмѣ Чаадаева къ имп. Николаю отъ 1833 г., хотя возможно, что здѣсь національный элементъ выдвинутъ на первый планъ отчасти и въ угоду адресату.

немся по предназначенному намъ пути. Спрашивается: какова же наша миссія, отличная отъ общей миссіи западныхъ христіанскихъ народовъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, Чаадаевъ выставляетъ три посылки. Изъ нихъ двѣ уже намъ знакомы. Первая — это указаніе на дѣвственность русскаго духа. Старое европейское общество несетъ на себѣ бремя всего своего прошлаго; былыя страсти и волненія оставили глубокіе слѣды въ его психикѣ, и донынѣ властвуютъ надъ нимъ въ видѣ пристрастій, предразсудковъ, косныхъ навыковъ, не дающихъ ему свободно слѣдовать внушеніямъ разума. Оттого его жизнь далеко отстаетъ позади его сознанія. Россія, напротивъ, чужда страстямъ, обуревающимъ тамъ умы, ея взглядъ не затуманенъ вѣковыми предразсудками и эгоизмами; русскій умъ безличенъ по существу, абсолютно свободенъ отъ предвзятости; онъ можетъ, слѣдовательно, спокойно и безпристрастно разобраться въ вопросахъ, болѣзненно задѣвающихъ душу западнаго человѣка.

Второе преимущество Россія передъ западными народами заключается, какъ мы видѣли, въ томъ, что она родилась позже ихъ, и что, слѣдовательно, къ ея услугамъ весь ихъ опытъ и вся работа вѣковъ. Третьей же и главной посылкой является указаніе на особенный характеръ православія: въ Россіи,—говоритъ Чаадаевъ,—христіанство осталось чистымъ отъ соприкосновенія съ людскими страстями и земными интересами; здѣсь оно, подобно своему божественному основателю, только молилось и смирялось.

Эти три соображенія приводятъ Чаадаева къ мысли, что Россіи суждено раньше всѣхъ странъ на свѣтѣ провозгласить тѣ великія и святыя истины, которыя затѣмъ должна будетъ принять вся вселенная—послѣднія истины христіанства. Ея юный, непредубѣжденный умъ отвѣтитъ на всѣ вопросы, раздирающіе европейскій міръ, и рѣшитъ загадку всемірной исторіи; и это будетъ результатомъ не вѣковыхъ исканій, а одного могучаго порыва, который сразу вознесетъ ее на вершину, пока еще недосягаемую для европейскихъ народовъ. Настанетъ день, когда мы займемъ въ духовной жизни Европы такое же важное мѣсто, какое мы сейчасъ занимаемъ въ ея политической жизни, и въ той сферѣ наше вліяніе будетъ еще несравненно могущественнѣе, нежели въ этой. Таковъ будетъ естественный результатъ нашего долгаго уединенія, ибо все великое зрѣетъ въ одиночествѣ и молчаніи. Итакъ, Россія совершенно откалывается отъ Европы. Конечная цѣль остается у нихъ одна: это—осуществле-

ніе христіанскаго завѣта; но теперь Чаадаевъ уже не скажетъ (какъ говорилъ еще такъ недавно, въ книгѣ Ястребцова), что Европа показываетъ путь къ этой цѣли, и что Россіи остается только обдуманно слѣдовать ей. Нѣтъ, въ его доктринѣ явилось дѣйствительно новое звено. По смыслу „Философическихъ писемъ", путь осуществленія христіанскаго идеала ведетъ черезъ раскрытіе всѣхъ матеріальныхъ потенцій, чрезъ проникновеніе духа въ отдаленнѣйшіе закоулки плотскаго бытія. Это и есть путь, которымъ идетъ Европа. Теперь Чаадаевъ какъ будто говоритъ: Россіи незачѣмъ продѣлывать для себя эту работу сначала; Европа исполнила уже значительную часть задачи, и Россія должна — и, благодаря своей свѣжей воспріимчивости, *можетъ* — просто взять готовый плодъ ея усилій; это дастъ намъ возможность, затѣмъ, съ такой быстротой приблизиться къ конечной цѣли, что мы далеко опередимъ исторически-прогрессивную Европу.

Теперь Чаадаевъ еще съ бо́льшей доказательностью, чѣмъ раньше, настаиваетъ на важности яснаго національнаго самосознанія. Попытки зарождающагося славянофильства возсоздать по даннымъ исторіи русскій національный обликъ, повергаютъ его въ уныніе. Онъ видитъ тутъ двойную опасность: эта узкая патріотическая идея не только противорѣчитъ общехристіанскому идеалу сліянія народовъ, но и въ корнѣ искажаетъ понятіе нашей миссіи. Залогъ нашего будущаго—не въ нашемъ прошломъ, которое безжизненно и пустынно, а въ современной нашей позиціи по отношенію къ окружающему насъ міру. Національный эгоизмъ намъ не присталъ—для этого Россія слишкомъ могущественна. Она призвана вести общечеловѣческую политику; слава Александру I, понявшему это! Россіи, разъ она сознала свое призваніе, надлежитъ брать на себя починъ всѣхъ благородныхъ идей, потому что она свободна отъ страстей, предразсудковъ и корыстей Европы. Намъ надо понять, что Провидѣніе поставило насъ внѣ игры національныхъ интересовъ и ввѣрило намъ интересы всего человѣчества, что къ этому фокусу должны сходиться и изъ него исходить всѣ наши идеи въ практической жизни, въ наукѣ и искусствѣ, что мы—чудо въ этомъ мірѣ, лишенное тѣсной связи съ его прошлымъ и сейчасъ стоящее въ немъ особнякомъ; наконецъ, что въ этой задачѣ—вся наша будущность, и что если мы не признаемъ своей миссіи, если будемъ ее игнорировать, то обречемъ себя на уродливое и безсмысленное существованіе.

Письмо къ А. И. Тургеневу, гдѣ высказаны изложенныя сі-

часъ мысли Чаадаева, кончается тѣмъ же молитвеннымъ возгласомъ, который стоитъ въ эпиграфѣ его знаменитаго (перваго) „Философическаго письма“: „Adveniat regnum tuum! Да пріидетъ царствіе Твое!“ Его вѣра осталась та же, измѣнился только его взглядъ на роль Россіи въ осуществленіи царствія Божія.

Мы видѣли, какъ послѣдовательно развивалась его мысль о Россіи: „Философическое письмо“ писано въ 1829 году, книга Ястребцова—въ 1832-мъ, письмо къ Тургеневу—въ 1835-мъ. Послѣднимъ его этапомъ на этомъ пути является „Апологія сумасшедшаго“, написанная, безъ сомнѣнія, въ 1837 году.

Эта блестящая по формѣ „Апологія“ осталась неоконченной, вѣрнѣе—едва начатой; по крайней мѣрѣ, то, что̀ дошло до насъ, представляетъ не что̀ иное, какъ предисловіе pro domo sua, за которымъ, судя по его заключительнымъ строкамъ, должно было слѣдовать систематическое разсужденіе по существу. „Апологія“ писана, какъ показываетъ самое ея заглавіе, тотчасъ послѣ объявленія Чаадаева сумасшедшимъ; онъ преслѣдовалъ здѣсь двойственную задачу: оправдаться предъ высшей властью—и разбить своихъ теоретическихъ противниковъ. Случайность обѣихъ этихъ цѣлей—виною въ томъ, что „Апологія“ по содержанію устарѣла гораздо больше „Философическихъ писемъ“. Здѣсь много полемики противъ взглядовъ, теперь уже давно забытыхъ, много детальныхъ поправокъ къ письму, напечатанному въ „Телескопѣ“, много мѣстъ—какъ замѣтилъ уже А. Н. Пыпинъ,—написанныхъ въ намѣренно-охранительномъ тонѣ; основныя же идеи Чаадаева о Россіи выступаютъ лишь попутно и, разумѣется, безъ всякой послѣдовательности. Все это течетъ въ непринужденномъ монологѣ однимъ плавнымъ потокомъ; но мы не будемъ излагать „Апологію“ въ цѣломъ, предпочитая для ознакомленія съ нею отослать читателя къ ея подлинному тексту. Насъ занимаетъ здѣсь только ея положительная историко-философская часть: разсѣянныя въ ней мысли Чаадаева о Россіи.

Въ общемъ онѣ не измѣнились по сравненію съ письмомъ къ Тургеневу 1835 года. На первомъ планѣ — тѣ же три тезиса: 1) прошлое Россіи равно нулю; 2) въ настоящемъ у нея два громадныхъ преимущества предъ западной Европой: незасоренность психики и возможность использовать опытъ старшихъ братьевъ; 3) въ будущемъ ея призваніе—указать остальнымъ народамъ путь къ разрѣшенію высшихъ вопросовъ бытія. Условія для осуществленія этой миссіи—ясно сознать исключительность своего призванія и въ полной мѣрѣ усвоить умственное богатство Запада. Только вполнѣ отрѣшившись отъ нашего прошлаго

и воспринявъ своимъ свѣжимъ разумомъ послѣднее слово западной цивилизаціи, мы можемъ достигнуть предуказанной намъ цѣли. Итакъ, намъ, по мысли Чаадаева, грозятъ двѣ великія опасности: одна—если мы пойдемъ не своимъ особымъ, еще невиданнымъ путемъ, этой горной тропинкой народа, не имѣющаго исторіи, а захотимъ идти торной дорогой западныхъ народовъ; они правы, когда выводятъ каждый свою идею изъ своего прошлаго, но насъ, чья исторія—пустое мѣсто, этотъ путь можетъ привести лишь къ фикціямъ и самообману; другая опасность—если мы будемъ игнорировать западный опытъ, ибо этимъ мы лишаемъ себя драгоцѣннаго подспорья.

Мысль Чаадаева, оставаясь въ существѣ тою же, достигла, очевидно, гораздо бóльшей опредѣленности. Центральное мѣсто въ ней занялъ вопросъ объ отношеніи Россіи къ западной Европѣ. Чаадаевъ строго-логически вывелъ изъ своихъ посылокъ такой отвѣтъ: жить на свой манеръ, не подражая Европѣ, но непрерывно пользуясь плодами ея долгаго опыта, какъ научилъ насъ Петръ Великій; иными словами—твердое сознаніе нашей національной самобытности и тѣсное культурное общеніе съ западными народами. Съ этой точки зрѣнія Петровская реформа получала новый, неожиданный смыслъ: Петръ, именно, понялъ, что путь нормальнаго, *историческаго* развитія, какимъ шли западные народы,—не нашъ путь; онъ и отрѣзалъ Россію отъ ея прошлаго, прививъ ей западную образованность, не для того, чтобы она стала похожа на Западъ, а какъ-разъ съ обратной цѣлью,—чтобы она, наконецъ, начала жить своей особой, не-исторической жизнью; такъ что не обезличить насъ могла его реформа, не стереть нашу національную идею, а именно только открыть ей путь къ осуществленію.

VII.

Этимъ убѣжденіямъ Чаадаевъ остался вѣренъ уже до конца своей жизни. Десять лѣтъ спустя послѣ того, какъ была написана „Апологія", въ 1847 году, онъ формулировалъ ихъ совершенно такъ же, безъ малѣйшихъ измѣненій. „Пути наши,—писалъ онъ Вяземскому,—не тѣ, по которымъ странствуютъ прочіе народы; въ свое время мы, конечно, достигнемъ всего благого, изъ чего бьется родъ человѣческій, а, можетъ быть, руководимые святою вѣрою нашею, и первые узримъ цѣль, Богомъ ему предназначенную; но по сію пору мы еще столь мало содѣйствовали къ общему дѣлу человѣческому, смыслъ значенія

вашего въ мірѣ еще такъ глубоко таится въ сокровеніяхъ Провидѣнія, что безумно было бы намъ величаться предъ старшими братьями нашими. Они не лучше насъ, но они опытнѣе насъ" [1]).

Въ эти годы на глазахъ Чаадаева складывалось и формулировалось славянофильство. Исходя изъ иныхъ основъ, оно выставило тѣ же два положенія—о полномъ своеобразіи русскаго народа и о его провиденціальной роли; но это совпаденіе между обѣими доктринами осталось совершенно формальнымъ. Ученіе Чаадаева съ ученіемъ славянофиловъ роднитъ не эта внѣшняя черта сходства, а тотъ общій имъ обоимъ духъ, которымъ, между прочимъ, было обусловлено и это совпаденіе: общность навѣяннаго съ Запада умозрительнаго направленія, тождество философско-историческихъ категорій, опредѣлявшихъ самую постановку вопросовъ (всемірно-историческая точка зрѣнія, *идея* націи и пр.). И точно такъ же ни въ одномъ изъ частныхъ, хотя бы принципіальныхъ разногласій между Чаадаевымъ и славянофильствомъ нельзя видѣть корень спора: онъ глубже ихъ и всѣ ихъ обусловливаетъ.

Мы видѣли: сужденіе Чаадаева о Россіи—послѣднее звено строго-логической цѣпи, прикладной выводъ изъ общаго принципа. Въ 1847 году, какъ и въ 1829-мъ, это сужденіе во всѣхъ своихъ частяхъ обусловливалось основной религіозно-исторической точкой зрѣнія Чаадаева; это былъ первый силлогизмъ, гдѣ первая, общая посылка опредѣляла религіозную идею человѣчества; вторая, частная, устанавливала фактическое состояніе Россіи въ прошломъ и настоящемъ по отношенію къ той идеѣ, и гдѣ, наконецъ, умозаключеніе опредѣляло шансы и условія служенія Россіи той же идеѣ въ будущемъ. Онъ въ 1829 году проклиналъ Россію за то, что она никогда не жила религіозной жизнью, и въ 1837-мъ благословлялъ, потому что сталъ видѣть въ ней благодатную, нетронутую почву для Христовой жатвы; ея прошлое казалось ему безотрадной пустыней, потому что оно не было одухотворено постепеннымъ раскрытіемъ религіозной идеи, и въ этой же пустынности прошлаго онъ видѣлъ ея преимущество опять-таки ради интересовъ религіи; и т. д., и т. д.

Какъ извѣстно, тотъ же фундаментъ подвели подъ свою систему и славянофилы—правда, довольно поздно, только въ концѣ 40-хъ годовъ: православіе, какъ истинная вѣра, должно было оправдывать ихъ поклоненіе русскому народу, какъ носителю этой вѣры, и Хомяковъ оперировалъ умозаключеніемъ, аналогич-

[1]) „Вѣстн. Европы" 1871, ноябрь, стр. 339.

нымъ Чаадаевскому, — что если вѣра, вложенная промысломъ Божьимъ въ русскій народъ, одна только вмѣщаетъ въ себѣ всю полноту истины, то мы должны дорожить бытомъ и мыслью нашего народа, которые неизбѣжно хотя бы отчасти истекли изъ этого высшаго начала. Таково было логическое построеніе славянофильства въ его окончательномъ видѣ; но психологическій процессъ, приведшій къ нему, несомнѣнно шелъ какъ разъ въ обратномъ направленіи. Дѣло началось съ чувства — „по̀-милу хорошъ", и кончилось, какъ всегда, доказательствомъ, что-де „по̀-хорошу милъ". Неотразимая критика Влад. Соловьева окончательно рѣшила вопросъ о взаимномъ отношеніи религіознаго и національнаго элементовъ въ славянофильствѣ. „Та доктрина, которая сама себя опредѣлила какъ *русское направленіе* и выступила во имя *русскихъ началъ*, тѣмъ самымъ признала, что для нея всего важнѣе, дороже и существеннѣе національный элементъ, а все остальное, между прочимъ и религія, можетъ имѣть только подчиненный и условный интересъ. Для славянофильства православіе есть аттрибутъ русской народности; оно есть истинная религія, въ концѣ концовъ, лишь потому, что его исповѣдуетъ русскій народъ. Для однихъ изъ славянофиловъ требованіе быть православнымъ или „жить въ церкви" прямо входило какъ составная часть въ болѣе общее и основное требованіе: слиться съ жизнью русской земли. Въ умѣ другихъ эта зависимость религіозной истины отъ факта народной вѣры принимала болѣе тонкій и сложный, но, въ сущности, столь же нерелигіозный образъ". И конечный выводъ Соловьева гласитъ: „въ *системѣ* славянофильскихъ воззрѣній нѣтъ законнаго мѣста для религіи *какъ таковой*, и если она туда попала, то лишь по недоразумѣнію и, такъ сказать, съ чужимъ паспортомъ" [1]).

Вотъ гдѣ корень разногласій между Чаадаевымъ и славянофилами. Это были два разныхъ міровоззрѣнія и два патріотизма, основанныхъ на разныхъ началахъ: тамъ—сознательная любовь къ своему лишь поскольку оно хорошо, здѣсь—любовь къ своему безпричинная и безусловная. Чаадаева не могло не раздражать въ славянофилахъ это неосмысленное хвастовство своей народностью, только для вида прикрывавшееся религіозной санкціей, а славянофиловъ естественно возмущалъ его разсудочный и условный патріотизмъ. Когда въ половинѣ 40-хъ годовъ поэтъ Языковъ вздумалъ отъ имени всего славянофильскаго круга изобличить

---

[1]) „Національный вопросъ въ Россіи", вып. II, Собр. соч. Вл. С. Соловьева, т. V, стр. 167.

Чаадаева, оказалось, что за подсудимымъ числится одно только, но страшное преступленіе: предпочтеніе чужого своему, родному:

Вполнѣ чужда тебѣ Россія,
Твоя родимая страна;
Ея преданія святыя
Ты ненавидишь всѣ сполна.
Ты ихъ отрекся малодушно,
Ты лобызаешь туфлю папъ...
Почтенныхъ предковъ сынъ ослушный,
Всего чужого гордый рабъ!
Ты все свое презрѣлъ и выдалъ,
И ты еще не сокрушенъ...

—и т. д. въ томъ же духѣ. Легко понять, какъ безсмысленно должно было казаться это обвиненіе человѣку, писавшему, что любовь къ отечеству—вещь прекрасная, но есть нѣчто еще болѣе высокое, именно—любовь къ истинѣ.

При такой разности міровоззрѣній обѣ стороны должны были, очевидно, далеко расходиться въ своихъ историко-философскихъ взглядахъ. Оцѣнка нашей до-Петровской старины и оцѣнка Петровской реформы, — сравнительное опредѣленіе славянскаго и западно-европейскаго духа,—характеристика современнаго состоянія Европы, — указаніе пути, на который слѣдуетъ отнынѣ перевести Россію,—таковы были конкретные пункты разногласія между Чаадаевымъ и славянофилами. Ни съ той, ни съ другой стороны здѣсь не было ни случайности, ни произвола: это были двѣ органически-цѣльныя системы, непреложно обусловленныя—одна религіозно-исторической идеей Чаадаева, другая—пламеннымъ національнымъ чувствомъ славянофиловъ. Если въ одномъ пунктѣ обѣ системы совпадали, именно въ признаніи всемірно-исторической миссіи русскаго народа, то это была та точка сліянія, въ которой пересѣкаются двѣ линіи, чтобы затѣмъ снова разойтись подъ прежнимъ угломъ. Чаадаевъ говорилъ: Россія не дала еще никакихъ доказательствъ своего высокаго призванія, но, судя по ея нынѣшнему состоянію, она *способна* современемъ стать во главѣ человѣчества, если будетъ исполнено такое-то условіе; славянофилы, напротивъ, утверждали, что прошлое Россіи представляетъ такихъ доказательствъ съ избыткомъ, и что она *уже*—и искони—владѣетъ той силой, которая имѣетъ освободить родъ людской (гармоническимъ сочетаніемъ разума и чувства въ противоположность западному раціонализму), такъ что все дѣло только въ одномъ отрицательномъ условіи; и ихъ условіе (отказъ отъ пути, на который вывелъ Россію Петръ Великій) было, какъ мы знаемъ, діаметрально-противоположно Чаадаевскому.

Письма Чаадаева за послѣднія пятнатцать лѣтъ его жизни показываютъ его намъ всецѣло поглощеннымъ борьбою съ славянофильствомъ. Онъ говоритъ о немъ всегда, по всякому поводу и совсѣмъ безъ повода, во всѣхъ тонахъ, отъ трагическаго и кончая шутливымъ. Пишетъ ли онъ Шеллингу, его выспренняя рѣчь тотчасъ сбивается на жалостное повѣствованіе объ этомъ „умственномъ кризисѣ“, объ этомъ „пагубномъ ученіи“ русскихъ націоналистовъ. По поводу Шевыревскаго курса исторіи русской литературы онъ пишетъ Сиркуру пространное (въ пять убористыхъ печатныхъ страницъ) письмо, гдѣ тонко отточеннымъ сарказмомъ препарируетъ всю нелѣпость славянофильскаго ученія, какъ студентъ-медикъ — мускулатуру руки. Нѣтъ надобности цитировать эти письма: въ нихъ нѣтъ ничего существенно-новаго; Чаадаевъ скорбитъ о національномъ самообманѣ, высмѣиваетъ *ретроспективную утопію* славянофиловъ, ихъ пренебрежительное отношеніе къ западной Европѣ, и пр.,—словомъ, все, что мы знаемъ. Иронія была, вѣроятно, его излюбленнымъ полемическимъ средствомъ и въ прямомъ, т.-е. устномъ спорѣ съ ними. О тонѣ его полемики мы можемъ догадаться по немногимъ сохранившимся его запискамъ къ Хомякову и Кирѣевскому. Вотъ что, напримѣръ, онъ писалъ Хомякову, благодаря за присылку его статьи о Ѳеодорѣ Іоанновичѣ: „Спасибо вамъ за клеймо, положенное вами на преступное чело царя, развратителя своего народа (т.-е. Іоанна Грознаго), спасибо за то, что вы въ бѣдствіяхъ, постигшихъ послѣ него Россію, узнали его наслѣдіе. Я увѣренъ, что на просторѣ вы бы нашли слѣды его нашествія и въ дальнѣйшемъ отъ него разстояніи. Въ наше, народною спѣсью околдованное время, утѣшительно встрѣтить строгое слово объ этомъ славномъ витязѣ славнаго прошлаго, произнесенное однимъ изъ умнѣйшихъ представителей современнаго стремленія. Разногласіе ваше въ этомъ случаѣ съ вашими поборниками подаетъ мнѣ самыя сладкія надежды. Я увѣренъ, что вы современемъ убѣдитесь и въ томъ, что точно также, какъ кесари римскіе возможны были въ одномъ языческомъ Римѣ, такъ и это чудовище возможно было въ той странѣ, гдѣ оно явилось. Потомъ останется только показать прямое его исхожденіе изъ нашей народной жизни, изъ того семейнаго, общиннаго быта, который ставитъ насъ выше всѣхъ народовъ въ мірѣ и къ возвращенію котораго мы всѣми силами должны стремиться. Въ ожиданіи этого вывода,— не возврата,—благодарю васъ еще разъ за вашу статью“, и т. д. [1]

[1]) „Вѣстн. Европы“, 1871, ноябрь, стр. 340.—Упомянутое выше письмо къ Си-

Это было очень зло, но и очень мѣтко.

Однако, главной мишенью его нападокъ были не историческія ошибки и реакціонныя вожделѣнія славянофиловъ: его ужасала больше всего та атмосфера національнаго самодовольства, въ которую они погрузили общество. Онъ, любившій въ Россіи только ея будущее, т.-е. ея возможный прогрессъ, не могъ безъ боли смотрѣть на эту духовную сытость, въ корнѣ враждебную всякому прогрессивному движенію и искажавшую народный характеръ. Это настроеніе умовъ кажется ему смертельной болѣзнью, грозящей подкосить всю будущность русскаго народа, и онъ не устаетъ слѣдить за ея проявленіями, за ея гибельнымъ дѣйствіемъ на все общество въ цѣломъ и на отдѣльныхъ членовъ его. „Не повѣрите, до какой степени люди въ краю нашемъ измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ облеклись этой народною гордынею, невѣдомой боголюбивымъ отцамъ нашимъ": эта жалоба двадцать лѣтъ не умолкаетъ въ его письмахъ. Потому что въ прошломъ—это надо замѣтить—онъ не находитъ у насъ даже признаковъ національной кичливости: „Мы искони были люди смирные и умы смиренные", — говоритъ онъ; — и этому смиренію „обязаны мы всѣми лучшими народными свойствами своими, своимъ величіемъ, всѣмъ тѣмъ, что̀ отличаетъ насъ отъ прочихъ народовъ и творитъ судьбы на̀ши" [1]). Самодовольствомъ отравили насъ уже только славянофилы.

Среди нѣсколькихъ замѣчательныхъ писемъ Чаадаева, которыми отмѣчены для насъ послѣдніе годы его жизни, первое мѣсто безспорно принадлежитъ тому письму 1847 года, гдѣ онъ изложилъ свои мысли о „Перепискѣ съ друзьями". Историко-литературная оцѣнка, которую Чаадаевъ даетъ здѣсь книгѣ Гоголя, остается непревзойденной и донынѣ, какъ по вѣрности въ цѣломъ, такъ и по тонкости психологическихъ наблюденій. Основная мысль этого разбора—та, что въ недостаткахъ книги виноватъ не самъ Гоголь, а окружающая его среда, другими словами—славянофилы.

„Какъ вы хотите, чтобъ въ наше надменное время, напыщенное народною спѣсью, писатель даровитый, закуренный ладаномъ съ ногъ до головы, не зазнался, чтобъ голова у него не закружилась? Это просто невозможно. Мы нынче такъ довольны всѣмъ своимъ роднымъ, домашнимъ, такъ радуемся своимъ прошедшимъ,

куру.—„Вѣстн. Европы" 1874, іюль, стр. 91 и сл. (или 1900 г., дек., 472), письмо къ Шеллингу—въ „Oeuvres ch.", стр. 203, и въ другой, болѣе пространной редакціи—у Лонгинова, „Русск. Вѣстн.", 1862, ноябрь, стр. 159 и сл.

[1]) Письмо къ Вяземскому, „Вѣстн. Европы", 1871, ноябрь, стр. 339.

стіанскихъ исповѣданій поняло человѣческую природу, въ которой нераздѣльно слиты внѣшнее съ внутреннимъ, вещественное съ духовнымъ, форма съ сущностью, какъ тому учитъ насъ Евангеліе, обоготворяющее тѣло человѣческое въ тѣлѣ Христовомъ, предсказывающее воскресеніе нашихъ тѣлъ и устами апостола гласящее, что тѣло наше — храмъ живого Бога. Католицизмъ понялъ, что для того, чтобы онъ могъ исполнить свою задачу — цивилизовать христіанскій міръ, ему необходимо было войти въ соціальную жизнь и овладѣть ею; ударься онъ въ фанатическій спиритуализмъ или узкій аскетизмъ, замкнись онъ наглухо въ святилищѣ,—онъ былъ бы пораженъ безплодіемъ и никогда не совершилъ бы своего дѣла. Такимъ образомъ, только въ нѣдрахъ католической церкви, какою мы ее знаемъ, христіанство могло расцвѣсти и формулироваться, только она могла завоевать ему міръ [1]).

Все это—мысли, знакомыя намъ уже по „Философическимъ письмамъ". Но теперь въ представленіи Чаадаева рядомъ съ католицизмомъ стало, какъ равноправная форма, православіе, какъ рядомъ съ дѣйствіемъ созерцаніе: „Наша церковь по существу—церковь аскетическая, какъ ваша, — пишетъ онъ Сиркуру, — по существу соціальная: отсюда равнодушіе одной ко всему, что̀ совершается внѣ ея, и живое участіе другой во всему на свѣтѣ. *Это-то и есть два полюса христіанской сферы, вращающейся вокругъ оси своей безусловной, своей дѣйствительной истины*". Больше того: Чаадаевъ теперь, какъ мы видѣли, склоненъ даже отдавать преимущество православію, которое, благодаря своей отрѣшенности отъ міра, сохранило духъ христіанства болѣе чистымъ, нежели трудившееся въ міру католичество, не вступало въ компромиссъ съ людскими страстями, не сочеталось съ земными интересами, а только „молилось и смирялось" [2]). Представленіе вполнѣ славянофильское, хотя сразу видно и различіе: по ученію славянофиловъ, православіе *изначала* выше прочихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, потому что оно одно содержитъ въ себѣ истинное христіанство; „намъ,—писалъ Хомяковъ,—по милости Божіей дано было христіанство во всей его чистотѣ, въ его братолюбивой сущности". Чаадаевъ какъ разъ въ цитированномъ сейчасъ письмѣ къ Сиркуру ѣдко осмѣиваетъ эти притязанія православныхъ публицистовъ на монопольное обладаніе истиной.

---

[1]) „Oeuvres ch.", 184, 199—201; „Вѣстн. Европы" 1871, ноябрь, 333.
[2]) Письмо къ М. Ѳ. Орлову, 1837 г., „Вѣстн. Европы" 1871, іюль, 86.

Мечталъ ли онъ теперь о соединеніи обѣихъ церквей? Онъ нигдѣ не говоритъ объ этомъ; но, исходя отъ общаго смысла его идей, можно думать, что идеальная церковь, церковь будущаго,—та, которая и создастъ на землѣ царство Божіе, „всѣ прочія царства въ себѣ заключающее", — представлялась ему именно какъ сочетаніе этихъ двухъ необходимыхъ элементовъ христіанской религіи: соціальнаго и аскетическаго. Могучая централизованность католической церкви и ея чудесно налаженный *практически-религіозный* механизмъ съ одной стороны, чистый духъ христіанства, сохранившійся въ православіи, съ другой,—эти два фактора должны слиться и взаимно проникнуть другъ друга, чтобы повести человѣчество къ осуществленію его послѣднихъ судебъ. И ему кажется, какъ мы знаемъ, что солнце вселенской правды впервые озаритъ нашу землю: такъ какъ здѣсь христіанство, подобно самому Христу, только смирялось и молилось, то вѣроятно, говоритъ онъ, „что за это именно здѣсь оно и будетъ осѣнено своими послѣдними и самыми могущественными вдохновеніями" [1]).

IX.

Намъ остается досказать исторію личной жизни Чаадаева [2]).

Приключеніе 1836 года было послѣднимъ событіемъ этой жизни. Нарушенное имъ равновѣсіе скоро возстановилось и больше уже ничѣмъ не было нарушено до смерти Чаадаева, въ 1856 году. Эти двадцать лѣтъ онъ прожилъ жизнью мудрыхъ, жизнью Канта и Шопенгауэра, въ размѣренномъ кругу однообразныхъ интересовъ, привычекъ и дѣлъ. Левашовы давно продали свой домъ какому-то обрусѣлому нѣмцу; флигель, гдѣ жилъ Чаадаевъ, съ годами пришелъ въ полную ветхость, осѣлъ и покосился снаружи, но Чаадаевъ продолжалъ жить въ немъ до смерти, и все не могъ собраться перекрасить у себя полы и стѣны, поправить печи. Онъ и лѣто проводилъ въ Москвѣ, и, говорятъ, за тридцать лѣтъ ни разу не переночевалъ внѣ города, хотя родные и друзья настойчиво приглашали его въ свои подмосковныя. Его обычное распредѣленіе дня было, вѣроятно,

---

[1]) Тамъ же, стр. 88.

[2]) О жизни Чаадаева въ 40-хъ и 50-хъ годахъ см. у Жихарева, Лонгинова, Свербеева, въ „Быломъ и Думахъ" Герцена, гл. XXX, въ „Собр. соч. П. А. Вяземскаго", т. VIII, стр. 287 и сл., въ воспоминаніяхъ Ольги N., „Русск. Вѣстн.", 1887, октябрь.

то же въ 1855 году, что̀ и въ 1840-мъ. За день до смерти онъ обѣдалъ въ томъ же ресторанѣ Шевалье, о которомъ Герценъ за десять лѣтъ до этого острилъ, что тамъ сегодня подавали супъ printanière, котлеты, спаржу и Чаадаева. И такъ во всемъ: та же вѣрность Англійскому клубу, тѣ же споры и поученія въ салонахъ Свербеевой, Елагиной, Орловой, тотъ же обширный кругъ знакомыхъ, тѣ же пріемы у себя на Новой-Басманной по понедѣльникамъ отъ часа до четырехъ. А жизнь понемногу уходила, какъ песокъ изъ стклянки песочныхъ часовъ.

Чаадаевъ, безъ сомнѣнія, глубоко таилъ горечь своей неудавшейся жизни, этой „смѣшной“ жизни, какъ онъ однажды обмолвился уже незадолго до смерти; но нельзя сомнѣваться и въ томъ, что минутами ему казался яснымъ провиденціальный смыслъ его существованія,—и тогда освѣщалось и то странное дѣло, которое онъ дѣлалъ. Онъ разговаривалъ и спорилъ—можно ли это назвать дѣломъ? Но любопытно, что современники, говоря о его словоохотливой праздности, незамѣтно для самихъ себя характеризуютъ ее какъ *дѣятельность* и даже какъ *призваніе*; Вяземскій называетъ Чаадаева „преподавателемъ съ подвижной каѳедры, которую онъ переносилъ изъ салона въ салонъ“; Лонгиновъ говоритъ по поводу изящества его личности, одежды и манеръ: „Это изящество во всемъ было необходимо для той роли, оригинальной и трудной, которую суждено было ему играть въ обществѣ, обращающемъ такъ много вниманія на внѣшность“.

Здѣсь сказалось инстинктивное впечатлѣніе, какое производила фигура Чаадаева на фонѣ московскаго образованнаго общества. Онъ не смѣшивался, не сливался съ этимъ обществомъ—это сразу чувствовалъ всякій. Онъ былъ въ немъ какъ рѣка, которая, вливаясь въ море, сохраняетъ особый цвѣтъ своей воды. И каждый понималъ, что это—не внѣшнее своеобразіе, а естественная замкнутость чрезвычайно оригинальнаго и личнаго міровоззрѣнія, продуманнаго до конца и принятаго безповоротно. Чаадаевъ былъ не просто человѣкъ съ убѣжденіями, а человѣкъ, безъ остатка слившій свою личность со своимъ убѣжденіемъ. Эта-то сознательная цѣльность съ одной стороны давала ему власть надъ обществомъ, съ другой—сообщала его разговорамъ ту цѣлесообразность и то единство, которыя превращали ихъ изъ салонной causerie въ пропаганду. Самъ Чаадаевъ игралъ свою роль не только серьезно, но даже торжественно, что̀ дало поводъ Вяземскому сказать о немъ: „Онъ былъ гораздо умнѣе того, чѣмъ онъ прикидывался. Природный умъ его былъ чище

того систематическаго и поучительнаго ума, который онъ на него нахлобучилъ" [1]).

Герценъ картинно изобразилъ Чаадаева, какъ онъ долгіе годы „стоялъ, сложа руки, гдѣ-нибудь у колонны, у дерева на бульварѣ, въ залахъ и театрахъ, въ клубѣ,—и воплощеннымъ veto, живой протестаціей смотрѣлъ на вихрь лицъ, безсмысленно вертѣвшихся около него... Старикамъ и молодымъ было неловко съ нимъ, не по себѣ; они, Богъ знаетъ отчего, стыдились его неподвижнаго лица, его прямо смотрящаго взгляда, его печальной насмѣшки, его язвительнаго снисхожденія". И все-таки вся образованная и свѣтская Москва ухаживала за нимъ, усиленно зазывала къ себѣ и по понедѣльникамъ наполняла его скромный кабинетъ. Кто не бывалъ здѣсь, начиная отъ *американца* Толстого и кончая Гоголемъ? Здѣсь на нейтральной почвѣ встрѣчались Грановскій и Шевыревъ, Хомяковъ и Герценъ, Тютчевъ и Н. Ф. Павловъ; здѣсь перебывали всѣ извѣстные иностранцы, за двадцать лѣтъ посѣтившіе Москву,—Кюстинъ, Могень, Мармье, Сиркуръ, Мериме, Листъ, Берліозъ, Гакстгаузенъ,—и ему самому еще довелось читать, что̀ писали о немъ за границей Кюстинъ и Гакстгаузенъ, Жюльвекуръ и Мишле. Говорить нечего, что въ Россіи среди образованныхъ круговъ его имя было широко извѣстно. Это была невольная дань большой и, что̀ не менѣе важно, сосредоточенной духовной мощи. Какъ велико воспитательное дѣйствіе такой силы, понятно само собою. Она не только импонируетъ, но и влечетъ за собою; она воспитываетъ, можно сказать, однимъ своимъ присутствіемъ. Это и хотѣлъ засвидѣтельствовать Жихаревъ, говоря, что Чаадаевъ былъ въ высшей степени anregend, что „его разговоръ и даже одно его присутствіе дѣйствовали на другихъ, какъ дѣйствуетъ шпора на благородную лошадь. При немъ какъ-то нельзя, неловко было отдаваться ежедневной пошлости".

Мы говорили уже, что характеръ Чаадаева былъ не изъ пріятныхъ. Лесть, которую ему расточали, сознаніе своей власти въ обществѣ и своего значенія, а съ другой стороны, сознаніе мизерности этого общества и безсильный стыдъ за свою все-таки хѣдь праздную жизнь,— все это въ соединеніи съ нервозностью

---

[1]) Денисъ Давыдовъ высмѣялъ эту торжественность въ своей „Современной ѣснѣ", изобразивъ появленіе Чаадаева:

Всѣ кричатъ ему привѣтъ
Съ оханьемъ и пискомъ,
А онъ важно имъ въ отвѣтъ:
„Dominus vobiscum"!

чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе питало въ немъ эгоизмъ, тщеславіе и капризность. Онъ былъ чрезвычайно обидчивъ, зорко слѣдилъ за тѣмъ, не манкируетъ ли кто изъ знакомыхъ его понедѣльниками, и т. п. А. И. Тургеневъ то-и-дѣло жаловался Вяземскому, что Чаадаевъ „все считается визитами и мѣстничествомъ за обѣдами и на канапе", и что вообще „les petitesses Чаадаева мѣшаютъ наслаждаться его рѣдкими и хорошими качествами" [1]). За эти рѣдкія качества ему легко прощали и притязательность, и капризы. Онъ былъ изъ тѣхъ, которые „für die Besten ihrer Zeit gelebt", и это — на протяженіи всей своей зрѣлой жизни, т.-е. 40 слишкомъ лѣтъ. Его любили лучшіе люди двухъ или трехъ поколѣній: И. Д. Якушкинъ, Муравьевы, Н. Тургеневъ, Пушкинъ, Грибоѣдовъ, И. Кирѣевскій, Хомяковъ и Герценъ. Ѳ. И. Тютчевъ, спорившій съ нимъ до ярости, говорилъ, что любитъ его „больше всѣхъ". Баратынскій, навѣстивъ его разъ на Страстной недѣлѣ, сказалъ ему, что въ эти святые дни не находитъ болѣе достойнаго употребленія времени, какъ общеніе съ нимъ [2]).

Сороковые годы были разгаромъ славянофильства и разгаромъ его борьбы съ этимъ, какъ онъ выражался, „возвратнымъ", т.-е. реакціоннымъ движеніемъ. Онъ уважалъ всякую мысль, потому что зналъ цѣну своей; при такой широкой умственной терпимости ему нетрудно было поддерживать самыя теплыя личныя отношенія со своими противниками. Онъ былъ друженъ со многими изъ славянофиловъ, и даже готовъ былъ сходиться съ ними на почвѣ совмѣстной культурной работы, такъ что, напримѣръ, Погодинъ, возобновляя „Москвитянинъ", счелъ возможнымъ обратиться къ нему съ просьбой о сотрудничествѣ, а въ 1846 году, когда вышелъ первый „Московскій Сборникъ", Н. М. Языковъ писалъ брату, что сборникъ всѣ хвалятъ, и даже Чаадаевъ хочетъ дать статью въ него [3]).

Чаадаевъ былъ хорошъ и съ Филаретомъ, и запросто бывалъ у него; одну его бесѣду онъ даже перевелъ на французскій языкъ, и этотъ переводъ былъ помѣщенъ Сиркуромъ въ журналѣ „Le Semeur" [4]).

---

[1]) „Остаф. Арх." 1842 г., IV, 161 и 167.

[2]) Жихаревъ, въ „Вѣстн. Европы" 1871, сент., стр. 52.

[3]) „Русск. Стар." 1903, мартъ, стр. 538.

[4]) Лонгиновъ въ „Современникѣ" 1856 г., т. 58, отд. V, стр. 6. По словамъ Лонгинова, Чаадаевъ и самъ сочинилъ въ 1849 году проповѣдь подъ заглавіемъ: „Воскресная бесѣда сельскаго священника Пермской губерніи, села Новыхъ Рудниковъ", рукопись которой подарилъ ему, Лонгинову („Русск. Вѣстн.", т. 42, 1862 г., № 11, стр. 155, прим.).

Если въ концѣ 30-хъ годовъ онъ стоялъ одинъ на защитѣ европейской культуры, то теперь у него явились въ Москвѣ соратники: кружокъ Герцена—Огарева и молодые профессора, съ Грановскимъ во главѣ. Но эти союзники были частью хуже враговъ. Славянофилы, по крайней мѣрѣ, формально признавали суверенитетъ религіозной проблемы, а молодые западники были позитивисты насквозь: что общаго между религіозно-исторической концепціей Чаадаева и матеріализмомъ „Писемъ объ изученіи природы" или даже гуманитарной телеологіей Грановскаго? Эта молодежь бывала у него и чтила въ немъ какъ бы ветерана; но Грановскому у него „скучно", а Герцену его сужденія о католицизмѣ и современности кажутся голосомъ изъ гроба, и послѣ одного такого разговора онъ записываетъ въ дневникъ, что ему даже было жаль „употреблять всѣ средства", потому что въ Чаадаевѣ все-таки „какъ-то благородно воплотилась разумная сторона католицизма".

Потомъ и этотъ кругъ распался, Герценъ уѣхалъ заграницу, борьба съ славянофилами стала вялѣе, да и бо̀льшая часть изъ нихъ разбрелась — кто въ сумракъ Оптиной пустыни, кто на хозяйственную работу въ деревнѣ; наступили пятидесятые годы. Въ 1851 году Чаадаевъ жалуется Жуковскому: „Ни въ печатномъ, ни въ разговорномъ кругѣ не осталось никого болѣе изъ той кучки людей почетныхъ, которые недавно еще начальствовали въ обществѣ и имъ руководили, а если кто и уцѣлѣлъ, то дряхлѣетъ въ одиночествѣ ума и сердца" [1]). Онъ самъ дряхлѣлъ въ одиночествѣ ума и сердца. Съ 1847 года, когда ему пришлось одно время лечиться отъ нервнаго разстройства, говорятъ даже—близкаго къ сумасшествію [2]), онъ, кажется, ничѣмъ больше не болѣлъ до самаго конца. Его денежныя обстоятельства были очень плохи. Онъ попрежнему (по крайней мѣрѣ, еще до 1852 года) получалъ отъ брата каждую треть года по 2.334 руб. 50 коп. (667 руб. сер.), но этой суммы ему, конечно, не хватало. Самъ онъ уже ничего не имѣлъ. Когда, въ январѣ 1852 года, умерла тетка Анна Михайловна, братъ отказался въ его пользу отъ своей доли наслѣдства; но унаслѣдованныя отъ тетки деревни, повидимому, цѣликомъ ушли на уплату долговъ, и четыре года спустя, его дѣла опять были уже настолько запутаны, что, по свидѣтельству Свербеева, только

[1]) „Извѣстія Отд. русск. языка и слов. Имп. Акад. Наукъ", 1896 г., т. I, кн. 2-ая, стр. 387.

[2]) Письмо Хомякова, „Русск. Арх.", 1884 г., кн. 4-ая, стр. 282; ср. „Русск. Арх.", 1900 г., кн. 11, стр. 414.

помощь издавна расположеннаго къ нему графа А. А. Закревскаго, московскаго генералъ-губернатора, вывела его передъ самой смертью изъ безнадежнаго положенія. Его денежныя отношенія вообще и къ брату въ особенности, какъ ихъ изобразилъ Жихаревъ, рисуютъ Чаадаева въ крайне непривлекательномъ свѣтѣ.

До какого самозабвенія онъ могъ доходить въ эгоизмѣ, показываетъ другой эпизодъ изъ исторіи его послѣднихъ лѣтъ, разсказанный тѣмъ же Жихаревымъ. Въ 1851 году вышла въ Парижѣ извѣстная брошюра Герцена (на французскомъ языкѣ) „О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи". Герценъ, глубоко уважавшій Чаадаева и гордившійся его расположеніемъ, отвелъ знаменитому „Философическому письму" видное мѣсто въ исторіи русскаго освободительнаго движенія. О выходѣ этой книжки Чаадаеву сообщилъ всемогущій тогда гр. А. Ѳ. Орловъ, бывшій проѣздомъ въ Москвѣ и, по обыкновенію, навѣстившій его; кромѣ того, онъ, вѣроятно, слышалъ о ней и отъ другихъ. Въ тотъ же или на слѣдующій день онъ обратился съ письмомъ къ Орлову, гдѣ писалъ, что такъ какъ, по слухамъ, въ книгѣ Герцена ему приписываются „мнѣнія, которыя никогда не были и никогда не будутъ" его мнѣніями, то онъ желалъ бы представить ему, графу, опроверженіе этой наглой клеветы, а можетъ быть и всей книги; но для этого ему нужна самая книга, которую онъ можетъ получить, разумѣется, только черезъ графа. „Каждый русскій, — писалъ онъ дальше, — каждый вѣрноподданный царя, въ которомъ весь міръ видитъ Богомъ призваннаго спасителя общественнаго порядка въ Европѣ, долженъ гордиться быть орудіемъ, хотя и ничтожнымъ, его высокаго священнаго призванія; какъ же остаться равнодушнымъ, когда наглый бѣглецъ, гнуснымъ образомъ искажая истину, приписываетъ намъ собственныя свои чувства и кидаетъ на имя наше собственный свой позоръ?"

Что Герценъ исказилъ правду, приписавъ Чаадаеву свои собственныя чувства и мнѣнія ему чуждыя, это была, какъ мы знаемъ, совершенная правда; безъ сомнѣнія также, Чаадаевъ вполнѣ искренно сочувствовалъ политикѣ имп. Николая въ отношеніи къ революціоннымъ движеніямъ на Западѣ и его поведенію въ венгерскомъ мятежѣ 1849 года. И при всемъ томъ, это письмо Чаадаева, конечно, ложится пятномъ на его память. Правда, время было крутое, а Чаадаевъ никогда не отличался большимъ *физическимъ* мужествомъ. Надо замѣтить, что въ томъ же 1851 году Чаадаевъ единственный разъ писалъ Герцену и-

границу [1],—и съ такой нѣжностью, съ такой теплой любовью, какъ бы старшій братъ. Въ этомъ письмѣ онъ благодаритъ Герцена „за извѣстныя строки“; „можетъ быть, придется вамъ скоро сказать еще нѣсколько словъ объ томъ же человѣкѣ“, добавляетъ онъ, разумѣя, очевидно, самого себя и свою близкую смерть. За какія строки онъ благодарилъ Герцена? Неужели за тѣ самыя страницы въ „Du développement“, которыми было вызвано его письмо къ гр. Орлову? — Трудно повѣрить, а доказать въ этомъ дѣлѣ ничего нельзя; письмо къ Герцену писано въ іюлѣ, но мы не знаемъ ни даты письма къ Орлову, ни даже времени появленія брошюры Герцена.

Передъ нами синій листокъ почтовой бумаги (Чаадаевъ почти всегда писалъ на бумагѣ этого цвѣта), исписанный странными клиновидными письменами, которыя съ перваго взгляда можно принять за грамоту VI-го вѣка. Наверху надпись по-русски: „Выписка изъ письма неизвѣстнаго къ неизвѣстной. 1854“; затѣмъ слѣдуетъ текстъ письма по-французски, все его собственной рукой. Это—послѣднія строки Чаадаева, дошедшія до насъ. Рѣчь идетъ о Крымской войнѣ. Сенаторъ К. Н. Лебедевъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что въ 1855 году въ Петербургѣ, среди другихъ политическихъ памфлетовъ, ходила по рукамъ записка „О политической жизни Россіи“, которую приписывали Чаадаеву [2].

„Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ,—писалъ Чаадаевъ,—не такъ мы въ молодости любили нашу родину. Мы хотѣли ея благоденствія, мы желали ей хорошихъ учрежденій и подчасъ осмѣливались даже желать ей, если возможно, нѣсколько больше свободы; мы знали, что она велика и могущественна и богата надеждами; но мы не считали ее ни самой могущественной, ни самой счастливой страною въ мірѣ. Намъ и на мысль не приходило, чтобы Россія олицетворяла собою нѣкій отвлеченный принципъ, заключающій въ себѣ конечное рѣшеніе соціальнаго вопроса,— чтобы она сама по себѣ составляла какой-то особый міръ, являющійся прямымъ и законнымъ наслѣдникомъ славной восточной имперіи, равно какъ и всѣхъ ея правъ и достоинствъ,— чтобы на ней лежала нарочитая миссія вобрать въ себя всѣ славянскія народности и этимъ путемъ совершить обновленіе рода человѣческаго; въ особенности же мы не думали, что

---

[1]) Это письмо напечатано въ „Пол. Зв.“, кн. 5, стр. 221. Сравн. „Сочин. Герцена“, женев. изд., VII, 263.

[2]) „Русск. Арх.“ 1893 г., № 3, стр. 285—6.

Европа готова снова впасть въ варварство, и что мы призваны спасти цивилизацію посредствомъ крупицъ этой самой цивилизаціи, которыя недавно вывели насъ самихъ изъ нашего вѣкового оцѣпенѣнія. Мы относились къ Европѣ вѣжливо, даже почтительно, такъ какъ мы знали, что она выучила насъ многому, и между прочимъ—нашей собственной исторіи. Когда намъ случалось нечаянно одерживать надъ нею верхъ, какъ это было съ Петромъ Великимъ, — мы говорили: этой побѣдой мы обязаны вамъ, господа. Результатъ былъ тотъ, что въ одинъ прекрасный день мы вступили въ Парижъ, и намъ оказали извѣстный вамъ пріемъ, забывъ на минуту, что мы въ сущности — не болѣе, какъ молодые выскочки, и что мы еще не внесли никакой лепты въ общую сокровищницу народовъ, будь то хотя бы какая-нибудь крошечная солнечная система по примѣру подвластныхъ намъ поляковъ, или какая-нибудь плохонькая алгебра по примѣру этихъ нехристей-арабовъ, съ нелѣпой и варварской религіей которыхъ мы боремся теперь. Къ намъ отнеслись хорошо, потому что мы держали себя какъ благовоспитанные люди, потому что мы были учтивы и скромны, какъ приличествуетъ новичкамъ, не имѣющимъ другихъ правъ на общее уваженіе, кромѣ стройнаго стана. Вы повели все это по иному, — и пусть; но дайте мнѣ любить мое отечество по образцу Петра Великаго, Екатерины и Александра. Я вѣрю, недалеко то время, когда, можетъ быть, признàютъ, что этотъ патріотизмъ не хуже всякаго другого.

„Замѣтьте, что всякое правительство, безотносительно къ его частнымъ тенденціямъ, инстинктивно ощущаетъ свою природу, какъ сила одушевленная и сознательная, предназначенная жить и дѣйствовать; такъ, напримѣръ, оно чувствуетъ или не чувстуетъ за собою поддержку своихъ подданныхъ. И вотъ, русское правительство чувствовало себя на этотъ разъ въ полнѣйшемъ согласіи съ общимъ желаніемъ страны; этимъ въ большой мѣрѣ объясняется роковая опрометчивость его политики въ настоящемъ кризисѣ. Кто не знаетъ, что мнимо-національная реакція дошла у нашихъ новыхъ учителей до степени настоящей мономаніи? Теперь уже дѣло шло не о благоденствіи страны, какъ раньше, не о цивилизаціи, не о прогрессѣ въ какомъ-либо отношеніи; довольно было быть русскимъ: одно это званіе вмѣщало въ себѣ всѣ возможныя блага, не исключая и спасенія души. Въ глубинѣ нашей богатой натуры они открыли всевозможныя чудесныя свойства, невѣдомыя остальному міру; они отвергали всѣ серьезныя и плодотворныя идеи, которыя о-

общила намъ Европа; они хотѣли водворить на русской почвѣ совершенно новый моральный строй, который отбрасывалъ насъ на какой-то фантастическій христіанскій Востокъ, придуманный единственно для нашего употребленія, нимало не догадываясь, что, обособляясь отъ европейскихъ народовъ морально, мы тѣмъ самымъ обособляемся отъ нихъ и политически; что разъ будетъ порвана наша братская связь съ великой семьей европейской, ни одинъ изъ этихъ народовъ не протянетъ намъ руки въ часъ опасности. Наконецъ, храбрѣйшіе изъ адептовъ новой національной школы не задумались привѣтствовать войну, въ которую мы вовлечены, видя въ ней осуществленіе своихъ ретроспективныхъ утопій, начало нашего возвращенія къ хранительному строю, отвергнутому нашими предками въ лицѣ Петра Великаго. Правительство было слишкомъ невѣжественно и легкомысленно, чтобы оцѣнить, или даже только понять эти ученыя галлюцинаціи. Оно не поощряло ихъ, я знаю; иногда даже оно наудачу давало грубый пинокъ ногою наиболѣе зарвавшимся или наименѣе осторожнымъ изъ ихъ блаженнаго сонма; тѣмъ не менѣе, оно было убѣждено, что какъ только оно броситъ перчатку нечестивому и дряхлому Западу, къ нему устремятся симпатіи всѣхъ новыхъ патріотовъ, принимающихъ свои неоконченныя изысканія, свои безсвязныя стремленія и смутныя надежды за истинную національную политику, равно какъ и покорный энтузіазмъ толпы, которая всегда готова подхватить любую патріотическую химеру, если только она выражена на томъ банальномъ жаргонѣ, какой обыкновенно употребляется въ такихъ случаяхъ. Результатъ былъ тотъ, что въ одинъ прекрасный день авангардъ Европы очутился въ Крыму"...

Свербеевъ разсказываетъ, что событія 1853—55 г.г. ложились на Чаадаева тяжелымъ бременемъ, что ему были горьки и начало, и конецъ этой войны. Вѣсть о мирѣ онъ принялъ съ живѣйшей радостью. „Послѣдними его любимыми мыслями были,— говоритъ Свербеевъ, — радость о заключенномъ мирѣ, надежда на прогрессъ Россіи и вмѣстѣ опасеніе, наводимое на него противниками благодатнаго мира. Народная и религіозная нетерпимость извѣстныхъ мыслителей, какъ грозная тѣнь, преслѣдовала его всюду"...

Онъ умеръ, какъ предчувствовалъ, скоропостижно. Еще за три дня до смерти онъ былъ въ клубѣ, наканунѣ обѣдалъ у Шевалье. Дѣло было на Страстной недѣлѣ; онъ собирался говѣть, и не успѣлъ, но, почувствовавъ себя плохо, въ по-

слѣдній день пригласилъ священника, исповѣдался и пріобщился Св. Тайнъ. Послѣ ухода священника, онъ сталъ пить чай, а тѣмъ временемъ велѣлъ заложить пролетку, чтобы выѣхать; онъ сидѣлъ въ креслѣ, разговаривая съ хозяиномъ дома, и среди бесѣды умолкъ навѣки; была Страстная суббота, 14-го апрѣля 1856 года, четвертый часъ дня. Хоронили его на Пасхѣ, 18-го, въ чудный весенній день; его могила—въ Донскомъ монастырѣ, рядомъ съ могилою А. С. Норовой. Завѣщаніе—„на случай скоропостижной смерти"— онъ составилъ еще въ августѣ предшествовавшаго года [1]). Всѣ они ушли какъ-то цѣлою толпой, онъ и люди смежные съ нимъ по жизни или духу: въ октябрѣ 1855 года умеръ Грановскій, въ мартѣ 1856-го — Вигель, въ апрѣлѣ—Чаадаевъ, въ іюнѣ—И. Кирѣевскій, въ октябрѣ—П. Кирѣевскій, и т. д.

Памятникъ на могилѣ Чаадаева поставленъ Жихаревымъ (какъ видно изъ его письма къ М. Я. Чаадаеву) въ маѣ 1861 года.

М. Гершензонъ.

Москва.

---

[1]) Оно напечатано въ статьѣ проф. Кирпичникова, въ „Русской Мысли", 1896 г, № 4, стр. 153—4.

РАЗБИТОЕ СЧАСТЬЕ

ПОВѢСТЬ.

Окончаніе.

XIII *).

Когда Константинъ Александровичъ Покровскій пришелъ къ Грузинскому послѣ объясненія съ Вѣрой Васильевной, онъ, несмотря на ранній часъ, засталъ его уже за работой.

Низко наклонившись надъ верстакомъ, старикъ отдѣлывалъ какую-то шкатулочку изъ чернаго дерева съ серебромъ и перламутромъ.

— А, Костюша!—весело вскричалъ Андрей Андреичъ, разглядѣвъ вошедшаго гостя.—Давненько не бывалъ! Я ужъ думалъ, не забылъ ли меня?

— Простите, дѣдуся! Дѣла такъ сложились, что сначала урваться никакъ не могъ, а потомъ, къ стыду моему, и дѣйствительно немножко о васъ забылъ.

— Ну, ну, не бѣда, дружокъ! Но что же такое тебя задерживало?

— Да сперва, видите ли, готовилъ одного князька къ экзамену на вольноопредѣляющагося. Почти полгода съ нимъ занимался каждый вечеръ. Ну, понимаете, утромъ уроки въ городскихъ школахъ, вечеромъ—съ нимъ; просто минуты не было свободной, чтобы васъ навѣстить. Потомъ, когда мой ученикъ благополучно выдержалъ испытаніе, онъ затащилъ меня въ кафе-

---

*) См. выше: мартъ, стр. 131.

шантанъ, и я познакомился тамъ съ одной пѣвицей, началъ у нея бывать, и тутъ вотъ, каюсь, рѣже сталъ о васъ вспоминать.

Андрей Андреичъ отложилъ шкатулку въ сторону и пытливо посмотрѣлъ на молодого человѣка.

— Да вы, дѣдуся, не подумайте чего!—горячо заговорилъ тотъ.—Она дѣвушка хорошая, скромная, воспитанница одного здѣшняго священника.

И Константинъ Александровичъ разсказалъ старику все, что зналъ про Вѣру Васильевну и ея нареченную мать.

Старый діаконъ слушалъ весьма внимательно и съ каждымъ словомъ разсказчика становился, видимо, спокойнѣй и веселѣй.

Покровскій, наоборотъ, все сильнѣй и сильнѣй волновался, и къ концу разсказа въ его голосѣ уже слышались слезы.

— Что же мнѣ дѣлать теперь, дѣдуся? Какъ спасти мою милую Вѣрочку? Научите, я затѣмъ къ вамъ и пришелъ такъ рано.

— Ты говоришь, что любишь ее?—спросилъ старикъ, немного подумавъ.

— Да, дѣдуся! Люблю. Больше всего на свѣтѣ люблю.

— А она тебя?

— И она тоже. Мы еще не говорили объ этомъ, но вѣдь это видно и безъ объясненій.

— Ну, такъ и женись на ней, если вы любите другъ друга.

— Дѣдуся! Милый! Да я съ радостью бы это сдѣлалъ, еслибъ не законъ. Вы знаете, апостольскія правила прямо запрещаютъ принимать въ священный санъ женатыхъ на актрисахъ. Можно бы, конечно, отказаться отъ священства, но мнѣ не позволитъ этого совѣсть. Я никогда не забуду, что я четырнадцать лѣтъ ѣлъ, пилъ, одѣвался и учился на деньги, собранныя съ церквей. Я обѣщался за это посвятить себя на службу церкви, и долженъ сдержать обѣщаніе, во что бы то ни стало.

— Да никто тебѣ и не мѣшаетъ. Женись на Вѣрочкѣ, иди въ священники и служи себѣ съ Богомъ!

— Но законъ, дѣдуся!.. правила?..

Старикъ нетерпѣливо махнулъ рукой.

— Эхъ, Костюша, Костюша!—съ легкимъ упрекомъ въ голосѣ сказалъ онъ.—Дивлюсь я на васъ. Учитесь вы полтора десятка лѣтъ, слушаете тамъ разныя патристики да герминевтики, а самаго-то важнаго, духа Христова, все никакъ понять не можете. Дай-ка мнѣ Новый Завѣтъ!

Константинъ Александровичъ всталъ и, доставъ съ полочки растрепанную книжку, подалъ ее Грузинскому.

Старикъ быстро перевернулъ нѣсколько листовъ, отчеркнулъ одно мѣсто ногтемъ и, возвращая Покровскому, сказалъ:

— Читай!

— „Братіе!—прочелъ Покровскій.—Аще кто въ васъ заблудитъ отъ пути истины, и обратитъ его кто, да вѣсть, яко обративый грѣшника отъ заблужденія пути его, спасетъ душу отъ смерти и покрыетъ множество грѣховъ“.

— Вотъ тебѣ отвѣтъ на твои сомнѣнія!—торжественно сказалъ Андрей Андреичъ.—Ты говоришь, что Вѣрочка стоитъ на скользкомъ пути и не сегодня—завтра можетъ пасть. Твоя обязанность—поддержать ее. Если для этого нужно жениться на ней, смѣло веди ее къ алтарю: ты спасешь этимъ свою душу и покроешь множество грѣховъ.

— Но законъ, правила...—нерѣшительно началъ молодой человѣкъ.

— Читай посланіе къ Титу, глава первая, со стиха тринадцатаго!—рѣзко прервалъ его Грузинскій.

Константинъ Александровичъ отыскалъ указанное мѣсто и сталъ читать:

— „Обличай ихъ нещадно, да здрави будутъ въ вѣрѣ, не внемлюще іудейскимъ баснемъ, ни заповѣдемъ человѣкъ, отвращающихся отъ истины. Вся убо чиста чистымъ“.

— Понялъ?—строго спросилъ старикъ.

— Кажется, понялъ,—задумчиво отвѣчалъ Покровскій.

— Иди же и твори по глаголу сему!

Старый діаконъ наклонился, нѣжно поцѣловалъ своего гостя и тихонько толкнулъ его къ дверямъ.

XIV.

Чуть ли не за часъ до назначеннаго срока, Константинъ Александровичъ уже ходилъ взадъ и впередъ вблизи дома Смирновыхъ.

Разрѣшивъ свои сомнѣнія, онъ почувствовалъ небывалый приливъ бодрости и положительно не могъ дождаться Вѣры Васильевны, чтобы „начать дѣйствовать“.

Онъ то-и-дѣло посматривалъ на часы, и въ нетерпѣніи ему стало казаться, что стрѣлки совсѣмъ не двигаются.

Онъ поднесъ часы къ уху, и сразу же убѣдился, что тѣ идутъ исправно.

Вздохнувъ, онъ положилъ ихъ въ карманъ и вновь принялся за прогулку.

— Ну, вотъ и я!—услышалъ онъ наконецъ за собою знакомый голосъ, и радостно обернулся.

— Придумали ли что-нибудь?—спросила Вѣрочка, когда они поздоровались и пошли рядомъ.

— Придумать-то придумалъ, но не знаю, понравится ли вамъ мой планъ?

— Ахъ, Боже мой! Я всякому выходу рада, лишь бы онъ былъ для меня не унизителенъ. Ну, говорите же скорѣй, что̀ вы надумали?

— Видите ли, Вѣра Васильевна, по моему мнѣнію, у васъ единственный исходъ—покинуть сцену и выйти замужъ.

— Замужъ? — разочарованнымъ тономъ переспросила дѣвушка.—Да кто же меня возьметъ съ такимъ приданымъ, какъ моя несчастная мама?

— Вѣра Васильевна! Я знаю одного человѣка, который за счастье бы счелъ назвать Надежду Ѳеодоровну матерью, а васъ—женой,—съ легкимъ смущеніемъ произнесъ Покровскій.

— Это для меня неожиданность! — возразила Смирнова.—Назовите же мнѣ имя этого прекраснаго незнакомца!

— Вы его знаете, Вѣра Васильевна! Знаете и то, что онъ любитъ васъ. А если я ошибся, если это вамъ неизвѣстно, то лучше я не буду его и называть.

— Ну, предположимъ, что я знаю,—серьезно сказала Вѣрочка: — но почему же онъ молчалъ, если дѣйствительно чувствуетъ ко мнѣ любовь?

— Боялся помѣшать вашей карьерѣ, считалъ себя не парой.

— Вотъ глупости! Вѣдь я же говорила ему, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ завидный женихъ.

— И вы не перемѣнили о немъ мнѣнія?

— Я, кажется, не изъ вѣтреныхъ, Константинъ Александровичъ! Пора бы вамъ это замѣтить.

— Простите, я обидѣлъ васъ. Но я, право, все еще не вѣрю своему счастью.

— Ахъ, Боже мой, какой вы „невѣроятный"! — кокетливо пошутила молодая дѣвушка.

Не обращая вниманія на проходящую публику, Покровскій схватилъ ее за руки и страстно прошепталъ:

— Вѣрочка! скажите мнѣ безъ шутокъ, неужели вы, дѣйствительно, любите меня?

— Я, когда угодно, готова вамъ поклясться въ томъ... передъ алтаремъ,—тѣмъ же шутливымъ тономъ откликнулась Вѣра Васильевна:—только не забывайте, ради Бога, что мы на улицѣ и не одни.

— Извините!—сконфуженно пролепеталъ Константинъ Александровичъ и отпустилъ ея руки.

Нѣсколько минутъ они шли молча, погруженные каждый въ свою думу. Потомъ молодой человѣкъ остановился, взглянулъ на спутницу полными счастья глазами и, наклонившись къ ней, тихо спросилъ:

— Значитъ, вы разрѣшаете мнѣ переговорить съ Надеждой Ѳедоровной?

— Да,—просто отвѣчала дѣвушка.

— Въ такомъ случаѣ, не будемъ терять золотого времени! Идемте къ ней!

XV.

Трудно описать ту радость, съ которой встрѣтила старушка Смирнова предложеніе Покровскаго.

Несмотря на мучительныя усилія, она долго не могла сказать ни слова. Она радостно кивала головой, что-то быстро бормотала, но изъ всей ея рѣчи нельзя было понять ни одного звука.

Молодые люди испугались. Имъ показалось, что потрясенная неожиданной новостью Надежда Ѳедоровна окончательно потеряла способность говорить.

Старушка, однако, успокоила ихъ знакомъ и, напрягши всѣ силы, довольно внятно произнесла:

— Слава Богу! слава Богу! Услышалъ Господь мои молитвы.

Она велѣла принести изъ спальни небольшую старинную икону, предъ которой молилась еще ея прабабушка, и благословила ею опустившихся на колѣни жениха и невѣсту...

Вѣрочка не выдержала и зарыдала.

— Берегите ее!—сказала Надежда Ѳедоровна Покровскому, ласково гладя дочь по головѣ.—Это—золотое сердечко! Она всю себя отдастъ, чтобы устроить ваше счастье.

Когда первое волненіе улеглось, начались безконечные толки о томъ, когда будетъ свадьба, гдѣ вѣнчаться, какъ устроить дальнѣйшую жизнь.

Надежда Ѳедоровна очень удивилась, услышавъ, что Покровскій думаетъ просить мѣста священника въ какое-нибудь село.

— Что̀ это вамъ вздумалось? — съ недоумѣніемъ спросила она:—кандидатъ богословія—и вдругъ въ деревню! Да вѣдь тамъ глушь, бѣдность, безлюдье! Вы умрете тамъ отъ скуки.

— Ну, зачѣмъ же умирать?—весело засмѣялся Константинъ Александровичъ. — Я—деревенскій уроженецъ, и сельской жизни не боюсь. Не знаю, какъ вотъ Вѣрочка?

— О, милый! мнѣ вездѣ будетъ хорошо съ тобою, — перебила дѣвушка, крѣпко прижимаясь къ нему.

— Ну, дѣло ваше! Вамъ виднѣе, — замѣтила старушка и, желая дать нареченнымъ побесѣдовать на свободѣ, попросила отвезти ее въ спальню.

— Да вѣдь рано еще, мамочка! Посидите съ нами!—сказала Вѣра Васильевна.

— Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ! Я сильно взволновалась, и мнѣ надо отдохнуть,—стояла на своемъ Надежда Өедоровна, и, нѣжно поцѣловавъ жениха и невѣсту, отправилась съ Аннушкой къ себѣ.

— Ты понимаешь, моя дорогая, почему я непремѣнно хочу уѣхать въ деревню?—спросилъ Покровскій Вѣрочку, когда они остались вдвоемъ.

— Не совсѣмъ,—чистосердечно отвѣчала та.

— Видишь ли, птичка моя: если остаться въ городѣ, то мы ежеминутно рискуемъ встрѣтиться съ этими Маловыми, Маметъ-Чильдѣевыми и прочими посѣтителями „Фоли-Бержера", гдѣ ты столько перенесла униженій. А развѣ тебѣ будутъ пріятны эти встрѣчи?

— О, нѣтъ, нѣтъ! — Вѣрочка въ ужасѣ закрыла лицо руками.

— Я такъ и предполагалъ, и потому рѣшилъ проситься священникомъ въ какое-нибудь отдаленное село, гдѣ бы ничто не напоминало тебѣ тяжелаго прошлаго.

Вѣрочка порывисто обняла жениха и горячо поцѣловала.

— Спасибо тебѣ, мой славный, мой добрый! Повѣрь, я вѣчно буду помнить твою внимательность.

— Постой, постой! — усмѣхнулся Константинъ Александровичъ. — Ты, пожалуйста, не считай этого какимъ-то подвигомъ съ моей стороны! Нѣтъ, голубка, я не для тебя только стремлюсь въ деревню. Меня влечетъ туда и кое-что другое. Мнѣ хочется отдать свои силы и знанія не разжирѣвшимъ купцамъ и чваннымъ дворянамъ, а простому люду. Когда ты увидишь этихъ темныхъ, забитыхъ людей, бѣдныхъ, невѣжественныхъ, жалкихъ, когда познакомишься съ ихъ руководителями, служащими только своему чреву и мамонѣ, ты поймешь мое стремленіе внести хоть каплю истиннаго свѣта въ окружающій ихъ мракъ, и сама станешь помогать мнѣ. И сколько добра и пользы принесемъ мы имъ тогда!

Покровскій увлекся и съ жаромъ началъ излагать свои планы. Прежде всего онъ обратитъ вниманіе на просвѣщеніе народа. Онъ приложитъ всѣ силы, чтобы прихожане его были не только грамотными, но и развитыми, образованными. Если не найдется другого исхода, онъ будетъ собирать ихъ въ своемъ домѣ и самъ лично учить. Онъ постарается, чтобы всѣ способныя дѣти въ его приходѣ получили полное образованіе. Онъ разыщетъ для этого необходимыя средства—и доведетъ ихъ даже до высшей школы. Потомъ онъ займется самосознаніемъ народнымъ. Онъ искоренитъ въ народѣ эту рабскую приниженность—пережитокъ крѣпостного права. Онъ научитъ его смотрѣть на себя съ достоинствомъ и требовать къ себѣ уваженія и отъ другихъ. Онъ разъяснитъ этимъ темнымъ простецамъ, что они—опора и надежда матушки-Руси.

Долго говорилъ Константинъ Александровичъ.

Вѣрочка никогда еще не слыхала отъ него такихъ пламенныхъ, страстныхъ рѣчей и молча любовалась вдохновеннымъ лицомъ его.

Она съ изумленіемъ увидѣла, что въ этомъ тихомъ и скромномъ молодомъ человѣкѣ таится огромный запасъ того невещественнаго огня, который не разъ уже обновлялъ обветшавшее человѣчество и велъ его на самые невѣроятные подвиги.

И впервые къ чувству любви присоединилось у нея и глубокое уваженіе къ своему жениху.

XVI.

По обоюдному желанію Вѣрочки и Покровскаго свадьба ихъ была отпразднована въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ.

Кромѣ четырехъ шаферовъ, изъ числа сослуживцевъ Константина Александровича, да двухъ-трехъ дальнихъ родственницъ Вѣрочки, на торжествѣ этомъ не было никого.

Надежда Θедоровна предполагала послать приглашеніе всѣмъ своимъ прежнимъ знакомымъ, но Вѣрочка горячо возстала противъ этого.

— Къ чему это, мамочка?—ласково, но твердо сказала она:—когда мы были въ горѣ да въ нуждѣ, отъ насъ всѣ почти отвернулись. Не будемъ же звать ихъ и на нашу радость!

Константину Александровичу со своей стороны даже и приглашать было некого. Кромѣ дьякона Грузинскаго и его сыновей, у него не было близкихъ людей, ни родныхъ, ни знакомыхъ.

Но молодые Грузинскіе всѣ были въ отлучкѣ по дѣламъ службы, а старикъ наотрѣзъ отказался посѣтить брачный пиръ.

— Спасибо, дорогіе мои!—сказалъ онъ жениху и невѣстѣ, пришедшимъ пригласить его лично:—благодарю, что не забыли меня, старика; но только ужъ какой я гость? У меня и одѣть-то нечего, кромѣ стараго подрясничишка да этой куцавейки.

Андрей Андреичъ указалъ на ветхую безрукавую тѣлогрѣйку, въ которой принималъ своихъ гостей.

— Помилуйте, дѣдуся! вы намъ нужны, а не ваши наряды!— съ жаромъ замѣтилъ Покровскій.

— Вѣрю, вѣрю, голубчикъ, но все же не хочу тебя конфузить. Вотъ, скажутъ, какого еще нищаго притащилъ!

Константинъ Александровичъ хотѣлъ что-то возразить, но старикъ остановилъ его знакомъ.

— Оставь! — сказалъ онъ, добродушно улыбаясь: — я вѣдь упрямъ, какъ быкъ, меня не переспоришь. На свадьбу къ вамъ я не пойду,—это рѣшено и подписано. А вотъ что невѣсту свою ты привелъ мнѣ показать, за это спасибо! И вамъ, милая барышня, спасибо, что не побрезговали старикомъ! Богъ знаетъ, придется ли мнѣ еще когда-нибудь васъ увидѣть? Вы поженитесь, уѣдете отсюда, а я уже стою одной ногой въ могилѣ...

— Полно, дѣдуся, вы еще поживете!—весело перебила его Вѣрочка.

— Ахъ, милая, и она ужъ меня „дѣдусей“ зоветъ!—растрогался старикъ, отирая навернувшуюся слезу.—Ну, вижу я теперь, что у тебя, дѣйствительно, сердце золотое. Значитъ, пара васъ съ Костюшей. У того вѣдь тоже внутри одна любовь да ласка.

— Нѣтъ, нѣтъ, дѣдуся! я—злая, нехорошая. Костя въ тысячу разъ лучше меня.

— Ну, и пусть будетъ такъ. И это не худо. Коли вы сердитая, такъ и побранитесь съ нимъ кое-когда! Это въ семейной жизни куда какъ полезно.

— Вотъ странно, дѣдуся! Всѣ желаютъ мнѣ съ Костей прожить въ любви да совѣтѣ, а вы желаете, чтобъ изрѣдка у насъ были и ссоры.

— Эхъ, милая барышня! Много, много видѣлъ я на своемъ вѣку, и знаю, что полнаго мира и счастья нигдѣ не бываетъ. Да и надоѣдятъ они, эти вѣчно ясные, безоблачные дни. А гроза вѣдь всегда освѣжаетъ воздухъ.

XVII.

На другой же день послѣ свадьбы Константинъ Александровичъ принялся подыскивать себѣ мѣсто священника.

Вопреки обыкновенію, ему пришлось хлопотать объ этомъ очень недолго.

Одинъ изъ товарищей его по академіи занималъ въ консисторіи должность столоначальника и, по первому же слову, выдалъ ему подробный списокъ праздныхъ священнослужительскихъ вакансій.

— Вотъ тебѣ наши дойныя коровушки!—не безъ ироніи подшутилъ молодой канцеляристъ:—выбирай любую!

Внимательно пробѣжавъ глазами довольно длинный перечень, Покровскій остановился на селѣ Антоновкѣ, лежавшемъ на самой границѣ епархіи, въ глухомъ, медвѣжьемъ углу.

— Въ благочинные хочешь попасть поскорѣе?—съ тонкой улыбкой спросилъ его товарищъ.

— Съ чего ты взялъ?—вспыхнулъ Константинъ Александровичъ.

— Помилуй, да зачѣмъ же иначе кандидату богословія идти въ грязную, заброшенную деревушку? Тамъ могутъ служить и недоучившіеся семинаристы, а тебѣ и въ городѣ мѣсто дадутъ.

Покровскій съ грустью посмотрѣлъ на бывшаго однокашника и не сказалъ ему ни слова.

„Не пойметъ! захлебнулся ужъ въ канцелярской трясинѣ",— не безъ горечи подумалъ онъ.

Написавъ тутъ же, въ консисторской пріемной, прошеніе, Покровскій отправился съ нимъ къ архіерею.

Къ великому его изумленію, владыка взглянулъ на его просьбу почти такъ же, какъ и товарищъ-столоначальникъ.

— Быстрой карьеры ищете?—сухо произнесъ онъ, пристально осматривая просителя.

— Вовсе нѣтъ, ваше преосвященство! — смѣло отвѣчалъ тотъ:— никакихъ честолюбивыхъ цѣлей у меня нѣтъ. Просто хочу послужить народу. Я родился и выросъ въ деревнѣ, и знаю, какъ нуждается она въ болѣе или менѣе образованныхъ людяхъ.

Лицо владыки прояснилось.

— Ну, положимъ, нынче и въ селахъ много интеллигентныхъ людей,— добродушно усмѣхнулся онъ: — теперь, вонъ, что̀ ни жалоба на священника, все отъ лица „мѣстной интеллигенціи".

— Да вѣдь какая это интеллигенція, владыка? Выгнанные поручики и корнеты, проворовавшіеся чиновники, дворяне-недоучки да разные кулачки изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Это не интеллигенція, а скорѣе отбросы ея.

— Ужъ будто бы въ деревнѣ и нѣтъ хорошихъ людей? — совсѣмъ уже весело спросилъ архіерей, любуясь горячностью молодого человѣка.

— Какъ не быть, владыка? Есть. Да только они стоятъ не у дѣлъ. Къ работѣ ихъ не подпускаютъ, а въ доносахъ они и сами участвовать не хотятъ.

— Я вижу, вы наблюдали и знаете сельскую жизнь и, пожалуй, дѣйствительно можете принести пользу въ деревнѣ, — раздумчиво произнесъ преосвященный. — Извольте же, я исполню ваше желаніе и зачту за вами мѣсто въ Антоновкѣ. Постарайтесь сдѣлать что-либо для этого бѣднаго села, а мы будемъ васъ имѣть въ виду.

И съ этими словами владыка быстро написалъ что-то на прошеніи Покровскаго и, подавая ему, сказалъ:

— Отнесите въ консисторію!

Принявъ напутственное благословеніе, Константинъ Александровичъ вышелъ изъ владычнихъ покоевъ и поспѣшилъ заглянуть въ бумагу.

На пустомъ пространствѣ надъ титуломъ красивымъ старческимъ почеркомъ было написано:

„Тысяча такого-то года, октября 21-го дня. Вакансія священника при Троицкой церкви села Антоновки предоставляется кандидату богословія Константину Покровскому. Консисторія имѣетъ немедленно представить мнѣ о немъ справки“.

XVIII.

Товарищъ-столоначальникъ очень быстро исполнилъ всѣ канцелярскія формальности, и дней черезъ десять Константинъ Александровичъ ходилъ уже въ рясѣ.

Поучившись съ недѣльку на практикѣ требоисправленію, вновь посвященный батюшка получилъ „ставленническую“ грамоту съ наставленіемъ быть „не бійцей, не пьяницей, не корыстолюбцемъ“, и уѣхалъ къ мѣсту новаго служенія.

Слѣдомъ за нимъ отправилась и Вѣра Васильевна съ матерью и хорошенькой Аннушкой, ни за что не хотѣвшей оставить свою „барыню“.

Весело, со спокойнымъ сердцемъ уѣзжала молодежь изъ города, и только одна Надежда Өедоровна, разставаясь съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ прошла вся ея жизнь, потихоньку всплакнула.

Впрочемъ и она очень скоро утѣшилась.

Пріѣхавъ въ Антоновку и очутившись въ давно знакомой обстановкѣ священническаго дома, она сразу же воспрянула духомъ и повеселѣла.

— Слава Тебѣ, Господи!— радостно перекрестилась она, почуявъ тотъ специфическій запахъ кипариса, ладана и деревяннаго масла, которымъ обыкновенно пропитаны жилища всѣхъ духовныхъ лицъ:—привелъ Богъ опять ладанку понюхать.

А черезъ недѣлю старушка ужъ окончательно забыла покинутыя мѣста и не могла нахвалиться своимъ новымъ положеніемъ.

— Ну, и хорошо же здѣсь, въ деревнѣ,— часто говорила она Аннушкѣ: — тишина-то какая! Снѣжинка, кажется, пролетитъ, и то услышишь. А воздухъ-то, воздухъ! Даже меня, полумертваго человѣка, пьянитъ.

— Что̀ говорить? благодать!—соглашалась Аннушка, у которой отъ привольной деревенской жизни щечки уже начинали покрываться цвѣтущимъ румянцемъ.

Не меньше старушки Смирновой довольны были и молодые супруги.

Съ беззаботностью здоровой молодости они не обращали вниманія на дивныя гигіеническія условія, такъ восторгавшія больную Надежду Өедоровну, и радовались исключительно тому, что могутъ наконецъ поработать на пользу народа.

А работы, дѣйствительно, было немало.

За послѣднее столѣтіе въ селѣ Антоновкѣ смѣнилось только два священника.

Одинъ прослужилъ шестьдесятъ-пять лѣтъ и, сдавъ мѣсто внучкѣ, умеръ на сто-второмъ году отъ рожденія.

Преемникъ его послужилъ чуть-чуть поменьше, лѣтъ такъ около сорока, и скончался семидесятилѣтнимъ старцемъ.

Оба эти пастыря прекрасно помнили доброе старое время и словно не замѣтили великой освободительной реформы.

Для нихъ прихожане-крестьяне были не свободными, равноправными гражданами, а все тѣми же крѣпостными рабами.

Мужички въ свою очередь боялись своихъ духовныхъ отцовъ, какъ огня, обходили ихъ за версту, стояли передъ ними безъ шапокъ и низко кланялись, а за глазами всячески издѣвались и вымучивали ихъ.

Батюшки прижимали свою паству епитимьями да разными

канцелярскими строгостями; пасомые норовили при всякомъ удобномъ случаѣ обсчитать и обмануть ихъ.

О взаимной любви, довѣріи, разумѣется, не было и рѣчи.

Это были скорѣе два врага, которые подъ личиною дружбы скрываютъ истинныя чувства и терпѣливо ожидаютъ подходящаго момента, чтобы нанести противнику ударъ поглубже и побольнѣе.

Никогда еще не наблюдавшій такихъ отношеній между духовными отцами и чадами, Константинъ Александровичъ былъ возмущенъ до глубины души.

„Гдѣ я нахожусь?—съ горестью думалъ онъ:—въ христіанской ли общинѣ, гдѣ всѣ—братья о Христѣ и должны носить тяготы другъ друга, или среди язычниковъ, у которыхъ каждый преслѣдуетъ только свои собственные узенькіе интересы?"

И молодой батюшка рѣшилъ прежде всего попытаться сблизиться со своими прихожанами.

— Мы ни за что не можемъ приняться, пока они намъ не вѣрятъ, — сказалъ онъ женѣ: — самое полезное для нихъ дѣло они разрушатъ своей подозрительностью и недовѣріемъ. Постараемся сначала расположить ихъ къ себѣ!

Хорошо знакомый съ крестьянской натурой, Покровскій отлично понималъ, что проповѣдями и наставленіями онъ врядъ ли добьется успѣха.

Мужички внимательно прослушаютъ краснорѣчивое поученіе, вздохнутъ разъ-другой, можетъ быть, даже и прослезятся, но, выходя изъ церкви, непремѣнно подумаютъ про себя:

„Славно поешь, да гдѣ-то сядешь?"

Поэтому Константинъ Александровичъ не сталъ терять даромъ словъ, а принялся сближаться съ паствой дѣломъ.

— Накройтесь, накройтесь, братцы!—говорилъ онъ крестьянамъ, когда при разговорѣ съ нимъ они подобострастно снимали рваныя шапчонки:—что вы въ храмъ пришли? или передъ иконой стоите? Я—такой же грѣшный человѣкъ, какъ и вы".

— Никакъ эфто, батюшка, невозможно,—пробовали возражать мужички:—какъ вы есть нашъ духовникъ, то должны мы вашу милость уважать.

Но Покровскій тоже былъ упоренъ и твердо стоялъ на своемъ.

— Ну, и уважайте меня въ сердцѣ!—съ легкой насмѣшечкой въ голосѣ замѣчалъ онъ,—а головки-то прикройте: отъ этого мнѣ не велика честь. Вы предо мною хоть никогда шапки не ломайте, да и за глаза не поносите; это вотъ будетъ лучше всего.

Видя себя разгаданными, крестьяне конфузились и надѣвали шапки.

Мало-по-малу всѣ привыкли, поздоровавшись со священникомъ, тотчасъ же накрывать голову.

Тогда Константинъ Александровичъ началъ отучать ихъ отъ другой рабской привычки—цѣлованія рукъ.

— Что вы къ моимъ рукамъ-то прикладываетесь? Что я, святой что-ли?—добродушно шутилъ онъ.

— Да какъ же, батюшка? — изумлялись мужики:—вѣдь ты у престола служишь и къ Богу насъ ведешь. Значитъ, ты насъ святѣе.

— Нѣтъ, братцы, — отвѣчалъ священникъ: — я такой же грѣшный, какъ и вы. И даже грѣшнѣе васъ. Потому вы только за свои грѣхи предъ Богомъ отвѣтите, а съ меня и за ваши взыщется. Давайте-ка здороваться за руку!

Понемножку и къ этому привыкли мужички.

Но Константину Александровичу всего этого было еще мало. Это была внѣшняя, показная сторона, а онъ стремился къ сближенію духовному.

Ему хотѣлось проникнуть въ домъ своихъ прихожанъ, сдѣлаться ихъ другомъ, совѣтникомъ, руководителемъ.

Добиться этого было не такъ-то легко.

Предшественники Покровскаго гнушались своими духовными чадами и ни къ себѣ ихъ не принимали, ни сами къ нимъ не заходили безъ особенной нужды.

Волей-неволей молодому батюшкѣ пришлось насильно навязаться въ гости.

— Эхъ, ты!—сказалъ онъ одному состоятельному крестьянину, собиравшемуся женить сына:—мужикъ богатый, а не хочешь священника на свадьбу пригласить.

— Да я, батюшка, всей душой бы радъ, только не смѣлъ потревожить вашу милость,—радостно отвѣчалъ оторопѣвшій мужичокъ, которому очень льстило видѣть у себя на пиру такого почетнаго гостя.

— А радъ, такъ и высылай лошадку! Мы съ матушкой пріѣдемъ.

Въ назначенный день Константину Александровичу подана была пара лошадей, и онъ отправился съ Вѣрочкой на свадьбу.

По случаю прибытія такихъ небывалыхъ гостей, въ просторную избу новобрачныхъ натискалась куча народа.

Всѣ боязливо переглядывались и перешептывались, и, видимо, недоумѣвали, какъ держать себя въ присутствіи священника.

Константинъ Александровичъ рѣшилъ придти имъ на помощь.

— Что же вы не попляшете? — обратился онъ къ „молодымъ“, сидѣвшимъ на пышной пуховой подушкѣ за уставленнымъ дессертомъ столомъ.

— А развѣ эфто, батюшка, можно? — солидно спросилъ отецъ новобрачной, низенькій, широкоплечій мужикъ, съ окладистой бородой и крошечными, хитрыми глазками.

— Отчего же нельзя? — отвѣчалъ Покровскій: — самъ царь Давидъ плясалъ передъ ковчегомъ завѣта.

— А вотъ старые батюшки намъ не дозволяли. И проповѣди объ эфтомъ говорили. Все на дщерь Иродіадину, — плясавицу, — указывали.

— Ну, и что́ же? вы слушались ихъ? не плясали?

Мужичокъ сначала замялся, потомъ весело встряхнулъ головой и сказалъ:

— Что́ грѣха таить? плясали.

— То-то вотъ и есть, — засмѣялся батюшка: — значитъ, вы творили два грѣха: плясали — это разъ, своего пастыря не слушали — два. Ну, а я, чтобы не вводить васъ въ лишній грѣхъ, плясать не запрещаю. Пляшите на здоровье!

Всѣ оживились, заговорили, и Константинъ Александровичъ понялъ, что крѣпкая стѣна, стоявшая межъ нимъ и приходомъ, слегка ужъ пошатнулась.

Съ этого дня „батюшку“ и „матушку“ стали наперерывъ приглашать на разныя торжества.

Они не отказывались, охотно ѣздили и къ богатымъ, и къ бѣднымъ, и старались держаться со всѣми какъ можно проще и доступнѣе.

Со своей стороны Вѣра Васильевна нашла и еще одинъ путь къ сближенію съ народомъ.

Ей очень не нравилось гнусливое пѣніе стараго дьячка и нѣсколькихъ любителей, стоявшихъ на правомъ клиросѣ Антоновской церкви, и она задумала создать правильный хоръ.

Желающихъ принять участіе въ этомъ хорѣ она приглашала къ себѣ въ домъ на спѣвки, и тутъ-то вотъ, въ минуты отдыха, заводила разговоры „по душѣ“.

Все это повело къ тому, что крестьяне перестали, наконецъ, дичиться своего священника и толпами начали обращаться къ нему во всѣхъ своихъ нуждахъ.

Одинъ шелъ къ нему съ недоумѣніемъ религіознаго свойства; другой просилъ совѣта въ тяжебномъ дѣлѣ; третій жаловался на жену и дѣтей.

Бабенки въ свою очередь прибѣгали съ жалобами на „тиранства“ мужей, показывали выдранныя ими косы и разорванные повойники и приносили на сохраненіе лишніе холсты, когда владыкамъ дома случалось загулять.

Константинъ Александровичъ и Вѣрочка по возможности старались удовлетворять всѣ просьбы, и вскорѣ прихожане села Антоновскаго не могли нахвалиться своимъ негордымъ, услужливымъ священникомъ и его ласковой, внимательной женой.

— Ну, и батьку намъ Господь послалъ! — хвастались они сосѣднимъ мужикамъ:—одно слово—рубаха! У прежнихъ-то поповъ мы, бывало, не знали, куда и дверь въ дому отворяется, а къ этому идемъ смѣло, какъ въ свою избу. И никогда это онъ на тебя не закричитъ, не облаетъ. Сначала все выслушаетъ, разспроситъ по-хорошему, ну, а потомъ, значитъ, и наставленье дастъ и напишетъ, чтò требуется. Прямо сказать: не человѣкъ— услуга!

Видя такую перемѣну отношеній, Покровскій, конечно, радовался и подумывалъ уже приняться за осуществленіе своихъ завѣтныхъ плановъ, какъ вдругъ произошло одно приключеніе, которое перевернуло всѣ его намѣренія.

XIX.

Въ приходѣ Антоновской церкви находилась чудная барская усадьба „Долгино“, принадлежавшая уже болѣе ста лѣтъ роду князей Рокоткиныхъ.

Во времена крѣпостного права Рокоткины жили въ Долгинѣ почти безвыѣздно, но съ освобожденіемъ крестьянъ они немедленно же сдали имѣніе въ аренду, заколотили роскошный каменный домъ и уѣхали куда-то заграницу.

Съ тѣхъ поръ, въ теченіе сорока почти лѣтъ, антоновцы ни разу не видѣли своихъ бывшихъ владѣльцевъ и даже хорошенько не знали, гдѣ они находятся.

Отъ бывшей княжеской ключницы Минодоры, глухой и на половину уже выжившей изъ ума столѣтней старухи, они слышали, что послѣдній ихъ „господинъ“, „молодой“ князь Алексѣй Ивановичъ, которому по расчисленіямъ мужиковъ было ужъ за семьдесятъ, волею Божіею скончался отъ какой-то новомодной болѣзни, какою въ старину князья Рокоткины никогда и не страдали.

Послѣ него остался „ребеночекъ“, такъ, тоже лѣтъ за со-

рокъ, Иванъ Алексѣевичъ, который женился на „французинкѣ" и прижилъ съ нею дочку Варвару Ивановну.

Вскорѣ послѣ рожденія княжны, супруга Ивана Алексѣевича скончалась, а самъ онъ, „чтобы разогнать кручину", пустился въ веселую свѣтскую жизнь и, не умѣя ни въ чемъ соблюдать мѣру, веселился до того, что нажилъ себѣ размягченіе мозга, и теперь „какъ есть совершеннѣйшій дурачокъ".

Года черезъ два по поступленіи Константина Александровича въ Антоновку, пришло извѣстіе, что княжна Варвара Ивановна, которой только-что исполнилось восемнадцать лѣтъ, вышла замужъ тоже за какого-то князя, молодого и богатаго, и собирается провести лѣто въ родовомъ своемъ гнѣздѣ.

Весь отданный заботамъ о своихъ мужичкахъ, Покровскій не предполагалъ вести знакомство съ этими представителями великосвѣтскаго круга, и даже не полюбопытствовалъ узнать фамилію новаго владѣльца Долгина.

Впослѣдствіи онъ и совсѣмъ забылъ о юной княжеской четѣ, и потому совершенно искренно удивился, когда въ одинъ изъ воскресныхъ дней увидѣлъ за обѣдней незнакомую красивую барыню и рядомъ съ ней... своего бывшаго ученика Маметъ-Чильдѣева, въ формѣ корнета самаго аристократическаго изъ гвардейскихъ полковъ.

— Какъ вы попали сюда, князь? — спросилъ Константинъ Александровичъ, возвратясь изъ церкви и заставъ у себя Чильдѣева и его нарядную спутницу.

— А вотъ пріѣхали съ женой погостить въ ея имѣніе, — отвѣчалъ спрошенный, крѣпко пожимая хозяину руку. — Позвольте васъ познакомить: моя жена, Варвара Ивановна, урожденная Рокоткина. Она — ваша мѣстная землевладѣлица, но, представьте, первый разъ въ здѣшнихъ мѣстахъ.

Завязался общій, оживленный разговоръ.

Маметъ-Чильдѣевъ очень интересовался, почему Покровскій не остался въ городѣ, а пошелъ священникомъ въ село; подробно разспрашивалъ объ ихъ житьѣ-бытьѣ, о томъ, какъ они проводятъ время, не скучаютъ ли, съ кѣмъ ведутъ знакомство?

Варвара Ивановна разсказывала Вѣрочкѣ, какъ пріятно была она поражена, услышавъ сегодня такое стройное пѣніе въ ихъ церкви, и, узнавъ, что это дѣло рукъ „матушки", непритворно изумилась, какъ могла она такъ облагородить эти грубые мужицкіе голоса.

Поболтавъ съ полчаса, Чильдѣевы стали прощаться.

— Мнѣ о многомъ бы хотѣлось еще переговорить съ вами, —

сказалъ князь Константину Александровичу,—но, къ сожалѣнію, намъ необходимо сдѣлать сегодня еще нѣсколько визитовъ. Поэтому мы будемъ просить васъ съ Вѣрой Васильевной пожаловать къ намъ въ четвергъ откушать. Посидимъ, побесѣдуемъ, вспомнимъ старину. Передъ обѣдомъ попрошу васъ отслужить въ домѣ молебенъ. Кстати, вы ничего не будете имѣть противъ, если я приглашу къ молебну вашего благочиннаго, отца Николая? Варенька говоритъ, что онъ оказывалъ кое-какія услуги ея отцу: негласно наблюдалъ за арендаторомъ, слѣдилъ за исправностью построекъ, доносилъ о лѣсныхъ порубкахъ. Ну, знаете ли, и неловко не позвать старика.

— Помилуйте!—улыбнулся Покровскій:—развѣ вы въ своемъ домѣ не полный хозяинъ. Да и лично противъ отца Николая я ничего не имѣю. Держится онъ со мной безукоризненно, хотя въ душѣ, кажется, недолюбливаетъ меня.

— Почему?

— Должно быть, подозрѣваетъ, что я хочу занять его должность.

— Неужели?

— Не смѣю увѣрять, но весьма на это похоже. Впрочемъ, повторяю, это нисколько не должно вліять на ваше намѣреніе пригласить его.

— Ну, очень вамъ признателенъ за это! Не пригласить старика на первый званый обѣдъ было бы прямо непозволительно. А на будущее время я приму мѣры, чтобы вы у меня не встрѣчались.

Молодые супруги уѣхали.

— Вотъ ужъ кого совсѣмъ не ожидалъ здѣсь видѣть!—сказалъ Константинъ Александровичъ женѣ, когда коляска Чильдѣевыхъ скрылась за поворотомъ.

— Да, мой другъ, нигдѣ, должно быть, не скроешься отъ судьбы!—грустно отвѣчала Вѣрочка.

— Чтò съ тобой, голубка?— спросилъ Покровскій, слегка обезпокоенный ея тономъ.

— Ничего особеннаго. Просто, эта встрѣча меня взволновала, и мнѣ кажется, что она принесетъ намъ какую-то непріятность.

— Полно, голубка! Неужели ты вѣришь въ предчувствія? Ну, если хочешь, не поѣдемъ къ нимъ въ четвергъ,—вотъ и конецъ.

— Ахъ, милый, милый! Развѣ можно бѣжать отъ бѣды, которой не знаешь? Нѣтъ, по моему, ужъ лучше идти ей навстрѣчу, чтобы поскорѣе столкнуться съ ней и развязаться.

— Ахъ, ты, философка моя дорогая!—усмѣхнулся священникъ и нѣжно поцѣловалъ жену.

XX.

Въ четвергъ, въ обширной столовой Рокоткинскаго дома, собрался небольшой кружокъ ближайшихъ сосѣдей Чильдѣевыхъ.

Почетное мѣсто, рядомъ съ хозяйкою, занималъ какой-то захудалый графчикъ съ тройной нѣмецкой фамиліей, бѣдная отрасль богатой семьи.

Это былъ низенькій, довольно толстый господинъ, лѣтъ сорока-пяти, въ пестромъ, безвкусномъ костюмѣ, по виду очень напоминавшій приказчика изъ хорошаго мануфактурнаго магазина.

И вопреки установившемуся мнѣнію, наружность на этотъ разъ была необманчива.

Въ погонѣ за презрѣннымъ металломъ, графъ, дѣйствительно, занимался тайкомъ разными коммерческими предпріятіями, начиная отъ барышничанья лошадьми и кончая выдачею мелкихъ ссудъ подъ залогъ хлѣба крестьянамъ и окрестнымъ землевладѣльцамъ.

Несмотря на громкій титулъ, графъ былъ человѣкъ мало образованный; по-русски писалъ безграмотно, исторію и географію зналъ лишь по путешествіямъ и романамъ, и въ совершенствѣ владѣлъ лишь французскимъ и нѣмецкимъ языками.

Благодаря, однако, высокому положенію своихъ родственниковъ и широкимъ великосвѣтскимъ связямъ, графъ вездѣ былъ принятъ охотно и пользовался даже нѣкоторымъ вліяніемъ среди своихъ деревенскихъ знакомыхъ.

Получивъ приглашеніе князя, онъ пріѣхалъ къ обѣду съ огромнымъ букетомъ дешевенькихъ цвѣтовъ, который и поставилъ торжественно предъ приборомъ княгини.

Очень довольный тѣмъ, что наконецъ-то и въ деревнѣ можетъ быть въ „своемъ кругу", графъ разсыпался въ любезностяхъ предъ молоденькой хозяйкой, выискивалъ общихъ знакомыхъ, приводилъ о нихъ самыя точныя геральдическія справки, разсказывалъ кое-какія сплетни изъ ихъ домашней жизни, и въ то же время жадно поглощалъ тонкія блюда, искусно приготовленныя прибывшимъ съ Чильдѣевыми поваромъ-французомъ.

По лѣвую руку Варвары Ивановны сидѣлъ другой почетный гость, отставной гвардейскій полковникъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кли-

ковъ, довольно уже ветхій, но бодрящійся старикашка, съ расчесанной на двѣ стороны небольшой сѣдой бородкой.

Лѣтъ пятьдесятъ назадъ, Клыковъ считался очень остроумнымъ и интереснымъ молодымъ человѣкомъ, „душою общества“, и употреблялъ всѣ силы, чтобы поддержать эту славу.

Онъ неизмѣнно повторялъ однѣ и тѣ же шутки и остроты, которыя имѣли такой успѣхъ во дни его зеленой юности, ухаживалъ за всѣми молоденькими дамочками и барышнями и, повидимому, не замѣчалъ, что молодежь давно уже смѣется надъ нимъ за спиною и дала ему неособенно лестное прозвище „мышинаго жеребчика“.

Видя, что хозяйка всецѣло занята болтовнею графа, Өедоръ Өедоровичъ обратилъ вниманіе на другую свою сосѣдку, Вѣру Васильевну, и началъ, выражаясь его языкомъ, „строить ей куры“.

Вѣрочка съ глубокимъ сожалѣніемъ посматривала на этого сѣдовласаго любезника и съ великими усиліями принуждала себя изрѣдка отвѣчать ему.

Отъ томительно-однообразныхъ, пошловатыхъ любезностей Өедора Өедоровича Вѣрочкѣ стало нестерпимо скучно.

Чтобы хоть чѣмъ-нибудь развлечь себя, она принялась разсматривать остальныхъ гостей князя, которыхъ знала по наслышкѣ.

Прямо насупротивъ нея сидѣла единственная дочь Клыкова—Липочка, тридцати-восьмилѣтняя барышня, тощая какъ палка, съ блѣднымъ, изможденнымъ лицомъ.

Липочка считалась дѣвицей очень скромной и набожной, и потому, должно быть, больше молчала и поглядывала украдкой на молоденькаго Чильдѣева, мысленно разбирая его по статьямъ со вкусомъ знатока.

Рядомъ съ Липочкой помѣщался какой-то мѣстный дѣятель, Александръ Митрофановичъ Деспотовъ, не то членъ управы, не то податной инспекторъ, плотный, лысый мужчина, съ рѣденькой, клочковатой бородкой, тонкимъ, загнутымъ книзу носомъ и сильно глуповатымъ лицомъ.

Напечатавъ однажды въ „Земскомъ Вѣстникѣ“ что-то вродѣ „письма въ редакцію“ или „опроверженія“, Деспотовъ не на шутку мнилъ себя писателемъ и говорилъ съ большимъ апломбомъ.

„Литературныя заслуги“ Александра Митрофановича признавались, кажется, и всѣми его знакомыми, и потому къ самоувѣреннымъ рѣчамъ его всѣ старались прислушиваться внимательно.

Одна только супруга Деспотова — Анна Васильевна, трехъобхватная дама съ темно-краснымъ отъ затянутаго корсета ли-

цомъ, не раздѣляла, какъ видно, общаго поклоненія литературнымъ талантамъ мужа и поминутно обрывала послѣдняго безцеремонными словами:

— Александръ! Ты путаешь!

Слѣва отъ Вѣрочки, между нею и княземъ, сидѣлъ высокій, худощавый протоіерей, съ длинной, совершенно бѣлой бородой-лопатой и пышными изжелта-сѣдыми волосами.

На груди его красовались золотой, осыпанный бриліантами, крестъ и нѣсколько красныхъ орденскихъ ленточекъ съ разноцвѣтными краями.

Это былъ мѣстный благочинный, отецъ Николай Синицынъ.

Подобно графу, совсѣмъ заговорившему Варвару Ивановну, благочинный старался овладѣть исключительнымъ вниманіемъ хозяина.

Слегка склонившись въ его сторону и немного понизивъ голосъ, почтенный протоіерей съ участіемъ началъ разспрашивать Маметъ-Чильдѣева, все ли нашелъ онъ въ исправности въ своемъ имѣніи, не открылъ ли какихъ недочетовъ у арендатора, не оказалось ли „шалостей“ и со стороны мужиковъ?

Узнавъ, что князь не имѣлъ еще времени подробно ознакомиться съ хозяйствомъ, онъ посовѣтовалъ ему пересчитать что-то въ амбарахъ, посѣтить какую-то заповѣдную рощу и потребовать отъ арендатора расходныя книги за такіе-то годы.

— Вотъ тогда сами все увидите-съ,—съ хитрою улыбочкою закончилъ онъ.

Чильдѣеву были очень непріятны эти рѣчи, и онъ нѣсколько разъ пытался перевести разговоръ на другой предметъ, но остановить расходившагося протоіерея было трудно.

Покончивъ съ хозяйственными дѣлами князя, Синицынъ началъ „раскрывать послѣднему глаза“ на сидѣвшихъ за столомъ гостей.

Понизивъ голосъ почти до шопота, онъ сообщилъ, что Деспотова не сегодня—завтра посадятъ на скамью подсудимыхъ за растрату казенныхъ денегъ и разныя преступленія по должности.

Въ сущности, это давно бы уже должно было случиться, да супруга Деспотова была доселѣ въ очень короткихъ отношеніяхъ съ тѣмъ лицомъ, отъ котораго зависитъ судьба ея мужа, и потому Александру Митрофановичу все сходило съ рукъ.

На дняхъ, однако, между Анной Васильевной и ея „другомъ“ пробѣжала черная кошка, и Деспотову уже приказано немедленно пополнить недостающія суммы.

Графъ, конечно, этому радуется, такъ какъ мечтаетъ самъ

занять мѣсто Александра Митрофановича, но только врядъ ли его выберутъ: всѣ еще слишкомъ хорошо помнятъ, что года два назадъ его сіятельство публично былъ избитъ какимъ то цыганомъ, которому онъ подсунулъ слѣпую и разбитую на ноги лошадь.

Обязанности Деспотова, вѣрнѣе всего, перейдутъ къ Клыкову, этому старому сластолюбцу, отъ котораго ни одна горничная не уйдетъ „въ порядкѣ".

Перебравъ присутствующихъ мужчинъ, почтенный протоіерей хотѣлъ уже подѣлиться „съ дорогимъ княземъ" и своими „свѣдѣніями" о дамахъ, но не привыкшій къ подобнымъ бесѣдамъ Чильдѣевъ рѣшилъ положить конецъ дальнѣйшимъ сплетнямъ.

Услышавъ, что Варвара Ивановна заговорила съ графомъ о музыкѣ, князь безцеремонно прервалъ Синицына на полусловѣ и обратился къ женѣ:

— Ахъ, кстати, Barbe! — сказалъ онъ:—ты не забыла, что хотѣла попросить Вѣру Васильевну спѣть что-нибудь послѣ обѣда?

— Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, я помню! — отвѣчала княгиня.

— А развѣ матушка поетъ? — спросила Анна Васильевна, обладавшая жиденькимъ сопрано и потому слывшая въ округѣ первой пѣвицей.

— Какъ истинная артистка! — съ жаромъ откликнулся князь.

— Вотъ какъ! — недовѣрчиво протянула Деспотова и чуть замѣтно улыбнулась.

— Вотъ, голубушка, и конкуррентка тебѣ нашлась, — поддразнилъ жену Александръ Митрофановичъ:—будетъ тебѣ одной лавры-то пожинать!

Толстуха сердито вскинула на мужа маленькими, заплывшими жиромъ, глазками и ядовито прошипѣла:

— Ахъ, что ты, Александръ! Какіе лавры? Я вѣдь пою попросту, не артистически.

— Простите! Вы, кажется, не повѣрили мнѣ, что Вѣра Васильевна — артистка? — обратился къ ней Маметъ-Чильдѣевъ.

— Помилуйте! какое же я имѣю основаніе...—начала оправдываться Деспотова, но молодой князь перебилъ ее:

— Нѣтъ, нѣтъ, я замѣтилъ, что вы отнеслись къ моимъ словамъ съ недовѣріемъ. Но завѣряю васъ, чѣмъ угодно, что Вѣра Васильевна была артисткой не только въ переносномъ, но и буквальномъ смыслѣ слова. Она не только пѣла артистически, т.-е. мастерски и съ большимъ чувствомъ, но и играла на театрѣ.

Всѣ съ удивленіемъ подняли глаза на Вѣру Васильевну и молча принялись разсматривать ее, какъ нѣчто никогда невиданное.

— Это—очень пріятный сюрпризъ!—сказалъ наконецъ графъ и, галантно наклонившись въ сторону „матушки", прибавилъ:— Надѣюсь, вы не откажетесь спѣть когда-нибудь и на нашихъ любительскихъ спектакляхъ?

— Ну, понятно, понятно!—отвѣчалъ за свою сосѣдку старый Клыковъ, взоръ котораго заблестѣлъ вдругъ какимъ-то гаденькимъ, маслянистымъ свѣтомъ.

Хозяева и гости наперерывъ стали просить Вѣру Васильевну „исполнить что-либо изъ своего репертуара".

Всѣ оживились, заговорили о музыкѣ, объ оперѣ, о театрахъ, и никто не замѣтилъ того злобно-торжествующаго взгляда, который бросилъ на своего подчиненнаго старый благочинный.

XXI.

Протоіерей Синицынъ достигъ званія благочиннаго уже на склонѣ жизни, прослуживъ на пользу церкви и отечества лѣтъ тридцать слишкомъ.

Человѣкъ довольно ограниченный и недалекій, онъ былъ обязанъ назначеніемъ на эту должность единственно тому, что въ число наиболѣе вліятельныхъ членовъ мѣстной консисторіи попалъ и его шуринъ, старавшійся, конечно, при всякомъ удобномъ случаѣ порадѣть своему родственнику.

Добившись первенствующаго положенія среди окрестнаго духовенства, отецъ Николай началъ прилагать всѣ силы, чтобы какъ можно дольше удержать его за собою.

Для этого онъ прибѣгъ къ простой, но очень дѣйствительной мѣрѣ. Аттестуя ежегодно своихъ подчиненныхъ, онъ давалъ о нихъ такіе отзывы въ послужныхъ спискахъ, которые, не причиняя имъ существеннаго вреда, накидывали все-таки легкую тѣнь на поведеніе ихъ или образъ мыслей.

„Поведенія отлично хорошаго, но склоненъ къ свѣтскости",— писалъ онъ объ одномъ.

О другомъ отзывался такъ:

„Въ поведеніи безукоризненъ, но проявляетъ иногда наклонности къ свободомыслію".

Эти—съ виду невинныя—прибавочки прекрасно достигали цѣли и, не вызывая кары на подвѣдомственныхъ Синицыну священнослужителей, дѣлали ихъ совершенно непригодными къ занятію почетнаго благочинническаго поста.

Обезпечивъ себя такимъ образомъ отъ „происковъ" подчи-

ненныхъ, отецъ Николай собирался уже насладиться „непоколебимою“ властью и почетомъ, какъ вдругъ узналъ, что въ село Антоновку, принадлежавшее къ его округу, поступилъ священникомъ кандидатъ богословія Покровскій.

„Академистъ, и вдругъ — въ деревню! Зачѣмъ? Что̀ ему здѣсь надо? — взволновался протоіерей. — Очевидно, хочетъ поскорѣе выслужиться, нахватать крестовъ и орденовъ, да и перебраться опять въ городъ, на мѣстечко повиднѣе. Что-жъ, это очень возможно: среди насъ, семинаровъ, онъ будетъ человѣкъ замѣтный,—быстро въ гору пойдетъ“.

Синицыну очень живо представилось, какъ молодому антоновскому священнику дадутъ къ Рождеству набедренникъ, къ Пасхѣ — скуфью, черезъ годъ или два — камилавку, а тамъ сдѣлаютъ и благочиннымъ.

„А меня, значитъ, можно тогда и колѣномъ въ спину!— ѣдко усмѣхнулся старикъ:—будетъ, дескать, съ тебя. Давай дорогу ученымъ! Ну, да мы еще посмотримъ! Я, братъ, обстрѣлянный воробей, и всякому молокососу подчиняться не намѣренъ“.

И, тщательно затаивъ непріязнь, старый протопопъ терпѣливо сталъ поджидать удобнаго времени, чтобы выжить изъ своего округа опаснаго конкуррента.

Какъ ни старательно скрывалъ Синицынъ свои истинныя чувства, Константинъ Александровичъ сразу же почуялъ ихъ.

— Ну, съ благочиннымъ мнѣ, кажется, придется воевать,— сказалъ онъ Вѣрочкѣ, послѣ перваго же посѣщенія отца Николая.

— Почему ты такъ думаешь?—спросила та:—онъ далъ тебѣ какой-нибудь поводъ? Сказалъ что-нибудь?

— Нѣтъ, онъ былъ со мною очень любезенъ, но въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ взглядѣ такъ и сквозило скрытое нерасположеніе. Онъ, повидимому, тоже считаетъ меня карьеристомъ и опасается за себя.

— Такъ ты объяснился бы съ нимъ на чистоту. Открылъ бы ему свои планы и цѣли, которыя привели тебя въ деревню. Вотъ всѣ бы недоразумѣнія и распались.

— Ну, милая моя, съ этими людьми никакія объясненія не помогутъ. Они въ самыхъ искреннихъ рѣчахъ твоихъ будутъ видѣть заднія мысли и не повѣрятъ ни одному слову. Столкновенія тутъ не избѣжишь. Пожелаемъ только, чтобы оно не причинило никому изъ насъ существеннаго вреда.

Покровскій оказался правъ.

Благочинный съ настойчивостью ищейки слѣдилъ за каждымъ

его шагомъ и уже нѣсколько разъ пытался возстановить противъ него консисторію и архіерея.

По счастью, служебные промахи Константина Александровича, о которыхъ Синицынъ неопустительно доводилъ до свѣдѣнія епархіальныхъ властей, были незначительны и вполнѣ естественны въ молодомъ еще священникѣ, и все дѣло оканчивалось обыкновенно простымъ разъясненіемъ ему допущенныхъ ошибокъ.

Протоіерей былъ въ отчаяніи.

Ему уже начинало казаться, что у Покровскаго есть сильная „заручка вверху", и что его, пожалуй, и не одолѣешь.

Цѣлыми днями ломалъ онъ голову, какъ бы „подловить" ненавистнаго сосѣда, но ничего „неотразимаго" придумать не могъ.

У него уже зарождалась мысль примириться съ неизбѣжностью и постараться вступить въ дружбу съ „будущимъ благочиннымъ".

Трудно было самолюбивому Синицыну переломить себя, но онъ уже почти рѣшился на это, какъ вдругъ, на обѣдѣ у Чильдѣевыхъ, въ рукахъ у него совершенно неожиданно очутился новый крупный козырь для борьбы съ Покровскимъ.

Услышавъ, что Вѣра Васильевна играла до свадьбы на сценѣ, благочинный мигомъ смекнулъ, какую пользу для себя можетъ извлечь онъ изъ этого факта, и глазки его вспыхнули злобнымъ торжествомъ.

Онъ быстро, однако, овладѣлъ собою и съ невозмутимымъ попрежнему видомъ выслушивалъ горячія похвалы князя таланту Вѣрочки.

Онъ даже поощрялъ разсказчика и, какъ будто сочувствуя ему, нѣсколько разъ произнесъ:

— Ахъ, какъ это пріятно-съ!

Когда, уступая настойчивымъ просьбамъ присутствующихъ, Вѣрочка спѣла какой-то романсъ, онъ похвалилъ и ее.

Ласково кивнувъ головой, онъ сказалъ ей старчески-добродушнымъ тономъ:

— Превосходно-съ, государыня моя, превосходно-съ!

Послѣ пѣнія онъ заспѣшилъ, однако, домой и, прощаясь съ Покровскими, пронзилъ ихъ опять полнымъ злой радости взглядомъ.

И молодые супруги поняли этотъ взглядъ, и у нихъ обоихъ пронеслась одна и та же мысль:

— Все кончено! Мы пропали!

XXII.

Покровскіе не ошиблись.

Недѣли черезъ двѣ послѣ обѣда у Чильдѣевыхъ, Константинъ Александровичъ вызванъ былъ къ архіерею „по экстренному дѣлу“.

Когда онъ вошелъ въ пріемный залъ владыки, послѣдній уже принималъ посѣтителей, стоя у какого-то не то налоя, не то конторскаго стола, надъ которымъ висѣла огромная икона Богоматери съ горящей предъ нею лампадой.

Увидавъ антоновскаго священника, архіерей тотчасъ же поманилъ его къ себѣ худенькой ручкой и, къ великому удивленію присутствующихъ, удалился съ нимъ въ кабинетъ, плотно притворивъ за собою двери.

— Ко мнѣ поступило отъ благочиннаго Синицына очень серьезное донесеніе относительно васъ,—сказалъ владыка, опускаясь въ потертое кожаное кресло и жестомъ приглашая Покровскаго садиться.—Фактъ, о которомъ онъ сообщаетъ, такъ мало вѣроятенъ, что я счелъ долгомъ, прежде чѣмъ давать дѣлу законный ходъ, лично переговорить съ вами. Протоіерей Синицынъ обвиняетъ васъ въ томъ, что, вопреки каноническимъ правиламъ, вы состоите въ бракѣ съ актрисой. Правда ли это?

Константинъ Александровичъ съ минуту колебался, потомъ смѣло поднялъ глаза на владыку и заговорилъ рѣшительнымъ тономъ:

— Что-жъ, владыка, я не стану запираться! Да, я женатъ на дѣвушкѣ, которая ради куска насущнаго хлѣба нѣсколько мѣсяцевъ пѣла на сценѣ, но осталась чистой и непорочной. Я вступилъ съ ней въ бракъ, потому что горячо полюбилъ ее и не хотѣлъ дать ей погибнуть.

И онъ откровенно разсказалъ архіерею всю исторію своей свадьбы.

Внимательно выслушавъ разсказъ, владыка задумался.

— Да, случай интересный!—сказалъ онъ, помолчавъ.—Говоря по совѣсти, я не вижу особеннаго грѣха въ вашемъ поступкѣ, но вы нарушили требованія канововъ церковныхъ, а съ этимъ нужно будетъ считаться. По смыслу закона вамъ придется отпустить жену отъ себя.

— Простите, владыка, я не въ силахъ сдѣлать это: мы слишкомъ привязаны другъ къ другу.

Грусть хозяевъ передалась и жизнерадостной Аннушкѣ, тоже смолкшей и притихшей.

— Да что у насъ случилось такое?—спрашивала нѣсколько разъ старушка Смирнова, отъ которой Покровскіе рѣшили до времени скрывать грозящую бѣду:—ужъ не умеръ ли кто изъ родныхъ?

— Нѣтъ, мамочка, всѣ, слава Богу, живы и здоровы,—а такъ скучно мнѣ что-то стало. Ну, и на Костю, конечно, это подѣйствовало, и онъ захандрилъ.

— Да что же такое съ тобой? Ужъ не хочешь ли ты подарить меня внукомъ?

— Ахъ, что вы, мамочка!—вспыхивала Вѣрочка:—просто, тоска, вотъ и все!

Надежда Өедоровна пристально смотрѣла на нее и недовѣрчиво качала головой.

Каждое утро, выходя въ столовую къ чаю, Константинъ Александровичъ тоже взглядывалъ на жену, какъ бы задавая ей безмолвный вопросъ:

— Ну, что, придумала ли что-нибудь?

Подъ этимъ упорнымъ взглядомъ Вѣрочка опускала обыкновенно глазки и суетливо начинала перетирать стаканы и раскладывать по нимъ сахаръ.

Такъ длилось цѣлую недѣлю.

Наконецъ, на восьмой день, Вѣра Васильевна встрѣтила мужа значительно повеселѣвшей.

„Придумала",—прочелъ онъ въ ея взорѣ.

Наскоро напившись чаю, супруги удалились въ кабинетъ.

Константинъ Александровичъ сѣлъ въ свое любимое кресло у письменнаго стола, Вѣрочка стала рядомъ и положила свою красивую, маленькую ручку на плечо мужа.

— Ну, что же ты надумала, голубка моя?—спросилъ Покровскій, ласково поглаживая руку жены.

— Ахъ, дорогой мой! Я, право, не знаю, какъ тебѣ и сказать. Боюсь, что ты разсердишься и не послушаешься меня.

— Вотъ еще что выдумала! Развѣ я такой ужъ грозный мужъ? Да и наши отношенія устроены, слава Богу, не по „Домострою". Ты должна бы, кажется, знать, что я не только тебя люблю, но и уважаю, и потому очень дорожу твоимъ мнѣніемъ.

— Знаю, голубчикъ, знаю!—просто отвѣчала Вѣра Васильевна и нѣжно обняла мужа.

— Ну, говори же скорѣй, что ты придумала?

— Видишь ли, голубчикъ: за это время я обсудила дѣло со

всѣхъ сторонъ и пришла къ заключенію, что мы не вправѣ заботиться о нашемъ личномъ счастьи, когда на тебѣ лежитъ болѣе высокая и священная обязанность.

— То-есть, какъ это? Чтò ты хочешь этимъ сказать?

— А то, что ты долженъ привести въ порядокъ этотъ заброшенный приходъ, просвѣтить этихъ забитыхъ людей. И ради этого мы обязаны пожертвовать нашей любовью. Оставайся же ты здѣсь, а меня отпусти!

Покровскій съ гнѣвомъ стукнулъ кулакомъ по столу.

— Ну, нѣтъ, этому не бывать!—крикнулъ онъ, сверкая глазами.—Извини меня, но я не могу послѣдовать твоему совѣту. Для пользы церкви Христовой я съ радостью отдалъ бы свое счастье, но въ угоду разной отжившей византійщинѣ я не поступлюсь даже тѣнью его. Я чувствую, что предъ Богомъ союзъ нашъ святъ и безгрѣшенъ и не нарушу его для всѣхъ консисторій въ мірѣ, со всѣми ихъ правилами и постановленіями. Я слишкомъ тебя люблю, и не для того принялъ подъ свою защиту, чтобы при первой же житейской неудачѣ бросить на произволъ судьбы. Нѣтъ, мы пойдемъ съ тобой рука объ руку до конца жизненнаго пути и либо завоюемъ себѣ счастье, либо вмѣстѣ погибнемъ.

— Хорошо, хорошо, дорогой мой! Я вѣрю, что ты меня любишь и отдаюсь на твою волю: поступай, какъ найдешь лучше!—поспѣшила успокоить мужа Вѣра Васильевна.

— Вотъ за это спасибо!—съ чувствомъ произнесъ Покровскій и крѣпко поцѣловалъ ей руку.

— Чтò же ты думаешь предпринять?—послѣ небольшой паузы задала вопросъ Вѣрочка.

— Я поѣду сейчасъ къ владыкѣ и буду опять умолять его потушить это дѣло. Я соглашусь перейти въ другой приходъ, даже въ другую губернію, лишь бы не разлучаться съ тобой. Если же онъ не рѣшится исполнить моей просьбы, то я подамъ заявленіе о выходѣ изъ духовнаго званія и вернусь за вами.

Константинъ Александровичъ быстро собрался въ дорогу.

Когда онъ зашелъ къ женѣ проститься, она долго смотрѣла на него, потомъ поцѣловала, перекрестила и вдругъ горько-горько зарыдала, припавъ головой къ его груди.

— Радость моя! Чтò съ тобой? Ты словно прощаешься со мной на вѣки,—испуганно заговорилъ Покровскій, стараясь заглянуть ей въ лицо.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, не безпокойся!—Вѣрочка поспѣшила отереть слезы:—просто, нервы расходились съ этой передряги.

Вотъ ужъ все и прошло. Ну, прощай же еще разъ и поѣзжай съ Богомъ!

Она снова поцѣловала его и пошла провожать на крыльцо, у котораго уже стояла рогожная кибитка, запряженная парой невзрачныхъ крестьянскихъ лошадокъ.

XXIV.

Поѣздка Константина Александровича не увѣнчалась успѣхомъ. Преосвященный наотрѣзъ отказался заминать дѣло.

— Боюсь! чистосердечно вамъ говорю, — боюсь,—отвѣчалъ онъ на всѣ просьбы Покровскаго: — я человѣкъ старый, больной, а съ нашими чиновниками связаться спаси, Боже, и молодого. Васъ я, все равно, не выручу, а себя погублю. Ну, какая же изъ этого польза? А я бы лучше вотъ вамъ что посовѣтовалъ: жену-то вы отпустите, да и поселите ее гдѣ-нибудь по близости. А поелику она для васъ все-таки Богомъ вѣнчанная супруга, то и навѣщайте ее время отъ времени! Этого никто ужъ вамъ запретить не можетъ. Вотъ и будутъ у васъ и волки сыты, и овцы цѣлы.

— Владыка! Да вѣдь это ложь, обманъ?

— Что дѣлать, другъ мой, что дѣлать? На что не пойдешь страха ради іудейска? Недаромъ и святый царь и пророкъ Давидъ говоритъ: „ложь есть конь во спасеніе“.

— Нѣтъ, владыка, на это я не пойду. Это противъ моихъ взглядовъ и убѣжденій.

— Ну, это дѣло ваше, другъ мой! Я сказалъ вамъ по человѣчеству, снисходя къ вашему возрасту, а далѣе и поступайте, какъ хотите. „Могій вмѣстити, да вмѣститъ“.

— Въ такомъ случаѣ, владыка, благоволите принять отъ меня прошеніе объ увольненіи изъ духовнаго званія,—сказалъ Покровскій, подавая заранѣе приготовленную „бумагу“.

Архіерей взялъ вчетверо сложенный документъ, быстро пробѣжалъ его глазами и вдругъ привѣтливо взглянулъ на молодого священника.

— Усматриваю въ васъ характеръ твердый и послѣдовательный,—задушевнымъ тономъ произнесъ онъ, кладя руку на плечо собесѣдника: — искренно сожалѣю, что вамъ не удалось подольше поработать на пользу своей паствы. Увѣренъ, что ваши прихожане были бы не по имени только христіанами, а и на дѣлѣ. Скорблю и за себя: такіе помощники попадаются намъ

рѣдко. Среди тѣхъ льстецовъ, низкопоклонниковъ, карьеристовъ и искателей, которые меня окружаютъ, вы могли бы быть мнѣ незамѣнимымъ слугой и даже другомъ. Господь, однако, судилъ, какъ видите, иначе. Ну, что жъ дѣлать? Его святая воля. Несите крестъ свой твердо, не ропщите. Помните: „претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ“.

— Благодарю васъ, владыка, на добромъ словѣ. Видитъ Богъ, какъ я глубоко огорченъ, что не могу отдать силъ своихъ на служеніе церкви. Я всегда къ этому стремился, долго и старательно готовился и никакъ не предполагалъ, что найдутся законы, которые воспрепятствуютъ мнѣ поработать Господу со страхомъ и трепетомъ. Я ошибся. Я забылъ, что „льстивіи“ греки оставили намъ свое тяжелое наслѣдіе, въ видѣ разныхъ правилъ, постановленій и толкованій, которыя еще долго-долго будутъ затемнять для насъ чистое и свѣтозарное ученіе Христово. Жизнь довольно жестоко напоминаетъ мнѣ объ этомъ. Ну, что же? Я не ропщу. Хвала и благодареніе Богу за все.

И онъ съ глубокимъ чувствомъ облобызалъ руку престарѣлаго епископа.

— Аминь! — отвѣчалъ владыка и тихо прикоснулся губами къ склонившейся головѣ Покровскаго.

Крупная слеза неожиданно набѣжала на глаза старика, быстро скатилась по худой, изможденной щекѣ и скрылась въ кудрявыхъ волосахъ бывшаго священника село-антоновской церкви.

XXV.

Не весело возвращался домой Константинъ Александровичъ. Мысли, одна грустнѣе другой, всю дорогу угнетали его.

Онъ не тужилъ о потерянномъ мѣстѣ, не горевалъ и о томъ, что отнынѣ предстоитъ ему тяжелая ежедневная борьба за кусокъ насущнаго хлѣба.

Онъ скорбѣлъ и плакалъ объ одномъ, что не сбылись его завѣтныя мечты, не оправдались и погибли надежды и стремленія.

Тоскливое настроеніе Константина Александровича усиливалось еще и начавшейся непогодой.

Послѣ непродолжительной оттепели повалилъ мелкій, сухой снѣгъ.

Внезапно появившійся рѣзкій сѣверный вѣтеръ закружилъ, завертѣлъ эту снѣжную массу, закрывая горизонтъ плотной бѣлой пеленой.

Все кругомъ завыло, затрещало, застонало.

Гнулись и скрипѣли могучія деревья. Мелкіе кустарники спѣшили спрятаться подъ снѣгомъ, а плотно сколоченные человѣкомъ изгороди и плетни своимъ упорствомъ раздражали вѣтеръ до бѣшенаго свиста.

Заморившіяся лошаденки съ трудомъ тащили неуклюжій возокъ, то-и-дѣло сбиваясь съ дороги.

— Послушай, Семенъ, поѣзжай скорѣе!—крикнулъ кучеру Покровскій, сильно продрогшій въ своемъ жиденькомъ, старомъ тулупчикѣ.

Мужичокъ обернулъ къ нему красное, обвѣтренное лицо, съ длинными ледяными сосульками вмѣсто бороды и усовъ.

— Никакъ, батюшка, невозможно,—степенно сказалъ онъ:—ежели теперича коней погнать, они мигомъ со слѣда собьются и завезутъ насъ и нивѣсть куда. А вѣдь въ полѣ-то грѣхомъ недолго и замерзнуть въ этакую метелицу. Долго мы, кормилецъ, стыли, такъ ужъ и еще часокъ-другой позябнемъ: авось не помремъ отъ эфтого. А лошадки пущай шажкомъ идутъ да сами дорожку выбираютъ. Этакъ-то мы скорѣе дома будемъ.

Семенъ оказался правъ.

Менѣе чѣмъ черезъ часъ умныя животныя привезли ихъ къ подъѣзду церковнаго дома села Антоновскаго и остановились, какъ вкопанныя.

Войдя въ теплую прихожую, Константинъ Александровичъ сбросилъ на руки Аннушкѣ тулупчикъ и закоченѣвшими пальцами принялся распутывать длинный гарусный шарфъ, обмотанный въ нѣсколько разъ вокругъ шеи.

— А гдѣ же Вѣрочка?—спросилъ онъ горничную, удивленный тѣмъ, что, вопреки обыкновенію, жена не вышла его встрѣтить.

— Да матушка ужъ съ часъ будетъ, какъ ушедчи,—отвѣчала Аннушка, тщательно очищая намерзшія льдинки съ воротника тулупа.

— Ушедчи? — съ изумленіемъ переспросилъ Покровскій:—куда?

— Не могу знать. Онѣ вамъ письмо тамъ оставили, въ кабинетѣ, на столѣ.

— Письмо?!

Сердце Константина Александровича тревожно забилось.

Онъ сорвалъ съ себя шарфъ и бросился въ кабинетъ.

На синемъ сукнѣ небольшого письменнаго стола ярко бѣлѣлъ плотный, толстый конвертъ безъ всякаго адреса.

Дрожащей отъ волненія рукой Покровскій распечаталъ па-

кетъ и вынулъ изъ него клочокъ обыкновенной писчей бумаги, на которомъ ровнымъ, четкимъ почеркомъ Вѣры Васильевны было написано:

„Милый, дорогой, славный мой Костя! Послѣ твоего отъѣзда я долго раздумывала о нашемъ дѣлѣ, и въ концѣ концовъ рѣшила, что я обязана покинуть тебя даже вопреки твоему желанію. Я знаю, ты любишь меня не меньше, чѣмъ я люблю тебя, и все принесешь мнѣ въ жертву, но я не могу этого допустить. Вступивъ въ священный санъ, ты принялъ на себя задачи болѣе высокія, чѣмъ обязанности ко мнѣ, и ты долженъ ихъ довести до конца. Я не хочу быть этому помѣхой, и потому удаляюсь. Быть можетъ, я и не поступила бы такъ, еслибъ не видѣла своими глазами, какую пользу можешь ты принести приходу. Но я разсмотрѣла все это, и считаю положительно грѣхомъ стѣснять тебя собою. Вѣрь мнѣ, наше личное счастье—ничто, въ сравненіи съ тѣмъ благомъ, которое можешь дать ты нѣсколькимъ тысячамъ темныхъ, погрязшихъ въ невѣжествѣ людей. Я поняла это—и ухожу. Не ищи меня: я увѣрена, что сумѣю отъ тебя скрыться. Побереги за меня маму! Оставляю тебѣ свою карточку, которую только-что нашла въ своихъ вещахъ. Она напомнитъ тебѣ нашу первую сладкую встрѣчу. Да сохранитъ тебя Господь милосердый и подастъ тебѣ силу перенести разлуку. Вспоминай безъ злобы и огорченія всегда любившую и любящую тебя Вѣру".

Константинъ Александровичъ машинально опрокинулъ конвертъ, и изъ него выпала маленькая фотографическая карточка, изображающая Вѣру Васильевну въ костюмѣ Периколы.

На оборотной сторонѣ портрета тѣмъ же ровнымъ и четкимъ почеркомъ Покровской были написаны двѣ строчки:

„О, другъ мой, тебя до могилы
Я буду любить всей душой!

„В. П."

— Верните, верните ее!—въ изступленіи закричалъ Покровскій.

— Что̀ такое, батюшка? Что̀ случилось?—высовываясь въ дверь кабинета, спросила перепуганная Аннушка.

— Бѣги скорѣй! Бѣги къ Вѣрочкѣ!—бросился къ ней священникъ, хватая ее за руку. — Вороти, вороти ее, ради всего святого!

— Да куда же я пойду, батюшка, дорогой мой? Вѣдь я, ей Богу, не знаю, куда ушла Вѣра Васильевна?!

— А, ты не хочешь! не хочешь! Вы всѣ противъ меня! Я самъ найду ее, мою жизнь, мою радость!

И, оттолкнувъ Аннушку, онъ выскочилъ на улицу, и черезъ минуту уже скрылся изъ глазъ въ густомъ туманѣ снѣжнаго вихря.

XXVI.

Прошло три дня.

Ни Константинъ Александровичъ, ни Вѣрочка домой не возвращались.

— Что̀ же, братцы, намъ теперича дѣлать? — спрашивалъ антоновскій старшина мужиковъ, собравъ ихъ на сходку:—объявку ли подавать, али самимъ поискать спервоначалу?

— Оно, вѣстимо, можно бы и самимъ, да какъ бы, опосля, отъ начальства не „влетѣло", — опасливо отозвалось нѣсколько стариковъ, уже вкусившихъ на своемъ вѣку всю прелесть такихъ столкновеній. — Не лучше ли обождать, покель урядникъ пріѣдетъ?

Молодежь, однако, съ этимъ не согласилась.

— Дозвольте замѣтить, господа обчественники, что влетѣть намъ завсегда можетъ,—убѣдительно заговорилъ высокій, красивый крестьянинъ, Кондратій Ивановъ, мѣстный философъ и ораторъ: — ежели мы не дождемся распоряженія и сами начнемъ искать, влетитъ за самовольство, — это ужъ какъ пить дать. Не будемъ искать—опять влетитъ: зачѣмъ, во̀-время помощи не подали. Такъ не все ли равно, за что̀ отдуваться?

— Эфто онъ, братцы, правильно сказываетъ,—загудѣли голоса: — и такъ попадетъ, да и этакъ не миновать. А души-то христіанскія сгибнуть могутъ.

Покричавши часа два, рѣшили наконецъ такъ: на слѣдующій день выйти всѣмъ „міромъ" на поиски, а въ начальству теперь же отправить особаго гонца „съ объявкой".

Розыски долго не имѣли успѣха.

Солнце перевалило уже за̀-полдень, а никакихъ слѣдовъ исчезнувшихъ супруговъ все еще не находилось.

Старички начали поговаривать, что больше, пожалуй, и искать не стоитъ, а лучше самимъ за̀свѣтло „вертаться" домой.

Молодые мужички, тоже значительно утомившіеся, совсѣмъ уже готовы были согласиться съ этими доводами, какъ вдругъ съ опушки ближайшаго лѣса раздался пронзительный женскій крикъ:

— Здѣсь! здѣсь! нашла я, желанные мои!

Всѣ разомъ бросились на голосъ, и на самомъ краю небольшой рощи, подъ низенькой, раскидистой елочкой замѣтили фигуру сидящаго человѣка, болѣе чѣмъ на половину засыпаннаго снѣгомъ.

Это былъ Константинъ Александровичъ или, вѣрнѣе, его трупъ. Онъ сидѣлъ на невысокомъ пригоркѣ, закрывъ голову подоломъ своего подрясника и глубоко засунувъ за пазуху окоченѣвшія руки.

На лицѣ его застыла блаженнѣйшая улыбка, какъ будто бы предъ смертью онъ увидѣлъ или услышалъ что-то неземное.

Крестьяне сдернули шапчонки и принялись усердно креститься.

— Замерзъ, касатикъ нашъ! солнышко наше красное!—завыли старухи, утирая глаза мокрыми, заледенѣвшими передниками.

— Ну, будетъ вамъ, коровы!—прикрикнули на нихъ старики.

Изъ двухъ свѣже-вырубленныхъ жердей, переплетенныхъ еловыми вѣтками, сдѣлали носилки и понесли на нихъ усопшаго священника.

XXVII.

Константина Александровича очень торжественно похоронили за алтаремъ антоновской церкви.

На погребеніе прибыло десять священниковъ, съ благочиннымъ Синицынымъ во главѣ.

Послѣдній совершалъ обрядъ съ особенной умилительностью, и всѣ присутствовавшіе видѣли на глазахъ его слезы.

— Отъ радости плачетъ. Доволенъ, что отъ конкуррента избавился,—шепнулъ одинъ изъ іереевъ своему сосѣду, и началъ быстро креститься, бормоча:—Прости мнѣ, Господи, мое согрѣшеніе!

Никого изъ близкихъ на отпѣваніи Покровскаго не было.

Вѣра Васильевна все еще не отыскивалась, а старушка Смирнова, перепуганная внезапнымъ исчезновеніемъ дочери и неожиданной гибелью зятя, окончательно лишилась языка и лежала въ постели.

Земскій врачъ, посѣтившій по просьбѣ Аннушки больную, нашелъ положеніе ея очень опаснымъ и высказалъ предположеніе, что она врядъ ли проживетъ больше пяти-шести дней.

Предсказанія доктора оправдались.

На восьмой день по погребеніи Покровскаго, рядомъ съ его

могилой появился новый, свѣжій бугорокъ земли, на которомъ водруженъ былъ простой деревянный крестъ съ коротенькой надписью:

„Вдова священника Надежда Θедоровна Смирнова. Скончалась на 75-мъ году отъ рожденія“.

Не успѣло еще занести снѣгомъ могилу доброй старушки, какъ въ сосѣди къ ней принесли и ея дочь.

Вѣру Васильевну нашли совершенно случайно.

Два антоновскихъ мужичка — Семенъ и Кондратій Ивановъ —были страстными рыболовами.

Какъ только выдавалась у нихъ свободная минутка, они бѣжали на свою не особенно широкую, но глубокую и быструю рѣчонку и всякими способами принимались добывать оттуда и хитрыхъ, вертлявыхъ ершей, и глуповатыхъ карасей, и сердитыхъ, зубастыхъ щукъ, и юркихъ, пронырливыхъ налимовъ.

Весной, въ половодье, ходя чуть не по горло въ холодной водѣ, они перегораживали рѣчку длинными, узенькими мережками; лѣтомъ по цѣлымъ часамъ сидѣли съ удочками и жерлицами; осенью „лучили“ рыбку съ острогой, а зимой ставили невода и верши.

— Чтò-то, братъ, пошлетъ намъ сегодня Господь?—говорилъ красный отъ натуги Семенъ:—больно тяжелы сѣти-то.

— Щуки, поди, эфтой подлой много,—отвѣчалъ Кондратій, утирая рукавомъ шубенки струившійся по лицу потъ:—столько времени невода стоятъ. Ну, и сожрутъ всю остальную рыбешку. Стой! эфто чтò такое?

Въ сѣтяхъ виднѣлся какой-то не то узелъ съ платьемъ, не то мѣшокъ, который мѣшалъ выходу невода.

Кондратій Ивановъ наклонился и проворно началъ разрубать ледъ.

— Эге, братецъ ты мой! Да никакъ эфто упокойникъ?— воскликнулъ онъ, подтаскивая сѣть.

— О, Господи, спаси насъ, грѣшныхъ!—пугливо отозвался Семенъ.

— Ну, ну, не бойся! Мало-ль въ рѣкѣ утопленниковъ бываетъ. Ну-ка, берись дружнѣй! Разъ—два!

Неводъ выскочилъ на ледъ.

— Бабенка, никакъ! — замѣтилъ Кондратій, вглядываясь въ сѣти.

— О, Господи!.. — началъ-было Семенъ.

— Да перестань ты! — крикнулъ на него товарищъ: — Ишь, старая баба! Причитать еще начни!

Семенъ примолкъ.

— Ну, что же всталъ-то? Давай распутывать!

Семенъ присѣлъ на корточки, и они молча принялись разбирать неводъ.

Когда запутавшіяся сѣти были мало-по-малу сняты, мужички увидѣли лежащее внизъ лицомъ женское тѣло, одѣтое въ нарядную суконную шубку и бѣлую вязаную шерстяную косынку.

— Переверни-ка ее рыломъ-то вверхъ! — боязливо сказалъ Семенъ, трясясь какъ въ лихорадкѣ.

Кондратій Ивановъ осторожно взялъ покойницу за плечи, перевернулъ тихонько на спину, и вдругъ въ ужасѣ отскочилъ.

— Матушка! Вѣра Васильевна! — только и могъ онъ прошептать.

Это, дѣйствительно, была Вѣра Васильевна.

Какъ попала она въ прорубь—осталось неизвѣстнымъ.

Въ полицейскомъ протоколѣ было сказано, что она, по всей вѣроятности, провалилась туда случайно, не замѣтивъ за страшной вьюгой полыньи...

М. Ѳ. Лувинскій.

АМЕРИКАНСКАЯ

„ЗЛОБА ДНЯ“

I.

Испано-американская война, породившая „имперіалистскую“ политику Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, несомнѣнно, оказала громадное вліяніе на всю ихъ современную политическую жизнь. До этой войны американскіе государственные люди всѣхъ партій и оттѣнковъ ограничивали сферу американскихъ интересовъ и воздѣйствія американскимъ континентомъ; провозглашеніе въ 1823 году доктрины Монроэ, включившей въ эту сферу и центральную, и южную Америку, служило въ то же время строго изолирующимъ элементомъ въ политикѣ Союза относительно какихъ бы то ни было дѣлъ всѣхъ остальныхъ частей свѣта. Установляя свою, такъ сказать, исключительную политическую гегемонію на своемъ континентѣ, Союзъ въ то же время безмолвно отказывался отъ какого бы то ни было вмѣшательства въ распри Стараго свѣта. Принципъ этотъ хотя и не былъ никогда признанъ открыто европейскимъ международнымъ правомъ, не былъ однако и оспоренъ формально ни въ теоріи, ни на практикѣ,—и въ теченіе всего прошлаго столѣтія Союзъ строго придерживался своего изолированнаго положенія, и, несмотря на частыя искушенія, ни разу не вмѣшался въ европейскія международныя столкновенія. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что доктрина Монроэ, за три четверти столѣтія своего существованія въ первоначальномъ видѣ — 1823 — 1898 гг.,— хотя и въ неодинаковой степени, болѣе или менѣе существенно

не одобрялась почти всѣми европейскими государствами, и что только взаимныя между ними пререканія и недовѣріе другъ къ другу помѣшали имъ такъ или иначе отвергнуть ее оффиціально; даже коалиція четырехъ державъ въ 1863 году, выразившаяся попыткой учрежденія Мексиканской имперіи, имѣла своимъ формальнымъ предлогомъ не ниспроверженіе доктрины Монроэ, а взысканіе фиктивныхъ долговъ, и развалилась весьма быстро, окончившись самымъ пагубнымъ фіаско во всѣхъ отношеніяхъ. Эта постыдная, предпринятая исключительно въ династическихъ видахъ, бонапартистская попытка только утвердила и подкрѣпила доктрину Монроэ; извѣстно, что именно Сѣверо-Американскій Союзъ настоялъ изъ-за ширмъ на разстрѣляніи несчастнаго Максимиліана, „дабы и другимъ неповадно было“. Немудрено, что, съ теченіемъ времени, массы американскаго народа привыкли считать эту доктрину неоспоримымъ народнымъ своимъ достояніемъ, и что въ будущемъ она должна была неизбѣжно такъ или иначе расшириться, — это исторія всѣхъ существовавшихъ и существующихъ политическихъ доктринъ, разъ онѣ поддерживаются растущей и энергичной національностью. Междоусобная война 1861—1865 гг. совершенно уничтожила американскій торговый флотъ; теперь многіе лучшіе знатоки исторіи этого періода уже согласны въ томъ, что Англія потому только и воздержалась отъ болѣе открытой активной помощи конфедератамъ, что разсчитывала, что это уничтоженіе надолго подорветъ торговую и промышленную конкурренцію Союза на всемірномъ рынкѣ; —тѣмъ не менѣе, конкурренція эта быстро возродилась и росла не по днямъ, а по часамъ, такъ что къ концу столѣтія самоустановленныя Союзомъ политическія рамки стали, очевидно, слишкомъ тѣсными для его собственной торговли и промышленности. Доктрина Монроэ стала помѣхой, и борьба за иностранные рынки сдѣлалась политико-экономической необходимостью; испано-американская война подвернулась какъ нельзя болѣе кстати. Ошеломляюще быстрый и совершенный успѣхъ этой войны вызвалъ бездонную самоувѣренность, а въ молодежи — шовинизмъ и самохвальство. Американскій народъ вообще не отличается смиреніемъ, — это крайній оптимистъ во всемъ, что касается его національныхъ способностей и особенностей, а со времени войны стремленіе „закидать весь міръ шапками“ стало проскальзывать вездѣ и всюду—больше, чѣмъ когда-либо прежде. Осторожный, консервативный и тактичный Макъ-Кинлэй съ успѣхомъ сдерживалъ этотъ шовинизмъ; экспансивный и сильный своею личной популярностью Рузевельтъ пересталъ стѣ-

сняться и уже нѣсколько разъ открыто вмѣшивался въ международныя дѣла, имѣвшія только самое отдаленное касательство къ прямымъ интересамъ Сѣверо-Американскаго Союза. Самымъ рѣзкимъ и послѣднимъ его шагомъ въ этомъ направленіи было, конечно, его участіе въ заключеніи русско-японскаго мира. Конечно, только исторія, и много лѣтъ спустя, будетъ въ состояніи опредѣлить болѣе или менѣе точно дѣйствительное значеніе и размѣры вліянія этого участія,— тѣмъ не менѣе, въ настоящій моментъ, въ глазахъ свѣта, ему лично принадлежитъ ореолъ наиболѣе активнаго и, можетъ быть, даже наиболѣе вліятельнаго фактора въ достиженіи успѣха. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что успѣхъ, успѣхъ во что бы то ни стало, есть господствующій девизъ нашего времени,—особенно какъ motto и подавляюще доминирующій принципъ всей современной американской жизни. Слабые протесты теоретическихъ сторонниковъ неприкосновенности доктрины Монроэ и дальнѣйшаго изолированія американской государственной политики совершенно заглушены успѣхомъ вмѣшательства Рузевельта; оглушительно громкій хоръ его личныхъ почитателей, основанный на достигнутомъ имъ осязательномъ успѣхѣ, заставляетъ покуда молчать всѣ сомнѣнія, всѣ предостереженія. Даже скромное указаніе несомнѣнной опасности такого прецедента для будущаго вызываетъ неизбѣжно только нетерпѣливое отмахиваніе рукой, какъ отмахиваются отъ назойливаго комара. Для спокойнаго, безпристрастнаго анализа возможныхъ результатовъ еще не настало время, хотя и имѣются уже на лицо различные серьезные симптомы сомнительности пользы вмѣшательства президента Союза для самого Союза. Газетныя извѣстія оповѣстили о той апатіи, съ которой было встрѣчено извѣстіе о заключеніи мира Россіей, апатіи покуда непонятной въ виду той страстности, съ которой осуждали эту войну всѣ передовые ея элементы. У насъ думаютъ, что стремленіе поправить русско-американскія отношенія, сильно поколебленныя японофильствомъ Союза въ теченіе войны, было однимъ изъ главныхъ мотивовъ предложенія американскаго посредничества. Въ Японіи же миръ былъ встрѣченъ не только почти поголовнымъ осужденіемъ, но и открытыми бунтами, сопровождавшимися разрушеніемъ казеннаго имущества и резиденцій тѣхъ государственныхъ людей, которыхъ населеніе считало наиболѣе виновными въ заключеніи мира. Было немало случаевъ нападенія толпы на американцевъ: партію Гарримана, одного изъ нашихъ желѣзнодорожныхъ магнатовъ, путешествовавшую по Японіи, забросали камнями на одной изъ улицъ Токіо, и только

вмѣшательство полиціи и войска спасло нѣкоторыхъ ея членовъ отъ увѣчья и даже смерти. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что новоиспеченная японо-американская дружба, съ такимъ трудомъ и съ такими расходами подогрѣваемая въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ геркулесовскими усиліями британско-японской коалиціи, подверглась самому серьезному расхоложенію; возможно, что вмѣшательство Рузевельта нанесло этой дружбѣ непоправимый ударъ. Все это, конечно, еще не вполнѣ опредѣлилось, еще не успѣло оформиться,—тѣмъ не менѣе, многіе серьезнѣйшіе органы нашей печати съ какимъ-то недоумѣніемъ все чаще и чаще останавливаются на этихъ проявленіяхъ. Покуда же торжество Рузевельта, какъ успѣшнаго миротворца и признанной силы въ дѣлахъ всего міра, остается еще непомраченнымъ; но насколько торжество это прочно и насколько оно окажется полезнымъ самому Союзу — остается вопросомъ далеко не доказаннымъ и начинающимъ привлекать здѣшнее общественное мнѣніе.

II.

Поразительная развращенность современныхъ американскихъ дѣловыхъ нравовъ и обычаевъ была ярко доказана за послѣдніе полгода удивительными разоблаченіями въ сферѣ дѣятельности самыхъ большихъ нашихъ страховыхъ обществъ. За послѣдніе полвѣка общества эти успѣли сконцентрировать въ своихъ рукахъ огромнѣйшіе капиталы, служащіе обезпеченіемъ страхователей и контролирующіе въ настоящее время значительнѣйшіе банки, желѣзнодорожныя системы, цѣлыя отрасли промышленности и торговли и даже поземельную собственность въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. До послѣдняго времени общества эти пользовались абсолютнымъ довѣріемъ здѣшнихъ массъ,—страхованіе жизни, доходовъ, пожизненной ренты сдѣлалось достояніемъ всего населенія, и итоги принятыхъ на себя въ этомъ направленіи страховыми обществами обязательствъ поражаютъ читателя своей многомилліардностью. Вычисляютъ, что одни только акціонерныя общества страхованія жизни, не считая взаимныхъ и ремесленно-союзныхъ, имѣютъ въ настоящій моментъ въ силѣ болѣе пяти милліоновъ страховыхъ полисовъ страхованія жизни, и что ихъ годовой доходъ превышаетъ сумму въ шестьсотъ милліоновъ долларовъ. Существуетъ многое множество самыхъ разнообразныхъ системъ страхованія жизни, доходовъ, всевозможныхъ контрактовъ и частныхъ условій; многіе годы деньги лились широкой

волной въ казначейства этихъ обществъ, помѣщались ими, по ихъ усмотрѣнію, въ поземельную собственность, въ различныя финансовыя, торговыя и промышленныя предпріятія, безъ какого бы то ни было контроля страхователей, безъ знанія ими о барышахъ обществъ, объ ихъ дѣловыхъ методахъ и внутреннихъ порядкахъ. Они, повидимому, процвѣтали, считались образцами финансоваго консерватизма и честности: тогда какъ страхованіе отъ огня давно уже подлежитъ дѣйствительному общественному контролю, и злоупотребленія въ немъ возможны только съ вѣдома и по попущенію наблюдающихъ чиновъ,—страхованіе жизни и доходовъ искусно избѣгало до сихъ поръ этого контроля и никогда прежде не вызывало никакихъ сомнѣній. Тѣмъ острѣе, тѣмъ чувствительнѣе оказались настоящія разоблаченія. Начались они нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, благодаря распрѣ между двумя контролировавшими общество „Эквитэбль" богатѣйшими нью-іоркскими семействами, Хайда и Александера. Распря эта перешла, съ теченіемъ времени, въ слѣпую вражду, въ публичную борьбу за контроль надъ управленіемъ общества, попала, наконецъ, въ руки общественныхъ учрежденій и раскрыла глаза публикѣ: оказались не только самыя вопіющія дѣловыя злоупотребленія, но и открытый грабежъ капиталовъ и имущества общества, практиковавшійся цѣлыя десятилѣтія. Вслѣдъ за „Эквитэблемъ" ревизія обнаружила совершенно то же положеніе и въ нью-іоркскомъ обществѣ страхованія жизни—„New-York Life"— и въ нью-іоркскомъ же обществѣ взаимнаго страхованія жизни— „New-York Mutual Life". Эти три общества — самыя крупныя во всемъ Союзѣ, со многими милліардами стоимости страховыхъ полисовъ въ силѣ и, по книгамъ, съ громадными имущественными и денежными активами. Открылись подлоги, дутыя оцѣнки, завѣдомо безнадежныя ссуды, самое безцеремонное расхищеніе принадлежащаго обществамъ имущества ихъ важнѣйшими исполнительными чинами. Президентъ общества „Mutual Life" получаетъ 150 тысячъ долларовъ въ годъ жалованья; его сынъ и зять получаютъ около 400 тысячъ долларовъ въ годъ коммиссіоннаго вознагражденія. Сотни тысячъ долларовъ издерживаются ежегодно на подкупъ мѣстныхъ законодательныхъ собраній и разныхъ правительственныхъ чиновъ, обязанныхъ наблюдать за правильнымъ теченіемъ дѣлъ въ этихъ обществахъ. Федеральный сенаторъ отъ штата Нью-Іорка въ сенатѣ Соединенныхъ Штатовъ, Дипью, получалъ двадцать тысячъ долларовъ въ годъ отъ общества „Эквитэбль", какъ одинъ изъ его юрисконсультовъ, хотя уже много лѣтъ общество ни разу къ нему не обращалось. Въ столицѣ

штата Нью-Іорка, Албани, содержалось цѣлое бюро „для наблюденія за законодательствомъ“, бюро, стоившее ежегодно огромныхъ денегъ, и обязанности котораго состояли въ томъ, чтобы препятствовать посредствомъ подкупа всякому, почему-либо невыгодному для общества законодательству. У общества „New-York Life“ такія же бюро были заведены и въ столицахъ другихъ штатовъ; сотни тысячъ расходовались президентомъ безконтрольно ежегодно на то, чтобы руководить народной волей во всемъ, что касалось благосостоянія общества. Выяснено, что страхованіе обходится страхователямъ крайне дорого, что, въ среднемъ, не болѣе 45% страховыхъ премій возвращается страхователямъ, и что издержки по управленію, не превышающія 9% въ Англіи и 7% въ Германіи, обходятся въ Америкѣ отъ 20 до 42%. Страхованіе жизни и доходовъ стоитъ американцу почти вдвое дороже, чѣмъ европейцу, хотя число полисовъ въ силѣ per capita во много разъ больше въ Америкѣ, чѣмъ въ Европѣ.

Хотя разслѣдованія эти ведутся обстоятельно и энергично, хотя въ уголовныхъ сводахъ законовъ штата Нью-Іорка нѣтъ преступленія противъ чужого имущества, не совершоннаго тѣмъ или инымъ чиномъ этихъ обществъ, но до сихъ поръ не послѣдовало ни одного привлеченія къ суду, ни одного ареста. Дѣло въ томъ, что вся финансовая знать Союза замѣшана въ нихъ такъ или иначе, прямо или косвенно; дѣловыя развѣтвленія и связи этихъ обществъ такъ обширны, такъ всеобъемлющи, что пришлось бы засадить на скамью подсудимыхъ не только весь нью-іоркскій финансовый бомондъ, всю капиталистическую олигархію Союза, но и многихъ главъ американской торговли и промышленности. Капиталы размѣщены во всѣхъ штатахъ, во всѣхъ крупныхъ городахъ; всюду имѣются агенты и представители и всюду царятъ тѣ же дѣловые методы, та же распущенность, тотъ же грабежъ. Бумажные активы и пассивы такъ велики, такъ разбросаны, во многихъ случаяхъ такъ спорны, что правительство отдѣльнаго штата не имѣетъ никакой возможности составить хоть сколько-нибудь правильное представленіе о ихъ общемъ дѣйствительномъ значеніи: можетъ быть, общества эти все еще богаты, несмотря на всю эту распущенность и преступность, а можетъ быть они давно безнадежные банкроты и живутъ только по инерціи, благодаря своимъ размѣрамъ и искусному пользованію свободными рессурсами. У всѣхъ ихъ имѣются огромныя заграничныя агентства во всѣхъ частяхъ свѣта; положеніе дѣлъ этихъ агентствъ также загадочно, также не-

опредѣленно, и, благодаря всему этому, до настоящаго момента публика все еще недоумѣваетъ, хотя и несомнѣнно, что дѣятельность этихъ обществъ за послѣднее время чрезвычайно сократилась, а нѣкоторые штаты уже воспретили имъ работать въ ихъ предѣлахъ. Чѣмъ все это кончится—нѣтъ ни малѣйшей возможности предсказать; возможенъ очень острый общій финансовый кризисъ, если хоть одно изъ этихъ обществъ не выдержитъ настоящаго давленія и будетъ вынуждено прекратить платежи.

III.

Я уже имѣлъ случай [1]) остановить вниманіе читателя на нашемъ новомъ словѣ „graft“ и на поразительномъ усиленіи взяточничества и другихъ преступленій по должности въ здѣшнемъ современномъ государственномъ, штатномъ и городскомъ самоуправленіи. Къ сожалѣнію, опять приходится констатировать не уменьшеніе этихъ золъ, но даже ихъ положительное увеличеніе и распространеніе. Страна еще не успѣла опомниться отъ впечатлѣнія, произведеннаго разоблаченіемъ преступленій въ почтовомъ вѣдомствѣ и осужденіемъ федеральнаго сенатора Бартона, какъ начался скандалъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по поводу мошенническихъ продѣлокъ по завладѣнію большими пространствами государственной земли по всему сѣверо-западу, въ особенности же въ штатахъ Орегонѣ, Вашингтонѣ, Монтанѣ и Калифорніи. Въ городѣ Портлэндѣ недавно окончился судъ надъ федеральнымъ сенаторомъ Митчелемъ и членомъ федеральной палаты представителей Вильямсономъ, присужденными къ пенитенціарному тюремному заключенію за ихъ участіе въ этихъ мошенничествахъ. Оказалось, что всѣ мѣстные федеральные чины замѣшаны въ нихъ, а теперь нѣсколько ихъ десятковъ находится подъ судомъ;—нѣтъ въ сущности предѣла тѣмъ уловкамъ, тѣмъ подлогамъ, фальшивымъ клятвеннымъ показаніямъ и другимъ преступленіямъ, которыя практиковались регулярно въ мѣстныхъ земельныхъ правительственныхъ конторахъ, прежде чѣмъ ссора соучастниковъ не раскрыла всего дѣла. Сенаторъ Митчель—маститый старецъ 75-ти лѣтъ отъ роду, состоящій сенаторомъ отъ штата Орегона въ федеральномъ сенатѣ въ Вашингтонѣ уже 20 лѣтъ, служа четвертый шестилѣтній срокъ подрядъ, и пользовавшійся и національной извѣстностью, и значительнымъ вл[illegible]-

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“, октябрь, 1904 г., стр. 851.

ніемъ въ государственныхъ дѣлахъ Союза. Въ то же время не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ уже много лѣтъ пользовался своимъ оффиціальнымъ положеніемъ, дабы надувать правительство, и что десятки тысячъ акровъ государственной земли были пріобрѣтены имъ мошенническимъ образомъ и перепроданы съ огромнымъ барышомъ частнымъ лицамъ. Митчель—„бонвиванъ" безъ средствъ, которому не хватало его сенаторскаго жалованья на его широкую жизнь, и онъ устроилъ себѣ систематическую доходную статью изъ расположеннаго въ его штатѣ громаднаго государственнаго земельнаго богатства; завѣдывавшіе имъ федеральные чины были всѣ поголовно назначены имъ самимъ, согласно обычаю, предоставляющему этотъ федеральный патронажъ штатнымъ федеральнымъ сенаторамъ, и дѣйствовали по его указаніямъ; все шло какъ по маслу долгое время, и не перессорься воры между собою—продолжалось бы безнаказанно и до настоящей минуты. Всего характернѣе то, что никто, повидимому, и не подозрѣвалъ объ этихъ преступленіяхъ, и даже, когда они открылись, мѣстная прокурорская власть дважды прекращала разслѣдованіе, прежде чѣмъ дѣло дошло до суда, благодаря заносчивости и излишней самоувѣренности самого Митчеля. Систематическая кража государственныхъ земель практиковалась около десяти лѣтъ подрядъ, была отлично организована въ томъ смыслѣ, что всѣ причастные къ ней правительственные чины были тщательно подтасованы заблаговременно, и организація эта была устроена и поддерживалась для удовлетворенія алчности представителей штата въ обѣихъ палатахъ федеральнаго конгресса.

Казалось бы, что дальше этого даже американская изобрѣтательность идти не можетъ,—тѣмъ не менѣе, въ теченіе предпрошлаго года выплылъ наружу и произвелъ огромную сенсацію новѣйшій методъ обкрадывать почтеннѣйшую публику—посредствомъ фальсификаціи отчетовъ министерства земледѣлія о состояніи урожаевъ. На хлопковомъ рынкѣ методъ этотъ вызвалъ цѣлую бурю и огромныя банкротства, разоривъ въ конецъ тысячи людей. Отчеты эти, публикуемые во всеобщее свѣдѣніе въ извѣстные опредѣленные сроки, всегда играли самую значительную роль на нашихъ товарныхъ биржахъ, болѣе или менѣе регулируя спекуляцію и вліяя на цѣны всѣхъ важнѣйшихъ нашихъ земледѣльческихъ продуктовъ—хлопка, пшеницы, маиса, табака и т. д. Посредствомъ надежныхъ мѣстныхъ агентовъ министерство земледѣлія устанавливало состояніе урожая въ данную минуту во всѣхъ главныхъ центрахъ производства извѣстнаго

продукта, и своимъ авторитетомъ уничтожало неосновательные слухи и извѣстія, истекавшіе отъ заинтересованныхъ въ искусственномъ повышеніи или пониженіи рынка торговыхъ и въ особенности спекулятивныхъ элементовъ. За прошлый сезонъ эти правительственные отчеты о состояніи урожая хлопка были очень пессимистичны, тогда какъ въ дѣйствительности урожай былъ не только выше средняго, но и прямо хорошъ. Цѣна на хлопокъ поднималась и поднималась, дойдя, наконецъ, до 15 центовъ за фунтъ, тогда какъ дѣйствительное состояніе урожая, въ связи съ имѣвшимися на лицо старыми запасами, отнюдь не соотвѣтствовало такой цѣнѣ; 10 центовъ за фунтъ было бы совершенно достаточно, и это искусственное повышеніе на цѣлые 50% было основано исключительно на плохихъ отчетахъ правительства въ интересахъ шайки спекулянтовъ, свирѣпо игравшихъ на повышеніе и подкупавшихъ чиновъ министерства, составлявшихъ эти отчеты. Нѣкто Сюлли за нѣсколько мѣсяцевъ постояннаго повышенія успѣлъ ограбить скупщиковъ хлопка на цѣлые 40 милліоновъ долларовъ; никакъ нельзя, хотя бы и приблизительно, опредѣлить тѣ огромныя суммы, которыя были захвачены его соумышленниками во всемъ этомъ дѣлѣ. Когда, благодаря неосторожности одного изъ соучастниковъ, все дѣло раскрылось и цѣна на хлопокъ почти сразу упала до дѣйствительно соотвѣтствовавшей положенію, на хлопковомъ рынкѣ произошла небывалая по своимъ размѣрамъ и развѣтвленіямъ паника, поглотившая сотни милліоновъ и разорившая массу совершенно неповинныхъ ни въ чемъ людей, особенно между хлопковыми фабрикантами, запасшимися сырымъ матеріаломъ по высокой цѣнѣ. Одно время манчестерскіе заводчики въ Англіи даже серьезно грозили международными осложненіями. Уличенные въ фальсификаціи чины были преданы суду, но довѣріе къ правительственнымъ отчетамъ теперь подорвано надолго, и спекулятивной лихорадкѣ, ничѣмъ не обуздываемой, будетъ легче справляться съ легковѣрной публикой. Въ штатѣ Калифорніи два сенатора мѣстнаго сената только-что осуждены судомъ на каторжную работу за взяточничество, и трое другихъ ожидаютъ суда за то же. Оказалось, что эти почтенные пять законодателей стакнулись и получили по триста долларовъ наличными за то, что провалили на послѣдней сессіи легислатуры билль противъ дозволенія публичныхъ призовыхъ кулачныхъ побоищъ въ предѣлахъ штата. Любители этого рода спорта сложились и подкупили ихъ,—и все дѣло выплыло наружу и было доказано на судѣ внѣ всякихъ сомнѣній. Такія же

грязныя дѣла идутъ теперь въ цѣломъ десяткѣ другихъ штатовъ—взяточничество самое открытое, самое нахальное.

Всѣ эти преступленія и разоблаченія, быстро слѣдующія одно за другимъ какъ въ разныхъ отрасляхъ федеральнаго управленія, такъ и штатнаго и городского самоуправленія, выдвинули на первый планъ вопросъ о современныхъ нормахъ жалованья чинамъ разнаго рода, состоящимъ на правительственной и общественной службѣ. Чины эти, по своей численности, въ сравненіи съ числомъ лицъ, состоящихъ на частной службѣ, составляютъ незначительное меньшинство, и едва ли подлежитъ сомнѣнію, что, при настоящей системѣ распредѣленія патронажа государственныхъ и общественныхъ мѣстъ, полученіе ихъ неизмѣнно сопряжено и съ значительной политической работой при каждыхъ выборахъ, и съ неизбѣжными денежными расходами. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ каждый такой чинъ прямо обложенъ опредѣленнымъ налогомъ въ пользу организаціи своей партіи. Всякое такое мѣсто нужно и заработать, и купить въ одно и то же время. Несмотря на эти требованія отъ чиновъ всякаго рода, ихъ жалованье за послѣднее время нисколько не увеличилось. Какъ въ федеральномъ, такъ и въ штатныхъ управленіяхъ, жалованье и законодателей-членовъ конгресса и штатныхъ легислатуръ,—и исполнителей—министровъ, губернаторовъ, чиновъ разныхъ коммиссій, судей, шерифовъ и т. д.—осталось неизмѣннымъ за послѣдніе полвѣка, даже дольше. Федеральные сенаторы и члены федеральной палаты представителей получаютъ и теперь тѣ же пять тысячъ долларовъ въ годъ, что̀ ихъ предшественники получали цѣлое столѣтіе тому назадъ; министры—восемь тысячъ въ годъ, губернаторы многихъ штатовъ—всего по двѣ, по три тысячи въ годъ; только штатъ Нью-Іоркъ платитъ своему по десяти тысячъ; Калифорнія, одинъ изъ самыхъ большихъ и богатыхъ штатовъ Союза, платитъ своему всего пять тысячъ. Только жалованье президента Соединенныхъ Штатовъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, было удвоено: вмѣсто 25 тысячъ въ годъ онъ получаетъ теперь 50. Четверть вѣка тому назадъ, это было огромное содержаніе, внѣ всякихъ сомнѣній самое большое, получаемое отдѣльнымъ лицомъ во всемъ Союзѣ; но времена существенно измѣнились,—деньги подешевѣли, талантъ вздорожалъ,—и теперь эта сумма оказывается мизерной въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ получаютъ выдающіеся люди на частной службѣ. Теперь годовое жалованье въ 50, 75, 100, даже 200 тысячъ долларовъ никого не удивляетъ. Швабъ, президентъ стального трёста, получалъ даже милліонъ долларовъ въ годъ; президенты и главно-

управляющіе страховыхъ компаній, большихъ банковъ и желѣзнодорожныхъ системъ, торговыхъ и промышленныхъ трестовъ получаютъ цѣлыя сотни тысячъ, и дѣйствительно способные дѣльцы переманиваются съ мѣста на мѣсто, несмотря ни на какія издержки. Тогда какъ заработная плата ремесленника или чернорабочаго поднялась, въ среднемъ, всего на 25, maximum на 50%, жалованье управляющихъ и завѣдующихъ дѣлами возросло во много разъ. Люди съ выдающимися исполнительными способностями цѣнятся теперь въ Америкѣ очень высоко; конкурренція на торговомъ и промышленномъ рынкѣ все усиливается, всестороннее пониманіе дѣла, дѣловая гибкость, быстрота соображенія и рѣшительность становятся все болѣе и болѣе существенными для успѣха, и совмѣщеніе этихъ качествъ цѣнится все дороже. Четверть вѣка тому назадъ, во всемъ штатѣ Калифорніи не было человѣка, получавшаго десять тысячъ долларовъ въ годъ жалованья,—теперь я лично знаю десятки людей, получающихъ 15, 25, даже 50 тысячъ долларовъ въ годъ. Когда, года три тому назадъ, умеръ президентъ нашей южной тихоокеанской желѣзной дороги, на его мѣсто былъ приглашенъ человѣкъ съ востока на жалованье въ 55 тысячъ въ годъ, и онъ пробылъ у насъ меньше года, когда его переманили на востокъ на жалованье въ 75 тысячъ въ годъ; теперешній же президентъ получаетъ 100 тысячъ въ годъ. А вѣдь штатъ Калифорнія—глухая, отдаленная провинція; въ Чикаго, Санъ-Луисѣ, Филадельфіи, Бостонѣ и, въ особенности, въ Нью-Іоркѣ такія содержанія считаются сотнями. Среднія способности и рутинная дѣловая аккуратность приведутъ теперь къ неизбѣжному разоренію всякое крупное предпріятіе; для успѣха необходима дѣловая талантливость, прозорливость, чуткая отзывчивость ко всякому новому симптому,—и этотъ спросъ на талантливыхъ дѣльцовъ все больше и больше превышаетъ предложеніе и гонитъ кверху ихъ вознагражденіе. Тогда какъ четверть вѣка тому назадъ правительственная и общественная служба оплачивалась соотвѣтственно требованіямъ отъ мѣста не хуже любой частной, теперь на высшихъ ступеняхъ она оплачивается несравненно хуже, и способные люди, само собой разумѣется, предпочитаютъ частную службу. Не только второстепенные и мелкіе чиновники, но и важнѣйшіе, какъ судьи и прокуроры, министры и ихъ товарищи, бѣгутъ съ правительственной службы, пользуясь ею только для полученія извѣстнаго престижа и какъ быстрой промежуточной ступенью для повышенія на торговомъ или промышленномъ поприщѣ. Тогда какъ прежде личный составъ кабинета президента

и начальниковъ отдѣльныхъ управленій оставался обыкновенно неизмѣннымъ на весь его четырехлѣтній срокъ службы, теперь составъ этотъ постоянно мѣняется, и министры наши выслуживаютъ полный свой срокъ только какъ исключеніе. Тотъ или другой изъ министровъ Рузевельта уходитъ въ отставку почти каждый мѣсяцъ, и въ каждомъ случаѣ причиной ухода оказывается предложеніе ему несравненно болѣе выгодныхъ условій какимъ-нибудь крупнымъ частнымъ дѣломъ. Карьера правительственнаго чиновника все больше и больше утрачиваетъ свою привлекательность для способныхъ людей, и личный персоналъ федеральной, штатной и городской службы, въ особенности высшій, постепенно утрачиваетъ свою эффективность.

Совершенно невозможно отрицать значеніе всѣхъ этихъ соображеній и вліяніе этого новаго порядка вещей на честность въ исполненіи долга современной американской бюрократіей. Работа чиновника недостаточно оплачивается при настоящемъ положеніи дѣлъ; процентъ способныхъ и честныхъ людей между ними быстро понижается, и служащіе легче и чаще поддаются искушеніямъ хорошо оплачиваемыхъ преступленій по службѣ.

По моему крайнему разумѣнію, быстрое усиленіе „grafting“ и взяточничества въ управляющихъ сферахъ далеко не имѣетъ того же значенія въ здѣшней современной жизни, какъ частое появленіе того же и въ средѣ нашего рабочаго союзнаго труда. Примѣръ правительственной, финансовой и дѣловой деморализаціи не остался безъ самыхъ печальныхъ послѣдствій и для нашихъ рабочихъ классовъ. Повидимому, всякая власть, правительственная, денежная или союзная, имѣетъ быстрое развращающее вліяніе на тѣхъ, у кого она въ рукахъ. Съ пріобрѣтеніемъ болѣе широкаго, болѣе всесторонняго вліянія на дѣла своихъ районовъ, вожаки нашихъ рабочихъ союзовъ не въ состояніи избѣжать тѣхъ же искушеній. До послѣдняго времени эти искушенія ограничивались попытками къ безусловному господству, къ диктаторству надъ дѣломъ и даже личностями предпринимателей. Эти попытки приводили къ настоящей анархіи, къ террору даже, какъ въ штатахъ Айдахо и Колорадо. Какъ ни пагубны были до сихъ поръ результаты такихъ попытокъ для общаго благосостоянія тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ онѣ происходили, онѣ все-таки были борьбой принципіальной, имѣвшей въ основаніи извѣстные идеалы и теоріи. Далеко не то приходится, къ сожалѣнію, констатировать относительно главныхъ проявленій дѣятельности рабочихъ союзовъ за самое послѣднее время. Доказано внѣ всякихъ сомнѣній, что упорная, кровавая стачка кучеровъ, имѣвшая самое пагубное

вліяніе на всю торговую и промышленную дѣятельность города Чикаго за все прошлое лѣто и окончившаяся совершеннымъ пораженіемъ и распаденіемъ союза, была вызвана исключительно отказомъ предпринимателей платить дань вожакамъ этого союза, прямыя взятки въ ихъ личную пользу подъ угрозой немедленной стачки. Послѣдовавшія за взрывомъ разоблаченія раскрыли позорнѣйшую картину самаго наглаго шантажа, которому многіе предприниматели вынуждены были долгое время подчиняться подъ постоянной угрозой конечнаго разоренія. Оказалось, что какъ только фабрикантъ или подрядчикъ заключали какой-нибудь большой срочный контрактъ, вожаки работавшихъ на него союзовъ немедленно вынуждали его дѣлиться съ ними барышами, безъ вѣдома и согласія самихъ союзовъ. Взятки эти достигали въ нѣкоторыхъ случаяхъ огромныхъ, сравнительно, суммъ, цѣлыхъ десятковъ тысячъ долларовъ. Были случаи, когда не знаешь, чему больше удивляться—позорной ли трусости хозяевъ, или наглой жадности рабочихъ вожаковъ. Особенную извѣстность по всему Союзу получило дѣло делегата союза сборщиковъ стальныхъ скелетовъ въ постройкахъ, Сама Паркса. Онъ былъ уличенъ на судѣ въ самомъ безобразномъ взяточничествѣ съ фабрикантовъ, подрядчиковъ и хозяевъ, которымъ онъ, безъ вѣдома союза, грозилъ немедленной стачкой на ихъ работахъ, если требуемая взятка не будетъ немедленно ему уплачена. Деньги эти Парксъ неизмѣнно присвоивалъ себѣ, и судъ присудилъ его къ десятилѣтней каторжной работѣ. Онъ же растратилъ до 70 тысячъ долларовъ союзныхъ денегъ.

Пока ремесленные союзы управляются выборными чинами безъ жалованья, управленіе это обыкновенно честно и безпристрастно; но какъ только заводятся вожаки-профессіоналы, уже не работающіе, а живущіе на счетъ союзовъ, такъ очень часто заводятся сначала интриги, а затѣмъ и растрата союзныхъ капиталовъ и даже взяточничество. Дѣло Сама Паркса и разоблаченія въ Чикаго заставили крѣпко призадуматься всѣхъ искреннихъ друзей трэдъ-юніонизма. Ошибки и увлеченія быстро прощаются и забываются, — не то съ организованной, систематичной развращенностью, которая была безусловно доказана въ этихъ случаяхъ.

IV.

Панамскій каналъ оказывается безнадежно завороженнымъ. Закулисное вліяніе въ современной Америкѣ большихъ корпо-

рацій, въ данномъ случаѣ трансконтинентальныхъ желѣзнодорожныхъ системъ, сказывается въ исторіи этого канала чрезвычайно осязательно. По показаніямъ компетентныхъ безпристрастныхъ лицъ, за весь истекшій годъ постройка канала не только не подвинулась впередъ, но и то, что̀ уже сдѣлано, постепенно засоряется и затягивается тропическими дождями и частыми наводненіями. Задача состоитъ не только въ томъ, чтобы сдѣлать выемку, но и въ томъ, чтобы охранить ее отъ заноса иломъ и пескомъ. Союзъ заплатилъ сорокъ милліоновъ долларовъ наличными французской панамской компаніи, десять милліоновъ республикѣ Панамѣ, и уже извелъ семь милліоновъ на администрацію и содержаніе канала,—а до настоящаго момента дѣйствительная работа по прорытію только отодвинулась назадъ. Постановленіемъ конгресса была организована семичленная исполнительная коммиссія для постройки канала; коммиссія эта ничего не дѣлала, такъ что съ теченіемъ времени президентъ Рузевельтъ пришелъ къ заключенію, что она слишкомъ неповоротлива, главнымъ образомъ, благодаря ея многочисленности, и, съ годъ тому назадъ, въ одинъ прекрасный день онъ рѣшилъ реорганизовать ее. Прямое постановленіе конгресса, опредѣлившее число ея членовъ, стояло на пути; смѣняя ея персоналъ, онъ своей властью организовалъ въ средѣ самой коммиссіи особый исполнительный комитетъ изъ трехъ лицъ, которому и поручилъ всю власть. Комитетъ этотъ состоитъ изъ президента всей коммиссіи, нѣкоего Шонтса, человѣка совершенно новаго на этомъ поприщѣ, хотя и болѣе или менѣе извѣстнаго своими административными способностями, затѣмъ губернатора всей уступленной Союзу территоріи канала, и главнаго инженера. Остальнымъ членамъ коммиссіи было оставлено только право совѣщательнаго голоса на общемъ годичномъ ея собраніи. Предполагалось, что такая реорганизація исполнительнаго о̀ргана по постройкѣ придастъ ему бо̀льшую подвижность, энергію и единодушіе. Главнымъ инженеромъ былъ назначенъ нѣкто Волласъ, довольно извѣстный спеціалистъ по всяческимъ крупнымъ сооруженіямъ, съ жалованьемъ въ 30 тысячъ долларовъ въ годъ. Ушло слишкомъ полгода времени, прежде чѣмъ этотъ новый комитетъ собрался и ознакомился съ положеніемъ дѣлъ на мѣстѣ. Нельзя, конечно, отрицать, что географическое положеніе Панамскаго канала и его климатическія, топографическія и санитарныя особенности таковы, что требуютъ спеціальныхъ, даже исключительныхъ методовъ и мѣръ, и что люди, берущіеся за руководство работами, должны всесторонне и основательно ознакомиться

со всѣми деталями. Когда это ознакомленіе было окончено, Воласъ совершенно неожиданно подалъ въ отставку, ничѣмъ ее не мотивируя. Одни говорятъ, что, ознакомясь съ предпріятіемъ на мѣстѣ, онъ усомнился въ возможности успѣха; другіе—что трансконтинентальныя желѣзнодорожныя компаніи подкупили его, предложивъ ему 60 тысячъ долларовъ въ годъ жалованья, вмѣсто 30-ти. Какъ бы то ни было, онъ ушелъ, и на его мѣсто былъ назначенъ главнымъ инженеромъ Стивенсъ, спеціалистъ по труднымъ горнымъ желѣзнодорожнымъ сооруженіямъ, но совершенно незнакомый съ канальнымъ дѣломъ. Конечно, опять понадобилось полгода и на его ознакомленіе съ предпріятіемъ, чѣмъ онъ, повидимому, и занимается и до настоящаго момента. Тѣмъ временемъ президенту Рузевельту пришло на умъ, какой именно родъ канала выгоднѣе и предпочтительнѣе—каналъ на уровнѣ моря или со шлюзами? И была организована новая коммиссія изъ спеціалистовъ-инженеровъ, въ которую были приглашены и европейскія знаменитости, вродѣ строителей Манчестерскаго морского канала въ Англіи и Кильскаго въ Германіи. Коммиссія эта, наконецъ, собралась въ Вашингтонѣ и ѣздила затѣмъ въ Панаму, опять-таки дабы на мѣстѣ ознакомиться съ дѣломъ, но ея рѣшеніе все еще не опубликовано. Активная же работа по прорытію все еще не начата; — покуда все еще только строятъ помѣщенія для служащихъ и рабочихъ, оздоравливаютъ мѣстность и т. д. Газеты только-что оповѣстили, что нѣсколько тысячъ рабочихъ, законтрактованныхъ на Вестъ-Индскихъ островахъ, взбунтовались и поспѣшно отправляются назадъ, подъ присмотромъ конвоирующихъ ихъ американскихъ войскъ; составъ этихъ войскъ постепенно усиливается, такъ какъ „населеніе неспокойно“. Успѣли уже получить огласку два очень крупныхъ скандала: одинъ—по поводу покупки исполнительнымъ комитетомъ разныхъ машинъ и припасовъ въ Союзѣ по двойнымъ и даже тройнымъ цѣнамъ—противъ тѣхъ, которыя были предложены иностранными конкуррентами; другой—по поводу контракта на содержаніе служащихъ и рабочихъ, контракта на сумму свыше 50 милліоновъ долларовъ; было доказано, что контрактъ этотъ былъ заключенъ недобросовѣстно, такъ что Рузевельту пришлось уничтожить его своею властью, вопреки постановленію исполнительнаго комитета.

Сущность положенія заключается въ томъ, что работы по прорытію канала все еще не начаты, хотя текущія издержки превышаютъ милліонъ долларовъ въ мѣсяцъ, безслѣдно поѣдаемый администраціей и „ознакомленіями“, такъ что всѣ ассиг-

новки издержаны, и до новыхъ апропріацій каналъ долженъ содержаться въ долгъ. А тѣмъ временемъ трансконтинентальныя желѣзнодорожныя компаніи скупили за безцѣнокъ не только всѣ права на каналъ въ Никарагвѣ, но и обратили въ крѣпостную зависимость всю эту картонную республику. Самая возможность прорытія Панамскаго канала до сихъ поръ оспаривается многими чрезвычайно компетентными авторитетами—и наше общественное мнѣніе начинаетъ недоумѣвать. Неужели Панамскому каналу, дѣйствительно, суждено навѣки остаться только фарсомъ, только предлогомъ къ обиранію добродушной публики ловкими мошенниками? До настоящаго времени верховное завѣдываніе всѣми дѣлами по Панамскому каналу принадлежало военному министерству. Бывшій военный министръ, теперь министръ иностранныхъ дѣлъ, Рутъ, былъ тѣмъ активнымъ лицомъ, которое орудовало всѣми махинаціями по пріобрѣтенію канала американскимъ Союзомъ, хотя, конечно, все дѣло велось отъ имени президента. Рутъ—человѣкъ чрезвычайно способный и энергичный; извѣстно, что прежде, чѣмъ назначить президентомъ исполнительной коммиссіи Шонтса, Рузевельтъ предлагалъ это мѣсто Руту, съ жалованьемъ въ 100 тысячъ долларовъ въ годъ. Рутъ тогда былъ въ отставкѣ, покинувъ постъ военнаго министра, такъ какъ его адвокатская практика въ Нью-Іоркѣ давала ему въ десять разъ больше денегъ, чѣмъ жалованье министра. За смертью Гэя, ему пришлось принять портфель министра иностранныхъ дѣлъ. Теперь въ высшихъ сферахъ идетъ рѣчь о немедленной передачѣ завѣдыванія Панамскимъ каналомъ изъ военнаго министерства въ министерство иностранныхъ дѣлъ, такъ какъ Рутъ знакомъ со всѣми его деталями болѣе чѣмъ кто-либо. Если эта передача состоится,—что̀ крайне вѣроятно,—то завѣдывать верховнымъ управленіемъ канала будетъ человѣкъ, получающій 8 тысячъ долларовъ въ годъ и отказавшійся отъ подчиненнаго завѣдыванія имъ съ жалованьемъ въ 100 тысячъ долларовъ въ годъ. Таковы яркія несообразности новаго современнаго положенія дѣлъ въ Америкѣ по вопросу о вознагражденіи ея государственныхъ и общественныхъ чиновъ.

V.

Мнѣ будетъ очень прискорбно, если настоящая статья покажется читателю слишкомъ односторонней, зараженной излишнимъ пессимизмомъ, такъ какъ въ дѣйствительности я лично не ощущаю ничего подобнаго. Описывая наши современныя общественныя язвы, я въ то же время не думаю, чтобъ онѣ были неизлечимы и не встрѣчали на своемъ пути энергичнаго, болѣе или менѣе эффективнаго противодѣйствія. Я глубоко убѣжденъ, что народная мудрость свободной страны въ концѣ концовъ всегда сумѣетъ справиться успѣшно со всяческими прорѣхами въ своихъ общественныхъ дѣлахъ, какъ бы некрасивы и зіяющи на первый взглядъ онѣ ни были. Жестокая безпринципность нашей современной финансовой олигархіи несомнѣнно велика,—но угнетеніе ею народныхъ массъ возможно только до извѣстныхъ предѣловъ, и свободная самодѣятельность этихъ массъ реагируетъ постоянно. Такъ, въ то же время, когда первый нашъ богачъ и иниціаторъ финансовой развращенности, Джонъ Рокфеллеръ, повидимому, опуталъ своими милліардами всю страну,—молодая дѣвушка и очень талантливая писательница, Айда Тарбелль, въ цѣломъ рядѣ статей въ очень распространенномъ ежемѣсячномъ журналѣ „Mc Clure's", съ удивительной послѣдовательностью и знаніемъ дѣла разоблачаетъ самые сокровенные секреты его неслыханнаго доселѣ успѣха въ стяжаніи, приковываетъ его методы къ позорному публичному столбу и вызываетъ то броженіе, которое предшествуетъ взрыву. Національный совѣтъ заграничныхъ миссій торжественно отказывается отъ предложеннаго ему тѣмъ же Рокфеллеромъ дара въ сто тысячъ долларовъ, называя эти деньги зараженными преступленіемъ — „tainted money", — и это выраженіе безповоротно клеймитъ всѣ его дары на народное образованіе и церкви, и встрѣчаетъ бурное одобреніе по всей странѣ. За послѣднее десятилѣтіе Рокфеллеръ „пожертвовалъ" на общественныя нужды свыше 50-ти милліоновъ долларовъ — и въ первый разъ получилъ такой рѣзкій, такой грубый отпоръ, причемъ страна оказывается цѣликомъ на сторонѣ оскорбителя. Выраженіе „tainted money" сразу получаетъ значеніе всенароднаго лозунга противъ всего того, что̀ представляютъ собою милліарды Рокфеллера. Оппозиція современнымъ методамъ стяжанія и царящей дѣловой морали кристаллизуется, принимаетъ опредѣленныя формы и намѣчаетъ путь предстоящей великой борьбы.

Въ городѣ Нью-Іоркѣ прокуроръ Джеромъ, уже три года съ большимъ успѣхомъ преслѣдующій преступленія выбравшей его партіи, смѣло бросаетъ ей въ лицо перчатку вызова на борьбу и объявляетъ себя независимымъ, народнымъ кандидатомъ на тотъ же постъ на слѣдующій срокъ,— и партійная продажность вынуждена сдаться передъ всеобщимъ бурнымъ одобреніемъ Джерома массами избирателей. Въ виду идущихъ теперь въ Нью-Іоркѣ сенсаціонныхъ разоблаченій и разслѣдованій финансовой развращенности страховыхъ компаній, постъ прокурора получилъ особое значеніе, и вся страна заинтересована борьбой Джерома. Все независимое стеклось подъ его знамена, — и лучшіе люди страны ѣдутъ въ Нью-Іоркъ, дабы работать въ его пользу на предстоящихъ выборахъ. Хотя выборы эти чисто мѣстные, они уже успѣли вызвать по всему Союзу бо̀льшую агитацію и интересъ, чѣмъ вся прошлая президентская кампанія.

Въ городѣ Филадельфіи мэйоръ Виверъ, человѣкъ честный, независимый и энергичный, разобравшись въ городскихъ дѣлахъ и убѣдившись въ развращенности почти всѣхъ своихъ сослуживцевъ, совершенно неожиданно для своей же, выбравшей его на мѣсто мэйора, партіи, отставилъ отъ службы безъ прошенія нѣсколькихъ начальниковъ разныхъ департаментовъ и объявилъ партійной организаціи свирѣпую войну, которую и ведетъ единолично вотъ уже около полугода. Война эта привлекла къ себѣ вниманіе всего Союза почти въ такой же степени, какъ и борьба Джерома въ Нью-Іоркѣ, такъ какъ къ политической развращенности Нью-Іорка всѣ давно привыкли, а квакерская Филадельфія до сихъ поръ считалась однимъ изъ немногихъ „честныхъ“ городовъ Союза. Кромѣ того, большинство все-таки считаетъ Джерома профессіональнымъ политиканомъ, то-есть принадлежащимъ къ тому классу людей, которому наше общественное мнѣніе привыкло приписывать скрытые личные мотивы, что̀ бы они ни дѣлали; — Виверъ же — обыкновенный дѣловой человѣкъ, никогда прежде не служившій, не искавшій мѣста и выбранный мэйоромъ, благодаря напору общественнаго мнѣнія.

Въ штатѣ Висконсинѣ губернаторъ Ля-Фоллетъ, молодой человѣкъ съ незапятнаннымъ прошлымъ, выбранный республиканской партіей, своею независимостью и энергіей въ искорененіи общественныхъ злоупотребленій въ три года успѣлъ сплотить вокругъ себя новую партію, разбившую въ конецъ формальную партійную республиканскую организацію и съ тріумфомъ выбравшую Ля-Фоллета въ федеральный сенатъ, вопреки желаніямъ и сильнѣйшему давленію національной организаціи партіи. Ля-Фоллетъ—

не только талантливый и честный реформаторъ, но и ловкій и стойкій организаторъ; вожаки федеральнаго сената, несомнѣнные главные руководители всей современной американской политической грязи, и теперь уже не стѣсняются выражать серьезнѣйшія опасенія относительно той роли, которую онъ будетъ играть, когда займетъ въ немъ мѣсто въ будущемъ декабрѣ.

Фолькъ, бывшій прокуроръ въ городѣ Санъ-Луисѣ, въ штатѣ Миссури, былъ выбранъ демократической партіей на прошлыхъ выборахъ губернаторомъ своего штата, и огромнымъ большинствомъ, хотя выборщики въ президентскую избирательную коллегію и всѣ остальные штатные чины были выбраны республиканцами. Фолькъ составилъ себѣ національную репутацію своими успѣшными преслѣдованіями штатныхъ и городскихъ общественныхъ злоупотребленій, преслѣдованіями, которыя онъ велъ нѣсколько лѣтъ съ замѣчательнымъ безстрашіемъ и энергіей. Въ настоящую минуту онъ представляетъ собою одного изъ самыхъ видныхъ представителей демократической партіи, которая прочитъ его въ свои кандидаты въ президенты на 1908 годъ. Хотя вышеупомянутый мэйоръ города Филадельфіи принадлежитъ къ республиканской партіи, Фолькъ нарочно ѣздилъ помогать ему въ его войнѣ, и произнесенныя имъ по этому поводу рѣчи весьма укрѣпили его репутацію во всемъ Союзѣ. На него возлагаются огромныя надежды; онъ уменъ, краснорѣчивъ, обладаетъ большимъ тактомъ и до сихъ поръ на его политической репутаціи нѣтъ ни малѣйшаго пятнышка.

Однимъ изъ наиболѣе оригинальныхъ реформаторовъ минуты является Томъ Джонсонъ, мэйоръ большого города Кливелэнда въ штатѣ Охайо. Это человѣкъ, никогда до сихъ поръ не принимавшій участія въ штатныхъ или національныхъ политическихъ дѣлахъ, а работающій исключительно въ пользу своего родного города. Онъ—милліонеръ-соціалистъ, вѣрящій въ поземельную теорію Джорджа и въ неизбѣжность общественнаго владѣнія всѣми необходимостями жизни. Начавъ свою карьеру босоногимъ уличнымъ мальчишкой, онъ составилъ себѣ огромное состояніе постройкой уличныхъ электрическихъ дорогъ и пріобрѣлъ обширную извѣстность во всей странѣ успѣхомъ обращенія ихъ въ городское имущество въ своемъ городѣ. Его единственная публичная программа—„golden rule", то-есть положеніе: поступай съ другими такъ, какъ бы ты желалъ, чтобъ они поступали съ тобой. Онъ не говоритъ рѣчей, не печатаетъ платформъ, совершенно игнорируетъ партійную организацію, а работаетъ неустанно съ утра до ночи, и пользуется поразительной популяр-

ностью во всѣхъ классахъ населенія. Джонсонъ—совершенно новый типъ, покуда только чисто мѣстнаго дѣятеля; знатоки нашей политической жизни думаютъ, что его методъ возможенъ только при условіи личнаго знакомства съ избирателями, и что въ штатныхъ и національныхъ дѣлахъ онъ непримѣнимъ,—тѣмъ не менѣе, политическіе вожаки всѣхъ партій боятся Джонсона. Во всякомъ случаѣ, его искренность, безупречная честность и, главное, успѣхъ дѣлаютъ его однимъ изъ самыхъ видныхъ современныхъ нашихъ общественныхъ работниковъ, дѣятельностью которыхъ особенно занята наша пресса.

П. А. Тверской.

Лосъ-Анжелесъ,
Калифорнія.

СВЯТОЙ

РОМАНЪ.

Antonio Fogazzaro. Il Santo. Romanzo. Milano, 1906.

Окончаніе.

XI *).

Часы на площади св. Петра пробили восемь. Бенедетто отдалился отъ нѣсколькихъ сопровождавшихъ его людей на углу via di Porta Angelica, вошелъ одинъ подъ колоннаду Бернини, медленно направился къ большимъ бронзовымъ дверямъ и остановился, чтобы послушать плескъ фонтановъ и поглядѣть на огни четырехъ свѣтильниковъ вокругъ обелиска.

Черезъ четверть часа онъ увидитъ папу. Площадь была пустынна. Никто не увидитъ, какъ онъ вошелъ въ Ватиканъ, кромѣ призрачнаго ряда святыхъ, статуи которыхъ высились въ колоннадѣ. И святые, и фонтаны говорили ему, что этотъ часъ, который кажется ему такимъ торжественнымъ и важнымъ, минуетъ, что и онъ, и папа исчезнутъ навсегда въ царствѣ забвенія, и только фонтаны будутъ продолжать свою однообразную жалобу, а святые будутъ попрежнему стоять въ молчаливомъ созерцаніи. Но онъ чувствовалъ, что слова истины, съ которыми онъ приходитъ, не канутъ безслѣдно, что это слова вѣчности; онъ еще разъ глубоко сосредоточился, закрылъ глаза и сталъ молиться о томъ, чтобы у него хватило силы и умѣнья высказать папѣ все, что̀ у него накопилось въ груди.

*) См. выше: мартъ, стр. 194.

Ему сказано было явиться сюда между восемью и четвертью девятаго. Но четверть пробило, и никто не приходилъ. Онъ обернулся и сталъ смотрѣть на бронзовую дверь; въ ней открыта была только маленькая дверца, въ которую входили отъ времени до времени, какъ беззаботныя мошки въ пасть льва, группы людей низшаго класса. Наконецъ оттуда вышелъ священникъ и сдѣлалъ ему знакъ. Бенедетто подошелъ къ нему; тотъ спросилъ:

— Вы изъ монастыря св. Ансельма?

Это былъ условленный вопросъ. Такъ какъ Бенедетто отвѣтилъ утвердительно, то священникъ сдѣлалъ ему знакъ войти.

— Пожалуйте, — сказалъ онъ.

Бенедетто пошелъ за нимъ. Они прошли мимо солдатъ папской гвардіи, которые отдали честь священнику. Свернули налѣво, во дворъ, гдѣ опять встрѣтили солдатъ; они тоже отдали честь, а священникъ что-то приказалъ имъ вполголоса; Бенедетто не разслышалъ словъ. Они прошли черезъ дворъ, оставляя слѣва дверь библіотеки, справа—дверь, ведущую въ покои папы. Вверху стекла лоджій блестѣли при лунѣ. Бенедетто, который имѣлъ однажды аудіенцію у прежняго папы, удивился, что его ведутъ такимъ страннымъ путемъ. Пройдя дворъ по прямой линіи, священникъ направился къ узкому входу, ведущему къ лѣстницѣ Мозаикъ; онъ остановился передъ входомъ направо, откуда поднимается лѣстница Треугольника.

— Вы знаете Ватиканъ? — спросилъ онъ.

— Знаю музей и лоджіи, — отвѣтилъ Бенедетто. — Меня также принималъ у себя предмѣстникъ нынѣшняго папы. Въ другихъ частяхъ Ватикана я не бывалъ.

— Вы никогда здѣсь не жили?

— Никогда.

Священникъ сталъ первый подниматься по лѣстницѣ, блѣдно освѣщенной электрической лампочкой. Вдругъ, тамъ, гдѣ первый поворотъ лѣстницы заканчивался площадкой, свѣтъ потухъ. Бенедетто поставилъ одну ногу на площадку, и услышалъ, какъ его проводникъ бѣгомъ поднялся по лѣстницѣ направо. Потомъ все затихло. Онъ думалъ, что, можетъ быть, случайно потухъ свѣтъ, и что священникъ побѣжалъ, чтобы снова его зажечь. Онъ сталъ ждать. Ни свѣта, ни шаговъ,—полная тишина. Онъ поднялся на площадку, ощупалъ въ темнотѣ стѣну съ правой стороны, сталъ пробираться ощупью влѣво, и наткнулся ногой на два развѣтвленія лѣстницы, начинавшіяся съ площадки. Онъ еще подождалъ, не сомнѣваясь, что священникъ долженъ вернуться. Но прошло пять, десять минутъ, и онъ не возвращался. Бенедетто

не понималъ, что случилось, но не допускалъ, чтобы его хотѣли намѣренно обмануть. Что же ему теперь дѣлать? Спуститься обратно было бы смѣшно; ждать дольше—безсмысленно. Значить, нужно подняться — но по какой изъ двухъ лѣстницъ? Онъ сначала поднялся-было по одной, но она оказалась короткой и привела сейчасъ же на другую площадку. А между тѣмъ Бенедетто слышалъ, что когда его проводникъ пошелъ вверхъ, онъ долго не останавливался, и шумъ его шаговъ потерялся очень высоко. Онъ поэтому спустился внизъ и поднялся по другой лѣстницѣ. Она была длиннѣе. Священникъ, очевидно, поднимался именно по ней, и Бенедетто рѣшилъ идти по его слѣдамъ.

Дойдя до верху, онъ попалъ черезъ дверь въ лоджію, освѣщенную луной, и оглянулся вокругъ себя: справа была рѣшетка другой лоджіи, встрѣчавшейся съ этой подъ прямымъ угломъ. Справа лоджія кончалась въ глубинѣ закрытой дверью. Бенедетто посмотрѣлъ направо и налѣво и сталъ припоминать, что когда-то былъ здѣсь съ однимъ своимъ знакомымъ, который показывалъ ему эту часть Ватикана. Онъ вспомнилъ, что дверь направо ведетъ въ комнаты кардинала статсъ-секретаря. Лоджія за рѣшеткой вела въ аппартаменты Борджіи. Тогда у рѣшетки стоялъ солдатъ швейцарской гвардіи. Теперь не было никого; вокругъ царило молчаніе.

Нечего было и думать о томъ, чтобы постучать въ дверь статсъ-секретаря. Бенедетто подошелъ къ рѣшеткѣ, — она оказалась открытой. Онъ очутился передъ закрытой дверью въ галерею и сталъ опять прислушиваться къ молчанію. Наконецъ, онъ отважился войти. Онъ почувствовалъ, что находится въ самомъ сердцѣ огромнаго Ватикана, и ему сдѣлалось страшно. Онъ подошелъ къ большому окну, откуда виденъ былъ замокъ Св. Ангела и далекіе огни Квиринала, потомъ сталъ оглядываться въ комнатѣ и пошелъ дальше. На пути онъ наткнулся на что-то; оказалось, что это было большое кресло съ ручками. Съ этой минуты онъ успокоился. Ему все стало казаться знакомымъ;— онъ смутно вспомнилъ, что все это представлялось ему въ томъ памятномъ видѣніи, частью котораго была именно бесѣда съ папой. Онъ сразу вспомнилъ, какъ направлялся къ нему по комнатамъ Ватикана, и твердо пошелъ впередъ, увѣренный теперь, что найдетъ въ глубинѣ галереи выходъ и свѣтъ. Онъ шелъ, касаясь рукой стѣны, для большей увѣренности, и среди стѣны ощупалъ вдругъ деревянную дверь. Онъ остановился. Изъ глубины раздались шаги, въ замкѣ повернулся ключъ, показался лучъ свѣта, и появилась черная фигура патера, который покинулъ Бенедетто

на лѣстницѣ. Онъ быстро вошелъ, закрылъ дверь и сказалъ Бенедетто спокойно, точно ничего не произошло.

— Вы предстанете сейчасъ передъ его святѣйшествомъ.

Онъ впустилъ его и закрылъ за нимъ дверь, оставшись снаружи.

Войдя, Бенедетто увидѣлъ только столикъ, лампу подъ зеленымъ абажуромъ и у стола бѣлую фигуру. Онъ упалъ на колѣни.

Бѣлая фигура протянула руку и сказала:

— Встань! Какъ ты пришелъ сюда?

Лицо, окаймленное сѣдыми волосами, необычайно кроткое, выражало изумленіе. Голосъ, говорившій съ сильнымъ южнымъ акцентомъ, былъ взволнованный. Бенедетто поднялся и сказалъ, что до лѣстницы его довелъ его проводникъ, а дальше онъ пошелъ самъ, не зная, гдѣ найдетъ его святѣйшество. Папа выслушалъ его съ задумчивымъ видомъ, потомъ ласково сказалъ ему:

— Садись, сынъ мой.

Если бы Бенедетто не былъ такъ погруженъ въ созерцаніе аскетическаго и добраго лица папы, онъ бы, можетъ быть, воспользовался тѣмъ, что папа собиралъ разбросанныя по столу бумаги, и осмотрѣлъ бы съ изумленіемъ странную пріемную, гдѣ онъ очутился; это была пыльная комната, заваленная старыми книгами и картинами, нѣчто вродѣ передней какой-нибудь библіотеки или музея, гдѣ происходитъ уборка. Но онъ ничего не видѣлъ, устремивъ взоръ на лицо папы, худое, блѣдное, выражавшее большую чистоту и большую доброту. Онъ приблизился, склонилъ колѣни и поцѣловалъ руку, которую папа протянулъ ему, говоря кротко и торжественно:

— Non mihi, sed Petro.

Когда онѣ опять сѣлъ, папа протянулъ ему исписанный листокъ бумаги и спросилъ, узнаетъ ли онъ почеркъ? Бенедетто взглянулъ и не могъ удержать горестнаго восклицанія:

— Конечно, узнаю,—сказалъ онъ:—это почеркъ святого священника, котораго я глубоко любилъ; онъ уже умеръ,—его звали Джузеппе Флоресъ.

— Прочти вслухъ,—сказалъ папа, и Бенедетто сталъ читать:

„Монсиньоръ, — я ввѣряю епископу запечатанный пакетъ, вложенный вмѣстѣ съ этимъ листкомъ въ конвертъ, адресованный на ваше имя. Какъ видно по надписи на пакетѣ, онъ оставленъ мнѣ синьоромъ Пьеро Майрони съ просьбой открыть пакетъ только послѣ его смерти. Вы хорошо знали синьора Майрони. Онъ оставилъ мнѣ этотъ пакетъ прежде, чѣмъ скрылся изъ міра. Живъ ли онъ еще, или умеръ, я не знаю и не имѣю

возможности узнать. Въ этомъ пакетѣ, вѣроятно, заключается описаніе видѣнія, которое было у Майрони, когда онъ вернулся къ Богу, раскаявшись въ своей преступной страсти. Я думалъ тогда, что Господь, дѣйствительно, избралъ его для выполненія высокихъ дѣлъ, и надѣялся, что святость его миссіи подтвердится послѣ смерти Майрони этимъ документомъ, имѣющимъ пророческій характеръ. Я долго питалъ эти надежды, скрывая ихъ, впрочемъ, изъ осторожности отъ самого Майрони. Два года прошли съ того дня, какъ онъ исчезъ, и я ничего больше не слыхалъ о немъ. Когда вы, монсиньоръ, прочтете то, что я вамъ пишу, я уже не буду въ живыхъ. Я прошу васъ взять отъ меня этотъ пакетъ на храненіе и поступить, какъ вамъ укажетъ ваша совѣсть. И прошу также помолиться за душу вашего бѣднаго слуги дона Джузеппе Флореса".

Бенедетто положилъ письмо на столъ и посмотрѣлъ на папу выжидательнымъ взглядомъ.

— Ты Пьеро Майрони? — спросилъ онъ.

— Да, святой отецъ.

Папа улыбнулся доброй улыбкой.

— Я прежде всего радуюсь, — сказалъ онъ, — что ты живъ. Епископъ думалъ, что ты умеръ, открылъ пакетъ и счелъ своимъ долгомъ передать его намѣстнику Христа. Это случилось съ полгода тому назадъ, при жизни моего святого предшественника, который говорилъ объ этомъ нѣсколькимъ кардиналамъ, въ томъ числѣ и мнѣ. Потомъ узнали, что ты живъ и гдѣ ты находишься. А теперь я долженъ спросить тебя кое о чемъ, и я требую, чтобы ты говорилъ правду. Разскажи мнѣ о твоемъ видѣніи.

Бенедетто сказалъ, что многое уже затмилось въ его памяти, тѣмъ болѣе, что покойный донъ Флоресъ совѣтовалъ ему не думать о видѣніи, но что теперь, когда онъ шелъ по заламъ Ватикана, онъ сталъ ясно припоминать, что все здѣсь уже знакомо ему по видѣнію, и потому шелъ съ какой-то внутренней увѣренностью. На вопросъ папы, каково было его состояніе души послѣ видѣнія, онъ сказалъ, что испытывалъ глубокое раскаяніе въ своемъ временномъ отчужденіи отъ Бога и жажду вернуться къ Нему. Затѣмъ папа спросилъ его, не возгордился ли онъ послѣ своего видѣнія, и Бенедетто, склонивъ голову, покаялся: да, одинъ разъ, въ Св. Схоластикѣ, когда его учитель отъ имени настоятеля предложилъ ему надѣть платье послушника, отнятое у него потомъ въ Дженнэ, онъ на минуту возгордился, увидѣвъ въ этомъ подтвержденіе послѣдней части сво-

его видѣнія; онъ вѣдь видѣлъ себя умирающимъ въ монашескомъ платьѣ. Онъ возмнилъ себя поэтому избранникомъ божіимъ, призваннымъ выполнить высшую миссію.

— Я теперь глубоко раскаиваюсь, и прошу прощенія у вашего святѣйшества,— сказалъ Бенедетто.

Папа ничего не возразилъ, но сдѣлалъ рукой прощающій и благословляющій жестъ; потомъ онъ сталъ разбирать бумаги на столѣ, выбралъ одну изъ нихъ и, отложивъ ее въ сторону, снова заговорилъ:

— Сынъ мой,— сказалъ онъ,— я долженъ спросить у тебя еще кое о чемъ. Ты назвалъ Дженнэ. Знаешь ли ты, что тамъ многіе дурно относились къ тебѣ? Тебя обвиняютъ въ томъ, что ты предпринималъ чудесныя исцѣленія, что по твоей винѣ одинъ несчастный больной умеръ у тебя въ домѣ, что ты его чуть ли не отравилъ, давъ ему выпить что-то. Говорятъ также, что ты проповѣдывалъ скорѣе какъ протестантъ, нежели какъ католикъ, и кромѣ того...

Папа запнулся. Ему тяжело было даже повторять нѣкоторыя обвиненія.

— Тебя обвиняютъ въ недозволенной связи,—сказалъ онъ,— съ мѣстной учительницей. Что̀ ты на это отвѣтишь, сынъ мой?

— Святой отецъ,— спокойно отвѣтилъ Бенедетто,— за меня отвѣчаетъ Духъ Святой въ вашемъ сердцѣ.

Папа взглянулъ на него удивленный и нѣсколько смущенный,—ему казалось, что Бенедетто читаетъ у него въ душѣ. Легкій румянецъ показался у него на щекахъ.— Объясни, что̀ ты хочешь сказать,— проговорилъ онъ.

— Господь мнѣ далъ прочесть въ вашемъ сердцѣ, что вы не вѣрите ни одному изъ этихъ обвиненій. Но не думайте, святой отецъ,—прибавилъ онъ, видя, что папа нахмурилъ брови,— что я считаю себя ясновидцемъ, умѣющимъ читать въ сердцахъ. Нѣтъ, я просто вижу по выраженію вашего лица и слышу въ вашемъ голосѣ, что вы мнѣ довѣряете.

— Можетъ быть, ты знаешь,—воскликнулъ папа,—кто на этихъ дняхъ былъ у меня?

Папа призвалъ въ Римъ священника изъ Дженнэ и разспрашивалъ его о Бенедетто. Священникъ, увидя, что папа близокъ ему по духу и непохожъ на непримиримыхъ фанатиковъ, которые запугали его дома, воспользовался случаемъ, чтобы успокоить свою собственную совѣсть, и сталъ всячески хвалить Бенедетто. О всемъ этомъ послѣдній не имѣлъ понятія.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—я ничего не знаю.

Папа помолчалъ, но видно было, что онъ сильно взволнованъ. Послѣ короткаго молчанія онъ обратился къ Бенедетто съ вопросомъ:

— Вѣришь ли ты,—сказалъ онъ,—что у тебя есть миссія, которую ты долженъ выполнить?

Бенедетто отвѣтилъ смиреннымъ и убѣжденнымъ тономъ:

— Да, я въ это вѣрю.

— Что̀ же побуждаетъ тебя вѣрить?

— Святой отецъ, всякій рождается на свѣтъ для того, чтобы выполнить свое назначеніе. Не будь у меня никакихъ видѣній, природное влеченіе мое къ Богу доказало бы мнѣ, что я призванъ къ дѣйствію въ области религіи.

— И ты чувствуешь, что твой долгъ—вызвать здѣсь, теперь же, религіозное движеніе?

Бенедетто сложилъ руки, моля выслушать его.

— Да,—сказалъ онъ,—здѣсь, теперь же.

И съ этими словами онъ опустился на одно колѣно.

— Поднимись,—сказалъ папа,—и скажи свободно то, что̀ у тебя на душѣ.

Но Бенедетто не поднимался.

— Простите,—сказалъ онъ,—я могу сказать то, что̀ у меня на душѣ, только папѣ наединѣ, а меня теперь слушаетъ не только папа...

Папа вздрогнулъ и строго взглянулъ на него вопросительнымъ взглядомъ. Бенедетто указалъ движеніемъ головы на большую дверь за спиной папы. Тогда папа взялъ серебряный колокольчикъ со столика, сдѣлалъ знакъ Бенедетто, чтобы онъ поднялся, и позвонилъ. У дверей галереи показался священникъ, который привелъ Бенедетто. Папа велѣлъ ему позвать въ галерею дона Теофила, вѣрнаго слугу, котораго онъ привезъ съ собой съ юга, и сказалъ, чтобы когда явится Теофилъ, священникъ прошелъ въ библіотеку и ждалъ его тамъ.

Прошло нѣсколько минутъ въ молчаливомъ ожиданіи священника, который долженъ былъ вернуться. Бенедетто стоялъ, закрывъ глаза. Онъ ихъ открылъ, когда снова вошелъ священникъ, позвавшій слугу. Только когда священникъ ушелъ затѣмъ въ библіотеку, папа сдѣлалъ знакъ рукой, и Бенедетто заговорилъ тихимъ голосомъ:

— Святой отецъ,—сказалъ онъ,—церковь больна. Ею овладѣли четыре злыхъ духа и борются въ ней противъ Духа Святого. Первый изъ нихъ—духъ лжи. Онъ притворяется иногда ангеломъ свѣта и вводитъ въ обманъ многихъ вѣрующихъ.

Многіе служители церкви, даже изъ числа вѣрныхъ и благочестивыхъ, не понимаютъ ученія Христа объ истинѣ и раздѣляютъ ее на-двое въ сердцѣ своемъ; они принимаютъ только ту истину, которая кажется имъ соотвѣтствующей духу церкви, и отвергаютъ другую. Они преклоняются передъ буквой священнаго писанія и питаютъ взрослыхъ пищей, пригодной лишь для дѣтей; этимъ они искажаютъ и умаляютъ ученіе Христа. Святой отецъ, лишь очень немногіе христіане знаютъ, что религія заключается не въ томъ главнымъ образомъ, чтобы примыкать разумомъ къ опредѣленнымъ догматамъ, а въ томъ, чтобы жить согласно истинѣ,—что суть вѣры — не въ соблюденіи запретовъ и не въ исполненіи обязанностей относительно церковныхъ властей. А тѣ, которые это знаютъ, которые не раздѣляютъ истину въ сердцѣ своемъ на-двое,— подвергаются преслѣдованіямъ; ихъ объявляютъ еретиками, ихъ принуждаютъ молчать,—и все это—дѣло духа лжи, который вѣками умножаетъ обманъ въ церкви. Я знаю такихъ преслѣдуемыхъ людей, служителей истины, вѣрныхъ духу Христову. И вотъ о чемъ я молю ваше святѣйшество...

Бенедетто опустился на одно колѣно. Папа сидѣлъ не двигаясь, и только еще ниже опустилъ голову. Бѣлая шапочка на его головѣ была вся озарена свѣтомъ лампы.

— Скажите одно слово,—продолжалъ Бенедетто,—возвеличьте этихъ слугъ Христовыхъ, которыхъ преслѣдуетъ духъ лжи, возвысьте нѣкоторыхъ изъ нихъ въ епископскій санъ, приблизьте ихъ къ совѣту кардиналовъ. И еще молю васъ, святой отецъ, пусть не подвергаютъ запрещенію труды людей, которые стремятся къ истинѣ и борются за вѣру. И пусть также служители церкви меньше проповѣдуютъ внѣшнее благочестіе, пусть поучаютъ внутреннему—вы, ваше святѣйшество, сами говорили, что Господь открываетъ истину въ тишинѣ души.

Бенедетто остановился, задыхаясь отъ возбужденія. Папа поднялъ лицо, взглянулъ въ его скорбные свѣтящіеся глаза и на его дрожащія, молитвенно сложенныя руки, и почувствовалъ глубокое волненіе; онъ только знакомъ попросилъ Бенедетто сѣсть на кресло противъ него. Бенедетто повиновался его настойчивымъ знакамъ, поднялся съ колѣнъ, сѣлъ на кресло, оперся на его ручки руками и продолжалъ говорить.

— А второй злой духъ, проникающій своимъ пагубнымъ вліяніемъ жизнь и ученіе церкви—это духъ властолюбія. Служители церкви не хотятъ, чтобы души вѣрующихъ прямо общались съ Господомъ; они требуютъ, чтобы это происходило черезъ ихъ посредничество. Имъ нужно, поэтому, чтобы души ста-

новились робкими, слабыми, рабски покорными. Они поэтому возводятъ повиновеніе въ высшую добродѣтель, въ первый долгъ христіанина, и стараются подчинить своему властолюбію весь міръ, распространить свою власть не только на церковныя, но и на мірскія дѣла. Ихъ властолюбіе распространится и на васъ, святой отецъ. Не уступайте имъ—не отдавайте власть въ ихъ руки. Пусть въ выборѣ епископовъ участвуетъ народъ, призывая на служеніе тѣхъ, которые пользуются любовью и почетомъ. Пусть епископы показываются народу не только при торжественномъ звонѣ колоколовъ, а живутъ среди народа и заботятся о его нуждахъ.

— Третье зло, тяготѣющее надъ церковью,—продолжалъ Бенедетто,—духъ корысти и стяжательства. Служители Христа снисходительны къ богатымъ и сами любятъ роскошь. Требуйте отъ нихъ, святой отецъ, равнодушія къ богатству и къ имуществу. Сразу этого сдѣлать нельзя, но пусть хоть подготовляется день, когда служители церкви будутъ подавать примѣръ смиренія и бѣдности и будутъ жить неимущіе и чистые, воплощая на дѣлѣ ученіе Христа. И тогда Господь окружитъ ихъ такой славой и такимъ почетомъ, какимъ не пользуются теперь и князья церкви. Ихъ будетъ немного, такихъ праведниковъ, но они будутъ свѣточами. А развѣ теперь они таковы?

Тутъ въ первый разъ папа съ печалью кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— И четвертое зло, — продолжалъ Бенедетто, — косность церкви. Зло это носитъ маску добра. Злой духъ является въ образѣ ангела свѣта. Католики, одержимые этимъ духомъ, подобны древнимъ фарисеямъ: они поклоняются прошлому, стоятъ за неизмѣнность церковныхъ традицій, отстаивая столь неразумныя правила, какъ, напримѣръ, запретъ кардиналамъ выходить пѣшкомъ и навѣщать бѣдныхъ въ ихъ домахъ. Духъ косности навлекаетъ на церковь насмѣшки невѣрующихъ, а это—великій грѣхъ передъ Господомъ.

Въ лампѣ выгорѣлъ керосинъ, и она потухала; кругъ тѣни все расширялся, и въ узкомъ пятнѣ свѣта вырисовывались только одна противъ другой бѣлая фигура сидящаго папы и темная—стоящаго передъ нимъ Бенедетто.

— Возставая противъ духа косности,—сказалъ Бенедетто,—я умоляю васъ, святой отецъ, воспротивьтесь запрещенію книги Джіованни Сельва.

Сказавъ это, Бенедетто снова опустился на одно колѣно, протянулъ съ мольбой руки къ папѣ и опять заговорилъ еще болѣе горячо и убѣжденно:

— Еще съ одной просьбой обращаюсь я къ намѣстнику Христа. И хотя я недостойный грѣшникъ, все же устами моими, я увѣренъ, говоритъ Господь... Я умоляю ваше святѣйшество — выйдите изъ Ватикана. На первый разъ выйдите для того, чтобы исполнить долгъ милосердія. Каждый день страдаетъ и умираетъ Лазарь—пойдите къ Лазарю! Христосъ требуетъ, чтобы шли на помощь страждущимъ. Наступитъ страшный часъ, и что̀ скажете вы, когда Христосъ призоветъ къ отвѣту за неисполненіе Его завѣта?

Свѣтъ лампы становился все слабѣе, и среди тьмы видны были только протянутыя впередъ руки Бенедетто и правая рука папы, который взялся за колокольчикъ. Когда Бенедетто кончилъ говорить, папа велѣлъ ему подняться, дважды позвонилъ, и при появленіи слуги, дона Теофила, спросилъ, зажженъ ли свѣтъ въ галереѣ.

— Да, ваше святѣйшество.

— Такъ пройди въ библіотеку,—сказалъ ему папа,—и скажи монсиньору, чтобы онъ ждалъ меня въ галереѣ. А потомъ зажги здѣсь свѣтъ.

Сказавъ это, папа поднялся. Онъ былъ маленькаго роста; спина у него была согбенная. Онъ направился къ дверямъ галереи, позвавъ Бенедетто знакомъ руки за собой. Донъ Теофилъ вышелъ черезъ другую дверь. Грустное предзнаменованіе: въ комнатѣ, гдѣ раздавались столь пламенныя слова, остался теперь только слабый, потухающій свѣтъ.

Въ галереѣ, куда вошли папа и Бенедетто, былъ полумракъ. Папа медленно и молча подошелъ къ окну и остановился у него. Бенедетто внутренно спрашивалъ себя, смотритъ ли онъ на огни Квиринала, и съ волненіемъ ждалъ его словъ. Но папа молча прошелъ дальше, заложивъ руки за спину и опустивъ голову на грудь. Въ глубинѣ галереи открывалась дверь; нѣсколько ступенекъ вели внизъ, въ лоджію, освѣщенную луной. Папа прошелъ туда. Бенедетто не послѣдовалъ за нимъ, боясь выказать непочтеніе своимъ нетерпѣливымъ выжиданіемъ отвѣта. Онъ задумался о томъ, слѣдовало ли ему такъ открыто высказывать свои мысли, и закрылъ глаза, погруженный въ мысли и молясь о просвѣтленіи. Черезъ нѣсколько времени, плеча его коснулась рука. Онъ вздрогнулъ и, открывъ глаза, увидѣлъ передъ собой папу. По лицу папы видно было, что онъ продумалъ нахлынувшія на него мысли. Бенедетто склонилъ голову и сталъ благоговѣйно слушать его.

— Сынъ мой,—сказалъ папа,—многое изъ того, что̀ ты го-

ворилъ, я тоже слышалъ въ глубинѣ сердца. Но ты—да благословитъ тебя Господь!—можешь внимать только гласу Господню, а я долженъ сообразовать мои совѣты и приказанія съ различными способностями милліоновъ людей. Я подобенъ бѣдному школьному учителю, у котораго изъ семидесяти учениковъ двадцать ниже средняго уровня, сорокъ посредственностей и только десять дѣйствительно хорошихъ учениковъ. Онъ не можетъ управлять школой, имѣя въ виду только этихъ десять хорошихъ учениковъ,—и я не могу управлять церковью, имѣя въ виду только тебя и подобныхъ тебѣ. Вотъ, напримѣръ, Христосъ отдавалъ кесарю кесарево. Я, какъ гражданинъ, тоже охотно бы исполнялъ свой долгъ по отношенію къ дворцу, огни котораго видны отсюда, если бы не боялся оскорбить и потерять хотя бы одну душу—столь же драгоцѣнную для меня, какъ и всѣ другія. И то же произошло бы, если бы я отмѣнилъ запрещеніе нѣкоторыхъ книгъ, или призвалъ въ совѣтъ кардиналовъ не строго ортодоксальныхъ католиковъ—и въ особенности если бы я вдругъ пошелъ навѣщать больныхъ въ госпиталяхъ.

— Святой отецъ!—воскликнулъ Бенедетто:—вѣдь взамѣнъ этихъ маловѣрныхъ душъ церковь обрѣла бы много другихъ, болѣе достойныхъ.

— И кромѣ того,—продолжалъ папа, какъ бы не слыша его,—я старъ, утомленъ; кардиналы не знаютъ, кого они избрали. Я вѣдь не соглашался на избраніе. Я боленъ, и чувствую, что долженъ скоро предстать предъ лицомъ моего Судьи. Тобою, сынъ мой, руководитъ воля Господня, но для выполненія того, о чемъ ты говоришь, едва ли хватило бы силы у молодого и сильнаго папы. Кое-что и я могу сдѣлать съ помощью Божіей,—а другое, болѣе трудное, да внушитъ Господь въ свое время достойному и способному выполнить такія задачи. Вѣдь если бы я вздумалъ съ сегодняшняго вечера создавать новый Ватиканъ,—гдѣ бы я нашелъ Рафаэля для украшенія его?

Папа не далъ времени Бенедетто возразить на эти слова, и снова обратился къ нему съ вопросомъ:

— Ты знаешь Сельва?—спросилъ онъ.—Что̀ это за человѣкъ въ частной жизни?

— Праведникъ!—поспѣшилъ отвѣтить Бенедетто.—Истинный праведникъ. Книгамъ его угрожаетъ запрещеніе—совѣту уже сдѣланъ доносъ на нихъ. Въ нихъ, быть можетъ, и можно найти много спорнаго, но по глубинѣ души и пламенности вѣры онѣ стоятъ безконечно выше всего, что̀ создается холоднымъ догматизмомъ правовѣрныхъ католиковъ. Запрещеніе этихъ книгъ

было бы ударомъ для наиболѣе жизненныхъ силъ католичества. Церковь допускаетъ обращеніе тысячи книгъ, написанныхъ тупыми фанатиками, умаляющими понятіе о живомъ Богѣ. Такъ пусть же она не осуждаетъ тѣ рѣдкія сочиненія, которыя возвеличиваютъ ее.

Вдали пробило половину десятаго. Папа молча взялъ Бенедетто за руку и долгимъ пожатіемъ выразилъ ему безмолвно сочувствіе и согласіе, котораго изъ осторожности не хотѣлъ высказать словами. Потомъ онъ только тихо сказалъ:

— Помолись за меня. Помолись, чтобы Господь просвѣтилъ меня.

Со слезами на глазахъ онъ благословилъ Бенедетто, сказавъ ему, что въ скоромъ времени опять призоветъ его для бесѣды. Потомъ онъ быстро удалился. Бенедетто продолжалъ стоять на колѣняхъ, проникнутый торжественностью минуты. Онъ поднялся, услышавъ шаги въ галереѣ. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ спускался внизъ, въ сопровожденіи дона Теофила, и вышелъ изъ Ватикана черезъ большую бронзовую дверь.

XII.

Бенедетто стоялъ въ маленькой комнаткѣ четвертаго этажа, у постели больного старика. Его привела туда старая женщина, сосѣдка больного, принявшая въ немъ участіе. Она знала, что больной старикъ—бывшій монахъ, что онъ въ тридцать лѣтъ убѣжалъ изъ монастыря, женился, но былъ неудачникомъ; жена умерла, дочери пошли по дурному пути, самъ онъ умиралъ теперь нищимъ и одинокимъ. Старуха помогала ему, хотя сама едва могла заработать себѣ на жалкую жизнь, и молилась за него, считая, однако, что ей не отмолить его тяжкихъ грѣховъ.

Въ этотъ день больной нѣсколько разъ говорилъ, что былъ бы счастливъ, еслибы могъ получить нѣсколько розъ. Старуха тогда рѣшила по какому-то наитію пойти къ „святому изъ Дженнэ“, который жилъ недалеко, въ виллѣ доктора Майда, въ качествѣ садовника, и попросить у него цвѣтовъ. Она застала Бенедетто въ саду, и тотъ, выслушавъ ея разсказъ, самъ пошелъ къ больному и понесъ ему розы. Больной безконечно обрадовался приходу Бенедетто и цвѣтамъ. Онъ разсказалъ, что былъ сыномъ садовника, и что ему приснился въ эту ночь садъ, гдѣ онъ провелъ дѣтство; розы какъ бы звали его обратно къ себѣ, и потому ему такъ мучительно захотѣлось цвѣтовъ. Бене-

детто положилъ ему на постель пучокъ розъ, и больной поглядѣлъ на цвѣты и на Бенедетто глазами, полными слезъ благодарности. Бенедетто наклонился къ нему и заговорилъ съ нимъ кротко и ласково, утѣшая его и отвѣчая словами надежды на нѣмой вопросъ больного, отчаявшагося въ возможности спасти свою душу.

Въ это время передъ домомъ собралась цѣлая толпа, въ ожиданіи выхода святого. Одна торговка увидѣла его, когда онъ входилъ, и поспѣшила извѣстить объ этомъ всю улицу. У дверей, въ ожиданіи его выхода, собралось человѣкъ пятьдесятъ, большей частью женщинъ, жаждавшихъ видѣть его, услышать отъ него хоть слово. Всѣ терпѣливо ждали, разговаривая тихо, какъ въ церкви, о чудесахъ, сотворенныхъ Бенедетто, о милостяхъ, которыя онъ оказывалъ. Черезъ нѣсколько времени, къ этой группѣ подъѣхалъ велосипедистъ, сошелъ съ велосипеда, спросилъ, кого здѣсь ждутъ, точно освѣдомился о томъ, гдѣ теперь находится святой изъ Дженнэ, и, сѣвъ обратно на велосипедъ, быстро умчался. Черезъ короткое время, у дверей дома остановилась наемная коляска, за которой слѣдовалъ тотъ же велосипедистъ. Изъ коляски вышелъ господинъ, прошелъ черезъ толпу и вошелъ въ домъ. Велосипедистъ остался у коляски. Пріѣхавшій господинъ поговорилъ съ привратникомъ и поднялся, въ его сопровожденіи, въ комнату больного, у дверей которой стояла старуха и молилась. Несмотря на ея просьбы не мѣшать бесѣдѣ больного со святымъ, онъ постучалъ. Ему открылъ дверь Бенедетто.

— Простите,—сказалъ вошедшій очень учтиво.—Вы синьоръ Пьеро Майрони?

— Я не ношу болѣе этого имени,—спокойно отвѣтилъ Бенедетто.—Но прежде я его носилъ.

— Я крайне сожалѣю, что долженъ обезпокоить васъ. Но я все-таки попрошу васъ послѣдовать за мной. Я потомъ скажу вамъ—куда.

Больной услышалъ слова незнакомца и сталъ умолять Бенедетто не оставлять его.

— Будьте любезны сказать мнѣ ваше имя и объяснить, почему я долженъ идти съ вами?—спросилъ Бенедетто.

— Я агентъ департамента полиціи,—сказалъ незнакомецъ, понизивъ голосъ.

Больной и женщина, которая привела Бенедетто, заволновались. Бенедетто тоже не могъ сдержать изумленнаго взгляда, и полицейскій агентъ поспѣшилъ прибавить съ улыбкой, что он

пришелъ не арестовать синьора Майрони, а только передать ему приглашеніе пожаловать въ департаментъ полиціи. Но Бенедетто зналъ, что такого рода приглашенія имѣютъ обязательный характеръ, и сказалъ, что готовъ явиться на зовъ. Онъ только шепнулъ нѣсколько словъ на ухо больному, который кивнулъ ему головой со слезами на глазахъ, потомъ сказалъ старухѣ, отведя ее въ сторону, что больной согласенъ исповѣдаться и причаститься, и что пусть она приведетъ священника. Онъ обѣщалъ, что зайдетъ самъ, когда будетъ свободенъ, затѣмъ направился съ своимъ провожатымъ къ выходу. Толпа заволновалась, понимая, въ чемъ дѣло, стала осыпать агента ругательствами и наступать на него, съ явнымъ намѣреніемъ отбить жертву насилія. Но Бенедетто успокоилъ своихъ защитниковъ, выступивъ впередъ и объяснивъ, что онъ по собственной волѣ уѣзжаетъ съ этимъ господиномъ. Въ эту минуту раздались удары грома,—разразилась гроза. Толпа вздрогнула и пустилась бѣжать въ разныя стороны. Агентъ далъ какой-то приказъ велосипедисту, и самъ сѣлъ въ коляску рядомъ съ Бенедетто.

Они поѣхали по направленію къ Тибру. Бенедетто старался узнать отъ своего провожатаго, зачѣмъ его вызываютъ, но тотъ давалъ уклончивые отвѣты, больше распространяясь о томъ, какъ онъ его долго искалъ, прежде чѣмъ нашелъ у постели больного. Бенедетто понялъ, что онъ и самъ не знаетъ, въ чемъ дѣло, и только для пущей важности напускаетъ на себя таинственность. Наконецъ, они въѣхали во дворъ большого зданія и остановились у темной лѣстницы, окруженной колоннами. Бенедетто поднялся со своимъ провожатымъ во второй этажъ, на площадку, гдѣ открывались двѣ двери. Агентъ открылъ дверь направо и вошелъ вмѣстѣ съ Бенедетто въ маленькую переднюю. Дремавшій на стулѣ сторожъ лѣниво поднялся. Агентъ оставилъ Бенедетто и прошелъ въ другую комнату. Тогда сторожъ наклонился, точно хотѣлъ поднять что-то съ полу, и сказалъ Бенедетто, подавая ему закрытое письмо:

— Посмотрите, это вы уронили!—Онъ повторилъ то же самое болѣе настойчиво, видя, что Бенедетто удивленъ и не беретъ письма:—Письмо, навѣрное, ваше. Берите скорѣе.

Взять скорѣе? Бенедетто посмотрѣлъ на сторожа, который опять сѣлъ на свой стулъ. Онъ кивнулъ головой, давая понять Бенедетто, что все это, дѣйствительно, не спроста. Бенедетто посмотрѣлъ на конвертъ. На немъ было написано: „Младшему садовнику изъ виллы Майда“. Подъ этимъ написано было большими буквами: „*Прочесть немедленно*“.

Почеркъ былъ женскій, но Бенедетто не узналъ его. Онъ распечаталъ письмо и прочелъ:

„Знайте, что директоръ департамента полиціи сдѣлаетъ все, что̀ можетъ, чтобы побудить васъ добровольно уѣхать изъ Рима. Не соглашайтесь. Остальное можно прочесть потомъ, на досугѣ“.

Бенедетто торопливо засунулъ письмо въ карманъ, но такъ какъ никто не являлся и вокругъ него была глубокая тишина, онъ снова вынулъ письмо и прочелъ дальнѣйшее:

„Въ Ватиканѣ очень возбуждены противъ васъ послѣ вашей бесѣды съ святымъ отцомъ, который послѣ того потребовалъ дѣло Сельва для личнаго просмотра. Вы не можете себѣ представить, какія интриги ведутся противъ васъ, какія клеветы доходятъ до вашихъ друзей. Все это дѣлается съ цѣлью удалить васъ изъ Рима и помѣшать вторичному свиданію съ папой. Заручились содѣйствіемъ правительства, обѣщая за это не назначать туринскимъ епископомъ никого изъ нежелательныхъ для правительства кандидатовъ. Не уступайте, не отказывайтесь отъ своей миссіи, отъ воздѣйствія на святого отца. Угрозы относительно Дженни не серьезны. Вамъ ничего не могутъ сдѣлать, и это хорошо извѣстно самимъ обвинителямъ. Все это узнала та, которая не можетъ вамъ писать сама, и поручила мнѣ увѣдомить васъ.— Ноэми д'Арксель“.

Бенедетто невольно взглянулъ на сторожа, думая о томъ, сознательно ли онъ передалъ ему предупрежденіе. Но сторожъ дремалъ и отряхнулъ сонъ только тогда, когда снова вернулся агентъ и велѣлъ провести Бенедетто къ начальнику.

Бенедетто ввели въ большую комнату, почти совершенно темную. Только въ одномъ углу горѣла электрическая лампа, и при свѣтѣ ея сидѣлъ у стола старый, лысый господинъ и читалъ газету. Столъ былъ заваленъ бумагами. Надъ столомъ виднѣлся въ полутьмѣ большой портретъ короля. Старый господинъ не сразу поднялъ голову. Наконецъ онъ взглянулъ на приведеннаго къ нему простого смертнаго и сказалъ холодно, съ необыкновенно важнымъ видомъ:

— Возьмите стулъ и сядьте. Вы синьоръ Пьетро Майрони?— спросилъ онъ, когда Бенедетто сѣлъ.

— Да.

— Простите, что я обезпокоилъ васъ, но это было необходимо.

Подъ его учтивыми словами чувствовались жесткость и сарказмъ.

— Кстати,—сказалъ онъ,—почему вы не хотите называться своимъ именемъ? Впрочемъ, это не важно,—сказалъ онъ, видя, что Бенедетто стѣсняется сразу отвѣтить. — Мы вѣдь здѣсь не на судѣ. Мнѣ казалось бы, что если хочешь дѣлать добро, то слѣдуетъ дѣлать его подъ собственнымъ именемъ. Но я не хожу въ церковь и держусь другихъ убѣжденій, чѣмъ вы. Повторяю, это не важно. Я—чиновникъ, занятый охраной общественной безопасности и облеченный нѣкоторой властью. Но я хочу доказать вамъ, что при всемъ томъ я принимаю въ васъ нѣкоторое участіе. Я долженъ вамъ сказать, что вы очутились въ очень непріятномъ положеніи, дорогой синьоръ Майрони—или синьоръ Бенедетто—какъ желаете. Противъ васъ имѣются у судебныхъ властей обвиненія, которыя не только подвергаютъ опасности репутацію вашей святости, но могутъ повлечь за собой лишеніе свободы и остановить вашу проповѣдническую дѣятельность.

— О моей славѣ и святости я прошу васъ не говорить,— рѣзко прервалъ его Бенедетто, весь вспыхнувъ.

— Напрасно вы обижаетесь, — спокойно отвѣтилъ представитель полицейской власти. — Ваша репутація, дѣйствительно, подвергается большимъ опасностямъ. Противъ васъ выставляются разныя обвиненія—не уголовнаго свойства, не безпокойтесь,—но которыя противорѣчатъ католической морали. Меня это, конечно, не касается, и я, къ тому же, вообще не вѣрю въ святость. Вернемся, однако, къ дѣлу. Я вамъ сказалъ непріятныя вещи, но теперь постараюсь загладить это. Правительство, отъ имени котораго я дѣйствую, относится далеко не враждебно къ религіи и ея служителямъ, тѣмъ болѣе, что религія—одинъ изъ элементовъ общественной безопасности. Мы поэтому рады помочь вамъ противъ вашихъ многочисленныхъ враговъ. Мы знаемъ къ тому же, что вы близки къ папѣ и часто съ нимъ видаетесь. Правительство же вовсе не желаетъ дѣлать непріятностей папѣ, затрогивая близкихъ ему людей. Я предлагаю вамъ поэтому спасти васъ отъ непріятностей; но это возможно при одномъ условіи—чтобы вы уѣхали изъ Рима. Здѣсь у васъ могущественные враги въ католической средѣ. Можетъ быть, они и правы съ своей узко-католической точки зрѣнія. Вы въ вопросахъ морали католикъ съ болѣе широкими воззрѣніями,—я васъ понимаю. Но мы опять отвлеклись,—вернемся къ дѣлу. На васъ донесли прокурору. Мы, собственно, уже должны были бы арестовать васъ, синьора Майрони, заочно осужденнаго уголовнымъ судомъ въ Бресчіи за неисполненіе обязанностей присяжнаго засѣдателя. Но это еще пустяки. Серьезнѣе то, что васъ обви-

няютъ въ незаконномъ занятіи медицинской практикой и въ томъ, что вы отравили одного паціента—ни болѣе, ни менѣе. Теперь у насъ еще есть возможность спасти васъ,—можно замять дѣло. Но если вы останетесь въ Римѣ, ваши враги поднимутъ такой шумъ, что мы не сможемъ притвориться глухими. Вамъ необходимо уѣхать подальше. Поѣзжайте во Францію—тамъ недостатокъ въ святыхъ... или поѣзжайте въ Лугано—тамъ есть монахини. Святые и монахини отлично всегда уживаются вмѣстѣ. Поѣзжайте къ монахинямъ и дайте улечься бурѣ.

Онъ продолжалъ говорить медленно и пространно, прикрывая насмѣшку саркастически-равнодушнымъ тономъ. Бенедетто поднялся и сказалъ твердо и строго:

— Я находился,—сказалъ онъ,—у постели больного, который очень нуждался въ моей незаконной медицинской помощи. Почему вы не оставили меня тамъ? Вы и правительство дѣйствуете какъ мои злѣйшіе враги, предлагая мнѣ бѣжать. Исполните свой долгъ и велите меня арестовать за неисполненіе долга присяжнаго засѣдателя. Я вамъ докажу, что не получилъ и не могъ получить повѣстки. Пусть прокуроръ тоже исполняетъ свой долгъ и возбудитъ противъ меня дѣло по доносу изъ Дженнэ—меня всегда можно найти въ виллѣ профессора Майда. Скажите это своему начальству. Скажите, что я не уѣду изъ Рима, и что я боюсь только одного судьи, котораго и они боятся, потому что двоедушіе будетъ строже караться, чѣмъ всякое другое преступленіе.

Неподготовленный къ такой отповѣди, чиновникъ весь позеленѣлъ отъ злости, и уже готовъ былъ разразиться градомъ ругательствъ, какъ вдругъ на дворѣ раздался шумъ колесъ. Онъ сталъ прислушиваться. Потомъ взгляды его и Бенедетто снова встрѣтились, и онъ сказалъ съ угрожающимъ жестомъ:

— Я велю васъ арестовать.

Бенедетто твердо посмотрѣлъ ему въ глаза и отвѣтилъ:

— Хорошо. Я жду.

Но въ эту минуту на порогѣ показался сторожъ, который уже нѣсколько разъ стучался въ дверь, не получая отвѣта. Онъ поклонился чиновнику, ничего не говоря. Тотъ поспѣшно сказалъ: „иду“—и быстро ушелъ. Съ лица его исчезли всякіе признаки гнѣва, смѣнившись выраженіемъ приниженной покорности.

Сторожъ тотчасъ же вернулся и сказалъ Бенедетто, чтобы онъ подождалъ.

Прошло четверть часа. У Бенедетто разгоралась голова; начинался приступъ лихорадки. Онъ откинулся на стулѣ, и на него нахлынулъ потокъ несвязныхъ мыслей:

„Богъ да проститъ ихъ всѣхъ! Какъ это узнала обо всемъ та, которая не можетъ мнѣ писать? Чего они отъ меня хотятъ? Зачѣмъ заставляютъ ждать? Какой ужасъ, если въ жару я не смогу владѣть собой и своими мыслями! Какое отвращеніе, какой позоръ—эти компромиссы и взаимныя одолженія церкви и бюрократіи! Почему никто не приходитъ? Тѣ двѣ женщины думаютъ обо мнѣ теперь, а мнѣ нельзя о нихъ думать, нельзя. Буду думать о тебѣ, ватиканскій старецъ. Ты спишь и не знаешь, что̀ теперь дѣлается со мной. Больше уже я не поднимусь по той лѣсенкѣ, не увижу твоего кроткаго лица. Но, слава Богу, я не напрасно видался съ нимъ. Что̀ я здѣсь дѣлаю? Почему я не ухожу? Какъ я уйду? Какая мучительная лихорадка!"

Онъ поднялся, увидѣлъ на часахъ, бѣлѣвшихъ въ полумракѣ, что сейчасъ пробьетъ одиннадцать. Грова продолжала бушевать, и жаръ у Бенедетто все усиливался. Еслибы хоть открыть окно и освѣжиться, подставивъ лицо подъ дождь...

Послышался электрическій звонокъ, раздались торопливые шаги въ передней. Вошелъ чиновникъ въ пальто и шляпѣ. Закрывъ за собой дверь, онъ собралъ бумаги на столѣ и сказалъ Бенедетто пренебрежительнымъ тономъ:

— Такъ помните. Вамъ дается три дня на то, чтобы уѣхать изъ Рима. Поняли?—И, не дожидаясь отвѣта, онъ нажалъ кнопку звонка. Вошелъ сторожъ, которому онъ сказалъ:

— Проводите.

Выйдя со своимъ проводникомъ на лѣстницу, Бенедетто считалъ, что теперь уже онъ свободенъ и можетъ идти, и попросилъ дать ему сначала немного воды.

— Я никакъ не могу пойти теперь за водой,—отвѣтилъ сторожъ.—Его превосходительство ждетъ. Пожалуйте сюда.

И онъ ввелъ его, къ его удивленію, въ лифтъ.

— Даже не его, а ихъ превосходительства,—прибавилъ онъ, и въ то время, какъ лифтъ поднималъ ихъ во второй этажъ, онъ смотрѣлъ на Бенедетто съ особымъ выраженіемъ лица,—какъ на человѣка, который не достоинъ оказываемой ему чести. Поднявшись во второй этажъ, они вышли и прошли черезъ большую полутемную залу. Затѣмъ Бенедетто провели въ другую комнату, освѣщенную такъ ярко, что въ первую минуту онъ былъ почти совершенно ослѣпленъ. Въ комнатѣ его ждали два человѣка. Они сидѣли на двухъ концахъ широкаго дивана. Младшій изъ нихъ засунулъ руки въ карманы и небрежно перекинулъ ногу на ногу. Старшій подался впередъ и поглаживалъ рукой свою сѣдую бороду. У перваго было саркастическое выра-

женіе лица, у второго — грустное и доброе. Старшій и, очевидно, болѣе высокопоставленный изъ двухъ, пригласилъ Бенедетто сѣсть въ кресло противъ него.

— Не думайте, милый синьоръ Майрони, — сказалъ онъ звучнымъ и сдержанно-грустнымъ голосомъ, — что мы собираемся говорить съ вами, какъ представители государственной власти. Въ настоящую минуту передъ вами два государственныхъ человѣка, которые хорошо знаютъ свое ремесло и знаютъ ему цѣну. Мы — два идеалиста, и умѣемъ идеально лгать, говоря съ людьми, которые ничего другого не заслуживаютъ; мы — демократы, но преклоняемся передъ той скрытой истиной, которой не касались потныя руки стараго демоса.

Сказавъ это, онъ снова сталъ поглаживать рукой свою сѣдую бороду и устремилъ свои зоркіе, улыбающіеся глаза на Бенедетто, ища на лицѣ его выраженія удивленія.

— Мы отчасти также люди вѣрующіе, — сказалъ онъ. И когда другой изъ сидѣвшихъ на диванѣ сдѣлалъ отстраняющій жестъ и сказалъ: „Подожди, не преувеличивай!“ — старшій продолжалъ свое: — Оставь, милый другъ. Мы оба вѣрующіе, только разно. Я вѣрю въ Бога всѣми силами, которыхъ у меня много, и поэтому Богъ всегда со мной. А ты вѣришь въ Бога всей своей слабостью, и потому Онъ будетъ съ тобой только въ часъ твоей смерти. Къ тому же, — продолжалъ онъ звучнымъ голосомъ, — я христіанинъ, но не католикъ. Я даже анти-католикъ, и разумъ у меня протестантскій. Я вижу ясные признаки разложенія въ католичествѣ и знаю, что все, что въ немъ есть жизненнаго и молодого, отходитъ отъ него. Я знаю, что вотъ вы католикъ радикальнаго лагеря, что вы другъ дѣйствительно сильнаго человѣка. Онъ самъ считаетъ себя католикомъ, но правовѣрные католики считаютъ его еретикомъ, и онъ, конечно, еретикъ. Мнѣ говорили, что вы ученикъ этого благороднаго еретика, что вы проповѣдуете реформы въ церкви и надѣетесь вліять на папу. Я не вѣрю въ возможность обновить современное папство, и потому хотѣлъ бы услышать отъ васъ, какіе у васъ планы реформъ католичества. Скажите мнѣ.

Бенедетто продолжалъ молчать.

— Говорите, — снова сказалъ старшій изъ сидѣвшихъ на диванѣ властнымъ тономъ. — Мой другъ не Иродъ, и я не Пилатъ. Быть можетъ, мы сдѣлаемся двумя апостолами вашего ученія.

Его другъ снова протянулъ впередъ руки, не поднимая головы, и опять сказалъ:

— Не увлекайся!—и прибавилъ, обращаясь къ своему другу: —Мнѣ кажется, милый мой, что твое краснорѣчіе впервые потерпѣло фіаско. Знаменитое „nihil respondit“ здѣсь примѣняется съ полной строгостью.

Бенедетто вздрогнулъ, придя въ ужасъ отъ сопоставленія съ божественнымъ учителемъ и боясь казаться подражателемъ ему. Онъ забылъ о лихорадкѣ, о жаждѣ, о головной боли.

— О, нѣтъ!—воскликнулъ онъ:—я буду отвѣчать. Вы говорите, что вы не Пилатъ, а именно обращаетесь ко мнѣ съ вопросомъ Пилата: „quid est veritas?“... А между тѣмъ вы не способны воспринять истину, какъ не былъ способенъ Пилатъ.

— Вотъ какъ!—воскликнулъ его собесѣдникъ.—Почему же?

Другъ его сталъ громко смѣяться.

— Потому что кто способствуетъ сгущенію мрака, тотъ гаситъ свѣтъ и для себя. Вы создаете мракъ. Мнѣ не трудно сообразить, что вы министръ внутреннихъ дѣлъ,—я васъ знаю потому, чтò о васъ говорятъ. Вы не созданы для мрака, въ вашихъ дѣйствіяхъ есть много свѣтлаго, въ душѣ вашей много доброты и истины. Но теперь вы содѣйствуете темному дѣлу. Я въ эту ночь здѣсь только потому, что вы согласились на постыдную сдѣлку. Вы говорите, что преклоняетесь передъ истиной, вы спрашиваете у брата, обладаетъ ли онъ истиной, а сами не говорите, что уже продали его.

Въ то время, какъ говорилъ Бенедетто, другъ и младшій сотрудникъ министра поднялъ наконецъ голову со спинки дивана. Только теперь, казалось, онъ удостоилъ своего вниманія Бенедетто и его слова. Его, видимо, забавляло, что начальникъ его нарвался на рѣзкій отвѣтъ. Онъ очень высоко цѣнилъ умъ министра, но высмѣивалъ въ то же время про себя его идеалистическія стремленія. Министръ въ первую минуту былъ ошеломленъ, потомъ вскочилъ и сталъ кричать:

— Вы лжете! Какъ вы смѣете говорить такія дерзости? Вы не заслуживаете моей доброты. Я васъ не продавалъ, вы ничего не стòите, я васъ даромъ отдамъ. Уходите, уходите прочь!

Онъ сталъ искать кнопку электрическаго звонка, и, не находя ее, въ ослѣпленіи гнѣва сталъ громко звать сторожа.

Товарищъ министра привыкъ къ такимъ вспышкамъ своего очень добраго въ сущности начальника и посмѣивался, слушая его. Но когда министръ сталъ звать сторожа, онъ сталъ его успокаивать; ему не хотѣлось, чтобы явились свидѣтели этой сцены и вышли бы потомъ какія-нибудь непріятности. Онъ сурово сказалъ Бенедетто:—Уходите!—Министръ гнѣвно шагалъ

по комнатѣ, съ трудомъ сдерживаясь, чтобы не топать ногами, какъ взбѣшенный ребенокъ.

Бенедетто не послушался. Онъ продолжалъ стоять, выпрямившись, съ строгимъ и властнымъ видомъ; министръ невольно обернулся къ нему и посмотрѣлъ ему прямо въ глаза.

— Господинъ министръ,—сказалъ онъ, — я скоро уйду не только изъ этого дворца, но, кажется, и изъ этого міра. Я васъ больше не увижу; выслушайте же меня въ послѣдній разъ. Будетъ время, когда вы отвѣтите за свои дѣла,—приготовьтесь къ отвѣту добрыми дѣлами. Каковы бы ни были ваши заблужденія, въ душѣ вашей есть вѣра — направьте ее на добро. Я не буду защищать передъ вами католичество, когда вы объявляете себя протестантомъ. Я говорю съ вами, какъ съ представителемъ свѣтской власти, и не прошу васъ быть защитникомъ католической церкви. Я требую только, чтобы во имя того, чтò вы называете свободой мысли и слова, вы не служили ложнымъ богамъ, допуская компромиссы совѣсти, добиваясь расположенія папы, въ котораго вы не вѣрите. Я говорю именно о васъ и о другихъ подобныхъ вамъ, которые считаютъ себя честными людьми только потому, что они не присвоиваютъ себѣ государственныхъ суммъ, и считаютъ себя людьми нравственными, потому что не предаются чувственнымъ наслажденіямъ. Но вы потворствуете гораздо болѣе развращеннымъ вкусамъ. Вы поклоняетесь самимъ себѣ, наслаждаетесь своей властью и своими почестями, приносите этимъ кумирамъ человѣческія жертвы и взаимно поклоняетесь кумиру власти другъ друга въ цѣляхъ самовозвеличенія. Самые чистые изъ васъ виновны, по меньшей мѣрѣ, въ такомъ попустительствѣ. Вы потворствуете интригамъ, считаете себя неподкупными и подкупаете другихъ, раздаете даромъ общественныя деньги людямъ, продающимъ вамъ свою совѣсть. Вы презираете низость и развиваете ее въ подчиненныхъ вамъ. И вторая ваша вина—ложь, которую вы считаете необходимымъ зломъ. Вы лжете народу, лжете парламенту, лжете врагамъ и друзьямъ. Я знаю, что многіе изъ васъ никогда не солгутъ въ частной жизни; они съ отвращеніемъ надѣваютъ одежду лжи—только при исполненіи своихъ общественныхъ обязанностей. Вы вѣрите въ Бога и думаете, вѣроятно, что наибольшій вашъ грѣхъ передъ Богомъ—борьба съ церковью во имя государственныхъ интересовъ. Но не это—самое худшее. Еслибы въ парламентѣ и во главѣ правительства были убѣжденные атеисты, которые возставали бы противъ того, чтò имъ кажется ложью во имя своей истины, они были бы угоднѣе Богу, чѣмъ вы, для

которыхъ Богъ — идолъ, а не духъ истины, — чѣмъ вы, которые смѣете говорить о разложеніи католичества въ то время, какъ вы сами изъѣдены ложью, гніете во лжи. Вы заражаете воздухъ вокругъ себя, такъ что трудно дышать въ вашей близости. А между тѣмъ у васъ вѣрующая душа, господинъ министръ, и не говорите мнѣ, что въ этомъ дворцѣ нельзя служить Богу...

— Знаете-ли...—гнѣвно воскликнулъ министръ и скрестилъ руки на груди. Но его другъ протянулъ руку, останавливая его.

— Тише, тише!—сказалъ онъ.— Позвольте мнѣ поговорить съ нимъ; мнѣ это интересно.

Товарищъ министра, маленькій, кругленькій человѣкъ, преисполненный сознаніемъ своей важности, пришелъ только изъ любезности къ министру; онъ не раздѣлялъ его интеллектуальной любознательности. Министръ любилъ озарять лучами своего блестящаго ума окружающихъ, а его подчиненный и другъ умѣлъ отражать сіяніе министерскаго ума, за что министръ въ свою очередь не отказывалъ ему въ признаніи его умственной силы. Министръ желалъ, чтобы онъ присутствовалъ при этой бесѣдѣ, не предполагая, что этотъ маленькій Меркурій его планетной системы питаетъ настоящую глубокую злобу ко всему высокому, ко всему духовному, мѣшающему предаваться съ полнымъ спокойствіемъ и убѣжденностью мелкимъ матеріальнымъ интересамъ. Теперь эта ненависть сказалась въ его отповѣди Бенедетто.

— Зачѣмъ вы такъ распространяетесь, милый мой, — сказалъ онъ снисходительно-пренебрежительнымъ тономъ, — объ истинныхъ и ложныхъ богахъ? Не знаю, насколько истиненъ вашъ богъ, но во всякомъ случаѣ онъ не разуменъ, создавъ міръ такимъ, какъ онъ есть, и внушивъ намъ потомъ желаніе сдѣлать его инымъ. Вы позволили себѣ осыпать обвиненіями и клеветами политическихъ дѣятелей. Ваши обвиненія становятся клеветами въ особенности въ примѣненіи къ этому синьору и ко мнѣ. Но я согласенъ съ вами, что политика—не подходящее занятіе для святыхъ. Это уже такъ устроено тѣмъ, кто создалъ міръ, — предъявляйте претензіи къ нему. Но вѣдь нужно, чтобы кто-нибудь исполнялъ и это дѣло. Вотъ мы и исполняемъ его, такъ какъ мы не святые. Но вы видите, по крайней мѣрѣ, что мы относимся очень терпимо къ святымъ.

Онъ взглянулъ на часы.

— Уже поздно,— сказалъ онъ,— и святымъ опасно ходить ночью по римскимъ улицамъ. Я совѣтую вамъ скорѣе отправиться домой.—Онъ протянулъ руку къ звонку, чтобы позвать сторожа.

— Господинъ министръ,—воскликнулъ Бенедетто такъ громко

и властно, что товарищъ министра остановился съ протянутой рукой.—Вы считаете, что наибольшую опасность для государства представляютъ анархисты. Но бойтесь гораздо больше своихъ товарищей, презирающихъ Бога. Если анархисты—лихорадка въ государственномъ организмѣ, то глумители Бога—гангрена.— Что касается васъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ товарищу министра,— то вы смѣетесь надъ Тѣмъ, Кто молчитъ. Бойтесь Его молчанія!

Ни одинъ изъ двухъ сановниковъ не произнесъ ни слова и не сдѣлалъ ни одного жеста. Бенедетто вышелъ изъ комнаты.

Онъ спустился съ лѣстницы, весь дрожа отъ волненія, среди котораго у него вырвались изъ глубины сердца грозныя обвиненія. У него былъ сильный жаръ, дрожали ноги, и онъ долженъ былъ держаться за перила, чтобы не упасть. Дойдя до низу лѣстницы, онъ прижалъ лобъ къ колоннѣ, чтобы освѣжиться, но отшатнулся, чувствуя ненависть къ камнямъ этого дворца, гдѣ заключался низкій торгъ между служителями церкви и свѣтскими властями. Онъ сѣлъ у входа на ступеньку, не глядя на зажженные фонари коляски, которая стояла въ двухъ шагахъ отъ него; это была, очевидно, коляска министра. Онъ вздохнулъ нѣсколько свободнѣе на воздухѣ и почувствовалъ, что ему хочется плакать надъ грустной ослѣпленностью міра и надъ своимъ собственнымъ одиночествомъ. Только она, женщина изъ его грѣшнаго прошлаго, думала о немъ, охраняла его и дѣйствовала. Другіе друзья его, преданные его религіозному ученію, спали и спятъ. Онъ чувствовалъ острое наслажденіе, думая о томъ, какъ его забыли друзья. Ему пріятно было хоть одинъ разъ испытать до конца жалость къ себѣ и представлять себѣ свою участь еще болѣе печальной и горькой, чѣмъ она была въ дѣйствительности. Всѣ были противъ него. Онъ одинъ, одинъ... И дѣйствительно ли такъ крѣпка его внутренняя опора, какъ онъ полагаетъ? Что если тотъ человѣкъ наверху, тотъ умный министръ, правъ, и католичество, дѣйствительно, неисцѣлимо? Неужели же Господь, которому онъ служилъ, и который теперь каралъ его тѣло и отдалъ его во власть его враговъ, покинетъ и душу его? Смертельная мука! Ему хотѣлось умереть и успокоиться.

Онъ услышалъ сверху голоса министра и его товарищей, спускавшихся внизъ по лѣстницѣ. Бенедетто сдѣлалъ усиліе и поднялся, добрался кое-какъ до улицы и увидѣлъ тамъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ, еще одну карету. При свѣтѣ газа онъ узналъ ливрею слугъ Десалей, и въ его больномъ мозгу

мелькнула мысль, что, быть можетъ, Жанна ждетъ его въ каретѣ. Онъ отступилъ на шагъ назадъ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ.

Карета подъѣхала къ нему. Бенедетто показалось, что онъ видитъ Жанну, что его приглашаютъ сѣсть рядомъ съ нею, и что онъ не имѣетъ силы сопротивляться; у него закружилась голова, и онъ навѣрное упалъ бы, еслибы его не поддержалъ лакей. Самъ не зная какъ, онъ очутился въ каретѣ, гдѣ его слѣпилъ свѣтъ и оглушалъ шумъ въ ушахъ. Придя въ себя, онъ увидѣлъ, что онъ одинъ, и что прямо передъ нимъ горитъ ацетиленовая лампочка. Дверца справа была открыта, и слуга спрашивалъ его, куда его везти? Конечно, въ виллу профессора Майда. Онъ попросилъ затушить свѣтъ. Слуга тушитъ и говоритъ ему о какомъ-то письмѣ. Бенедетто не понимаетъ. Слуга говоритъ, что синьора положила записку въ мѣшечекъ въ каретѣ и велѣла сказать объ этомъ синьору. Слуга беретъ какое-то письмо и кладетъ Бенедетто въ карманъ. Потомъ онъ спрашиваетъ, исполняя отданное ему распоряженіе, какъ здоровье синьора? Вѣроятно, если бы онъ увидѣлъ Бенедетто мертвымъ, то все же съ добросовѣстностью исполнилъ бы приказаніе и спросилъ о его здоровьи. Бенедетто проситъ воды; слуга приноситъ стаканъ воды изъ сосѣдняго кафе, и наконецъ они ѣдутъ. Бенедетто пріятно ѣхать на мягкихъ резиновыхъ шинахъ въ тишинѣ и темнотѣ. Отъ времени до времени, справа и слѣва, на него падаютъ яркіе лучи; онъ страдаетъ отъ ихъ свѣта — ему кажется, что эти огни враждебны ему. Потомъ опять наступаетъ темнота, и Бенедетто смотритъ съ облегченіемъ во мракъ. Ему лучше. Жаръ, усилившійся отъ переутомленія и волненій бурной ночи, спалъ. Теперь только онъ чувствуетъ, что карета пропитана запахомъ любимыхъ духовъ Жанны. Онъ живо вспоминаетъ возвращеніе съ нею изъ Праліи, особенно съ того момента, какъ она ушла и онъ остался одинъ въ коляскѣ, пропитанной ея запахомъ.

Взволнованный живостью воспоминаній, онъ прижалъ руки къ груди, стараясь внутреннимъ усиліемъ воли вырвать изъ сердца воскресшій въ немъ образъ. Но онъ не въ силахъ бороться съ воспоминаніями. Онъ чувствуетъ, что только она, Жанна, дѣйствительно любитъ его и страдаетъ его страданіями. Онъ слышитъ ея голосъ, ея жалобы на то, что онъ не любитъ ее, слышитъ, какъ она поетъ одну пѣсню Сенъ-Санса,—ту, про которую она говорила когда-то, что никто бы не отказалъ ни въ чемъ, если бы его молили звуками такой пѣсни. Ему захо-

тѣлось убѣжать далеко и навсегда изъ языческаго, лицемѣрнаго Рима. Ему рисовались мирныя, чистыя бесѣды съ женщиной, которую онъ надѣялся обратить къ истинной вѣрѣ. Ему страстно хотѣлось сказать Господу: „слишкомъ грустенъ этотъ міръ; позволь поклоняться Тебѣ въ тиши!“ Ему думалось, что онъ не виноватъ въ томъ, что отказывается отъ своей миссіи, очутившись передъ лицомъ столькихъ враговъ, и въ немъ возникло сомнѣніе, дѣйствительно ли есть у него миссія, и не жертва ли онъ иллюзій и грезъ? Передъ нимъ возникали лица его друзей и послѣдователей въ странно искаженномъ видѣ, и онъ чувствовалъ, что на нихъ нельзя возлагать никакихъ надеждъ... И опять онъ сталъ чувствовать безконечную жалость къ себѣ, и сталъ нѣжно и кротко жаловаться Богу и жалѣть всѣхъ, кто любитъ и страдаетъ на землѣ.

Карета остановилась у перекрестка; слуга сошелъ съ козелъ и подошелъ къ калиткѣ. Ни онъ, ни кучеръ, повидимому, не знали съ точностью, гдѣ находится вилла профессора Майда. Справа спускалась между двумя стѣнами маленькая дорожка. Слуга спросилъ, сойдетъ ли здѣсь синьоръ, чтобы пройти пѣшкомъ въ виллу Майда? Нѣтъ, эта дорожка не вела туда, но Бенедетто хотѣлъ во всякомъ случаѣ выйти поскорѣй изъ этой отравленной кареты. Онъ пошелъ, едва держась на ногахъ, и дошелъ до монастыря св. Ансельма, думая попросить пріюта у монаховъ; но потомъ онъ раздумалъ, со вздохомъ прошелъ мимо дверей тихой обители и кое-какъ дотащился до рѣшетки виллы Майда.

Садовникъ вышелъ открыть ему, уже полу-раздѣтый, и сильно удивился при видѣ его. Онъ предполагалъ, что Бенедетто въ тюрьмѣ, потому что въ девять часовъ явился полицейскій и спрашивалъ, гдѣ онъ. Синьора, невѣстка профессора, узнавъ объ этомъ, велѣла не впускать его, если онъ вернется; но потомъ, къ великой радости садовника, который любилъ Бенедетто и хозяина, и терпѣть не могъ его невѣстки, профессоръ отмѣнилъ приказаніе синьоры. Услышавъ все это, Бенедетто хотѣлъ сейчасъ же уйти дальше, но у него не хватило силъ; онъ не могъ бы сдѣлать и сотни шаговъ дальше.

— Я останусь только на эту ночь,—сказалъ онъ.

Онъ занималъ комнатку въ домѣ садовника и надѣялся, что къ нему вернется душевное спокойствіе, когда онъ войдетъ къ себѣ въ комнатку. Но онъ ошибся. Онъ сталъ съ горечью думать о томъ, что его уже гонятъ и отсюда. Онъ съ печалью посмотрѣлъ на свою скромную постель, на книги и кое-какія

вещи, устремилъ глаза на висѣвшее надъ постелью Распятіе и простоналъ, дѣлая усиліе воли:

— Почему я такъ жалуюсь, Господи, на тяжесть креста?

Напрасно; въ душѣ его не было живого чувства Христа и любви къ крестной ношѣ. Онъ сидѣлъ въ отчаяніи, не хотѣлъ лечь въ постель въ такомъ состояніи, и все ждалъ смиренія, которое не приходило.

Рѣзкій порывъ вѣтра заставилъ его повернуть голову къ открытому окну. Онъ увидѣлъ ясное небо, черную верхушку пирамиды Цестія и верхушки кипарисовъ, окружавшихъ могилу Шелли. Вѣтеръ ревѣлъ вокругъ маленькаго домика. Онъ вспомнилъ ночь въ сумасшедшемъ домѣ, гдѣ умерла его жена.

Откинувъ печально голову на спинку, онъ вдругъ вспомнилъ про письмо, которое ему далъ слуга, и вынулъ его изъ кармана. Это былъ большой конвертъ съ темной каймой. Онъ открылъ его и прочелъ извѣщеніе о смерти своей старой тещи, маркизы Ненны Скреминъ, и въ концѣ два слова: „In pace“.

Онъ долго держалъ раскрытое извѣщеніе въ рукахъ, глядя на два конечныхъ слова. Потомъ руки его стали дрожать, дрожь поднялась выше, къ груди, къ горлу, и разразилась рыданіями. Онъ плакалъ, вспоминая все связанное съ именемъ старой маркизы, которая навѣрное умерла съ твердой вѣрой въ Христа,—какъ и его бѣдная Элиза. Онъ плакалъ отъ благодарности къ той, которая наполняла нѣжностью его сердце и послѣ своей смерти, и потомъ, успокоенный, подошелъ къ открытому окну и поднялъ глаза къ небу, на которомъ сіяла луна.

XIII.

Жанна.

Маленькая группа рабочихъ шла около полудня съ постройки на via Galvani по направленію къ via della Marmorata. Подъ деревьями, а также у дверей и оконъ въ двухъ послѣднихъ домахъ направо и налѣво, толпились люди, и одинъ рабочій, который шелъ позади другихъ, сказалъ громко своимъ спутникамъ:

— Сколько дураковъ на одного мошенника!

Бородатый человѣкъ, стоявшій у порога одной лавки, услышалъ его и разсердился. Они обмѣнялись ругательствами и полѣзли въ драку. Къ нимъ присоединились другіе, поднялся крикъ,

прибѣжала полиція, и въ одну секунду улица наполнилась невообразимымъ гамомъ. Толпа, собравшаяся изъ-за происшествія, не понимала, въ чемъ дѣло, и ругала всѣхъ — рабочихъ, полицію, прохожихъ. Вдругъ раздался слухъ, пущенный ради шутки кондукторомъ проѣзжавшаго трамвая, что святой изъ Дженнэ теперь на via Galvani. Всѣ кинулись туда, но оказалось, что это не вѣрно. Вдругъ кто-то увидѣлъ людей, быстро спускавшихся изъ монастыря св. Ансельма. Опять стали кричать, что это люди изъ виллы Майда, и что они знаютъ, гдѣ Бенедетто. Но оказалось, что и отъ нихъ ничего нельзя узнать. Прошелъ отрядъ солдатъ, и вслѣдъ за ними раздались свистки и возбужденные крики: „Они навѣрное знаютъ, они его увели!" — „Нѣтъ, — крикнула торговка фруктами на углу, — его забрала полиція". Вокругъ торговки собралась кучка людей и возмущалась тѣмъ, что свидѣтели ареста не отбили Бенедетто у полиціи, а разбѣжались, испугавшись грозы. Тутъ была и старуха, которая привела Бенедетто къ больному. Она въ сотый разъ разсказывала исторію ареста, умиляясь каждый разъ заново поведеніемъ Бенедетто, тѣмъ, что онъ принесъ розы больному, и говорила о томъ, какое у него кроткое лицо и какой онъ на видъ больной. Слушатели въ свою очередь разсказывали каждый цѣлыя исторіи, выхваливая святого. Говорили о случаяхъ чудеснаго исцѣленія, совершеннаго имъ, о его взглядѣ, который трогаетъ самъ по себѣ больше всякихъ словъ, о томъ, какъ онъ дѣлится послѣднимъ съ бѣдными. Скопленіе народа все увеличивалось. Любопытствующіе подходили, спрашивали, въ чемъ дѣло, и опять кто-нибудь разсказывалъ о дженнэнскомъ святомъ, который творилъ чудеса, всѣхъ исцѣлялъ — и котораго теперь полиція забрала неизвѣстно почему. Говорили, что его потомъ выпустили, что онъ вернулся въ домъ, гдѣ жилъ садовникомъ, но что тамъ не даютъ теперь никакихъ свѣдѣній о немъ. Все это, какъ передавалось въ толпѣ, волнуетъ народъ, и хотятъ даже... Но вотъ проходитъ трамвай, и нѣсколько пассажировъ дѣлаютъ знаки толпѣ. Кучка людей бѣжитъ къ слѣдующей стоянкѣ, — такъ какъ оказывается, что въ трамваѣ вернулась депутація изъ шести человѣкъ, поѣхавшая узнать въ полиціи о судьбѣ святого. Толпа тѣснится вокругъ депутатовъ, но у нихъ печальный видъ. Въ отвѣтъ на вопросы со всѣхъ сторонъ они просятъ успокоиться, обѣщая все разсказать — только не здѣсь, не на улицѣ. Толпа требуетъ объясненій, слышатся гнѣвные возгласы; главный изъ депутатовъ, табачникъ, обращается къ толпѣ, взобравшись на плечи своихъ товарищей, и старается успокоить общее волненіе.

но крики и ругательства продолжаются, начинается полнѣйшій хаосъ, является полиція, раздаются свистки, толпа разбѣгается и члены депутаціи укрываются въ сараѣ при постройкѣ. За ними слѣдуетъ публика, и главный ораторъ, табачникъ, начинаетъ говорить съ такимъ видомъ, точно сейчасъ раскроетъ ужасы, отъ которыхъ рушится мірозданіе. И все это происходитъ на виду пирамиды Цестія, которая равнодушно присутствуетъ при смѣнѣ вѣковъ, въ ожиданіи грядущаго опустошенія и полной тишины.

Ораторъ говоритъ ровнымъ голосомъ, обращаясь къ аудиторіи человѣкъ въ тридцать. Онъ говоритъ, что дженнэнскій святой навѣрное не въ тюрьмѣ, но гдѣ онъ—неизвѣстно. Зато извѣстно многое другое,—и онъ говоритъ, что̀ именно. Если бы онъ это сказалъ, выйдя изъ трамвая, его разорвали бы въ клочья. Оказывается, что въ полиціи смѣются надъ святымъ и надъ тѣми, кто въ него вѣритъ. Говорятъ, что онъ состоитъ въ любовной связи съ одной очень богатой дамой, что ночью его допрашивалъ директоръ департамента полиціи, по поводу очень неблаговидныхъ слуховъ о немъ, и что когда онъ вышелъ изъ департамента, его пріятельница ждала его въ каретѣ и уѣхала съ нимъ.

— Я не хотѣлъ вѣрить,—проговорилъ въ заключеніе ораторъ,—но вотъ пусть онъ скажетъ.

Одинъ изъ шести депутатовъ, трактирщикъ, сообщаетъ, что жена его слышала среди ночи, какъ остановилась неподалеку карета. Она встала и увидѣла изъ окна карету съ кучеромъ и ливрейнымъ лакеемъ. Изъ кареты вышелъ господинъ и пошелъ пѣшкомъ въ монастырь св. Ансельма. Она узнала въ немъ дженнэнскаго святого. А утромъ, часовъ въ шесть, она увидѣла наемную карету, которая направлялась къ монастырю св. Ансельма, и потомъ вскорѣ вернулась. Въ ней сидѣлъ дженнэнскій святой. Все это она готова была подтвердить подъ присягой.

Нѣкоторые изъ слушателей сейчасъ же побѣжали распространять эти сенсаціонныя новости по всему кварталу, и пока трактирщикъ и другіе члены депутаціи вмѣстѣ съ остальной публикой стояли еще въ сараѣ, на улицѣ сталъ толпиться народъ, и къ гостинницѣ направилась кучка людей, за которой шли два полицейскихъ.

Они вошли во дворъ. Трактирщица разговаривала подъ навѣсомъ съ однимъ изъ посѣтителей. Ее стали разспрашивать о всѣхъ подробностяхъ того, что̀ она уже разсказала мужу. Она отвѣтила наконецъ, что не помнитъ всѣхъ мелочей, — ей не-

охота была разговаривать съ людьми, которые отнимали у нея время, не заказывая ничего. Двумъ желѣзнодорожнымъ рабочимъ, сидѣвшимъ за однимъ изъ столиковъ подъ навѣсомъ, надоѣлъ этотъ допросъ. Одинъ изъ нихъ подозвалъ трактирщицу и громко сказалъ:

— Чтò имъ собственно нужно знать? Я видѣлъ человѣка, котораго они ищутъ. Онъ уѣхалъ сегодня утромъ въ восемь часовъ съ какой-то молодой дѣвушкой по направленію къ Пизѣ.

Всѣ обратились къ рабочему и стали его разспрашивать. Онъ еще разъ повторилъ, что дженнэнскій святой навѣрное уѣхалъ въ восемь часовъ во второмъ классѣ съ хорошенькой блондинкой. Публика стала понемногу расходиться. Когда трактиръ опустѣлъ, къ желѣзнодорожному рабочему подошелъ переодѣтый полицейскій агентъ и спросилъ, увѣренъ ли онъ въ достовѣрности сообщеннаго имъ извѣстія.

— Да я понятія ни о чемъ не имѣю—отвѣтилъ онъ.—Я все это сказалъ, чтобы успокоить публику и разогнать всѣхъ къ чорту,—надоѣли они мнѣ!

— Такъ куда же онъ поѣхалъ на самомъ дѣлѣ?—спросила трактирщица.

— Пойди поищи его въ погребѣ. А не найдешь, такъ захвати оттуда еще бутылку вина. Эта уже пуста, а мы еще не утолили жажды.

— Если такъ будетъ продолжаться,—воскликнулъ Карлино, когда сестра его приказала дѣвушкѣ принести ей одѣться,—если ты меня будешь оставлять по цѣлымъ днямъ одного, я клянусь тебѣ, что мы немедленно вернемся въ виллу Діедо. Тамъ, по крайней мѣрѣ, тебѣ некуда будетъ ходить.

— Я пригласила къ тебѣ Чіеко, — сказала она.— Сегодня въ два часа онъ будетъ играть у королевы, и потомъ заѣдетъ къ тебѣ. Прощай.

И она вышла, не давая брату времени отвѣтить. Ее ждала коляска. Она дала кучеру адресъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ и сѣла въ коляску.

Была суббота. Уже нѣсколько дней Жанна не могла ни спать, ни ѣсть. Во вторникъ вечеромъ она узнала отъ синьоры Альбачина объ интригѣ, которая велась противъ Пьеро, и о томъ, что ея мужа, товарища министра, министръ просилъ присутствовать при бесѣдѣ съ человѣкомъ, котораго такъ боялась и такъ ненавидѣла партія непримиримыхъ въ Ватиканѣ. Жанна

поспѣшила къ Ноэми, заставила ее написать записку Бенедетто, телефонировала одному молодому секретарю, своему поклоннику, чтобы онъ пришелъ въ „Грандъ-Отель“, поручила ему доставить записку по назначенію,—въ виллу Майда было уже поздно посылать. Жанна узнала также отъ Ноэми, что у Пьеро не прекращается лихорадка, и рѣшила послать въ министерство свою карету съ лакеемъ, который зналъ Майрони еще съ виллы Діедо. Это было неосторожно,—но Жаннѣ было все равно. Ее тревожила только мысль о его здоровьи. Извѣщеніе о смерти маркизы Ненне пришло въ тотъ же вечеръ съ послѣдней почтой. Она хотѣла, чтобы Пьеро получилъ его тотчасъ же для того, чтобы онъ могъ въ этотъ же вечеръ помолиться за упокой души умершей. Жанна страннымъ образомъ внутренно сливалась съ нимъ, забывая себя и свое безвѣріе, чувствуя только то, что̀ долженъ былъ чувствовать и желать Пьеро съ его вѣрующей душой. Въ ту же ночь слуга доложилъ ей о томъ, что исполнилъ всѣ ея приказанія. Онъ сказалъ, что у Майрони видъ мертвеца. Она пришла въ полное отчаяніе. Она знала о разногласіи между профессоромъ Майда и его невѣсткой, знала, что профессора часто отзываютъ изъ Рима, и считала его хорошимъ хирургомъ, но вовсе не спеціалистомъ по внутреннимъ болѣзнямъ; кромѣ того, она была увѣрена, что въ его отсутствіе его молодая невѣстка не будетъ въ достаточной мѣрѣ заботиться о больномъ. Она знала также, что директоръ департамента полиціи предложитъ Майрони уѣхать изъ Рима не позже, чѣмъ черезъ три дня. Нѣтъ, невозможно оставить Пьеро въ виллѣ профессора Майда. Необходимо увезти его куда-нибудь въ другое мѣсто, гдѣ его не найдетъ полиція, гдѣ бы за нимъ ухаживали какъ слѣдуетъ, и гдѣ бы его могъ пользовать хорошій врачъ.

Она и не подумала о томъ, чтобы посовѣтоваться съ Сельва, и даже не сказала Ноэми о своемъ намѣреніи послать коляску въ министерство. На минуту ей пришло въ голову, что Пьеро могли бы пріютить у себя Сельва, но она сейчасъ же отвергла эту мысль. Дружба Пьеро съ Сельва была слишкомъ извѣстна, и у нихъ его бы сейчасъ же разыскали. За этимъ практическимъ соображеніемъ скрывалась скрытая ревность къ Ноэми, ревность особаго рода—не острая, не пламенная, такъ какъ Ноэми любила Пьеро совсѣмъ другой любовью, но еще болѣе мучительная: Жанна чувствовала, что Пьеро могъ скорѣе принять мистическое чувство Ноэми, на которое она, Жанна, не была способна. И еще болѣе мучило ее, что у нея не было

собственно повода въ чемъ-либо упрекать подругу. Она придумала другое мѣсто, гдѣ можно было бы укрыть Пьеро—домъ одного стараго сенатора, близкаго друга ея отца, человѣка очень религіознаго и большого приверженца Майрони. На этомъ планѣ она и остановилась. Но для того, чтобы сенаторъ пріютилъ у себя въ домѣ больного человѣка, которому грозитъ опасность ареста, она должна объяснить ему причину своего участія въ немъ. Она не принадлежала къ числу послѣдователей Пьеро, и сенаторъ не имѣлъ понятія объ ея прошломъ. Но онъ зналъ Ноэми. Онъ и былъ тотъ сѣдовласый старикъ, который являлся на собранія, гдѣ проповѣдывалъ Бенедетто. Ноэми и онъ часто встрѣчались въ „катакомбахъ". Жанна ему тотчасъ же написала, прося исполнить ея просьбу ради Ноэми, которая не рѣшается сама обратиться къ нему. Она объяснила, что необходимо увезти Майрони изъ виллы профессора Майда, гдѣ его здоровью грозитъ серьезная опасность. О возможности ареста она умолчала. Она прибавила, что необходимо торопиться въ виду серьезнаго положенія больного, и попросила сенатора, въ случаѣ, если онъ согласенъ исполнить ея просьбу, дать подателю письма записку Пьеру Майрони, въ которой сенаторъ предложилъ бы ему переѣхать къ себѣ. Въ заключеніе, она просила позволенія заѣхать къ сенатору въ теченіе дня, чтобы поговорить обо всемъ лично. Пока она просила никому ничего не говорить. Потомъ она написала Ноэми, предупредила ее обо всемъ, что сдѣлала отъ ея имени, и поручила ей попросить Сельва, чтобы онъ повезъ самъ записку сенатора — если тотъ дѣйствительно пришлетъ приглашеніе—на виллу Майда, и затѣмъ, убѣдилъ бы Майрони принять предложеніе, а профессора—отпустить его въ виду политическихъ причинъ. Написавъ эти два письма, Жанна впала въ такое состояніе прострацiи, что напугала свою дѣвушку. Та не разбудила Карлино, такъ какъ Жанна, собравъ остатки силъ, успѣла запретить ей это, но позвала доктора, который просидѣлъ всю ночь и только къ утру справился съ припадкомъ. Въ шесть часовъ утра Жанна очнулась, поблагодарила доктора и отослала его, а затѣмъ съ помощью своей преданной камеристки взялась за исполненіе своихъ плановъ. Она запечатала письма, приготовленныя наканунѣ, велѣла позвать лакея и дала ему разныя порученія: взять коляску, свезти письмо къ сенатору такому-то, передать лично и ждать отвѣта. Если ему скажутъ, что отвѣта не будетъ, пусть онъ тотчасъ же вернется въ „Грандъ-Отель" и доложитъ. Если же сенаторъ дастъ ему записку, пусть свезетъ ее вмѣстѣ съ прилагаемымъ письмомъ къ Сельва.

Черезъ часъ слуга вернулся и доложилъ, что все сдѣлано, а черезъ два часа сенаторъ увѣдомилъ запиской Жанну, что Бенедетто уже у него въ домѣ. Нѣсколько позже, пришла Ноэми и разсказала Жаннѣ, что Сельва сейчасъ же поѣхалъ на виллу Майда. Онъ не засталъ профессора, который ночью уѣхалъ въ Неаполь. Майрони тотчасъ же принялъ предложеніе сенатора. Молодой невѣсткѣ профессора Джіованни изъ предосторожности ничего не сказалъ. Майрони еще очень слабъ, но жара у него не было, и переѣздъ къ сенатору не могъ повредить ему, тѣмъ болѣе, что садовникъ бережно усадилъ его въ коляску и закуталъ ему ноги одѣяломъ. Жаннѣ показалось, хотя она далеко не была въ этомъ увѣрена, что Ноэми, выказывая полное участіе къ Пьеро, говоритъ теперь другимъ, болѣе чужимъ тономъ, чѣмъ въ прежнее время. Можетъ быть, ей хотѣлось, чтобы Пьеро пріѣхалъ къ Сельва? Жанна вполнѣ это допускала.

Со среды утромъ Жанна разъѣзжала цѣлые дни по дѣламъ Пьеро. Въ сенатѣ посмѣивались надъ сѣдовласымъ сенаторомъ, къ которому каждый день являлась и сидѣла подолгу съ нимъ въ залѣ депешъ красивая, элегантная дама. Изъ сената Жанна торопилась въ „Грандъ-Отель“, дать лекарство Карлино, оттуда—къ Сельва за свѣдѣніями о Бенедетто, а затѣмъ еще къ доктору, который лечилъ Пьеро. Она бѣгала по цѣлымъ днямъ, а по ночамъ плакала, убиваясь о томъ, что здоровье Пьеро, послѣ короткаго улучшенія, все ухудшается. Терзалась она также тѣмъ, что враги Пьеро распространяли среди друзей и учениковъ Пьеро разныя клеветы на него, и что не всѣ ихъ отвергали. Ей объ этомъ говорила Ноэми. Обвиненіямъ въ любовной связи Пьера съ Жанной никто не вѣрилъ, но многіе утверждали, что Пьеро состоитъ въ Римѣ въ тайной связи съ одной замужней женщиной, которую никто не знаетъ даже по имени. Не думали, впрочемъ, что связь эта столь преступна, какъ утверждали клеветники, а самые вѣрные приверженцы не допускали даже идеальной любви къ женщинѣ со стороны Бенедетто,—но такихъ было мало. Однажды Ноэми, передавая Жаннѣ объ измѣнѣ и охлажденіи нѣкоторыхъ послѣдователей Бенедетто, вдругъ разрыдалась. Жанна сначала нахмурилась, но увидѣла въ глазахъ подруги такую муку, что, переходя отъ гнѣвной ревности къ странному чувству нѣжности, открыла объятія и прижала Ноэми къ сердцу. Это произошло въ воскресенье вечеромъ—какъ разъ тогда, когда кончился трехдневный срокъ, по истеченіи котораго Майрони предложено было уѣхать изъ Рима. Около полудня въ субботу Жанна получила записку отъ синьоры Альбачина, жены

товарища министра. Она писала, что ждетъ Жанну у себя въ два часа. Это приглашеніе и заставило Жанну выѣхать изъ дому до двухъ, не взирая на протесты брата.

Какъ только коляска тронулась, Жанна подняла вуаль, вынула изъ муфты записку и стала вдумываться въ смыслъ написанныхъ словъ, дѣлая самыя невозможныя предположенія. Можетъ быть, рѣшили оставить Майрони въ покоѣ? Или же, напротивъ того, полиція узнала, гдѣ онъ, и рѣшила его арестовать?

Жанна была такъ погружена въ свои печальныя предположенія, что не замѣтила, какъ карета остановилась. Лакей открылъ дверцу, и она вышла. Синьора Альбачина вышла ей навстрѣчу одѣтая и сказала, что онѣ должны сейчасъ вмѣстѣ ѣхать въ коляскѣ Жанны, потому что Альбачина не могла располагать теперь своей. Она сама дала адресъ слугѣ Жанны. Адресъ былъ далекій и совершенно неизвѣстный Жаннѣ. Синьора Альбачина обѣщала объяснить все дорогой, и коляска быстро и мягко покатилась на резиновыхъ шинахъ. Вдругъ синьора Альбачина замѣтила, что забыла визитныя карточки, хотѣла вернуться, но, взглянувъ на часы, рѣшила, что некогда терять времени. Жанна горѣла нетерпѣніемъ. Куда онѣ ѣдутъ?—„Куда? къ кардиналу...“ Жанна вздрогнула, услыхавъ имя одного изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ партіи непримиримыхъ. Альбачина сказала, что ей необходимо повидать его, и что четвертью часа позже его уже не будетъ дома. Обстоятельства такъ осложнились, что ей было трудно, по ея словамъ, все объяснить въ нѣсколькихъ словахъ. Конечно, цѣль визита относится къ тому же, о чемъ донна Розетта Альбачина хлопотала вотъ уже три дня, изъ сочувствія къ ученію и къ личности дженнэнскаго святого. Она не сознавалась, однако, что хлопочетъ главнымъ образомъ оттого, что ей пріятно вести сложную интригу безъ разлада съ собственной совѣстью. Она привязалась къ Жаннѣ, встрѣтившись съ нею на водахъ, но до сихъ поръ ничего не знала объ ея прошломъ. Она подозрѣвала, что Жанна влюблена въ святого, но думала, что это—мистическая любовь, вызванная ея же разсказами о рѣчахъ Бенедетто. Она была увѣрена, что Жанна принимала участіе въ исчезновеніи Бенедетто изъ виллы Майда, что она знаетъ, гдѣ онъ укрывается, и не говоритъ только потому, что обѣщала друзьямъ хранить тайну. Жанна, дѣйствительно, не особенно довѣряла своей легкомысленной пріятельницѣ, и помня къ тому же, что она жена могущественнаго врага Пьеро, все время говорила, что не знаетъ, гдѣ онъ... Это недовѣріе Жанны обижало Розетту, которая считала, что въ сущности она, какъ жена сановника,

рискуетъ гораздо бо̀льшимъ, чѣмъ Жанна. Но, во всякомъ случаѣ, ея самолюбіе было теперь задѣто въ игрѣ, цѣлью которой было добиться права свободнаго пребыванія въ Римѣ для Бенедетто, и она твердо рѣшила настоять на своемъ.

Все это осложняло и безъ того запутанныя обстоятельства. До сихъ поръ, до пятницы вечеромъ, полиція еще не открыла мѣстопребыванія святого,—знали только, что онъ въ Римѣ. Говоря объ этомъ, Розетта остановилась на минуту, надѣясь, что Жанна ей что-нибудь скажетъ. Но нѣтъ, Жанна молчала. Тогда, продолжая говорить, она выразила предположеніе, что, можетъ быть, мужъ ея догадывается объ ея симпатіяхъ и потому не вполнѣ съ ней откровененъ. — Но нѣтъ, — прибавила она,—я этого не допускаю. Я всегда знаю по его виду, что онъ что-нибудь отъ меня скрываетъ.—Однако, на этотъ разъ донна Розетта ошиблась. Въ департаментѣ полиціи знали уже со среды, гдѣ Майрони, но скрывали это, а товарищъ министра еще менѣе довѣрялъ своей женѣ, чѣмъ довѣряла ей Жанна.

Но самыя важныя новости, которыми полна была донна Розетта, шли изъ Ватикана. Папа узналъ о дѣйствіяхъ противъ Майрони и былъ возмущенъ тѣмъ, что правительство оказываетъ содѣйствіе врагамъ Майрони,—зная къ тому же о симпатіяхъ папы къ Бенедетто. Въ Ватиканѣ мнѣнія раздѣлились. Наиболѣе непримиримые фанатики были противъ соглашенія съ правительствомъ на почвѣ взаимныхъ уступокъ. По мнѣнію ихъ главы, кардинала, къ которому ѣздила донна Розетта, слѣдовало отыскать другія средства для огражденія святого отца отъ пагубнаго вліянія раціоналиста съ мистическими порывами. Все это синьора Альбачина узнала отъ аббата Мариньи, который зло и тонко вышучивалъ всю эту интригу у нея въ салонѣ. Онъ говорилъ о томъ, какія ядовитыя обвиненія искусно распространяли эти непримиримые фанатики, одинаково возбужденные противъ несчастнаго мистическаго раціоналиста, котораго аббатъ такъ же зло вышучивалъ, какъ и его враговъ.

Были также новости и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, но донна Розетта не успѣла разсказать ихъ. Карета остановилась передъ монастыремъ, гдѣ жилъ кардиналъ. Донна Розетта вышла одна изъ коляски, такъ какъ присутствіе Жанны при бесѣдѣ съ кардиналомъ только помѣшало бы. Она нужна была ея пріятельницѣ для другого визита. Жанна осталась ждать въ каретѣ, раздосадованная тѣмъ, что, несмотря на неугомонную болтовню своей пріятельницы, она все-таки не узнала, зачѣмъ онѣ сюда поѣхали. Прошло пять, десять минутъ, и Жанной овла-

дѣвало все большее и большее безпокойство. До семи часовъ она не будетъ имѣть извѣстія отъ доктора. Еще четыре часа ожиданія... А каковъ будетъ сегодняшній бюллетень? Столько бѣготни, столько сложныхъ плановъ — а между тѣмъ... Боже, Боже, что будетъ? Она чувствовала, что рыданія подступаютъ ей къ горлу. Вотъ, наконецъ, и донна Розетта. Слуга открываетъ дверцу; она даетъ ему адресъ министерства внутреннихъ дѣлъ, садится въ карету, бросаетъ подъ ноги какую-то книжку и начинаетъ усиленно вытирать себѣ губы надушеннымъ платкомъ, говоря съ ужасомъ, что должна была поцѣловать руку у кардинала, которая показалась ей недостаточно чистой. Ну, да все равно,—хорошо, что все устроилось, какъ она хотѣла. Еслибы мужъ ея зналъ объ этомъ визитѣ—вотъ онъ былъ бы въ ужасѣ! Она поѣхала къ кардиналу—разрушать тайныя соглашенія между Ватиканомъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ, и сказать, что въ Туринѣ желаютъ, чтобы епископская вакансія была занята избранникомъ Ватикана, а не кандидатомъ Квиринала. Кардиналъ пораженъ былъ тѣмъ, что это ему говоритъ именно она, и донна Розетта старалась отшутиться, боясь сильно повредить служебной карьерѣ мужа своими сношеніями съ Ватиканомъ. Кардиналъ въ концѣ концовъ обѣщалъ, что желаніе туринцевъ будетъ исполнено, и пожурилъ ее за то, что она замужемъ за однимъ изъ самыхъ неисправимыхъ масоновъ. Онъ далъ ей книжку, гдѣ говорилось о неминуемой гибели всѣхъ франмасоновъ, и посовѣтовалъ ей заставить мужа прочесть эту книгу. Ее-то она и бросила подъ ноги, садясь въ карету.

— Станетъ мой мужъ читать такую ерунду!—сказала она.

Но какое дѣло Жаннѣ до всего этого? Ей хотѣлось скорѣе узнать о новостяхъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Теперь онѣ ѣдутъ въ министерство. Но къ кому—къ министру или къ товарищу министра? Оказалось, что къ товарищу министра, къ мужу донны Розетты. Она не говорила объ этомъ Жаннѣ до послѣдней минуты, чтобы не дать ей времени воспротивиться или же слишкомъ долго подготовляться къ разговору. Альбачина зналъ о дружбѣ своей жены съ синьорой Десаль и о томъ, что синьора Десаль въ свою очередь дружна съ Сельва, друзьями Майрони. Онъ сказалъ женѣ, что хотѣлъ бы поговорить съ ея подругой, не объясняя, однако, зачѣмъ это понадобилось ему. Онъ сказалъ, что будетъ ждать ее въ министерствѣ послѣ трехъ часовъ. Пусть жена привезетъ ее, но сама не присутствуетъ при разговорѣ. Сначала Жанна отказалась наотрѣзъ, но донна Розетта убѣдила ее перемѣнить рѣшеніе. Она не знала, какіе

планы у ея мужа, но было бы, по ея словамъ, безуміемъ не пойти къ нему и не выслушать того, что онъ скажетъ. Никакой опасности для Жанны это не представляло. Жанна согласилась, хотя ей показалось подозрительнымъ, что донна Розетта до послѣдней минуты не предупреждала ее.

Альбачина прошелъ въ кабинетъ министра. Одинъ изъ депутатовъ, находившихся въ это время въ министерствѣ, узналъ донну Розетту и предложилъ ей вызвать ея мужа. Черезъ пять минутъ Альбачина вышелъ къ ней и попросилъ Жанну пройти вмѣстѣ съ нимъ къ министру. Обѣ дамы этого не ожидали, и донна Розетта напомнила мужу, что вѣдь онъ хотѣлъ самъ говорить съ Жанной. Товарищъ министра ничуть не смутился, быстро распрощался съ женой, повелъ Жанну къ министру и представилъ ее ему. Она была нѣсколько смущена и раздосадована неожиданностью всего происшедшаго, но министръ успокоилъ ее своей почтительной вѣжливостью и уваженіемъ къ ея сдержанности. Онъ зналъ отца Жанны, банкира Десаля, и сейчасъ же заговорилъ о немъ.

— Это былъ человѣкъ,—сказалъ онъ,—у котораго было много золота въ кассѣ, но еще больше въ его чистой душѣ.— Министръ прибавилъ, что знакомство съ нимъ дало ему смѣлость обратиться теперь къ его дочери по одному дѣлу.

Когда онъ сказалъ эти слова, и еще въ то время, какъ онъ ихъ произносилъ, Жанна ясно почувствовала, что этому человѣку извѣстно ея прошлое. Она украдкой взглянула на товарища министра, и поняла по его взгляду, что и онъ знаетъ. Но взглядъ товарища министра ее раздражалъ, а взглядъ министра, напротивъ того, былъ отеческій и успокаивалъ. Министръ заговорилъ прежде всего о Джіованни Сельва, и сталъ его очень расхваливать. Онъ выразилъ сожалѣніе, что не состоитъ съ нимъ въ личныхъ отношеніяхъ, сказалъ, что ему извѣстно про дружбу Жанны съ семьей Сельва, и что потому онъ и рѣшилъ обратиться къ ней съ важнымъ порученіемъ, касающимся другого лица. И онъ сталъ говорить о Майрони, все время ставя Сельва между Жанной и Майрони, избѣгая предположенія о возможности непосредственныхъ сношеній между Майрони и Жанной. Жанна слушала его, но не могла сосредоточить свое вниманіе на его словахъ, такъ какъ занята была подготовленіемъ осторожнаго сдержаннаго отвѣта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страдала отъ присутствія маленькаго Альбачина съ его непріятнымъ Мефистофелевскимъ видомъ. Слова министра были не тѣ, которыхъ она ожидала. Онъ говорилъ мягче, чѣмъ можно было бы предположить, но ставилъ ее этимъ

въ еще болѣе неловкое положеніе. Онъ увѣрялъ ее, что говоритъ не какъ министръ, а какъ другъ, что не хочетъ играть въ прятки съ ней, а говоритъ совершенно откровенно. По его словамъ, всѣ слухи были лишены всякаго основанія: ни министры, ни магистратура, ни полиція не имѣли никакой причины заниматься синьоромъ Майрони. Онъ совершенно свободенъ, и ему нечего бояться судебныхъ преслѣдованій, такъ какъ обвиненія, вызванныя ненавистью къ нему его противниковъ, не имѣютъ никакого основанія. Министръ прибавилъ, что самъ относится сочувственно къ религіозному ученію синьора Майрони и къ его апостольской миссіи, но что синьоръ Сельва долженъ убѣдить его въ необходимости—именно въ интересахъ его миссіи—уѣхать на время изъ Рима, гдѣ у него столько враговъ; они распространяютъ про него клевету, которая вредитъ его дѣлу. Министръ счелъ нужнымъ заявить,—изъ любезности къ Жаннѣ,—что и онъ—вѣрующій человѣкъ. „Какая печальная ошибка!“ —съ горечью подумала она. Онъ выразилъ надежду, что въ будущемъ синьоръ Майрони сможетъ свободно пользоваться своимъ вліяніемъ на папу, такъ какъ есть признаки близкаго пораженія партіи непримиримыхъ. Но пока они въ силѣ, ему лучше уѣхать. Вотъ настойчивый дружескій совѣтъ, который онъ хотѣлъ бы передать Майрони черезъ посредство его друга. Согласна ли синьора Десаль переговорить съ этимъ другомъ?

Жанна совершенно растерялась, боясь довѣриться притворно дружескимъ словамъ и боясь выдать то, чего въ министерствѣ еще, быть можетъ, не знаютъ. Она невольно взглянула на товарища министра такимъ недовѣрчивымъ взглядомъ, что онъ могъ догадаться о ея недовѣріи, и рѣшилъ уйти, предварительно, однако, отмстивъ ей за ея отношеніе къ нему.

— Синьора,—сказалъ онъ съ саркастической улыбкой:—я вижу, что мое присутствіе вамъ нежелательно, и такъ какъ въ немъ нѣтъ непосредственной надобности, то я ухожу, исполняя ваше желаніе, которое считаю справедливымъ и понятнымъ. Но прежде чѣмъ уйти,—прибавилъ онъ съ такой же лукавой улыбкой,—я хочу увѣрить васъ честью, что моя жена очень вамъ предана и не выдавала васъ мнѣ ни однимъ словомъ, такъ же, какъ и я въ свою очередь не скажу ни одного слова о васъ моей женѣ.

Альбачина ушелъ, оставивъ Жанну въ величайшемъ волненіи. Боже, чего они собственно хотѣли? Чтобы она сама говорила съ Пьеро? Не подозрѣваютъ ли они, что она видается съ нимъ? Неужели они считаютъ святость Пьеро притворной? Она

сдѣлала усиліе надъ собой, чтобы сдержать волненіе, находя поддержку въ серьезномъ, грустно почтительномъ взглядѣ министра.

— Я поговорю съ синьоромъ Джіованни,—сказала она.— Но, кажется, прибавила она не совсѣмъ твердымъ голосомъ,— что синьоръ Майрони боленъ и не можетъ уѣхать.

При упоминаніи имени Майрони она почувствовала, что перемѣнилась въ лицѣ. Министръ это, очевидно, замѣтилъ и поспѣшилъ успокоить ее.

— Не думайте, синьора,—сказалъ онъ,—что вы можете повредить своими словами вашимъ друзьямъ Сельва. Прежде всего я вамъ повторяю, что синьоръ Майрони не имѣетъ основанія кого-либо опасаться, а кромѣ того я долженъ прибавить, что мы все знаемъ сами. Мы знаемъ, что онъ въ Римѣ, что онъ останется еще нѣсколько часовъ тамъ, гдѣ онъ теперь,—въ квартирѣ одного сенатора. Мы знаемъ, что онъ боленъ, но все-таки въ состояніи уѣхать. Вы можете, кстати, сказать синьору Сельва, что я предоставлю синьору Майрони черезъ посредство моего коллеги, министра путей сообщенія, отдѣльное купэ для путешествія.

Жанна чуть не прервала его вопросомъ: „почему всего нѣсколько часовъ?“—но она все-таки сдержалась и поспѣшила попрощаться, чтобы поѣхать въ сенатъ и узнать, въ чемъ дѣло.

— Можетъ быть, синьоръ Сельва не знаетъ, — сказалъ министръ, провожая ее къ выходу, — что сенаторъ ожидаетъ пріѣзда какихъ-то родственниковъ и не можетъ долѣе давать пріютъ у себя синьору Майрони. Ему это очень непріятно. Онъ очень добрый и хорошій человѣкъ. Мы вѣдь съ нимъ старые друзья.

Жанна съ ужасомъ все поняла. Въ министерствѣ рѣшили повліять на сенатора; въ угоду министерству онъ откажется дольше держать у себя Пьеро. Вотъ, значитъ, еще одна интрига противъ него. Но неужели сенаторъ поддался ихъ уговорамъ? Неужели онъ отправитъ изъ дому больного въ такомъ состояніи? Она сѣла въ коляску и поспѣшила въ сенатъ. Но тамъ ей сказали, что сенатора нѣтъ. Человѣкъ, который ей это сказалъ, имѣлъ смущенный видъ. Неужели велѣно было не допускать ее? Она не рѣшилась настаивать, и оставила карточку сенатору, съ просьбой заѣхать къ ней до обѣда. Сама она поѣхала въ „Грандъ-Отель“, вся дрожа отъ волненія. Сердце у нея сильно билось, и она отпихнула кончикомъ ноги книжку противъ масонства, забытую донной Розетой. Она очень торопилась. Было уже три-

четверти пятаго, а она должна была ежедневно давать лекарство Карлино ровно въ половинѣ пятаго.

За полчаса до ея возвращенія въ отель, туда явились Джіованни и Марія Сельва. Одновременно съ ними пришелъ молодой ди-Лейни, который тоже спросилъ синьору Десаль и обрадовался встрѣчѣ съ Сельва. Лицо у него было грустное. Узнавъ, что синьора Десаль еще не возвратилась, всѣ трое направились ждать ее въ салонъ. У супруговъ Сельва былъ еще болѣе печальный видъ, чѣмъ у ди-Лейни.

Послѣ короткаго молчанія, Марія сказала, что Жанна навѣрное скоро вернется давать лекарство брату. Ди-Лейни просилъ представить его ей, такъ какъ онъ съ нею незнакомъ, но у него есть порученіе къ ней. Оно касается всѣхъ друзей Бенедетто и въ томъ числѣ, конечно, и Сельва. Марія вздрогнула.

— Порученіе отъ него?—порывисто спросила она.—Отъ Бенедетто?

Ди-Лейни былъ пораженъ ея волненіемъ и не сразу отвѣтилъ. Наконецъ онъ сказалъ, что порученіе его не отъ Бенедетто, хотя касается именно его. Но такъ какъ синьора Десаль должна вернуться съ минуты на минуту, то лучше ужъ онъ подождетъ ея прихода, прежде чѣмъ говорить. Онъ только спросилъ совершенно невинно, почему эта синьора Десаль принимаетъ такое участіе въ судьбѣ Бенедетто, между тѣмъ какъ она никогда не появлялась на собраніяхъ, устраиваемыхъ имъ. Ея имя не было даже извѣстно приверженцамъ Бенедетто.

— Но почему вы думаете, что она принимаетъ въ немъ участіе?—спросила Марія.

— Да у меня прямое порученіе къ ней,—отвѣтилъ ди-Лейни,—и именно касающееся его. Вотъ почему я и удивляюсь.

Ди-Лейни, безгранично привязанный къ Бенедетто, никогда не вѣрилъ сплетнямъ, которыя распускали про него, и всегда горячо возмущался ими. Онъ не допускалъ въ учителѣ ни грѣшной, ни идеальной любви къ какой бы то ни было женщинѣ. Ему поэтому и въ голову не приходило подозрѣвать, что между синьорой Десаль и Бенедетто могли быть какія-нибудь тайныя отношенія, и вопросъ его былъ предложенъ совершенно невинно.

Джіованни сказалъ, что синьора Десаль, быть можетъ, еще долго не вернется, и попросилъ ди-Лейни сказать, въ чемъ дѣло. Ди-Лейни послушался и сталъ разсказывать. Онъ сказалъ, что ходилъ навѣстить Бенедетто. Подходя къ дому сенатора, онъ

узналъ двухъ переодѣтыхъ полицейскихъ агентовъ, которые прогуливались передъ домомъ. Можетъ быть, онъ ошибся,—можетъ быть, это простая случайность,—но во всякомъ случаѣ онъ отмѣчаетъ это. Какъ только онъ вошелъ, сенаторъ попросилъ его пройти къ нему въ кабинетъ. Тамъ онъ очень учтиво, но, видимо, сильно смущенный, выразилъ желаніе видѣть кого-нибудь изъ друзей своего дорогого гостя. Онъ сказалъ затѣмъ, что Бенедетто, къ счастью, теперь уже не въ жару и, повидимому, находится на пути къ выздоровленію. Онъ же, сенаторъ, получилъ телеграмму о пріѣздѣ своей старшей сестры. У него въ домѣ нѣтъ другихъ комнатъ, кромѣ его спальни и комнаты служанки, а помѣстить сестру въ гостинницѣ невозможно. Сестра уже въ дорогѣ, такъ что телеграфировать, чтобы она подождала, онъ не можетъ, и поэтому...

Сенаторъ предоставилъ ди-Лейни самому сдѣлать выводъ изъ его словъ. Ди-Лейни, освѣдомленный объ интригахъ, которыя велись противъ Бенедетто, былъ ошеломленъ. Что̀ отвѣтить? Что сенаторъ—хозяинъ въ своемъ домѣ, и можетъ поступать по своему усмотрѣнію. Въ сущности, это былъ единственный возможный отвѣтъ. Ди-Лейни попытался высказать опасеніе, что переѣздъ можетъ сильно повредить больному, но сенаторъ твердо увѣрялъ въ противномъ, утверждая, что, напротивъ того, перемѣна воздуха можетъ только послужить больному на пользу. Онъ совѣтовалъ увезти Бенедетто въ Сорренто. Такъ какъ ди-Лейни не зналъ, что̀ отвѣтить, и не двигался съ мѣста, то сенаторъ попрощался съ нимъ, попросивъ его зайти въ „Грандъ-Отель“, спросить синьору Десаль, по просьбѣ которой сенаторъ пріютилъ у себя Бенедетто, и попросить ее, чтобы она позаботилась о немедленномъ перемѣщеніи больного, такъ какъ сестра сенатора должна пріѣхать въ тотъ же вечеръ около одиннадцати часовъ.

Ди-Лейни прошелъ затѣмъ къ Бенедетто. Боже, въ какомъ состояніи онъ нашелъ его! Можетъ быть, температура и понизилась, но видъ у него былъ какъ у умирающаго. У юноши были слезы на глазахъ, когда онъ передавалъ свои впечатлѣнія. Бенедетто не зналъ, что долженъ уѣхать, и ди-Лейни сказалъ ему объ этомъ только какъ о предположеніи. Бенедетто молча взглянулъ на него, и потомъ сказалъ съ улыбкой: „Меня отправятъ въ тюрьму?“ — Тогда ди-Лейни понялъ, что человѣку съ такой сильной и ясной душой можно сразу все сказать, и передалъ ему весь разговоръ съ сенаторомъ.

— Онъ взялъ меня за руку,—продолжалъ разсказывать юноша дрожащимъ отъ волненія голосомъ,—и, гладя ее своей рукой, про-

говорилъ: „Изъ Рима я не уѣду. Но, если хочешь, я поѣду умереть къ тебѣ“. Я такъ растерялся, что у меня не хватило силы отвѣтить ему. Я самъ не зналъ, нѣтъ ли дѣйствительно опасности ареста, и не объясняется ли поведеніе сенатора тѣмъ, что Бенедетто не хотѣли арестовать у него въ домѣ. Я не зналъ, какъ перевезти его въ другое мѣсто незамѣтно отъ полиціи. Я обнялъ Бенедетто, что-то пробормоталъ и поскорѣе побѣжалъ сюда, поговорить съ синьорой Десаль. Можетъ быть, она можетъ поѣхать къ сенатору и переубѣдить его. Сельва нѣсколько разъ прерывали ди-Лейни возгласами изумленія и возмущенія. Когда онъ кончилъ свой разсказъ, они долго не могли сказать ни слова. Первая прервала молчаніе синьора Марія.

— И почему это Жанна не возвращается? — тихо проговорила она.

Она сдѣлала незамѣтный знакъ своему мужу и предложила ему пойти посмотрѣть, не вернулась ли Жанна незамѣтно для нихъ. Проходя черезъ зимній садъ, она сказала Джіованни, что слѣдуетъ объяснить ди-Лейни, кто такая синьора Десаль. Они вернулись въ салонъ и сказали, что Жанны еще нѣтъ. Джіованни отвелъ въ сторону молодого человѣка и сталъ говорить съ нимъ въ полголоса. Марія видѣла, какъ ди-Лейни поблѣднѣлъ и въ свою очередь сталъ что-то спрашивать. Въ эту минуту вошла Жанна Десаль, вся запыхавшись, съ довольнымъ, улыбающимся видомъ. Ей вручили при входѣ въ отель записку отъ доктора слѣдующаго содержанія: „Кажется, я не успѣю еще разъ заѣхать. Сегодня утромъ жара не было. Будемъ надѣяться, что припадокъ не повторится“.

Жанна поцѣловала Марію и протянула руку Сельва, который представилъ ей ди-Лейни. Она извинилась, что должна оставить ихъ всѣхъ на пять минутъ, такъ какъ ее ожидаетъ братъ. Когда она вышла, обѣщая скоро вернуться, ди-Лейни опять отошелъ въ сторону съ Сельва. Марія видѣла, что съ лица его сглаживается прежнее выраженіе ужаса. Онъ предлагалъ вопросы ея мужу, и отвѣты Джіованни его видимо успокаивали. Наконецъ мужъ ея положилъ ему руки на плечи и сказалъ ему что-то, о чемъ она догадалась и что̀ еще было тайной для Жанны. Она увидѣла въ глазахъ юноши сильное волненіе.

Пришелъ слуга и сказалъ, что синьора Десаль проситъ пройти въ ея комнаты. Въ гостинницѣ становилось очень шумно. По корридорамъ непрерывно раздавались шаги и голоса, и видъ этихъ равнодушныхъ людей, занятыхъ суетой жизни, былъ почти невыносимъ въ этотъ печальный день для Сельва и ди-Лейни.

Они прошли за слугой въ салонъ Жанны, рядомъ съ комнатой Карлино, гдѣ онъ сидѣлъ за роялемъ и аккомпанировалъ віолончелисту Чіеко. Жанна поднялась навстрѣчу друзьямъ съ улыбкой, отъ которой также, какъ отъ звуковъ простой и ясной старой итальянской музыки, у нихъ сжалось сердце. Она, видимо, нѣсколько удивилась, увидавъ ди-Лейни; она не ожидала, что онъ сдѣлаетъ ей визитъ. Сельва думали, что она проситъ ихъ на верхъ, чтобы можно было свободнѣе говорить у нея въ комнатахъ, она же предложила имъ послушать Чіеко. Правда, онъ не позволяетъ открыть дверь въ комнату, гдѣ онъ играетъ, но и при закрытой двери хорошо слышно. Джіованни тотчасъ же сказалъ ей, что ди-Лейни имѣетъ порученіе къ ней отъ сенатора.

— Поговорите съ нимъ,—сказалъ онъ,—а мы будемъ слушать музыку.

Съ этими словами онъ отошелъ отъ Жанны вмѣстѣ съ женой. Жанна поблѣднѣла отъ волненія. Сѣвъ рядомъ съ нею, ди-Лейни заговорилъ вполголоса.

Віолончель и рояль играли варіаціи на нѣжную пасторальную тему, и подъ эти полуигривые, нѣжные звуки Жанна слушала, опустивъ глаза, своего собесѣдника. Когда онъ кончилъ, она подняла безконечно-скорбный взглядъ на Сельва и его жену, безмолвно спрашивая ихъ, знаютъ ли также и они,—и прочла въ ихъ печальномъ взглядѣ утвердительный отвѣтъ. Въ музыкѣ послышался переходъ къ ясной радости, и Марія воспользовалась громкими звуками и шепнула мужу:

— Какъ ты полагаешь, передалъ ли онъ ей слова Бенедетто о его желаніи умереть въ Римѣ?

Джіованни отвѣтилъ, что онъ все-таки надѣется на благополучный исходъ болѣзни. Жанна подозвала къ себѣ Сельва и спокойно сказала, подъ звуки музыки изъ сосѣдней комнаты, что сенаторъ, вѣроятно, хотѣлъ извѣстить ихъ, а не ее, и что пусть они сообразятъ, что̀ теперь слѣдуетъ сдѣлать.

Музыка замолкла, и послышался громкій разговоръ Карлино съ Чіеко. Ди-Лейни, продолжая разговоръ, предложилъ перевести больного къ себѣ. Но что̀ если туда явятся арестовать его,—можетъ быть, ждутъ только удаленія Бенедетто изъ сенаторскаго дома, для того, чтобы арестовать его? Жанна спокойно отвергла предположеніе объ арестѣ. Сельва поражались ея искусственнымъ спокойствіемъ. Жанна, конечно, знала, что они знаютъ правду о ея отношеніи къ Бенедетто,—потому что Ноэми, навѣрное, не могла соблюсти полную тайну. И когда она обмѣня-

лась съ ними за нѣсколько минутъ до того печальными нѣмыми взглядами, она открывала имъ этимъ свою душу. Они поняли, что она геройски сдерживаетъ себя изъ за ди-Лейни, — и имъ сдѣлалось непріятно, что они посвятили молодого человѣка въ ея тайну. Это было какъ бы предательствомъ относительно нея.

Они были увѣрены, что Жанна имѣетъ твердыя, хотя и неизвѣстныя основанія, опровергая съ такой увѣренностью возможность ареста, и сказали, что въ такомъ случаѣ Бенедетто можно было бы перевезти къ нимъ. Но Жанна тотчасъ же поспѣшила возразить, что нужно сообразоваться съ выраженнымъ самимъ Бенедетто желаніемъ, и что мѣстность, въ которой жилъ ди-Лейни,—онъ сказалъ Жаннѣ, гдѣ живетъ,—болѣе тихая, чѣмъ та, гдѣ живутъ Сельва, и что это—предпочтительнѣе для больного. Но все-таки она настаивала, что нельзя перевозить больного безъ разрѣшенія доктора. Съ этимъ всѣ были согласны. Сельва поручили ди-Лейни сообщить сенатору, что друзья Бенедетто найдутъ для него другое мѣстопребываніе, но увезутъ его только подъ тѣмъ условіемъ, что пользующій его врачъ найдетъ это безопаснымъ въ его состояніи. Въ то время какъ Джіованни говорилъ это, изъ сосѣдней комнаты раздались бурные музыкальные звуки, полные криковъ и рыданій. Джіованни остановился и далъ пронестись порыву звуковъ, и трагичны были мысли, которыми обмѣнялись въ безмолвныхъ взглядахъ его глаза съ глазами молодого человѣка, въ то время какъ уста ихъ молчали.

Ди-Лейни поспѣшилъ проститься, потому что времени терять было некогда. Ему хотѣлось, чтобы съ нимъ пошелъ кто-нибудь изъ друзей Бенедетто, могущій повліять на сенатора, поведеніе котораго совершенно непонятно. Джіованни Сельва что-то пробормоталъ о тщетномъ желаніи старика добиться вице-президентства въ сенатѣ,—ему тяжело было открыть низменныя побужденія у человѣка, отъ котораго онъ этого менѣе всего ожидалъ. Марія поднялась и предложила ди-Лейни поѣхать съ нимъ. Жанна поспѣшила удержать Сельва, чтобы онъ не вздумалъ тоже пойти съ ними,—ей еще нужно было поговорить съ нимъ, разсказать ему о разговорѣ съ министромъ. Джіованни остался. Проводивъ до дверей Марію и ди-Лейни, Жанна еще подошла къ двери въ комнату брата и перекинулась съ нимъ нѣсколькими шутливыми словами, чтобы убѣдиться, что онъ еще долго будетъ играть и не отзоветъ ее,—чего она такъ боялась.

Она вернулась въ залу и обратилась къ Сельва, который только-что появился на порогѣ... Онъ проводилъ жену, чтобы поручить ей вызвать телеграммой дона Клементія. Жанна пошла

ему навстрѣчу, протянула ему обѣ руки и заговорила со слезами на глазахъ.

— Сельва,—прошептала она, задыхаясь отъ слезъ,—вы все знаете, отъ васъ я не могу таиться. Есть еще что-то болѣе страшное,—скажите мнѣ правду.

Сельва взялъ ея руки, безмолвно пожалъ ихъ, въ то время, какъ віолончель отвѣчала за него скорбными, торжественными звуками:—„Плачь, плачь, потому что нѣтъ болѣе скорбной любви, чѣмъ твоя"... Онъ сжималъ ея холодныя руки, не будучи въ силахъ произнести ни слова. Онъ понялъ, что ди-Лейни не рѣшился передать ей страшныхъ словъ Бенедетто: „Я приду умирать къ тебѣ".

Джіованни пришлось нанести ей страшный первый ударъ.

— Дорогая,—сказалъ онъ кроткимъ отеческимъ голосомъ,— онъ вѣдь сказалъ вамъ при вашемъ послѣднемъ свиданіи, что призоветъ васъ въ торжественный часъ своей жизни. Теперь этотъ часъ наступилъ,—онъ васъ призываетъ.

Жанна вся вздрогнула. Ей казалось, что она не такъ его поняла.

— Чтò вы? Не можетъ быть.—Но изъ молчанія Сельва и его скорбнаго взгляда она поняла все. Сельва еще крѣпче сжалъ ея руки и не могъ открыть судорожно сжатыхъ губъ; грудь его разрывалась отъ сдерживаемыхъ рыданій.. Она ни слова не сказала, но упала бы, еслибы онъ не поддержалъ ее. Онъ усадилъ ее въ кресло.

— Нужно идти сейчасъ?—проговорила она.—Неужели уже неотвратимо?..

— Нѣтъ, онъ призываетъ васъ на завтра. Онъ думаетъ, что завтра—послѣдній день, но, можетъ быть, онъ ошибается; будемъ надѣяться, что онъ ошибается.

— Боже, Сельва! вѣдь докторъ писалъ, что жаръ у него спалъ?

Сельва жестомъ показалъ, что самъ не понимаетъ, какъ случилось страшное, но оно несомнѣнно. Музыка замолкла, и онъ продолжалъ говорить вполголоса. Бенедетто ему написалъ письмо. Онъ писалъ, что докторъ засталъ его въ лучшемъ состояніи, что жаръ спалъ, но что онъ предчувствуетъ наступленіе новаго приступа, за которымъ уже послѣдуетъ конецъ. Господь даруетъ ему милость, посылаетъ ему спокойный и тихій конецъ. Онъ писалъ затѣмъ, что у него есть просьба къ другу. Онъ знаетъ, что синьора Десаль, подруга синьорины Ноэми, теперь въ Римѣ. Онъ обѣщалъ этой синьорѣ, передъ алтаремъ въ монастырѣ Священнаго Грота, призвать ее къ себѣ для бесѣды передъ смертью.

Сельва остановился. Письмо было у него съ собой въ карманѣ, и онъ хотѣлъ вынуть его. Но Жанна, замѣтивъ его движеніе, судорожно вся задрожала.

— Нѣтъ, я не покажу вамъ,—сказалъ онъ.—Повторяю, что онъ, быть можетъ, ошибается.

Подождавъ, чтобы она успокоилась, онъ передалъ ей конецъ письма на память, вмѣсто того, чтобы прочесть его.

— „Припадокъ повторится сегодня вечеромъ или ночью,—пишетъ Бенедетто,—и послѣ-завтра, утромъ, наступитъ конецъ. Я желаю видѣть синьору Десаль завтра, чтобы сказать ей нѣсколько словъ во имя Господа, къ Которому иду. Я просилъ сенатора сообщить ей о свиданіи, но онъ отказался передать ей мое желаніе. Я обращаюсь поэтому къ вамъ“.

Жанна закрыла лицо руками и молчала. Сельва считалъ себя вправѣ внушить ей надежду на возможность перемѣны къ лучшему. Приступъ могъ не повториться, или же съ нимъ можно будетъ справиться. Но она отрицательно качала головой, и онъ не рѣшался настаивать. Вдругъ ей показалось, что Чіеко прощается. Она вздрогнула и отняла руки отъ помертвѣвшаго лица. Но снова раздались звуки,—веселая музыка одной неаполитанской мелодіи, которую Чіеко всегда игралъ подъ конецъ. Она поднялась и сказала судорожнымъ голосомъ, но безъ слезъ:

— Сельва, я знаю, что Пьеро умираетъ, что онъ не ошибается. Если возможно, устройте, чтобы онъ остался тамъ, гдѣ онъ теперь. Но проведите туда его друзей; поклянитесь, что сдѣлаете это, что доставите ему это утѣшеніе. Разскажите все про меня, скажите всю правду, скажите, какой святой и чистый человѣкъ Пьеро. Я буду ждать здѣсь и не тронусь съ мѣста. Я пойду, когда вы скажете и куда скажете. Я сильна. Вы видите, я уже не плачу. Телеграфируйте дону Клементію, чтобы онъ пріѣхалъ къ своему умирающему ученику. Сдѣлаемъ все, что должны сдѣлать. Теперь поздно,—идите. Вы во всякомъ случаѣ увидите сегодня вечеромъ Пьеро. Скажите ему...

Тутъ ее остановило судорожное рыданіе, и она не могла продолжать. Вошелъ Чіеко, весело хлопая въ ладоши по своей привычкѣ, и Сельва быстро вышелъ изъ комнаты. Жанна выбѣжала за нимъ въ корридоръ, взяла его руку и горячо поцѣловала ее.

Черезъ нѣсколько часовъ, около десяти, Жанна сѣла читать „Фигаро“ Карлино, сидѣвшему въ глубокомъ креслѣ. Ноги его были укутаны одѣяломъ, и онъ держалъ на колѣняхъ большую чашку съ молокомъ. Жанна читала такъ невозможно, не собл-

дая даже знаковъ препинанія, что братъ нѣсколько разъ прерывалъ ее и сталъ обнаруживать нетерпѣніе. Черезъ пять минутъ вошла горничная и доложила о приходѣ синьорины Ноэми. Жанна бросила газету и выскочила въ одну секунду изъ комнаты. Ноэми поспѣшно разсказала, что во время визита Джіованни и Маріи въ „Грандъ-Отелѣ" вернулся изъ Неаполя профессоръ Майда и прибѣжалъ, взбѣшенный, къ Сельва требовать объясненій по поводу исчезновенія Бенедетто изъ его дома. Ноэми разсказала ему все, и Майда тотчасъ отправился въ домъ сенатора. Тамъ онъ засталъ Марію, ди-Лейни, сенатора и доктора. Послѣдній былъ того мнѣнія, что Бенедетто можно увезти. Майда поспорилъ съ докторомъ о способѣ леченія больного, сказалъ, что ни за что не оставитъ его здѣсь, и поздно вечеромъ пріѣхалъ съ коляской и увезъ Бенедетто къ себѣ. Переѣздъ, кажется, совершился благополучно.

Жанна выслушала Ноэми, безмолвно обняла ее и крѣпко прижала къ груди.

И Ноэми, вся въ слезахъ, прошептала:

— Завтра, Жанна. Ты помолишься?

— Да,—отвѣтила Жанна. Поборовъ приступъ душившихъ ее рыданій, она прибавила: — Я не умѣю молиться Богу. Знаешь, кому я молюсь? Дону Джузеппе Флоресу.

Ноэми склонила лицо на ея плечо и сказала, задыхаясь:

— Я хотѣла бы, чтобы потомъ, послѣ свиданія съ нимъ, ты примкнула къ его вѣрѣ.

Жанна ничего не отвѣтила, и Ноэми ушла.

Жанна вернулась къ Карлино, чтобы продолжать чтеніе, но онъ ее встрѣтилъ очень сурово. Онъ объявилъ ей, что такая жизнь ему надоѣла, и что завтра же они уѣдутъ въ Неаполь. Жанна возразила, что это было бы безуміе, и что она не поѣдетъ. Тогда Карлино сталъ раздражаться и настаивалъ на отъѣздѣ. Онъ сказалъ, что отлично знаетъ, изъ-за чего она постоянно исчезаетъ изъ дому, почему у нея красные глаза, почему она не можетъ даже прочесть ему, какъ слѣдуетъ, газеты, и почему не хочетъ уѣзжать изъ Рима. Онъ освѣдомленъ обо всемъ этомъ анонимными письмами. Горе ей,—говорилъ Карлино, все болѣе выходя изъ себя,—если она не порветъ съ этимъ безумцемъ, если станетъ сторонницей его идей и поддастся вліянію церковниковъ, ихъ суевѣріямъ и глупостямъ. Онъ откажется отъ нея, потому что какъ жилъ свободомыслящимъ, такъ и желаетъ умереть. Нужно порвать со всѣмъ, уѣхать подальше—въ Неаполь, въ Палермо, въ Африку.

„Свободомыслящимъ? А что же относительно моей свободы?“ — подумала Жанна безъ всякаго гнѣва. Она только вспомнила о своемъ правѣ, но вовсе не съ тѣмъ, чтобы воспользоваться имъ. Карлино же подумалъ, что она именно хочетъ воспользоваться своимъ правомъ на свободу, чтобы дѣйствовать противъ его желаній, и это окончательно вывело его изъ себя. Жанна была поражена, что этотъ нервный человѣкъ, котораго она все-таки считала добрымъ и милымъ, сталъ осыпать ее такимъ потокомъ попрековъ и ругательствъ. Она ничего не отвѣтила, вся дрожа, ушла къ себѣ въ комнату и написала ему нѣсколько словъ, говоря, что чувство собственнаго достоинства не дозволяетъ ей оставаться у него въ домѣ, пока онъ не откажется отъ своихъ обидныхъ словъ. Она написала, что уходитъ, и что если онъ хочетъ написать ей пару словъ, то пусть пошлетъ къ Сельва. Затѣмъ она взяла съ собой только немного денегъ и ушла въ сопровожденіи своей вѣрной служанки, оставивъ письмо на письменномъ столѣ.

Выйдя изъ отеля, она направилась къ трамваю. Служанка съ ужасомъ послѣдовала за нею, спрашивая:

— Куда это мы идемъ, синьора?

Жанна ничего не отвѣтила и продолжала идти. Ей казалось, что какія-то волны невѣдомаго ей моря несутъ ее къ нему.

Къ нему,—можетъ быть, къ его Богу? Слова Ноэми, слова Карлино раздавались въ ея душѣ, терзая ее. Къ его Богу? Какъ знать? Во всякомъ случаѣ, она спѣшила къ нему.

XIV.

Послѣдній часъ.

Въ два часа пополудни на слѣдующій день Жанна ждала въ домѣ Сельва вмѣстѣ съ Маріей и Ноэми извѣстій съ виллы Майда; отъ времени до времени они вспоминали о „Грандъ-Отелѣ“ и удивлялись отсутствію извѣстій оттуда. Джіованни отправился на виллу Майда еще утромъ, въ семь часовъ, и вернулся въ девять. Бенедетто ему не удалось видѣть. Профессоръ Майда не позволилъ пройти къ больному ни ему, ни кому-либо друго Онъ узналъ, что больной причастился, но скорѣе изъ благо стія, чѣмъ въ виду непосредственной опасности. Впроче ночью опять стала подниматься температура. Профессоръ дѣялся, что сможетъ остановить приступъ. Можетъ быть, вп

чемъ, Джіованни передалъ всѣ эти извѣстія въ болѣе оптимистическомъ свѣтѣ. Бенедетто лежалъ въ комнатѣ самого профессора, который ухаживалъ за нимъ съ поразительной для этого суроваго человѣка заботливостью.

Джіованни вернулся около полудня. Отъ Карлино не было никакихъ извѣстій, и Жанна, при всей своей тревогѣ о Бенедетто, не могла не думать о братѣ. Друзья ее успокаивали, и она уже собиралась послать узнать, какъ вдругъ, въ третьемъ часу, въ комнату быстро вошелъ Джіованни, въ пальто и шляпѣ, и по его лицу Жанна поняла, что моментъ наступилъ. Она поднялась, блѣдная какъ смерть, вмѣстѣ съ Маріей и Ноэми, которыя не могли выговорить ни слова, глядя на ея помертвѣвшее лицо.

— Пора идти, — сказалъ Джіованни, и никто изъ нихъ не сказалъ больше ни слова.

Дамы пошли одѣть шляпы, и Джіованни послѣдовалъ за женой и Ноэми, чтобы сказать имъ, что жаръ сильно поднялся и что нѣтъ больше надежды. Ноэми вошла къ Жаннѣ, но та молчала, не спрашивая никакихъ подробностей. Такъ они вышли и сѣли въ коляску. Жанна только тихо спросила Джіованни, телеграфировалъ ли онъ дону Клементію? Джіованни отвѣтилъ, что донъ Клементій въ половинѣ второго былъ уже въ виллѣ Майда. За всю дорогу Жанна не проговорила ни слова, несмотря на попытки двухъ сестеръ облегчить ея горе хотя бы обмѣномъ словъ. Коляска остановилась, подошелъ слуга, и сказалъ, что профессоръ проситъ пожаловать въ виллу. Тогда только Джіованни Сельва сказалъ своимъ спутницамъ, что Бенедетто уже не въ виллѣ, что, по его просьбѣ, его перенесли въ комнатку въ домѣ садовника. Они вышли вчетверомъ изъ коляски и направились къ домику между двумя рядами пальмъ. Шелъ дождь, но никто не обращалъ на это вниманія. Народъ толпился у рѣшетки и слѣдилъ теперь за приближавшейся къ домику садовника группой. Ди-Лейни, который шелъ за Сельва, остановилъ его и заговорилъ съ нимъ вполголоса.

Сельва вошелъ въ вестибюль и потомъ сейчасъ же вышелъ оттуда съ женою. Они всѣ вмѣстѣ отправились къ толпѣ, собравшейся на дорожкѣ подъ апельсинными деревьями, въ ожиданіи извѣстій о больномъ. Вслѣдъ за Сельва вышелъ и самъ профессоръ Майда, велѣлъ открыть ворота и впустить всѣхъ въ садъ. Люди съ улицы входили медленно и тихо, спрашивая профессора со слезами на глазахъ:

— Неужели это правда, господинъ профессоръ, — неужели онъ умретъ?

И онъ грустно отвѣтилъ имъ:

— Ничего нельзя подѣлать. Я не могу ничего вамъ сказать утѣшительнаго.

Бенедетто любилъ профессора Майда и обрадовался, когда его перевезли къ нему. Онъ любилъ также садъ, и ему отрадна была мысль, что онъ умретъ среди цвѣтовъ и зелени, подъ деревьями, какъ ему представлялось въ видѣніи. Но онъ зналъ, что невѣстка профессора не любитъ его, и ему тяжело было доставить кому-нибудь непріятность. Онъ поэтому предложилъ профессору перевезти его въ монастырь св. Онуфрія; но Майда твердо настоялъ на своемъ. Бенедетто съ улыбкой сказалъ ему, что вѣдь онъ беретъ тяжелую обязанность присутствовать при смерти въ своемъ домѣ: онъ намекалъ на присутствіе священника, которое могло быть непріятно для атеиста-профессора, но Майда только сказалъ ему: „Переѣзжайте съ миромъ ко мнѣ, дорогой. Я не такой вѣрующій, какъ вы, но охотно открою дверь, кому вы захотите“.

Переѣздъ совершился благополучно, и Бенедетто все время улыбался. Тотчасъ послѣ пріѣзда, онъ на минуту потерялъ сознаніе отъ слабости, очнулся уже въ большой постели въ комнатѣ профессора, и попросилъ, чтобъ его перенесли въ его комнату. Онъ на минуту обезпокоился, не найдя своего Распятія, и думалъ, что оставилъ его въ домѣ сенатора. Когда же оказалось, что они взяли его съ собой, ему стало непріятно, что память начинаетъ измѣнять ему, между тѣмъ какъ онъ хотѣлъ съ полнымъ сознаніемъ сказать послѣднія слова друзьямъ и той, невидимое присутствіе которой онъ такъ ясно чувствовалъ въ послѣднее время. Онъ попросилъ, чтобы позвали къ нему священника. Профессоръ сообщилъ ему, что послана телеграмма дону Клементію, который будетъ на слѣдующее утро въ Римѣ. „Развѣ не будетъ поздно?“—спросилъ Бенедетто, но профессоръ увѣрилъ его, что никакой непосредственной опасности нѣтъ, и счелъ долгомъ дать ему надежду на возможность выздоровленія. Когда профессоръ вышелъ изъ комнаты, Бенедетто, нѣсколько успокоенный, забылся во снѣ, и ему представилось странное видѣніе: среди блестящаго мраморнаго зала появились шесть молодыхъ, красивыхъ женщинъ, которыя протягивали ему блестящіе кубки. Онъ понималъ, что онѣ предлагаютъ ему напитокъ жизни, здоровья и радости. Онъ чувствовалъ страшную душевную муку, но не могъ отвести глазъ отъ кубковъ, не могъ призвать Бога на помощь. Потомъ все исчезло, и онъ увидѣлъ передъ собой

Жанну, и въ ея строгомъ печальномъ взглядѣ прочелъ страшныя слова: „Бѣдный, теперь ты знаешь свое страшное заблужденіе, знаешь, что нѣтъ Бога“. Бенедетто испытывалъ во снѣ страшное физическое чувство небытія Божія; холодъ сковывалъ все его тѣло. Онъ задрожалъ и проснулся. Надъ нимъ стоялъ профессоръ съ термометромъ. Потомъ все опять смѣшалось; онъ дѣлалъ усиліе сосредоточиться на мысли о Богѣ, и внутренняя мука настолько отражалась на его лицѣ, что даже профессоръ потерялъ свое обычное присутствіе духа отъ жалости къ больному... Такъ проходила ночь; Бенедетто попросилъ потушить свѣтъ, мѣшавшій ему смотрѣть на звѣздное небо. Профессоръ исполнилъ его просьбу, и Бенедетто обратилъ мирный взоръ изъ окна на небо, и сталъ вспоминать всю свою жизнь, всю свою борьбу и все стремленіе къ познанію божественной истины. Сомнѣнія оставляли его, уступая мѣсто успокоенію. Когда Майда опять наклонился къ нему черезъ нѣсколько времени, онъ прошепталъ, глядя на него съ выраженіемъ сосредоточеннаго желанія:

— Профессоръ, вы тоже туда придете, куда иду и я.

— Но развѣ ты знаешь, куда ты идешь?

— Знаю,—отвѣтилъ Бенедетто,—что ухожу отъ всего тяжелаго и преходящаго.

Въ шесть часовъ его причастилъ призванный изъ монастыря священникъ. Жаръ усиливался.

Въ девять часовъ утра, къ Бенедетто пришелъ ди-Лейни, и, кромѣ того, сидѣлка неосторожно сообщила больному, что передъ виллой толпятся люди, которымъ хотѣлось его видѣть. Тогда явилось у него желаніе перейти въ маленькую комнатку въ домѣ садовника. Просьбу его исполнили, и его перенесли туда садовникъ и слуги; онъ былъ завернутъ въ одѣяло и держалъ въ рукахъ крестъ. Ему было такъ отрадно очутиться снова въ своей маленькой комнаткѣ, что ему показалось, что ему сдѣлалось лучше. Но жаръ поднимался. Послѣ полудня у него было 39 градусовъ. Донъ Клементій пріѣхалъ въ половинѣ одиннадцатаго.

Сельва и ди-Лейни подошли къ двери передъ домомъ. Тамъ собрались ученики Бенедетто, въ томъ числѣ много рабочихъ, а также лицъ интеллигентнаго класса. При приближеніи Сельва, всѣ они молча сняли шляпы. Онъ попросилъ ихъ войти. На порогѣ домика ихъ встрѣтилъ Майда и провелъ въ комнату Бенедетто.—Пришли твои друзья,—сказалъ онъ больному, впустилъ ихъ и самъ всталъ за ними у дверей.

Бенедетто лежалъ съ возбужденнымъ лицомъ, сверкающими глазами и тяжело дышалъ. Онъ поблагодарилъ друзей и, услышавъ невольно вырвавшееся у нѣкоторыхъ изъ нихъ рыданіе, поднялъ руку, прося ихъ успокоиться. У него было свѣтло на душѣ. Онъ попросилъ ихъ приблизиться, и всѣ, сдерживая слезы, подошли къ его постели, чувствуя, что онъ обратится къ нимъ съ поученіями и совѣтами. Голосъ Бенедетто раздался среди глубокаго молчанія окружающихъ:

— Молитесь безъ принужденія и научите другихъ молиться также. Это главное. Когда человѣкъ дѣйствительно любитъ любовью другого человѣка, или свою собственную мысль, духъ его постоянно занятъ этимъ, чѣмъ бы онъ ни занимался въ жизни. Онъ можетъ при этомъ все исполнять, и нѣтъ надобности выражать во множествѣ словъ свою любовь. Носите всегда въ душѣ мысль о Богѣ, и вся ваша жизнь будетъ проникнута духомъ истины. Живите въ чистотѣ, не ищите суетныхъ почестей, соединяйтесь для дѣлъ истины и любви. Приходите на помощь всѣмъ человѣческимъ страданіямъ, будьте терпѣливы къ врагамъ и помогайте другъ другу. Если вы будете жить по иному, вы не сможете служить духу истины. Только если вы будете слѣдовать этому, люди придутъ къ вашей истинѣ, и поймутъ, что вы живете во Христѣ.

Донъ Клементій нагнулся къ нему, прося его отдохнуть. Но онъ взглянулъ на учителя блестящими глазами, сказалъ, что нужно торопиться, и продолжалъ:

— Пусть каждый изъ васъ исполняетъ долгъ, предписанный церковью. Не принимайте никакого внѣшняго имени для своего союза, не постановляйте никакихъ правилъ,—только любите, больше ничего не надо. Многіе изъ тѣхъ, которые находятся въ церкви, тоже стремятся къ исполненію нравственнаго долга, который я вамъ завѣщаю, тоже стремятся очистить вѣру и жить согласно чистой вѣрѣ. Объединяйтесь съ ними, но не навязывайте имъ своихъ мыслей. Они сами придутъ къ вамъ, и это будетъ знакомъ, который Господь пошлетъ вамъ.

Тутъ Бенедетто остановился, подозвалъ къ себѣ Джіованни Сельва и сказалъ ему, что всѣ эти мысли внушилъ ему главнымъ образомъ онъ. Взявъ затѣмъ руку дона Клементія, онъ сталъ говорить о братствѣ людей, основанномъ на любви къ Богу, и давалъ наставленія ученикамъ, какъ любовью и кротостью осуществить это братство.

— Дѣти мои,—сказалъ онъ въ заключеніе,—я не обѣщаю вамъ, что вы обновите міръ. Вы будете работать среди мрака,

не видя ясно плодовъ своей работы, какъ Петръ и его спутники на морѣ Галилейскомъ, но Христосъ васъ увидитъ, и тогда торжество ваше будетъ велико.

Онъ замолчалъ, сталъ молиться за своихъ учениковъ, вздыхая при мысли о страданіяхъ, которыя его ожидаютъ, и произнесъ послѣднія слова:

— Потомъ будете молиться, — теперь я прошу вашего поцѣлуя.

Умирающій еще благословилъ каждаго по очереди и опять поучалъ ихъ не гнаться за внѣшними почестями, не насиловать ничьихъ душъ, не бояться быть немногочисленными. Онъ благословилъ и Марію Сельва, говоря, что считаетъ ее частью души ея мужа и уже благословилъ ее въ его лицѣ.

Ученики ушли. Издали доносился шумъ людей, которые рвались къ умирающему, и Бенедетто просилъ всѣхъ впустить. Среди людей, наполнившихъ комнату, Бенедетто узналъ много знакомыхъ лицъ; всѣ просили его благословенія, а иные просили прощенія въ томъ, что на минуту вѣрили его клеветникамъ. Онъ каждому сказалъ нѣсколько словъ утѣшенія. Наконецъ всѣ вышли, и Майда открылъ окно, чтобы освѣжить воздухъ въ комнатѣ. Бенедетто попросилъ, чтобъ ему подняли немного голову, такъ какъ ему хотѣлось посмотрѣть на высокое дерево въ саду, и онъ долго глядѣлъ въ окно. Сдѣлавъ знакъ дону Клементію, чтобы тотъ нагнулся къ нему, онъ сказалъ ему на ухо:

— Когда меня несли сюда изъ виллы, у меня было сильное желаніе попросить, чтобъ меня снесли подъ большое дерево, которое видно изъ окна, и чтобы я умеръ тамъ, подъ нимъ. Но я сейчасъ же подумалъ, что это было бы слишкомъ преднамѣренно, и потому не сказалъ. И кромѣ того, — прибавилъ онъ съ улыбкой, — все-таки, недоставало бы монашескаго платья.

Донъ Клементій шепнулъ ему, что привезъ съ собой изъ Суббіака его монашеское платье. Бенедетто почувствовалъ глубокое волненіе, борясь между желаніемъ, чтобы исполнилось до конца видѣніе, и мыслью, что оно все-таки исполнилось бы не само собой. Онъ рѣшилъ отдаться на волю Божію.

— Господь желаетъ, чтобы я умеръ здѣсь, — сказалъ онъ, — но, быть можетъ, позволитъ мнѣ, чтобы монашеское платье лежало на моей постели, прежде чѣмъ я умру.

Донъ Клементій нагнулся къ нему и поцѣловалъ его въ лобъ.

Бенедетто подозвалъ Сельва и Майда, сказалъ имъ, что приметъ синьору Десаль черезъ полчаса, но проситъ, чтобы она

явилась не одна, а съ ними. Сельва вышли, и Бенедетто попросилъ еще дона Клементія передать папѣ, что конецъ видѣній не осуществился, что, значитъ, внѣшняго чуда въ его жизни не было, и что онъ чувствуетъ передъ смертью благословеніе папы.

Бенедетто слабѣлъ, и донъ Клементій, подержавъ его за руку, поднялся, чтобы пойти за монашескимъ платьемъ.

— Уже пора? — спросилъ съ улыбкой Бенедетто. — Уже сейчасъ?

— Нѣтъ, еще есть время. Но я хочу, чтобы тебѣ сейчасъ было радостно.

Въ залѣ виллы Майда, Джіованни Сельва, взглянувъ на часы, сказалъ своей женѣ:

— Идите.

Рѣшено было, что Жанна пойдетъ къ Бенедетто съ Маріей и Ноэми. Послѣдняя сжала руку Жанны.

— Я должна сказать тебѣ, — проговорила она, вся дрожа, — нѣчто касающееся души моей. Не гнѣвайся, что я скажу это раньше ему, чѣмъ тебѣ.

Жанна поняла, съ какой вѣстью Ноэми идетъ къ умирающему: она ему скажетъ о своемъ переходѣ въ католичество. Тогда вся сила духа Жанны покинула ее, и она разрыдалась. Сельва невѣрно поняли причину ея слезъ. Она стала просить ихъ, чтобы они шли безъ нея. Одна Ноэми поняла ее. Жанна не хотѣла пойти къ Бенедетто потому, что не могла придти къ нему съ тѣмъ, съ чѣмъ придетъ Ноэми.

Ноэми стала умолять подругу пойти, но Жанна повторяла, что не можетъ; Марія и Ноэми ушли, и Жанна осталась одна... Въ первую минуту она хотѣла броситься вслѣдъ за ними, чтобы тоже пойти сказать ему радостную вѣсть. Но она упала на колѣни и, рыдая, говорила: — Я не могу тебя обмануть, дорогой! — Она знала, что не можетъ обѣщать ему своего обращенія.

— Почему ты не хотѣлъ говорить со мной наединѣ? — шептала она: — вѣдь я не могу передъ другими сказать, что у меня на душѣ. Почему ты, добрый, не захотѣлъ видѣть меня наединѣ?

Она вскочила, увѣренная, что если бы Пьеро услышалъ ее онъ отвѣтилъ бы: „хорошо, приходи". Она простояла съ минут вся застывшая, а потомъ прошла черезъ залу и вышла в садъ...

Шелъ дождь и было уже темно, хотя еще не было шес часовъ, въ этотъ пасмурный февральскій вечеръ. Жанна выш

съ непокрытой головой подъ дождь, прошла по дорожкѣ мимо большого дерева, направляясь къ домику садовника. Тамъ она остановилась. Въ одномъ окнѣ былъ свѣтъ—это было навѣрное окно Пьеро. Мелькнула тѣнь; можетъ быть, это Ноэми? Опять мелькнули тѣни. Можетъ быть, Марія и Ноэми уходятъ, но все-таки Пьеро не останется одинъ. Тамъ будетъ Майда и бенедиктинскій монахъ. Послышались быстрые шаги,—кто-то шелъ къ домику. Жанна, уже поднявшаяся, опять сѣла. Незнакомый человѣкъ вошелъ. У окна опять замелькали тѣни. Раздался голосъ профессора и Джіованни Сельва. Они съ кѣмъ-то говорили. Кто-то опять вышелъ изъ дома подъ зонтиками. Это были, навѣрное, Марія и Ноэми. Жанна снова поднялась и пошла по направленію къ дому.

Она вошла въ домикъ и, увидѣвъ въ кухнѣ садовника дѣвочку, попросила ее подняться къ больному и посмотрѣть, кто тамъ. Дѣвочка пошла, и, вернувшись, сказала, что тамъ священникъ и сидѣлка. Жанна попросила бумаги, карандашъ и стала писать.

„Падре, я прошу“... — Она остановилась и стала прислушиваться. Кто-то спускался по деревянной лѣстницѣ. Это были мужскіе шаги, — значитъ, падре. Она съ нимъ поговоритъ. Она выходитъ на лѣстницу. Тамъ темно, и донъ Клементій принимаетъ ее за Марію Сельва.

— Онъ спокоенъ,—говоритъ донъ Клементій, прежде чѣмъ она успѣваетъ открыть ротъ.—Онъ, кажется, спитъ. Слова вашей сестры принесли ему радость. Профессоръ думаетъ, что онъ доживетъ до утра. Скажите, чтобы и та синьора пришла. Онъ просилъ. Онъ думаетъ, что вы пошли за нею.

Жанна молчитъ, и онъ проходитъ мимо нея въ кухню за водой. Жанна дрожитъ какъ листъ. Онъ звалъ ее. Эти слова, эта неожиданная милость отуманиваетъ ее. Она тихо поднимается по лѣстницѣ и входитъ въ дверь. Сидѣлка ее видитъ, хочетъ подняться, но она дѣлаетъ ей знакъ, чтобы та не трогалась, и подходитъ къ постели. На одѣялѣ лежитъ что-то странное и черное. Она не можетъ понять, что̀ это. Раздается легкій стонъ. Умирающій чего-то ищетъ рукой. Сидѣлка поднимается, но Жанна предупреждаетъ ее и наклоняется къ больному, который снова стонетъ и двигаетъ рукой.

Жанна спрашиваетъ его; онъ не отвѣчаетъ, качаетъ головой, когда она даетъ ему воду. Жанна въ отчаяніи, что не можетъ его понять. Ахъ, да, онъ проситъ крестъ. Сидѣлка поднимаетъ свѣчу, стоящую на полу; Жанна подноситъ крестъ Пьеро, который прижимается къ нему губами и глядитъ на нее большими

стеклянными глазами. Въ глазахъ его уже смерть. Сидѣлка съ крикомъ бѣжитъ за дономъ Клементіемъ. Пьеро глядитъ на Жанну, пытается взять крестъ обѣими руками, подняться къ ней; губы его шевелятся, но изъ нихъ не исходитъ звука. Жанна беретъ крестъ изъ рукъ Пьеро и страстно цѣлуетъ его. Тогда онъ закрываетъ глаза, лицо его озаряется улыбкой; онъ слегка склоняетъ голову на правое плечо и остается безъ движенія.

Съ итальян. З. В.

ИЗЪ

ДРУЖЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ

ГР. А. К. ТОЛСТОГО

1851 — 1875 гг.

Письма къ А. П. Бахметеву.

1866 — 1872 г.г.

Спустя двадцать лѣтъ послѣ смерти гр. Алексѣя Константиновича Толстого, мы помѣстили въ журналѣ, въ 1895 году, первую серію его писемъ къ друзьямъ, въ числѣ *58* писемъ (отъ 1859 г. до 1875 г.): октябрь, стр. 628 и слѣд.; ноябрь, стр. 158 и слѣд.; декабрь, стр. 618 и слѣд.; послѣднія восемь писемъ были адресованы къ гр. Зайнъ-Виттгенштейнъ, между 1867 и 1875 г.— годомъ смерти А. К. Толстого. Вскорѣ затѣмъ, въ 1897 г., эта первая серія писемъ была дополнена новою серіею, въ числѣ *254* писемъ (отъ 1851 г. до 1875 г.): май, стр. 261 и слѣд.; іюнь, стр. 606 и слѣд.; іюль, стр. 93 и слѣд. Всего = 312 писемъ.

Кромѣ того, у насъ были помѣщены также и письма друзей къ гр. А. К. Толстому: такъ, въ 1905 г. (окт., стр. 441 и слѣд.) явились письма Ив. Аксакова и Вл. Соллогуба; наконецъ, въ январьской книгѣ текущаго года (стр. 154 и слѣд.)— письма Каролины Виттгенштейнъ (между 1868—1875 г.). Ны-

нѣшній разъ, все это собраніе писемъ гр. А. К. Толстого и къ нему, за истекшее десятилѣтіе, мы заключаемъ одиннадцатью его письмами къ А. П. Бахметеву, племяннику графини Софьи Андреевны Толстой и брату Софьи Петровны Хитрово, которой мы обязаны, какъ доставленіемъ намъ текста самыхъ писемъ, такъ и сообщеніемъ свѣдѣній о ея братѣ, къ которому были адресованы эти письма между 1866 и 1872 г., когда переписка окончилась, за смертью этого юноши, не достигшаго и 20-ти лѣтъ отъ роду. При всей молодости корреспондента, письма къ нему (1866—1872 г.г.) гр. А. К. Толстого не лишены значенія для біографіи послѣдняго, дополняя нѣсколькими новыми, весьма симпатичными чертами внутренній обликъ поэта въ его отношеніяхъ къ молодёжи.

„А. П. Бахметевъ, — сообщаетъ намъ С. П. Хитрово, — воспитывался въ домѣ гр. А. К. Толстого и графини Софьи Андреевны, съ пятилѣтняго возраста до опредѣленія въ морской кадетскій корпусъ. Какъ видно изъ писемъ, гр. А. К. съ малыхъ лѣтъ пріучалъ своего питомца къ собственному любимому занятію—къ охотѣ. До какой степени ребенокъ составлялъ предметъ его заботъ, это видно изъ восторженныхъ отзывовъ о его „Андрейкѣ“ въ письмахъ къ друзьямъ, гдѣ онъ выражаетъ свое удовольствіе при видѣ развивающейся въ немъ физической ловкости. Такъ, въ письмѣ къ женѣ, Софьѣ Андреевнѣ, А. К. сравниваетъ шумъ мелкихъ морскихъ волнъ, набѣгающихъ на песчаный берегъ, съ быстрымъ бѣгомъ, мелкими шажками, ножекъ „милаго Андрейки“. Письма А. К. пріобрѣтаютъ особый интересъ съ того времени, когда А. П. началъ жаловаться на трудность для него выносить режимъ корпусной жизни и просилъ взять его домой. Не понимая настоящей причины тѣхъ жалобъ, гр. А. К. убѣждалъ его окончить разъ начатое дѣло,—и онъ исполнилъ его желаніе, кончилъ курсъ, но вскорѣ затѣмъ, въ 1872 году, скончался и былъ погребенъ въ Красномъ-Рогѣ; три года спустя, въ 1875 году, вблизи этой могилы былъ погребенъ и самъ гр. А. К. Толстой“.

1.

Римъ, 1866 г. [1])

...Помнишь, когда ты вынулъ изъ торбы твоего перваго глухаря? Это—одно изъ моихъ самыхъ лучшихъ воспоминаній въ Красномъ-Рогу, и я теперь еще вижу твою добрую довольную скромную мордочку. Мнѣ очень весело думать, что мы будемъ и въ Пустынькѣ охотиться съ тобою и съ Фоксомъ [2]); только, я боюсь, тамъ не будетъ такъ весело, какъ въ Красномъ-Рогу, и глухарей, говорятъ, тамъ не было нынѣшній годъ. Только вотъ что въ Пустынькѣ хорошо: тамъ можно будетъ осенью ѣздить на лодкѣ, ночью, съ огнемъ и ловить рыбу острогой.

Ты мнѣ не пишешь, ходите ли вы на вальдшнеповъ? Вѣдь это одна изъ самыхъ хорошихъ охотъ, чуть ли не лучшая послѣ глухарей? Скажи мнѣ, какую охоту ты любишь больше всего?

Не правда ли, Андрейка, что нѣтъ ничего лучше на свѣтѣ, какъ жить въ деревнѣ, да еще въ лѣсу? Давай съ тобой и съ m-r Fox уходить, въ свободное время, дня на два или на три въ лѣсъ!

Построимъ себѣ въ Пустынькѣ, гдѣ-нибудь въ лѣсу, прочный и удобный шалашъ и давай тамъ иногда угощать Софу [3]) и другихъ. Помнишь, какъ разъ ты угощалъ ихъ въ палаткѣ на Сотницкомъ? Тогда меня не было съ вами, и я очень жалѣлъ объ этомъ. Мы можемъ такъ устроить шалашъ, чтобы при немъ была и землянка, въ которой мы могли бы зимой поджидать волковъ.

Можно будетъ провести отъ падали проволоку въ землянку къ маленькому колокольчику. У насъ тамъ будутъ свѣчи и чай, а когда волкъ начнетъ ѣсть падаль, колокольчикъ зазвенитъ, мы и вылѣземъ изъ шалаша, а до того будемъ пить чай и играть въ шахматы.

Андрейка, какъ мнѣ было пріятно читать въ твоемъ письмѣ названія разныхъ красноргскихъ цвѣтовъ: медуницы, сона, барашковъ! А желтые болотные цвѣты—это или купавки, или ирисы; не знаю—про которые ты говоришь: купавки похожи на чашечки и плаваютъ на водѣ, а ирисы растутъ высоко, между тростниками. Вообрази себѣ, Андрейка, что здѣсь, еще въ апрѣлѣ, на лугахъ цвѣли тацеты [4]) въ такомъ огромномъ множествѣ, что

[1]) А. П. Бахметеву было тогда 13 лѣтъ.

[2]) Англичанинъ-гувернеръ.

[3]) Графиня Софья Андреевна Толстая.

[4]) Римскіе полевые нарциссы.

почти травы не было видно. Это тѣ самые тацеты, которые въ Петербургѣ продаютъ въ горшкахъ, по пятнадцати копѣекъ за штуку.

Я скоро буду писать Бирюковичу, чтобы онъ отправилъ обозъ въ Пустыньку, а ты, смотри, не забудь прислать окно, которое я заказалъ Максиму, и рамку новую на Софинъ образъ; а самый образъ вы можете привезти сами.

Андрейка, здѣсь вездѣ очень много разбойниковъ, и никто не ѣздитъ гулять безъ пистолета. Разбойники, кого могутъ, того хватаютъ и уводятъ въ горы, а потомъ требуютъ выкупа, и если не получатъ, то убиваютъ или рѣжутъ носъ и уши.

Ты, вѣрно, уже знаешь, что бѣдная Софа, съ мѣсяцъ тому назадъ, вывихнула руку изъ плеча вонъ, и теперь еще не совсѣмъ поправилась.

Прощай, милый Андрейка, кланяйся всѣмъ: и тетѣ, и Нинѣ, и m-r Fox, и Бирюковичамъ, и Шинкоренкѣ, и священнику, и Ульянѣ Степановнѣ.

Цѣлую тебя!

2.

Красный-Рогъ, 17 декабря 1869 г.

Милый мой Андрей, посылаю тебѣ письмо къ К... [1])

Я хотѣлъ приготовить тебѣ охоту на двухъ медвѣдей, но они тебя не дождались и ушли.

Дастъ Богъ, будутъ другіе. Христосъ съ тобой.

Обнимаю тебя и жду на праздники. Смотри, одѣнься потеплѣе, особенно ноги; послѣ болѣзни ты долженъ беречься.

3.

Красный-Рогъ, 27 декабря 1869 г.

Милый ты мой Андрей, жаль мнѣ очень, что ты не довольно здоровъ, чтобы къ намъ пріѣхать на праздники.

Я телеграфировалъ А. К., но онъ отвѣчалъ мнѣ, что докторъ рѣшительно не беретъ на себя тебя отпустить.

Что̀ же дѣлать? Снеси эту непріятность съ терпѣніемъ, какъ если бы тебя затерло льдомъ въ Сѣверномъ океанѣ. Я пишу С. [2]), чтобы доставилъ тебѣ отъ меня какую-нибудь книгу по

[1]) А. П. былъ въ морскомъ корпусѣ: ему было уже 16 лѣтъ.

[2]) С.—главный управляющій.

твоему выбору, а я на тебя полагаюсь, что ты выберешь какую-нибудь дѣльную и хорошую. Я тебя скоро увижу,—я въ январѣ буду въ Петербургѣ, къ Святой; дастъ Богъ, постреляемъ съ тобой глухарей.

Богъ съ тобой, обнимаю тебя, пиши къ намъ почаще.

4.

Карлсбадъ, 17 (29) августа, 1870 г.

Мой милый другъ Андрей, Софа мнѣ пишетъ, что ты не получилъ моихъ писемъ въ отвѣтъ на твои.

Это мнѣ очень жаль, но ты уже теперь въ Красномъ-Рогу, и уже знаешь, что и Софа, и тетя, и Соня, мы всѣ *одного* мнѣнія насчетъ того, что̀ ты мнѣ писалъ: ты не можешь и не долженъ бросать начатой службы.

Твоя честь требуетъ, чтобы ты продолжалъ начатое.

Въ одномъ только случаѣ мы согласились бы взять тебя изъ училища: если тамъ происходитъ что-нибудь, *что мѣшаетъ тебѣ оставаться честнымъ человѣкомъ.*

Но и тутъ, Андрей, намъ надо хорошенько понять другъ друга.

Если твои товарищи невполнѣ совѣстливы, если они даже развратны, т.-е. если они кутятъ, какъ кутятъ многіе молодые люди—это нехорошо, это скверно, но это еще не причина оставлять училище, потому что во всякомъ другомъ училищѣ непремѣнно найдутся развратные и безсовѣстные товарищи,—и вездѣ, *куда бы ты ни поступилъ, ты долженъ зависѣть отъ самого себя, а не отъ другихъ.*

Но если ихъ развратъ такого рода, что онъ прямо задѣваетъ тебя, и что тебѣ приходится не только не принимать въ немъ участія, но защищаться отъ него—тогда нечего думать, тогда мы возьмемъ тебя изъ училища и опредѣлимъ въ другое. Трудно говорить объ этомъ издали. Если бы я былъ съ тобой, ты бы мнѣ все разсказалъ, и все бы тотчасъ разъяснилось. Но и теперь, Андрей, *ты долженъ* все сказать Софѣ. Что̀ бы такое ни было, скажи ей *все*,—она тебя пойметъ, и чего ты не съумѣешь *договорить*, она *это отгадаетъ*. Но я надѣюсь, что въ училищѣ нѣтъ ничего подобнаго, и что твое желаніе выйти основано на боязни дѣлать долги. На это я тебѣ отвѣчалъ подробно въ двухъ письмахъ, и Софа и тетя повторятъ тебѣ все то, что̀ я сказалъ!

Ты слабъ, но душа твоя въ высшей степени честна. Я не боюсь за тебя, я вѣрю тебѣ; ты можешь по слабости поступить дурно, но ты не сдѣлаешься равнодушенъ къ добру и уму, къ правдѣ и неправдѣ.

Итакъ, если ты не провинился, не отчаявайся, но употреби всѣ усилія, чтобы не впадать въ ту же тину. Если ты провинился иначе чѣмъ долгами, признайся и въ этомъ Софѣ, и она тебя подыметъ и утѣшитъ тебя, и ободритъ тебя на будущее время.

Ты долженъ знать, что ты слабъ, но не долженъ думать, что нельзя превозмочь своей слабости.

На то есть у человѣка *честь*. Слабость характера—все равно, что трусость.

Я тебя всегда любилъ за твою честность и *деликатность*; я не знаю, какъ это послѣднее слово переводится по-русски, но постараюсь тебѣ растолковать. Если ты, напримѣръ, гуляешь въ чьемъ-нибудь саду, и хозяинъ позволитъ тебѣ сорвать у него цвѣтовъ, и ты сорвешь два-три цвѣтка, то это деликатно; если же ты оборвешь у него всѣ цвѣты, то это неделикатно; а если ты сверхъ того еще напакостишь у него въ саду, то это не только неделикатно, но и безчестно.

До этакой гадости, конечно, доходятъ не вдругъ, а понемногу, но надобно быть очень строгимъ къ себѣ самому, и не позволять себѣ ни малѣйшей неделикатности—иначе, какъ разъ выйдетъ изъ тебя самый гадкій человѣкъ.

А если ты далъ въ чемъ-нибудь слово, то держи свое слово, хотя бы тебя изрѣзали въ куски.

У тебя, Андрейка, есть все, что̀ нужно, чтобы быть честнымъ человѣкомъ; стало быть, тебѣ былъ бы страшный грѣхъ, еслибъ ты свихнулся. Все зависитъ отъ тебя; но если ты когда-нибудь почувствуешь, что можешь свихнуться, помолись хорошенько Богу, и ты увидишь, какъ ты сдѣлаешься силенъ, и какъ тебѣ сдѣлается легко идти по честной дорогѣ. Вообще, Андрейка, ты теперь уже большой, и все хорошее и дурное, что̀ можетъ въ тебѣ родиться, зависитъ болѣе отъ тебя, чѣмъ отъ другихъ... Я готовъ сдѣлать для тебя все, что̀ отъ меня зависитъ, если оно, по моему убѣжденію, для тебя полезно.

Въ этомъ ты можешь всегда на меня разсчитывать; я скорѣе самъ стѣснюсь, чѣмъ лишу тебя того, что̀ должно вести тебя къ добру. Но когда я увѣренъ, что ты желаешь чего-нибудь для себя вреднаго, я на это не соглашусь ни за что.

И потому я теперь говорю тебѣ рѣшительно: *я не согласенъ взять тебя изъ училища, отложи всякую на это надежду.*

Обнимаю тебя отъ всего сердца и надѣюсь на твою добросовѣстность. Отвѣчай мнѣ сейчасъ. Христосъ съ тобой, мой милый другъ!

5.

Карлсбадъ, 20-го августа (1-го сентября) 1871 г.

Милый мой и любезный Андрей, я сейчасъ получилъ твое письмо отъ 15-го августа, и сейчасъ же написалъ обо всемъ къ А. К., и поручилъ Ивану Константиновичу доставить письмо лично.

Къ К. я писалъ объ тебѣ еще прежде полученія твоего письма. Будь совершенно спокоенъ, думай только объ экзаменѣ и выдержи его *непремѣнно*. Я не могу ѣхать теперь въ Петербургъ. Мнѣ докторъ приказываетъ остаться здѣсь еще одну недѣлю, а потомъ я поѣду къ Софѣ, во-первыхъ, потому, что у нея продолжаютъ очень болѣть глаза, а во-вторыхъ потому, что у меня въ Красномъ-Рогу нужныя дѣла. Я послѣ пріѣду въ Петербургъ. А если ты выдержишь экзаменъ, то, вѣроятно, мы увидимся въ Красномъ-Рогу. Смотри, мой милый Андрей, я на тебя надѣюсь, не торопись на экзаменѣ, не конфузься, пройди до экзамена нѣсколько разъ то, въ чемъ ты нетвердъ, а послѣднюю ночь выспись хорошенько, чтобы быть свѣжимъ и твердымъ, и во всемъ положись на Бога. Если, какъ я увѣренъ, ты выдержишь экзаменъ, не торопись ѣхать въ Красный-Рогъ, а исполни всѣ обязанности, которыя на тебѣ будутъ лежать въ отношеніи къ начальникамъ. Если К. будетъ добръ къ тебѣ, не забудь его поблагодарить, и знай, что ты уже на службѣ и что твой point d'honneur въ томъ, чтобы быть изо всѣхъ товарищей самымъ аккуратнымъ. Христосъ съ тобой, мой другъ, обнимаю тебя отъ всей души. Напиши тотчасъ послѣ экзамена, на всякій случай— мнѣ въ Дрезденъ — Hôtel de l'Europe.

6.

Карлсбадъ, 23-го августа (4-го сентября) 1871 г.

Милый мой другъ Андрей, послѣ твоего экзамена, въ тотъ самый день, когда онъ кончится, пришли мнѣ телеграмму въ Дрезденъ, Hôtel de l'Europe, по-французски, — и скажи въ коротких словахъ, какъ ты его выдержалъ?

Посылаю тебѣ пять рублей; что̀ останется отъ телеграммы— употреби какъ хочешь.

7.

Венеція, 14-го (26-го) февраля 1872 г.

Милый мой другъ Андрей, очень намъ горестно, что ты занемогъ! Теперь не думай ни о чемъ другомъ, какъ только беречь себя и лечиться, и окрѣпнуть, чтобы при *теплой погодѣ* уѣхать изъ Россіи на югъ, въ Венецію или въ Аѳины, смотря по твоему здоровью. О службѣ своей не безпокойся, все будетъ устроено, и о твоей просрочкѣ,—какъ бы она ни была длинна,—тебѣ въ вину ее не поставятъ.

Я уже написалъ о тебѣ ***. Мы пишемъ К., прося его ѣхать съ тобою или найти тебѣ кого-нибудь, кто бы могъ тебя беречь дорогой, потому что когда ты оправишься, ты еще будешь слабъ.

Главное, не безпокойся ни о чемъ, а только скорѣй выздоравливай *и береги себя* во всѣхъ отношеніяхъ. Милый мой, у меня сильно болитъ голова, я тебѣ буду послѣ писать.

Письма твоего изъ Витебска мы не получили.

8.

Венеція, 26-го февраля (9-го марта) 1872 г.

Милый ты мой маленькій, хорошій мой!

Какъ мнѣ грустно, что тебѣ не лучше,—и какъ мнѣ тяжело, что я не могу пріѣхать къ тебѣ, хотя, по всѣмъ вѣроятіямъ, докторъ не позволилъ бы мнѣ взять тебя съ собой. Съ твоей болѣзнью слишкомъ опасно предпринять путешествіе въ холодъ.

Мы писали сегодня тетѣ, чтобы она перевела тебя въ большой домъ,—разумѣется, когда его хорошенько вытопятъ; я думаю, тебѣ будетъ лучше и больше будетъ воздуха.

Писали мы также, чтобы взяли къ тебѣ, если нужно, Шинкоренку [1]), или Дениса.

Не знаю, Андрейка, въ чемъ ты сидишь, т.-е., въ какомъ платьѣ, и есть ли у тебя покойное. Ты знаешь, что у меня есть разныя платья въ Красномъ-Рогу; они всѣ для тебя слишкомъ широки, но тѣмъ будетъ покойнѣе; выбери себѣ, какое будетъ удобнѣе, а еще лучше, чтобы тетя сшила тебѣ мягкій и покой-

[1]) Камердинеръ гр. Толстого.

ный халатикъ. Что-жъ дѣлать, лучше тебѣ до совершеннаго выздоровленія остаться въ Красномъ-Рогу и дождаться насъ, чтобы ѣхать вмѣстѣ съ нами.

Милый мой, какъ бы мнѣ хотѣлось выдумать что-нибудь, чтобы тебѣ было лучше, но тетя выдумаетъ это лучше меня, и все, что она для тебя устроитъ, я заранѣе утверждаю и благодарю ее за это впередъ.

9.

Венеція, 28-го февраля (11-го марта) 1872 г.

Милый мой Андрей, завтра твое рожденіе,—дай Богъ, чтобы въ это время, когда я пишу, ты чувствовалъ себя легче, и чтобы это было начало твоего совершеннаго выздоровленія. Но тетя пишетъ, что ты ѣздилъ гулять. Это неосторожность, хотя бы ты ѣздилъ и съ тѣмъ намордникомъ, который я велѣлъ Сол—чу тебѣ прислать.

Поцѣлуй тетю и поклонись Ольгѣ Ѳеодоровнѣ.

Полагаю, что Донъ проводитъ большую часть времени съ тобой. А здѣсь есть одна сѣрая собака по имени Diane, напоминающая своимъ характеромъ Бѣлку. Она свидѣтельствуетъ тебѣ свое почтеніе.

Христосъ съ тобой, мой милый другъ, погладь Дона отъ меня и дай ему косточку отъ Софы, а главное береги себя.

Цѣлую тебя и обнимаю.

10.

Willa d'Este, 15-го (27-го) апрѣля 1872 г.

Другъ мой, милый мой! Еслибы ты зналъ, какъ бы мнѣ хотѣлось быть съ тобой! Это наша зима тебя такъ ослабила, и когда я подумаю, что здѣсь такъ тепло, мнѣ дѣлается совѣстно и кажется, что я укралъ у тебя хорошую погоду.

Я и сердцемъ, и душою съ тобой!

Дней десять у насъ было холодно и всякій день шелъ дождь, и право мнѣ было какъ-то легче и менѣе совѣстно. Соня теперь или уже съ тобой, или скоро пріѣдетъ,—она писала, что выѣзжаетъ 15-го, только не знаю, новаго или стараго стиля.

Бѣдный ты! И на „капелкій-зелевъ“ [1]) не удалось тебѣ поѣхать. Развѣ, если будетъ теплѣе и ты окрѣпнешь, докторъ

---

[1]) По-шотландски—глухарь.

позволитъ тебѣ поѣхать на вальдшнеповъ; они долго тянутъ, до начала іюня.

А я, Андрей, хотя и плохо дышу, хочу взбунтоваться и заболтать ногами, и, вмѣсто Карлсбада, пріѣхать съ Софой къ тебѣ.

Только если ты будешь такой, какъ теперь, намъ нельзя будетъ плясать какъ угорѣлыя кошки. Поправляйся же скорѣе, сиди и молчи, и собирай силы.

Надѣюсь, что у тебя есть вдоволь молока.

Я всѣхъ коровъ, козъ и быковъ велѣлъ доить для тебя; а если этого мало, пусть доятъ и собакъ.

Помнишь, какъ тебя Н. хотѣлъ купать въ молокѣ?

Что̀ ты думаешь? Можетъ быть, это въ самомъ дѣлѣ было бы тебѣ полезно. Спроси у доктора.

Тётя пишетъ, что ты иногда сидишь на балконѣ; стало быть, и у васъ иногда бываетъ тепло, я этому радъ. Я увѣренъ, что тебѣ будетъ легче, когда настанутъ настоящіе теплые дни.

Мнѣ кажется, тебѣ было бы хорошо тогда цѣлый день сидѣть въ березовомъ или въ сосновомъ лѣсу, и только на ночь возвращайся домой.

Это навѣрно укрѣпляетъ и къ тому же очень пріятно.

Я увѣренъ, докторъ тебѣ это позволитъ.

Вели себѣ выстроить сосновый шалашъ, постлать коверъ и подушки, да и переселяйся въ лѣсъ.

Вотъ тебѣ портретъ моей гостинницы. Справа, во второмъ этажѣ четвертое окошко. Это—крошечная комнатка съ четырьмя дверями и огромнымъ каминомъ; очень неловко и все-таки хорошо,—точно въ каретѣ живешь.

А вотъ тебѣ orchys [1]), похожій на пчелу. Я сорвалъ его въ саду. Христосъ съ тобой, мой милый! Поцѣлуй тетю и Нину. До свиданія!

11.

Wiesbaden, 21-го апрѣля (3-го мая) 1872 г.

Милый, добрый, хорошій Андрей! Какъ мнѣ тяжело отложить мой пріѣздъ въ Красный-Рогъ! Я совсѣмъ рѣшился отвязаться отъ Карлсбада и ѣхать съ Софой къ тебѣ, но, какъ нарочно, простудился на дорогѣ изъ Италіи,—вѣроятно, при переѣздѣ черезъ Альпы. Еслибы я теперь поѣхалъ, то навѣрно

---

[1]) Орхидея.

бы занемогъ серьезно и задержалъ бы Софу на дорогѣ. Я рѣшился остаться дня три здѣсь, а потомъ на нѣсколько дней ѣхать въ Дрезденъ и полечиться тамъ пассивной гимнастикой, и тогда уже пріѣхать къ тебѣ молодцомъ. Я радъ за тебя и за Софу, что вы скоро увидитесь, и радъ, что Соня будетъ съ тобой, бѣдный ты мой! Хотѣлось мнѣ прислать тебѣ одну книгу: „Huit jours sous l'équateur", которую я читалъ въ Villa d'Este, но мы здѣсь никакъ не могли достать ее; можетъ быть, Софа достанетъ на какой-нибудь станціи.

До свиданія, мой милый другъ! Дай Богъ, чтобы тепло и лѣто тебя укрѣпили, а мнѣ совѣстно смотрѣть на здѣшнюю весну,—такая она теплая и цвѣтистая! Христосъ съ тобой, мой Андрейка, люблю тебя, обнимаю и цѣлую тебя.

Это послѣднее письмо могло быть получено почти наканунѣ смерти А. П. Бахметева, послѣдовавшей 7-го мая 1872 года.

НЕПОКОРНЫЙ

L'indocile, par Edouard Rod. Paris. 1905.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ *).

I.

Валентинъ и Дезире не останавливались въ Миланѣ и Флоренціи; они ловили на лету отблескъ поэзіи, наложенный вѣками на эти два знаменитыхъ города. Весна расцвѣтала въ садахъ, золотила своими лучами древнія стѣны памятниковъ, мраморъ церквей, статуи героевъ и боговъ; тосканскія масличныя деревья обрамляли долины, въ которыхъ скрываются полныя розъ виллы и наполненные произведеніями искусства монастыри.

Очарованные первымъ знакомствомъ съ Италіей, молодые люди прибыли въ Римъ, восхищенные дивными очертаніями долины Арно, по которой они проѣзжали днемъ, и дикою грустью Тразимены, видѣнной ими при закатѣ солнца. До окрестностей Porta Maggiore они, при свѣтѣ полускрывавшейся за тучами луны, созерцали урывками мрачное великолѣпіе Кампаньи, развалины вѣчныхъ укрѣпленій, фантастическій профиль Латерана.

Урбэнъ ожидалъ ихъ на вокзалѣ. Въ другое время Валентинъ съ радостью привѣтствовалъ бы стоявшаго рядомъ съ нимъ Клода, но именно въ эту минуту онъ былъ непріятно удивленъ его появленіемъ, смутно угрожавшимъ его планамъ.

— Ты здѣсь? Какимъ образомъ?

---

*) См. выше: мартъ, стр. 283.

Пріѣхавъ въ Римъ въ числѣ паломниковъ изъ „Борозды", Клодъ не былъ въ состояніи вернуться вмѣстѣ съ ними; Римъ такъ захватилъ его, что онъ оставилъ на нѣкоторое время свою работу, свою пропаганду, и весь отдался своимъ впечатлѣніямъ.

При словѣ „паломники" Дезире сразу насторожилъ уши.

— Вы видѣли папу?—воскликнулъ онъ.

— Конечно. Святой отецъ трижды принималъ насъ.

Несмотря на шумъ и толпу, Клодъ уже собирался изложить подробности пріема, но, недовольный такимъ началомъ, Валентинъ обратился къ Урбэну съ вопросами практическаго свойства. Тотъ уже нанялъ для нихъ помѣщеніе въ старомъ городѣ въ улицѣ Botteghe Oscure, въ двухъ шагахъ отъ гостинницы Клода. Дорогою Клодъ указалъ имъ на выступавшую среди развалинъ ярко освѣщенную Траянову колонну, и это было какъ бы первымъ откровеніемъ античнаго города, безсмертнаго среди современныхъ теченій и до сихъ поръ навязывающаго міру свои законы и свою исторію. Нѣсколько далѣе вырисовывалась зубчатая громада венеціанскаго дворца, прорѣзаннаго узенькими дверями и полукруглыми окнами. Когда фіакръ повернулъ на площадь Gesù, Луртье, протянувъ руку, сказалъ:

— Вотъ Капитолій.

Фіакръ остановился передъ дворцомъ съ темными стѣнами, рѣшетчатыми окнами и низкой дверью—бывшимъ палаццо Гаятани. Болтливая, любопытная, услужливая итальянская семья повела ихъ вверхъ по лѣстницамъ и отворила дверь въ ихъ помѣщеніе. Клодъ самодовольно объяснилъ, что здѣсь имъ будетъ лучше, чѣмъ въ отелѣ, хотя, быть можетъ, и не такъ удобно, но каждому полагается по комнатѣ; есть кромѣ того общая гостиная, а главное они здѣсь—въ старомъ Римѣ, и притомъ это обойдется имъ вдвое дешевле.

Разсчетливость Урбэна сказалась и тутъ. Хотя они не стѣснялись деньгами, Валентинъ поблагодарилъ друга. Имъ будетъ здѣсь очень хорошо. Не правда ли, Дезире?

Привыкшій къ роскоши и комфорту отцовскаго дома, юноша оглядѣлъ высокія сырыя комнаты съ роскошными потолками, желѣзныя кровати, картинки духовнаго содержанія надъ изголовьемъ, маленькіе умывальники, высокія, съ рѣзною спинкою и жесткимъ сидѣньемъ кресла.

— Намъ будетъ отлично,—весело отвѣтилъ онъ.

За ужиномъ Дезире захотѣлъ возобновить съ Клодомъ разговоръ о пріемѣ у папы; Валентинъ снова неловко перебилъ его и, встрѣтивъ изумленный взглядъ Дезире, смутился. Урбэнъ сталъ

разспрашивать друга о Луртье, которыхъ Валентинъ видѣлъ передъ отъѣздомъ. Ему не удалось поговорить съ дѣвушкою наединѣ, но, судя по трепету ея ручки, по взгляду, какимъ она встрѣчала его, онъ могъ думать, что Паула-Андреа не измѣнилась къ нему. Вопросы Урбэна его смущали; онъ боялся выдать себя. Да, онъ видѣлъ ихъ, всѣ они здоровы, кланяются Урбэну.

— Благодарю. А что, кузиночка все такая же хорошенькая?

Вопросъ былъ сдѣланъ вскользь, но Валентинъ покраснѣлъ и поспѣшилъ отвѣтить:

— Кажется, ты совсѣмъ не пишешь имъ? Они на это жалуются.

— И она тоже?—спросилъ Урбэнъ и лукаво засмѣялся.

— M-lle Паула-Андреа не говорила со мною о тебѣ.

— M-lle Паула-Андреа вообще мало говоритъ.

Оба они вдругъ сдѣлались разсѣяны, и, благодаря этой озабоченности, Дезире удалось услышать отъ Клода разсказъ о „паломничествѣ“: благосклонное отношеніе кардинала Вивеса, рѣчь святого отца въ тронной залѣ, смотръ „молодой гвардіи“ во дворѣ св. Марты, банкетъ, поѣздки. Онъ такъ увлекся, что на этотъ разъ уже не позволилъ Валентину дать бесѣдѣ другое направленіе.

На слѣдующій день Дезире пожелалъ отправиться прежде всего въ соборъ св. Петра, но Валентинъ уже заранѣе составилъ планъ: онъ намѣревался сперва поразить его воображеніе величіемъ языческаго Рима и затѣмъ воспользоваться этимъ впечатлѣніемъ для того, чтобы унизить, уменьшить въ его глазахъ католическій Римъ. Поэтому онъ предложилъ пойти безъ опредѣленной цѣли и самъ какъ бы случайно повелъ своего воспитанника къ Капитолію.

Долго они созерцали лежавшія у ихъ ногъ трагическія развалины форума, разрушенные палатинскіе дворцы, зіяющую громаду Колизея: изумительное зрѣлище, при видѣ котораго мысль охватываетъ всю исторію античнаго города, отъ легендъ объ его основаніи съ ихъ героями-полубогами и до кроваваго великолѣпія послѣднихъ цезарей. Дезире весь отдался чарамъ воспоминаній.

— Сойдемъ на форумъ. Хотите?

Среди обломковъ колоннъ, разрушенныхъ капителей, развалинъ храмовъ и портиковъ—возставали классическія воспоминанія. Валентинъ, прочитавшій книгу Ферреро, увлекся, говоря о великихъ римлянахъ, предвозвѣстникахъ нашей борьбы и нашихъ страданій: имена Гракховъ, Марія, Красса, Цезаря—сыпались

съ его устъ, словно это были имена современниковъ. Дезире слушалъ его съ нѣсколько тупымъ отъ напряженія видомъ: казалось, что онъ среди извилинъ исторіи искалъ твердую точку опоры для своей мысли. Наконецъ онъ медленно проговорилъ со своей обезкураживающей серьезностью:

— Я смотрю на эти развалины. Слушая васъ, я допрашиваю эти камни. Но—нѣтъ, они принадлежатъ чужой почвѣ, въ которой я не пустилъ корней; они—остатки другой, чуждой мнѣ цивилизаціи.

— Я васъ не понимаю!—изумленно отозвался Валентинъ.

— Между всѣмъ этимъ и нами—есть свѣтъ, озарившій и преобразившій міръ. Я чувствую здѣсь, что наши предки—не римляне съ форума; это—римляне изъ катакомбъ.

Онъ говорилъ со странною смѣсью робости и силы; Валентинъ возразилъ ему въ примирительномъ, нѣсколько дидактическомъ духѣ, приводя примѣры, указывавшіе на аналогичность нашихъ общественныхъ столкновеній съ тѣми, которыя разыгрывались здѣсь двадцать вѣковъ тому назадъ, когда Цицеронъ обличалъ Катилину.

— И вы еще говорите, что это—не наши предки!—воскликнулъ Валентинъ.

Дезире не возражалъ, но слова учителя скользили по немъ, не смягчая его спокойнаго упорства, на которое факты не могли имѣть никакого вліянія.

Усталость и голодъ прогнали ихъ изъ развалинъ; они позавтракали въ „тратторіи“ и къ четыремъ часамъ отправились вмѣстѣ съ Клодомъ и Урбэномъ на чай къ директору. Урбэнъ занималъ одну изъ комнатъ второго этажа въ великолѣпномъ зданіи палаццо Фарнезе, постройку котораго началъ Антоніо ди-Санъ-Галло и закончилъ Микель-Анджело. Окна его выходятъ во дворъ, замѣчательный строгимъ великолѣпіемъ своихъ дорическихъ колоннъ и темныхъ фризовъ. Презиравшій всякія „финтифлюшки“, Урбэнъ ограничился казенною меблировкой. Гости его очень удивились, заставъ у него маленькаго, въ очень заплатанной рясѣ, священника, съ очень черными глазами и очень темнымъ цвѣтомъ лица. Представляя его, Урбэнъ подмигнулъ.

— Донъ Аббондіо, дающій для меня выписки изъ архивовъ Ватикана. Донъ Аббондіо говоритъ немного по-французски; вы поймете другъ друга.

Попикъ поклонился, улыбнулся, сверкнувъ своими огненными глазами. Онъ былъ родомъ изъ Калабріи, прихода не имѣлъ и влачилъ убогое существованіе, пробиваясь случайною работою,

требами, исполняемыми за половинную цѣну, даже—прелатскими подаяніями. У него было длинное лицо, прекрасный лобъ, плохо выбритыя щеки, тонкія руки съ черными ногтями. Хотя онъ велъ жизнь, полную превратностей, и на старости лѣтъ ему угрожала нищета, но онъ отличался беззаботностью ребенка и невозмутимо ровнымъ нравомъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ сопровождалъ Луртье въ архивы Ватикана, гдѣ медленно и спокойно переписывалъ прекраснымъ закругленнымъ почеркомъ указанныя ему бумаги, между тѣмъ какъ его временный хозяинъ отправлялся работать въ библіотеку. Урбэнъ находилъ злобное удовольствіе въ сознаніи, что ему доставляетъ оружіе для борьбы не кто иной, какъ служитель церкви, опустившійся, но въ сущности честный человѣкъ, вѣрующій и суевѣрный, попрошайка и готовый отдать болѣе голодному, чѣмъ онъ самъ, свой необезпеченный кусокъ хлѣба. Урбэнъ прозвалъ его: „донъ-Курато“ или „Пококурато“, и постоянно дразнилъ, но ему никогда не удавалось вывести его изъ себя.

Донъ Аббондіо разговаривалъ съ Клодомъ, единственнымъ оказывавшимъ ему вниманіе человѣкомъ, и потому весь сіялъ, но не зная, какъ отнесутся гости къ его внѣшности и поношенной сутанѣ, онъ принялъ свойственный ему смиренный, отчасти робкій, отчасти угодливый видъ. Урбэнъ не пожелалъ, однако, оставить его въ тѣни, и потребовалъ, чтобы тотъ разсказалъ случившійся сегодня поутру эпизодъ, дававшій обильную пищу пересудамъ въ кружкѣ ученыхъ и туристовъ.

Не заставляя себя просить, попикъ засмѣялся, показывая ослѣпительно бѣлые зубы, похлопалъ себя по губамъ, словно предупреждая, что онъ плохо говоритъ по-французски, и принялся разсказывать свою исторію, мѣшая французскія слова съ итальянскими и сопровождая ихъ соотвѣтствующею мимикою.

— Già!—синьоръ Луртье, если вамъ угодно?... Это происходило въ архивахъ, синьоры, сегодня поутру... Тамъ былъ ученый... великій ученый... съ сѣдыми длинными-длинными, вотъ такими волосами... И глаза у него... ахъ, что̀ за глаза! (Донъ Аббондіо постарался придать грозное выраженіе своимъ прекраснымъ бархатистымъ глазамъ.) И очки, синьоры!.. Онъ работалъ, работалъ, работалъ... (Донъ Аббондіо разставилъ локти и подперъ ими голову), какъ вдругъ... входитъ святой отецъ! Всѣ преклонили колѣна, всѣ, кто былъ тамъ. Но онъ... (Разсказчикъ снова продѣлалъ ту же мимику.) Святой отецъ взглянулъ на него. (Донъ Аббондіо придалъ лицу выраженіе недоумѣнія.) А онъ продолжалъ работать, работать, работать...

Урбэнъ расхохотался, словно онъ впервые слышалъ этотъ разсказъ. Они увидятъ, что за сплетня выростетъ изъ этого! Но можно себѣ представить, до чего изумился папа! Въ его собственномъ царствѣ и вдругъ—такое отношеніе. Ахъ, донъ Курато, то ли еще предстоитъ ему увидѣть!

— Già, синьоръ Луртье,—онъ уже многое видѣлъ на своемъ вѣку, и все-таки онъ до сихъ поръ здѣсь.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы увѣрены, что онъ еще здѣсь, что онъ существуетъ?

Эти ироническіе вопросы, сопровождаемые вызывающимъ смѣхомъ, оскорбили Клода, который серьезно сказалъ, что во всякія времена могутъ явиться Ногареты.

— Ну, милый мой,—насмѣшливо возразилъ Урбэнъ,—теперь нѣтъ надобности въ желѣзныхъ перчаткахъ, пощечинахъ и насиліи. Полное пренебреженіе—вотъ что грозитъ Ватикану. Оно разрушитъ его стѣны, какъ это случилось съ Авиньонскимъ дворцомъ. Какъ вы полагаете, monsieur Дезире?

Валентинъ отвѣтилъ за своего ученика, что они пріѣхали сюда именно для того, чтобы все видѣть и составить обо всемъ свое собственное мнѣніе.

— Независимо отъ всякихъ внушеній,—сказалъ Клодъ.

— Отъ обмановъ исторіи и собственнаго воображенія,—докончилъ Урбэнъ его фразу.

Донъ-Аббондіо, пытаясь примирить ихъ, воскликнулъ, что онъ еще никогда не встрѣчалъ двоихъ французовъ, которые не спорили бы о религіи и политикѣ.

— Ну, милѣйшій мой Повокурато, не всѣ обладаютъ вашею покладливостью въ убѣжденіяхъ,—сказалъ Урбэнъ, и снова обратился къ Дезире:

— Если вы еще не были въ соборѣ св. Петра, подождите до воскресенья. Въ этотъ день папа совершаетъ канонизацію какого-то новаго святого, и вы увидите парадный спектакль. Я достану вамъ мѣсто, и мы отправимся вмѣстѣ. А теперь—идемъ къ директору.

Въ эту минуту Валентинъ замѣтилъ на столѣ любительскую фотографію въ кожаной съ золотымъ тисненіемъ рамкѣ, изображавшую семью Луртье за столомъ—съ толстою Анжеликою на заднемъ планѣ и съ Паулою-Андреа—на первомъ. Фигура дѣвушки явственно выдѣлялась изъ группы.

— Узнаёшь?—воскликнулъ Урбэнъ.—Не правда ли, какъ она мила? Идемъ же.

Въ салонѣ директора, убранномъ, несмотря на золоченую

мебель и красный цвѣтъ обивки, въ строгомъ стилѣ, собралось человѣкъ тридцать: ученыхъ, историковъ, археологовъ всѣхъ національностей, дамъ, носившихъ звучныя, древне-римскія имена. Урбэнъ принялся сообщать Валентину ихъ краткія біографіи, но тотъ разсѣянно слушалъ его, встревоженный контрастомъ между плохою фотографіей и красивою рамкой. Онъ усматривалъ въ этомъ признаки возможнаго соперничества, мысль о которомъ не приходила ему раньше въ голову. Урбэнъ спокойно продолжалъ называть ему фамиліи герцогинь и ученыхъ. Высокій, аскетическаго вида, съ длинными волосами старикъ разсказывалъ тѣмъ временемъ, окруженный группою слушателей, утренній инцидентъ въ папскомъ архивѣ.

— Если бы я подозрѣвалъ о его присутствіи, я, конечно, не отказался бы выказать ему свое уваженіе, но я былъ всецѣло погруженъ въ работу. Мною овладѣла та лихорадка изысканій, которая хорошо знакома присутствующимъ. Забываешь о мѣстѣ и времени, стремясь внести свою крупицу въ сокровищницу исторіи. А теперь всюду говорятъ, пожалуй еще напишутъ, что такой-то сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ папы — изъ нежеланія преклонить передъ нимъ колѣна. Это — ложь. Я уважаю этого добраго старца и то, что̀ онъ собою представляетъ. Не находите ли вы, что это — маленькій урокъ всѣмъ намъ, черезчуръ увлекающимся людямъ?

На мгновеніе его суровое лицо озарилось невыразимо кроткою, почти дѣтскою улыбкою. Слова его вызвали сочувственный откликъ среди окружающихъ.

— Вотъ еще одинъ человѣкъ, не рѣшающійся громко отстаивать свои мнѣнія, — сказалъ Урбэнъ друзьямъ.

Онъ увлекъ ихъ на балконъ, гдѣ амфоры, барельефы, остатки колоннъ — исчезали подъ массою зелени. У ногъ ихъ катились желтыя во̀ды Тибра. Увѣнчанный соснами, кипарисами, зелеными дубами, надъ всѣмъ царилъ Яникульскій холмъ; неподалеку выдѣлялся изящный профиль Фарнезины, далѣе — громада палаццо Корсини. Колоссальная статуя Гарибальди грозно поднималась на горизонтѣ.

— Ватиканскій узникъ не можетъ сдѣлать шага въ своемъ саду безъ того, чтобы не видѣть ее передъ собою, — сказалъ Урбэнъ; — итакъ, послѣднее слово — за побѣжденнымъ при Ментанѣ.

Онъ собирался продолжать, но къ нему подходила, разговаривая съ бѣлокурымъ господиномъ въ очкахъ, какая-то дама — еще молодая и очень элегантная. Урбэнъ сразу оборвалъ и сдѣлался нервенъ.

— Это—мой другъ, баронесса фонъ Кальвицъ. Какъ ты ее находишь?

У нея были пріятныя черты, прекрасные глаза, и, несмотря на худобу, она обладала не лишенною привлекательности своеобразною граціей, но волосы она красила, румянила щеки и мазала губы.

— Немолода и—главное—слишкомъ накрашена.

Урбэнъ воскликнулъ:

— Какъ можно! Ей нѣтъ тридцати-пяти лѣтъ,—очаровательная, очень развитая женщина. Хочешь, я представлю тебя?

Не ожидая отвѣта, онъ подвелъ его къ незнакомкѣ. Баронесса улыбнулась Валентину и, оставивъ руку своего кавалера, заговорила объ этрусскихъ могилахъ. Валентинъ сначала прислушивался, но, видя, что вниманіе Урбэна оказывалось, повидимому, достаточнымъ для баронессы, онъ послѣдовалъ примѣру господина въ очкахъ и отошелъ. Онъ долго простоялъ съ Дезире на балконѣ, между тѣмъ какъ новые ученые и новыя герцогини прибывали въ красный салонъ.

II.

Задолго до начала церемоніи, Урбэнъ, Валентинъ и Дезире—всѣ, какъ полагалось, въ бѣлыхъ галстукахъ — отправились въ храмъ святого Петра. Дивная мечта въ камнѣ, задуманная Браманте и освященная Микель-Анджело, захватила Валентина и Дезире: перваго—мощью религіознаго духа, отъ нея исходящаго, второго — величіемъ созданія. Они безмолвно остановились на углу улицы Рустикуччи.

Со всѣхъ концовъ сюда спѣшили прелаты, семинаристы, монахи, офицеры, женщины въ накидкахъ, мужчины въ пальто, и всѣ эти безчисленные, уменьшенные разстояніемъ силуэты — кишѣли на паперти собора, въ галереяхъ, на площади вплоть до подножья желтой громады Ватикана.

Недовольный такимъ оживленіемъ, Урбэнъ шепнулъ Валентину:

— Чортъ побери! Кажется, мы ошиблись... Бываютъ дни, когда храмъ Петра походитъ на громадный катафалкъ,—твой ученикъ скорѣе бы почувствовалъ его запустѣніе и смерть.

Но они уже были невластны устранить впечатлѣніе, которое охватывало ихъ самихъ. Безмолвный, съ горящими глазами, Дезире отдавался своему волненію. Мысль его, освободясь отъ обычнаго гнета враждебной воли, сковывавшей ея полетъ, братски

стремилась къ этимъ невѣдомымъ людямъ, сливалась съ ними, подобно отдѣльной нотѣ, уносимой волнами гармоніи.

— Войдемъ, — предложилъ Валентинъ, прерывая Урбэна, уже начавшаго предсказывать „конецъ всей этой комедіи", причемъ онъ обращался преимущественно къ Валентину.

Они подошли къ обозначеннымъ на ихъ билетахъ дверямъ. Публика входила въ полномъ порядкѣ, и они пробрались къ своимъ мѣстамъ такъ же свободно, какъ если бы никого не было въ храмѣ. Мѣста ихъ оказались налѣво отъ трансцепта, нѣсколько подальше балдахина Урбана VIII, позади отведеннаго для духовныхъ лицъ пространства. Даже Урбэнъ, разыгрывая безпристрастіе, сказалъ, что все совершается въ большомъ порядкѣ.

Фіолетовые, мягко скользящіе прелаты, офицеры съ плюмажемъ, проходили мимо, отдавая вполголоса приказанія. Казалось, что всѣ ждутъ праздника, и это ожиданіе прекраснаго зрѣлища объединяло собравшихся здѣсь людей, принадлежащихъ къ различнымъ слоямъ общества. Блескъ затканныхъ золотомъ тканей, золота балдахина и кистей — сливался съ волнами струившихся изъ оконъ солнечныхъ лучей, въ которыхъ тонуло сіяніе безчисленныхъ зажженныхъ вокругъ главнаго алтаря огней.

При изобиліи свѣта, соборъ, будучи истиннымъ чудомъ архитектуры, не подавлялъ взора своими громадными размѣрами. Въ немъ, какъ въ безконечности, не чувствовалось ни времени, ни пространства.

Урбэнъ заговорилъ о безумной и безвкусной роскоши украшеній, купленной на лепту бѣдняка, вызванную подъ угрозою кары за грѣхи... Никто ему не отвѣчалъ, но онъ все болѣе и болѣе возбуждался.

— Папа будетъ канонизировать какого-то священника, голодавшаго при жизни въ Абруццахъ... Грязный, оборванный, суевѣрный, ограниченный, вродѣ нашего донъ-Аббондіо, этотъ попикъ творилъ при жизни маленькія чудеса, и вдругъ послѣ смерти попалъ въ святые! Весь христіанскій міръ сбѣгается посмотрѣть на его черепъ и голени...

На этотъ разъ Дезире побѣдилъ свою робость; глядя прямо въ глаза Урбэну, онъ твердо проговорилъ:

— Развѣ вамъ неизвѣстно, г. Луртье, что я — католикъ и вѣрующій?

Удивленный Урбэнъ пробормоталъ:

— Простите, я не зналъ... Я не былъ увѣренъ...

Глухой шумъ, похожій на рокотъ вѣтра въ лѣсу, послы-

-шался позади балдахина, и въ глубинѣ собора показалось шествіе. Оно медленно двигалось между двухъ рядовъ тѣсно сплоченной толпы; издали можно было разглядѣть только яркіе цвѣта, переливавшіеся вокругъ чего-то бѣлаго. Затѣмъ оно развернулось вдоль балдахина, на подобіе пестрыхъ колецъ гигантской змѣи, и тогда оказалось возможнымъ различить кирасы, плюмажи, мундиры четырехъ гвардейцевъ, черныя одежды, золотыя цѣпи и фрезы церемоніймейстеровъ, бѣлые и сѣрые мѣха бенефиціевъ, грозелевые камзолы „буссоланти" и позади „sedia" папы—яркій пурпуръ кардинальскихъ облаченій.

Друзья преклонили колѣна; Дезире едва осмѣливался поднять глаза. Когда „sedia" приблизилась къ нимъ, онъ опустилъ голову на руки, между тѣмъ какъ его товарищи съ любопытствомъ разглядывали могучую фигуру папы, его немного полное румяное лицо, благожелательное и серьезное подъ вѣнчавшею его тяжелою тіарой. Кардиналы прослѣдовали одинъ за другимъ, и Урбэнъ шопотомъ называлъ имена, хорошо всѣмъ знакомыя по послѣднему конклаву.

— Вотъ этотъ высокій брюнетъ, идущій со сложенными руками, не глядя ни направо, ни налѣво,— Маріано Рамполла. Вамъ извѣстно, что если бы не пустячная помѣха, онъ былъ бы... Вотъ Готти, худой, прозрачный, похожій на ощипанную птицу... А этотъ съ суровымъ надменнымъ лицомъ—Орелья... Вонъ тотъ съ пріятными чертами — Винченцо Ванутелли. А вотъ этотъ — молодой, стройный, сильный, оглядывающійся вокругъ — Мерри дель Валь, страшный фанатикъ.

Цѣпь жандармовъ замкнула шествіе, и теперь трое пріятелей могли видѣть только стальныя спины ихъ кирасъ, образовавшихъ стѣну, сверкавшую на солнцѣ. Когда порою стѣна раздвигалась, ихъ взорамъ на мгновеніе являлся папа, совершавшій обрядъ, но затѣмъ снова все исчезало за толпою колѣнопреклоненныхъ сутанъ и неподвижныхъ, обращенныхъ въ одну сторону головъ.

— Стоило изъ-за этого безпокоиться!—ворчалъ Луртье.

Церемонія совершалась гдѣ-то вдали отъ нихъ. Порою глухой ропотъ отдаленной толпы — внимательной или разочарованной, любопытной или набожной—достигалъ до ихъ слуха, какъ гулъ невидимаго моря, доносимый порывомъ вѣтра. Но вотъ стѣна кирасъ раздвинулась, шествіе въ томъ же порядкѣ двинулось обратно, также заколебалась „sedia"; бѣлая фигура папы, все уменьшавшаяся по мѣрѣ удаленія, совсѣмъ исчезла; наконецъ и самая процессія, достигшая противоположнаго конца собора, превратилась въ линію пестрыхъ точекъ. Она еще не успѣла

окончательно скрыться изъ виду, какъ соборъ уже сталъ очищаться отъ публики, выходившей въ томъ же порядкѣ. Дезире вздохнулъ:

— Уже!

— Не хотѣлъ ли онъ, чтобы это продолжалось двѣнадцать часовъ?—шепнулъ Луртье Валентину.

При выходѣ, они столкнулись съ двумя знакомыми Урбэна, и во время краткаго обмѣна впечатлѣній Валентинъ замѣтилъ исчезновеніе Дезире. Онъ хотѣлъ сейчасъ же отправиться на поиски, но Урбэнъ удержалъ его. Гдѣ его найдешь въ такой толпѣ? Не потеряется: не маленькій...

Дезире дозволилъ толпѣ оттѣснить его отъ его спутниковъ. Онъ хотѣлъ уберечь свое благоговѣйное настроеніе отъ насмѣшекъ Луртье. Дезире шелъ наугадъ, самъ не зная куда, и, дойдя до San-Spirito, уже намѣревался вернуться, какъ вдругъ кто-то слегка дотронулся до его плеча.

Онъ обернулся. Донъ-Аббондіо улыбался ему всѣмъ своимъ смуглымъ, свѣжевыбритымъ лицомъ, своимъ большимъ ртомъ, черными глазами, даже безчисленными дырами и заплатами своей сутаны.

— Вы одни, эччеленца, совсѣмъ одни? Già! Потеряли друзей?

— Я вернусь домой въ экипажѣ.

Въ эту минуту Дезире опасался общества донъ-Аббондіо почти столько же, сколько встрѣчи съ Луртье. Лишенный достоинства, плохо одѣтый, угодливый попикъ казался ему каррикатурою на величественныхъ князей церкви, которыми онъ только-что восхищался,—негодною вѣтвью великолѣпнаго вѣкового дерева. Не смущаясь холодностью юноши, донъ-Аббондіо продолжалъ:

— Нѣтъ, эччеленца, пойдемте лучше со мною... Недалеко, нѣтъ... Вотъ туда... Увидите такое... такое зрѣлище, какое не часто приходится видѣть... Ужъ я вамъ говорю...

Онъ безъ дальнѣйшихъ церемоній взялъ Дезире подъ-руку и потащилъ его, не умолкая ни на минуту.

— Синьоры были съ вами? Да?.. Добрые синьоры... Оба—добрые... Но!..

Онъ выпустилъ руку спутника, сложилъ руки на груди и вздохнулъ, поднявъ глаза къ небу.

— Много есть такихъ, какъ они... Много! А почему? Потому что они слишкомъ много учились. Люди учатся, учатся, и затѣмъ у нихъ заходитъ умъ за разумъ. А вы знаете ли, отчего, эччеленца? Отъ гордыни. Да!

Лицо его выразило испугъ, ужасъ, отвращеніе, словно онъ увидѣлъ дьявола.

— Гордыня эта—самъ дьяволъ. И она къ тому же—ложь. Что мы такое, эччеленца? Черви... Земляные черви. А хотимъ все изведать, все понять. Пфа!

Онъ презрительно плюнулъ.

— Надо быть смиреннымъ, эччеленца... Смиренные духомъ дѣлаютъ что могутъ, идутъ себѣ потихоньку, piano, piano...

Онъ вдругъ засѣменилъ осторожною трусцою, держась у самыхъ стѣнъ.

— Синьоръ Луртье — добрый синьоръ... Mà! Совсѣмъ не смиренный, нѣтъ, нѣтъ...

Онъ съ сокрушеніемъ покачалъ головою и вдругъ, словно примирившись съ этимъ, заключилъ снисходительнымъ тономъ:

— Peccato!

Онъ продолжалъ цитировать евангельскія слова о смиренныхъ духомъ, прерывая свою рѣчь для того, чтобы указать спутнику на какія-нибудь подробности народной жизни: выставленныя на вѣтру тыквенныя сѣмена, зерна бобовъ и „pinoli“, драку мальчишекъ, которыхъ разгоняетъ старуха, группу оборванцевъ, окружающихъ живописца, укрывшагося подъ зонтикомъ. Онъ продолжалъ говорить, и по временамъ Дезире улавливалъ въ его тарабарщинѣ своеобразное краснорѣчіе и подъемъ мысли.

На Яникульскомъ холмѣ донъ-Аббондіо не забылъ указать юношѣ на старый дуплистый дубъ, подъ сѣнью котораго когда-то сидѣлъ кающійся великій поэтъ.

— Эта гордыня загубила его, эччеленца,—ничто другое... Онъ былъ добръ, онъ былъ геніаленъ... До чего геніаленъ! Вспомните его „Іерусалимъ“. Но!.. Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ имъ восхищались: дамы, синьоры, кардиналы... И голова у него закружилась. И онъ пришелъ сюда въ монастырь бѣднякомъ. Молиться, плакать, умереть... Povero Torquato!

Глаза его наполнились слезами, онъ протягивалъ руку къ старому, больному дереву, и когда Дезире хотѣлъ-было повернуть къ городу, онъ кинулся удержать его.

— Нѣтъ еще, эччеленца, взойдемъ туда.

Онъ повелъ его на террасу, возвышающуюся надъ дубомъ. У нихъ ногъ разстилался городъ, золотистый какъ поле пшеницы, а надъ нимъ — небо, похожее на расплавленное золото и прорѣзанное пурпурово-кровавыми полосами на западѣ. На фонѣ его рѣзко выдѣлялись очертанія памятниковъ, деревьевъ и холмовъ.

— Вотъ, синьоръ, взгляните... и поймите...

Онъ сталъ называть церкви, развалины, дворцы, пригорки— начиная съ Monte-Mario, вѣнчаннаго кипарисами и соснами и

кончая громаднымъ лѣсомъ Montecavo, но онъ путался въ названіяхъ, принималъ одно за другое, и, замѣтивъ это, извинился.

— Вы понимаете, эччеленца, я не знаю... Я—бѣдный невѣжда, я ничего не знаю... Вы все здѣсь видите, эччеленца, все!.. Всю міровую исторію, языческіе храмы и дворцы, палаты цезарей, базилику Константина, Пантеонъ и Капитолій, термы и акведуки, — всѣ лучшія созданія рукъ человѣческихъ... Вы стойте, какъ Христосъ на горѣ, когда діаволъ хотѣлъ искусить его. Всѣ царства міра—тамъ!

Онъ указалъ на куполъ святого Петра, который какъ будто рѣялъ надъ кровлями и стѣнами домовъ; онъ казался выше отдаленныхъ вершинъ Соранты и Раццано; онъ царилъ надъ всею окрестностью, тянувшеюся къ морю или уходившею въ безконечность.

— Вы видите, онъ высится надо всѣмъ, онъ уходитъ въ небо, эччеленца... Синьоръ Луртье можетъ говорить и то, и се, ученые могутъ писать книги, министры и короли властны издавать законы, но я говорю: это сильнѣе всего! А вы знаете, почему, эччеленца?

Изумленный этимъ вопросомъ, Дезире обернулся къ попику, который ударилъ себя въ грудь.

— Потому что онъ вмѣщаетъ въ себѣ все остальное. Онъ больше государствъ, престоловъ, цѣлаго міра,—онъ...

Донъ-Аббондіо остановился, пріискивая слово, образъ, которые могли бы выразить его мысль. Не найдя для нея выраженія, онъ покачалъ головою въ сознаніи своей безпомощности, и проговорилъ съ серьезностью, почти торжественной, между тѣмъ какъ его фигурка словно выростала среди сгущавшихся сумерекъ.

— Въ немъ—путь, истина, жизнь...

И осѣнивъ себя крестомъ, онъ замолкъ.

Небо начинало блѣднѣть. Вечернія тѣни окутывали городъ, горы таяли, исчезали на горизонтѣ. Пора было уходить. Донъ-Аббондіо, словно истощивъ весь свой запасъ вдумчивости, снова дѣлался смиреннымъ и жалкимъ по мѣрѣ того, какъ они спускались въ долину. Въ тратторіи улицы della Longara, онъ даже спросилъ стаканъ бѣлаго вина и пилъ его съ ужимками монаха изъ новеллъ Боккачіо, причемъ сидѣвшіе подъ навѣсомъ рабочіе подсмѣивались надъ нимъ.

III.

Въ слѣдующее воскресенье было рѣшено отправиться пикникомъ на Montecavo. Пригласили и донъ-Аббондіо, радовавшагося возможности отдохнуть на одинъ день отъ папскихъ архивовъ. Насмѣшки Урбэна не могли помѣшать его наслажденію природой.

Они отправились въ колясkѣ впятеромъ до Rocca di Papa, оттуда поднялись пѣшкомъ въ гору и сѣли завтракать въ деревенской тратторіи. Нѣсколько крестьянъ въ пестрыхъ лохмотьяхъ придавали мѣстности живописный колоритъ. За завтракомъ подали душистое мѣстное вино, особенную честь которому оказалъ опять-таки донъ-Аббондіо, причемъ Луртье, наполняя его стаканъ, грубовато пошутилъ на тему о томъ, какимъ бы онъ былъ желаннымъ гостемъ въ Канѣ Галилейской, а попикъ, снисходительно улыбаясь своей собственной слабости, виновато поглядывалъ на другихъ, словно умоляя ихъ о поддержкѣ.

Послѣ закуски они поднялись, хотя уже не столь бодрымъ шагомъ, до старинной Тріумфальной арки, и долго любовались дивными видами на далекую цѣпь Апеннинскихъ горъ, албанскія озёра, усѣянную развалинами лѣсистую долину, на Римъ, еле видимый, но все же золотистый, окутанный легкимъ туманомъ, какъ покрываломъ.

— Нельзя разглядѣть ни Палатина, ни Квиринала,—сказа́лъ Клодъ, напрягая зрѣніе.

— Но хорошо виденъ куполъ св. Петра? — воскликнулъ Дезире, посмотрѣвъ на донъ-Аббондіо.

— Его отовсюду видно,—сказалъ Клодъ.

— Ты станешь утверждать, что это чудо?—сказалъ Урбэнъ.

— Не чудо, но быть можетъ—символъ.

— Еще бредни! Символъ чего? Быть можетъ, сутана донъ-Аббондіо—тоже символъ? Она свидѣтельствуетъ, что церковь нуждается въ реставраціи...

Попикъ благосклонно улыбнулся, чтобы показать, что онъ не обиженъ, и отвѣчалъ:

— Э, синьоръ Луртье, ряса у меня дырявая, и самъ я—жалкій грѣшникъ, но на всякихъ поляхъ попадаются сорныя травы, а пятна имѣются и на солнцѣ.

Дезире съ Клодомъ пошли впередъ; къ нимъ присоединился и донъ-Аббондіо, который сначала, въ качествѣ доброй собаки, не зналъ, къ кому пристать.

— Не слѣдовало бы оставлять Дезире съ Клодомъ,—сказалъ Валентинъ: — онъ имѣетъ на него большое вліяніе, а мы пріѣхали сюда не для того, чтобы сдѣлать изъ него ревностнаго католика.

— Будь спокоенъ, — возразилъ Урбэнъ: — у него имѣется противовѣсъ въ лицѣ донъ-Аббондіо. Это—живой аргументъ противъ католицизма. Очень забавенъ, впрочемъ, если его подпоить...

Урбэнъ радовался возможности остаться наединѣ съ Валентиномъ; онъ чувствовалъ, что тотъ втайнѣ больше любилъ Клода, и это его огорчало; онъ радовался ихъ прогулкѣ еще изъ эгоизма, такъ какъ желалъ подробно поговорить съ нимъ о своихъ планахъ, работахъ, идеяхъ. Его знаменитая монографія была окончена, и онъ переписывалъ ее для отправки въ Институтъ. Урбэнъ принялся расхваливать ее, цитируя труды Сегмюллера, Гёллера, Виллани, Альвареца Пелайо, изслѣдованія которыхъ о неправедно-нажитыхъ богатствахъ папы Іоанна XXII онъ дополнилъ и развилъ. Нельзя нагляднѣе изобразить нищету народа, котораго съ одной стороны обдираетъ папа, а съ другой —стрижетъ король.

Валентинъ слушалъ его не безъ разсѣянности. Онъ предпочелъ бы отдаться очарованію этой прогулки по лѣснымъ тропинкамъ, съ которыхъ по временамъ открывался среди зелени чудный видъ на равнину или на море. Ему желательнѣе было бы слышать изліянія другого рода, которыя опровергли бы или подтвердили его подозрѣнія, но Урбэнъ продолжалъ распространяться о своихъ работахъ, одну изъ которыхъ онъ надѣялся пристроить въ „Соціалистическое Обозрѣніе".

Когда они сворачивали съ тропинки на большую дорогу, имъ встрѣтилась коляска парою. Они посторонились, чтобы пропустить экипажъ, въ которомъ сидѣла утопавшая въ воздушныхъ тканяхъ баронесса фонъ-Кальвицъ, рядомъ съ красивымъ офицеромъ-брюнетомъ, крутившимъ свои усы съ видомъ побѣдителя.

— Однако она не стѣсняется, твоя дама-археологъ!—смѣясь, воскликнулъ Валентинъ, но, обернувшись къ другу, увидѣлъ, что тотъ стоитъ весь блѣдный, съ искаженнымъ лицомъ, среди поднятаго экипажемъ облака пыли.

— Чтò съ тобою?

Урбэнъ погрозилъ кулакомъ коляскѣ, уже скрывшейся изъ виду.

— Чортъ! Развѣ ты не замѣтилъ, что между нами что-то есть?..

Эти слова были для Валентина лучомъ свѣта. Къ его изу-

мленію примѣшалось чувство облегченія и внезапный приливъ дружбы къ Урбэну.

— Ты ничего мнѣ не сказалъ!

— Да развѣ о такихъ вещахъ говорятъ? Но ударъ слишкомъ неожиданъ, слишкомъ жестокъ... Тѣмъ хуже...

И онъ все разсказалъ: ихъ первую встрѣчу въ салонѣ, на раскопкахъ въ форумѣ, въ катакомбахъ. Сначала онъ былъ равнодушенъ, но она сумѣла завлечь его. Романъ длился шесть мѣсяцевъ.

Валентинъ, болѣе взволнованный этимъ разсказомъ, чѣмъ папскими хищеніями, прерывалъ его вопросами, цѣль которыхъ Луртье не понималъ:

— Такъ ты ее не любилъ?

— Ничуть... Я даже находилъ ее педанткою. Но что подѣлаешь? Такая шикарная женщина... Большое состояніе и до чего элегантна!..

— Итакъ, ты въ концѣ концовъ къ ней привязался?

— До нѣкоторой степени—да... Она говоритъ, что ей тридцать-пять... Вотъ нахальство! Ей всѣ — сорокъ-пять, если не пятьдесятъ.

— Но все же она тебѣ нравилась?

— Потому что я — дуракъ.

— Такъ почему же ты ревнуешь?

— Любишь или нѣтъ, но быть обманутымъ не желаешь. Я считалъ ее своею, своею собственностью...

Они шли въ гору, и у Луртье вырывались отрывочныя признанія, истинный смыслъ которыхъ оставался непонятенъ Валентину.

— Да, я страдаю,—всегда страдаешь изъ-за этого... Но ты еще не понимаешь, ты холоденъ, какъ ледъ. Для этого нужно пожить, испытать на себѣ власть инстинктовъ... Когда я увидѣлъ этого молодца рядомъ съ нею, я ощутилъ чисто физическое страданіе: точно чья-то рука сжала мнѣ горло, а передъ глазами у меня былъ кровавый туманъ.. Я понимаю, что въ такія минуты люди хватаются за ножъ.

— Надѣюсь, что ты не вздумаешь?..

Урбэнъ захохоталъ.

— Убить его? О, нѣтъ! Убиваютъ только въ первую минуту. Притомъ я—человѣкъ многосторонній. У меня есть разумъ, сила воли, я владѣю собою. Но урокъ хорошъ: пора покончить съ этими глупыми похожденіями. Достаточно ихъ было на моемъ вѣку. Всякому овощу—свое время. Я бросаю якорь и вхожу въ

тихую пристань. Мнѣ нуженъ семейный очагъ, добрая жена, изъ нашего круга, не очень кокетливая, но которая принадлежала бы мнѣ одному — безъ раздѣла.

Прежнія опасенія овладѣли Валентиномъ. Неужели—Паула-Андреа?

— Я считалъ тебя сторонникомъ свободныхъ союзовъ?

— Да, въ будущемъ, конечно, когда общество созрѣетъ для этого. Но теперь, когда буржуазные предразсудки такъ сильны, приходится идти на компромиссъ въ видѣ законнаго брака, если желаешь взять за себя честную дѣвушку. Гражданскій бракъ—конечно.

— Но ты выберешь женщину съ независимымъ образомъ мыслей? Вѣдь дѣвушка изъ буржуазной среды, а тѣмъ болѣе—ея семья, никогда не откажутся отъ церковнаго брака.

— Кто тебѣ сказалъ, что я женюсь на дѣвушкѣ изъ буржуазной среды? Притомъ — всегда можно настоять на своемъ.

— Скоро же ты, однако, утѣшаешься!—замѣтилъ Валентинъ послѣ краткаго молчанія.— Можно подумать, что у тебя уже имѣется въ виду замѣстительница?

— Быть можетъ.

Друзья ожидали ихъ у стариннаго водоема. Донъ-Аббондіо, сильно раскраснѣвшійся, храпѣлъ въ тѣни.

— Вы повздорили?—воскликнулъ Клодъ, замѣтивъ ихъ нервность.

— Нисколько; ты знаешь, что мы съ Валентиномъ думаемъ одинаково,— отвѣтилъ Урбэнъ съ ничѣмъ не вызванною рѣзкостью.

Пчелы кружились надъ цвѣтами, въ лѣсу щебетали птицы, обвалившіяся стѣны водоема пробуждали буколическія воспоминанія, и появленіе козлоногаго фавна, скрывавшагося въ глубинѣ чащи, показалось бы естественнымъ. Все манило къ отдыху, но Урбэнъ настоялъ на томъ, чтобы идти въ обратный путь, и разбудилъ донъ-Аббондіо.

— Будетъ вамъ потягиваться, донъ-Курато! Идемъ.

Онъ пошелъ впередъ, размахивая тросточкой. Клодъ велъ донъ-Аббондіо, дремавшаго на ходу; Валентинъ цитировалъ стихи Виргилія. При выходѣ изъ лѣса имъ открылось озеро, напоминавшее пурпуровую влагу въ изумрудной чашѣ. Заходящее солнце бросало широкую золотую полосу на лазурь моря; въ его лучахъ рдѣли окна и кровли домовъ Нэми и Дженцано. Валентинъ, догнавшій Урбэна, остановился съ нимъ, чтобы подождать остальныхъ, и услышалъ отрывокъ фразы Клода, говорившаго о нарождающемся новомъ деспотизмѣ.

— Онъ и здѣсь занимается пропагандой,—сказалъ, пожавъ

плечами, Урбэнъ, а Валентинъ обернулся къ Клоду, прося его не говорить съ Дезире о политикѣ и религіи.

— Какъ ты боишься моихъ доводовъ!—весело сказалъ Клодъ: —а вотъ я ничьихъ не опасаюсь.

По счастію, они уже входили въ городъ,—всѣмъ хотѣлось пить; они зашли въ низенькую залу-тратторію, выходившую окнами на озеро и заказали чай, въ ожиданіи котораго Урбэнъ выбралъ carte postale и, надписавъ адресъ, предложилъ Валентину также подписаться на ней. Письмо предназначается „кузиночкѣ". Смущенный Валентинъ поставилъ свое имя рядомъ съ именемъ Урбэна на карточкѣ, изображавшей тотъ самый видъ, который разстилался передъ ними.

— Прекрасное изобрѣтеніе, — сказалъ Луртье, наклеивая марку: — избавляетъ тебя отъ лишней переписки.

Когда подали чай, лицо донъ-Аббондіо вытянулось.

— Декоктъ?.. Декоктъ изъ сухихъ листьевъ?.. Что же это, синьоръ?

Урбэнъ расхохотался и велѣлъ принести бѣлаго вина. Поникъ плохо выспался послѣ возліянія за завтракомъ; ему было жарко, и онъ однимъ духомъ осушилъ стаканъ. Урбэнъ налилъ ему второй, поощрительно замѣтивъ, что только духовныя лица и умѣютъ пить. Глаза донъ-Аббондіо загорѣлись; онъ покачивалъ головою и рѣчь его становилась все непонятнѣе. Да, вино Дженцано—лучшее изъ винъ Шато, а Шато—лучшее вино въ мірѣ... Его пили великіе римляне: Сципіонъ, Цезарь, Марій и Гракхъ, и tutti quanti...

Онъ ударилъ кулакомъ по столу, заключивъ:

— Sissignori!..

— Вы правы, донъ Аббондіо,—злорадствовалъ Урбэнъ, наливая ему третій стаканъ:—тѣ, что пьютъ — становятся владыками міра. Выпейте еще, и вы станете Константиномъ или... Юліаномъ Отступникомъ!

Онъ шепнулъ Валентину:

— Вотъ наглядный урокъ для твоего питомца.

Онъ сдѣлалъ знакъ слугѣ принести другой полъ-литра, но Клодъ воспротивился.

— Не надо: г. аббатъ не желаетъ больше пить.

— Не желаетъ? Что ты говоришь? Нельзя останавливаться на полъ-пути,—не правда ли, донъ-Курато?

Клодъ обратился къ донъ-Аббондіо.

— Г-нъ аббатъ, скажите, пожалуйста, этимъ господамъ, что вы не станете больше пить. Вы и такъ достаточно выпили.

Донъ-Аббондіо, раскраснѣвшійся, съ мутными глазами, пробормоталъ что-то о ходьбѣ, большой усталости, отъ которой у него „все внутри пересохло“,— и онъ погладилъ себя по желудку, что̀ вызвало смѣхъ у Луртье.

— Г-нъ аббатъ, подумайте о вашей рясѣ.

— Объ ея остаткахъ,— ввернулъ Урбэнъ.

Попикъ, съ тѣмъ же видомъ покорности и добродушія, продѣлъ палецъ въ дырку на рукавѣ и не отвѣчалъ. Подали вино, и Клодъ, не выдержавъ, поднялся съ мѣста.

— Урбэнъ, обращаюсь къ тебѣ, такъ какъ ты здѣсь распоряжаешься, а этотъ несчастный — не въ своемъ умѣ. Неужели ты не понимаешь, что происходящее здѣсь — гнусно?

Дезире, очень взволнованный, также всталъ, словно желая поддержать Клода.

— Почему же не посмѣяться, если представляется случай? Это такъ рѣдко случается.

— Вы слышите, г-нъ аббатъ,— обернулся Клодъ къ донъ-Аббондіо:—развѣ вы не понимаете, что надъ вами потѣшаются?

Попикъ похлопалъ глазами, прижалъ лѣвую руку къ сердцу и протянулъ стаканъ. Клодъ проговорилъ шопотомъ:

— Если ты, Урбэнъ, не положишь конецъ этой буржуазной сценѣ, я сейчасъ же ухожу, и мы никогда больше не увидимся.

Въ другой разъ Луртье, безъ сомнѣнія, понялъ бы чувство своего друга и сдался бы. Но сегодня онъ былъ разстроенъ, и его злоба искала выхода. Онъ разсердился.

— Ого! Это—ультиматумъ? Ты не стѣсняешься... Ну, донъ-Курато, покажемъ имъ, что мы — люди свободные.

Онъ наполнилъ стаканъ донъ-Аббондіо, который жадно осушилъ его, бормоча:

— Ахъ, ужъ это винцо... винцо изъ Дженцано...

— Кто остается свидѣтелемъ подобнаго скандала, тотъ дѣлается его сообщникомъ,—сказалъ Клодъ;—надѣюсь, что вы послѣдуете за мною?

Валентинъ остановилъ своего питомца.

— Нѣтъ, Дезире, такъ нельзя. Клодъ преувеличиваетъ. Если это — демонстрація, мы не должны къ ней присоединяться.

— Я думаю такъ же, какъ г. Бреванъ,—сказалъ Дезире,—я хотѣлъ бы слѣдовать за нимъ.

— Мы останемся,— заявилъ Валентинъ.

Дезире съ минуту колебался, взвѣшивая свое желаніе и лежавшія на немъ обязательства.

— Отецъ мой приказалъ мнѣ вамъ повиноваться. Если вы этого требуете, я останусь.

Валентинъ смутился; онъ видѣлъ, что теряетъ сразу довѣріе Дезире и дружбу Клода, но, тѣмъ не менѣе, онъ сказалъ:

— Да, я этого требую.

Дезире медленно сѣлъ на свое мѣсто. Клодъ, не говоря ни слова, вышелъ. Урбэнъ подошелъ къ окну и, увидѣвъ, что онъ удаляется быстрыми шагами, проговорилъ:

— Клодъ никогда не понималъ шутки. Это фанатикъ. Тѣмъ хуже для него.

Они послали за экипажемъ. По дорогѣ они нагнали Клода и окликнули его. Онъ даже не взглянулъ въ ихъ сторону.

На слѣдующій день донъ-Аббондіо убивался, клялся не брать вина въ ротъ и все порывался бѣжать къ Клоду, но Урбэнъ, сожалѣвшій о вчерашней сценѣ, тѣмъ не менѣе чувствовалъ, что она съиздавна подготовлялась, и что рано или поздно этимъ должно было кончиться. Валентинъ также былъ печально настроенъ и подводилъ итоги вчерашнему дню: онъ потерялъ друга —единственнаго, искренно любимаго имъ—и сохранилъ другого, которому суждено стать его соперникомъ или врагомъ; самая дорогая надежда его — поколеблена, и довѣріе Дезире — вновь утрачено. Но хуже всего было то, что онъ оказывался во власти противорѣчій: онъ осуждалъ грубыя шутки Урбэна, котораго поддерживалъ, и восхищался твердостью Клода, котораго оттолкнулъ. Въ теченіе дня они встрѣтились на улицѣ; судя по открытому взгляду Клода, видно было, что онъ ожидалъ со стороны Валентина попытки къ примиренію, но тотъ, изъ ложнаго стыда, прошелъ мимо, а когда рѣшился обернуться,—Клода уже не было. Нѣсколько дней спустя, Валентинъ, поборовъ свое самолюбіе, пошелъ къ нему въ отель, но Клодъ уже покинулъ Римъ.

Дезире, попрежнему послушный и безукоризненный, замкнулся въ себѣ; онъ не спорилъ и выслушивалъ Урбэна, слегка хмуря брови, но его молчаніе было краснорѣчиво. Однажды, когда Валентинъ, раздраженный какою-то выходкой Луртье, довольно рѣзко отвѣтилъ ему, и тотъ ушелъ, Дезире, проводивъ его глазами, сказалъ въ порывѣ откровенности:

— Если бы вы знали, до какой степени онъ укрѣпляетъ меня въ моихъ вѣрованіяхъ!

Валентинъ согласился съ тѣмъ, что иногда фанатики достигаютъ подобныхъ результатовъ. Онъ уже не ожидалъ благотворныхъ послѣдствій отъ поѣздки въ Римъ, и мысль о неудоволь-

ствія Фрюмзеля все чаще начинала его преслѣдовать, хотя онъ и пытался всѣми силами отгонять ее.

Дни проходили, ихъ пребываніе въ вѣчномъ городѣ подходило къ концу, и оба они чувствовали, что покинутъ эту колыбель латинской расы уже другими людьми.

Наканунѣ отъѣзда они совершили вдвоемъ послѣднюю прогулку въ священную дубовую рощу — одно изъ ихъ любимыхъ мѣстъ, неподалеку отъ грота Эгеріи. Отсюда широко развертывается глава прошедшаго. Съ востока поднимается снѣжная линія Апеннинъ, съ юга — дивные изгибы албанскихъ горъ, потонувшее въ зелени Фраскати, Rocca di Papa — на своей скалѣ. Въ рамкѣ горъ вырисовывается волнообразная долина, усѣянная развалинами акведуковъ, храмовъ, колоннъ, осѣненныхъ величественными соснами, свидѣтелями хода исторіи и ея катастрофъ. Солнце закатывалось, и въ золотистомъ туманѣ царилъ, какъ всегда, надъ городомъ и окрестною страною, куполъ св. Петра.

— Увидимъ ли мы все это когда-нибудь?—прошепталъ Валентинъ.

Чѣмъ, кромѣ этой обычной фразы, могъ онъ выразить свое безумное желаніе — увѣковѣчить убѣгающій мигъ, запечатлѣть образы, которые скоро смѣнятся другими?

— Кто знаетъ! — повторилъ Дезире.

Вѣтеръ унесъ ихъ слова. Вечерѣло. Мимо прошелъ пастухъ, и по равнинѣ, населенной великими призраками прошлаго, медленно двигалось стадо, поднимая облако бѣлой пыли.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Валентинъ остановился на нѣсколько часовъ въ Парижѣ, чтобы передать Паулѣ-Андреа свои путевыя впечатлѣнія, а также — шолковый шарфъ, подарокъ Урбэна, и бюваръ изъ гофрированнаго сафьяна, выбранный имъ самимъ для нея. Передъ отъѣздомъ онъ получилъ отъ Фрюмзеля письмо, въ которомъ тотъ поручалъ ему повидаться съ Романешемъ и пригласить его прочесть рефератъ на празднествѣ союза реймскихъ свободомыслящихъ, ежегодно справлявшемся въ началѣ іюля. Фрюмзель желалъ, чтобы Дезире сопровождалъ Валентина и также передалъ его просьбу „великому оратору“, но юноша, подъ предлогомъ усталости съ дороги, остался въ отелѣ.

Послѣ часового ожиданія въ редакціи „Равенства", Валентинъ сподобился трехъ-минутной аудіенціи. Депутатъ выслушалъ его, опустилъ вѣки, подумалъ секунды четыре и сказалъ:

— Дѣло полезное и хорошо идетъ. Скажи Фрюмзелю, что я съ удовольствіемъ приму въ немъ участіе.—Больше тебѣ ничего отъ меня не надо?

Валентинъ, сильно волнуясь, отправился къ Луртье, но тамъ его приняли такъ, какъ будто онъ никуда не уѣзжалъ; хозяинъ дома зѣвалъ въ ожиданіи покупателей; хорошенькіе глазки дочери заискрились отъ удовольствія. Валентинъ передалъ подарки; родители обратили вниманіе на шарфъ — немного яркій, на его добротность: жаль, что дѣвушки не носятъ подобныхъ вещей... Паула-Андреа разсматривала бюваръ съ видами Рима, и у нея вырвалось восклицаніе:

— Какое счастье путешествовать!

На это Луртье замѣтилъ, что и они съ женою поѣдутъ заграницу,—послѣ того, какъ ликвидируютъ дѣла, конечно. Дочь къ тому времени будетъ уже замужемъ, и ее повезетъ мужъ; только на это нужны средства: всѣ эти отели, билеты, экипажи, дороговько обходятся. Вотъ monsieur Валентинъ подтвердитъ. Онъ, навѣрное, не работалъ въ Италіи?

Валентинъ сознался. Дѣйствительно, хотя онъ и взялъ съ собою книги, но почти не занимался; его утомляли длинныя прогулки, видъ лазурнаго неба навѣвалъ лѣнь, хотѣлось все видѣть, всѣмъ насладиться. Но теперь онъ съ жаромъ примется за работу.

— По диссертаціи?—спросила Паула-Андреа, и въ тонѣ ея ему почудился упрекъ.

Луртье освѣдомился объ Урбэнѣ, и вытаращилъ глаза, узнавъ, что тотъ представляетъ свою работу въ Институтъ и готовитъ статьи для журналовъ. Да, онъ—малый благоразумный, *онъ* непропадетъ. Валентинъ вспомнилъ о баронессѣ фонъ-Кальвицъ исдержалъ улыбку. Съ Паулою ему не удалось перемолвиться ни словечкомъ, но она улыбнулась ему на прощанье, и этого былосъ него достаточно.

Валентинъ надѣялся, что согласіе Романеша быть на праздникѣ отчасти вознаградитъ Фрюмзеля за неудачу ихъ путешествія. Дѣйствительно, Фрюмзель принялъ извѣстіе съ большимъ удовольствіемъ; онъ радовался пріѣзду такого „перворласнаго борца, одного изъ рѣдкихъ политическихъ дѣятелей, которыхъ не смѣетъ коснуться клевета".

Онъ омрачился, узнавъ объ отказѣ Дезире поѣхать къ Романешу и о его непоколебимости въ убѣжденіяхъ. Однако, будучи оптимистомъ, онъ спросилъ:

— Но все же мы добились хотя маленькаго успѣха, я полагаю?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Валентинъ со своею обычною прямотою:—я скорѣе опасаюсь, что Римъ произвелъ на него впечатлѣніе, обратное тому, на которое мы разсчитывали.

— Да что̀ вы!

— Одинъ изъ моихъ друзей увѣряетъ, что каждое наше впечатлѣніе, книга, разговоръ — лишь укрѣпляютъ въ насъ тѣ взгляды, которые свойственны нашей истинной природѣ.

Онъ говорилъ свободно, въ качествѣ юнаго теоретика, отвлеченно обсуждающаго жизненныя явленія.

— Что̀ вы разсказываете? Поповскія идеи свойственны истинной природѣ Дезире — моего сына? Онѣ привиты ему,—я уже объяснялъ вамъ, какимъ образомъ; ихъ слѣдуетъ исторгнуть, и мы исторгнемъ ихъ съ корнемъ.—Валентинъ вспомнилъ ихъ послѣднюю прогулку съ Дезире и подумалъ, что эти корни съ длинными развѣтвленіями уходятъ далеко въ глубь прошедшаго, питающаго своими соками юные побѣги.

— Это пожалуй окажется труднѣе, чѣмъ мы думаемъ. Его идеи коренятся очень глубоко.

Фрюмзель былъ человѣкъ неглупый; онъ доказывалъ это цѣлую четверть вѣка смѣлостью своихъ предпріятій, своимъ процвѣтаніемъ, умѣньемъ добиться прочнаго успѣха, и даже своими воззрѣніями, очень твердыми и послѣдовательными. Но его исключительно практическій умъ былъ воспріимчивъ лишь къ осязательнымъ результатамъ, и отказывался принимать на вѣру тѣ причины нравственнаго свойства, которыя вліяютъ на образованіе характера. Кромѣ того, привыкнувъ распоряжаться покорными его приказаніямъ людьми, которыхъ онъ могъ, по усмотрѣнію, лишить куска хлѣба, Фрюмзель, въ качествѣ хозяина и главы, не признавалъ препятствія, могущаго остановить его энергію.

— Увидимъ!—воскликнулъ онъ.

Его лицо утратило обычное, смягчавшее суровость чертъ, добродушное выраженіе; онъ сдвинулъ брови и, словно сдѣлавъ въ умѣ разсчетъ, проговорилъ:

— Если путешествіе не помогло, попробуемъ другое средство: рѣшительное. Вы не понимаете? Я говорю о рѣшительныхъ средствахъ; назовите это силою, если хотите.

При словѣ „сила“—въ Валентинѣ закипѣла кровь, словно онъ былъ свидѣтелемъ грубаго насилія. Этотъ человѣкъ, котораго онъ считалъ до сихъ поръ симпатичнымъ, теперь по-

казался ему грубѣйшимъ деспотомъ, способнымъ на всякое проявленіе жестокости. Неужели онъ будетъ сообщникомъ тирана? И въ то же время онъ ощущалъ безконечную симпатію къ Дезире, словно этотъ сынъ богача былъ послѣднимъ изъ гонимыхъ.

— Поведеніе Дезире безукоризненно, — произнесъ онъ, выпрямляясь и уже готовясь его защищать.

— Дѣло не въ поведеніи, милѣйшій Делемонъ. Если бы онъ выкинулъ какую-нибудь штуку — я былъ бы въ восторгѣ. Рѣчь идетъ о его идеяхъ.

— Онъ ихъ не высказываетъ.

— Но онъ не отказывается отъ нихъ.

— Онъ даже подчиняется многимъ непріятнымъ для него обязанностямъ.

— Однако, вы сказали, что онъ не поѣхалъ съ вами къ вашему дядѣ?

— Онъ былъ утомленъ съ дороги.

— Утомленъ? Пустяки! Это—упрямство, возмущеніе.

— То, что̀ онъ чувствуетъ—касается его одного.

— Полагаю, что оно касается и меня: вѣдь я его отецъ.

— Да, но какъ хотите вы силою подчинить мысль?

Фрюмзель нетерпѣливо отмахнулся.

— Мой сынъ вступилъ на ложный путь: онъ идетъ противъ всего, что̀ я считаю истиннымъ и справедливымъ. Когда меня не станетъ, онъ разрушитъ дѣло моей жизни, какъ карточный домъ. Богатство, которое я оставлю ему, послужитъ оружіемъ въ рукахъ тѣхъ, кого я считаю нашими злѣйшими врагами. А вы хотите, чтобы я смотрѣлъ на это спокойно? Видать, что вы—не отецъ. Мы попробовали дѣйствовать на него убѣжденіемъ, и потерпѣли неудачу. Къ счастью, послѣднее слово еще за нами. До сихъ поръ никто не рѣшался противиться мнѣ. Не думаете ли вы, что я это позволю моему собственному сыну?..

„Кто знаетъ?“ — подумалъ Валентинъ.

II.

На конвертѣ съ парижскою маркою Валентинъ узналъ почеркъ Урбэна Луртье. Онъ удивился, такъ какъ не ждалъ своего друга такъ скоро, и невольно вздрогнулъ, предчувствуя что-то недоброе.

„Мой милый мальчикъ.

„Я покончилъ съ вѣчнымъ городомъ, съ палаццо Фарнезе,

съ архивами Ватикана, съ аббатами, съ интернаціональными баронессами. Положительно, Римъ не въ моемъ вкусѣ, я смелъ бы съ лица земли всю эту рухлядь. Долой древніе и средніе вѣка! Да здравствуетъ будущее! Вмѣсто церквей—фабрики. Торжество демократіи, царство труда, справедливости...

„Итакъ, я очень счастливъ, что вернулся въ Парижъ, гдѣ меня коробитъ лишь видъ Notre-Dame. И какъ я уже предсказывалъ тебѣ во время нашей прогулки въ Нэми—я женюсь. Ты не угадываешь, кто невѣста? Ну, конечно—моя маленькая кузина"...

Валентинъ весь затрепеталъ,—ему показалось, что земля остановилась, солнце потухло. Лишь черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ въ состояніи продолжать чтеніе.

„Давно уже я подумывалъ объ этомъ, но только никому не говорилъ; даже ты, дружище, ничего не подозрѣвалъ. Но еще въ то время, какъ она ходила въ короткихъ платьяхъ, я говорилъ себѣ: она будетъ моею женою. Ты знаешь мои принципы: заложить солидный фундаментъ, а затѣмъ уже не трудно будетъ подняться вверхъ. Теперь я имѣю: во-первыхъ,—университетскій дипломъ; во-вторыхъ,—результаты нѣсколькихъ работъ и путешествій; въ-третьихъ,—достаточный запасъ житейскаго опыта для того, чтобы предохранить меня отъ глупостей въ будущемъ; въ-четвертыхъ, — миленькую жену, простую, вѣрную, неглупую, достаточно хорошенькую для того, чтобы долго нравиться. Она очень похорошѣла съ прошлаго года, и потомъ — она меня обожаетъ. Оказывается, что она думала обо мнѣ: мнѣ сказала это ея мать. Свадьба — въ сентябрѣ; мы вѣнчаемся гражданскимъ бракомъ, конечно. Будущая теща всплакнула: ей хотѣлось церковнаго. Ты долженъ быть на свадьбѣ, и вообще—своимъ человѣкомъ въ домѣ.

„Теперь, милый мой, остается пунктъ № 5-й: мнѣ надо составить себѣ положеніе. Ты слышалъ о крахѣ „Равенства"? Банкиръ Годебергъ, главный пайщикъ газеты, прекратилъ платежи, и она едва не пошла съ молотка. Подумай только: „Равенство"—въ рукахъ реакціонеровъ! Къ счастью, твой дядя успѣлъ создать акціонерную компанію; я пріобрѣлъ нѣкоторое количество акцій, такъ какъ безгранично ему вѣрю, притомъ это—ради „дѣла". Покуда я буду помѣщать въ газетѣ отчеты о засѣданіяхъ палатъ. Съ другой стороны, мой рефератъ о Марсиліи Падуанскомъ надѣлалъ больше шума, чѣмъ вообще производятъ подобныя работы. Итакъ, я, какъ видишь, иду бодрымъ шагомъ впередъ. Скоро, если понадобится, я буду въ

состоянія подсобить тебѣ подъ условіемъ, что ты измѣнишь кое въ чемъ твои воззрѣнія: ты знаешь, „дѣло“ — прежде всего. Намъ не нужно анархистовъ.

„Кузиночка шлетъ тебѣ привѣтъ; она очень любитъ тебя и говоритъ, что ты — добрый товарищъ. Крѣпко жму руку. Твой старый другъ—У. Луртье“.

Все было ясно и опредѣленно. Урбэнъ женится на Паулѣ, это—бракъ по любви, она любила его съ дѣтства. Что же означала эта постыдная комедія?

Убійственное письмо еще дрожало въ рукѣ Валентина, когда позвонили къ завтраку. Онъ сошелъ внизъ, стараясь придать лицу спокойное выраженіе, но былъ такъ блѣденъ, что m-me Оберглаттъ спросила: не боленъ ли онъ?—а Луиза прибавила взволнованно, съ дрожью въ голосѣ:

— Какъ вы блѣдны!

Выраженіе глазъ обѣихъ женщинъ говорило о ихъ сочувствіи. Валентинъ ощутилъ двойное искушеніе, открывавшее два исхода его отчаянію: онъ могъ выбирать между пріятной легкой связью, которая, при его молодости, скоро излечила бы его отъ перваго разочарованія любви, и неожиданнымъ богатствомъ, сорваннымъ на ходу, какъ въ сказкахъ срываютъ волшебный цвѣтокъ, дающій кладъ. Онъ сдѣлалъ этотъ двойной разсчетъ въ одну секунду, но онъ былъ ему ни по душѣ, ни по годамъ. Гордость его проснулась, и онъ сухо отвѣтилъ Луизѣ:

— Нѣтъ, mademoiselle, я совсѣмъ не блѣденъ.

И обращаясь къ m-me Оберглаттъ, проговорилъ тѣмъ же тономъ:

— Благодарю васъ, я здоровъ.

Обѣ женщины, словно повинуясь внутреннему внушенію, переглянулись и опустили глаза.

Вошелъ Фрюмзель. Онъ ни о чемъ не говорилъ теперь, кромѣ празднества „свободной мысли“, и осыпалъ градомъ насмѣшекъ все, что было дорого Дезире; конечно, никто ему не возражалъ, но въ домѣ чувствовалось приближеніе бури. Сегодня онъ сразу заговорилъ о Романешѣ, объ ожидающемъ его восторженномъ пріемѣ со стороны лучшей части общества. Прочелъ ли Валентинъ его чудную рѣчь о клерикалахъ? Вотъ страница изъ евангелія будущаго.

Валентинъ сумрачно отвѣтилъ, что онъ не всегда читаетъ газеты.

— Напрасно. Прочтите сегодняшній № „Равенства“. Оно

выпустило свою новую программу. Теперь дѣло пойдетъ на чистоту,—деньги чистыя! Не придется болѣе поддерживать, денегъ ради, сомнительныхъ спекулянтовъ вродѣ Годеберга! Я уже писалъ вашему дядѣ относительно акцій.

— *Ихъ* программы всегда великолѣпны, — съ горечью сказалъ Валентинъ, — но когда *они* займутъ мѣсто буржуазныхъ классовъ, *они* повторятъ тѣ же ошибки, тѣ же несправедливости, такъ какъ у *нихъ*—тѣ же самые инстинкты. Получится новый видъ притѣснителей—вотъ и все.

Еще впервые онъ шелъ такъ явно въ разрѣзъ съ реформаторскимъ оптимизмомъ Фрюмзеля.

— Послушайте, но вѣдь это—пессимизмъ, мертворожденная доктрина. Если мы перестанемъ вѣрить въ прогрессъ, мы придемъ къ анархіи...

— Ну, такъ что̀ же? Мы начали съ анархіи,—ею мы и кончимъ. Каждый былъ себѣ господиномъ и судьей. Возвращеніе къ праву сильнаго... Но, въ сущности, оно царило всегда, прикрываясь разными переодѣваніями, подъ тѣмъ или инымъ видомъ. Оно все даетъ имущимъ и все отнимаетъ у неимущаго. Будемъ же исповѣдывать его открыто.

— Это—парадоксы,—строго прервалъ Фрюмзель,—займемся покуда необходимымъ, не углубляясь въ дебри философіи. Пора покончить разъ навсегда съ клерикальнымъ фанатизмомъ.

Дезире не принималъ участія въ спорѣ, но въ умѣ у него зрѣло рѣшеніе. До сихъ поръ, изъ чувства сыновняго послушанія, а также изъ-за недостатка мужества, онъ присутствовалъ ежегодно на празднествѣ свободомыслящихъ, но въ теченіе послѣднихъ недѣль мысль его окрѣпла, и онъ почувствовалъ, что дальнѣйшая уступка была бы дѣломъ, недостойнымъ его.

Когда послѣ завтрака они прошли въ садъ, гдѣ былъ сервированъ кофе, Дезире, стоявшій за стуломъ Луизы, собрался съ духомъ и, подойдя къ отцу, ходившему съ сигарою въ зубахъ по дорожкѣ, коснулся его руки, быстро проговоривъ:

— У меня просьба къ тебѣ, папа... Позволь мнѣ не присутствовать завтра на праздникѣ.

Фрюмзель сразу остановился.

— Не присутствовать на праздникѣ? Почему?

Дезире уже нѣсколько недѣль готовился къ этому разговору, и вотъ въ рѣшительную минуту всѣ его слова и доводы куда-то исчезли,—у него не хватало голоса. Онъ прошепталъ тономъ любви:

— Я придерживаюсь совсѣмъ другихъ взглядовъ. Мнѣ будетъ больно это видѣть.

Дрожащій голосъ, неувѣренность осанки—ввели Фрюмзеля въ заблужденіе; думая, что рѣчь идетъ о несерьезномъ сопротивленіи, онъ такъ къ этому и отнесся.

— Чтò это тебѣ вздумалось?.. Ты всегда бывалъ на нашемъ празднествѣ, и вдругъ теперь, когда я лично пригласилъ одного изъ лучшихъ нашихъ государственныхъ людей, дядю твоего наставника, ты задумалъ устроить свою манифестацію! Подожди хотя до тѣхъ поръ, покуда у тебя выростетъ борода.

Молодой человѣкъ возразилъ болѣе твердымъ тономъ:

— Во всякомъ случаѣ я сталъ старше,—я лучше отдаю себѣ отчетъ въ моихъ убѣжденіяхъ, и я сознаю, что мнѣ не мѣсто на этомъ праздникѣ, отецъ.

Видя, что они разговариваютъ стоя, Луиза подошла къ отцу, чтобы подать ему чашку кофе, но Фрюмзель сердито отказался и подозвалъ Валентина.

— Г. Делемонъ, знаете ли вы, чтò мнѣ сообщилъ вашъ ученикъ, покуда вы спокойно попиваете кофе? Онъ не желаетъ быть завтра на нашемъ праздникѣ! У него свои воззрѣнія, онъ—умнѣе отца... Ну-съ, милый другъ, ты спрячешь ихъ въ карманъ—теперь и на будущее время.

Дезире молча покачалъ головою; Фрюмзель вспылилъ.

— Нѣтъ? Вотъ какъ! Это уже не упрямство, это—мятежъ! Ну, если такъ—я приказываю тебѣ.

— Я не могу повиноваться, папа.

Съ тою молніеносной быстротою, которая ускоряетъ давно уже подготовлявшійся разрывъ, эти любящіе отецъ съ сыномъ вдругъ оказались стоящими лицомъ къ лицу, подобно врагамъ, принужденнымъ схватиться на узкомъ пространствѣ. Отступить некуда: это значило бы поступиться своею совѣстью, своими идеалами, а ни тотъ, ни другой не могли на это согласиться. Луиза и m-me Оберглаттъ съ ужасомъ прислушивались къ долетавшимъ до нихъ отголоскамъ бури.

Фрюмзель принялся убѣждать сына отказаться отъ такой публичной демонстраціи. Не достаточно ли и внутренней розни? Неужели необходимо обнаружить ее передъ цѣлымъ свѣтомъ?

Дезире отвѣтилъ грустно и твердо, что все это правда, но рѣчь идетъ именно о демонстраціи. Онъ раздѣляетъ убѣжденіе гонимыхъ и не можетъ стоять за побѣдителей.

— Эти побѣдители долго были гонимыми.

— Зато какъ жестоко они мстятъ!

— Слова, слова, слова! — воскликнулъ Фрюмзель, который, видя, что на Дезире нельзя подѣйствовать добромъ, снова началъ

раздражаться:—Я устраиваю этотъ праздникъ, и не позволю тебѣ срамить меня. Ты будешь на немъ.

— Нѣтъ, отецъ, не могу.

— Я хочу, чтобы ты былъ!

— Нѣтъ.

Отецъ и сынъ почти съ ненавистью глядѣли другъ на друга; одно неосторожное слово могло разъединить ихъ навсегда. Фрюмзель испугался этой мысли; онъ бросилъ свою потухшую сигару на траву, и гнѣвъ его внезапно обратился на безмолвнаго Валентина.

— Все это, быть можетъ, произошло по вашей винѣ, г. Делемонъ! Вашими парадоксами вы окончательно сбили его съ толку. Не возражайте. Вы всегда кричите о свободѣ. Но, чортъ возьми, это—не свобода, если сынъ отказывается отъ повиновенія отцу! Предупреждаю васъ, что если этотъ мальчикъ, воспитаніе котораго я довѣрилъ вамъ, не образумится, вы мнѣ отвѣтите за него.

Фрюмзель нашелъ исходъ, смягчавшій для него ударъ, нанесенный его отцовской любви и авторитету, но онъ самъ чувствовалъ его несостоятельность, и поспѣшно удалился. Валентинъ, истинно возмущенный, хотѣлъ пойти за нимъ, но m-me Оберглаттъ его удержала, а съ губъ Луизы сорвались слова:—Возмутительная несправедливость!

— Это фанатизмъ,—сказалъ Валентинъ;—откуда бы онъ ни исходилъ, онъ всегда зловреденъ.

III.

Въ веселое солнечное воскресенье весь штабъ реймскихъ свободомыслящихъ—съ мэромъ, нѣкоторыми муниципалами и делегатами рабочихъ союзовъ во главѣ—ожидалъ Романеша на вокзалѣ. Тутъ встрѣтились четыре главныхъ общественныхъ группы: крупные, мелкіе буржуа, пролетаріи и слуги, но между ними не замѣчалось той классовой вражды, о которой долженъ былъ говорить пріѣзжій ораторъ.

Онъ вышелъ изъ вагона—сѣрый и сухой, замкнутый и сумрачный, страдая отъ жары въ своемъ неизмѣнномъ черномъ пальто, и горячность пріема не оказала на него вліянія. Онъ молча пожималъ руки и выслушивалъ привѣтствія, словно подчиняясь печальной необходимости. Но когда Фрюмзель предложилъ ему сѣсть въ автомобиль, онъ рѣзко отказался, проговоривъ во всеуслышаніе:

— Нѣтъ, благодарю васъ. Я пойду пѣшкомъ. Я пріѣхалъ на народный праздникъ, и не желаю пользоваться удобствами, которыхъ народъ лишенъ.

Среди рабочихъ послышался шопотъ одобренія, но устроители нѣсколько смутились. Фрюмзель замѣтилъ, что придется пройти черезъ весь городъ.

— Развѣ у васъ нѣтъ трамвая?

Пришлось натискаться толпою въ общественную карету, между тѣмъ какъ элегантные экипажи отъѣзжали порожнякомъ среди шуточекъ собравшагося народа. Мелкіе буржуа переглядывались въ смущеніи, повторяя:

— Да, этотъ шутить не любитъ!

Онъ, дѣйствительно, былъ далекъ отъ шутокъ—и въ трамваѣ, гдѣ, опираясь руками на набалдашникъ палки, онъ, сурово сжавъ губы, выслушивалъ привѣтствія своихъ вѣрноподданныхъ,—и въ погребахъ Фрюмзеля, убранныхъ въ его честь цвѣтами и флагами. Фрюмзель надѣялся ослѣпить его цвѣтущимъ положеніемъ своего заведенія, здоровымъ видомъ служащихъ, довольныхъ условіями труда; ему уже слышались фразы вродѣ: „еслибы всѣ слѣдовали вашему примѣру, гражданинъ Фрюмзель, дѣла могли бы уладиться". Ему уже приходилось слышать подобныя слова изъ устъ министровъ и даже двухъ президентовъ республики. Но Романешъ заговорилъ въ другомъ духѣ, обращаясь непосредственно къ рабочимъ:

— Ваше производство процвѣтаетъ, такъ какъ здѣсь меньше конкурренціи,—сказалъ онъ въ заключеніе, послѣ неизбѣжныхъ цитатъ изъ Маркса о взаимныхъ отношеніяхъ труда и капитала,—но вспомните о положеніи вашихъ братьевъ, хотя бы тѣхъ же ткачей. Отъ всякаго промышленнаго кризиса страдаютъ одни рабочіе, а выгодами пользуются только хозяева. Вы не должны имѣть въ виду улучшеніе одного лишь вашего положенія,—этого вы легко добьетесь у вашего хозяина...

Онъ подчеркнулъ эту сомнительную похвалу взглядомъ по адресу Фрюмзеля, который поклонился.

— Вамъ необходимо думать всегда и прежде всего о радикальномъ преобразованіи всего капиталистическаго строя, о выполненіи во всей ея полнотѣ программы пролетаріата, то-есть соціализаціи земли и орудій производства. Скажите себѣ, что эта программа осуществима лишь подъ условіемъ объединенія пролетаріевъ всѣхъ странъ и всѣхъ національностей, какъ это указано манифестомъ 1847 года, не утратившимъ и донынѣ своей силы.

Рабочіе Фрюмзеля, народъ добродушный и обезпеченный, слушали оратора скорѣе со страхомъ, чѣмъ съ удовольствіемъ, испуганные перспективами переворота и наступленіемъ того времени, когда исчезновеніе капитала лишитъ ихъ возможности копить деньги, а ключъ равенства навсегда закроетъ для нихъ двери буржуазнаго рая. Хозяева совсѣмъ поникли головою, мысленно подсчитывая свои убытки. Фрюмзель сердито кусалъ губы; управляющій огорченно шепнулъ ему:

— Онъ собьетъ ихъ съ толку.

Собравшіеся здѣсь люди впервые ощутили истинное дыханіе революціи, столь же далекое отъ ихъ мирнаго соціализма и флирта съ демагогіей, какъ поднявшійся безъ балласта воздушный шаръ — отъ земли. Но Романешъ, заложивъ руки въ карманъ пальто, продолжалъ свою рѣчь спокойнымъ тономъ человѣка, излагающаго непреложную истину. Онъ угадывалъ настроеніе слушателей, но, въ качествѣ миссіонера, не смущался имъ, надѣясь обратить хотя кого-нибудь изъ предстоящихъ. Конечно, сами они находятся въ такихъ счастливыхъ условіяхъ, что не могутъ отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ его словамъ, но имъ нужно хорошенько подумать и отрѣшиться отъ свойственнаго человѣку эгоизма. Необходимо понять, что борьба носитъ теперь не частичный характеръ; она завязалась между двумя классами — буржуазіей и пролетаріатомъ — и съ побѣдою послѣдняго наступитъ для человѣчества новая эра — всеобщаго счастья и справедливости.

Видя, что Романешъ больше интересуется своими словами, нежели тѣмъ, что ему показываютъ, Фрюмзель сократилъ церемонію и пригласилъ всѣхъ къ завтраку, но и тутъ его ожидало разочарованіе. Покрытая пылью и паутиной, бутылка драгоцѣннаго вина, единственная случайно сохранившаяся съ 1814 г. — остальныя были роспиты королемъ, министрами, президентами, комитетомъ всемірной выставки — ожидала Романеша, но онъ равнодушно отвѣдалъ рѣдкаго напитка, проговоривъ: — Вино хорошее!

Всѣ вздохнули съ облегченіемъ, когда онъ отбылъ въ отель, гдѣ другимъ людямъ предстояло выслушать отъ него тѣ же рѣчи. Гости оживились. Валентинъ разсказалъ не безъ юмора исторію прибытія Романеша и посѣщенія погребовъ, и шепнулъ Дезире:

— Быть можетъ, теперь вашъ отецъ уже не въ такомъ восторгѣ отъ праздника. А кстати, чѣмъ вы рѣшили? Будете вы на немъ?

Луиза вмѣшалась въ разговоръ, и голосъ ея дрогнулъ:

— Мы говорили съ нимъ. Онъ рѣшилъ уступить — на этотъ разъ.

— Все хорошо, что̀ хорошо кончается, — проговорилъ нѣсколько холодно Валентинъ, почувствовавъ, что Дезире понизился въ его уваженіи, но тотъ, словно угадывая его мысль, сказалъ:

— Я уступилъ ради васъ, г. Делемонъ. Отецъ мой дѣлаетъ васъ отвѣтственнымъ за меня. Это несправедливо.

— Вы не должны были принимать меня въ разсчетъ. Я васъ объ этомъ не просилъ.

— Именно потому я это и сдѣлалъ.

— Мы всѣ желаемъ, чтобы вы остались у насъ, г. Делемонъ, — набравшись храбрости, сказала Луиза, которую поддержала m-me Оберглаттъ. Затѣмъ всѣ четверо направились въ залу торжества, гдѣ для нихъ были заранѣе отведены мѣста.

Празднества подобнаго рода въ Реймсѣ не отличаются особенною торжественностью, въ виду недавняго ихъ установленія. Шарфы, кокарды, депутаціи отъ общества пожарныхъ и гимнастовъ, масса дѣтей. По случаю воскресенья, народъ валилъ толпою въ громадное многоугольное зданіе, надъ главнымъ входомъ котораго красовался девизъ города, пріобрѣтавшій теперь ироническое значеніе: „*Господъ—моя ограда*“. Въ назначенный часъ на эстрадѣ появились устроители торжества; ихъ привѣтствовали вначалѣ сдержанными, а затѣмъ и болѣе горячими возгласами: мэръ, Фрюизель, еще кое-кто изъ промышленниковъ и, наконецъ, Романешъ, популярность котораго, послѣ исторіи съ автомобилемъ, утроилась. Его встрѣтили цѣлою бурею рукоплесканій. Этотъ сухой, съ выступающей впередъ челюстью и впалыми висками человѣкъ олицетворялъ въ глазахъ народа то будущее, то разрѣшеніе проклятыхъ вопросовъ, которыми всѣ трибуны, утописты, ораторы и демагоги, со временъ Гракховъ и Клеоновъ, обнадеживаютъ довѣрчиво внимающій имъ народъ. Рѣчь Романеша распадалась на двѣ части; въ первой онъ развивалъ старинный гегеліанскій тезисъ о несовмѣстимости демократическаго принципа съ католицизмомъ, иллюстрируя его коекакими историческими примѣрами. Онъ сопровождалъ свою методическую, ясную аргументацію двумя привычными жестами: правая рука его или разсѣкала воздухъ сверху внизъ, словно онъ что-то рубилъ, или онъ поднималъ ее надъ головою, словно кому-то грозя указательнымъ пальцемъ.

Во второй части Романешъ сталъ доказывать, что всякія религіи, „въ особенности такъ-называемая христіанская“, были созданы правящими классами для устраненія жалобъ со стороны обездоленныхъ, которыхъ онѣ заманиваютъ обѣщаніемъ небесныхъ благъ. Онъ приводилъ ѣдкія цитаты изъ Энгельса, называлъ

имена современныхъ дѣятелей, и оживившаяся публика отзывалась на нихъ криками: „браво!“ или „долой!“ Заключеніе рѣчи было таково, что прежде всего надлежитъ покончить съ древними, исконными врагами демократіи, мѣшающими ея росту; надо ихъ вырвать съ корнемъ, какъ вырываютъ изъ виноградниковъ сорную траву съ длинными, цѣпкими, зловредными корнями. Приведя это чисто мѣстное сравненіе, Романешъ впервые сдѣлалъ новый жестъ: онъ сжалъ руку и опустилъ ее, словно вытаскивая что-то изъ глубины земли, а затѣмъ разжалъ пальцы, дѣлая видъ, что далеко отбрасываетъ отъ себя послѣдніе побѣги чужеяднаго растенія...

Тогда восторгъ перешелъ всѣ границы, словно ораторъ, дѣйствительно, совершилъ то чудо, на которое указывалъ его символическій жестъ. Восклицанія, крики „ура!“—гремѣли въ залѣ, напоминая побѣдный кличъ дружины, сокрушившей послѣдній вражескій оплотъ. Но вотъ, среди бури рукоплесканій, вдругъ раздался неожиданный, дерзкій и рѣзкій свистокъ, такой рѣзкій, что всѣ услышали его, и послѣ двухъ секундъ мертваго молчанія всѣ головы обратились въ ту сторону, откуда онъ раздался; вся толпа поднялась, какъ море, когда надъ нимъ проносится шквалъ.

Фрюмзель тоже взглянулъ въ ту сторону, и ему показалось, что его ударили прямо въ грудь. Среди разъяренной толпы онъ увидѣлъ своего сына, стоявшаго со сложенными на груди руками. Валентинъ обхватилъ его за талію, готовясь его защищать. Луиза также прижималась къ брату. Затѣмъ толпа, подобно волнѣ, увлекла всѣхъ троихъ въ своемъ теченіи.

IV.

Пораженный въ своей гордости и отцовской любви, Фрюмзель долженъ былъ сдѣлать неимовѣрное усиліе надъ собою, чтобы остаться до конца церемоніи, представлявшейся ему какимъ-то тяжелымъ сномъ.

Извиненія муниципальныхъ совѣтниковъ, раздача наградъ школьникамъ, пѣніе марсельезы—тянулись безъ конца. Къ счастью, присланный m-me Оберглаттъ слуга успѣлъ шепнуть ему, что всѣ трое благополучно вернулись домой, и, успокоившись насчетъ Дезире, Фрюмзель весь отдался горькому чувству. Его популярность погибнетъ отъ этого свистка; уже теперь болѣе „крайніе“ косо поглядывали на него. По дорогѣ къ вокзалу в

на платформѣ онъ оказался одинокимъ въ толпѣ, окружавшей Романеша. Замѣтивъ это, депутатъ демонстративно подошелъ къ нему и, пожимая ему руку, сказалъ во всеуслышаніе:

— Кстати, я еще не отвѣтилъ на ваше письмо по поводу „Равенства". Я оставилъ вамъ сотню акцій. Хорошо?

Фрюмзель поблагодарилъ почти униженно; онъ съ радостью взялъ бы ихъ всѣ.

Онъ ворвался, какъ буря, въ комнату, гдѣ сидѣли его домашніе, и подошелъ вплотную къ Дезире.

— Дрянной мальчишка! Да, дрянной, дрянной мальчишка — и ничего болѣе! Ты велъ себя по-мальчишески. Ты хотѣлъ произвести эффектъ? Напрасно! Твоего свистка никто и не замѣтилъ...

Дезире выдержалъ взглядъ отца; губы его дрожали,—онъ съ трудомъ удерживался отъ отвѣта.

— Ты молчишь — и хорошо дѣлаешь... Что̀ могъ бы онъ сказать въ свое оправданіе, m-me Оберглаттъ? Ничего!

Фрюмзель зашагалъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину. Затѣмъ онъ остановился передъ сыномъ.

— Но есть человѣкъ, который не забудетъ твоего свистка. Это—я. Если ты хотѣлъ удивить міръ,—ты ошибся въ разсчетѣ. Но мнѣ ты, дѣйствительно, далъ пощечину, поразилъ меня въ больное мѣсто—преднамѣренно, быть можетъ?

— Увѣряю тебя, отецъ, что нѣтъ. Я пошелъ туда для того, чтобы г. Делемонъ не пострадалъ безвинно изъ-за меня. Но когда они стали попирать ногами все, что̀ такъ дорого мнѣ,—я не удержался. Ты самъ принудилъ меня пойти...

— Принудилъ? Слышите! Можно подумать, что я тиранилъ, билъ его! Будьте свидѣтелями вы, m-me Оберглаттъ, вы, г. Делемонъ... Принуждалъ ли я его?

Гувернантка всплеснула руками, а Валентинъ отвѣтилъ прямо:

— Нѣтъ, вы не били его, не угрожали ему, но вы ему *приказали* быть на праздникѣ.

— Кто же его заставилъ повиноваться? Не вы ли?

— Нѣтъ, вашего приказанія было достаточно.

— Да развѣ я приказывалъ ему вести себя такимъ образомъ? Не станете ли вы утверждать?..

Рѣзкій тонъ Фрюмзеля вывелъ Валентина изъ себя.

— Я ничего не утверждаю. Я просто напоминаю вамъ ваши собственныя слова.

— Неужели я похожъ на человѣка, забывающаго сегодня то̀, что̀ онъ сказалъ вчера? За кого же вы меня принимаете, г. Делемонъ? Берегитесь, наконецъ!

Рѣзкій тонъ еще болѣе подчеркивалъ угрозу. Валентинъ шагнулъ къ Фрюмзелю, глядя ему прямо въ глаза.

— Вы уже вторично грозите мнѣ... Чтò я могу сдѣлать, если вы насилуете совѣсть вашего сына?

— Теперь вы открыто берете его сторону противъ меня? Вы полагаете, что я пригласилъ васъ для этого?

— Вы меня пригласили, чтобы заниматься съ нимъ, но я остался свободнымъ человѣкомъ.

— Нѣтъ—покуда вы находитесь у меня въ домѣ и я плачу́ вамъ деньги.

— Оставьте у себя ваши деньги,—я желаю сохранить свою свободу.

— И хорошо дѣлаете.

Они мѣрили другъ друга взглядомъ: одинъ—маленькій, тщедушный, съ поблѣднѣвшимъ отъ негодованія нервнымъ лицомъ; другой—сильный, надменный, со вздувшимися жилами на лбу. Испуганная Луиза прижалась къ m-me Оберглаттъ, но Фрюмзель вышелъ, захлопнувъ за собою дверь. Дезире схватилъ Валентина за руку.

— Вы снова страдаете за меня, г. Делемонъ! Снова я вижу васъ такимъ, какъ въ тотъ день—мужественнымъ и великодушнымъ... Благодарю.

— Г. Фрюмзель—человѣкъ порыва,—сказала m-me Оберглаттъ,—но онъ очень добръ... Завтра онъ пожалѣетъ о своихъ словахъ...

— Слишкомъ поздно. Я не могу подвергнуться риску вторично выслушать ихъ.

Луиза подошла къ нему; глаза ея блестѣли, волненіе дѣлало ее почти хорошенькой; она прижала руки къ груди.

— Мой братъ будетъ очень огорченъ вашимъ отъѣздомъ, г. Делемонъ... И я тоже... буду очень огорчена...

Увидѣвъ ее такою смущенною, Валентинъ понялъ, чтò означали эти слова, этотъ взглядъ, и снова имъ овладѣло искушеніе—болѣе сильное на этотъ разъ, такъ какъ онъ зналъ, что подобный случай уже никогда не повторится. Спокойствіе цѣлой жизни, благосостояніе, богатство, будущность—все было здѣсь, у этого домашняго очага, потрясеннаго промчавшеюся бурей, и которому завтра же онъ могъ вернуть успокоеніе. Ему стоило лишь протянуть за всѣмъ этимъ руку, какъ мы протягиваемъ ее за цвѣткомъ. Никогда онъ не увидитъ вблизи даже тѣни подобнаго счастья. Миражъ роскоши и величія, соблазняющій душу бѣдняка, предсталъ его душѣ. Но гордость его бодрствовала, и,

отвѣчая скорѣе на мысль, чѣмъ на слова молодой дѣвушки, онъ проговорилъ мягко и грустно:

— Нѣтъ, mademoiselle, я презиралъ бы самого себя.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Принужденный покинуть Реймсъ въ началѣ лѣта и будучи не въ состояніи готовиться къ осеннему экзамену, Валентинъ провелъ шесть недѣль въ путешествіяхъ; онъ посѣтилъ Эльзасъ, берега Рейна, Голландію, повсюду чувствовалъ себя болѣе одинокимъ, нежели десять лѣтъ тому назадъ, когда онъ слѣдовалъ за гробомъ своей матери, держась за руку дяди Альсида. Онъ перечитывалъ книгу „Вокругъ жизни" Кропоткина, бывшую для него евангеліемъ, и которую онъ всюду возилъ съ собою. Валентинъ пересталъ вѣрить возвышеннымъ утопіямъ этого апостола свободы, мечтавшаго о новыхъ соціальныхъ группахъ, свободно и добровольно соединившихся по взаимному соглашенію для общаго дѣла, и не имѣющихъ нужды въ правительствѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ, какъ и всѣ мы, любилъ уноситься мечтою въ ту землю Ханаанскую, предѣловъ которой намъ не суждено увидѣть. Но въ кошелькѣ у него все пустѣло, и пришлось подумать о возвращеніи. Валентина привлекала мысль сдѣлаться журналистомъ; ему казалось, что онъ обладаетъ неистощимымъ запасомъ чувствъ и мыслей; одно слово Романеша могло осуществить его мечтанія, и хотя дядя въ первый разъ дурно отнесся къ его просьбѣ, онъ рѣшился на вторую попытку.

Депутатъ проводилъ каждое лѣто въ деревнѣ Кошерель, гдѣ онъ пріобрѣлъ теперь домикъ и садъ съ видомъ на рѣку, но это „убогое жилище", которымъ онъ нѣсколько тщеславился, все же было далеко отъ первоначальнаго убожества его обстановки. Отдыхать ему приходилось нынче немного: изъ Парижа постоянно наѣзжали дѣловые посѣтители; громадная переписка и газетныя статьи также отнимали у него много времени.

Выходя на платформу, Валентинъ встрѣтился съ Урбэномъ, ѣхавшимъ въ другомъ вагонѣ, и тотъ съ сіяющимъ лицомъ подошелъ къ нему.

— Мы вмѣстѣ ѣхали, а я и не подозрѣвалъ! Откуда ты? Давно ли въ Парижѣ? Развѣ ты не получилъ письма съ извѣщеніемъ о моей свадьбѣ? И не отвѣтилъ мнѣ ни единымъ словомъ!

Валентинъ чувствовалъ, что поступилъ непростительно, но поздравленія застрѣвали у него въ горлѣ, хотя гордость требовала, чтобы онъ не выдалъ себя.

— Прости... У меня было много непріятностей. Поздравляю тебя... отъ всего сердца.

Луртье, взявъ его подъ-руку, принялся разсказывать ему о своихъ успѣхахъ. Онъ уже дебютировалъ въ „Равенствѣ" „Письмами изъ Рима"; одинъ изъ членовъ Института согласился представить туда его монографію, хотя и находилъ, что она имѣетъ скорѣе характеръ памфлета; пресса, конечно, подхватитъ это, и получится „съ ногъ-сшибательная реклама".

Они уже подходили къ деревнѣ, сѣрыя кровли которой поднимались надъ долиной. Урбэнъ весело подмигнулъ Валентину.

— А я къ твоему дядѣ не только по редакціонному, но и по личному дѣлу. Хочу звать его на свадьбу. Онъ—мой редакторъ, пожалуй и не откажетъ, а это произвело бы очень выгодное впечатлѣніе.

Они остановились у домика, совершенно деревенскаго по типу. Г-жа Романешъ встрѣтила ихъ и послала Урбэна въ кабинетъ къ мужу, у котораго уже сидѣлъ одинъ изъ сотрудниковъ „Равенства". Приготовляя на кухнѣ сливочный сыръ, она спокойно разсказала племяннику о несчастіи, постигшемъ ея брата, Альсида Делемона. Заводъ его закрылся, и онъ самъ пропалъ безъ вѣсти. Ходятъ слухи, что онъ покончилъ съ собою, но Максъ увѣряетъ, что онъ еще выплыветъ.

За завтракомъ Валентинъ любовался самоувѣренностью своего друга, который въ разговорѣ съ сотоварищемъ по редакціи такъ категорически разрѣшалъ всѣ вопросы, словно политика была самымъ легкимъ дѣломъ на свѣтѣ. Романешъ слушалъ ихъ съ видомъ превосходства, и послѣ завтрака позвалъ Валентина въ садъ къ рѣкѣ. Разбирая рыболовныя принадлежности, онъ строго сказалъ ему:

— Я знаю, какъ ты оставилъ Фрюмзеля, и долженъ тебѣ сказать, что это былъ очень плохой дебютъ.

— Фрюмзель, вѣроятно, не все вамъ разсказалъ, дядя. Онъ велъ себя возмутительно; онъ—фанатикъ и дуракъ.

Романешъ, уже закинувшій удочку, строго поглядѣлъ на него сбоку.

— Нѣтъ, Фрюмзель—умный человѣкъ; его положеніе и взгляды доказываютъ это. Фанатиками я скорѣе назвалъ бы людей, доведшихъ твоего питомца до такой грубой выходки...

Онъ ничего не забывалъ, и его землистое лицо вспыхнуло.

— Не думаете ли вы, что я толкнулъ его на это?—воскликнулъ Валентинъ.

— Одно изъ двухъ: или ты сбилъ его съ толку твоими парадоксами, или за восемь мѣсяцевъ занятій ты не пріобрѣлъ надъ нимъ никакого вліянія. На что же ты годенъ въ такомъ случаѣ? Если за что-нибудь берешься, надо оказаться на высотѣ задачи.

Видя, что онъ заранѣе осужденъ, Валентинъ не попытался оправдываться. Дѣло въ томъ, что преподаваніе ему не по душѣ.

— Еслибы мы дѣлали только то, что намъ по душѣ, жизнь была бы черезчуръ легка. Я самъ тянулъ учительскую лямку двадцать-четыре года. Поговоримъ серьезно. Ты держишь экзаменъ?

Валентину пришлось сознаться, что онъ не подготовился.

— Какъ? Даже этого ты не сдѣлалъ,—и ты еще позволяешь себѣ судить людей, уже проложившихъ себѣ дорогу! Чѣмъ же ты былъ занятъ все это время?

Валентинъ опустилъ голову и сознался, что онъ путешествовалъ. Романешъ еще сильнѣе нахмурился; голосъ его принялъ еще болѣе жесткій тонъ:

— Путешествовалъ! Какъ туристъ! Какъ милліонеръ! Развѣ *я* путешествую? Развѣ у *меня* есть для этого время и деньги? А для чего ты ѣздилъ, *я* спрашиваю?

Доводы, которые могъ привести Валентинъ, окончательно погубили бы его въ глазахъ дяди, и потому онъ предпочелъ молчать. Романешъ торжествовалъ. Старая сказка: „ты все пѣла, это дѣло, такъ поди-ка, попляши!“ Что же онъ думаетъ, однако, предпринять? Денегъ у него, конечно, уже нѣтъ?

— Я хотѣлъ бы писать.

Романешъ негодующе воздѣлъ руки и поразилъ его молніеноснымъ взоромъ. Писать? Недурная мысль. Но развѣ онъ не помнитъ, что было ему сказано въ прошлый разъ?

Валентинъ поспѣшно заговорилъ, боясь, что ему не дадутъ высказаться. Онъ помнитъ, но вѣдь это дѣло—единственное, на какое онъ способенъ. А теперь, когда у дяди есть собственная газета, быть можетъ, онъ дастъ ему работу—все равно какую?

— Все равно какую!—подхватилъ Романешъ,—вотъ она, твоя формула. Кто говоритъ о какой бы то ни было работѣ, тотъ неспособенъ ни на какую. Притомъ въ „Равенствѣ“ всѣ отдѣлы заняты. Луртье? Луртье—другое дѣло, онъ—работникъ, онъ добылъ въ Римѣ драгоцѣнные матеріалы. Затѣмъ онъ—человѣкъ убѣжденный, преданный „дѣлу“ тѣломъ и душою. Онъ въ тяжелое время сталъ пайщикомъ нашей газеты.

Итакъ, даже въ ôрганѣ пролетаріевъ и реформаторовъ, возвѣщавшемъ близкое паденіе капитализма и справедливое распредѣленіе благъ земныхъ, даже здѣсь деньги сохраняли свое преимущество, торжествуя надъ умственнымъ богатствомъ и работоспособностью. Не смущаясь этимъ противорѣчіемъ, Романешъ продолжалъ:

— Если ты хочешь быть современемъ однимъ изъ нашихъ— будь достойнымъ насъ. Ты плохо дебютировалъ въ жизни, но это еще поправимо: дерево цѣнится по плодамъ. Мы бьемся за великое дѣло и не можемъ допускать въ свои ряды неудачниковъ, лѣнтяевъ, недовольныхъ. Фрюмзель зоветъ тебя анархистомъ...

— Не безпокойтесь, я никуда не собираюсь бросать бомбъ, даже въ Palais-Bourbon.

— Къ покушеніямъ безумцевъ мы равнодушны,—съ увѣреннымъ и презрительнымъ жестомъ проговорилъ Романешъ,—но мы страшимся ихъ идей. Иногда мы поддерживаемъ ихъ, такъ какъ они вносятъ тревогу въ буржуазію; но когда мы покончимъ съ реакціонерами, мы примемся за нихъ. Чтò же тебѣ дѣлать среди насъ? Стрекоза среди муравьевъ! Мы — воистину муравьи, мы не дѣлаемъ запасовъ, и въ этомъ разнимся отъ буржуа, но цѣль наша ясна: мы пересоздаемъ законы, мы сильны единеніемъ, дисциплиною нашей партіи и прессы. Дай намъ доказательство того, что ты измѣнился, и тогда—приходи. Теперь же, когда ты не воспользовался даннымъ мною тебѣ орудіемъ, я ничего не могу больше сдѣлать для тебя. Вотъ то, чтò я хотѣлъ тебѣ сказать, мой другъ. Подумай о моихъ словахъ.

Убѣдившись, что рыба совсѣмъ не клюетъ, онъ поднялся и пошелъ къ дому. На грядкѣ съ саладомъ онъ замѣтилъ случайно распустившій тамъ свои шафрановые лепестки ноготокъ, и, нагнувшись къ нему, онъ съ корнемъ вырвалъ его, тѣмъ же движеніемъ, которымъ онъ заключилъ свою рѣчь въ Реймсѣ.

Валентинъ понялъ сокровенный смыслъ этого движенія: какъ въ буржуазномъ ульѣ, такъ и въ соціалистическомъ муравейникѣ для него не было мѣста. Онъ вспомнилъ своего скворца, улетѣвшаго отъ воробьевъ лишь для того, чтобы попасться въ лапы коту. Вырванный изъ земли цвѣтокъ погибнетъ на скупой почвѣ, и трупъ его послужитъ для нея удобреніемъ.

II.

Друзья вмѣстѣ выѣхали изъ Кошереля съ вечернимъ поѣздомъ, и сіяющій Урбэнъ поспѣшилъ сообщить Валентину, что Романешъ сразу согласился. Онъ оказываетъ ему этимъ громадную услугу, такъ какъ не только будущая теща, но и тесть, несмотря на весь свой атеизмъ, оба стоятъ за церковный обрядъ. Ужъ эти буржуа съ ихъ предразсудками! Теперь, когда Романешъ далъ свое согласіе, они больше не заикнутся о попахъ.

— Рѣчь, которую онъ произнесетъ—стòитъ мессы,—сказалъ Валентинъ;—но чтò думаетъ объ этомъ невѣста?

— Паула-Андреа? Она—совсѣмъ ребенокъ, притомъ она обожаетъ меня.

— Она обожаетъ тебя? Чудесно! Настоящая идиллія! А ты также ее обожаешь?

— Я очень люблю ее, она добрая дѣвушка; конечно, придется перевоспитать ее... И къ тебѣ она очень расположена. Ты скоро побываешь у нихъ? Свадьба—10-го октября въ мэріи моего округа.

Урбэнъ—вплоть до пересадки въ Мантѣ—продолжалъ изливаться. Они совершатъ свадебную поѣздку въ Біаррицъ; къ сожалѣнію, Романешъ даетъ ему отпускъ всего на недѣлю. Конечно, онъ правъ: даже во время медоваго мѣсяца нельзя терять времени даромъ. Наконецъ, замѣтивъ нервное состояніе Валентина, Урбэнъ спросилъ его:

— А чтò твои дѣла?

Валентинъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ и щелкнулъ пальцами. Урбэнъ понялъ, но онъ сразу нашелъ выходъ. Почему бы Валентину также не попытать счастья въ журналистикѣ?

— Нужна газета...

— А „Равенство"? Тебѣ стоитъ сказать дядѣ одно слово...

— Я говорилъ съ нимъ,—онъ не желаетъ. Я вѣдь не могу быть пайщикомъ; но есть и другія причины. Вы всѣ—муравьи, я—стрекоза. А съ пустыми руками нечего соваться.

Глаза Валентина лихорадочно блестѣли; они были вдвоемъ въ купэ и могли говорить безъ стѣсненія.

— У каждаго изъ насъ есть добрая воля,—сказалъ Урбэнъ.

— Нѣтъ у меня доброй воли,—возразилъ, разгорячаясь, Валентинъ.—Я не вѣрю въ ваши чудные планы и не желаю ихъ поддерживать. Вы организуете новый обманъ для бѣднаго люда.

Вы обѣщаете имъ блага, которыхъ не можетъ дать и не дали бы, еслибы даже они имѣлись въ вашемъ распоряженіи. Вы сулите имъ дворецъ, который окажется тюрьмою, и когда они войдутъ туда, вы задвинете засовы и превратитесь въ властителей. Вы—не пролетаріи, вы—буржуа, самые ужасающіе буржуа, сохранившіе всѣ страсти и всѣ пороки вашей касты: вы—эгоисты, тираны, жадные, жестокіе, пошлые... Нѣтъ, не вамъ суждено обновить міръ.

— Если ты такъ думаешь,—конечно, твой дядя не могъ взять тебя,—сказалъ Урбэнъ, хмурясь.

— Конечно, не могъ. Настоящимъ обездоленнымъ, настоящимъ пасынкамъ судьбы, не имѣющимъ ни отца, ни законнаго имени, ни гроша за душою, ни семьи—имъ нечего ждать отъ васъ помощи. Мой дядя правъ: съ моей стороны было низостью предлагать ему мои услуги изъ-за куска хлѣба. Я предложу ихъ другимъ; я сражусь съ вами, слышите ли вы? Когда вы возведете ваше зданіе будущаго, которое окажется хуже настоящаго, мы возстанемъ передъ вами: я и подобные мнѣ—непокорные, непримиримые, число которыхъ вы сами увеличиваете вашими поступками.

— Есть люди, думающіе такимъ образомъ,—отвѣтилъ Урбэнъ безъ гнѣва, со спокойною увѣренностью:—придется покончить съ ними,—тѣмъ хуже для нихъ. У тебя это все—мимолетное, оно пройдетъ.

Валентинъ стукнулъ кулакомъ о скамейку.

— Нѣтъ, до сихъ поръ я былъ глиной, но теперь, вслѣдствіе всего, мною пережитаго, я вылился въ опредѣленную форму, прошедшую черезъ огонь. Чтобы измѣнить ее—пришлось бы разбить сосудъ. Иди съ моимъ дядею и ему подобными. Будь депутатомъ, министромъ, капиталистомъ. Я останусь одинокимъ. Я—микробъ, который уничтожитъ ваше общество, какъ вы уничтожаете нынѣшнее. Торжествуйте побѣду надъ міромъ, царствуйте: ничто не измѣнится, за исключеніемъ именъ и числа притѣснителей!

Вмѣсто того, чтобы разсердиться, Луртье все болѣе омрачался. Быть можетъ, въ этомъ потокѣ словъ онъ ловилъ голосъ истины; въ этой единичной жалобѣ пострадавшаго ему слышались несмолкаемые вопли вѣчно страждущихъ. Быть можетъ, также давнишняя привязанность къ Валентину пробудила въ немъ чувство жалости, и горе друга словно набрасывало тѣнь на его собственное счастье.

Покуда тотъ, дрожа отъ возбужденія, откинулся въ уголъ, Урбэнъ сдержанно заговорилъ:

— Мы стараемся внести нѣкоторую справедливость въ этотъ старый міръ, но мы не властны уничтожить всякую несправедливость, всякое страданіе. Ты хочешь измѣнить самую природу людей,—мы стремимся къ возвышенію класса, наиболѣе угнетеннаго. Какъ намъ понять другъ друга?

— Я знаю, что мы никогда другъ друга не поймемъ!—воскликнулъ Валентинъ.

— Все равно, мы останемся друзьями,—не такъ ли? Приходи потолковать со мною, когда успокоишься.

До прибытія въ Парижъ, они молчали, но, пожимая на прощанье руку Валентину, Луртье повторилъ свою просьбу.

Валентинъ рѣшилъ, что ему необходимо побывать въ улицѣ Tâcherie, а также—присутствовать на свадьбѣ. Долго онъ не могъ собраться съ духомъ, но наконецъ отправился, утѣшаясь надеждою на отсутствіе дамъ. Однако, упованія его не сбылись; въ магазинѣ оказались солидные покупатели, а съ антресоля доносились звуки знакомой Шопеновской прелюдіи. Сердце его забилось.

При видѣ Валентина Паула-Андреа покраснѣла и захлопнула крышку фортепіано. Она быстро оправилась и поздоровалась съ нимъ, какъ съ добрымъ старымъ другомъ, никогда не поднимавшимъ на нее глазъ. Это умѣнье владѣть собою взорвало Валентина, и онъ проговорилъ тономъ злобной ироніи:

— Я пришелъ поздравить васъ, mademoiselle. Да, я поздравляю васъ.

Паула-Андреа тихо и просто отвѣтила:

— Благодарю васъ, monsieur Валентинъ.

Она снова сѣла на табуретъ передъ піанино и опустила голову, избѣгая взгляда молодого человѣка. Тысячи дорогихъ воспоминаній охватили Валентина въ этой знакомой обстановкѣ, и у него невольно вырвалась жалоба:

— Возможно ли, чтобы вы ни о чемъ не сожалѣли, все позабыли? Все, все?.. Ваши слова, обѣщанія? Вы не думали, что я вернусь? Вы оттолкнули мое сердце, какъ отталкиваютъ ногою придорожный камень, и не почувствовали, какое страданіе вы мнѣ наносите.

Она чуть слышно прошептала:

— Нѣтъ, чувствовала... Мнѣ тоже было больно... Очень... Я много плакала. Еслибы я могла выбирать...

Валентинъ подумалъ, что она лжетъ—изъ трусости или коварства, и рѣзко прервалъ ее:

— Чтò вы сочиняете? Вы любили Урбэна! Онъ самъ говорилъ и писалъ мнѣ: „она меня обожаетъ“.

— Онъ написалъ намъ изъ Рима, затѣмъ пріѣхалъ... Что̀ мнѣ было дѣлать?

— Бороться... ждать!

Паула-Андреа грустно улыбнулась, и затѣмъ принялась доказывать ему всю тщетность такихъ надеждъ.

— Ждать? Чего? Сколько времени? Молодая дѣвушка должна подумать о будущемъ. Вы знаете, я никогда не была здѣсь счастлива... Мои родители добры, я люблю ихъ отъ всего сердца, но... у меня другіе вкусы... Я побоялась упустить случай... Нужно много мужества для того, чтобы ждать. Васъ не было,—я не знала, куда вамъ писать.... Да я и не рѣшилась бы... Мы ничѣмъ не были связаны. Отецъ очень желалъ этого брака. Я знаю *его* уже много лѣтъ, я вѣрю *ему*... Вотъ какъ все это случилось...

Валентинъ слушалъ ее, пораженный. Итакъ, онъ былъ обязанъ своимъ несчастіемъ не женскому, казнимому поэтами непостоянству, но простому житейскому разсчету, классовому предразсудку, внушавшему молодой дѣвушкѣ презрѣніе къ родительской лавкѣ. Честолюбіе толкало ее на болѣе высокую ступень общественной лѣстницы, и, по странной ироніи судьбы, она шла для этого въ станъ „возмутившихся“.

— Вы прекрасно умѣете разсчитывать!—воскликнулъ онъ:—Урбэнъ составилъ себѣ отличное положеніе, у него есть деньги, а что̀ еще будетъ, когда онъ станетъ торговать статьями! Это—повыгоднѣе продажи попугаевъ и канареекъ. И этимъ соображеніямъ вы пожертвовали нашей любовью?

— Нѣтъ, требованіямъ жизни.

— Неправда! Жизнь—великая вещь. Жизнь—поле, на которомъ можно сѣять и собирать жатву, если только имѣешь частицу любви, счастья, надежды. Вы сдѣлали изъ моей жизни пустыню, а на что̀ бы я не рѣшился ради васъ!

Злое слово вертѣлось на языкѣ у дѣвушки. Она удерживала его, не желая оскорбить Валентина, но, задѣтая его ироніей, проговорила:

— А можетъ быть, вы даже не подготовились къ экзамену на баккалавра?

Ударъ попалъ въ цѣль; Валентинъ смутился. Онъ хотѣлъ отвѣчать, но вошелъ сіяющій Луртье, довольный состоявшимся торгомъ.

— Удачный выдался сегодня денекъ! Жаль ликвидировать торговлю, monsieur Валентинъ, когда дѣла̀ такъ хорошо идутъ!

III.

Церемонія въ мэріи, которую Романешъ назвалъ въ своей рѣчи „прекраснымъ примѣромъ и возвышеннымъ нравственнымъ урокомъ для нѣкоторой части общества, еще погрязшей въ религіозныхъ предразсудкахъ“, только-что окончилась, и Валентинъ, поздравивъ новобрачныхъ, направился къ лѣвому берегу Сены.

Въ ушахъ его еще звучало исполненное оркестромъ „свадебное шествіе“ изъ „Лоэнгрина“, заглушившее жалобы г-жи Луртье-матери, которая, не будучи въ состояніи примириться съ отсутствіемъ церковнаго обряда, утирая глаза, повторяла:

— Что̀ мы сдѣлали? Что̀ мы сдѣлали?

Печальныя мысли осаждали Валентина; старый врагъ его— одиночество, вконецъ восторжествовалъ надъ нимъ, и онъ бродилъ по городу, какъ въ пустынѣ. Проходя по бульвару Сенъ-Мишель, онъ увидѣлъ Клода, шедшаго по другой сторонѣ тротуара. Бреванъ шелъ легкимъ шагомъ счастливаго, вѣрящаго въ свое дѣло человѣка. Свѣтлыя воспоминанія о ихъ дружбѣ воскресли въ душѣ Валентина; симпатичная доброта и отзывчивость Клода, его искренняя любовь къ ближнему—часто дѣйствовали на него успокоительно, и со времени ихъ размолвки онъ ощущалъ особенную пустоту въ сердцѣ и въ жизни. Валентинъ перешелъ дорогу, разсчитывая встрѣтиться съ Клодомъ, но тотъ, разсѣянный, какъ всегда, свернулъ въ аллею, никого и ничего не замѣчая. Какой-то мальчикъ бросилъ ему подъ ноги обручъ; Клодъ споткнулся и растянулся на пескѣ, но сейчасъ же поднялся. Валентинъ стоялъ передъ нимъ.

— Клодъ, ты ушибся?

— Нѣтъ, милый, пустяки. Ты узналъ меня по моей неловкости? Очень мило съ твоей стороны, что ты подобралъ меня...

Онъ сталъ отряхивать пыль; Валентинъ помогалъ ему. Неожиданность встрѣчи изгладила изъ ихъ памяти сцену въ Нэми. Клодъ началъ разспрашивать друга. Безпокойный взглядъ, неопредѣленное движеніе—были ему отвѣтомъ. Дѣла плохи? Что̀ случилось?

Бреванъ усадилъ его на скамью. Наступленіе вечера разгоняло гуляющихъ. Листья каштановъ осыпались съ грустнымъ шелестомъ. Между полуобнаженными вѣтвями деревьевъ можно было различить силуэты статуй, заколоченный кіоскъ.

— Тебѣ не холодно?—спросилъ Клодъ.

Дружескій вопросъ согрѣлъ сердце Валентина; Бреванъ обладалъ даромъ вызывать довѣріе: въ немъ чувствовался неистощимый запасъ симпатіи. Онъ воскликнулъ со своимъ задушевнымъ, почти дѣтскимъ смѣхомъ:

— Еслибы ты зналъ, какъ я доволенъ, что встрѣтилъ тебя, милый!

— А я! Только-что сейчасъ я думалъ о тебѣ на свадьбѣ Урбэна.

— Урбэнъ женился? Я ничего не знаю; онъ меня не увѣдомилъ.

— Купи завтрашній нумеръ „Равенства", если желаешь знать подробности. Это была не свадьба, а манифестація.

— На комъ онъ женился?

— На своей кузинѣ.

Предупреждая вопросы, Валентинъ поспѣшилъ разсказать все, что̀ съ нимъ случилось за это время. Онъ ничего не сдѣлалъ, не знаетъ, что̀ съ нимъ будетъ? Онъ погибъ.

Клодъ крѣпко сжалъ его руку. Погибъ? Что за вздоръ! Передъ нимъ цѣлая жизнь. Найдутся интересы, уроки, занятія. Онъ будетъ заработывать хлѣбъ не хуже другихъ.

— Еслибы дѣло было въ одномъ хлѣбѣ! Мнѣ такъ мало нужно! Но кто мнѣ вернетъ мужество, надежду, любовь къ жизни?

— Ты не все мнѣ говоришь, — сказалъ Клодъ, заглянувъ ему въ глаза.

— Все, что̀ могу.

— Твои тайны касаются, конечно, тебя одного. Но то, чего ты желаешь, мой бѣдный другъ, мы находимъ лишь въ самихъ себѣ. Ты—на дурномъ пути, вотъ въ чемъ горе.

Валентинъ почти вырвалъ свою руку у Клода.

— Я не самъ выбралъ свой путь. Вы этого не знаете, у васъ есть сéмьи. Вы не были одиноки съ дѣтства... Отъ этого—все зло. Я былъ одинокимъ,—одинокимъ я и останусь навсегда.

— Пойдемъ съ нами,—сказалъ Клодъ, снова взявъ его пылавшую руку,—почему ты не хочешь? Ты сознался, что во многомъ ошибся. Вотъ въ чемъ твоя ошибка: ты ищешь спасенія въ мятежѣ, въ насиліи. Среди насъ ты найдешь дружбу, которая исцѣлитъ тебя отъ горечи одиночества; у насъ всѣ люди любятъ другъ друга, какъ братья, не разбирая: черныя или бѣлы у нихъ руки.

— Коллективная дружба? Благодарю. Я желаю, чтобы мой другъ былъ только моимъ другомъ.

— Кто мѣшаетъ тебѣ избрать друга по душѣ? Нужно только полюбить себя въ другихъ. Быть однимъ изъ камней зданія.

— Каплей воды въ рѣчкѣ?

— Ну, что-жъ? Капля испаряется, но рѣка орошаетъ поля, она — могучій двигатель. Мы предлагаемъ тебѣ не только дружбу, но и опредѣленную цѣль—*дѣйствіе*, въ которомъ суть жизни...

— Я узнаю тебя, Клодъ, въ твоихъ благородныхъ порывахъ!—прервалъ его Валентинъ:—но для того, чтобы дѣйствовать, нужно *вѣрить*, а этой вѣры у меня нѣтъ, и взять ее не откуда. Я не могу подчинить свою мысль; она смѣла, она не знаетъ страха и компромиссовъ,—я не властенъ поставить ее въ извѣстныя границы,—она переступитъ ихъ. Такою сдѣлали ее два вѣка изысканій, критики, неутомимыхъ стремленій къ свободѣ, два вѣка прогресса... Ходъ исторіи нельзя измѣнить, какъ бы ни трудились надъ этимъ твои друзья...

— Но вѣдь ты видишь, что вашъ разумъ признаётъ себя безсильнымъ? Ты говоришь объ одержанныхъ въ теченіе двухъ вѣковъ побѣдахъ,—я указываю на принесенное ими разрушеніе. Мы хотимъ спасти оставшееся...

— Алтарь и кошелекъ?

— Любовь и вѣру,—опору, которую ищетъ твое сердце и отталкиваетъ умъ.

— Нѣтъ, я хочу полной свободы, полной истины, а вы предлагаете ярмо или самообманъ. Вспомни сына Агари, Измаила. О немъ сказано было, что онъ разобьетъ свои шатры въ пустынѣ; я — изъ его потомства. Духъ мятежа служитъ намъ замѣною счастья,—наше мужество равно вашимъ добродѣтелямъ. Ты мнѣ говоришь: вѣруй въ Бога и въ рай, въ этомъ—спасеніе. Удачники, подобные Урбэну, говорятъ: вѣрь въ человѣчество, утѣшайся въ страданіяхъ, думая о его прогрессѣ, разсчитывай на его разумъ, который улучшитъ судьбу грядущихъ поколѣній. Обманъ, заблужденіе съ обѣихъ сторонъ! Если небеса пусты, ты становишься сообщникомъ невѣроятнаго метафизическаго мошенничества; если люди не способны стать лучшими,—что̀ подтверждаетъ исторія,—зданіе будущаго—такой же миражъ, какъ и твой рай. Мѣняется—сообразно съ аппетитомъ рыбокъ—только приманка на удочкѣ. Чего же ждать отъ неба и земли?

Грустное впечатлѣніе производилъ молодой голосъ, произносившій эти слова отчаянія. Они замирали въ шумѣ осенняго вѣтра, разносившаго ихъ какъ зерна. Со сжавшимся сердцемъ, Клодъ отвѣтилъ:

— Прежде чѣмъ знать, мыслить и судить,—нужно жить. А среди этого хаоса что̀ дастъ тебѣ силу жить?

— Надежда высказать современемъ горькую истину, поднять бурю, отъ которой разлетятся ваши раскинутые на пескѣ шатры... Я уже далеко ушелъ съ прошлаго года, и я пойду еще дальше. Ступай, паси свое стадо,—я буду съ волками.

Гуляющіе расходились. Порывы рѣзкаго вѣтра срывали съ деревьевъ листву, усыпавшую дорожки; влажныя тѣни сгущались подъ каштанами. Клодомъ на мигъ овладѣло отчаяніе живого человѣка, въ котораго вцѣпился утопающій и тащитъ его съ собою ко дну. Но, поборовъ себя, онъ твердо сказалъ:

— Дѣло сильнѣе мысли, дружба выше разсужденій. Мы спасемъ тебя—вопреки тебѣ.

Валентинъ почти крикнулъ:

— Нѣтъ, вы меня не спасете!

— Что̀ тебѣ сказать на это? — грустно и кротко отвѣтилъ Клодъ. — Вотъ это уже не слово, но фактъ: если моя помощь тебѣ понадобится, я—твой всегда и во всемъ.

— Добрый самаритянинъ!—усмѣхнулся Валентинъ.—Благодарю тебя, я не нуждаюсь въ состраданіи.

— Я не говорю о состраданіи; я предлагаю тебѣ мою дружбу. Хочешь ты этого, или нѣтъ—я всегда останусь твоимъ другомъ. До свиданія, милый.

— Быть можетъ—прощай.

Руки ихъ разъединились, они разошлись въ разныя стороны: Клодъ, потрясенный, словно онъ видѣлъ утопавшаго брата, котораго невозможно спасти, Валентинъ—болѣе одинокій, чѣмъ до встрѣчи съ нимъ. Вѣрѣ перваго былъ нанесенъ ударъ, такъ какъ она оказалась несостоятельной,—второй еще болѣе укрѣпилъ въ себѣ духъ мятежа. Одинъ, желая спасти, призывалъ къ себѣ на помощь всю силу любви, другой—изъ гордости отталкивалъ мысль о спасеніи.

А передъ ними—словно обширный, невѣдомый край, словно поле, границы котораго теряются за горизонтомъ—открывалась жизнь съ ея неожиданностями и западнями.

Съ франц. О. Ч.

ИЗЪ

ВИКТОРА ГЮГО

„Chants de crépuscule".

1830 г.

1.

Сіяетъ ратуша, отъ верху и до низу
Заискрились огни гирляндой по карнизу,
И пиръ въ ночную тьму бросаетъ яркій свѣтъ,
Какъ вдохновенья лучъ — божественный поэтъ.
Но пиръ — не мысли лучъ; не въ праздникахъ веселыхъ
Нуждается страна въ годину бѣдъ тяжелыхъ.
И менѣе всего нуждается въ балахъ
Скопленье нищеты, ютящейся въ углахъ.

Не лучше ль предпринять той язвы исцѣленье,
Чтò въ мудрыхъ вызвала со страхомъ изумленье?
Ступени укрѣпить, чтò снизу вверхъ идутъ,
Разрушить эшафотъ и обезпечить трудъ,
Малютокъ накормить, просящихъ корку хлѣба!
Не лучше ль — возвратить невѣрующимъ небо,
Чѣмъ люстру зажигать затѣмъ лишь, что непрочь
При шумѣ музыки глупцы не спать всю ночь?

2.

Коль скоро Францію Ты осѣнилъ крыломъ —
Даруй побѣду ей надъ всемогущимъ зломъ;
Не потерпи, Господь, раздоровъ вѣковѣчныхъ,
Печальной повѣсти свободъ недолговѣчныхъ,

Потока думъ, страстей, что̀ словно грозный валъ
Плотину всѣхъ началъ общественныхъ прорвалъ;
Не потерпи борьбу оружія — съ глаголомъ,
Бумажной хартіи — съ гранитнымъ произволомъ,
Волны́ съ волною споръ, что̀ тянется вѣка́:
Пусть знатный презирать не смѣетъ бѣдняка!
Не потерпи войны ожесточенно-злобной,
Всѣхъ партій и властей войны междоусобной,
Сумятицы и жертвъ и воплей безъ числа,
Рѣшеній сумрачныхъ, что̀ порождаетъ мгла!
Они убійственною ненавистью дышатъ,
Глумясь надъ совѣстью, свободой и добромъ,
И часто потому со страхомъ люди слышатъ
На улицахъ въ ночи̇ орудій тяжкихъ громъ.

О. Чюмина.

АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ

Письмо изъ деревни.

9-го января нынѣшняго года, у насъ, въ г. Мокшанѣ, открылось экстренное уѣздное земское собраніе, созванное по вопросу о посредничествѣ земства въ надѣленіи малоземельныхъ крестьянъ землей прямо крестьянскимъ банкомъ или при участіи его. Послѣ ознакомленія собранія съ предложеніями министерства финансовъ, крестьянскаго банка и мѣстнаго его отдѣленія, сразу завязались горячія пренія. Первымъ гласнымъ, который говорилъ, было указано, что уже въ настоящее время, собственно въ Европейской Россіи, нѣтъ ненадѣльной земли, чтобы ею достаточно надѣлить малоземельныхъ крестьянъ, и она распредѣлена очень часто не тамъ, гдѣ въ ней крестьяне наиболѣе нуждаются. Очевидно, одно переселеніе можетъ, уже въ данное время, разрѣшить удовлетворительно вопросъ о надѣленіи малоземельныхъ крестьянъ необходимой для нихъ землей, но и тутъ является серьезное затрудненіе: какъ понимать,—кто малоземельный крестьянинъ? Въ сущности, все крестьянство не имѣетъ достаточно земли, чтобы жить ею одной безбѣдно и самостоятельно, какимъ бы надѣломъ оно ни пользовалось: дарственнымъ, малымъ, среднимъ или высшимъ. Во всякомъ крестьянскомъ поселкѣ,—вполнѣ независимо отъ количества земли, какимъ онъ пользуется,—населеніе разнородно: есть богатые, средніе и обѣднѣвшіе крестьяне. Вѣрныхъ данныхъ о послѣднихъ не имѣется, и потому невозможно правильно судить о размѣрѣ дѣйствительной нужды въ землѣ.

Слѣдующій говорившій гласный посмотрѣлъ на вопросъ совершенно съ другой стороны и обратилъ вниманіе собранія на неправильность оцѣнки крестьянскимъ банкомъ земли. Онъ указалъ на западную Европу, въ которой, несмотря на несоразмѣрно болѣе, чѣмъ у насъ, высокую производительность земли, а также несмотря на

лучшія климатическія и экономическія условія, чистая доходность земли опредѣляется около *двухъ процентовъ* ея стоимости; тогда какъ крестьянскій банкъ капитализируетъ чистую доходность изъ пяти и чуть ли не болѣе процентовъ. Несомнѣнно, мы бѣднѣе средствами, чѣмъ западно-европейскія государства, и у насъ всякаго рода капиталъ долженъ приносить болѣе высокій процентъ, но одинаковый. Было бы справедливѣе капитализировать чистую доходность земли на основаніи того же процента, который приноситъ государственная рента, т.-е. изъ четырехъ, за исключеніемъ пятипроцентнаго налога. Это было бы одинаково выгодно какъ для продавцовъ, такъ и для покупателей: первые получили бы болѣе правильную оцѣнку за свою землю, а вторые относительно меньше платили бы ежегодно за полученную ссуду.

Необходимо пояснить, что во всѣхъ правительственныхъ сообщеніяхъ, доложенныхъ вначалѣ собранію, указывалось на важное значеніе земства и его представителей при опредѣленіи чистой доходности земли совокупно съ органами крестьянскаго банка. Дѣйствительно, при оцѣнкѣ земли среднія ея цѣны, выработанныя вполнѣ правильно, на основаніи точныхъ статистическихъ данныхъ, всего менѣе примѣнимы. Такія цѣны, безспорно, даютъ понятіе о производительности земли, тѣмъ болѣе вѣрное, чѣмъ ближе пользованіе ими къ произведенной оцѣнкѣ. Доходность же земли зависитъ не отъ одной только ея производительности, но и отъ сбыта производимаго ею. Сошлюсь, напримѣръ, на проведеніе пензо-рузаевской вѣтви московско-казанской желѣзной дороги, прошедшей болѣе 60-ти верстъ по мокшанскому уѣзду. Оно сразу подняло доходность земли на рубль и гораздо болѣе съ пахотной десятины, смотря по разстоянію отъ станціи сбыта. Это крупный и, такъ сказать, видимый, наглядный примѣръ; не менѣе убѣдительны болѣе мелкіе примѣры, какъ устройство крупной торговой мельницы или завода для повышенія доходности окружающей ихъ земли. Во всякомъ случаѣ, участіе мѣстныхъ жителей въ оцѣнкахъ крестьянскаго банка представляетъ вѣрное ручательство ихъ правильности.

Указаніе говорившаго гласнаго на облегченіе срочныхъ платежей крестьянствомъ за полученную ссуду при правильной капитализаціи доходности земли сосредоточило, такъ сказать, пренія на этихъ платежахъ. Пренія оживились и все болѣе касались подробностей и мѣстныхъ особенностей. Передать ихъ всецѣло—врядъ ли интересно. Остановлюсь только на болѣе выдающихся положеніяхъ, выяснившихся во время преній. Было высказано, что если крестьянство всюду накопило на себѣ крупную недоимку выкупного платежа, въ сущности весьма необременительнаго, — что̀ же будетъ съ платежами крестьянскому

банку, которые несомнѣнно будутъ выше выкупныхъ? По мокшанскому уѣзду за высшій надѣлъ, состоящій изъ трехъ одной-третью десятинъ, выкупной платежъ опредѣленъ въ шесть руб. 20 копѣекъ въ годъ, а крестьянскому банку, пожалуй, придется платить то же самое за одну десятину. Степень непосильности такого платежа горячо обсуждалась гласными-крестьянами. Единогласно они пришли къ заключенію, что высшій годовой платежъ банку за десятину, возможный для рядового крестьянина, это—4 руб. 60 коп. Еще было выяснено, что именно въ этомъ платежѣ и желательна помощь правительства. Крестьянинъ платилъ бы за десятину только 4 руб. 60 коп., а остальное, т.-е. необходимая доплата недостающаго для процента ссуды и ея погашенія, вносилось бы ежегодно государственнымъ казначействомъ. Такая разсроченная на года помощь крестьянству врядъ ли была бы обременительна для правительства. Въ глазахъ гласныхъ-крестьянъ помощь правительства крестьянству въ срочныхъ его платежахъ банку легче для самого правительства, чѣмъ какая-нибудь единовременная въ цѣнѣ покупаемой имъ земли. Пренія коснулись также, но вскользь, размѣра надѣла, при которомъ крестьянская семья можетъ жить безбѣдно. Одинъ изъ гласныхъ-землевладѣльцевъ заявилъ, что такимъ надѣломъ должна быть одна [1]) сороковая десятина на каждую душу обоего пола, достигшую рабочаго возраста. Гласные-крестьяне не возражали, но и не поддержали этого заявленія, хотя отнеслись къ нему одобрительно. Очевидно, по ихъ убѣжденію, размѣръ срочнаго платежа крестьянскому банку имѣлъ первенствующее значеніе. Нѣкоторыми изъ гласныхъ-крестьянъ было заявлено, что при высокомъ срочномъ платежѣ земля будетъ слишкомъ дорога, и такой имъ не надо. Остальными изъ нихъ это замѣчаніе не опровергалось.

Пренія по общему вопросу все болѣе затягивались, хотя для меня, какъ предсѣдателя, уже выяснились тѣ положенія, на которыхъ они могутъ быть сосредоточены и, затѣмъ, рѣшены голосованіемъ, — но неожиданно эти пренія прекратились. Однимъ изъ гласныхъ-землевладѣльцевъ было высказано, что обсужденіе способа надѣленія малоземельныхъ крестьянъ землей нашимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ не имѣетъ серьезнаго значенія. Если мы даже что̀ и постановимъ, разумѣется, въ видѣ ходатайства, это пойдетъ своимъ порядкомъ и врядъ ли будетъ имѣть какое-либо послѣдствіе. Этотъ способъ указанъ правительствомъ, и согласно указанному дѣло уже идетъ бойко. Очень можетъ быть, что само дѣло докажетъ необходимость въ измѣненіи его постановки. Тогда, да очень вѣроятно во всякомъ случаѣ,

[1]) Сороковая десятина въ нашей мѣстности ($40 \times 80 = 3.200$ кв. саж.) представляетъ одну казенную десятину ($30 \times 80 = 2.400$ кв. саж.) съ третью.

вопросъ о надѣленіи крестьянъ землей не минуетъ Государственной Думы; мы же созваны для весьма существеннаго дѣла, для избранія представителей земства, которые примутъ участіе, вмѣстѣ съ органами крестьянскаго банка, въ оцѣнкѣ земли, покупаемой крестьянами прямо отъ землевладѣльцевъ или отъ самого банка. Останемтесь же на законной почвѣ и приступимъ къ надлежащимъ выборамъ. Предложеніе было принято единогласно.

Дѣленіе мокшанскаго уѣзда на четыре земскихъ участка на дѣлѣ оказалось удачнымъ и практическимъ по группировкѣ мѣстныхъ интересовъ и особенностей; вслѣдствіе сего было установлено выбрать въ предполагаемую коммиссію изъ живущихъ въ каждомъ участкѣ по одному землевладѣльцу и по одному крестьянину. Составъ посреднической коммиссіи былъ опредѣленъ изъ управы, служащей постояннымъ бюро коммиссіи, и восьми членовъ, т.-е. четырехъ землевладѣльцевъ и четырехъ крестьянъ; на случай отсутствія или невозможности принять участіе въ занятіяхъ коммиссіи избранныхъ членовъ, назначены были восемь кандидатовъ тѣмъ же порядкомъ. Опредѣленные выборы были немедленно проведены закрытой баллотировкой. Тѣмъ же порядкомъ были избраны два представителя для принятія участія какъ въ мѣстномъ отдѣленіи, такъ и въ петербургскомъ совѣтѣ крестьянскаго банка; тѣмъ и окончилось разрѣшеніе вопроса объ участіи уѣзднаго земства въ надѣленіи малоземельныхъ крестьянъ землей, и собраніе перешло къ дальнѣйшимъ своимъ занятіямъ.

Нельзя не упомянуть объ одномъ изъ затрудненій надѣленія малоземельныхъ крестьянъ землей, которое выяснилось въ собраніи, но которое не подверглось всестороннему обсужденію, а оно весьма существенно. Было указано, что общее, лучше сказать—въ большихъ размѣрахъ,—надѣленіе крестьянства землей не обойдется безъ переселенія; было также упомянуто, что съ 1-го января 1907 г. всякій надѣлъ, освободившись отъ бывшихъ на немъ обязательствъ, вмѣстѣ съ усадьбой, представитъ собою возможность получить долгосрочную ссуду, которою облегчится не только пріобрѣтеніе земли, но и всякое переселеніе. Это вѣрно и возможно. Дѣйствительно также, что безъ переселенія и разселенія не обойдется. Не говоримъ о быстромъ ростѣ сельскихъ поселеній, но случаи конкурренціи нѣсколькихъ сельскихъ обществъ на одну и ту же землю встрѣчаются уже теперь, и, несомнѣнно, ихъ будетъ еще болѣе; но, тѣмъ не менѣе, залогъ существующихъ свободныхъ надѣловъ врядъ ли желателенъ.

Въ мокшанскомъ уѣздѣ, да и не въ немъ одномъ, денежная аренда крестьянствомъ землевладѣльческой земли почти не существуетъ, и если она встрѣчается, то со стороны богатыхъ крестьянъ преимущественно подъ бахчи. Нуждающіеся же въ землѣ крестьяне, т.-е. про-

мадное ихъ большинство, нанимаютъ частную землевладѣльческую землю изъ части производимаго ею. Отчего, почему установилось такъ называемое натуральное хозяйство—нѣтъ надобности выяснять, но разъ оно существуетъ — съ нимъ приходится считаться. Съ другой стороны, врядъ ли возможно стѣснять крестьянина въ распоряженіи имъ его собственностью. Всякое такое, пожалуй весьма благонамѣренное, стѣсненіе будетъ повтореніемъ той же опеки, которая до сихъ поръ ничего существенно хорошаго крестьянству не дала и ни отъ чего дурного его не охранила. Всюду всѣ мелкіе землевладѣльцы мечтаютъ только объ увеличеніи своей земельной собственности и, при малѣйшей возможности къ тому, не останавливаются ни передъ какими жертвами, особенно если онѣ не вполнѣ опредѣленно рисуются въ будущемъ.

Надѣленіе малоземельныхъ крестьянъ землей потребуетъ со стороны государства несомнѣнно громадныхъ денежныхъ затратъ, въ какомъ бы видѣ онѣ ни были осуществлены. Также несомнѣнно, что эти затраты лягутъ тяжелымъ бременемъ на экономическое положеніе всего государства и на развитіе такого положенія въ будущемъ. Необходимо имѣть въ виду, что одновременно является неотложная необходимость ликвидировать расходы только-что окончившейся войны, а также покрыть государственные расходы, вызванные бывшими забастовками и безпорядками. Все вмѣстѣ создаетъ для насъ весьма неблагопріятное положеніе на денежномъ рынкѣ, и, вполнѣ естественно, необходимыя средства будутъ пріобрѣтены по дорогой цѣнѣ, что также вполнѣ естественно затруднитъ необходимѣйшіе производительные государственные расходы и въ настоящемъ, и въ будущемъ. Предположимъ, что скоро настанетъ прочное успокоеніе въ нашемъ обширномъ отечествѣ; условія кредита улучшатся и всякія техническія финансовыя затрудненія будутъ успѣшно устранены. Государственный долгъ увеличится, такъ сказать, нормально,—все же онъ увеличится и очень значительно. Спрашивается: надѣленіе малоземельныхъ крестьянъ землей, т.-е. полное удовлетвореніе, такъ называемаго, земельнаго голода улучшитъ ли кореннымъ образомъ и прочно неудовлетворительное, безспорно, положеніе многомилліоннаго русскаго крестьянскаго населенія?

Бѣдственное положеніе значительной части русскаго крестьянства — несомнѣнно. Оно сказывается въ двухъ видахъ: постояннымъ, хотя въ разнообразныхъ формахъ и острымъ, также разнообразномъ, размѣрѣ, пропорціонально неурожаю, постигшему данную мѣстность. При громадной сплошной земельной площади, занимаемой Россійской имперіей, можно смѣло сказать, что общій урожай является исключеніемъ; каждогодно гдѣ-нибудь или неурожай, или недородъ. Чуть не постоянно правительство, т.-е. государство, вынуждено

тратить болѣе или менѣе значительныя средства на помощь крестьянству. Такое положеніе давно обратило на себя вниманіе общественнаго мнѣнія, которое также давно пришло къ заключенію, что какъ постоянное недоѣданіе, такъ и періодическія голодовки крестьянскія зависятъ отъ недостаточнаго количества земли, находящейся въ пользованіи крестьянства. Такое заключеніе опять-таки давно было усвоено правительствомъ, и былъ основанъ крестьянскій банкъ для снабженія этой землей на льготныхъ условіяхъ нуждающагося въ ней крестьянства.

Вотъ краткая исторія этого снабженія, оказавшагося недостаточнымъ. Нельзя не замѣтить, что идея надѣленія малоземельныхъ крестьянъ землей вполнѣ логична. Дѣйствительно, существующій надѣлъ недостаточенъ для удовлетворенія всѣхъ нуждъ средней крестьянской семьи,—очевидно, надо его увеличить. Рождается, однако, вопросъ, въ одномъ ли только размѣрѣ земельной площади заключается причина бѣдственнаго положенія русскаго крестьянства? Мы видимъ, что общій уровень всей русской сельско-хозяйственной промышленности весьма низокъ, и, за ничтожными исключеніями, древнее трехполье одинаково нынѣ царствуетъ и на крестьянскихъ, и на владѣльческихъ земляхъ. Прежде, когда частное землевладѣніе было дворянскимъ, это объяснялось неумѣньемъ дворянства обойтись безъ утраченнаго имъ дарового труда. Дворянское землевладѣніе постоянно уменьшается и нынѣ значительно уменьшилось. Замѣчательно, что крестьянское землевладѣніе такъ же значительно увеличилось, и особенно въ послѣднее время, съ помощью крестьянскаго банка, покупкою земли товариществами, составленными изъ состоятельныхъ крестьянъ. Постараемся выяснить общее положеніе всего русскаго землевладѣнія.

Для успѣшнаго положенія сельско-хозяйственной промышленности, какъ и для всякой другой, прежде всего и болѣе всего требуется ея вѣрная выгодность. Для обезпеченія этой выгодности во всѣхъ культурныхъ странахъ принимается рядъ мѣръ положительнаго и отрицательнаго характера на пользу земледѣлія, т.-е. правительства стараются устранить причины, препятствующія успѣшному развитію земледѣлія, и вмѣстѣ съ тѣмъ стараются сдѣлать доступными землевладѣнію всякаго рода улучшенія его дѣятельности. Не касаясь послѣднихъ, достаточно указать, что главные европейскіе потребители нашего зерна путемъ высокихъ пошлинъ оградили свою сельско-хозяйственную промышленность отъ конкурренціи русскаго дешеваго зерна, прибавимъ— всякаго, не одного только русскаго. Общественное мнѣніе убѣждено, что только наше крестьянское землевладѣніе бѣдствуетъ, а частное благоденствуетъ. Въ доказательство сего указывается, что урожай на частновладѣльческой землѣ всегда выше, чѣмъ на крестьянской. Это

невѣрно. Крестьянская обработка полей въ послѣднее время значительно улучшилась; прежнее „кое-какъ“ уже не существуетъ. Нельзя не замѣтить, что не характеръ русскаго народа создалъ настоящія условія земледѣльческаго труда, а эти условія вліяли и вліяютъ на народъ, отличительная черта котораго—умѣнье приспособляться къ дѣйствительности.

Предположимъ, однако, что безусловно правы тѣ, которые утверждаютъ, что русское землевладѣніе страдаетъ отъ темноты, невѣжества, некультурности въ обработкѣ полей. Предположимъ также, что плужная пашня наивѣрнѣйшимъ образомъ спасаетъ отъ засухи; но неурожаи у насъ не зависятъ только отъ климатическихъ условій. Въ 1905 году въ мокшанскомъ уѣздѣ озимый червь произвелъ громадныя опустошенія, настолько, что для посѣва ржи пришлось покупать сѣмена, какъ сельскимъ обществамъ, такъ и частнымъ землевладѣльцамъ. Вообще насѣкомыя-вредители полей приносятъ весьма значительные убытки на всякой землѣ, кому бы она ни принадлежала. Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго XIX столѣтія, въ нашемъ уѣздѣ какъ землевладѣльцы, такъ и крестьяне получали изрядные барыши отъ посѣва сурѣпки; появился маленькій черный червячокъ, и въ 4—5 дней пропадалъ весь урожай. Явленіе повторилось, и теперь сурѣпки не видать на мокшанскихъ поляхъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ того же столѣтія очень выгоденъ былъ посѣвъ гороха „Викторія“, которымъ увлекалось и крестьянство; появилась гороховая тля—и опять убытки, прекратившіе только-что расширившіеся посѣвы этого растенія. Я бы могъ еще упомянуть о мелкой мушкѣ, съѣдающей только-что показавшіеся всходы чечевицы и конопли, но, полагаю, сказаннаго довольно, чтобы доказать, что урожай не зависитъ только отъ обработки земли. Борьба съ насѣкомыми-вредителями полей непосильна не только для очень крупнаго землевладѣльца, но и для земскихъ группъ. Требуется тщательное изученіе жизни такихъ вредителей со стороны ученаго спеціалиста, производство однообразныхъ многочисленныхъ опытовъ въ разныхъ мѣстахъ, и только тогда можно надѣяться, что найдется вѣрный и доступный способъ борьбы съ этими насѣкомыми. Такой лабораторный и опытный трудъ можетъ успѣшно исполнить только центральное учрежденіе. Удовлетвореніе общихъ потребностей лежитъ на обязанности правительства, располагающаго общими средствами. Не въ однихъ только энтомологическихъ трудахъ и изысканіяхъ нуждается захудалая русская сельско-хозяйственная промышленность. Укажу еще только на улучшеніе скотоводства, столь необходимое для всего землевладѣнія, а особенно для крестьянскаго. Несомнѣнно, бывшій министръ земледѣлія, при его знаніи и энергіи, много сдѣлалъ по этой части; но это многое относительно къ тѣмъ сред-

ствамъ, которыми онъ располагалъ; крупнаго же вліянія на общее скотоводство всей Россіи оно не имѣло и не могло имѣть. Какъ указанныя мною мѣры, такъ и почти всѣ виды помощи сельскому хозяйству требуютъ много и очень много времени, чтобы принести видимую, такъ сказать осязательную общую пользу. Между тѣмъ, самый крупный землевладѣлецъ въ Россійской имперіи, т.-е. крестьянство, нуждается въ выгодномъ сбытѣ своихъ произведеній.

Русское дешевое зерно на европейскомъ хлѣбномъ рынкѣ конкуррируетъ съ таковымъ же другихъ странъ. Если мы постоянно и постепенно бѣднѣемъ отъ невыгоднаго сбыта нашихъ произведеній, то, казалось бы, такой же участи должны подвергаться и наши конкурренты; однако, мы этого не видимъ. Напротивъ, наши конкурренты благоденствуютъ и богатѣютъ. Старинный и самый серьезный нашъ конкуррентъ, Сѣверо-Американскіе Штаты, благодаря увеличенію своего населенія и развитію своей промышленности, дѣлается все болѣе потребителемъ собственнаго зерна, а не экспортеромъ его. Главная причина разницы вліянія одного и того же экономическаго явленія заключается въ дешевизнѣ и удобствѣ сбыта произведеній нашихъ конкуррентовъ. Наша желѣзнодорожная сѣть въ послѣднее время значительно увеличилась, но она еще далеко не достигла до того положенія, въ которомъ находятся желѣзнодорожныя сообщенія въ культурныхъ странахъ. Впрочемъ, Европейская Россія нынѣ страдаетъ не отъ недостатка желѣзныхъ дорогъ, а отъ ихъ неудовлетворительности. Грустная исторія желѣзнодорожныхъ хлѣбныхъ залежей съ полной ясностью доказала, что это явленіе—постоянное, которое, подъ вліяніемъ случайныхъ условій, можетъ только или обостряться, или облегчаться. При такомъ постоянствѣ тотъ или другой размѣръ обрабатываемой земли не можетъ имѣть рѣшающаго значенія на производительность земледѣльческаго труда и способы его примѣненія. Все землевладѣніе должно бѣднѣть, и оно бѣднѣетъ. Въ какой бы полнотѣ ни было осуществлено надѣленіе землей малоземельныхъ крестьянъ, оно не достигнетъ своей цѣли, если не будутъ устранены существующія постоянныя препятствія сбыта произведеній земли, коренныхъ образомъ задерживающія естественное развитіе нашего отечественнаго сельскаго хозяйства.

Европейскій хлѣбный рынокъ снабжается русскимъ зерномъ почти исключительно изъ Европейской Россіи. Говоря о конкурренціи этого зерна съ таковымъ же иностраннымъ, необходимо упомянуть, что зерно у русскаго центра на мѣстѣ приходится выдерживать конкурренцію съ сибирскимъ, т.-е. все же русскимъ и еще болѣе дешевымъ зерномъ. Несомнѣнно нынѣ, въ такъ сказать медовый мѣсяцъ снабженія малоземельныхъ крестьянъ землей, переселеніе въ Сибирь пріостановится,

но не прекратится. Туда пойдутъ люди, вполнѣ подготовленные къ новой жизни, и тѣмъ на востокѣ создадутся прочныя основы колонизаціи, что въ свою очередь привлечетъ и, пожалуй, усилитъ переселеніе, нѣсколько измѣнивъ его. Не земельная тѣснота, не земельный голодъ вынудятъ искать счастья на новыхъ мѣстахъ, а предпріимчивость, въ недостаткѣ которой нельзя обвинить русскій народъ. Что бы ни было, но для зерна русскаго центра нѣтъ ни малѣйшаго основанія ожидать прекращенія конкурренціи съ сибирскимъ. Европейской Россіи вполнѣ возможно оградить себя отъ такой конкурренціи таможней, пошлинами; но такая радикальная мѣра принесетъ только вредъ какъ восточной, такъ и западной Россіи. Несравненно полезнѣе было бы общее развитіе удовлетворительныхъ путей сообщенія. Желѣзныя дороги не только облегчаютъ сбытъ всякаго рода, но онѣ открываютъ новые пункты для сбыта и создаютъ новыя условія экономической дѣятельности.

Русское сельское хозяйство, старались мы доказать, не можетъ естественно развиваться подъ гнетомъ тяжкихъ условій, въ которыхъ оно находится. Однако встрѣчаются образцовыя доходныя хозяйства. Ничего нѣтъ удивительнаго, что въ такомъ-то крупномъ имѣніи съ выгодой разводится племенное чистокровное скотоводство, или введено многопольное полеводство съ посѣвомъ корнеплодовъ, которые тутъ же переработываются въ сахаръ или спиртъ. Сѣменныя и племенныя хозяйства всюду существуютъ, но они отнюдь не могутъ служить указателями общаго уровня сельскаго хозяйства и его доходности въ данной мѣстности. Еще менѣе могутъ быть такими указателями имѣнія, въ которыхъ главная статья доходности получается отъ обработывающей промышленности. Дѣйствительно, встрѣтить — при настоящихъ общихъ экономическихъ условіяхъ — доходное крестьянское хозяйство—удивительно. Я могу указать на подобное въ нашемъ мокшанскомъ уѣздѣ, и позволю себѣ сдѣлать это нѣсколько подробно.

Только осенью прошлаго 1905 года мнѣ наконецъ удалось закрыть коммиссію по отчужденію земель, отошедшихъ подъ пензо-рузаевскую вѣтвь московско-казанской жел. дороги. Полное движеніе на этой вѣтви производится уже нѣсколько лѣтъ, а дѣла по отчужденію затянулись не столько по самой оцѣнкѣ земли, сколько по неисполненію обязательствъ, обѣщанныхъ агентомъ дороги, и разнымъ недоразумѣніямъ, препятствовавшимъ окончанію дѣлъ. Съ перваго взгляда многія требованія сельскихъ обществъ казались чрезмѣрными. Наиболѣе яркій примѣръ такихъ требованій представило крупное село мокшанскаго уѣзда, Вазерки, состоящее изъ двухъ приходовъ, Устъ-Вазерки и Покровскія-Вазерки, и такихъ же двухъ сель-

скихъ обществъ. Крестьяне обоихъ обществъ искони занимаются разведеніемъ капусты, которую сбываютъ въ г. Пензу и дальнія мѣста. Желѣзная дорога заняла около *семнадцати* десятинъ сплошныхъ, такъ называемыхъ, капустниковъ этихъ обществъ. Въ виду невозможности привести обѣ стороны къ соглашенію, мокшанская коммиссія по отчужденію отправилась въ полномъ своемъ составѣ на мѣсто и въ присутствіи сторонъ и вызванныхъ ими экспертовъ произвела оцѣнку отчуждаемой земли. Принявъ за основаніе своей оцѣнки производимое на одной квадратной сажени, стоимость этого производимаго по средней цѣнѣ за истекшія пять лѣтъ, также всѣ расходы производства, даже въ усиленномъ размѣрѣ, коммиссія вынуждена была признать, что чистая доходность одной квадратной сажени капустника опредѣлится въ *пять копѣекъ*. Въ казенной десятинѣ 2.400 кв. саж., а слѣдовательно, чистый ея доходъ—*сто-двадцать* рублей. На основаніи 6-го пункта 584 ст. X тома св. зак., капитализируя эту доходность изъ пяти процентовъ, пришлось опредѣлить цѣнность десятины капустника въ *двѣ тысячи четыреста* рублей. Объявленіе такого рѣшенія произвело съ начала удручающее впечатлѣніе на представителя общества московско-казанской желѣзной дороги, но потомъ онъ подбодрился. Помню, я этимъ воспользовался и посовѣтовалъ ему предложить крестьянамъ за десятину немедля полторы тысячи рублей, даже нѣсколько менѣе; они навѣрное согласятся,—иначе придется заплатить всѣ 2.400 руб., такъ какъ разсчетъ, принятый коммиссіей въ основаніе рѣшенія, безусловно вѣренъ и документально, и математически. Представитель желѣзной дороги заявилъ съ нѣкоторой улыбкой, что никакой разсчетъ не можетъ оправдать оцѣнки, превышающей въ десять разъ высшую цѣну пахотной земли въ мокшанскомъ уѣздѣ. Онъ ошибся. Необходимо пояснить, что, согласно 588 ст. X т. св. зак., окончательное рѣшеніе коммиссіи по отчужденію, черезъ губернатора, идетъ далѣе и утверждается, или не утверждается, въ суммѣ до трехъ тысячъ рублей министромъ путей сообщенія, свыше ея—государственнымъ совѣтомъ. Высочайше утвержденнымъ 23-го марта 1903 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта оцѣнка мокшанской коммиссіи по отчужденію вазерскихъ капустниковъ была утверждена, но обществу московско-казанской желѣзной дороги пришлось заплатить за эти капустники гораздо дороже оцѣнки. Въ 589 ст. того же X тома сказано: „Желѣзная дорога выдаетъ владѣльцу не только деньги, опредѣленныя ему за имущество, но, сверхъ того, проценты по шести на сто въ годъ со дня занятія имущества по день уплаты". На основаніи этой статьи обществу московско-курской жел. дороги пришлось уплатить крестьянамъ Покровскихъ-Вазерокъ за 12 десятинъ 1470 кв. саж. 30.270 р. и процентовъ 15.094 р. 64 к., а по Устъ-Вазеркамъ за 4 дес. 1.258 саж.

10.858 р. и процентовъ 5.405 руб. 63 коп., въ общемъ безъ малаго 3.600 р., — *три тысячи шестьсотъ* рублей за десятину капустника!

Такой же случай былъ и въ сосѣднемъ съ Вазерками крупномъ селѣ, Безсоновкѣ, крестьяне котораго искони занимаются полевымъ посѣвомъ лука и картофеля: первый вывозится желѣзной дорогой въ дальнія губерніи, а второй сами крестьяне развозятъ на винокуренные заводы, болѣе или менѣе отдаленные. Безсоновка находится въ пензенскомъ уѣздѣ, и объ ея отношеніяхъ съ обществомъ московско-казанской жел. дороги я не имѣю точныхъ цифровыхъ свѣдѣній. Я нисколько не намѣренъ, на основаніи приведенныхъ примѣровъ, доказывать высокую цѣнность земли въ мокшанскомъ и пензенскомъ уѣздахъ. Случаи такого рода рѣдки и весьма рѣдки, но, тѣмъ не менѣе, они, полагаю, вполнѣ убѣдительно доказываютъ умѣнье русскаго крестьянства пользоваться благопріятными условіями для развитія своей дѣятельности. Естественно напрашивается свѣтлое представленіе о томъ, что̀ могло бы сдѣлать наше темное крестьянство, еслибы оно имѣло во всякое время вѣрный сбытъ для своихъ произведеній. Несомнѣнно, привести наши желѣзныя дороги въ такое состояніе, при которомъ онѣ бы вполнѣ могли исполнить свое назначеніе, потребуетъ значительныхъ затратъ. Несомнѣнно, что теперь не время для такихъ затратъ, но эти затраты производительны и онѣ скоро и даже весьма скоро окупятся. Не одно только землевладѣніе будетъ въ выгодѣ, хотя бы только отъ прекращенія тѣхъ убытковъ, которые оно несетъ отъ однѣхъ только хлѣбныхъ залежей на желѣзнодорожныхъ станціяхъ. Наконецъ, чѣмъ оживленнѣе дѣятельность желѣзныхъ дорогъ, тѣмъ также оживленнѣе идетъ и экономическая жизнь той мѣстности, черезъ которую эти дороги пролегаютъ. Удовлетворительность желѣзныхъ дорогъ—общегосударственная потребность. Надо надѣяться, что она будетъ признана и удовлетворена. Общія экономическія условія, несомнѣнно, тогда улучшатся, а вслѣдствіе сего и надѣленіе малоземельныхъ крестьянъ землей принесетъ дѣйствительную пользу нашему нынѣ захудалому крестьянству.

Кн. Дм. Друцкой-Сокольнинскій.

с. Знаменское.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1906.

Начало выборовъ въ Государственную Думу.—Историческая параллель.—Характерные выборы. — Неунывающій административный произволъ.—Временныя правила объ охранѣ выборовъ и о публичныхъ собраніяхъ. Манифестъ 20-го февраля и „чрезвычайныя обстоятельства“. — Отвѣтственность министровъ и право запроса.

Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, до открытія губернскихъ избирательныхъ собраній первой очереди, т.-е. до начала непосредственныхъ выборовъ въ Государственную Думу, остается немногимъ болѣе недѣли. Обстановка, при которой наступаетъ этотъ важнѣйшій моментъ русской государственной жизни, по прежнему до крайности неблагопріятна. Изъ напечатанной въ „Правѣ“ (№ 10) таблицы мѣстностей, находящихся въ „исключительныхъ условіяхъ“, видно, что въ 41 губерніяхъ и областяхъ, на всемъ ихъ пространствѣ или въ какихъ-либо ихъ частяхъ, объявлено и до сихъ поръ не снято военное положеніе; въ 27 губерніяхъ (съ тою же оговоркой) дѣйствуетъ усиленная, въ 15—чрезвычайная охрана. Въ какой степени это способствуетъ свободѣ и правильности выборовъ—понятно и безъ объясненій. Стѣсняя мирныхъ гражданъ, затрудняя сношенія и соглашенія ихъ между собою, исключительныя мѣры отнюдь не обезпечиваютъ спокойствія и порядка, не предупреждаютъ посягательствъ на личность и имущество. Особенно часто покушенія на убійство полицейскихъ чиновъ повторяются въ царствѣ польскомъ, которое все цѣликомъ находится во власти военнаго положенія. Колоссальный грабежъ совершенъ на дняхъ въ Москвѣ, несмотря на чрезвычайную охрану. Достигающими цѣли всѣ безчисленныя изъятія изъ закона, всѣ явныя его нарушенія—въ родѣ разстрѣловъ безъ суда и другихъ возмутительныхъ экзекуцій—можно признать только въ такомъ случаѣ, если свести эту цѣль къ временному устраненію

или „обезвреживанію“ политическихъ противниковъ: къ арестованію и высылкѣ дѣятельныхъ представителей оппозиціонныхъ группъ, къ пріостановкѣ или прекращенію наиболѣе „опасныхъ“ періодическихъ изданій...

Въ исторіи западно-европейскихъ конституціонныхъ государствъ мы знаемъ только одинъ эпизодъ, напоминающій, отчасти, то что̀ происходитъ теперь передъ нашими глазами: это—плебисцитъ, непосредственно послѣдовавшій во Франціи за государственнымъ переворотомъ 2-го декабря 1851-го года и подтвердившій созданное въ этотъ день всевластіе Людовика-Наполеона. Парижскіе бульвары были обагрены кровью безоружной толпы, тюрьмы переполнены ни въ чемъ неповинными гражданами, провинціи наводнены чрезвычайными судами, сотни такъ называемыхъ подозрительныхъ или опасныхъ людей предназначены къ ссылкѣ въ Кайенну, не даромъ прозванную „сухой гильотиной“. При такой же, приблизительно, обстановкѣ состоялись, въ началѣ 1852-го года, и первые выборы въ законодательный корпусъ, окончившіеся полнѣйшимъ торжествомъ „оффиціальныхъ кандидатовъ“. Рядомъ со сходствомъ нетрудно замѣтить, однако, и громадное различіе. Французскимъ обществомъ овладѣли, послѣ ужасныхъ декабрьскихъ дней, два настроенія, противоположныя одно другому, но одинаково выгодныя для новаго правительства: съ одной стороны—жажда тишины и покоя, съ другой—безнадежность, близкая къ отчаянію. Оба настроенія были тѣсно связаны со всѣмъ пережитымъ Франціею послѣ февральской революціи, главнымъ образомъ—съ іюньскими днями 1848-го года, въ однихъ—породившими паническій страхъ передъ надвигающимся пролетаріатомъ, въ другихъ—возбудившими ненависть и недовѣріе къ буржуазіи. Не то мы видимъ въ настоящее время у насъ въ Россіи. Несмотря на реакціонный терроръ, ни въ обществѣ, ни въ народныхъ массахъ не видно признаковъ унынія и апатіи. И это вполнѣ понятно: въ нашемъ ближайшемъ прошломъ нѣтъ такихъ разочарованій, какія испытала Франція полвѣка тому назадъ. Вѣра въ лучшее будущее у насъ не поколеблена: отъ него Россія ждетъ конца тѣхъ золъ, которыя такъ долго надъ нею тяготѣли. Особенно велика разница между французскими крестьянами пятидесятыхъ годовъ и нашей современной крестьянской массой. Французскіе крестьяне, мелкіе собственники, страшно боялись раздѣла земель, которымъ ихъ усиленно пугали вызыватели „краснаго призрака“ (le spectre rouge); русскіе крестьяне-общинники, въ средѣ которыхъ никогда не угасала мысль о дополнительной прирѣзкѣ земли, сами ставятъ аграрный вопросъ. Французскіе рабочіе, въ декабрѣ 1851-го года, были либо неорганизованы, либо дезорганизованы. О большинствѣ современныхъ рус-

скихъ рабочихъ нельзя сказать ни того, ни другого. Въ ихъ средѣ широко распространена, къ сожалѣнію, идея „бойкота“; но когда она потеряетъ свое обаяніе, между рабочимъ классомъ и другими прогрессивными слоями общества не окажется, мы этому вѣримъ, непреодолимой преграды.

О составѣ Государственной Думы, а слѣдовательно, и о направленіи, которое она съ самаго начала приметъ, возможны, пока, лишь мало обоснованныя догадки. Съ нѣкоторой увѣренностью можно сказать только одно: она будетъ далеко не однородной и прогрессивные элементы будутъ представлены въ ней не очень слабо. Указаніе на это мы видимъ особенно въ образѣ дѣйствій крестьянъ—какъ тѣхъ, которые принимаютъ участіе въ съѣздахъ мелкихъ, а затѣмъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, такъ и тѣхъ, которые выбираютъ уполномоченныхъ на волостныхъ сходахъ. И тамъ, и тутъ, несмотря на разнаго рода преграды, выборъ падаетъ нерѣдко на крестьянъ, настроенныхъ не по оффиціальному или оффиціозному камертону. Вотъ что̀ мы узнаёмъ, напримѣръ, изъ письма бѣжецкаго (тверской губерніи) корреспондента „Страны“. На уѣздномъ избирательномъ съѣздѣ, происходившемъ въ Бѣжецкѣ 10-го марта, участвовало 122 лица, въ томъ числѣ 81—уполномоченныхъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ (преимущественно крестьяне) и 41 — крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ день выборовъ оказалось, что, вслѣдствіе обусловленнаго запретительными мѣрами отсутствія предвыборныхъ собраній, крестьяне, явившіеся на съѣздъ изъ разныхъ угловъ огромнаго уѣзда, другъ друга совершенно не знаютъ. Послѣ совѣщаній, происходившихъ на дворѣ и на улицѣ, крестьяне остановились на мысли избрать выборщиковъ исключительно изъ своей среды, но пожелали предварительно переговорить съ другими избирателями. Образовалось предвыборное собраніе, избравшее предсѣдателемъ В. Д. Кузьмина-Караваева. Крестьяне заявили, что ихъ больше всего интересуетъ земельный вопросъ. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ объяснилъ имъ, что еслибы даже всю землю раздѣлить сейчасъ между крестьянами, то черезъ двадцать лѣтъ ея опять не хватитъ; но для облегченія малоземельныхъ необходимо прирѣзать имъ теперь же изъ казенныхъ и частновладѣльческихъ земель—прирѣзать за плату, а не даромъ, что̀ было бы обидно для купившихъ землю. Дальше В. Д. Кузьминъ-Караваевъ указалъ на тяжелое политическое и гражданское положеніе крестьянъ и подчеркнулъ необходимость бороться съ бюрократіей, гнетущей какъ крестьянъ, такъ и всѣ другія сословія. Крестьяне, выслушавъ эти объясненія, опять ушли совѣщаться и, какъ показалъ результатъ выборовъ, рѣшили дать свои голоса не только представителямъ крестьянства, но и двумъ дворянамъ. Съ больш

блескомъ прошелъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, получившій 111 голосовъ изъ 122; кромѣ него выбраны М. П. Глѣбовъ (предсѣдатель спб. столичнаго мирового съѣзда), 67 голосами, и четверо крестьянъ (77, 64, 64 и 63 гол.). Предводитель дворянства (бывшій предсѣдатель по назначенію тверской губернской управы) и земскій начальникъ отказались отъ баллотировки; забаллотированъ мѣстный благочинный, выступившій отъ имени партіи правового порядка.

Въ этой корреспонденціи все характерно. Она бросаетъ, прежде всего, яркій свѣтъ на значеніе предвыборнаго періода. Еслибы не „запретительныя мѣры", крестьяне-уполномоченные отъ мелкихъ землевладѣльцевъ не явились бы на избирательный съѣздъ совершенно незнакомыми другъ съ другомъ, совершенно неподготовленными къ предстоявшей имъ задачѣ. Изъ бесѣды съ другими, лучше освѣдомленными избирателями они вынесли бы убѣжденіе, что защита крестьянскихъ интересовъ передъ Государственной Думой не можетъ быть успѣшно ведена одними крестьянами. Хорошо, что въ послѣднюю минуту имъ была дана возможность наверстать потерянное; но вѣдь для этого нужна была совокупность условій, встрѣчающихся далеко не вездѣ, нужна была власть, не слишкомъ настаивающая на предупрежденіи и пресѣченіи „разговоровъ"; нужны были вліятельные члены съѣзда, которымъ нельзя было отказать въ правѣ отвѣтить на вопросы крестьянъ. Предоставленные самимъ себѣ, крестьяне въ лучшемъ случаѣ забаллотировали бы всѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, не различая друзей отъ враговъ или индифферентовъ, а въ худшемъ—подчинились бы давленію власть имущихъ... Замѣчательно, дальше, что бѣжецкіе избиратели-крестьяне дали всѣ или почти всѣ свои голоса лицу, въ словахъ котораго не было ничего похожаго на подлаживанье къ крайнимъ взглядамъ: В. Д. Кузьминъ-Караваевъ прямо высказался противъ перехода къ крестьянамъ *всей* частновладѣльческой земли и за *возмездность* принудительнаго отчужденія. Избранію В. Д. Кузьмина-Караваева много помогла, безъ сомнѣнія, прежняя его извѣстность, какъ мѣстнаго земскаго дѣятеля; но она одна едва ли доставила бы ему большинство голосовъ, да еще такое громадное, еслибы объясненія, имъ данныя, не пришлись по сердцу избирателей-крестьянъ. Выборы, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ рисковавшіе остаться „слѣпыми", сдѣлались „зрячими", какъ только произошло общеніе между участниками избирательнаго съѣзда.

Тѣ сравнительно немногія данныя, которыми мы пока располагаемъ, убѣждаютъ насъ въ томъ, что на избирателей вліяютъ не только имена, раньше имъ извѣстныя и симпатичныя, но и партійныя программы, пропагандируемыя путемъ печати и собраній. Иначе нельзя объяснить успѣхъ, во многихъ мѣстахъ достающійся на долю консти-

туціонно-демократической партіи. Въ широкихъ общественныхъ слояхъ она пользуется довѣріемъ, пріобрѣтеннымъ отчасти благодаря проводимымъ ею идеямъ, отчасти благодаря даровитости ея руководителей и усердію ея рядовыхъ членовъ. Если припомнить, какое сильное противодѣйствіе она испытала со стороны властей, какимъ ожесточеннымъ нападеніямъ подверглась со стороны защитниковъ бойкота, то достигнутые ею результаты нельзя не признать весьма значительными. Особенно характерно то, что ея взгляды успѣли проникнуть въ крестьянскую массу. Крестьянству, повидимому, суждено сыграть большую роль въ Государственной Думѣ. Помимо членовъ Думы, обязательно избираемыхъ крестьянами изъ среды крестьянъ, къ той же средѣ, судя по извѣстнымъ уже теперь фактамъ, будутъ принадлежать и многіе другіе, свободно избранные губернскими избирательными собраніями. Трудно предугадать, подъ какое знамя станутъ представители крестьянства; предположить, съ большою вѣроятностью, можно только одно—что они не примкнутъ всецѣло къ партіямъ застоя или регресса. Ручательствомъ въ этомъ служитъ въ нашихъ глазахъ аграрный вопросъ, для крестьянъ, безспорно, самый важный изъ всѣхъ ожидающихъ рѣшенія Государственной Думы. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что крестьяне будутъ требовать постановки его на первую очередь — и постановки, притомъ, въ такихъ размѣрахъ и въ такой формѣ, о какихъ не захотятъ и слышать ретроградныя и консервативныя группы. Съ другой стороны, именно на почвѣ аграрнаго вопроса всего легче можетъ произойти сближеніе между крестьянами и лѣвыми партіями. И это далеко не единственная точка соприкосновенія между ними. Для тѣхъ и другихъ одинаково цѣнно равенство передъ закономъ, т.-е. паденіе перегородокъ, отдѣляющихъ крестьянство отъ другихъ сословій и дѣлающихъ его объектомъ ничѣмъ не оправдываемой опеки; для тѣхъ и другихъ одинаково дорого широкое распространеніе народнаго образованія; и тѣ, и другіе одинаково заинтересованы въ болѣе справедливомъ распредѣленіи податного бремени, въ сокращеніи непроизводительныхъ расходовъ, въ расширеніи правъ и средствъ мѣстнаго самоуправленія. Взаимное пониманіе—вотъ все, что нужно для соглашенія между крестьянами и прогрессивными элементами Думы. Наоборотъ, только недоразумѣніе могло бы привести крестьянъ къ союзу съ правыми группами—а недоразумѣніе, при сколько-нибудь нормальномъ ходѣ политической жизни, продолжительнымъ никогда не бываетъ.

Что общая картина выборовъ, несмотря на отмѣченные нами свѣтлые уголки, представляетъ много печальнаго—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Началу избирательнаго періода предшествовалъ длинный рядъ систематическихъ правонарушеній, не прекратившихся

понынѣ. Въ газетахъ появляются сообщенія объ арестѣ крестьянъ, только что выбранныхъ въ уполномоченные волостныхъ сходовъ. Это—уже не „предохранительныя мѣры", принимаемыя съ цѣлью заблаговременнаго „оздоровленія" выборной атмосферы: это—прямая борьба съ избирателями, прямое отрицаніе ихъ права и игнорированіе ихъ воли. На каждомъ шагу чувствуются, далѣе, вопіющіе недостатки избирательной системы. Какъ характерна, напримѣръ, малочисленность большинства съѣздовъ мелкихъ землевладѣльцевъ, какъ ярко она иллюстрируетъ несостоятельность трехстепенныхъ выборовъ! Зная, что имъ предстоитъ только выбрать уполномоченныхъ на уѣздный съѣздъ, который, въ свою очередь, посылаетъ только выборщиковъ въ губернское избирательное собраніе, мелкіе землевладѣльцы цѣлыми массами уклонялись отъ пользованія своимъ правомъ, въ особенности тамъ, гдѣ для нихъ въ цѣломъ уѣздѣ назначался только одинъ съѣздъ, т.-е. какъ бы намѣренно затруднялось прибытіе на выборы. При небольшомъ составѣ съѣзда побѣда безъ труда доставалась на долю наиболѣе сплоченной группы избирателей, какою нерѣдко являлось приходское духовенство. Есть уѣзды (напр. спасскій, въ тамбовской губерніи), гдѣ въ уполномоченные попали почти одни священники... Когда число съѣхавшихся на съѣздъ было, въ видѣ исключенія, значительно, на сцену выступали неудобства другого рода: выборы затягивались до поздней ночи, въ тѣсныхъ, биткомъ набитыхъ помѣщеніяхъ. На такихъ съѣздахъ, по сообщенію „Русскихъ Вѣдомостей", „получались иногда картины, не виданныя въ другихъ странахъ: многіе избиратели, въ ожиданіи своей очереди, укладывались спать тутъ же, въ помѣщеніи съѣзда, и когда доходилъ до нихъ чередъ, ихъ будили, чтобы они положили свои шары. Каковъ бывалъ результатъ баллотировки при такихъ условіяхъ, представить себѣ нетрудно". Еще сильнѣе мѣшало сознательности выборовъ полное, сплошь и рядомъ, незнакомство избирателей между собою, обусловленное отсутствіемъ предвыборныхъ собраній: мы видѣли выше, что въ Бѣжецкѣ оно только вслѣдствіе счастливой случайности не извратило результата выборовъ. Роль собраній могла бы, до извѣстной степени, выполнить повременная печать; но въ провинціи положеніе ея очень часто оказывалось безправнымъ, такимъ же безправнымъ, какимъ оно было „въ доброе старое время". Ограничимся однимъ примѣромъ, достаточно краснорѣчивымъ. 4-го марта въ Костромѣ долженъ былъ выйти въ свѣтъ первый нумеръ „Костромской Земской Недѣли". Наканунѣ этого дня предсѣдатель губернской земской управы И. В. Щулепниковъ получилъ, въ качествѣ отвѣтственнаго редактора этой газеты, слѣдующее сообщеніе отъ губернатора: „при просмотрѣ мною матеріала, предназначеннаго для № 1-го „Костромской Земской Газеты", оказалось, что

многія статьи, въ случаѣ ихъ напечатанія, поведутъ за собою къ конфискаціи означеннаго нумера газеты. Поэтому, во избѣжаніе сего, прошу ваше высокородіе сдѣлать въ этомъ нумерѣ соотвѣтствующія исключенія и исправленія". Г. Щулепниковъ отвѣтилъ губернатору, что желаетъ напечатать нумеръ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ набранъ, и предполагаемую конфискацію нумера заранѣе считаетъ лишенной законнаго основанія. По полученіи такого отвѣта, губернаторъ прислалъ въ управу съ подчеркнутыми и перечеркнутыми гранками одного изъ служащихъ въ губернской типографіи. Послѣдній, представляя гранки г. Щулепникову, заявилъ: „Отъ имени ихъ превосходительства честь имѣю сообщить, что если вы не выкинете того, что тутъ зачеркнуто, и не исправите подчеркнутыхъ выраженій, то газета не можетъ быть напечатана. Вообще ихъ превосходительство велѣли сказать, что *весь нумеръ никуда не годится*"... Подчеркнутыми оказались выраженія: „Россія—конституціонное государство", „ничѣмъ не стѣсняемый административный произволъ" и т. п. Зачеркнуты статьи: „Манифестъ 20-го февраля" и „Государственный Совѣтъ". Управа рѣшила пріостановить изданіе газеты до экстреннаго губернскаго земскаго собранія [1])... Прежде губернаторская цензура дѣйствовала на законномъ основаніи, теперь она дѣйствуетъ въ явное нарушеніе закона: вотъ къ чему сводится въ костромской губерніи—и, конечно, не въ ней одной--перемѣна въ положеніи печати. Любопытно было бы знать, какимъ путемъ костромской губернаторъ ознакомился съ „матеріаломъ", приготовленнымъ для 1-го нумера „Костромской Земской Газеты"? Вѣдь не былъ же онъ присланъ самой редакціей на предварительное разсмотрѣніе начальства? Откуда, далѣе, костромской губернаторъ почерпнулъ цензорскія полномочія? Вѣдь въ костромской губерніи не объявлено ни военнаго положенія, ни чрезвычайной, ни даже усиленной охраны. Зачеркивать или исправлять статьи, еще не появившіяся въ свѣтъ, задерживать выходъ газеты, печатаемой съ соблюденіемъ установленнаго порядка, никто не въ правѣ. Ни для кого не обязательно мнѣніе губернатора о томъ, что̀ годится или не годится для печати. Что Россія—конституціонное государство, этого факта, послѣ манифестовъ 17-го октября и 20-го февраля, нельзя ни замолчать, ни уничтожить... Рядомъ со многими другими проявленіями „ничѣмъ не стѣсняемаго административнаго произвола" образъ дѣйствій костромского губернатора по отношенію къ мѣстной газетѣ можетъ показаться сравнительно невиннымъ; но не слѣдуетъ забывать что изъ непрерывныхъ угрозъ и стѣсненій, хотя бы и мелкихъ, слагается, мало-по-малу, тяжелая цѣпь, связывающая движеніе и останавливающая всякую живую общественную иниціативу.

[1]) См. № 71 „Русскихъ Вѣдомостей".

До чего можетъ доходить въ административныхъ сферахъ непониманіе новыхъ условій государственное жизни—объ этомъ даетъ понятіе слѣдующій фактъ, оглашенный на дняхъ въ польской печати. Виленскій генералъ-губернаторъ, „ближе ознакомившись съ осуществленіемъ въ разныхъ мѣстностяхъ программы конституціонно-католической партіи“ (основанной католическимъ епископомъ барономъ Роппомъ), нашелъ, что „обнаруживаемая ею дѣятельность не отвѣчаетъ правительственной политикѣ въ краѣ“, и далъ „соотвѣтственныя указанія губернаторамъ, чтобы они не допускали впредь собраній этой партіи“. Итакъ, допустимы только тѣ партіи, дѣятельность которыхъ, по мнѣнію мѣстнаго администратора, отвѣчаетъ „правительственной политикѣ“? Къ чему же, въ такомъ случаѣ, выборы, къ чему Дума, къ чему вообще участіе населенія въ политической жизни? Администраторы, сформировавшіеся при дѣйствіи стараго режима, никакъ не могутъ понять различія между гражданиномъ и слугою власти, между дѣятельностью свободной и подневольной, между партіей и присутственнымъ мѣстомъ. Ихъ девизомъ остается старая формула: „не разсуждать—повиноваться“!

Тѣ же типичныя черты, съ которыми мы встрѣчаемся въ области управленія, свойственны и новѣйшимъ законодательнымъ актамъ. Временныя правила 8-го марта грозятъ тюремнымъ заключеніемъ за возбужденіе къ массовому воздержанію отъ участія въ выборахъ въ Государственный Совѣтъ или въ Государственную Думу. *Возбужденіе*, въ сферѣ уголовнаго права—все равно что *подстрекательство*; подстрекать можно только къ тому, что̀ само по себѣ воспрещено закономъ подъ страхомъ наказанія; воздержаніе отъ выборовъ ничего противозаконнаго въ себѣ не заключаетъ; не должно быть, слѣдовательно, наказуемымъ и возбужденіе къ такому воздержанію. Сила этого разсужденія не уменьшается тѣмъ, что рѣчь идетъ о *массовомъ* воздержаніи; если законно единичное дѣйствіе—или бездѣйствіе,—то оно не можетъ сдѣлаться противозаконнымъ только потому, что повторено въ одно и то же время многими лицами. Несостоятельный юридически, способъ борьбы противъ „бойкота“, созданный правилами 8-го марта, съ практической точки зрѣнія представляется явно нецѣлесообразнымъ: обращая „бойкотистовъ“ въ нарушителей закона, онъ затрудняетъ, тѣмъ самымъ, опроверженіе ихъ взглядовъ въ собраніяхъ и въ печати. Честный споръ возможенъ только тогда, когда одинаково свободны обѣ спорящія стороны... Другая статья тѣхъ же правилъ предусматриваетъ воспрепятствованіе избирателю или выборщику, угрозою, насиліемъ надъ личностью, злоупотребленіемъ вла-

стью или *отлученіемъ отъ общенія*, свободно осуществлять право выборовъ въ Государственный Совѣтъ или Государственную Думу. Въ качествѣ уголовно-наказуемаго дѣянія „отлученіе отъ общенія“ появилось у насъ впервые въ правилахъ 29-го ноября 1905-го года, направленныхъ противъ забастовокъ. Мы указали уже тогда, что слишкомъ растяжимо это понятіе, слишкомъ неуловимы его признаки. Отлученіе отъ общенія можетъ быть выражено взглядомъ, жестомъ, словомъ, ни къ кому спеціально не обращеннымъ. Трудно опредѣлить, поэтому, степень произведеннаго имъ впечатлѣнія и установить причинную связь между страхомъ, именно имъ внушеннымъ, и рѣшимостью подчиниться чужой волѣ. Не составляя, само по себѣ, преступленія, „отлученіе отъ общенія“ не можетъ быть приравниваемо къ угрозѣ, насилію, злоупотребленію властью, преступнымъ и наказуемымъ помимо ихъ спеціальной цѣли... Ошибочными, наконецъ, кажутся намъ надежды, возлагаемыя составителями правилъ 8-го марта на строгость наказаній. Напрасно они доводятъ максимальный срокъ содержанія въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ до пяти и шести лѣтъ, т.-е. до такой продолжительности, какой, по общему правилу [1]), этотъ видъ лишенія свободы вовсе не имѣетъ. Меньше чѣмъ гдѣ-либо устрашеніе умѣстно именно въ дѣлахъ политическаго свойства.

Столь же мало соотвѣтствуютъ требованіямъ времени и условіямъ конституціонной жизни правила 4-го марта о публичныхъ собраніяхъ, изданныя въ замѣнъ правилъ 12-го октября 1905-го года, но не устранившія ни одного изъ ихъ недостатковъ. Только „по видимости явочнымъ“ былъ, какъ мы замѣтили въ свое время, порядокъ, установленный за нѣсколько дней до манифеста 17-го октября; только по видимости явочнымъ можетъ считаться и порядокъ, установляемый теперь, послѣ манифеста, обѣщавшаго населенію „незыблемыя основы гражданской свободы“. „Велика ли“—спрашивали мы пять мѣсяцевъ тому назадъ,—„велика ли разница между необходимостью предварительнаго разрѣшенія собранія и возможностью его воспрещенія, предоставляемаго усмотрѣнію администраціи? Не сводится ли она лишь къ нѣкоторому ускоренію процедуры, предшествующей открытію собранія? Дискреціонное право запретить совершенно равносильно праву отказать, не разрѣшить... Неопредѣленны, въ статьѣ о причинахъ запрещенія собраній, выраженія: *цѣль или предметъ занятій, противные закону*; еще болѣе неопредѣленно и широко понятіе объ *угрозѣ общественному спокойствію и безопасности*. Собранію, съ точки зрѣнія администраціи нежелательному, она всегда можетъ противопоставить

[1]) По ст. 31-й Улож. о Наказ. наибольшій срокъ содержанія въ исправ. арест. отдѣленіи—четыре года.

ссылку на доступныя только ей одной и никакой провѣркѣ не подлежащія свѣдѣнія о тревожномъ настроеніи умовъ или о готовящемся нарушеніи порядка. Дѣйствительно явочною представляется только такая система устройства публичныхъ собраній, при которой ни одно изъ нихъ запрещенію, основанному на догадкахъ, подлежать не можетъ". Всѣ эти соображенія вполнѣ примѣнимы къ правиламъ 4-го марта, опредѣляющимъ права и полномочія полиціи почти буквально такъ, какъ опредѣляли ихъ правила 12-го октября; прибавленъ только новый поводъ воспрещенія—несогласіе цѣли или предмета собранія съ общественной нравственностью,—еще больше расширяющій дискреціонную власть полиціи. Удержанъ, въ правилахъ 4-го марта, и длинный перечень обстоятельствъ, влекущихъ за собою закрытіе собраній; сохранены долгіе промежутки времени между заявленіемъ о собраніи и его открытіемъ; по отношенію къ съѣздамъ сохранено и даже обострено требованіе предварительнаго разрѣшенія. Понятіе о публичности собраній значительно расширено принятіемъ въ разсчетъ не только состава, но и мѣста собранія. Число помѣщеній, въ которыхъ могутъ быть устраиваемы публичныя собранія, ограничено такими условіями, о которыхъ не было рѣчи въ правилахъ 12-го октября. Ничѣмъ, въ сущности, не гарантированною осталась правильность пользованія громадною властью, которою облечена полиція. Жалобы на ея дѣйствія приносятся „въ общеустановленномъ порядкѣ". Это значитъ, что сенату можно жаловаться лишь на нарушеніе закона, а не на фактически неправильное его примѣненіе: судить о послѣднемъ предоставляется одному начальству, отъ котораго трудно ожидать безпристрастнаго отношенія къ подчиненнымъ, хотя бы и черезчуръ усерднымъ. Въ дѣлахъ о собраніяхъ, притомъ, особенно необходима быстрота; отмѣна запрещенія, состоявшаяся по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, можетъ оказаться совершенно ненужной, за минованіемъ обстоятельствъ, въ виду которыхъ предполагалось устроить собраніе. Правила 4-го марта назначаютъ срокъ для представленія жалобъ, но относительно разсмотрѣнія ихъ ограничиваются требованіемъ, чтобы оно производилось „безъ всякаго промедленія". Это требованіе слишкомъ неопредѣленно, чтобы можно было признать за нимъ серьезное значеніе... Еслибы, впрочемъ, правила 4-го марта и были болѣе удовлетворительны, достаточной охраной свободы собраній они не могли бы служить до тѣхъ поръ, пока у насъ нѣтъ настоящей отвѣтственности должностныхъ лицъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стòитъ только припомнить, что установляемая правилами 4-го марта обязанность увѣдомлять о причинѣ воспрещенія собранія существовала, на бумагѣ, и въ силу правилъ 12-го октя-

бря—но сплошь и рядомъ не исполнялась чинами полиціи на самомъ дѣлѣ.

Одновременно съ правилами о собраніяхъ утверждены правила объ обществахъ и союзахъ. Ожиданій, возбужденныхъ манифестомъ 17-го октября, они точно также не оправдываютъ. Обсужденіе ихъ мы отлагаемъ до другого раза.

Со времени обнародованія государственныхъ актовъ 20-го февраля прошло уже болѣе мѣсяца. Подробный ихъ разборъ былъ бы теперь слишкомъ запоздалымъ. Мы остановимся только на нѣкоторыхъ вопросахъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія.

Манифестъ 20-го февраля „постановляетъ общимъ правиломъ, что со времени созыва Государственнаго Совѣта и Государственной Думы законъ не можетъ воспріять силы безъ одобренія Думы и Совѣта". Это—повтореніе обѣщанія, даннаго манифестомъ 17-го октября и, въ то же время, косвенный отвѣтъ всѣмъ усиливавшимся доказать, что образъ правленія у насъ остается прежній. О неограниченности власти монарха не можетъ болѣе быть рѣчи, разъ что для изданія новаго закона — а слѣдовательно, и для измѣненія, дополненія или отмѣны закона дѣйствующаго — необходимо согласіе народнаго представительства. Сомнѣніе можетъ возникнуть только одно: не парализуется ли дѣйствіе правила, установляющаго раздѣленіе законодательной власти, тѣми словами манифеста, въ силу которыхъ „совѣтъ министровъ, при наличности чрезвычайныхъ обстоятельствъ, вызывающихъ, во время прекращенія занятій Государственной Думы, необходимость въ мѣрѣ, требующей обсужденія въ законодательномъ порядкѣ, имѣетъ право представить о ней непосредственно Государю". Мѣра эта—читаемъ мы дальше въ манифестѣ — „не можетъ, однако, вносить измѣненій ни въ основные государственные законы, ни въ учрежденія Государственнаго Совѣта или Государственной Думы, ни въ постановленія о выборахъ въ Совѣтъ или Думу. Дѣйствіе такой мѣры прекращается, если подлежащимъ министромъ или главноуправляющимъ отдѣльною частью не будетъ внесенъ въ Государственную Думу, въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ послѣ возобновленія занятій Думы, соотвѣтствующій принятой мѣрѣ законопроектъ, или его не примутъ Государственная Дума или Государственный Совѣтъ".

Аналогичныя постановленія существовали и существуютъ во многихъ другихъ западно-европейскихъ конституціяхъ. Статья 14-я французской хартіи 1814-го года предоставляла королю право издавать регламенты и ордонансы, необходимые для исполненія законовъ и безопасности государства. Задумавшимся надъ этой статьей русск

посолъ Поццо-ди-Борго нашелъ однажды, въ началѣ 1830-го года, короля Карла X-го, незадолго передъ тѣмъ призвавшаго къ власти реакціонное министерство Полиньяка. Здѣсь, казалось, былъ выходъ изъ борьбы, разгоравшейся все больше и больше между королемъ и палатой депутатовъ. Напрасно предостерегали короля Поццо-ди-Борго, императоръ Николай I-й, князь Меттернихъ, болѣе благоразумные французскіе роялисты въ родѣ Виллеля: онъ издалъ, основываясь на злополучной статьѣ, знаменитые іюльскіе ордонансы, повлекшіе за собою паденіе его престола.

Въ прусской конституціи есть статья 63-я, по которой „въ томъ случаѣ, если этого настоятельно требуетъ сохраненіе общественной безопасности или устраненіе чрезвычайнаго бѣдствія, подъ отвѣтственностью всего министерства, если палаты не въ сборѣ, могутъ быть изданы не противорѣчащія конституціи распоряженія, обладающія силою закона. Такія распоряженія должны быть представлены въ ближайшую сессію на утвержденіе палатъ". 1-го іюня 1863-го года, въ самый разгаръ конфликта между Бисмаркомъ и палатой депутатовъ, появился, вслѣдъ за распущеніемъ палаты, королевскій указъ, подчинявшій періодическую печать системѣ административныхъ предостереженій. Этотъ указъ, явно противорѣчившій конституціи [1]), остался безъ всякаго вліянія на ходъ событій и потерялъ силу, какъ только собрались палаты. Съ тѣхъ поръ, если мы не ошибаемся, случаевъ пользованія статьею 63-й, какъ орудіемъ политической борьбы, не было вовсе.

Въ австрійской конституціи къ занимающему насъ вопросу относится статья 14-ая, слѣдующаго содержанія: „если въ виду крайнихъ обстоятельствъ, въ промежуткѣ между сессіями, окажется необходимой такая мѣра, которая требуетъ, согласно конституціи, созыва парламента, то она можетъ быть установлена подъ коллективною отвѣтственностью всего министерства, императорскимъ указомъ, на томъ условіи, однако, чтобы она не имѣла цѣлью измѣненія основного закона и не приводила ни къ продолжительному обремененію государственнаго казначейства, ни къ отчужденію государственнаго имущества. Такіе указы временно имѣютъ силу закона, если они подписаны всѣми министрами. Они теряютъ силу закона, если правительство не признаетъ нужнымъ представить ихъ на одобреніе перваго собравшагося послѣ обнародованія ихъ рейхс-

---

[1]) По ст. 27-й прусской конституціи всякій пруссакъ имѣетъ право свободно выражать свое мнѣніе путемъ печати. Цензура не можетъ быть введена; всякое другое ограниченіе свободы печати можетъ быть установлено только законодательнымъ путемъ.

рата, и прежде всего палаты депутатовъ, въ теченіе первыхъ четырехъ недѣль послѣ начала засѣданій, или если одна изъ двухъ палатъ откажетъ имъ въ одобреніи. Министерство въ его цѣломъ отвѣчаетъ за то, чтобы такіе указы, какъ только они потеряютъ силу закона, сейчасъ же переставали дѣйствовать". Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ эта статья примѣняется весьма часто; подъ ея прикрытіемъ нѣсколько разъ безъ утвержденія парламента былъ проведенъ бюджетъ, дважды продолжено соглашеніе съ Венгріей.

Весьма вѣроятно, что въ моментъ редактированія приведенныхъ нами постановленій никто не предусматривалъ возможность распространительнаго ихъ толкованія. Чрезвычайныя полномочія создавались именно и только на случай наступленія чрезвычайныхъ, исключительныхъ условій. На практикѣ, однако, пользованіе дверью, ведущею изъ царства закона въ область произвола, нерѣдко выходило далеко за намѣченные для того предѣлы. Необыкновенная власть примѣнялась къ обыкновеннымъ обстоятельствамъ. Франція, въ моментъ изданія іюльскихъ ордонансовъ, была совершенно спокойна; недовѣріе къ министерству выражалось законными средствами и путями, порядокъ нигдѣ нарушенъ не былъ. То же самое можно сказать и о Пруссіи 1863-го года. Даже въ Австріи, несмотря на повторяющіяся парламентскія обструкціи, несмотря на обостренную племенную вражду, положеніе дѣлъ не можетъ быть названо чрезвычайнымъ, уже потому, что оно длится цѣлые годы. Въ правѣ не стѣсняться закономъ, какими бы оговорками оно ни было обставлено, есть, очевидно, нѣчто манящее, влекущее въ сторону отъ прямой дороги. Нѣтъ такихъ оборотовъ рѣчи, нѣтъ такихъ словесныхъ гарантій, которыми можно было бы предупредить злоупотребленіе этимъ правомъ. Не совсѣмъ безразлична, однако, его формулировка; чѣмъ она опредѣленнѣе и точнѣе, тѣмъ труднѣе вложить въ нее слишкомъ широкое содержаніе. Попробуемъ сравнить, съ этой точки зрѣнія, слова манифеста 20-го февраля съ приведенными нами статьями западно-европейскихъ конституцій.

Принятіе, внѣ законодательнаго порядка, мѣръ, равносильныхъ закону, обусловливается, въ манифестѣ 20-го февраля, наличностью *чрезвычайныхъ обстоятельствъ*, безъ всякаго дальнѣйшаго указанія на то, что̀ слѣдуетъ понимать подъ этимъ выраженіемъ. Столь же неясны и соотвѣтствующія слова австрійской конституціи. Болѣе удовлетворительно изложеніе прусской конституціи, говорящей не о *чрезвычайныхъ* или *крайнихъ* обстоятельствахъ вообще, а о чрезвычайномъ *бѣдствіи*, для *устраненія* котораго — или для сохраненія общественной безопасности — *настоятельно* требуется данная мѣра. Эта мѣра должна быть, слѣдовательно, совершенно неотложна и *прямо* напра-

влена къ одной изъ двухъ намѣченныхъ закономъ цѣлей. Какъ въ Пруссіи, такъ и въ Австріи чрезвычайная мѣра не должна противорѣчить конституціи [1]); у насъ она не должна противорѣчить основнымъ государственнымъ законамъ и законоположеніямъ о Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ. Между тѣмъ, въ нашихъ основныхъ законахъ ничего не говорится о правахъ гражданъ; они не ограждены, слѣдовательно, отъ нарушенія путемъ чрезвычайной мѣры... Въ Австріи указъ, издаваемый въ силу 14-ой статьи, не долженъ, кромѣ того, имѣть послѣдствіемъ ни продолжительное обремененіе государственнаго казначейства, ни отчужденіе государственнаго имущества; манифестъ 20-го февраля не установляетъ ничего подобнаго. Въ Австріи чрезвычайная мѣра теряетъ силу, если одна изъ палатъ откажетъ ей въ одобреніи; такой отказъ, по смыслу ст. 14-ой, можетъ воспослѣдовать немедленно по открытіи сессіи рейхсрата. У насъ Государственная Дума можетъ отклонить законопроектъ, подтверждающій чрезвычайную мѣру — но для его представленія совѣту министровъ дается двухмѣсячный срокъ, къ которому нужно еще прибавить время, необходимое для разсмотрѣнія проекта... И въ Пруссіи, и въ Австріи чрезвычайная мѣра можетъ быть принята не иначе, какъ *подъ отвѣтственностью всего министерства*, т.-е. при единогласномъ одобреніи ея всѣми министрами; въ манифестѣ 20-го февраля такой оговорки не сдѣлано и, слѣдовательно, вопросъ можетъ быть рѣшенъ въ совѣтѣ министровъ простымъ большинствомъ голосовъ. Настоящей отвѣтственности министровъ нѣтъ, правда, ни въ Пруссіи, ни въ Австріи; но нѣкоторую реальность она тамъ все же имѣетъ, благодаря навыкамъ и взглядамъ, выработаннымъ долгою политическою жизнью. Не то мы видимъ у насъ, гдѣ все, въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, укрѣпляло мысль о безотвѣтственности представителей власти. Чего нѣтъ въ нравахъ, то могло бы быть, хотя отчасти, дано закономъ, еслибы онъ устранилъ возможность произвольнаго принятія чрезвычайныхъ мѣръ или обставилъ его точными, опредѣленными условіями. Разъ что этого нѣтъ, не можетъ считаться прочнымъ провозглашенное, въ принципѣ, раздѣленіе законодательной власти.

Отсутствіе отвѣтственности министровъ составляетъ, вообще, одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ положеній 20-го февраля. Государственному Совѣту и Государственной Думѣ предоставляется обращаться къ министрамъ „съ запросами по поводу такихъ, послѣдовавшихъ съ ихъ

[1]) Въ Австріи основными, т.-е. конституціонными, признаются пять законовъ, обнародованныхъ 21-го декабря 1867-го года: объ имперскомъ представительствѣ, о правахъ гражданъ, объ имперскомъ судѣ, о судебной власти, объ осуществленіи правительственной и исполнительной власти.

стороны или подвѣдомственныхъ имъ лицъ и установленій, дѣйствій, кои представляются *незакономѣрными*". Незакономѣрность административныхъ распоряженій—не единственная, можетъ быть даже не главная опасность, о предотвращеніи которой должна заботиться Государственная Дума. Въ мирное, нормальное время прямыхъ, явныхъ нарушеній закона будетъ сравнительно немного, и противъ нихъ будетъ существовать судебная защита—защита, нужно полагать, болѣе дѣйствительная, чѣмъ въ настоящее время. Въ этой сферѣ контроль народнаго представительства долженъ только дополнять и укрѣплять собою контроль частныхъ лицъ, обществъ и учрежденій, осуществляемый при посредствѣ суда. Совсѣмъ инымъ является его значеніе тогда, когда онъ касается *цѣлесообразности*, внутренней правильности административныхъ распоряженій. Здѣсь никто (кромѣ верховной власти) не можетъ конкуррировать съ народнымъ представительствомъ; только оно можетъ потребовать отъ министровъ отчета о томъ, почему они, въ данномъ случаѣ, поступили такъ, а не иначе, почему не воспользовались или воспользовались не такъ какъ слѣдуетъ своими полномочіями, почему не приняли надлежащихъ мѣръ къ огражденію того или другого государственнаго или общественнаго интереса—почему, напримѣръ, не пришли своевременно на помощь бѣдствующему населенію. Запросы этого рода служатъ для народнаго представительства источникомъ вліянія на общій ходъ управленія—вліянія законнаго и необходимаго, обезпечивающаго согласіе между органами законодательной и исполнительной власти, предупреждающаго ошибки и столкновенія, бросающаго яркій свѣтъ не только на прошедшее, но и на будущее.

Пріурочивъ право запроса къ однимъ лишь „незакономѣрнымъ" дѣйствіямъ администраціи, законодатель до крайности затруднилъ осуществленіе даже и этого скромнаго права. Оба учрежденія Государственной Думы—6-го августа и 20-го февраля—въ этомъ отношеніи совершенно сходны между собою. Что заявленіе о запросѣ должно быть подписано по меньшей мѣрѣ тридцатью членами Думы—это еще не бѣда: такое число подписей, по сколько-нибудь серьезному дѣлу, всегда можно будетъ собрать даже въ Думѣ, мало расположенной къ широкому пользованію своими правами. Дальше идутъ постановленія совершенно другого рода. Для сообщенія запроса министру требуется согласіе большинства Думы. Къ чему? Вѣдь до отвѣта министра трудно, иногда невозможно составить себѣ понятіе о степени важности и основательности запроса. Послѣ принятія запроса министру дается мѣсячный срокъ (слишкомъ продолжительный, по крайней мѣрѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о дѣйствіяхъ самого министра), въ продолженіе котораго онъ либо сообщаетъ Думѣ „надлежащія свѣ-

дѣнія и разъясненія“, „либо извѣщаетъ Думу о причинахъ, не позволяющихъ ему сообщить требуемыя свѣдѣнія и разъясненія“. Что это за причины — законъ не опредѣляетъ; при желаніи, слѣдовательно, министръ всегда можетъ уклониться отъ отвѣта. Если Государственная Дума, большинствомъ двухъ третей голосовъ, не признаетъ возможнымъ удовлетвориться сообщеніемъ министра, дѣло представляется предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта на Высочайшее благовоззрѣніе. Почему даже для такого, въ сущности ничего не предрѣшающаго исхода требуется большинство двухъ третей голосовъ? Почему рѣшеніе Думы представляется Государю предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, а не предсѣдателемъ Государственной Думы, котораго другая статья учрежденія уполномочиваетъ „повергать на Высочайшее благовоззрѣніе о занятіяхъ Думы“? Не ясно ли, что составители учрежденія были озабочены не столько охраной интересовъ, нарушаемыхъ бездѣйствіемъ, ошибками и злоупотребленіями администраціи, сколько огражденіемъ спокойствія и благоденствія гг. министровъ?.. Весьма возможно, впрочемъ, что эта забота не приведетъ къ желанной цѣли. Каковъ бы ни былъ формальный результатъ запроса, отъ Думы будетъ зависѣть мотивировать свое рѣшеніе—мотивировать его такъ, чтобы истинный характеръ осуждаемыхъ дѣйствій выступалъ на видъ въ надлежащемъ свѣтѣ. Правда, учрежденіе Думы предоставляетъ министрамъ заявлять о негласномъ слушаніи дѣлъ, когда этого требуютъ „соображенія государственнаго порядка“; но для предсѣдателя Думы, по смыслу ст. 44-ой, такія заявленія необязательны, и во всякомъ случаѣ слишкомъ часто они повторяться не могутъ. Закрытіемъ дверей засѣданія нельзя предупредить огласку состоявшихся рѣшеній; наоборотъ, молва будетъ разносить о нихъ преувеличенныя вѣсти, и въ концѣ концовъ правильный ходъ политической жизни положитъ конецъ попыткамъ охранять тайну, выгодную только для немногихъ отдѣльныхъ лицъ,

Не устоитъ противъ напора событій и другое ограниченіе, установленное государственными актами 20-го февраля. Государственному Совѣту и Государственной Думѣ предоставлено возбуждать предположенія объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующихъ и изданіи новыхъ законовъ, за исключеніемъ основныхъ государственныхъ законовъ, починъ пересмотра которыхъ верховная власть оставляетъ за собою. Основными законами, въ техническомъ смыслѣ слова, могутъ считаться только тѣ, которые помѣщены подъ такимъ именемъ въ Сводѣ законовъ (т. I ч. 1). Не подходятъ подъ это понятіе, слѣдовательно, ни учрежденія Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, ни другія временныя правила, изданныя послѣ 17-го октября и могущія еще быть изданными до созыва Государственной Думы. Въ манифестѣ

17-го октября прямо оговорено, что дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права предоставляется вновь установленному законодательному порядку; это даетъ Думѣ несомнѣнное право взять на себя починъ новаго избирательнаго закона. Не можетъ обойтись безъ участія Думы и кодификація измѣненій, внесенныхъ въ основные законы манифестами 17-го октября и 20-го февраля. Что касается до остальныхъ основныхъ законовъ, этими государственными актами прямо не затронутыхъ, то удержать за ними особое положеніе едва ли окажется возможнымъ, когда начнется у насъ настоящая политическая жизнь. Слишкомъ трудно будетъ ограничить, фактически, область постановленій Государственной Думы — постановленій, отъ которыхъ только одинъ шагъ до соотвѣтственныхъ законопроектовъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1906.

I.

— **Великій Князь Николай Михаиловичъ. Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи по донесеніямъ пословъ Императоровъ Александра и Наполеона 1808—1812. Т. I—III. Спб. 1906.**

Новый трудъ неутомимаго изслѣдователя Александровской эпохи заслуживаетъ самаго глубокаго вниманія. Спеціалисты встрѣтятъ въ немъ огромное количество неизвѣстнаго прежде и таившагося въ малодоступныхъ хранилищахъ матеріала, который послужитъ основой для новыхъ и важныхъ построеній въ области научнаго изученія эпохи отечественной войны. Обнимая собой небольшой, по времени, періодъ, документальное изображеніе дипломатическихъ сношеній Россіи и Франціи превосходно вводитъ читателя въ міръ политическихъ отношеній государствъ Европы и открываетъ перспективу самыхъ широкихъ обобщеній на почвѣ изученія Наполеона, съ точки зрѣнія его мірового значенія, и Александра I-го, съ точки зрѣнія вліянія человѣческой личности вообще на ходъ историческихъ событій. Эти два дѣятеля, можно сказать, были Гордіями своей эпохи: начавъ вѣкъ столь же блестящими, сколь и тревожными предзнаменованіями, они, въ результатѣ своей дѣятельности, наполненной кружевной работой политическаго лицемѣрія и глубокаго обворожительнаго хитроумія, связали народы Европы въ такой узелъ внѣшней сплоченности и внутренняго недовѣрія, который закрѣпилъ ея, какъ бы неизмѣнную, форму на весь девятнадцатый вѣкъ; видомъ сравнительно рѣдко нарушаемаго наружнаго спокойствія онъ создалъ представленіе объ ея необычайной политической мощи, распространившей свое обаяніе на всѣ страны міра. Съ тѣхъ поръ, пока не

явится Александръ Македонскій подъ флагомъ соціальной революціи, система европейскаго равновѣсія представляется прочной, границы ея странъ терпятъ въ общемъ незначительныя измѣненія, но объясненіе всѣхъ связанныхъ съ этимъ процессовъ внутренняго политическаго развитія и объединенія историкъ неизмѣнно будетъ связывать съ исходнымъ пунктомъ въ томъ пониманіи задачъ міровой политики, которая явилась въ итогѣ трагической борьбы двухъ замѣчательнѣйшихъ властелиновъ Европы.

Авторъ настоящаго труда наглядно доказываетъ свое положеніе, что избранная имъ эпоха, несмотря на замѣчательные труды историковъ (Вандаль, Соррель, Татищевъ, Шильдеръ и др.) далеко не можетъ считаться разработанной и уясненной, и настоящее изданіе его является по отношенію къ нимъ, въ однихъ случаяхъ, документальной иллюстраціей, въ другихъ—источникомъ новаго освѣщенія и поправокъ. Отдавая должное работамъ предыдущихъ историковъ, и не принимая на себя (можно надѣяться—пока) задачи всесторонняго изображенія избраннаго періода, великій князь Николай Михаиловичъ не ограничивается однимъ научнымъ изданіемъ цѣннаго историческаго матеріала, но даетъ глубоко продуманный и мастерски сдѣланный очеркъ политическаго единоборства Александра I и Наполеона, въ которыхъ фигуры обоихъ соперниковъ выростаютъ передъ читателемъ въ мѣткихъ и сильныхъ чертахъ, притомъ въ возможной простотѣ изложенія и видимомъ стремленіи къ безпристрастію. Рельефно рисуются и фигуры ближайшихъ лицъ, служившихъ непосредственными выполнителями предначертаній и плановъ своихъ государей; на нихъ возлагается трудная задача быть и вдохновенными истолкователями намѣреній своихъ монарховъ, и столь же истинными, но лишь по внѣшности друзьями своихъ соперниковъ, отъ нихъ требуется подкупающая искренность двусмысленной рѣчи, проницательность, умѣнье читать скрытое не только въ мысляхъ, но и подъ замкомъ; ими прикрываются въ случаяхъ отступленія и на нихъ сваливаютъ отвѣтственность въ случаяхъ неудачи; наконецъ, довѣрчивость и прямота служатъ явнымъ ущербомъ въ оцѣнкѣ ихъ способностей, тогда какъ, наоборотъ, учтивое соглядатайство и замаскированная льстивость въ ихъ характерѣ даютъ имъ право на исключительное вниманіе и довѣріе. Таковы дипломаты,—изъ нихъ особенно любопытно очерчены въ настоящей книгѣ де-Коленкуръ и кн. А. Б. Куракинъ.

Авторъ начинаетъ свое изложеніе съ момента тильзитскаго событія и представляетъ ходъ дѣйствій слѣдующимъ образомъ, въ смыслѣ разъясненія отношеній между обоими императорами и тѣхъ цѣлей, которыя они преслѣдовали. Положеніе Россіи было очень за-

труднительное. Необходимо было поддержать заключенное соглашеніе. Съ этого момента начинаются дѣйствія обоихъ государей, опредѣлившія ихъ взаимныя положенія и ихъ характеръ. „Насколько поддаются перу намѣренія Наполеона, настолько сложны и останутся спорными побужденія Александра", — говоритъ авторъ. Разбираясь во впечатлѣніи, какое могло быть произведено на Александра личностью Наполеона, авторъ отказывается вѣрить, что только одно обаяніе этой личности заставило его заключить этотъ союзъ вопреки общественному мнѣнію Россіи и чувствъ Императрицы-матери и своихъ прежнихъ союзниковъ. Увлеченіе не могло быть настолько сильнымъ, чтобы Александръ могъ забыть все прошлое—Аустерлицъ и Фридландъ—и не опасаться все возраставшаго могущества Наполеона. Въ своемъ объясненіи великій князь Николай Михаиловичъ раздѣляетъ мнѣніе, высказанное Сорелемъ, что „намѣренія Александра клонились къ принципу заключенія союза, замедленію добытыхъ результатовъ, приведшихъ сперва къ соперничеству, потомъ къ войнѣ. Такова была мысль Императора еще до свиданія, эта задняя мысль и не покидала ума Александра, одного изъ самыхъ послѣдовательныхъ людей своего времени"... И авторъ считаетъ Александра въ высшей степени выдержаннымъ дипломатомъ и тонкимъ политикомъ. „Тотчасъ же послѣ Тильзита началась эпоха изліяній, такъ упорно продолжавшихся при всѣхъ удобныхъ и неудобныхъ случаяхъ до самаго разрыва. Эта черта Императора Александра наиболѣе характерна, она ему заслужила рядъ успѣховъ на почвѣ политики, пока не обнаружилась и слабая сторона этихъ пріемовъ, примѣнявшихся слишкомъ часто. Если еще въ Тильзитѣ Александръ замѣтилъ нѣкоторыя особенности характера Наполеона и писалъ Императрицѣ-матери: „Къ счастію, у Бонапарта при его геніальности есть Ахиллесова пята—это тщеславіе, и я рѣшился пожертвовать моимъ самолюбіемъ на благо государства", то и Наполеонъ въ скоромъ времени угадалъ, что скрывалось подъ личиной врожденной обворожительности его союзника. Но у Наполеона глаза открылись только послѣ Эрфурта. Переписка Коленкура съ Наполеономъ и Шампаньи даетъ намъ цѣннѣйшій матеріалъ для изученія политической программы Александра, намѣченной твердой рукой, при виртуозности исполненія. Вернувшись въ Петербургъ, русскій Императоръ далъ новый курсъ политикѣ, не побоявшись итти противъ общественнаго мнѣнія Россіи и порвавъ связи съ сотрудниками первыхъ годовъ царствованія. Нужна была воля, хладнокровная выдержка, извѣстная смѣлость въ дѣйствіяхъ—всѣ эти качества были присущи Александру. Выборъ сотрудниковъ для новой политики былъ менѣе удаченъ, и это объясняется желаніемъ Государя лично вести переговоры съ Наполеономъ,

безъ посторонняго посредничества. И въ Тильзитѣ и въ Эрфуртѣ Александръ самъ беретъ на себя починъ сложной работы заключенія условія соглашенія съ Наполеономъ. Результаты продолжительныхъ бесѣдъ двухъ монарховъ только скрѣплялись разными Будбергами, Румянцевыми и Куракиными. Александръ какъ бы нарочно пренебрегалъ талантами и пользовался лишь посредственностями, слѣпыми орудіями его предначертаній".

Выяснивъ значеніе дѣятельности различныхъ сотрудниковъ на той и другой сторонѣ, авторъ продолжаетъ: „Поѣздка въ Эрфуртъ для болѣе тѣснаго сближенія съ Наполеономъ исполнена мастерски. Цѣль вторичной встрѣчи, такъ наглядно изложенная въ письмѣ къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, была еще однимъ смѣлымъ шахматнымъ ходомъ. Послѣдующія мнимыя колебанія въ активной поддержкѣ императора французовъ въ борьбѣ съ Австріей, безпрестанныя посылки флигель-адъютантовъ въ главную квартиру французской арміи, пріемъ въ Петербургѣ князя Шварценберга и намеки на заслуженный урокъ Австріи за 1806 годъ, выраженные въ письмѣ къ Наполеону, суть блестящія страницы тонкой политики Государя. Программа намѣчена и разыграна безупречно. Послѣ кампаніи 1809 года положеніе стало труднѣе, такъ какъ Наполеонъ, наконецъ, понялъ свои промахи; но исправить ихъ было поздно. Александръ умѣло и своевременно парировалъ всѣ удары. Его невмѣшательство въ мирные переговоры на берегахъ Дуная подвергалось строгой критикѣ. Но и тутъ прозорливость не обманула Александра. Наполеонъ возобновилъ польскій вопросъ, на которомъ можно было отыграться въ любую минуту. Всѣ подставленныя шпильки не уязвили нашего Государя. Онъ энергично произнесъ свое veto на возстановленіе польскаго королевства, и Наполеонъ не рискнулъ итти на проломъ, а искалъ обойти вопросъ, усложняя его подробностями. Когда понадобилось Наполеону упроченіе союза, въ виду неудачнаго оборота испанскихъ дѣлъ и непопулярности кампаніи 1809 года въ предѣлахъ Франціи, Александръ выразилъ готовность выслушать его предложенія. Поднялся брачный вопросъ, польстившій самолюбію Александра, но приведшій все-таки къ отказу. Съ этого момента начинаются безсмысленныя пререканія по поводу ратификаціи договора о Польшѣ, о тарифѣ, о континентальной системѣ и, наконецъ, о герцогствѣ Ольденбургскомъ, которыя заняли 1810 и 1811 года. Струны натянуты, но Александръ не теряетъ присутствія духа и готовится къ разрыву, принявъ на себя откровенную роль человѣка, на котораго нападаютъ. Пора недомолвокъ разомъ прекращается, исчезаетъ неопредѣленность, и Александръ громогласно заявляетъ, что будетъ только обороняться, что онъ никогда войны не желалъ, и что не-

ограниченное властолюбіе Наполеона—причина разрыва. Метаморфоза полная и вполнѣ своевременная. Александру Павловичу ясно подсказываетъ чутье, что наступаетъ историческій моментъ, когда народныя массы Россіи должны рѣшить не только судьбу его династіи, но и участь самого Наполеона. Императоръ всероссійскій становится во главѣ оскорбленнаго народа въ виду нашествія иноплеменниковъ и клянется, что не сдастъ оружія, пока послѣдній изъ враговъ не будетъ выброшенъ изъ предѣловъ Россіи. Не Фули, не Штейны сокрушили могущество корсиканца, такъ же, какъ не таланты Кутузова и Барклая, и не двусмысленныя рѣчи Александра въ періодъ союза. Владычество Наполеона было сломлено исключительно мощью русскаго народа и суровымъ климатомъ Россіи".

Нужно отдать полную справедливость великому князю Николаю Михаиловичу въ его умѣньи воспользоваться огромнымъ матеріаломъ въ цѣляхъ историческаго анализа и принципіальнаго уясненія. Къ сожалѣнію, другія стороны государственной дѣятельности императора Александра I не выяснены еще настолько, чтобы личность императора поднялась надъ ними въ той кристальной отчетливости и ясности, въ какой она рисуется автору настоящаго труда. Внутренняя политика Александра представляется безпристрастному взору, свободному отъ весьма понятнаго увлеченія многихъ историковъ его царствованія, наполненной столь глубокихъ и непримиримыхъ противорѣчій и колебаній, которыя устраняютъ всякую мысль о тонко задуманномъ и искусно проведенномъ планѣ и говорятъ, напротивъ, о той внутренней борьбѣ чувствъ и настроеній, въ которой логическому началу далеко не всегда принадлежала первенствующая роль. Между Александромъ въ теоріи, въ его рѣчахъ и письмахъ, въ историческихъ отраженіяхъ, и Александромъ на практикѣ, у рычага государственной машины, лежитъ бездна, которую долго еще придется относить на долю загадочности его натуры, дуализма владѣвшихъ имъ началъ. И авторъ настоящей работы, останавливаясь на событіяхъ 1812 года, считаетъ, повидимому, этотъ пунктъ годомъ кризиса, совершившагося и въ душѣ Александра: „Переворотъ, произведенный 1812 годомъ даже въ Императорѣ Александрѣ I, до настоящаго времени еще не опредѣленъ, несмотря на многіе труды, посвященные этому вопросу. Характеръ его сталъ еще болѣе загадочнымъ, идеалы молодости были забыты, либеральныя стремленія исчезли безповоротно, а мистицизмъ его души заглушилъ всѣ благія начинанія". Такимъ образомъ, авторъ допускаетъ, что тотъ строй духовныхъ способностей, который дѣлалъ Александра, въ первую половину его царствованія, „наиболѣе послѣдовательнымъ человѣкомъ своего времени", нарушился и далъ воз-

можность инымъ, болѣе смутнымъ сторонамъ духа проникнуть въ сознаніе и взять верхъ надъ элементами разсудочности и воли.

Второй и третій тома сопровождаются предисловіями, имѣющими въ виду облегчить читателю пользованіе ими. Съ внѣшней стороны изданіе превосходно, такъ же какъ и выполненіе приложенныхъ къ нему портретовъ: при первомъ томѣ—императора Александра I, при второмъ—Наполеона (работы Апіани) и при третьемъ — Коленкура (съ миніатюры Изабе).

Пожелаемъ, чтобы дальнѣйшія изысканія автора не ограничивались превосходнымъ объясненіемъ любопытнѣйшихъ документовъ излюбленной имъ эпохи, но и привели его къ работамъ широкаго обобщающаго свойства, для чего у автора имѣются всѣ необходимыя данныя—глубина и мѣткость историческаго анализа, любовь къ истинѣ и возможность доступа въ сокровеннѣйшія хранилища историческихъ документовъ.

II.

— Алексѣй Веселовскій. Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. Третье переработанное изданіе. М. 1906.

Третье изданіе извѣстной книги московскаго профессора А. Н. Веселовскаго въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуетъ, насколько она соотвѣтствуетъ интересамъ обширнаго круга читателей. Ея историко-литературное значеніе давно уже выяснено критикой, которая въ свое время оцѣнила и научный методъ изслѣдованія, и увлекательную форму изложенія. Но кромѣ отвѣта на чисто научные запросы, книга А. Н. Веселовскаго предназначалась служить и опредѣленнымъ цѣлямъ общественнаго развитія. Авторъ ея занялъ извѣстную позицію въ періодъ борьбы съ „шишковистами" новѣйшаго типа, и въ этомъ смыслѣ его книга сыграла видную роль въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда еще громко раздавались голоса въ защиту національной исключительности, отвергавшей общность международныхъ культурныхъ связей и возможность идти рука объ руку въ цѣляхъ мирнаго культурнаго развитія. „Съ тѣхъ поръ прошло немало времени—говоритъ авторъ въ предисловіи еще ко второму изданію 1896 г.—Въ пятнадцать лѣтъ (съ появленія статей) многое измѣнилось. Борьба утратила острый характеръ; многихъ бойцовъ нѣтъ уже въ живыхъ; убѣжденное, принципіальное противодѣйствіе ихъ досталось по большей части въ удѣлъ лицамъ, чье рвеніе не имѣетъ ничего общаго съ литературой. Уваженіе или хоть приличное отношеніе къ европейской культурѣ понемногу возстановилось. Къ тому же и жизнь научила новѣйшихъ

шишковистовъ кое-чему. Не такъ давно можно было не безъ любопытства созерцать, какъ они братались съ „великой дружественной республикой“ и ратовали за франко-русскій союзъ. Когда же настала пора для русскаго вліянія не только на политику, но и на словесность Запада, и Европа, а за нею Америка поддались обаянію русскаго художественнаго творчества, это возвратное вліяніе, это отдариваніе нашихъ прежнихъ учителей, представлявшееся рано ли, поздно ли неизбѣжнымъ, естественнымъ для тѣхъ, кто стоялъ на почвѣ общечеловѣческаго обмѣна идей, наполнило удовольствіемъ и непримиримыхъ противниковъ западничества“.

Разрослась и литература спеціальныхъ изученій, которая заставила автора переработать свой трудъ. „Для летучихъ листковъ“ восьмидесятыхъ годовъ настала третья редакція; почти удвоенная размѣромъ, по большей части вновь написанная, съ обширнымъ вступленіемъ о древней литературѣ, замѣнившимъ прежнее бѣглое введеніе, книга ратуетъ за ту же неизмѣнную идею, но, свободная отъ обязанностей полемики, добыла себѣ больше простора для выполненія своей задачи. Изучая по существу одинъ изъ любопытнѣйшихъ сравнительно-историческихъ вопросовъ, она имѣетъ цѣлью изложить сущность его не только спеціалисту, но и среднему читателю, потому что возмужалъ тѣмъ временемъ этотъ читатель, что не легко успокоить его старыми росказнями, полными лести и самообольщенія, что точный разсказъ о томъ, какъ предки его продвигались изъ мрака къ свѣту и изъ учениковъ сами становились мастерами, можетъ только возбудить въ немъ энергію къ дальнѣйшему труду для народнаго блага“.

Прошло десять лѣтъ и со второго изданія. Параллельно съ ростомъ спеціальныхъ изученій измѣнялись медленно, но неустанно и цензурныя условія, открывшія, наконецъ, широкій просторъ для свободнаго выраженія мыслей, прикрывавшихся прежде условностями эзоповскаго иносказанія и вынужденныхъ недомолвокъ. Явилось, наконецъ, возможнымъ говорить о Радищевѣ и статьѣ, еще недавно запрещавшейся цензоромъ, о Полежаевѣ, этомъ „поэтѣ-студентѣ, за стихотворную (даже не политическую) шалость наказанномъ отдачей въ солдаты, въ московскихъ казармахъ и кавказской боевой службѣ отданномъ на жертву произволу, обезволенномъ, затуманенномъ виномъ,—великомъ укорѣ отеческому режиму“, о Герценѣ, Бакунинѣ, о революціи 1848 г. и даже,—о чемъ и думать было не безопасно, — о Чернышевскомъ. „Снова переработанная сообразно съ научными разысканіями за послѣднее десятилѣтіе, — говоритъ авторъ,—расширенная и въ обзорѣ литературныхъ явленій, и въ объясненіи ихъ, настоящая книга появляется въ третьемъ изданіи среди великаго подъема общественной

мысли и освободительнаго движенія. Пусть же послужитъ она подспорьемъ для изученія и оцѣнки той важной подготовительной роли, которую выполняла въ теченіи вѣковъ передовая литература, опираясь на культурное вліяніе европейскаго Запада!"

Отмѣтимъ маленькую неточность въ заглавіи Адиссоновой пьесы: „Каронъ", а не „Смерть Карона", какъ сказано у автора.

III.

— Сватиковъ, С. Г. Общественное движеніе въ Россіи (1700—1895). Изд. Н. Парамонова „Донская Рѣчь" въ Ростовѣ-на-Дону. 1905.

Содержаніе настоящей книги значительно скромнѣе, чѣмъ ея заглавіе. Исходя изъ того положенія, что „въ настоящій моментъ вопросъ о народномъ представительствѣ въ Россіи рѣшенъ окончательно и безповоротно", но остается нерѣшеннымъ, „въ какія именно формы" должно вылиться это „представительство", г. Сватиковъ ставитъ своей задачей познакомить читателя съ исторіей вопроса о народномъ представительствѣ. „Настоящая работа имѣетъ цѣлью,—говоритъ авторъ,—сдѣлать общую сводку всего матеріала по вопросу о проектахъ и попыткахъ измѣненія государственнаго строя въ Россіи. Несомнѣнно, что только глубокій анализъ экономическихъ и общественно-политическихъ условій русской исторической жизни дастъ возможность точно объяснить и правильно понять возникновеніе тѣхъ, а не иныхъ проектовъ политическаго переустройства Россіи. Тѣмъ не менѣе, намъ казалось, что даже простое изложеніе политическихъ проектовъ и программъ за послѣднія 200 лѣтъ (1700—1895) дастъ читателю возможность прослѣдить возникновеніе и развитіе на русской почвѣ современныхъ политическихъ программъ. Напримѣръ, теченія монархически-конституціонное и республиканское, централистское и федералистское, требованія двухпалатной и однопалатной системъ, развитіе требованія учредительнаго собранія и всеобщаго избирательнаго права — все это легко можетъ быть прослѣжено по предлагаемой работѣ".

Авторъ указываетъ далѣе, что изъ требованій измѣненія государственнаго строя не упомянуто требованіе свободы слова, заявленное И. С. Аксаковымъ въ 1862 году въ газетѣ „День", затѣмъ письмо Цебриковой къ имп. Александру III—за отсутствіемъ матеріаловъ; по той же причинѣ не изложены конституціонные проекты кн. Васильчикова и анонимнаго „общества конституціоналистовъ" начала девяностыхъ годовъ. Изъ всѣхъ проектовъ и программъ авторъ извлекаетъ

лишь часть, касающуюся *политическаго* переустройства Россіи, исключая все, имѣющее, по мнѣнію автора, отношеніе къ соціальнымъ требованіямъ и теоріямъ. При этомъ, замѣтимъ вскользь, авторъ не даетъ точнаго разграниченія (что во многихъ случаяхъ и невозможно) понятій политическаго и соціальнаго переустройства и, останавливаясь на требованіяхъ чисто соціалистическаго характера, вноситъ непослѣдовательность въ эту сторону своей задачи. И далѣе, авторъ съ трогательной откровенностью отмѣчаетъ недостатки своей работы: она написана спѣшно и, „по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ, въ провинціи, гдѣ не было возможности пользоваться сносной исторической библіотекой, и изложена на основаніи отрывочныхъ записей, сдѣланныхъ во время работъ (по другому вопросу) въ Британскомъ музеѣ. Отсюда—недостаточно полное изложеніе проектовъ, пропуски, умолчаніе и нѣкоторая несоразмѣрность частей". Авторъ утѣшаетъ читателя, что все это будетъ по возможности исправлено во второмъ изданіи. Къ чему же, однако, такая поспѣшность? Какъ видно изъ благосклонной цензурной помѣты, книга была написана авторомъ еще въ маѣ прошлаго года, когда мы были еще гораздо дальше отъ конституціи, чѣмъ теперь, и еслибы авторъ далъ себѣ время выяснить болѣе опредѣленно свою задачу, онъ, несомнѣнно, пришелъ бы къ сознательному выбору одного изъ двухъ рѣшеній: или дать лишенное всякаго прагматизма фактическое изложеніе хотя бы главнѣйшихъ программъ и плановъ государственнаго переустройства, или же взять на себя отвѣтственный и нелегкій трудъ представить послѣдовательное развитіе роста политическаго самосознанія въ Россіи, въ связи съ измѣненіемъ бытовыхъ и экономическихъ условій и анализа господствовавшихъ умственныхъ теченій. Въ настоящемъ же своемъ видѣ сочиненіе автора представляетъ собою этюдъ, колеблющійся на границѣ между историческими матеріалами и научнымъ изслѣдованіемъ, характеризуемымъ рѣзкими скачками изъ одной эпохи въ другую и краткими и подчасъ произвольными обобщеніями. Укажемъ образчикъ односторонняго объясненія: „Ходъ историческихъ событій опредѣляется соотношеніемъ реальныхъ общественныхъ силъ. Одной изъ главныхъ силъ въ XVIII вѣкѣ является дворянство, и исторія попытокъ ограничить верховную власть тѣсно связана въ XVIII вѣкѣ, да и въ значительной части XIX вѣка съ исторіей дворянства, которое, слѣдуя преимущественно узко-эгоистической сословной политикѣ (съ классовымъ оттѣнкомъ, въ виду отношенія его къ крестьянству, какъ рабочей силѣ) стремится создать себѣ привилегированное положеніе за счетъ народной массы".

Остается, такимъ образомъ, необъясненнымъ, почему эти попытки ограничить верховную власть идутъ, однако, именно изъ среды дво-

рянства, помимо стремленія „обезпечить себѣ правомѣрное и постоянное вліяніе на государственную власть въ сферѣ законодательства и управленія". Не вполнѣ обоснованнымъ представляется намъ и обвиненіе либеральной части общества въ „большой незрѣлости своей политической мысли и неорганизованности", въ то время, какъ „крайняя партія продолжала указывать на необходимость исполнить ея коренное требованіе—созывъ народныхъ представителей". Дѣло не только въ политической незрѣлости, но въ самыхъ условіяхъ политической борьбы, крайне затруднявшихъ вопросъ о выборѣ средствъ, причемъ „крайняя партія" была лишь сравнительно небольшимъ кружкомъ, весьма изолированнымъ въ сферѣ своего вліянія. Это общій недостатокъ автора—смѣшеніе политическихъ требованій, предъявлявшихся къ правительству различными общественными группами и даже отдѣльными лицами, съ фактами распространенія конституціонныхъ идей вширь и вглубь Россіи.

При всѣхъ своихъ многочисленныхъ недостаткахъ этюдъ г. Сватикова заслуживаетъ вниманія читателя. Онъ представляетъ собой результатъ обширной и не всегда благодарной работы и знакомитъ читателя со многими матеріалами, напечатанными въ рѣдкихъ изданіяхъ или заграницей. Проникнутый опредѣленнымъ общественнымъ настроеніемъ, какъ бы согрѣтый горячимъ сочувствіемъ освободительнымъ стремленіямъ во имя торжества конституціонной идеи, этюдъ г. Сватикова можетъ вызвать въ среднемъ читателѣ несомнѣнный интересъ къ изученію политической исторіи своей родины и, въ качествѣ политическаго памфлета, можетъ послужить дѣлу распространенія конституціонныхъ идей. Обстоятельнѣе другихъ представлена эпоха Александра I, для которой авторъ нашелъ немало подготовительныхъ работъ, хотя матеріалами о декабристахъ воспользовался недостаточно; что касается эпохи имп. Александра II, то здѣсь нельзя не отмѣтить его работы, какъ одного изъ первыхъ опытовъ оріентироваться въ огромной массѣ еще сырого матеріала, причемъ, къ сожалѣнію, ему не были доступны, по условіямъ его работы, заграничныя изданія, характеризующія дѣятельность соціалистическихъ партій въ Россіи въ 60-хъ и 70-хъ годахъ.

IV.

— **Розановъ, В. Около церковныхъ стѣнъ. Томъ первый. Спб. 1906.**

Странная книга, неровная, расплывчатая, необобщенная—по формѣ фельетоны, легкіе публицистическіе эскизы. Но въ нихъ читатель

встрѣчаетъ то тутъ, то тамъ, и часто неожиданно для себя, глубокія мысли, остроумные парадоксы, оригинальные примѣры; изложеніе ведется хитроумно, эластичной спиралью, то замыкаясь въ мѣткія и категорическія опредѣленія, то растягиваясь прозрачнымъ узоромъ соображеній, доводовъ, софизмовъ. Согрѣтыя чувствомъ теплаго, участливаго отношенія и къ предмету, о которомъ идетъ рѣчь, и къ читателю, статьи г. Розанова невольно подкупаютъ послѣдняго и создаютъ атмосферу интимной бесѣды, безъ видимаго намѣренія со стороны автора подавить собесѣдника превосходствомъ своихъ сужденій, свѣдѣній, опыта, глубиной наблюденій.

Во многихъ статьяхъ замѣчается даже обратное явленіе: бесѣда принимаетъ у автора подчасъ тотъ своеобразно интимный характеръ, при которомъ собесѣдники какъ бы сознаютъ, что наступило время отбросить излишнія церемоніи и повести бесѣду ради самой бесѣды— „о томъ, о семъ, а чаще ни о чемъ"... Въ такіе моменты разнѣженный слухъ ловитъ не слова и мысли, но чувства и настроенія, и когда бесѣда прерывается, о ней остается одно лишь тающее воспоминаніе. Читатель же, не склонный предаваться переживаніямъ, какъ теперь принято выражаться, подобныхъ настроеній, не остановитъ пристальнаго вниманія на доброй половинѣ предлагаемаго сборника. Перелистывая страницу за страницей прекрасной матовой бумаги, покрытой красивой, крупной печатью, онъ скользнетъ бѣглымъ взглядомъ по „введенію", по статьямъ въ родѣ „Религія—какъ свѣтъ и радость", „На черномъ и желтомъ материкахъ", затѣмъ—„Наши возлюбленные усопшіе" и др., но остановится съ большимъ интересомъ на статьяхъ г. Розанова, имѣющихъ отношеніе къ школѣ, на борьбу съ которой, въ ея современной казенной формѣ, авторъ выступилъ нѣсколько лѣтъ назадъ въ извѣстной книгѣ „Сумерки просвѣщенія".

И въ настоящей своей книгѣ г. Розановъ ставитъ на очередь давно уже назрѣвшій и настоятельно важный вопросъ о „словѣ Божіемъ въ нашемъ ученіи". Съ поразительной мѣткостью характеризуетъ онъ печальное положеніе преподаванія закона Божія, которое, при другихъ условіяхъ, могло бы быть источникомъ плодотворнѣйшаго нравственнаго воздѣйствія на молодыя души. Мертвые люди изгнали изъ него, между тѣмъ, живой духъ и превратили въ мертвую букву, въ еле терпимое необходимое зло. „Крайняя невліятельность въ нашихъ училищахъ,—говоритъ г. Розановъ,—такъ называемаго „Закона Божія"—вещь общеизвѣстная. Между тѣмъ, причины таковой невліятельности далеко не ясны. Два недѣльныхъ урока, отведенные на преподаваніе его отъ перваго до восьмого класса, достаточны для очень большого усвоенія. Если прибавить сюда два или три часа, проводимые еженедѣльно учениками на церковной праздничной и пред-

праздничной службахъ, то мы получимъ сумму впечатлѣній и длительность дѣйствія очень значительную. Однако, ни для кого не секретъ, какъ мало религіознаго приносятъ съ собою русскіе юноши въ университетъ, гдѣ краткія лекціи на первыхъ двухъ семестрахъ по курсу богословія мало что прибавляютъ къ легкой ношѣ гимназіи. Между тѣмъ, солидное религіозное воспитаніе юношества есть и останется всегда одной изъ капитальныхъ задачъ школы, и особенно таковой она остается у насъ, какъ отвѣтъ на запросъ вообще очень религіозно настроеннаго населенія. Ветхозавѣтная и новозавѣтная часть этого курса отнесена къ самому дѣтскому возрасту учениковъ, къ первому и второму классамъ гимназіи. Два коротенькіе учебничка, Рудакова или Соколова, разучиваются: одинъ въ первомъ классѣ—это Священная исторія Ветхаго Завѣта и одинъ во второмъ классѣ—это Священная исторія Новаго Завѣта. Повидимому, такое распредѣленіе вытекло не изъ самаго матеріала преподаванія, а скорѣе изъ времени преподаванія. Одинъ годъ, еще одинъ годъ; и въ два года повѣствовательная часть предмета кончена. Начиная съ третьяго класса, вплоть до восьмого, т.-е. шесть лѣтъ, и притомъ самыхъ важныхъ для духовнаго склада ученика лѣтъ, удѣляется догматическому мышленію и литургическимъ подробностямъ, включая въ составъ перваго и исторію христіанской церкви. При первомъ же взглядѣ нельзя не быть пораженнымъ, что только одинъ второй классъ гимназіи посвященъ Священной исторіи Новаго Завѣта, и это есть часть, конечно безслѣдно тонущая среди другихъ частей курса, и болѣе солидно поставленныхъ, и проходимыхъ въ болѣе солидные годы ученика".

Далѣе г. Розановъ указываетъ на необходимость выдвинуть священную исторію Новаго Завѣта на передній фасадъ всей восьмилѣтней программы и проходить ее не по пересказамъ Рудакова или Соколова, но въ „подлинномъ словѣ Божіемъ", т.-е. по Евангелію. Все это безусловно справедливо, какъ и дальнѣйшія замѣчанія автора объ изученіи Ветхаго Завѣта и Катехизиса. Но какъ произвести этотъ коренной переворотъ безъ измѣненія всего строя нашей школы, зараженнаго мертвечиной формализма и фальшью? Г. Розановъ говоритъ о „реформируемой теперь школѣ". Если онъ имѣлъ въ виду невинныя мечтанія, царившія на этотъ счетъ въ подлежащихъ бюрократическихъ сферахъ за послѣдніе два-три года, то теперь эти слова звучатъ невольной ироніей. Реформа школы идетъ не сверху, а снизу, изъ нѣдръ самого общества, рождается въ мучительной борьбѣ за общую выработку началъ свободной и сознательной жизни, и неизвѣстно, какъ выразится эта реформа; пока же она совершается— нѣтъ ничего удивительнаго, что на всѣхъ оффиціальныхъ потугахъ улучшить школьное дѣло сказывается блѣдная немочь бюрократиче-

скаго безсилія и недомыслія, и это не можетъ быть иначе, пока вѣдомство народнаго просвѣщенія является вѣтвью уже отжившаго дерева и пока управленіе имъ будетъ находиться въ рукахъ безжизненныхъ и чуждыхъ интересамъ просвѣщенія людей. То, что̀ говоритъ г. Розановъ примѣнительно къ Закону Божію, можетъ быть отнесено почти къ каждому предмету „реформируемой теперь школы“: „Та же сухая программа и здѣсь, какъ на урокахъ алгебры или нѣмецкаго языка; та же отвѣтственность преподавателя и ученика къ экзамену; тотъ же наскоро составленный и сжатый до послѣдней степени учебникъ; то же унылое „отъ сихъ до сихъ“ на завтра; и имена праотцевъ, патріарховъ, пророковъ, святыхъ, запоминаемыя съ такимъ же чувствомъ, какъ рѣки Австраліи или плоскогорія Азіи. Между тѣмъ кто же станетъ спорить, что задачи преподаванія здѣсь совершенно другія, что Евангеліе или Ветхій Завѣтъ и, наконецъ, исторія христіанства—не „сухой матеріалъ“, практически необходимый для путешественника, торговца и для читателя газетъ? „Практично необходимое“ въ Законѣ Божіемъ именно—воздѣйствіе на душу ученика; воздѣйствіе на его воображеніе живыхъ фигуръ мучениковъ, апостоловъ, пророковъ; картина событій исторіи, самой потрясающей; и, наконецъ, размышленіе надъ нравственными законами, надъ заповѣданіями совѣсти человѣческой, какіе оставилъ міру и человѣку Христосъ. Гдѣ это все? Въ пожеланіи—это у каждаго; въ осуществленіи—ни у кого“.

Г. Розановъ приводитъ два письма къ нему законоучителей, написанныхъ по поводу его статьи о постановкѣ Закона Божія въ нашей школѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, въ числѣ причинъ неудовлетворительной постановки оказался, по мнѣнію законоучителей, не общій строй всего преподаванія, а недостаточное число часовъ въ недѣлю („жалованья мало“—по подстрочному переводу г. Розанова), назначенныхъ на преподаваніе „христіанства“, сравнительно съ тѣмъ, сколько отведено для изученія языческихъ классиковъ. Г. Розановъ замѣчаетъ, что сущность дѣла заключается не въ количественномъ, а въ качественномъ преподаваніи, и что вся бѣда въ томъ, „что оно даетъ его въ какомъ-то исковерканномъ видѣ или въ страшно ослабленномъ“.

Около Закона Божія, *около* христіанства, *около* монастырскихъ и церковныхъ стѣнъ, *около* чего-то нужнаго и важнаго для жизни, съ яркими вспышками приближенія къ нему,—таковъ общій характеръ этой книги г. Розанова, и, право, не такъ уже самъ далеко отошелъ онъ, въ качествѣ изслѣдователя духовныхъ основъ жизни, отъ тѣхъ представителей современной критики, которымъ онъ посвящаетъ нѣсколько неутѣшительныхъ строкъ. „Критика наша, — говоритъ онъ, — болѣе любитъ бродить „около“, говорить „по поводу“ и вообще излагать

V.

— Валерій Брюсовъ. Stefanos. Вѣнокъ. Стихи. 1903 — 1905. Москва, 1906. Книгоиздательство „Скорпіонъ“.

Съ особымъ удовольствіемъ мы обращаемся къ разбору этой книги, такъ не похожей на прежнюю книгу автора—„Urbi et orbi“, вымученную, крикливую и претенціозную. Два года назадъ, когда, въ страшное время реакціи и мертваго застоя, въ русской литературѣ назойливо раздавались по преимуществу голоса эстетовъ различнаго толка, намъ просто не хотѣлось останавливаться на болѣе подробномъ разборѣ художественныхъ достоинствъ прежняго сборника стиховъ г. Брюсова, и мы ограничились лишь немногими замѣчаніями въ этомъ отношеніи. Достоинства эти были несомнѣнны, но терялись въ хаосѣ реторическаго словоизліянія, неестественной демоничности и всякаго ненужнаго грома и треска. Если трудно иногда человѣку любой профессіи опредѣлить свое призваніе, тѣмъ труднѣе познать самого себя поэту, и настоящая книжка — яркое тому доказательство. И въ ней г. Брюсовъ не совсѣмъ еще освободился отъ нѣкоего холоднаго и враждебнаго его истинному творчеству духа, который сажаетъ поэта на чуждыхъ ему пегасовъ и увлекаетъ въ міръ искусственныхъ настроеній и не родныхъ его душѣ образовъ. Ему невнятно въ себѣ, то, что̀ онъ ясно видитъ въ другихъ. Лишь постепеннымъ и, какъ намъ кажется, упорнымъ трудомъ доходящій до своего поэтическаго самопознанія, г. Брюсовъ — тонкій и вдумчивый цѣнитель искусства и поэзіи, что видно, между прочимъ, изъ его журнальныхъ критическихъ статей, вообще заслуживающихъ бо̀льшаго вниманія, чѣмъ то̀, какое имъ оказывалось до сихъ поръ. Конечно, особенно любопытными являются его сужденія о недавнихъ собратьяхъ по тому теченію новѣйшей литературы, которое, еще годъ тому назадъ, издали представлялось чѣмъ-то болѣе или менѣе однороднымъ, а теперь тоненькими струйками разбѣжалось въ разныя стороны, то разсыпаясь мыльными пузырями мистико-религіозныхъ „откровеній“, то впадая въ бурные ручьи злободневной жизни, съ ея борьбой, копотью фабричныхъ трубъ, запахомъ пота и крови, скрежетомъ, шумомъ и стономъ совершающейся на нашихъ глазахъ политической борьбы... И вотъ что̀, между прочимъ, говоритъ г. Брюсовъ объ авторѣ „Будемъ какъ солнце“: въ новыхъ произведеніяхъ г. Бальмонта—„нѣтъ и [...]аго тона вымученныхъ стихійныхъ гимновъ, нѣтъ безсиль[...]ныхъ переложеній въ стихи ведійскихъ, теософскихъ и [...]ей... Въ своей новой книгѣ, отрекшись отъ претензій

себя, нежели собственно проводить въ систему, подчеркивать, обрабатывать и освѣщать содержаніе разбираемаго писателя. Критика болѣе занимается собою, нежели литературою, и, кажется, болѣе тщеславна, нежели проницательна". Послѣднее, конечно, не вполнѣ подходитъ къ г. Розанову, а иногда не подходитъ и вовсе, когда онъ говоритъ, не мудря, о жизни человѣческой съ удивительной по временамъ простотой, оригинально-талантливо, не думая объ этомъ, глубоко проницательно—не о томъ, чего не вѣдаетъ никто, но что видятъ и знаютъ всѣ, только съ поверхностной обыденно мѣщанской стороны. Но, бродя „вокругъ" да „около" въ этой книгѣ, г. Розановъ говоритъ всяческое: то нѣсколько долго останавливаетъ читателя на нѣкоторыхъ подробностяхъ своей біографіи, то приглашаетъ его къ благоговѣйному созерцанію „скептическаго ума" г. Побѣдоносцева, то заводитъ въ дебри вопросовъ о бѣломъ и черномъ духовенствѣ, то нѣкій казанскій торговецъ даетъ ему поводъ высказаться и о „таинствахъ" вообще, и объ отрицаніи ихъ у Толстого, то, наконецъ, останавливается на Достоевскомъ и рисуетъ творческій обликъ его кратко, образно, ярко. Достоевскій у г. Розанова — „весь въ движеніи сейчасъ бѣгущихъ идей. Ничто въ немъ не постарѣло; ничто не умерло. Онъ такъ же раздражаетъ однихъ; умиляетъ другихъ. Всѣ прощаютъ великіе недостатки собственно *живописи* у него; точнѣе—гармоніи въ живописи, которая лишь въ отдѣльныхъ вершинахъ несетъ на себѣ краски точно какого-то иного міра, а на сплошномъ полотнѣ своемъ являетъ рытвины, пустыни, обвалы и пустыри. Всѣ это забываютъ: ибо слишкомъ ясно, что центръ личности его—не въ эстетикѣ, а въ мышленіи, однако въ мышленіи при помощи картинъ и образовъ, то зовущихъ и соблазняющихъ, то мучащихъ и наконецъ отталкивающихъ. Ему надъ могилою не приходится сказать: „прощай, да будетъ тебѣ земля легка!" но—„живи! броди между живыми и буди ихъ отъ преходящихъ сновъ къ сновидѣніямъ вѣчнымъ". И оттого г. Розановъ такъ понялъ Достоевскаго, что и въ немъ самомъ, страшно индивидуальномъ, со всѣми блестками, мазками, со всей утонченностью и неотдѣланностью своей впечатлительной мысли, есть тотъ бродильный сокъ, который, если и не потрясетъ самые „устои психологическаго и метафизическаго существованія Европы", то не въ одномъ обыденномъ человѣческомъ сердцѣ вызоветъ протестъ противъ мѣщанскихъ формъ быта и разбудитъ критическую мысль на исканіе болѣе возвышенныхъ цѣлей жизни, чѣмъ тѣ, которымъ это сердце служило прежде. И въ этомъ по преимуществу—индивидуальное значеніе г. Розанова, какъ писателя.

V.

— **Валерій Брюсовъ. Stefanos. Вѣнокъ. Стихи. 1903 — 1905. Москва, 1906. Книгоиздательство „Скорпіонъ".**

Съ особымъ удовольствіемъ мы обращаемся къ разбору этой книги, такъ не похожей на прежнюю книгу автора—„Urbi et orbi", вымученную, крикливую и претенціозную. Два года назадъ, когда, въ страшное время реакціи и мертваго застоя, въ русской литературѣ назойливо раздавались по преимуществу голоса эстетовъ различнаго толка, намъ просто не хотѣлось останавливаться на болѣе подробномъ разборѣ художественныхъ достоинствъ прежняго сборника стиховъ г. Брюсова, и мы ограничились лишь немногими замѣчаніями въ этомъ отношеніи. Достоинства эти были несомнѣнны, но терялись въ хаосѣ реторическаго словоизліянія, неестественной демоничности и всякаго ненужнаго грома и треска. Если трудно иногда человѣку любой профессіи опредѣлить свое призваніе, тѣмъ труднѣе познать самого себя поэту, и настоящая книжка—яркое тому доказательство. И въ ней г. Брюсовъ не совсѣмъ еще освободился отъ нѣкоего холоднаго и враждебнаго его истинному творчеству духа, который сажаетъ поэта на чуждыхъ ему пегасовъ и увлекаетъ въ міръ искусственныхъ настроеній и не родныхъ его душѣ образовъ. Ему невнятно въ себѣ, то, что̀ онъ ясно видитъ въ другихъ. Лишь постепеннымъ и, какъ намъ кажется, упорнымъ трудомъ доходящій до своего поэтическаго самопознанія, г. Брюсовъ — тонкій и вдумчивый цѣнитель искусства и поэзіи, что видно, между прочимъ, изъ его журнальныхъ критическихъ статей, вообще заслуживающихъ бо̀льшаго вниманія, чѣмъ то, какое имъ оказывалось до сихъ поръ. Конечно, особенно любопытными являются его сужденія о недавнихъ собратьяхъ по тому теченію новѣйшей литературы, которое, еще годъ тому назадъ, издали представлялось чѣмъ-то болѣе или менѣе однороднымъ, а теперь тоненькими струйками разбѣжалось въ разныя стороны, то разсыпаясь мыльными пузырями мистико-религіозныхъ „откровеній", то впадая въ бурные ручьи злободневной жизни, съ ея борьбой, копотью фабричныхъ трубъ, запахомъ пота и крови, скрежетомъ, шумомъ и стономъ совершающейся на нашихъ глазахъ политической борьбы... И вотъ что̀, между прочимъ, говоритъ г. Брюсовъ объ авторѣ „Будемъ какъ солнце": въ новыхъ произведеніяхъ г. Бальмонта—„нѣтъ напряженнаго тона вымученныхъ стихійныхъ гимновъ, нѣтъ безсильныхъ, ненужныхъ переложеній въ стихи ведійскихъ, теософскихъ и иныхъ заповѣдей... Въ своей новой книгѣ, отрекшись отъ претензій,

себя, нежели собственно проводить въ систему, подчеркивать, обрабатывать и освѣщать содержаніе разбираемаго писателя. Критика болѣе занимается собою, нежели литературою, и, кажется, болѣе тщеславна, нежели проницательна". Послѣднее, конечно, не вполнѣ подходитъ къ г. Розанову, а иногда не подходитъ и вовсе, когда онъ говоритъ, не мудря, о жизни человѣческой съ удивительной по временамъ простотой, оригинально-талантливо, не думая объ этомъ, глубоко проницательно—не о томъ, чего не вѣдаетъ никто, но что видятъ и знаютъ всѣ, только съ поверхностной обыденно мѣщанской стороны. Но, бродя „вокругъ" да „около" въ этой книгѣ, г. Розановъ говоритъ всяческое: то нѣсколько долго останавливаетъ читателя на нѣкоторыхъ подробностяхъ своей біографіи, то приглашаетъ его къ благоговѣйному созерцанію „скептическаго ума" г. Побѣдоносцева, то заводитъ въ дебри вопросовъ о бѣломъ и черномъ духовенствѣ, то нѣкій казанскій торговецъ даетъ ему поводъ высказаться и о „таинствахъ" вообще, и объ отрицаніи ихъ у Толстого, то, наконецъ, останавливается на Достоевскомъ и рисуетъ творческій обликъ его кратко, образно, ярко. Достоевскій у г. Розанова — „весь въ движеніи сейчасъ бѣгущихъ идей. Ничто въ немъ не постарѣло; ничто не умерло. Онъ такъ же раздражаетъ однихъ; умиляетъ другихъ. Всѣ прощаютъ великіе недостатки собственно *живописи* у него; точнѣе—гармоніи въ живописи, которая лишь въ отдѣльныхъ вершинахъ несетъ на себѣ краски точно какого-то иного міра, а на сплошномъ полотнѣ своемъ являетъ рытвины, пустыни, обвалы и пустыри. Всѣ это забываютъ: ибо слишкомъ ясно, что центръ личности его—не въ эстетикѣ, а въ мышленіи, однако въ мышленіи при помощи картинъ и образовъ, то зовущихъ и соблазняющихъ, то мучащихъ и наконецъ отталкивающихъ. Ему надъ могилою не приходится сказать: „прощай, да будетъ тебѣ земля легка!" но—„живи! броди между живыми и буди ихъ отъ преходящихъ сновъ къ сновидѣніямъ вѣчнымъ". И оттого г. Розановъ такъ понялъ Достоевскаго, что и въ немъ самомъ, страшно индивидуальномъ, со всѣми блестками, мазками, со всей утонченностью и неотдѣланностью своей впечатлительной мысли, есть тотъ бродильный сокъ, который, если и не потрясетъ самые „устои психологическаго и метафизическаго существованія Европы", то не въ одномъ обыденномъ человѣческомъ сердцѣ вызоветъ протестъ противъ мѣщанскихъ формъ быта и разбудитъ критическую мысль на исканіе болѣе возвышенныхъ цѣлей жизни, чѣмъ тѣ, которымъ это сердце служило прежде. И въ этомъ по преимуществу—индивидуальное значеніе г. Розанова, какъ писателя.

V.

— **Валерій Брюсовъ. Stefanos. Вѣнокъ. Стихи. 1903 — 1905. Москва, 1906. Книгоиздательство „Скорпіонъ“.**

Съ особымъ удовольствіемъ мы обращаемся къ разбору этой книги, такъ не похожей на прежнюю книгу автора—„Urbi et orbi“, вымученную, крикливую и претенціозную. Два года назадъ, когда, въ страшное время реакціи и мертваго застоя, въ русской литературѣ назойливо раздавались по преимуществу голоса эстетовъ различнаго толка, намъ просто не хотѣлось останавливаться на болѣе подробномъ разборѣ художественныхъ достоинствъ прежняго сборника стиховъ г. Брюсова, и мы ограничились лишь немногими замѣчаніями въ этомъ отношеніи. Достоинства эти были несомнѣнны, но терялись въ хаосѣ реторическаго словоизліянія, неестественной демоничности и всякаго ненужнаго грома и треска. Если трудно иногда человѣку любой профессіи опредѣлить свое призваніе, тѣмъ труднѣе познать самого себя поэту, и настоящая книжка — яркое тому доказательство. И въ ней г. Брюсовъ не совсѣмъ еще освободился отъ нѣкоего холоднаго и враждебнаго его истинному творчеству духа, который сажаетъ поэта на чуждыхъ ему пегасовъ и увлекаетъ въ міръ искусственныхъ настроеній и не родныхъ его душѣ образовъ. Ему невнятно въ себѣ, то, что онъ ясно видитъ въ другихъ. Лишь постепеннымъ и, какъ намъ кажется, упорнымъ трудомъ доходящій до своего поэтическаго самопознанія, г. Брюсовъ — тонкій и вдумчивый цѣнитель искусства и поэзіи, что видно, между прочимъ, изъ его журнальныхъ критическихъ статей, вообще заслуживающихъ бо́льшаго вниманія, чѣмъ то, какое имъ оказывалось до сихъ поръ. Конечно, особенно любопытными являются его сужденія о недавнихъ собратьяхъ по тому теченію новѣйшей литературы, которое, еще годъ тому назадъ, издали представлялось чѣмъ-то болѣе или менѣе однороднымъ, а теперь тоненькими струйками разбѣжалось въ разныя стороны, то разсыпаясь мыльными пузырями мистико-религіозныхъ „откровеній“, то впадая въ бурные ручьи злободневной жизни, съ ея борьбой, копотью фабричныхъ трубъ, запахомъ пота и крови, скрежетомъ, шумомъ и стономъ совершающейся на нашихъ глазахъ политической борьбы... И вотъ что, между прочимъ, говоритъ г. Брюсовъ объ авторѣ „Будемъ какъ солнце“: въ новыхъ произведеніяхъ г. Бальмонта—„нѣтъ напряженнаго тона вымученныхъ стихійныхъ гимновъ, нѣтъ безсильныхъ, ненужныхъ переложеній въ стихи ведійскихъ, теософскихъ и иныхъ заповѣдей... Въ своей новой книгѣ, отрекшись отъ претензій,

себя, нежели собственно проводить въ систему, подчеркивать, обрабатывать и освѣщать содержаніе разбираемаго писателя. Критика болѣе занимается собою, нежели литературою, и, кажется, болѣе тщеславна, нежели проницательна". Послѣднее, конечно, не вполнѣ подходитъ къ г. Розанову, а иногда не подходитъ и вовсе, когда онъ говоритъ, не мудря, о жизни человѣческой съ удивительной по временамъ простотой, оригинально-талантливо, не думая объ этомъ, глубоко проницательно—не о томъ, чего не вѣдаетъ никто, но что видятъ и знаютъ всѣ, только съ поверхностной обыденно мѣщанской стороны. Но, бродя „вокругъ" да „около" въ этой книгѣ, г. Розановъ говоритъ всяческое: то нѣсколько долго останавливаетъ читателя на нѣкоторыхъ подробностяхъ своей біографіи, то приглашаетъ его къ благоговѣйному созерцанію „скептическаго ума" г. Побѣдоносцева, то заводитъ въ дебри вопросовъ о бѣломъ и черномъ духовенствѣ, то нѣкій казанскій торговецъ даетъ ему поводъ высказаться и о „таинствахъ" вообще, и объ отрицаніи ихъ у Толстого, то, наконецъ, останавливается на Достоевскомъ и рисуетъ творческій обликъ его кратко, образно, ярко. Достоевскій у г. Розанова — „весь въ движеніи сейчасъ бѣгущихъ идей. Ничто въ немъ не постарѣло; ничто не умерло. Онъ такъ же раздражаетъ однихъ; умиляетъ другихъ. Всѣ прощаютъ великіе недостатки собственно *живописи* у него; точнѣе—гармоніи въ живописи, которая лишь въ отдѣльныхъ вершинахъ несетъ на себѣ краски точно какого-то иного міра, а на сплошномъ полотнѣ своемъ являетъ рытвины, пустыни, обвалы и пустыри. Всѣ это забываютъ: ибо слишкомъ ясно, что центръ личности его—не въ эстетикѣ, а въ мышленіи, однако въ мышленіи при помощи картинъ и образовъ, то зовущихъ и соблазняющихъ, то мучащихъ и наконецъ отталкивающихъ. Ему надъ могилою не приходится сказать: „прощай, да будетъ тебѣ земля легка!" но—„живи! броди между живыми и буди ихъ отъ преходящихъ сновъ къ сновидѣніямъ вѣчнымъ". И оттого г. Розановъ такъ понялъ Достоевскаго, что и въ немъ самомъ, страшно индивидуальномъ, со всѣми блестками, мазками, со всей утонченностью и неотдѣланностью своей впечатлительной мысли, есть тотъ бродильный сокъ, который, если и не потрясетъ самые „устои психологическаго и метафизическаго существованія Европы", то не въ одномъ обыденномъ человѣческомъ сердцѣ вызоветъ протестъ противъ мѣщанскихъ формъ быта и разбудитъ критическую мысль на исканіе болѣе возвышенныхъ цѣлей жизни, чѣмъ тѣ, которымъ это сердце служило прежде. И въ этомъ по преимуществу—индивидуальное значеніе г. Розанова, какъ писателя.

V.

— **Валерій Брюсовъ. Stefanos. Вѣнокъ. Стихи. 1903 — 1905. Москва, 1906. Книгоиздательство „Скорпіонъ“.**

Съ особымъ удовольствіемъ мы обращаемся къ разбору этой книги, такъ не похожей на прежнюю книгу автора—„Urbi et orbi“, вымученную, крикливую и претенціозную. Два года назадъ, когда, въ страшное время реакціи и мертваго застоя, въ русской литературѣ назойливо раздавались по преимуществу голоса эстетовъ различнаго толка, намъ просто не хотѣлось останавливаться на болѣе подробномъ разборѣ художественныхъ достоинствъ прежняго сборника стиховъ г. Брюсова, и мы ограничились лишь немногими замѣчаніями въ этомъ отношеніи. Достоинства эти были несомнѣнны, но терялись въ хаосѣ реторическаго словоизліянія, неестественной демоничности и всякаго ненужнаго грома и треска. Если трудно иногда человѣку любой профессіи опредѣлить свое призваніе, тѣмъ труднѣе познать самого себя поэту, и настоящая книжка — яркое тому доказательство. И въ ней г. Брюсовъ не совсѣмъ еще освободился отъ нѣкоего холоднаго и враждебнаго его истинному творчеству духа, который сажаетъ поэта на чуждыхъ ему пегасовъ и увлекаетъ въ міръ искусственныхъ настроеній и не родныхъ его душѣ образовъ. Ему невнятно въ себѣ, то, что онъ ясно видитъ въ другихъ. Лишь постепеннымъ и, какъ намъ кажется, упорнымъ трудомъ доходящій до своего поэтическаго самопознанія, г. Брюсовъ — тонкій и вдумчивый цѣнитель искусства и поэзіи, что видно, между прочимъ, изъ его журнальныхъ критическихъ статей, вообще заслуживающихъ большаго вниманія, чѣмъ то, какое имъ оказывалось до сихъ поръ. Конечно, особенно любопытными являются его сужденія о недавнихъ собратьяхъ по тому теченію новѣйшей литературы, которое, еще годъ тому назадъ, издали представлялось чѣмъ-то болѣе или менѣе однороднымъ, а теперь тоненькими струйками разбѣжалось въ разныя стороны, то разсыпаясь мыльными пузырями мистико-религіозныхъ „откровеній“, то впадая въ бурные ручьи злободневной жизни, съ ея борьбой, копотью фабричныхъ трубъ, запахомъ пота и крови, скрежетомъ, шумомъ и стономъ совершающейся на нашихъ глазахъ политической борьбы... И вотъ что, между прочимъ, говоритъ г. Брюсовъ объ авторѣ „Будемъ какъ солнце“: въ новыхъ произведеніяхъ г. Бальмонта—„нѣтъ напряженнаго тона вымученныхъ стихійныхъ гимновъ, нѣтъ безсильныхъ, ненужныхъ переложеній въ стихи ведійскихъ, теософскихъ и иныхъ заповѣдей... Въ своей новой книгѣ, отрекшись отъ претензій,

себя, нежели собственно проводить въ систему, подчеркивать, обрабатывать и освѣщать содержаніе разбираемаго писателя. Критика болѣе занимается собою, нежели литературою, и, кажется, болѣе тщеславна, нежели проницательна". Послѣднее, конечно, не вполнѣ подходитъ къ г. Розанову, а иногда не подходитъ и вовсе, когда онъ говоритъ, не мудря, о жизни человѣческой съ удивительной по временамъ простотой, оригинально-талантливо, не думая объ этомъ, глубоко проницательно—не о томъ, чего не вѣдаетъ никто, но что̀ видятъ и знаютъ всѣ, только съ поверхностной обыденно мѣщанской стороны. Но, бродя „вокругъ" да „около" въ этой книгѣ, г. Розановъ говоритъ всяческое: то нѣсколько долго останавливаетъ читателя на нѣкоторыхъ подробностяхъ своей біографіи, то приглашаетъ его къ благоговѣйному созерцанію „скептическаго ума" г. Побѣдоносцева, то заводитъ въ дебри вопросовъ о бѣломъ и черномъ духовенствѣ, то нѣкій казанскій торговецъ даетъ ему поводъ высказаться и о „таинствахъ" вообще, и объ отрицаніи ихъ у Толстого, то, наконецъ, останавливается на Достоевскомъ и рисуетъ творческій обликъ его кратко, образно, ярко. Достоевскій у г. Розанова — „весь въ движеніи сейчасъ бѣгущихъ идей. Ничто въ немъ не постарѣло; ничто не умерло. Онъ такъ же раздражаетъ однихъ; умиляетъ другихъ. Всѣ прощаютъ великіе недостатки собственно *живописи* у него; точнѣе—гармоніи въ живописи, которая лишь въ отдѣльныхъ вершинахъ несетъ на себѣ краски точно какого-то иного міра, а на сплошномъ полотнѣ своемъ являетъ рытвины, пустыни, обвалы и пустыри. Всѣ это забываютъ: ибо слишкомъ ясно, что центръ личности его—не въ эстетикѣ, а въ мышленіи, однако въ мышленіи при помощи картинъ и образовъ, то зовущихъ и соблазняющихъ, то мучащихъ и наконецъ отталкивающихъ. Ему надъ могилою не приходится сказать: „прощай, да будетъ тебѣ земля легка!" но—„живи! броди между живыми и буди ихъ отъ преходящихъ сновъ къ сновидѣніямъ вѣчнымъ". И оттого г. Розановъ такъ понялъ Достоевскаго, что и въ немъ самомъ, страшно индивидуальномъ, со всѣми блестками, мазками, со всей утонченностью и неотдѣланностью своей впечатлительной мысли, есть тотъ бродильный сокъ, который, если и не потрясетъ самые „устои психологическаго и метафизическаго существованія Европы", то не въ одномъ обыденномъ человѣческомъ сердцѣ вызоветъ протестъ противъ мѣщанскихъ формъ быта и разбудитъ критическую мысль на исканіе болѣе возвышенныхъ цѣлей жизни, чѣмъ тѣ, которымъ это сердце служило прежде. И въ этомъ по преимуществу—индивидуальное значеніе г. Розанова, какъ писателя.

V.

— Валерій Брюсовъ. Stefanos. Вѣнокъ. Стихи. 1903 — 1905. Москва, 1906. Книгоиздательство „Скорпіонъ“.

Съ особымъ удовольствіемъ мы обращаемся къ разбору этой книги, такъ не похожей на прежнюю книгу автора—„Urbi et orbi“, вымученную, крикливую и претенціозную. Два года назадъ, когда, въ страшное время реакціи и мертваго застоя, въ русской литературѣ назойливо раздавались по преимуществу голоса эстетовъ различнаго толка, намъ просто не хотѣлось останавливаться на болѣе подробномъ разборѣ художественныхъ достоинствъ прежняго сборника стиховъ г. Брюсова, и мы ограничились лишь немногими замѣчаніями въ этомъ отношеніи. Достоинства эти были несомнѣнны, но терялись въ хаосѣ реторическаго словоизліянія, неестественной демоничности и всякаго ненужнаго грома и треска. Если трудно иногда человѣку любой профессіи опредѣлить свое призваніе, тѣмъ труднѣе познать самого себя поэту, и настоящая книжка — яркое тому доказательство. И въ ней г. Брюсовъ не совсѣмъ еще освободился отъ нѣкоего холоднаго и враждебнаго его истинному творчеству духа, который сажаетъ поэта на чуждыхъ ему пегасовъ и увлекаетъ въ міръ искусственныхъ настроеній и не родныхъ его душѣ образовъ. Ему невнятно въ себѣ, то, что̀ онъ ясно видитъ въ другихъ. Лишь постепеннымъ и, какъ намъ кажется, упорнымъ трудомъ доходящій до своего поэтическаго самопознанія, г. Брюсовъ — тонкій и вдумчивый цѣнитель искусства и поэзіи, что видно, между прочимъ, изъ его журнальныхъ критическихъ статей, вообще заслуживающихъ бо̀льшаго вниманія, чѣмъ то, какое имъ оказывалось до сихъ поръ. Конечно, особенно любопытными являются его сужденія о недавнихъ собратьяхъ по тому теченію новѣйшей литературы, которое, еще годъ тому назадъ, издали представлялось чѣмъ-то болѣе или менѣе однороднымъ, а теперь тоненькими струйками разбѣжалось въ разныя стороны, то разсыпаясь мыльными пузырями мистико-религіозныхъ „откровеній“, то впадая въ бурные ручьи злободневной жизни, съ ея борьбой, копотью фабричныхъ трубъ, запахомъ пота и крови, скрежетомъ, шумомъ и стономъ совершающейся на нашихъ глазахъ политической борьбы... И вотъ что̀, между прочимъ, говоритъ г. Брюсовъ объ авторѣ „Будемъ какъ солнце“: въ новыхъ произведеніяхъ г. Бальмонта—„нѣтъ напряженнаго тона вымученныхъ стихійныхъ гимновъ, нѣтъ безсильныхъ, ненужныхъ переложеній въ стихи ведійскихъ, теософскихъ и иныхъ заповѣдей... Въ своей новой книгѣ, отрекшись отъ претензій,

себя, нежели собственно проводить въ систему, подчеркивать, обрабатывать и освѣщать содержаніе разбираемаго писателя. Критика болѣе занимается собою, нежели литературою, и, кажется, болѣе тщеславна, нежели проницательна". Послѣднее, конечно, не вполнѣ подходитъ къ г. Розанову, а иногда не подходитъ и вовсе, когда онъ говоритъ, не мудря, о жизни человѣческой съ удивительной по временамъ простотой, оригинально-талантливо, не думая объ этомъ, глубоко проницательно—не о томъ, чего не вѣдаетъ никто, но что̀ видятъ и знаютъ всѣ, только съ поверхностной обыденно мѣщанской стороны. Но, бродя „вокругъ" да „около" въ этой книгѣ, г. Розановъ говоритъ всяческое: то нѣсколько долго останавливаетъ читателя на нѣкоторыхъ подробностяхъ своей біографіи, то приглашаетъ его къ благоговѣйному созерцанію „скептическаго ума" г. Побѣдоносцева, то заводитъ въ дебри вопросовъ о бѣломъ и черномъ духовенствѣ, то нѣкій казанскій торговецъ даетъ ему поводъ высказаться и о „таинствахъ" вообще, и объ отрицаніи ихъ у Толстого, то, наконецъ, останавливается на Достоевскомъ и рисуетъ творческій обликъ его кратко, образно, ярко. Достоевскій у г. Розанова — „весь въ движеніи сейчасъ бѣгущихъ идей. Ничто въ немъ не постарѣло; ничто не умерло. Онъ такъ же раздражаетъ однихъ; умиляетъ другихъ. Всѣ прощаютъ великіе недостатки собственно *живописи* у него; точнѣе—гармоніи въ живописи, которая лишь въ отдѣльныхъ вершинахъ несетъ на себѣ краски точно какого-то иного міра, а на сплошномъ полотнѣ своемъ являетъ рытвины, пустыни, обвалы и пустыри. Всѣ это забываютъ: ибо слишкомъ ясно, что центръ личности его—не въ эстетикѣ, а въ мышленіи, однако въ мышленіи при помощи картинъ и о̀бразовъ, то зовущихъ и соблазняющихъ, то мучащихъ и наконецъ отталкивающихъ. Ему надъ могилою не приходится сказать: „прощай, да будетъ тебѣ земля легка!" но—„живи! броди между живыми и буди ихъ отъ преходящихъ сновъ къ сновидѣніямъ вѣчнымъ". И оттого г. Розановъ такъ понялъ Достоевскаго, что и въ немъ самомъ, страшно индивидуальномъ, со всѣми блестками, мазками, со всей утонченностью и неотдѣланностью своей впечатлительной мысли, есть тотъ бродильный сокъ, который, если и не потрясетъ самые „устои психологическаго и метафизическаго существованія Европы", то не въ одномъ обыденномъ человѣческомъ сердцѣ вызоветъ протестъ противъ мѣщанскихъ формъ быта и разбудитъ критическую мысль на исканіе болѣе возвышенныхъ цѣлей жизни, чѣмъ тѣ, которымъ это сердце служило прежде. И въ этомъ по преимуществу—индивидуальное значеніе г. Розанова, какъ писателя.

V.

— **Валерій Брюсовъ. Stefanos. Вѣнокъ. Стихи. 1903 — 1905. Москва, 1906. Книгоиздательство „Скорпіонъ“.**

Съ особымъ удовольствіемъ мы обращаемся къ разбору этой книги, такъ не похожей на прежнюю книгу автора—„Urbi et orbi“, вымученную, крикливую и претенціозную. Два года назадъ, когда, въ страшное время реакціи и мертваго застоя, въ русской литературѣ назойливо раздавались по преимуществу голоса эстетовъ различнаго толка, намъ просто не хотѣлось останавливаться на болѣе подробномъ разборѣ художественныхъ достоинствъ прежняго сборника стиховъ г. Брюсова, и мы ограничились лишь немногими замѣчаніями въ этомъ отношеніи. Достоинства эти были несомнѣнны, но терялись въ хаосѣ реторическаго словоизліянія, неестественной демоничности и всякаго ненужнаго грома и треска. Если трудно иногда человѣку любой профессіи опредѣлить свое призваніе, тѣмъ труднѣе познать самого себя поэту, и настоящая книжка—яркое тому доказательство. И въ ней г. Брюсовъ не совсѣмъ еще освободился отъ нѣкоего холоднаго и враждебнаго его истинному творчеству духа, который сажаетъ поэта на чуждыхъ ему пегасовъ и увлекаетъ въ міръ искусственныхъ настроеній и не родныхъ его душѣ образовъ. Ему невнятно въ себѣ, то, что̀ онъ ясно видитъ въ другихъ. Лишь постепеннымъ и, какъ намъ кажется, упорнымъ трудомъ доходящій до своего поэтическаго самопознанія, г. Брюсовъ — тонкій и вдумчивый цѣнитель искусства и поэзіи, что видно, между прочимъ, изъ его журнальныхъ критическихъ статей, вообще заслуживающихъ бо̀льшаго вниманія, чѣмъ то, какое имъ оказывалось до сихъ поръ. Конечно, особенно любопытными являются его сужденія о недавнихъ собратьяхъ по тому теченію новѣйшей литературы, которое, еще годъ тому назадъ, издали представлялось чѣмъ-то болѣе или менѣе однороднымъ, а теперь тоненькими струйками разбѣжалось въ разныя стороны, то разсыпаясь мыльными пузырями мистико-религіозныхъ „откровеній“, то впадая въ бурные ручьи злободневной жизни, съ ея борьбой, копотью фабричныхъ трубъ, запахомъ пота и крови, скрежетомъ, шумомъ и стономъ совершающейся на нашихъ глазахъ политической борьбы... И вотъ что̀, между прочимъ, говоритъ г. Брюсовъ объ авторѣ „Будемъ какъ солнце“: въ новыхъ произведеніяхъ г. Бальмонта—„нѣтъ напряженнаго тона вымученныхъ стихійныхъ гимновъ, нѣтъ безсильныхъ, ненужныхъ переложеній въ стихи ведійскихъ, теософскихъ и иныхъ заповѣдей... Въ своей новой книгѣ, отрекшись отъ претензій,

которыя его поэзія выполнить не въ силахъ, Бальмонтъ позволилъ себѣ снова быть самимъ собой—

вновь быть кроткимъ и нѣжнымъ,
Быть снова ребенкомъ, хотя бы въ другомъ...

Родникъ его творчества... бьетъ здѣсь струей ясной, хрустальной, напѣвной".

Мы нашли бы гораздо болѣе естественнымъ, если бы все это, mutatis mutandis, сказалъ г. Бальмонтъ о г. Брюсовѣ, такъ какъ у г. Брюсова, въ новой его книгѣ, если еще и встрѣчаются холодныя упоенія вымученнымъ, головнымъ оргіазмомъ, „безсильныя, ненужныя переложенія въ стихи" безстрастно придуманныхъ схемъ, то они тонутъ въ нѣжныхъ и кроткихъ созерцаніяхъ, въ застѣнчивыхъ и стыдливо-недоговоренныхъ настроеніяхъ. Новыя пѣсни его льются струей „холодной, ясной, хрустальной, напѣвной"... Именно напѣвной, съ прозрачнымъ паденіемъ ритма, съ легкими образами въ мягкихъ полутонахъ, съ законченной музыкой созвучій. Въ этихъ пѣсняхъ г. Брюсовъ болѣе всего непосредственно выражаетъ себя, и отсюда та особая душевная гармоничность, та согласованность напѣва и мысли, формы и содержанія, которыми проникнуты эти тихія, созерцательныя мелодіи.

Ливень весенній
Смолкъ. Безъ движеній
Первыя тѣни
Въ тихой дали.
Часъ примиреній
Съ миромъ земли!

Музыка предвечерняго мира слышится въ этихъ стихахъ. Вы чувствуете, что здѣсь нельзя перемѣнить ни одного слова, ни одного звука. Но чуть только поэтъ измѣняетъ себѣ, чуть онъ отклоняется отъ „великаго разума" своего вдохновенія къ „малому разуму" своихъ теорій, какъ онъ вступаетъ въ сферу ледяныхъ восторговъ, и правда жизни и поэзія этой правды тотчасъ же оставляютъ его:

Взоры уклоняя,
Шепчешь ты проклятья
Общему пути,—
Зная! зная! зная!
Что тѣснѣй объятья
Мы должны сплести!

Какъ это мертво, какъ это безсильно!.. Сколько бы восклицательныхъ знаковъ ни ставилъ г. Брюсовъ послѣ своихъ кабинетныхъ порывовъ, читатель остается къ нимъ равнодушенъ. Подобное же впечатлѣніе вызываютъ стихотворенія: „Адамъ и Ева", „Въ застѣнкѣ",

„Жрицы луны“, „Орфей и Евридика“ и т. п. Отъ нихъ хочется скорѣе уйти, забыть ихъ и отдохнуть на „Вечеровыхъ пѣсняхъ“.

Ранняя осень любви умирающей!
Тайно люблю золотые цвѣта
Осени ранней, любви умирающей!
Вѣтви прозрачны, аллея пуста,
Въ сини блѣднѣющей, вѣющей, тающей
Странная тишь, красота, чистота...

Здравствуйте, дни, голубые, осенніе,
Золото липъ и осинъ багрянецъ!
Здравствуйте, дни предъ разлукой, осенніе,
Блѣдный—надъ яркими днями—вѣнецъ!
Дни недосказанныхъ словъ и мгновенія
Въ кроткой покорности слитыхъ сердецъ!

Затаенность, робкая стыдливость чувства, нѣжные переливы свѣтотѣни, легкій сумракъ, западающій въ душу читателя вмѣстѣ съ этими печальными, пѣвучими строфами — все это легко, и мило, и грустно, и вмѣстѣ съ тѣмъ просто, какъ это бываетъ въ истинной поэзіи. Душа поэта слилась съ природой въ одномъ печальномъ и свѣтлобезнадежномъ умираніи и нашла для своего выраженія простыя и трогательныя слова.

Страсти сны намъ только снятся, но душа проснется вновь,
Вѣчнымъ свѣтомъ загорятся лишь влюбленность! лишь любовь!

Въ этихъ словахъ чувствуется безсознательное отреченіе самого поэта отъ своего недавняго прошлаго — отъ „блѣдныхъ ногъ“, отъ „сладострастныхъ козъ“, отъ „выпуклыхъ, вѣчно несытыхъ грудей“. Теперь его влечетъ все непосредственно простое, онъ невольно признается:

Какъ люблю я, какъ любилъ я эти милыя слова,—
Ихъ *напѣвъ не позабылъ я*, ихъ душа *во мнѣ жива*—

такъ жива, что даже въ моментъ своихъ безсильныхъ оргіастическихъ порывовъ у него противъ воли вырывается желаніе, которое, при другихъ условіяхъ, могло бы показаться немножко страннымъ: „Хотѣлъ бы я не быть Валерій Брюсовъ“...— стремленіе, конечно, несбыточное, но мы отъ души желаемъ, чтобы оно являлось у поэта каждый разъ, когда коварный демонъ начнетъ соблазнять его вулканами страсти, чужими горящими зданіями, экскурсами въ область библейскихъ мотивовъ на гривуазныя темы, къ которымъ такъ не идетъ строгая торжественность трезваго стиха. Муза его точно отдѣлилась отъ полотна Ботичелли—она менѣе всего вакханка, даже въ моменты раскаянія и раздумья. Она—величавая, пластичная, она привела поэта къ воплощеніямъ античнаго міра—спокойнымъ, яснымъ, часто прекраснымъ, какъ этотъ самый міръ въ воображеніи поэта.

Тѣсно во мглѣ мы сидимъ,
Люди, надъ ярусомъ ярусъ.
Зыблются вѣтромъ живымъ
Гдѣ-то и стяги, и парусъ!

Въ узкія окна закатъ
Краснаго золота бросилъ.
Выступилъ сумрачный рядъ
Тѣлъ, наклоненныхъ у веселъ.

Цѣпи жестоки. Навѣкъ
Къ мѣсту прикованы всѣ мы.
Гдѣ теперь радостный бѣгъ
Нами влекомой триремы?

(„Гребцы триремы".)

Отошелъ, какъ намъ кажется, г. Брюсовъ отъ прежнихъ декадентовъ и отвоевалъ у нихъ свое особое, никѣмъ не занятое мѣсто поэта спокойныхъ вдумчивыхъ созерцаній, вдохновеній, внушаемыхъ женственной любовью къ красотѣ, кропотливымъ изученіемъ художниковъ и поэтовъ. Онъ менѣе всего огонь, порывъ, трепетъ. Въ „Urbi et orbi" есть у него отдѣлъ „Исканія". Тамъ, по его собственному признанію, онъ старался *усвоить* русской литературѣ нѣкоторыя особенности „свободнаго стиха", „vers libre", выработаннаго во Франціи Э. Верхарномъ и Ф. Вьеле-Гриффиномъ и удачно примѣненнаго въ Германіи Р. Дэмелемъ и Р. Рильке. Поэтъ ищетъ *усваивая* и *примѣняя*—пріемъ весьма характерный для Брюсова. Пусть же онъ будетъ самъ собой и такимъ войдетъ въ немногочисленную семью истинныхъ поэтовъ, чутко отдающихся обаянію дивнаго и вѣщаго русскаго слова,— войдетъ простой, искренній, вдохновенно-размѣренный, умно-мечтательный, сдержанно-свободный.—Евг. Л.

VI.

— Библіографическій обзоръ земской статистической и оцѣночной литературы со времени учрежденія земствъ. 1864—1903 г. Составилъ В. Ф. Караваевъ. Спб., 1906. Стр. VII + 426. Ц. 2 р.

Земскія экономическія изслѣдованія заключаютъ незамѣнимый матеріалъ для познанія того, что совершается въ самыхъ глубинахъ народной хозяйственной жизни. Такое значеніе земскихъ изслѣдованій вытекаетъ изъ того, что эти изслѣдованія основаны на всестороннемъ изученіи тѣхъ элементарныхъ единицъ производительныхъ, мѣновыхъ и потребительныхъ функцій, сочетаніемъ коихъ и создается разнообразіе видимыхъ явленій хозяйственной жизни страны; единицы эти: земледѣльческая или промышленная семья или хозяйство, помѣщичья

экономія, фабрика и т. д. Всестороннее изслѣдованіе экономическаго быта народа на основаніи собираемаго земствами матеріала затрудняется, однако, тѣмъ, что для всякаго возникающаго вопроса приходится производить новую группировку этого матеріала (заключающагося въ подворныхъ и поселенныхъ карточкахъ), что представляется невозможнымъ и по недоступности рукописнаго матеріала, хранящагося въ земскихъ архивахъ, и по количеству того труда, который требуется для этихъ операцій. По этимъ причинамъ, изслѣдователямъ поневолѣ приходится довольствоваться тѣми сводками и группировками первоначальныхъ данныхъ подворныхъ переписей, которыя заключаются въ печатныхъ изданіяхъ такъ-называемой земской статистики. Эти же изданія представляютъ огромное разнообразіе. Разнообразны земскіе статистическіе сборники и въ отношеніи ихъ содержанія,—такъ какъ различныя земства производили изслѣдованіе крестьянскаго хозяйства по программамъ съ различнымъ числомъ вопросовъ и неодинаково полно использовали тщательный матеріалъ мѣстнаго изслѣдованія,—и по способамъ группировки табличнаго матеріала, и по пріемамъ текстовой обработки послѣдняго. По этимъ причинамъ всякому, пользующемуся земскимъ изданіемъ, предстоитъ потратить много времени на ознакомленіе съ ними только для того, чтобы отобрать тѣ томы, въ которыхъ заключаются интересующія его данныя.

Изъ сказаннаго читатель можетъ усмотрѣть, насколько важнымъ дѣломъ было бы составленіе подробнаго библіографическаго указателя земской статистической литературы, и названный въ заголовкѣ этой замѣтки трудъ В. Ф. Караваева представляетъ первый шагъ къ выполненію этого дѣла. Трудъ г. Караваева даетъ даже болѣе, чѣмъ библіографическій указатель къ земско-статистической литературѣ. Для каждой губерніи авторъ излагаетъ вкратцѣ исторію земскихъ статистическихъ изслѣдованій и указываетъ тѣ доклады земскихъ управъ и журналы собраній, предшествовавшихъ учрежденію спеціальныхъ статистическихъ бюро, въ которыхъ заключаются какія-либо данныя статистическаго характера. Выполненіе этой задачи потребовало, конечно, массы времени для пересмотра земскихъ докладовъ и журналовъ. За указанной исторической справкой въ главѣ, посвященной данной губерніи, слѣдуетъ перечень изданій такъ-называемой основной, текущей статистики и разныхъ другихъ изданій, съ указаніемъ времени даннаго изслѣдованія, лицъ, въ немъ участвовавшихъ, и съ краткимъ перечнемъ предметовъ, которыхъ оно касается. Этотъ перечень сдѣланъ главнымъ образомъ на основаніи оглавленій, имѣющихся въ соотвѣтствующихъ изданіяхъ, но частью и путемъ просмотра самыхъ изданій. Перечень изданій сопровождается ссылками на журнальныя статьи, посвященныя земской статистикѣ. Въ заголовкѣ книги пе-

ріодъ, обозрѣваемый авторомъ, ограниченъ 1903-мъ годомъ; но для московской, напримѣръ, губерніи указываются изданія, вышедшія въ 1905 г., между тѣмъ какъ для вятской и воронежской губерній новѣйшія земскія изслѣдованія не попали въ указатель. Объясняется это обстоятельство, вѣроятно, тѣмъ, что трудъ г. Караваева составляетъ оттискъ изъ „Трудовъ Вольно-Экономическаго Общества", и во время печатанія первыхъ его главъ новѣйшія изслѣдованія соотвѣтствующихъ земствъ не были еще изданы. Пока издана только первая часть труда г. Караваева, посвященная двѣнадцати губерніямъ, но и она уже обняла 800 томовъ земскихъ изданій. Въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ будетъ помѣщенъ статистическій перечень земскихъ изданій, что̀, конечно, значительно облегчитъ лицъ, обращающихся къ этому матеріалу.

Нельзя не поблагодарить В. Ф. Караваева за громадный трудъ, исполненный въ интересахъ русской науки; этотъ трудъ не останется, конечно, безъ вліянія на оживленіе дѣла разработки богатаго матеріала земской статистики. Тѣмъ не менѣе, мы должны повторить, что предпріятіе г. Караваева есть только первый шагъ на пути составленія библіографическаго указателя земской статистической литературы. Дѣло въ томъ, что если меня интересуютъ такія крупныя явленія, какъ крестьянское или владѣльческое хозяйство, кустарные промыслы и т. п., то для пользованія земской статистикой достаточно тѣхъ указаній, какія имѣются въ книгѣ г. Караваева. Если же я желаю собрать фактическія данныя относительно одного изъ частныхъ явленій крестьянскаго, владѣльческаго хозяйства, кустарныхъ промысловъ и т. п.—вродѣ, напримѣръ, вопроса объ условіяхъ крестьянскихъ займовъ, о зимней наемкѣ на лѣтнія работы, о примѣненіи кооперации въ крестьянскомъ хозяйствѣ или въ кустарномъ промыслѣ, то мнѣ придется перелистывать сотни книгъ по земской статистикѣ и, быть можетъ, только въ десятой ихъ части найти нужныя мнѣ свѣдѣнія. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что земская статистика нуждается въ предметномъ указателѣ, подобномъ тому, какой прилагается къ нѣкоторымъ научнымъ сочиненіямъ, и только послѣ осуществленія этой задачи можно будетъ сказать, что сдѣлано все возможное для облегченія пользованія драгоцѣннымъ матеріаломъ земской статистики. Осуществленіемъ этого дѣла, повидимому, задалось-было министерство финансовъ. По крайней мѣрѣ, оно издало нѣсколько выпусковъ (каждый выпускъ посвященъ отдѣльной губерніи) „Библіографическаго указателя земской оцѣночной литературы". Но это незаконченное предпріятіе выполняетъ только часть, и притомъ менѣе важную, того, что долженъ заключать предметный указатель; оно знакомитъ насъ съ рубриками таблицъ земско-статистической литературы, между тѣмъ

какъ главное затрудненіе при пользованіи земскими изданіями заключается въ неизвѣстности всего содержанія текста. Вопросъ о составленіи предметнаго указателя представляется, поэтому, совершенно открытымъ. Намъ кажется, что наиболѣе легкимъ способомъ разрѣшить этотъ вопросъ было бы составленіе указателя земскими статистическими бюро соотвѣтствующихъ губерній. Бюро хорошо знаютъ свои изданія, нерѣдко, вѣроятно, пользуются ими для цѣлей мѣстнаго земства и могли бы составлять предметные указатели въ свободные промежутки между другими работами. А ихъ отдѣльныя изданія могли бы быть затѣмъ сведены воедино. Во всякомъ случаѣ, было бы желательно, чтобы предметные указатели прилагались къ новымъ изданіямъ по земской статистикѣ. Возвращаясь къ прямому предмету нашей замѣтки, мы считаемъ нелишнимъ указать, что 50% выручки за книгу В. Ф. Караваева предназначаются въ пользу столовыхъ въ неурожайныхъ мѣстностяхъ и для безработныхъ г. Петербурга.

VII.

— П. Н. Соковнинъ. Культурный уровень крестьянскаго полеводства на надѣльной землѣ и его значеніе въ аграрномъ вопросѣ. Изданіе Департамента Земледѣлія. СПб. 1906. Ц. 50 коп.

Аграрныя движенія крестьянъ весной и осенью прошлаго года вызвали огромную литературу — газетную, журнальную, брошюрную и книжную—посвященную соображеніямъ и разсчетамъ того, какимъ образомъ возможно отвѣтить на грозно возникшій аграрный вопросъ. Къ числу книгъ, касающихся аграрнаго вопроса, принадлежитъ и названный въ заголовкѣ этой замѣтки трудъ П. Н. Соковнина; но отличіе его отъ другихъ литературныхъ произведеній даннаго рода заключается въ томъ, что его статистическіе разсчеты не касаются непосредственно вопроса о дополнительномъ надѣленіи землею крестьянъ. Авторъ дѣлаетъ попытку поставить вопросъ о малоземельѣ крестьянъ разныхъ губерній на почву сравнительной доходности крестьянскаго хозяйства и приводитъ рядъ разсчетовъ, выясняющихъ эту послѣднюю. Доходность крестьянской надѣльной земли онъ измѣряетъ итогами крестьянскаго полеводства, о которыхъ онъ судитъ на основаніи данныхъ о посѣвахъ и сборахъ зерна съ крестьянскихъ полей. Другіе источники доходовъ крестьянскаго хозяйства не принимаются авторомъ во вниманіе въ виду отсутствія массовыхъ о нихъ свѣдѣній. Г. Соковнинъ оперируетъ надъ среднимъ пахотнымъ надѣломъ крестьянской семьи разныхъ губерній, къ которому и относитъ всѣ свои разсчеты. Элементами же разсчета являются у него—площадь посѣва

средняго двора, сборъ зерна съ десятины посѣва и оцѣнка урожая по мѣстнымъ цѣнамъ хлѣбовъ. Опредѣливъ доходность десятины посѣва, десятины всего пахотнаго участка и общій валовой доходъ средняго крестьянскаго двора каждой губерніи, авторъ сравниваетъ полученныя данныя съ цѣнами арендной земли, съ одной стороны, и съ исчисленіями крестьянскихъ бюджетовъ—съ другой, и приходитъ къ неновому, конечно, заключенію, что высота арендныхъ цѣнъ земли мало сообразуется съ ея доходностью, и что полевое хозяйство на надѣльной землѣ покрываетъ только часть—и въ большинствѣ губерній даже меньшую—крестьянскихъ расходовъ. Это служитъ яркой иллюстраціей крестьянскаго малоземелья, и послѣ того самъ собою возникаетъ вопросъ: гдѣ же крестьянину искать выхода изъ такого ненормальнаго положенія? Общественное мнѣніе указываетъ, какъ на такой, на дополнительное надѣленіе крестьянъ, и, слѣдуя этому указанію, г. Соковнинъ приходитъ къ измѣренію запаса земель, могущихъ служить этой цѣли. Основываясь на данныхъ поземельнаго изслѣдованія 1887 г., авторъ разсматриваетъ земельные запасы всѣхъ категорій землевладѣнія въ различныхъ губерніяхъ, выдѣляя особо лѣсную площадь и неудобныя земли и опредѣляя такимъ образомъ тотъ запасъ земли, который можетъ быть теперь же употребленъ на сельско-хозяйственныя цѣли. Онъ дѣлитъ эту площадь на число крестьянскихъ дворовъ въ каждой губерніи и затѣмъ вычисляетъ, насколько былъ бы увеличенъ доходъ средняго двора, еслибы вся эта земля перешла въ руки крестьянъ, причемъ оказалось, что и при такомъ условіи доходы крестьянскаго полеводства не достигли бы и половины расходовъ крестьянской семьи. Этотъ результатъ приводитъ г. Соковнина къ заключенію, что на почвѣ исключительно аграрныхъ реформъ нельзя достигнуть упроченія крестьянскаго благосостоянія, что вмѣстѣ съ этимъ долженъ идти и процессъ увеличенія производительности земледѣльческаго труда. Земельный же фондъ долженъ быть употребленъ не на увеличеніе площади средняго крестьянскаго участка, а на дополненіе надѣловъ малоземельной части населенія. По всѣмъ разсматриваемымъ вопросамъ авторъ не ограничивается приведеніемъ абсолютныхъ данныхъ для средняго крестьянскаго двора каждой губерніи. Онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ таблицы сравнительнаго положенія всѣхъ губерній, принимая данныя одной изъ нихъ (кіевской) за единицу. Эти таблицы наглядно показываютъ, какое количество пахотной земли въ каждой губерніи, по хозяйственному значенію, соотвѣтствуетъ одной десятинѣ крестьянскаго надѣла въ кіевской губерніи. Факторъ доходности крестьянскаго надѣла не можетъ, конечно, не имѣть извѣстнаго значенія при оцѣнкѣ степени малоземелья крестьянъ и настоятельности аграрныхъ реформъ въ различныхъ районахъ Россіи.

Переходя отъ изложенія плана работы г. Соковнина къ его выполненію, мы не можемъ не обратить вниманія на слѣдующіе недостатки, значительно обезцѣнивающіе его. Для средняго крестьянскаго надѣла авторъ беретъ *пахотную* часть послѣдняго, какъ она опредѣлилась, по свѣдѣніямъ центральнаго статистическаго комитета въ 1893 г., а для оцѣнки результатовъ гипотетическаго дополненія крестьянскихъ надѣловъ онъ прикладываетъ къ ней ту долю *всѣхъ* сельскохозяйственныхъ угодій, какая падаетъ на крестьянскій дворъ въ предположеніи раздѣла между крестьянами всѣхъ остальныхъ земель, и полученную такимъ образомъ величину неопредѣленнаго значенія называетъ то пахотнымъ, то полнымъ участкомъ крестьянскаго двора. Затѣмъ, авторъ слишкомъ довѣрчиво отнесся къ свѣдѣніямъ центральнаго статистическаго комитета о площади крестьянской пахотной земли въ 1893 г., несмотря на предупрежденіе редакціи изданія, что во многихъ случаяхъ сельскія власти вмѣсто площади пахотной земли сообщали свѣдѣнія о всей площади крестьянскаго надѣла. Сравненіе площади этой якобы пахотной земли съ площадью всѣхъ сельскохозяйственныхъ угодій крестьянскаго надѣла (по даннымъ 1887 г.) показало бы автору, что такое смѣшеніе происходило очень часто и притомъ неравномѣрно, и оттого, во-первыхъ, площадь исчисленнаго авторомъ пахотнаго крестьянскаго участка для многихъ губерній значительно преувеличена; во-вторыхъ, сравненіе по этому признаку отдѣльныхъ губерній приведетъ къ ошибочнымъ заключеніямъ. Принявъ преувеличенныя данныя 1893 г. за истинную площадь пахотнаго надѣла крестьянина—для выдѣленія изъ нея части, отводимой подъ посѣвы, г. Соковнинъ пользовался не свѣдѣніями (сравнительно, правильными) того же источника, а процентнымъ отношеніемъ посѣвной площади къ общей площади пахотной земли, установленной болѣе точно въ 1887 г., и согласно этому отношенію опредѣлялъ абсолютную величину площади, отводимой будто бы подъ посѣвы изъ участка пахотной земли, установленнаго изслѣдованіемъ 1893 г. А такъ какъ данныя этого изслѣдованія, какъ мы видѣли, преувеличены, сравнительно съ дѣйствительностью, то преувеличенными же и притомъ неравномѣрно для разныхъ губерній — должны оказаться и исчисленныя г. Соковнинымъ площади крестьянскихъ посѣвовъ, и основанныя на нихъ вычисленія; а пригодность этихъ вычисленій для сравнительныхъ выводовъ подвергается большому сомнѣнію. Еслибы не этотъ недостатокъ разсматриваемаго изданія, то трудъ г. Соковнина, помимо его собственныхъ выводовъ, представлялъ бы немалый интересъ и въ смыслѣ свода статистическихъ данныхъ и кропотливыхъ вычисленій относительно состава посѣвной площади средняго крестьянскаго двора каждой губерніи, урожая и дохода, получаемаго этимъ

дворомъ отъ различныхъ культивируемыхъ имъ на поляхъ растеній. Будемъ надѣяться, что указываемые нами недостатки будутъ исправлены во второмъ выпускѣ интереснаго изслѣдованія П. Н. Соковнина, посвященномъ учету поуѣздныхъ данныхъ о крестьянскомъ полеводствѣ.—В. В.

VIII.

— Отечественная война 1812 года. Историческое изслѣдованіе Александра Николаевича Попова. Т. I. Сношенія Россіи съ иностранными державами передъ войной 1812 года. Москва 1905, in 4°, I — VI + 1 — 503. Съ портрет. автора. Ц. 4 руб.

Только-что вышедшая книга, касающаяся Отечественной войны, написана очень давно, болѣе четверти вѣка тому назадъ; тѣмъ не менѣе, новое появленіе ея въ печати нельзя считать излишнимъ даже въ наше время. Авторомъ изложены весьма подробно и обстоятельно сношенія Россіи съ иностранными державами непосредственно передъ разрывомъ съ Франціей въ 1812 году. Книга состоитъ изъ семи главъ: I—Сношенія съ Франціей въ 1811 г.; II—Сношенія съ Франціей въ концѣ 1811 г. и въ началѣ 1812 г.; III — Сношенія съ Швеціей; IV—Окончаніе войны съ Турціей и Бухарестскій миръ; V—Переговоры съ Турціей; VI — Сношенія съ Пруссіей, и VII—Сношенія съ Австріей.

А. Н. Поповъ, какъ видно изъ примѣчаній, могъ пользоваться документами изъ архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, сочиненіями Богдановича и иностранными историками Тьеромъ и Бильономъ. Но архивными свѣдѣніями, хранящимися въ Парижѣ въ „Archives Nationales“, Поповъ, очевидно, пользоваться не могъ, а также не имѣлъ въ рукахъ писемъ гр. Нессельрода къ Сперанскому, сохранившихся въ нашемъ государственномъ архивѣ. Поэтому въ трудѣ его замѣтны пробѣлы и недомолвки, что нѣсколько уменьшаетъ цѣну настоящаго изданія. Въ первыхъ двухъ главахъ А. Н. Поповъ даетъ выдержки изъ донесеній князя Александра Борисовича Куракина и флигель-адъютанта А. И. Чернышева, которые одинаково свидѣтельствуютъ, что императоръ Наполеонъ уже непреклонно рѣшилъ воевать съ Россіей. Разсматриваются также вопросы о возможности для насъ союза съ Пруссіей и Австріей и желательности скорѣйшаго заключенія мира съ Турціей. Переданы подробно бесѣды Наполеона съ Чернышевымъ, а также министровъ иностранныхъ дѣлъ сперва Шампаньи (Champagny duc de Cadore), а потомъ Маре (Maret duc de Bassano) съ посломъ кн. Куракинымъ, гдѣ императоръ фран-

цузовъ высказалъ русскому послу всѣ тѣ причины недовольства на наше правительство, которыя должны привести къ разрыву между недавними союзниками. Причины эти извѣстны. Главныхъ двѣ: новый русскій тарифъ, невыгодный для Франціи, и дѣло о герцогствѣ Ольденбургскомъ. Все это разобрано очень подробно и толково, но, какъ мы уже замѣтили, съ пробѣлами вслѣдствіе неполноты матеріаловъ, бывшихъ въ распоряженіи автора. Сужденіе автора о князѣ А. Б. Куракинѣ, по нашему мнѣнію, пристрастнѣе и едва ли сходно съ истиной. Даже князь Куракинъ,—говоритъ авторъ,— сочувствовавшій Наполеону и его семейству, желавшій поддержать союзъ Россіи съ Франціей"... и т. д. Но князь Куракинъ никогда не сочувствовалъ ни Наполеону, ни его семейству, а тѣмъ менѣе союзу съ нимъ. Онъ противъ своего желанія былъ назначенъ посломъ въ Парижъ въ 1808 г.; князь вовсе не желалъ покидать Вѣны, но автору были неизвѣстны письма Куракина къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, откуда онъ могъ бы почерпнуть противоположныя свѣдѣнія. Куракинъ постоянно сѣтовалъ на переводъ его въ Парижъ и предупреждалъ императрицу объ истинныхъ замыслахъ Наполеона и о шаткости союза съ нимъ. Въ главѣ III-й наши отношенія къ Швеціи изложены вполнѣ ясно и правильно. То же можно сказать и о послѣдующихъ главахъ, гдѣ авторъ интересно повѣствуетъ объ окончаніи войны съ Турціей и о заключеніи мира въ Бухарестѣ. Равно и сношенія наши съ Пруссіей и Австріей освѣщены вполнѣ правильно. Такимъ образомъ, говоря вообще, можно сказать, что трудъ А. Н. Попова заслуживаетъ и нынѣ вниманія, несмотря на то, что авторъ писалъ задолго до появленія новѣйшихъ изслѣдованій французскихъ историковъ Альбера Вандаля, А. Сореля и нашихъ знатоковъ той эпохи: Н. К. Шильдера и Дубровина. Тѣмъ не менѣе, книга читается съ интересомъ, и можно только пожалѣть, что авторъ не успѣлъ докончить своего труда и преждевременно сошелъ въ могилу.—Н. М.

Въ мартѣ мѣсяцѣ, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Борыкинъ, В.—Паратифозныя заболѣванія въ Маньчжуріи. Спб. 906.

Бѣлинскій, В. Г.—Письмо къ Гоголю. Съ предисловіемъ С. А. Венгерова. Спб. 905. Книгоиздат. „Свѣточъ". Стр. 22. Ц. 10 к.

Венгеровъ, С. А.—Эпоха Бѣлинскаго. Спб. 905. Книгоиздат. „Свѣточъ". Стр. 47. Ц. 20 к.

Вирховъ, Руд.—Жизнь и болѣзнь. Перев. Ю. Гольдендаха. М. Ц. 40 к.

Вульфіусъ, А. Г.—Конспектъ по феодализму. Спб. 906. Стр. 37. Ц. 25 к.

Гессенъ, Ю. И.—Евреи въ Россіи. Очерки общественной, правовой и экономической жизни русскихъ евреевъ. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Давыдовъ, I.—Историческій матеріализмъ и критическая философія. Сборникъ статей. Спб. 905. Ц. 1 р. 25 к.

Дёль, Эм.—Судьба всѣхъ утопій, въ особенности соціаль-демократической, и Дюрингова эмансипація личности. Съ нѣм. Д. Ройтманъ. Спб. 906. Ц. 15 к.

Демченко, Я.—Правда объ украинофильствѣ. Кіевъ. 906. Ц. 20 к.

Еллинекъ, Г.—Права меньшинства. Перев. Г. Троповскаго, п. р. М. Гершензона. М. 906. Ц. 20 к.

Житковъ, Б., и *Бутурлинъ*, С.—Матеріалы для орнито-фауны Симбирской губерніи. Спб. 906.

Жукъ, В. Н. — Мать и дитя. Гигіена въ общедоступномъ изложеніи. Спб. 906. Ц. 3 р.

Загряцковъ, М. — Соціальная дѣятельность городского самоуправленія на Западѣ. Вып. I: Проблемы муниципализаціи. Кіевъ. 906. Ц. 30 к.

Заринскій, А. Е. — Поземельный вопросъ въ Нижегородской губерніи. Н.-Н—дъ. 906.

Зиновьевъ, Э. М.—Нормальный рабочій день, какъ право. Спб. 906. Ц. 25 к.

Изгоевъ, А. С.—Общинное право.—Спб. 906. Ц. 50 к.

Кабанессъ, и *Нассъ*, Л.—Революціонный неврозъ. Перев. съ фр. подъ ред. Д. Ф. Коморскаго. Спб. 906. Стр. 393. Ц. 2 р. съ пер.

Кей, Элленъ.—Вѣкъ дитяти. Перев. Н. Ю. Юрасовъ. М. 906. Ц. 1 р.

Клингенъ, К. — Кормовыя растенія и польза отъ нихъ. Руководство для отдѣльныхъ арендаторовъ. Ч. I: съ 107 рис. въ текстѣ и 3 табл. Спб. 906. Цѣна 40 к.

Книповичъ, Н. М. — Основы гидрологіи европейскаго Ледовитаго океана. Съ 10-ью таблицами картъ и чертежей. Спб. 906. Стр. 1510.

Котельманъ, Л.—Основы школьной гигіены. Съ нѣм. Д. Корольковъ, п. р. д-ра В. Игнатьева. М. 906. Ц. 1 р. 75 к.

Ламанскій, В. В. — Древнѣйшіе слои силурійскихъ отложеній Россіи. Съ черт. и рис. Спб. 905.

Линскій, Б. — Политическій словарь. Книгоиздат. О. Іодко. Спб. 906. 16°. Стр. 320. Ц. 60 к.

Лиссагарэ.—Исторія коммуны 1871 года. Съ франц. Спб. 906.

М. и *Ю.*—Дѣтскій театръ. Музей восковыхъ фигуръ. Ком. въ 3 д. Спб. 905. Ц. 30 к.

Мазенинъ, Евг.—Волостной писарь, разсказъ. Кадниковъ, 905. Ц. 25 к.

Масарикъ, проф. Ѳ. О. — Начала соціалистическаго общества. Главные вопросы марксистской политики. I: Революція или эволюція? II: Марксизмъ и парламентаризмъ. Перев. п. р. Н. Ястребова. Спб. 906. Ц. 60 к.

Менгеръ, проф. Ант.—Новое ученіе о нравственности. Съ нѣм. п. р. Ю. Филиппова. Спб. 906. Ц. 25 к.

Миличъ, Ел.—На досугѣ. Очерки и разсказы. Берл. 906. Ц. 1 р. 50 к.

——— Осенніе вечера. Стихотворенія. Берл. 906. Ц. 1 р.

——— На жизненномъ пути. Наброски перомъ. Берл. 906. Ц. 55 к.

Изъ міра души. Стихотворенія. Берл. Ц. 2 р.

Мокржецкій, С. А. — Вредныя насѣкомыя по наблюденіямъ 1905 года, съ указаніемъ мѣръ борьбы. Симфероп. 905.

Монинъ, Д. М., д-ръ. — Беременность и роды. Популярное изложеніе физіологіи и діэтетики беременныхъ, роженицъ, родильницъ и новорожденныхъ. Спб. и М. 905. Ц. 90 к.

Мушкетовъ, И. В. — Туркестанъ. Геологическое и орографическое опи-

саніе по даннымъ, собраннымъ во время путешествій, съ 1874 г. по 1880 г. Т. II, съ прилож. 11 табл., 106 рис. и картой Заравшанскаго ледника. Спб. 906.

Покровскій, Н.—Чеховъ, А. П., въ значеніи русскаго писателя-художника. Изъ критической литературы о Чеховѣ. М. 906. Ц. 1 р.

Пѣтуховъ, Е. В. — Императорскій Юрьевскій, бывшій Дерптскій университетъ, въ послѣдній періодъ своего столѣтняго существованія (1865 — 1902). Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Родіоновъ, И. В. — На пасху. Сборникъ произведеній сибирскаго писателя. Спб. 906. Ц. 50 к.

Розановъ, В.—Около церковныхъ стѣнъ. Въ 2 том. Т. II. Спб. 905. Ц. 2 р.

Рукавишниковъ, Г. П. — Сила жизни (отъ разума къ чувству). Спб. 906. Стр. 72. Ц. 30 к.

Святловскій, В. В.—Положеніе вопроса о рабочихъ организаціяхъ въ иностранныхъ государствахъ. Вып. I. Профессіональные рабочіе союзы. 2-ое изд., дополн. и испр. Спб. 906. Стр. 214. Ц. 60 к.

Сенкевичъ, Генрикъ. — На полѣ славы (Na polu chwały). Историч. романъ изъ временъ короля Яна Собѣскаго. Съ польск. Л. П. Даниловъ. Ч. I. М. 906. Ц. 1 р. 20 к.

Серебряковъ, Е.—Очеркъ по исторіи „Земля и Воля". Спб. 906. Ц. 20 к.

Соковнинъ, П. Н.—Культурный уровень крестьянскаго полеводства на надѣльной землѣ и его значеніе въ аграрномъ вопросѣ. Спб. 906. Ц. 50 к.

Соколовъ, А. — Краткій учебникъ географіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Курсъ внѣевропейскихъ частей свѣта: Австралія, Азія, Африка и Америка. Изд. 2-е. Съ 6-ью картами. Спб. 906. Ц. 60 к.

Тенеромо, И. — Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ и его письма. Спб. 905. Цѣна 60 к.

Толстой, Л. Н.—О жизни. Новое жизнепониманіе. М. 906. Ц. 30 к.

Тургеневъ, И. С.—Порогъ (Не вошедшее въ Собраніе Сочиненій „Стихотвореніе въ прозѣ"). Библіотека „Свѣточа" подъ ред. С. А. Венгерова. Стр. 8. Цѣна 3 коп.

Успенскій, А.—Записныя Книги и Бумаги старинныхъ дворцовыхъ приказовъ. Документы XVIII — XIX в.в. бывшаго Архива Оружейной Палаты. М. 906.

Фенникусъ, Цивисъ. — Опроверженіе книги М. М. Бородкина: „С. К. Михайловъ, Юридическое положеніе Финляндіи. Замѣтка по поводу отзыва сейма 1899 г. Спб." Стокгольмъ, 903. Ц. 1 м. 10 пенни.

Харузинъ, Н.—Этнографія. Лекція, читанная въ имп. московскомъ университетѣ. IV: Вѣрованія. Спб. 905. Ц. 2 р. 50 к.

Хлопинъ, проф. Г. В.—Самоубійства, покушенія на самоубійства и несчастные случаи среди учащихся русскихъ учебныхъ заведеній. Спб. 906.

Чермакъ, Л. К.—Матеріалы по статистико-экономическому описанію района проектируемой желѣзной дороги Цареконстантиновка--Скадовскъ. Изд. С. Б. Скадовскаго. Спб. 906. Стр. 83+77. 4°. Съ двумя картами.

Чернышевскій, Н. Г.—Полное собраніе сочиненій въ 10 том., съ 4 портр. Т. VIII: „Современникъ", 1861. Критика и библіографія. Статьи экономическія. Отдѣлъ „Политика". Спб. 906. По подп. 15 руб.

Шигони, дьякъ.—Уставшій царь. Пьеса въ 4-хъ актахъ. Спб. 906. Ц. 1 р.

Notowitch, N. — La Russie et l'Alliance anglaise. Étude historique et politique. Par. 906.

— Библіотека для самообразованія, т. XXIX: Г. Тардъ, Преступникъ и преступленіе. Перев. Е. Выставкиной, п. р. М. Гернета, и съ предисл. Н. Полянскаго. М. 906. Ц. 1 р. 25 к.

— Библіотека философовъ. III: Ж.-Ж. Руссо и его философія, проф. Г. Геффдинга. Съ нѣм. Л. Давыдова. Съ портретомъ Ж.-Ж. Р. 2-е изд. Спб. 905. Ц. 50 к.

— Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Вып. XIII: Сезонъ 1902—1903 г.г. Изд. Дирекціи Имп. театровъ, п. р. Л. А. Гельмерсена. Съ тремя приложеніями.

— Журналы Тверского очередного Губернскаго Земскаго Собранія сессіи 1904 года. Тв. 905.

— Наставленіе для обученія носильщиковъ въ войскахъ. 1893 г. Спб. 906. Цѣна 30 к.

— Образовательная Библіотека: 1) Т. Рибо, Логика чувствъ. Ц. 40 коп. 2) Антонъ Менгеръ, Новое ученіе о нравственности. Ц. 25 к. Спб. 906.

— О положеніи начальнаго народнаго образованія въ Прибалтійскомъ краѣ. По поводу журнала Комитета Министровъ 10 мая 1905 г. Рига, 906.

— Первая помощь въ С.-Петербургѣ за 1904 г. Спб. 906.

— Положеніе о препровожденіи нештатныхъ командъ. 1889 г. Спб. 906. Цѣна 25 коп.

— Самодержавіе и печать въ Россіи. (Предисловіе. — Всеподданнѣйшее прошеніе 114 русскихъ писателей.—Записка о нуждахъ русской печати.—Мартирологія русской печати). Спб. 905. Библіотека „Свѣточа“, подъ ред. С. А. Венгерова. Стр. 80. Ц. 25 к.

— Сельско-хозяйственный сборникъ Удѣльнаго Вѣдомства. Выпускъ I. Спб. 905.

— Студенческій „Кружокъ политической экономіи“ при Спб. университетѣ. Вып. I. Рефераты и работы. 1902 — 1904 г.г. Подъ ред. В. В. Святловскаго. Спб. 905. Стр. 407. Ц. 1 р. 75 к.

СРЕДИ НОВЫХЪ КНИГЪ.

Замѣтки.

„Грядущій хамъ", Д. С. Мережковскаго.—„Вѣсти ниоткуда", В. Морриса.—Фихте въ его книгѣ: „О назначеніи человѣка".

I.

Какъ кажется, русское общество никогда еще не испытывало такой жажды вѣры въ возможность иной, лучшей жизни, чѣмъ та, какою живемъ мы среди мрака, отчаянія, разочарованія, стоновъ и крови. Словно темныя тучи все ниже опускаются на землю, и по ней поползло что-то безнадежное, злобно-шипящее, несущее смерть и проклятіе. Оно прокатилось изъ края въ край и отозвалось въ литературѣ хаосомъ звуковъ—больнымъ истерическимъ смѣхомъ, криками борьбы, отчаянія, муки, мольбой о пощадѣ. И нервы, и мозгъ истерзались въ попыткахъ разобраться въ невѣроятномъ лабиринтѣ событій, и наряду съ боевыми призывами, обрывисто раздающимися въ сгущенной мглѣ, слышатся голоса, предвѣщающіе конецъ всему, чѣмъ красовалась жизнь, разносящіе тревогу крушенія идеаловъ и гибели культуры. Тревогой, ужасомъ грознаго предвидѣнія и воплемъ о спасеніи полна одна изъ статей Д. С. Мережковскаго—„Грядущій хамъ", первая изъ статей сборника, носящаго это названіе.

Европа гибнетъ, захваченная позитивизмомъ, который опредѣляетъ г. Мережковскій, какъ „утвержденіе безконечнаго и безначальнаго продолженія міра въ явленіяхъ, безконечной и безначальной, непроницаемой для человѣка середины, посредственности, той абсолютной, совершенно плотной, какъ китайская стѣна, „сплоченной посредственности", conglomerated mediocrity, того абсолютнаго мѣщанства, о которыхъ говорятъ Милль и Герценъ, сами не разумѣя послѣдней метафизической глубины того, что̀ говорятъ". Но позитивизмъ европейскій поверхностный, такъ сказать, „накожный": настоящіе позитивисты, „позитивисты до мозга костей"—желтолицыя дѣти сѣдого Востока. Позитивизмъ—ихъ существо, ихъ вторая натура, ихъ физіологія,—имъ они сильны, и имъ грозятъ побѣдить міръ. Въ этомъ заключена громадная опасность, которой не сознаетъ Европа, сама опустившаяся до послѣдней степени въ своемъ мѣщанствѣ, сама превратившаяся въ сплошную ярмарку жалкихъ торгашескихъ интересовъ и филистерскаго благополучія.

Стремительна рѣчь г. Мережковскаго, много въ ней мучительнаго порыва освободить философскую мысль отъ оковъ земли, помочь ей, какъ птицѣ, запутавшейся въ лабиринтѣ тенетъ, прорваться на свободу и унестись въ голубыя небеса, много страданія за попираемые идеалы лучезарно-одухотворенной жизни и красоты. Они, эти идеалы, должны были бы изъ глубины таинственныхъ небесъ свѣтить яркими лучами божественныхъ звѣздъ въ самыя нѣдра человѣческой души, освобождая ее изъ плѣна земныхъ заботъ и низменныхъ стремленій и изощряя духовный взоръ въ чтеніи великой книги судебъ, таящей въ себѣ неисчислимыя, начертанныя рукой Промысла, божественныя тайны вселенной. А между тѣмъ, эти идеалы, эти величайшія откровенія, служащія связью видимаго и невидимаго, слышимыя инстинктомъ молитвенно настроенной души, влачатся по землѣ, топчутся, смѣшиваются съ пескомъ и иломъ, и рѣдкій глазъ умѣетъ отыскать ихъ въ грязи и, сдѣлавъ ихъ сокровищемъ души, отдать за нихъ всѣ блага міра. И только немногіе могутъ сдѣлать служеніе имъ исчерпывающей цѣлью своей жизни и освѣтить въ себѣ тотъ внутренній обликъ духовнаго человѣка, который вотъ уже тысячи лѣтъ ищетъ внѣ себя, съ Діогеновымъ фонаремъ, растерянное человѣчество.

Лучшіе умы древнихъ и новыхъ вѣковъ, проповѣдники, художники, поэты, философы, произвели въ общей сложности гигантскую работу, потраченную на постиженіе высшихъ началъ жизни, на различеніе пшеницы отъ плевелъ и перловъ отъ грязи, и человѣчество шло за ними безконечной тернистой стезей энтузіазма и отрицанія, вѣры и отчаянія, надеждъ и разочарованій. Въ мукахъ рождалась каждая новая мысль и въ мукахъ же умирала ея новизна, уступая мѣсто другой, возрождавшейся какъ фениксъ изъ пепла. Вѣрой въ откровеніе, казалось, потрясали люди мрачную стѣну, отдѣлявшую ихъ отъ потусторонняго міра, и гибли у ея подножія жаждущіе мира и протестующіе, озлобленные во имя недостижимой вселенской любви и, какъ звѣри, тѣсня и истребляя другъ друга. Онѣ нужны, эти попытки гордыхъ и смѣлыхъ умовъ, эти искупительныя жертвы борьбы человѣка со звѣремъ прошлаго и неизвѣстностью будущаго, но—о, еслибы можно было изъ солнечныхъ лучей, разсыпавшихся миріадами блестокъ въ океанахъ, на куполахъ церквей и болотныхъ трясинахъ, можно было собрать великое животворное, радующееся міру солнце, о, еслибы можно было собрать изъ блестокъ вѣчнаго идеала, разсыпанныхъ въ суетѣ преходящаго, единое, неизмѣняемое, спасительное солнце любви и гармоніи, которое лучами своими освѣтило бы міръ съ его вершинами и низами, съ его экстазами блаженства и юдолями скорби и плача!

Этого не сдѣлалъ даже Христосъ. И Онъ спустился на землю, къ

ничтожнѣйшимъ изъ сыновъ ея и прошелъ по грани двухъ міровъ, благословляя свѣтъ и проклиная тьму; и Онъ не зажигалъ въ безграничной высотѣ свѣтила, которое равнодушно освѣщало бы все разнообразіе человѣческой жизни, но Онъ говорилъ: „ищите и обрящете" и призывалъ къ исканію правды, затерявшейся въ прахѣ и помутнѣвшей,—правды, которая доступна, по Его ученію, всѣмъ, кто имѣетъ уши и открываетъ сердце внушеніямъ тяготѣющей надъ нимъ вѣчности. Онъ училъ искать не блаженства въ безпредѣльной и неизъяснимо прекрасной лазури неба, но его отраженій на землѣ, благословенной и проклятой, животворной и губительной, исполненной противорѣчій, невѣдѣнія и борьбы, гдѣ, можетъ быть, по слову поэта,—„красота — лишь символъ безконечный того, что̀ намъ постигнуть не дано"... Онъ заповѣдалъ людямъ духовное строительство идеала, такую же разгадку его сущности, какъ та, которую производятъ ученые, доходящіе по лучамъ спектра до строенія солнца, по исчисленію безконечно-малыхъ величинъ до движенія міровъ вселенной. Но куда бы ни были направлены исканія непостижимаго, въ нихъ Предвѣчный заключилъ высшій разумъ человѣческаго существованія, ими предопредѣлилъ высшую цѣль и истинную цѣнность жизни. И передъ человѣчествомъ, какъ встарь, такъ и нынѣ, стоитъ одинъ роковой вопросъ: куда направить исканія и гдѣ гарантія, что когда-нибудь они увѣнчаются торжествомъ?

II.

Г. Мережковскій поднимаетъ вопросъ на значительную высоту надъ землей, такъ высоко, что она едва виднѣется въ безпредѣльныхъ пространствахъ метафизическаго умозрѣнія. И кажется ему, что темная, безнадежная полоса мѣщанства, давнымъ-давно протянувшаяся надъ Востокомъ, уже почти заволокла Европу и уже надвигается на Россію, мерцающую, борющуюся, охватываемую мутными волнами туманнаго безразличія. О, еслибы это было утро, которое принесетъ свободу и, вмѣстѣ съ горячими лучами солнца, разгонитъ туманъ! Это солнце—христіанство,—говоритъ г. Мережковскій,—только оно можетъ спасти Россію, а черезъ нее—міръ. Старая плѣнительная легенда о мессіанистскомъ предопредѣленіи Россіи принимаетъ здѣсь новую форму. Россія одна еще открываетъ собой поприще для творческой дѣятельности высшихъ духовныхъ силъ. Западъ, если не сгнилъ, какъ это проповѣдывали славянофилы, то превратился въ одинъ прилавокъ, сплошную фабрику мѣщанскаго благополучія, и если на насъ не идетъ еще застоявшійся Китай, то лишь потому, что мы сами идемъ въ Китай, въ мѣщанскія формы неподвижности и застоя. „Вотъ

гдѣ главная „желтая опасность"—не извнѣ, а внутри, не въ томъ, что Китай идетъ въ Европу, а въ томъ, что Европа идетъ въ Китай". Дѣйствительно, если облекать то, что̀ надвигается на Россію, въ художественные образы, порожденные предчувствіемъ чего-то страшнаго и неотвратимаго, то едва ли найдется мѣсто даже умѣренному оптимизму. Мрачная неизвѣстность справа и слѣва, а снизу, изъ непостигнутыхъ народныхъ массъ, надвигается роковой девятый валъ, который можетъ смести и развѣять все, что̀ добыто, на плечахъ того же народа, усиліями тѣхъ немногихъ избранниковъ таланта, знанія и ума, которые были культурными знаменіями своей эпохи, которые вписали имя создавшей ихъ націи на страницы міровой исторіи. Это несправедливо, это ужасно, но вѣдь исторія никогда еще не стремилась получить похвальный листъ за доброе поведеніе. Да, это ужасно, настолько ужасно, что мы не можемъ себѣ и представить, какъ, по прекрасному призыву г. Мережковскаго, то, что̀ онъ разумѣетъ подъ именемъ христіанства, можетъ спасти нашу родину, несчастья которой столь же велики, какъ и ея пространство.

Однако, если съ безпредѣльной высоты опуститься на землю, положеніе вещей окажется, можетъ быть, не такъ ужасно. Измѣненіе перспективы въ сторону приближенія сохраняетъ свое значеніе и при разсмотрѣніи предметовъ неосязаемаго свойства. Ближайшее знакомство въ отношеніи къ историческому процессу, о которомъ говоритъ г. Мережковскій, сводится къ методу познаванія. Г. Мережковскій постигаетъ этотъ процессъ инстинктомъ художественно-работающей философской мысли, а презираемые имъ позитивисты подходятъ къ нему съ логариѳмическими таблицами и скальпелемъ въ рукѣ, причемъ обѣ стороны сходятся на томъ, что въ итогѣ столкновенія народовъ наступитъ всеобщій миръ, но что̀ полагаетъ непроходимую бездну между ними, — это конечная цѣль и вмѣстѣ съ тѣмъ исходная точка ихъ стремленій: у г. Мережковскаго — страхъ за возможность перерыва преемственности въ передачѣ, въ лицѣ своихъ избранниковъ, высшихъ завѣтовъ христіанской, какъ онъ ее понимаетъ, культуры, поднимающихся какъ острова надъ моремъ мѣщанства; у позитивистовъ—по терминологіи автора — пріобщеніе этихъ массъ къ культурѣ во имя высшихъ запросовъ и любви къ человѣку, ближнему или дальнему— это безразлично, это — софизмъ.

Г. Мережковскій останавливаетъ свое вниманіе только на избранникахъ и ненавидитъ массу, какъ носительницу мѣщанства. „Со времени Герцена и Милля,—говоритъ онъ,—мѣщанство сдѣлало въ Европѣ страшные успѣхи. Все благородство культуры, уйдя изъ области общественной, сосредоточилось въ уединенныхъ личностяхъ, въ такихъ великихъ отшельникахъ, какъ Ницше, Ибсенъ, Флоберъ и все еще са

мый юный изъ юныхъ—старецъ Гёте". За нихъ нужно держаться, у нихъ искать спасенія отъ надвигающейся волны, ибо „воцарившееся мѣщанство есть хамство", и оно близко. Нужно бѣжать отъ него, нужно уберечь душу отъ пошлыхъ и жалкихъ впечатлѣній дѣйствительности, нужно поднять ее высоко надъ землей, очистивъ, окрыливъ ее духовнымъ пареніемъ, озаривъ свѣтомъ христіанства, ниспадающимъ съ высоты. А масса, которой недоступны ни духовное пареніе, ни сны золотые вдохновенныхъ безумцевъ, пусть гибнетъ, въ клубящемся туманѣ безславія и пошлой обыденщины. Procul, profani...

Да, я понимаю, мѣщанство можно и должно ненавидѣть, ненавидѣть всѣми фибрами своей души, всѣми инстинктами своего организма, всѣми изгибами мысли и чувствъ. Тамъ, гдѣ мѣщанство—тамъ застой и гніеніе, тамъ душевный мракъ и нѣтъ радости бытія. Съ мѣщанствомъ нужно бороться, какъ борются съ преступностью и болѣзнью, но и въ этой борьбѣ строго различаютъ понятія преступности и преступника, болѣзнь и больного; безпощадно относясь къ первымъ, участливо и осторожно относятся ко вторымъ, потому что и больной, и преступникъ — не отвлеченныя начала въ непосредственномъ общеніи, а живые и притомъ страждущіе люди. И, безповоротно осуждая мѣщанство, доходящее въ своихъ крайнихъ проявленіяхъ до того, что г. Мережковскій называетъ непривлекательнымъ терминомъ „хамство", было бы справедливо и болѣе согласно съ ученіемъ Христа о любви къ ближнему, умѣрить степень безпощадности въ отношеніи „мѣщанъ", т.-е. тѣхъ, кто является носителемъ мѣщанскихъ традицій, кто цѣпко хватается за остовъ своего благополучія и задерживаетъ теченіе разумной и красивой жизни. Темны и необъятны народныя массы, и никто не скажетъ, какъ отслоятся онѣ на разныхъ ступеняхъ культурно-историческаго процесса, и какія развѣтвленія пустятъ онѣ по всѣмъ направленіямъ культурнаго творчества, или же соберутся онѣ въ одинъ страшный и мутный потокъ мѣщанской косности и зальютъ храмы человѣческой мудрости, пышные сады поэзіи и искусства. Художникъ - индивидуалистъ до мозга костей, г. Мережковскій не вѣритъ въ возрожденіе иной, болѣе совершенной культуры, которую принесетъ съ собой новый демократическій строй, и въ отчаяніи онъ хватается за послѣдній оплотъ культурныхъ традицій—за русскую интеллигенцію, посвящая ей чудныя строки удивленія и восторга, какъ вѣрно подмѣченная имъ связь между зарожденіемъ интеллигенціи, на рубежѣ двухъ эпохъ, съ творческимъ духомъ Петра,—этого „перваго русскаго интеллигента",— какъ оригинально и смѣло выражена г. Мережковскимъ мысль, что „единственные законные наслѣдники, дѣти Петровы — всѣ мы, русскіе интеллигенты. Онъ въ насъ, мы въ немъ. Кто любитъ Петра, тотъ и насъ

любитъ; кто его ненавидитъ, тотъ ненавидитъ и насъ". Но если не вѣритъ въ могучіе и кристальные родники глубинъ народнаго творчества на поприщѣ свободной культуры и свободнаго развитія своихъ силъ, то что̀ значитъ вся эта интеллигенція передъ напоромъ мутной волны мѣщанства? Отъ нея не останется ничего кромѣ воспоминанія, что, слѣдуя завѣту Христа, она душу свою полагала за други своя, принося безконечныя жертвы на алтарь любви къ родинѣ и народу, забывая себя и посвящая ему свои завѣтнѣйшія чувства и думы...

Великіе поэты не бываютъ безнадежными пессимистами: изъ бездны отчаянія и отрицанія прорывается и у нихъ свѣтлый лучъ примиренія и надежды. Поэтъ, которому жизнь представлялась пустою и глупою шуткой, мечталъ о золотомъ вѣкѣ человѣчества, когда люди сольются въ одинъ братскій союзъ труда и наслажденія:

Не будутъ проклинать они,
Межъ нихъ ни злата, ни честей
Не будетъ. Будутъ течь ихъ дни
Счастливые, какъ дни дѣтей...

„Нашъ прахъ лишь землю умягчитъ другимъ чистѣйшимъ существамъ"... нашъ трудъ, усилія и борьба не пропадутъ безслѣдно,—въ это вѣрилъ и другой нашъ великій прозорливецъ, когда искалъ примиренія со смертью въ вѣчномъ обновленіи человѣческой жизни:

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть...

Истинный идеализмъ неминуемо долженъ быть основанъ на вѣрѣ въ эту возможность. Вѣра эта не должна быть только инстинктивною и слѣпою, когда она рискуетъ обратиться въ суевѣріе, но кристально-ясною, логически-непогрѣшимою, такою же, какъ увѣренность въ томъ, что послѣ зимы наступитъ весна, что послѣ грозы выглянетъ солнце. Этотъ идеализмъ долженъ полагать начало всякой сознательной религіи, въ содержаніе которой входитъ понятіе жизни въ себѣ, изъ него же должны исходить и всѣ постулаты категорическаго императива. Имъ опредѣляется схема вѣрованій, морали, общественныхъ и частныхъ отношеній. Онъ создаетъ міросозерцаніе, и его отсутствіе въ сознательномъ, не-мѣщанскомъ отношеніи къ жизни ведетъ къ нравственной смерти, къ печальному существованію слѣпыхъ кротовъ, выглянувшихъ на солнце.

Христіанство — первый и неотъемлемый признакъ истиннаго идеализма, основаннаго на вѣрѣ въ будущее и на уваженіи къ прошлому, которое есть для него лишь старый завѣтъ, отмѣняемый каждой ступенью новаго міропониманія, но каково отношеніе христіанства къ настоящему, какъ осуществляется оно въ немъ и какъ слѣдуетъ осуществлять его каждому, для котораго слова Христа не мертвая буква?

Христіанство есть истина; но ничто такъ не различно между собою, какъ пониманіе истины, въ ея высшемъ значеніи, у двухъ даже близкихъ людей. Человѣчество видѣло многихъ проповѣдниковъ послѣ Христа, и всѣ они учили истинному разумѣнію Его ученія. Большинство ихъ призывало любить Бога паче жены и родителей своихъ, вѣрить въ Троицу и совершать обряды въ Его воспоминаніе. Благодѣтельствуя народамъ, одни вторгались въ языческіе предѣлы и, во имя Бога любви, огнемъ и мечомъ обращали въ христіанство. Другіе призывали благословеніе на всякій трудъ, съ котораго шла десятина, и освящали авторитетъ власти, державшей въ повиновеніи народы. И тѣ и другіе указывали на христіанство, какъ на нѣкое свѣтило, посылавшее свои кроткіе, любящіе лучи на землю, гдѣ пасомая ими разноязычная паства, въ блескѣ этихъ лучей, продолжала, не хуже, чѣмъ въ языческую пору, истреблять и ненавидѣть другъ друга. Это—христіанство богослововъ, христіанство людей, ищущихъ Бога внѣ своего жизнеощущенія, вѣрящихъ въ чудеса и въ то, что, по силѣ божественнаго велѣнія, природа можетъ мѣнять свои законы. Это—христіанство фарисеевъ и щедрыхъ строителей храмовъ, наивно вѣрующихъ, что въ ихъ власти заключить Господа въ устроенномъ для него роскошномъ помѣщеніи и изъять Его присутствіе изъ всѣхъ прочихъ моментовъ круговращенія жизни. Имя Бога у нихъ всегда на устахъ, они взываютъ къ нему при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, но реально не вѣрятъ въ необходимость Его участія въ томъ, что̀ составляетъ существенную заботу ихъ дня. Молитвенными обращеніями они откупаются отъ Бога, какъ и щедрыми дарами, вѣра не переходитъ у нихъ въ дѣло ихъ рукъ и потому никого не трогаетъ, никого не подвизаетъ на творчество жизни, согрѣтое любовью, всецѣло оправдывая евангельское слово, что вѣра безъ дѣлъ мертва, и потому имъ такъ часто кажется, что гласъ ихъ, взывающій къ Богу, есть гласъ вопіющаго въ пустынѣ... Но есть христіанство другое, безъ Бога на устахъ и часто отрицающее и Бога и Христа такими, какъ ихъ изображаютъ книжники. Что̀ можно сдѣлать съ человѣкомъ, который не только не признаетъ, но проклинаетъ Бога, помогающаго, по его мнѣнію, богатымъ и знатнымъ, глухого къ слезамъ страданія и скорби, нѣмого на всѣ мольбы? Убѣдить его? Онъ не повѣритъ, онъ слишкомъ привыкъ къ идеѣ матеріальнаго бога, бога промышленниковъ и воителей. Назвать его безбожникомъ и презрѣть, какъ жалкое существо, безъ высшихъ руководящихъ началъ? Но если онъ въ то же время добровольный и честный труженикъ, если онъ любящій отецъ семейства, заботливый другъ, самоотверженный гражданинъ, руки у него въ мозоляхъ, а голова его полна тяжелыхъ, пусть даже — будничныхъ думъ? Если въ общемъ строительствѣ того, что̀ мы называемъ

культурой, онъ полезный работникъ, неужели мы скажемъ, что культура, имъ создаваемая, есть мѣщанская культура, основанная на принципѣ полезности, что она отвергаетъ тѣмъ самымъ возможность осуществленія высшихъ завѣтовъ божественнаго Промысла, что это культура нехристіанская, и въ ней нѣтъ Бога?

Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ: истинная культура можетъ быть только одна, та, которая слагается изъ цѣлесообразнаго труда, знанія и таланта. Она служитъ на благо людямъ, и тѣ, которые отрицаютъ въ ней Бога, не думаютъ отказываться отъ ея услугъ; и если эта культура направлена на облегченіе человѣческой борьбы, на поддержаніе жизни противъ смерти, она жизненна, т.-е. божественна по самому существу своему, потому что Богъ есть жизнь и отрицаніе смерти. И всѣ люди, напрягающіе волю и умъ въ усиліяхъ этой культурной работы дѣлаютъ божеское, т.-е. христіанское дѣло, хотя бы они вовсе не знали книжнаго Бога или олицетворяли его въ грубой формѣ. Изображая Европу въ видѣ безконечнаго прилавка съ товарами, въ pendant къ которой можно себѣ представить Россію житницей, г. Мережковскій завѣсой мѣщанства скрываетъ отъ себя несмѣтное море головъ, изможденныхъ заботой о томъ, чтобы прилавки были полны товаровъ, а житницы хлѣбомъ, и, какъ бы опровергая его утвержденіе, что во всей этой культурѣ нѣтъ Бога, поднимается изъ-подъ этой завѣсы сила, великая своей духовной мощью, несущая по всему міру именно завѣты Христовы—идеи свободы, равенства и братства.

Имя этой великой силѣ — соціализмъ, а Богъ ея — богъ не милосердія, не войны, не кары за грѣхи, но Богъ труда, Богъ высшаго разума, направленнаго на великое строительство будущей просвѣтленной и счастливой жизни. Движимый имъ, человѣкъ не станетъ произвольно оставлять въ небреженіи свою долю труда и будничныхъ дѣлъ и искать Бога лишь въ молитвенномъ созерцаніи, лишь въ религіозной мечтательности, удаляясь отъ суеты міра и настраивая душу на религіозные помыслы. Онъ будетъ видѣть Бога во всемъ, что̀ образуетъ міръ, и не станетъ дѣлать различія между человѣческими и божескими дѣлами. Какъ бы ни было ничтожно творимое имъ дѣло, если оно даетъ ему нравственное удовлетвореніе сознаніемъ необходимости для грядущихъ поколѣній, онъ ощутитъ въ немъ тотъ цѣлебный источникъ жизненной радости, изъ котораго, въ свободныя отъ труда минуты, ключомъ забьетъ не униженная мольба, не покаянный канонъ, но свѣтлая струя сознательной радости жизни, и она сообщитъ душѣ ощущеніе Божества.

III.

Мѣщанство мы должны ненавидѣть, сказалъ я выше, но мѣщанъ истинный христіанинъ ненавидѣть не станетъ. Мы здѣсь не споримъ съ г. Мережковскимъ, и его ненависть сосредоточена, главнымъ образомъ, на мѣщанствѣ, но ему кажется, что искать спасенія отъ мѣщанства можно лишь обращеніемъ кверху, къ вѣнцу золотыхъ лучей, исходящихъ отъ божественнаго лика Спасителя; я же думаю, что человѣчество никогда не увидитъ этихъ лучей, и что за спасеніемъ нужно обращаться книзу, что Христосъ тамъ,—не у страждущихъ и умирающихъ, но у ведущихъ огромную работу, которой держится міръ, которой опредѣляются отношенія людей и цѣлыхъ народовъ. Какія бы крѣпости ни сооружали на границахъ, какія бы полчища ни держали для охраны европейскихъ прилавковъ, братство труда, которое скоро станетъ свободнымъ, смѣется надъ ними и расширяетъ все дальше и дальше ту братскую связь, которая роднитъ между собою желтолицаго китайца съ суровымъ лицомъ англійскаго ткача, которая опровергнетъ всѣ кабинетныя измышленія дипломатовъ, наивно вѣрящихъ своей роли вершителей международныхъ судебъ. Въ этомъ отношеніи Россіи угрожаетъ великая опасность, на которой такъ настаивалъ покойный Вл. С. Соловьевъ. Востокъ пойдетъ на насъ, какъ давно уже идетъ Западъ, но не съ пулеметами и оружіемъ въ рукахъ, а съ тысячелѣтними навыками къ труду, съ терпѣніемъ, выдержкой, съ любовью къ жизни и презрѣніемъ къ смерти. Чѣмъ же мы можемъ встрѣтить этихъ неминуемыхъ пришельцевъ. За свой трудъ они возьмутъ богатства страны, своимъ культомъ разума развѣютъ темную стихійную безформенность нашей, такъ называемой, духовной мощи, изъ которой мы не сдѣлали религіи труда, растративъ ее на расколъ, на мертвую обрядность, на секты и толки. Началами мудрой государственной организаціи они положатъ конецъ анархіи и смутѣ, порожденнымъ борьбой тирановъ и рабовъ. И на обширныхъ равнинахъ нѣкогда великой Россіи встрѣтятся народы Запада и Востока, чтобы заключить братскій союзъ, чтобы сомкнуть міровое кольцо знанія и труда, на которомъ выростетъ новая міровая великая и въ существѣ своемъ христіанская культура. Станетъ возможнымъ повѣрить свѣтлой мечтѣ поэта:

И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,
Ни безкрестныхъ могилъ, ни рабовъ,
Ни нужды, безпросвѣтной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорныхъ столбовъ.

Кто вѣритъ въ возможность проникновенія для Россіи культурными началами будущаго, кто видитъ необходимость для нея борьбы во имя этихъ началъ, при посредствѣ которыхъ она вступитъ въ братскій международный союзъ, кто, наконецъ, не хочетъ допустить и мысли, что благородной славянской крови суждено раствориться въ чуждыхъ ей элементахъ желтой и англосаксонской расы, тотъ не можетъ сложить съ себя, въ періодъ острой революціонной борьбы, трудной и скорбной обязанности русскаго интеллигента къ своему народу. И въ то время, какъ индивидуализмъ, какъ бы замыкаясь въ себя, будетъ бѣжать отъ толпы на вершины горделиваго одиночества и бережно уносить съ собой искры божественнаго огня, свѣтившаго людямъ въ ихъ поискахъ во мракѣ тернистаго прошлаго, сотни и тысячи рукъ примутся за черную и неблагодарную работу расчистки пути къ великому счастью наслажденія и труда. Тогда отъ сохраненныхъ искръ зажгутся безчисленные огни культурнаго обновленія, великаго праздника человѣческаго счастья. Сознавать эту высокую цѣль, вѣрить въ нее и не приложить рукъ къ общей работѣ—вотъ истинное мѣщанство, съ которымъ придется всѣми силами неустанно бороться. Но при этой борьбѣ не станемъ презирать тѣхъ, кто ощупью бредетъ, не зная дороги, и называть ихъ слѣпыми за то лишь, что они еще не прозрѣли.

Я такъ понимаю скорбь г. Мережковскаго при видѣ погибающей, какъ ему кажется, культуры, но мнѣ хочется не только сказать, но до боли крикнуть ему: „Это не гибель, это тяжелыя ночныя тучи расходятся надъ землею и изъ-за нихъ выглянетъ свѣтлое, утреннее солнце!“

IV.

Когда соціализмъ создастъ тѣ условія, при которыхъ осуществлять завѣты Христа будетъ не результатомъ тяжелыхъ усилій воли, не подвигомъ самоуничтоженія, но естественнымъ влеченіемъ къ наиболѣе полному осуществленію своего „я“ въ жизни, роль его окончится, и онъ исчезнетъ безслѣдно, съ послѣднимъ пережиткомъ старины, съ послѣднимъ разсѣяннымъ суевѣріемъ мрачнаго средневѣковья.

Какъ же сложится тогда жизнь?

Однажды молодой англичанинъ, послѣ продолжительнаго разговора съ своими друзьями о томъ, что̀ будетъ послѣ революціи, вернулся въ свой домъ на берегу Темзы и уснулъ. Проснувшись рано утромъ, онъ отправился по обыкновенію купаться въ холодныхъ струяхъ рѣки, и здѣсь былъ пораженъ той удивительной перемѣной, которая произошла въ столь хорошо знакомой ему обстановкѣ окрестныхъ мѣстъ. Вмѣсто

мыловаренъ съ изрыгающими дымъ трубами и машинныхъ фабрикъ съ ихъ стукомъ и громомъ, онъ увидѣлъ прехорошенькіе небольшіе домики, привлекавшіе своей уютностью, утопавшіе въ зелени садовъ и цвѣтниковъ, доходившихъ до самой рѣки. Но что всего удивительнѣе—вчерашній неуклюжій мостъ, мозолившій глаза, замѣнился, точно по волшебству, новымъ, массивнымъ, оригинальнымъ, съ красивыми постройками на парапетѣ. На вопросъ, обращенный къ лодочнику, удивленный джентльменъ получилъ отвѣтъ, что этотъ мостъ еще не слишкомъ старъ: онъ былъ выстроенъ, или, вѣрнѣе, открытъ въ 2003 году...

Этотъ счастливецъ увидѣлъ то, что суждено увидѣть, быть можетъ, нашимъ правнукамъ или даже немногимъ внукамъ. О томъ, что именно онъ увидѣлъ, читатель можетъ узнать изъ любопытной книги Вильяма Морриса, скромно выглянувшей на свѣтъ въ русскомъ переводѣ. Это не сказка, это не фантастическая поэма, даже не утопія, хотя авторъ даетъ ей это названіе, во слѣдъ великому прозорливцу Томасу Мору. Это—блестящая гипотеза, предложенная, какъ одно изъ вѣроятныхъ рѣшеній соціальной міровой проблемы. Авторъ ея слишкомъ солидный и практичный человѣкъ, чтобы отдавать себя въ жертву праздной игрѣ воображенія. Конечно, онъ не такой раціоналистъ, какъ Уэллсъ, въ „A Modern Utopia", съ его культомъ постепенно оздоровляющагося потомства и карательнымъ кодексомъ за пороки и проступки. Заключая въ себѣ рядъ возможныхъ рѣшеній соціальной проблемы, книга Морриса очень привлекательна благородствомъ своего изложенія, теплотой тона, даже своими увлеченіями, которыя очень наивны и милы. Художникъ по натурѣ и основатель мастерскихъ декоративныхъ искусствъ, гдѣ всѣ произведенія создавались ручнымъ трудомъ, Моррисъ посвятилъ себя вначалѣ демократизаціи искусства. Его горячее стремленіе возродить человѣчество „религіей красоты", которая не искала бы избранниковъ, но проникала бы собой всю жизнь трудовой народной массы, неизбѣжно привело его къ соціальнымъ вопросамъ, рѣшенію которыхъ онъ посвятилъ вторую половину своей жизни. Исходя изъ глубокаго убѣжденія, что истинное искусство, какъ и истинныя свобода и нравственность, невозможно при современномъ капиталистическомъ строѣ, оставляющемъ въ темной нищетѣ народную массу, Моррисъ выступилъ на борьбу съ этимъ строемъ, засорившимъ жизнь безконечной сѣтью предразсудковъ и лжи. Соціалистическое ученіе дало наиболѣе полное удовлетвореніе его чувству справедливости и красоты. Сначала онъ примкнулъ къ основанной въ 1881 году въ Лондонѣ „Демократической Федераціи", но въ 1885 году онъ, вмѣстѣ со своими единомышленниками, отдѣлился отъ нея и образовалъ „Соціалистическую Лигу", центромъ которой сталъ его домъ въ Гаммер-

смитѣ. Наблюдательный и трезвый отъ природы, онъ не увлекался мечтой произвести соціальный переворотъ въ самомъ близкомъ будущемъ, какъ и въ быстрое перерожденіе человѣческой природы. Онъ говорилъ: „Если фабрикантъ отдастъ рабочимъ свои барыши, они сейчасъ же, путемъ сбереженій, постараются сдѣлаться сначала маленькими капиталистами, а потомъ и большими. И такимъ образомъ это повело бы только къ размноженію класса капиталистовъ". Насильственный переворотъ, даже въ случаѣ своего успѣха, ничего не внесетъ въ жизнь, кромѣ смуты: смута уляжется, наступятъ разочарованіе и недовольство, и неизмѣненный изнутри укладъ жизни вернется на старый путь. Необходимо работать надъ воспитаніемъ, образованіемъ и организаціей всего рабочаго класса, чтобы весь этотъ классъ проникся сознаніемъ цѣлей и задачъ соціализма. Своей обязанностью Моррисъ считалъ вести всѣхъ людей труда къ уясненію ихъ соціальныхъ задачъ, избѣгая по возможности смутъ и излишнихъ страданій. Въ цѣляхъ распространенія своихъ идей Моррисъ читалъ лекціи, принималъ участіе въ газетѣ партіи, издавалъ книги, независимо отъ сборниковъ своихъ поэтическихъ произведеній, которыя доставили ему широкую литературную извѣстность.

Въ своей „Утопіи" Моррисъ не создавалъ ни воздушныхъ замковъ, ни волшебныхъ кораблей, ни безпечальнаго существованія райскихъ затворниковъ. Онъ только упростилъ жизнь, не возвращая людей къ первобытной жизни, но, напротивъ, сдѣлавъ культуру необходимѣйшимъ средствомъ достойнаго человѣческаго существованія. Въ самомъ дѣлѣ, спросимъ мы, еслибы греку временъ Платона задали вопросъ: чего человѣчество достигнетъ скорѣе — установленія ли равенства между людьми, или способа передачи мысли съ одного конца міра на другой, который доступенъ намъ при помощи телеграфа, грекъ, при всей трудности представить государство безъ рабовъ, безъ сомнѣнія назвалъ бы первое и посмѣялся надъ вторымъ. Однако, позднѣйшіе вѣка принесли обратное, и надо было Христу плѣнить воображеніе мечтой о спасеніи рода людского черезъ перевоплощеніе въ христіанствѣ, чтобы поддержать въ людяхъ то гаснущую, то вспыхивающую вѣру въ грядущее торжество Его ученія. Неравенство людей создано людьми, и Моррисъ отнимаетъ у нихъ всякую возможность поддерживать искусственный и вредный порядокъ тѣхъ междучеловѣческихъ отношеній, въ которыхъ мы продолжаемъ жить въ настоящее время. Въ его „Утопіи" всѣ идеально равны. Всѣ свободны, какъ въ выборѣ дѣятельности, такъ и въ образѣ жизни, всѣ служатъ сами себѣ и другъ другу: общественная мораль опредѣляется стремленіемъ быть полезнымъ своимъ сосѣдямъ. При отсутствіи частной собственности, люди Моррисовой „Утопіи" не знаютъ ни бѣ-

ности, ни тяжебъ, ни ссоръ; нѣтъ понятія и уголовныхъ преступленій, такъ какъ преступники уже въ достаточной степени несутъ наказаніе въ угрызеніяхъ своей совѣсти, а при повторяющихся случаяхъ разсматриваются какъ больные. Авторъ заставилъ молодого человѣка, проснувшагося черезъ двѣсти лѣтъ, искать объясненія новаго порядка вещей у древняго, столѣтняго старца, изучившаго исторію девятнадцатаго вѣка, и вотъ что̀ тотъ сообщилъ ему по вопросу о преступленіяхъ: „Въ вашемъ смыслѣ слова, — говорилъ старецъ, — у насъ уголовныхъ законовъ не существуетъ. Вглядимся повнимательнѣе въ этотъ вопросъ и посмотримъ, что̀ служило поводомъ для преступленій противъ личности. Они были, большей частью, слѣдствіемъ правилъ о частной собственности, разрѣшавшихъ удовлетвореніе законнѣйшихъ желаній только немногимъ привилегированнымъ людямъ и подчинявшихъ всѣхъ вынужденной наружной сдержанности. Эта причина преступленій противъ личности исчезла. Подобныя преступленія происходили еще отъ искусственнаго искаженія половой страсти, вызывавшей себялюбивую ревность и тому подобныя недостойныя чувства. Теперь, если вы внимательнѣе присмотритесь ко всему этому, то увидите, что въ основѣ большею частью лежало убѣжденіе (созданное закономъ), что женщина есть собственность мужчины, будь то мужъ, отецъ, братъ или еще кто. Это убѣжденіе исчезло, какъ и многія другія странныя представленія, напримѣръ „паденіе" женщины, если она слѣдовала своимъ естественнымъ желаніямъ: условныя понятія, созданныя, несомнѣнно, законами о частной собственности".

Какъ же управляются люди этой „Утопіи"? Опять-таки очень просто, оттого что въ обществѣ нѣтъ сословій, нѣтъ дѣленія на знатныхъ и незнатныхъ, нѣтъ богатыхъ и бѣдныхъ. Отсутствіе зависти и вражды, порождаемыхъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, искусственно поддерживаемымъ неравенствомъ людей, устраняетъ необходимость централизаціи, передающей въ руки одного или немногихъ лицъ страшную власть надъ судьбой милліоновъ. Здѣсь управленіе состоитъ въ полномъ народовластіи; всякій свободно высказываетъ свое мнѣніе и, такимъ образомъ, можетъ вліять на рѣшенія своей общины, а при ея посредствѣ и всей страны. Все построено на томъ убѣжденіи, что „человѣкъ не нуждается въ опредѣленной формѣ правленія съ арміей, флотомъ, полиціей для того, чтобы заставлять его подчиняться волѣ большинства *равныхъ* ему людей, какъ не нуждается въ немъ для того, чтобы понять, что головой нельзя прошибить каменную стѣну". Говоря о парламентѣ девятнадцатаго вѣка, старецъ спрашиваетъ въ той же бесѣдѣ, не служилъ ли парламентъ, съ одной стороны, сторожевымъ пунктомъ для охраненія интересовъ высшихъ классовъ, а съ другой стороны — для отвода глазъ народу, который

старались держать въ обманчивомъ заблужденіи, что онъ тоже принимаетъ участіе въ управленіи своими дѣлами.

Изложеніе новаго порядка жизни не пеструтъ у Морриса ссылками на ученіе Христа, но своей естественной, непринужденной кротостью, своей независимостью отъ всего искусственнаго и условнаго нашей жизни, оно ближе всего подходитъ къ тому идеалу, который заповѣдалъ Христосъ. Сбудется ли все такъ, какъ изображаетъ Моррисъ, этого не скажетъ никто, какъ никто не скажетъ того, дойдетъ ли каждый изъ насъ до той цѣли, къ которой направлены наши личныя усилія и мечты; но если есть у насъ всепоглощающая жизненная цѣль, мы должны не темнымъ, стихійнымъ чувствомъ, но разумомъ вѣрить въ нее, но сознательно стремиться къ ней, чтобы лучше пасть въ страстномъ исканіи истины, чѣмъ затеряться въ лабиринтѣ жизненныхъ путей, ожидая откровеній съ высоты прекраснаго, но тупого въ своемъ равнодушіи неба.

V.

А теперь я остановлю вниманіе читателя на одной цитатѣ изъ старой книги, недавно вышедшей въ новомъ русскомъ переводѣ. „Назначеніе нашего рода—въ томъ, чтобы объединиться въ единое, вполнѣ извѣстное себѣ во всѣхъ своихъ частяхъ и одинаково построенное тѣло. Къ этой цѣли съ самаго начала вели природа и даже страсти и пороки людей: значительная часть пути къ ней уже осталась назади, и можно съ увѣренностью разсчитывать на то, что эта цѣль, условіе дальнѣйшихъ успѣховъ, будетъ въ свое время достигнута. Пусть не спрашиваютъ, однако, исторію о томъ, стали ли люди, въ общемъ, нравственнѣе. Они развили громадную, многообъемлющую и сильную произвольную дѣятельность, но ихъ положеніе почти необходимо приводило ихъ къ тому, что они употребляли эту дѣятельность почти исключительно во зло. Пусть не спрашиваютъ исторію и о томъ, не превзошелъ ли древній міръ своими искусствомъ и разсудочной культурой, сосредоточенными въ немногихъ пунктахъ, искусство и разсудочную культуру новаго міра. Возможно, что отвѣтъ былъ бы постыднымъ для насъ, и что въ этомъ отношеніи человѣческій родъ, повидимому, не пошелъ впередъ, а спустился. Но спросите исторію о томъ, въ какой періодъ болѣе всего было распространено и раздѣлено между наибольшимъ количествомъ людей наличное образованіе; и вы безъ сомнѣнія найдете, что съ начала исторіи до нашихъ дней немногіе свѣтлые пункты культуры все болѣе расширялись изъ своихъ центровъ, захватывая человѣка за человѣкомъ и народъ за народомъ, и что это распространеніе образованія въ ширь

продолжается и на нашихъ глазахъ. И это было первою цѣлью человѣчества на его безконечномъ пути. Пока эта цѣль не достигнута, пока наличное въ каждый вѣкъ образованіе не распространилось по всему населенному земному шару, и нашъ родъ не сталъ способнымъ на свободнѣйшія сношенія своихъ частей другъ съ другомъ, одна нація должна ожидать на общемъ пути другую, одна часть міра—другую, и каждый народъ долженъ приносить свои столѣтія мнимой остановки или регресса въ жертву всеобщему союзу, ради котораго только онъ и существуетъ. Когда достигнута будетъ эта первая цѣль, когда все полезное, что̀ найдено въ одномъ концѣ земли, тотчасъ будетъ становиться извѣстнымъ и сообщаться всѣмъ людямъ, человѣчество безъ остановокъ и регресса, общими силами и въ непрерывномъ единомъ шествіи станетъ возвышаться до образованія, превышающаго наши понятія".

Это говоритъ Фихте, котораго никто не обвинитъ ни въ позитивизмѣ, ни въ пылкости философскаго воображенія. Книга его „о назначеніи человѣка" должна быть прочитана всѣми, кого интересуетъ не только философія и мораль, но и вопросы историческіе и общественные. Она хранитъ своеобразный отпечатокъ эпохи, изъ которой вышла, и взглядовъ, которые уже давно получили историческую оцѣнку, но въ ней есть нѣчто, не поддающееся обычному учету, есть нѣкій духъ вѣчности, который оставляетъ далеко позади всѣ особенности его историческаго міровоззрѣнія. Это—безшумное и нѣжное пареніе къ истинѣ, возвышенный полетъ мечты о судьбахъ грядущаго, которое станетъ свѣтло и радостно, какъ только человѣкъ не въ небесахъ, но въ своемъ сердцѣ ощутитъ Бога, побѣдившаго добромъ зло. Увлекая читателей въ сверхчувственный міръ, Фихте, однако, приковываетъ его вниманіе къ высшимъ интересамъ земли и многими сторонами своего ученія поразительно совпадаетъ съ тѣми представленіями о грядущемъ, которыя выросли на идеологіи соціалистическаго строя. Нѣтъ ничего удивительнаго, если Моррисъ удѣляетъ не меньшее вниманіе удобствамъ и всеобщей *полезности*, чѣмъ красотѣ и моральной цѣлесообразности изображаемой имъ жизни. Но гораздо болѣе достойно примѣчанія, что и метафизикъ Фихте далеко не отвергаетъ въ своихъ построеніяхъ принципа утилитаризма. „Нѣтъ человѣка, который любилъ бы зло потому, что оно зло, — говоритъ онъ;—онъ любитъ въ немъ только выгоды и наслажденія, которыя оно ему обѣщаетъ и которыя оно дѣйствительно доставляетъ ему въ большинствѣ случаевъ при современномъ положеніи человѣчества. Пока продолжается это положеніе, пока пороку воздается награда, едва ли можно надѣяться на коренное улучшеніе человѣка въ массѣ. Но въ такомъ гражданскомъ строѣ, какимъ онъ долженъ быть, какого

требуетъ разумъ, какой легко описываетъ мыслитель, хотя и не видѣвшій его нигдѣ до сихъ поръ, и какой необходимо образуется у перваго народа, который дѣйствительно освободитъ себя,—въ такомъ строѣ зло не даетъ никакихъ преимуществъ, а скорѣе несомнѣнно приноситъ вредъ, такъ что простое себялюбіе само по себѣ подавляетъ проявленіе себялюбія въ несправедливыхъ поступкахъ". Не менѣе любопытно сопоставить взгляды Фихте и Морриса на зависимость, которая существуетъ между установленіемъ внутренняго порядка въ государствѣ на началахъ равенства и прекращеніемъ войнъ между народами. Когда всѣ станутъ равны и одинаково станутъ работать на общее благо, войны прекратятся сами собой потому, что исчезнетъ ихъ главная причина—необходимость въ накопленіи богатствъ и поддержаніе власти немногихъ въ ущербъ всѣмъ. По глубокому замѣчанію Фихте, свободное государство никогда не потерпитъ съ собою рядомъ такія государства, предводители которыхъ изъ порабощенія сосѣднихъ народовъ извлекаютъ лишь свою выгоду, постоянно угрожая тѣмъ самымъ спокойствію сосѣдей: „забота о своей собственной безопасности заставляетъ всѣ свободныя государства преобразовывать и все вокругъ себя въ свободныя государства и распространять, такимъ образомъ, въ собственныхъ интересахъ царство культуры на дикарей, царство свободы—на рабскіе народы". Надъ соперничествомъ между націями смѣются и въ „Утопіи" Морриса, какъ надъ возможностью расовой нетерпимости при всеобщемъ равенствѣ людей. Искусственно поддерживаемое наслѣдіе дикихъ вѣковъ, расовая вражда была необходима, съ точки зрѣнія людей „Утопіи", чтобы являть собой, въ числѣ многихъ другихъ предразсудковъ, наглядное доказательство необходимости правительства, которое, по словамъ Гаммонда, „въ дѣйствительности существовало только для разрушенія народнаго благосостоянія". Въ то время, какъ Фихте—весь въ отвлеченности, въ широкихъ перспективахъ будущаго, охватывающихъ людскія дѣла съ неизмѣримой высоты, Моррисъ, своими противоположеніями, рисуетъ мрачную картину современнаго буржуазнаго строя. Онъ затрудняется, между прочимъ, перечислить всѣ абсурды, до которыхъ доходила реакція въ своихъ пріемахъ угнетенія людей. Ему слышалась „страшная трагедія сквозь слезы" въ священномъ лозунгѣ реакціонеровъ: „Надо подавить ненасытную алчность низшихъ классовъ"... „Надо проучить народъ". Моррисъ скромно называетъ эти „лозунги"—„довольно зловѣщими словами"...

Это писалъ представитель страны, почитаемой нами просвѣщеннѣйшей и свободной, куда, время отъ времени, спасаемся мы, русскіе, чтобы не задохнуться въ чаду отечественнаго мракобѣсія и ужаса. Что же написалъ бы онъ, исходя изъ русской дѣйствительности, или

вообще русскій писатель съ большой дозой оптимизма и соціальнаго прозрѣнія? Какою бы ни представилась ему Русь черезъ двѣсти лѣтъ, но еслибы имъ руководила мысль, что тогда будетъ лучше, чѣмъ теперь, ему, вмѣсто предисловія, пришлось бы начать съ духовнаго завѣщанія: за такія рѣчи, не давъ докончить золотого сна о грядущемъ счастіи Россіи, ему свернули бы голову, чтобы онъ не будилъ спящихъ людей и не звалъ зарю раньше времени...

А Фихте и Моррисъ благополучно умерли своей смертью у себя на родинѣ: первый въ 1814, а второй недавно—лѣтъ десять назадъ.

Евг. Ляцкій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1906 г.

Министерскій кризисъ во Франціи. — Парламентскія пренія по поводу „катастрофы въ Бешепѣ".—Инциденты при примѣненіи закона о церковныхъ имуществахъ.—Печальныя параллели.—Программа новаго французскаго кабинета.—Марокксная конференція.—Отголоски русско-японской войны.

Перемѣна министерства во Франціи не имѣетъ вообще большого значенія съ тѣхъ поръ какъ прочно установилось господство республиканской партіи: смѣняются лица, но не система, и только оттѣнки различныхъ парламентскихъ группъ отражаются въ программахъ того или другого кабинета. Можно было предвидѣть, что кабинетъ Рувье не удержится долго при новомъ президентѣ республики; но кризисъ произошелъ довольно неожиданно и сопровождался любопытными инцидентами, представляющими нѣкоторый общій интересъ.

Въ засѣданіи палаты депутатовъ, 7-го марта (нов. ст.), предъявлено было три запроса министру внутреннихъ дѣлъ: Плишонъ, Анри Кошенъ, аббатъ Лемиръ и Гіейссъ требовали объясненій отъ правительства по поводу „катастрофы въ Бешепѣ". Въ чемъ же заключалась эта катастрофа, взволновавшая общественное мнѣніе и приведшая къ паденію министерства? Въ мѣстечкѣ Бешепъ, близъ бельгійской границы, при производствѣ описи церковнаго имущества, толпа католиковъ ворвалась въ церковь, напала на правительственныхъ агентовъ и избила сборщика податей до того, что жизнь его подвергалась опасности; его топтали ногами, и сынъ его, послѣ тщетныхъ просьбъ о пощадѣ, выстрѣлилъ изъ револьвера въ одного изъ нападавшихъ: какой-то человѣкъ былъ убитъ. Въ этомъ несчастномъ происшествіи всего менѣе виноваты были полицейскіе чины; убійство совершено не полиціею и не войсками, а частнымъ лицомъ, при нападеніи толпы на исполнителей закона. Тѣмъ не менѣе, правительство было призвано къ отвѣту, такъ какъ оно обязано предупреждать самую возможность столкновеній и кровопролитій. „Человѣкъ убитъ,—восклицалъ депутатъ Плишонъ:—говорили, что законъ объ отдѣленіи церкви отъ государства есть законъ свободы и умиротворенія; но до сихъ поръ это законъ убійства". Ораторъ крайней лѣвой, Гіейссъ, напомнилъ, что принципъ описи церковныхъ имуществъ внесенъ въ законъ по предложенію правой, и что противодѣйствіе вѣрующихъ католиковъ является результатомъ искусственной и недобросовѣстной агитаціи со стороны клерикаловъ;

„правительство республики—по его словамъ—не можетъ подчиниться иностранному повелителю, предписывающему французамъ свою волю изъ Рима; оно должно обезпечить безусловное уваженіе къ закону".

На ту же тему произнесъ горячую рѣчь докладчикъ и главный составитель закона, Бріанъ. „Консерваторы и клерикалы,—говорилъ онъ,—сами настаивали на введеніи правила объ инвентаряхъ, а потомъ они увѣряли поселянъ, что дѣло идетъ о посягательствѣ на религію и на собственность; населеніе было возбуждено фанатизмомъ: оно думаетъ защищать свою вѣру, и оно заслуживаетъ полнаго сочувствія по своей искренности; нужно желать, чтобы эти люди не сдѣлались жертвами своего заблужденія; истинными виновниками слѣдуетъ признать тѣхъ, которые изо дня въ день распространяютъ ложь: религія служитъ здѣсь только прикрытіемъ для политики". По требованію значительной части большинства, палата постановила отпечатать и расклеить рѣчь Бріана во всѣхъ общинахъ страны. Депутатъ Лазй, отъ имени оппозиціи, высказалъ нѣсколько комплиментовъ по адресу Бріана, но отмѣтилъ непослѣдовательность его разсужденій. „Большинство, вотировавшее законъ, должно быть счастливо, что имѣетъ такого оратора, какъ Бріанъ; принятіе закона есть главнымъ образомъ его заслуга; благодаря ему, законъ оказался возможнымъ и допустимымъ для населенія; а между тѣмъ теперь тотъ же талантъ Бріана пускается въ ходъ для того, чтобы оправдать позоръ совершившихся фактовъ,—ибо нѣтъ ничего позорнѣе, какъ проливать французскую кровь ради примѣненія закона. Правительство должно было бы дѣйствовать съ бо̀льшимъ тактомъ и съ большею умѣренностью".

Аббатъ Лемиръ остановился на вопросѣ объ отвѣтственности; онъ тоже полагалъ, что производство описей было лишь мѣрой охраны, что оно не имѣло другой цѣли, кромѣ обезпеченія правильной передачи имуществъ вѣроисповѣднымъ ассоціаціямъ. „Извѣстно уже,—говорилъ далѣе аббатъ Лемиръ,—при какихъ обстоятельствахъ произошли событія въ Бешепѣ. Министръ, безъ сомнѣнія, произведетъ надлежащее разслѣдованіе; я самъ вчера вечеромъ, въ его кабинетѣ, былъ свидѣтелемъ того, какъ искренно онъ былъ взволнованъ. Да, волненіе министра было вполнѣ реально; и найдется ли человѣкъ, который не испытывалъ бы волненія при мысли о человѣческомъ трупѣ? Я увѣренъ, что если здѣсь кто-нибудь взво̀лнованъ, то именно и прежде всего министръ внутреннихъ дѣлъ. Почему же онъ вводитъ эти описи съ такою торопливостью и почему допускаетъ употребленіе насилія? Правительство, достойное этого имени, приняло бы необходимыя мѣры предосторожности. Было ошибкою создавать возбужденіе въ Бешепѣ;—всякое возбужденіе представляетъ общественную опасность. Протесты жителей имѣли въ виду только защиту ихъ религіи;

тотъ, кто палъ жертвой, не былъ клерикаломъ, не былъ также агитаторомъ по профессіи; онъ былъ просто вѣрующимъ католикомъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, предсѣдатель совѣта министровъ,—не найдутъ ли они способовъ положить конецъ этимъ печальнымъ конфликтамъ? Религіозныя распри никому не желательны. Мы хотимъ защищать республику, уважать конституцію и власть; мы подчиняемся законамъ, хотя знаемъ, что нѣкоторые изъ нихъ освящаютъ несправедливость. Но мы требуемъ отъ правительства, чтобы оно уважало нашу совѣсть—совѣсть всѣхъ вообще".

Министру внутреннихъ дѣлъ, Дюбье, не трудно было оправдаться передъ палатою, при такомъ ея настроеніи. „Правительство,—сказалъ онъ,—было глубоко взволновано случившимся въ Бешепѣ. Ничто не давало повода предвидѣть столкновенія; опись была уже окончена, когда ворвались двѣсти человѣкъ и набросились на сборщика податей: раздались выстрѣлы, и слѣдствіе должно установить, кто именно убилъ жертву. Для избѣжанія волненій и насилій были приняты разныя мѣры; но являлись подстрекатели какъ въ печати, такъ и въ публичныхъ собраніяхъ, и даже съ церковныхъ каѳедръ. Можно ли было допустить, чтобы законъ склонился передъ возмутившимися? Нѣтъ, этого допустить нельзя. Мы удвоимъ свою осторожность и сдержанность; но законъ будетъ приведенъ въ исполненіе, и никакая передача церковныхъ имуществъ не состоится безъ предварительнаго составленія инвентарей". Лучшій ораторъ центра, Рибо̀, отвѣтилъ министру нѣсколькими вѣскими соображеніями и указаніями. Система описей, предложенная имъ при обсужденіи закона, примѣняется въ такомъ духѣ, что она уже не является охранительною мѣрою въ глазахъ народа. „Люди не могутъ признать, что имъ дѣлаютъ подарокъ или льготу, взламывая двери церквей и выставляя вооруженную силу; имъ кажется, что если около нихъ вертятся жандармы и полиція, если насильственно вскрываютъ церковныя хранилища, то это значитъ, что имъ не желаютъ добра; потому и понятно ихъ недовѣріе и отвращеніе къ инвентарямъ. Политическія партіи стараются возстановлять католиковъ противъ республики, но искусство правительства заключалось бы въ томъ, чтобы не играть въ руку этой агитаціи; надо было заблаговременно издать подробныя правила и инструкціи для предупрежденія ложныхъ комментаріевъ, а пока пріостановить производство описи повсюду, гдѣ ожидалось или готовилось сопротивленіе. Никто не сомнѣвался, что правительство могло насильно открыть церкви при помощи отрядовъ полиціи; но это было безполезно. Не слѣдовало поднимать всю французскую армію ради церковныхъ инвентарей, и никто не упрекалъ бы администрацію за то, что она отступила передъ опасностью кровопролитія. Законъ самъ собою не оправдываетъ вызванныхъ имъ про-

тестовъ; онъ позволяетъ французскому духовенству свободно обсуждать интересы церкви и признаетъ за папой право назначать епископовъ; съ этимъ закономъ церковь можетъ жить и занять подобающее мѣсто въ нравственной области, войдя въ соприкосновеніе съ оживляющими силами свободы. Законъ долженъ быть исполненъ; но успокоеніе тѣмъ болѣе необходимо, что мы окружены опасностями. Не надо насилія ни съ той, ни съ другой стороны".

Рѣчь Рибо произвела такое впечатлѣніе, что и ее палата рѣшила опубликовать и расклеить во всѣхъ общинахъ; то же самое постановлено затѣмъ относительно предшествовавшихъ рѣчей Дюбье и аббата Лемира, по требованію радикаловъ. Такимъ образомъ, палатой одинаково были одобрены и рекомендованы населенію четыре рѣчи, весьма различныя по духу, — двѣ правительственныя и двѣ оппозиціонно-клерикальныя,—причемъ, очевидно, имѣлось въ виду одинаково одобрительное по существу отношеніе ораторовъ къ самому закону и къ принципу инвентарей; но министръ-президентъ Рувье сдѣлалъ изъ этого выводъ, что всѣ согласны съ правительствомъ и одобряютъ его объясненія. Правительство огорчено прискорбными сценами изъ-за описи церковныхъ имуществъ; оно будетъ примѣнять законъ безъ слабости, но съ благоразуміемъ и тактомъ, необходимымъ для сохраненія общественнаго спокойствія; въ этомъ отношеніи то, что заявлялъ министръ внутреннихъ дѣлъ, вполнѣ отвѣчаетъ будто бы содержанію и тону всѣхъ другихъ рѣчей — и Бріана, и Рибо, и Лемира, а потому палатѣ предлагалось принять формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, выражающую простое одобреніе правительству. Рувье думалъ удовлетворить всѣхъ своею примирительною тактикою, опираясь въ одно и то же время на радикаловъ-соціалистовъ и на умѣренныхъ клерикаловъ; но ни тѣ, ни другіе не были довольны его неопредѣленными и отчасти двусмысленными разсужденіями. Радикалы рѣшительно протестовали противъ словъ министра-президента о согласіи съ Рибо и Лемиромъ, которые совѣтовали вступить вновь въ переговоры съ Ватиканомъ; Рибо и Лемиръ требовали болѣе точныхъ и ясныхъ заявленій относительно будущаго; соціалистъ Самба жаловался на то, что къ волненіямъ клерикаловъ правительство относится гораздо болѣе снисходительно, чѣмъ къ стачкамъ рабочихъ; Массэ настойчиво добивался отъ Рувье признанія, въ какихъ именно пунктахъ онъ согласенъ съ клерикалами; Гіейссъ выражалъ опасеніе, что правительство отступитъ передъ духовенствомъ и что эти парламентскіе споры составятъ первое начало капитуляціи. Рувье раздражается; онъ говоритъ: „если кабинетъ не пользуется вашимъ довѣріемъ, заявите это прямо и открыто, образуйте другое министерство". Депутатъ Девилль предлагаетъ формулу, въ которой содержится съ одной стороны

косвенное осужденіе дѣйствій правительства, а съ другой — указаніе практическихъ мѣръ для мирнаго разрѣшенія кризиса, путемъ прекращенія всякихъ денежныхъ выдачъ духовенству тѣхъ приходовъ, гдѣ не будутъ составлены инвентари. При голосованіи первенство признается не за этой формулою, а за формулой Перэ, принятою министерствомъ; но послѣдняя отвергается большинствомъ 267 голосовъ противъ 234. Рувье заявляетъ тогда, что дальнѣйшія пренія уже безразличны для правительства, и онъ удаляется вмѣстѣ съ своими коллегами; палата отсрочила свои засѣданія на нѣсколько дней, и публика безъ особеннаго огорченія узнала объ отставкѣ министерства.

„Прискорбное событіе" въ Бешепѣ, стоившее жизни одному изъ мѣстныхъ поселянъ, признавалось катастрофой не только ораторами оппозиціи, но и министрами; по свидѣтельству аббата Лемира, министръ внутреннихъ дѣлъ Дюбье, получивъ извѣстіе о случившемся, не могъ скрыть своего искренняго волненія,—ибо „кто же не будетъ волноваться при мысли объ убійствѣ"! Все, высказанное по этому поводу въ палатѣ депутатовъ, прекрасно характеризуетъ общій типъ современнаго французскаго управленія. Мы видимъ, что жизнь послѣдняго изъ обывателей цѣнится чрезвычайно дорого во Франціи, и что малѣйшее, хотя бы косвенное и невольное участіе агентовъ власти въ гибели человѣка способно взволновать министровъ, парламентъ, и даетъ матеріалъ для внимательнаго публичнаго обсужденія. Между тѣмъ у насъ въ разныхъ мѣстахъ страны почти ежедневно совершаются систематическія массовыя убійства, проливаются потоки крови, гибнутъ десятки и сотни человѣческихъ существъ, и никто изъ министровъ не обнаруживаетъ волненія; напротивъ, органы власти какъ будто торжествуютъ, въ сознаніи исполненнаго долга, и измѣряютъ свой престижъ количествомъ жертвъ; они даже заранѣе угрожаютъ извѣстной части населенія кровавыми погромами, подъ предлогомъ возмездія за оппозицію или поступки отдѣльныхъ лицъ, и никто не останавливаетъ этого преступнаго извращенія основныхъ понятій объ обязанностяхъ правительственныхъ агентовъ, никто не призываетъ распорядителей къ отвѣту, и непрерывный газетный шумъ, въ которомъ слышится мучительное негодованіе, остается лишь гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Мы какъ будто привыкли уже жить въ атмосферѣ ужасовъ, о которыхъ современные культурные народы не имѣютъ и отдаленнаго понятія; всего менѣе способны понимать наше положеніе французы, выросшіе при условіяхъ полной гражданской свободы и дѣйствительной неприкосновенности личности; оттого они и не могутъ искренно сочувствовать русскому обществу и народу, ибо не въ состояніи реально представить себѣ общую картину нашего политическаго существованія. Французскіе республиканцы настолько избало-

ваны своими конституціонными вольностями, что могутъ позволить себѣ роскошь волненій и министерскихъ кризисовъ изъ-за одного случайно погибшаго „мятежника“ или нѣсколькихъ раненыхъ; у насъ даже сотни и тысячи погибшихъ въ Одессѣ, Москвѣ и въ другихъ городахъ не расшевелили представителей власти, не разбудили спящаго правосудія, не тронули совѣсти людей, проповѣдующихъ репрессію для репрессіи. Нѣкоторая часть французской печати проявляетъ интересъ къ русскимъ народнымъ дѣламъ и бѣдствіямъ; отдѣльные журналисты печатаютъ краснорѣчивыя статьи о непонятныхъ имъ событіяхъ и вопросахъ, но Франція находится съ нами въ оффиціальномъ союзѣ и дѣлаетъ видъ, что нашъ внутренній политическій кризисъ вовсе ея не касается. Въ свою очередь и русская дипломатія дѣлаетъ видъ, что ея международное значеніе нисколько не измѣнилось со времени японской войны; она продолжаетъ играть свою обычную роль въ вопросахъ европейской политики, хотя встрѣчаетъ иногда ироническое пренебреженіе со стороны великихъ державъ. Какъ бы то ни было, Франція дорожитъ нашимъ союзомъ, который все-таки сохраняетъ извѣстную долю важности по отношенію къ Германіи; и эта вѣрность союзу въ чисто международной сферѣ переходитъ какъ бы по наслѣдству отъ одного министерства къ другому.

Послѣ обычныхъ совѣщаній президента республики съ президентами палаты и сената и съ наиболѣе выдающимися парламентскими дѣятелями, образовался новый кабинетъ, окончательный составъ котораго объявленъ въ „Journal officiel“ отъ 14 марта. Двумя декретами президента, контрасигнированными Морисомъ Рувье, депутатъ Сарріенъ назначенъ министромъ юстиціи и предсѣдателемъ совѣта министровъ; остальные декреты имѣютъ уже подпись Сарріена, какъ министра-президента. Первое министерство президента Фалліера можетъ быть названо блестящимъ по своему составу; оно заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя изъ самыхъ громкихъ именъ французской республики,—громкихъ не по титуламъ или общественному положенію, а по дарованіямъ и заслугамъ; мы встрѣчаемъ здѣсь людей, которые стояли уже во главѣ правительства или считались кандидатами въ министры-президенты и даже въ президенты республики. Сенаторъ Леонъ Буржуа, не пожелавшій сдѣлаться главою кабинета, занялъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ; знаменитый сокрушитель министерствъ, одинъ изъ лучшихъ французскихъ ораторовъ и журналистовъ, сенаторъ Клемансо, назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ; сенаторъ Раймондъ Пуэнкаре—министромъ финансовъ; депутатъ Бріанъ, вдохновитель и докладчикъ церковнаго законопроекта — министромъ народнаго просвѣщенія, искусствъ и вѣроисповѣданій; депутатъ Луи Барту—министромъ публичныхъ работъ, почтъ и телеграфовъ; депутатъ Гастонъ

Думергъ, извѣстный экономистъ, — министромъ торговли, промышленности и труда; депутатъ Рюо—министромъ земледѣлія; Жоржъ Лейгъ—министромъ колоній; наконецъ, депутаты Этьеннъ и Томсонъ сохранили портфели министровъ военнаго и морского. Три министра—Сарріенъ, Буржуа и Рюо — принадлежатъ къ радикальной лѣвой; пять министровъ—къ демократическому союзу; двое—Клемансо и Думергъ—радикалы-соціалисты, и одинъ—Бріанъ—соціалистъ. Особенный интересъ возбуждаетъ Клемансо въ совершенно новой для него роли министра внутреннихъ дѣлъ; старый республиканецъ-радикалъ, убѣжденный и энергическій демократъ, какъ руководитель администраціи и полиціи великаго государства,—явленіе крайне оригинальное и любопытное. Всѣ ждутъ отъ него серьезныхъ перемѣнъ и преобразованій въ его вѣдомствѣ, но французскій правительственный аппаратъ установился крѣпко, и съ его бюрократической рутиной тщетно пытались бороться многочисленные реформаторы, начиная съ конца сороковыхъ годовъ; немного сдѣлаетъ въ этомъ отношеніи и Клемансо. Впрочемъ, будучи лишь исполнительнымъ орудіемъ правительственной власти, зависящей отъ парламента, французская бюрократія давно утратила свои старинныя зловредныя черты и перестала давать благодарную пищу для смѣлыхъ реформаторскихъ проектовъ.

Въ министерской деклараціи, прочитанной Сарріеномъ и Леономъ Буржуа въ тотъ же день, 14-го марта, въ обѣихъ палатахъ, высказано немало здравыхъ истинъ и хорошихъ пожеланій, относящихся къ вопросамъ текущей политики. „Нѣтъ никого между нами, — говорится въ этомъ документѣ,—кто желалъ бы какимъ бы то ни было способомъ нарушить свободу религіозныхъ убѣжденій и обрядовъ. Законъ будетъ примѣняться въ томъ же либеральномъ духѣ, въ какомъ онъ вотировался въ парламентѣ, и присутствіе въ составѣ министерства докладчика этой реформы является вѣрною гарантіею нашихъ намѣреній. Но на насъ лежитъ также обязанность обезпечить исполненіе всѣхъ законовъ на всемъ пространствѣ территоріи. При республиканскомъ правительствѣ, законъ есть высшее выраженіе національнаго верховенства: онъ долженъ быть повсемѣстно уважаемъ и повсюду соблюдаемъ. Настоящее правительство предполагаетъ, со всею необходимою осмотрительностью, но съ непреклонною твердостью, примѣнять новое законодательство, смыслъ котораго тщетно стараются извратить извѣстные элементы оппозиціи. Правительство во всякомъ случаѣ выяснитъ происхожденіе и отвѣтственность этой политической агитаціи, и, чтобы положить конецъ этой агитаціи, оно употребитъ въ дѣло всѣ средства, какія законъ даетъ въ его распоряженіе. Мы твердо рѣшили дать чиновникамъ всѣ необходимыя гарантіи противъ произвола и фаворитизма. Правительство не допуститъ призывовъ къ не-

повиновенію, обращенныхъ къ войскамъ; оно будетъ требовать отъ всѣхъ, офицеровъ и солдатъ, одинаковаго уваженія къ военнымъ уставамъ и къ законамъ республиканскимъ... Во внѣшнихъ дѣлахъ, особенно въ вопросахъ, касающихся нашего положенія въ сѣверной Африкѣ, мы имѣемъ въ виду продолжать политику нашихъ предмѣстниковъ, недавно еще одобренную парламентомъ. Вполнѣ сознавая жизненные интересы и права, защита которыхъ лежитъ на обязанности нашей дипломатіи, мы убѣждены, что примѣненіе этихъ правъ и нормальное развитіе этихъ интересовъ могутъ быть обезпечены безъ ущерба для интересовъ какой-либо другой державы; какъ и наши предмѣстники, которымъ мы считаемъ долгомъ публично отдать справедливость, мы питаемъ надежду, что прямота и достоинство этого способа дѣйствій облегчатъ скорое и окончательное урегулированіе текущихъ затрудненій. Вѣрная союзу, благодѣтельное вліяніе котораго одинаково чувствуется обѣими сторонами, и дружескимъ отношеніямъ, которыхъ прочность и цѣну мы имѣли случай провѣрить, Франція усиливаетъ свое положеніе въ мірѣ тѣмъ духомъ справедливости и мира, съ которымъ она относится къ различнымъ задачамъ, выдвигаемымъ силою вещей передъ народами. Въ томъ же духѣ мы и впредь будемъ съ довѣріемъ слѣдовать политикѣ, которая въ нашихъ глазахъ одинаково служитъ интересамъ нашего отечества, какъ и интересамъ всеобщаго мира".

При чтеніи фразы о вѣрности русскому союзу сдѣланъ былъ нѣкоторыми депутатами шумный перерывъ; раздались возгласы: „И это сказалъ Клемансо!"—„Васъ собралось четырнадцать человѣкъ, чтобы сказать это!" Клемансо считался непримиримымъ врагомъ оффиціальной Россіи и безусловнымъ сторонникомъ русскаго освободительнаго движенія; поэтому онъ не могъ стоять за близкія связи съ русскою бюрократіею,—но внѣшніе союзы не входятъ въ его компетенцію, и сохраненіе ихъ по мотивамъ международной дипломатіи вовсе не предполагаетъ дѣйствительной дружбы съ даннымъ правительствомъ. Истинныя чувства, симпатіи и антипатіи Клемансо должны обнаружиться въ его отношеніяхъ къ международной и особенно русской политической полиціи, имѣющей одинъ изъ своихъ постоянныхъ заграничныхъ центровъ въ Парижѣ; въ этой области онъ, кажется, принялъ уже нѣкоторыя ограничительныя мѣры, насколько можно судить по краткимъ газетнымъ свѣдѣніямъ. Какъ министръ радикальнаго направленія съ соціалистическимъ оттѣнкомъ, Клемансо получаетъ возможность проводить на практикѣ свои идеи по рабочему вопросу; между прочимъ, въ Лансѣ, гдѣ возникла забастовка рабочихъ, онъ отправился въ народный домъ и произнесъ рѣчь, которая очень понравилась публикѣ простотою и задушевностью тона. „Я прибылъ къ вамъ просто какъ

представитель правительства республики,—говорилъ онъ,—чтобы сказать вамъ, что вы имѣете право устраивать стачки, и что это право не можетъ быть оспариваемо у васъ. Мы должны слѣдить за тѣмъ, чтобы законъ соблюдался всѣми, какъ президентомъ республики, такъ и послѣднимъ обывателемъ. Мы не желаемъ вмѣшиваться въ ваши требованія и домогательства, но хотѣлось бы только предостеречь васъ отъ всякихъ излишествъ. Вы можете устраивать забастовку, но вы обязаны также уважать тѣхъ, которые думаютъ иначе, чѣмъ вы, и особенно уважать собственность, ибо еслибы вы разрушили самыя копи, то что̀ сталось бы съ вами, рабочими? Будьте спокойны, вы не увидите солдатъ на улицѣ. Но умоляю васъ, уважайте свободу другихъ, берегите копи. Если не хотите имѣть у себя солдатъ, избѣгайте волненій. Покажите, что вы достойны свободы, и что вы стремитесь къ тому режиму соціальной правды, который мы всѣ лелѣемъ въ своемъ сердцѣ". Рабочіе восторженно рукоплескали министру и провожали его шумною толпою до отъѣзда его изъ Ланса. Рабочіе видѣли, что имѣютъ предъ собою не представителя враждебной или чуждой власти, не министра прежняго типа, поглощеннаго заботою о своемъ личномъ положеніи и авторитетѣ, о внушеніи спасительнаго страха подчиненнымъ и вообще обывателямъ, а культурнаго, близкаго и доступнаго всѣмъ государственнаго человѣка, дѣйствительно думающаго и способнаго думать объ общихъ интересахъ страны и народа. Какъ далекъ этотъ современный западно-европейскій типъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ невѣжественныхъ, своекорыстныхъ и злобныхъ правительственныхъ дѣятелей, процвѣтающихъ еще въ нѣкоторой части восточной Европы и Азіи! Министръ внутреннихъ дѣлъ, по существу своихъ административно-полицейскихъ задачъ, рѣдко можетъ разсчитывать на симпатіи населенія; но Клемансо̀ сразу завоевалъ себѣ успѣхъ среди французскихъ рабочихъ.

Долго ли будетъ продолжаться эта популярность Клемансо̀ между рабочими—покажетъ ближайшее будущее; но если трудящіяся массы разсчитываютъ на коренныя реформы или улучшенія своего быта, то они неизбѣжно должны разочароваться,—тѣмъ болѣе, что правительство не можетъ теперь ничего предпринять въ виду скораго истеченія срока полномочій настоящей палаты. Въ маѣ предстоятъ всеобщіе парламентскіе выборы, и общій результатъ ихъ долженъ опредѣлить направленіе и характеръ внутренней политики во Франціи на слѣдующее четырехлѣтіе. Составъ новаго министерства, вѣроятно, не останется безъ вліянія на выборы: соединеніе выдающихся и талантливыхъ людей во главѣ правительства должно вызвать соотвѣтственный подъемъ въ обществѣ и народѣ.

Марокиская конференція существуетъ, кажется, спеціально для того, чтобы наглядно показывать Европѣ ненормальность международнаго положенія, зависящаго отъ личной воли или прихоти такихъ безотвѣтственныхъ правителей, какъ Вильгельмъ II. Занятія конференціи въ Алжесирасѣ постоянно и систематически усложнялись разными новыми проектами и притязаніями германскихъ уполномоченныхъ, придирчивою полемикою нѣмецкой оффиціозной печати и страннымъ, иногда прямо угрожающимъ тономъ высшихъ военныхъ сферъ Берлина; настроеніе какъ будто смягчилось къ началу марта (нов. ст.), но вновь обострилось подъ вліяніемъ французскаго министерскаго кризиса, которымъ нѣмецкая дипломатія старалась воспользоваться для своихъ цѣлей. Но разсчетъ на упадокъ энергіи и силы сопротивленія французскихъ представителей въ періодъ кабинетнаго междуцарствія оказался ошибочнымъ; бывшій министръ-президентъ и министръ иностранныхъ дѣлъ, Рувье, при всемъ своемъ миролюбіи, успѣлъ точно опредѣлить тѣ границы, далѣе которыхъ не пойдетъ уступчивость Франціи, и далъ соотвѣтственныя инструкціи ея уполномоченнымъ въ Алжесирасѣ, такъ что послѣдніе могли держаться твердо и послѣ отставки кабинета; а новый министръ иностранныхъ дѣлъ, Леонъ Буржуа, не принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые позволятъ себя смутить или запугать надменною требовательностью, не имѣющею подъ собою достаточныхъ реальныхъ основаній. Продолжительные и упорные споры вызваны были вопросомъ объ организаціи полиціи въ Марокко: Франція настаивала на томъ, чтобы завѣдываніе мѣстными полицейскими силами было поручено французскимъ и испанскимъ офицерамъ, но затѣмъ сдѣлала существенную уступку, согласившись подчинить этихъ офицеровъ международному контролю въ лицѣ назначаемаго державами инспектора полиціи; Германія, съ своей стороны, домогалась передачи всего дѣла въ руки нейтральныхъ державъ и въ видѣ компромисса выдвинула австрійскій проектъ, по которому международный инспекторъ полиціи долженъ былъ бы, сверхъ контроля надъ дѣятельностью франко-испанскихъ офицеровъ, имѣть въ своемъ самостоятельномъ распоряженіи полицію въ важномъ портѣ Казабланка, чѣмъ, конечно, подорвано было бы все значеніе преимуществъ Франціи и Испаніи, какъ сосѣднихъ съ Марокко державъ. Австро-германскій проектъ, несмотря на категорическія и весьма убѣдительныя возраженія французскихъ делегатовъ, соблазнилъ нѣкоторыхъ иностранныхъ уполномоченныхъ въ Алжесирасѣ и считался подходящимъ и пріемлемымъ для тѣхъ нейтральныхъ дипломатовъ, которые раньше поддерживали французскую точку зрѣнія; на этомъ основаніи нѣмецкія оффиціозныя газеты утверждали, что Франція очутилась въ полномъ одиночествѣ, и что даже Англія и Россія совѣтовали ей при-

нять австрійскій проектъ въ видахъ желательнаго соглашенія. По этому поводу парижскій „Temps“ напечаталъ текстъ краткой инструкціи, сообщенной по телеграфу 15-го марта британскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, сэромъ Эдуардомъ Греемъ, представителю Англіи въ Алжесирасѣ, сэру Артуру Никольсону: „1) Въ видѣ общаго правила,—оказывать Франціи въ будущемъ, какъ и въ прошломъ, безусловную поддержку, безъ всякихъ оговорокъ, по всѣмъ вопросамъ, ожидающимъ еще своего разрѣшенія; 2) спеціально энергически поддержать Францію въ ея отказѣ допустить, чтобы инспекторъ полиціи получилъ въ свое завѣдываніе портъ Казабланка или какой бы то ни было другой портъ, который такимъ образомъ былъ бы изъятъ изъ подчиненія франко-испанской полиціи“. Нѣсколько дней спустя, „Temps“ обнародовалъ также депешу, посланную графомъ Ламздорфомъ русскому уполномоченному, графу Кассини, уже не въ формѣ инструкціи, а въ видѣ прямого опроверженія слуховъ, распространяемыхъ нѣмецкою печатью: „Совершенно ложно, что русское правительство будто бы совѣтовало Франціи принять австрійскія предложенія относительно организаціи полиціи; равнымъ образомъ ложно, будто императорское правительство полагаетъ, что Франція можетъ согласиться на предоставленіе организаціи полиціи въ Казабланкѣ посторонней нейтральной державѣ. Императорское правительство никогда не переставало и не перестанетъ поступать относительно Франціи какъ вѣрный союзникъ, предполагая такимъ образомъ въ наилучшей мѣрѣ содѣйствовать успѣху примирительнаго соглашенія, котораго оно желаетъ. Въ виду важности вопроса и съ цѣлью разсѣять всякія недоразумѣнія, сообщите эту телеграмму французскому уполномоченному и передайте ея содержаніе представителямъ другихъ державъ въ Алжесирасѣ. Будутъ также увѣдомлены объ этомъ кабинеты, представленные на конференціи“. Широкая огласка, которую получили нѣмецкія закулисныя интриги вслѣдствіе рѣзкаго оффиціальнаго и притомъ почти публичнаго русскаго заявленія, была крайне непріятна германскому правительству и послужила матеріаломъ для ядовитыхъ газетныхъ нападеній на Россію и на полицейскую услужливость по отношенію къ ней со стороны Германіи; но въ данномъ случаѣ—независимо отъ формы, которая могла бы быть болѣе дипломатическою—наше вѣдомство иностранныхъ дѣлъ послѣдовало лишь примѣру лондонскаго кабинета и не могло поступить иначе, какъ формально опровергнуть ложныя извѣстія объ оставленіи Франціи безъ поддержки не только Англіи, но и Россіи, въ одномъ изъ самыхъ жизненныхъ и щекотливыхъ вопросовъ марокской политики. Патріотическое „Новое Время“ сочло почему-то нужнымъ напасть по этому поводу на русскую дипломатію и заступиться за Германію и ея усердныхъ оффиціозовъ; но давно уже

извѣстно, что публицисты „Новаго Времени“ являются смѣлыми и сознательными россійскими патріотами только по отношенію къ врагамъ внутреннимъ: они замѣчательно отзывчивы и воспріимчивы только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о злобной травлѣ противъ финляндцевъ, поляковъ, армянъ, или о поощреніи и оправданіи гнусныхъ избіеній евреевъ и ихъ семействъ; въ этой анти-христіанской—можно сказать, преступной—атмосферѣ, они обнаруживаютъ свой подлинный патріотизмъ во всей его наготѣ, предоставляя другимъ волноваться по поводу грозныхъ внѣшнихъ ударовъ и внутреннихъ потрясеній, подготовленныхъ вѣрными единомышленниками и покровителями „Новаго Времени“.

Наши несчастныя манчжурскія войска возвращаются на родину, и ихъ болѣе счастливые полководцы, генералы Куропаткинъ и Линевичъ, въ своихъ прощальныхъ печатныхъ воззваніяхъ или приказахъ, вспоминаютъ „славные“ дни, и отчасти даютъ отчетъ въ томъ поучительномъ матеріалѣ, который они извлекли изъ опыта войны. Впрочемъ, генералъ Линевичъ ограничивается лишь краткимъ указаніемъ на „недавнее прошлое *славное время*, когда въ упорныхъ бояхъ подъ Портъ-Артуромъ, Тюренченомъ, Вафангоу, Дашичао, Хайченомъ, Ляндянсяномъ, въ сѣверной Кореѣ, въ Японскомъ и Желтомъ моряхъ вы (войска) проявили искони свойственныя русскимъ войскамъ и морякамъ мужество и стойкость“; а вернувшись домой, къ своимъ семьямъ, они разскажутъ имъ, какъ русскій солдатъ „славно умиралъ на поляхъ далекой Манчжуріи“. Зато генералъ Куропаткинъ очень пространно доказываетъ офицерамъ первой манчжурской арміи, что если онъ не успѣлъ одержать ни одной побѣды надъ японцами въ теченіе полутора года, то изъ этого съ непреложною очевидностью слѣдуетъ заключить, что онъ непремѣнно разбилъ бы японцевъ нѣсколькими мѣсяцами или годами позже, и что только Портсмутскій миръ помѣшалъ ему въ этомъ „радостномъ“ предположеніи. Обширное разсужденіе бывшаго главнокомандующаго въ Манчжуріи столь замѣчательно, что мы считаемъ нелишнимъ привести изъ него нѣкоторыя наиболѣе характерныя мѣста, подчеркнувъ въ нихъ только отдѣльныя фразы и слова, достойныя особеннаго вниманія:

„Бои подъ Тюренченомъ, Вафангоу, Ташичао, Янзелиномъ, Ляньдянсянемъ и затѣмъ многодневныя сраженія подъ Ляояномъ, Шахэ и Мукденомъ выпали на долю войскъ 1-й арміи и заслужили имъ почетъ среди войскъ другихъ армій“. Потери были весьма значительны; „при среднемъ боевомъ составѣ въ 100 тыс. штыковъ при 2.200 офицерахъ, первая армія по 1-е марта 1905 г. потеряла: офицеровъ убитыми 395, ранеными—1.733; нижнихъ чиновъ убито 10.435, ранено—

56.350, что̀ составляетъ убыль въ бояхъ убитыми и ранеными офицеровъ—91% и нижнихъ чиновъ—67% средняго боевого состава. И все же, несмотря на такія жертвы, несмотря на геройскія усилія, мы не достигли побѣды надъ врагомъ. Но мы крѣпли въ неудачахъ, пріобрѣтали боевой опытъ, усиливались подходомъ подкрѣпленій и, наконецъ, лѣтомъ прошлаго года достигли такой силы матеріальной и духовной, что побѣда, казалось, уже была намъ обезпечена... Не вполнѣ еще готовыя къ наступленію, войска уже съ мая прошлаго года *радостно привѣтствовали бы* переходъ въ наступленіе противника. Но японцы, потрясенные потерями подъ Мукденомъ, полгода оставались на мѣстѣ, ожидая нашего перехода въ наступленіе". (А мы должны были поневолѣ ожидать распоряженій маршала Оямы и наступленія болѣе благопріятныхъ для него обстоятельствъ!)

„При недостаткѣ укомплектованій, еслибы мы дали развиться въ арміи болѣзненности, у насъ остались бы для боя только слабые кадры. Поэтому настоятельно было необходимо, не жалѣя силъ и средствъ, бороться, дабы сохранить для строя здоровымъ каждаго человѣка. И *я счастливъ признать*, что наши общія усилія дали рѣдкій результатъ: наши потери заболѣвшими были меньше, чѣмъ убитыми и ранеными. Матеріальная часть арміи находилась къ августу въ полномъ порядкѣ. Обмундированіе, снабженіе всѣми видами довольствія было обезпечено. Техническія средства возросли. Никогда наша армія не представляла такой грозной силы въ матеріальномъ и духовномъ отношеніи, какъ лѣтомъ 1905 года, когда *неожиданно* для дѣйствующихъ войскъ, кои увѣрены были въ неудачѣ переговоровъ въ Портсмутѣ и *горячо желали этой неудачи*, былъ заключенъ миръ, необходимый для внутреннихъ дѣлъ Россіи, но тягостный *для арміи*. Съ глубокимъ уваженіемъ къ чинамъ арміи вспоминаю, съ какой горестью была встрѣчена всѣми чинами вѣсть о мирѣ. Биваки войскъ какъ бы вымерли. У всѣхъ отъ мала до велика была одна тяжелая мысль: война кончена ранѣе достиженія побѣды надъ врагомъ.—Оглядываясь назадъ на недавнее боевое испытаніе, мы найдемъ утѣшеніе въ сознаніи исполненнаго долга передъ Государемъ и родиной въ мѣрѣ силъ нашихъ. Но въ срокъ, который былъ данъ намъ, этихъ силъ по разнымъ сложнымъ причинамъ оказалось *недостаточно*. Надо безбоязненно отдать себѣ отчетъ: какія же главныя причины, кромѣ недостаточной численности, препятствовали намъ быть побѣдителями ранѣе заключенія мира. *Прежде всего виновенъ въ этомъ я*, вашъ старшій начальникъ, ибо *мнѣ не удалось исправить въ періоды боевъ наши недочеты* духовные и матеріальные и не удалось еще шире воспользоваться несравненными сильными сторонами нашихъ войскъ. Матеріальные недочеты всѣмъ извѣстны: малое число штыковъ въ ротахъ (вслѣдствіе

отчасти малой заботливости о сохраненіи для боя возможно бо̀льшаго числа рядовъ со стороны всѣхъ начальствующихъ лицъ), недостатокъ въ первое время горной артиллеріи, недостатокъ снарядовъ съ сильнымъ разрывнымъ дѣйствіемъ, недостатокъ пулеметовъ, недостатокъ техническихъ средствъ, средствъ передвиженія грузовъ и пр. Въ августѣ прошлаго года большая часть этихъ недочетовъ чрезвычайными усиліями военнаго министерства уже была пополнена. Недостаточное выясненіе положенія противника передъ боемъ и потому недостаточно сознательное, особенно при наступленіи, веденіе боя, и главное, недостатокъ иниціативы (у маршала Оямы,—см. выше) недостатокъ самостоятельности у частныхъ начальниковъ (напр. у ген. Гриппенберга!) недостатокъ боевого одушевленія у офицеровъ и нижнихъ чиновъ, малое стремленіе къ подвигу, недостаточная взаимная выручка сосѣдей, недостатокъ непреклонной воли отъ нижняго чина до старшаго начальника, дабы доводить начатое дѣло до конца, несмотря ни на какія жертвы. Слишкомъ *быстрый отказъ*, послѣ неудачи иногда только передовыхъ войскъ, *отъ стремленія къ побѣдѣ* и вмѣсто повторенія атаки и подачи личнаго примѣра отходъ назадъ. Этотъ отходъ назадъ во многихъ случаяхъ, вмѣсто того, чтобы вызывать у сосѣдей увеличеніе усилій къ возстановленію боя, служилъ сигналомъ для отступленія и сосѣднихъ частей, даже не атакованныхъ. Въ общемъ среди младшихъ и старшихъ чиновъ не находилось достаточнаго числа лицъ съ крупнымъ военнымъ характеромъ, съ желѣзными, несмотря ни на какую обстановку, нервами, способными выдерживать безъ ослабленія почти непрерывный бой въ теченіе многихъ дней. Очевидно, ни школа, ни жизнь не способствовали подготовкѣ въ Великой Россіи за послѣднія 40—50 лѣтъ сильныхъ, самостоятельныхъ характеровъ,—иначе они были бы въ значительно большемъ числѣ и въ арміи, чѣмъ то оказалось въ дѣйствительности. Нынѣ, непреклонною волею нашего Державнаго Вождя, Россіи даруются блага свободы. Съ народа снимается бюрократическая опека и ему предоставляется возможность свободнаго развитія и примѣненія своихъ сихъ на пользу нашей родинѣ. Будемъ вѣрить, что эти блага свободы, при хорошо поставленной школѣ, скоро отразятся благотворно на подъемѣ матеріальныхъ и духовныхъ силъ русскаго народа и дадутъ на Руси во всѣхъ сферахъ дѣятельности людей самостоятельныхъ, предпріимчивыхъ, обладающихъ широкою иниціативою, крѣпкихъ тѣломъ и духомъ. Тогда обогатится этими силами и армія".

Въ обращеніи къ нижнимъ чинамъ основная мысль выражена гораздо короче: „Съ начала войны вы первые сдерживали напоръ превосходныхъ силъ противника, умирали, но не оставляли ввѣренныхъ вашей оборонѣ позицій, пока не получали приказа отсту-

пать... Не суждено намъ было довести войну до побѣднаго конца: когда мы возросли въ числѣ, укрѣпившись и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, армія съ горестью, но и съ глубокою покорностью приняла вѣсть о заключеніи мира. Разставаясь съ вами, я скорблю, что мнѣ не пришлось видѣть васъ побѣдителями въ тотъ срокъ (почти двухлѣтній!), который намъ былъ удѣленъ для борьбы съ храброю, высоко патріотичною, многочисленною націею. Мы можемъ съ чувствомъ уваженія вспомнить нашего храбраго врага. Увѣренъ, что и японцы отдадутъ должное храбрости, упорству и выносливости войскъ 1-й манчжурской арміи. Они *не могли не сознавать*, что продолжайся еще война—имъ пришлось бы перемѣниться съ нами ролями и начать отступать".

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Eugène Gilbert. France et Belgique. Etudes littéraires. стр. 400 (Paris, Plon-Nourrit).

Жильберъ извѣстенъ какъ авторъ очень обстоятельнаго историко-литературнаго труда, „Le Roman en France pendant XIX siècle", и его новая книга, „France et Belgique", является, по словамъ автора въ предисловіи, продолженіемъ и дополненіемъ первой книги. Замыселъ книги придаетъ ей интересъ, въ виду тѣснаго единенія между французской и бельгійской литературой за послѣдніе годы. Почти все, чѣмъ французская литература вліяла въ новѣйшее время на остальную Европу, почти всѣ самые видные представители новыхъ настроеній и формъ въ поэзіи, новыхъ формулъ въ философіи—уроженцы Бельгіи, продолжатели фламандскихъ и валлонскихъ традицій. Метерлинкъ, Верхарнъ, Роденбахъ и много другихъ опредѣляютъ своимъ творчествомъ основной характеръ новѣйшихъ литературныхъ теченій, то, что̀ они внесли новаго въ идейную и эстетическую жизнь современности, и наиболѣе чуткіе таланты во Франціи идутъ далѣе по пути, указанному этими бельгійцами. Такимъ образомъ, говорить теперь о литературныхъ отношеніяхъ между Франціей и Бельгіей значитъ, казалось бы, отмѣчать роль Бельгіи въ передовой французской литературѣ.

Жильберъ, однако, подступаетъ къ своему сюжету съ совершенно другой стороны. Онъ устанавливаетъ духовную близость между двумя сторонами какъ-разъ въ томъ, что̀ противоположно смѣлости и разрушительному духу новѣйшихъ поэтовъ и мыслителей. Онъ разбираетъ произведенія писателей, французскихъ и бельгійскихъ, въ которыхъ сильны традиціи, связь съ прошлымъ, и превозноситъ ихъ. Характеристики его при этомъ тенденціозны и ни съ одной изъ нихъ нельзя согласиться, въ виду ихъ отсталости. Но интересно прослѣдить ходъ мыслей писателя, представляющаго мнѣнія средней массы читателей, средняго французскаго общества. Книга Жильбера имѣетъ документальный интересъ уже въ виду того, что въ своемъ обзорѣ литературныхъ произведеній онъ отмѣчаетъ всѣ выдающіяся произведенія въ области беллетристики и литературной критики за послѣдніе годы. Это имѣетъ значеніе главнымъ образомъ по отношенію къ Бель-

гіи, такъ какъ многіе бельгійскіе романисты, заслуживающіе несомнѣннаго вниманія, неизвѣстны за предѣлами своей родины. Книга Жильбера знакомитъ съ ними довольно обстоятельно.

Самый крупный очеркъ въ „France et Belgique" посвященъ Полю Бурже, и даже не всему его творчеству, а двумъ послѣднимъ его романамъ, „L'Etape" и „Le Divorce", въ которыхъ съ наибольшей рѣзкостью сказался поворотъ романиста къ традиціонному католичеству, также какъ и его политическій консерватизмъ. Книгѣ Жильбера предпослано введеніе Поля Бурже, въ видѣ письма къ автору. Такимъ образомъ получается любопытный матеріалъ для характеристики этого романиста. Прежде онъ считался однимъ изъ самыхъ талантливыхъ и чуткихъ психологовъ среди поколѣнія, выросшаго на вліяніи Стендаля и Флобера, а теперь литературная критика почти совсѣмъ перестала интересоваться его нехудожественными, тенденціозными романами, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время они приняли консервативно-католическій характеръ.

Введеніе Бурже къ книгѣ Жильбера заключаетъ въ себѣ изложеніе его міросозерцанія и—что̀ еще болѣе любопытно—попытку согласовать замыслы его первыхъ романовъ, имѣвшихъ въ свое время чисто литературную цѣнность, какъ „Disciple", „Mensonges", „Cruelle Enigme", съ его теперешними романами. Его автохарактеристика, однако, едва ли сможетъ вернуть ему прежнія симпатіи, окружавшія автора изысканныхъ, чуткихъ и художественныхъ „Essais sur la psychologie contemporaine" и первыхъ психологическихъ романовъ. Напротивъ того, она подчеркиваетъ идейный антагонизмъ Бурже съ духомъ современной свободы во всѣхъ областяхъ мысли. Любопытно только то, что во Франціи возможна столь убѣжденная защита консервативныхъ идей со стороны писателя, занимавшаго видное мѣсто въ художественной литературѣ.

Бурже доказываетъ, что идеи его не измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ писать, и по настоящее время. Въ первой серіи своихъ романовъ онъ только изучалъ духовную жизнь своихъ современниковъ, т.-е. былъ, по его собственному опредѣленію, трезвымъ и послѣдовательнымъ позитивистомъ и съ научной точностью наблюдалъ жизнь общества. Теперь же наступилъ моментъ выводовъ изъ прежнихъ наблюденій,—и оказалось, что систематическій позитивизмъ привелъ его къ традиціонализму, къ отстаиванію національныхъ традицій. Онъ отрицаетъ свое „обращеніе" въ католичество, приближающее его къ нео-католику Брюнетьеру, и устанавливаетъ единство своего міросозерцанія.

Любопытно то, что̀ Бурже говоритъ о соединеніи позитивизма съ традиціонностью, какъ о характерной чертѣ современнаго мышленія

во Франціи. „Основная идея (idée maitresse) XVIII вѣка, наиболѣе произвольная, какъ и наиболѣе распространенная, заключалась въ признаніи непримиримаго антагонизма между разумомъ и традиціей. Основная мысль большинства тѣхъ, которые самостоятельны въ своемъ мышленіи въ настоящее время, заключается, напротивъ того, въ признаніи полнаго совпаденія между истинами, открытыми путемъ наблюденія, и принципами, которые исповѣдывались нашими предками въ силу преклоненія передъ авторитетами".

Этотъ взглядъ на современность едва ли даже требуетъ опроверженія,—до того очевидно, что Бурже глубоко ошибается, требуя, во имя позитивной науки, поворота назадъ, къ традиціонному католичеству и обскурантизму, отрицающему свободу мысли. Вмѣстѣ съ возвратомъ къ догматическому католицизму, Бурже возвращается и ко всѣмъ переживаніямъ условной морали. Онъ становится убѣжденнымъ и гнѣвнымъ проповѣдникомъ всѣхъ буржуазныхъ устоевъ, противъ которыхъ борется освобожденное сознаніе современнаго человѣчества. Изъ художника, подмѣчавшаго съ любовью всѣ болѣе тонкія движенія душъ, создающихъ для себя самихъ особую мораль, идущую въ разрѣзъ съ общепринятыми правилами жизни, Бурже сдѣлался оплотомъ шаблонной морали и клерикализма, основаннаго на слѣпомъ подчиненіи авторитету церкви. Онъ старается доказать въ предисловіи къ книгѣ Жильбера, что это не идетъ въ разрѣзъ съ научностью и позитивизмомъ,—но разсужденія его не убѣдительны. Въ нихъ онъ только подчеркиваетъ свою приверженность къ буржуазнымъ идеаламъ, свою рознь съ передовыми элементами въ литературѣ. Не онъ одинъ говоритъ о воскресающихъ религіозныхъ интересахъ;—но поэты и мыслители, далеко опередившіе Бурже и его буржуазныхъ единомышленниковъ, понимаютъ это въ смыслѣ обновленнаго мистицизма, исканія истины въ самоуглубленіи,—но никакъ не въ смыслѣ поддержки клерикализма съ его очень земными стремленіями. О высшей морали, о совершенствованіи жизненныхъ цѣлей говоритъ и Метерлинкъ въ „Сокровищѣ смиренныхъ", и многіе другіе;—но для Бурже мораль сводится къ поддержкѣ устоевъ современнаго общества—и какъ моралистъ, также какъ и въ своей защитѣ католическихъ догматовъ и традицій, Бурже остается теоретикомъ и глашатаемъ буржуазіи съ ея эгоистической условной философіей и этикой.

Идеи Бурже не представляютъ поэтому интереса. Учиться у него нечему. Опровергать его не стоитъ труда:—современная жизнь опровергаетъ его и его единомышленниковъ сама, создавая новыя нормы индивидуалистической морали. Но все же Бурже интересенъ исторически, какъ носитель идей, которыми живетъ еще значительная часть французскаго общества. Французская буржуазія еще вѣритъ въ себя,—

объ этомъ можно судить именно по такимъ увѣреннымъ идейнымъ защитникамъ ея, какъ Бурже. Вотъ почему такіе романы, какъ „Etape“ и „Divorce“, разсмотрѣнные въ книгѣ Жильбера, представляютъ несомнѣнный интересъ при всей ихъ тенденціозности и связанной съ этимъ нехудожественности.

Жильберъ—единомышленникъ Бурже и ставитъ очень высоко его новѣйшіе романы именно въ виду того, что въ нихъ ярко выступаетъ католическая тенденція автора. Онъ тоже говоритъ не о внезапномъ обращеніи Бурже въ католичество, а объ исполненіи ожиданій, вызванныхъ въ свое время лучшимъ изъ раннихъ романовъ Бурже, „Disciple“. Въ немъ уже Бурже предостерегалъ молодое поколѣніе отъ чрезмѣрной интеллектуальности и призывалъ къ культу души, къ развитію двухъ основныхъ душевныхъ качествъ, силы любви и воли, и къ преклоненію передъ тайной непознаваемаго, простирающагося за предѣлы всякаго знанія. Въ этомъ воззваніи къ молодежи нельзя было, однако, предугадать будущаго защитника католической церкви и ея традицій. Это былъ призывъ въ духѣ всей современной литературы, устрашенной долгимъ господствомъ матеріализма и обращавшей умы на путь идеализма, исканія высшихъ нормъ нравственности и идеаловъ духовнаго совершенствованія. Но въ дальнѣйшихъ произведеніяхъ Бурже все яснѣе намѣчается путь къ утилитарнымъ цѣлямъ религіи. Жильберъ приводитъ слова Бурже, сказанныя имъ послѣ появленія „Cosmopolis“ какому-то американцу: Бурже повторяетъ въ нихъ общія мѣста о томъ, что религія—въ смыслѣ слѣдованія велѣніямъ церкви — ограждаетъ отъ нравственныхъ паденій, описанныхъ имъ въ его романахъ. Паденія же эти онъ считаетъ неминуемыми, когда человѣкъ уступаетъ вліянію своихъ страстей и слабостей. Въ этомъ взглядѣ на роль церкви все совершенно условно. Вмѣсто убѣжденія въ истинѣ католическаго ученія—только оно и могло бы оправдать пропаганду церковнаго культа со стороны художника и мыслящаго писателя—Бурже довольствуется сознаніемъ практической пользы католичества. Кромѣ того, условное пониманіе добродѣтели и нравственнаго паденія, какъ слѣдованія голосу страстей, тоже характерно для буржуазнаго міросозерцанія Бурже.

Дополняя характеристику Бурже, его эволюціи въ сторону католичества и его теперешняго конечнаго слiянія съ католической церковью, Жильберъ приводитъ опять вполнѣ опредѣленное profession de foi романиста. Бурже изложилъ его въ бесѣдѣ съ А. Бриссономъ, написавшимъ послѣ бесѣды съ нимъ статью „о новой душѣ Поля Бурже“. И въ этомъ позднѣйшемъ изложеніи своихъ взглядовъ, какъ и въ болѣе раннемъ, Бурже стоитъ на практической точкѣ зрѣнія; онъ доказываетъ, что вездѣ, гдѣ процвѣтаетъ католичество, возростаетъ чи-

стота нравовъ, а гдѣ католичество въ упадкѣ, нравы тоже падаютъ. Католичество, по его словамъ,—дерево, на которомъ цвѣтутъ добродѣтели, необходимыя для процвѣтанія общества. Это холодно-разсудочное отношеніе къ католичеству не имѣетъ ничего общаго съ искренней религіозностью художниковъ, воодушевленныхъ исканіемъ истины за предѣлами достижимыхъ знаній.

Взгляды Бурже опредѣляютъ его, какъ теоретика буржуазнаго строя, и два романа его, разобранные въ книгѣ Жильбера, проводятъ его теоріи въ изображеніи дѣйствительности. „Etape"—романъ на общественную тему. Католическая тенденція романа несомнѣнна: основой всѣхъ катастрофъ, обрушивающихся на изображенную авторомъ семью, является отсутствіе вѣры, равнодушіе къ церкви. У дѣтей атеиста, честнаго и добраго человѣка по природѣ, нѣтъ нравственной опоры, потому что отецъ не внушилъ имъ никакихъ опредѣленныхъ твердыхъ принциповъ вѣры, и они беззащитны среди жизненнаго вихря, среди страданій, окружающихъ обездоленныхъ въ жизни. На продолженіи всего романа Бурже часто возвращается къ нападкамъ на безвѣріе: оно уничтожаетъ то, что составляетъ пользу всякаго страданія, духовное просвѣтленіе, которое оно приноситъ, когда оно освящено религіознымъ чувствомъ. Польза страданія съ точки зрѣнія христіанской морали—одинъ изъ главныхъ догматовъ, исповѣдуемыхъ Бурже въ его романѣ, и наряду съ нимъ Бурже постоянно возвращается къ изображенію нравственной безпочвенности и душевнаго одиночества людей, лишенныхъ вѣры и безпомощныхъ въ часы испытаній. Вся жизнь героя романа Жана Монерона служитъ примѣромъ, доказывающимъ истину этихъ теоретическихъ положеній. Онъ—сынъ свободомыслящаго профессора, воспитавшаго дѣтей внѣ религіозныхъ принциповъ,—и видитъ пагубность безвѣрія на своихъ братьяхъ и сестрѣ. Послѣднюю соблазняетъ бездушный свѣтскій фатъ,—у нея нѣтъ религіозныхъ и связанныхъ съ ними нравственныхъ принциповъ, чтобы бороться противъ соблазна,—бросаетъ ее и доводитъ до отчаянія и преступленія. Два брата идутъ по дурной дорогѣ, становятся игроками и ворами подъ вліяніемъ своихъ инстинктовъ, своей жажды наслажденій. Ихъ судьба, вмѣстѣ съ любовью къ католичкѣ, дочери ученаго профессора, одного изъ вождей католической партіи, совершаетъ „чудо обращенія" въ душѣ Жана Монерона. Католичество торжествуетъ побѣду, привлекаетъ на свою сторону человѣка, выдающагося по уму и душевнымъ качествамъ,—и побѣда увѣнчана полнымъ банкротствомъ семьи атеиста. Удрученный бѣдствіями и позоромъ, постигшимъ почти всѣхъ его дѣтей, старикъ Монеронъ самъ идетъ просить у своего коллеги, католика, профессора Ферана, руку его дочери Бригитты для своего сына Жана—единственнаго, сохранившаго не-

запятнанную душу и честное имя, благодаря своей близости къ вѣрующимъ католикамъ и своей эволюціи въ сторону католицизма.

Помимо прославленія католичества и католической морали, Бурже проводитъ въ „Etape“ теорію общественнаго развитія—опредѣленно консервативную, идущую въ разрѣзъ съ индивидуалистическими и демократическими идеями современнаго передового человѣчества. Все несчастіе семьи Монероновъ Бурже объясняетъ—устами профессора католика Ферана, выразителя мыслей автора—чрезмѣрно быстрымъ и непослѣдовательнымъ развитіемъ демократизма. Монероны по происхожденію—крестьяне и, по его мнѣнію, не должны были сразу подняться на слишкомъ большую, для нихъ, культурную высоту. Основная мысль Бурже вполнѣ ясно и опредѣленно выражена въ словахъ профессора Ферана, объясняющаго Жану Монерону причину гибели его семьи: „Ни вашъ отецъ, ни вы,—говоритъ онъ,—не виновны въ этихъ бѣдствіяхъ. Несчастіе въ томъ, что ваша семья не развивалась естественнымъ образомъ. Вы оба—жертвы чрезмѣрнаго демократизма, принимающаго за общественную единицу индивидуальную личность. Вашему отцу и даже вамъ слишкомъ быстро привили высшую культуру. Вамъ недостаетъ выдержанности, постепеннаго духовнаго назрѣванія, безъ котораго переходъ изъ низшаго въ высшій классъ опасенъ. Вы сдѣлали слишкомъ большой скачокъ (vous avez brulé une étape) и платитесь теперь за главнѣйшую ошибку французской общественной жизни—за неподчиненіе основнымъ законамъ семьи“... Вотъ теорія, которую Бурже противопоставляетъ побѣдѣ демократизма во Франціи, обличая его пагубныя послѣдствія и повторяя на множество ладовъ, что внезапные переходы изъ низшихъ общественныхъ классовъ въ высшіе недопустимы, что въ каждый данный историческій моментъ есть опредѣленные классы, есть нормальныя семьи, есть общество,—а для того, чтобы семьи развивались и крѣпли въ своихъ основахъ, нужно время. Скачки пагубны. Для подкрѣпленія своей основной мысли Бурже рисуетъ типы выскочекъ изъ низшихъ классовъ, съ ихъ слѣпой любовью къ современному общественному строю, открывшему имъ пути къ жизненнымъ успѣхамъ, съ ихъ безразличіемъ къ язвамъ демократической французской республики, къ панамизму и другимъ позорнымъ явленіямъ. Нарушенъ законъ послѣдовательной эволюціи—и въ этомъ для Бурже причина бѣдствій современной Франціи.

Нужно отдать справедливость Бурже: его романъ написанъ сильно и нападки на идеи великой революціи, на современный демократизмъ, устанавливающій идеи равенства, продуманы и смѣлы. Такъ какъ, дѣйствительно, буржуазно-демократическій строй Франціи представляетъ достаточно матеріала для нападокъ, то Бурже этимъ искусно пользуется для своихъ цѣлей, для прославленія католическихъ традицій и прин-

циповъ условно-буржуазной морали. Вся положительная сторона его теорій, всѣ его нравственные и общественные догматы не убѣдительны и слишкомъ банальны, чтобы оказать какое-либо вліяніе,—но въ его критикѣ нравовъ демократической Франціи есть сила. Неправъ онъ только въ главномъ. Деморализація Франціи происходитъ не отъ чрезмѣрной свободы, не отъ равенства, а отъ искаженія этихъ понятій въ буржуазномъ строѣ.

Бурже, конечно, любопытенъ, главнымъ образомъ, не самъ по себѣ, а какъ представитель еще очень крѣпко засѣвшихъ въ французскомъ обществѣ понятій. Нельзя говорить о побѣдѣ свободомыслія, демократизма, объ освобожденіи отъ старыхъ переживаній и предразсудковъ въ области морали, пока появляются такіе романы, какъ „Etape". Второй изъ новѣйшихъ романовъ Бурже, „Le Divorce"—въ томъ же родѣ, только болѣе слабый по исполненію: опять защита католической семьи и нападки на гражданскіе законы о разводѣ.

Книга Жильбера интересна, главнымъ образомъ, пространнымъ очеркомъ о Бурже, съ обстоятельной характеристикой его міросозерцанія. Жильберъ—тоже защитникъ традицій и относится къ Бурже съ величайшимъ почитаніемъ. Не раздѣляя этихъ симпатій къ автору „Etape", интересно, однако, ознакомиться съ однимъ изъ самыхъ авторитетныхъ представителей анти-демократическаго теченія въ французскомъ обществѣ.

Изъ другихъ французскихъ романистовъ Жильберъ выдѣляетъ преимущественно тоже защитниковъ семейныхъ традицій и буржуазной морали. Онъ высоко ставитъ Рене Базена, автора романовъ, художественныхъ по языку и описаніямъ деревни; но его подкупаютъ не чисто литературныя качества романовъ Базена, а его вѣрность традиціямъ семейственности. Жильберъ останавливается поэтому съ любовью на романѣ Базена „La Donatienne", гдѣ разсказана судьба крестьянки, оторванной отъ семьи (она нанимается кормилицей въ Парижъ) и изображена сила материнскаго инстинкта. Эдуардъ Родъ, моралистъ par excellence, конечно, тоже пользуется всѣми симпатіями критика, и изъ произведеній молодого моралиста, Андрэ Лихтенберже, онъ отмѣчаетъ главнымъ образомъ его философско-скептическую повѣсть „Monsieur de Migurac", потому что въ немъ противопоставляются увлеченію идеями равенства и всѣми завоеваніями революціи ужасы террора. Романы двухъ знаменитыхъ французскихъ писательницъ, Марсели Тинэйръ и графини де-Ноайль, вызываютъ у критика много возраженій противъ чрезмѣрной свободы страстей, которую онѣ проповѣдуютъ.

Интересны въ книгѣ Жильбера характеристики нѣкоторыхъ бельгійскихъ романтиковъ, въ особенности Камилла Лемонье, соединяю-

щаго смѣлый реализмъ съ идеалистическими и религіозными настроеніями. Романъ Лемонье, разобранный въ книгѣ Жильбера, „Le Petit Homme de Dieu", очень характеренъ въ этомъ отношеніи. Въ немъ изображена своеобразная жизнь въ фламандской деревушкѣ, гдѣ ежегодно устраивается процессія, изображающая всѣхъ дѣйствующихъ лицъ Новаго Завѣта. Все остальное время тихіе, задумчивые поселяне живутъ воспоминаніемъ о своихъ роляхъ въ процессіи, и жалкая реальная жизнь переплетается у нихъ съ пламенной жизнью воображенія, съ желаніемъ не выходить изъ священныхъ высокихъ настроеній и въ дѣйствительной жизни. Эти контрасты представлены Лемонье съ большимъ художественнымъ мастерствомъ.

Изъ другихъ, менѣе извѣстныхъ за предѣлами своей родины бельгійскихъ романистовъ Жильберъ отмѣчаетъ въ своей книгѣ Эд. ванъ-Зиппе, Э. Демольдера, графа Эмерика и другихъ. Рядъ очерковъ въ его книгѣ посвященъ также французскимъ и бельгійскимъ юмористамъ, затѣмъ бытописателямъ провинціальныхъ нравовъ, а также литературнымъ критикамъ, — такъ что въ общемъ получается очень обстоятельный обзоръ литературной жизни въ обѣихъ странахъ. Освѣщеніе Жильбера, какъ мы уже сказали, въ большинствѣ случаевъ тенденціозно въ виду его католическихъ и консервативныхъ воззрѣній, но это не мѣшаетъ документальному интересу книги.

Русскіе читатели прочтутъ съ интересомъ главу, посвященную Владиміру Каренину, автору русской біографіи Жоржъ-Сандъ. Книга В. Каренина (Варв. Дм. К—вой) появилась въ свое время по-французски, и Жильберъ отмѣчаетъ съ большимъ сочувствіемъ эрудицію и вѣрныя сужденія русскаго критика,—споря съ нимъ только въ вопросахъ объ отношеніи Жоржъ-Сандъ къ католичеству.

II.

Johannes Schlaf. Maeterlinck (Die Literatur, Band 22). Berlin, 1906, Bard u. Marquardt Verlag.

Въ серіи литературныхъ монографій, выходящихъ подъ редакціей Георга Брандеса (общее заглавіе серіи: „Die Literatur"), появился теперь томикъ, который представляетъ особый интересъ. Іоаннесъ Шлафъ—одинъ изъ главарей нѣмецкаго натурализма, авторъ книжки о Метерлинкѣ, пророкъ символизма и мистицизма въ новѣйшей литературѣ. І. Шлафъ—очень видный писатель. Драма, которую онъ написалъ въ сотрудничествѣ съ Арно Гольцемъ, „Familie Selicke", и его собственная драма, „Meister Oelze", положили начало натуралисти-

ческому діалогу на сценѣ, передачѣ жизненной атмосферы и будничной рѣчи, за которой чувствуется скрытый трагизмъ. Впослѣдствіи Шлафъ разошелся съ своимъ товарищемъ Гольцемъ; по общему мнѣнію, въ этомъ союзѣ вдохновляющая роль принадлежала Шлафу,—и его послѣдующія самостоятельныя произведенія обнаруживаютъ дѣйствительно большую изобразительность и серьезное пониманіе дѣйствительности, умѣнье вкладывать идейное содержаніе въ передачу жизненныхъ явленій, людей и будничныхъ событій.

Шлафъ до сихъ поръ остался убѣжденнымъ натуралистомъ;—противъ Зола, напримѣръ, онъ имѣетъ не его чрезмѣрно позитивное отношеніе къ смыслу жизни, а его романтизмъ, преувеличенность его обобщающихъ, почти аллегорическихъ образовъ. Тѣмъ любопытнѣе поэтому узнать, что̀ онъ можетъ сказать о Метерлинкѣ, какъ онъ можетъ отнестись къ нему, толковать его драмы и его философію, не становясь на опредѣленно отрицательную точку зрѣнія.

Очеркъ Шлафа представляетъ, дѣйствительно, своеобразный интересъ. Это не обстоятельный историко-литературный этюдъ, — напротивъ того, за свѣдѣніями о Метерлинкѣ и безпристрастнымъ изложеніемъ и обсужденіемъ всѣхъ его произведеній въ отдѣльности, Шлафъ отсылаетъ читателя къ другимъ авторитетнымъ книгамъ о Метерлинкѣ. Его же интересуетъ, главнымъ образомъ, формулировка творчества Метерлинка въ цѣломъ, опредѣленіе его философскаго значенія для современности. Благодаря этому, очеркъ Шлафа является интересной попыткой установить соотношенія натурализма съ идеализмомъ, воплощеннымъ, быть можетъ, ярче всего въ драмахъ Метерлинка перваго періода и въ нѣсколькихъ его философскихъ книгахъ.

Самое оригинальное въ книжкѣ Шлафа—то, что онъ приводитъ въ связь Метерлинка съ натурализмомъ. На этомъ онъ строитъ признаваемое имъ высокое значеніе Метерлинка — именно въ созданномъ имъ новомъ искусствѣ, не имѣющемъ уже ничего общаго съ натурализмомъ. Связь эту Шлафъ устанавливаетъ очень опредѣленно: Метерлинкъ, какъ и Зола, чувствуетъ тяготѣніе къ Шекспиру, сильнѣе всего воспринимая въ немъ его глубокую скорбь о безсиліи человѣка передъ властью судьбы. Этотъ шекспировскій романтизмъ привелъ Зола къ научно-экспериментальному методу, къ изученію человѣка во власти, или, вѣрнѣе, въ рабствѣ наслѣдственности и другихъ роковыхъ законовъ природы. Отсюда—понятіе о „homme machinal“ (автоматичности человѣка), проходящее черезъ все творчество Зола. Дальнѣйшимъ развитіемъ этого понятія, діалектики „homme machinal“, доведенной до крайней своей точки, Шлафъ считаетъ творчество Метерлинка и устанавливаетъ такимъ образомъ тѣсную связь между натурализмомъ и новой романтикой настроеній. Творчество Метер-

линка—завершеніе діалектики homme machinal, опредѣляющей эволюцію натурализма, начиная съ Флобера. Дойдя до предѣловъ отчаянія, погрузившись въ глубину автоматичности человѣческой воли, Метерлинкъ пришелъ къ „метафизикѣ автоматичности“ и открылъ на днѣ безсилія передъ событіями, передъ феноменальнымъ міромъ— понятіе свободы въ метафизическомъ, мистическомъ смыслѣ. Онъ открылъ на глубинѣ пассивности свободное самодовлѣющее индивидуальное самосознаніе, — и все его творчество заключается въ защитѣ его правъ, въ откровеніяхъ мудрости, скрытой въ „безмолвіи души“.

Натуралистъ Шлафъ признаетъ логичность и органическую необходимость пути отъ натурализма и крайностей пессимизма къ мистическому идеализму. Въ творчествѣ Метерлинка эволюція натурализма, естественно, привела къ реакціи противъ него, къ его мистицизму, выросшему опять-таки вполнѣ органически на родинѣ средневѣковой мистики, въ Бельгіи, соединяющей романскіе и германскіе, фламандскіе и валлонскіе элементы. Начало движенія, достигшаго высшей точки развитія въ Метерлинкѣ, Шлафъ ведетъ отъ Лемонье, отца новѣйшей бельгійской литературы, реалиста съ мощнымъ темпераментомъ, изобразителя стихійныхъ силъ въ человѣкѣ и въ природѣ. Онъ подготовилъ путь двумъ писателямъ, которые обогатили европейскую культуру сознаніемъ скрытыхъ познавательныхъ и эмоціональныхъ силъ въ душѣ человѣческой. Этими писателями Шлафъ считаетъ Эмиля Верхарна, величайшаго французскаго лирика со времени Виктора Гюго—и Мориса Метерлинка. Въ Метерлинкѣ Шлафъ видитъ наиболѣе полное выясненіе и завершеніе „новыхъ путей“ („die Moderne“—по теперешней нѣмецкой терминологіи) даже по сравненію съ другими наиболѣе видными представителями современной литературы, съ Ибсеномъ и Стриндбергомъ. Они не могутъ высвободиться изъ-подъ гнета пессимизма и скептическаго натурализма, а у Метерлинка намѣчаются съ самыхъ первыхъ его произведеній зачатки примирительнаго свѣтлаго міропониманія—и въ дальнѣйшемъ его творчествѣ его идеалистическій оптимизмъ крѣпнетъ, переходя въ послѣднее время въ полный позитивизмъ. На этомъ послѣднемъ, уже чисто позитивномъ періодѣ въ творчествѣ Метерлинка Шлафъ почти не останавливается, — онъ беретъ только то, что составляетъ характерныя черты Метерлинка, какъ мыслителя и какъ духовной личности. Анализируя ихъ, онъ опредѣляетъ Метерлинка какъ творца новаго культурнаго типа, какъ идеалъ „европейца“, о которомъ говоритъ Ницше—т.-е. представителя новой общественности на основѣ индивидуализма, углубленнаго до мистики. Такое освѣщеніе придаетъ большую оригинальность сужденіямъ Шлафа и поднимаетъ идейное

значеніе его очерка. Важно, что онъ, убѣжденный и яркій представитель натурализма, доказываетъ истинность нео-идеализма и объясняетъ, что мистическія драмы Метерлинка и его философія не оторваны отъ жизни, а напротивъ того, обогащаютъ дѣйствительность углубленнымъ пониманіемъ ея цѣлей.

Въ лирикѣ Метерлинка, въ его „Serres chaudes" Шлафъ видитъ еще непосредственное переживаніе натурализма, мрачность настроеній, вызванныхъ созерцаніемъ современныхъ культурныхъ центровъ съ ихъ безотрадной борьбой за существованіе; вся тоска безпочвеннаго и безцѣльнаго матеріализма городской жизни вылилась, по мнѣнію Шлафа, въ душно-напряженной лирикѣ „Serres chaudes", въ которой только изрѣдка прорывается лучъ „новой надежды", предчувствіе душевнаго кризиса, который укрѣпитъ современнаго человѣка въ его духовномъ самосознаніи. Съ такимъ толкованіемъ „Serres chaudes" едва ли, однако, можно согласиться. Не пессимизмъ натуралистическаго міросозерцанія чувствуется въ этихъ странныхъ—и по своей гипнотизирующей мелодіи, и по волнующимъ образамъ — стихахъ,—а жажда разбить оковы условной культурности, вырваться въ стихію свободы, гдѣ душа можетъ обрѣсти свои права. Кромѣ того, нельзя отдѣлить „Serres chaudes", признавъ этотъ сборникъ отзвуками стараго натурализма, отъ дальнѣйшаго творчества Метерлинка. Вся символика мистическихъ драмъ Метерлинка, всѣ образы, разсыпанные въ позднѣйшихъ его художественныхъ произведеніяхъ, собраны въ „Serres chaudes", такъ что этотъ сборникъ составляетъ до нѣкоторой степени ключъ ко всему художественному творчеству Метерлинка.

Наиболѣе интересна въ очеркѣ Шлафа попытка установить связь Метерлинка съ новымъ идеаломъ общественности. Въ эпоху матеріализма царилъ безцвѣтный космополитизмъ, въ которомъ исчезали національные оттѣнки чувствованій. Метерлинкъ углубилъ и расширилъ понятіе европейской культуры, внеся въ него свое національно-фламандское мистическое чутье. Въ этомъ—его главное значеніе. Въ своихъ драмахъ онъ выясняетъ внутренній міръ человѣческой души, отдѣленный отъ всѣхъ жизненныхъ наслоеній, показываетъ душу въ быстро мелькающіе моменты полнаго самосознанія — и такимъ образомъ создаетъ исключительную въ своемъ родѣ драму душевныхъ событій, происходящихъ въ сферѣ „до-сознательнаго". Трагизмъ, открытый имъ въ переживаніяхъ „типичной человѣческой души" на той глубинѣ, гдѣ исчезаетъ жизненная дифференціація характеровъ и судьбы, приближаетъ его къ мистикамъ старыхъ временъ. Разница только та, что они были эпиками, повѣствователями о таинственномъ мірѣ „просвѣтленнаго сознанія", а Метерлинкъ внесъ элементъ активнаго трагизма въ изображеніе тайнъ безсозна-

тельной жизни души. Эти свойства творчества Метерлинка, Шлафъ провѣряетъ на всѣхъ его драмахъ—и особенно ясно видитъ ихъ воплощеніе въ наиболѣе понятной изъ раннихъ пьесъ Метерлинка, въ „Intérieur" (Тамъ внутри). Это—первый и исключительный примѣръ „драмы четвертаго измѣренія", написанной такъ, что она становится вполнѣ возможной на сценѣ, производящей глубокое, вполнѣ ясное впечатлѣніе. Въ этой драмѣ и во всѣхъ другихъ чисто-символическихъ пьесахъ Метерлинка — до „Пелеаса и Мелизанды"—человѣкъ представленъ все болѣе и болѣе освобожденнымъ отъ индивидуальныхъ, дифференцирующихъ чертъ. Человѣкъ сведенъ къ „типичной душѣ", какъ бы къ „духовной протоплазмѣ", по выраженію Шлафа. И тогда, на глубинѣ освобожденнаго такимъ образомъ сознанія Метерлинкъ находитъ источникъ мудрости; она можетъ привести человѣка къ культурѣ, основанной на свободномъ и радостномъ исканіи справедливости безъ страха передъ судьбой, передъ событіями. Это созидательное творчество Метерлинка Шлафъ наблюдаетъ, начиная отъ „Пелеаса и Мелизанды", въ особенности въ „Аглавенѣ и Селизетѣ", гдѣ идеалъ активной любви ставится выше пассивной эстетической силы, культа красоты, и въ послѣдующихъ пьесахъ. Блѣдныя „маріонетки", символы души, погруженной въ бездѣйствіе и созерцаніе, смѣняются жизненными характерами, сильно очерченными индивидуальностями. Это не реальные типы современной дѣйствительности, но это герои будущей культуры, будущей общественности, основанной на любви, на взаимномъ довѣріи, на единеніи и согласномъ исканіи свѣта. Тѣ же идеи Метерлинкъ проводитъ и въ своихъ философскихъ книгахъ, въ особенности въ „Сокровищѣ смиренныхъ".

Таковъ цѣльный образъ поэта и философа Метерлинка, обрисованный въ очеркѣ Шлафа. Въ общемъ онъ—несомнѣнно вѣрный и цѣнный. Нельзя только согласиться съ оцѣнкой новѣйшихъ произведеній Метерлинка. Шлафъ видитъ въ нихъ подтвержденіе нео-идеализма Метерлинка и его высокихъ представленій о грядущемъ просвѣтленіи человѣчества. Намъ же они кажутся поворотомъ назадъ, къ современной французской позитивной наукѣ жизни. Но важны не отклоненія Метерлинка отъ своей цѣли, а положительные результаты его творчества, — а они прекрасно охарактеризованы въ очеркѣ Шлафа.—З. В.

НОВАЯ „ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“ ЗА-ГРАНИЦЕЙ.

— Dr. A. Brückner. Geschichte der russischen Litteratur. Leipzig, 1905.

Живой интересъ, вызываемый за предѣлами Россіи ея новою и новѣйшею литературой, породилъ уже въ наукѣ Запада немало монографій, посвященныхъ выдающимся дѣятелямъ, завоевавшимъ себѣ европейское имя. Гоголь (которому въ годъ юбилея пришлось подвергнуться спеціальному изученію во французской диссертаціи), Тургеневъ, Достоевскій, Левъ Толстой, затѣмъ (изъ писателей послѣдней поры) Чеховъ и М. Горькій нашли себѣ біографовъ, критиковъ, комментаторовъ. Но, въ противоположность этой детальной, разрозненной разработкѣ частныхъ вопросовъ, необыкновенно скудно было число общихъ историческихъ обзоровъ, которые могли бы раскрыть передъ непосвященною, большою публикой (для строго научнаго труда, повидимому, не скоро настанетъ время) ходъ развитія творческой самодѣятельности русскаго народа, приведшій къ современному литературному движенію; опредѣлить основныя данныя, культурныя вліянія, успѣхи народнаго самосознанія, связи литературы съ ростомъ общественности, образованіе школъ и направленій, эволюцію литературныхъ родовъ, соотношеніе народнаго и личнаго элементовъ; ввести писателей въ подлинную обстановку ихъ поры и развернуть передъ читателемъ живую, связную и одухотворенную лѣтопись многовѣковой жизни. Въ циклѣ работъ этого рода могли пріобрѣтать значеніе такіе популярные обзоры, какъ книга Александра Рейнгольда, работа ревностнаго, преданнаго дѣлу и очень начитаннаго дилеттанта; являлись тутъ и спѣшныя обобщенія К. Валишевскаго; изъ курса въ восемь публичныхъ лекцій, прочитанныхъ въ 1901 году въ Lowell Institute (въ Бостонѣ), составилась вышедшая въ началѣ 1905 года книга П. А. Кропоткина „Ideals and realities in russian literature“, бѣгло знакомящая съ древностью и даже съ восемнадцатымъ вѣкомъ, чтобы сосредоточиться на девятнадцатомъ столѣтіи и въ характеристикѣ отдѣльныхъ писателей (наприм. Тургенева, Толстого) дать много вѣрныхъ и глубокихъ оцѣнокъ и замѣчаній. Въ кругъ подобныхъ трудовъ вступаетъ теперь новѣйшій выпускъ лейпцигской серіи „Die Litteraturen des Ostens in Einzeldarstellungen“. Научный авторитетъ слависта, взявшаго на себя выполненіе задачи; естественныя ожиданія, что въ разработкѣ русскихъ историко-литературныхъ вопросовъ проявлены будутъ тѣ же свойства, которыя отличаютъ другой

трудъ того же автора въ названной серіи: „Исторію польской словесности“; спеціальное изученіе предмета, независимость и широта взглядовъ въ связи съ блескомъ и выразительностью изложенія,— все это отводило книгѣ проф. Брюкнера почетное положеніе въ небогатой на Западѣ литературѣ предмета. Научное безпристрастіе, чуждое національныхъ счетовъ и предубѣжденій, было обезпечено, и въ самомъ фактѣ, что первая ученая и въ то же время общедоступная исторія русской словесности введена будетъ въ книжный обиходъ Европы именно *польскимъ* ученымъ, была своеобразная привлекательность.

I.

Съ первыхъ же словъ вступленія къ книгѣ, опредѣляющихъ великое культурное, воспитательное значеніе литературы для русскаго народа, намѣчается вдумчивое сочувствіе автора къ ней. Это впечатлѣніе усиливается по мѣрѣ роста и развитія самостоятельнаго національнаго творчества; когда же, въ началѣ двадцатаго вѣка, онъ характеризуетъ упроченное наконецъ значеніе русской литературной стихіи въ міровой культурѣ, сочувствіе проявляется заключительнымъ, торжествующимъ аккордомъ, — тѣмъ заявленіемъ, которое заканчиваетъ книгу: „die Welt kann ihrer nicht mehr entbehren“, т.-е. „міръ не можетъ болѣе обойтись безъ нея“—безъ русской литературы. Въ гармоніи съ такимъ отношеніемъ къ дѣлу находится и большая ширь предпринятаго обзора, который отъ первыхъ литературныхъ памятниковъ доходитъ до явленій вчерашняго дня,—не только до Чехова, но даже и до М. Горькаго и Леонида Андреева,—и интересъ ко всѣмъ выдающимся проявленіямъ общественныхъ силъ, и осужденіе губительнаго вліянія самовластія, произвола, гнета. Авторъ желаетъ возстановить психическую исторію выдающихся писателей и нерѣдко создаетъ художественные портреты. Онъ анализируетъ, пересказываетъ много произведеній. За его очерками и картинами чудится немалая эрудиція, много настойчиваго труда. Такъ можетъ писать не равнодушный, безучастный лѣтописецъ чуждаго ему народнаго дѣла, но другъ и сочувственникъ его.

Таково общее впечатлѣніе, пока оно ограничивается контурами или главными, магистральными линіями. Оно влечетъ, манитъ вглубь обширнаго и богатаго фактами повѣствованія, побуждаетъ пройти шагъ за шагомъ вмѣстѣ съ обозрѣвателемъ весь путь его, раздѣлить съ нимъ трудъ добыванія выводовъ, опредѣленій, характеристикъ. Но, по мѣрѣ того, какъ двигается впередъ, вызванный сочувствіемъ, анализъ того, что̀ такъ стройно, выразительно и колоритно высилось

передъ читателемъ, начинаютъ выступать неровности, пробѣлы, спорныя утвержденія,—и все очевиднѣе становится трудность достигнуть исчерпывающаго обладанія предметомъ и безусловной точности изложенія при отдаленіи отъ источниковъ и пособій, наконецъ отъ самой страны, среди которой возникла и развилась обозрѣваемая литература.

Планъ работы проф. Брюкнера, очевидно, обусловленъ былъ необходимостью принести извѣстныя жертвы общедоступности, избѣгать излишней спеціализаціи; онъ не допускалъ равенства и гармоніи между очерками отдѣльныхъ эпохъ, чтобы приберечь наибольшую полноту для новѣйшаго, современнаго періода, самаго важнаго въ глазахъ европейскаго читателя; придавалъ исторіи до-Петровской, даже позднѣйшей словесности значеніе введенія къ этому главному отдѣлу, и предрѣшилъ извѣстныя неудобства и недочеты. Сжатость и краткость въ особенности сказались въ обзорѣ судебъ литературы до XVIII-го вѣка. Авторъ, впрочемъ, предупреждаетъ, что изъ старины возьметъ лишь наиболѣе выдающіяся черты—„springende Momente". Становясь на эту точку зрѣнія, можно ожидать, что имъ сдѣланъ будетъ тонкій выборъ фактовъ, основныхъ темъ и направленій словесности и мысли, наглядныхъ признаковъ ихъ роста въ до-Петровскую пору. Но обзоръ поспѣшенъ и скупъ. Задерживаясь по пути для того, чтобы высказать, напримѣръ, рѣшительное осужденіе дѣлу Меѳодія и Кирилла, или чтобы бѣгло отмѣтить „врожденный анархизмъ русскаго народа и его неспособность создать крѣпкій государственный строй", онъ проходитъ мимо крупныхъ явленій или бѣгло очерчиваетъ ихъ.

Народная поэзія, конечно, заслуживала иной характеристики, чѣмъ та, которая, минуя обрядныя игры, духовные стихи, историческія пѣсни, бытъ скомороховъ и каликъ, богатства бытовой сказки, останавливается на былинахъ и притомъ даетъ о нихъ лишь общія свѣдѣнія, до такой степени избѣгающія назрѣвшихъ въ наукѣ воззрѣній, что, вопреки работамъ объ исторической основѣ богатырства, они утверждаютъ, что главныя лица эпоса неизвѣстны исторіи, а передъ лицомъ двухъ обильныхъ результатами школъ, раскрывшихъ внѣшнее, —восточное и европейское,—вліяніе на былину, выдвигаютъ предположеніе, что въ данномъ случаѣ былъ „vielleicht fremder Einfluss". Но и для выдающихся произведеній ранней письменности не сдѣлано исключенія изъ суровой сжатости обзора. Моленіе Даніила Заточника не упомянуто вовсе, а Слову о Полку Игоревѣ отведена такая бѣглая характеристика, въ которой не выступаетъ въ истинномъ свѣтѣ ни художественное, ни бытовое, ни политическое, ни смѣло обличительное значеніе его. Во всякомъ случаѣ уже для тѣхъ мѣткихъ и

живыхъ очерковъ, которые авторъ впослѣдствіи посвящаетъ связямъ общественнаго движенія съ литературой, было бы цѣнно указать такія предвѣстія въ отдаленной древности. Проявленіе независимой религіозной мысли также недостаточно отмѣчено. Возникновеніе сектъ отодвинуто къ концу XV вѣка и связано съ ученіемъ „жидовствующихъ"; ихъ предшественники, стригольники XIV вѣка, развившіе свое религіозно-общественное ученіе среди республиканскаго быта Новгорода, вовсе не появляются передъ читателемъ. Вообще областной новгородскій вкладъ, такъ своеобразно выдѣляющійся на фонѣ древней словесности, наложившій свою печать на все, что ни сложилось въ предѣлахъ „народоправства", на пѣсню, лѣтопись, повѣсть, религіозное движеніе, остался въ тѣни, и заявивъ, что „новгородская доля, по крайней мѣрѣ въ литературѣ, была очень скромныхъ размѣровъ" (sehr bescheiden), историкъ не отступилъ потомъ отъ этого приговора.

Шестнадцатое столѣтіе, какъ пора перелома, привлекло уже больше вниманія автора, и ему удалась первая цѣльная характеристика— образъ Максима Грека, но рядомъ съ нею ни однимъ штрихомъ не вспомянута полная идеализма, свойственнаго апостоламъ типографскаго искусства, самоотверженная личность первопечатника Ивана Өедорова. Съ другой стороны, несмотря на необходимость обособлять среди начавшагося броженія охранительный оттѣнокъ мнѣній, Домострою приписано значеніе нравственнаго кодекса цѣлой эпохи, всего общества; самый же памятникъ, присвоиваемый обыкновенно Сильвестру, связывается здѣсь съ именемъ Адашева... Еще шагъ впередъ, и въ семнадцатомъ вѣкѣ передъ авторомъ встаетъ существенная для его плана задача прослѣдить подготовленіе Петровской реформы, ростъ сближенія съ Европой. Фактическая сторона, начиная съ этого отдѣла, становится богаче; сходство все еще бѣглаго снимка съ дѣйствительнымъ содержаніемъ эпохи замѣтно возрастаетъ, но попутно разбросаны по прежнему пропуски и недомолвки. Одни изъ нихъ касаются частныхъ вопросовъ и менѣе существенны. Такъ, изъ Боккачьо переводили въ ту пору не однѣ только шуточныя повѣсти (Schwänke); — прототипъ Шекспировскаго „Цимбелина", повѣсть о генуэзскомъ купцѣ Бернабо, или новелла о Гисмондѣ и Гвискардѣ, съ ихъ сильно драматическимъ содержаніемъ, совсѣмъ не подходятъ подъ это опредѣленіе. Не упомянутъ вовсе любопытный фактъ переговоровъ перваго посольства въ Германію за театромъ и актерами съ такимъ выдающимся дѣятелемъ, задумывавшимъ реформу нѣмецкой сцены, какъ Фельтенъ. Въ замѣчательной повѣсти о „Фролѣ Скабѣевѣ" эпизодъ, который кажется автору „донъ-Жуановскимъ", не „перенесенъ въ Москву", а разыгрывается въ дальней, новгородской

области. Высказанное по поводу маскарада Лжедмитрія въ Москвѣ мнѣніе о враждѣ народа къ переряживанію и маскированію совершенно преувеличено: — слѣдовало вспомнить о широкомъ раздольи святочныхъ и масленичныхъ игръ, и въ особенности о знаменитыхъ новгородскихъ окрутникахъ и ихъ процессіяхъ и поѣздахъ по улицамъ на „корабляхъ“, уставленныхъ ряжеными. Важнѣе тѣ пробѣлы или неровности, отъ которыхъ тускнѣетъ идейная основа описываемаго періода. Значеніе проповѣдниковъ обновленія, выступающихъ впереди оживляющейся общественной мысли, слишкомъ очевидно связано съ позднѣйшими фактами того же рода, и проф. Брюкнеръ коснулся двухъ главныхъ дѣятелей. Но въ то время, какъ онъ снимаетъ съ типической личности Котошихина довольно схожій силуэтъ, причемъ называетъ дьяка-эмигранта предшественникомъ Герцена, — двадцать съ чѣмъ-то строкъ, посвященныхъ Юрію Крижаничу и бѣгло упоминающихъ о его панславизмѣ, приверженности къ наукѣ и реформаторскихъ идеяхъ, даютъ поверхностное понятіе объ одной изъ примѣчательнѣйшихъ личностей стараго славянства, съ ея сложнымъ духовнымъ богатствомъ, принесеннымъ въ даръ русскому народу, и достаточно, казалось бы, раскрытымъ новѣйшими изслѣдованіями. Къ Крижаничу авторъ могъ бы приложить пріемъ, удавшійся ему въ характеристикѣ Максима Грека (съ которымъ онъ же и сравниваетъ его). Если Котошихинъ сталъ у него предшественникомъ Герцена, то (помимо иныхъ правъ Крижанича на вниманіе) въ дѣятельности хорватскаго апостола русскаго просвѣщенія онъ могъ бы указать первое предвѣстіе идей славянофильства.

Вѣрною оцѣнкой Петровскаго преобразованія, какъ результата предшествовавшаго движенія на встрѣчу культурѣ Запада, заканчивается отдѣлъ, посвященный старой литературѣ. Тѣ „springende Momente“, на которыхъ авторъ хотѣлъ остановиться въ ней, не помогли ему воспроизвести въ сжатыхъ, можетъ быть, но ярко освѣщенныхъ переходахъ творческое и идейное развитіе на пространствѣ вѣковъ. Онъ двигался впередъ, спѣшилъ, и во время этого форсированнаго похода многое осталось въ тѣни.

II.

Картина литературнаго движенія въ XVIII-мъ вѣкѣ уже стала полнѣе и обстоятельнѣе. Лица, произведенія, направленія изучаются и оцѣниваются по существу. Темпъ изложенія замедленъ, стали отчетливѣе фонъ и выдающіяся изъ него лица. Но спорнаго или неточнаго все еще немало. Къ самобытной, сложной личности Ивана Посошкова, у

котораго охранительныя заботы національнаго и религіознаго свойства соединялись съ искренней преданностью просвѣщенію и реформѣ, совершенно не можетъ подойти названіе „представителя доброй старины“ (ein Mann der guten alten Zeit). Его смѣтливыя общественно-экономическія воззрѣнія, привлекательная сторона которыхъ заключается въ томъ, что онъ видитъ благосостояніе страны не въ одномъ лишь накопленіи богатствъ, но въ довольствѣ всего народа, въ культурныхъ благахъ, правильномъ и справедливомъ строѣ, гуманномъ законодательствѣ, сведены исключительно къ заботамъ капиталистическаго характера. Трагическая же развязка судьбы мечтателя-прожектёра, чья рукопись „Книги о скудости и богатствѣ“, съ обличеніями лживыхъ и вредныхъ сотрудниковъ Петра, очутилась, послѣ смерти царя, въ рукахъ враговъ автора и вызвала арестъ его, заключеніе и смерть въ крѣпости, изложена такъ неопредѣленно, что легко можетъ быть понята, какъ неблагодарная отплата самого преобразователя усерднѣйшему его приверженцу. Личность другого, столь же типическаго, представителя народной энергіи, основателя правильнаго театра, Ѳедора Волкова, очерчена бѣгло и блѣдно, а примѣчательный, воспитывающій вкусъ неопытныхъ зрителей репертуаръ, который онъ привилъ молодой сценѣ,—лучшія драмы и комедіи Мольера, Гольберга, Вольтера, Дидро и др.,—не подходитъ подъ суровое опредѣленіе „alte Stücke“. Если въ оцѣнкѣ культурнаго значенія Екатерины борются такія противоположности, какъ недовѣріе къ искренности ея служенія прогрессу, и заявленіе, что она „была выше всей своей среды“ (не придворной же! этого нечего было бы доказывать,—стало быть, она вознесена надъ такими нравственно цѣльными, глубоко убѣжденными людьми, какъ Радищевъ или Новиковъ...),—то въ сужденіяхъ о ея главныхъ современникахъ мы встрѣчаемъ неменьшія колебанія.

„Врагу рабства“ Радищеву нельзя приписывать „Respect vor der Autocratie“ и утверждать, будто въ этомъ именно свойствѣ лежитъ причина его самоубійства,—тогда какъ изъ ссылки онъ вернулся неисправимымъ вольнодумцемъ, поражалъ радикализмомъ сочленовъ по коммиссіи преобразованій, и наложилъ на себя руки подъ вліяніемъ приступа ипохондріи, захваченной въ Сибири. Его многострадальную книгу,—цѣлую программу гуманно-либеральныхъ реформъ, освобожденія крестьянъ, свободы печати,—потрясавшую самыя основы самовластія, нельзя называть „совершенно невинной книгой“ (ein ganz unschuldiges Buch), но нѣсколькими страницами дальше все же утверждать, что имя Радищева „останется безсмертнымъ“. Представителю противоположнаго направленія, идеализировавшаго старину, Щербатову, отведена также несвойственная ему роль,—и притомъ

вмѣстѣ съ такою сторонницей европейской культуры, какъ кн. Дашкова, другъ западныхъ философовъ, руководительница академіи, дѣятельная сотрудница журналовъ. Оба они призваны олицетворять— два яркихъ Фонвизинскихъ образа круглаго невѣжества (sie spielten die *Prostakov* und *Skotinin*, das heisst die biedere Moral der vorpetrinischen Zeit).

Но и самому Фонвизину не посчастливилось. Екатерининская сатира, въ рядахъ которой онъ, конечно, занимаетъ не послѣднее мѣсто, просто „била лежачаго",—такъ что мрачныя картины крѣпостничества въ „Недорослѣ", знаменитыя деревенскія письма въ „Живописцѣ", рѣзко сатирическія страницы у Радищева получаютъ значеніе безобиднаго упражненія надъ противникомъ, давно осужденнымъ и безсильнымъ. При этомъ бытовыя картины Фонвизина сливаются въ глазахъ нашего историка въ односторонній насмѣшливый колоритъ, такъ какъ у автора „Недоросля" „отцы такъ же мало стоютъ, какъ и дѣти",—весь смыслъ столь важнаго у комика противоположенія новаго, испорченнаго поколѣнія старшимъ предшественникамъ, типа Стародума, Правдина, Нельстецова, потерялся.

Еще нѣсколько неточностей (десятокъ-другой комедій Сумарокова превратился въ „Hunderte von Komödien"; „Энеида на изнанку" Котляревскаго была написана не „im Volksdialect", т.-е. какъ будто на народномъ великорусскомъ нарѣчіи, а явилась первымъ памятникомъ новой, самостоятельной *малорусской* литературы; вліяніе Стерна на Карамзина нельзя подвергать сомнѣнію, — оно засвидѣтельствовано имъ и въ „Письмахъ русскаго путешественника", и въ повѣстяхъ),— и отдѣлъ о XVIII-мъ вѣкѣ приходитъ къ концу, представивъ, наряду съ указанными недочетами, вѣрныя и мѣткія сужденія и характеристики, напр. въ очеркѣ русскаго масонства, въ сравненіи братскаго опрощенія у Ивана Лопухина съ идеями Льва Толстого и т. д.

III.

Литературѣ XIX-го столѣтія, прологу къ новѣйшей словесности, отведено, конечно, еще болѣе почетное положеніе, чѣмъ фактамъ просвѣтительнаго періода. Съ этого отдѣла какъ будто начинается существенная часть книги, вступаетъ въ свои права психологія и политическая исторія, бѣглыя біографическія данныя превращаются въ цѣлые этюды (напр. о Гоголѣ, Достоевскомъ), набрасывается картина умственнаго движенія эпохъ, поколѣній; приняты во вниманіе новыя работы. Вниманіе критики останавливаютъ на себѣ детали; ихъ нельзя не указать, хотя бы списокъ ихъ и вышелъ весьма немалочисленнымъ.

Пламенный поэтъ-гражданинъ, человѣкъ энергическаго дѣла, Рылѣевъ характеризованъ какъ пессимистъ, — но, дѣйствуя на „изнѣженное племя переродившихся славянъ“, онъ вливалъ въ нихъ не скорбь и отчаяніе, а гражданское мужество. Большая часть жизни Грибоѣдова, проведенная на дипломатической службѣ въ Персіи или на Кавказѣ, получила характеръ повременныхъ „порученій“, съ которыми его посылали „на Кавказъ, въ Тифлисъ, Тегеранъ“. Планъ „Горя отъ ума“ зародился не въ 1816 г., а въ университетскіе годы, стало быть, до 1808 года. Чацкій по пьесѣ не племянникъ Фамусова, а только сынъ его друга. Грибоѣдова никогда никто не обвинялъ въ доносѣ на декабристовъ. Пушкина не ссылали въ Одессу, и не тамъ онъ встрѣтился съ Раевскими. Екатеринославъ, поѣздка на Кавказъ, въ Крымъ, жизнь въ Бессарабіи предшествовали переходу въ Одессу. Совершенно противорѣчатъ дѣйствительности утвержденія, будто Пушкинъ считалъ для себя „незаслуженнымъ оскорбленіемъ“ названіе русскаго писателя, что онъ всѣмъ сердцемъ стремился къ титулу *камергера* (heissersehnter Kammerherrntitel), что наконецъ онъ былъ... поклонникомъ кнута и цензуры! Ни Баратынскій, ни чувствительный лирикъ Нелединскій-Мелецкій не были князьями. Лермонтова не исключили изъ университета, „Казначейша“ не основана на происшествіи изъ его „гарнизонной стоянки въ Тамбовѣ“, потому что онъ никогда и нигдѣ не стоялъ съ полкомъ въ великорусской провинціи. Убійца поэта Мартыновъ не былъ его другомъ, но служилъ постоянною мишенью его нападокъ и насмѣшекъ.

Въ біографической канвѣ о Гоголѣ особенно много неточностей. Неудачи Гоголя въ Петербургѣ происходили не „вопреки всевозможному поощренію со стороны друзей и покровителей“, а *до* этихъ заботъ, во время борьбы за существованіе; послѣ же сближенія съ Пушкинымъ и Жуковскимъ судьба его сказочно измѣнилась. Происшествіе съ Пушкинымъ, — одинъ изъ источниковъ „Ревизора“,— имѣло мѣсто не въ Новгородѣ, а въ пору заволжской поѣздки за матеріалами для исторіи Пугачева. Тяжелое впечатлѣніе перваго представленія „Ревизора“ на Гоголя вызвано было не тѣмъ, что публика не поняла цѣли комедіи и неудержимо хохотала, а тѣмъ, что она слишкомъ хорошо поняла эту цѣль и озлобилась на автора. „Женитьба“—не актъ изъ уничтоженной комедіи, а самостоятельное произведеніе. Гоголь уѣхалъ изъ Россіи не прямо въ Италію; тому предшествовали поѣздка по Рейну, жизнь въ Швейцаріи, гдѣ онъ возобновилъ работу надъ „Мертвыми Душами“, и зима, проведенная въ Парижѣ. Онъ прибылъ въ Римъ почти годъ спустя послѣ выѣзда изъ Россіи. Пушкинъ не выдумалъ покупку мертвыхъ душъ, какъ канву для романа, а передалъ Гоголю случайно слышанный разговоръ двухъ

дѣльцовъ. Наконецъ мучительно-болѣзненное состояніе Гоголя въ послѣдніе годы и подтвержденная множествомъ его показаній затрудненность его работы надъ вторымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ“ не даютъ возможности утверждать, что смерть Гоголя „вырвала его, казалось, изъ оживленнѣйшаго творческаго труда“. Съ подобными недочетами, какъ-то случайно сгустившимися вокругъ гоголевскаго вопроса, нельзя не сопоставить другихъ, встрѣчающихся въ иныхъ позднѣйшихъ отдѣлахъ новой литературы. Таково, напр., мнѣніе, что Бѣлинскій покинулъ литературную дѣятельность и дружескій философскій кружокъ въ Москвѣ для Петербурга „съ радостью“, тогда какъ этотъ переходъ связанъ былъ съ душевнымъ переломомъ; — что славянофилы напоминаютъ собой Чичикова во 2-мъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“ (?);—что нигилизмъ зародился въ аристократическихъ и оффиціальныхъ салонахъ послѣ 1840 года; что Базаровъ и Рудинъ—Zeitgenossen, и что въ 1852 г. *были* уже Базаровы, тогда какъ демократическій характеръ протеста не подлежитъ сомнѣнію, а идейная основа нигилизма—распространеніе новаго естествознанія и соціальныхъ ученій—прямо связана съ порубежной порой между пятидесятыми и шестидесятыми годами; — что Ив. С. Тургеневъ явился „пѣвцомъ (Sänger) старой, до-эманципаціонной Россіи“ (приговоръ, опровергаемый далѣе самимъ же авторомъ); — что Герценъ, удалившись въ Англію, навсегда излечился отъ либеральныхъ иллюзій; — что университетская молодежь нѣкогда возносила до небесъ Каткова и т. д.

Колебанія и неровности въ выполненіи плана вредятъ порою ясности впечатлѣній, устойчивости сужденій. Такъ, изучая творчество Пушкина въ связи съ фактами его жизни, авторъ прямо переходитъ отъ юношескихъ поэмъ къ произведеніямъ зрѣлаго періода, не указавъ на такой рѣшающій моментъ, какъ примиреніе съ оффиціальнымъ строемъ, преобладаніе объективности, служеніе чистому искусству; затѣмъ, когда, слившись въ одну массу, разновременныя творенія обнаружили различіе въ направленіи и складѣ, дѣлается поворотъ назадъ, къ порѣ компромисса; возстановленъ біографическій пропускъ, избѣжавъ котораго, можно было бы наглядно прослѣдить художественную и идейную эволюцію поэта. Въ иномъ отношеніи вредитъ разногласіе выводовъ съ попутными приговорами о дѣятельности того или другого писателя. Отъ этого пострадала цѣльность образа Радищева, не могла не пострадать и характеристика Пушкина, приводящая, послѣ суровыхъ осужденій его личныхъ свойствъ, идейной отсталости, даже нравственныхъ недостатковъ, къ итогу, который отводитъ ему высокое мѣсто въ литературѣ; пострадала и оцѣнка Тургенева, въ которой, послѣ титула пѣвца дореформенной Россіи, обличенія малодушія (Kleinmuth), высказаннаго имъ въ 1876—

1877 г.г., признанія за нимъ неспособности понять требованія времени, и очень умѣреннаго отзыва даже о „Стихотвореніяхъ въ прозѣ“, съ ихъ несомнѣннымъ отзвукомъ на эти требованія,—выносится заключительный вердиктъ, напоминающій признаніе заслугъ Пушкина. Но среди подобныхъ неровностей, пробѣловъ или недосмотровъ выдѣляются, какъ отдѣльные эпизоды, искусно выполненныя и психологически тонкія характеристики писателей и произведеній, очерки различныхъ моментовъ въ жизни общества, служащихъ фономъ литературнаго движенія. Таковы этюды о Лермонтовѣ, о внутренней исторіи Гоголя, о Герценѣ, Чернышевскомъ и его „Что дѣлать“, о Добролюбовѣ и, въ особенности, о Салтыковѣ и его времени; неблагодарность къ великому сатирику со стороны ближайшихъ къ нему поколѣній выставлена съ большою горячностью и силой.

Чуткость автора къ идейному, общественному и художественному движенію, возрастая по мѣрѣ приближенія историческаго разсказа къ современной порѣ, дѣлаетъ послѣдній отдѣлъ его книги лучшимъ по полнотѣ, вѣрности тона, мѣткости оцѣнокъ. Короленко, Чеховъ, Горькій, Л. Андреевъ проходятъ передъ читателемъ въ ихъ значеніи для современности; въ Горькомъ авторъ ставитъ подвижника идеи выше художника, на Андреевѣ сосредоточиваетъ великія надежды. Живая характеристика самостоятельнаго проявленія народныхъ силъ въ новѣйшей литературѣ безконечно далеко отошла отъ парадоксально прозвучавшаго еще въ началѣ книги заявленія, будто въ Россіи „всякая литературная революція совершается свыше, по приказу“ (von Oben, auf Befehl kommt), — заявленія, которое автору трудно было бы поддержать фактами (пришлось бы доказывать, что романтическое движеніе, байронизмъ, развитіе натуральной школы, побѣдное шествіе реализма, соціально-политическое направленіе шестидесятыхъ годовъ исходили отъ чьего бы то ни было предписанія). Въ краткій промежутокъ между окончаніемъ своего труда и выходомъ его въ свѣтъ (въ ноябрѣ) авторъ, сочувствующій освободительному движенію, успѣлъ даже отстать отъ быстро понесшихся событій, и на внушенный опытомъ прошлаго сомнѣвающійся вопросъ, не ослабѣетъ ли послѣ временнаго напряженія общественная энергія, не разобьются ли, не затеряются ли снова въ пескѣ волны движенія, жизнь дала отвѣтъ, превзошедшій ожиданія, разсѣявшій сомнѣнія. Но оживленная литературная лѣтопись доводитъ во всякомъ случаѣ читателя до послѣдняго, рѣшающаго момента, давая возможность оріентироваться среди сложныхъ явленій и теченій современности. На такомъ животрепещущемъ разсказѣ мы разстаемся съ литературнымъ начинаніемъ, задавшимся двойственной цѣлью научной зрѣлости и общедоступности, потребовавшимъ разысканій, обусловленнымъ не-

малыми трудностями и облеченнымъ въ прекрасную форму (напоминающую лучшія стороны удивительнаго изложенія у Вильгельма Шерера). Задача не могла, очевидно, быть выполнена сразу. Недостатки и пробѣлы были, при починѣ, быть можетъ, неизбѣжны. Но, перестроенная въ духѣ бо̀льшаго соотвѣтствія между изученіемъ старины, новизны и современности, послѣдовательно, органически слѣдящая за главными фазисами литературной и общественной эволюціи, избавленная отъ случайныхъ, наносныхъ ошибокъ, книга проф. Брюкнера въ слѣдующихъ своихъ изданіяхъ призвана, конечно, занять видное мѣсто въ европейской литературѣ популярной славистики.

Алексѣй Веселовскій.

Москва.

М. С. ДРИНОВЪ.

Некрологъ.

28-го февраля скончался заслуженный профессоръ харьковскаго университета Маринъ Степановичъ Дриновъ, на 68-мъ году жизни. Смерть его произвела глубокое впечатлѣніе въ ученыхъ и университетскихъ кругахъ Россіи, и особенно на родинѣ покойнаго въ Болгаріи. Князь Фердинандъ прислалъ прочувствованную телеграмму и своего представителя въ Харьковъ. Отъ болгарскаго правительства пріѣзжалъ на похороны министръ народнаго просвѣщенія Шишмановъ съ депутаціей. Всѣ славянскія академіи, въ которыхъ Дриновъ былъ членомъ, прислали харьковскому университету выраженія соболѣзнованія.

Покойный былъ весьма выдающимся славистомъ и много потрудившимся для блага своей родины патріотомъ. Такимъ образомъ, дѣятельность М. С. Дринова имѣетъ двѣ стороны: спеціально-ученую теоретическую и политическую практическую.

Какъ ученый, Дриновъ еще въ концѣ 70-хъ годовъ пріобрѣлъ солидный авторитетъ. А. Н. Пыпинъ называетъ его въ своей исторіи славянской литературы „важнѣйшимъ и уже вполнѣ по-европейски ученымъ историкомъ болгарскимъ“. Труды М. С. Дринова преимущественно по исторіи Болгаріи („Заселеніе Балканскаго полуострова“, „Южные славяне и Византія въ X вѣкѣ“, „О происхожденіи болгарскаго народа“, „Очеркъ исторіи болгарской церкви“ и мн. др.) высоко цѣнятся спеціалистами.

Изслѣдованія М. С. Дринова по болгарскому языку являются лучшими въ этой области. Неудивительно, что всѣ славянскія академіи и многочисленныя ученыя общества признали безспорныя ученыя заслуги покойнаго профессора.

Какъ преподаватель, М. С. Дриновъ оставилъ послѣ себя лучшую память. Онъ живо интересовался научнымъ интересомъ своихъ слушателей, охотно давалъ свои всегда цѣнныя указанія и умѣло руководилъ ихъ занятіями. Особенно полезны были совѣты Дринова молодымъ ученымъ, не только славистамъ, но и представителямъ другихъ спеціальностей: здѣсь опытъ, глубокія знанія и трезвость сужденій маститаго ученаго приносили несомнѣнную пользу.

Отказываясь отъ почетныхъ приглашеній (министромъ въ Болгарію, на каѳедру Дювернуа въ Москву), М. С. Дриновъ болѣе 30-ти

лѣтъ служилъ харьковскому университету. Въ коллегіальныхъ отношеніяхъ покойный держалъ себя безукоризненно и при уставѣ 1863 года принадлежалъ къ партіи, такъ называемой, либеральной, къ которой принадлежали лучшіе профессора харьковскаго университета (Потебня, Каченовскій, Цѣхановецкій и др.).

Чрезвычайно доброжелательное, тактичное и деликатное отношеніе къ членамъ коллегіи создало покойному немало друзей и окружило его атмосферой истиннаго уваженія.

Есть въ жизни М. С. Дринова періодъ въ высокой степени знаменательный. Теоретикъ, отвлеченный ученый волею судьбы привлекается къ практической, созидательной дѣятельности.

Объ этомъ періодѣ М. С., человѣкъ очень скромный, говорилъ рѣдко съ ближайшими друзьями. 1877 и 1878 годы онъ провелъ въ Болгаріи, куда отправился вмѣстѣ съ кн. Дундуковымъ-Корсаковымъ. На него была возложена задача организаціи народнаго образованія въ Болгаріи, и съ этой задачей Дриновъ справился превосходно. Его неусыпные труды признаны всей его родиной. М. С. былъ однимъ изъ творцовъ болгарской конституціи и виновникомъ избранія Софіи столицей Болгаріи, такъ какъ въ географическомъ и въ политическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ этотъ городъ подходилъ гораздо больше Тырнова (предполагаемой столицы) къ роли политическаго центра страны.

М. С. Дриновъ горячо любилъ свою родину, сильно скорбѣлъ о ея судьбахъ, но не менѣе любилъ онъ и названную свою родину—Россію. Одаренный большимъ государственнымъ умомъ, тонкій знатокъ политики, М. С. прекрасно понималъ слабыя стороны нашей политики по отношенію къ славянамъ, но всегда упорно стоялъ за необходимость для Болгаріи добраго согласія и единенія со своей освободительницей.

Въ лицѣ М. С. Дринова сошелъ въ могилу не только видный ученый, образцовый историкъ и филологъ,—мы хоронимъ рѣдкій типъ мудраго, уравновѣшеннаго слависта-патріота, никогда не грѣшившаго тенденціозностью или исключительностью. Слѣдуетъ лишь пожелать, чтобы уравновѣшенное міросозерцаніе покойнаго, его всеобъемлющая любовь къ славянству пережили покойнаго въ родственной ему средѣ на много вѣковъ.

Л. Шепелевичъ.

Харьковъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 апрѣля 1906

Первая стадія выборовъ въ Думу.—Впечатлѣнія избирателя. — Общій тонъ отношенія крестьянъ къ „начальству" и къ „господамъ". — Выборы въ Государственный Совѣтъ и земство.—Казнь Шмидта.—Дѣло Спиридоновой.—Судебные процессы редакторовъ „Руси", „Нашей Жизни", „Начала" и др. — Безпримѣрная репрессія. — В. А. Крыловъ; В. И. Лихачевъ †.

Когда настоящая хроника появится въ печати, — въ двадцати-восьми губерніяхъ первой очереди, въ которыхъ днемъ губернскихъ избирательныхъ собраній назначено 26-е марта, уже окончательно опредѣлятся результаты выборовъ въ Государственную Думу. А теперь опредѣлился пока только составъ выборщиковъ. Еслибы дѣло происходило въ Англіи, то и теперь можно было бы съ большой точностью заключить о политической физіономіи Думы. Но у насъ, и послѣ завершенія второй выборной стадіи, нельзя будетъ съ вѣроятностью гадать не только о судьбѣ министерства 17-го октября, но рѣшительно ни о чемъ. Теперь же можно сказать одно: всѣ сужденія о предстоящей побѣдѣ или о предстоящемъ пораженіи той или другой изъ образовавшихся политическихъ партій—абсолютно произвольны. Высказанное нами въ прошломъ мѣсяцѣ предположеніе оправдалось: какъ крестьяне, такъ и землевладѣльцы, выбирали, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не представителей партій, а *людей*. Мы видѣли списки выборщиковъ отъ городовъ, землевладѣльцевъ и отъ крестьянъ той губерніи, въ которой лично принимали участіе въ выборахъ. Только у первыхъ, дающихъ наименьшее число выборщиковъ, преобладали имена болѣе или менѣе политически-опредѣленныя. У вторыхъ—такихъ именъ была небольшая часть, а у третьихъ — мы не нашли почти ни одного.

Въ среду избирателей, баллотировавшихъ въ губернскихъ и даже въ уѣздныхъ городахъ, политическая агитація проникла—это фактъ, если не общій, то значительно распространенный. Объясняется онъ, конечно, прежде всего, тѣмъ, что законъ 11-го декабря влилъ въ съѣзды городскихъ избирателей чуть не поголовно всю уѣздную интеллигенцію, какъ живущую въ городѣ, такъ и живущую въ деревнѣ. Затѣмъ, въ городахъ, хотя и съ большими затрудненіями, все-таки устраивались предвыборныя собранія. Немалую роль, наконецъ, сыграли газеты.

Въ среду же избирателей, баллотировавшихъ въ съѣздахъ земле-

владѣльцевъ и уполномоченныхъ отъ волостей, агитація не проникла вовсе, или проникла въ видѣ рѣдкаго исключенія. Избраніе выборщиковъ прошло въ темную. Хорошо еще, если гдѣ были мѣстныя популярныя имена—популярныя, какъ имена земцевъ или просто хорошихъ людей. Тамъ хоть нѣсколько наблюдалось сосредоточеніе голосовъ. Гдѣ такихъ именъ не было, или было меньше, чѣмъ вакансій выборщиковъ, баллотировка по много разъ повторялась, и избраніе опредѣлялось такими факторами, какъ утомленіе избирателей, желаніе наконецъ покончить докучную выборную процедуру и т. п.

Не одни, думаемъ, внѣшнія препятствія помѣшали агитаціи выйти изъ городовъ. Думаемъ также, что и не одна сѣрость и малограмотность народныхъ массъ. Агитація потому не могла проникнуть въ деревню, что она не имѣла тамъ для себя конкретно опредѣленнаго объекта. Задаваться воздѣйствіемъ на всѣхъ крестьянъ и на всѣхъ мелкихъ собственниковъ уѣзда—объ этомъ не могъ мечтать, само собою разумѣется, ни одинъ самый прямолинейный агитаторъ. А кто попадетъ въ уполномоченные, стало извѣстно либо наканунѣ, либо въ самый день избранія выборщиковъ.

Въ газетѣ „Страна“ ежедневно печатается таблица движенія выборовъ, въ которой даются цифры лицъ, подлежавшихъ избранію и избранныхъ, съ подраздѣленіемъ послѣднихъ на четыре категоріи: лѣвыхъ партій, центра, правыхъ партій и безпартійныхъ [1]). Возьмемъ таблицу, составленную на основаніи свѣдѣній по 16-е марта (№ 23) и остановимся на тѣхъ губерніяхъ, гдѣ уже избранъ полный комплектъ выборщиковъ. Въ могилевской губерніи, изъ 139 выборщиковъ 14 отнесено къ лѣвымъ партіямъ, 3—къ центру и 14—къ безпартійнымъ. Въ самарской, изъ 180-ти, 18—къ лѣвымъ, 5—къ центру, 15—къ правымъ, 5—къ безпартійнымъ. Въ тамбовской, изъ 180-ти, 18—къ лѣвымъ, 15—къ центру, 2—къ правымъ, 7—къ безпартійнымъ. Въ тверской, изъ 124-хъ, отнесено къ соотвѣтственнымъ четыремъ категоріямъ: 34, 23, 2 и 4. Въ уфимской, изъ 154-хъ—къ первымъ тремъ: 21, 6 и 1. Только въ московской, изъ 109-ти, разнесено по группамъ партій 100, и остались внѣ распредѣленія 9. Всего, изъ 2.578 выборщиковъ данныя о политическомъ міровоззрѣніи приведены о 708-ми (въ томъ числѣ 118 безпартійныхъ), а 1.870 — остаются полными „иксами“.

---

[1]) Къ лѣвымъ партіямъ газета причисляетъ соціалъ-демократовъ, конституціоналистовъ-демократовъ, партію демократическихъ реформъ, партію свободомыслящихъ и вообще выборщиковъ „прогрессивнаго направленія“; къ центру — партію 17-го октября, торгово-промышленную и т. п., и вообще выборщиковъ „умѣренныхъ“; къ правымъ—партію правового порядка, монархистовъ и т. д.

Несмотря на такія неблагопріятныя условія, выборы, все-таки, кое-въ-чемъ обнаружили тонъ настроенія деревенскаго населенія. Самое крупное по значенію изъ непосредственно наблюдавшихся нами явленій—это рѣзко отрицательное отношеніе ко всякаго рода „начальству". Крестьяне, какъ давно извѣстно, не особенно точно различаютъ административное начальство отъ органовъ самоуправленія. Въ ихъ глазахъ и предводитель дворянства, и земскій начальникъ, и членъ или предсѣдатель земской управы, и становой приставъ, охватываются всеобъемлющимъ понятіемъ „начальства". „Довольно поначальствовали",—говорили на выборахъ нѣкоторые изъ нихъ, наименѣе сдержанные на языкъ. Большинство ничего не говорило, но систематично „прокатывало" начальниковъ. Въ цѣлой губерніи изъ тринадцати предводителей дворянства въ выборщики прошелъ одинъ; изъ многихъ десятковъ земскихъ начальниковъ—тоже одинъ; изъ состава уѣздныхъ земскихъ управъ—ни одного. Особенно намъ показались характерными слѣдующіе факты. Въ уѣздѣ, близко намъ извѣстномъ, въ числѣ членовъ мѣстной управы имѣется два крестьянина—люди самаго противоположнаго направленія, но одинаково популярные въ своихъ волостяхъ. Оба на выборахъ въ земскіе гласные обыкновенно проходили очень успѣшно. И оба дважды забаллотированы: на выборахъ уполномоченныхъ отъ волостныхъ сходовъ и на выборахъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Въ другомъ уѣздѣ забаллотированы: губернскій предводитель дворянства—крайній реакціонеръ, и мѣстный уѣздный—конституціоналистъ-демократъ.

Не рискованно ли обобщать это наблюденіе? Не случайно ли оно? Мы думаемъ, что нѣтъ. Мы склонны скорѣе считать обусловленными случайными обстоятельствами обратные примѣры—быть можетъ, давленіемъ, быть можетъ личными качествами того или другого должностного лица. Знающіе деревню уже давно замѣчали, что престижъ власти среди крестьянства неудержимо падаетъ. Только близорукость могла относить всецѣло на счетъ страсти сутяжничества и на счетъ происковъ „аблакатовъ" безконечное хожденіе крестьянъ по административнымъ и судебнымъ инстанціямъ и не видѣть въ этомъ другого показателя, болѣе глубокаго: отсутствія уваженія къ представителямъ власти, къ ихъ знаніямъ и правомѣрности. Создатель института земскихъ начальниковъ, графъ Д. А. Толстой, полагалъ, что возможно въ дѣлѣ устроенія мѣстной жизни оперировать исключительно на чувствѣ страха, и что развитіе страха передъ начальствомъ само собою приведетъ къ уваженію власти. Его преемники послѣдовательно проводили то же начало политическаго воспитанія гражданъ. Сколько трудовыхъ крестьянскихъ грошей ушло на штрафы за неснятіе шапокъ! Сколько оставлялось безъ отмѣны явно незаконныхъ рѣшеній, приго-

воровъ и постановленій! Сколько людей выслано въ Сибирь за неуважительное отношеніе къ чиновникамъ! Чего только не приносилось въ жертву развитію спасительнаго страха! Казалось бы, если отправная точка была правильна, крестьяне за пятнадцать лѣтъ должны были насквозь проникнуться безусловнымъ уваженіемъ къ авторитету судьи-администратора и властнаго попечителя ихъ быта и еще бо̀льшимъ—къ полномочному представителю мѣстнаго дворянства. Что̀ же получилось? Въ первый разъ довелось крестьянству сказать свое слово, и оно объединилось на лозунгѣ: „Довольно поначальствовали"... Дорого̀й цѣной досталась Россіи побѣда надъ основнымъ принципомъ реакціи восьмидесятыхъ годовъ. Но зато едва ли опять найдутся неразумные, которые снова станутъ повторять присказку о „властной рукѣ"? Миражъ, надѣемся, разсѣется безповоротно...

Въ связи съ отрицательнымъ отношеніемъ къ „начальству", мы наблюдали такое же отношеніе къ „господамъ" и отчасти къ духовенству. Особенно это замѣтно было на выборахъ уполномоченныхъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Гдѣ на предварительныхъ съѣздахъ крестьяне были въ большинствѣ, они систематично проваливали мелкихъ дворянъ-помѣщиковъ, внѣ всякаго соотношенія съ политической окраской баллотировавшихся. И это наблюдалось даже на такихъ съѣздахъ, на которыхъ нѣкоторые избиратели поражали, вообще, пассивностью и малымъ пониманіемъ важности момента. Ни о какомъ предшествующемъ сговорѣ или подговорѣ не пропускать „господъ" на предварительныхъ съѣздахъ не можетъ быть и рѣчи. Собиравшіеся по повѣсткамъ, полученнымъ за три-четыре дня, крестьяне-собственники, не знающіе другъ друга и во всемъ другомъ напоминавшіе стадо овецъ, въ этомъ, наоборотъ, обнаруживали рѣдкое единодушіе.

Въ уѣздѣ, который мы имѣемъ въ виду, было образовано восемь предварительныхъ съѣздовъ. Собственники, явившіеся на съѣзды, представили въ совокупности 94 полныхъ ценза и выбрали уполномоченными: десять священниковъ и діаконовъ, двухъ мѣщанъ, одного дворянина и 81 крестьянина — преимущественно изъ владѣльцевъ одной, двухъ и до десяти десятинъ, т.-е., въ сущности, крестьянъ-общинниковъ, живущихъ на надѣльной землѣ и имѣющихъ, какъ подспорье, небольшой клочокъ земли купленной. Чуткое къ обидѣ духовенство въ нѣсколькихъ случаяхъ, послѣ забаллотированія перваго священника, поголовно уходило со съѣздовъ, снимая свои цензы. Менѣе, чѣмъ на съѣздахъ мелкихъ землевладѣльцевъ, но все-таки та же рознь между „господами" и крестьянами чувствовалась и на съѣздѣ уѣздномъ, т.-е. при избраніи выборщиковъ. Изъ крестьянъ уполномоченныхъ не явилось только девять. Крупныхъ собственниковъ прибыло изъ 73—около сорока. При такомъ соотно-

шеніи силъ, перевѣсъ былъ явно на сторонѣ крестьянъ. Въ виду того, что предварительные съѣзды были закончены лишь за два дня до уѣзднаго съѣзда, и попытка устроить наканунѣ предвыборное совѣщаніе не удалась, за невозможностью своевременно разослать уполномоченнымъ приглашенія, нѣсколько лицъ изъ крупныхъ собственниковъ рѣшили использовать для выясненія кандидатуръ хоть два часа, назначенные на запись явившихся. Едва, однако, всѣ собрались, крестьяне стали по одиночкѣ уходить, сначала въ корридоръ, затѣмъ на дворъ, и тамъ образовали свое совѣщаніе. Вернулись они съ готовымъ рѣшеніемъ: избрать одно опредѣленное лицо изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, а на всѣ остальныя вакансіи—непремѣнно крестьянъ. Затѣмъ они обратились къ намѣченному ими лицу съ просьбою объяснить значеніе Государственной Думы и „какъ будетъ насчетъ земли". Такимъ образомъ, вмѣсто предвыборнаго собранія, вышло нѣчто вродѣ лекціи. Всѣ старанія вызвать на разговоръ самихъ уполномоченныхъ были тщетны.

Послѣдующая подача записокъ и баллотировка шарами показали, между тѣмъ, всю необходимость не односторонней лекціи и совѣщанія на дворѣ, а именно предвыборнаго собранія—общаго, съ публичнымъ обмѣномъ мнѣній и съ взаимными опроверженіями однихъ взглядовъ другими. Когда пришлось писать записки, передъ всѣми—и крупными собственниками, и мелкими — сталъ неразрѣшимый вопросъ: кого писать? Для первыхъ писать имена только изъ своей среды было явно безцѣльно; а на чьихъ остановиться именахъ изъ уполномоченныхъ—неизвѣстно. Для вторыхъ имена желательныхъ и подходящихъ выборщиковъ были столь же неизвѣстны. Въ результатѣ абсолютное большинство голосовъ по запискамъ получилъ только одинъ кандидатъ. Началась баллотировка. Ящиковъ оказалось всего два, а число лицъ, предложенныхъ въ выборщики—64. Первый кандидатъ, имѣвшій 109 записокъ, конечно, прошелъ. За нимъ получилъ 77 шаровъ крестьянинъ, за котораго было подано 59 записокъ. Слѣдующій кандидатъ, при 46 запискахъ, получилъ 67 избирательныхъ шаровъ и 54 неизбирательныхъ. Потомъ выбранъ былъ еще одинъ 64 шарами противъ 57. Далѣе послѣдовательно были забаллотированы всѣ, получившіе отъ 12 до 38 записокъ. Время стало клониться къ вечеру и въ избирателяхъ почувствовалась усталость. Начались разговоры о томъ, что пора выборы кончить. Поставлены были на баллотировку два крестьянина, предложенные каждый восемью записками, и оба оказались избранными. Случайность ихъ избранія, полагаемъ, несомнѣнна. Еслибы они баллотировались ранѣе, то едва ли получили бы болѣе, чѣмъ по десятку шаровъ. А такъ какъ къ моменту ихъ баллотировки всѣ кандидаты съ двадцатью и

тридцатью записками уже стояли за конкурсомъ, и у избирателей остыла энергія для того, чтобы, пройдя весь списокъ предложенныхъ лицъ, вернуться къ потерпѣвшимъ неудачу при первомъ баллотированіи, то они и получили абсолютное большинство шаровъ. Очевидно, этимъ счастливцамъ помогла неравномѣрность шансовъ, всегда неизбѣжная, когда не всѣ предложенныя лица баллотируются одновременно. При каждой баллотировкѣ шарами должно обязательно сразу ставить столько ящиковъ, сколько предложено къ баллотировкѣ кандидатовъ. Только при этомъ условіи для всѣхъ получается равенство шансовъ.

На съѣздѣ уполномоченныхъ отъ волостей въ томъ же уѣздѣ случайность избранія была ничуть не меньшею. Въ тиши петербургскихъ канцелярій привыкли считать крестьянъ уѣзда и даже цѣлой губерніи чѣмъ-то единымъ, компактнымъ, слагающимся не изъ индивидуумовъ, а изъ сѣрой, безцвѣтной массы. Кого эта масса изъ себя выдѣлитъ и какъ она найдетъ въ своей средѣ истинныхъ выразителей ея идеаловъ—этимъ канцеляріи не интересуются. Только такимъ воззрѣніемъ можно объяснить распоряженіе о производствѣ выборовъ уполномоченныхъ, буквально, за сутки до дня съѣзда. Въ уѣздѣ—30 волостей, и собралось 60 уполномоченныхъ для избранія девяти выборщиковъ. Давно они между собой судили и рядили и пришли къ заключенію, что самое лучшее бросить жребій—по крайней мѣрѣ, никому не будетъ обидно. Отъ жеребьевки ихъ кое-какъ удалось отговорить. Но, отговаривая, приходилось выслушивать чрезвычайно вѣское возраженіе: „а кого выбирать, когда мы другъ друга не знаемъ?“ На запискахъ многіе написали по одной или по двѣ всего фамиліи—надо думать каждый писалъ себя и лично знакомыхъ. Голоса, конечно, раздробились. Баллотировать пришлось всѣхъ поголовно, и лишь по второму разу кое-какъ набралось нужное число выборщиковъ.

Что̀ именно заставляетъ крестьянъ стремиться пройти въ Думу самимъ и забаллотировывать „господъ“? Справедливость требуетъ сказать, что немалую роль играютъ въ этомъ десять рублей суточныхъ, полагающихся членамъ Думы. Среди крестьянъ суточныя въ такомъ, съ ихъ точки зрѣнія, колоссальномъ размѣрѣ еще съ осени были предметомъ самыхъ оживленныхъ толковъ. Слухи о нихъ росли и доросли до того, что будто бы по десяти рублей полагается и за дни выборовъ. Намъ доводилось видѣть не одного выборщика, спрашивавшаго по окончаніи баллотировки слѣдуемые ему десять рублей и уходившаго, послѣ отказа, искренно разочарованнымъ. Но, само собою разумѣется, было бы большой ошибкой объяснять явленіе цѣликомъ денежной приманкой. Корни его—въ сорокалѣтнемъ прошломъ. 19-ое февраля 1861 г. не могло сразу, вдругъ, заполнить пропасть

между рабовладѣльцами и рабами. Для ея заполненія нужны были многіе годы и многія реформы. Первые шаги на этомъ пути были, правда, сдѣланы — реформами судебной и земской. Но за первыми шагами не только не послѣдовали вторые, а, напротивъ, началось сплошное движеніе назадъ, если не въ смыслѣ возсозданія крѣпостной зависимости, то въ смыслѣ поддержанія сословныхъ различій и сословной розни. Откуда же могло явиться у крестьянъ довѣріе къ „господамъ"? Въ ихъ глазахъ всѣ люди, не занимающіеся физическимъ трудомъ, органически, такъ сказать, имъ чужды. Сами, по отсутствію умственнаго развитія и вслѣдствіе вѣчной борьбы съ нуждой, далекіе отъ всего отвлеченно-идейнаго, кромѣ области религіозной, они и въ другихъ всегда готовы заподозрить стремленіе къ торжеству классовыхъ интересовъ. Не даромъ послѣ 17 октября крестьяне говорили: „господа для себя получили конституцію, а почему же намъ ничего не дано"?..

Долго еще придется считаться съ роковыми ошибками эпохи реакціи! Много еще времени пройдетъ, прежде чѣмъ исчезнутъ „господа" и „мужики", и народится единый русскій свободный гражданинъ!.. Весьма печально будетъ, если и на окончательныхъ выборахъ крестьяне станутъ держаться той же политики. Дума, сплошь крестьянская, будетъ, въ лучшемъ случаѣ, собраніемъ живыхъ свидѣтелей того тупика, въ который уперлась деревня, и въ которомъ она безсильно бьется, ища выхода. Не только ей не удастся реализовать средства и способы разрѣшенія всѣхъ нашихъ бѣдъ въ формѣ законодательныхъ актовъ, но даже намѣтить эти средства ей будетъ не по силамъ. У деревни еще меньше готовыхъ политическихъ идеаловъ, чѣмъ у города. Съ другой стороны, хотя отрицательное отношеніе къ органамъ власти заложено въ крестьянахъ столь же прочно и глубоко, какъ и недовѣріе къ „господамъ", правительство, все-таки, при желаніи, всегда найдетъ множество способовъ сдѣлать крестьянскую Думу декоративнымъ украшеніемъ. Послѣ первыхъ результатовъ выборной кампаніи сановные администраторы уже стали усиленно поговаривать, что Россія царство мужицкое, и что чѣмъ больше пройдетъ въ Думу крестьянъ, тѣмъ будетъ правильнѣе и лучше...

Одновременно съ выборами въ Государственную Думу идутъ выборы въ Государственный Совѣтъ. Мы держимся того мнѣнія, что двухпалатная система представительства предпочтительнѣе однопалатной, но мы отнюдь не можемъ себя причислить къ сторонникамъ той искусственной комбинаціи идеи народнаго представительства, выражаемой Думой, и бюрократическаго начала, выражаемаго Совѣтомъ,

которую создалъ законъ 20 февраля. Это—не система, а сочетаніе несочетаемаго, ибо основной элементъ состава Совѣта суть члены по назначенію. Имъ, внѣ сомнѣнія, будетъ принадлежать руководящая роль, и они, столь же внѣ сомнѣнія, принесутъ въ новое учрежденіе традиціи того „высшаго въ государствѣ сословія", которое рѣдко когда грѣшило стойкостью убѣжденій и привыкло къ вершенію дѣлъ „вопреки" принятому имъ „мнѣнію".

Любопытна мелкая чёрточка, характеризующая отношеніе составителей закона о выборахъ въ Государственный Совѣтъ къ земству. Всѣ учрежденія—дворянскія общества, академія наукъ, совѣты университетовъ и совѣты торговли и мануфактуръ—производятъ избраніе выборщиковъ изъ своей среды, т.-е. каждый участникъ дворянскаго собранія, каждый академикъ и ординарный профессоръ университета или членъ совѣта торговли и мануфактуръ и т. п. можетъ пройти въ выборщики и за симъ въ члены Государственнаго Совѣта, если только онъ соотвѣтствуетъ общимъ условіямъ подданства, возрастнаго и образовательнаго ценза и неопороченности по суду. Для земскихъ же учрежденій установлено еще особое ограниченіе. „Каждое губернское земское собраніе,—говоритъ законъ,—выбираетъ по одному члену Государственнаго Совѣта изъ числа: а) лицъ, владѣющихъ въ губерніи, на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія, а въ отношеніи горнозаводскихъ дачъ также и на поссесіонномъ правѣ, не менѣе трехъ лѣтъ, пространствомъ обложенной сборомъ на земскія повинности земли, въ три раза превышающимъ количество земли, дающее право на непосредственное участіе въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ; и б) лицъ, владѣющихъ въ губерніи, на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія, а въ отношеніи горнозаводскихъ дачъ также и на поссесіонномъ правѣ, не менѣе того же трехлѣтняго срока, пространствомъ обложенной сборомъ на земскія повинности земли, дающимъ право на непосредственное участіе въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ, если лица сіи прослужили не менѣе двухъ выборныхъ сроковъ, въ должности губернскаго или уѣзднаго предводителя дворянства, предсѣдателя губернской или уѣздной земской управы, городского головы или почетнаго по выборамъ мирового судьи".

Такимъ образомъ, съ одной стороны, права земскихъ собраній нѣсколько шире: они могутъ избирать не только изъ своей среды. Но вмѣстѣ съ тѣмъ права ихъ и уже: изъ своей среды имъ предоставляется избирать лишь нѣкоторыхъ привилегированныхъ гласныхъ. Несовпаденіе по объему пассивнаго и активнаго избирательнаго права имѣло примѣры въ исторіи и, если намъ не измѣняетъ память, допускается нѣкоторыми изъ современныхъ конституцій. Поэтому

установленіе подобнаго порядка въ неземскихъ губерніяхъ, гдѣ избраніе производится не органами мѣстнаго самоуправленія, а спеціально образуемыми только для выборовъ съѣздами, еще не встрѣчаетъ неустранимыхъ возраженій. Порядокъ этотъ не встрѣтилъ бы такихъ возраженій даже въ приложеніи къ дворянскимъ собраніямъ, такъ какъ въ ихъ составъ входятъ дворяне губерніи не по уполномочію, а по личному праву. Въ приложеніи же къ губернскимъ земскимъ собраніямъ онъ не можетъ быть рѣшительно ничѣмъ оправданъ. Земское собраніе—постоянный органъ мѣстнаго самоуправленія, въ которомъ всѣ гласные одинаково полноправны и равноправны. Образуютъ собраніе не всѣ владѣльцы имущественнаго ценза; его образуютъ лица, прошедшія черезъ избраніе, и для участія въ собраніи губернскомъ—черезъ двойное. При такихъ условіяхъ, дѣленіе баллотирующихъ на привилегированныхъ и безправныхъ глубоко нарушаетъ достоинство баллотирующаго учрежденія. Намъ скажутъ, пожалуй, что подобнымъ образомъ производились по положенію 1864 г. выборы участковыхъ мировыхъ судей и теперь производятся выборы—почетныхъ. Но развѣ это оправданіе? Можно ли одной неправильностью, къ тому же меньшаго значенія, оправдывать другую, значенія неизмѣримо бо̀льшаго?

Еще одна чёрточка изъ закона 20-го февраля. Суточныя деньги для членовъ Государственнаго Совѣта опредѣлены въ размѣрѣ двадцати-пяти рублей. Зачѣмъ понадобилось увеличивать въ два съ половиной раза размѣръ, установленный для членовъ Думы? Неужели для того, чтобы у лицъ состоятельныхъ классовъ усилить жажду попасть въ Совѣтъ? Или, быть можетъ, этимъ думали поднять рангъ членовъ Совѣта надъ членами Думы?.. При избраніи выборщиковъ въ дворянскомъ собраніи намъ довелось слышать подробный разсчетъ разорившагося дворянина, не скрывавшаго мечты о двадцати-пятирублевыхъ суточныхъ, сколько изъ нихъ сложится тысячъ въ годъ...

Въ извѣстной рѣчи покойнаго Вл. С. Соловьева, которую онъ говорилъ въ тотъ моментъ, когда судьи по дѣлу 1-го марта 1881 г., закончивъ судебное слѣдствіе, совѣщались о приговорѣ, имъ была произнесена такая фраза: „смертная казнь претитъ духу русскаго народа". Затѣмъ, при гробовомъ молчаніи публики, наполнявшей залъ Кредитнаго Общества, Соловьевъ сказалъ: „судъ вынесетъ смертный приговоръ: судъ обязанъ это сдѣлать и не можетъ ничего сдѣлать другого... Но нашъ царь, носитель и выразитель идей русскаго народа—онъ долженъ даровать жизнь преступникамъ!.." Да, смертная казнь претитъ духу русскаго народа! Спеціальная и общая литера-

тура даетъ блестящее тому подтвержденіе. Въ то время, какъ на Западѣ и до сихъ поръ нѣтъ-нѣтъ и вдругъ раздастся голосъ теоретика въ оправданіе наказанія смертью, у насъ нельзя назвать ни одного сколько-нибудь замѣтнаго криминалиста, который бы не пытался вложить и свою лепту въ пользу скорѣйшаго уничтоженія этого жестокаго и ненужнаго наслѣдія варварства. А общая литература! Безчисленное множество разъ въ ней трактовался вопросъ о смертной казни и всегда въ одномъ направленіи... Въ устахъ Соловьева—принципіальнаго защитника царскаго абсолютизма — слова, обращенныя къ царю, имѣли глубокое внутреннее значеніе. Онъ не просилъ, не убѣждалъ; онъ говорилъ: „царь долженъ". Ибо все оправданіе абсолютизма, по Соловьеву — въ вѣрности олицетворенія царемъ народнаго духа. Положительный законъ, пока онъ существуетъ и не отмѣненъ, неподвиженъ и мертвъ. Самодержавный царь— и въ этомъ Соловьевъ видѣлъ значеніе идеи абсолютизма — стоитъ надъ закономъ, дабы творить живую правду...

Едва ли когда раньше вопросъ о смертной казни такъ волновалъ все русское общество, какъ въ теченіе первой половины минувшаго марта. Сначала общество съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдило за ходомъ очаковскаго процесса о лейтенантѣ Шмидтѣ. Затѣмъ, послѣ вердикта суда, оно уже не напряжено было—оно трепетало. „Повѣсятъ, или не повѣсятъ?"—стояло неотступнымъ мучительнымъ вопросомъ. Страстное желаніе, чтобы не повѣсили, заставляло надѣяться... Пришло извѣстіе: повѣшеніе замѣнено разстрѣляніемъ... И все-таки надежда продолжала копошиться... Телеграфъ оповѣстилъ: въ четыре часа утра, на островѣ Березани, Шмидтъ и три матроса разстрѣляны... Не будемъ спрашивать: за что? Не будемъ говорить, велико или нѣтъ совершенное Шмидтомъ преступленіе. Спросимъ: зачѣмъ? Какая цѣль достигнута лишеніемъ его жизни? Неужели за крѣпкими стѣнами и замкáми очаковскаго каземата онъ былъ опасенъ государству? Неужели государство настолько утратило силу, что не могло сдѣлать его безвреднымъ? Или, быть можетъ, онъ разстрѣлянъ для устрашенія возможныхъ будущихъ преступниковъ? Такъ вѣдь имя Шмидта отнынѣ окружено ореоломъ геройства и мученичества за свободу... Его посмертная слава развѣ можетъ устрашить? Развѣ она не манитъ къ себѣ?..

Въ смертной казни всего ужаснѣе ея безповоротность. Всего противнѣе—кровожадная мстительность могущественнаго государства тому, кто лишенъ уже возможности вредить...

Кромѣ дѣла Шмидта, приковывали къ себѣ вниманіе смертные приговоры за газетныя статьи въ Читѣ и дѣло несчастной Спиридоновой. Она тоже присуждена къ смерти, но военный судъ постано-

вилъ ходатайствовать о смягченіи наказанія. Спиридонову защищали защитникъ по назначенію—эсаулъ Филимоновъ и присяжный повѣренный Н. В. Тесленко. Первый закончилъ свою рѣчь слѣдующимъ обращеніемъ къ суду. „Гг. судьи, я такъ же, какъ и вы, выросъ въ военной средѣ, посвящающей всю свою жизнь военному дѣлу. Мы всѣ воспитаны въ сознаніи необходимости прямо и смѣло смотрѣть въ глаза смерти, а въ случаѣ необходимости причинять ее и другимъ. Но я такъ же, какъ и вы, твердо знаю, что рука честнаго воина даже въ пылу брани, въ самомъ горячемъ бою не опускается на голову женщины. Мы знаемъ, что военные люди женщинъ не убиваютъ. Вотъ почему я съ безпокойствомъ и трепетомъ смотрю на ваши лица, чтобы прочесть въ нихъ ваши намѣренія... Я хочу вѣрить и вѣрю, что ваши руки, предназначенныя для удара въ открытомъ честномъ бою, не подпишутъ смертнаго приговора этой несчастной дѣвушкѣ. Я вѣрю, что вы найдете законный исходъ изъ вашего тяжелаго, безотраднаго положенія. Исходъ этотъ подскажетъ вамъ ваша совѣсть, указаніе на него даетъ вамъ и законъ. Я же позволю себѣ обратиться къ вамъ, моимъ собратьямъ по оружію, съ горячей мольбой: не забывайте, подписывая приговоръ, что военные люди не убиваютъ женщинъ"... „Вы выслушали—сказалъ, между прочимъ, другой защитникъ—потрясающую повѣсть подсудимой о нечеловѣческихъ мученіяхъ, которымъ ее подвергали. Вы не усомнились въ правдивости ни одного ея слова. Да и нельзя сомнѣваться. Каждую пытку, каждый ударъ мучители занесли въ протоколъ, написанный на ея тѣлѣ и здѣсь на судѣ прочитанный врачомъ. Истязанія длились двѣнадцать часовъ. Обнаженную, ее держали въ холодной камерѣ, ногами перебрасывали изъ угла въ уголъ, топтали сапогами грудь, ступни ногъ, били нагайками, били по лицу, отрывали по волосу, отдирали кожу, разсѣченную нагайкой, гасили на тѣлѣ папиросы, приставали съ дикими, животными ласками. И она не назвала никого, ни разу не крикнула. Чтобы оцѣнить все безчеловѣчіе, весь ужасъ этихъ пытокъ, надо идти дальше застѣнковъ Ивана Грознаго и испанской инквизиціи, надо спуститься ко временамъ гунновъ и Тамерлана" [1]). Отъ себя добавимъ: у Спиридоновой отбиты легкія и, по свидѣтельству врача, ея организмъ уже охваченъ неизлечимымъ легочнымъ недугомъ...

Двѣнадцать часовъ истязаній и мученій!.. Въ Харбинѣ китайцевъ судятъ въ китайскомъ судѣ, по китайскимъ законамъ. Русскія власти не вмѣшиваются ни въ порядокъ производства суда, ни въ юридическую квалификацію дѣяній. Но пытки въ Харбинѣ не допускаются. Китайцамъ говорятъ: гдѣ, хотя фактически, владычествуютъ русскіе,

---

[1]) Заимствуемъ изъ корреспонденціи г. Владимірова, „Русь", № 60.

тамъ не можетъ быть пытокъ... Такъ говорятъ власти въ Харбинѣ. А что̀ ихъ агенты безнаказанно дѣлаютъ въ Россіи?!..

Въ газетахъ промелькнула какъ-то любопытная замѣтка: „среди владѣльцевъ петербургскихъ типографій обсуждается проектъ петиціи на Высочайшее имя о возстановленіи предварительной цензуры". Вполнѣ допускаемъ, что эта замѣтка—плодъ фантазіи иронизирующаго репортера. Но если бы и въ дѣйствительности среди типографщиковъ курсировала мысль о возвратѣ къ предварительной цензурѣ—въ этомъ не было бы ничего необычайнаго. У скольких изъ нихъ типографіи по недѣлямъ стояли запечатанными! Сколько ихъ разорено! Не будетъ ничего невѣроятнаго, если черезъ нѣсколько времени прочтемъ, что и редакторы газетъ просятъ вернуть цензуру.

Въ одной пьесѣ Островскаго есть такая сцена: къ городничему приведенъ обыватель. „Какъ тебя судить,—спрашиваетъ городничій,—по закону"? Обыватель замялся... „По закону?—такъ тащите законы", кричитъ городничій. Увидя принесенное страшилище въ образѣ груды толстыхъ книгъ, обыватель взмолился, чтобы его судили не по закону... Съ печатью всегда расправлялись не по закону — она была жалкая, ничтожная, но, все-таки, была. Вдругъ стали расправляться по закону— и черезъ четыре мѣсяца уже провидится ея исчезновеніе.

Жизнь „по закону" возможна лишь тогда, когда законъ соотвѣтствуетъ жизни. Иначе—она хуже беззаконнаго прозябанія по милости начальства. Допустимъ, что, наконецъ, правительство внемлетъ голосу всего общества, вспомнитъ обѣщаніе, данное 17-го октября, и отмѣнитъ правила усиленной и чрезвычайной охраны и военнаго положенія, но, дабы неповадно было совершать преступленія, издастъ краткій законъ: всѣмъ и за все полагается смертная казнь, или, во вниманіе къ уменьшающимъ вину обстоятельствамъ, какъ милость — каторга. Судебная расправа бьетъ нескоро, и, пока она не начнетъ бить, обыватели станутъ ликовать: мы—граждане, у насъ все по закону, безъ закона и суда ни урядникъ, ни губернаторъ, ни министръ, пальцемъ никого не могутъ тронуть... Повѣситъ судъ десятокъ гражданъ и сошлетъ въ каторгу сотню—всѣ взмолятся: подайте назадъ военное положеніе и охраны!..

Когда составлялось уголовное уложеніе, печать находилась подъ бдительнымъ надзоромъ цензуры, циркуляровъ и административныхъ распоряженій, и объ отношеніи къ ней карательныхъ опредѣленій новаго кодекса — мало кто думалъ. Прошло почти незамѣченнымъ, что единство и стройная красота юридической конструкціи превозмогли всѣ практическія соображенія, вслѣдствіе чего, напр., въ ст. 129,

оказались не различенными способы совершенія предусматриваемаго ею „возбужденія". Еще менѣе интересовались тогда авторы и редакторы тѣмъ, что, по мотивамъ закона, для признанія лица виновнымъ въ возбужденіи и для отправленія его въ ссылку или въ исправительный домъ съ лишеніемъ правъ (въ первомъ случаѣ правъ супружескихъ, родительскихъ и наслѣдственныхъ, не говоря уже о политическихъ) вовсе не требуется доказаннаго намѣренія возбудить другихъ къ совершенію бунтовщическихъ и т. п. дѣйствій, а достаточно сознательности поступка вообще. Все это упало на печать, какъ снѣгъ на голову. Петербургская судебная палата признала, что по дѣлу А. А. Суворина „не имѣется данныхъ, свидѣтельствующихъ, чтобы онъ помѣстилъ въ своей газетѣ („Русь") вышеуказанныя воззванія (резолюціи, заявленія и пр. союза союзовъ, совѣта рабочихъ депутатовъ и другихъ организацій) къ бунтовщическимъ дѣяніямъ съ прямою цѣлью возбуждать читателей къ вооруженному возстанію или къ сверженію существующей въ Россіи формы правленія", и, все-таки, вопреки точнаго смысла 129 ст., выраженнаго не въ мотивахъ, а въ ея текстѣ, подвела его дѣянія подъ это опредѣленіе. Только, въ видѣ особаго снисхожденія, А. А. Суворинъ, вмѣсто ссылки, приговоренъ на годъ въ крѣпость. Сенатъ оставилъ кассаціонную жалобу безъ послѣдствій, и приговоръ приведенъ въ исполненіе.

Тамъ же палата въ аналогичномъ дѣлѣ Л. В. Ходскаго усмотрѣла отсутствіе состава 129 ст., ибо признала доказаннымъ, что судившійся не только не имѣлъ намѣренія способствовать возбужденію читателей въ извѣстномъ направленіи, но, напротивъ, желалъ одновременно помѣстить опровергающую воззваніе статью, чего не сдѣлалъ лишь по обстоятельствамъ, отъ него независѣвшимъ. Но сенатъ, по протесту прокуратуры, приговоръ отмѣнилъ. Очевидно, что и Л. В. Ходскому, вслѣдъ за А. А. Суворинымъ, О. К. Нотовичемъ и г. Герценштейномъ, предстоитъ, по крайней мѣрѣ, годичное заключеніе въ крѣпости. Одинаковая участь ожидаетъ В. Г. Короленко, П. Н. Милюкова, І. В. Гессена и всѣхъ, уже привлеченныхъ. А затѣмъ начнется привлеченіе по 129 ст. за напечатаніе судебныхъ отчетовъ по политическимъ дѣламъ и т. д. Если сенатъ будетъ послѣдователенъ, то, пожалуй, предстоятъ процессы, по которымъ окажутся на скамьѣ подсудимыхъ оберъ-прокуроръ и оберъ-секретарь уголовнаго кассаціоннаго департамента. Вполнѣ сознательно они печатаютъ и распространяютъ рѣшенія не только по дѣламъ о возбужденіи къ бунту и измѣнѣ, но и о совершенныхъ бунтовщическихъ дѣйствіяхъ. А кто знаетъ, можетъ быть найдется такой чудакъ, который въ рѣшеніи не замѣтитъ вовсе кары, назначенной виновному, а прочтетъ одни инкриминированныя слова или описаніе совершенныхъ дѣйствій, и на котораго эти слова или

описаніе произведутъ такое впечатлѣніе, что онъ пойдетъ и станетъ бросать бомбы?..

Чрезвычайно мѣтко и сильно охарактеризовалъ нынѣшнее положеніе современной печати г. Герценштейнъ въ послѣднемъ словѣ, сказанномъ имъ при разсмотрѣніи его дѣла въ палатѣ („Русь", № 46): „Я ничего не понимаю. Объясните мнѣ, какимъ образомъ я виноватъ въ томъ, что серьезно отнесся къ докладу гр. Витте, къ резолюціи на немъ и къ категорическимъ словамъ манифеста! Объясните, почему я на скамьѣ подсудимыхъ? Объясните мнѣ, какое дѣло до этого, до меня и газеты охранному отдѣленію? Ко мнѣ приходятъ ночью, обыскиваютъ, перерываютъ весь домъ, арестуютъ—за что? Какое дѣло до меня и газеты жандармскому управленію?! Судъ не автоматическій аппаратъ для сѣченія, о которомъ мечтали нѣкоторые администраторы, и не гильотина, ножъ которой падаетъ на того, кого ей подложатъ. Судъ своими рѣшеніями толкуетъ и разъясняетъ законъ, практически его примѣняетъ, и я вправѣ ждать разъясненія: какимъ образомъ я могу быть виновенъ въ пользованіи свободой слова, если манифестъ 17 октября и резолюція Государя на упомянутомъ докладѣ не отмѣнены?! Нельзя же въ самомъ дѣлѣ понимать свободу слова, какъ понимала свободу критики одна красивая барышня, говорившая, что допускаетъ свободу критики въ предѣлахъ комплимента. Нѣтъ того деспотическаго правительства, которое не допускало бы свободы въ предѣлахъ комплимента, но, очевидно, не о такой свободѣ шла рѣчь и не за нее мы боролись"...

Заслуживаетъ особеннаго вниманія еще одно мѣсто изъ той же рѣчи. Ораторъ остановился на „стремленіи втягивать главу государства въ литературные процессы, которые буквально никакого, даже отдаленнѣйшаго отношенія къ этой власти не имѣютъ. Почему реакція отождествляется съ главой государства — мнѣ непонятно"... „Я долженъ сказать, что при всей рѣзкости борьбы, которую вело „Начало", какъ я, такъ и всѣ сотрудники, строжайшимъ образомъ соблюдали парламентскій принципъ – оставлять главу государства внѣ партійной борьбы и полемики. Я не хотѣлъ бы, гг. судьи, чтобы вы меня заподозрили въ желаніи смягчить свою участь выставленіемъ на показъ своей лояльности. Поэтому я приведу вамъ раціональныя тому основанія. Разъ у главы государства отрицается право все дѣлать, то, eo ipso, онъ не можетъ отвѣчать за все, и—наоборотъ—если онъ за все отвѣчаетъ, то, разумѣется, онъ долженъ имѣть право все дѣлать, всѣмъ распоряжаться. А этого мы, конечно, не желали. И я смѣло могу сказать, что мы, дѣятели „Начала", можемъ гордиться строгимъ и неуклоннымъ проведеніемъ этого принципа, и лишь незнакомствомъ еще нашей прокуратуры съ парламентарнымъ режимомъ я объясняю

столь легкое отношеніе къ этому принципу въ различныхъ процессахъ".

Приводимъ извѣщеніе, полученное подъ росписку о прочтеніи родителями учениковъ кронштадтской гимназіи и подписанное 10-мъ марта 1906 года: „По распоряженію г. коменданта кронштадтской крѣпости симъ доводится до свѣдѣнія родителей учениковъ кронштадтской гимназіи, что въ случаѣ кто-либо изъ учениковъ гимназіи позволитъ себѣ осуждать, порицать или оказывать неповиновеніе власти, какъ гимназической, такъ и всякой другой, какъ въ зданіи гимназіи, такъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, то тотъ классъ гимназіи, въ которомъ таковой ученикъ числится, будетъ немедленно закрытъ, и ученики будутъ лишены права держать экзамены, родители же виновнаго ученика будутъ подлежать административной отвѣтственности.—Директоръ гимназіи N."

Значитъ, если ученикъ кронштадтской гимназіи, на улицѣ, окажетъ неповиновеніе околоточному надзирателю, то всѣ его товарищи по классу будутъ лишены права учиться; если ученикъ въ классѣ не послушается учителя, родители ученика будутъ подлежать тремъ мѣсяцамъ ареста, или тремъ тысячамъ рублей штрафа, или высылкѣ изъ города... „Документъ" этотъ былъ напечатанъ 16 марта въ „Руси" (№ 58). Мы не рискнули бы его воспроизвести, если бы потомъ не видѣли собственными глазами подлиннаго экземпляра...

Въ текущемъ мѣсяцѣ скончался извѣстный драматургъ, подарившій немало пьесъ нашей сценѣ и пользовавшійся большою популярностью— В. А. Крыловъ; онъ подписывался обыкновенно однимъ именемъ и отчествомъ, что̀ составляло для него псевдонимъ: „Викторъ Александровъ". Онъ родился въ Москвѣ въ 1837 году и готовился къ службѣ по инженерной части, но скоро оставилъ ее и отдался весь литературному труду. Первая же его пьеса, драма изъ крѣпостного быта, „Противъ теченія" (1865 г.)—обратила на В. А. Крылова всеобщее вниманіе и открыла собою длинный рядъ (болѣе тридцати) пьесъ для сцены. Въ нашемъ журналѣ были помѣщены слѣдующія комедіи и драмы покойнаго: „Земцы", ком. (1868 г.); „Въ духѣ времени" (1877 г.); „Горе-злосчастье" (1872); „Не ко двору" (1883 г.); „Семья пришельцевъ" (1886 г.) и др. У насъ же былъ помѣщенъ, около сорока лѣтъ тому назадъ, въ 1868 году, его замѣчательный трудъ, превосходно выполненный,—это „Натанъ Мудрый", Лессинга, стихотворный переводъ. Упомянемъ также объ одной изъ его журнальныхъ статей, помѣщенной у насъ (1881 г.): „Драма страстей Господнихъ", ежегодно разыгрываемая въ Оберъ-Аммергау.

24-го марта, скончался Владиміръ Ивановичъ Лихачевъ (род. въ 1837 г.)—извѣстный въ свое время дѣятель городского самоуправленія въ Петербургѣ. Еще молодымъ человѣкомъ онъ вступилъ гласнымъ въ спб. городскую Думу, при дѣйствіи перваго городового Положенія 1846 года, и быстро выдвинулся впередъ своею дѣловитостью и ораторскимъ талантомъ. Гласнымъ онъ оставался и въ Думѣ, реформированной новымъ городовымъ Положеніемъ 1870 года, введеннымъ въ Петербургѣ въ 1873 году. Съ тѣхъ поръ В. И. принимаетъ дѣятельное участіе въ городскихъ исполнительныхъ коммиссіяхъ, то въ званіи члена, то предсѣдателя; особенно много потрудился онъ, какъ предсѣдатель коммиссіи общественнаго здравія; при немъ же поступили въ вѣдѣніе города больницы, и началось ихъ улучшеніе. Съ 1885 г. и по 1892 г., онъ былъ городскимъ головой. Значительную часть своей дѣятельности В. И. отдавалъ и судейской работѣ въ качествѣ члена и товарища предсѣдателя окружного суда, предсѣдателя столичнаго мирового съѣзда и, наконецъ, сенатора. Близкій другъ М. Е. Салтыкова, В. И. посвящалъ себя и литературнымъ трудамъ, въ качествѣ изслѣдователя и публициста, принималъ близкое участіе, какъ сотрудникъ, въ „Спб. Вѣдомостяхъ" подъ редакціей В. Ѳ. Корша; тридцать лѣтъ тому назадъ, въ 1876 г., онъ пріобрѣлъ, вмѣстѣ съ А. С. Суворинымъ, газету „Новое Время", но черезъ два года, въ 1878 г., отказался отъ участія въ ней. Въ „Вѣстникѣ Европы" В. И. сотрудничалъ еще въ самые первые годы этого изданія; такъ, въ первый же годъ изданія нашего журнала, въ 1866 г., онъ помѣстилъ статью, подготовлявшую его къ будущей городской дѣятельности: „О городскомъ общественномъ управленіи" (1866, III, 96, за подписью L.); въ 1867 г., I, 29 (L.): „Городское хозяйство и общественное управленіе г. Петербурга"; въ 1871 г., сент., статья: „Швейцарскія исправительныя колоніи". Въ 1873 г., когда началась реакція въ нашей судебной реформѣ, В. И. помѣстилъ у насъ критическую статью (іюль, 264 стр., за подписью: —ъ.), озаглавивъ ее: „Передѣлка судебныхъ уставовъ"; по поводу этой статьи, журналъ получилъ второе предостереженіе (авг., 432 стр.). Послѣднею его статьею въ журналѣ былъ некрологъ весьма извѣстнаго городского дѣятеля А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго (1882 г., февр., 876).

ИЗВѢЩЕНІЯ

I. — Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія.

Воззваніе Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая.

Къ пережитымъ нашею родиною бѣдствіямъ присоединилось новое: *неурожай*, отъ котораго пострадало слишкомъ 138 уѣздовъ въ 23 губерніяхъ съ населеніемъ около 25 милліоновъ, на пространствѣ въ 600 тысячъ квадратныхъ верстъ. Отъ лѣтней жары высохли хлѣба и травы въ центральной черноземной полосѣ, отъ чрезмѣрныхъ дождей вымокли поля во многихъ мѣстностяхъ сѣвера. Недоборъ въ 12 наиболѣе пострадавшихъ губерніяхъ превышаетъ полъ-милліарда пудовъ хлѣба. Населеніе этого района не можетъ покрыть свою нужду даже при содѣйствіи земства и правительства.

Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ населеніе дошло уже до такой грани, гдѣ кончается голодная жизнь и начинается голодная смерть. *Нѣтъ пищи, нѣтъ корма для скота, нѣтъ соломы на топливо.* Ожидаются цынга, голодный тифъ, холера, надвигается грозный призракъ чумы.

Вспомнимъ 1892 годъ, въ теченіе котораго отъ болѣзней, спутниковъ голода 1891 года, только въ губерніяхъ Европейской Россіи смертность противъ трехлѣтней средней увеличилась на 600.000 человѣкъ. *Нужна неотложная общественная помощь.* Только при сочувствіи общества народной нуждѣ могутъ быть собраны средства, необходимыя для изголодавшагося населенія.

Уже возникло съ этою цѣлью нѣсколько общественныхъ организацій. Но бѣдствіе такъ велико, что необходимо создавать новые и новые кружки, собирать новыя силы и средства.

Русское Общество охраненія народнаго здравія сочло своимъ долгомъ помочь голодающимъ и объединило для этой цѣли многія С.-Петербургскія Общества.

Въ твердой надеждѣ на общее сочувствіе *Соединенная Организація С.-Петербургскихъ Обществъ* обращается ко всѣмъ, въ комъ живо, въ комъ теплится чувство любви къ страждущему ближнему, *съ просьбою оказать посильную помощь*—и малая лепта отъ многихъ доброжелателей можетъ спасти голодающихъ.

Всѣ накладные расходы будутъ выполнены на средства Русскаго Общества охраненія народнаго здравія, а потому *каждая пожертвованная копѣйка найдетъ себѣ производительное употребленіе исключительно на нужды голодающихъ отъ неурожая.* Спѣшите помогать, ибо опасность—въ промедленіи.

Списки пожертвованій и отчеты будутъ публиковаться въ газетахъ и журналѣ Общества охраненія народнаго здравія; дѣятельность орга-

низаціи будетъ доступна самой широкой гласности и общественному контролю.

Для завѣдыванія всѣми дѣлами Соединенная Организація избрала *Исполнительный Комитетъ*: предсѣдатель прив.-доц. В. О. Губертъ, секретари: гражд. инж. С. В. Покровскій и д-ръ мед. Г. И. Дембо, казначей д-ръ Б. И. Хабловскій; члены—д-ръ мед. А. А. Владиміровъ, женщ.-врачъ З. Я. Ельцина, гражд. инж. В. В. Старостинъ и Вас. Ив. Покровскій.

Пожертвованія въ фондъ Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая принимаются:

а) въ Обществѣ охраненія народнаго здравія (Мойка, 85, у Синяго моста);

б) во всѣхъ соединенныхъ съ нимъ Обществахъ, а именно: 1) въ „Обществѣ архитекторовъ" (Мойка, 83); 2) въ „Обществѣ архитекторовъ-художниковъ" (Императорская Академія Художествъ); 3) въ „Обществѣ борьбы съ заразными болѣзнями" (Театральная ул., 3); 4) въ „Россійскомъ Ветеринарномъ Обществѣ" (Театральная ул., 1—3); 5) въ „С.-Петер. Врачебномъ Обществѣ взаимной помощи" (9 Рожд., № 18); 6) въ „Географическомъ Обществѣ" (Чернышевская площ., 2); 7) въ „Обществѣ гражданскихъ инженеровъ" (Серпуховская ул., 10); 8) въ „Обществѣ инженеръ-электротехниковъ" (Песочная ул., 5); 9) въ „Медицинскомъ Обществѣ" (Инженерная ул., 9); 10) въ „Обществѣ морскихъ врачей" (зданіе Адмиралтейства); 11) въ „Обществѣ нѣмецкихъ врачей" (Моховая, 38); 12) въ „Политехническомъ Обществѣ" (Мойка, 83); 13) въ „Обществѣ русскихъ врачей" (Б. Сампсоніевскій пр., 2); 14) въ „Собраніи экономистовъ" (Адмиралтейская наб., 4); 15) въ „Обществѣ содѣйствія русской промышленности и торговли" (Мойка, 83); 16) въ „Обществѣ С.-Петербургскихъ врачей" (Б. Конюшенная, 10); 17) въ „Обществѣ технологовъ" (Англійскій пр., 45).

II.—Отъ Общества вспомоществованія студентамъ Имп. Университета св. Владиміра.

Общество вспомоществованія студентамъ Университета св. Владиміра, вступая въ 24-й годъ своей дѣятельности, крайне озабочено недостаточностью денежныхъ средствъ и связанной съ этимъ печальной необходимостью сократить до минимума размѣры выдаваемыхъ студентамъ пособій.

Сокращеніе средствъ Общества послѣдовало главнымъ образомъ вслѣдствіе непонятнаго отношенія къ нему бывшихъ воспитанниковъ кіевскаго университета св. Владиміра, воспользовавшихся въ свое время матеріальной поддержкой Общества.

Къ сожалѣнію, очень многіе изъ этихъ лицъ, будучи уже вполнѣ матеріально обезпеченными, совершенно позабыли о своемъ долгѣ и тѣмъ заставляютъ Общество, въ настоящее, экономически тяжелое время, отказывать въ поддержкѣ ихъ младшимъ товарищамъ—питомцамъ родного имъ университета.

Состоящая при Обществѣ долговая коммиссія вполнѣ увѣрена, что

Книга четвертая. — Апрѣль. стр.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Г. Тардъ. Преступникъ и преступленіе. Перев. Е. Выставкиной, п. р. М. Гернета и съ предисловіемъ Н. Полянскаго. М. 1906.

Настоящій переводъ составляетъ всего двѣ главы изъ обширнаго труда извѣстнаго криминалиста-соціолога Габріеля Тарда: „La Philosophie pénale", и входитъ въ серію изданій, предпринимаемыхъ фирмою „Библіотека для самообразованія", съ цѣлью удовлетворить постоянно-усиливающееся въ нашемъ обществѣ стремленіе къ дальнѣйшему самообразованію, въ виду доступности у насъ для немногихъ средняго и высшаго образованія,—посредствомъ популяризаціи лучшихъ произведеній по разнымъ отраслямъ человѣческаго знанія. Имя Тарда получило широкую извѣстность еще со времени появленія въ свѣтъ его труда: „Les lois de l'imitation" (1890 г.), вскорѣ переведеннаго и на русскій языкъ. Но главнымъ произведеніемъ Тарда остается вышеупомянутое его сочиненіе, откуда, какъ мы замѣтили, извлечена въ переводѣ небольшая его часть. Собственно говоря, это былъ критическій разборъ теоріи его противника, итальянскаго криминалиста-антрополога Ломброзо. По ученію Тарда, главную цѣль наказанія составляетъ очищеніе общества отъ появившейся въ его средѣ порочности; затѣмъ слѣдуетъ устрашеніе; но всѣ карательныя мѣры должны быть направлены къ исправленію преступника... Въ области судебнаго процесса, Тардъ является рѣшительнымъ противникомъ суда присяжныхъ; по его мнѣнію, судъ долженъ быть въ рукахъ единыхъ спеціалистовъ, знакомыхъ съ физіологіею, психологіею и соціологіею. По справедливому замѣчанію автора предисловія, „Тардъ видитъ въ преступникѣ прежде всего профессіональный типъ, который находитъ себѣ объясненіе, главнымъ образомъ, въ общихъ законахъ подражанія и приспособленія; человѣкъ не рождается преступникомъ, а дѣлается такимъ, сначала поддаваясь заразительной силѣ примѣра и затѣмъ приспособляясь къ тому новому положенію, которое создается для него фактомъ совершеннаго имъ преступленія... Человѣкъ, по своеобразному воззрѣнію Тарда, только тогда вполнѣ виновенъ, когда въ глубинѣ души, въ силу тѣхъ понятій о добрѣ и злѣ, которыя воспитала въ немъ окружающая его среда, онъ самъ осуждаетъ содѣянное имъ"— Такъ какъ двѣ главы, заимствованныя изъ обширнаго труда, даютъ, тѣмъ не менѣе, цѣльное и ясное понятіе о взглядахъ Тарда на важнѣйшіе вопросы науки уголовнаго права, то настоящій ихъ переводъ можетъ быть съ пользою и съ интересомъ прочтенъ и не-спеціалистами.

Д-ръ Л. Котельманъ. Основы школьной гигіены. Перев. съ нѣм. Д. Корольвова, п. р., съ дополненіями и примѣчаніями доктора В. Игнатьева. М. 1906. Ц. 1 р. 75 к.

При весьма значительномъ развитіи у насъ школьнаго дѣла, преимущественно въ смыслѣ увеличенія числа школъ и учащихся въ нихъ, нельзя сказать, чтобы при этомъ росли вмѣстѣ съ тѣмъ и успѣхи школьной гигіены. Оригинальная литература этого важнаго предмета у насъ еще очень скудна, а потому должно быть признательнымъ за обстоятельный переводъ одного изъ самыхъ выдающихся въ Германіи и вмѣстѣ общедоступныхъ изданій, заключающаго въ себѣ всѣ главнѣйшія стороны школьной гигіены. Въ первой части изложена гигіена внѣшней обстановки школы: классъ, освѣщеніе, вентиляція, отопленіе и т. д.; но особенную важность представляетъ вторая часть, гдѣ говорится о гигіенѣ нервной системы учениковъ, органовъ ихъ чувствъ, даже органовъ голоса и рѣчи и всѣхъ другихъ частей тѣла. Въ концѣ книги помѣщенъ алфавитный указатель предметовъ и лицъ, что значительно облегчаетъ пользованіе изданіемъ, въ случаѣ необходимыхъ справокъ по тому или другому отдѣльному вопросу.

Философія Давида Юма. П. Д. Виноградова. Ч. I. М. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Ученіе шотландскаго философа Д. Юма не имѣло для себя, до настоящаго времени, въ нашей литературѣ спеціальнаго изслѣдованія, и только можно было встрѣтить въ журналахъ отдѣльныя статьи по поводу этого ученія и переводы нѣкоторыхъ изъ трудовъ Юма, въ томъ числѣ также и переводъ его „Автобіографіи", написанной имъ за четыре мѣсяца до смерти, въ 1776 году. Авторъ настоящаго труда задался цѣлью выяснить истинный характеръ скептицизма этого шотландскаго философа и опредѣлить мѣсто, которое занимаетъ его скептицизмъ въ ряду другихъ фактовъ исторіи философіи этого рода. Предпославъ хотя краткій, но, тѣмъ не менѣе, обстоятельный біографическій очеркъ, авторъ въ вышедшей нынѣ первой части своего изслѣдованія ограничивается одною теоретическою философіею Юма; во его объясненію, подъ этимъ слѣдуетъ разумѣть, главнымъ образомъ, гносеологію и нѣкоторые задачи метафизики, куда входитъ и теорія познанія.

Проф. Г. Челпановъ. Введеніе въ философію. Кіевъ, 1905. Ц. 2 р. 50 к.

Философія еще съ 1849 года у насъ въ загонѣ, и до сихъ поръ нельзя сказать, чтобы ея преподаваніе въ университетахъ стояло прочно. Соотвѣтственно тому, въ такомъ же незавидномъ положеніи находится и литература по философіи. А потому изданіе лекцій проф. Челпанова, читаемыхъ имъ въ кіевскомъ университетѣ съ 1895 года, кстати дополняетъ пробѣлъ въ области философіи у насъ.

По аграрному вопросу. Отрывочныя мысли. В. Гурко. Спб. 1906. Стр. 57. Ц. 30 к.

Авторъ настоящей брошюры стоитъ на той точкѣ зрѣнія, а именно, что дополнительное надѣленіе крестьянъ землею, какъ мѣра политическая, направленная къ успокоенію крестьянъ, на практикѣ достигнетъ лишь противоположныхъ результатовъ, а какъ мѣра экономическая, приведетъ къ полному уничтоженію крупной и средней земельной собственности; единственнымъ способомъ подъема благосостоянія сельскаго населенія авторъ считаетъ усиленіе производительности нашихъ земель, средство же къ тому видитъ въ мѣрахъ, направленныхъ къ болѣе соразмѣрному взаимоотношенію трехъ категорій земельныхъ владѣній—мелкихъ, среднихъ и крупныхъ. Вся брошюра посвящена подробному развитію именно этихъ тезисовъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ **1906** г.

(Сорокъ-первый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ: Январь	Іюль	По четвертямъ года: Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и въ іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія** годовой цѣны подписки.

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магазинѣ „Образованіе", Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжный Складъ" Н. П. Карбасникова.

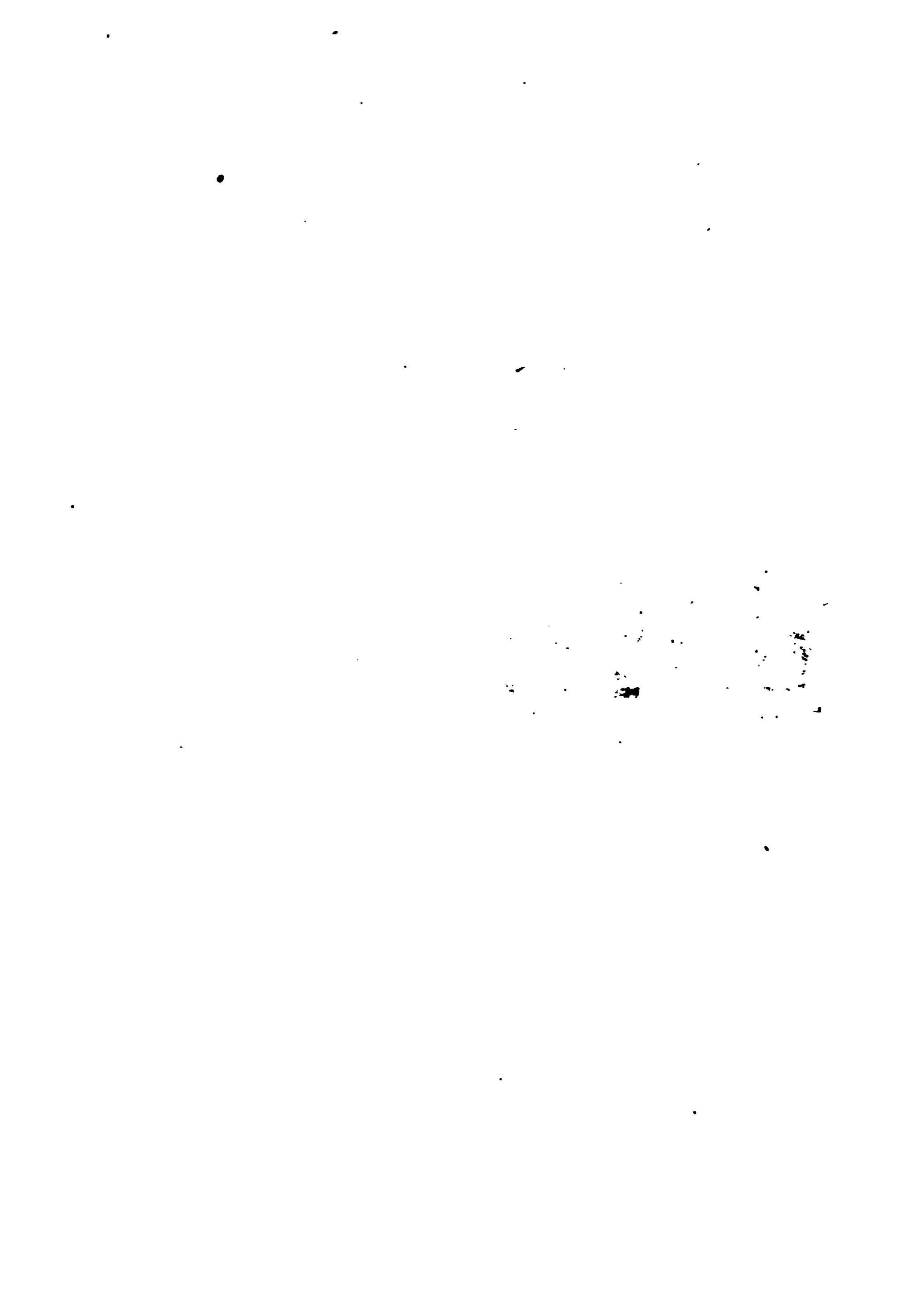
Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не *позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногороднихъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

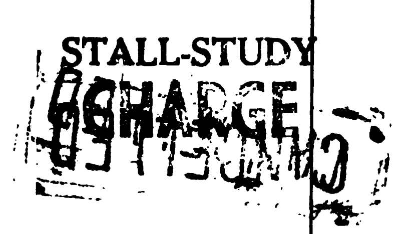
Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА: Вас. Остр., Академич. пер., 7.




STALL-STUDY
CHARGE